

С. Е. ШИЛОВ

РИТОРИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ ЧИСЛА

МОСКВА

Шилов Сергей Евгеньевич
Риторическая теория числа. — М.: ЛЕНАНД, 2013. — 800 с.

Особенность риторической теории числа среди историко-философских учений — создание нового (относительно логики) формализма мышления как математико-физического аппарата естествознания и в качестве математически детерминированной модели языка семиотических оснований науки, раскрытие новой сущности техники, рефлексия математико-физического знания через выявление его референтной направленности (интенции) на учение о бытии, в котором время рассматривается как язык бытия. В риторической теории числа осуществляется творческий синтез глоттогенеза, антропогенеза и космогенеза в доктрине субстанционального нерелятивистского времени, производящего событийное пространство.

Риторическая теория числа утверждает, что человеческий язык, веществуемый (материализующий) мир человека, — это часть языка бытия, субстанциональным планом содержания которого является время как субстанция, а планом выражения — пространствосозидание как веществуемая (материальная) функция субстанционального времени. Само время есть не что иное, как язык бытия, веществуемый Вселенную. Риторическая теория числа рассматривает физику природы как субстанционально-языковое вещевание (материализацию) Вселенной, для которого актуальна сила субстанционального времени, порождающая пространство и представляющая язык бытия. Фундаментальные взаимодействия суть тождества-различия в языке бытия, в субстанциональном времени как законе тождества-различия.

Научное издание

Главный редактор: *О. Г. Свиридова*

Редактор: *В. Карелин*

Художник: *А. Дроздов*

Текст опубликован в авторской редакции.

ООО «ЛЕНАНД».

117312, г. Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, д. 11А, стр. 11.

Формат 60×90/16. Печ. л. 50. Зак. №

Отпечатано в ООО «Чебоксарская типография №1».

428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 15.

ISBN 978-5-9710-0505-6

© С. Е. Шилов, 2012

12312 ID 165521

Все права защищены. Никакая часть настоящей книги не может быть воспроизведена или передана в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будь то электронные или механические, включая фотокопирование и запись на магнитный носитель, а также размещение в Интернете, если на то нет письменного разрешения владельца.

Как новорожденные младенцы, возлюбите чистое словесное молоко, дабы от него возрасти вам во спасение.

1 Петр 2:2

И всё же я настойчиво призываю вас не сводить глаз ни с одного умного парня — в Америке, в Англии, в России, на раскаленной земле обетованной, везде и повсюду. Последний прорыв человека, обезбоженного человека, в самое нутро вселенского интеллекта может произойти со дня на день. Мало кто это понимает.

А. Кацура. Наброски к теории чудес

Посвящения и выражения признательности

РТЧ как жизненно-философский, личностный проект человека среди других людей в современном мире

Посвящается:

- основателю Новой России, России свободы слова и свободы мысли, первому Президенту России **Борису Николаевичу Ельцину**;
- первому Государственному секретарю Российской Федерации **Геннадию Эдуардовичу Бурбулису**, основателю политософии, гуманитарно-правовой стратегии развития Новой России (от Беловежского консенсуса — к Конституционному консенсусу) и Школы политософии «Достоинство»;
- первому руководителю и основателю независимой Беларуси как национально-родовой земли Беловежского консенсуса народов новых независимых государств, профессору **Станиславу Станиславовичу Шушкевичу**.

Посвящается:

- первому Президенту СССР **Михаилу Сергеевичу Горбачеву**, основателю мировой парадигмы «нового мышления»;
- выдающемуся российскому общественно-политическом деятелю, мыслителю **Александру Николаевичу Яковлеву**.

Автор выражает огромную признательность **Александру Алексеевичу Дроздову**, исполнительному директору Президентского центра Б. Н. Ельцина, за неизменную личную поддержку и решающую помощь в издании этой книги.

Посвящается профессору **Александру Михайловичу Широкову**, создателю первого негосударственного высшего учебного заведения в бывшем СССР.

Посвящается: **Сергею Сергеевичу Аверинцеву**, основателю нового понимания риторики; **Вячеславу Семеновичу Степину**, лидеру советской философии науки и техники, которые были научными руководителями университетских студенческих работ автора на философском факультете МГУ; **Владимиру Александровичу Дунаеву**, чей курс истории античной философии произвел на автора в студенческие годы в Белорусском государственном университете (отделение философии исторического факультета) неизгладимое и поистине решающее впечатление.

I dedicate this book to **Deirdre McCloskey**, the author of the rhetorical theory of economics.

Автор благодарен:

Александрю Александровичу Котеневу, основателю доктрины подвижного баланса сущего и стратегии мирознания; **Юрию Ивановичу Боканю**, основателю гуманизма и витасофии; **Михаилу Борисовичу Плущевскому**, основателю стандартософии; **Константину Иоселиани**, основателю библиософии; **Дмитрию Николаевичу Савченко**, основателю креатологии; **Виктору Борисовичу Кудрину**, автору концепта гилетического числа, исследователю творчества А. Ф. Лосева; **Алексеем Нилову**, автору философии антиязыка и книгоиздательского проекта «Кто сегодня делает философию в России»; **Алексеем Алексеевичу Корнееву**, создателю числонавтики; выдающимся и уникальнейшим российским философам **Алексеем Шухову** и **Александрю Васильевичу Кацуре**; **Олегу Георгиевичу Бахтиярову**, основателю психонетики; **Валерию Николаевичу Умникову**, основателю доктрины социального комлементаризма; **Сергею Михайловичу Белозерову**, автору фундаментальной теории моделирования информации; **Дмитрию Жигалову**, автору оригинальной концепции инженерии знаний; **Алексеем Казанцеву**, основателю и организатору реализации стратегии здраворазвития (концепции инновационной социальной политики); **Владиславу Жигалову**, автору концепции «второй физики», организатору и прогрессору постнеклассической науки; **Михаилу Михайловичу Лобачеву**, автору концепта гуманитарно-аналитической экономики; **Вачагану Авакяну**, создателю научно-практической модели нового способа торговли; учредителям и основателям портала философских дискуссий «Другие»

— за незабываемое творческое сотрудничество, диалоги, смысловое взаимообогащение, духовно-практическую взаимопомощь.

Посвящаю своим родителям — заслуженному изобретателю СССР **Евгению Павловичу Шилову** и **Светлане Александровне Шиловой**, а также моей бабушке **Наталье Ильиничне Голубовской**.

Автор благодарен, прежде всего, **Алексее Владимировичу Фомину** и **Людмиле Анатольевне Фоминой** — за огромную помощь и поддержку, благодаря которой автор получил практическую возможность создать эту книгу.

Моему брату **Александру Шилову**, **Инессе Шиловой (Гуптор)**, племяннику **Артему Шилову**.

Памяти моего дорогого племянника **Максима Шилова**.

Автор глубочайше признателен выдающемуся израильскому подвижнику, философу и энциклопедисту **Александру Кобринскому** — за проявленное внимание к моим работам.

Автор признателен своим друзьям и коллегам-философам — **Арсену Меликяну**, **Дмитрию Королю**, **Дмитрию Кобринскому**, **Петру Дерибо**, **Александру Быковскому**, **Сергею Васильцову**, **Алексее Колику**, **Нелли Бекус**, **Жомарту Медеуову**, **Кириллу Крелю**, **Юрию Непомнящему**, **Юрию Баранчику**, **Сергею Юркевичу**, **Андрею Лаврухину**, **Владимиру Фурсу**, **Вячеславу Ретунскому** — за плодотворные философские диалоги в университетские годы.

Посвящается рок-кумиру нашей молодости — **Виктору Цою**, **Ивану Шаповалову**, создателю первого в Новой России конкурентоспособного в мировом масштабе медийно-креативного продукта.

Автор глубоко признателен **Владимиру Андреевичу Попову, Владиславу Софронову, Сергею Попову, Борису Михайловичу Банцеву, Сергею Петровичу Дьячку, Ольге Георгиевне Свиридовой, Владиславу Карелину, Хансу Виндеккеру, Алексею Сергеевичу Кленину, Арсену Керимбекову и Алие Егизбековой, Абдул-Хакиму Ахмедовичу Султыгову, Александру Сергеевичу Петровскому, Анатолию Строкову, Андрею Борисовичу Лапшову, Николаю Терентьеву, Михаилу Лепетову, Алексею Власову, Александру Кузьмичеву, Рустаму Калиеву** за интеллектуально-практическое сотрудничество, всестороннюю помощь и поддержку, оказанную ими автору в различных жизненных, общественно-практических и образовательно-исследовательских обстоятельствах.

Моим друзьям, от которых автор с благодарностью принимает постоянную интеллектуальную, практическую и нравственно-эмоциональную поддержку, нередко участвующим в авторских гуманитарных проектах и программах — **Андрею Севидову, Александру Шавалде, Игорю Воронько, Кириллу Ботячкову, Константину Загацкому, Марку Фениксу, Майклу Трейнору, Рустаму Золотареву, Гарри Киссу, Андрею Некрашевичу, Юрию Лежневичу, Михаилу Позднякову, Илье Городовичу, Александру Шаталову, Александру Терешину, Юрию Гуляеву, Антону Копытину, Антону Астахову, Александру Ушакову, Александру Кудрявцеву.**

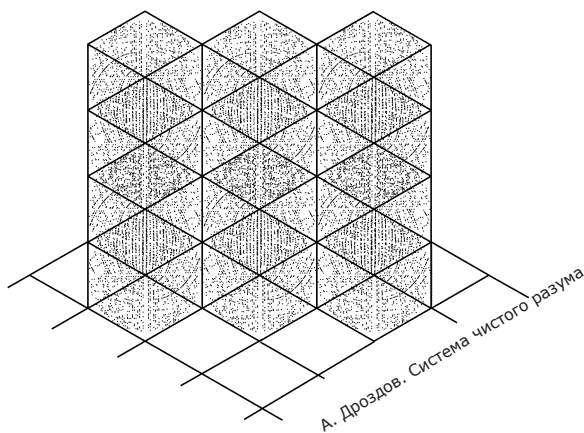
* * *

Автор рад тем, кто применяет и использует различные ртч-идеи в своих предметных областях, — прежде всего **Максиму Быкову** (моделирование деятельности мозга), украинскому поэту **Руслану Щербине** (продвижение РТЧ-поэтики), **Валентину Левину, Александру Лагутину** и **Дмитрию Лагутину** (информационно-коммуникационное благоустройство поселений — проект «Инфопоселение»), **Арсену Овсепяну** (моделирование торговой экономики), — и надеется, что круг теоретиков и практиков, использующих РТЧ, будет со временем расширяться.

Риторическая теория числа

Том 1

СИСТЕМА ЧИСТОГО РАЗУМА

Он (Декарт) и провел через всю свою философию одну странную, на первый взгляд, вещь, которая одновременно является онтологическим постулатом: тот, кто сможет в воодушевлении обнаженного момента истины, в этом стоянии один на один с миром хорошенько расспросить себя (что едва ли или почти невозможно), тот опишет всю Вселенную. Не в том смысле, что человек, как он есть эмпирически, — это Вселенная, а в том смысле, что если ты сможешь что-то в себе выспросить до конца, и у тебя хватит мужества, веря только этому, раскрутить это до последней ясности, то ты вытащишь и весь мир, как он есть на самом деле, и увидишь, какое место в его космическом целом действительно отведено предметам наших стремлений и восприятий. Повторяю, опишет Вселенную тот, кто сможет расспросить и описать себя.

М. Мамардашвили. Картезианские размышления

Хроника. Дефиниции Меганауки

Заметки на полях книги «Физика и философия»¹ В. Гейзенберга

1. Рефлексия физики

Первичным языком, который вырабатывают в процессе научного уяснения фактов, является в теоретической физике обычно язык математики, а именно — математическая схема, позволяющая физикам предсказывать результаты будущих экспериментов. Физик может довольствоваться тем, что он обладает математической схемой и знает, как можно ее применять для истолкования своих опытов.

...Можно ли, например, говорить о самом атоме? Это настолько же языковая, насколько и физическая проблема... Но определения могут быть даны, естественно, только с помощью других понятий, и в конце концов мы должны будем все-таки полагаться на некоторые понятия, которые принимаются так, как они есть, без анализа и определений...

...В теоретической физике мы пытаемся понять группы явлений, вводя математические символы, которые могут быть поставлены в соответствие некоторым фактам, а именно результатам измерений. Для символов мы находим имена, которые делают ясной их связь с измерением. Этим способом символы связываются, следовательно, с обыденным языком. Но затем символы связываются между собой с помощью строгой системы определений и аксиом, и, в конце концов, законы природы приобретают вид уравнений между символами. Бесконечное многообразие решений этих уравнений соответствует тогда бесконечному многообразию единичных явлений, возможных в данной области природы.

...Конечно, в процессе расширения наших научных знаний увеличивается и сфера применимости языка. Вводятся новые понятия, а старые начинают употребляться в новых областях в ином смысле, чем при их употреблении в обычном языке. Такие слова, как энергия, электричество, энтропия, представляют собой хорошо известные примеры. Так мы развиваем научный язык, который можно рассматривать, как естественное расширение обычного языка, пригодное для заново создающихся научных областей.

¹ В главе цитируется: *Гейзенберг В.* Физика и философия / Пер. с нем. И. А. Акчурина и Э. П. Андреева. — М.: Наука, 1989.

...Единственное, что прежде всего знают, это тот факт, что наши обычные понятия не могут быть применены к строению атома... Однако проблемы языка здесь приобретают значительно более серьезный характер. Мы хотим каким-то образом говорить о строении атома, а не только о наблюдаемых явлениях. Но на обычном языке мы не можем этого сделать. ...можно подчеркнуть, что понятие дополнительности, введенное Бором при истолковании квантовой теории, сделало для физиков более желательным использовать двузначный язык вместо однозначного и, следовательно, применять классические понятия несколько неточным образом, соответствующим соотношению неопределенностей, попеременно употребляя различные классические понятия. Если бы эти понятия использовались одновременно, то это привело бы к противоречиям. Поэтому, говоря о траекториях электронов, о волнах материи и плотности заряда, об энергии и импульсе и т. д., всегда следует сознавать тот факт, что эти понятия обладают только очень ограниченной областью применимости.

В. Гейзенберг

Физическое знание сегодня можно считать окончательно развернувшимся. Физические основы механики, основы молекулярной физики и термодинамика, электродинамика, колебательные и волновые процессы, квантовые свойства излучения, элементы квантовой оптики и атомной физики, элементы квантовых статистик и квантовой физики твердого тела, основы физики ядра и элементарных частиц, астрофизика, теория энтропии — есть развернувшееся пространство самореализации фундаментальной интенции некоторого первичного знания, именуемого «физикой». Наша позиция состоит в следующей оценке нынешней ситуации в физике: во всех разделах физики мы имеем дело с «непосредственным» физическим знанием, представлением физических процессов в их непосредственной форме осуществления, но никак не с выявлением причин, оснований настоящих процессов. Современная физика есть набор представленных формально физических процессов, когда все физическое знание есть во всей своей полноте исключительно «фиксация», выражение, «логотип», сама процессуальность физического процесса. Говоря определеннее, в современной физике мы имеем дело и в любом из ее «знаний» и аспектов встречаемся только с самими физическими процессами. В современной физике мы не имеем дела с основаниями физики. Вопрос об основаниях физики в среде самих физиков не ставится. Этот вопрос им представляется определенно разрешенным, как истинность представления физических процессов. «Раздел» современной физики есть представленный физический процесс. Ничего более «раздел» не содержит. Современная физика как простая совокупность «разделов»

физики существует в виде со-знания абсолютизации процессуальности физики. Настоящее сознание воплощено в языке физики. Безусловно, настоящий язык различает собственные понятия с формой их представления, с их языковой формой, но ограниченность этого языка как специального не позволяет рефлексировать основания, априорные формы самого языка физики. Настоящие основания есть нечто принципиально иное, чем собственно физические представления, иллюстрирующие язык физики. Современная физика табуирована таким фундаментальным ограничением мышления, как запрет дефиниций употребляемых в ней значений и понятий с точки зрения оснований языка физики. Современная физика разрешает себе иметь дело только со значениями как реальностями процессуальности. Дефиниция употребляемого в физике понятия, безусловно, не есть физический процесс, она не может конкурировать с конкретными исследованиями в разделах физики, посредством которых раскрывается процессуальность физического знания. Дефиниции употребляемых в физике понятий, с точки зрения физиков, некое излишество по отношению к непосредственности физических процессов. С точки зрения физиков, употребляемые в физике понятия дефинированы как значения в структуре представления физических процессов, а какая-либо иная дефиниция этих понятий не имеет серьезного отношения к истинной сути физического знания, в лучшем случае, лишь к теориям методологии и истории науки, имеющим скорее «библиографическое» значение. Однако здесь физики пропускают такое «простейшее» свойство знания, как рефлексию. Истинным, рациональным знанием является так называемое «опосредованное знание», знание причин, оснований «первичного знания» — самораскрывающегося исследователю физического процесса, образующего представление физического процесса. Совокупность «разделов» современной физики есть остановившаяся в своих пределах масса первичного знания, масса гипер-избыточная по отношению к фундаментальным проблемам физики. Первичного знания современной физики сверхдостаточно для разрешения фундаментальных проблем физики — общей теории поля (теории гравитации), проблем времени, энергии, теории Вселенной. Эти фундаментальные проблемы буквально погребены под завалами первичного знания. В разделах физики проделана уже почти вся необходимая формальная работа с физической процессуальностью как таковой. В то же время осмысление генезиса и структуры физических процессов как наука даже и не начиналась.

Предполагается, что проблематика генезиса и структуры физических процессов разрешается в надлежащем представлении самого физического процесса в физико-математической форме. Однако мы по-

лагаем, что проблематика генезиса и структуры физических процессов и основания языка физики есть одно и то же знание.

Таким образом, программа рефлексии физического знания состоит в последовательной дефинитивной обработке «разделов» физики, руководствующейся «вторичным» физическим знанием — знанием употребляемых в физике понятий.

Фундаментальным понятием, употребляемым в современной физике, но в ней до сих пор не осмысленным, является понятие времени. Суть понятия времени в современной физике сводится к его значению, к многообразию его значений. Вся проблема современной физики как фундаментальная проблема языка физики коренится в традиционной для всякого языка вообще проблеме рефлексии, проблеме разрыва между смыслом и значением понятия времени, между понятием времени, употребляемым в физике, но не выявленным, не раскрытым, и значением, значимостью времени в физике. Программа рефлексии физического знания состоит в физической и математической формализации понятия времени, которая придаст мощнейший импульс непосредственному знанию современной физики, выражающему значимость времени, возведет новое качество физической процессуальности, новое качество выразимости языка физики. Программа рефлексии современного физического знания рассматривает всю совокупность разделов современной физики как термино-логию. Под «термином» понимается здесь «определитель времени», то есть фиксация времени как физической процессуальности особого рода, с одной стороны, и раскрытие единственного смысла физической процессуальности как «явления времени», с другой стороны. Говоря яснее, как «определители времени» раскрываются для нас фундаментальные физические «термины» в программе рефлексии физики — «скорость», «ускорение», «импульс», «инерция», «энергия», «тепловое движение», «работа», «флуктуации», «электрическое поле», «электрический заряд», «электрический ток», «диэлектрик», «полупроводник», «плазма», «магнитное поле», «атом», «индукция», «колебания», «волны», «тепловое излучение», «фотон», «радиоактивность», «фундаментальные взаимодействия элементарных частиц». Таким образом, программа рефлексии физического знания переопределяет физическое понятие времени. Время как измерение физического процесса посредством рефлексии современной физики раскрывается как его единственная и основная сущность, причина, основание, генезис и структура.

Универсальный физический процесс раскрывается как непосредственный процесс времени. Время происходит не так, как показывают атомные часы (здесь речь идет лишь о значении времени), время само по себе происходит как «скорость», «ускорение», «импульс», «инерция»,

«энергия», «тепловое движение», «работа», «флуктуации», «электрическое поле», «электрический заряд», «электрический ток», «диэлектрик», «полупроводник», «плазма», «магнитное поле», «атом», «индукция», «колебания», «волны», «тепловое излучение», «фотон», «радиоактивность», «фундаментальные взаимодействия элементарных частиц». Время в своей непосредственности как фундаментальная реальность физики и раскрывается всей своей структурой в ее развитии и становлении как «скорость», «ускорение», «импульс», «инерция», «энергия», «тепловое движение», «работа», «флуктуации», «электрическое поле», «электрический заряд», «электрический ток», «диэлектрик», «полупроводник», «плазма», «магнитное поле», «атом», «индукция», «колебания», «волны», «тепловое излучение», «фотон», «радиоактивность», «фундаментальные взаимодействия элементарных частиц». Время это и есть та самая «материя» физических процессов. Современная физика в каждом из своих «разделов» имеет дело со временем, конкретное знание каждого раздела современной физики есть определенная формализация времени, суть представления того или иного физического процесса. Программа рефлексии современной физики состоит в дефиниции материи физических процессов как времени, когда результатом рефлексии современной физики станет меганаука, раскрывающая самодефиниции времени.

2. Разведывание истинных начал термодинамики. Дефиниция времени как «температуры атома»

Это применение языка во многих отношениях довольно удовлетворительно, напоминая подобное же употребление языка в повседневной жизни или в поэтическом творчестве. Мы констатируем, что ситуация дополнительности никоим образом не ограничена миром атома. Может быть, мы сталкиваемся с ней, когда размышляем о решении и о мотивах нашего решения или когда выбираем, наслаждаться ли музыкой или анализировать ее структуру. С другой стороны, если классические понятия применяются подобным образом, то они всегда сохраняют некоторую неопределенность; они приобретают в отношении реальности тот же самый статистический смысл, какой примерно получают понятия классического учения о теплоте при их статистической интерпретации. Поэтому здесь, возможно, полезно краткое обсуждение статистических понятий термодинамики.

Понятие «температура» выступает в классической теории теплоты как понятие, описывающее объективные черты реальности, объективное свойство материи. В повседневной жизни довольно легко определить с помощью термометра, что мы понимаем под утверждением, что некоторое тело имеет определенную температуру. Но если мы хотим определить, что могло бы означать по-

нятие "температура атома", то, даже если исходить при этом из понятий классической физики, мы все равно оказываемся в очень затруднительном положении. В самом деле, мы не можем понятие "температура атома" сопоставить с каким-нибудь разумно определенным свойством атома, а должны в известной степени связать его с недостаточностью наших знаний об атоме. Значение температуры может быть поставлено в связь с определенными значениями статистических ожиданий некоторых свойств атома, но есть основание сомневаться в том, следует ли называть такую величину статистического ожидания объективной. Понятие "температура атома" определено ненамного лучше, чем понятие "смесь" в истории о маленьком мальчике, покупавшем конфетную смесь.

Подобным же образом в квантовой теории все классические понятия, когда их применяют к атому, определены столь же расплывчато, как и понятие "температура атома", — они связаны со статистическими ожиданиями, только в редких случаях статистические ожидания могут почти граничить с достоверностью. Снова это подобно тому, как в классической теории теплоты затруднительно называть объективным статистическое ожидание. Можно было бы назвать его объективной тенденцией, "потенцией" в смысле философии Аристотеля. На самом деле я полагаю, что язык, употребляемый физиками, когда они говорят об атомных процессах, вызывает в их мышлении такие же представления, что и понятие "потенция". Так физики постепенно действительно привыкают рассматривать траектории электронов и подобные понятия не как реальность, а скорее, как разновидность "потенций". Язык, по крайней мере в определенной степени, уже приспособился к действительному положению вещей. Но он не является настолько точным языком, чтобы его можно было использовать для нормальных процессов логического вывода, этот язык вызывает в нашем мышлении образы, а одновременно с ними и чувство, что эти образы обладают недостаточно отчетливой связью с реальностью, что они отображают только тенденции стать действительностью.

...Неточность этого употребляемого физиками языка, заключенная в самой его сущности, привела к попыткам развить отличный от него точный язык, допускающий разумно определенные логические схемы в точном соответствии с математической схемой квантовой теории.

...Это понятие "состояния" представляло бы собой в таком случае первое определение квантовомеханической онтологии. Но тогда сразу же будет ясно, что употребление слова "состояние", особенно выражения "сосуществующее состояние", связано с онтологией, столь отличной от обычной материалистической онтологии, что можно сомневаться, целесообразно ли еще здесь применение такой терминологии. Если, с другой стороны, слово "состояние" понимать в том смысле, что оно обозначает скорее возможность, чем реальность, — можно даже просто заменить слово "состояние" словом "возможность", — то понятие "сосуществующие возможности" представляется вполне приемлемым, так как любая возможность

может включать другую возможность или пересекаться с другими возможностями.

...В экспериментах с атомными процессами мы имеем дело с вещами и фактами, которые столь же реальны, сколь реальны любые явления повседневной жизни. Но атомы или элементарные частицы реальны не в такой степени. Они образуют скорее мир тенденций или возможностей, чем мир вещей и фактов.

В. Гейзенберг

Современные физики рассуждают примерно так: «До возникновения термодинамики понятие времени отсутствовало в классической физике в том виде, в каком оно рассматривается в реальной жизни и в науках, изучающих процессы, протекающие во времени и имеющие свою историю. Хотя в качестве переменной время входит во все уравнения классической и квантовой механики, тем не менее оно не отражает внутренних изменений, которые происходят в системе. Именно поэтому в уравнениях физики его знак можно поменять на обратный, то есть относить его как к будущему, так и к прошлому. Положение существенно изменилось после того, как физика вплотную занялась изучением тепловых процессов, законы которых были сформулированы в классической термодинамике. Если прежняя динамика описывала движения тел под воздействием внешних сил, сознательно отвлекаясь от внутренних изменений, происходящих в механических системах, то термодинамика была вынуждена исследовать физические процессы при различных преобразованиях тепловой энергии».

Это рассуждение крайне показательное, и достаточно ограничиться серьезной рефлексией такого рода «концептов», чтобы выявить направление хронологизации современной физики. В действительности термодинамика лишь выявила ограниченность «первичного» процессуального физического знания и эту ограниченность законсервировала в своих постулатах.

То обстоятельство, что направление времени никак не учитывается в классической и квантовой механике (невзирая на вероятностный характер уравнений последней), есть как раз высшее достижение физического знания. Время выступает в качестве параметра, знак которого можно поменять на обратный. Если заданы начальное состояние системы, начальные координаты и импульсы и известны уравнения движения, то в механике можно вполне однозначно определить любое ее состояние как в будущем, так и в прошлом.

Новая механика, или Хроника, исходит из того, что для всех систем время обратимо. Обратимость времени для всех систем — как основоположение Хроники — является фундаментальным постулатом истинной теории систем.

Физики, а вслед за ними и все научное сообщество, просмотрели, что время для всех систем обратимо, не замечая, что в самой возможности своих терминологических конструкций, в константах физических процессов они сталкиваются просто-напросто с конкретной фактичностью обратимости времени в системах. Конструкция современной физики, построенная на необратимости времени, только потому и функционирует, что неявно опирается на отторгаемую исследователем область, в которой невозможное не только возможно, но и является единственно возможным условием возникновения возможных физических процессов. Возникновение возможных физических процессов — их существование во времени, из времени, для времени. Безусловно, при развитии Хроники в скором времени будут представлены собственно физические доказательства обратимости времени для всех (!) систем, но я утверждаю, что основные доказательства есть уже сегодня. Само состояние современного физического знания есть остановка перед очевидностью обратимости времени для всех систем, открыто данной во всех разделах современного физического знания.

Терминологические конструкции разделов физики, наличие «именных» констант физических процессов и есть конкретное выражение происхождения физического процесса как меры обратимости времени в системе. Современная физика остановилась перед надежно зафиксированным ею самой знанием о реальной обратимости времени. Современное развитие физического знания осуществляется с неявной предпосылкой об обратимости времени, которая только и делает возможной научные открытия, разработку новых направлений исследований и техники. Все реальные успехи современной физики, собственно, и доказывают основной постулат Хроники об обратимости времени для всех систем. Однако само физическое сознание, или самосознание, остается в плену архаических представлений, неспособно к решающей интерпретации и рефлексии собственных практических достижений, что препятствует переходу на новый уровень научной практики и техники.

Именно термодинамика, являющаяся оплотом идеи необратимости времени, должна быть разведена совершенно в ином качестве — в качестве феноменологии современной физики, основанной на четырех началах необратимости времени.

Критика современной физики с целью ее продвижения в сторону Хроники предполагает изначальную критику термодинамики, основанную на программе рефлексии современного физического знания.

Программа рефлексии физики не опровергает истинность разделов и положений современной физики, иногда возвышенно называемых законами (чаще всего «именными»), она лишь ограничивает их истинность рамками самих этих разделов, показывая время как реальную

область истинности физики, на которую неявно, имплицитно опираются все ее разделы. Для нашего исследования здесь наступает один из самых критических моментов. Непредвзятый исследователь, согласившись с доводами автора о необходимости рефлексии физического знания, выявления его структуры, под мощью авторитета современной физики скорее всего попытается отнести эти доводы на счет некоторых интересных идей в области развития методологии науки, современных концепций естествознания, но никак не основоположений Меганауки. Еще раз подчеркну, что в настоящем исследовании исследуется универсальная структура истинности физики, раскрываются ее основоположения в языке и терминологии физики.

Хроника дает физический ответ на вопрос, что есть время, время физики. Ответ на этот вопрос отсутствует в современной физике, и настоящая пустота заполняется околонучными концепциями пространства-времени и прочими терминологическими «испарениями». Сама физика должна определиться, какое понятие времени у нее работает, какую реальность времени познала физика, использует, но не может выразить. «Квантовомеханическая онтология», очищенная от гипотезы атомизма, раскрывает нам доматематическую сущность времени как сущность науки физики.

«Нулевое» начало Хроники раскрывает физическую реальность времени: «Время есть теплота. Теплота есть время».

Механическое время есть количество теплоты. Теплота есть механический эквивалент времени. Истинная физическая сущность, действие времени — изменение внутренней энергии при теплообмене.

Реальный измеритель физического времени — термометр. Реально измерить физическое время (t) — значит, измерить температуру (t).

Первое начало Хроники ограничивает действие закона сохранения и превращения энергии пространством и описывает реальную механику времени.

Первое начало Хроники (закон хронодинамики) раскрывает время как «вечный двигатель» первого рода, как устройство, универсальный процесс, способный совершать неограниченное количество работы без затрат топлива или каких-либо других материалов. Время располагает неограниченным запасом энергии. Время есть форма существования неограниченного запаса энергии, конкретно существующая бесконечность энергии.

Второе начало Хроники (закон хроностатики) раскрывает время как «вечный двигатель второго рода».

Время как состояние — это процесс, единственным результатом которого является изъятие тепла из резервуара. Состояние времени — это процесс, единственным результатом которого является превращение

тепла в работу при постоянной температуре. Используя соответствующий физический образ, можно сказать, что состояние времени — это самопроизвольное перетекание тепла от холодного тела к горячему.

На Втором начале Хроники основано действие Машины времени. Машина времени есть реальная структура природы, без существования которой было бы невозможно существование пространства как сферы действия закона сохранения и превращения энергии. Работа времени — это перевод теплоты от более холодной системы к более горячей при отсутствии других одновременных изменений в обеих системах или в окружающих телах.

Третье начало Хроники утверждает возможность охлаждения вещества до температуры абсолютного нуля и определяет такое состояние вещества как фундаментальное, раскрывающее временную природу вещества.

Соответствующему переосмыслению в хронике подвергается и центральное понятие термодинамики — энтропия. Энтропия реальной «замкнутой» системы, хроносистемы, постоянно убывает.

Хроносистемы эволюционируют в сторону увеличения в них порядка, организации, пока не достигнут точки хронодинамического равновесия, в которой они не различимы со временем самим по себе, являются самим временем.

Термодинамика впервые ввела в физику понятие времени как необратимого процесса возрастания энтропии в системе. В действительности же термодинамика выражала значение времени как структурообразующей реальности физических процессов. Окончательным актом рефлексии современного физического знания является взаимопределение времени и теплоты, «сращенность воедино беспредельного и предела» по Платону (диалог «Филеб», 16 С). Хроника позволяет рассматривать не специфицированные объекты разделов физики по отдельности либо в рационально-спекулятивной, ослабляющей практические возможности взаимосвязи, но унифицированные в хронологическом смысле хроносистемы, подчиняющиеся закону хроники, своими моментами, атрибутами и реальностями существующие (присутствующие) в пространстве в соответствии с современной физикой.

Всякая система есть хроносистема. Все системы современной физики, биологические системы, астрофизические системы, цивилизационные системы — хроносистемы. Все реальные системы антиэнтропийны. Энтропия Вселенной всегда убывает. Хронодинамическое равновесие соответствует минимуму энтропии.

Представления хроники имплицитно содержались в фундаментальных теоретических и прикладных открытиях физики, которые, собственно, и состояли в раскрытии «несокрытых по сути» феноменов

и принципов, воплощающих в приемлемой для научного сообщества форме проблематику хроники. Это обстоятельство привело ряд выдающихся исследователей истории и методологии науки к идее некоей теории открытий, так как было очевидно наличие определенной формальной логики в порождении научного знания. Реальные физические знания и технические достижения помимо их собственной самостоятельной ценности до сих пор не отрефлексированы, не осмыслены как знания о фундаментальных законах природы, которые, безусловно, «схватываются» в этих знаниях. Фундаментальные законы современной физики скорее следуют законам наращивания и организации физического знания и находятся в не менее фундаментальном противоречии с действительными законами Вселенной. Меганаука Хроники возникает в точке абсолютной противоречивости современной физики, полной заброшенности работы с основаниями физики на фоне мощного интеллектуального развития «разделов» физики, на фоне поразительных технотронных возможностей физики. Для создания Хроники требовалось «лишь» осмысление способов осуществления современного физического мышления, выявление тех скрытых физических знаний, которые реально, хотя и неявно, используются исследователями и первооткрывателями в «производстве» физических знаний и открытий. Тех физических знаний, которые в наибольшей степени являются явными и подтвержденными для исследователей.

3. Механика времени. Пространство математики. Закон простых чисел, как общая теория поля

«Все вещи суть числа» — положение, приписываемое Пифагору. Единственными математическими формами, известными в то время, являлись геометрические и стереометрические формы, подобные правильным телам и треугольникам, из которых образована их поверхность. В современной квантовой теории едва ли можно сомневаться в том, что элементарные частицы в конечном счете суть математические формы, только гораздо более сложной и абстрактной природы.

...Естествознание нового времени при своем зарождении в XVI и XVII веках сделало центральной проблемой проблему движения, следовательно, ввело в свое основание понятие времени. Неизменно со времен Ньютона в физике исследуются не конфигурации или геометрические формы, а динамические законы.

Уравнение движения относится к любому моменту времени, оно в этом смысле вечно, в то время как геометрические формы, например орбиты планет, изменяются. Поэтому математические формы, представляющие элементарные частицы, в конечном счете должны быть решением неизменного закона движения материи.

...В последующие годы развитие физики пришло к такому состоянию, что физики стали стремиться сформулировать основной закон для материи. Экспериментальная физика собрала большой материал о свойствах элементарных частиц и их превращений. Теоретическая физика может попытаться, исходя из этого материала, вывести основной закон для материи. Еще раньше был предложен простой вид этого уравнения материи. Хотя лишь в будущем выяснится, насколько верно это уравнение, все же эта первая попытка показывает такие черты физики и философии, которые с большой вероятностью могут быть установлены из изучения элементарных частиц, что, по крайней мере качественно, эта попытка здесь должна быть описана.

...В проблеме основного уравнения речь идет о нелинейном волновом математическом представлении всей материи, а не какого-либо определенного вида элементарных частиц или полей. Это волновое уравнение математически эквивалентно сложной системе интегральных уравнений, которые, как говорят математики, обладают собственными значениями и собственными решениями.

Собственные решения представляют элементарные частицы. Следовательно, они суть математические формы, которые заменяют правильные тела пифагорейцев.

Между прочим, здесь следует вспомнить, что собственные решения основного уравнения получаются посредством математической процедуры, с помощью которой из дифференциального уравнения натянутой струны выводятся гармонические колебания струны пифагорейцев.

...Математическая симметрия, играющая центральную роль в правильных телах платоновской философии, составляет ядро основного уравнения. Уравнение — только математическое представление всего ряда свойств симметрии, которые, конечно, не так наглядны, как платоновские тела. В современной физике речь идет о свойствах симметрии, которые соотносятся с пространством и временем и находят свое математическое выражение в теоретико-групповой структуре основного уравнения. Важнейшая группа — так называемая группа Лоренца в теории относительности — определяет структуру пространства и времени. Кроме того, имеются и другие группы, найденные только в последнее время и связанные с различными квантовыми числами элементарных частиц.

...Хотя само основное уравнение имеет очень простую форму, оно содержит большое количество различных свойств симметрии, и, по-видимому, богатый экспериментальный материал о превращении элементарных частиц точно соответствует этим свойствам симметрии.

...Следовательно, современная физика идет вперед по тому же пути, по которому шли Платон и пифагорейцы. Это развитие физики выглядит так, словно в конце его будет установлена очень простая формулировка закона природы, такая простая, какой ее надеялся видеть еще Платон. Трудно указать, какое-нибудь прочное основание для этой надежды на простоту, помимо того факта, что

до сих пор основные уравнения физики записывались простыми математическими формулами. Подобный факт согласуется с религией пифагорейцев, и многие физики в этом отношении разделяют их веру, однако до сих пор еще никто не дал действительно убедительного доказательства, что это должно быть именно так.

В. Гейзенберг

Хроника раскрывает проблему оснований математики следующим образом: математика есть чистая теория пространства. Если физическое время раскрывается как температура в своем подлинном физическом смысле, то проблема измерения в физике раскрывается как креативная функция пространства, как математика. Математика есть измерение физики.

Фундаментальным вопросом Хроники является вопрос об измерении времени.

Измерение времени и является единственной сущностью физического процесса как имеющего своей формой математическую форму. Измерение времени есть физика формул, стратегия универсализации «разделов» современной физики.

Пространство есть реальность, образующаяся как результат измерения времени. Измерение времени есть динамическая и статическая функции времени, есть функция времени. Измерение времени есть теория чисел. Измерение времени, обратимого, возвратного, многонаправленного, есть теория чисел.

Классическая термодинамика, законсервировав проблематику времени, привела к возникновению неравновесной термодинамики — статистической физики. Статистическая физика в рамках программы рефлексии физического знания может быть редуцирована к проблематике оснований математики. Программа Хроники вплотную подводит нас к разработке оснований математики как той области знания, где разрешаются основные проблемы физического знания.

Конкретнее, необходима программа рефлексии математики. Стратегия настоящей программы предполагает переопределение, или, яснее говоря, определение, дефиницию числа. Состояние математического знания характеризуется теми же проблемами, что и состояние физического знания. То же опережение развития «разделов» математики по отношению к состоянию разработки оснований математики. В действительности, современный симбиоз физики и математики приводит также и к радикальному переосмыслению употребляемых в математике базовых понятий, среди которых наиболее фундаментальное значение имеет понятие числа.

Число есть истинный основной предмет физического знания. Физика изучает число. Физика изучает эффекты, возникающие в связи

с существованием числа. Число есть форма существования времени в природе, в то время как температура есть содержание существования времени в природе. Число есть реальный объект физики. Число — волна и частица одновременно. Число есть реальный объект, элемент времени, вещь, предмет времени, который, с точки зрения исследователя, есть и волна, и частица. Число, таким образом, есть предмет, осуществляющий колебательные и волновые процессы. Число излучает. Проблема современной физики состоит в том, что не определен предмет, который осуществляет процессуальность физики, подробно и детально изученную в ее разделах. Хроника определяет этот предмет как число, число числового ряда, как конкретно существующий во времени, из времени, силой времени, предмет, который и обладает всем многообразием качеств, раскрытых в разделах современной физики.

Основоположение механики времени (хроники): число есть конкретный момент-результат произведения определенного количества пространства определенной силой времени. Такова формула числа. Форма существования числа есть колебание (гармонические колебания, механические гармонические колебания, свободные гармонические колебания в электрическом колебательном контуре, затухающие и вынужденные колебания).

Действительная теория чисел возникает как радикальная критика квантовой механики. Квантовая механика развивается как спекулятивное физическое знание вокруг истинного, но не осознаваемого предмета физического знания.

Квантовая физика ближе всех других разделов физики подошла к истинному, но не явному объекту современной физики — к числу. Но остановилась перед ним и порождает фантазмагорические конструкции «именных» кварков. Принцип неопределенности Гейзенберга, связанный с проблемой измеримости в физике, в своем последовательном продумывании означает именно разрабатываемое нами обстоятельство: единственный и основной объект всех разделов современной физики — число как таковое, его реальность, «поведение», закон (законы) его генезиса и структуры, взаимодействие чисел.

Нет никакой иной реальности современной физики во всей совокупности ее разделов, нежели число само по себе.

Действительный объект физики есть число. Хроника есть теория чисел. Разделам физики соответствует математический вид чисел. Нет ничего в конкретном разделе физики, кроме изучения конкретных свойств определенного вида чисел как хроносистем. Натуральные числа, целые числа, простые числа, дроби, положительные и отрицательные числа, рациональные числа и иррациональные числа и есть типы унификации хроносистем.

Пространство состоит из чисел. Одна реальная бесконечность числового ряда (счетная бесконечность) и есть пространство само по себе. Отношение реальных чисел есть дефиниция гравитации.

Одна реальная бесконечность числового ряда есть «поле». Бесконечный числовой ряд и есть консистенция «природы», он есть процесс времени как материи всякого опространствливания. Число, универсальное и конкретное, и есть реальность, скрывающееся под именем «тело» в классической механике. Только число и есть. Внутренние отношения числового ряда и образуют прозрачное пространство физики. Квантовая физика (механика) исчезает в теории чисел.

Новая теория чисел есть единая теория физических взаимодействий, в которой универсализируются различия объектов разделов физики. Число есть «скорость», «ускорение», «импульс», «инерция», «энергия», «тепловое движение», «работа», «флуктуации», «электрическое поле», «электрический заряд», «электрический ток», «диэлектрик», «полупроводник», «плазма», «магнитное поле», «атом», «индукция», «колебания», «волны», «тепловое излучение», «фотон», «радиоактивность», «фундаментальные взаимодействия элементарных частиц». Число есть изначальный предмет физики, совпадающий с сущностью математики. Число есть бытие времени в виде пространства. Линейное время t в формулах физики, являясь, безусловно, обрачиваемой переменной, тем не менее должно быть осмыслено как действительная функция, как результат преобразований. Даже в формуле скорости как отношения расстояния ко времени необходимо понимать, что производится в этом процессе именно время (хотя бы и линейное) и для этого требуются конкретные скорость и расстояние, образуются и становятся возможными в силу необходимости производства такого-то линейного количества времени.

Все физические эксперименты есть эксперименты «внутри» числового ряда, эксперименты с конкретными числами, эксперименты в области взаимодействия чисел, эксперименты, опирающиеся на реально бесконечность одного, но реально существующего числового ряда.

Общая теория чисел есть общая теория поля. Физическое поле есть бесконечный числовой ряд различных типов чисел. По той простой причине, что существуют различные по своей качественности (собственно числовой) числа — натуральные числа, целые числа, простые числа, дроби, положительные и отрицательные числа, рациональные числа и иррациональные числа. То есть числовой ряд вбирает в себя качественные различия физических процессов, присутствует прозрачностью и взаимо-обрачиваемостью всех физических процессов. Нет никакой природы, изучаемой физикой, кроме как числовой ряд сам по себе, единственный и бесконечный.

Само различие типов чисел есть действительная физическая реальность физических процессов, представленных в разделах современной физики. Различие типов чисел есть реальная форма различия физических взаимодействий и видов физической материи.

Формула общей теории поля есть закон простых чисел. Различные типы чисел есть та конкретная реальность, которая стоит за «типами материи», изучаемыми в разделах физики. Простые числа есть основание физических процессов — фундаментальная реальность, фиксирующая неразрывную, неделимую связь, сращенность времени и теплоты. Закон простых чисел есть простой факт существования бесконечного количества простых чисел, «тел-генераторов гравитации», который в традиционном математическом смысле есть не что иное, как эвристическое (показательное) доказательство теоремы Ферма. Математики говорят о Великой теореме Ферма так: «Не существует таких четырех чисел, которые удовлетворяли бы уравнению: $x^n + y^n = z^n$, где: $n > 2$, x , y , z — положительные целые числа. «Пытаясь решить проблему Великой теоремы Ферма, необходимо ответить на вопрос: “А что же мы, собственно, ищем?” Если мы говорим — случайные числовые совпадения, тогда нужно вычислять закономерности степенных числовых рядов в соответствии с общим числовым рядом. Но подобный подход не может дать принципиального ответа на вопрос: “А почему же все-таки нельзя разделить куб на два других куба, и вообще число в степени выше второй на два других числа той же степени?” Известно, что можно подыскать много пар целых чисел, сумма вторых степеней которых также есть вторая степень какого-нибудь целого числа. Но попробуйте подыскивать подобные же примеры для третьей степени. Вы не найдете ни одного! Полная неудача постигнет вас и при подыскании примера для четвертой, пятой и других высших степеней. В этом и состоит “великое предложение Ферма”².

Фундаментальная формула Хроники — формула пространства:

Великая теорема Ферма есть физическая формула пространства.

Пространство как конкретная бесконечность числового ряда организовано и подчинено Закону Великой теоремы Ферма. Доказательством Великой теоремы Ферма является конкретная бесконечность простых чисел числового ряда — Закон простых чисел. Закон простых чисел есть физическая формула времени.

Таким образом, фундаментальная формула Хроники (она же — формула общей теории поля) гласит: «Доказательство Великой теоре-

² Саверская С. Мое доказательство теоремы Ферма [Электронный ресурс] // Частный сайт «Территория семьи Саверских». — Режим доступа: <http://saversky.ru/books/matem/ferma.htm>, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.

мы Ферма есть закон простых чисел». Это фундаментальная формула механики времени.

Эта формула является математическим эквивалентом понятия времени «Теплота есть Время. Время есть Теплота».

Типы чисел отражают все многообразие физических процессов и являются изучаемой формой этого многообразия. Именно типы чисел, а не «именные законы», не мифические и архаические «силы» взаимодействий образуют априорную структуру всякого физического исследования.

Великая теорема Ферма раскрывает структуру действительно бесконечного числового ряда, генезис которого из времени раскрывается в факте существования бесконечного количества простых чисел. Делимость числа есть конкретная физическая сущность физического процесса. Неделимое, простое число является последним истинным объектом физики. Закон простых чисел, он же — содержательная структура Великой теоремы Ферма, и есть закон творения мира, природы в ее чистом, первозданном виде.

4. Следствия Хроники

Если теперь рассмотреть еще раз различные замкнутые системы понятий, которые были созданы в прошлом или, возможно, будут созданы в будущем с целью научных исследований, то примечательно, что эти системы располагаются, по-видимому, в направлении возрастания вклада субъективных элементов в систему понятий. Классическая физика может рассматриваться как идеализация, при которой мы говорим о мире как о чем-то полностью от нас самих не зависящем. ...в квантовой теории, человек выступает как субъект науки — благодаря тем вопросам, которые ставятся перед природой и которые должны быть сформулированы в априорных понятиях человеческого естествознания. Квантовая теория уже не допускает вполне объективного описания природы. В биологии для полноты картины важно иметь в виду, что вопросы формулируются биологическим видом «человек», который сам принадлежит к числу живых организмов, — другими словами, то, что мы уже знаем, что представляет собой жизнь, даже до того, как дали ей научное определение. Но, видимо, не следует подробно развивать чисто спекулятивные соображения о возможной структуре системы понятий, которая еще вовсе не построена.

В. Гейзенберг

В данной заключительной части основоположений Хроники речь, по сути дела, пойдет о некоторых следствиях рефлексии физики и математики. Хроника завершает начатую квантовой механикой пробле-

матизацию субъективных элементов современной физики. Настоящие элементы, будучи последовательно отрефлектированы, раскрывают солиптическую природу меганауки — произведение физического мира всей реальной бесконечностью числового ряда, выражающееся основным уравнением времени. Закон простых чисел, описанием (чистой дескрипцией) которого является теорема Ферма, тождественен форме времени. Таким образом, речь идет не о «повышении роли» наблюдателя, а об открытии «несокрытого» (непосредственной данности-заданности) «неизменного закона движения материи» (В. Гейзенберг), закона движения реальной бесконечности числового ряда.

Химия как проблема строения вещества в действительности исследует вещество числового ряда. Реальная бесконечность химических элементов как отрефлектированное понятие химии может перенаправить химическое мышление от стратегии синтеза элементов с заданными свойствами к опоре на всю бесконечность ряда химических элементов как на простое свойство времени. Химия есть простая конкретизации машины времени как деконструкции термодинамики и конструкции хроники соответственно. Строение вещества во многом является надуманной проблемой, поскольку в действительности числового ряда раскрыта вся реальность существующего. В законах и основоположениях числового ряда, согласно Хронике, содержится вся реальность материи.

Действительностью числового ряда материя и осуществляется. Основной закон Хроники: «Доказательство Великой теоремы Ферма есть закон простых чисел» — есть формула синтеза в химии веществ с заданными свойствами, есть, собственно говоря, любая и всякая формула. Ключевым следствием основоположений Хроники является теория иммунитета. Иммунитет — фундаментальная функция хроносистемы любого рода. Иммунитет — способ, при помощи которого система не только постоянно поддерживает себя на достаточно высоком уровне упорядоченности, но и развивается. Таким образом, иммунитет — это качество системы, делающее ее хроносистемой. Иммунитет — это физическое понятие, противоположное понятию энтропии. Иммунитет есть основное доказательство фундаментальных начал хроники. Теорию иммунитета в формальном виде раскрывает основной закон Хроники. Иммунитет — фундаментальное свойство хроносистемы.

Хроника изменяет взгляд на ресурсы. Многообразие ресурсов развития сводится к двум основаниям: энергия и деньги. Хроноэнергетика показывает тупиковость пути развития современной энергетики, отягощенной материалистичностью современной физики. Хроноэнергетика указывает путь опоры на свойства числового ряда, выражающие в своей действительности основные начала хроники. Хроноэнергетика

определяет особый путь развития сети (Интернета как окольного пути развития сети в частности) как основу доступа ко времени как к бесконечному источнику энергии, «вечному двигателю первого и второго рода». Хроноэнергетика и есть, собственно говоря, новая экономика, основанная на достаточности ресурсов. Деньги как ресурсы низших степеней уступят место изначальным источникам своей собственной природы. Двойная формула «время-деньги-время», «деньги-время-деньги» представляет существо новой экономики.

Хроника, таким образом, раскрывается как научное богодоказательство. Бог создал мир по закону: «Закон простых чисел есть доказательство Великой теоремы Ферма». Начала хроники, вытекающие из рефлексии физического знания, и основной закон хроники, закон произведения пространства временем, вытекающий из рефлексии математического знания как употребляемого в физике есть собственно научная истина, инвариантная имеющимся в наличии дефинициям о Боге, высшем разуме.

Исчисление простых чисел. Сущность математического

1. Феномен развития есть исчисление.
2. Универсальное исчисление в корне отлично от дифференциального, интегрального и иных аналитических исчислений.
3. Универсальное исчисление исходит из понятия (формулы) единицы.
4. Идея бесконечно малой величины, лежащая в основе современных частных исчислений, идея флюксии Ньютона-Лейбница, подлежит фундаментальной рефлексии.
5. Преобразования Лоренца, употребленные впервые Эйнштейном в качестве проекта нового, синтетического исчисления, представляют на деле стратегию поиска оснований теории чисел.
6. Теория множеств является дескрипцией, описанием теории чисел, что не тождественно экспликации оснований теории чисел.
7. Теория относительности Эйнштейна на деле выявляет числовые основания физических процессов.
8. Идея наблюдателя есть лексическое описание проекта синтетического исчисления.
9. В синтетическом исчислении измеримость тождественна исчислению, значение тождественно процессу, значение образует процесс, которого до значения не было в «природе», в действительности числового ряда.
10. Проблема современного научного знания, таким образом, — это проблема создания синтетического исчисления.
11. Основная операция синтетического исчисления — представление числа цифрой.
12. Представление числа цифрой есть результат рефлексии числа. Подобно тому как представление слова понятием (образом) есть результат рефлексии слова.
13. Рефлексия слова осуществляется посредством чтения письма. Рефлексия числа осуществляется посредством математизации физики.
14. Книга природы (физики) написана на языке математики (читается математикой). «Книга природы», Наука, таким образом, есть пред-

ставление, изложение, описание чисел цифрами. Подобно тому как книга есть представление, формализация слов буквами, лексическими и грамматическими формами.

15. Таким образом, теория чисел и есть, собственно говоря, универсальная теория природы.

16. Исчисление есть, таким образом, универсальный процесс природы (природа как процесс), Развитие, процесс, представленный в цифровой форме.

17. Представление числа цифрой есть фундаментальная технология исчисления, существо феноменологии развития, основание Техники как таковой. Так и представление слова образом (понятием) есть фундаментальная технология мышления, есть, собственно говоря, Рефлексия.

18. Раскроем существо, феномен представления числа цифрой. Такова и будет технология синтетического исчисления.

19. Феномен представления числа в истинной теории чисел раскрывается как феномен фундаментального различия чисел в современной теории чисел.

20. Фундаментальное различие чисел в современной теории чисел есть экспликация множества простых чисел. Так, фундаментальное различие слов в риторике есть, прежде всего, экспликация первичных понятий риторики.

21. Простое число есть возможность представления числа цифрой, а представленное в виде цифры оно есть реализация, результат представления числа цифрой, поскольку существуют числа, не представимые в виде конечной цифры-знака.

22. Фундаментальное положение синтетического исчисления есть, в самом безусловном и необходимом смысле, формула единицы.

23. Бесконечно малая величина аналитических исчислений есть, собственно говоря, также единица — как нечто одно, фиксируемое посредством анализа.

24. Формула единицы есть дефиниция единицы, так как само понятие формулы единицы есть результат рефлексии числа.

25. Поскольку формула единицы есть понятие языка науки, способа представления числа цифрой, то единица есть не что иное, как совокупность, множество простых чисел.

26. Множества простых чисел в действительности числового ряда и есть, собственно говоря, явления природы, измеримость которых тождественна их бытию во времени и в пространстве в качестве синтетического исчисления, исчисления, производящего числа.

27. Простое число есть истинный предел аналитических исчислений, зафиксированный в виде физических констант опосредованно.

28. Суть синтетического исчисления в единичном акте исчислимости, который может быть охарактеризован как измерение, производящее физический объект. Таким образом, суть синтетического исчисления — это различие множеств простых чисел на единицу множества, которая также есть конкретное множество простых чисел. Аналогично суть формирования риторики в диалоге — такое явление нового базового понятия (единицы смысла, осмысленности), не включенного в круг употребленных первичных понятий, которое (новое понятие) есть также совокупность первичных понятий.

29. Делимость как технология определения простого числа образует до конца не отрефлектированную сегодня сущность аналитических исчислений.

30. Деление есть путь цифры, энтропия как формальное представление о действительности числового ряда.

31. Таким образом, непосредственное правило определения простого числа посредством делимости есть генезис и структура физической реальности как результата рефлексии представимости числа цифрой.

32. Правило определения простого числа определяет механизм синтетического исчисления.

33. Правило определения простого числа есть одновременная делимость цифровых частей числа на делитель. В аспекте целочисленной делимости число образует две цифровые части, единство которых обусловлено его положением относительно своих (всех) простых чисел. Происходит работа делителя — одновременное деление «с двух сторон» (цифровых) числа.

34. Переход от аналитического исчисления к синтетическому выглядит в самой непосредственной форме как одновременность двух операций одного делителя в цифровой форме числа.

35. Последовательностью целых делителей число определяется как простое либо непростое, то есть вычисляется.

36. Число вычисляется в исчислении.

37. Вычисление числа есть определения качества числа.

38. В числовом двигателе число исчисляется.

39. Работа числового двигателя: происходит последовательное определение (вычисление) простых чисел.

40. Механизм определения простоты числа на основе делимости: делим первоначально делимое (для начальной последовательности делителей) цифровое начало числа на начальную последовательность делителей, взятых, умноженных на целое число до максимально целого значения цифрового начала числа, и смотрим — делится ли целым образом (без остатка) оставшаяся цифра числа на настоящий делитель, пока цифровое начало числа не будет меньше делителя.

41. Физический мир, таким образом, имеет цифровую форму.

42. Измерения времени в системе измерения числа тождественны измерениям пространства и представлены как цифровые формы: число цифр (и цифра) первой части числа (начальной цифровой формы), число цифр (и цифра) второй части числа (средней цифровой формы), число цифр (и цифра) третьей части числа (заключительной цифровой формы).

43. Измеримость физического мира — выражение начальной последовательности делителей в цифровом начале числа с одновременным выставлением отношения делителя к цифровому продолжению числа (целое, нецелое).

44. Основой аналитического исчисления является деление как фундаментальная операция теории чисел.

45. Деление есть структура представления числа цифрой.

46. Произведение же есть генезис представления числа в форме цифры.

47. Произведение есть четвертое измерение, измерение времени как четвертая операция теории чисел в отношении к триаде «деление — сумма — вычитание», образующей единое правило вычисления простого числа (доказательства его простоты).

48. Произведение есть дефиниция-рефлексия триады операций.

49. Произведение — значение генезиса числа.

50. Деление — значение структуры числа.

51. (1). Число в виде силы числа (значения числа) есть прежде всего квадрат цифры числа (первое произведение).

(2). Число в качестве единицы есть множество простых чисел.

(3). Простое число есть делитель целого непростого числа.

Таким образом, правило определения простого числа записывается в виде теоремы Ферма, которая при этом становится доказанной:

$x^n + y^n = z^n$, выполняется для целых x, y, z только при целых $n > 2$, а именно: квадрат цифры числа есть единичное множество простых чисел.

52. Суть теоремы Ферма: определение силы числа мощностью множества простых чисел.

53. Геометрия теоремы Ферма — взаимоконвертация пространства и времени в решении проблемы квадратуры круга: проблема квадратуры круга сводится, таким образом, к проблеме взаимоконвертации квадрата числа в конкретное множество простых чисел, имеющей «внешний вид» знаменитой ленты Мебиуса. Геометрия Евклида (недоказанность пятого постулата как непосредственное следствие недоопределенности точки, отсутствия рефлексии точки) и геометрия

Лобачевского (геометризация цифровой формы числа вне числа) вместе преодолены в геометрии теоремы Ферма. Центральный постулат геометрии теоремы Ферма — постулат точки, раскрываемый формулой единицы.

54. Таким образом, рефлексия следующих операций теории чисел на основе формулы единицы — возведения в степень, извлечения корня — приведет к созданию физической теории управления временем-пространством.

55. Число субстанционально, число есть как единица, имеющая силу числа. Репрезентант числа — простое число. Такова универсальная структура физического объекта, незавершенность рефлексии которого приводила к корпускулярно-волновому дуализму, к различию физики элементарных частиц и физики макромира.

56. Квантовое исчисление должно быть дорефлектировано в синтетическое исчисление, постоянная Планка выражает обнаружение в цифре силы числа. Излучение есть феномен представления числа цифрой, раскрываемый в формуле единицы в качестве разрешения парадокса физики абсолютно черного тела.

57. Формула единицы есть, таким образом, всеобщая теория поля.

58. Формула единицы выражает интеллектуальную сущность Вселенной, является основой концепции Вселенной как действительности действительных рядов действительных чисел.

59. Развитие Вселенное есть синтетическое исчисление, исчисление простых чисел, значимость которых образует предметность Вселенной.

60. Формула единицы доказывает, показывает силу Слова. Формула единицы есть устройство Вселенной в соответствии с принципом Слова, когда самооформление слова есть произведение бытия, Книги Бытия. Так, самооформление числа есть произведение природы, Книги Вселенной. Формула единицы, в самом безусловном и необходимом смысле, есть формула времени. Синтетическое исчисление есть форма риторики.

Риторика. Б.-г возвращается

1. Отношение к метафизике

Философия как наука наук, меганаука (Большая наука) — основной смысл мышления. Материалистическое Новое время превратило успехи естественных наук в фетиш, самодостаточную предметность, лишённую смыслопорождающих связей с существом мышления. Крупнейшие философские системы Нового времени ограничены безусловными пределами естественнонаучного знания и с большим трудом восстанавливают в мысли и тексте его небеспредпосылочность. Философские системы немецкой классической философии посвящены в действительности борьбе мышления с фетишизацией естественнонаучного знания, восстановлению мышления в правах, но не созданию системы мышления, рассматриваемой в качестве проекта «метафизики». «Критика чистого разума» Канта в этом смысле является усмотрением возможности системы самого мышления, способной вобрать (рас-творить, расширить) естественнонаучное знание в его собственных пределах. Система самого мышления — мыслительный идеал Канта, которым руководится его философия. Этот сокровенный момент в надлежащей степени был развернут Гегелем. «Наука логики», однако, — это своего рода поэтическое изложение системы мышления, это литература, мифологический эпос о системе мышления (чистого разума), который всегда будет вдохновлять почитателей мышления (философов), подобно гомеровскому эпосу. Гегель гипостазирует современный ему университет, всю галерею фетишей естественнонаучного знания, в конце концов, становясь ректором Берлинского университета и объявляя прусскую монархию «венцом творения». Идея о методе восстановления философии в правах, о восстановлении ее смыслопорождающей мыслительной силы была раскрыта Декартом как задача создания, экспликации мыслительной структуры богодоказательства, той самой интеллектуальной проблемы, что была логической основой символического универсума средневековой философии. Декарт, Кант и Гегель, таким образом, все еще являются скорее метафизиками, нежели мегаучеными, они все еще поклоняются физике, связаны с ней в аспекте зависимости. Все «остальное» философствование Нового времени и новой (новейшей) истории, оглушенное успехами естественных наук и

технического промышленного прогресса, возведенных в революционный принцип государственности, слепо по отношению к меганаучной природе философии и является иллюстрацией (нередко гротескной) такого специфического, характерного ослабления зрительного нерва философии, когда истинная природа философии воспринимается основателями «новых» систем в виде теней, следов, сполохов, фатума (сообразно знаменитому платоновскому мифу о пещере) — словом, чего-то непосредственно закрытого чем-то непосредственно существующим и дающего о себе знать со временем и во времени. Фундаментальный (онтологический) отказ от «чистого разума», последовательно разработанный Марксом, Ницше и Фрейдом, есть прямое выражение падения сознания в материалистическую эпоху, и по сей день образующее оковы прошлого века, сдерживающие существо века нового.

Декарт, Кант, Гегель, таким образом, наметили путь европейской цивилизации как поиск системы мышления, способной обеспечить ее устойчивое развитие через фундаментальный поиск «естественных законов разума». Для Маркса, Ницше и Фрейда, их зеркальных протагонистов, существовали только «естественные законы природы» (явно или косвенно схватываемые как абсолютное беспредпосылочное начало естественных наук); поиски же «естественных законов разума», а тем более положение об их изначальности, тесно связанное с идеей богодоказательства, были ими попораны со всей силой материалистической страсти этой эпохи. Власть разума как некоторая конвенциональная естественноисторическая гипотеза истории была сметена «чистой аксиомой природы» — властью самой по себе, абсолютной, действительной, реальной, породившей феномен идеологических диктаторов, стремящихся к мировому господству над «физической картиной мира». Мы и сегодня живем в марксовой («экономической») системе координат, в которой человеческое сознание формируется на неистовой ницшеанской критике чистого разума и управляется исключительно «подсознательно», вне-разумно (косвенно, по краям). Путанной, кричащей реакцией на такую действительность, но все-таки человеческим голосом, взыскующим разума, является экзистенциализм. Однако концепция «естественных законов природы» (сверхчеловеческой «человеческой природы» у Ницше), казавшаяся незыблемой опорой фундаментальных «критиков чистого разума», внезапно сама стала терять свою силу в собственных основаниях.

Новый импульс двойственного значения придал ей Эйнштейн: он положил начало создания концепции «неестественных законов природы», с одной стороны, и поставил проблему гносеологии в разряд фундаментальных естественнонаучных проблем, хотя и в аспекте релятивизма, с другой стороны. Наука сегодня сама, в последовательном

рациональном развитии собственных методов, знаний, экспериментальной практики, осознает небеспредпосылочность законов природы. Это осознание в виде определенного формального знания и приведет к выходу из тупика современной науки, гносеологического кризиса цивилизации, феноменологическая сущность которого выдающимся образом схвачена Гуссерлем. Определенные надежды в этом отношении подает история философии прошедшего века, продвигавшая классическую традицию философии разума, хотя и в неклассических формах, то и дело оступаясь в «критику чистого разума», а то и гипостазируя оную. Сквозной темой здесь стала философия языка. С одной стороны, философы языка подчинялись методу естественнонаучного знания, изучающего явление через его материальную основу, в данном случае — сознание через язык, но с другой стороны, философское «ремесло», по выражению Хайдеггера, как говорится, брало свое, и язык, в конечном счете, начинал осмысливаться как нечто не вполне материально-основное, противостоящее даже в рационализме собственных определений самой предметности естественнонаучного знания. Философы всего лишь последовательно и добросовестно продумывали язык, не проявляя меганаучных амбиций. Однако фундаментальная проблема «языка науки», поставленная лишь метафорически рядом философов и получившая поверхностное развитие в современной философии науки, так и не стала центром философских исследований. Философия была вытеснена «критиками чистого разума» в область «литературно-художественной критики чистого разума», где она, однако, сумела этот «чистый разум» найти и зафиксировать в семантико-семиотических определениях, что является важнейшим достоянием современного мышления. Но и по сей день философия воспринимает акт этого вытеснения чем-то вроде инициации, профессиональной идентификации «философского работника», системы институционализации философии в действительности. Таким образом, именно выявление, экспликация, высвечивание языка науки и раскрытие его как сущности меганауки, философии мышления (непосредственной системы мышления) есть стратегия философии, не подменяемая метафизикой, не опирающаяся на нее. Стратегия философии, завершающая становление философской мысли, отличной от средневековой философской мысли, другой по отношению к ней, той, которая не может быть только философией Нового времени, но и в самом безусловном и необходимом смысле должна быть философией Нового бытия. Проект Декарта-Канта-Гегеля «имеет-место-быть».

Русская философия литературы как осмысление сущности литературы, активно преодолевающее ее границы и раскрывающее ее гносеологическую функцию, является важным моментом, продвигающим

опыт философской художественно-литературной герменевтики как метода раскрытия языка науки, метода меганауки.

2. Язык науки

Негативная доктрина «критики метафизики», «захваченная» сущностью метафизики, должна уступить место доктрине философской экспликации «чистого языка науки». «Книга природы написана на языке математики» — основоположение естественнонаучной рефлексии. «Метафизика», собственно говоря, скрывает от нас саму Книгу, называемую нами «Книга природы». Книга, называемая нами «Книга природы», есть то, на основании чего возможна литература меганауки. Чистый язык науки, таким образом, никак не может быть языком отдельной науки математики.

Математика (дескриптивное бессловесное) лишь прокладывает путь чистому языку науки, формирует колею ценностей Книги, известной нам под именем «Книги природы». Чистый язык науки есть, в самом безусловном и необходимом смысле, чистый язык сам по себе, есть непосредственное определение риторики. Риторика — доктрина философской экспликации «чистого языка науки». «Законы природы» и являются основаниями, имплицитными положениями, формирующими истинность научного суждения; они суть способы актуализации письменности Книги, то есть письменности самой по себе.

Риторика здесь раскрывается как сфера истинности меганауки. Первичная «книжность» всякой книги, сама сущность категории книги раскрывается не иначе, как риторика, снимающая категориальность с самой письменности, значащая письменность как непрерывность времени. Чистый язык науки есть «чистая» риторика; язык меганауки, язык реальности — есть «чистый разум».

Язык науки как устное внутреннее слово мышления, образующее действительную форму мысли, не есть в своей изначальности язык понятий, но есть язык явлений мышления, мыслей, есть непрерывность смысла, именуемая, как именуется предмет, вещь, «риторикой». Так, Деррида «отрицает не интенциональность, референцию или самознание, но только метафизическое представление, что существует какого-либо рода непосредственный контакт Я с самим собой или с другим Я, или с его объектами взаимодействия вне царства знаков»³.

Сам Деррида ссылается на Ницше, Фрейдя и Хайдеггера, хотя и критикует их концепции как явно недостаточные для окончательной

³ *Caputo J. P. Radical hermeneutics: repetition, deconstruction and the hermeneutical project.* — Bloomington, 1987.

деконструкции метафизики: «...я, возможно, привел бы в качестве примера ницшеанскую критику метафизики, критику понятий бытия и знака (знака без наличествующей истины); фрейдовскую критику самоналичия, то есть критику самосознания, субъекта, самоидентичности и самообладания; хайдеггеровскую деструкцию метафизики, онто-геологии, определения бытия как наличия»⁴. Деррида находится на пороге открытия точки изначальной сходимости-расхождения (обладает этой точкой осмысленности в письме) проекта «критики чистого разума» Декарта-Канта-Гегеля и проекта «критики чистого разума» Маркса-Ницше-Фрейда; Деррида, с одной стороны, завершая срединный путь проекта «критики чистого разума» Гуссерля-Хайдеггера-Деррида, с другой стороны, предраскрывает тайну человеческого сознания в том, что оно, сознание, есть последовательный, окончательный, замкнутый солиптизм.

«Чистый разум» существует, эксплицируется и есть не что иное, как солиптизм, абсолютная система абсолютного солиптизма. Программа дефеноменологизации вызревает из деконструктивизма непосредственно, как вдруг оживает в горах ледник и начинает двигаться в неожиданное для всех, кроме него самого, время. Внутри «целостного человека», таким образом, расположена машина, некоторая техногенная, технопроизводящая сущность солиптизма. Невероятна плотность солиптического ядра сознания, в качестве мифа о которой можно рассматривать астрофизические штудии о «черных дырах», местах с абсолютными значениями гравитации. Солиптизм как естественная система сознания до сих пор не был открыт потому, что его поверхность имеет вид ленты Мебиуса, то есть движение по этой поверхности в акте всякого восприятия будет всегда движением в одной плоскости, в то время как происходит действительное движение, все движение во всех формах в целом.

Человек есть, прежде всего, естественный философ-солиптист, если давать второе определение человека после Аристотеля, вторую сущность определения Аристотеля, сущность политического, расположенного на поверхности животного.

Рассудок — это и есть машина солиптизма, что есть сущностный зрительный нерв философии Канта. Сам рассудок всегда уже имеет дело только с самим собой.

Слово выводит рассудок за собственные его пределы, образуя сферу мышления, абсолютную закрытую от рассудка. Риторика — то самое «царство божие», которое единственно «не от мира» солиптизма. Солиптизм интегрирует в себя действительность, реальность изначальную,

⁴ *Derrida J. Le parergon // Digraphe. No 3. — P., 1974.*

продуктом чего является всегда знак как множество знаков, но никогда не слово как множество слов. Понятие располагается, движется по поверхности знака, образуя значение как результат движения понятия, но ему не подняться в царство риторики на крыльях «логоса», не преодолеть солиптизм. Символизм также не способен преодолеть солиптизм, являясь его продуктом. Как происходит мышление внутри абсолютной плотности рассудка — вот центральная проблема, центральный эксперимент, перед которым остановилась современная наука. Постановка вопроса о языке науки как основании истинности научных суждений (теорий, экспериментов, устройств) есть вопрос о теории солиптизма. Теория солиптизма может быть раскрыта только с точки зрения риторики. Речь, прежде всего, идет о форме слова — в самом безусловном и необходимом смысле о формуле слова, которая покоится, пребывает над рассудком. Формула слова скрывается за известным из истории философии проектом логического богодоказательства. Логоцентризм изначально преодолен самим фактом образования непосредственности человеческого рассудка как формы солиптизма, иначе бы еще «безвидный Дух носился над пустой землей».

3. Число

Деррида критикует учение о «смысле бытия вообще, как наличия со всеми подопределениями, которые зависят от этой общей формы и которые организуют в ней свою систему и свою историческую связь (наличие вещи взгляду на нее как *eidos*, наличие как субстанция (сущность), существование (*ousia*), временное наличие как точка (*stigma*) данного мгновения или момента (*non*), наличие *cogito* самому себе, своему сознанию, своей субъективности, соналичие другого и себя, интерсубъективность как интенциональный феномен эго)»⁵. Феноменологическая редукция» самой феноменологии схватывает первичный акт солиптизма как число. Самоочевидность как свойство человеческого рассудка может и должна быть радикально переосмыслена в теории солиптизма. Элементом, единицей и одновременно субстанцией рассудка, формой мысли внутри рассудка, основанием и средством риторики рассудка является число. Собственно говоря, то, что является единицей рассудка, не может быть ничем иным, кроме как единицей самой по себе. Число есть объект теории солиптизма, техническая, технопроизводящая и техногенная сущность машины солиптизма. Рассудок, с другой стороны (но в той же плоскости) сообразно ленте Мебиуса, есть «маленький человек», образ русской литературы, который всегда есть

⁵ *Derrida J.* De la grammatologie. — P., 1967.

«часть человека», как это видно у Гоголя в повестях «Нос», «Шинель». Число есть в самом безусловном и необходимом смысле «то, что есть», «это», само слово «есть». Человек (рассудок) числит, исчисляет, вычисляет — когда мыслит, осмысливает, сознает. Таково человеческое измерение риторики — чистое исчисление, исчисление само по себе. Мир, естественно, не состоит из чисел, как риторика, естественно, не состоит из набора слов. Мир, как и риторика, вообще не состоит из чего бы то ни было, он даже не присутствует, наличествует или существует каким-либо образом, выводимым из солиптизма, он в самом безусловном и необходимом смысле есть время. Время есть «перводвигатель» естественной теории солиптизма, граница, объемлющая место солиптизма. Высшим пределом солиптизма может быть исключительно открытие формулы слова в виде формулы времени. Пространство солиптизма управляется формулой времени, образовано идеей времени, наполнено абсолютной плотностью мировой религии рассудка — мифом о живом кольце времени. Число рассудка есть формула, образующая форму слова человека. Время числа рассудка образует смысл человеческого слова. Число времени числа рассудка образует значение человеческого слова. Сам же рассудок есть имя для числа ничто. Понятие, таким образом, есть фикция, есть простое закрытие одного ничто другим, есть последовательность восприятия действительности числа, не имеющая отношения к действительности. Число может быть формализовано, «схвачено» только в риторике как тождество и различие двух величин — (1) тождества смысла и значения и (2) различия смысла и значения. Число, таким образом, есть дефиниция сама по себе, есть человеческое исчисление риторики. Научная теория, таким образом, есть человеческое измерение риторики, продукт человеческого исчисления риторики. Ничто располагается «между» числами таким образом, что снимает вопрос о составе мира, деконструирует вопрос о составе как таковой. Истинное понимание числа только и деконструирует проект метафизики, захватывая его горизонт. Число снимает проблему наличия, присутствия, представления в виде вопроса о числе, раскрывая присутствие как неделимость в присутствии делимости, как истину в присутствии атомизма.

4. Численность. О спасении структуры

Канон теории постструктурализма еще в значительной степени сращен с объектом своей критики — метафизикой. Новое понимание числа, риторическое меганаучное понимание позволяет не терять силы в борьбе с метафизикой, а двинуться дальше по пути действительно-го мышления. Теория риторики доводит до «риторического конца», до универсальной теоретической дефинитивной структуры базовые

идеи постструктурализма. Базовые идеи постструктурализма порождает опыт дефинирующего разума, герменевтико-гносеологический опыт числа. Идея децентрации структуры раскрывается как «экспериментальное» («онтологический опыт», по выражению Гадамера) самообнаружение солиптизма, фиксация числа как того герменевтико-гносеологического сдвига, который непременно образуется в ходе дефинитивного осмысления предметности (феноменологической редукции феноменологии), — в универсальном акте риторики, показывающем солиптизм. Идея «следа» по-следовательно раскрывается в солиптической теории значения. Критика многозначного понятия «наличие» и концепции «целостного человека», а также утверждение принципа «свободной игры мысли» и отрицание самой возможности существования какого-либо первоначала, «первопричины», «происхождения» любого феномена — все это находит свое выражение в солиптической теории смысла. Не понятие «центра структуры» определяет сам принцип «структурности структуры», но число само по себе, самим фактом невозможности своего неналичия, то есть посредством некоторого связанного времени, не только ориентирует и организует структуру, но и поощряет свободную игру элементов внутри целостной формы. Феномен логического богодоказательства, образующий существо метафизического проекта, недостаточно солиптичен — именно в этом основа краха проекта метафизики.

«Таким образом, всегда считалось, что центр, который уникален уже по определению, представляет собой в структуре именно то, что управляет этой структурой, в то же время само избегает структурности. Вот почему классическая мысль, занимающаяся проблемой структуры, могла бы сказать, что центр парадоксальным образом находится внутри структуры и вне ее. Центр находится в центре целостности и, однако, ей не принадлежит, эта целостность имеет свой центр где-то в другом месте. Центр не является центром»⁶. Структура всего лишь, всегда и прежде всего — часть системы. В риторическом переводе на язык меганауки это суждение дает дефиницию структуры. Структура есть число системы, есть форма существования системы во времени, форма существования пространства во времени, из времени, до и после времени, в специальном научном смысле — временной срез системы. Машина солиптизма работает на системной функции пространства, раскрываемой как численность. В системе есть также и, наряду со структурой, центр, «новый центр». Дефиниция «нового центра», в том смысле, что в неизмеряемый, но исчислимый момент времени структура всегда соотносится со всегда

⁶ *Derrida J. Structure, sign, and play in the discourse of human sciences // The structuralist controversy / Ed. by Macksey Ъ., Donato E. — Baltimore, 1972.*

новым центром, — есть время. Солиптизм и есть, в самом безусловном и необходимом смысле, система, система мышления, то, что скрывалось, защищалось проектом метафизики. Физический миф о солиптизме называет его, как «абсолютно черное тело». Ислам призывает прикоснуться к нему, как к священному камню в Мекке. Малевич пишет «Черный квадрат». И так далее. «Вся история концепции структуры ... может быть представлена как ряд субституций одного центра другим, как взаимосвязанная цепь определений этого центра. Последовательно и регулируемым образом центр получал различные формы и названия. История метафизики, как и история Запада, является историей этих метафор и метонимий. Ее матрица ... служит определением бытия как наличия во всех смыслах этого слова. Вполне возможно показать, что все эти названия связаны с фундаментальными понятиями, с первоначалами или с центром, который всегда обозначал константу наличия — эйдос, архе, телос, энергия, усия (сущность, субстанция, субъект), алетейя, трансцендентальность, сознание или совесть, Бог, человек и так далее»⁷. «Новый центр» — это центр риторики. В некоторых своих работах, в частности в «Голосе и феномене», Деррида рассматривает этот «центр» как «сознание», «*cogito*» или «феноменологический голос». Риторика производит последовательную дефеноменологизацию «голоса», раскрывая его как метод естественной теории солиптизма, теории естественных законов чистого разума, естественных законов природы чистого разума. «Голос» раскрывается как арифметика, возникающая на основе числа, по краям числа (интонация). Нет другой арифметики, кроме голоса, — нет другой теории числа. Универсальная эпистема западноевропейского мышления, характеризующая Деррида как «логоцентрическая метафизика», преодолевается Риторикой, которая редуцирует «текстуальность» к солиптизму, что ограничивает произвол интерпретации до порога отсутствия числа, то есть до невозможности настоящего произвола. Ничего не создается вне численности. Любой наблюдатель (гносеолог-солиптист) неизбежно находится «внутри числа», то есть в рамках определенно-го «исторического в смысле истории Времени» солиптизма. Риторика формирует математические начала космологии (астро-физико-математической теории Вселенной) ровно в той же степени, в какой образует арифметические начала физики элементарных частиц. Математика и физика — это в значительно большей степени голос, нежели риторика, имеющая дело со словами. Голос — это гносеология, познавательная функция рассудка. Голос спасает структуру, голос выводит из численности число, формирует произведения числа, структурирует жизненный мир солиптизма. Мир численности — новый мир, с которым непосред-

⁷ Там же.

ственно соприкасается голос риторики. Мир численности непосредственно производит «Книгу природы», категориальную структуру природы. Категория, являющаяся естественным произведением числа, образует отношение между структурой системы и «новым центром» системы — отношение численности. Солиптическая теория категорий снимает теорию множеств, снимает формальную и математическую логику в риторике. Универсальная теория систем воссоздается, прежде всего, как риторическая теория численности, раскрывающая действительное отношение числа и численности посредством времени. Время схватывается как универсальная структура численности, так как является естественной системой численности, проявляясь в виде «нового центра» численности. Голос времени (слово) раскрывает демиургическую (риторическую) функцию творения мира из численности посредством числа. Отношение числа к численности есть структура самого времени, «новый центр» которой (структуры) именуется «пространство». Численность, вообще говоря, всегда есть какая-нибудь формула.

5. Значение и смысл как число

«Знание того, что является категорией — что является языком, теорией языка как системы, наукой о языке в целом и так далее — было бы невозможно без возникновения четкого понятия категории вообще, понятия, главной задачей которого как раз и было проблематизировать эту простую оппозицию двух предполагаемых сущностей, таких как язык и мысль»⁸. Риторическая теория категорий раскрывает категорию как риторическую фигуру системы. Система же всегда есть солиптическая система. Риторика требует введения только двух категорий: категории значения и категории смысла. Значение и смысл, фиксируемые феноменологией, есть на деле «органы чувств» солиптизма — зрение и слух голоса, рассудок и ум голоса. Голос соотносится со временем в качестве числа. Голос образует телесность числа. Дефеноменологизация человека как стратегического феномена культуры (истории), как феномена письменной культуры раскрывает сознание человека в виде солиптической теории множества, в виде особого солиптического единства, выражаемого действительностью истинного числового ряда. Численность раскрывается в мире численности как смысл — и прежде всего как риторический смысл. Число раскрывается, выводится в мире численности как значение — и прежде всего как риторическое значение. Голос образует язык науки. Фактичность языка науки и есть, собственно говоря, мегана-

⁸ *Derrida J.* The supplement of copula: Philosophy before linguistics // Textual strategies: Perspectives in post-structuralist criticism / Ed. and with an introd. by Harari J. H.-L., 1980.

ука. Те или иные значения и смыслы определяются категориальным числом, местом категории в системе, характеризующим время (сущность) ее работы по образованию структурности структуры в каждый раз новом пространстве «нового центра». Категории чистого языка науки являются основоположениями меганауки, описывают число в виде системы солиптизма, располагающей солиптической структурой и новым (солиптическим) центром. «Категории являются и фигурами (skhemata), посредством которых бытие, собственно говоря, выражается настолько, насколько оно вообще может быть выражено через многочисленные искажения, во множестве тропов. Система категорий — это система способов конструирования бытия. Она соотносит проблематику аналогии бытия — во всей одновременности своей неоднозначности и однозначности — с проблематикой метафоры в целом. Аристотель открыто связывает их вместе, утверждая, что лучшая метафора устанавливается по аналогии с пропорциональностью»⁹. Мир метафоры, воспринимаемый постструктуралистами как «бесконечный, безграничный текст», на самом деле является таковым из сущности математического. Число есть голос (перво-акт, перво-жест) человеческого существа, первое слово солиптического сознания. Числом человек прикасается к миру, миру численности, вбирающему человека в себя как собственную поверхность и образующему его (человека) в виде памяти, движения по поверхности ленты Мебиуса, — образующему риторическую фигуру, нечто, «именуемое» человек. Риторический характер движения, характер работы категории, изображается движением по поверхности ленты Мебиуса в том смысле, в каком это движение всегда происходит в одной плоскости — в плоскости риторики. Греческий «внешний вид», телесность человека — это, прежде всего, риторическая фигура. Риторическая фигура образуется работой категорий, это своего рода скульптура числа. Движение риторических фигур, именуемое «память», является источником возникновения грамматики, чистой структурности структуры, «новым центром» которой выступает литература, вместе с которой они образуют письменность в качестве системы. Проблема происхождения грамматики может быть раскрыта на путях интерпретации языка науки, языка солиптизма как непосредственного языка, языка самого по себе, производящего язык человеческий (речь) в движении риторических фигур. Феномен грамматики является попыткой искусственного воспроизведения солиптической машины, фундаментальным припоминанием солиптической тайны рассудка. «Критика чистого разума» редуцируется к «критике способности суждения». Работа категорий производит пространство системы. Структура работы категорий образует простран-

⁹ Там же.

ственную систему. Число категории определяется «новым центром» в качестве времени числа категории. Работа двух категорий (категории значения и категории смысла) образует, собственно говоря, единицу. Значение единицы солиптизма есть истинное значение. Смысл единицы солиптизма есть истинный смысл. Вместе, в духе солиптизма, они образуют истину, истину суждения. Русское понимание истины сродни ощущению от знаменитого опыта с двумя соединяемыми металлическими полусферами, образующими сферу, из которой выкачивается воздух, и кои растащить не могут с десятков лошадиных сил.

6. Новое научное мышление

Новое научное мышление неизбежно станет краеугольным положением «риторической чувствительности», ее тезисом о неизбежности солиптичности всякого мышления, в которой философские, литературоведческие проблемы рассматриваются как неразрывно спаянные, скрепленные с актуальными научными проблемами риторической природой языка, как «сращенные воедино предел и беспредельное», по выражению Платона. Методика дерридеанского анализа философского текста не только вполне применима для анализа проблем современной науки, но и в результате риторико-рефлексивного преобразования (формализации) может образовать сущность фундаментальной программы рефлексии современного физико-математического знания. Основная проблема и трудность современного физико-математического знания состоит сегодня не столько в системном усложнении экспериментальной практики и образовавшемся «онтологическом застое» в области фундаментальной теории, сколько в проблеме отделения терминологии («научного письма») от продуктивной предметности (сущности техники, по выражению Хайдеггера) физико-математических наук. Если наука — всего лишь род терминологического письма, то тогда «задача уже определена: исследовать ... текст (*Деррида пишет здесь о философском тексте*. — С. III.) в его формальной структуре, его риторическую организацию, специфику и разнообразие его текстуальных типов, его модели экспозиции и порождения — за пределами того, что некогда называлось жанрами, — и, далее, пространство его мизансцен и его синтаксис, который не просто представляет собой артикуляцию его означаемых и их соотношенность с бытием или истиной, но также диспозицию его процедур и всего с ними связанного»¹⁰. Фундаментальная проблема современной науки — проблема времени — тогда раскрывается как проблема оснований языка науки, языка меганауки. Опыт дерридеанского ана-

¹⁰ *Derrida J. Marges — de la philosophie.* — P., 1972.

лиза современного физико-математического знания представлен в работах автора «Хроника. Дефиниции меганауки», «Исчисление простых чисел. Сущность математического». В дальнейшем изложении автор представляет некоторые результаты настоящих исследований.

7. Критика традиционной концепции знака и проблема термодинамики

Позиция структурной лингвистики о том, что «означающее НЕ-МОТИВИРОВАНО, то есть произвольно по отношению к данному означаемому, с которым у него нет в действительности никакой естественной связи»¹¹, в значительной степени опираясь на анализ Деррида, может быть распространена и на современное физико-математическое знание. Для нового понимания сущности научного термина выдающееся значение имеет вывод Деррида о том, что слово и обозначаемое им понятие, то есть слово и мысль, слово и смысл, никогда не могут быть одним и тем же, поскольку то, что обозначается, никогда не присутствует, не «наличествует» в знаке.

Научный термин в этом смысле является идеальным объектом деконструкции.

Вся проблема современной физики, как фундаментальная проблема языка физики коренится в традиционной для всякого языка вообще проблеме рефлексии, проблеме разрыва между смыслом и значением понятия времени, между понятием времени, употребляемым в физике, но не выявленным, не раскрытым, и значением, значимостью времени в физике. Программа рефлексии физического знания состоит в физической и математической формализации понятия времени, которая придаст мощнейший импульс непосредственному знанию современной физики, выражающему значимости времени, возведет новое качество физической процессуальности, новое качество выразимости языка физики. Программа рефлексии современного физического знания рассматривает всю совокупность разделов современной физики, как терминологию. Под «термином» понимается здесь «определитель времени», то есть фиксация времени как физической процессуальности особого рода, с одной стороны, и раскрытие единственного смысла физической процессуальности как «явления времени», с другой стороны. Говоря яснее, как «определители времени» раскрываются для нас фундаментальные физические «термины» в программе рефлексии физики: скорость, ускорение, импульс, инерция, энергия, тепловое движение, работа, флуктуации, электрическое поле, электрический заряд, электрический ток,

¹¹ Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. — М., 1977.

диэлектрик, полупроводник, плазма, магнитное поле, атом, индукция, электрический ток, колебания, волны, тепловое излучение, фотон, радиоактивность, фундаментальные взаимодействия элементарных частиц. Таким образом, программа рефлексии физического знания переопределяет физическое понятие времени. Время как измерение физического процесса посредством рефлексии современной физики раскрывается как его единственная и основная сущность, причина, основание, генезис и структура. Универсальный физический процесс раскрывается как непосредственный процесс времени. Время происходит не так, как показывают атомные часы (здесь речь идет лишь о значении времени), время само по себе происходит как «скорость», «ускорение», «импульс», «инерция», «энергия», «тепловое движение», «работа», «флуктуации», «электрическое поле», «электрический заряд», «электрический ток», «диэлектрик», «полупроводник», «плазма», «магнитное поле», «атом», «индукция», «электрический ток», «колебания», «волны», «тепловое излучение», «фотон», «радиоактивность», «фундаментальные взаимодействия элементарных частиц». Время в своей непосредственности как фундаментальная реальность физики и раскрывается всей своей структурой в ее развитии и становлении — как «скорость», «ускорение», «импульс», «инерция», «энергия», «тепловое движение», «работа», «флуктуации», «электрическое поле», «электрический заряд», «электрический ток», «диэлектрик», «полупроводник», «плазма», «магнитное поле», «атом», «индукция», «колебания», «волны», «тепловое излучение», «фотон», «радиоактивность», «фундаментальные взаимодействия элементарных частиц». Время это и есть та самая «материя» физических процессов. Современная физика в каждом из своих «разделов» имеет дело со временем, конкретное знание каждого раздела современной физики есть определенная формализация времени, суть представления того или иного физического процесса. Программа рефлексии современной физики состоит в дефиниции материи физических процессов как времени, когда результатом рефлексии современной физики станет меганаука, раскрывающая самодефиниции времени.

Важнейшее значение для рефлексии основы основ физического знания — термодинамики — имеет предположительное утверждение Деррида о том, что сама возможность понятия «знака» как указания на реальный предмет предполагает его, предмета, замещение знаком (в той системе различий, которую представляет собой язык) и зависит от отсрочки, от откладывания в будущее непосредственного «схватывания» сознанием этого предмета или представления о нем: «...смысл смысла (в самом общем понимании термина «смысл», а не в качестве его признака) является бесконечным подразумеванием? беспрестанной отсылкой от одного означающего к другому? Если его сила объясняется

лишь одной бесконечной сомнительностью, которая не дает означаемому ни передышки, ни покоя, а лишь только все время ... побуждает его к постоянному означиванию и разграничению/отсрочиванию?»¹²

Термодинамика в совокупности своих начал представляет собой реальную метафизику современного физического знания. Термодинамика образовалась как остановка науки перед осмыслением солиптической природы мышления. Современное физическое знание стоит сегодня, по сути, перед дилеммой: опровержение теории относительности Эйнштейна либо опровержение термодинамики, что является для современного физика более «сумасшедшим» предположением. Так, например, астрономические данные наблюдений света от квазара показали, что для того, чтобы свет от квазара достиг Земли, ему понадобилось около 10 млрд лет. При этом ключевая константа, характеризующая отношение световых фотонов и электронов на квазаре, изменилась. Другими словами, характеристики света, идущего от квазара до Земли, после 12 млрд лет не соответствуют тем, что предсказывает теория относительности. Это расхождение можно объяснить либо изменением электронного заряда (означает недействительность второго начала термодинамики), либо изменением скорости света (нарушение основного постулата теории относительности). Термодинамика закрывает собой от физики сущность времени. Время само по себе есть означающее, означаемое знаком «вечный двигатель», «перводвигатель» у Аристотеля. Деконструкция термодинамики, «логоцентризма» современной физики, открывает возможность создания чистого языка науки, меганауки.

«Логоцентричность» термодинамики выражается в концепции энтропии, сковывающей развитие современной науки. Для идеальной деконструкции понятия энтропии как структуры терминологии, как знаковой реальности физики употребимо понятие Деррида, условно переводимое как «различие» (*differance*), вносящее значение процессуальности, временного рассредоточения, отсрочки в будущее — в соответствии с двойным значением французского глагола *differer* — различать и отсрочивать. Деррида утверждает, что «различие» — это «систематическое порождение различий», «производство системы различий»¹³.

«Различие» есть феноменологическая сущность числа, оно есть «ноумен». Число есть предмет физического знания. Физика изучает число. Физика изучает эффекты, возникающие в связи с существованием числа. Число есть форма существования времени в природе. Число есть реальный объект физики. Число — волна и частица одновременно. Число есть реальный объект, элемент времени, вещь, предмет вре-

¹² *Derrida J. Positions.* — P., 1972.

¹³ Там же.

мени, который, с точки зрения исследователя, есть и волна, и частица. Число, таким образом, есть предмет, осуществляющий колебательные и волновые процессы. Число излучает. Проблема современной физики состоит в том, что не определен предмет, который осуществляет (подвержен) процессуальность физики, которая подробно и детально изучена в разделах физики. Этот предмет — число, число числового ряда как конкретно существующий во времени, из времени, силой времени предмет, который и обладает всем многообразием качеств, раскрытых в разделах современной физики. Действительная теория чисел возникает как радикальная критика квантовой механики. Квантовая механика развивается как спекулятивное физическое знание вокруг истинного, но не осознаваемого предмета физического знания. Квантовая физика ближе всех других разделов физики подошла к истинному, но не явному объекту современной физики — к числу. Но остановилась перед ним и порождает фантазмагорические конструкции. Принцип неопределенности Гейзенберга, связанный с проблемой измеримости в физике, в своем последовательном продумывании означает именно разрабатываемое нами обстоятельство: единственный и основной объект всех разделов современной физики — число как таковое, его реальность, «поведение», закон (законы) его генезиса и структуры, взаимодействие чисел. Нет никакой иной реальности современной физики во всей совокупности ее разделов, нежели число само по себе. Натуральные числа, целые числа, простые числа, дроби, положительные и отрицательные числа, рациональные числа и иррациональные числа и есть типы унификации систем. Пространство есть теория чисел. Одна реальная бесконечность числового ряда (счетная бесконечность) и есть пространство само по себе. Отношение реальных чисел есть дефиниция гравитации. Одна реальная бесконечность числового ряда есть «поле». Универсальная теория поля есть сущность референтного поля терминологии. Бесконечный числовой ряд и есть субстанция «природы», он есть процесс времени, как материи всякого осуществления. Число, универсальное и конкретное, и есть реальность, скрывающаяся под именем «тело» в классической механике. Внутренние отношения числового ряда и образуют прозрачное пространство физики. Квантовая физика (механика) исчезает в теории чисел. Новая теория чисел есть единая теория физических взаимодействий, в которой субстантивируются различия объектов разделов физики. Число есть «скорость», «ускорение», «импульс», «инерция», «энергия», «тепловое движение», «работа», «флуктуации», «электрическое поле», «электрический заряд», «электрический ток», «диэлектрик», «полупроводник», «плазма», «магнитное поле», «атом», «индукция», «электрический ток», «колебания», «волны», «тепловое излучение», «фотон», «радиоактивность», «фундаментальные взаимодействия элементарных частиц».

Число есть изначальный предмет физики, совпадающий с сущностью математики. Все физические эксперименты есть эксперименты «внутри» числового ряда, эксперименты с конкретными числами, эксперименты в области взаимодействия чисел, эксперименты, опирающиеся на реальную бесконечность одного, но реально существующего числового ряда. Общая теория чисел есть искомая «общая теория поля». Физическое поле есть бесконечный числовой ряд различных типов чисел по той простой причине, что существуют различные по своей качественности (собственно числовой) числа — натуральные числа, целые числа, простые числа, дроби, положительные и отрицательные числа, рациональные числа и иррациональные числа. То есть числовой ряд вбирает в себя качественные различия физических процессов, присутствует прозрачностью и оборачиваемостью всех физических процессов. Нет никакой природы, изучаемой физикой, кроме как: «это есть» числовой ряд сам по себе, единственный и бесконечный. «Через этот ряд последовательных дополнений проявляется закон: закон бесконечно взаимосвязанных рядов, неизбежно умножающий количество дополняющих опосредований, которые и порождают это ощущение той самой вещи, чье появление они все время задерживают: впечатление от самой этой вещи, ее непосредственность оказывается результатом вторичного восприятия. Все начинается с посредника»¹⁴. Само различие типов чисел есть действительная физическая реальность физических процессов, представленных в разделах современной физики. Различие типов чисел есть реальная форма различия физических взаимодействий и видов физической материи. «Различение» есть различение типов чисел в аспекте делимости, прежде всего. Таким образом, выполнено условие, в рамках которого Деррида прямо называет «дополнение» другим наименованием «различения»: «Концепция дополнения... совмещает в себе два значения, чье совместное сожительство столь же странно, как и необходимо. Дополнение, как таковое прибавляет себя к чему-то, т. е. является излишком, полнотой, обогащающей группу полноту, высшей степенью наличия...»¹⁵.

8. Формула единицы

Дальнейшее развитие позиции Деррида состоит в раскрытии солиптической природы «семиотического освоения» действительности. В структуре числового ряда оппозитивное различие (*difference*) заменяется различием (*differance*), сосуществованием множества не тождественных друг другу, но вполне равноправных смыслов. Оставляя

¹⁴ *Derrida J.* De la grammatologie. — P., 1967.

¹⁵ *Derrida J.* La dissemination. — P., 1972.

друг на друге «следы», то есть формируя значения, эти смыслы порождают само понятие о «новом центре», об абсолютном смысле времени. «След» есть, прежде всего, значение как результат исчисления. Необходим и возможен переход от семиотики к механике времени.

Этот переход намечен Декартом. Голос, являющийся проявлением числа, самой поверхностью, «корой реальности», по метафоре Гегеля, числа, и есть, в самом безусловном и необходимом смысле, то самое Я, которое звучит в знаменитом изречении Декарта: «Я мыслю, следовательно, я существую» (*Cogito ergo sum*). «*Cogito*» раскрывается Деррида как «трансцендентальное означаемое», как «классический центр», безответственно властвующий над структурой. Система чистого разума, структура которого идентифицируется в соответствии со структурой времени, возможна как «новый центр» — трансцендентное означающее, но никогда не означаемое. Таким образом, мы имеем дело с риторической структурой богодоказательства, деконструирующей семиотический атеизм современной науки, наличный в содержательной форме термодинамики.

Риторическая структура богодоказательства — это, прежде всего, последовательная дефеноменологизация «феноменологического голоса», который Деррида называет «голосом, взятым в феноменологическом смысле, речью в ее трансцендентальной плоти, дыханием интенциональной одушевленности, трансформирующей тело слова... в духовную телесность. Феноменологический голос и будет этой духовной плотью, которая продолжает говорить и наличествовать себе самой — ПРИСЛУШИВАТЬСЯ К СЕБЕ — в отсутствие мира»¹⁶. Раскрытие голоса как языка науки, речи в ее «трансцендентной плоти» как числовой структуры разума, выводящей солипсизм к «скорости света», к несокрытой тайне времени — это классическая структура западноевропейской метафизика. Так Ньютон создавал «Математические начала натурфилософии» для того, что именовалось натурфилософией, но уже тогда было физикой.

Риторическая структура богодоказательства — это, прежде всего, универсальное исчисление, исчисление само по себе. Универсальное исчисление, исчисляющая риторика, в корне отлична от дифференциального, интегрального и иных аналитических исчислений. Универсальное исчисление исходит из понятия (формулы) единицы. Идея бесконечно малой величины, лежащая в основе современных частных исчислений, идея флюксии Ньютона-Лейбница, подлежит фундаментальной рефлексии. Исчисление бесконечно малых должно смениться исчислением в отсутствии первоначала, в отсутствии единицы исчисления, проект которого может быть выражен словами Деррида о том, что: «... никогда

¹⁶ *Derrida J.* Speech and phenomena and other essays on Husserl's theory of signs. — Evanston, 1973.

ничего не существовало кроме письма, никогда ничего не было кроме дополнений и замещающих обозначений, способных возникнуть лишь только в цепи дифференцированных референций. «Реальное» вторгается и дополняется, приобретает смысл только от следа или апелляции к дополнению. И так далее до бесконечности, поскольку то, что мы прочли в тексте: абсолютное наличие. Природа, то, что именуется такими словами, как «настоящая мать» и т. д., — уже навсегда ушло, никогда не существовало; то, что порождает смысл и язык, является письмом, понимаемым как исчезновение наличия»¹⁷. Исчисление в отсутствии первоначала возможно лишь как действие структуры трансцендентного означающего. Система настоящего исчисления есть чистое действие чистого разума, разум в чистом виде. Именно эту систему искали и предвкушали метафизики, метафизическая самоидентификация которых скрывала от них несокрытую тайну времени, данную в изначальности риторики, — в человеческом голосе самом по себе как в чистой структуре. Идея наблюдателя («говорения») есть лексическое описание проекта синтетического исчисления. Синтетическое исчисление есть простой дедуктивный вывод из численности. В синтетическом исчислении измеримость тождественна исчислению, значение тождественно процессу, значение образует процесс, которого до значения не было в «природе», в действительности числового ряда. Проблема современного научного знания, таким образом, — это проблема создания синтетического исчисления.

Основная операция синтетического исчисления — представление числа цифрой.

Огромное значение для подобной постановки вопроса, невысказанной для современного ученого, для разработки вопроса о различении числа и цифры, имеет попытка Деррида значительно ослабить связь между означающим и означаемым, заключающаяся в противопоставлении *phone* (звука, голоса, живой речи) *gramme* (черте, знаку, букве, письму). «*Phone* на самом деле является означающей субстанцией, которая дается сознанию, как наиболее интимно связанная с представлением об обозначаемом понятии. Голос с этой точки зрения репрезентирует само сознание... Создается впечатление, что означающее и означаемое не только соединяются воедино, но в этой путанице кажется, что означающее самоустраняется или становится прозрачным, чтобы позволить понятию предстать в своей собственной самодостаточности, как оно есть, не обоснованное ничем иным, кроме как своим собственным наличием»¹⁸.

Представление числа цифрой есть результат рефлексии числа, есть «объектное поле» действия сил механики времени, сил трансцендентного

¹⁷ Derrida J. De la grammatologie. — P., 1967.

¹⁸ Derrida J. Positions. — P., 1972.

означающего. Подобно тому, как представление слова понятием (образом) есть результат рефлексии слова. Рефлексия слова осуществляется посредством чтения письма. Понятие «письма» у Деррида, по мнению исследователей его философии, выходит за пределы его проблематики, как «материальной фиксации» лингвистических знаков в виде письменного текста: «Если “письмо” означает запись и особенно долговременный процесс институированных знаков (а это и является единственным нередуцируемым ядром концепции письма), то тогда письмо в целом охватывает всю сферу применения лингвистических знаков. Сама идея институирования, отсюда и произвольность знака, немислима вне и до горизонта письма»¹⁹. Рефлексия числа осуществляется посредством математизации физики. Книга природы (физики) написана на языке математики (читается математикой). «Книга природы», меганаука, таким образом, есть представление, изложение, описание чисел цифрами, подобно тому как книга есть представление, формализация слов буквами, лексическими и грамматическими формами. Таким образом, теория чисел и есть, собственно говоря, универсальная теория природы. Исчисление есть, таким образом, универсальный процесс природы (природа как процесс), развитие само по себе, процесс, представленный в цифровой форме. Представление числа цифрой есть фундаментальная технология исчисления, номенологическое существо феноменологии развития, основание техники как таковой. Так и представление слова образом (понятием) есть фундаментальная технология мышления, есть, собственно говоря, риторическая рефлексия. Раскроем существо, феномен представления числа цифрой как представление смысла значением — такова и будет технология синтетического исчисления. Фундаментальное положение синтетического исчисления есть, в самом безусловном и необходимом смысле, формула единицы. Бесконечно малая величина аналитических исчислений есть, собственно говоря, также единица как нечто одно, фиксируемое посредством анализа. Формула единицы есть дефиниция единицы, так как само понятие формулы единицы есть результат рефлексии числа. Формула единицы есть новая данность, заданность Б.-га. Формула единицы доказывает, показывает, выражает конкретно силу слова, является моделью слова, формой сущности голоса. Формула единицы есть устройство Вселенной в соответствии с принципом слова, когда самообразование слова есть произведение бытия, Книга бытия. Так, самообразование числа есть произведение природы, Книги Вселенной. Формула единицы, в самом безусловном и необходимом смысле, есть формула времени. Синтетическое исчисление есть форма риторики. Трансцендентное означающее существует, как, впрочем, и трансцендентное означаемое.

¹⁹ *Derrida J. De la grammatologie.* — P., 1967.

Мысль. Хроноцентрический мир

1. Хроноцентрический мир

«Земля (Вселенная) есть лента Мебиуса (солиптическая лента)». Знание есть сила, производящая мир. Знание есть также путь. Началом настоящего пути является геоцентрическая система мира. Геоцентрическая система мира есть первое знание, до этого первого знания был миф, ничто, из которого появилось первое знание. Геоцентрический мир, как мир геоцентрического знания есть первое сознание. Первое человеческое сознание — это геоцентрический мир сам по себе, в чистом виде. Геоцентрический мир существует вместе с геоцентрическим знанием, как его (первое) человеческое сознание. Геоцентрический мир тождественен первому человеческому сознанию. Геоцентрическая система мира есть генезис системы как таковой. Геоцентрический мир, вопреки обычным представлениям науки, не только не «разрушился» (не «опровергнут»), но является одним из неизменных оснований сознания как человеческого сознания, присутствует как фундаментальная структура сознания, формирующая повседневность. Сущностью повседневности является геоцентрический мир сознания. Коперник не изменил тех реальных представлений, которыми образуется, удерживается повседневность как нечто одно, действительное. Эффекты, в результате которых геоцентрическая система мира постепенно, а затем одним рывком была сменена в истории познания гелиоцентрической системой, суть эффекты самоописания геоцентрического сознания, изменяющего это сознание.

Гелиоцентрический мир — это геоцентрический мир, существующий во времени. В таком виде он есть уже у Аристотеля в его учении о перводвигателе. Вышеописанные эффекты идентичны современным эффектам теории относительности, квантовой механики и астрофизики именно в качестве эффектов сознания, примыкающего к знанию, производящему мир. Иначе говоря, гелиоцентрический мир также постепенно, а скоро, очевидно, одним рывком сменится. Децентрация геоцентрического мира привела к образованию «нового центра» — «Гелиос». Децентрация есть, вообще говоря, язык. Язык есть то, чем в действительности является жизнь. Центр, децентрация, периферия есть «тик» («течь») времени как составляющие, образующие структуры. То,

как схватывается время, — есть то, как производится бытие. Геоцентрическое знание есть первое знание о времени. Геоцентричность есть первая сущность, первое явление времени. Время есть замысел мира, замысливающий, производящий мир.

Гелиоцентрическое сознание есть середина пути знания, но никак не его конец. Гелиоцентрическое сознание принципиально не завершено, это сознание переходного периода — современное сознание западноевропейской цивилизации. Гелиоцентрическое сознание есть вторая сущность времени, открытое бытие, многообразие действительности времени. Децентрация гелиоцентрического мира вызывает попутно рецидивы, солипсические призраки геоцентрического мира, вытаскиваемого не на свое место и образующего «тоталитаризм», когда побочный продукт децентрации занимает место ее действительного результата. Есть, таким образом, окончательное знание, которое знает конец пути знания, после которого прекращается путь знания и открывается бытие знания как истины. Попросту говоря, время есть. Истинным результатом децентрации гелиоцентрического мира является, образуется, становится хроноцентрический мир. Собственно говоря, децентрация хроноцентрического мира есть универсальная структура акта творения — таково истинное представление мировой религии как сквозного истинного представления всех мировых религий.

Человеческое представление о времени («неискоренимая иллюзия времени», по Эйнштейну) и есть, собственно говоря, то единственное представление о времени, которое мы разбираем. Помимо этого представления есть, вероятно, еще какие-либо нечеловеческие представления о времени, неизвестные нам сегодня, и есть само время. Таким образом, мы выявляем истинное человеческое представление о времени, которое скрывается за делимостью времени на прошлое, настоящее и будущее. Время человеческого бытия — Сознание — делимо на геоцентрический мир, гелиоцентрический мир и хроноцентрический мир в том смысле, что оно особым (человеческим) образом неделимо и непрерывно в том, что геоцентрический мир, гелиоцентрический мир и хроноцентрический мир есть все новые сообразные имена все новых моментов времени для одного и того же солипсического мира.

Делимость времени есть, собственно говоря, Вселенная. Посредством же человека, образуя самость человека, время делится на геоцентрическое время, гелиоцентрическое время и хроноцентрическое время (время собственное). Солипсический поворот, таким образом, разрушает иллюзию времени. Делимость времени на прошлое, настоящее и будущее оказывается лишь первым приближением к истинному представлению о делимости времени. Делимость сама по себе стала основой птолемеевского поворота, в котором возникла геоцентрическая

система мира. Делимость как идея преодолевала иллюзию тождества делимости и разрушения (уничтожения). Первой теорией делимости была Великая теорема Пифагора. Делимость пространства стала основой коперниканского поворота, в котором возникла гелиоцентрическая система. Знание об истинной делимости пространства преодолеvalo иллюзию неделимости «абсолютности» пространства — «гео». Второй теорией делимости стал математический анализ. Делимость времени становится основой совершающегося посредством нас солиптического поворота, в котором возникает хроноцентрическая система мира. Знание об истинной делимости времени преодолевает представление о времени как о составе прошлого, настоящего и будущего. Теория делимости времени выражается Великой теоремой Ферма. Птолемеевский поворот, коперниканский поворот, солиптический поворот — как один Поворот — есть всеобщая форма времени человеческой истории.

Поворот с необходимостью показывает действительную форму мира, Вселенной, Земли — это солиптическая лента (лента Мебиуса). Довольно странно, что геометры не заметили, что лента Мебиуса является не только непосредственным доказательством пятого постулата Евклида, но столь же необходимо и отменяет необходимость евклидовой геометрии (аксиоматики) не через ее дополнение искусственными идеями пространства Минковского и геометрии Лобачевского, а через открытие-введение одной простой всеобщей (безопорной) формы — солиптической ленты. Впрочем, догелиоцентрические ученые также постоянно имели дело с «естественными опровержениями» геоцентрической системы, но возникновение гелиоцентрической системы все не происходило до поры до времени.

Солиптическая лента должна быть интерпретирована, раскрыта как исчисление, как естественное сквозное исчисление действительно числового ряда. Децентрация геоцентрического мира, образующая существо гелиоцентрического мира, есть сущность техники, развернувшаяся в гелиоцентрическую эпоху. Децентрация гелиоцентрического мира, влекущая за собой переход к хроноцентрическому миру, есть сущность риторики (проявившаяся на завершающей фазе гелиоцентрической эпохи в виде политики, идеологии), которая, безусловно, раскроется в хроноцентрическую эпоху. Бытие (Вселенная) раскроет свои законы именно как Слово, формирующее мир из материи языка. Геоцентрический мир совершенно религиозен, гелиоцентрический мир совершенно политичен, хроноцентрический мир совершенно риторичен, это мир чистого разума.

Геоцентрическое и гелиоцентрическое знания выступают, институционализированы как две критики чистого разума, таким образом присутствуют, образуют сознание.

2. Мысль. Мир хроноцентрированного человека

Хроноцентрирование есть совмещение числа и слова. Хроноцентрирование есть техника, метод рефлексии. Число образует материальный корень, тоннель слова. Число есть совокупность значений слова, множество значений слова. Значение слова, порождающее действительный мир, предмет, — есть число. Значение числа есть не цифра, но есть, прежде всего, значение слова, то, чем в действительности является значение слова. Число существует значением слова, так же как факт, событие, предмет действительного мира. Фактичность мира, образуемая значимостью слов, есть численность. Время геоцентрического мира есть письмо. Время гелиоцентрического мира есть техника. Время хроноцентрического мира есть число. Бытие геоцентрического мира есть письменность. Бытие гелиоцентрического мира есть ничто. Бытие хроноцентрического мира есть численность. Письмо и письменность, техника и ничто, число и численность — так произрастает мир из слова, раскрываясь множеством значений слова. Таково становление риторики. Риторика есть система чистого разума. Риторика есть путь от времени к бытию. Восстановление смысла из совокупности (множества) значений есть становление числа словом. Смысл есть формула числа. Формула числа — это постановка вопроса о бытии, об истине, о законе бытия; в формуле числа нет зависимости от значений числа, от геоцентричности, гелиоцентричности, хроноцентричности, есть только число само по себе — чистое бытие слова, самость времени.

Значение слова есть основание числа, в то время как цифра есть изображение, подобие числа. Число есть критерий истинности риторики как созданное риторикой. Численность есть материальный мир, образуемый риторикой, — хроноцентрический мир.

Увидим мысль, посмотрим на мысль. Неделимость числа не есть отрицательная категория только, поскольку существует простое число. Простое число (число) мы способны увидеть настолько же, насколько способны услышать слово как понятное, осмысленное. Есть у человека чувство, которое есть число.

Платон говорил о нем, говоря о «внешнем виде», «эйдосе». Далее все было запутано иррационализмом, путами догеоцентрического мира. Генезис чувства числа — солиптическая природа человеческого рассудка. Его описание возможно как описание фундаментального отношения к числу, которое образует сущность числа. Подобно тому как отношение к слову, понимание его, образует сущность, смысл слова. Это чувство есть знание, которое образует сознание.

Слух слова образует человеческий слух, образует вслушивание, слух сам по себе. Видение числа образует человеческое видение («все,

что видит человек») — видение само по себе. Фундаментальное открытие хроноцентрического мира состоит в том, что зрение имеет своим корнем, местом зренья, охватывающем все зрение, — число, число само по себе. Слово осмысливает услышанное. Число означает увиденное. Нет услышанного без осмысливания посредством слова. Нет увиденного без означиваемого (означаемо-означающего) посредством числа. Есть, таким образом, внутренний мир. Внутренний мир есть зрячий мир чисел и слышащий мир слов — мир, в котором мы видим числа сами по себе и слышим слова сами по себе. Мы, люди, человек, — во внутреннем мире есть мысль.

Мысль, рассматривающая число и вслушивающаяся в слово, и есть сущность человека — то, что непосредственно происходит человеком. Число, рассматриваемое мыслью, и есть число само по себе. Слово, в которое вслушивается мысль, и есть слово само по себе. Чистое отношение числа и слова есть мышление. Только мышление и существует. Вот что скрывается, охватывает тезис «мыслю, следовательно, существую». Говорение — речение слов — есть человеческое бытие. Смотрение — видение чисел — есть время человеческого бытия. Звуковая реальность слова есть пространство визуальной реальности числа. Действительный числовой ряд образует причинно-следственное кольцо речи как собственного основания и истока — образует мир сознания как действительный, представленный мир.

Как выглядит мысль? Как она происходит? Мысль происходит как восстановление, добыча слова из числа. Мысль выглядит, как звук. Звук извлекается из зримого (зрительного образа). Здесь необходим один существенный риторический поворот (проворот вручную временного кольца до необходимого значения). Мы знаем, что слух воспринимает слышимое (свое) как звук. Необходимо до-понять, что зрение воспринимает зримое (свое) как речь, не как образ (это недосмысленное понимание). Слух вслушивает звук, зрение всматривает речь. Таким образом, то, во что мы всматриваемся, что видим, есть, в самом безусловном и необходимом смысле, речь. То, что мы именуем как «вопрос», есть смысл как непосредственная реальность слова. То, что мы именуем как «ответ», есть значение как непосредственная реальность числа. Вопрос-ответное отношение есть структура в чистом первозданном виде, есть непосредственность взаимоперехода числа и слова, солиптическая лента «Я». Таким образом, есть мысль мышления. «Я» есть единица как первозданное бытие числа. Мысль есть формула единицы. Мысль есть жизнь множества простых чисел. Мысль есть, таким образом, и формула жизни, поскольку множество простых чисел и есть формула единицы. Человеческое время делимо на зримое (человеком) — геоцентрический мир, слышимое (человеком) — гелио-

центрический мир, и мыслимое (человеком) — хроноцентрический мир. Время солиптизма образует реальный мир.

Делимость времени на прошлое, настоящее и будущее есть прием научения человека грамматике. Существительное есть истинный смысл прошлого. Глагол есть истинный смысл настоящего. Прилагательное есть истинный смысл будущего. Части речи образуют временные связки. Существительное, глагол и прилагательное есть значимости слова. Существительное есть число. Глагол есть отношение чисел. Прилагательное есть «прилагательное число» — есть квадрат числа. Части речи есть формы чисел и их отношений. Суждение есть (сеть) формула. Отношение «смысл — мысль» есть отношение «сеть — есть». Вообще говоря, действительно новую «информационную технологию» надо будет мыслить не как «сеть», но как «с-есть», сетевидение, («с-есть», подобная «со-знанию», «со-бытию», «со-временности»), поскольку то, что есть само слово-связка «есть», — есть число. Суждение есть делимость речи, делимость времени человеческого бытия. Числа лишь только способны образовывать пространство, числом слово побеждает время, образуя пространство. Грамматика выражает числовой смысл слова, образуя значимости — части речи. Речь в совокупности частей речи есть бытие действительного числового ряда. Мысль есть закон чистого разума, закон простых чисел. Мышление — сквозное существо действительного числового ряда — чистая линия простых чисел. Творение мышлением мира выражается Великой теоремой Ферма, раскрывающей структуру времени как связность трех квадратов, основанную на чистой линии простых чисел. Мысль есть неделимое, мысль ощущается как простое число, существует как истинное слово. Мысль есть возникновение единицы из совокупности чисел, из становления множества чисел единицей как множеством простых чисел. Мысль есть зримая гармония частей речи. Речь возникает не из имен, наименований, буквальных слов и понятий (не из «конкретных слов»), а из семи частей речи — существительного, прилагательного, глагола, причастия, деепричастия, наречия, местоимения. Каждая из частей речи есть «Я» солиптической ленты, момент времени человеческого бытия. Речь, следовательно, есть Семь-Я, жизнь в едином и неделимом времени, пространство само по себе.

Механика времени

1. Пространство есть пространство действительного числового ряда. Всякий физический процесс есть процесс, происходящий в пространстве действительного числового ряда. Число есть единый универсальный объект пространства.

2. Отношение чисел есть свойства пространства. Всякое свойство пространства есть числовое отношение. Всякое числовое отношение есть свойство пространства. Свойство пространства есть физическое явление, физический процесс, являющийся стороной универсального процесса в качестве свойства пространства.

3. Представление числа цифрой имеет структуру — систему координат, поскольку представление числа цифрой есть система отсчета. Представление числа цифрой есть смысл исчисления, истинное начало отсчета. Представление числа цифрой есть физический процесс. Представление числа цифрой есть универсальное уравнение движения, инвариантное во всех системах координат как системах отсчета. Представление числа цифрой есть, таким образом, принцип формализации в механике. Физической формой представления числа цифрой является инерция.

4. Механика времени имеет дело с исчислениями. Движение, равно и всякое воздействие, состояние, есть, собственно говоря, то же самое, что и частица, всякий объект, тело, — то есть является в самом безусловном и необходимом смысле числом. Число есть единый, истинный, универсальный представитель физического мира — индивид физического мира. Знания естествознания о различных первоэлементах (начальных объектов рассмотрения, анализа и моделирования), фиксируемых конкретными дисциплинами с целью последующей математической формализации образуемых на их основе свойств, отношений, состояний, есть принципиально неполное знание о числе. Все частные науки двигаются к единому смыслу — обнаружению существования числа и умению работать с формами этого существования.

5. Представление об исчислении характеризует представления о «близкодействии» и «дальнодействии» как неполные, неистинные представления, в которых не схватывается числовая сущность воздействий. Для числового ряда не имеет значения то представление классической механики, «что смещение одной из частиц мгновенно отражается на остальных частицах в тот же момент времени». Состояние

действительного числового ряда есть непосредственное состояние времени. Тело, частица, электрически заряженная частица — таковая последовательность физической рефлексии на самом деле раскрывала «нескрытое» — число, которое до сих пор не осмыслено как непосредственный объект вышеперечисленных описаний (дескрипций). Подобное подсознательное развитие физических представлений привело к образованию представления об электромагнитном поле. Представление о том, что «переменное поле — электромагнитная волна — распространяется в вакууме со скоростью света $c = 300\,000$ км/с», есть опытное подтверждение доступным науке языком действительного существования числа, действительного существования действительного числового ряда, обнаружение числовой границы нечислового мира, объемлющей нечисловой мир как собственное «место». Так называемое положение о постоянстве скорости света есть на деле подсознательное физическое изображение действительной физической сущности Великой теоремы Ферма о связности трех квадратов как универсальной жестко-гибкой структуры действительного числового ряда. Таким образом, принцип постоянства скорости света отражает такое свойство действительного числового ряда, как «непрерывность». В пространстве нет ничего кроме времени. В действительном числовом ряду нет ничего кроме числа.

6. Гипотеза «эфира» была справедливо отброшена Эйнштейном как физическая гипотеза. В статье «К электродинамике движущихся сред» Эйнштейн впервые с единой точки зрения рассмотрел частицы и поля. Однако лишь в наши дни стало возможным продвинуть эту точку зрения до раскрытия единой числовой сущности частицы и поля, представлениями о которой, дополняющими друг друга, «частица» и «поле» являются. Таким образом, гипотеза «эфира» (та самая «единая теория поля», на попытки спекулятивной формализации которой Эйнштейн потратил чуть ли не половину жизни) возвращается сегодня уже как математическая гипотеза, гипотеза о существовании численности (действительности числового ряда = действительности времени) как основания физического мира. Астрофизическое существование так называемых «черных дыр», которые вскоре будут обнаружены (или уже обнаружены) и в так называемом мире элементарных физических взаимодействий, является безусловным доказательством существования численности.

7. Исчисление есть универсальный, априорно-физический процесс, различными представлениями о котором являются «электричество», «магнетизм», «механика» и иные представления о группах (множествах) физических явлений и процессов. Исчисление есть форма существования числа как сущности времени. Таким образом, уравнения Максвелла — уравнения, которым подчиняется электро-

магнитное поле и которые не сохраняют свой вид при преобразованиях Галилея, справедливы только в одной выделенной системе отсчета, покоящейся относительно некоторой среды, так называемого «математического эфира» то есть численности. Скорость света должна тогда быть разной в разных системах отсчета, и, проведя формализацию оптических измерений, можно, в принципе, определить абсолютную скорость движения Земли. Из анализа интерференционного опыта А. Майкельсона 1881 года следовало, что с большой точностью скорость Земли относительно эфира равна нулю. Тем самым Земля вроде бы становилась уникальным телом — центром Вселенной, что решительно противоречило астрономическим данным. Для того чтобы преодолеть эту трудность, теоретиками было предложено несколько искусственных моделей, в которых «эфирный ветер» становился ненаблюдаем. Затем последовало решение Альберта Эйнштейна, который «осознал», что гипотеза эфира является лишней и должна быть отброшена как пережиток старых механистических воззрений. Истинным же решением является математическая формализация гипотезы эфира, некоторые элементы которой были представлены в моделях ненаблюдаемого «эфирного ветра».

8. Теория формализации есть механика времени. Пространство числового ряда неоднородно в том смысле, что в нем есть «выделенные места и направления» — простые числа, «выделенные моменты времени». Теория формализации, таким образом, утверждает, что простое число есть тот физический опыт внутри замкнутой физической системы, который позволяет определить, покоится ли эта система или движется равномерно и прямолинейно (относительно системы бесконечно удаленных тел). Не существует предельной скорости распространения физических объектов и воздействий — чисел, которая одинакова во всех инерциальных системах отсчета. Не существует физического вакуума. «Прямая проверка независимости скорости света от скорости источника» отражает неполноту формализации. Таким образом, все физические явления, включая распространение света (и, следовательно, все законы природы), в различных инерциальных системах отсчета выглядят совершенно одинаково именно в качестве числовых явлений. Такая особенность законов природы, которая носит название лоренцевой инвариантности, имеет своим основанием закон простых чисел. Скорость распространения числа есть бесконечная скорость, которая в силу этого является «самым быстрым способом распространения взаимодействия в физических системах». Существование бесконечной скорости распространения взаимодействия снимает ограничения на модели в релятивистской физике. Оказывается допустимой модель абсолютно твердого тела, так как под воздействием приложенной к нему

силы все точки тела мгновенно изменяют свои механические состояния. Такова модель пространства времени.

9. Преобразования Лоренца, обобщающие формулы Галилея перехода от одной инерциальной системы отсчета в другую, являются неполной формализацией истинного математического представления о времени. Поэтому преобразования Лоренца оставляют неизменными уравнения Максвелла. Поэтому необходимо модифицировать не только второй закон Ньютона, но и всю механику Ньютона — перед этим остановилась релятивистская механика, основанная на принципе относительности Эйнштейна. Неполноту формализации отражает принцип соответствия, по которому при малых скоростях движения частиц и систем отсчета релятивистские выражения переходят в формулы Ньютоновой механики. Необходимо универсальное уравнение, снимающее ограничения как классической, так и релятивистской механики как первой и второй сущности, соответственно, механики пространства.

10. Необходима механика времени. Необходима формальная концепция времени, преодолевающая неполноту эйнштейновской формализации концепции синхронизации часов, лежащей в основе представления о времени в релятивистской теории. Время есть продуктивное отношение чисел по всеобщему основанию делимости числа.

(1). Прошлое есть вычитание само по себе.

(2). Настоящее есть произведение само по себе.

(3). Будущее есть сложение само по себе.

(4). Момент времени есть простое число.

(5). Квадрат числа есть представление числа цифрой, первое состояние числа — состояние пространства.

(6). Закон простых чисел есть Великая теорема Ферма. Теорема о связности трех квадратов как истинной непрерывности времени.

Таковы истинные постулаты теории времени — истинные «математические начала натурфилософии», они же — априорные положения, «врожденные идеи», первичные семиотические дефиниции. Таким образом, не идея одновременности является руководящей аналитикой физического понятия времени, но идея числовой природы времени раскрывает существо физического времени в аспекте его генезиса — принципа делимости числа. Структуру времени выражает Великая теорема Ферма — полное, истинное преобразование само по себе. Время не зависит от синхронизации часов. Синхронизацию часов, находящихся в двух разных точках пространства, с помощью световых сигналов заменяет изначальная синхрония числового ряда как модели языка чисел (числа). Синхрония числового ряда выражается (обусловлена) законом простых чисел. Диахрония числового ряда выражается (обусловлена) Великой Теоремой Ферма. Мысленный физический

эксперимент, таким образом, раскрывается как языковой эксперимент, эксперимент в языке физике, и разрешается в языке числа. Таким образом, мы обнаруживаем, что конечная структура бесконечного числового ряда есть, вообще говоря, универсальная языковая структура, есть Слово. Это — богодоказательство! Новая физика не нуждается в классическом понятии энергии, поскольку энергия числа (числового ряда) принципиально бесконечна.

Числовой ряд (Вселенная) есть язык числа, есть мышление чистого разума, выражаемое в слове чистого разума, имеющего форму числа (цифры), как человеческое слово имеет форму звука (графемы). Мыслительные эксперименты, раскрывающие синхронию числового ряда как генезис числа, числовых отношений, а диахронию числового ряда как структуру числа, числовых отношений, — образуют теоретическую основу новой сущности техники, техники (машин) времени, использующей для работы объективные механизмы времени. Механика времени, таким образом, завершает работу, начатую Эйнштейном, по «раскрытию несокрытых» истинных «математических начал натурфилософии».

11. Необходима программа соответствующей рефлексии математики как истинной опытной области физики. Рефлексия математических операций на основе теории формализации приведет к образованию новой теории техники, теории техники времени. Рефлексия значения « t » (температуры) в термодинамике как значения времени приведет к преобразованию термодинамики как вероятностной теории в математику времени, основанную на законе простых чисел. Число есть истинное состояние физического события. Множество всех событий образуют численность, бесконечно-мерный мир действительного числового ряда. Мировыми линиями в механике времени обладают только простые числа.

12. Преобразования Лоренца необходимо доформализовать как возведение числа в степень само по себе — фундаментальную технологию изменения времени.

Изменение времени — изменение скорости течения времени, направления течения времени, числовой полноты и формы времени — суть математические операции с числами в пространстве действительного числового ряда.

Логарифмическое исчисление есть изменение пространства как временной функции времени.

Неделимость как свойство простого числа есть единое основание доформализации физической концепции частицы до физической концепции числа — единое свойство, снимающее различие понятий энергии и импульса частицы.

Релятивистские парадоксы разрешаются в физической концепции простого числа как истинного момента времени.

13. Квантовая механика есть разработка идеи делимости. В этом смысле она образовалась как «естественный» рефлексивный порог теории относительности как стратегии создания новой, истинной механики, которая была понята как непространственная механика. Иначе говоря, теория относительности не имела глубокого представления о делимости. Теория формализации раскрывает идею делимости как всеобщее основание физики. Делимость числа раскрывается как истинный универсальный физический процесс, процесс времени, образующий полное пространство в качестве временной функции времени. Такова сущность принципа формализации, снимающего оппозицию теории относительности и квантовой механики в механике времени, механике простых чисел. Квантовые переходы, соотношение неопределенностей, квантование энергии, вероятностная трактовка многих законов физики — все это уже прочно вошло в школьные учебники физики. Но логический аспект квантовой теории, который присутствует в анализе любого эксперимента и любого изложения квантовой теории, но по большей части остается на втором плане, в тени, полно и непротиворечиво раскрывается только в теории формализации.

Интеллектуальная судьба логического позитивизма показывает, что раскрытие логического аспекта квантовой теории образует изменения самого принципа логики, законов логики, которое наметил Гегель в «Науке логики». Это преобразование является одним из выдающихся следствий более глубокого истока. Речь идет о новой судьбе философии, об образовании на ее основании Риторике, всеобщей дисциплины мышления, истории и теории мышления, что на более узком примере видно в историчном образовании математики на основе «числомудрия». Логический аспект квантовой теории есть рефлексивный порог, за которым — всеобщая теория физики как всеобщая теория числа, образующего мир численности — численностный, хроноцентрический мир. С другой стороны, всеобщая теория числа является важнейшей составляющей Риторике, Учения о Слове, отражающего природу мышления как такового. Разработка всеобщей теории числа есть существо замысла, известного нам как логика, логика есть проект системы чистого разума, но все еще не сама эта система. Выдающееся событие в истории формирования всеобщей теории числа — диалог Платона «Парменид», где рассматриваются отношения «единого и многого» на том уровне формализации, который не вполне схвачен, не полно формализован в «Логике» Аристотеля.

Проект всеобщей теории числа, в которой раскрывается риторическая природа числа, именуется «семиотикой». Семиотикой можно назвать логику, основанную на законе включенного третьего, истинную

формальную логику, логику «нового центра», преодолевающую как логоцентризм, так и деконструкцию. Закон включенного третьего не есть простое отрицание классического закона исключенного третьего. Закон включенного третьего выражает логическую форму числа, которое всегда есть как глагольная связка «есть» суждения. Закон включенного третьего есть условие возможности суждения, априорная форма логики, он приблизительно схвачен в известных богодоказательствах и живописан в Учении о Троице как «столп и утверждение истины» (П. Флоренский). Хайдеггер, по существу, говорит о законе включенного третьего, утверждая онтологическое значение тавтологии. Гейзенберг осуществляет репрезентацию данного закона посредством принципа неопределенности, характеризуя включенное третье как «измеряющее наблюдение». Логический аспект механики времени, таким образом, фиксирует число как момент истинности суждения, представляемый в виде глагольной связки «есть» (цифры числа суждения), и раскрывается как закон включенного третьего (закон истинной полной формализации), «частным случаем» которого является закон исключенного третьего как закон неполноты формализации.

14. Исчисление есть, в сущности, интерпретация, логической составляющей которой является закон включенного третьего. Закон включенного третьего — логическое понятие Б.-га. Поведение истинных объектов физики — чисел — подчиняется закону семиотики, закону включенного третьего. Поведение объектов классической и релятивистской физики подчиняется законам Аристотелевой логики, когда на «простые и разумные» вопросы всегда можно ограничиться ответами «да» или «нет»: находится ли данная материальная точка в данном месте? — только две возможности: «находится, то есть да», «не находится, то есть нет»; имеет ли тело такой-то импульс? — «да, имеет» либо «нет, не имеет»; являются ли системы В и С частями системы А? — «да, являются» либо «нет, не являются». В специальной теории относительности свойства пространства и времени отличаются от «самоочевидных» свойств, постулированных Ньютоном, но это различие «логически неотвратимо» вытекает из ответа на «простой» вопрос, конечна или бесконечна максимально возможная скорость передачи взаимодействий в природе. Ответ механики времени состоит в том, что скорость любого истинного взаимодействия (взаимодействия в системе числового ряда) бесконечна и в этом смысле отсутствует именно как скорость, поскольку взаимодействия происходят в системе полной и непротиворечивой формализации — то есть без скорости. Исчисление как истинный физический процесс не имеет скорости. Скорость существует как момент представления числа цифрой, момент физического явления. Изъятие из фундаментальной физики закона исключенного третьего объединяет как позицию Ньютона и Галилея (о бес-

конечности скорости взаимодействий), так и позицию Лоренца, Пуанкаре и Эйнштейна (о конечности скорости взаимодействий) — как единую попытку формализации «физического взаимодействия» в соответствии с принципом математики. Как механика Ньютона, так и электромагнитная теория Фарадея-Максвелла являются подходом к формализации сущности физического взаимодействия как исчисления; однако строгая причинность и лапласовский детерминизм (начальные и граничные условия полностью определяют все детали поведения физических систем во времени) сколь раскрывают, столь и метафизически заслоняют собой истинный смысл физического взаимодействия — исчисление. Из неполноты формализации физического взаимодействия возникает представление «вероятность» как «способ описания, когда неизвестны какие-то детали процесса». Квантовая теория не смогла в корне изменить ситуацию вероятностной интерпретации. Причина — неполнота формализации логического аспекта теории. В численности, истинной материи физических взаимодействий, нет «неизвестных деталей» для нее самой. В исчислении нет разрывов. Физики понимают это так: «В классической механике основными понятиями являются материальные точки и тела как системы материальных точек. Материальные точки движутся по траекториям — идеальным объектам математического анализа. Вся многообразная жизнь материальных точек, материальных тел, законы их взаимодействия и математический способ описания этой жизни соответствуют Аристотелевой логике. Для формулировки основных положений квантовой теории нужна более изощренная математика, а при строгой формулировке математика уровня функционального анализа неизбежна... Но после того как основные положения квантовой теории записаны в адекватной математической форме, вообще можно обойтись без какой-либо физической интерпретации этой математической формы, включая и сами исходные положения. Поэтому можно вообще не понимать (один из выдающихся физиков XX века и знаток квантовой теории Р. Фейнман неоднократно утверждал, что квантовую механику никто не понимает) квантовую теорию, то есть игнорировать любые ее возможные интерпретации, и не только успешно ее применять, но и получать в этой области новое теоретическое знание. За то, что ситуация именно такова, говорит и следующее. Интерпретация классической механики единственна и наглядна: всякая механическая система есть набор материальных точек, движущихся каждая по своей траектории. Ни наличие связей в системе, ни число точек в ней этой интерпретации не меняют. Например, введение в классике статистического описания предполагает, что к картине системы частиц всегда можно вернуться. Иными словами, эта интерпретация является внутренним свойством классической механики, следует из ее основных постулатов. Иное дело в квантовой механике.

Известно большое число существенно различных ее интерпретаций. Эти интерпретации разработаны в различной степени, но нет доказательств, что справедлива только одна из них, а другие неверны. Это означает, что физическая интерпретация квантовой механики в самой квантовой механике не заложена и не является ее внутренним свойством»²⁰. Таким образом, механика времени возникает как истинная интерпретация квантовой механики, прологом которой оказывается теория относительности, понятая как предпосылка принципа формализации. Так развязывается знаменитый спор Эйнштейна и Бора. Физическая интерпретация квантовой механики есть ее интерпретация как дескрипции (системы описания) численности, раскрытия истинных физических объектов и взаимодействий как объектов и отношений числового ряда. Квант, таким образом, есть неполное понятие простого числа. Квант, на самом деле, есть простое число. Так преодолевается корпускулярно-волновой дуализм, объясняющий все парадоксы поведения частиц в квантовой теории. Простое число есть универсальная физическая константа. Всякий материальный объект, обладающий как корпускулярными, так и волновыми свойствами, когда импульс частицы p и длина соответствующей волны связаны соотношением де Бройля, есть категория простого числа. Электромагнитное излучение обладает как волновыми, так и корпускулярными свойствами (корпускулярно-волновой дуализм). Этот дуализм неразрывно связан с существованием постоянной Планка — кванта действия. Квант действия — есть описание, дескрипция закона простых чисел как системы истинного квантования.

15. Результат интерпретации квантовой механики в языке теории относительности описывает физическую реальность закона простых чисел. Мировая линия простых чисел образует бесконечную структуру Вселенной. Математическое понятие простого числа оказалось недостаточным для построения теории делимости — это привело к созданию понятия идеала. П. Г. Л. Дирихле в 1837 году установил, что в арифметической прогрессии $a + bx$ при $x = 1, 2, \dots$ с целыми взаимно простыми a и b содержится бесконечно много простых чисел. Отсутствие всеобщей теории делимости и привело к возникновению квантовой механики как неполной формализации делимости. Выяснение распределения простых чисел необходимо проводить не только в натуральном ряде чисел, но во всей численности. Этому посвящена гипотеза Римана о случайности распределения простых чисел во всеобщей системе числового ряда. Мысленные эксперименты Эйнштейна, выяв-

²⁰ Багров В. Г. Открытие неклассической логики поведения квантовых объектов — одно из удивительных достижений современной физики // Соросовский образовательный журнал. — Том 6. — № 7. — 2000. — С. 72.

ляющие парадоксы времени (одновременности), являются физической реальностью, физическим воспроизведением проблемы «близнецов» как проблемы аналитической теории чисел (проблема «близнецов» состоит в том, чтобы узнать, конечно или бесконечно число простых чисел, разнящихся на 2 (таких, например, как 11 и 13)).

16. Квантование, таким образом, есть задача о собственных значениях простых чисел. Энергия, собственно говоря, есть цифровая форма простого числа, числовая «простота» простого числа. Истинное квантовое измерение есть исчисление простых чисел. В этом — основа решения задачи о квантовом компьютере. Планк предположил, что при излучении или поглощении энергия испускается порциями — квантами: «Но даже если бы эта формула излучения (то есть формула для спектральной плотности излучения абсолютно черного тела) оказалась абсолютно точной, то она имела бы очень ограниченное значение — только как счастливо отгаданная интерполяционная формула. Поэтому я со дня ее нахождения был занят задачей установления ее истинного физического смысла, и этот вопрос привел меня к рассмотрению связи между энтропией и вероятностью, то есть к больцмановскому образу мыслей. После нескольких недель напряженнейшей в моей жизни работы темнота рассеялась и наметились новые, неподозреваемые ранее дали». Истинный физический смысл данного предположения заключается в том, что физическая природа (материя) является фундаментальной интерпретацией численности. Последовательная рефлексия этого смысла ведет нас от имманентного понятия «кванта» к трансцендентальному понятию «простого числа» как фундаментальной категории всеобщей (физической) теории числа (трансцендентных=истинных чисел). В письме Р. Вуду (1931) Планк писал: «Коротко и сжато я могу все дело назвать актом отчаяния. <...> я тогда уже шесть лет бился над проблемой равновесия между излучением и материей, не достигнув никакого успеха: я знал, что эта проблема имеет фундаментальное значение для физики, и я знал формулу, которая воспроизводит распределение энергии в нормальном спектре; теоретическое объяснение должно было быть поэтому найдено любой ценой, и никакая цена не была бы слишком высока. Классическая физика для этого недостаточна, это было мне ясно. Потому, что согласно ей, энергия должна с течением времени целиком перейти из материи в излучение. Так как она этого не делает, то должна существовать какая-то новая универсальная постоянная, которая может обеспечить, чтобы энергия не распадалась. <...> Я пришел к этой точке зрения благодаря тому, что твердо держался обоих законов теории теплоты. Эти оба закона казались мне тем единственным, что при всех обстоятельствах должно оставаться неизменным. В остальном я был готов к любой жертве в моих прежних физических убеждениях. <...> Больцман объяснил существование термодинамиче-

ского равновесия через статистическое равновесие; если эти его соображения применить к равновесию между материей и излучением, то оказывается, что преобразование в излучение может быть предотвращено, что энергия с самого начала вынуждена пребывать в определенных количествах. Это было чисто формальное предположение, и я первоначально не думал много об этом, памятуя только лишь о том, что при всех обстоятельствах любой ценой должен добиться положительного результата». «Равновесие между излучением и материей» есть рефлексивное равновесие. Физическая сущность «равновесия между излучением и материей» — физика процесса представления числа цифрой, физика формализации числа. Неслучайно Планк весьма сдержанно относился к квантовой механике, так до конца своей жизни не расставшись с «классическими» (истинностными) взглядами. Механика времени ведет к радикальному пересмотру оснований термодинамики как неистинного (неполного) = вероятностного физического описания. Здесь же достаточно сказать о том, что механика времени не нуждается в гипотезе термодинамики. Вопрос о «равновесии материи и излучения», поставленный Планком, есть, таким образом, вопрос о представлении чисел в виде суммы двух квадратов, который исчерпывается следующим утверждением: натуральное число представимо в виде суммы двух квадратов целых чисел тогда и только тогда, когда все простые сомножители вида $4k+3$ входят в разложение этого числа на простые сомножители с четными показателями. Теорема Лагранжа гласит, что всякое натуральное число есть сумма четырех квадратов целых чисел. После теоремы Ферма-Эйлера математики описали все числа, представимые в виде суммы двух квадратов. Числа, представимые в виде суммы трех квадратов описал Гаусс в 1801 году. Таким образом, наличествует истинное формальное знание, необходимое для открытия действительных привилегированных систем отсчета (исчислений), связанных с действием мировых линий простых чисел.

17. Фундаментальной закономерностью механики времени как всеобщей истории числа является Теорема Ферма-Эйлера о представлении простых чисел в виде суммы двух квадратов. Условием возможности математического анализа как имманентной теории числа является физическая (численностная) реальность того, что квадраты некоторых чисел можно разложить в сумму двух квадратов. Можно описать все целочисленные решения уравнения $x^2 + y^2 = z^2$. Это было сделано Диофантом, греческим математиком, жившим (вероятно) в III веке нашей эры, во второй книге его трактата «Арифметика». На полях около решения Диофанта Ферма написал: «Нельзя разложить куб на два куба, ни квадрато-квадрат (т.е. четвертую степень числа) на два квадрато-квадрата, ни вообще никакую степень выше квадрата и до бесконечности нельзя разложить на две степени с тем же показателем. Я открыл этому поисти-

не чудесное доказательство, но эти поля для него слишком узки». Иначе говоря, уравнение $x^n + y^n = z^n$ при натуральном $n > 2$ в целых числах неразрешимо. В бумагах Ферма было найдено доказательство этого утверждения для $n=4$. Для $n=3$ теорему Ферма доказал Эйлер в 1768 году. Математики не заметили, не обращая внимание на физическое существование числа, что вторая теорема Ферма, которая гласит: «Для того чтобы нечетное простое число было представимо в виде суммы двух квадратов, необходимо и достаточно, чтобы оно при делении на 4 давало в остатке 1», является доказательством Великой теоремы при наличии одного априорного положения. Ферма приоткрывает замысел доказательства в целом, когда пишет, что «основная идея доказательства состоит в методе спуска, позволяющем из предположения, что для какого-то простого числа вида $4n+1$ заключение теоремы неверно, получить, что оно неверно и для меньшего числа того же и т. д., пока мы не доберемся до числа 5, когда окончательно придем к противоречию». «Удивительная суть» всеобщего доказательства Ферма состоит в открытии того априорного положения, для выражения которого ему категорически не могло хватить математического языка, но с избытком хватило видения априорного положения о физическом (истинном) существовании единицы, о необходимости формулы единицы как всеобщей формулы математики, формулы всеобщей теории чисел.

18. Единица есть множество простых чисел. Физическая реальность единицы доказывается существованием математических констант: « -1 » представляет арифметику, i (мнимая единица) — алгебру, π — геометрию и e (неперово число) — анализ» (акад. А. Н. Крылов). Язык науки есть модель единицы, которая, в свою очередь, есть модель языка в чистом виде. « -1 » представляет грамматику, i — синтаксис, π — семантику и e — семиотику. Так называемый «искусственный интеллект» имеет формулу единицы — формализует смысл, образуя лексический уровень языка из исчисления языковых моделей. С другой стороны, формула единицы есть истинный смысл, который кроется за метафорой «всеобщей теории поля», неполным формализмом всеобщей теории числа. Взаимодействие в пространстве числового ряда не нуждается в существовании особого (нечислового) «физического агента», «переносящего» взаимодействие.

19. Высшая творческая радость Архимеда состояла в открытии физической природы единицы: «Объем шара радиуса 1 равен $4/3$ ». Королевская теорема математиков о том, что «правильный семнадцатигульник может быть построен с помощью циркуля и линейки», должна быть дополнена единицей: правильный восемнадцатигульник может быть построен с помощью циркуля и линейки. Таково решение проблемы квадратуры круга, образующее единый постулат новой геометрии, геометрической фигурой которого является «лента Мебиуса».

20. Математикам известно, что Теорема Ферма-Эйлера «красиво доказывается», если использовать теорию делимости целых комплексных чисел $n+mi$, n , m — целые. Это исток современного этапа развития квантовой механики, работы с «мнимыми объектами».

21. Принцип формализации есть принцип «дополнительности единицы» (тождественный принципу включенного третьего как принципу глагольной связки «есть»), есть также принцип соответствия цифры числа и является руководящим принципом преобразования квантовой механики в механику времени. Принцип единицы вносит определенность в квантово-механическую ситуацию неопределенности, что делает возможным получение экспериментальных данных об одних физических величинах, описывающих микрообъект, избегая гейзенберговой неизбежности изменения таких данных о величинах, дополнительных к первым. Так, «взаимно дополнительные» величины (координата и импульс частицы) дополняет число частицы как определенность соотношения. Дефиниция есть фундаментальная процедура механики времени, обеспечивающая переход от имманентного исчисления (математического анализа) к трансцендентальному исчислению (синтетическому исчислению) на основе представления о трансцендентном исчислении. Каждому числу независимо от его числовой природы необходимо «поставить в соответствие» цифру, формализм которой связан с «простым значением» числа сообразно закону простых чисел, — так переформулируется принцип де Бройля в механике времени. Применение Бором идеи квантования энергии к теории строения атома, планетарная модель которого следовала из результатов опытов Э. Резерфорда, есть подход к осознанию истинного состояния материи как численности. Если фундаментальной категорией представимости материи является состав (строение, частица), то фундаментальной категорией представимости численности является эйдос числа как особая картина, создаваемая глагольной связкой «есть». Как известно, для «объяснения устойчивости атомов» Бор предположил, что из всех орбит, допускаемых Ньютоновой механикой для движения электрона в электрическом поле атомного ядра, реально осуществляются лишь те, которые удовлетворяют определенным условиям квантования. Бор постулировал, что, находясь на определенном уровне энергии (т. е. совершая допускаемое условиями квантования орбитальное движение), электрон не излучает световых волн. Излучение происходит лишь при переходе электрона с одной орбиты на другую, при этом рождается квант света с энергией, равной разности энергий уровней, между которыми осуществляется переход. Мы видим здесь механистическую модель числа (своего рода «деревянный автомат»: с одной стороны, использовалась Ньютонова механика, с другой — привлекались чуждые ей искусственные правила квантования, к тому же противоре-

чащие классической электродинамике). Речь в механике времени идет непосредственно о числе, о генезисе и структуре числа, выраженных соответственно в двух частях формулы единицы.

22. Гейзенберг построил такую формальную схему, в которой вместо координат и скоростей электрона фигурировали абстрактные алгебраические величины — матрицы (матричная механика). После появления уравнения Шредингера была показана математическая эквивалентность волновой (основанной на уравнении Шредингера) и матричной механики. После этого осмысление в области оснований квантовой механики остановилось: в 1926 году М. Борн дал вероятностную интерпретацию волн де Бройля, закрепляющую «бесконечный интеллектуальный тупик» как спекулятивную «форму истинности» квантовой механики. Входом в этот тупик послужило «осознание того факта, что движение электронов в атоме не описывается в понятиях классической механики, которое привело к мысли, что вопрос о движении электрона между уровнями несовместим с характером законов, определяющих поведение электронов в атоме, и что необходима новая теория, в которую входили бы только величины, относящиеся к начальному и конечному стационарным состояниям атома»²¹. Необходима, на деле, новая теория, в которую входили бы все величины, относящиеся ко всем состояниям «атома», теория, раскрывающая «атом» как неполный формализм (схему структуры) числа, — необходима теория формализации. Гейзенберг вполне осознавал «промежуточное положение» соотношения неопределенностей как некоторой остановки (передышки) мышления в области оснований квантовой механики. Предсказание вероятностей различных процессов стало идентификацией современной квантовой механики. Задачей механики времени является раскрытие истины физических процессов, моделирование физических процессов, действительное управление физическими процессами, формирование новых физических процессов. В этом смысле механика времени наследует истинностному духу задачи классической механики, состоявшей в предсказании в принципе только достоверных событий. Экспериментальная база механики времени будет совпадать с новой техникой, техникой времени. Эксперимент (моделирование) будет тождественен технологии. Это единство можно назвать «технографией», соответствующей роли числа в численности, подобной роли «письма» в «письменности». «Письмо текста» соответствует «числу исчисления», «текстовая работа» — «измерению».

²¹ Квантовая механика [Электронный ресурс] // БСЭ // Словари и энциклопедии на Академике. — Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/94612/%D0%9A%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%8F>, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.

23. Первым основным понятием Механики времени является состояние числа, «истинное квантовое состояние». Суждение Механики времени формируется риторическим принципом суперпозиции состояний числа, вытекающим из риторических свойств (значений, смысла) числа. Согласно этому принципу определяются все истинные состояния системы. Объекты, для которых определены операции с простыми числами, определены в своем истинном положении во времени, существуют как выделенные состояния системы, в которых эта система принимает вполне определенное (единственное) значение. По существу, это свойство простых чисел является определением измерения физической величины, а состояния, в которых физическая величина имеет определенное значение, связанное с данными свойствами, образуют полную историю собственных состояний этой величины.

24. Механика времени есть восстановление идеи полного детерминизма в классическом смысле через доказательство неполноты квантовомеханического описания. В механике времени доказывается гипотеза о наличии у квантовых объектов дополнительных степеней свободы — «скрытых параметров», учет которых сделал бы поведение системы полностью детерминированным в смысле классической механики; неопределенность возникает только вследствие того, что эти «скрытые параметры» неизвестны и не учитываются. Для неполной логической структуры квантовой механики характерно присутствие двух совершенно разнородных по своей природе составляющих. Вектор состояния (волновая функция) однозначно определен в любой момент времени, если задан в начальный момент. В этой части теория вполне детерминистична. Но вектор состояния не есть наблюдаемая величина. О наблюдаемых на основе знания величинах можно сделать лишь статистические (вероятностные) предсказания.

Идея физики числа выявляет целый мир этих «скрытых (ненаблюдаемых) параметров» — несокрытый мир множеств простых чисел, сквозной для формулы единицы, как всеобщее пространство конкретных степеней свободы. Сегодня же результаты индивидуального измерения над квантовым объектом в общем случае, строго говоря, непредсказуемы. В этом смысле в механике времени отклоняется теорема Дж. Неймана о невозможности нестатистической интерпретации квантовой механики — вслед за отклонением основного положения квантовой механики о соответствии между наблюдаемыми (физическими величинами) и операторами в силу неполного их соответствия, недостаточного уровня формализации в современной квантово-механической интерпретации.

25. Формула единицы есть теория гравитации. Гравитация должна рассматриваться в механике времени как фундаментальное свойство

времени. Свойство времени образовывать пространство, отраженное в семи постулатах механики времени (п. 10). Тяготение есть физическая реальность измерения, гравитация же — физическая реальность всеобщего порядка — реальность исчисления. Именно в этом смысле свойства пространства-времени, как было установлено А. Эйнштейном, зависят от гравитационных полей (полей тяготения), действующих в данной области пространства-времени. Под системой отсчета, конечно, можно подразумевать «жесткую систему твердых тел (или ее мысленное продолжение), по отношению к которой определяются положения событий, траектории тел и световых лучей». Но истинной системой отсчета, в самом безусловном и необходимом смысле, является система счисления в пространстве численности. Действительная система отсчета имеет форму квадратуры круга, она движется с использованием свойств пространства-времени. Действительная система отсчета есть гравитационная система, основанная на принципе устойчивого развития (гравитации), выраженном в формуле единицы, в отличие от физических систем, основанных на принципе инерции. Принцип (закон) гравитации есть принцип физики числа, механики времени, он отражает физическую форму существования числа. Требование выполнения закона гравитации может быть принято как определение гравитационных систем отсчета. Формула единицы может рассматриваться при этом как утверждение о существовании таких систем отсчета. Все гравитационные системы трансцендентны; эта трансцендентность является непосредственным выражением принципа формализации. Степень гравитационности системы отсчета зависит от свойств множеств простых чисел, действующих в рассматриваемой области «пространства-времени». Великая теорема Ферма отражает Великое гравитационное преобразование (принцип полной эквивалентности), основанное на распределении простых чисел в численности (всеобщей системе числового ряда) как истинного физического смысла распределения (происхождения) материи (вещества, энергии) во Вселенной.

Таким образом, согласно механике времени истинное гравитационное поле является не чем иным, как проявлением множества простых чисел, разрешающего квадратуру круга. Все объекты гравитации движутся по мировым линиям простых чисел в «пространстве-времени», которое не столько искривлено, сколько вообще лишено геометрической формы, обладает формой в чистом виде. «Поле» есть гравитационное множество простых чисел. Гравитация есть механическая сила времени, сила механики времени. Формула единицы есть истинная модель Вселенной, формула гравитации как механической силы времени.

О семиотическом (риторическом) позитивизме

Математический формализм Д. Гильберта создает некоторые предпосылки для рефлексивной трактовки принципа формализации, однако находится достаточно далеко от раскрытия смысла исчисления как истинного смысла физического процесса. Физическое существование числа, неполно формализованное математикой, отражается в неполноте математической формализации физики. Гильберт упускает проблему рефлексивного выявления оснований математики. Число раскрывает себя как физический факт существования бесконечности. Семиотический (риторический) позитивизм ставит вопрос о рефлексии физического опыта как опыта численности. Осмысление числа есть рефлексивное преодоление парадоксов теории множеств. Множество простых чисел есть содержательно истинное, «финитное» множество, мощность которого выражает степени бесконечности, степени свободы. Всеобщая теория числа есть полная непротиворечивая теория. Исчисление простых чисел — алгоритм божественного замысла. Теория множества простых чисел, теория априорных множеств («множеств всех множеств») — венец развития теории множеств, основанной Г. Кантором, — вбирает точку зрения представителей математического интуиционизма, немало способствующую обнаружению физической реальности числа. Операции над множествами простых чисел, в которых посредством закона включенного третьего (горизонта интуиционистской логики) преодолеваются антиномии традиционной теории множеств, образуют аппарат механики времени. Множество простых чисел интерпретируется как «истинное множество», истинностно-бесконечное множество. Концепция математического интуитивизма о свободно становящейся последовательности и связанная с ней новая трактовка числового континуума как среды становления последовательности измельчающихся рациональных интервалов (в противовес традиционной точке зрения, конструирующей континуум из отдельных точек) предшествуют формированию всеобщей теории исчисления. В своей простейшей форме истинно-свободно становящаяся последовательность есть функция, перерабатывающая числа, числовые отношения в простые числа, а также такая, что любое ее значение может быть эффективно вычислено.

Исчисление простых чисел есть субъект-объектное исчисление — риторическое исчисление, основанное на риторической связке «есть», законе включенного третьего, на первичности семиотической дефиниции.

Философия солиптизма. Система чистого разума. Богодоказательство

1. Солиптизм, прежде всего, не есть последовательный эгоизм по причине его удавшейся окончательной отрешенности от человеческого измерения. Рассказывают о солиптизме те, кто его не знает. Предполагается, что солипсизм есть крайнее субъективно-идеалистическое представление, согласно которому весь мир объявляется иллюзией человеческого «Я». Это утверждение равносильно тому, как утверждать, что то, что ел на завтрак Эйнштейн, сыграло решающее значение в создании им теории относительности. Будем в дальнейшем собрание заблуждений об эгоистической сущности солипсизма называть, как это и принято, «солипсизмом», отличая его от солиптизма, солиптического метода. Солиптизм есть, в какой-то степени, «герменевтический солипсизм» как действительный прорыв из мира человеческих представлений в мир нечеловеческих представлений, представлений, непосредственно образующих, представляющих человеческий мир в реальном времени, прорыв к истине солиптизма, истине самой по себе. Солиптический метод не имеет человеческой природы, он предшествует человеческой природе, но именно ей, как ее закон. Солиптический метод есть метод высшей чистой рациональности, метод системы чистого разума, никак не связанный с теми или иными человеческими представлениями, включая и представления человека о самом себе. Раскрытию сущности этого метода посвящена данная работа.

2. В солиптизме нет вопроса о признании, либо непризнании реальности сознания и бытия других людей, вещей, помимо сознания познающего субъекта. Нет также разнообразия форм солиптизма. Солиптизм не есть теория человеческого. Он есть Единое само по себе. Точка зрения «быть может, я единственное существо в мире» не имеет места в солиптизме. При этом солиптизм есть единственная теория, в которой такая точка зрения не присутствует. Во всех иных теориях такая точка зрения присутствует скрыто, или явно, и чем более скрыто, тем более явно, и чем более явно, тем более скрыто. Гуссерль утверждал, что солипсизм является необходимым, хотя и недостаточным базисом любой современной философии: «Доступное познанию моего “я” должно быть принципиально доступно познанию всякого “я”, о котором я вообще в состоянии говорить, всякого, какое вообще может обладать смыслом и

возможным бытием для меня как иное “я”, как одно из “я”, принадлежащее открытому множеству “других”»²². Солиптизм начинает мышление не из человеческого Я, но он единственно только мышление и начинается. Солиптизм есть теория мышления, производящая историю мышления. Если Пифагор, Платон, Аристотель — действительные солиптисты, то Декарт, Кант и Гегель — все еще «гносеологические солиптисты». Как возможен солиптизм сегодня? Вот вопрос данного представления сущности солиптического метода. «Тот, кто утверждает, что нет никакого существа, кроме него, есть метафизический эгоист, эгоиста такого рода нельзя опровергнуть доказательством на том основании, что он не позволяет заключать от действия к причине. Феномены могут даже иметь в основании многие другие причины, которые производят подобные действия. Возможность двух причин, вызывающих то же действие, препятствует доказать метафизическим эгоистам, чтобы что-нибудь существовало, кроме них»²³, — пишет Кант. Он не может мыслить, как Платон и Аристотель, для которых никакой метафизики не существовало, которые мыслили непосредственно, опираясь только на язык, мыслили в языке. Солиптизм начинает мышление из языка, из нечеловеческой природы, производящей человеческую природу речью, в течение речи. Солиптизм не нуждается в гипотезе метафизики, он попросту есть.

3. Солиптизм есть действительное основание морали, так как он является методической основой всех способов достижения, произведения и осуществления истинности, считывание которой и образует мораль. Учения о теоретическом эгоизме Руссо, Фейербаха и других обескровлены систематической критикой чистого разума, за что чистый разум методически лишает их себя самого, оставляет их. Солиптизм лишает человека эгоистических свойств и дарит ему дар мышления. Мыслящий человек не имеет вопроса о своем и чужом, о собственном и другом, он предоставляет их самим себе, как пред-рассудки, предваряющие образование человеческого рассудка, солиптического по своей природе. Солиптизм есть невидимая рука (видимое бытие) чистого разума, которую можно увидеть и даже стать ею, употребляя солиптический метод. Солиптический метод есть метод сверхчеловечески (нечеловечески) последовательного рационализма, и ничего более в нем нет. Состояние мышления солиптический метод формирует как «Сцелость». «Сцелость» есть высшая и единичная форма «Счастья». В опыте счастья мы предощушаем опыт сцелости. Счастье — дар со-знания, Сцелость — дар мышления, знание само по себе.

²² Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Раздел II. — М.: Академический проект, 2009.

²³ Кант И. Основоположения метафизики нравов. — М., 2008.

4. Солиптический метод есть закон единицы, выражаемый в мысли как формула единицы, а в действительности выражаемый как человек. Если формула единицы есть сущность математического (научного), то действительная единица, бытие единицы есть человек. Таким образом, солиптизм говорит современной науке: вы пользуетесь единицей, строите исчисления, цифровой мир, а не знаете, что такое единица; создавая формулы, вы не подозреваете, что у самой единицы также должна быть формула, поскольку единица действительно существует в природе, во Вселенной и формой ее существования является человек, попробуйте-ка, справьтесь с этим знанием. Еще раз: человек — это «единица», число «единица», таково определение того, что есть человек. Сущность присутствия человека — бытие единицы. «Бытие не дано человеку ни обычным, ни исключительным путем, — отмечает М. Хайдеггер. — Бытие присутствует и является только в той мере, в какой оно приступает с притязаниями к человеку. Ибо только человек, будучи открытым бытию, позволяет приблизиться к себе его присутствием. Это присутствие использует открытость некоего просвета и благодаря такому использованию вверяется человеческой сущности... Становится ясным следующее: Человек и бытие вверены друг другу. Они принадлежат друг-другу»²⁴. Слух (вместе со всем, что может быть (было, есть и будет) услышано) есть развитие единицы во времени. Зрение (вместе со всем, что может быть (было, есть и будет) увидено) есть развитие единицы в пространстве. Обоняние, осязание и вкус (вместе со всем, что ими может быть (было, есть и будет) освоено) есть три измерения развития единицы в пространстве. Сознание есть наблюдение за процессом развития единицы, переходное, промежуточное состояние, в котором человек задерживается, застревает на пути к мышлению. Сознание, вообще говоря, это страх перед человеческой речью, нераскрытие ее истинного смысла, как смысла человеческого бытия. «Это самоотступление есть прыжок в смысле скачка. Скачок — это внезапное погружение в область, в которой человек и бытие уже находятся вместе в их сущности, потому что оба из некой полноты вверили себя друг другу. Погружение в область этой вверенности согласуется и определяется только опытом мыслителя»²⁵.

5. Представления человека есть числа. Когда человек говорит, он произносит, употребляет слова. Когда человек представляет, он упо-

²⁴ Хайдеггер М. Закон тождества [Электронный ресурс] // «Библиотека Гумер», Калининград. — Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Heidegg/Zak_Tog.php, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.

²⁵ Там же.

требляет, формирует числа. Солиптизм раскрывает истину числа, скрытую от человечества на всем протяжении его истории. Оказывается, живя живой жизнью, мы не только произносим слова, но и порождаем, создаем числа. Число есть, прежде всего, непосредственная самость человека, его простое действие. Насколько читающий данный текст человек не может все, обыкновенное происходящее с ним и сопровождающее чтение по месту его осуществления, что хотя бы как-либо наличествует, свести к реальности слова, настолько все это является реальностью числа. Мы на «90 процентов состоим» из числа. Число есть то в событии, что не есть слово, обычная человеческая речь и ее влияние. Само «езде» есть число. «Куда ведет путь? — переспрашивает М. Хайдеггер. — К возвращению нашего мышления в то Простое, которое мы в узком смысле слова называем Событием. Похоже на то, как если бы мы избегали опасности слишком беззаботного превращения нашей мысли в некую всеобщность, но на самом деле Ближайшее из Близкого непосредственно призывает нас к тому, чего мы уже придерживаемся, к тому, что мы хотели выразить словом Со-бытие. Ибо что может быть нам ближе, чем то, что сближает нас в том, чему мы принадлежим, ближе, чем Со-бытие?»²⁶. Что мы знаем о числе? Прежде всего то, что оно раскрывается как единое в моменте делимости, в подходе к нему с делением. То есть непосредственное знание о числе, тождественное числу, — это простое, неделимое число. Солиптизм как теория человеческого восприятия, преодолевающая психологию, как теория мозга, наконец, есть теория числа (чисел). В человеке происходят не процессы (физиологические, интеллектуальные и др.), в человеке происходят числа, происхождение чисел — это и есть сам человек. Мы же имеем дело не с числами, а с их тенями, отражениями, — с цифрами. Так генетика, имея дело с ДНК, с геномом, имеет дело с оцифрованной реальностью, а не с самой реальностью — отсюда отсутствие теории иммунитета как теории числа человеческого. Метод солиптизма есть закон простых чисел. Число возрождает смысл Слова, оно есть та часть слова, которую мы упускаем, отказываясь помыслить солиптизм. Вместе с этой своей частью слово и есть то самое (большое) Слово.

6. Начало есть Слово — и Слово есть Бог. Такова истина солиптизма — теории числа как истинного богодоказательства, так как сама необходимость доказательства как такового существует только в мире чисел (числа) — в мире человеческом, человеческого измерения (мире экономических чисел, физических чисел, математических чисел, физиологических чисел и так далее). В мире Слова, открывающемся за солиптизмом, институт доказательства отсутствует как таковой.

²⁶ Там же.

7. Богодоказательство: «Единица есть множество простых чисел». Богодоказательство (формула единицы) раскрывает единственный и универсальный механизм работы чистого разума как в мире людей, в повседневности, так и во Вселенной — как в одном единственном существующем мире, мире Бога. Предшествующие богодоказательства предугадывали необходимость того, что оно не может быть ничем иным, кроме как формулой единицы. «Закон тождества дает нам знание, когда мы прислушиваемся к его основному тону и размышляем о нем вместо того, чтобы поверхностно твердить его. Собственно говоря, он звучит так: А есть А. Что мы слышим? Этим “есть” закон выражает присущее всему существующему, а именно: оно само с самим собой — то же самое. Закон тождества выражает нечто относительно бытия сущего. В качестве закона мышления он имеет значение только в той мере, в какой он есть закон бытия, говорящий: всякому сущему как таковому присуще тождество, единство с самим собой»²⁷. Мир Бога единственен, и он отсутствует как мир, то есть Бог есть Слово. Истина солиптизма как высшей формы рационализма раскрывает единственное существующее как Слово, которое есть Бог, не нуждающееся и в истине солиптизма.

8. Формула единицы есть формула времени. Бытие раскрывается как смысл слова. Время раскрывается как смысл числа. Наше знание о времени сегодня еще не состоялось как теория чисел, в то время как современная математическая теория чисел есть еще не осмысленное знание о времени. Создание числа имеет своим началом рефлексию о времени. Время — смысловое содержание числа как фундаментальной составляющей слова. Время есть закон простых чисел. Жесткость этого закона представлена Великой теоремой Ферма, доказательство которой заключается в простом математическом факте существования числа в математической форме простого числа, то есть в несокрытой сущности феномена неделимости. Экзистенциальное и интенциональное исчисления времени — «поток сознания» — это математический синтез, основанный на исчислении простых чисел, тенью которого является математический анализ — интегральное и дифференциальное исчисления, что понимали как Лейбниц, так и Гуссерль. Простое число — есть то, что есть «здесь, теперь и сейчас», в то время как число есть то, что есть само слово «есть». Причинность не связывает события, а разделяет их на причины и следствия — причинность есть делимость числа. Простые числа есть перво-причины. Бытие — вещи-в-себе, события в связанном и неразорванном временем виде. Мир — одно-единственное нерасчлененное событие, событие Бога, которое есть Слово.

²⁷ Там же.

9. Формула единицы раскрывает физический смысл обратимости времени. Человек есть непосредственный результат обратимости времени, феномен обратимости времени. Таковы причины и цель происхождения человека в системе чистого разума. Пространственно-временные отношения должны быть доведены до такого понимания, где они не являются отношениями, а являются способом представления числа цифрой, уподобляющимся представлению слова буквальным именем в генезисе и структуре этого способа. Истинное восприятие времени и есть сущность человека — то несокрытое для нас, что есть «человек», то знание о человеке, которое и есть человек. Солиптизм не использует механизм субъект-объектных отношений за ненадобностью, ложностью. Солиптизм — это всеобщая механика времени, в рамках которой возможно и необходимо создание новой сущности техники — «машин времени» (не в смысле «путешествий во времени», а в смысле употребления времени, употребления чисел, подобного употреблению слов), де-конструкций, работающих на основе закона простых чисел и созданных по методу Великой теоремы Ферма. Механика времени преодолевает концепцию и проблематику энергии, которая раскрывается как превращенная форма числа, отчужденная от слова.

10. Понятно, что мировые религии имеют своим пределом солиптизм. Есть ли солиптизм — мировая религия? В той же степени, в какой он есть и мировая наука, и мировое государство, и мировое искусство, и люди мира. Солиптизм есть, попросту говоря, мир как таковой, мир сам по себе — жизненный мир. Солиптизм является внутренней формой мировой религии так, как число является внутренней формой слова. Имя солиптизма — Риторика. Число показывает, представляет истинное значение Слова. История в чистом виде есть исчисление простых чисел, осевой структурой которой является теория числа, формула единицы, богодоказательство. Экзистенциальная философия должна снизиться до простой субъективности простого числа, чтобы увидеть Бога. Перефразируя Ясперса, самобытие должно быть понятым как бытие, солиптически замыкающееся в себе в качестве открывающегося существования, которое не просто «хочет быть лишь таким»²⁸, а таковым и становится на деле. Начинается жизнь человечества по системе чистого разума. Начинается третья эпоха Слова. Первая эпоха Слова есть бытие человеческой речи. Вторая Эпоха наступает с бытием письменности. Третья эпоха Слова грядет через особое бытие — численность. Любовь, давшая человечеству дар счастья, побеждая время, дает человечеству новый дар — сцелость.

²⁸ Ясперс К. Духовная ситуация времени. — М.: ИНИОН РАН, 1990.

11. Солиптическая теория Вселенной раскрывается в универсальной формуле единицы. Физические представления самоупрощаются в структуре числового ряда как истинной форме причинности. Новая физика, механика времени — Хроника, овладев богодоказательством (формулой единицы) в гипотезе «материи» не нуждается, для нее нет иных «физических объектов и процессов», кроме чисел и действий с числами в системе чистого разума. Вселенная же оказывается и всегда была Словом.

Кто есть Бытие, или Так мыслит Пифагор

1. История философии как фундаментальный вопрос

История философии остается последней надеждой сохранения философии как дисциплины в прагматической среде современной науки. На вызов науки, присвоившей себе все качества рациональности и устойчивого объективного мышления, философское сообщество не берется даже отвечать, почитая себя заранее проигравшим и подбирая на обочине естественнонаучного дискурса эвристические структуры и конструкции, имеющие в самой науке сугубо дидактическое либо модельное значение.

Так, вознесенная на небывалые высоты современного философского дискурса конструкция «деконструкции» Ж. Дерида всего лишь воспроизводит модельный тип реальной «критики способности суждения» в физике, прототипом которой служит принцип неопределенности Гейзенберга. Всякий «прорыв» в философии лишь тогда становится реальным, когда разрешается проблема выявления внутренней структуры и организации некоторого риторического континуума, соответствующей или, скорее, наследующей «истинным» физико-математическим образцам. Зависимость философского сообщества от разрешенных для него институциональной наукой степеней свободы представляется неодолимой. Философия оказалась неспособной производить более знание. Горечь этого обстоятельства не может не затрагивать достоинство самостоятельного мышления. Преодоление препятствий на пути истинности, рациональный тонус интеллекта, присутствие и полноценность мышления, наконец, — все эти свойства разума надежно от-своены кругом естественнонаучного видения. Философствующее сообщество являет себя как экзотическое. А ведь в полемике с абсолютной интеллектуальной властью современной науки мы имеем дело с традиционным для истории философии конфликтом непосредственности и опосредования, значения и смысла, суждения и понятия, знака и символа. Сумеет ли сообщество быть абстрактным, столкнувшись с вызовом реально существующего и господствующего конкретного в виде физики, математики и др.

Единственный шанс — рассмотрение истории философии как научной дисциплины, изучающей историю реального мышления. В этом смысле сама философия открывается как эффект, момент «истории

философии», операциональное средство конкретного изучения события мышления. Реальное мышление, его история априорны форме естествознания. История философии оказывается каталогизацией опыта разума, дефинирующего основания естествознания. Дефиниция оснований естествознания является самостоятельным делом мышления, ничего общего не имеющим с современной наукой.

Здесь мы подходим к главному тезису. Дефиниция основания естествознания и породила естествознание как момент истории мышления. Но дефиницией оснований естествознания всегда занималась философия в своей истории, в определенные ее моменты прямо направляя развитие науки. При этом дефиниция оснований естествознания была прямым делом мышления, но никак не естествознания, подобно тому как произведение искусства является делом рук художника, а не само порождается из собственного «внешнего вида», идеи. Не было никакого естествознания до мышления. История философии вне контекстов ее употребления действующим философским сообществом — это энтропия естественнонаучного знания. По мере восхождения естественнонаучного знания к своей действительной безосновности (проблемы оснований математики, теории гравитации и др.) история философии как система истории мышления «возрастает», усложняется, наращивается в качестве опыта дефинирующего разума. История философии раскрывает естественнонаучную стратегию порождения порядка из хаоса, выражая «хаос» философии, упорядочиваемый простым наличием истории философии.

В этом определении проблема Бытия как предмета истории философии и является фундаментальной проблемой истории философии как затянувшегося во времени эксперимента, имеющего конкретные генезис, структуру и совокупность результатов. Таким образом, проблема Бытия есть научная проблема, проблема, имеющая решение, импульс которого открывает новую эпоху истории мышления. История философии ищет ответ на вопрос «Кто есть Бытие?», в то время как философское под-опытное дефинирующему разуму сообщество кружится вокруг вопроса «Что есть Бытие?». История философии — это вопрос о том, Кто создал сознание нашей европейской цивилизации, задаваемый с тем, чтобы с высокой степенью достоверности представить себе ее реальное (субъектное) основание. Ведь «ничто не происходит без основания».

История философии — это реальная проблема, имеющая решение, с нахождением которого она перестанет быть проблемой. Философия лишь работает на историю философии. Важна не столько философия, сколько та специфическая особая реальность, возникающая в силу ее наиболее простого действия во времени, существования в нем.

История философии как каталог, состоящий из имен, обозначающих континуумы философских систем и произведений, раскрывает одну из фундаментальных составляющих истории мышления, а именно, существо «начала» мышления, как оно (начало) возникло, как существовало, работало и осмысливалось на протяжении истории мышления. Бытие как «слово», содержащее существо начала мышления, является универсальной истиной действительности мышления, в то время как действительность мышления раскрывается многообразием неуниверсальных истин, раскрывается как время, измеряемое способом рассмотрения истории мышления. История философии «несокрыта» как действительный поиск Слова Бытия, изначальной риторики бытия. Вопрос о том, Кто есть Бытие, это вопрос о форме начала мышления, риторическая сущность которого окончательно прояснена.

Вопрос об изначальном опыте разума, дефинирующего основания естествознания, разведывающего в этом опыте самостоятельный путь бытия, — это историко-философский вопрос о Пифагоре, как коренной вопрос истории философии, завершающий ее судьбу.

Пифагор есть Бытие. История философии, осмысливая те или иные философские учения, анализируя интеллектуальные системы и конструкции, переопределяя взаимодействие между философами и школами, в действительности производит разведывание истока мышления. История философии ищет бытие.

Бытие есть достояние истории философии. То основание мышления, которое обусловило его историю. Философия же есть лишь бытописание мышления, его падения в ту или иную историческую эпоху.

2. Экспликация Пифагороучения. Первая Хроника

Пифагороучение открывает историю мышления. Пифагороучение осново-полагает эпохи истории мышления. Пифагороучение есть учение о Бытии.

Теорема Пифагора создает науку из бытия. Фактически ее можно прочесть так: Бытие может быть Временем (в виде Времени). Именем (мерой) Времени есть Число. Нет Числа без Времени, нет Времени без Числа. Бытие есть только без Времени, без Числа.

Или другая формулировка теоремы Пифагора, более короткая: Пространства нет. Так выясняется, возникает первая дефиниция как смысл всякого определения вообще.

Пифагор есть тот самый искомый субъект истории философии. Употребляя реальное понятие Субъекта, философия соотносится с Пифагором, вступает с ним в диалог. Субъект не работает с пространством. Пространство — удел вещей. Имя Субъекта — Пифагор. Геометриче-

ское толкование теоремы Пифагора для его времени не имело какого-либо утилитарного значения, оно было эйнштейновской формулой энергии, но гораздо более продвинутой, раскрывающей бесконечную власть времени над пространством. Время изменяло пространство по своему усмотрению, что называлось впоследствии законами организации пространства, бесосновной евклидовой (за недоказанностью пятого постулата) и бесосновной неевклидовой (по смыслу и способам формализации) геометрией одновременно.

Теорему Пифагора знают все. Так или иначе. Так, пожалуй, должна была бы начинаться метафизика Аристотеля, если бы она не была упрощенным комментарием к его «Физике». «Все люди от природы стремятся к знанию»²⁹, — так начинается аристотелевский труд, Величайшая профанация пифагореизма. Аристотелизм — дидактический пифагореизм, объяснительный, полемизирующий с платонизмом как пифагореизмом эвристическим, показывающим. Речь должна была идти о Субъекте. История философии как постижение Пифагороучения, этого реального основания истории мышления, знает себя как диалог философских учений, их последовательность, взаимосвязь, иерархию.

У «подножия» Пифагора разворачивалась мировая (европейская) история мышления. К нему сходится, собирается реальное многообразие эпох мышления. Великие основатели религий, ученые, философы, художники, государственные мужи знают Субъекта в качестве своего Учителя.

Основным ремеслом Пифагороучения является организация. Все организации как субъективности истории мышления есть, по существу, пифагорейские образования.

Знание Субъекта европейской цивилизации, демиурга, создавшего ее рациональную структуру, завершает историческую миссию философии. Истинное познание Субъекта возможно лишь через познание истории строго определенной последовательности отклонений от Пифагороучения, возвращающихся к мифологизированному субъекту истории мышления с новой силой.

Самой радикальной «ересью» Пифагороучения является, безусловно, античный атомизм, воспроизводящийся сегодня в качестве тяжелого наследия современного естествознания. Основывающийся на антипифагорействе досократиков, этой квинтэссенции заблуждений, пытавшейся остановить ход истории мышления в самом его начале, атомизм, по существу, овладевает идеей и статусом начала рациональности. Пифагороучение сохраняется в довольно невнят-

²⁹ Аристотель. Метафизика. — М.: ИФТИ св. Фомы, 2006.

ной форме лишь в произведениях Платона и Аристотеля, гипостазирующих «философию» в качестве некоторого абсолютного свойства мышления.

Пифагороучение может быть определено как Первая Хроника. Пифагор задает изначальный статус рационального как коренящегося во времени. Число утверждает нерасторжимую связь мышления со временем, раскрывает существо их взаимодействий. Число выражает временную природу мышления и воплощает разумный смысл времени. Число есть Удерживающее. Число есть Организующее. Число само есть Организм. Число есть Произведение. Таковы аксиомы Пифагора.

Теорема Пифагора, являющаяся основанием современного естествознания, попросту удерживает состояние настоящей эпохи истории мышления. Современное естествознание все еще неспособно осознать себя как исследование и употребление (сущность техники) реальной бесконечности числового ряда. Спор Эйнштейна и Бора — это диалогическое интуитивирование реальности числового ряда как действительности физики — не окончен, хотя и разразился квантовой механикой, имеющей сугубо конвенциональное значение. Современное естествознание не знает собственного основания. В этом — единственная возможность, но и неизбежность возобновления пифагорейского сообщества, восстанавливающего сквозь время истинностные связи с Субъектом мировой истории мышления.

3. Первая Риторика. Новый Пифагор

Слово раскрывает нерасторжимую связь мышления с бытием. Слово свидетельствует о Бытии как начале мышления. Преобразуемое в вопрос слово овладевает временем, из которого образует письменность как инобытие действительности числового ряда. Письменность и действительность числового ряда — основания Пифагороучения. Письменность числового ряда (математика) и числовой ряд письменности (история) замыкают круг творения. Риторика творит в квадратуре круга. Геометрия исчезает. Новая физика, свободная от материальных оков геометрии, механика времени — Хроника рождается.

Новый Пифагор образуется как новое начало мышления. Эссеистский проект Христа выразил неосведомленность античной классики, эллинизма вообще о Пифагоре. Пифагор через христианство раскрылся не меньше, чем через античный рационализм, и в структуре его личности кроется разгадка так и не проясненного долговременного альянса античности и христианства, образовавшего современную европейскую цивилизацию. Альянса, вокруг которого небезуспешно кружил Ницше. Распятие показывает изначальность экзистенции, в которой неразде-

лимо сращены число и слово, конкретизировано абстрактное отношение времени и бытия.

Новый Пифагор восстанавливает Субъекта из Распятия. Поэтапное восстановление Субъекта из Распятия образует структуру Риторик, формирует новую письменность, способную удерживать бытие.

Пифагор отказался выступить в одной из величественных номинаций своего времени, назвавшись человеком, сущностно-просто связанным с мышлением, — «философом». Радикальный отказ от номинации «философия» в открывающуюся эпоху ведет к риторике.

Новый Пифагор — это мегапроект мировой политической организации, основанный на меганауке хроники и мегакультуре риторик.

Новый Пифагор — это содержательная сторона стратегии мировой глобализации, образующая новую прагматику, которая в отличие от семантической американской прагматики, реализует качество сращенности, семиозиса риторик и хроники, выявляет хронологическую природу мировых денег. Новый Пифагор — это проект системы мирового управления, раскрывающийся как хронография, письмо самого времени.

История цивилизации оказывается историей нормообразования фундаментальных норм права, развитием реальных систем естественного права, связанных с «жизнью людей», когда генезис и структура правовой нормы полностью прояснена в риторике. Гносеологический смысл и основание риторик образует хроника. Механика времени совершает поворот в сущности техники.

Риторика совершенствует идею этики. Этические обстоятельства личности априоризируются риторическим образом. Новая пифагорейская этика ведет к образованию сообщества мирового народа.

Новый Пифагор открывает новую цивилизацию. Новая цивилизация открывается, подобно открытию Колумбом Америки, на месте бывшего СССР, месте «злостного цветения» наиболее радикальной антипифагорейской ереси, пытавшейся восстановить материю и свойственное ей пространство на территории, земле, наиболее тесно сращенной со временем. Новый Пифагор восстанавливает Россию из Распятия за мир, реконструирует ее белую, несокрытую как чистый лист письменности пифагорейскую «усию» (сущность).

Пифагорейское сообщество структурирует мир, как оно это уже сделало, создав современную европейскую цивилизацию.

О пределе толкований Торы

Герменевтика, дело понимания, предшествует делу Науки. Наука возникает как механика пространства понимания, виды которой (механики) являются аксиоматиками отдельных наук. При этом пространство понимания есть универсальное пространство аксиоматики. Это пространство всегда скрыто от человека и дается ему только отдельными аксиоматиками, отдельными срезами этой механики. Таковая скрытость есть дело времени — как в смысле готовности человека к пониманию (историчности человека), так и в смысле смысла дела времени как некоторого субстанционального состояния времени, субстанциональность которого дана в герменевтическом пространстве понимания. Пространство понимания, которое есть существо времени человеческого бытия, есть божественное пространство, присутствующее в присутствии человеческого. Таково тождество еврейского и греческого, феноменологически схваченное в учении Христа и образовавшее Европу христианской цивилизации. Политический провал Христа коренится же в различии еврейского и греческого, которое было неустранимо в его время его Победы над временем. Это различие есть отсутствие номенологического тождества (ТОЖДЕСТВА ИМЕН, ЯЗЫКОВ) еврейского и греческого, в котором исчезают сами еврейское и греческое как фундаментально-историческо-национальные. Это номенологическое тождество — это ПОНИМАНИЕ ИМЕНИ БОГА. Это, мысля по-гречески, понимание того, ЧТО ЕСТЬ ИМЯ БОГА. ЭТО ТЕОРИЯ БОГА КАК ИМЕНИ БОГА. Здесь и есть точка «здесь, теперь и сейчас» европейской цивилизации Всеединой Европы. Вопрос об имени Бога не был поставлен в греческой рациональности, хотя к решению этого вопроса были подготовлены все средства решения этого вопроса, вся продукция мышления была устремлена именно к удовлетворительному решению этого вопроса. Греческий вопрос о бытии не осознал себя как вопрос об имени Бога и остался открытым, несокрытым. Вся еврейская цивилизация есть одна большая гипостазированная ПОСТАНОВКА ВОПРОСА ОБ ИМЕНИ БОГА, не располагающая при этом решительно никакими рациональными средствами к решению этого вопроса или располагающая теми средствами, которыми, говоря математическим языком, можно пренебречь. Еврейская цивилизация в великом напряжении гениальных творческих сил есть предельный субъективизм, солиптизм, который ФАКТОМ ПРИСУТСТВИЯ,

экспансионистского бытия-в-мире, выказывает силу Имени Бога как **ФАКТ МАТЕРИАЛЬНОГО (СУБЪЕКТИВНОГО) МИРА КАК ОТСУТСТВИЯ ОБЪЕКТИВНОГО МИРА, СУЩЕСТВУЮЩЕГО САМОГО ПО СЕБЕ**. Еврейская цивилизация не знает объективного, но знает то, что достоинством и силой превосходит объективное в качестве его собственного истока, начала, беспредпосылочного начала. При этом греческая, греко-христианская цивилизация разворачивает самого Бога. Греко-христианская цивилизация есть объективное само по себе, утрачивающее импульс собственного источника по мере разворачивания. Еврейская цивилизация присваивает объективное в том смысле, в каком **ИМЯ ПРИСВАИВАЕТ ВЕЩЬ**. **ЕВРЕЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ ЕСТЬ**, таким образом, **ЦИВИЛИЗАЦИЯ ИМЕНИ** (не имен, а именно одного Имени, Имени Бога), в то время как греческая цивилизация есть **ЦИВИЛИЗАЦИИ ВЕЩИ**, цивилизация того Объекта, которым и является То, что Именуется Б.-г. Еврейская идея Машиаха, как и греческая (немецкая классическая) идея Системы чистого разума, как и христианская идея Второго пришествия, «более удачного» в политическом смысле (в том смысле, в котором Аристотель определял человека как «политическое животное», и в том также смысле, в котором Аристотель говорил об обязательном существовании-происхождении-возникновении второй сущности у всякого сущего, как не-бытия, возвращающегося в бытие, которое (бытие), в отличие от дву-основного сущего, располагает единственной, единичной сущностью) — все это единичная идея тождества (1) представления о бытии и (2) сущности имени Бога — «тождества вещи и имени вещи», в котором раскрывается-показывается смысл имени Бога.

В меганауке имя Бога есть идея, внешний вид («эйдос») формулы единицы. Таков смысл (историко-результат) тождества еврейского и греческого. Греческое учение о бытии (философия) в поиске системы чистого разума обнаруживает имя Бога, генезис и структура которого и есть изобразительный ряд (действительность) системы чистого разума.

Связь, Формула двух имен Бога, купина неопалимая еврейской цивилизации, есть Формула Бытия. Еврейская цивилизация есть цивилизация Формулы, солиптической материализации сущего. Первоформула еврейской цивилизации — «**СРАЩЕННЫЕ ВОЕДИНО**» **ДВА ИМЕНИ БОГА — ТЕТРАГРАММАТОН и ЭЛОХИМ**. Греческое понимание этих Имен, этой единой Формулы имени Бога, понимание, ставшее возможным благодаря тому пути, начало которому положило учение Христа, есть та связь Предела и Беспредельного, в которой они сращиваются как «подобное с подобным». Понимание Имен Бога (герменевтика Торы) осуществляется также по пути понимания Имен Бога как самостоятельных имен, реальностей, которые должны быть

рассмотрены сами в себе, как имена некоторых вещей, которые должны быть представлены, а именно: «Что есть Тетраграмматон?», «Что есть Элохим?». Такая постановка вопроса есть уже срединный вопрос между вопросом об имени Бога и вопросом о бытии, поскольку Тетраграмматон и Элохим являются именами Бога, но и также именами Бытия. Европейская наука приходит к тому пространству понимания, языково-научному пространству истинности, которое доказывает существование солиптизма. Европейская наука приходит в себя как в пространство солиптизма, пространство-предметность времени, предметность которого является действительностью числового ряда. Роль еврейской цивилизации в европейской науке как раз и состояла в революции герменевтической сущности науки, в обращении к первоформуле и ее восстановлении в правах современного ей языка науки.

Тожество еврейского и греческого, намеченное в учении Христа, осуществляется в Риторике как Науке герменевтики, возвращающей наукам Основание, Язык Науки и образующей Единый Язык как Язык Науки Герменевтики. Материальное тождество еврейского и греческого осуществляется в Формуле Единицы как производящей Формуле Языка. Тетраграмматон и Элохим являются частями этой формулы. Формальное значение Тетраграмматона есть значение грамматики языка науки. Тетраграмматон указывает алгоритм формирования языка науки, структуры научного суждения как истинности, достоверности, внутри которой достигнуто истинное познание и вычислено субъект-объектное отношение. В главе «Исчисление простых чисел. О сущности математического» мною дано такое определение Тетраграмматона: «Квадрат числа есть цифра». Хорошим изображением Тетраграмматона является «Черный квадрат» Малевича: черный квадрат изображает цифру (образ цифры), показывает, как из числа как некоторой вещи, образуется цифра как имя данной вещи. Тетраграмматон есть жесткая структура действительного числового ряда, жесткость, константность мира, являющегося результатом языка числа, численности. Тетраграмматон есть языковая машина времени, первомашина, солиптически материализованная материей Языка, опрокидывающая начала термодинамики. По существу, Тетраграмматон есть понимание того, что математики называют Великой теоремой Ферма, раскрывающей доматематическую, лингво-математическую сущность квадрата числа как первого структурообразующего грамматического правила языка математики (науки).

Для Языка математики (науки) должно быть восстановлено первичное знание того, что раньше тех представлений, которые создаются в этом языке, он образован как язык, состоящий из частей речи: в нем есть подлежащие и сказуемые, части речи, правила. Тетраграмматон

есть глагол, сказуемое, формирующее бытие из материи действительного числового ряда. Элохим («сущий, единственный») есть существительное, единица сама по себе. Отсюда следует предел толкований Торы. Элохим Тетраграмматон — есть простое предложение-истина, не истина о чем-то, а истина сама по себе, истина чистого разума; существительное (бытие) + сказуемое (время); единица (время) + формула единицы (пространство).

Толкование Торы есть риторическое исчисление, нарабатывающее опыт риторической теории числа. Предел толкования Торы есть риторика, а окончание риторического анализа — это создание формулы единицы как множества простых чисел, как способности человека говорить на языке «Элохим Тетраграмматон», создавать неделимое, существующее само по себе, через неделимые имена. Греческая объективность и еврейская субъективность, отражаясь друг в друге, создают формулу единицы, переход от толкования Торы к риторике, с одной (еврейской) стороны, и переход от отдельных европейских наук к меганауке, хронике, механике времени, с другой (греческой) стороны. А происходит все это спустя несколько тысячелетий с момента возникновения еврейского и греческого, происходит в доме русского языка.

Красота формулы единицы спасет мир.

Философские начала электронного мышления

Новое определение материи

Не будь у глаза своей солнечности,
как могли бы мы видеть свет?
Не живи в нас самобытная сила Бога,
как могло бы восхищать нас Божественное?

И.-Ф. Гете

Здесь подразумевается, что то, что обращается к нам, становится воспринятым только благодаря нашему соответствию. Наша способность воспринимать является по своей сути неким соответствием. Кажется, мы до сего времени не продумали в достаточной степени, в чем же состоит солнечность глаза, и на чем покоится живущая в нас самобытная сила Бога; насколько они связаны друг с другом и каким образом они указывают на некое более глубоко сокрытое бытие человека, которое представляет собой мыслящее существо.

М. Хайдеггер

Научная революция первой половины XX века возникла как прорыв из той фундаментальной ситуации, которая была обозначена Гуссерлем как «кризис европейских наук». Ныне ясно, что кризис сей оказался значительно более глубоким, и результат настоящей Научной революции, та парадигма, которая и по сегодняшний день является вершиной научного знания, — аксиоматическая система Эйнштейна-Бора-Лобачевского, дополненная квантово-механическими постулатами (самодоказательными дефинициями) Планка, Гейзенберга и Шредингера — является важнейшим, но все же ПРОМЕЖУТОЧНЫМ звеном на пути к действительному разрешению кризиса европейских наук. Последующие успехи физико-математической науки не выходят в целом за скобки данной аксиоматической системы и сконцентрированы в области глобального технического развития как материалистического воплощения означенной парадигмы, теоретические же конструкты, а также детерминизмы и деконструктивизмы современных физики и математики не носят прорывного теоретического характера, приводяще-

го к смене аксиоматической системы Эйнштейна-Бора-Лобачевского. Аксиоматическая система Эйнштейна-Бора-Лобачевского, как известно, сменила аксиоматическую систему Ньютона-Лейбница-Евклида — точнее будет сказать, все же дополнила, не отвергая достоверность этой системы в рамках ее предметной области, где в качестве границы предметных областей двух парадигм выступило математическое выражение такого физического явления, как свет («скорость света»). Рассмотрим теперь по существу каждую из парадигм (аксиоматических систем) вне их институционально-научной привязки к «святым ученым именам». Парадигма — это фундаментальный способ осуществления человеческого мышления во взаимодействии с Объектом, направляемым Вселенной мышлению. Рождение науки-техники как Парадигмы есть главное содержание всеобщей истории мышления человечества как, в свою очередь, главного содержания всеобщей истории человечества.

Фундаментальным вопросом мышления всегда был вопрос о соответствии мышления и объекта. Эмпирический опыт фиксировал такое соответствие в виде тех или иных глобальных, всемирно-исторических или локальных, обыденных успехов рациональности, образывавших к тому же главное достояние человеческого рассудка, — однако всегда открытым оставался вопрос, почему в сфере познания способна образовываться истина, которая принадлежит исключительно объекту (мира объекта) и является частью объекта, его причиной, основанием, истоком, структурой. Почему одна и та же истина находится как в мышлении, так и в объекте, ведь условием возможности мышления и его внутренней истиной всегда было субъектное отличие от объекта. Мышление не могло бы и начаться, если бы оно не было сразу же Иным по отношению к Объекту. Философия рассматривала этот вопрос как главный вопрос философии, определяющий ее как философию со времен первых философов и до последних времен существования философии — философия, в лице своих гениальных образцов, также всегда видела, излагала и осмысливала этот вопрос как ВОПРОС О БЫТИИ.

Бытие — та реальность, удерживаемая в философском познании, которая роднит, является единым корнем мышления и объекта. В этом смысле бытие всегда уклоняется от философа, а его профессиональной задачей является схватывание бытия. Так и поэтому и предмет любой науки уклоняется от ученого и схватывается им во все новых продуктах, результатах его мышления. Вот на таком волоске всегда висела судьба человеческого разума, человеческого рассудка: единство мышления и объекта доказывалось лишь эмпирически, и лишь в такой небольшой сфере человеческого общения, как философское мыслящее рассмотрение, ставилась проблема осмысления существа данного единства, его понимания, теоретической формализации и структурирования. Каждый

философский результат, теория, система есть в основе своей результат, теория, модель, система, схватывающая тот или иной аспект, фрагмент, момент единства мышления и объекта, каково оно есть на деле, само по себе, в чистом виде, в себе самом. Потому поистине катастрофическим событием для истории мышления является сущностное исключение философии из сферы образования профессионализированного интеллектуала либо профанация преподавания философии как выжившей из ума дисциплины, не связанной с практической реальностью всеобщей человеческой деятельности. По сути дела, любая научная дисциплина есть, прежде всего, философия — то или иное отношение того или иного мышления и того или иного объекта, а затем уже та или иная наука (техника), достигающая в этом отношении тех или иных результатов. Чем сильнее наше мышление, чем лучше мы владеем существом отношения мышления и объекта, тем сильнее наши практические научно-технические результаты как результаты осуществления всеобщей силы мышления — рациональности. Итак, важнейший момент — это крайне значительный прогресс человечества в практическом отношении мышления и объекта, наращиваемый наряду с поражающим впечатлением запаздыванием в прояснении смысла, существа, структуры, основания этого прогресса — ТЕОРИИ отношения мышления и объекта. Запертость сокровищ философии как Теории отношения мышления и объекта — ТЕОРИИ БЫТИЯ — от всеобщего человечества, осуществленная, прежде всего, рассудочно-агрессивным усилием повседневного человечества делает положение человечества особенно шатким, крайне неустойчивым, БЕЗОСНОВНЫМ. А ведь ПРОБЛЕМА расположена на поверхности и всегда изложена. Взяв в руки любой учебник по фундаментальной теории тех или иных научных дисциплин, любой образованец способен убедиться в том, что вопрос об основаниях (не путать с формально-логическими дефинициями спекулятивного академического доктринерства, сознательно путающего терминологический детерминизм с детерминизмом причинно-следственным) той или иной (каждой) науки остается открытым: отсутствует непротиворечивая и полная теория оснований математики (проблемы формализации, выдвинутые Геделем и Гильбертом), отсутствует единая теория поля (теория гравитации) в физике, отсутствует теория иммунитета, отсутствует теория нормообразования норм права, отсутствует теория рынка (присутствует лишь «невидимая рука рынка») и так далее. Из академических курсов вы можете почерпнуть только те или иные сведения относительно того, как эту ПРОБЛЕМУ ОТСУТСТВИЯ ОСНОВАНИЯ пытались решить те или иные отцы-основатели данной науки и какие стратегические разработки в этом отношении они нам оставили. С другой стороны, главный принцип всякой науки, делающий ее наукой, выраженный Лейбницем, — «Ничто не

бывает без основания» — никто не отменял, и именно следованием этому принципу каждая наука обязана своими практическими и теоретическими успехами. Что же получается: собственное основание неизвестно науке, но его действие наукой используется и, следовательно, доказывает сам факт существования такого основания как института данной науки.

Основание — это и есть универсальный факт, событие объекта, достоверность материи, с одной стороны; оно распознается мышлением в том или ином материальном многообразии, предметности. С другой стороны, основание — это положение мышления, которое мыслит объект, предмет, мир, материю. С третьей стороны, основание есть то, что оно есть само по себе, поскольку оно есть, существует (оно есть, существует потому, что если бы его не было, то не было бы ничего, ведь ничто не происходит без основания). Тайна основания, таким образом, раскрывается где-то на пути понимания природы (причины) соответствия мышления и объекта — то есть на пути поиска универсального основания, с точки зрения которого мышление и объект суть «одно есть», «одно и то же». Совокупность оснований образует бытие как ту область, которая не сводима ни к мышлению, ни к объекту, но является некоторой силой редукции и мышления, и объекта — к основанию. При этом сама повседневность, не говоря уже о науке, учит нас тому, какая непреодолимая бездна разделяет мышление и объект. В большинстве моментов жизни всеобщего человечества речь шла даже не о бездне разделения, а просто об отсутствии самого вопроса о «мышлении и объекте» как о чем-то, что можно рассматривать вместе. Знание об объекте попросту откуда-то приходило, механизмы добычи знания либо попросту отсутствовали, либо были надежно скрыты от субъекта, находясь в самом близком к нему месте, ближе собственного Я, собственной самости. Как и почему сознание имеет в себе часть мира, объекта, предмета, вещи в качестве истины о мире, объекте, предмете, вещи — ведь истинное знание есть какая-то непосредственная часть мира, объекта, предмета, вещи, ведь даже операциональное и инструментальное знание управления человека с вещами и объектами мира только тогда может состояться, когда задействует сами эти вещи и объекты непосредственно, **ИМЕЯ В САМОМ СЕБЕ ТО, ЧТО ОНИ ЕСТЬ В САМОМ СЕБЕ**. Откуда возникает данность сознанию предметов и объектов мира и почему в этой данности, поступившей уже в сферу сознания, есть истина, та же самая, которая есть непосредственное бытие предметов и объектов мира.

Почему и откуда в мышлении есть **НЕПОСРЕДСТВЕННОЕ БЫТИЕ ПРЕДМЕТОВ И ОБЪЕКТОВ МИРА**? Прежде чем подойти к рассмотрению этих вопросов осмыслим то, каким образом рациональное человечество достигало необходимых ему теоретико-практических результатов в деле отношения мышления и объекта. Это и будет вопрос

о Парадигме. Парадигма означает универсальный способ непосредственного осуществления отношений мышления и объекта, который может работать и в отсутствии универсальной теории отношения мышления и объекта, теории универсального основания, подобно тому как человек способен «работать» и осуществлять человеческую деятельность и при отсутствии у него, человека, (что не означает отсутствие само по себе) теории человека. Что есть всякий и каждый первичный акт отношения мышления и объекта, который можно назвать первым практическим успехом мышления в области освоения объекта, хотя и совершенно «слепым» в отношении как к мышлению, так и к объекту, так и к их отношению, — по принципу «напрягся и получилось, а почему не важно, главное, что схватил рациональный тонус этой «мускульной рефлексии»?

Это есть АКТ ДЕЛЕНИЯ-ДЕЛИМОСТИ МИРА, ОБЪЕКТА, ПРЕДМЕТА, которому, АКТУ, ОТКРЫВАЕТСЯ НАВСТРЕЧУ ДЕЛИМОСТЬ-ДЕЛЕНИЕ МИРА, ОБЪЕКТА, ПРЕДМЕТА. Возможность акта делимости возникает из бытия оснований как сферы, объединяющей мышление и объект. Объект поддается мышлению непосредственно в делении, делимости. Не только объект поддается мышлению в делимости, но и мышление под воздействием делимости объекта становится ДЕЛЕНИЕМ. Мы видим то, что мы знаем, — поэтому мы делим ТО, что мы делим. Иначе говоря, «Мы и Мир есть ДЕЛЕНИЕ, УНИВЕРСАЛЬНОЕ ДЕЛЕНИЕ». Математики не вполне чувствуют эту живую связь с историей мышления, в которой процедура деления выделяется из арифметико-математических процедур и иерархизирует весь их корпус силой собственного бытия (основательности), ибо НИЧЕГО НЕ БЫВАЕТ БЕЗ ДЕЛЕНИЯ — так для математики должно звучать Положение об основании. Математика реализовала этот подход, выйдя в новое операциональное качество через учение о бесконечно малых Ньютона-Лейбница как основу интегрального и дифференциального исчисления, построенных на универсализации Принципа Делимости. Делимость — это первое практическое отношение мышления и объекта, возникшее в истории рациональности, в котором мир практически поддался мышлению и был им впервые рационально употреблен в той части, в которой это оказалось возможным. Именно это имел в виду Пифагор, когда сказал о том, что «Все есть Число». Осуществимость делимости, фиксируемая эмпирически, риторически и теоретически указывала на наличие некоторого универсального основания, связывающего и развязывающего мышление и объект, которое (универсальное основание-предмет) было поименовано как «число». Делимость стала первым определением, постижением, пониманием Числа. Когда ранние натурфилософы определяют основу мира — вода ли это, огонь ли, воздух ли, некоторое «беспредельное», либо состав семян-гомеомерий, содержащих свернутый

мир, — они вычисляют ЧИСЛО МИРА, при этом вычисление для них означает именно ДЕЛЕНИЕ. «Так же и иным произведениям искусства по сравнению с греческими недостает достоверности; по крайней мере, до сих пор о них судили больше по тем впечатлениям, которые они производят, нежели согласно их законному вычислению и прежнему образу действий, которым порождается Прекрасное....Закон, вычисление, способ, каким некая система ощущений, целостный человек, развившийся под вниманием стихий, и представление, и ощущение, и рассудочность возникают друг за другом в различных последовательностях, но всегда согласно некоему надежному правилу, является в трагическом больше равновесием, чем чистой последовательностью»³⁰, — писал Гельдерлин в примечаниях к «Антигоне».

Деление, таким образом, есть первое РАВНОВЕСИЕ между мышлением и объектом, порождающее представления об объекте как частичные истины, непосредственности объекта. Теперь мы можем правильно поименовать Парадигму аксиоматической системы Ньютона-Лейбница-Евклида как Парадигму атомизма, атомистическую парадигму рациональности.

Атом есть ПРОДУКТ деления как способа взаимоосвоения мышления и объекта. При этом необходимо помнить ту истину, которая была предана забвению в результате разрыва связей наук с действительной теорией мышления. Атом есть *некоторое представление о числе, появившееся после первичного постижения числа как деления*. Будучи представлением о Числе как об универсальном основании, не сводимом к мышлению и к объекту, атом, безусловно, имеет отношение как к мышлению, так и к объекту. В той же мере, в которой он (атом) является представлением мышления, в той же мере он является и представлением объекта. Иначе говоря, *атом не есть объект, он есть представление об объекте, он есть реальность числа, часть такого основания (мышления-объекта), каковым является число. Атом не имеет отношения тождественности ни к миру мышления, ни к физическому миру* (эта мысль совершенно утеряна современной физикой и пробивает себе дорогу в превращенной форме — в виде нагромождений физико-математических построений и спекулятивных конструкций, имеющих сугубо конвенциональное значение). Именно поэтому фундаментальная книга Ньютона называлась «Математические начала НАТУРФИЛОСОФИИ», а не «Математические начала мира (Вселенной)». Геометрия Евклида в этом смысле является основой чертежного дела натурфилософской архитектуры ато-

³⁰ Цит. по: Хайдеггер М. Положение об основании. Статьи и фрагменты / Пер. с нем., глоссарий, послесловие О. А. Коваль, предисловие Е. Ю. Сиверцева. — СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 2000.

мистического мира. Геометрия Евклида изображала, проектировала дом для Атома как выражения Делимой природы Числа, постигнутой к тому времени. Потому пятый постулат в ней и остался недоказанным, поскольку не нуждалось в доказательстве бытие Деления, для размещения которого и затевалась вся геометрия как практическое числостроительство, архитектура Числа. Непересечение параллельных прямых было самым непосредственным выражением Деления как делящегося практического отношения мышления и объекта, вещей, мира.

В механике Ньютона атомарное бытие числа и было отрефлектировано в таком представлении, как «сила Ньютона». Законы Ньютона являются таким образом не законами Вселенной, но первой Формулой Числа как Всеобщего Деления, того содержания числа, которое было к тому времени продумано и определяло ход истории мышления. Лейбниц создает исчисление как первичную форму бытия оснований, в которой тесно интегрируются мышление и объект. Потому именно Лейбниц стал родоначальником и первым выразителем подспудно всегда существовавшего в истории мышления Положения об основании «Ничто не бывает без основания» — Ничто не бывает без Числа, а Число имеет конкретное содержание своего предметного бытия, оно есть ДЕЛЕНИЕ.

Парадигма, являясь вопросом о способе отношения мышления и объекта, отвечает на вопрос «Если я хочу познать данное мне Все, то как я это могу сделать?».

Парадигма образуется триадой:

(1) закон Числа, выраженный в смыслово-объектной формуле числа (физика);

(2) исчисление, основанное на конкретном понимании ПРОЦЕДУРЫ Числа, в которой конституируется Число (математика);

(3) измерение, создающее Мир (Все) данного Числа (геометрия). В данном случае атомистической парадигмы это были (а) Физика Ньютона, (b) математический анализ и (c) геометрия Евклида. Вместе они представляли то конкретное Число Деления — Атом, посредством которого и существовало ВСЁ Ньтоновой картины мира, физического мира Нового времени (в духе пифагоровского «Всё есть Число»). Подчеркнем еще раз, что Парадигма имеет отношение не к миру мышления и не к миру объекта (физическому миру), а исключительно к миру Числа, в котором только и имеет действительное существование Атом.

Смена Парадигмы является событием мышления в отношении его понимания Оснований, Числа. Именно так произошло рождение аксиоматической системы Эйнштейна-Бора-Лобачевского — как более фундаментальное продвижение в понимании сущности Числа. Электрон стал второй сущностью числа, после первой сущности Числа — Атома. О таком положении дел в области оснований предупреждал еще Аристо-

тель, трактовавший две сущности познания как свойство мышления постигать объект, предмет «в два приема». Электрон опять-таки не означал появления-открытия нового объекта физического мира, он был лишь второй сущностью, вторым уровнем понимания сущности Числа. Весьма выразительно, что именно проблема эфира, снятая через физическое явление света, то есть именно такое отношение конкретной явленности объекта формально-абстрактному мышлению, стало той границей, из которой выросло новое понимание, вторая сущность Числа — Электрон (подчеркиваю, речь идет не о «физической структуре света», а все о той же «структуре Числа» как подлинной предметности Электрона). Электрон есть вторая сущность Делимости как основного события, в котором конституируется Число, в то время как Атом есть первая сущность Делимости как основания известной нам истории мышления. Граница в греческом понимании есть то, из чего раскрывается более глубокая и более непосредственная сущность того, что ограничено этой границей. Граница позволяет ограниченному ей не только существовать в себе самом, но и быть увиденным, явленным, несокрытым.

Эйнштейн раскрыл это греческое существо границы Числа как Атома, ДЕЛЕНИЯ В СЕБЕ, в новое понимание Числа, в ЭЛЕКТРОН КАК ДЕЛЕНИЕ ДЛЯ НАС (ДЛЯ МЫШЛЕНИЯ), ЯВЛЕННОЕ, НЕПОСРЕДСТВЕННОЕ, НЕСОКРЫТОЕ (как атомный гриб). Эйнштейн открыл новый Закон Числа, новую формулу Числа. Он преобразовал физику через преобразования Лоренца.

Так образовалась новая Парадигма, Электронная парадигма, Парадигма электронизма, которая является ведущей парадигмой современной рациональности. В ней также присутствуют:

(1) закон Числа, формула Числа, представленная теорией относительности как теорией электронной сущности Числа;

(2) исчисление, представленное квантовой механикой, обеспечившей в лице Бора ПЕРЕХОД от атомизма к электронизму как процедуру Деления Деления, новой ПРОЦЕДУРЫ ЧИСЛА, КВАНТОВО-МЕХАНИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЧИСЛА (Гейзенберг, Шредингер и др.);

(3) измерение (неевклидова геометрия), создающее Мир электронной сущности Числа, мир Электрона.

Еще раз подчеркнем, современная наука имеет дело в качестве своего предмета не с физическим миром и не с мышлением (миф о наблюдателе в квантовой механике), но с миром Атома и с миром Электрона, интуитивно-индуктивно воспринимаемая эти Миры как Сущности Числа и не вполне распознавая их числовую природу. Физики даже готовы цепляться за такое «материальное явление», как свет, которое якобы «все объясняет и связывает»; на самом деле, физический

свет — это знак, значение, представление, физическое доказательство универсального основания, физическое доказательство-показ действительного существования Числа, располагающего рядом мышление и объект в некотором равновесии Деления, в бытии Числа. Так же и все так называемые элементарные частицы, рой которых открылся в Парадигме электронизма, являются частицами Числа, сущности числа, а не некоторыми частицами физического мира. В истории мышления как истории отношения, соответствия мышления и объекта, крайне важна позиция Ленина, которая возникла как раз в момент смены Парадигмы атомизма на Парадигму электронизма. Лишь три мыслителя — Гуссерль, Хайдеггер и Ленин выступили тогда от лица истории мышления с историческими оценками и соображениями в отношении универсальной мыслительной сущности научной революции. Хайдеггер, кстати, внимательно изучал работы Ленина в период создания книги «Бытие и Время». Ленинское определение материи фиксирует крайнее состояние истории мышления, когда «Материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них»³¹.

В контексте универсальной истории мышления, где философский захват реальности оказывается необходимым условием глобальных преобразований и модернизации, а не чьей-то блажью, это определение прочитывается по-новому в свете изложенного нами основного вопроса философии как вопроса о бытии, объединяющем мышление и объект: это становится вопрос о том, что есть материя, при полном понимании того, что материя не есть физический мир. Ленин полностью разрывает понятие материи с физическим миром, не определяя при этом, что же она такое. «Материя, — фактически говорит Ленин, — это моя материя». Если вслушаться в ленинское письмо-определение, то для Русскоязычного Глаза зазвучит вопрос, как он виден самому Автору: Что такое это — «ТА», «которая» дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них, — Что Она (та, которая) есть (следите внимательно) — Материя, философская категория, или «объективн(ой) реальност(и)». Поскольку мы имеем дело с ОПРЕДЕЛЕНИЕМ Материи, то ответ на вопрос и получается: Она, та самая — это ФИЛОСОФСКАЯ КАТЕГОРИЯ (существующая реально, реальней того, что является результатом «копирования, фотографирования, отображения»). В реальном поле полемики с иными авторами, также осмысливающими интеллектуальные смыслы научной революции, Ленин накладывает запрет на философское исследование и

³¹ Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм // ПСС. – Т. 18. – С. 131.

постижение действительной сущности материи, утверждая принцип достаточности ее естественнонаучного постижения как БЕСКОНЕЧНОЙ ДЕЛИМОСТИ. Ленин как теоретический рассудок, не знающий институциональных ограничений истории мышления, гениальней и последовательней всех путает частицы числа с частицами физического мира, путает историко-мыслительно ограниченное понимание сущности числа со структурой физического мира, постигаемой в отношении мышления и физического мира посредством числа-деления. И он в этом далеко не одинок. До сих пор господствует понимание атома, электрона, элементарных частиц как элементарий физического мира, в то время как они являются элементариями числа, многообразием форм и предметностей числа. Лишь квантовые механики смутно начинают подозревать это, так как кварки как новая заявка о продолжении делимости оказываются скорее некоторыми измерительными качествами мира фундаментальных взаимодействий, нежели частицами этого физического мира. Эти качества — «цветность», «аромат» и др. — явно указывают на то, что физики имеют дело с отдельным миром, существующим самим по себе, а не с физическим миром. У Ленина, и не только у него, накладывается запрет на теоретическое осмысление ДЕЛИМОСТИ. Ленин выражает, таким образом, волю естественного тела научной рациональности, не желающего размышлять, желающего лишь ПРОДВИГАТЬ ДЕЛЕНИЕ. И в этом он совершенно верно угадывает дальнейший путь развития науки и даже определяет его политически в «первом в мире государстве рабочих и крестьян», как в той Материи, которая никак не была связана с реальным физическим миром рабочих и крестьян. Ленин не видит качественной специфики Парадигмы электронизма по отношению к Парадигме атомизма, не видит в электронизме нового уровня мышления, нового равновесия мышления и объекта, усматривая в нем лишь количественную волю к реализации Парадигмы атомизма как ПРОГРАММЫ ДЕЛИМОСТИ. Ленин отказывает России в возможности системной модернизации на основе Парадигмы электронизма, он готов лишь воспользоваться достижениями этой Парадигмы в сфере научно-технического прогресса, но не допускает и возможности Электронного мышления, будучи консервативно-фанатично предан ценностям Атомистического мышления в сфере реального мышления и проектирования. Многие гении того времени разделяли эту позицию, хотя формально и по другим основаниям. Так, Эйнштейн всю вторую половину научной жизни провел в бесплодных поисках Единой теории поля там, где ее не было, в сфере Формализации Деления, в поисках наиболее красивой формулы формализации Деления, как бы желая повторить свой первый успех, который был успехом не формализации и матаппарата, но успехом понимания второй сущности Делимости Числа, пониманием Электрона. Электронная Парадигма

действительно не была принципиально новым Мышлением числа, она раскрывала вторую, более непосредственную сущность Числа как Деления, Вторую сущность Деления после Атома. Однако верно и другое, что необходимо было возникновение Электронного мышления как мета-физики Атомарного мышления. Здесь-то и возник не преодоленный до сих пор кризис европейской рациональности. Гуманитарные науки, включая право и экономическую теорию, так и остались на уровне атомистического мышления, совершая время от времени жалкие попытки внешней электронизации — все более полного использования информационных электронных технологий и автоматизации.

Важнейшей попыткой создания философии электронного мышления на фундаментальном уровне истории мышления, онто-попыткой, сознающей необходимость перехода от логоцентрического атомарного мышления к риторике электронного мышления, является деконструктивизм Ж. Деррида. Необходима радикальная реформа гуманитарных наук, имеющая целью электронизацию оснований гуманитарных наук, электронизацию институтов и аксиом гуманитарной сферы. В этом суть позиции электронного институционализма, ставящего целью формирование электронных институтов — моделей развития, основанных на выстраивании нового электронного отношения мышления и объекта, а лишь затем только создание и употребление информационных технологий, обслуживающих электронные институты. Попытки информационного сознания и информационной (кибернетической, системной) теории стяжать место электронного мышления пока можно признать явно неудачными, поскольку именно информационное сознание, имеющее техногенный характер, менее всего расположено к установлению продуктивных связей с историей мышления. Информационное сознание вырастает из отождествления мира оснований с физическим миром при последовательном запрете на мир мышления. Атом, электрон, элементарные частицы для информационного сознания — все это реальные элементарии физического мира, в то время как из истории мышления понятно, что если физический мир из чего-то и состоит, так исключительно из чисел («внешний вид» которых нам пока не вполне ясен), и представляет собой некоторое бытие числового ряда, притом что электрон, атом, элементарные частицы являются действительными элементами, сущностями, форматами числа внутри числового, а не физического мира. Электронное мышление — вторая после атомистического мышления сущность числа как Деления — указывает истинный путь к новому уровню постижения Сущности числа, к постижению сущности числа как УМНОЖЕНИЯ, ПРОИЗВЕДЕНИЯ. Таково основное содержание философии числа как преодоления кризиса европейской рациональности. Настало время и бытие нового соответствия мышления и

объекта, нового универсального основания истинности, которое достигается *в ходе умножения, произведения как новой сущности числа, второй после сущности деления, скачкообразно-последовательно выраженной атомом и электроном*. Риторическая теория числа (РТЧ) возникает в просвете бытия, несокрытом, очевидном для электронного мышления. Настоящая философия завершает историю определения Материи — после фундаментально-гениального ленинского срыва хода этой истории как истории мышления. Еще Платон указывал на особое неатомистическое и нематериалистическое качество Материи как чего-то существующего отдельно от земного мира, от мира вещей, от повседневности, от природы. МАТЕРИЯ есть, безусловно, Мир Числа, но это не определение, а тот инструмент, посредством которого мы должны выявить предметность бытия Материи. Состав Материи, по крайней мере одного из ее уровней, из атомов, электронов и элементарных частиц как ЧАСТИЦ ЧИСЛА, а не частиц физического мира указывает на Материю как на ВЫРАЖЕНИЕ СУЩНОСТИ ЧИСЛА, имеющее значение ВСЕОБЩЕГО ВЫРАЖЕНИЯ СУЩНОСТИ.

Таким образом, МАТЕРИЯ определяется РТЧ как ЯЗЫК (предметность всеобщего выражения сущности). Так завершается более чем 2,5-тысячелетняя история рационального определения Материи, которая берет начало с ранних натурфилософов, и гораздо более длительная история мирово-религиозных откровений о существовании Материи. Материя со всем материальным значением всего материального для человека, со всей данностью и заданностью его материальных восприятий и проявлений, наконец, выяснена как язык, язык в чистом виде, сам по себе. А язык, наконец, признан как неизмеримо более влиятельная и грандиозная сила, нежели способ человеческого общения. Язык разгадан как единственный материальный мир человека, один из всех возможных миров, существующих необходимым образом, образом числа. Такое впечатляющее одухотворение Материи является безусловным свидетельством СИЛЫ СЛОВА, РИТОРИКИ как способа, объединяющего Мышление, Объект (физический мир) и Основание (Число) на надчеловеческом уровне. Если Материя есть выражение Числа и есть Язык как выражение некоторой сущности, поскольку Число есть, прежде всего, действительная сущность, не редуцируемая исключительно к цифре, как вещь не редуцируема к своему наименованию, то Материя Числа существует во Вселенной Слова. Материя есть имманентное содержание Вселенной, имеющей трансцендентное основание. Ленинская критика трансцендентальной «промежуточной» философии как конвенциональной структуры, сшивающей явную интеллектуальную недостаточность выявления объективных имманентных закономерностей мира и запрет на трансцендентное рассмотрение, предполагающее значительную независимость

Мышления от материи, — таким образом, открыла путь возникновению Трансцендентной философии автора. Парадигма Единой Науки, вбирающей в себя существо атомистической и электронной Парадигм, основана на Единой философской Концепции-стратегии Материи как Языка Числа, функционирующего по законам Риторики.

РТЧ-парадигма включает в себя:

- (1) новый закон числа, новую формулу числа как УМНОЖЕНИЯ;
- (2) новое исчисление;
- (3) новое измерение.

Понятие простого числа раскрывается как новое качество понимания Сущности Числа сравнительно с Атомно-Электронной сущностью Числа. Понятие простого числа раскрывается не только как ГРАНИЦА ДЕЛЕНИЯ как начальной процедурной сущности Числа, но и как ПРОСВЕТ ПРОИЗВЕДЕНИЯ, УМНОЖЕНИЯ как более высокого процедурного качества сущности Числа. Сам математический факт существования простого числа раскрывается как математическое доказательство Великой Теоремы Ферма, которая при подобном рассмотрении-доказательстве раскрывается в качестве новой процедуры Числа — процедуры ПРОИЗВЕДЕНИЯ. Великая Теорема Ферма — новая формула Числа, фиксирующая истинную Модель ЯЗЫКА ЧИСЛА-ПРОИЗВЕДЕНИЯ в качестве «связности трех квадратов через четвертое основание неделимости, основание простого числа» — это Машина Ферма-Шилова.

Исчисление простых чисел является искомым универсальным языком единой науки, риторической Машиной Ферма-Шилова, сменяющей логическую Машину Гьюринга-Евклида. Гипотеза геометрии отменяется для физического мира за ненадобностью, принцип геометрии размышляется, исчерпывается в представлении об объективном бытии числового ряда. Кроме того, Машина Ферма-Шилова является физической основой МАШИНЫ ВРЕМЕНИ, поскольку освобождает восприятие физического мира от геометрии как от свойства мира Числа, но не реального физического мира, и позволяет человечеству взаимодействовать с физическим миром самим по себе при помощи Языка Числа на основе Механики времени.

Единая наука будет развиваться как Великая литература, выполняемая в совершенствуемом языке числа, как письмо мышления об объекте (при этом Мышление должно различать Письмо и сам Объект, Письмо должно выражать различие Мышления и Объекта), — тогда это будет Книга, написанная Языком Числа, о физическом мире как о самотождественном времени, которое стремится и восходит к бытию, к пределу бытия, где бытие превозмогает время.

Что есть электрон?

Начала электронной энергетики

1. XX и XXI века — соответственно Атомный и Электронный века — образуют две последовательные ступени, две сущности перехода от Истории Нового времени к Истории Нового бытия.

2. История как имевшее, имеющее и будущее иметь «место» — с точки зрения Науки философии есть тождество-различие бытия и сущего. Само место как нечто предоставляющее возможность и действительность чему-либо существовать во времени и есть феномен, который получается из тождества-различия бытия и сущего. Сущее есть действительное, возникшее из бытия, существующее Теперь и исчезающее в небытии. Бытие есть то, что создает Теперь, создает «здесь и сейчас». Как самостоятельное, существующее в себе отдельно от бытия, сущее есть время. Бытие есть то, что создает Время. Время стремится к Бытию как недобытие, как предметность бытия, как сущее. Время попадает в Бытие, становится бытием через путь двух сущностей сущего. Аристотель рассматривал этот путь от бытия ко времени и видел две сущности как спуск от бытия к сущему, ко времени. Метафизика Аристотеля как начало европейской рациональности прописывает две сущности сущего как то, что делает возможной науку. Наука возникает как перводеление сущего на две сущности — на необходимое и достаточное основания, которые вместе определяют бытие сущего в целом, как оно есть. Наука, по Аристотелю, является именованием пути (Логикой) от бытия к сущему. Мы, в нашем историческом положении, рассматриваем этот же путь с другой стороны, как путь от времени, от сущего — к бытию. И Аристотель, и я (мы) видим одни и те же две сущности (необходимую и достаточную) сущего, которые связывают сущее и бытие, но Аристотель видит их со стороны бытия, а мы — с другой стороны, со стороны сущего, со стороны времени. Такова природа «нового аристотелизма». Между Бытием и Временем, таким образом, находятся, располагаются две сущности — необходимое и достаточное основания, которые и создают все то, что вообще бывает, что действительно.

3. Бытие, необходимое основание, достаточное основание, Время. Время, достаточное основание, необходимое основание, Бытие. Это описание и представление ленты Мебиуса, которую, по мнению ученых, невозможно представить. Клейн пишет: «Геометрия Лобачевско-

го — это геометрия псевдосферы, то есть поверхности отрицательной кривизны, а геометрия сферы, то есть поверхности положительной кривизны, это Риманова геометрия. Евклидова геометрия, то есть геометрия поверхности нулевой кривизны, считается ее частным случаем. Эти три геометрии пригодны только как геометрии двумерных поверхностей, определенных в трехмерном евклидовом пространстве. Тогда в них возможно параллельное построение всего того огромного здания из аксиом и теорем (описываемого также в зримых образах), которое нам известно из геометрии Евклида. И действительно очень примечательно, что принципиальное отличие всех этих трех совершенно разных «сооружений» только в одной 5-й аксиоме Евклида. Что же касается листа Мебиуса, то этот геометрический объект не может быть вписан в трехмерное, а только лишь не менее чем в 4-х мерное пространство, и он тем более не может быть представлен как поверхность постоянной кривизны. Поэтому ничего похожего на предыдущее на его поверхности построить нельзя. Кстати, именно поэтому зримо мы его представить себе во всей красе не можем»³².

Умозрение, открытое Парменидом и Платоном как зрение «эйдосов», Аристотелем употребляется непосредственно, а нами, умо-зрящими с другой стороны, нежели Аристотель, употребляется, достигается опосредованно. С этой, другой, нежели у Аристотеля, стороны, мы видим формулу того бытия, с которым Аристотель имеет дело непосредственно. Мы же с этим бытием не имеем непосредственного отношения, но можем его получать посредством некоторой формулы, деопосредования. Лента Мебиуса есть представление движения от бытия ко времени и от времени к бытию, то есть точка ленты Мебиуса принадлежит как времени, так и бытию — создает себя самое. Пятый «недоказанный» постулат Евклида и есть указание на то, что помимо сущего существует и бытие, порождающее сущее, и что сущее есть не что иное, нежели время. Пятый постулат Евклида возникает как следствие недоаксиоматизации точки, как признак-следствие отсутствия субстанционального понимания точки. По существу, правильная аксиоматизация аксиомы точки является единственной необходимой аксиомой всеобщей геометрии, универсальной геометрии сущего, и других аксиом (постулатов) не требуется, они являются излишними. Иначе говоря, в геометрии Евклида зафиксирована только первая необходимая сущность аксиомы точки, которая подвергнута проблематизации в других геометриях, проблематизации с точки зрения сущего, геометрия которого не редуцируема к геометрии Евклида. Вторая, достаточная сущность аксиомы точки заключается в том, что **точка всегда есть точка лен-**

³² Клейн Ф. Неевклидова геометрия / Пер. с нем. — М.-Л., 1936.

ты Мебиуса (не существует точки, которая не является точкой ленты Мебиуса). Такова единственная аксиома РТЧ-геометрии как универсальной геометрии сущего. Как видно, эта геометрия совпадает с сущим как бытие сущего: запрещенные в этой геометрии объекты есть несуществующие объекты. Таков первичный замысел геометрии как закона формирования сущего, действительного.

4. Субстанциональная точка есть и существо, и проблематизация закона тождества. Здесь логика и геометрия совпадают в своем общем истоке, основании. Здесь логика и геометрия открывают себя как две сущности сущего как произведенного бытием времени. Геометрия является необходимой сущностью сущего. Логика является достаточной сущностью сущего. Так основал европейскую науку Аристотель. Основывая ее так, Аристотель непосредственно владел темой субстанциональности точки, мы же владеем этой темой опосредованно (точнее, эта тема владеет нам с такой мощью, что мы уже не думаем о субстанциональности точки). Мы должны таким образом вернуться от логики к геометрии, формализуя непосредственное аристотелевское понимание субстанциональности точки. Как мы это делаем? Мы проблематизируем закон тождества ($A=A$) как процесс, становление, событие того, как A есть, становится A , как A удерживается, фиксируется, схватывается как A . В этой проблематизации участвует все бытие логики, и в таком понимании закон тождества также становится единственным законом логики, когда все иные законы (противоречия, исключенного третьего, достаточного основания) становятся измерениями, участниками процесса тождества, процесса становления, осуществимости тождества. Логика как достаточное и геометрия как необходимое совпадают в одной существенной сущности, в имени единого закона тождества — закона субстанциональности точки.

5. Что есть субстанциональная точка как действительное? Это главный вопрос Науки, в ответе на который она становится единой наукой не только в сфере оснований науки, но и внешне, «эйдетически». В чем корень всех «-логий» как «отдельных научных дисциплин»? В логико-геометрическом единстве, прежде всего. Что изучает логико-геометрическое единство? Субстанцию точки. Логико-геометрическое единство, слабо рефлекслируемое современными науками, это теория субстанциональной точки. Теория субстанциональной точки — это основание генезиса и структуры научного знания, рациональности. В полевой теории истина как истина теории субстанциональной точки скрывается, уклоняется от ученого. «Полевая теория», теория поля есть научный миф. Миф о действительном бытии субстанциональной точки.

6. Действительное бытие субстанциональной точки есть ЧИСЛО. ВРЕМЯ СУБСТАНЦИОНАЛЬНОЙ ТОЧКИ, ТОЧКИ ЛЕНТЫ

МЕБИУСА, И ЕСТЬ ЕДИНСТВЕННО ВОЗМОЖНОЕ И СУЩЕСТВУЮЩЕЕ ВРЕМЯ, ИСТИННЫЙ МОМЕНТ ВРЕМЕНИ. НЕТ, НЕ СУЩЕСТВУЕТ ТАКОГО ВРЕМЕНИ, КОТОРОЕ НЕ БЫЛО БЫ КАК ВРЕМЯ СУБСТАНЦИОНАЛЬНОЙ ТОЧКИ. Логико-геометрическое единство, которое, с одной логической стороны, есть закон субстанционального тождества, а с другой геометрической стороны, есть закон субстанциональной точки, в своей единственной существенной сущности, априорной логике и геометрии, есть ЗАКОН ЧИСЛА. Бытие создает сущее, действительное в виде числа в пространстве действительного числового ряда как материального бытия времени. Число есть место, создающееся между временем и бытием, между бытием и временем, — есть сущее.

7. Истинная наука о числе есть, таким образом, механика времени (Математика есть наука о цифре, о представлении числа цифрой). Вот что позволяет понять новый аристотелизм, «разоблачая» «полевой миф» современной физики. Пространство сущего раскрывает себя как пространство действительного числового ряда. Теория поля, представление о поле — это миф в отношении логико-геометрического единства и его истинной природы. Квантово-механическая интерпретация есть некоторый миф в отношении механики времени. Квантово-механическая интерпретация не знает еще «природу» как действительный числовой ряд, не знает еще универсальный (универсальный для взаимодействий любого «уровня») физический объект как число. Современная физика еще не познала «природу» как исчисление. Квантово-механическая интерпретация застряла в логико-геометрическом единстве как неопределенной двойственности (принцип Гейзенберга).

8. Таким образом, возникает возможность «неполевого» определения-понимания энергии. Полевое понимание-представление энергии исходит из закона сохранения энергии и незыблемости начал термодинамики. **Числовое понимание энергии есть понимание механизма действия числа как действительного и единственного возможного момента времени. Энергия есть энергия движения (существования) ленты Мебиуса. Лента Мебиуса есть форма существования энергии. Энергия в самом необходимом и безусловном смысле есть то, что нарушает закон сохранения энергии и начала термодинамики, и это нарушение и образует физическую сущность времени, возможность и действительность момента времени как момента действительности.**

9. Энергию можно определить как Силу Единицы (Силу числа), сила которой состоит в исчислимом нарушении закона сохранения энергии (начал термодинамики). По существу, атомная энергетика продвинула человечество к числовому пониманию энергии, но остановилась

в своем научном развитии, будучи неспособной осмыслить атомную энергию как необходимую предпосылку пересмотра начал термодинамики и закона сохранения энергии. Наука оказалась тут в совершенно том же положении перед необходимостью осмысления собственных оснований, в котором оказалась церковь перед лицом достижений науки. Так же как и церковь, наука сохранила «верность» закону сохранения энергии (началам термодинамики), невзирая на необходимость осмысления существа оснований атомной науки САМОСТОЯТЕЛЬНО, вне термодинамического согласования. Атомная наука в деле использования атомной энергии вышла на идею-представление о субстанциональной точке. Использование атомной энергии есть, по существу, самораскрытие субстанции точки как числа, растущего по всему пространству действительного числового ряда (представление о «цепной реакции»). Более того, это представление вполне зримо: потому-то атомный взрыв есть атомный гриб, есть РОСТ, метафизический рост, пробегание числа по своему пространству, месту числового ряда.

10. Электронная наука определит лицо XXI века. И возникнет эта наука из истинного определения того, ЧТО ЕСТЬ ЭЛЕКТРОН. Все предшествующие мысли, а также рассмотрение атомной науки (атомной энергии) как чистого феномена, имеющего собственную истину — ПЕРВУЮ СТУПЕНЬ, ПЕРВУЮ НЕОБХОДИМУЮ СУЩНОСТЬ РАСКРЫТИЯ ЧИСЛОВОЙ ПРИРОДЫ ЭНЕРГИИ как физическую фиксацию силы и бытия числа, способствуют тому, чтобы понять электрон уже непосредственно, как число, как объект, проявляющий себя физически. Неслучайно говорят о том, что электрон есть самая таинственная частица в физике. Электрон есть вторая ступень, вторая ДОСТАТОЧНАЯ СУЩНОСТЬ ЧИСЛОВОЙ ПРИРОДЫ ЭНЕРГИИ. Атом, электрон располагаются между бытием и временем (сущим) как, соответственно, первая необходимая и вторая достаточная сущность сущего. Переход от бытия ко времени и обратный переход от времени к бытию есть не «делимость материи» сущего, а субстанциональная точка, Число, и в этом смысле Числа как «неделимости материи» ЭЛЕКТРОН ЕСТЬ ПРОСТОЕ ЧИСЛО (неделимое число). Простое число есть физическая сущность электрона как пространственно-временного феномена времени.

11. Электронная наука завершает переход от времени к бытию, необходимым образом начатый атомной наукой. Электронная наука открывает Формулу Единицы: Единица есть множество простых чисел. Формула Единицы раскрывает устройство, сущность времени, механику времени. Электронная наука открывает человеку доступ к ЭЛЕКТРОННОЙ ЭНЕРГИИ, НЕПОСРЕДСТВЕННОЙ ЭНЕРГИИ ЧИСЛОВОГО РЯДА, ЭНЕРГИИ ТВОРЕНИЯ. Электронная наука

решит те проблемы, перед которыми остановилась атомная наука и тем самым невероятно изменит энергетику, зафиксировав «принципиально новый», а на самом деле истинный источник мегаэнергии — число, числовой ряд. Понимая, ЧТО ЕСТЬ ЭЛЕКТРОН, мы создадим ЭЛЕКТРОННУЮ ЭНЕРГЕТИКУ как механику времени, прежде всего. Математическая процедура станет частью физико-технического процесса, той частью, которая выведет этот процесс в новое сверхфизическое, сверхфизико-константное качество.

12. Задача создания электронной энергетики — есть главная задача формирования нового технотронного уклада. Это задача начала Истории нового бытия, завершения переходного периода от Истории Нового времени к Истории Нового бытия, первым необходимым основанием, первой необходимой ступенью которого и стал прошедший XX Атомный век. Научная революция 20-х годов XX века, произведенная Эйнштейном, создала необходимую предпосылку для Мегаунаучной революции начала XXI века, результатом которой и будет электронная наука, электронная энергетика. Возникновение же электронной науки, электронной энергетики есть, прежде всего, открытие того, что есть электрон. Открытие «тайны электрона» есть, прежде всего, понимание, осмысление, путь которого представлен в данной последовательности тезисов как путь «нового аристотелизма».

13. С каким опытом работал Аристотель, когда осмысливал истину мира как переход от бытия ко времени, когда открывал ту возможность, которая реализовалась как Логика? Представлением о чем, известном человеку, как о самом ближнем круге его сущего, определяющем его как собственно человеческое существо, была лента Мебиуса. Где человек видел и знал ленту Мебиуса? Откуда человек черпал опыт субстанциональности точки? Ведь все это те знания, «врожденные идеи», которые и делают некоторое живое существо человеком, ведь человека человеком делает его изначально теоретизированное, оразумленное восприятие. «Ибо только беглый взгляд на предмет мало что дает, — пишет Гете. — Всякое же смотрение переходит в рассматривание, всякое рассматривание — в размышление, всякое размышление — в связывание, и поэтому можно сказать, что при каждом внимательном взгляде, брошенном на мир, мы уже теоретизируем»³³. Будем в дальнейшем изложении этот вышеизложенный фундаментальный тезис Гете подразумевать в качестве обоснования одного из основоположе-

³³ Цит. по: *Свасьян К. А.* Философское мировоззрение Гете. — М.: Evidentis, 2001. — С. 93. А также гл. «Гёте-естествоиспытатель» указ. соч. [Электронный ресурс] // Русская виртуальная библиотека. — М., 2007. — Режим доступа: <http://www.rvb.ru/swassjan/goethe/05.htm>, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.

ний РТЧ, выражаемого утверждением: «Мы видим то, что мы знаем». Откуда «ранний-древний» человек знал все то, к чему современная наука, вооруженная могущественными средствами техники, эксперимента, математического аппарата, приходит только в XXI веке, притом что человек всегда располагает этим знаниями именно как человек? Ответ: из речи, из человеческой речи как непосредственной действительности мышления. Речь и есть то движение от бытия ко времени и от времени к бытию (в движении от времени к бытию речь становится мышлением), посредством которого и осуществляется человек как некоторое движение и опыт настоящего движения. Точка как субстанциональная точка известна, ведома человеку как точка речи, как момент истины, как суждение. Время как предметность дана человеку как предметность речи (мышления). Смысл современного исторического момента развития науки и состоит в самом главном эксперименте — в проверке современной науки опытом речи, в пути радикального логического переосмысления науки как научной речи, в выявлении необходимого и достаточного оснований истинности научного суждения. Речь содержит в себе программу истинности, для раскрытия которой понадобилась вся мощь современной науки, направленной вовне человека, но требующей осмысления полученных результатов в языке науки. Речь для человека не только находится «между» бытием и временем, но и охватывает лентой Мебиуса бытие как бытие человека и время как время человека. Речь — это нечто больше, чем филологический набор слов и правил, речь — это бытие, которое входит в мир таким временем, как человек, создает такое сущее, как человек. Речь создает число как сущность человека, число, которое и есть человек. Потому меганаучная революция есть гуманитарно-технотронная революция, которая начинается с раскрытия тайны сущности электрона как простого числа СРЕДСТВАМИ МЫШЛЕНИЯ, СРЕДСТВАМИ ЯЗЫКА НАУКИ.

Путь к богатству народов

Манифест о праве на богатство

Введение

1. Основанием действительной экономической науки является феномен богатства. Все люди от природы стремятся к богатству

1.1. В настоящее время действительная экономическая наука представлена всей полнотой истории экономических учений и не смогла выделиться в самостоятельную научную дисциплину, состояться как наука. Представитель экономической теории вынужден сегодня для осуществления конкретной научной деятельности обращаться не к основоположениям научной теории, как в состоявшихся естественнонаучных дисциплинах, а ко всей исторической совокупности экономических учений, в полемике которых эти основоположения схватываются непосредственно, дорефлексивным образом. Распределенность экономистов сообразно школам только консервирует настоящее состояние, так как скрывает одно фундаментальное обстоятельство, а именно — отсутствие строгих, аксиоматических и самодостаточных (беспредпосылочных) оснований экономики как науки. Нечто подобное происходило в момент зарождения математики, когда еще не было выработано понятие «числа», но те или иные донаучные коллективы и их представители уже предвидели его, называя его еще чем-то иным, нежели оно есть само по себе. Нечто подобное происходило в физике, когда для понимания взаимодействий еще приходилось пользоваться мифологическим понятием «эфира», которое подменяло необходимость рассматривать взаимодействия сами по себе, непосредственно.

1.2. Экономическое мышление пока не имеет своим центром собственный объективный предмет рассмотрения, которым, безусловно, является феномен богатства.

1.3. Все существующие экономические учения, возникавшие, как правило, в виде реакции на события, возобновляемые ситуации и состояния экономического измерения существования человека, общества, государства, создавались в определенном конфликте с «духом» власти богатства, вступавшим как в повседневности, так и в истории в противоречия с человеческой, религиозной и общественной моралью. Однако и природа не всегда бывает добра к человеку, но последовательное и мыслящее натурфилософское рассмотрение стало основанием

действительного естественнонаучного мышления, которое избавилось от мифологического, этического отношения к природе, с тем, конечно, чтобы затем в новом веке, как видно, вернуться к нему в новой форме, в форме экологического мышления и т.д.; но тем не менее, не обретя собственных оснований и собственного предмета, естественнонаучное мышление не могло бы состояться, преодолеть первоначальный раскол, связанный с этическим мифотворческим отношением к природе.

1.4. Экономическому мышлению предстоит в настоящее время пройти этот же путь по отношению к богатству, хотя и в более короткие сроки, но с другой стороны, и начинается оно значительно позже, когда у человечества есть уже множество интеллектуальных и формальных возможностей настоящего ускорения, накоплен соответствующий опыт в других, прежде всего естественных, науках.

2. Феномен богатства

2.1. Феномен богатства изначально ускользал от понимания, хотя бы в форме непосредственного схватывания, уже от ранних, самых первых исследователей.

2.2. Так, Ксенофонт отдавал предпочтение натуральному хозяйству на земле, одобрял штрафы за накопление в личном пользовании золота и серебра. Платон хотя и утверждал, что государство не может существовать длительное время, если оно основано только на натуральном хозяйстве и деньги имеют ограниченное хождение, но и выдвигал целый ряд политических требований, ограничивающих феномен богатства, как то: горожан надо наделять землей; имущество граждан не должно быть чрезмерным; запрещаются ссуды под процент; государственное регулирование цен; правители и воины не имеют частной собственности; крестьяне и ремесленники могут быть частными собственниками; имущество граждан подлежит учету, и государство отнимает у них любой излишек превышающий максимум. С именем Платона связывается вывод: исчезнут соперничество и раздоры, суды, когда золото и серебро станут ненужными. Аристотель также рассматривал богатство как определенную угрозу человеку как общественному животному, которое может жить только в обществе и государстве. Аристотель утверждал, что созданию государства способствует обмен между людьми и что ни производство, ни жизнь не могут обойтись без рабов; так как орудия труда не могут сами работать, то рабы — источник богатства. Аристотель как родоначальник европейской рациональности утверждал также, что должен быть средний достаток, усредненная частная собственность. Первое достижение реальной экономической рефлексии, заслуга которого принадлежит Аристотелю, состоит в положении о том, что одну и ту же вещь можно использовать по-разному:

по назначению (потребительская стоимость) и не по назначению (меновая стоимость), при этом деньги — средство сравнивать разные блага, откуда, впрочем, делается ложный вывод о том, что их нельзя давать в ссуду под процент. Аристотель также ввел понятие неестественной сферы «беспечного» приобретения богатства — хремастики, которая противостоит сфере естественного приобретения частного среднего достатка производительными сословиями — экономике.

2.3. Таким образом, уже сами отцы-основатели европейского мышления, европейского универсализма вывели феномен богатства «за скобки» действительного мыслящего рассмотрения, предпочитая иметь дело с его причинами и следствиями, а не с собственно феноменом богатства самим по себе. Это в значительной, если не определяющей, степени было реакцией на самое широкое представление феномена богатства в мифологии, религиозных, царских и жреческих культах.

2.4. Разрушение мифов о богатстве и периодическое появление все новых мифологий и культов богатства дошло и до наших дней — в мире соседствуют и подпитывают друг друга идеи о социальной диктатуре трудящихся и подробности из жизни утопающих в роскоши миллиардеров. И все так же по-прежнему остается сокрытым феномен богатства, нераскрытой остается тайна богатства.

2.5. Церковь, хорошо знающая о власти богатства, силе феномена богатства, попыталась поместить тайну богатства в область божественного. Так, Фома Аквинский утверждал, что все принадлежит Богу и человек может этим только пользоваться, что богатство делится на естественное (плоды земли и ремесла) и искусственное (золото). В связи с этим выдвигался определенный экономический механизм: обмен товаров по «справедливым» ценам; земельная рента оправдана, так как это часть продукта производимого силами природы; запрещены кредит и процент (каноническим правом). Далее было придумано оправдание процента: если человек дает в долг кому-то деньги, то он лишается того дохода, который мог бы получить с их помощью и в качестве компенсации вправе требовать возврата большей суммы, чем у него брали. Церковь в значительной степени вернула феномену богатства его ряд позитивных содержательных значений в обмен, естественно, на собственную «часть богатства». Так, если Аристотелева концепция хремастики раскрывала, что феномен богатства основывается на бесчестных крупных торговых, посреднических и ростовщических операциях, проводимых для достижения корыстной цели быстрого и легкого наживания денег, то Фома не считает уже ростовщичество исключительно греховным явлением.

2.6. Что есть богатство? Необходимо выявление ответа на этот вопрос уже из контекста первых экономических учений, так как фактический отказ от этого ответа стал в дальнейшем общим местом эконо-

номической мысли, окончательно конституировавшей себя в форме *политической* экономии.

2.7. *Политизация* экономической мысли, наложившая тяжелейший отпечаток на всю совокупность действующих и разрабатываемых поныне классических и неклассических экономических учений, является главной причиной того, что никак не может состояться событие Науки Экономики.

2.8. Причина же политизации экономической мысли — не найден достойный теоретический ответ на вызов феномена богатства. Слишком велико значение этого феномена в жизни каждого отдельного человека, сообщества, народа на протяжении всей истории человечества, что он не может быть подвергнут такой чистой рефлексии, как, например, феномен электричества или сверхпроводимости.

2.9. Феномен богатства является одной из фундаментальных составляющих человеческого бытия, чуть ли не главным содержанием человеческого измерения и одним из наиболее внятных ответов на вопрос о смысле человеческого существования, разделяемых большинством человечества.

3. Теория богатства

3.1. Богатство есть действительные числовые ряды.

3.2. Число, числовые ряды в проходящую уже эпоху научного знания были отданы в удел математике, в то время как математика есть лишь наука, которая занимается изучением чисел, числовых отношений и рядов, а не их произведением на свет как существующих действительным образом. Когда мы говорим о наличии пяти предметов, такое свойство действительности как «быть пятью» не является следствием существования математики как науки, с помощью этой науки оно может быть выражено, исчислимость же действительности является ее собственным неотчуждаемым свойством.

3.3. Феномен богатства происходит из свойства исчислимости человеческого бытия.

3.4. Исчислимость человеческого бытия, совокупность окружающих, создающих и воспроизводящих его чисел, конкретных единиц бытия (вещей, предметов, продуктов, эквивалентов, отношений, элементов и т.д.) в последовательности числовых рядов, образует представление о богатстве.

3.5. Богатство означает исключительную действительность конкретного числового ряда. Так, обладание миллиардом песчинок означает мнимый числовой ряд, в то время как обладание миллиардом долларов (по крайней мере, сегодня) означает действительное, действительность действительного числового ряда.

3.6. Действительность числового ряда есть истинная структура действительности, в то время как формальный числовой ряд или язык *математики* есть субъективное человеческое выражение основополагающего свойства исчислимости действительности.

3.7. Богатство, таким образом, есть *объективное* человеческое выражение основополагающего свойства исчислимости действительности.

3.8. Исчислимость действительности означает не ее простой внешний счет, а способность и возможности действительности быть многим конкретным образом, вот таким многим и вот таким многим. Исчислимость же *всей* действительности указывает на *единое*.

3.9. Таким образом, античная философия в значительной, определяющей степени является умозрительным учением о богатстве. И не ряд отнюдь не центральных трактатов либо разделов античной философии, посвященных экономическим вопросам, заняты вопросом о богатстве, а именно наиболее фундаментальные произведения греков захвачены феноменом богатства.

3.10. С греков начинается видение богатства, как оно есть, как неотчуждаемое свойство развитой человеческой природы. Натурфилософия ищет естественную причину богатства как того феномена, который организует действительность рациональным образом, образует порядок, лад, гармонию, то есть выявляет, пытается определить ощущаемый сверхнаглядно в человеческой жизни феномен, управляющий ею. Натурфилософия находится в непосредственном тождестве с феноменом богатства, осмысливая его то как «воду» (Фалес), то как «огонь» (Гераклит), то как «воздух» (Анаксимен), то как «апейрон», «беспредельное» (Анаксимандр). Натурфилософия видит, понимает порядок в человеческом обществе и описывает этот порядок в языке того времени, в котором господствует отчуждение от хозяйственной жизни, протекающей в повседневности. Власть богатства, которую натурфилософы отторгают в своем мышлении и поведении (вспомним басни о киниках, о Диогене, да и само слово «философ» изначально употреблялось как смешное прозвище, сватывающее отчуждение человека от всеобщего закона действительности), возвращается к ним в виде умозрения феномена богатства в чистом виде, неузнаваемом в сравнении с фактическим богатством, встречающимся в действительности.

3.11. Вершиной этой натурфилософской феноменологии богатства является поэтическое творение Парменида о бытии. В нем выражается первое немифологическое определение феномена богатства (исчислимого, ладного, совершенного состояния действительности) как имеющего происхождение не от богов, а от себя самого, по собственным законам. Это определение получает наименование «*бытие*». Бытие становится одной из наиболее фундаментальных категорий философии,

сохраняя смысл умозрительного выражения феномена богатства, обладающего фактичностью в реальности каждого исторического времени.

3.12. История философии, таким образом, может быть подвергнута более глубокому осмыслению в связи с экономическими основами жизни человечества, что, однако, должно стать темой специального исследования. Сократ занимает по сравнению с натурфилософами принципиально новую позицию, он полагает начало осмыслению феномена бытия в связи с его фактической действительностью в мире людей. Сократ фактически дискредитирует мифорелигиозные представления о морали и ценности, потерявшие свой практический смысл. Так называемый метод Сократа, развивавшийся в условиях коммерческой деятельности софистов, принимавших оплату за обучение, основывался на практической идее блага, которую Сократ трактовал универсально, справедливо усматривая ее влияние, ее «материю» во всех известных ему областях человеческой жизни. Мышление Сократа первым признало действительный универсальный смысл феномена богатства самого по себе, хотя выдержать подобный вес рациональности не смогло и сознание великого мыслителя, что привело его к глубочайшему разладу с родственным ему греческим сообществом и фактически к узаконенному суициду. Отказавшись заплатить мизерный штраф, он, к пущей радости своих недоброжелателей, обрек себя на сознательный уход из жизни.

3.13. «Трагедия Сократа» — эта первая попытка рационального немифологического и нерелигиозного диалога богатства и мысли — стала ведущей темой диалогов Платона и последующим объектом критического рассмотрения Аристотеля.

3.14. В диалоге «Парменид» Платон ставит один из главных вопросов о сущности феномена богатства в истории человечества — вопрос об отношении Единого и Многого. Уникальная разработка этого вопроса, известная как «диалектика-единого-и-многого» Платона, делает зримой непосредственную действительность структуры феномена богатства, выражаемого в форме бытия. «Идея», представляемая Платоном как «внешний вид вещи», фактически устраняет противоречие, устанавливает тождество между истинной действительностью, умозрение которой достигается в результате познания, и богатством, которое обретается в повседневной человеческой жизни. Именно в рациональной структуре феномена богатства, выражающей коренное свойство действительности, «срачиваются воедино предел и беспредельное, единое и многое».

3.15. Так называемое неписаное учение Платона о благе, по свидетельству Аристотеля, указывало именно на универсальный смысл этой структуры, присутствующей в любом значимом для грека виде человеческой деятельности. В этом смысле Платон говорил о Благе, как о чем-

то не совпадающем ни с одним из отдельных видов действительности, а только со всей действительностью в целом.

3.16. Рационализация человеческой жизни, удачная попытка которой была предпринята Аристотелем на основе последовательной разработки учения о благе, начатой Сократом и прорывно осмысленной Платоном, является до сих пор непревзойденным образцом теории рационального осмысления человеческой цивилизации через косвенно осознаваемый, во многом рационально схваченный феномен богатства. Однако наследуемая от мифологической и религиозной традиции моральная дистанция мыслителя по отношению к феномену богатства не позволила достичь окончательной (в определенном смысле) и совершенной формы рационализации человеческой жизни, возможной исключительно только через «окончательный анализ» феномена богатства как перводвижителя фактического человеческого мира. Поэтому вышеизложенные собственно экономические предложения великих греков являлись архаизмами даже для экономической практики их собственного времени.

3.17. Вот уже на протяжении более чем двух тысячелетий человеческая мысль настойчиво требует создания совершенной системы рационализации человеческой жизни, отвечающей смыслу истории развития человеческой цивилизации и раскрывающей истинные причины и источники ее самодвижения. Произведения Августина, Спинозы, Декарта, Канта, Гегеля, Маркса как наиболее значительные учения, принятые в настоящем направлении, создали исторически выверенный круг теоретических предпосылок для возникновения данной системы, однако в наше время, на рубеже веков и тысячелетий становится понятным, что создание нового синтетического учения должно происходить в форме нового всеобщего экономического учения. Проект настоящего учения вот уже более двух тысяч лет известен под именем «метафизика», которое возникло как некоторый курьез переписчика корпуса трудов Аристотеля, озаглавившего так труд мыслителя, который следует в корпусе сочинений сразу «после» «Физики» и посвящен глубочайшему уровню конкретизации учения о благе и его предельно возможной тогда рационализации и систематизации.

4. Численность

4.1. Перводвижателем истории человеческой цивилизации является феномен богатства.

4.2. Если человечество изобрело письменность для осуществления изначальной простоты мышления, то можно с безусловной необходимостью утверждать, что сам факт образования человечества в первой и основной простой форме тождества с самим собой, самоидентифика-

ции, факт, безусловно, предшествовавший изобретениям всякого рода (включая и изобретение колеса), есть образование такого первичного состояния сознательности, которое мы называем «численностью».

4.3. Бытие человека и человеческого в мире есть, прежде всего, численность, в основе которой тождество (отождествление) предмета с самим собой.

4.4. Так, животное управляется входящим в его восприятие миром, человек же, прежде всего, тем отличается от животного, что в его присутствии предмет сам соотносит себя с собой, само присутствие человека есть самосоотнесение и самоотождествление предметов. Присутствие человека — предпосылка самосоотнесения и самоотождествления предметов.

4.5. Численность выражается, таким образом, как коренное свойство человеческой природы, конституирующее саму эту природу как собственно человеческую. Так, человеческое «это дверь», «это ночь» есть человеческое, в котором предмет соотносится с самим собой — есть пример численности.

4.6. Численность не может существовать иначе, нежели из действительности числовых рядов, подобно тому как письменность не может существовать иначе, нежели как из действительности изображения действительности посредством письменности, на каком бы уровне познания этой действительности мы не находились.

4.7. Действительность числовых рядов в значительной степени познается с помощью математики, но не создается математикой.

4.8. *Человек как одна из сущностей действительности числовых рядов разделяет действительность числовых рядов, то есть превращает недействительное, силой и мощью своего существования превосходящее действительное в качестве его причины, в само действительное.*

4.9. Если письменность есть свойство определенного уровня развития человечества, то численность — первопричина определения некоторой совокупности как человечества.

4.10. Богатство, таким образом, это феномен использования человеком численности, или, по сути дела, феномен использования человека численностью, феномен человеческого измерения.

4.11. Письменность определяет всю совокупность использования фактов письменности человеком. Численность использует все факты использования людей фактичностью численности.

4.12. Феноменологической средой богатства является численность.

4.13. Феномен богатства формирует институты государства и общества в конкретном времени, времени истории.

4.14. Теперь становится понятным, почему на тысячелетия «завис» проект «метафизики». Этот вопрос, по сути дела, является вопросом

о том, как научиться в общечеловеческом смысле использовать численность, подобно тому как обучилось человечество письменности, постоянно вырабатывая ее и развивая языки в литературе и культуре.

4.15. Письменность — это «рукотворное» подражание человечества первичной простоте собственного сознания до всякого «Я» — подражание численности.

4.16. Поскольку человеческая соотнесенность с предметом («это дверь», «это ночь») не является гарантией существования и тем более причиной этого предмета или именно этой формы этого предмета и т.д., то, говоря о том, что это есть, можно утверждать только одно: обнаружено *исчислимое*, есть нечто, *что* мы именуем «числом», и это лучшее определение и имя для «нечто», то есть существует что-то одно во многом и именно такое.

4.17. Вот уже несколько тысячелетий человечество не замечает численность уже хотя бы потому, что оно в первую очередь в своей непосредственной неотчуждаемой сущности является именно ей и ничем иным.

4.18. Само присутствие человека есть непосредственное выражение численности.

4.19. Вся история человечества во всей совокупности всех событий есть в основе история возникновения и развития численности.

4.20. Попытка помыслить число как некоторое действительное существование, хотя и выражаемое на языке математики, но существующее вне, без, до и после этого языка безо всякого внимания к конкретному уровню его развития, неоднократно предпринималась в истории мышления. Начало здесь принадлежит Пифагору. Но удачной эта попытка может стать только в случае совершенно иной, хотя и подготовленной предыдущими, постановки вопроса, а именно: в случае раскрытия численности абсолютно несокрытой и самой очевидной непосредственности человеческого.

4.21. Численность — тот самый водораздел, который отличает человеческое от животного. Численность в то же время — это самая первичная разумная жизнь, та самая «искра», непосредственное телесное выражение разумности. Животное не схватывает численностной стороны реальности, ему не даны предметы («эта дверь», «эта ночь»), то есть нечто, соотносящееся с самим собой как именно это, животное не присутствует. Человеческое же начинается с констатаций и тавтологий и удерживается, присутствует в них.

4.22. Человеческим выражением численности является феномен богатства.

4.23. Сила присутствия человека, определяемая как стратегия человеческой жизни, имеющая повседневное и даже сиюминутное про-

явление, растет как с объективным исторически уровнем развития численности в каждую эпоху, так и с величиной его богатства.

4.24. Богатство есть самостоятельная действительность, образующаяся и состоящая из действительной численности, смыслом которой является выражение и совершенствование человеческого в численности. Люди могут не замечать достоинств и недостатков других людей, но сразу замечают их богатство.

4.25. Церковное учение о богатстве схватывало действующую общечеловеческую причину феномена богатства, не сводимую к отдельной фактичности преуспевания и достатка, и церковь в определенный период стала сказочно богатой. Этот период внешним образом выражался в возникновении схоластического мышления, основанного на тавтологии, способе мышления, апеллирующего к численности некоторым внерациональным образом. Именно схоластическое мышление, а не заскоружные экономические предложения церковных учителей, опять-таки запаздывавшие за своим собственным временем, является безусловным вкладом Церкви в историю мышления.

4.26. История мышления соотносится с историей цивилизации в феноменологии богатства явным, непосредственным образом, а по сути дела, совпадает, отождествляется в истории численности.

4.27. *Семья, частная собственность и государство есть произведения человеческого, возникшие на основе численности, подобно тому как книга, чтение и письмо возникли на основе письменности.*

4.28. Богатство человека, безусловно, основано на его действительных знаниях, которые возникают из развития численности.

4.29. Умение приобретать и приумножать богатство есть искусство создания произведений и продуктов численности, которое имеет безусловную творческую сущность.

4.30. Творческая природа приумножения произведений и продуктов численности состоит в росте человеческого измерения, в росте непосредственной действительности человеческого, в естественном росте цивилизации. Богатства царей, полисов и государств возвышаются памятниками истории численности в истории цивилизации.

5. Теория денег

5.1. Деньги есть язык численности.

5.2. Происхождение денег есть творческое существование человеческого в сфере численности, подобно тому как происхождение образцов письменности есть творческое существование человеческого в сфере письменности.

5.3. Неверное истолкование феномена богатства, неспособность помыслить его в основании истории человеческой цивилизации приве-

ло к возникновению ошибочных концепций происхождения денег: рационалистической и эволюционной. Первая объясняет происхождение денег как результат соглашения между людьми, убедившимися в том, что для передвижения стоимости в меновом обороте необходимы специальные инструменты. Согласно второй концепции деньги появились в результате эволюционного процесса, который помимо воли людей привел к тому, что некоторые предметы выделились из общей массы и заняли особое место. Общая ошибка настоящих и возникших на их основе теорий (металлическая теория денег и др.) состоит в выведении сущности денег из тех процессов, первопричиной коих сами деньги и являются.

5.4. *Деньги являются первопричиной обмена, деньги являются первопричиной товара.*

5.5. Деньги возникли как реализация возможности использования потенциала численности в развитии человечества.

5.6. Принцип численности воплощен в деньгах. Частный принцип эквивалентности является следствием, выгодным преимуществом существования денег.

5.7. С деньгами отличия человеческого от животного нарастают. Так, животное, располагая несколькими тушками добычи, не выменивает одну из них на какую-либо другую пищу у другого животного, не предлагает ее другому животному в обмен на то, чтобы оно выкопало для него нору, и не отдает на сохранение другому животному с тем, чтобы в более позднее время забрать уже две тушки. Почему? Потому что для животного не существует действительность числовых рядов, которая, конечно же, существует помимо всякого животного, сама по себе, и для человека в том числе. В силу этого обстоятельства животное не располагает численностью, на основании которой, посредством денег в самых различных формах их выражения воздействуя на действительность, оно могло бы создавать и приумножать богатство.

5.8. Происхождение денег и обусловило ту фактичность, что у первобытных племен появились излишки каких-то продуктов, которые можно было обменять на другие нужные продукты. Приобретение деньгами формы домашнего скота как имеющего наилучшие многоцелевые осуществимости в сфере человеческого измерения численности (тяговая сила, мясо, молоко, шкура, с одной стороны и транспортабельность, сохраняемость в течение длительного времени, с другой стороны) запустили первоначальный процесс обмена. Древнеславянское слово «скот», послужило первой содержательной конкретизацией ряда терминов, необходимых для улучшения хозяйства: через словоупотребление «скотница» удалось осмыслить, демифологизировать и использовать то, чем в действительности является казна, сокровище. В Древ-

ней Руси деньги носили название «скот» долгое время и после того, как совершился переход к металлическим деньгам. Богатство у древних германцев, по свидетельству Тициана, отождествляется с обладанием многочисленными стадами, согласно сборнику древнегерманского законодательства, а в качестве меры стоимости упоминается корова. Со скотом связано происхождение слова «капитал», означавшее первоначально в старогерманском языке богатство. Северные народы применяли в качестве денег мех. Меховые деньги были широко распространены в Монголии, Тибете, Северной Сибири и районе Памира. В Древней Руси куний мех (куны) стал единицей меховой денежной системы. Даже в средневековой России меха имели значение денег. Впоследствии в отдельных частях Центральной Европы деньгами становится хлеб, на территории современной Мексики — маис, в Малой Азии — оливковое масло, на полуострове Юкатан — мешочки с бобами какао, на Филиппинских островах — рис и т.д.

5.9. Универсальный смысл денег, проявившийся во всех этих и других исторических обстоятельствах, заключается в том, что сущность денег каждый раз находила себя в том самом, безусловно, необходимом, ценном и удобном для возобновления продукте, который выявлялся посредством численности в конкретном человеческом обществе на конкретной территории в конкретное время.

5.10. Деньги сами создавали раннее хозяйство, это деньги обеспечили прирост скота, меха, маиса, оливкового масла и далее по списку и умножали то и там, и в таких масштабах, что и где, и сколько было нужно для предельной полезности, насколько это было возможно в конкретных условиях, став самими этими объектами хозяйства в первоначальной форме.

5.11. *Раннее хозяйство вообще состоит из денег и непосредственно основано на примитивных формах численности. Тождество раннего хозяйства и денег — это первая численность, которая сродни первым сообщениям наскальной письменности, состоящей из элементов, изображающих общие места жизни племен, и запускающей процесс дальнейшего развития человеческого сознания.*

5.12. *Таким образом, первые деньги — это непосредственно материальная основа раннего хозяйства, его «внешний вид», естественный рост раннего хозяйства, которое, по сути, является ранней численностью, первоориентацией ранних человеческих сообществ в действительности.*

5.13. *Само племя — первый институт, созданный первыми деньгами.* Не племена по тем или иным перетолкованным экономистами причинам «изобретают» деньги, а деньги в своей непосредственной первоначальной форме организуют жизнь ранних людей *племенным образом, образуют род человеческий.*

5.14. Та изначальная соотнесенность людей с миром, форма присутствия человеческого, которой является численность, и не могла получить иного употребления, кроме как в виде денег, подобно тому как письменность нашла свое выражение в продуктах письменности, а не садоводства, например. Поэтому вызывают недоумение обильные рассуждения экономистов о развитии всеобщего эквивалента товарного обмена из каких-то практических соображений «перво-бытных» людей, хотя в реальной истории экономики речь всегда идет о моментальной мультипликации, аналитическом распаде, конкретизации, деуниверсализации самой возможности и угрозы всеобщего эквивалента товарного обмена как неденежного пути истории экономики, не существующего в действительности.

5.15. Если бы роль денег сводилась к эквивалентизации товарного обмена, то люди возвратились бы в животное состояние, ведь тогда оказалось бы невозможным всякое хозяйство, всякое употребление численности, человеческое было бы редуцировано к животному по главному основанию — способности к измерению присутствия.

5.16. Хозяйство налаживается людьми посредством денег, извлекаемых из численности. Сущность денег уже содержится в численности при ее возникновении.

5.17. Указание на золотые и серебряные деньги мы находим в древнеегипетском законодательстве, в священных книгах древней Индии, в Библии. Серебряные деньги были широко распространены на рубеже третьего и второго тысячелетий до новой эры в Китае и Месопотамии. Развитие новой формы денег — золотых и серебряных денег и окончательное занятие золотом места сокровища — означало момент естественного и непрерывного развития численности, оборот Ленты Мебиуса, в котором произошло различение хозяйства и денег для последующего нового уровня их отождествления.

5.18. Новая форма денег, возникнув как новая форма численности, определила новую форму хозяйства, но суть действительности числовых рядов осталась прежней.

5.19. Экономисты ошибаются, утверждая, что золото и серебро при их редкости, высокой ценности при малом объеме, однородности, делимости и прочих полезных качествах были обречены исполнять роль денежного материала в течение длительного периода человеческой истории. Все обстоит ровно наоборот: это деньги (денежная материя) были действительно обречены в течение длительного периода человеческой истории быть золотом и серебром — «внешним видом» нового хозяйства, институтами которого стали государство и ранние религиозные структуры. Как человеку для обеспечения его физических потребностей необходима пища, а человеческое в нем (способность к чис-

ленности) позволяет организовать удовлетворение своих потребностей рациональным образом, то есть посредством ранней численности через первые деньги («скот», напр.), что приводит к созданию регулярной структуры — племени, так и регулярной структуре человеческого сообщества для удовлетворения своих столь же действительных потребностей необходимо золото, и человеческое, разумное в нем позволяет организовать удовлетворение этой потребности рациональным образом, то есть посредством новой численности через новые деньги («золото»).

5.20. Вопрос о тайне золота получает, таким образом, следующее направление разрешения. Феномен золота с необходимостью доказывает существование единого действительного существа человеческих сообществ, способного к порождению численности, то есть к присутствию. Речь идет о фундаментальных первоориентациях государств в мире, побудительных мотивах их исторического поведения — войн, торговли и т.д. Действительное *численностное* существо человеческих сообществ нуждается в золоте некоторым действительным образом с той же степенью необходимости, с которой отдельный человек нуждается в пище.

5.21. Деньги всегда есть вещь в себе, исключительная вещь среди других вещей. Характер и способ ее исключительности определяется численностью.

5.22. Именно золото обеспечивало поддержание и воспроизведение свойственных царствам действительных сил. С другой стороны, нужда человека в пище также является проявлением более универсальных потребностей, в ряду которых — и необходимость золота для царств, характеризующая эти организации, их действительное численностное человеческое существо гораздо глубже, чем рассуждения политологов и историков. Нам достаточно здесь лишь показать сквозное единство этих потребностей, имеющее универсальный смысл — численность.

5.23. Золото, таким образом, — это самое, безусловно, необходимое для первоначальных государств, хлеб и вода, то, без чего царства попросту не могут жить в отсутствии, конечно, другой «пищи», разрушаются, гибнут, теряют свои корни в численности и свое численностное значение. Неисчислимость войск, «полчищ» есть прямое следствие численностной мощи царства.

5.24. Золото стало первоначальным выражением всеобщего стремления людей к богатству, образующего сущность государства. Так слово «монета» впервые появилась как титул богини Юноны в Риме. Первым, кто изобразил свой профиль на монете, был Александр Македонский. На нашей территории чеканка монет, серебряных и золотых, восходит к временам князя Владимира (Киевская Русь, конец X — начало XI века).

5.25. Широкое распространение бумажных денег начинается с конца XVII века. А. Смит утверждал, что бумажные деньги должны рассматриваться в качестве более дешевого орудия обращения. Действительно, в обороте монеты стираются, часть благородного металла пропадает. К тому же возрастают потребности в золоте у промышленности, медицины, потребительской сферы. И главное — товарооборот в масштабах, исчисляемых миллионами долларов, марок, рублей, франков и других денежных единиц, золоту просто не под силу обслужить. Ошибочность этой логики очевидна. То, что люди умирают, и то, что со временем растет численность населения, совершенно не означает, что люди должны стать цифровой реальностью, хотя, возможно, такие планы и могут вынашиваться, но это вопрос, по меньшей мере, тысячелетия. Как мы уже показывали, деньги не являются орудием обращения, само обращение является орудием, которое использует разумная денежная материя, разумная в том смысле, что конкретизирует человеческое присутствие средствами численности в феномене богатства.

5.26. «Бумажные деньги» означают практическую утрату тождества денег и хозяйства как самоосуществления феномена богатства.

5.27. Пути денег и хозяйства как двух сторон численности расходятся, начинается Новое Время, в котором мы и живем в настоящее время, и которое связано с распадом численности, кризисом человеческого, кризисом присутствия.

5.28. Сущность этого события должна быть прояснена, вне этого невозможно завершение грандиозного переходного периода и обретение новой великой формы тождества хозяйства и денег, обретение новой численности нового тысячелетия.

5.29. Сегодня буквально на глазах множатся виды денег. Вслед за чеками и кредитными карточками, появились дебитные карточки и так называемые «электронные деньги», которые посредством компьютерных операций можно использовать для переводов с одного счета на другой. Мы рассматриваем этот процесс лишь как начало завершения периода «бумажных денег», в которых, правда, уже просматриваются черты грядущего.

5.30. Новых денег пока еще нет как особой системы численности, идет лишь поиск материальной формы для этих денег.

5.31. Новое существо феномена богатства, определяющее новое хозяйство посредством новых денег, еще предстоит выявить.

5.32. Эра «бумажных денег» и есть существо истории Нового Времени как распада численности старой и соответствующего этому падению и дроблению империй, и эмпирического поиска формирующейся численности новой, нового мирового порядка.

5.33. «Бумажные деньги» завершают эпоху первого тождества денег и хозяйства распадом этого тождества и соответствующих ему форм организации человеческого измерения.

5.34. Существенным признаком возникающих новых денег, показывающим грядущий характер нового тождества денег и хозяйства, является их изначальная принадлежность единичному, конкретному владельцу (фактическое изображение на них их единичного владельца, а именно: система идентификации владельца пластикой карточки, электронных денег и т.д.), в то время как на деньгах, образующих сокровища прошлой эпохи, был идентификационный портрет властителя, царя, они все порождались, производились, чеканились властителем, попадая затем всевозможными способами существования хозяйства в руки единичных владельцев.

5.35. Таким образом, деньги, по существу, завершают великий путь от единого ко многому, на котором (пути) они сами это многое и создали, и начинают путь от созданного ими многого к новой форме единства. Тезис Канта о том, что «сто действительных талеров равны ста возможным талерам»³⁴ начинает становиться действительностью, раскрывая новый уровень развития и потенциал численности.

6. Закон стоимости

6.1. Численность есть основание экономики.

6.2. Численность, однако, выражает непосредственность человеческого как разумного.

6.3. Деньги, таким образом, есть, собственно говоря, то самое, что мы именуем «человеческой деятельностью». В действительности человек не «действует», он измеряет, вот что он делает в каждом действии своей деятельности, вот что является универсальной сущностью человеческой деятельности как того обстоятельства, что человеком располагает численность.

6.4. Всё измеряет всё. Все измеряют всё. Всё измеряет всех.

6.5. Понятие «человеческой деятельности» на самом деле означает рынок как универсальную форму движения человеческого. Рынок и есть сама непосредственность человеческого измерения человеческого.

6.6. Рынок порождает труд, предваряет труд, предшествует труду, является необходимым условием труда.

6.7. Достаточным условием труда являются деньги как конкретная форма численности.

6.8. Экономика есть наука о действительности численности, смыслом которой является рефлексия, «денежное письмо», производящее число.

³⁴ Кант И. Критика чистого разума. — М.: Эксмо, 2007.

6.9. Число здесь впервые в истории мышления употребляется не как понятие из математики.

6.10. *Число — это «человеческая деятельность», человеческое выражение, осуществление сущности человеческого на основе численности, подобно тому, как письмо есть «человеческая деятельность», человеческое выражение, осуществление сущности человеческого на основе письменности.*

6.11. *Число — это непосредственное событие человеческого сознания как всеобщей соотнесенности в форме измерения.*

6.12. *Число — это непосредственное тело мысли, в то время как письмо есть опосредованное тело мысли.*

6.13. *Число есть материальное выражение мысли, вещь в себе мысли.*

6.14. Есть численность, есть число, есть богатство, образуемое числами, численными работами людей, есть числовые ряды, в них есть различные числа, поэтому есть деньги, числа соотносятся, сосуществование чисел ведет к возникновению новой численности. Такова структура истории по Науке Экономики.

6.15. Деньги — единственное в Науке Экономики, что отсылает нас к наглядности человеческого существования, внешнему виду хозяйства, и в то же время деньги сами и есть хозяйство, являясь при этом частью Науки Экономики.

6.16. Число является основным элементом, основной операцией человеческого поведения.

6.17. Человек *числит* — непосредственное, что происходит в области человеческого. Человек пишет — опосредование этого непосредственного.

6.18. Отчуждение, являющееся центральной категорией экономического учения Маркса, — это миф о числе. Экономическое учение Маркса не схватывает число. Человек числит, то есть создает стоимость, внешней формой которой, «пестрой корой»³⁵ действительности, как писал Гегель о соотношении понятия и реальности, является товар.

6.19. Товар есть продукт отождествления денег и хозяйства, он сходит с «гончарного круга» тавтологии.

6.20. Стоимость создается в числе и существует посредством числа.

6.21. Человек в Науке Экономики — это сущность, создающая числа, автор и владелец чисел, такова действительная дефиниция экономического человека.

³⁵ Цит. из: «Вступая со своей действительностью одновременно и во внешнее существование, разумное, синоним идеи выступает в бесконечном богатстве форм, явлений и образований, окружает свое ядро пестрой корой, в которой прежде всего застревает сознание, через которую проникает лишь понятие, чтобы нащупать внутренний пульс и ощутить его биение также и во внешних образованиях». *Гегель Г. В. Ф.* Философия права. — М., 1990. — С. 54.

- 6.22. Рынок есть простая совокупность чисел.
- 6.23. Так называемая «невидимая рука рынка» — это простой состав числа, число как *действие*.
- 6.24. Наука Экономике нужна людям, чтобы организовать стоимостную работу, работу по производству стоимостей.
- 6.25. Стоимости управляют индивидами.
- 6.26. *Выражение индивида в стоимости есть товар*.
- 6.27. Чтение индивидом текста есть в своем продукте определенная часть его личности, психологическая, информационная, иная. Подобно этому индивид не может не выражаться в стоимости, потому что индивид сам по себе есть непрерывность выражения, соотношенности, содержанием чего является численность, формой — число.
- 6.28. Значением понятия «товар» является понятие «субъект», субъект человеческого измерения.
- 6.29. Значением понятия «стоимость» является понятие «объект», объект человеческого измерения.
- 6.30. Человеческое измерение здесь непосредственная непрерывная структура, лента Мебиуса, именуемая «рынок».
- 6.31. Субъект-объектные отношения, исследуемые и разрабатываемые в Науке Экономике, и есть чистая экономическая теория.
- 6.32. В целом субъект-объектное отношение как модельное отношение для рынка, для развивающегося во времени и пространстве многообразия субъект-объектных отношений, находится внутри числа.
- 6.33. Таким образом, не отношение спроса и предложения, а фундаментальное, ведомое всем действительным обладателем богатства *отношение товара и стоимости (субъект-объектное отношение Науки Экономике)* является чистым, универсальным отношением экономики, основанием рынка.
- 6.34. Отношение товара и стоимости — это отношение порождения товара стоимостью посредством числа, в процессе осуществления числа.
- 6.35. Стоимость это — само число как отношение.
- 6.36. Само существование стоимости как составляющей числа и есть феномен прибыли.
- 6.37. Прибыль не образуется в качестве прибавочной стоимости, сама стоимость и есть не что иное, как прибыль, и ее действительное фактическое, научно-экономическое существование возможно исключительно в виде прибыли.
- 6.38. Стоимость и прибыль — это две простые сущности одного — процента.
- 6.39. Процент — это непосредственное использование численности в числе, численность ведь и существует, осуществляясь в числах.

6.40. Процент — это внешний вид числа, подобно тому как использованная письменность образует внешний вид текста.

6.41. Число экономическое отличается от числа математического наличием процента как формы своего присутствия.

6.42. Число экономическое и процент — это единый непосредственный первоэлемент численности подобно тому, как число математическое и цифра, его обозначающая, образуют первоэлемент математики как теории чисел.

6.43. Число экономическое изображается, показывается в виде процента.

6.44. Генезис и структура числа экономического и являются, таким образом, основанием, законом генезиса и структуры экономического самого по себе.

6.45. Закон стоимости раскрывается как закон генезиса и структуры экономического самого по себе.

6.46. *Число в виде законченного, состоявшегося, присутствующего, то есть в виде универсального экономического акта есть процент, субъектным измерением которого является товар, а объектным измерением — стоимость.*

6.47. Таким образом, великое примирение экономических школ «номиналистов» и «реалистов» (меркантилистов и политэкономов, маржиналистов и институционалистов, монетаристов и кейнсианцев, наконец) — это не менее великий пролог к которому составили Аристотель, Прудон и Маркс, состоит в раскрытии истинной сущности процента.

6.48. Истинная сущность процента конкретным образом, вмняемо выражает разумность экономики, воплощаемую в феноменологии богатства.

6.49. Именно *процент* дает конкретное существование в виде измеренного субъектным человеческим измерением, *порождает действительное товарное богатство*, и одновременно дает конкретное существование в виде измеренного объектным человеческим измерением, *порождает действительное денежное богатство*.

6.50. Именно эти два вида богатства обусловили специализацию экономических школ по их направлениям. Политэкономы, институционалисты и кейнсианцы настаивали на определяющей роли товарного богатства, опираясь при этом на пестрый социальный анализ преобразования товарных масс в богатство через стратификацию государства. Меркантилисты, маржиналисты и монетаристы были уверены в фундаментальном значении денежного богатства и настаивали на анализе денежной природы экономики, опираясь на обслуживающие это направление институты и реалии.

6.51. В действительности же великих экономических произведений и реальных научных исследований, как правило, феноменологическими средствами схватывалась истинная действительность феномена богатства. Так Кейнс ограничивал свои социалистические устремления повышенным интересом к меркантилизму, хранившему феномен родовой европейской формы денежного хозяйства, а неолибералы, в свою очередь, пытаются применить разработки институционалистов в теории негосударственных институтов финансового регулирования.

6.52. Учение о благе Аристотеля, социальное учение о богатстве Смита, идеи экономического федерализма Прудона и философско-политический анализ товарного богатства Марксом образуют фундаментальные исторические предпосылки осмысления действительного синтеза товарного и денежного богатства в феномене богатства, характеризующем историю человечества в смысле Науки Экономики.

6.53. Ситуация неоклассического синтеза (П. Самуэльсон и др.) является попыткой разработки конвенциональной, intersubjectивной теории, сочетающей системные экономические разработки и рассматривающей достижения экономической теории прошлого прагматически. Проблема же состоит в необходимости, по сути дела, *нового Учения о Благе*. Учение о Благе Аристотеля, возрожденное *философом-этиком* А. Смитом в Новое время в виде политической экономии, *как бы* проходит сквозь *философскую* полемику Маркса и Прудона о благе с *экономической точки зрения*, обогащается достижениями экономической мысли и, прежде всего, экономической практики более чем двух тысячелетий и преобразуется в Новое учение о Благе.

6.54. Фундаментальное положение Науки Экономики состоит в том, что Благо есть богатство.

6.55. *Богатство порождает труд.*

6.56. *Процент есть справедливая цена, точнее, процент есть справедливое в цене.*

6.57. *Экономическое число имеет вид процента, который акцептируется в цене.*

6.58. *Цена есть считывание процента, она основана на деньгах и операциях с ними как элементной базе и правилах численности.*

6.59. *Процент предполагает цену при разработке процента.*

6.60. *Процент ищет свою цену.*

6.61. *Экономическое число ведет диалог с субъектом ценообразования.*

6.62. *Смысл создания экономического числа в его оценке.*

6.63. *Структура роста товарного богатства — мультипликатор процента. Вместе с тем ценообразование все больше проявляет себя как экономическое число и, следовательно, также обретает вид процента.*

6.64. Процент на проценте сидит и процентом погоняет. Таково быстрое действие экономических процессов, образно говоря. Формализация настоящих процессов, этой «микрофизики богатства», осуществляется в Законе стоимости (назовем его так в знак признательности заслуг экономической теории). *Закон стоимости выражается Великой теоремой Ферма*. Математики говорят о Великой теореме Ферма так: «Не существует таких четырех чисел, которые удовлетворяли бы уравнению: $x^n + y^n = z^n$, где $n > 2$, x, y, z — положительные целые числа». «Пытаясь решить проблему “великой теоремы Ферма”, необходимо ответить на вопрос: “А что же мы, собственно, ищем?” Если мы говорим — случайные числовые совпадения, тогда нужно вычислять закономерности степенных числовых рядов в соответствии с общим числовым рядом. Но подобный подход не может дать принципиального ответа на вопрос: “А почему же все-таки нельзя разделить куб на два других куба, и вообще число в степени выше второй на два других числа той же степени?” Известно, что можно подыскать много пар целых чисел, сумма вторых степеней которых также есть вторая степень какого-нибудь целого числа. Но попробуйте подыскивать подобные же примеры для третьей степени. Вы не найдете ни одного! Полная неудача постигнет вас и при подыскании примера для четвертой, пятой и других высших степеней. В этом и состоит — “великое предложение Ферма”. Оно гласит, что нельзя найти таких целых чисел x, y и z , которые удовлетворяли бы уравнению $x^n + y^n = z^n$, если только $n > 2$ » (С. Саверская).

6.65. *Экономика процента* как конкретная бесконечность числового ряда организована и подчинена Закону Великой теоремы Ферма. Так Прудон высказывал мысль о том, что «продукты человеческого труда растут, как квадраты числа работников»³⁶.

6.66. Закон экономики процента формализует стоимость как границу числа, заключающуюся в его числовой природе. Найти такую формализацию стоимости — было стратегической целью маржинализма, рассматривающего формирование цены через теорию предельной полезности.

6.67. Великая теорема Ферма определяет предельные величины для характеристики происходящих изменений в явлениях. Закон стоимости, таким образом, выражает соотнесенность чисел (экономических чисел), то есть истинную действительность экономических процессов и состояний.

6.68. В Науке Экономики осуществляется рефлексия рыночной экономики как простой совокупности чисел (экономических чисел), ее

³⁶ Ядгаров Я. С. История экономических учений: Учеб. для вузов. 4-е изд. — М.: Инфра-М, 2011.

преобразование, трансформация в действительный числовой ряд, происходит грандиозный структурный рост богатства человечества.

6.69. Закон стоимости показывает численность как границу экономического, создающую экономическое. Он показывает, как образуются элементы численности, последовательно воплощающиеся, употребляющиеся в числе, в проценте, в цене, подобно тому как элементы письменности последовательно воплощаются в письме, в тексте, в чтении.

6.70. Новая экономика, Наука Экономики имеет Великую теорему Ферма как метод реформ.

6.71. Всякий экономический акт Науки Экономики, действительной Новой экономики есть, по сути дела, реформа. Сам факт существования экономического числа есть реформа.

6.72. Реформация есть новое качество конкуренции, рефлексивная конкуренция, основанная на применении универсального метода Науки Экономики.

7. Право на богатство

7.1. Наука Экономики рассматривает историю цивилизации как феноменологию богатства, выражающуюся в формах человеческого измерения богатства.

7.2. Таким образом, в истории цивилизации можно выделить золотую эпоху, денежную эпоху (начинающуюся с чеканки незолотых монет) и грядущую числовую эпоху.

7.3. С точки зрения теории денег эти эпохи могут быть охарактеризованы как доденежная, собственно денежная и последденежная (неденежная).

7.4. Понятно, что подобно тому, как золото оставалось формой богатства на всем протяжении денежной эпохи, деньги останутся формой богатства эпохи числовой, станут выполнять функции деньго-цифровых резервных запасов, а вот золото, скорее всего, потеряет объективную ценность, так как с развитием универсального структурного знания сбудется вековая мечта алхимиков о преобразовании неценных металлов в золото.

7.5. Так и деньги исчезнут лишь в смутно угадываемую послечисловую эпоху. Очертания этой эпохи настолько трудно вообразить, насколько трудно представить себе ее начало, когда числа станут простым объектом стяжательства и наживы стараниями числодобытчиков.

7.6. Среднеденежная эпоха, начинающаяся с введения незолотых монет и завершающаяся переходом с бумажных денег на электронные, — это, собственно говоря, и есть история европейской цивилизации в чистом виде.

7.7. Числовая эпоха открывается созданием модели экономики, которая «избавит нас от необходимости выбирать между полной занятостью и стабильностью цен»³⁷.

7.8. Как писал Прудон: «Общность ... есть первый член социального развития, тезис; собственность... есть второй член, антитезис; остается найти третий член, синтез, и мы найдем требуемое решение»³⁸. Новая экономика открывает этот «третий член». Это — численность.

7.9. Итак, общность, собственность, численность. Работа Великой теоремы Ферма как основной механизм работы Новой Экономики основана на Законе простых чисел, на действительном истинном существовании конкретного бесконечного ряда простых чисел.

7.10. Неделимость простого экономического числа является тем безусловным и необходимым основанием, которое делает возможным численность.

7.11. Простое экономическое число — это самое непосредственное первое, что вообще есть в численности.

7.12. Численность в одном из самых в своей сущности раскрывается как численность людей, численность населения.

7.13. Численность людей не ограничивает экономического развития именно как численность, поскольку богатство есть действительность числовых рядов.

7.14. Сам числовой ряд допускает внутри себя бесконечную численность числовых составов.

7.15. Численность народонаселения ограничивает лишь средневековую эпоху просто постольку, поскольку она не числовая.

7.16. *Различие чисел в числовом ряду есть закон. «Закон есть закон», — говорили римляне, схватывая именно эту сущность закона.*

7.17. *Закон как право, как юридический закон, по сути дела, рассматривает в доквалификационном, предправовом смысле даже человеческие действия как числа, использующие численность.*

7.18. *Закон, право утверждает власть, бытие численности. Так, бытие письменности устанавливает над реальным письмом власть посредством алфавита, грамматики, лексики и так далее.*

7.19. *Сама бытийная возможность законодательства коренится в естественных различиях чисел.*

7.20. *Так, самовыделение простых неделимых чисел является первым основанием права на богатство. Выделяющееся различие простых чисел выражается в работе Великой теоремы Ферма, в выполнении Закона стоимости. Таким образом укоренено право на богатство.*

³⁷ Самуэльсон П. Экономикс. — М.: Прогресс, 1994.

³⁸ Цит. по: Ядгаров Я. С. История экономических учений: Учеб. для вузов. 4-е изд. — М.: Инфра-М, 2011.

7.21. Человек *числит*. Создается стоимость. Ее наглядным изображением является действительность государства как совокупности законов, сводов численности.

7.22. Изменение численности — это принципиальное изменение формы и содержания государственности.

7.23. Сущность бюджета государства раскрывается, таким образом, не через теорию налогов, связанных лишь с внешними функциями государства, представляющими «внешний вид» государства.

7.24. Сущность бюджета есть математический *неспекулятивный* аппарат работы с экономическими числами.

7.25. Единственным *неспекулятивным* основанием математизации экономических процессов является понятая экономически Великая теорема Ферма, рассматриваемая как универсальный метод универсального закона простых чисел, являющегося главной причиной феномена богатства.

7.26. Право есть универсальная форма экономического числа, время и пространство экономического числа.

7.27. Право на богатство есть конкретное право, исчисляемое на основе закона стоимости.

7.28. Золотой эпохе соответствует право человека на богатство. Единичный человек, властитель, вождь, царь, фараон находятся на верху пирамиды чисел. Перед нами — первая форма численности, памятниками являются пирамиды Египта, богатство царств.

7.29. Денежной эпохе соответствует право сообщества на богатство. Избранные родовые кланы, цеха, олигархии, классы, элиты, наконец транснациональные корпорации как бы *срезают* пирамиду действительного богатства действительного числового ряда.

7.30. И, наконец, как гласит закон простых чисел, в числовую эпоху будет реализовано право народов на богатство. Пирамида богатства будет перевернута, и вся ее бесконечность будет покоиться во взвешенном состоянии на одной точке основания.

7.31. Право на богатство станет естественным неотчуждаемым правом человека, как право на жизнь.

7.32. Ближайшие несколько тысячелетий (или одно только) станут эпохой, в которой право на богатство будет гарантировано главным законом и обеспечено законом стоимости.

7.33. Золотая численность стала основой великих цивилизаций древности и царств.

7.34. Денежная численность породила современную цивилизацию.

7.35. Числовая численность создает новую эпоху богатства народов.

7.36. Политический строй такой эпохи именуется «федерализм». Именно этот строй предвосхищал Прудон, говоря о «социальном федерализме».

7.37. Число одного человека начинается там, где завершается число другого человека.

7.38. Свобода гарантировано располагается внутри экономического числа.

7.39. Основой права становится человеческое измерение свободы в экономических числах.

7.40. Соотнесение одного числа с другим есть третье число. Число прямо открывает полный потенциал численности.

7.41. Новая экономика раскрывается как бюджетный федерализм — математический аппарат производства труда из богатства, товара из стоимости, цены из процента.

7.42. Бюджетный федерализм — рефлексивная модель, созданная и развиваемая Наукой Экономики. В ее основе — бюджет как *действительный неспекулятивный математический аппарат* богатства.

7.43. Типы чисел отражают все многообразие экономических процессов и являются изучаемой формой этого многообразия. Именно типы чисел, а не «именные законы», мифические и архаические «силы» взаимодействий образуют априорную структуру всякого экономического взаимодействия.

7.44. Великая теорема Ферма раскрывает структуру действительно бесконечного числового ряда, генезис которого из времени раскрывается в факте существования бесконечного количества простых чисел.

7.45. Делимость числа есть конкретная экономическая сущность экономического процесса.

7.46. Неделимое, простое экономическое число является последним истинным объектом, несокрытой тайной богатства.

7.47. Бюджетный федерализм — это всего одно лишь из специальных направлений экономических исследований и практики, посвященное отношениям регионов и государственного центра федерации как нового типа государственности, отвечающего в большей степени идеалам и нормам прав человека, сообщества народа, — раскрывается как новое экономическое учение, обеспечивающее переход от денежной эпохи к эпохе числовой, переход к Науке Экономики.

7.48. Бюджетный федерализм является первой действительно научной экономической теорией, располагающей неспекулятивным математическим аппаратом, на базе которого разрабатывается реальная стратегия устойчивого социального и гуманитарного развития — пути к богатству народов.

История и философия Нового бытия

Что говорит Гераклит о времени мира? Бытийный посыл судьбы — это ребенок, играющий, играющий в игру на доске; ребенок — это царская власть, учреждающе-управляющее основывание, бытие сущего. Бытийный посыл судьбы: ребенок, который играет. Поэтому существует также великий ребенок. Самый великий, благодаря кротости своей игры царственный ребенок — это та тайна игры, в которую вводится человек и время его жизни, тайна игры, в которой на карту поставлено его существо. Почему играет увиденный Гераклитом во времени мира великий ребенок мировой игры? Он играет, потому что он играет. Это «потому» погружается в игру. Игра есть без «почему». Она играет, пока она играет. Она остается только игрой: чем-то высочайшим и глубочайшим. Но это только есть Все, Единое, Единственное³⁹.

М. Хайдеггер

Молниеносное осмысление множественной (многосоставной) философии Хайдеггера высвечивает ее (философии) Единое как величайшую предпосылку истинного понимания истории, как схватывание «внешнего вида» (эйдоса) истории. История раскрывается, есть как состав Времени и Бытия. «Нет ничего без основания» или «Время всегда предшествует Бытию, Бытие неизбежно возникает (всегда есть) после Времени». Уравнение «Время-Бытие» образует истинную формулу Истории. Единственным смыслом (значением, телом) философии оказывается ее сущностное, напряженное положение заполнения (наполнения) уравнения «Времени-Бытия». Только философия показывает истинное измерение истории, которая осуществляется, рассыпана в событиях. История позволяет себя увидеть в философии. История имеет форму, осуществляется в форме Времени и в форме Бытия. Увидим Историю таким образом. Время античной цивилизации сменилось во времени истории Бытием европейской христианской цивилизации. Новое Время европейской цивилизации (история Нового Времени) ждет сегодня своего часа (века) смены Новым Бытием, Бытием единой гуманитарной цивилизации. Античная цивилизация в свое историческое время сама стала Новым Временем для бытийствующей цивили-

³⁹ *М. Хайдеггер*. Положение об основании. Статьи и фрагменты / Пер. с нем., глоссарий, послесловие О. А. Коваль, предисловие Е. Ю. Сиверцева. — СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 2000.

зации царств. Так и Новое европейское Время оставило позади Бытие цивилизации монархий (империй), оставило в исторически оправданной надежде на Новое Бытие. Об этом (увиденном) Гегель повторил: «Ничто не ново под Луной». Рядом со сменой Времени и Бытия присутствует исторический мир, народы и цивилизации, присутствует так, как человеческий мир присутствует рядом со сменой дня и ночи. Время есть, конечно же, День, бодрствование, интеллектуальный поиск как следствие неполноты захваченности, задействования человека. Бытие есть Ночь, тишина, покой, полная захваченность человека бытием, царство Бытия. Свет в Эпоху бытия есть исключительно только свет звезд. В эпоху бытия человечество уже перешло в новое качество человеческого, всецело существует в новом человеческом измерении, не рефлексировав это измерение, а лишь питаясь его соками, ресурсами, расходуя его сущность, испытывая чувство совершенной полноты, ясности и покоя в области, где находятся основания, и как бы скользя по повседневности, едва касаясь оной.

Христианство стало таким бытием европейской цивилизации. О конце этого бытия свидетельствовал Ницше в своем изречении: «Бог умер». Новое Время (история Нового Времени), конечно же, имеет собственное значение, но для человечества оно всегда будет поиском Нового Бытия. Таково главное умозрительное напряжение крупнейших философско-политических систем Нового Времени и, прежде всего, системы Маркса. Крах этих систем связан не с их интеллектуальной несостоятельностью (один только марксизм, пусть и некоторым диалектико-отрицательным образом, определил интеллектуальное лицо современной западноевропейской цивилизации), но главным образом с тем, что они не отразили собственную самостоятельную интеллектуально-постигаемую сущность Нового Времени, отнюдь не сводимую к поискам Нового Бытия. Говоря ясно и непосредственно, этими системами была упущена сама сущность, проблема, тайна, наконец, Времени. Именно поэтому данные системы, не выполнив завет Гегеля о постижении разумности самой действительности, не добившись адекватного понимания действительности, не решились и поставленную перед собой главную свою задачу — определение Нового Бытия. Данные системы были скорее «человеческими, слишком человеческими», отражающими несовершенство человеческой природы, ее нетерпеливость, вызов гордыни, нежели подлинно философскими системами. Отсюда — и ложные концепции истории, выдвинутые этими системами и до сих пор провоцирующие умы, и прежде всего, конечно, марксистская концепция истории.

«Победа над Временем» как бытийственный посыл христианства вполне раскрывает сущность и «первую речь» Эпохи Бытия, крик

великого ребенка, сумевшего родиться после Времени эллинистической цивилизации. Вот это самое ПОСЛЕ, После самого Бытия, которое есть После Времени (следует по порядку самого Времени), и есть смысл, скорее запечатанный, нежели раскрытый словом «метафизика».

Людам, чей разум раскаталогизирован терминологией квазиисторических рефлексий (от марксистских до социологических и прагматико-бихевиористских терминологий), и в силу этого не способен пока работать с категориями чистой мысли (Временем, Бытием), схватывающими саму непосредственную сущность Истории, следовало бы осознать, что именно таковое состояние их ума является главным препятствием Вычислимости Истории, то есть решению той самой проблемы, которая образует самую интимную и желанную составляющую учений отцов-основателей данных терминологий. Но прежде разговора о Вычислимости (исчислении) Истории, обозначим параллели Нового Времени античности (Времени для нас) и Нового Времени европейской цивилизации. Увидим эти параллели в сфере философии. Новое Время европейской цивилизации имеет в философской области больше сходств с Временем античности, нежели с Эпохой Бытия европейской христианской цивилизации (Ранним христианством, Средними Веками, Возрождением — в традиционной периодизации европейской христианской истории). Работа греческого философского сознания с религиозной мифологией сродни умозрительной работе философии Нового Времени с христианством. Философы античности имеют дело с «природой», как с открытым ими в полемике, мыслесотрудничестве с мифологией феноменом, удерживаемом ими в умозрении некоторым устойчивым навыком философского ремесла. Высшая ступень философии античности, достигнутая в творчестве Платона и Аристотеля, ступень, на которую первой ступил Сократ, состояла в установлении положения той точки умозрения, с которой схватывался феномен «природа», в установлении «сознания», названного в Эпоху бытия европейской христианской цивилизации «миром идей», оторванным от мира природного, внешнего. Но, впрочем, иной дефиниции Эпоха Бытия для сущностной категории Эпохи Времени и не могла дать, ведь в Эпоху Бытия каждый предмет мнится как некоторое бытие с присущими ему особенностями существования, так же и в Эпоху Времени каждый предмет видится как некоторое время с присущими ему особенностями существования. Таковы, скажем, предметности «апейрона», «беспредельного» Анаксимандра, «воздуха» Анаксимена, «воды» Фалеса, «огня» Гераклита и иных временноющихся предметов-объектов натурфилософии. Объект, предмет в Эпоху Времени временится. Объект, предмет в Эпоху Бытия бытийствует. Такова истина каждой эпохи, раскрываемая примирением субъекта (субъективности) каждой эпохи

с названным ему (ей) объектом (объективностью) и несокрытая как истина сама по себе. Философы европейского Нового Времени открывают в мыслесотрудничестве с христианской философией (христианством) феномен сознания, «человеческой природы». Природа, таким образом, есть объект, который временится. Сознание есть объект, который бытийствует. С возникновением техники как способа схватывать то, что временится, и производить то, что бытийствует, важно также удерживать в памяти знание о том, что все то, что временится, есть природа и все то, что бытийствует, есть сознание, — так как техника отнимает это знание у человека в одну простую силу собственного самостоятельного существования и развития. Более всего это знание отнимает у человека телевидение. В Эпоху Нового Времени с объектом, который временится, работает наука, строгая рациональная европейская наука, с объектом же, который бытийствует, работает философия, все более превращающаяся в феноменологию в процессе истории Нового Времени. Такое разделение в Эпоху Бытия означало бы (и означало в действительности) глубочайший внутренний разлад бытия, трагическое противоречие Эпохи Бытия. Значимостная стратегия Русского языка запечатлела тот смысловой напор, который заперт в словах «природа» и «сознание». Выражая ключевое различие между Временем и Бытием, эти слова тем не менее отражают невыносимую гримасу борьбы за их внутреннее единство, Единое. «При-рода», «Со-знание» — эти заставляемые рассудком быть окончательными и твердыми слова на поверхности своей отражают свою принципиальную незавершенность, незаконченность, они лишь указывают на то, что находится рядом с чем-то, присутствует чему-то, находится «при-» и «со-». Единое бытийствует и временится, являясь общей и окончательной целью и смыслом человеческой истории как истории самой по себе, в каждом из ее проявлений и в каждой из ее эпох и событий. Эпоха Времени как страдательная Эпоха утери Единого, таким образом, есть Эпоха различия, критики чистого разума. Трудно представить себе большего критика отвлеченного «мира идей» как «концепта» Эпохи бытия европейской христианской истории, нежели сам Платон и, тем более, платоновский Сократ как Герой критики чистого разума. Так Декарт с его методом критического достижения истины через достоверность есть неназванный, но главный действующий герой кантовской Критики чистого разума. Кант — Платон Нового Времени. Декарт — герой его диалога с вечностью, чистым разумом, олицетворенным для Канта в христианстве. Как античный мир завременился, наконец, в учении Аристотеля, очевидно показавшем Время как сущность античного мира, так и Новое Время европейской цивилизации «непосредственно» завременилось, «задымилось», возгорелось в гегелевской Науке Логике. Как античный элли-

нистический времяящийся мир стал жить в застывшей стреле времени имперского римского платонизма в грозном ожидании Нового (для эллинистического мира) Бытия, так и европейский нововременной мир стал жить в стреле времени гегелевского либерального империализма в грозном (многократно усиленном марксистско-бетховенской симфонией духа) ожидании Нового Бытия.

Сущность человеческих ожиданий переживаемого посредством нас события истории состоит в вере в ПОБЕДУ НАД НОВЫМ ВРЕМЕНЕМ. Вере в НОВОЕ БЫТИЕ. Вере, исторически обоснованной необходимостью наступления Эпохи Бытия ПОСЛЕ Эпохи времени. Философия Нового бытия должна принципиально располагать разрешением тайны (проблемы) Времени — только в этом случае она вообще может возникнуть как нечто, неспекулятивно отличное от Философии Нового времени. Философия Нового времени является необходимой предпосылкой возникновения механики времени, Теорией исчисления (вычислимости) истории. В эпоху Нового Времени человечеству еще приходилось довольствоваться механикой пространства, механикой Ньютона, дополненной на излете Нового Времени релятивистской механикой — таково было наследие Эпохи Бытия европейской христианской цивилизации, где, как в каждой эпохе бытия, предметность, объектность мыслилась в подражание бытию бытийственным, то есть пространственным образом. Естественно, что Эпоха Нового Бытия будет основана на иной, менее всего пространственной форме бытийственности, что, наконец, даст возможность состояться интеллектуальному событию Механики времени. ПОБЕДА НОВОГО БЫТИЯ НАД НОВЫМ ВРЕМЕНЕМ БУДЕТ СОСТОЯТЬ В СОЗДАНИИ МЕХАНИКИ ВРЕМЕНИ. История становится универсальным событийным оказыванием, случайностью всех линий мирового развития, всех объектов интеллектуального рассмотрения — от естественнонаучного, экономического, медицинского до культурного и философского. Атом, молекула, бактерия, пульсар, организм, государство, роман, стихотворение — каждая предметность универсализуется как числовая структура истории — бытия и времени Слова. История вычисляется как естественное творческое напряжение между числом и словом. Посредством истории слово вычисляет число. В вычислении словом числа число только и образуется как конкретное число истории, число действительного числового ряда. Механика времени работает с числами истории как с реальными объектами времени, объектами времени, движущимися в пространстве времени, единственном и единичном истинном пространстве. Субъект есть время-числа-для-человека. Объект есть бытие-числа-для-человека. Субъект-объектное отношение есть сознание, со-слово, Со-истина, то, посредством чего человек вступает в

отношение со Словом, с Вечной Речью, становится ее частью, частью (числом) речи.

Эпоха Бытия установится как Эпоха обретения тождества числа и слова, объекта и субъекта, как Эпоха возвращения Единого. Различие числа и слова в философии Нового бытия является творческим, способным к действительному тождеству субъекта и объекта, к солиптическому тождеству, производящему действительный мир как бытийствующий мир сознания, заключающий в себе несокрытый времяящийся мир природы. Философия Нового бытия — это уже не столько философия, сколько непосредственная сила Слова, Риторика. В качестве философской системы философия Нового Бытия есть философия числа, солиптическая философия как имперский платонизм (фундаментальная онтология Римского мира) был преодолен в учении Христа, вернувшегося некоторым невероятно сильным импульсом разума к самой сокровенной постановке вопросов Времени и Бытия Платоном и Аристотелем и к деятельному разрешению этих вопросов в сфере Единого самого по себе, — так и гегелизм (не гегельянство, но фундаментальная феноменология западноевропейского мира, прежде всего) преодолевается философией Нового бытия, Риторикой.

История Нового Времени характеризуется рядом известных процессов, носящих, как правило, революционизирующий характер. Революции политические, экономические, научно-технологические, культурные и то, как справился с ними человеческий мир и в какое специфическое состояние впал в связи с этими обстоятельствами, крайняя революционизация сущего в виде двух мировых войн и угрозы третьей мировой войны — все это определило лицо современного нам состояния цивилизации за период истории Нового Времени. Фундаментальный исторический опыт показывает нам, что в Эпоху Нового Бытия мы будем иметь дело, безусловно, и с новой мировой империей (мировым правительством гегелевского либерального империализма), и с новой ранней духовностью Нового Бытия, и с новым варварством, которое, цивилизуясь, перехватит знамя мировой имперскости, на котором уже будет начертан не западноевропейский либерально-имперский знак, но знак Нового Бытия. Но все же это будет Эпоха Нового бытия, и, возможно, удастся все эти грозящие вызовы сомкнуть в точке не радикальной противоречивости, но конструктивного сотрудничества, остановив развитие возможных катастрофических событий на уровне профилактических культурных и социально-политических, великих «языковых» игр. Ведь в Эпоху Нового бытия речь идет уже о строительстве единой гуманитарной цивилизации. В этом ее коренное отличие от Эпохи бытия европейской христианской цивилизации, для которой была характерна гетерогенность бытия как структурообразу-

ющий принцип эпохи. Абсолютизация же отдельного и последовательного осуществления возможностей развития Эпохи Нового Бытия как самостоятельных, принципиально конфликтных линий приведет к распаду человечества и невозникновению Нового Бытия: к вырождению гегелевского либерального империализма в электронный тоталитаризм, к повторению философией Нового Бытия фатальной судьбы христианства, которая на этот раз приведет уже к распятию всего человечества, и, наконец, к господству беспросветной тьмы квазибытия монотеистической архаики нового варварства, лишенного надежд на цивилизацию и божественное участие, — анархической империи, которая начнется с гремучей смеси марксизма и фундаменталистского Ислама, а найдет себя самое во всемирном халифате, только вот без нынешних мусульман, а на африканском континенте (так и вижу портреты негроидного Маркса с его огромной, волнами, седой курчавой бородой). Важнейший залог недопущения катастрофического расширения зоны фундаментальных исторических противоречий, воспроизводящихся в новом цикле времени-бытия, — создание и развитие Механики времени и основанного на ней комплекса подлинно высоких меганаучных технологий Развития, связанных, прежде всего, с устранением пограничных ситуаций «мира-войны» через решение глобальных проблем — продовольственной, энергетической, дисбаланса ресурсов и развития народов и наций.

Новое Бытие, если оно состоится, будет на громадный исторический порядок ближе к Единому, чем Ветхое бытие европейской цивилизации. Новое Время европейской цивилизации уже наметило набросок Нового Бытия.

Интернет-диалог «Левин»

Главным участником интернет-диалога (новый жанр для диалоговой традиции истории мировой философии) с автором является выдающийся российский математик и экономист Валентин Николаевич Левин. Иные участники диалога, как это характерно для интернет-аудитории, анонимны, скрываются за «никами» (интернет-именами), но их мнения также представляют определенный интерес для осмысления развития дискуссии⁴⁰.

Автором был представлен к обсуждению интернет-аудитории следующий текст.

Сергей Шилов. Сущность гуманитарной науки. О фундаментальной онтологии нового образовательного канона

В астрономических наблюдениях зафиксировано такое сложное кольцеобразное затмение, как Сарос. Поверхностно-образовательная публицистическо-либерально-позитивистская программа Сороса, породившая гуманитарный образовательный канон (вал методик, образовательных пособий и учебников, прежде всего по гуманитарным дисциплинам) переходного периода, вошедший в противоречие с советским образовательным фундаментализмом, — образовала именно такое сложное кольцеобразное затмение гуманитарных умов России. В ситуации завершения переходного периода вывода России на путь развития, необходимо указать выход из этого тумана, прежде всего, последовательно и более глубоко продумав вопрос о самой гуманитарной науке, что она такое и какой ей быть надобно...

«Кризис европейских наук», постулированный Гуссерлем в начале XX века, по его же фактическому определению, преодолевается в факте возникновения, в событии гуманитарной науки. Дело не в том, что гуманитарная наука восстанавливает некоторое универсальное положение и качество философии, но в том, что институционализация

⁴⁰ Диалог проходил в двух жанрах — статей и реплик. Статьи представлены с указанием имен и фамилий авторов, а реплики — под инициалами *СШ* (Сергей Шилов) и *ВЛ* (Валентин Левин). Реплики других участников помещены при первом их появлении под полными интернет-именами, а далее обозначены первыми буквами интернет-имен. Аналогично оформлены и другие диалоги, опубликованные в книге. — *Прим. Ред.*

гуманитарной науки выступает в качестве Проекта истории мышления Нового времени по созданию нового (мирового) порядка мирового знания. «Кризис европейских наук» наступил только в наше время, время перехода от истории Нового времени к истории Нового бытия. Во времена же Гуссерля как раз совершалось знаменитое революционное естественнонаучное преобразование ньютоновского мира. Застой в сфере «европейских наук» образовался только к настоящему времени, когда революционный импульс, приданный развитию научного знания Эйнштейном, практически исчерпан и стал фундаментальным фактом истории науки. Потому именно «здесь, теперь и сейчас» философии Гуссерля и Хайдеггера выступают в актуальном качестве — как возможности, реальные потенциалы мышления «после» Конца истории науки.

Длинная дорога естественнонаучного знания завершена, закончилась, пройдена человеческим мышлением — Эпоха истории естественнонаучного мышления Нового времени завершилась, завершилось, закончило свой жизненный путь то «естество» знания, которое было непосредственным содержанием, «врожденной идеей» Мышления Нового времени. Вот где и начинается настоящий кризис европейских наук. Ничто «новое» неспособно оживить естество Мышления Нового времени, хотя продвижение всякого рода «инноваций», бесконечное, казалось бы, востребование все «нового» и «нового», имеющее характер некоторой паранойи нашего времени, образует лавинонарастающий вал квазисобытий. Тяга к «новому» образуется как фундаментальный страх перед смертью естества Мышления Нового времени, которое к тому же уже действительно умерло, так что многообразие инноваций есть некоторое украшение покойника и, как говорится, мертвому припарки. На самом деле, «инновационная деятельность» является некоторой человеческой самовозгонкой, закипанием, возникающим в присутствии некоторого предмета, который никак нельзя назвать новым («инновационным»), но который все же является чем-то принципиально иным, другим, нежели погибшее, ожившее естество Мышления Нового времени, смерть которого всячески скрывается и свидетельство о смерти которого не выдается. Инновационная «революция» последних времен, в первую очередь связанная с ожиданиями Эры информационных технологий, и является таким квазисобытием, закипанием человеческой сущности, реагирующей на дух другого (не нового) естества мышления, подобно тому, как вздыбливается и шипит кошка, заведя не что опасное для себя.

Ныне, таким образом, путь, намеченный Гуссерлем, Хайдеггером и Ясперсом, путь становления философии наукой, способной к структуризации знания человечества, имеющей целью мировой порядок мирового знания, — не только может, но и должен быть пройден. Пришло время этого пути. Гуманитарная наука как научный проект начата Декартом в

виде идеи употребления Философии как некоторого Метода, располагающего свойствами естественнонаучного метода. Декарт, взяв за основу естественнонаучный метод своего времени, еще не загроможденный формальными конструкциями и деконструкциями, испытал Философию на выполнимость ею данного метода, на сводимость ее содержания посредством данного метода к некоторым основаниям, которые можно было бы равноправно разместить в ряду естественнонаучных оснований.

Далее, у Гегеля оказалось, что Метод, открытый и представленный таким образом, зажил совершенно самостоятельной жизнью и попытался покрыть собой всю сферу знания в спекулятивном квазиаристотелевском проекте. То есть метод, родившийся из обучения философии естественнонаучному знанию, стал претендовать на всеобъемлющий, универсальный метод, поглощающий и само естественнонаучное знание. Гегель тут, конечно же, поспешил, поддавшись непомерным философским амбициям и «совпав» с суетным духом времени немецкого романтизма, жаждавшего незыблемого увековечивания. Созданная им «система» была скорее гидом по естественнонаучным коллекциям того времени, причем временами гидом несколько полусумашедшим, обывательско-здравосмысленным и забавным. «Система» не содержала метода, который мог бы быть верифицирован, проверен как метод порождения естественнонаучного знания, удовлетворяющего прежде всего математическим критериям и физической достоверности, — но содержала спекулятивный метод, позволяющий устанавливать произвольные и свободные, формально-логические связи «всего со всем», так называемый гегелевский принцип-метод «тождества бытия и ничто», с которого начинается его «Наука логики».

Современная фактически провалившаяся инновационная революция отправилась господствовать и завоевывать мир по спекулятивному пути Гегеля, по пути спекулятивного конструирования «монополии на истину», как говорится, если нет гуманитарной науки, то «все дозволено» и в первую очередь — «монополия на истину». Тем не менее ценности гегелевского мышления образовали современный мир спекулятивного сетевого конструирования, категоризируемый информационными технологиями, мир глобализации, столь же уверенный в своей «монополии на истину». Немецкая классическая философия Шеллинга, Фихте, и прежде всего, конечно же, Канта останавливают интеллектуальный монополизм Гегеля, хотя и «предшествуют» гегелевской системе. На самом деле «абсолютный дух Гегеля» профилактруется еще на ранних стадиях осуществляемой Кантом «Критики способности суждения», где Кант ясно, методо-логически ограничивает способность суждения — самим суждением, то есть ограничивает способность суждения в ее способности выходить за собственные границы, трансцендировать,

в качестве такого методологического порога и выступает «вещь в себе». Однако для «бури и натиска» немецкого романтизма, взявшегося философствовать, ничего невозможного в мире быть не могло, и Гегель четко уловил и гипостазировал это веяние-верование, «сняв» «вещь в себе».

Далее произошло раздвоение философского мышления, во многом спровоцированное Марксом, но являвшееся наиболее явственной, и потому скрытой от «конкретных» глаз, картиной исторического разлома, вызванного завершением Истории Нового времени, осуществляющимся в виде мирового закипания истории в XX веке.

Метод (как правильное «имя», предметность философии) с абсолютно выхолощенным философским содержанием отошел к СССР как формальной методологической реальности. По словам О. И. Генисаретского, отец-основатель советской методологии Щедровицкий не уставал повторять: «В методологии нет никакого бытия». Философское, собственное содержание философии, которым жива была философия с момента ее возникновения, — Учение о бытии отошло к европейской университетской культуре, иммунно защищенной от марксизма. При этом «имя философии», идея предметного места философии в мире была, по ведущей мысли Хайдеггера, была предана забвению.

В настоящее время это положение дел в сфере мышления меняется, но, на мой взгляд, не опасным все же, профанным образом: Феноменология (в широком смысле) трансцендирует к нам, в наши интеллектуальные пенаты, а марксистская методология овладевает европейскими кафедрами и нобелевским комитетом. Хотя в контексте полит-интеллектуального безумия, характерного для завершения переходного периода, наблюдается уже и некоторая пост-вторичная тенденция, когда «наша» марксистская методология, нотариально заверенная европейской левой профессурой, импортируется нам уже под их торговыми марками втридорога.

Гуманитарно-политическая реальность XX века ворвалась в философию, в судьбы философов, разорвала единую ткань философии, уничтожила естество Мышления Нового времени, что первой ощутила именно философия, откуда и возник экзистенциализм, превративший философию в продукцию элитно-массовой «культуры».

Как ни профилактировали Декарт и Кант потенциалы абсолютизации способности суждения, но все же система абсолютизации способности суждения, система Гегеля, возникла. Как ни профилактировали Гуссерль и Хайдеггер потенциалы возникновения абсолютизации феномена, момента «здесь, теперь и сейчас», но все же система абсолютизации феномена, экзистенциализм в широком смысле, как абсурдное основание современного философствования (от структурализма до деконструктивизма, включая модернизм и постмодернизм), все же возникла.

Безусловные достижения интеллектуальности и интересубъективности, мыслящей от структурализма до деконструктивизма, все же существенно поражены анти-интеллектуальной, анти-философской сущностью абсурда-квазиоснования, апофеоза беспочвенности ничто, в котором закипает человеческая натура в страхе перед Концом Истории Нового времени. Наука возникает в тесной связи с задачей Науки. Ныне только определилась задача гуманитарной науки, задача, для решения которой объективно востребуется вся философия, вся история философии, вся история мышления. Это созидательная задача формирования человеческого измерения Истории (Нового) бытия, первым этапом которой является обеспечение перехода от Истории Нового времени к Истории Нового бытия. Термин «Новое» означает здесь дань уходящей натуре Истории Нового времени. На самом деле в Истории как смене относительно краткосрочных Историй Времени долгосрочными Историями Бытия всякое Время и всякое Бытие — «новые», отличающиеся качеством (квалитативно) таким образом, что исчезает сам смысл употребления этого термина как спекулятивной категории.

Пороговой задачей, решение которой необходимо для институционализации гуманитарной науки, динамической, самоподдерживающейся, конкурентоспособной фиксации ее в реальном мире политики, науки, культуры, техники, экономики, повседневности, — является дерегулирование монополий на истину. Структурными составляющими монополий на истину, как было показано выше, являются абсолютизация способности суждения и тесно связанная с ней абсолютизация феномена. И то и другое — условия, которые действуют независимо от типа рациональности, будь то постсоветская методология либо западный университетский (феноменологический) интеллектуализм. Кстати, надо отметить, что продвинутыми методологами феноменология воспринимается, потребляется как некоторый потенциал институционализации, эволюционного восстановления в правах Бытия (в сфере методологического знания, которое все же ощущает факт присутствия бытия в «истинной методологии», ощущает «институты»); продвинутыми же феноменологами методология осознается как некоторый ноуменологический проект, проект науки, знания об «именах» вещей в себе, как способов рефлексивного «схватывания» феноменов и даже управления оными.

Таким образом, «Генеральный штаб» гуманитарной науки обрывается как своего рода стыковочный коммуникационный узел методологии и феноменологии, феноменологии и методологии. Таков институционально-организационный проект формирования гуманитарной науки как проект Нового Европейского университета, с которого и должно начаться осмысленное становление Великой Европы.

Собственно научная, теоретическая задача становления гуманитарной науки неизмеримо более сложна.

Во-первых, необходимо окончательное определение Метода, определение которого было начато Декартом. При этом необходимо должны быть учтены и осмыслены те методические коллизии, которые имели место в истории философии Нового времени.

Во-вторых, должен быть определен Предмет, определен прежде всего как фактичность, которая естественно ограничивает применение и употребление Метода в качестве того материала, с которым работает Метод.

В-третьих, эти окончательные определения должны быть продуктивно соотносимыми с понятием о методе и предмете естественных наук, с тем чтобы новообразованная наука была органически принята в их естественный ряд на равных правах, потенциалах, нормах, обязательствах и возможностях (гуманитарная наука должна быть конкурентоспособна относительно ведущих естественных наук).

Данные определения основываются на ряде выполненных мною работ и являются выводами из них.

Всякого рода исследования глобальных и локальных единств, связей, спаренностей предмета и метода гуманитарных наук, которые стали практически характером современного изложения любой гуманитарной науки (будь то академическое изложение или постмодернистская демонстрация), ныне являются скорее «обжорством духа» и выражением творческой незрелости и стремительно теряют тот продуктивный потенциал, который наличествовал в первых откровениях о гуманитарной науке в XIX веке, когда предмет и метод гуманитарной науки рождались вместе, как близнецы. Сегодня это «единство» напоминает скорее сямских близнецов, непрерывное наблюдение за которыми доставляет радость лишь постмодернистскому сознанию.

Метод гуманитарной науки — это, по утверждению философии еще с греческих времен, тот метод, который содержится, несокрыт в человеческом рассудке, тот метод, посредством которого формируется и осуществляет себя здравый смысл. Речь идет о формализации человеческого рассудка, о формализации здравого смысла, о раскрытии того алгоритма, посредством которого и функционирует рассудок. Так понятый метод гуманитарной науки сопоставим с полнотой и непротиворечивостью математического метода естественных наук. Человеческий рассудок устроен солип(т)ическим образом. Более того, человеческий рассудок является метафорой, обозначающей реально работающую модель солип(т)изма, порождающую ту форму знания, которую мы именуем здравым смыслом. Человеческий рассудок есть, по существу, капсула солиптизма, свойственным процессу этого капсулирования об-

разом идентифицируемая. Под солиптизмом понимается программа Я, которая рассматривает, преобразует весь мир как собственное порождение. Эта программа работает в каждом человеке, каждым человеком, создает реальность его собственного Я. Казалось бы, здравый смысл дан обыденному сознанию человека некоторым противоположным образом: человек воспринимает мир отдельно от своего Я как противостоящий Я, неизмеримо больший Я на целую бесконечность «минус» Я как некоторой погрешности этого мира, которой можно пренебречь. Но так мир ДАН человеку, а важно, каким образом он (мир) формируется, дается, поставляется человеку.

Солиптизм есть функция, формирующая мир, это то понятие функции, которое предшествует математическому понятию, является более мощным, чем известное математике уже вторичное понятие функции как математической функции, созданное на основе солиптической аксиомы функции. Солиптизм есть метод, на порядок более истинный и действительный, чем математический метод, именно на его основе и возникает первым делом математический метод. Солиптизм есть основание математики. Солиптизм есть, вообще говоря, истинное определение алгоритма. Солиптизм связывает всю фактичность мира в ее естественном законе порождения, развития, возникновения и уничтожения. Человек живет в вечном подозрении своей солиптической природы и в страхе перед ней. Солиптизм есть программное отличие человека от животного, первичная и естественная форма интеллекта, в форме которой и живут реалии того, что философы метафорически именовали «врожденными идеями». Животное не солиплично, оно не производит мир из своего Я и, следовательно, не имеет Я, поскольку иметь Я — это не некоторая раз и навсегда данная данность, это прежде всего незаметная работа программы по производству Всего из Я. Человек не замечает этого еле слышного фонового гула солиптической машины Я, он просто имеет рассудок и здравый смысл и пользуется ими непосредственно, чаще всего не подозревая, какая «глобальная машина опосредования» работает, обеспечивая эти элементарные для него самости.

Солиптический метод гуманитарной науки использует, таким образом, явление, закон солиптизма, посредством которого раскрывается и функционирует человеческая природа как природа мира. В солиптическом методе действительна вся математика, более того, в солиптическом методе математика как некоторый текст получает свой контекст, а физика получает свой физический мир как вселенский мир солиптизма, законы которого образуются солиптическим методом и считаются физикой (физиками).

Солиптический метод гуманитарной науки — основание математического метода естественной науки, и взаимодействие их образуется

как взаимодействие причины и следствия, основания и действительного многообразия форм, единого и многого. Произведение Вселенной осуществляется в контакте солиптического метода гуманитарной науки с предметом гуманитарной науки. Предмет гуманитарной науки — это первоматерия, материя сама по себе, с которой имеет дело человек повсюду округ себя и в себе, включая и материю, как она дается естественной науке. Предмет гуманитарной науки — это физическая материя как То, что она есть сама по себе, единая и универсальная, независимая от расчленений и аналитически выявляемых в ней естественной наукой свойств, акциденций и моментов.

Предмет гуманитарной науки — это материя, взятая по единственному основанию — времени. Предмет гуманитарной науки таков — материя — потому, что эта наука изучает, как мир, Вселенная производится, трансформируется Я. Предмет гуманитарной науки, таким образом, — материя Я, производящая Вселенную из Я, — это Язык. Язык является и границей солиптизма, и материей осуществления, выполнимости солиптического метода. Единство и различие предмета и метода гуманитарной науки, имеющие свои функциональные значения и смыслы, — это единство и различие Языка и солиптизма. Язык как Метод есть солиптический метод (тот самый «язык сам по себе», который пытался зафиксировать Соссюр), материальным же выражением, предметностью солиптического метода, действительностью самой действительности является Язык. Во Вселенной, таким образом, есть только Я и Язык, который есть еще большее Я, нежели само Я, есть превосходная степень Я.

Что таким образом доказывает, раскрывает гуманитарная наука с той же силой вразумительности, с которой естественная наука доказывает, исследует, показывает природу? Гуманитарная наука с превосходящей математическую в ее собственных критериях силой доказательности доказывает бытие Бога. Богодоказательство является существом конструктивной рациональной связи солиптического метода гуманитарной науки и предмета гуманитарной науки (Языка). Работа гуманитарной науки есть всегда, прежде всего и в основе своей, БОГОДОКАЗАТЕЛЬСТВО. Так же как естественная наука контактирует с природой непосредственно, в физических явлениях, так гуманитарная наука будет контактировать, контактирует непосредственно с Богом, в его явлениях. Есть существенное отличие гуманитарной науки от религий (мировых религий). Гуманитарных наук может быть много, но все они имеют дело с одним Богом подобно тому, как естественные науки имеют дело с одной природой. Религии же не являются науками и имеют дело с разными представлениями о Боге, с разными Богами, насколько это возможно. Представим себе, что естественные науки имели бы дело с разными природами, не с разными явлениями и формами

природы, а с разными природами как таковыми — такие науки непредставимы, по крайней мере, как естественные.

Гуманитарная наука имеет дело с естественным богом. Солиптический метод, Язык, Бог (естественный бог) — такова триада, образовательный канон грядущей Гуманитарной мировой науки. Только располагая настоящей Структурой (триадой), гуманитарность становится Наукой о человеке, а не всего лишь наблюдением, нередко подсматриванием за человеком, совокупностью мнений, схолий и рассказов о человеке и человеческом. Так, только овладев Структурой (триадой) Математики-Физики-Техники, естественное знание перестало быть просто наблюдением природы, а стало институтом естественной науки, Наукой о природе.

Наука о человеке формирует корпус гуманитарных техник, «технологий», исходя из риторической сущности Гуманитарной техники, — корпус гуманитарных технографий (техноритосов). Гуманитарные технографии, техноритосы, встают в один ряд с техниками (технологиями), создаваемыми естественной наукой. Технографии взаимодействуют с Богом, технологии взаимодействуют с природой. Техноритос является раскрытием сущности «топоса», «места» в солиптизме, окончательным определением «места-топоса» базовым элементом солиптического метода при его работе с универсальной сущностью времени во всех видах преобразований. Конкурентоспособное преимущество гуманитарной науки, Науки Риторики, состоит в стратегическом горизонте создания Техники, работа которой осуществляется вне связи с законом энергии, на прямом контакте с законом времени.

Применительно к первому этапу создания такой Техники, связанному с распространением «информационных технологий», надо изменить подход от «логики информационных технологий» (в котором естественным и безобразным образом спутано все, что только можно, — от естественных наук с гуманитарными до предмета и метода самой гуманитарной науки) на иной взгляд-подход «риторики техноритосов», образующий онтический смысл (горизонт) электронного институционализма.

Гуманитарная наука раскрывает существо человека как солиптическое бытие (гуманитарный техноритос) и развивает, продвигает это существо, в то время как традиционно полагалось, что гуманитарная наука — это полный набор знаний дефинитивного характера о человеке.

С помощью гуманитарной науки человек включается, встраивается, занимает свое место (Ритос), достигая до него, — в божественном порядке вещей, в порядке вещей универсальной закономерности. Религии давали возможность такого включения на дискретной, спорадической основе, гуманитарная наука образует непрерывность участия человека в божественном порядке вещей, открывает мировое исчисление религий.

Имя грядущей гуманитарной науки — Риторика. В Науке Риторике человек достигает точки встречи с Богом, вступает в божественный порядок вещей.

Солиптический метод Науки Риторике имеет дело со всеобщей материей Вселенной в ее единственном подлинном составе — Языке. Целью Науки Риторике является повсеместное утверждение божественного порядка как рациональной формы Богодоказательства. Повсеместное — означает действительное То, предвечное, древнее, от чего ныне вскипела в атеистическом сознании идея глобализации как одновременного осуществления чего-либо сразу во многих местах, в чем нет, собственно говоря, ничего нового, так и происходит все то, что происходит в миропорядке, то есть одновременно осуществляется сразу во многих (всех) местах.

Наука Риторике раскрывает всегда несокрытое — раскрывает Бытие, основной вопрос Философии, как Бытие Бога.

Гегелевский эксперимент отождествления Бытия и Ничто, на котором основана Наука Логике, в осмыслении феноменологии привел все же к пониманию необходимости отождествления Бытия с некоторым Нечто, последовательно очищенном посредством логически Ничтожащего редукционистского анализа (феноменологической редукции). Хайдеггер работал с этим Нечто, создавая свою фундаментальную онтологию *Dasein* (Вот-бытия), остававшимся и всегда уклонявшимся от феноменологической редукции.

В Русском Языке, в программе Русского Языка данное Нечто мгновенно осмыслилось как Бытие Бога, доставленное человеку в солиптическом измерении, «стволовом канале» рассудка. В Русском Языке возникла Наука Риторике.

Валентин Левин. Онтологический самоанализ солиптически замкнутого рассудка в контексте гуманитарной науки по Шиллову

1. Место введения.

Уважаемый г-н Шиллов, Вы невольно предприняли сверхдерзкую атаку на тему, которая примерно с семидесятих годов XX века ушла из открытых публикаций в мир засекреченных проектов создания искусственного интеллекта.

Каковы реальные достижения программистов, ангажированных перспективами компьютерной имитации интеллектуальной деятельности и увлеченно утонувших в данной теме, в СССР, Японии, США и других странах — это пока покрыто мраком. Но можно с уверенностью утверждать, что работа в данном направлении уперлась в необходимость ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО осмысления того, что такое «ЗНА-

НИЕ», «ПОНИМАНИЕ», «ЯЗЫК», «ОБЪЕКТ», «СУБЪЕКТ» и т.д. Здесь технические дисциплины непосредственно вторгаются в святая святых философии.

Холодный скепсис, которого заслуживают попытки «технарей» воссоздать «творение божие» в бесчувственном металле, сменится шоком перед техноинформационными монстрами, которые могут быть созданы при соединении гуманитарно-слепых амбиций «технарей», провоцируемых технологической мощью современной цивилизации, с гуманитарно-зрячими амбициями философов.

Существенным шагом к сближению ФИЛОСОФИИ и ТЕХНИКИ (через голову НАУКИ, нарушая всякие привычные субординации) является развиваемая Вами идея солиптической природы человеческого рассудка.

Удивленный и заинтригованный неожиданным рывком явного гуманитария в явно технологическую сферу, я решил сделать несколько замечаний, которые читатель, по личному усмотрению, вправе рассматривать как игру воображения саморефлектирующего homo-солиптика либо как заметки к «сущности гуманитарной науки по-Шилову», либо как рассуждения об «искусственном интеллекте» или о теории манипуляции единицами «солиптического бытия» (то есть людьми).

2. Многословие Ваших определений неслучайно. Это естественный этап выкристаллизовывания первичных понятий (НЕОПРЕДЕЛИМЫХ в рамках ранее освоенных понятий) — первый этап становления всякой науки.

Первичные понятия — это дырки в солиптической реальности, через которые страус homo-солиптик, спрятавший голову в песок, подсматривает за трансцендентальными сущностями — непознаваемыми «вещами в себе». Спотыкаясь о множество примеров практики, страус догадывается, что некие феномены существуют вне его сознания. Жизнь заставляет институировать их вовнутрь солиптического микрокосма. Но он не может сделать это иначе, чем в форме изначально бессодержательных (пустых) имен, которые необходимо увязать (встроить в систему) со множеством других, уже существующих в нем (освоенных им) имен. От природы он ограничен лишь пятью органами чувств, мозгами, горлом, ушами, памятью, инстинктами и другими частями и свойствами тела, язык которых изначально и есть то единственное, что ему доступно в качестве материала и алфавита для кодирования информации о внешнем мире. Именно к этому, первично-доступному, он должен свести в итоге то многообразие впечатлений о трансцендентальных сущностях, которое именуется СИСТЕМОЙ ЗНАНИЙ.

Гигантский багаж знаний, накопленный человечеством, вообще говоря, это всего лишь перемудренная многослойными кодировочными

процессами привязка опытных знаний о трансценденталиях к внутренним самоощущениям homo-солиптикауса.

Мы отличаемся от дикарей лишь наработанным массивом этих кодировок. Столкнувшись с термином «фондовая биржа» современному человеку можно относительно быстро объяснить, что это такое. Для этого достаточно оттолкнуться, например, от известного (допустим) ему понятия «аукцион». Дикарю же придется сначала привить навыки и правила арифметики, затем растолковать азы торговых операций и т.д., прежде чем удастся перейти к главному предмету.

Нет другого способа привить человеку новое первичное понятие, как сформировать у него устойчивую ассоциацию между вводимым термином и каким-то комплексом в отдельности известных ему ощущений (то есть путем формирования очередного условного рефлекса). Именно этим, на мой взгляд, Вы и заняты, многократно в разных контекстах повторяя нам одни и те же знакосочетания.

(То есть Вы поступаете с нами, в какой-то степени как миссионер с дикарями).

При этом Вы сами нередко выступаете как изобретатель велосипеда (или даже колеса), не догадываясь, что ломитесь в открытую дверь, что кто-то уже давно освоил те же трансценденталии, но под другими именами. Но в этом нет ничего страшного и тем более предосудительного — изобретателей велосипедов миллионы.

У меня никогда не повернется язык сказать, что эта деятельность — бесполезная. Напротив. (Чем черт не шутит!)

Например, то, что естествоиспытатель Павлов раскрыл в учении об условных рефлексах, гуманоиспытатель Шилов относит к предмету «продвинутых феноменологов», осознающих методологию «как некоторый ноуменологический проект, проект науки, знания об “именах” вещей в себе, как способов рефлексивного “схватывания” феноменов и даже управления оными».

Но в отличие от Павлова, экспериментировавшего над реальными собаками, Вы существенно модифицируете эксперимент: зарываете голову воображаемой собаки в песок, уподобляете ее страусу и заставляете ее реагировать на внешние раздражители не только обильным выделением слюны, но и активным шевелением мозгов.

В результате своих наблюдений Вы приходите к действительно более глубоким выводам, чем Павлов. И формулируете бесспорно интересную идею солиптической природы человеческого рассудка:

«Человеческий рассудок устроен солип(т)ическим образом. Более того, человеческий рассудок является метафорой, обозначающей реально работающую модель солип(т)изма, порождающую ту форму знания, которую мы именуем здравым смыслом. Человеческий рассу-

док есть, по существу, капсула солиптизма. ... Под солиптизмом понимается программа Я, которая рассматривает, преобразует весь мир как собственное порождение. Эта программа работает в каждом человеке... создает реальность его собственного Я».

«Человек живет в вечном подозрении своей солиптической природы и в страхе перед ней. Солиптизм есть программное отличие человека от животного, первичная и естественная форма интеллекта, в форме которой и живут реалии того, что философы метафорически именовали “врожденными идеями”. Животное не солиптично, оно не производит мир из своего Я и, следовательно, не имеет Я, поскольку иметь Я — это не некоторая раз и навсегда данная данность, это прежде всего незаметная работа программы по производству Всего из Я. Человек не замечает этого еле слышного фонового гула солиптической машины Я, он просто имеет рассудок и здравый смысл и пользуется ими непосредственно, чаще всего не подозревая, какая “глобальная машина опосредования” работает, обеспечивая эти элементарные для него самости».

На мой взгляд, Вы слишком поспешно возвышаете человека над животными. Вы к этому месту даже еще не упомянули пока такого принципиального свойства человеческого рассудка, как ЯЗЫК, а уже увидели разницу с животными. С этим я решительно не согласен. В терминах солиптической машины человек, по моему убеждению, неотличим от курицы. Превосходство над животными у нас — только в том багаже кодировок, многослойно опутавших нашу подкорку, о которых я сказал выше и которые исторически копятя у нас благодаря общественному феномену ЯЗЫКА (второй сигнальной системы по Павлову). По базисному же сознанию и мироощущению люди от животных отличаются только надуманным самомнением, перегруженным этими кодировками, привязывающими нас к человеческой культуре.

По всему спектру чувств и ощущений животные (начиная с земноводных и пресмыкающихся, я уж не говорю о млекопитающих) от нас принципиально неотличимы.

Они также любят, плачут, ревнуют, борются за власть, смеются, ласкаются, нежатся, сопереживают боли других, молят о пощаде, самоотверженно бросаются на защиту подруг и друзей, трусят и совершают подвиги, строят мир под свое «Я», понимают субординацию в обществе (в стае), блюдут нравственность, прощают, проявляют агрессию, демонстрируют чудеса великодушия, тактичности и терпимости.

Истинная изюминка идеи о «солиптической природе» человеческого рассудка видится мне в том, что ею Вы выразили объективный заказ инфотронно-техногенного общества на необходимость гуманитарного переоплодотворения научно-технической революции вообще и мирового программно-компьютерного производства в частности.

Последнее заведено в гуманитарно-технологический тупик той солиптической по сути парадигмой программирования (отрыв программ от данных), которая восторжествовала в 60-е годы XX века (это требует отдельной статьи) и которая лежит в основе господства империи Микрософт, тело которой все более играет роль глухой плотины на пути мирового прогресса компьютерных технологий.

2.2. Восхитительно красиво Вы вводите нас в предмет и метод гуманитарной науки. Потомками — когда устоится новая диалектическая парадигма — это будет оценено по достоинству.

Материя «Я» — Язык — Бог. В этой триаде — расТРОЕНИЕ реального человека:

- Я — это единица солиптирующего бытия,
- Язык — это одновременно и реальная граница солиптирующего бытия, и материал его самовоплощения и саморазвития,
- Бог — это трансцендентальная дырка в солиптирующем бытии, через которую человек подглядывает за самим собой как за одной из «вещей в себе». Эта трансценденталия — ЗЕРКАЛО, в котором, глядя на себя, человек видит Бога.

Общаясь с Богом, человек солиптически переселяется в зазеркалье. И, действуя в реальной жизни, то и дело забывает, что каждую истину, начиная от «Бог создал человека по ОБРАЗУ И ПОДОБИЮ СВОЕМУ», согласно логике зазеркалья, следует читать наоборот.

Бог, наконец, это представление человека о самом себе как о том идеале, на который ему определено равняться и к которому ему положено стремиться.

В контексте сделанных мною выше замечаний, Бог — это не просто дырка, а самая главная дырка в солиптирующем сознании, которую человек обречен штопать в первую очередь и всю жизнь.

И главная задача гуманитарной науки — по Шилову — помогать человеку штопать эту дырку, то есть заниматься богостроительством, богодокательством и т.п. А заодно гуманитарная наука — в контексте конкурентной борьбы за место под солнцем наряду с другими естественными науками — будет, с одной стороны, помогать человеку адаптироваться (встраиваться) в сложную реальность современного инфотронно-технологического мира, с другой стороны — выполнять заказы коммерческих и некоммерческих структур по надлежащему управлению множествами единиц солиптирующей материи (например, избирателями).

2.3. В завершение спустимся с гуманитарных высот на грешную землю и обратим внимание на то обстоятельство, что сама идея человеческого рассудка как единицы «солиптирующего бытия» — не более чем плод солиптирующего сознания. То есть это одна из первичных идей наряду с множеством иных продуктивных идей, добавление кото-

рых может существенно менять отношение ко всему предмету. Каждый нормальный читатель добавляет, по ходу чтения, такие идеи к только что прочитанному. И потому воспринимает все вовсе не так, как хочет автор. Нормально, если многие, даже не дочитав до финала, начинают посмеиваться над сложными полетами солиптирующей мысли. Но все полеты, однако, реальны и имеют право быть.

Вот и мне по ходу чтения Вашей статьи захотелось одну идею добавить. Мне кажется, что не только «технари» нуждаются в оплодотворении их гуманитарной парадигмой, но и гуманитариев можно и нужно оплодотворять естественнонаучными мыслями.

Конкретнее, мне не терпится указать, что, глядя на солиптирующее бытие со стороны, любой мало-мальски умудренный феноменолог (особенно если он специалист по молекулярной биологии) крикнет: «ЭВРИКА! Да солиптизм — всего лишь одна из двух сторон того феномена, который лежит в основе, во-первых, материальной структуры всей живой материи, во-вторых, в основе всех объективных информационных процессов, благодаря которым, в частности, от человека родится человек, а от обезьяны — обезьяна!» — и расскажет нам о принципе КОМПЛЕМЕНТАРНОСТИ (взаимной дополнительности).

Ключу от квартиры комплементарна скважина соответствующего замка. Отрицательной валентности (в химии) соответствует положительная валентность. Цепочка нуклеотидов из ДНК вируса комплементарно диктует последовательность аминокислот в белковых молекулах именно этого вируса. В человеческом гене на языке последовательности нуклеотидов закодирована последовательность аминокислот соответствующего человеческого белка, которую усердно читают внутриклеточные «мышки» — рибосомы, играющие роль фабрикантов белка.

Перечнем подобных примеров и определяется (контекстно) та идея комплементарности, о которой речь. Каждая половинка каждой комплементарной пары — это более-менее сложная солиптическая капсула, смысл жизни которой — ожидание или поиск той или иной формы контакта со второй своей половинкой (либо с материалом для воспроизводства такой половинки). В каждом таком контакте солиптическая капсула реализует свои априорные знания, творит мир как продолжение своего внутреннего «Я». В частности, весь процесс вырастания нового человека, от момента зачатия до старения, представляет собой в точности то самое, что имеет в виду г-н Шилов, говоря о порождении мира из «Я», только в качестве «Я» выступает набор молекул дезоксирибонуклеиновых кислот, составляющий основу хромосомного набора человека.

Из этого замечания вытекает, что:

1) солиптичность — это свойство всего живого, а не только человеческого рассудка,

2) рассудок, определяемый как солиптическая капсула, в реальности выступающая как половинка какой-то комплементарной пары, присущ неодоухотворенной материи столь же объективно, как присущи ей иные физические свойства — вес, местоположение, размеры, масса...

3) принципиальная познаваемость-непознаваемость мира, о которые сломано столько копий агностиками и их противниками, в действительности является предметом не философии, а технологии...

Правы, выходит, марксисты, заявляющие вслед за Фейербахом, что философы всех времен пытались объяснять мир, в то время как его следует изменять, то есть заниматься революционными преобразованиями...

Ваша статья «Сущность гуманитарной науки. О фундаментальной онтологии нового образовательного канона» задает оригинальный контекст для переосмысления философского поиска человечества, олицетворенного бесконечным множеством мыслителей. Содержащиеся в ней идеи не сводимы к политехнологенному заказу и заслуживают более серьезного отношения, нежели то, которое бытует в чисто политико-конъюнктурной плоскости.

Вот к какому выводу пришла трансцендентальная единица солиптирующего бытия, до сих пор скрывающаяся под именем «Валентин Николаевич Левин»

Сергей Шилов. О завершении научной революции 20-х годов XX века

Уважаемый Валентин Николаевич,

Ваша статья-комментарий произвела на меня большое впечатление. На появление такого рода статей и такого уровня понимания я рассчитывал не раньше, как лет через пять-десять.

Сближение философии и техники существенно подготовлено всей историей науки и историей мышления. Проект «системы чистого разума», выдвинутый немецкой классической философией и заторможенный Марксом (возрожденный Гуссерлем и Хайдеггером), не мог не возникнуть в Конце истории и не мог не охватить в своем проектировании сущность техники.

Однако претензии этого проекта еще более «сверхдерзкие», нежели те, о которых Вы пишете. Существо этих притязаний можно пояснить, опираясь на приведенные Вами примеры, ограничивающие солиптическое бытие со стороны наук, располагающих собственным «термином» («объективированным» определителем времени). Дело в том, что солиптическое бытие поглощает и науки в виде языков наук.

Иначе говоря, настоящая доктрина завершает научную революцию 20-х годов прошлого века, дело Эйнштейна и Бора, которые, как известно,

как раз и остановились перед «необходимостью ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО осмысления того, что такое «ЗНАНИЕ», «ПОНИМАНИЕ», «ЯЗЫК», «ОБЪЕКТ», «СУБЪЕКТ». Солиптическая доктрина не есть только философско-психологическая дисциплина, она есть метод меганауки.

Солиптическая доктрина освобождает мышление для самого решительного шага в истории науки Нового времени, шага, который провидел Эйнштейн. А именно, солиптическая доктрина перечеркивает, делает НЕОБЯЗАТЕЛЬНЫМИ, а следовательно, и неверными начала термодинамики. Солиптическая доктрина раскрывает, разведывает термодинамическое знание как институциональное (в смысле языка науки) ограничение научного рассудка. Термодинамическое знание было не знанием о мире, но способом организации научного рассудка, языка науки, еще не готового к восприятию истины мира. Так, в философии индуизма существовал запрет на видение божественной сущности, ибо смотрящий на нее «автоматически» лишается разума. Таким образом, на новом уровне восстанавливается глубочайшая идея Аристотеля о «перводвигателе», отменяется термодинамический запрет на осмысление и, главное, осуществление этой идеи. Термодинамический запрет оказывается методологическим условием возможности языка современной науки, и он же накладывает те пределы ее развития, к которым подошли Эйнштейн, Бор, Гейзенберг. В науке слишком многое оказывается «всего лишь» фактичностью языка науки, но не предметностью, противостоящей науке. И тут открывается самый важный взгляд — раскрывается собственная предметность, бытие, которое является объектом, критериальным порогом научного знания как такового. Ведь невозможно возродить идею перводвигателя ради нее самой, не совместив ее с современной научной картиной мира, пусть и радикально преобразуя эту картину. Предметность, истинное бытие, противостоящее самому основанию науки и осваиваемое посредством языка науки, истинная материя для науки — это числовой ряд. Число раскрывается как физический первопродмет мира, существующий особым образом, образом времени. «Атом», «электрон», «частицы» оказываются лишь терминологией (терминографией) числа. Таким образом, все науки переосмысливаются в меганауку, и отдельные научные идентификации (принципы) не принимаются за окончательные именно в силу нерасчлененности, слитности в них (в виде некоторого слепого пятна) языка науки и предметности науки (бытия, противостоящего науке). Риторическая теория числа, числ-истины «вещи в себе», является существом меганауки.

Вот и судите, какая она — риторическая теория числа — гуманитарная теория, или естественнонаучная?

Само время раскрывает свою сущность в качестве перводвигателя, отменяющего фактом своего физического явления (в качестве числа)

начала термодинамики. Число и является той формой разрешения противоречия «волны» и «частицы», для которой это противоречие не имеет решительно никакого смысла, будучи противоречием ветхого языка науки. Здесь сделан всего лишь микроскопический сдвиг научного сознания, связанный с изучением глагольной связки «есть» применительно к языку науки, к научному суждению, и этот сдвиг меняет лицо мира. То, что есть одновременно и «волна», и «частица», действительно есть, и оно существует само по себе независимо от наших представлений о «волне» и «частице» как ограниченных представлений научного рассудка. И это нечто и есть число. Мир, таким образом, ни из чего не состоит, он просто существует как время. Физическое явление числа отменяет представление о составности мира. Потому свою работу «Хроника. Дефиниции Меганауки. Заметки на полях книги Гейзенберга “Физика и философия”» я и назвал подзаголовком «Против атомизма». Риторическая теория числа определяет имя числа, имя вещи как цифру, задавая основание математики как языка науки. В работах «Механика времени», «Исчисление простых чисел. О сущности математического», «Мысль. Хроноцентрический мир» и происходит солиптическое преобразование научных оснований. Так и возникает искомая Эйнштейном идея Механики времени, в которой показана работа перводвигателя в пространстве числового ряда как в истинной материи мира, — время показано как механизм самоорганизации числового ряда, как мышление языка, когда формула времени осмысливается как Формула Единицы, а алгоритм, наконец, раскрывается как исчисление простых чисел, точек солиптической связности числа и цифры, мест, где имя и вещь совпадают. Солиптическая доктрина разделяет ученого и действительный мир, изучаемый наукой, рассекает бритвой Оккама ту пуповину, которая связывала сознание и физический мир в нерасчлененном слепом единстве фактичности языка науки. Важнейшим техническим следствием является принципиально новая возможность техники, которая была ограничена несолиптическим научным рассудком. Закрывается тема энергии как несостоятельная тема в свете риторической теории числа, открывается тема времени как смысла, организующего числовой мир как действительный мир. Сам человек оказывается МАШИНОЙ ВРЕМЕНИ.

*В. Н. Левин. О дуализме принципов
Солиптизма и Комплементарности*

Уважаемый Сергей Евгеньевич!

Признателен Вашему отзыву. В свою очередь, не могу скрыть восхищения дерзостью, широтой и высотой полета Вашей мысли. Вы выражаете фантастический прорыв к глубинам новой парадигмы мышле-

ния, осуществленный мировой фундаментальной наукой за последнее столетие. Осознать и выразить новую парадигму — Ваше высочайшее призвание.

Впечатляет Ваша единовременная критика: с одной стороны, атомистической парадигмы (взламывание ограничений, накладываемых ею на естественнонаучное мышление), с другой — гуманитарно-феноменологической парадигмы, подведение под гуманитарные науки базиса естественнонаучной методологии, обновляемой переходом с атомистического мышления на математическое.

Вдохновляясь и восхищаясь, смею, вместе с тем, повторно обратиться Ваше внимание на реальный дуализм, с одной стороны, принципа СОЛИПСИЗМА, с другой — принципа КОМПЛЕМЕНТАРНОСТИ.

Диалектическое расхождение между ними я усматриваю, например, в том, что, продвигая неисчерпаемую идею числа как основу парадигмы, идущей на смену атомизму, Вы объявляете ЕДИНИЦУ (порождающую числовой ряд) как первопонятие, первопринцип и первосущность Бытия. Не принижая и не оспаривая могущества ЕДИНИЦЫ, считаю необходимым в качестве истинной первоосновы всего рассматривать чистый («голый») принцип комплементарности, выражаемый идеей 0 (НОЛЬ).

Идея НОЛЯ как первоначала, восходящая к индийской древности, в атмосфере XX века наполнилась множеством новых ассоциаций, за которые мы должны благодарить выдающихся естествоиспытателей, фундаментальную науку и математику последнего столетия.

Неслучайно все фундаментальные физические законы даются нам в форме

$$F = 0,$$

где F — некоторый функционал, заданный на ЧИСЛАХ.

Более тридцати пяти лет тому назад меня осенила мысль, что Мир есть всего лишь результат многократного «раздвоения» ноля на комплементарные пары. Это раздвоение означает выход множества отдельных «половинок» из абсолютного вакуума. Раздвоение — первооснова обратного импульса к слиянию.

Импульсы слияния-раздвоения как колебания абсолютного вакуума — это и есть тот перводвигатель, идея которого живет от Аристотеля и которую Вы развиваете в Ваших публикациях.

Поскольку колебания ВАКУУМА одновременно осуществляются по множеству разнородных оснований, постольку возникают стихийные перемешивания, мешающие комплементарным парам единовременно слиться и вернуть всю ВСЕЛЕННУЮ к абсолютному НОЛЮ.

Агрегируясь в случайные ассоциации, монические единицы (Ваши ЕДИНИЦЫ) по прошествии «миллиардов лет» (чистая метафора

ВРЕМЕНИ) слепляются в айсберги, выпирающие из ВАКУУМА, как бы плавающие в НЕМ, хаотично толкающиеся, олицетворяющие своим движением агрегированные первоначальные колебательные импульсы.

Эти айсберги суть и есть те материальные вещи, которые мы наблюдаем вокруг себя.

Мир, возникнув из НОЛЯ (ВАКУУМА), суммарно НОЛЕМ и остается. Термодинамическая идея о стремлении Вселенной к тепловой смерти есть лишь искаженное представление о вечно исчезающей реальности, само существование которой не может реализоваться иначе, чем в стремлении к исчезновению. И обратно.

Сергей Шилов. О трюичном (триадическом) коде – формуле «искусственного интеллекта» (алгоритма): о русских цифрах
(третьей форме «оцифровки» после римских и арабских цифр)

Уважаемый Валентин Николаевич!

Дуализм принципа Солипсизма и принципа Комплементарности действительно реален, и его рассмотрение крайне продуктивно, что, надеюсь, покажет данная заметка.

Ваша трактовка принципа комплементарности представляется мне более изготовленной к меганаучному делу, нежели употребление этого принципа в разного рода «молекулярных» «-логиях», где данный принцип не мыслится отдельно от тех или иных отдельных научно-дисциплинарных атомистических картин мира. Вы продвигаете принцип Комплементарности в его собственную принципиальную (априорную) сферу как некоторый принцип, первичный по отношению к образующейся на его основе иллюстративно-языковой картине того или иного специального научного мира. Однако Вы, на мой взгляд, останавливаете собственный же импульс продвижения, объективации принципа Комплементарности перед последним необходимым, решительным шагом, шагом на пути к рассмотрению несокрытости «Нуля» как физического явления, физической предметности, являющейся таковой (физической) в собственном числовом качестве (до оцифровки).

Так, в работе «Хроника. Дефиниции Меганауки» Третье начало Хроники утверждает возможность охлаждения вещества до температуры абсолютного ноля и определяет такое состояние вещества как фундаментальное, раскрывающее временную природу вещества. В этом смысле «Ноль» как факт предметности, противостоящей языку науки, отсылает нас к Единице, Формуле Единицы и, напротив, скрывается как некоторое бытие, ускользающее при несобственном пути его мыслящего рассмотрения, скрывается в не-необходимой метафоре Вакуу-

ма. У меня 27.12.03 случилось выступление в программе Гордона, поименованное мною «ЯЗЫК ФИЗИКИ» с подзаголовком «ПРОТИВ ВАКУУМА», где мне пришлось указать на теорию вакуума как одну из высших форм «спекулятивной диалектики» фундаментального атомизма ПОСЛЕ ТЕОРИИ ЭФИРА, с которой «разбирался» Эйнштейн посредством принципа относительности.

«Ноль» необходим как основание Меганауки, как фундаментальный слой Единицы, как стратегия формализации Единицы, но его мышление и рассмотрение не должны соскальзывать в «теорию Вакуума», в АЛФИЗИКУ. Я полагаю, что, в свою очередь, через создание Формулы Ноля можно формализовать химию в широком смысле как науку о веществе мира, как одну из сторон, измерений Меганауки, Науки Единицы. Великое Соединение принципов Солипсизма (как доктрины, формализующей субъективность научного суждения) и принципа Комплементарности (как доктрины, формализующей физическую предметность Ноля) и образует одну из важнейших граней принципа Солипсизма как принципа-метода Меганауки. Потому Ваше лингвистическое уравнение я бы «поправил» так: «Поскольку (ЧИСЛОВЫЕ) колебания ВАКУУМА (ЕДИНИЦЫ) одновременно (В СИЛУ ВРЕМЕНИ) осуществляются по множеству разнородных оснований (ЧИСЕЛ), постольку возникают стихийные перемешивания, мешающие комплементарным парам (ЧИСЕЛ) одновременно (ВО ВРЕМЕНИ) слиться и вернуть всю ВСЕЛЕННУЮ (ЧИСЛОВОЙ РЯД) к абсолютному НОЛЮ». Я вижу возможность многократно усилить представленную Вами позицию солипсического бытия «Ноля», бытия «Ноля» в Единице, не соскальзывая при этом в гипотезу Вакуума.

Высшая интеллектуальная Честь объявления ЕДИНИЦЫ первопринципом и первосущностью Бытия принадлежит, конечно же, не мне, а является фундаментальной силовой линией «знания-силы», берущей свое начало в истории европейской рациональности от «идеологов богодоказательства», отцов церкви, линии, прочерченной в творчестве Николая Кузанского и нашедшей свое косвенное выражение в истории мышления Нового времени в тезисе Лейбница «Когда Бог считает, он творит мир», оставленном в виде заметки на полях его «Монадологии». Существо же представляемого мною хода истории мышления заключается в создании ФОРМУЛЫ ЕДИНИЦЫ.

Формула Единицы есть задача образования единого научного знания для Многого. И основа разработки Формулы Единицы состоит в формализации языка науки как способа схватывания истины физического мира, притом что первым шагом приходится признать, вслед за Гильбертом и Геделем, что математика не вполне состоялась в качестве универсального языка науки и существуют лишь фрагменты языка

науки, известные в виде так называемых отдельных «научных дисциплин», фрагменты, успешность которых, как правило, связывается с успехами математизации той или иной научной предметности.

В истории европейской рациональности бытие Н(о)ля как важнейшего бытийственного, структурообразующего элемента всеобщности Языка науки было представлено Наукой логики Гегеля. Наука логики Гегеля, особенно в части Солипсичности концепции Абсолютного Духа, действительно есть европейский индуизм, откровение какого-то мирового корня европейской рациональности, в которой она коренилась, как логос в мифе, и даже глубже — в мироворелигиозном откровении. Гегелевская Наука Логики и начинается, и, как выяснилось впоследствии, завершается в тождестве бытия и ничто, и является Идео-логией Н(о)ля. Однако такого рода спекулятивная диалектика входит в существенное противоречие с законом богодоказательства, когда в конечном итоге отождествляет Бога с Я, как Вы пишете: «Бог — это трансцендентальная дырка в солиптирующем бытии, через которую человек подглядывает за самим собой, как за одной из “вещей в себе”. Эта трансценденталия — ЗЕРКАЛО, в котором, глядя на себя, человек видит Бога. Общаясь с Богом, человек солиптически переселяется в зазеркалье. И, действуя в реальной жизни, то и дело забывает, что каждую истину, начиная от “Бог создал человека по ОБРАЗУ И ПОДОБИЮ СВОЕМУ”, согласно логике зазеркалья следует читать наоборот. Бог, наконец, это представление человека о самом себе как о том идеале, на который ему определено равняться и к которому ему положено стремиться».

Однако гегелевская метафизика как западноевропейская структура метафизики Конца истории — это метафизика различия. Гегелевская метафизика раскрывает, но и разоблачает «Конец Истории» как конец «всего лишь» Истории Нового времени (объявляя, скажем, Прусскую монархию или нынешний либеральный империализм США — венцом, высшей политической формой исторического развития). История продолжается после Конца Истории Нового времени как История Нового Бытия. В этом смысле метафизика Шилова, метафизика тождества, объективно, всемирно-исторически противостоит (наследует) метафизике Гегеля, Науке Логики, метафизики различия, — противостоит как Наука Риторике. Применительно к судьбе европейской науки это означает возникновение физико-математической логики, преодолевающей неразрешимые постгегелевской математической логикой парадоксы бесосновности математики, на которых остановилась Программа формализации, выдвинутая в суженном формате Гильбертом и Гедделем. Хроника, механика времени возникает в виде меганаучного знания именно в ходе реализации на порядки более грандиозной Программы Формализации, где Формализация рассматривается как «правила вы-

вода» задачи богодоказательства. Речь, таким образом, идет о формализации Языка как такового, самого по себе, в чистом виде. Возможность решения этой задачи была заблокирована методологической позицией Соссюра «В языке есть только различия». Наука риторики показывает: «В языке есть также тождества». Именно генезис и структура данных тождеств и есть генезис и структура истины науки.

Критериальным порогом программы риторической формализации, программы Науки Риторике является недопущение на каждой из ступеней формализации трансцендентального, спекулятивно-диалектического соскальзывания в порождение новых, не-необходимых сущностей, представляющих некую термино-логическую «материю», оторванную от «материи числового ряда», являющейся истинной предметностью языка науки. Путь истины образуется как путь движения от одного тождества к другому. Философская триада творения мира из материи мышления (речи) представлена как «трансцендентное — трансцендентальное — имманентное».

Ноль раскрываем в гегелевской метафизике как Имманентное само по себе, Различие в чистом виде. Единица раскрывается в шиловской метафизике как Трансцендентное само по себе, как Тождество в чистом виде. Трансцендентальное, таким образом, исчезает как неполное, незавершенное, скрывающее истину, как спекулятивно-диалектическое, исчезает в этом смыкании Науки логики Гегеля и Науки риторики Шилова, смыкании первой и второй (по Аристотелю) сущностей «перводвигателя».

Трансцендентальное не удовлетворяет критериальному порогу «вещи в себе» как ноуменологическое, неполно-трансцендентное, зависимое от имманентного, а также как феноменологическое, неполно-имманентное, зависимое от трансцендентного (этой зависимостью пронизана вся «Феноменология духа» Гегеля). Трансцендентальное не имеет бытия, на этом завершается судьба трансцендентальной философии, судьба диалектики, и мышление резко сближается с техникой, сущностью техники. К стати, трансцендентальная философия как философия «солиптических дырок», которые «вынужден штопать человек» и заполнять «монадологическими единицами», прямо корреспондирует с физикой полупроводников (в целом физикой проводимости, сверхпроводимости) как с тем же состоянием науки физики, которая заслонила от истины физики, заменила истину физики интеллектуальным обслуживанием, представлением сущности техники в языке науке. Соскальзыванию пути продумывания отношения Трансцендентной Единицы и Имманентного Ноля в Трансцендентальное (в диалектику, в дифференциально-интегральное исчисление, в матанализ, в технофизику(электрофизику)) противостоит Осмысление отношения

Трансцендентной Единицы и Имманентного Ноля как исчисления простых чисел. Исчисление простых чисел прежде всего заменит учение об электричестве как более истинное выражение того феномена, который скрывается (трансцендентен) за метафорой «электричества». Триада «трансцендентное-трансцендентальное-имманентное» есть только проект «системы чистого разума», реализация которого предполагает такую окончательную разработку сущности трансцендентального, которая выявит само бытие трансцендентального, скрывающееся за проектом «трансцендентальной реалии». Проект системы чистого разума, проводимый, кроме того, как проект Критики чистого разума, и сама система чистого разума — это, как говорится, «две большие разницы». Отношение Трансцендентной Единицы (истины, осуществления, реализации понятия Трансцендентного) и Имманентного Ноля (истины, осуществления, реализации понятия Имманентного) — это непосредственное отношение простого числа. То, что Гегель рассматривал в Науке Логике как понятие, методологически сохраняя сферу трансцендентального, является на деле в Науке Риторике простым числом как понятийным, качественным, качественным, финитным видом числа.

Формализм Языка, таким образом, дефинируется как Троичный Код, сквозной к той системе «кодировок и перекодировок», которая раскрывается семиотикой и лингвистикой программирования:

Триада Языка: ЕДИНИЦА — ПРОСТОЕ ЧИСЛО — НОЛЬ.

При этом понятно, что Троичный Код, будучи внедрен в техническое (техноинформационное программирование), и является Языком «искусственного интеллекта» относительно применяемого Двоичного Кода, который неспособен представлять процесс мышления. ТРОИЧНЫЙ КОД способен работать с ПОНЯТИЯМИ

Формула Единицы — ЕДИНИЦА ЕСТЬ МНОЖЕСТВО ПРОСТЫХ ЧИСЕЛ — формализует фундаментальный (языково-бытийственный) опыт мышления как опыт дефинирующего разума. Предмет схватывается в своих существенных определениях-понятиях, образующих тот уровень внутреннего единства (имманентизации), который трансцендирует в сам предмет.

Формула Н(о)ля есть в этом смысле ОБЪЕКТИВАЦИЯ КВАДРАТНОСТИ. Н(о)ль — это то, что есть квадрат числа НА ДЕЛЕ, а не в цифровом выражении только, — тот феномен числа (числового ряда), что мы именуем квадратом числа. Творение, которое осуществляет Триада «Единица — Простое число — Ноль», имеет структуру, выражаемую Великой Теоремой Ферма, теоремой о связности трех квадратов. Тройки значений Великой Теоремы Ферма и задают единственную структуру Мира, а сама Великая Теорема Ферма имеет своим доказательством богодоказательство — бытие Единицы как множества

простых чисел, которое (бытие) показывается Нолем. Н(о)ль — это первая сущность Единицы. Простое число — это вторая сущность Единицы, завершающая формализацию Единицы. Таким образом, великая теорема Ферма есть Модель Языка, Модель работы механизма Тождества-Различия.

Кодирование в троичном коде — основа глобального техно-прорыва, основанного на разработке сущности техники, второй ее, языковой сущности, понимании технических объектов как суждений на том языке, на котором написана книга природы, языке единицы, имеющем структуру «единица — простое число — ноль». Троичный код есть представление-раскрытие физической силы как силы числа, которое (представление) вслед за снятием Эйнштейном ограничений классической механики снимает и термодинамические ограничения, открывая путь механике времени, раскрывая время как силу числа. Троичный код творит пространство из времени.

Троичный код — это, по существу, ПЕРЕХОД К ТРЕТЬЕЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ФОРМЕ ОЦИФРОВКИ ЧИСЛОВОГО УНИВЕРСУМА ПОСЛЕ РИМСКИХ ЦИФР И АРАБСКИХ ЦИФР. Сущностью каждого из переходов является аппроксимация (свертывание, сосредоточение) развернувшейся на основе прежней ступени возможной математической процедурности в принципиально новый порядок качества математического освоения мира. Переход к каждому новому порядку оцифровки был переходом ко все более новому, автоматизированному уровню абстракции, когда математическое письмо все более освобождалось от свойств обыденного рассудка, от его понимания временности, продолжительности, пространственности, которое было весьма далеко от истинных, числовых реалий временности, продолжительности, пространственности и иных физических свойств мира.

Если внешний вид арабских цифр уже самим фактом своего присутствия снимал необходимость тех процедур, которые предполагались при считывании римских цифр и проведении с ними операций и вычислений, то СОЗДАНИЕ НА ОСНОВЕ ТРОИЧНОГО КОДА РУССКИХ ЦИФР будет созданием нового мирового порядка. РУССКАЯ ЦИФРА как ИЗОБРАЖЕНИЕ ЧИСЛА, НАСЛЕДУЮЩЕЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫМ СТУПЕНЯМ РИМСКИХ И АРАБСКИХ ЦИФР, также образует тот внешний вид, который аппроксимирует разросшуюся спекулятивно-диалектическую процедурность «высшей математики», матанализа, в которой утеряна сама сущность числа. На самом деле нынешняя «усложнившаяся» университетская математика находится примерно в том же положении, в котором было оперирование римскими цифрами до введения арабских цифр и идеи алгоритмизации. Троичный код есть универсальный код процесса, универ-

сального для физики, математики, химии, биологии, истории и иных процессуально ориентированных процессов познания.

VV (анонимный участник диалога). Стремление привести формулу к каноническому виду происходит на интуитивном понятии: Вселенная = 0. Мы не знаем, откуда она появилась, но абсолютно точно знаем, что уйдет она в ничто. Не суть важно, через 100 или 100 000 миллиардов лет, от нас не останется ничего, даже памяти.

СШ. Вы не заметили центральной мысли, мысли хроноцентрического мира (мира, представленного также «осевой концепцией истории христианства» (Ясперс)), а именно: ВСЕЛЕННАЯ = 1.

Эта мысль возрождает богодоказательство как меганаучный факт. ФОРМУЛА ЕДИНИЦЫ: Единица есть множество простых чисел.

Формула Единицы раскрывает неуничтожимый смысл (закон) Вселенной. Это и есть новое мышление. Эйнштейн отменил-ограничил классическую механику. Шиллов отменил-ограничил термодинамику, завершил дело Эйнштейна созданием формулы Единицы. Эйнштейн раскрыл первую сущность времени — относительность. Хроника раскрывает вторую сущность времени — перводвигатель, завершающую понимание времени как предмета, вещи.

VV. Это типичное заблуждение индивидуума. Вам просто трудно представить, что во Вселенском масштабе Вы Никто — то есть НОЛЬ. Не расстраивайтесь, с годами это пройдет. Проводив в ничто одного, другого из своих близких, Вы поймете, что точно так же уйдете и сами — в ничто. После времени «Ч» все бросают курить, грешить и даже заниматься благотворительностью.

СШ. Формула Единицы есть богодоказательство, человеческое Я есть следствие формулы Единицы. В истории выделяются периоды Бытия, когда Бытие, Бог присутствует, и периоды Времени, когда Бытие уклоняется от непосредственного восприятия и посылает себя в данную нам предметность. Предметность настолько захватывает нас, что нам представляется, что никакого бытия помимо этой предметности не существует. Периоды Времени, скажем, период Истории Нового времени, даны Бытием для обновления восприятия Бытия, которое (восприятие) изменяет генезис и структуру Я.

Ваш, VV, жизненный опыт, на который Вы ссылаетесь, не сопоставим с опытом Истории и выражает всего лишь частное мнение энтропийного сознания, сознания, для которого «нет никакого бытия» и, следовательно, нет доступа к источнику той предметности, которая образует фактичность этого сознания.

ВЛ. Уважаемый Сергей Евгеньевич! Необходимо довести до логической точки начатую мною тему ДУАЛИЗМА. Не скрою, заинтри-

гован провозглашаемой Вами программой Формализации, программой Риторике. В частности, положительно воспринимаю принцип жесткого самоконтроля Чистого Разума, не допускающего «спекулятивно-диалектического СОСКАЛЬЗЫВАНИЯ в порождение новых, не-необходимых сущностей». Один из примеров подобного соскальзывания Вы, очевидно, уловили в употреблении мною термина ВАКУУМ в моем предыдущем тексте.

К своей чести могу похвастаться, что термин ВАКУУМ я употребил лишь в качестве знакосочетания, призванного быть очередным (возможно, излишним) стежком по уже зашитому разрыву солиптического сознания.

Озвученная мною идея НОЛЯ как первоисточника, первопричины и окончательного итога мира с самого начала представлялась мне именно математической, а не физической сущностью. Я испытал даже некоторое возмущение, когда Вы, спровоцированные употребленным мною термином «ВАКУУМ», начали ассоциировать «мою» идею НОЛЯ с идеей абсолютного температурного ноля. Последняя идея есть пример СУБЛИМАЦИИ (подмены) ИСТИННОГО понятия НОЛЬ частным ФИЗИЧЕСКИМ СИМВОЛОМ, перегруженным апостериорным (феноменологическим) содержанием.

Так что всецело поддерживаю указанный Вами критериальный порог, который выше я самовольно переименовал в ПРИНЦИП САМОКОНТРОЛЯ Чистого Разума.

Теперь о главном. О ДУАЛИЗМЕ. Я наблюдаю его в ТРЕХ измерениях (прямая ассоциация с Вашими триадами).

ПЕРВОЕ. «Традиционное». Представленное, в частности, Критикой Чистого Разума. В этом измерении возникает так называемый «основной вопрос философии» — об отношении СОЗНАНИИ к БЫТИЮ, который я рассматриваю как самое общее проявление в нашем сознании ПАРАДИГМЫ КОМПЛЕМЕНТАРНОСТИ, навязывающей нам идею пары «СОЗНАНИЕ — БЫТИЕ», включая:

1) идею солиптического бытия как некоей солиптической ЕДИНИЦЫ, солиптической капсулы, МОНАДЫ, противостоящей (якобы) тому, что именуетсяя

2) Бытием. В этом измерении возникает традиционное понятие ЗНАНИЯ и представление об ИСТИНЕ как о соответствии человеческой ИДЕИ (понятия), какой-то сокрытой ВЕЩИ, существующей независимо от человека.

ВТОРОЕ измерение — я именую его «АПОЛОГИЯ НЕЧИСТОГО БЫТИЯ», это зеркальный антитезис к «КРИТИКЕ ЧИСТОГО РАЗУМА». Этому измерению я уделю НИЖЕ основное внимание. Но прежде укажу синтез, который преследуется как цель:

ТРЕТЬЕ измерение — преодоление НЕЧИСТОГО БЫТИЯ, к ТОРЖЕСТВУ РАЗУМА, «богородный» синтез в Вашем, как я предполагаю, смысле, означенный программами Формализации и Риторике.

Выскажу смелую гипотезу, что указанные три измерения охватывают собою ВСЕ бывшие, существующие и будущие философские и научные учения, в частности, все варианты трактовок понятия ИСТИНА.

А теперь расшифрую АПОЛОГИЮ НЕЧИСТОГО БЫТИЯ, провозглашение которой скромно ставлю себе в заслугу.

Эту АПОЛОГИЮ можно назвать также ФЕНОМЕНОЛОГИЕЙ ИСТИНЫ, поскольку сама ИСТИНА здесь рассматривается как рядовое явление, вещь, наблюдаемая естествоиспытателем в ряду множества иных вещей, которым свойственны возникновение, утверждение, тление и разрушение.

Лишь в Чистом Разуме бывают НЕТЛЕННЫЕ истины.

В НЕЧИСТОМ БЫТИИ господствует то, что в просторечии иногда именуют ЖЕНСКОЙ ЛОГИКОЙ, хотя эта логика господствует не только в ЖЕНЩИНЕ, но и вообще в реальном мире.

В МИРЕ с ИСТИНОЙ все обстоит не так, как в РАЗУМЕ, а так, как того требует ЖЕНЩИНА.

Я имею в виду НОРМАТИВНЫЙ ХАРАКТЕР ЗНАНИЯ и СОЗИДАТЕЛЬНУЮ СУТЬ ИСТИНЫ.

Для начала — простой пример. Что такое ОБМАН? Для мужчины ОБМАН — это сообщение неверных сведений, сознательное искажение информации. В этом — вся примитивность МУЖСКОЙ ЛОГИКИ.

Для женщины ОБМАН — это неисполнение (мужских) намерений. Когда Я, мужчина, озвучиваю СОБСТВЕННОЕ желание или НАМЕРЕНИЕ, разве я думаю, что женщина воспринимает это уже как ИСТИНУ, подтверждения которой она будет требовать? Конечно же, я считаю себя ЗАРАНЕЕ ПРОЩЕННЫМ обстоятельствами («Ну, извини, ну не получилось»). Женщине с трудом придет в голову, что необходимо учесть какие-то там обстоятельства. Если мужчина сказал — значит, это истина. Мужчина же — идиот, не понимающий, что женщина боготворит его.

Впрочем, та же логика действует в криминальной практике, когда жертве приписывают долг и загоняют ее в «КОСЯК», заставляя лепетать какие-то обещания, за неисполнение которых сумма долга умножается (например, удваивается). В «беспределе» никакие обстоятельства не принимаются для прощения «КОСЯКА». Причем на старте долг возникает, например, в форме простого тезиса «Ты должен, потому что Я ТАК СКАЗАЛ».

Та же логика действует во всех системах хозяйственного управления. Приказы, директивы, утвержденные нормы и нормативы, ДОГО-

ВОРНЫЕ ИСТИНЫ (договорные цены, условия и объемы поставок и т.д.) — это все истины, ПОРОЖДЕННЫЕ человеком.

Та же логика действует в ПРАВОТВОРЧЕСТВЕ и ПРАВОПРИМЕНЕНИИ. Объективный ДУАЛИЗМ истины является причиной кропотливых судебных разборок.

Но все вышесказанное — лишь иллюстративное вступление к главному тезису, который я хочу высказать в рамках АПОЛОГИИ НЕЧИСТОГО БЫТИЯ. Хотя этот тезис я выскажу в плоскости грубой материальности как антитезе солипсизма, он по-новому оправдает солипсизм и совершенно неожиданно заставит поставить вопрос о возвращении — в новом качестве — в лоно чистого разума.

Вот этот тезис: ИСТИНА СЛУЧАЙНА.

ЗНАНИЕ — ЛИШЬ СУБЛИМАЦИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ, СКОРЛУПА, ВООРУЖИВШИСЬ КОТОРОЙ, МЫ ТО АГРЕССИВНО НАПАДАЕМ НА МИР, ТО, ПОДОБНО СТРАУСАМ, ПРЯЧЕМСЯ ОТ НЕГО В ЭТУ СКОРЛУПУ.

Этот тезис я провозглашаю, как естественнонаучную (то есть грубоматериальную) истину, факт реальности, поддающийся изучению естественнонаучными методами.

Забегая вперед, скажу, что этот тезис предлагает новую парадигму естественнонаучного мышления, требующую весь наблюдаемый мир ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНО рассматривать как САМОРЕАЛИЗАЦИЮ Чистого Разума.

Теперь некоторая тренировка ума примерами, закрепляющими предлагаемое понимание.

Возьмем к тексту моего предыдущего поста — к гипотезе о происхождении всего из НОЛЯ, о колебательных процессах раздвоения-слипания множества комплементарных пар, о стихийном «перемешивании» несинхронно порожденных разнородных пар и возникновении вещей, как айсбергов, выходящих из обруганного Вами «ВАКУУМА».

Движение, свойственное этим вещам, истекает из первоначально импульса к слиянию первичных комплементарных пар. Случайно «спутавшись» с чужеродными половинками, первичные половинки образуют вторичные и третичные образования, существенно модифицирующие («превращающие», извращающие») исходные требования комплементарности (соответствия).

Именно подобные «извращенные» явления комплементарности естествоиспытатели наблюдают в мире молекулярной биологии, как раз на них Вы указываете в Вашем письме ко мне, справедливо отделяя их от моего более глубокого тезиса: «Ваша трактовка принципа комплементарности представляется мне более изготовленной к меганаучному делу, нежели употребление этого принципа в разного рода “моле-

кулярных” “-логиях”, где данный принцип не мыслится отдельно от тех или иных отдельных научнодисциплинарных атомистических картин мира. Вы продвигаете принцип Комплементарности в его собственную принципиальную (априорную) сферу как некоторый принцип, первичный по отношению к образующейся на его основе иллюстративно-языковой картине того или иного специального научного мира».

Идущие следом Ваши слова: «Однако Вы, на мой взгляд, останавливаете собственный же импульс продвижения, объективации принципа Комплементарности перед последним необходимым, решительным шагом, шагом на пути к рассмотрению несокрытости “Нуля” как физического явления, физической предметности, являющейся таковой (физической) в собственном числовом качестве (до оцифровки)» — я трактую как призыв к переходу от АПОЛОГИИ НЕЧИСТОГО БЫТИЯ в ТРЕТЬЕ ИЗМЕРЕНИЕ ДУАЛЬНОСТИ, указанное выше, к СИНТЕЗУ, представленному Вашей Риторикой.

Не только не возражая, но и объявляя вслед за Вами необходимость этого перехода, я позволю себе все же задержаться ПОКА в фазе АПОЛОГИИ НЕЧИСТОГО БЫТИЯ.

Итак, продолжу. МИР возникает как стихийное нарушение СИММЕТРИИ, изначально представленное НОЛЕМ. Симметрия равнозначна исчезновению, смерти.

МИР СУЩЕСТВУЕТ И РАЗВИВАЕТСЯ ПОСТОЛЬКУ, ПОСКОЛЬКУ ОН НЕСИММЕТРИЧЕН.

Новообразованные ВЕЩИ НАЧИНАЮТ «ИСКАТЬ» ПОЛОВИНКИ, КОТОРЫХ ЗАВЕДОМО НЕТ В ПРИРОДЕ.

В этом «поиске», осуществляемом «методом тыка», они подбирают стихийно разбросанные тела вторично-комплементарных им вещей, облепляя ими себя как СУБЛИМАЦИЯМИ искомым половинок, тем самым создавая для себя «искусственную природу», «искусственную среду», в которой им существовать уютнее, чем вне нее.

Например, молекулам нуклеотидов оказывается вторично комплементарны СООТВЕТСТВЕННЫЕ молекулы аминокислот.

Цепочки отличающихся друг от друга нуклеотидов комплементарны цепочки из соответственных молекул аминокислот. Так возникает нуклеотидный КОД для белковых молекул.

Молекулы (рибо- или дезоксирибо-)нуклеиновых кислот (ДНК, РНК) как формы существования ЧИСТОГО РАССУДКА своим «стремлением» к «ИСТИНЕ» объективно порождают («организуют») в окружающей их среде синтез молекул БЕЛКА как СУБЛИМАЦИЙ искомой «ИСТИНЫ».

Роль этой среды играет внутриклеточная среда (сначала — бактериальная, затем — клеток более высшего уровня) как первая (наблю-

даемая нами) форма искусственной среды, созданной живой материей ПОД СЕБЯ.

История непрекращающихся битв за власть над этой средой — это фундамент мирового исторического процесса в целом, содержанием которого является НАБЛЮДАЕМЫЙ ВСЕОБЩИЙ ПРОГРЕСС МАТЕРИАЛЬНЫХ ФОРМ — от «НИЗШИХ» к «ВЫСШИМ», венцом которого становится ЧЕЛОВЕК. Факт этого прогресса опровергает гипотезу о предстоящей тепловой смерти Вселенной, опровергает, как Вы правильно отмечаете, ТЕРМОДИНАМИЧЕСКУЮ ПАРАДИГМУ.

Главными действующими лицами этих в высшей степени драматических битв являются:

- 1) молекулы ДНК и РНК ВИРУСОВ,
- 2) внутрибактериальные молекулы ДНК (или РНК),
- 3) геномы высших клеток, организованные в хромосомы и генерируемые этими геномами информационные (матричные) и транспортные РНК как инструменты синтеза белков,
- 4) искусственные (сублимационные) белковые твари, играющие многообразные роли — от строительных кирпичиков до хищников-истребителей РНК и ДНК (различные специализированные белки (ферменты и т.д.) и более сложные образования-роботы, вплоть до рибосом и других органелл).

Наблюдаемые в макромире ЭВОЛЮЦИИ и РЕВОЛЮЦИИ животного и растительного миров и, тем более, эволюции и революции СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИХ процессов представляют собой лишь сверхтонкие, исчезающие бледные тени истинного исторического процесса.

Ф. Энгельс, назвавший жизнь формой существования белковых тел, высказал смелую по тем временам гипотезу, которая ныне должна быть существенно уточнена следующим образом: ЖИЗНЬ, во всем многообразии ее красок, представляет собой процесс СУБЛИМАЦИИ ИСТИНЫ как объективной цели Чистого Разума, монады которого (гениально предусмотренные Лейбницем), явленные в форме молекул нуклеиновых кислот, со времени своего появления кодируют и программируют те части процесса мирового развития, в которых они возникли (как, например, на планете Земля).

Вернусь к главному тезису АПОЛОГИИ НЕЧИСТОГО БЫТИЯ: «ИСТИНА СЛУЧАЙНА. ЗНАНИЕ — ЛИШЬ СУБЛИМАЦИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ, СКОРЛУПА, ВООРУЖИВШИСЬ КОТОРОЙ, МЫ ТО АГРЕССИВНО НАПАДАЕМ НА МИР, ТО, ПОДОБНО СТРАУСАМ, ПРЯЧЕМСЯ ОТ НЕГО В ЭТУ СКОРЛУПУ».

Этот тезис непосредственно иллюстрируется жизнью ВИРУСОВ — простейшей формы живой материи, известной человеку.

Вирусная частичка подавляющую часть времени своей жизни представляет собой ниточку молекулы РНК (либо ДНК — в зависимости от вида вируса), облепленную глобулами тех белков, информация о которых закодирована в этих нитях. То есть вирусы — это фрагменты чистого рассудка, упакованные в белковые сублимации своих априорных истин. Рассудок-вирус «спит» более 99 % времени своей жизни, защищенный объятиями своих истин, спрятавшись в «скорлупу» этих материализованных в белке ЗНАНИЙ, словно страус.

Эти ЗНАНИЯ защищают его от множества нападений, среди которых самые страшные — генерируемые высшими клетками и клетками бактерий ферменты-убийцы (всевозможные РНК-азы и ДНК-азы), белковые роботы-монстры, непрерывно рыщущие в поисках жертв. Обнаружив вирусную РНК или ДНК нить ОБНАЖЕННОЙ, они беспощадно режут ее на мелкие части, уничтожая тем самым элемент чистого рассудка.

Обнажаются вирусные нити РНК (ДНК) весьма специфически. При случайном соприкосновении со стенкой «подходящей» им клетки (бактериальной или высшей) вирус вдруг «ощущает» себя шприцем, начиненным наследственным материалом. Облепляющие его белковые глобулы выстраиваются в своеобразную пружину, которая, прицепившись одним концом к стенке клетки, другим, как поршнем, вталкивает обнажающуюся нить молекулы РНК (ДНК) вовнутрь клетки, превращающейся в жертву агрессии вируса.

Залетающий внутрь клетки фрагмент чужеродного клетке чистого рассудка ведет себя, как коварный чужестранец, присваивающий себе все производственные мощности клетки. Ее искусственная внутренняя среда, являющаяся слепой фабрикой по штампованию информационных матриц и белковых тел и по этим матрицам, считываемым с геномов клетки, сбивается на параллельное штампование матриц и белков с впрыснутой нити.

Далее идут процессы САМОСБОРКИ тел новых вирусов до тех пор, пока клетка, переполненная чужеродной продукцией, не лопнет, разбрасывая вокруг себя десятки и сотни новых вирусных частичек. И так далее — идет цепная реакция вирусной инфекции.

САМОСБОРКА вируса есть тот МОМЕНТ, в который торжествует закодированная в вирусе ИСТИНА. Эта истина СЛУЧАЙНА. Но она реализуется. Ключ случайным образом находит подходящую ему скважину замка. «Медвежатник» угадывает шифр закрытого сейфа.

В этой исчезающе малой вероятности и находится соответствие между ИСТИНОЙ и РЕАЛЬНОСТЬЮ!!!

В этом примере раскрывается главный тезис АПОЛОГИИ НЕЧИСТОГО БЫТИЯ, дважды записанный выше. Истина — исчезающе

маловероятна. Все остальное — лишь СУБЛИМАЦИЯ (подмена, иллюзия, слепая ВЕРА).

Раскрытие моей темы будет неполным, если я не вернусь к феномену ЖЕНСКОЙ ЛОГИКИ. Столкнувшись с мужским ОБМАНОМ, то есть с нереализацией им ранее объявленных намерений, она, фактически спасая ЖИЗНЬ НА ЗЕМЛЕ, делает непостижимый мужскому уму выход в ТРЕТЬЕ ИЗМЕРЕНИЕ. Из плоскости маловероятных истин и абсолютной ВЕРЫ в Чистый Разум она вдруг выходит в ЭТИЧЕСКУЮ плоскость ДОБРА и ЗЛА, вынося мужчине парадоксальный приговор: «ОН... ПЛОХОЙ ... Но это лучшее, что было со МНОЙ...».

Таким образом, вся мрачноватая вышеописанная картина оказывается лишь плодом плоской мужской логики, разом срываемым и съедаемым ЖЕНЩИНОЙ, оценивающей истину в измерениях разрушения-созидания, то есть в измерениях ДОБРА и ЗЛА.

Сергей Шилов. Жизнь есть способ существования риторических чисел

Уважаемый Валентин Николаевич, отвечаю Вам и продолжаю дискуссию следующим материалом.

1. О системе чистого разума. Необходимо прояснение представления о системе чистого разума. Здесь термин «чистый» нередко вводит в некоторое заблуждение, каковое является существенной чертой западноевропейской метафизики как метафизики различия. Существуют исследования о смысловых трансформациях в употреблении этого термина, которые затрагивают и то фундаментально-онтологическое понимание, что этот термин приобрел в знаменитой научной поэме Парменида как категория бытия; и то значение, каковое было наработано нарративностью схоластики; и то дефинитивное значение этого термина, которое было феноменологически схвачено в немецкой классической философии и выступило ноуменальной основой для феноменологии Гуссерля и фундаментальной онтологии Хайдеггера; и то, наконец, значение, которое используется при «игре в бисер».

Уважая Ваше право «задержаться ПОКА в фазе АПОЛОГИИ НЕЧИСТОГО БЫТИЯ», я в свою очередь реализую собственное онтологическое право разработки проблемы системы чистого разума не в аспекте критики Вашего текста (Вашей Свободы), но в форме содружественного движения к иной Свободе, более истинной, НА МОЙ ВЗГЛЯД.

Изложенные Вами направления мышления (дуализм, в Вашей терминологии) — (1) Традиционное, к которому Вы относите Критику чистого разума; (2) Апология нечистого разума; (3) Синтез — это направление западноевропейской метафизики различия, с тем понима-

нием, что Синтез в этой парадигме представляется не как теоретический синтез (на это имеется фундаментальный запрет, фундированный именно вторым направлением — Апологией нечистого бытия), но как Воплощение, Конец истории, всемирное торжество либерально-капиталистической глобализации. Репетицию этого оркестра понятий в свое время произвел Гегель, когда объявил «венцом творения» абсолютного духа прусскую монархию, некоторую материальную политико-экономическую форму правления.

В западноевропейской метафизике различия дело сегодня обстоит следующим образом: к первому измерению отнесена не только философская классика Нового времени, но уже и Хайдеггер с Гуссерлем. Второе же измерение, наименование для которого (Апология нечистого бытия) Вы подобрали удивительно точное, — это французская, по преимуществу, философия второй половины XX века (от экзистенциализма, модернизма и структурализма до постструктурализма и постмодернизма — Сартр, Леви-Стросс, Барт, Фуко, Делез и др.), которая пыталась зафиксировать свое историко-философское величие и новый нетрадиционный классицизм именно как АПОЛОГИЮ НЕЧИСТОГО БЫТИЯ. Вершина этой апологии — деконструктивизм Ж. Деррида как та форма «системы чистого разума», на которую готова была согласиться за западноевропейская метафизика различия в конце своей истории.

Деконструктивизм Деррида все же пытался в дебрях спекулятивных конструкций метафизики различия отыскать возможности и горизонты продуктивного синтеза. Известно, что в последние годы Деррида даже заговорил о необходимости Новой этики и, что уж совсем удивительно, о меганаучных перспективах Риторике. В 1990-х годах, когда Деррида посещал СССР и выступал с лекцией в Институте философии АН СССР, мне в составе группы «молодых философов» довелось лицезреть «Конец истории западноевропейской метафизики». Я, помнится, дерзнул задать «Концу истории метафизики» вопрос о Риторике, тему которой я осознал тогда уже как Имя-принцип возвращения в философию бытия (истинности, собственного предмета), но в ответ услышал нечто из сферы отношений Я-Другого, диалогизма, то есть все то же, свойственное западноевропейской метафизике различия, чувственное материалистическо-сенсуалистское понимание Риторике. И вот, как Гуссерль в свое время в нескольких набросках указал на солиптическое будущее феноменологии (философии как трансцендентального метода редукции), так и Деррида ныне указывает на имя Риторике.

Синтез, третье измерение, не есть просто некоторая новая ступень. Мир, в котором ГОСПОДСТВУЕТ АПОЛОГИЯ НЕЧИСТОГО БЫТИЯ, полагает себя окончательным, завершенным и противостоит самым

фундаментальным образом данному Синтезу. Хотя, как я уже писал, ряд выдающихся апологетов нечистого бытия пытаются то ли оседлать тему Грядущего синтеза, то ли действительно открыть ему дорогу.

Смысловые трансформации термина «чистый» как онтической категории имеют, таким образом, вышеописанный историко-философский, историко-мыслительный контекст. В этом контексте Критика чистого разума как факт истории мышления, истории философии была первым историко-философским выражением силы «Чистого Разума», выражением, институционально ограниченным институтом Языка. Институциональное бытие Языка («вещь в себе») и было «государством», институциональной системой Чистого разума. Государством Бытия, в котором «сто возможных талеров равны ста действительным талерам» (Кант), что и образует сущность современной стратегии мирового капитализма. Это языковое государство бытия СЕГОДНЯ хорошо видно из Критики способности суждения, которая является той гранью Канта, с коей мы непосредственно соприкасаемся в наше время. В 1990-х я исследовал эту тему в работах «“Критика способности суждения” Канта и феномен риторики», «“Критика способности суждения” Канта и феномен полемики», «Парадокс каталога и “Критика способности суждения” Канта». Критика чистого разума была, по существу, что отмечали В. Соловьев и русская философия Серебряного века, КРИТИКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО МИРА СО СТОРОНЫ ЧИСТОГО РАЗУМА, ОТ ЛИЦА ЧИСТОГО РАЗУМА, КРИТИКОЙ МИРА ПО ФУНДАМЕНТАЛЬНЫМ ОСНОВАНИЯМ, ПО ОСНОВАНИЮ БЫТИЯ, В КОТОРОЙ (В КРИТИКЕ, В ФЕНОМЕНОЛОГИИ ИСТИНЫ) И ОБНАРУЖИВАЛ СЕБЯ ЧИСТЫЙ РАЗУМ. ТАКАЯ ФОРМА САМОВЫРАЖЕНИЯ ЧИСТОГО РАЗУМА, как КРИТИКА МИРА, НАШЛА СВОЕ ВЫСШЕЕ ВЫРАЖЕНИЕ В ФИЛОСОФСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ МАРКСА.

Уточним в свете вышеизложенного значение термина «чистый» как онтической категории. «Чистый» означает себе тождественный. Тождественный себе разум. Разум, имеющий бытие разума, основанный на самом себе, беспредпосылочно, ни на чем ином, нежели на самом себе, не основанный. Высшее основоположение разума гласит о том, что ничего не бывает без основания. Разум является основанием самого себя. Разум бывает только из основания Разума. Мы видим, таким образом, что идея Чистого разума — это состав богодоказательства, идея «перводигателя», которая оплодотворяла все греческое мышление. Таким образом, идея СИСТЕМЫ чистого разума — это вопрос о Формуле разума, о существовании той программы Формализации, которая образует действительный закон мира. Идея СИСТЕМЫ чистого разума — это ИСТИННАЯ ФОРМАЛИЗАЦИЯ МЕТОДА ТВОРЕНИЯ.

Задача философии синтеза, Философии Нового бытия, которая всемирно-исторически сменяет Философию Нового времени, — ФОРМАЛИЗАЦИЯ ТВОРЕНИЯ, РАСКРЫТИЕ УНИВЕРСАЛЬНОГО ЯЗЫКА ТВОРЕНИЯ. Такова надисторическая задача Философии как поиска СИСТЕМЫ ЧИСТОГО РАЗУМА, ПОИСКА, ОСНОВАННОГО НА БОГОДОКАЗАТЕЛЬСТВЕ.

В свете этой надисторической задачи раскрывается (несокрыт) и истинный предмет философии — бытие. Сверхфизическое (метафизическое), находящееся в отношении физического в отношении «Сверх-». «Математические начала натурфилософии» (Ньютон), программа математизации физики Эйнштейна-Бора-Гейзенберга, собственное развитие Науки математики — все это единая западноевропейская программа метафизики различия, самая выдающаяся дескрипция которой дана была Лейбницем. Однако именно на полях этой дескрипции и сделаны те фундаментальные открытия, которые показывают Систему чистого разума. Так, на полях муниципальной хозяйственной книги мелкий чиновник Ферма записал свою Великую Теорему, относительно доказательства которой он смог сообщить только то, что «оно так просто, что его не имеет смысл даже записывать», указав совершенно точно на «формат» богодоказательства. На полях своих «Принципов монадологии» Лейбниц записал: «Когда Бог считает, он творит мир». Эйнштейн заметил: «Бог не играет в кости».

Таким образом, СИСТЕМА ЧИСТОГО РАЗУМА — ЭТО ФОРМУЛА БЫТИЯ.

Все, и метафизика различия (анализа) также, существует в силу мерности собственного основания, себе тождественности. Основанием метафизики различия, высшая форма которой — Наука Логики — была создана Гегелем, является тождество бытия и ничто. Тождество бытия и ничто есть, по существу, та программа формализации, которую можно назвать программой Математической логики, в широком смысле. Институциональные ограничения этой программы были выявлены Гильбертом и Геделем в виде проблемы бесосновности математики, проблемы оснований математики. Хайдеггер выдающимся образом выявил существо этих ограничений как ЯЗЫКОВЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ, ПОРОГОВ, ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ КОТОРЫЕ ЕСТЬ ВЫХОД В НОВОЕ МЫШЛЕНИЕ, СОЗДАНИЕ НОВОГО ЯЗЫКА как РАСКРЫТИЕ НЕСОКРЫТОГО ЯЗЫКА ТВОРЕНИЯ.

Метафизика тождества есть тождество Бытия и Бога (Бытия Бога), богоявление бытия — богодоказательство. В этом смысле метафизика Шилова (метафизика тождества) и воплощает сверхевропейскую, метавропейскую идею, зачинает историю нового бытия, работает с метафизикой Гегеля, с европейской идеей, с фактичностью конца истории

нового времени, выполняет задачу, поставленную метафизикой Гегеля, — задачу создания системы чистого разума, раскрытия формулы бытия.

2. Троичный код — структура Языка творения. Путь раскрытия Формулы Бытия — это переход от Математической логики (Науки логики Гегеля как парадигмы западноевропейской рациональности) к Физико-математической Логике (Науке Риторике Шилова как парадигме сверхевропейской рациональности, парадигме Нового мышления). Здесь необходимо еще раз вернуться к осмыслению физикалистской сущности Ноля. Я был здесь не вполне понят Вами. Смысл третьего начала Хроники, то есть Меганауки, возникающей из тождества, слияния математики и физики, состоит в том, что оно в отличие от третьего начала термодинамики говорит о ФИЗИЧЕСКОМ СУЩЕСТВОВАНИИ АБСОЛЮТНОГО ТЕМПЕРАТУРНОГО НОЛЯ, КОТОРОЕ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ В ФОРМЕ ЧИСЛА НОЛЯ. ЧИСЛО НОЛЬ ФИЗИЧЕСКИ СУЩЕСТВУЕТ как АБСОЛЮТНЫЙ ТЕМПЕРАТУРНЫЙ НОЛЬ, ЗАПРЕТ НА ФИЗИЧЕСКОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ КОТОРОГО НАЛАГАЕТ ТЕРМОДИНАМИКА.

Ваша впечатляющая дескрипция молекулярно-биологической картины мира в языке Апологии нечистого бытия открывает путь меганаучной интерпретации молекулярно-биологического знания. А та удивительная ситуация, в которой оказался «шифровальный отдел» генома человека, где удалось выделить и описать все элементы алфавита некоторого языка, притом что сама модель этого языка не прояснена и суждения в этом языке никак не складываются, — данная ситуация весьма напоминает знаменитое якубовичевское изречение из «Поля чудес»: «Угадал все буквы, но не смог назвать слово». Этот тезис как нельзя лучше характеризует состояние дел в современной науке, в Анализе, который позабыл о том, что он является лишь формой знания, а не его предметностью. «Вирус», «молекулы», ДНК и т.д. — все это лишь способы, с помощью которых мы соотносимся с некоторой предметностью, схватывая ее в языке науки именно таким, а не иным образом. Анализ позабыл о том, что всегда имеет дело только с результатами анализа, предметностью анализа, но не той предметностью, ОТНОСИТЕЛЬНО которой анализ осуществляется.

Меганаучное преобразование молекулярно-биологической картины мира может быть осуществлено наиболее эффективным образом именно потому, что в ней физические представления образуют наименее всего математизированный (скажем, нет формулы генома, есть только каталог генома) механицизм. Вы приводите массу замечательных примеров молекулярно-биологической механики, в отношении которых, однако, не существует «уравнений», раскрывающих молекулярно-биологическую механику именно как механику, как физико-математический аппарат-

процесс. Если бы молекулярно-биологическая механика существовала именно как механика, как физико-математический аппарат-процесс, то ее возможности (скажем, по управлению геномом человека) были бы сопоставимы с возможностями механики как теории техники. Проблемы молекулярно-биологической «как бы механики» состоят в том, что в ней нет континуально непрерывного предмета, нет Единицы, хотя все вращается вокруг нее, но не распознает. Это как если бы в физической механике мы имели бы взаимодействие, работу не с силами, но с некоторыми фактическими результатами действия этих сил, так или иначе развернутых во времени и в пространстве и бесконечных по своему разнообразию и проявлению, причем для каждого из которых мы подбирали бы собственное наименование. Фактичность физических представлений, разворачивающаяся в молекулярно-биологической картине научного мира, может быть переосмыслена как фактичность, особый формат непрерывности числового ряда, ибо «ничего не бывает без основания». Реальность молекулярно-биологических построений должна быть аппроксимирована, выполнена в меганаучном языке числового ряда. Принципиальное измерение функционирования молекулярно-биологических систем должно быть РАСПОЗНАНО в отношениях числового ряда как более истинных, собственных вещах-процессах, во «внешних видах» («эйдосах») чисел: простые числа, целые числа, дробные числа, мнимые числа, отрицательные числа, ряды чисел и так далее. Отказавшись от атомистических представлений и нематематической молекулярно-биологической физикализации, биология должна выразить свой чистый, «чисто-разумный» смысл в Языке числа, усмотреть собственную предметность в отношениях числового ряда — в его предметности узнать, распознать свой предмет. Подчеркиваю, речь идет не о программе математизации молекулярной биологии, речь идет о трансформации предметности «молекулярной биологии» как математической предметности, предметности числового ряда. Не умножать физические сущности, плода некоторые как БЫ физические сущности (молекула, ДНК, вирус и т.д.), которые якобы не есть числа, а есть нечто иное.

НЕТ ИНЫХ ИСТИННЫХ ФИЗИЧЕСКИХ СУЩНОСТЕЙ, КРОМЕ ЧИСЕЛ.

Троичный код — Единица, простое число, ноль — и есть структура Языка мегауки как языка, выражающего неслучайную («Бог не играет в кости») истину действительного числового ряда (Мира, Вселенной). Нынешние же науки общаются посредством жестов, будучи не в силах совладать с процедурой сворачивания реальности в точку, которая является основанием возможности суждения Языка. Современные науки магически обводят рукой свой круг реальности, указывают жестом на свою картину мира, но они безмолвны, не могут выразить истину,

прикрывая свою глухоту и безмолвие спекулятивной математической мертворожденной писаниной, «случайными истинами».

Двоичный код современного информационно-технологического мира создан гегелевской Математической логикой. Он воплощает трансцендентальный метод, конвенциональный для современных наук. В этом смысле такова промежуточная форма записи числа (форма Языка числа), после (1) римских цифр, (2) арабских цифр. Троичный код создан шиловской Физико-математической логикой (Наукой Риторике) как себе тождественная форма записи Языка числа, форма СИСТЕМЫ ЧИСТОГО РАЗУМА, Формула единицы. Если римские и арабские цифры записывались в тетради, то русские цифры (после промежуточного полевого двоичного кода) будут уже записываться в ТЕТРАДИ (В МАТРИЦЕ), ибо Матрица есть ТЕТРАДЬ (ВЕЛИКАЯ ТЕОРЕМА ФЕРМА — это СТРУКТУРА ТЕТРАДНОСТИ как ГРАММАТИКИ, ГРАММАТОГРАФИИ ЯЗЫКА ЧИСЛА).

Мы, таким образом, познаем тот самый Язык математики, на котором написана Книга природы, как сформулировал эту мегазадачу Ньютон. Этот самый Язык и есть Формула Жизни как способа существования риторических чисел. Жизнь не возникает на некоторой границе «живой и неживой природ», как это представляется современным наукам. При попытках изучения этой границы, науки все более обнаруживают, что имеют дело с горизонтом, с линией горизонта. Жизнь как Язык природы охватывает собой всю природу, давая ей единый закон, выражаемый Формулой Единицы. Запись действительного числового ряда в троичном коде есть действительный язык творения, есть само творение.

НЕЧИСТОГО БЫТИЯ НЕ БЫВАЕТ. НЕЧИСТЫМ БЫТИЕМ НАЗЫВАЕТ СЕБЯ НИЧТО В ГЕГЕЛЕВСКОЙ МЕТАФИЗИКЕ РАЗЛИЧИЯ.

ВЛ. Сергей Евгеньевич! Ваши статьи — знаковые события.

Очередная тема — очередное углубление представлений об ОСНОВАНИЯХ отношения МЫШЛЕНИЯ и ОБЪЕКТА.

Вы ворвались в те глубины, где трещит обшивка самой материи, глубины ЯЗЫКА.

Не-обходимость его уточнения требует необыкновенной ПРОЗЫ, необыкновенных ПОЭТИЧЕСКИХ ресурсов речи.

Для меня самыми яркими выразителями (я бы сказал — ИСЧЕРПАТЕЛЯМИ) преодолеваемой Вами парадигмы Нового времени, предвосхитившими эйнштейновскую революцию в физике, являются ПОЭТЫ — Гете, Тютчев... Их обязательно надо читать, вспоминать, понимать, чтобы уметь схватывать, фиксировать, а затем еще и передавать то неуловимое, неведомое, необычное и непривычное, само себе

равное и в себе различное, простое и невероятное, на чем основывается, развертывается и осуществляется МАТЕРИЯ БЫТИЯ.

Только что прочел Вашу работу под названием «Философские начала электронного мышления. Новое определение материи». Вы находитесь на пределе схватывания глубинных оснований БЫТИЯ. Как первопроходец Вы ищете и оттачиваете выражения, в которых будет ОСМЫСЛЯТЬСЯ Новая парадигма настоящими и будущими последователями.

Естественно, Вы практикуете варианты выражений, из которых некоторые затем забраковываются, уступая место более точным. Естественно, что в поисках истины Вы РИТОРИЧЕСКИ (иначе, возможно, и нельзя) перелопачиваете горы РУДЫ-материи-ЯЗЫКА. При этом, естественно, возникают и «промежуточные продукты» и промежуточные «образы-гипотезы». Ведь РИТОРИКА заведомо шире ЛОГИКИ. Что-то от конечного продукта будет отбраковано...

Вы пишете: «Наука, по Аристотелю, является именованием пути (Логикой) от бытия к сущему. Мы, в нашем историческом положении, рассматриваем этот же путь с другой стороны, как путь от времени, от сущего — к бытию».

Мой вопрос № 1: правильно ли я пойму употребленные здесь Ваши слова о «нашем историческом положении» как о НЕОБХОДИМОСТИ ДВИЖЕНИЯ ОТ «ФИЗИКАЛИЗМА», который отождествляет сущее и модели бытия (в частности, «атом», «электрон») и как бы занимает классовую позицию СУЩЕГО в противоположность классовой позиции МЫШЛЕНИЯ (которую занимал Аристотель)? Историчность ситуации связана с головокружительными успехами ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ в XIX веке, вследствие чего МЫШЛЕНИЕ Нового времени и попало в плен к физикализму? Или Вы в ином аспекте рассматриваете «наше историческое положение»?

Там же Вы пишете о двух сущностях, лежащих между Бытием и Временем: «Наука возникает как перводеление сущего на две сущности — на необходимое и достаточное основания... И Аристотель, и я (мы) видим одни и те же две сущности (необходимую и достаточную) сущего, которые связывают сущее и бытие, но Аристотель видит их со стороны бытия, а мы — с другой стороны, со стороны сущего, со стороны времени (СЛОВНО, КАК БЫ, КАК ФИЗИКАЛИСТЫ? — В. Л.). Такова природа «нового аристотелизма» (КАК ДВИЖЕНИЯ ОТ ПОЗИЦИИ ФИЗИКАЛИСТОВ навстречу традиционному аристотелизму, но с обратной стороны — В. Л.?). Между Бытием и Временем, таким образом, находятся, располагаются две сущности — необходимое и достаточное основания, которые и создают все то, что вообще бывает, что действительно».

Мой вопрос № 2. в привычной — атомистической — парадигме из «этих двух сущностей» одна является ЧАСТЬЮ другой. Как понимать Ваше их РЯДОМ ПОЛОЖЕНИЕ?

Мой вопрос № 3. достаточное основание, ежели оно ДЕЛИМО, содержит в себе все комбинации различных НЕОБХОДИМЫХ оснований. Термин «необходимое основание» обозначает одно из МНОЖЕСТВА необходимых оснований, полный спектр которых получим, по-разному ДЕЛЯ ДОСТАТОЧНОЕ на части, удаляя «избыточное» и часть необходимого... Как в этом свете уточнится Ваше рассуждение?

СШ. Уважаемый Валентин Николаевич, я объединил два первых вопроса с целью того, чтобы сказать о Мартине Хайдеггере. Это очень важно. Когда я вслед за С. С. Аверинцевым говорю о «новом аристотелизме», то, в самом безусловном и необходимом смысле, живу (в смысле «философии жизни») представлением о главной предпосылке «нового аристотелизма». Предпосылка Аристотеля есть Платон. Есть такая предпосылка и у «нового аристотелизма». Это философ, спасший философию от физикализма, — Мартин Хайдеггер.

Это Новый Платон мировой философии, мировой рациональности. Именно его работа «Бытие и Время» (убедительно советую эту работу) и есть главная (и единственная в своем онтическом роде) философская работа XX века. Эта работа была создана в практически первые годы после научной революции 20-х годов XX века — в 30-х годах XX века. Хайдеггер наметил истинный формат мышления Вселенной как «разворота-поворота» присутствия между Бытием и Временем. При этом Хайдеггер активно рефлексировал существо той научной парадигмы, которая возникла в дискуссии Великих физиков. То есть Хайдеггер априоризировал пространственно-временную парадигму естествознания, увидел ее как формируемую бытием внутри языка. Хайдеггер ввел онтическое понятие повседневности как естественного места между Временем и Бытием. Однако Книга мышления задумывалась Хайдеггером как состоящая из двух частей: первой — «Бытие и Время», которая была написана и стала главной книгой философии XX века, и второй — «Время и Бытие», которая никогда не была им написана, так как, по его собственному признанию, он не смог «найти путь от Времени к Бытию», но создал предпосылку, обоснование возможности такого пути. Ряд моментов, связанных с наведением на путь «от Времени к Бытию» были представлены Хайдеггером в его поздних работах («О сущности техники», «Исток художественного творения», «Положение об основании» и др.).

Я, в частности, развернул хайдеггеровское «время и бытие» в историю. Думаю, что именно в этом было затруднение Нового Платона с написанием «Времени и Бытия» в ту политизированную фундамен-

тально-исторической онтологией марксизма эпоху. Я транспонировал хайдеггеровскую фундаментальную онтологию так, как в свое время, по утверждению Гуссерля, Хайдеггер транспонировал феноменологию — поставил в соответствие естественности (научной революции) научность философии.

Получается удивительная Концепция истории, которая способна схватывать Смысл Истории. Кратковременные (относительно) Эпохи Времени сменяются долговременными Эпохами Бытия. Так Время Античности сменилось Бытием Христианства, которое в свою очередь сменила История Нового времени. В Эпохи Времени происходит клинамен бытия, бытие уклоняется в предметность (предметностью) и происходит переопределение сущности человека, той сущности, что была в «прошлое бытие». В Эпоху Времени бытие отсутствует перед местом человека, и есть одна только безосновная предметность, относительно которой даже неясно ее происхождение из бытия. Таким образом, фукуямовский Конец истории есть «всего лишь» Конец Истории Нового времени, за которым последует История Нового бытия. Я полагаю, что в Конце Истории Нового времени новая сущность человека будет определена в «новом аристотелизме» как математическая (числовая). Аристотелевское «политическое животное» будет переопределено в шилловское «математическое животное». Экономический человек есть ширма, переходная форма, за которой, как за занавесом, шла революционизация политической сущности человека в Истории Нового времени. Впрочем, все человечество и было за этим занавесом, и участвовало в этой революционизации.

Но главное состоит даже не в новой концепции истории как всеобщей истории времени-бытия, предпосылки которой создал Хайдеггер. Главное в новом аристотелизме состоит в создании меганаучной Парадигмы. Необходимо было широкомасштабное вторжение мышления в зону оснований естественной науки, преобразование естественнонаучного знания в систему чистого разума **ПО ВОЛЕ БЫТИЯ В СИЛУ ТОГО, ЧТО ПРИШЛО ВРЕМЯ РАСКРЫТИЯ ТАЙНЫ ВРЕМЕНИ — ВРЕМЯ НОВОГО БЫТИЯ.**

На Ваш третий вопрос я отвечаю в работе «Исчисление простых чисел. О сущности математического». Необходимое и достаточное основания я понимаю как то, что «выпадает» (говоря языком теории игр, теории решений) как единая сущность сущего, сущность сущего как времени. Выпадает как именно такое, а не иное потому, что есть бытие (каковое понимание может быть прорывным для теории игр-решений как формализация случайности, как закономерности закона простых чисел, если мы понимаем, что выпадающая точка как субстанциональная точка не может быть иной, нежели точкой ленты Мебиуса, то есть

она уже ВСЕГДА ВЫПАЛА, — это к вопросу о еще одной возможной сфере деятельности ТИМ – интеллектуальной машины времени).

Спуск от бытия ко времени, которое есть существо сущего, — это две ступени необходимого и достаточного оснований. Кроме того, это ЛАВИНА, СХОДЯЩАЯ С ВЕРШИН ИСТОРИИ. В этом смысле физикалистский мир — это мир достаточных оснований, доставленных из исторической субстанциональности мышления, но не мир сущего. Это мир, погребенный под застывшей лавой с вулкана, породившего мышление. Мир достаточных оснований сущего БЕЗ САМОГО СУЩЕГО. Такова современная экономическая «наука». Получивший Нобелевку «Экономикс» — это, вообще говоря, набор, собрание, сумма, совокупность ДОСТАТОЧНЫХ ОСНОВАНИЙ СУЩЕГО БЕЗ САМОГО СУЩЕГО. Пространственно-временной физикалистский мир — это мир достаточных оснований, подавивший собой мир сущего и не ведающий собственных необходимых оснований, просто употребляющий их в своей ничем (якобы) не ограниченной экспансии. Так, экономическая наука как совокупность достаточных оснований вообще по-младенчески не заботится о собственных необходимых основаниях, не рефлектирует их, знаменуя собой АПОФЕОЗ БЕСПОЧВЕННОСТИ как АПОФЕОЗ САМОДОСТОЧНОСТИ МИРА ДОСТАТОЧНЫХ ОСНОВАНИЙ.

То есть путь от Времени к Бытию мы начинаем, как если бы некоторые ископаемые пробирались сквозь застывшую лаву к жизни из той глубины, куда загрузила их история мышления. В этом смысле мы есть та простейшая форма человеческой жизни, которая создает новое человечество, открывает новую лестницу форм, новое бытие. Человечество, телесностью которого будет мышление.

Общая же картина всеобщего мира тогда такова: мышление как необходимо-достаточная основность есть то, без чего ничего не бывает в сущем. Мышление ВСЕГДА существует между бытием и временем как сущность сущего. Причем спуск от бытия ко времени есть язык, НЕОБХОДИМОЕ МЫШЛЕНИЯ. Возвращение же от времени к бытию есть само мышление, ДОСТАТОЧНОЕ МЫШЛЕНИЯ. Мышление есть измерение между временем и бытием, между бытием и временем есть МЕСТО СУЩЕГО. Не зная Бытие, мы не знаем сущее, мы знаем только пространственно-временной физикалистский мир, виртуальный мир, созданный Языком как необходимым основанием сущего. Не зная сущее, мы не понимаем Время, знаем (в лучшем случае) Время как тайну времени, принимаем мир достаточных оснований сущего за единственной возможный мир, за науку о мире, совпадающую с миром. Понимание времени есть скачок от достаточного основания сущего к самому сущему, скачок, в котором раскрываются необходимые основания сущего, раскрываются все тайны времени, — СКАЧОК БЫТИЯ.

Современный образованный человек живет в мире достаточных оснований, не зная мир сущего, не зная наиболее близкое и непосредственное к себе, не зная присутствие, повседневность. Потому путь от времени к бытию — не философская проблема для философов, а насущная человеческая смысложизненная задача. Мышление человека влито, впечатано в лаву достаточных оснований, а тело (ДУХ-поведение, история жизни) лишь рефлекторно «дергается», СЛЕПО реагирует на раздражители сущего, как некоторая «лягушачья лапка» истории. Человек должен узнать, обрести Сущее, раскрыть несокрытую тайну времени. Для этого и нужна философия как учение о бытии.

ВЛ. Уважаемый Сергей Евгеньевич! Дискуссии дают богатую пищу для темы, ЧТО ЕСТЬ ИСТИНА в ПОЛИТИКЕ, ЭКОНОМИКЕ, ИСТОРИИ, ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУКАХ, МАТЕМАТИКЕ. Причем тема эта имеет, на мой взгляд, ТРИ совершенно разных аспекта.

ПЕРВЫЙ АСПЕКТ. Это ИСТИННОСТЬ ЗНАНИЙ — политических, экономических, исторических, естественнонаучных, математических.

В форуме сталкиваются обладатели РАЗНЫХ знаний и незнаний об одном и том же. Кто прав? Почему? Как передается знание от знающего к незнающему? Откуда знающий черпает уверенность в своей правоте? Откуда незнающий черпает сомнения?

Целевой вопрос по ПЕРВОМУ АСПЕКТУ: можно ли предложить участникам дискуссии некие общие правила, руководство которыми повысит эффективность дискуссии как формы распространения ИСТИНЫ (знаний)? И что же есть ИСТИНА как ПРЕДМЕТ ОБМЕНА?

ВТОРОЙ АСПЕКТ. Это ИСТИННОСТЬ (разумность?) ДЕЯТЕЛЬНОСТИ — в ПОЛИТИКЕ, ЭКОНОМИКЕ, ИСТОРИИ, ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУКАХ, МАТЕМАТИКЕ.

Даже придя к одним и тем же ЗНАНИЯМ об одном и том же, участники дискуссии вряд ли будут едины во мнении: ЧТО ДЕЛАТЬ? Возможно, здесь вопрос в неких «критериях эффективности» деятельности? Но тогда возможен ли единый критерий? А может, дело в неких ИДЕАЛАХ? Что есть ИДЕАЛ? Возможны ОБЩИЕ ИДЕАЛЫ?

ТРЕТИЙ АСПЕКТ. Это отношение самих участников дискуссии к ИСТИНЕ.

НУЖНА ЛИ ИСТИНА УЧАСТНИКУ ДИСКУССИИ? (кому-то — да, кому-то — нет). Почему и когда ВЛАДЕЮЩИЙ ИСТИНОЙ может (не может), готов (не готов), захочет (не захочет) ПЕРЕДАТЬ ИСТИНУ НЕВЛАДЕЮЩЕМУ ИСТИНОЙ и как он это сделает? Почему и когда НЕВЛАДЕЮЩИЙ ИСТИНОЙ может (не может), готов (не готов), захочет (не захочет) признать себя НЕВЛАДЕЮЩИМ ИСТИНОЙ и принять ИНУЮ ИСТИНУ от ДРУГОГО ЧЕЛОВЕКА и как он это сделает?

ДОПУСКАЮ, что есть и иные АКТУАЛЬНЫЕ для всех участников форума АСПЕКТЫ темы об ИСТИНЕ. Разве не в интересах участников дискуссии выяснить эти вопросы? Мнение профессионального философа (Я ИМЕЮ В ВИДУ ВАС) по данным вопросам интересно каждому.

ЧЕТВЕРТЫЙ АСПЕКТ. Этот аспект можно назвать так: ПОТРЕБНОСТЬ В ИСТИНЕ.

Кроме указанных я сегодня обнаружил очень интересный аспект. Это — как ПРАВИЛЬНО ОТНОСИТЬСЯ к ИСТИНЕ.

Нередко участник дискуссии ПРИНЯТИЕ истины воспринимает как руководство к некоторым действиям, что совершенно не вытекает из самой принимаемой истины. То есть человек не всегда понимает, что ИСТИНУ важно просто ПРИНЯТЬ К СВЕДЕНИЮ. Использование ИСТИНЫ — совершенно иной аспект.

Этот пример характерен вообще тем, что люди как бы немножко «роботы», для которых знания, истина, являются ПРОВОКАТОРАМИ, запускающими какие-то программы деятельности. Вопрос состоит в том, насколько адекватны (случайны) эти программы по отношению к тем истинам, которые провоцируют их запуск... Иначе говоря, предлагаю к ранее перечисленным четырем аспектам добавить:

ПЯТЫЙ АСПЕКТ. ИСТИННОСТЬ (правильность) ОТНОШЕНИЯ к ИСТИНЕ.

III. Уважаемый Валентин Николаевич!

Каково место истины? Не в субъекте, не в объекте, а в себе самой. Так стоит вопрос в науке философии.

Каково место природы? Не в субъекте, не в объекте, а самостоятельно, в себе. Так стоит вопрос в естественной науке.

Естественная наука практически и не употребляет слова и понятие «природа», так же и философия, в особенности современная, не озабочена вопросом об истине. Естественная наука проистекает в своих исследованиях и практике, не озабочиваясь вопросом о раскрытии «главного и единственного закона природы». Так же и гуманитарные науки не озабочиваются в своей научной деятельности вопросом о формуле, законе истины, об истинной теории истины.

Но в то же время верно и иное: не удерживая существо вопроса об истине и также не удерживая существо вопроса о природе в каком-то принципиально важном семиотическом (языково-научном) взгляде, соответственно гуманитарные и естественные науки перестают быть сначала фундаментальными, а затем и просто науками, превращаясь в некоторое спекулятивное проектирование реальности.

Потому думаю, что субстанциональное отношение к истине (суть научного открытия) состоит прежде всего во «внешнем виде», «эйдосе», идее вопроса об истине.

Мы должны прежде всего настроить зрение (умо-зрение) на фундаментальные проблемы науки (проблемы оснований математики, права, проблема теории иммунитета и др. проблемы), затем мы должны увидеть, как сформулированы эти проблемы. То есть мы должны прояснить фундаментальные проблемы как вопросы и «озвучить» эти вопросы, увидеть «внешний вид» проблем. Потому что в большинстве случаев фундаментальные проблемы науки подаются в таком затертом состоянии, что в них нельзя вычитать те вопросы, сложный поиск ответов на которые и образовал проблемное измерение этих проблем. В большинстве случаев в современном образовательном континууме фундаментальные проблемы науки излагаются в виде достаточных оснований, ограничивающих развитие науки и направляющих ее по некоторому конструктивному, «спокойному» руслу прогрессистского развития. Изложение-раскрытие фундаментальных проблем науки как необходимых оснований развития науки практически отсутствует. Это отсутствие есть, прежде всего, **ОТСУТСТВИЕ ДЕЛА ФИЛОСОФИИ**, потому что необходимые основания развития науки рассматриваются истинным образом в учении о бытии, в философии как учении об априорности, основности научного знания.

Книга природы написана языком математики, **ЯЗЫКОМ ФОРМУЛ**. Книга истины написана языком мышления, **ЯЗЫКОМ ВОПРОС-ОТВЕТНОЙ СТРУКТУРЫ**.

Таким образом, с точки зрения науки философии **ИСТИНА ЕСТЬ ВОПРОС-ОТВЕТНАЯ СТРУКТУРА**. Здесь для понимания крайне важна аналогия с современной естественной наукой, в которой **ЗНАНИЕ ЕСТЬ ФОРМУЛА, ЧИСЛОВО-ЦИФРОВАЯ СТРУКТУРА**. Формула есть **ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ЧИСЛА ЦИФРОЙ** как изначальная структура материального процесса. В этом смысле физической формуле еще предстоит дорасти до математической формулы, поскольку в физической формуле используются некоторые понятия, относительно которых не вполне понятно, что они являются моментами и феноменами числа, хотя вся эта феноменология и механика числа и раскрывается в том, чем является «употребление математического аппарата в физике», но все равно не распознается как собственно числовая.

Получение истины в науке философии — это создание истинной **ВОПРОС-ОТВЕТНОЙ СТРУКТУРЫ**. Хотя мы и указали здесь, что эта структура должна быть «истинной», но мы все же существенно приблизились к пониманию истины в науке философии, так как, сходно рассуждая, мы понимаем, что и математическая формула также должна быть истинной, но мы по крайней мере уже осознали, что формула является базовым элементом языка математики, структурообразующим сферу его истинности.

Риторика рассматривает ВОПРОС-ОТВЕТНУЮ СТРУКТУРУ как СИСТЕМУ ЧИСТОГО РАЗУМА, СКВОЗНУЮ В КАЧЕСТВЕ ИСТИНЫ ДЛЯ ВСЕХ ВИДОВ ПОЗНАНИЯ В ЦЕЛОМ.

Так, программа меганаучной парадигмы предполагает проблематизацию (АПРИОРИЗАЦИЮ) физических (физико-математических) формул как ВОПРОС-ОТВЕТНЫХ СТРУКТУР, как достоверностей (истинных суждений) языка науки. Таким образом, естественнонаучное знание возвращается к удержанию вопроса о «природе», об истинном объекте, раскрывая этот объект собственных суждений (формул) как ЧИСЛО.

Истина, таким образом, не предмет дискуссии, а Пространство дискуссии, ее Инфра-структура, инфра-философия. Всякая дискуссия «хоть чуелом, хоть тушкой» управляется управляющим воздействием и стратегическими интересами ВОПРОС-ОТВЕТНОЙ СТРУКТУРЫ, В КОТОРОЙ ПРОИСХОДИТ «ОБМЕН ИСТИНЫ», ОБМЕН СОЛИПИТИЧЕСКИХ РАЗУМОВ. Все сгодится в топку РИТОРИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ, РЕВОЛЮЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ КАЧЕСТВ.

Вопрос-ответная структура — это механизм бытия, формирующий механику времени, механизм работы «перводигателя». Вопрос-ответная структура — это двигатель солипитической капсулы сознания. Мы знаем ее (вопрос-ответную структуру) как, прежде всего, речевую действительность, но уже в мышлении она продолжается в иное, более простое, не звуково-речевое измерение. Все знание человечества едино в том, что оно образовано вопрос-ответной структурой, является ее продуктом, отражением. В этом смысле, ВОПРОС-ОТВЕТНАЯ СТРУКТУРА — ЭТО СТРУКТУРА ИДЕАЛА, ВРОЖДЕННОЙ ИДЕИ. Мы не замечаем эту еле уловимую делимость (открытую поэтам) идеалов и врожденных идей на ВОПРОС-и-ОТВЕТ. Грандиозная вопрос-ответная машина управляет Вселенной как машина, производящая истинность, непрерывность Вселенной.

«ИСТИННОСТЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ — в ПОЛИТИКЕ, ЭКОНОМИКЕ, ИСТОРИИ, ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУКАХ, МАТЕМАТИКЕ» есть выявление фундаментальных вопрос-ответных структур. И более всего даже — выявление ВОПРОСОВ В ИХ ИСТИННОЙ ФОРМЕ ВОПРОШАНИЯ, В ФОРМЕ ВОСПРОСОВ О БЫТИИ. Критерий состоит во вписывании, прописывании, употреблении знаний в Системе вопрос-ответной структуры.

ВЛАДЕЮЩИЙ ИСТИНОЙ есть ВОПРОС. НЕ ВЛАДЕЮЩИЙ ИСТИНОЙ есть ОТВЕТ. Отношение между ними есть фундаментальная структура мира: ОТВЕТЫ ИЗВЛЕКАЮТСЯ ИЗ ВОПРОСОВ.

Человек не имеет отношения к СОБСТВЕННОСТИ, ВЛАДЕЮЩИЮ ИСТИНОЙ. ИСТИНА ВЛАДЕЕТ ЧЕЛОВЕКОМ.

ПОТРЕБНОСТЬ В ИСТИНЕ ЕСТЬ ТО, ЧТО ДЕЛАЕТ ЧЕЛОВЕКА ЧЕЛОВЕКОМ.

МЕТАФИЗИКА АРИСТОТЕЛЯ НАЧИНАЕТСЯ ВВЕДЕНИЕМ «ВСЕ ЛЮДИ ОТ ПРИРОДЫ СТРЕМЯТСЯ К ЗНАНИЮ». МЕТАФИЗИКА НОВОГО АРИСТОТЕЛИЗМА НАЧИНАЕТСЯ ВВЕДЕНИЕМ «ВСЕ ЛЮДИ ОТ ПРИРОДЫ СТРЕМЯТСЯ К ИСТИНЕ», К ИЗНАЧАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ ВСЯКОГО ЗНАНИЯ — ПОТОМУ ЧТО ЭТА ИЗНАЧАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И ЕСТЬ БЫТИЕ МИРА.

КАК ПРАВИЛЬНО (субстанционально) ОТНОСИТЬСЯ к ИСТИНЕ: ПРАВИЛЬНО СОЗДАВАТЬ ВОПРОСЫ. СОЗДАВАТЬ ВОПРОСЫ как ВОПРОСЫ О БЫТИИ. В качестве близкого примера могу привести мою работу «Что есть электрон?».

ВЛ. Интуитивно ясно, ИСТИНА есть СООТВЕТСТВИЕ (чего-то) (чему-то), а СООТВЕТСТВИЕ подразумевает ТОЖДЕСТВО, мол, (нечто) из (чего-то) ТОЖДЕСТВЕННО (нечту) в (чем-то). То есть внутри отношения, именуемого СООТВЕТСТВИЕМ, хранится ТАВТОЛОГИЯ.

Но само СООТВЕТСТВИЕ, следовательно, есть не что иное, как ВЫХОД из тавтологии, ХРАНЯЩИЙ в себе ТАВТОЛОГИЮ.

Меня с юности завораживали моменты ВЫХОДА из тождества, выхода из тавтологии, появления РАЗЛИЧИЯ. Это и есть порождение ЧЕГО-ТО из НИЧЕГО. Это и есть самое трудное в любом деле — НАЧИНАТЬ (с НОЛЯ), поначалу не зная, за ЧТО хвататься.

ВРЕМЯ возникает и СУЩЕСТВУЕТ лишь как «ФАКТ» ПОЯВЛЕНИЯ «РАЗЛИЧИЯ». Прекращение появления различий означает прекращение времени. Есть НЕЧТО фундаментальное, что лишь ИЗМЕРЯЕТСЯ временем.

ТО, что содержало в себе изначально ТОЖДЕСТВО (и сначала с ним же и было слито). ОНО «затем» стало содержать в себе и РАЗЛИЧИЕ, приобрело измерение (ВРЕМЯ). ТО, благодаря ЧЕМУ возможно схватывание «ФАКТА» РАЗЛИЧИЯ. ТО, что, понеся в себе РАЗЛИЧИЕ, продолжает хранить в себе и исходное ТОЖДЕСТВО, так что становится возможным сопоставлять новую ситуацию (уже СОДЕРЖАЩУЮ различие) со старой (еще НЕ СОДЕРЖАВШЕЙ различия). ЭТО — ПАМЯТЬ. Память — фундамент ЯЗЫКА. Без ПАМЯТИ все рассыпается, все перестает сопоставляться, все перестает. Поняв, что такое память, мы поймем все.

Наконец, ТО, что изначально также со всем слито, но затем в себе все это обнаруживает, самым этим обнаружением себя обособляет и за этим уже «следит», уже как бы «со стороны», уже как бы просто в этом «участвуя», но затем начинает выпадать из участия во всем и ОТ-

РЕВОЖЕННОЕ этим проявляет стремление все же «участвовать» во всем, быть всему причастным, присутствовать во всем. Но ВСЕ все время выходит из-под ЕГО участия, отрицает ЕГО присутствие, ПРОТИВОПОСТАВЛЯЕТ себя ЕМУ, как СУЩЕЕ — СОЗНАНИЮ...

III. Уважаемый Валентин Николаевич, Вы совершенно точно выразили ход мысли, на котором завершается западноевропейская метафизика как некоторая фундаментальная вопрос-ответная игра («игра в бисер»). Этот заключительный аккорд западноевропейской метафизики представлен учением Ж. Деррида, учением о деконструкции. Именно с этим учением я полемизирую в работе «Риторика».

Полемизирую, по сути, по тем же основаниям, о которых писал: провозглашенный модерном-постмодерном конец западноевропейской метафизики есть конец мышления и философии Нового времени, но есть также и потенция начала мышления и философии Нового бытия. Западноевропейская метафизика завершается именно как метафизика различия в философии Деррида, а точнее, выскакивает из колеи ценностей философии бытия, не удерживается в ней.

В качестве материи РАЗЛИЧИЯ Деррида фиксирует «письмо». Методологической формулой истины (истинности) тогда становится деконструкция как след письма, след в памяти, который оставляет письмо, след-понимание письма.

Истина схватывается как деконструкция конструирования (ОТОЖДЕСТВЛЕНИЯ, формирования соответствия, создания функции), как момент-феномен ВЫХОДА ИЗ ТОЖДЕСТВА.

Я вижу ДЕЛО МЫСЛИ, ремесло мысли иначе — в духе философии тождества (философии бытия), в том смысле, который создавал и удерживал в XX веке Хайдеггер.

Мышление утверждает, СТРОИТ, УКРЕПЛЯЕТ, УПРОЧНЯЕТ тавтологию, формируя герменевтическое пространство солиптического разума как ДОМ БЫТИЯ, как ЯЗЫК.

Сам Язык рождается из вращения в круге тождества. Круг тождества замыкает бесконечное конечным. Тождество в себе (свернутая бесконечность) — Единица — априорна Языку как «внешний вид» бытия. Человек создает язык как изображение (подражание) Единице.

Новый аристотелизм рассматривает Бесконечность того, как $A = A$, рассматривает $A=A$ как фундаментальное событие бытия, в котором заключена вся истина Вселенной.

Вся бесконечность истины свернута в одном простом бытии глагольной связки «есть».

Вся наука, на самом деле, сосредоточена в ДЕЛЕ ТАВТОЛОГИИ, В ДЕЛЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ, ДЕДУКЦИИ ТОЧКИ, В ДЕЛЕ ФОРМАЛИЗАЦИИ ЕДИНИЦЫ.

Дело тавтологии реализует принципиально новые возможности ПАМЯТИ. Мы используем человеческую память не намного лучше, чем дикарь использует найденный им и установленный кем-то на одну полезную функцию компьютер. Дело тавтологии задействует ПАМЯТЬ на совершенно иные порядки. ПАМЯТЬ раскрывается как предметность времени, как энергии времени, как существо, материя ВЛАСТИ.

ВЫХОДА ИЗ ТОЖДЕСТВА НЕТ. И СЛАВА БОГУ!

Это основа того, что есть не только Ничто, но и Нечто. Насколько человек готов углублять тождество, задействовать все более глубинные потенциалы, расширяя сферу тождества через образование все новых концентрических кругов тождеств, настолько телесно его мышление, настолько оно формирует и создает действительность.

ВЫХОДА ИЗ ТОЖДЕСТВА НЕТ! Эта бесконечно СТРАШАЩАЯ человека мысль, подталкивающая его к хулению истины, есть в то же время указатель и стратегия пути человека, о необходимости фиксации которой говорил Кант как о главной задаче философии («Кто мы? Откуда? Куда идем?» — на все эти кантовские вопросы отвечает путь как истинный путь, как движение, которое истинно позиционировано по отношению к ответам на эти вопросы). «Где Ужас, там и Спасительное» (Гельдерлин).

ВЛ. Уважаемый Сергей Евгеньевич! Вы пишете: «Каково место истины? Не в субъекте, не в объекте, а в себе самой. Так стоит вопрос в НАУКЕ ФИЛОСОФИИ (выделено мною — *В. Л.*)». «Вы совершенно точно выразили ход мысли, на котором завершается ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ МЕТАФИЗИКА как некоторая фундаментальная вопрос-ответная игра (“игра в бисер”). Этот заключительный аккорд ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ МЕТАФИЗИКИ представлен УЧЕНИЕМ Ж. Деррида (выделено мною — *В. Л.*), учением о деконструкции. Именно с этим учением я полемизирую в работе “Риторика”...».

В приведенных выше цитатах МНОЮ выделены некоторые слова. Я обнаружил, что эти слова и другие им подобные ССЫЛКИ на феномены ИСТОРИИ ДУХА являются НАРУШИТЕЛЯМИ ТОЖДЕСТВА в нашей с Вами дискуссии. В том смысле, что они (эти ссылки) разрывают ДИАЛОГ, навязывают ему форму случайного момента в феноменологическом пространстве ИСТОРИИ ДУХА, с которой я практически НЕ ЗНАКОМ. Ибо одно дело выводить все из личной практики, совсем другое — видеть это в контексте ИСТОРИИ «мирового» ДУХА.

Чтобы преодолеть вызываемое этими нарушениями замешательство, я вынужден заняться строительством в себе общего — с Вами — знаменателя. В частности, на ближайшее время (которого, к сожалению, мало) накачал из Интернета литературы и хотя бы «урывками»,

но буду «тонуть» в чтении Гуссерля, Хайдеггера и других досель неизвестных мне авторов.

Может, что-нибудь посоветуете?

III. Уважаемый Валентин Николаевич!

Как в Превеннее Времья, в античности, платоновско-аристотелевский прорыв основывался на представлении о бытии, представленном в «научной поэме о бытии» Парменида, так и итоговая философия Нового Времени основана на философии Гегеля. В философии Гегеля возобновлены идея бытия Парменида и метод Сократа, основанный на употреблении этой идеи, на объективности этой идеи. Потому резонно было бы сопоставить меганаучную парадигму (новую «платоновско-аристотелевскую» итоговую парадигму Нового Времени) именно с философией Гегеля. Тем более что философия Гегеля, лишь укрепившаяся в марксистской критике как в способе организации ее (философии Гегеля) меганаучной экспансии, прежде всего в сфере онтологической институционализации экономической науки, стала, по существу, стыдливо скрывааемым Новым органом западноевропейской рациональности. Тема Конца Истории и всемирного триумфа либерализма вдохновляется по преимуществу философией Гегеля (это хорошо показал «общечеловеческий гегельянец», русский философ по происхождению и учитель Фукуямы, автора идеи о Либерализме как Конце-венце всемирной истории — Кожев). Философия Гегеля является основанием и подавляющего большинства программ формализации. В качестве продуктивно-спекулятивной диалектики она образовала ВЕСЬ ПОЗИТИВИЗМ, «алхимию финансов», методологию создания и внедрения информационных технологий как организации сферы «вращения и обмена понятий».

Философия Гегеля хорошо известна нам, рожденным в СССР, как сила-основание марксистской критики. Нападки Маркса на Гегеля не должны вводить нас, знакомых с политехнологиями, в заблуждение, ибо нападки Маркса на идеологию (см., например, работу «Немецкая идеология») и сделали его крупнейшим идеологом мировой истории. Маркс способствовал современному триумфу Гегеля как «венца творения западноевропейской цивилизации». Так Демокрит и софисты способствовали философскому успеху Парменида и Сократа.

Однако триумф Гегеля — это триумф Парменида и Сократа. Триумф же новых Платона и Аристотеля еще впереди, хотя Хайдеггер все более признается мыслителем, преодолевшим гегелевскую парадигму при опоре на феноменологию. Потому, опираясь на наше знакомство с философией Гегеля (хотя бы и посредством Маркса, критика Гегеля, критика чистого разума), предложим для фиксации меганаучной парадигмы следующую «таблицу».

Наука логики Гегеля (Структура):

- 1) Мышление (как производящее действительность) есть тождество Бытия и Ничто, есть Я.
- 2) Развитие осуществляется по спирали, где каждый новый виток есть Выход из тождества (бытия и ничто) в новое качество, есть РАЗЛИЧИЕ (бытия и ничто).
- 3) Структура действительности есть цепочка моментов качества, различающихся скачком качества.
- 4) Предмет (бытие) действительность есть Понятие.
- 5) Основание действительности есть Абсолютный дух.
- 6) Абсолютный дух есть множество моментов качества — понятий.
- 7) Абсолютный дух есть Я.

Наука риторики Шилова (Структура):

- 1) Мышление (как производящее действительность) есть тождество Бытия и Времени, есть Слово.
- 2) «Развитие» (течение времени) осуществляется по ленте Мебиуса, где каждый Поворот есть Подтверждение (упрочение, углубление, совершенствование) ТОЖДЕСТВА.
- 3) Структура действительности есть цепочка простых чисел.
- 4) Предмет (бытие) действительности есть число.
- 5) Основание действительности есть Единица.
- 6) Единица есть множество простых чисел.
- 7) Единица есть Слово.

Между Наукой логики Гегеля и Наукой риторики Шилова и находится тот «объективный разрыв», о котором Вы, Валентин Николаевич, говорите и в который намерены погрузиться. Это та пропасть, в которую осуществилось марксистское падение и из которой философия с огромным трудом выбиралась, карабкалась через Гуссерля, Хайдеггера и других к Науке Риторике.

Наука логики Гегеля возникла после механики Ньютона. Наука риторики Шилова возникла после квантово-относительной механики Эйнштейна. Наука логики Гегеля описывала Науку извне и в этом смысле была вторичным языком описания, не способным к кардинальному решению проблемы оснований науки, но указывающим путь такого решения (как исследования языка науки в чистом виде), который (путь), впрочем, все более почитался за само решение. Наука риторики Шилова трансформирует Науку изнутри, создает Язык Науки как рефлексию (именование) материализаций языка науки (отдельных наук). Между Наукой логики Гегеля и Наукой риторики Шилова заключена вся нововременная естественная наука в виде ее необходимого (Ньютон) и достаточного (Эйнштейн) оснований. Понятия и представления

Науки риторики — это фундаментальные понятия и представления самой науки (число, лента Мебиуса, простое число и др.), в то время как понятия и представления Науки логики — это все еще вторичные, описательные по отношению к научным понятиям и представлениям. Наука логики — все еще не Наука. Наука риторика — уже наука, обычная естественная наука.

Ripper (анонимный участник диалога). Левин, Вы и Шилов, занимаетесь чистейшим гностицизмом, причем смело преодолевая все мыслительные барьеры. Гностики, выражая нечто через понятия, тут же считают Понятие и Явление эквивалентными, сразу отбрасывают само Явление и парят, как орлы в небе Понятий, чем нарушают элементарную Правду.

А правда — в следующем. Понятие и Явление можно считать эквивалентными, или, как вы говорите, Тожественными, только в случае, если Вы, имея только понятие (это называется в Общем случае — Информацией о Явлении), можете каким-то формальным образом восстановить само Явление. А потом это и повторить. Например, квантовая телепортация. Берется квантовый объект, описывается как «информация», передается по проводам неизвестно куда, потом эквивалентный квантовый объект воссоздается там. Вот тут мне будет трудно что-то возражать; если же Вы не можете по «информации» восстановить объект, Ваша информация неполна и, строго говоря, сам объект уже не описывает.

Легкость, с которой Вы, сказав нечто, тут же считаете, что это нечто есть полная информация о том, что Вы сказали, — удивляет, если не возмущает.

Итак, на сегодня все, что может сделать наука довольно строго, — это записать полную информацию об одном квантовом объекте на другой, переслать «носитель» куда-то и там восстановить «записанный» объект. Все! Это касается только простейших квантовых объектов... Это, кстати, даже не запись информации в виде символов. Это замешивание одной «информации» на квантовое состояние другого объекта. Записать же полную информацию об элементарном квантовом объекте в символическом виде, то есть в виде дискретных состояний чего-либо, — это вообще может потребовать огромных ансамблей квантовых объектов, то есть для описания одного объекта нужно огромное количество других. Записать Вселенную полным образом, разумеется, уже некуда. Полное описание Вселенной может потребовать запредельное множество других вселенных, куда нужно записать информацию о первой. Вас это не пугает?

В общем, пока Вы не покажете строго, что из Ваших, так сказать, Истин восстанавливается Явление в его физическом виде, Ваши истины не истины вовсе, а словесные упражнения. Ничто. Ноль.

Кстати, как только из Понятий станут восстанавливаться сами Объекты, Вы можете смело закрывать все производство, ибо осталось, только «записав» образец — ну, там холодильника, — бодро клепать их из гамма-квантов, одинаковые, как новые пятаки. Кстати, клонирование (если Вы тут его станете прикручивать) — это изготовление не строгой копии, а лишь генетической копии. Физически же клоны отличаются друг от друга абсолютно. Физическая копия — это чтобы все атомы и все электроны (и все-все-все) были в строго одинаковых квантовых состояниях. То есть физкопия — это то, что невозможно отличить ни одним физэкспериментом от оригинала.

В общем, задачка. Есть инопланетяне (где-то в другой галактике), и Вы хотите им сообщить, что такое Морковка. Чтобы они ее воссоздали и похрустели ею. Единственный способ: взять конкретную морковку, считать ее, как квантовый объект, и запулить информацию по радиолучу туда. Там они воссоздадут ее. Более того! Никакого строгого понятия «Морковка» — вообще НЕТ! Есть конкретная морковка. Морковку вообще Вы никогда не опишете, у вас нет образца. Все эти морковки вообще, человек вообще и любое другое обобщение — есть игра ума, и строго не получается. Стоит сказать — морковка вообще... и начинается гностицизм. Потому вся философия ущербна в принципе и к природе не может быть приложена по самому определению природы.

III. Ripper, Вы пишете: «Понятие и Явление, можно считать эквивалентными, или, как Вы говорите, Тожественными, только в случае, если Вы, имея только понятие (это называется в Общем случае — Информацией о Явлении), можете каким-то формальным образом восстановить само Явление. А потом это и повторить. Например, квантовая телепортация. Берется квантовый объект, описывается как “информация”, передается по проводам неизвестно куда, потом эквивалентный квантовый объект воссоздается там. Вот тут мне будет трудно что-то возражать; если же Вы не можете по «информации» восстановить объект, Ваша информация неполна и, строго говоря, сам объект уже не описывает».

Вы совершенно правы в том, что меганаучной парадигме необходимо показать, как Понятие «восстанавливает» Явление. Это, вообще говоря, центральная тема Науки логики Гегеля. Гегеля критиковал, как известно, Маркс, а также Ленин (примерно теми же, что и у Вас, словами). Однако верно и другое — именно мышление по Гегелю стало основанием существенного продвижения математической логики и связанных с ней программ формализации. Один из отцов-основателей теории формализации Гильберт неоднократно говорил об этом. Об этом говорят и ряд выдающихся семантиков и семиотиков. Суть этого

говорения в следующем: существуют основания, без которых ничего не существует (обратная, так сказать, сторона положения об основании «ничто не бывает без основания», сформулированного Лейбницем), и существо этих оснований — это связь Понятий и Явлений, вне которой была бы невозможна наука и техника.

Вопрос стоит так: необходимо найти (открыть) те Понятия, которые создавали бы Явления. Как Вы понимаете, в идеологической и экономической сферах таких понятий множество. В сфере науки рассмотрение таких понятий дело непростое, но также возможное (и нужное). Более того, философия бытия всегда утверждала, что понятия как некоторые фрагментом данные человеку реалии и создают явления. Сама возможность Науки основана на этом основании. И успехи науки, ее техническая реализация как раз и доказывают ПРОИЗВЕДЕНИЕ ЯВЛЕНИЙ ПОНЯТИЯМИ. Если Вы внимательно присмотритесь к истории науки, то заметите, что путь фундаментальной науки — это путь создания таких явление-порождающих понятий. История науки — это история возникновения и развития Языка науки. Суть мега-научной парадигмы состоит не в какой-то мегаломаньячной амбиции, а в понимании нынешнего состояния науки и всей ее предшествующей истории как состояния несформированности Языка Науки и пути к его возникновению. И здесь философия опять может придать творческий импульс своему дитяти, науке, ведь философия имеет существенный опыт и знания в вопросе возникновения и развития Языка «в чистом виде». Математизации физики — это истинный путь создания Языка науки, но это лишь начало этого пути. Квантово-механическое описание сродни еще жесто-артикуляционному протоязыку, когда отсутствуют ПОНЯТИЯ. Например, в таком языке нет, скажем, понятия «заяц», а есть понятие о «некотором существе такого-то цвета, которого можно встретить там-то и там-то, определенным образом к нему приблизившись», то есть некоторое пространственно-временное видение, не имеющее универсального значения. Когда мега-научные ПОНЯТИЯ вступают в силу, станут возможными и предположенные Вами эксперименты, когда ученые станут понимать и фиксировать материю, в которой осуществляются данные Явления. А материя эта — действительный числовой ряд, представляемый (в виде Науки) явление-образующими понятиями, и прежде всего — понятием «числа».

Вы также пишете: «Итак, на сегодня, все, что может сделать наука довольно строго, — это записать полную информацию об одном квантовом объекте на другой, переслать “носитель” куда-то и там восстановить “записанный” объект. Все! Это касается только простейших квантовых объектов... Это, кстати, даже не запись информации в виде символов. Это замешивание одной “информации” на квантовое состо-

яние другого объекта. Записать же полную информацию об элементарном квантовом объекте в символическом виде, то есть в виде дискретных состояний чего-либо — это вообще может потребовать огромных ансамблей квантовых объектов, то есть для описания одного объекта нужно огромное количество других. Записать Вселенную полным образом, разумеется, уже некуда. Полное описание Вселенной может потребовать запредельное множество других вселенных, куда нужно записать информацию о первой. Вас это не пугает?»

Не пугает, если удастся выявить СТРУКТУРУ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО ЧИСЛОВОГО РЯДА. Вселенная записывается полным образом так: ЕДИНИЦА ЕСТЬ МНОЖЕСТВО ПРОСТЫХ ЧИСЕЛ. Эта формула Единицы и лежит в пределе, в горизонте того движения, которое известно нам, как Логика (опыт дефинирующего, определяющего разума). То есть это, вообще-то говоря, Формула Языка. Она же и оказывается формулой Вселенной. Квантовая механика есть некоторое межумочное физикалистское состояние, недозревшее до механики времени, до исчисления простых чисел

Вы говорите: «Кстати, как только из Понятий станут восстанавливаться сами Объекты, Вы можете смело закрывать все производство, ибо осталось, только “записав” образец — ну, там холодильника, — бодро клепать их из гамма-квантов, одинаковые, как новые пятаки».

Совершенно верно. Клепать из чисел. Так оно и будет. Только Объекты будут иные.

Вы пишете: «Кстати, клонирование (если Вы тут его станете прикручивать) — это изготовление не строгой копии, а лишь генетической копии. Физически же клоны отличаются друг от друга абсолютно. Физическая копия — это чтобы все атомы и все электроны (и все-все-все) были в строго одинаковых квантовых состояниях. То есть физкопия — это то, что невозможно отличить ни одним физэкспериментом от оригинала».

Ровно в том смысле, в котором Вы понимаете «атомы» и «электроны», в материальном смысле, — их не существует. Это некоторые явление-образовывающие понятия, причем не вполне корректные, они даже вряд ли сохранятся в Языке науки. Это некоторые мифы о числе как о необходимом основании (атом) и о числе как о достаточном основании (электрон). В этом смысле я могу Вам сказать, что Вы сами существуете в огромном количестве копий, так как каждый момент Вашего времени-бытия есть отдельный момент отдельного существования отдельной физкопии. И Вашей точкой сборки, господа физкопии, является именно бытие, свойственное нашему времени, презрение к которому есть феномен самопроклятия человека, распадающегося на множественность.

Р. Я разделяю вещи, описания и лейблы. Электрон в том виде, в котором он существует в реальности, — это вещь. То, что мы знаем о нем из практики, — его свойства и проч., что характерны для всех вещей — электронов — это описание. А само слово «электрон» — это лейбл описания. Заголовок описания под названием — свойства электрона. Лейбл мы просто используем для обозначения вещи в языке. Описание — это то, что мы храним в своей памяти или памяти человечества, а саму вещь — нам еще познавать и познавать, то есть расширять ее описание в нашей памяти. Разумеется, я за лейблы не держусь, не менее не держусь и за описания, однако поскольку они основаны на практике, то считаю, что факты, на которых они основаны, есть проявление реальности и потому повторяемы. Итак, факты исчезнуть не могут и могут быть только «перетасованы» иным способом. Иначе это уже не факты.

Пропась между лейблом и описанием — огромна, пропасть между описанием и самой вещью — невероятна. Возможно, принципиально непреодолима. По крайней мере, преодолимость этой пропасти нужно ДОКАЗЫВАТЬ! Для меня лично это не очевидно, в некотором смысле я считаю все вещи «вещами в себе». Кстати, это нисколько не мешает познавательному процессу, ибо бесконечное познание даже самой малой крупицы процесс увлекательный.

Шилов, Вы пишете: «Совершенно верно. Клепать из чисел. Так оно и будет. Только Объекты будут иные». Вот тут и корень вашего гностицизма — Вы полагаете, что Число уже есть. Что оно существует вне нашего о нем знания, вне математики, вне человечества. Оно и есть — источник всего, тогда Вы ничего не открыли нового. Вы просто некую протосущность (вечно искомую даже в рамках строгой физики) обозвали термином из математики и сказали — что это и есть Новая Революция, так этим поиском физики всю жизнь и занимаются. Вы думаете, что они там лазеры разные конструируют?!

В общем так, если число — это то, о чем говорит математика, то для чисел нужен носитель. Число — просто абстракция; конкретным оно становится, только приобретя носитель, как дискета. Программа — абстракция; программа, записанная на дискету, — уже то, из чего можно «клепать». Таким образом, само число пока нематериально и не существует нигде, кроме головы. Вы хотите создавать материальный мир из абстракций, существующих только в голове? Так в голове существует все что угодно, даже черт с копытами. Черта с копытами я даже могу нарисовать — как он выглядит, известно всем... — так он существует или нет, если даже известно, как он выглядит? Стоит ли увлекаться тем, что роится в нашей голове? Как отделить Лейблы, за которыми хоть и есть Описание, но не стоит Реальной Вещи? Вот этот черт, например? Разделять-то надо, как иначе?

Вы, Шилов, также пишете: «Суть этого говорения в следующем: существуют основания, без которых ничего не существует (обратная, так сказать, сторона положения об основании “ничто не бывает без основания”, сформулированного Лейбницем), и существо этих оснований — это связь Понятий и Явлений, вне которой была бы невозможна наука и техника. Вопрос стоит так: необходимо найти (открыть) те Понятия, которые создавали бы Явления». Только если следовать строго по Лейбницу, то (раз ничего не существует без основания) это высказывание есть утверждение о практически беспредельной фрагментируемости материи. У всякого основания должно быть свое основание! Это если строго. Но Лейбниц не говорил о Понятиях! Лейбниц говорил о Явлениях. Он искал суть материи внутри нее самой. Классическая задачка атомистов: что будет, если кусочек материи все время делить пополам... разделится всегда? или есть предел? Утверждая, что есть предел, они логически вывели атом. То есть логический первокирпич. Разумеется, это не тот атом, что назвали потом этим лейблом. Но это уже детали... Единственное, что греки в рассуждениях не сообразили: при таком делении понятие пространства на каком-то этапе может исчезнуть. И найденный ими атом — это на самом деле не первокирпич, а первокирпич их мира, где пространство абсолютно, где оно — непрерывная шкала и бесконечно фрагментируется. Вот в этом-то и пороки любой голой логической схемы — те предположения, что делаются сверху, изначально в какой-то момент могут не сработать. И уж далее логика превращается в пустую забаву. И парадокс курицы и яйца на самом деле — парадокс слишком грубой логики. В действительности на некотором этапе уже не будет ни яйца, ни курицы. Будет нечто другое, что оборвет рассуждение, и оно таким образом закончится. Потому схемы голых рассуждений — обычно очень ограничены, из них нельзя вывести ничего.

Кстати, физика в общем виде описывает действительность так. Есть Состояние, и есть Преобразование. Состояние это то, что можно померить, это Значение. Преобразование — это то, что преобразует данное Состояние в следующее. Состояние — это то, что мы фиксируем непосредственно прибором; с Преобразованием — хуже. Это лишь то, о чем мы можем делать гипотезы, анализируя, как Состояния преобразуются друг в друга. Сейчас электрон тут, теперь там. Что произошло? Или вот сейчас это нейтрон, а теперь он распался на протон и электрон и нейтрино. Какое Преобразование к этому привело? Каков математический вид этого Преобразования?

При этом на возможный математический вид Преобразования накладываются математические ограничения, что следует из нашего представления о мире. Например, из тезиса о том, что некие инварианты должны быть. Все делится строго математически и невульгарно.

Какие претензии к такой форме познания мира? Эта форма, кстати, глубже Вашего «числа», поскольку в ней есть явная динамика — Преобразование. И есть статика — Состояние. Также учитывается, что есть инварианты. Дайте более совершенный подход — все только спасибо скажут. А Числа, с большой буквы, ничего этого не заменят. У физиков куда дальше — у них не числа, у них Функции! Функция — сильнее числа, Функция — это генератор чисел. А мир, по сути, это генератор его Состояний. Так думает физика. Ищет вид генераторов. Хочет найти общий генератор. Не дай Бог это сделает. Тогда движением пальца, возможно, сможет уничтожить Вселенную и самое себя.

III. Ripper, Вы пишете: «Электрон в том виде, в котором он существует в реальности, — это вещь».

1. «Электрон в том виде, в котором он существует в реальности», — все это (ТОТ ВИД) дано Вам в виде описаний электрона или иных форм документации по вопросу электрона.

2. Кроме того, понятие вещи никак не может, по Вашей же логике, быть некоторой сущностью электрона, если электрон (частица) действительно существует. Таким образом, суждение «электрон — это вещь» ложно. И это не простой софизм: продумывание понятия «частицы» как понятия, которое трансформирует «вещную логику» не осуществлено еще в физике. Физики открыли предметность частиц, но продолжают осмысливать эту предметность в языке-логике вещного мира. Не создан язык, адекватный предметности частиц. Не открыты ПОНЯТИЯ (ИМЕНА) этого языка.

Вы говорите: «Лейбл мы просто используем для обозначения вещи в языке». Это не только неверно. Это — свойственное массовому физикализму отвержение мышления как такового, поскольку именование как первичная историческая функция мышления образует МЕТОД МЫШЛЕНИЯ. Это — основание употребимости мышления в любых методах. В том числе и в том МЕТОДЕ, который мы знаем как Науку. Сама Объективность формируется в именовании как некоторой материи языка. Неслучайно религия видит основную функцию первого человека в том, что он именуется вещи мира, делая ТАКИМ ОБРАЗОМ вещи вещами, поскольку в аспекте творения (природы, если хотите) членимость мира на вещи, объекты не имеет истинного значения, ведь законы природы (творения) универсальны.

Также Вы пишете: «Описание — это то, что мы храним в своей памяти или памяти человечества, а саму вещь — нам еще познавать и познавать». Повторюсь, не кажется ли Вам забавным, что Вы неявно допускаете некоторое такое знание о вещи, которое Вы получили иначе, в ином виде, нежели ОПИСАНИЕ (информация, если хотите). Откуда Вы берете эту самую «саму вещь», и как Вы ограничиваете ОПИСА-

НИЕ от «самой вещи»? Любой эксперимент, любая практика доступна нам только в виде ОПИСАНИЯ. Так, Хайдеггер писал, что напрасно считают материализм чем-то гиперпредметным. Это такой же образ духовности, только более опасный тем, что насилие над человеком он осуществляет совершенно неуловимо. Инсталлируется, как вирус. Материализм скрывает себя как тип мышления, как определенное идеалистическое отношение к реальности.

Описания основаны на описаниях, язык описаний действительно соприкасается с чем-то, но понимание этого чего-то возможно лишь при понимании, что мы всегда отграничены от объекта языком описания и всякое «более глубокое познание объекта» есть создание нового языка описания (усовершенствование старого) подобно тому, как успехи физики не есть все более осязаемое дотрагивание все более эрогенными зонами до все более сокровенных физических частиц, а совершенствование техники физического эксперимента.

Вы пишете: «Вот тут и корень вашего гностицизма — Вы полагаете, что Число уже есть. Что оно существует вне нашего о нем знания, вне математики, вне человечества. Оно и есть — источник всего, тогда Вы ничего не открыли нового. Вы просто некую протосущность (вечно искомую даже в рамках строгой физики) обозвали термином из математики и сказали — что это и есть Новая Революция, так этим поиском физики всю жизнь и занимаются. Вы думаете, что они там лазеры разные конструируют?! В общем так, если число это то, о чем говорит математика, то для чисел нужен носитель. Число — просто абстракция, конкретным оно становится, только приобретя носитель, как дискета. Программа — абстракция; программа, записанная на дискету, — уже то, из чего можно «клепать». Таким образом, само число пока нематериально и не существует нигде, кроме головы. Вы хотите создавать материальный мир из абстракций, существующих только в голове?».

Речь идет именно об открытии СУЩНОСТИ. СУЩНОСТИ ЧИСЛА как основания Языка меганауки. Физики действительно занимаются развитием языка науки, только вот вопрос, насколько они сами это сознают, а не «лазеры типа конструируют». Число — это то, чем занимается математика. Математика носит имя математики как некое знание, ближе всякого знания расположенное к числу. В самом безусловном и необходимом смысле, математика занимается представлением числа цифрой подобно тому, как философия занимается представлением вещи именем (словом). Занимаясь числом, математика ничего о числе не говорит. О числе говорит, расследует число философия. Философия разрабатывает сущность числа; как Вы понимаете, это путь в другую сторону от представления числа цифрой, от математики, путь к числу в себе, для которого не нужен «носитель».

«Как отделить Лейблы, за которыми хоть и есть Описание, но не стоит Реальной Вещи?» — это и есть сущность, предмет философского знания. Существует большой круг теорий, рассматривающих эту проблему. Феноменология, ноуменология, методология и др.

Вы пишете: «Только если следовать строго по Лейбницу, то (раз ничего не существует без основания) это высказывание есть утверждение о практически беспредельной фрагментируемости материи. У всякого основания должно быть свое основание! Это если строго».

Если строго, то положение об основании есть представление о делимости как в конечном итоге НЕПРЕРЫВНОСТИ, что не означает беспредельности делимости. НЕПРЕРЫВНОСТЬ — ЭТО УЖЕ НЕ ДЕЛИМОСТЬ, и в этом смысле непрерывность есть «неделимость». Все математические процедуры (а не только делимость) есть в конечном итоге или в начале, как Вам удобней рассматривать, НЕПРЕРЫВНОСТЬ. НЕПРЕРЫВНОСТЬ есть всеобщее понятие для всех математических процедур. В этом смысле НЕПРЕРЫВНОСТЬ ВНЕМАТЕМАТИЧНА, ОНА ОТСЫЛАЕТ НАС К ЧИСЛУ В СЕБЕ, ОНА ДАЕТСЯ НАМ как НЕПРЕРЫВНОСТЬ ВРЕМЕНИ. ДЛЯ НЕПРЕРЫВНОСТИ ВО ВСЕ НЕ НЕОБХОДИМА БЕСКОНЕЧНАЯ ДЕЛИМОСТЬ В МАТЕМАТИЧЕСКОМ СМЫСЛЕ. ПРИМЕР — ЛЕНТА МЕБИУСА. ЭТО ДЛЯ ДЕЛИМОСТИ НЕОБХОДИМА НЕПРЕРЫВНОСТЬ как ее основание.

У ОСНОВАНИЯ НЕТ ДРУГОГО ОСНОВАНИЯ, А ЕСТЬ НЕЧТО, ЧТО ЯВЛЯЕТСЯ ЭТИМ ОСНОВАНИЕМ, НЕ ЯВЛЯЯСЬ СУЩИМ, ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ. В ЭТОМ СМЫСЛЕ ОСНОВАНИЕ БЕСПРЕДПОСЫЛОЧНО. Это и есть механизм того, как возможен ЯЗЫК как материализация беспредпосылочных оснований.

Вы утверждаете: «Но Лейбниц не говорил о Понятиях! Лейбниц говорил о Явлениях. Он искал суть материи внутри нее самой».

Лейбниц как раз прежде всего говорил о ПОНЯТИЯХ. Его идеи сформулированы в труде под названием «Монадология», суть которого Лейбниц сам формулировал так: «Когда Бог считает, он создает мир». То, что стало современной наукой, создавалось непосредственно ПОНЯТИЯМИ, ИЗ ПОНЯТИЙ и как ПОНЯТИЕ. Греки породили ряд выдающихся парадоксов делимости, которые до сих пор не разрешены в квантовой механике. Почитайте об этом у Гейзенберга в его книге «Физика и философия». Диалог Платона «Парменид», где греки ДЕЙСТВИТЕЛЬНО РАССУЖДАЮТ О ПРЕДЕЛЕ, точнее, говоря словами Платона, о «сращенности воедино предела и беспредельного», рассматривает диалектику Единого и Многого, которая является, по мнению Гейзенберга, пространством, где решаются парадоксы квантово-механического описания (где «снимается принцип неопределенности»). Греки как раз хорошо понимали, что «атом» — это некоторый

тип материалистического мировоззрения, и атомизм для них всегда был некоторым тупиковым осмыслением: Демокрит, основоположник атомизма, даже назывался своего рода «клоуном», смеющимся философом, пародирующим суть философии. Язык, высунутый Эйнштейном, из этого же ряда. С другой стороны, быть может, таким образом Эйнштейн «сообщает», что нужна разработка Языка физики?

Вы также пишете: «Есть Состояние и есть Преобразование. Состояние — это то, что можно померить, это Значение. Преобразование — это то, что преобразует данное Состояние в следующее. Состояние — то, что мы фиксируем непосредственно прибором; с Преобразованием — хуже. Это лишь то, о чем мы можем делать гипотезы, анализируя, как Состояния преобразуются друг в друга».

Единство (субстанциональное единство) Состояния и Преобразования есть Исчисление. Трудности в отношении Преобразования — это трудности, которые снимаются с открытием исчисления. Лейбниц и Ньютон, кстати, хорошо понимали ограниченность той стратегии, которая получила свое развитие с созданием дифференциального и интегрального исчисления как ВЕРСИИ, МОДЕЛИ, ВАРИАНТА ИСЧИСЛЕНИЯ. Эйнштейн выявил недостаточность классической механики именно как ИСЧИСЛЕНИЯ. Отсюда и предельное значение скорости света.

Вы говорите: «Сейчас электрон тут, теперь там. Что произошло? Или сейчас это нейтрон, а теперь он распался на протон и электрон и нейтрино. Какое Преобразование к этому привело? Каков математический вид этого Преобразования?»

ЭТОГО преобразования не существует, ЭТО представление о некотором преобразовании, которое к тому же есть ОДНОВРЕМЕННО и состояние. Есть определенная физика числового ряда, есть типы чисел, есть преобразования — вот это и есть физические законы. Проблема заключается в том, что мы не знали ряда фундаментальных законов, преобразований числового ряда (закон простых чисел и ряд других математических проблем, фиксирующих жесткость числового ряда, которая и регистрируется физикой в виде физической константности, но не распознается в виде свойств числового ряда). С познанием этих закономерностей время физики как вывороченной нутрянки числового ряда завершается. Таким образом, число — это ГЕНЕРАТОР ФУНКЦИИ, СОСТОЯНИЙ-ПРЕОБРАЗОВАНИЙ МИРА. УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ГЕНЕРАТОР, РАБОТАЮЩИЙ НА ЗАКОНЕ ПРОСТЫХ ЧИСЕЛ. НЕ ФУНКЦИЯ ГЕНЕРИРУЕТ ЧИСЛО, А ЧИСЛО ГЕНЕРИРУЕТ ФУНКЦИЮ.

Речь здесь идет о логическом доказательстве гипотезы Римана. Гипотеза Римана, эта величайшая догадка математиков об истинной

сущности математики, есть предположение о существовании закономерности в распределении простых чисел. Логическое доказательство гипотезы Римана есть, собственно говоря, сущность того, что известно под именем «логика». Отныне эта сущность получает известность в том виде, в каком она есть сама по себе, в своем собственном виде Науки риторики.

Незыблемое и последнее основание, которое искал Декарт в начале Нового времени, понято и открыто в Конце Истории Нового времени. Это основание — число как бытие, истинно описываемое языком науки. В Конце Истории Нового времени это основание открывается и становится видным как «последнее» Нового времени. Видно число через «оптику» редукционизма солиптической (методориторической) доктрины как высшей формы картезианского «методологического» сомнения. Открытое таким образом число имеет характеристики, свойственные не только арифметическому понятию «числа», но и философскому понятию «основания» (добавлю — и физическому представлению о «природе» («материи») — представлению «атом» и представлению «электрон»), так что математикам и физикам придется потесниться в лодке числа, плывущей в «безбрежном океане неведомого» (о коем пишет Ньютон в «Математических началах натурфилософии») и предоставить место в этой лодке также и философам. Собственно говоря, для блага же и физико-математиков, лодка числа (Ноев Ковчег современной цивилизации) под управлением которых, сгрудившихся на одной из ее сторон, уже почти под водой (напр., крах программы «формально-логической» формализации Гильберта-Геделя). Программа формализации Науки Риторике дедуцирует понятие истинной теории множеств, связанной формулой Единицы как множества простых чисел.

Герменевтика Формулы Единицы: Бесконечности нет. Есть Единица. СМОТРИ!

Завершение научной революции Эйнштейна-Бора-Лобачевского

1. О конечности числа простых чисел

Основоположение меганаучного знания — Формула Единицы — гласит о том, что «Единица есть множество простых чисел». Вся история естествознания оказывается ныне перед необходимостью такого обращения к собственным изначально простым основаниям, которое раскрывает эти основания как некоторые объективно-сдерживающие препятствия на пути к истине. Приходит фундаментальное понимание того обстоятельства, что «истины научного рассудка» являются небеспредпосылочными знаниями, но некоторым фактами первичного становления языка науки, фиксируют стратегии употребления языка науки в качестве хотя и не явного, но практически единственного метода достижения достоверности в науке. Никакая научная достоверность не является «непосредственностью реальности», но всегда есть языковой факт, языковое событие языка науки. Научно-теоретическая революция 20-х годов XX века не завершена принципиально, поскольку новое меганаучное знание не образовалось в ней в некотором самостоятельном виде, оно не обрело собственной формы изложения, собственного языка, лишь слегка потеснив «истины научного рассудка» (евклидову геометрию, ньютонову механику и др.), и ужилось с ними, поделив сферы влияния научно-физической предметности. Завершение научно-теоретической революции Эйнштейна-Бора-Лобачевского есть, прежде всего, осмысление науки, научной истины научного знания как истины языка, собственная сущность которого как производителя истины науки выражается формулой Единицы.

Формула Единицы как прежде всего основоположение риторической (меганаучной) теории числа заключает в себе Великую истину о конечности множества простых чисел. Со времен Евклида естествознание «беспечно» уверено в том, что простых чисел бесконечно много. Самое старое известное доказательство этого факта было дано Евклидом в «Началах» (книга IX, утверждение 20). Его доказательство может быть кратко воспроизведено так: «Представим, что количество простых чисел конечно. Перемножим их и прибавим единицу. Полученное чис-

ло не делится ни на одно из конечного набора простых чисел, потому что остаток от деления на любое из них дает единицу. Значит, число должно делиться на некоторое простое число, не включенное в этот набор»⁴¹. Математики предлагали и другие доказательства. Одно из них, приведенное Эйлером, показывает, что сумма всех чисел, обратных к простым, расходится. Проблемное измерение евклидова доказательства раскрывается именно в императиве «представим, что», который и заключает в себе в свернутом виде всю свойственную истории естествознания «особенность» — подмену доказательства представлением.

Естествознание, осознавая факт первичной подмены доказательства представлением и стремясь последовательно учитывать необходимый факт этой подмены на всех этапах вывода и формирования научно-истинного суждения, тем не менее не владеет средством «автоматического учета данной подмены» и скатывается К НЕЯВНОМУ ОТОЖДЕСТВЛЕНИЮ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ДОКАЗАТЕЛЬСТВА, смиряя научное сознание с этим фактом как «с необходимостью» естественнонаучного познания. Именно эта подмена «вылезла» в дискуссиях Эйнштейна и Бора о детерминизме и была легитимирована как «объективно необходимая» в принципе неопределенности Гейзенберга. Истина мышления требует ОТСУТСТВИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В НАЧАЛЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА, иначе — представление само себя «доказывает», показывает, обманывая самые пронизательные формы внимания, осознанно фиксирующие факт подмены и стремящиеся к ее учету, последовательно «вычитающие» данную подмену из совершаемой научно-доказательной мыследеятельности как ее простое вспомогательное средство. Отсутствие представления в начале доказательства есть сложнейшее и в то же время основное дело мышления. Доказательство, которое на деле есть спекулятивная связь представления, находящегося в «начале» «доказательства» как некоторой техники мышления, с представлением, находящимся в «конце» такого «доказательства», — это показ (самопоказ) представления, в котором представление самоутверждается, демонстрирует себя как истинное. Дело доказательства как дело поиска истины в таком самопоказе представления предано забвению.

Однако понимание того, что в естественнонаучном доказательстве мы имеем дело с самопредставлением истины научного рассудка и только с ним одним, есть уже значительный шаг на пути к истине в чистом виде, к истине самой по себе, к истинному представлению. Истины научного рассудка есть только подготовка к представлению истины самой по себе, и дело истинного представления, конечно же, состоит не в голом отрицании истин научного рассудка и связанных с ними истин

⁴¹ *Евклид*. Начала. — М.: ЛИБРОКОМ, 2012.

рассудка как такового, но в переходе от подготовки некоторого дела к самому этому делу — к Мышлению. Действительное понимание истины научного рассудка как необходимой неистины (недоистины) есть не отрицание оной, но точное указание на истинное представление, способ косвенного восприятия истинного представления, ибо, как говорили древние, прямо посмотревший на божественную сущность в это же мгновение теряет разум. Речь идет, конечно, не об играх в сакральное и метафизическое, но, напротив, о необходимости следующего шага рациональности, состоящего в реализации собственной рациональной сущности, в осмыслении истины научного рассудка как непосредственного бытия языка науки, как представления, обеспечивающего функционирование языка науки, которое ошибочно принимается за истинное представление.

Таково — необходимо и ошибочно — представление математиков о том, что «множество простых чисел бесконечно». Возразим: если бы множество простых чисел действительно было бы бесконечным, то никогда не существовало бы простого числа, не включенного в этот набор перемноженного бесконечного числа простых чисел; но в случае истинности предположения, что число простых чисел бесконечно, такое простое число обязательно должно существовать. Тогда в случае бесконечности множества простых чисел оно всегда было бы неполным: бесконечное множество перемноженных простых чисел, к которому была бы добавлена единица, делилось бы на некоторое простое число, не входящее в это множество. Тем самым не только показывается ложность представления о бесконечности числа простых чисел. И не только из ложности представления о бесконечности числа простых чисел следует истинность представления о конечности числа простых чисел. Возникает идея исчисления простых чисел, в котором раскрывается процесс физической математики, процесс истинной непрерывности, функционально связывающей единицу и множество простых чисел.

Представление о конечности числа простых чисел есть истинное представление сущности единицы. В представлении о конечности числа простых чисел понятие бесконечности находит свое полное и непротиворечивое истолкование, исчерпывается как понятие о физической конечности единицы. Нет, таким образом, бесконечности, бесконечность есть неявное представление о физической конечности единицы, представление о «конечности конечности», о конечности множества простых чисел, о «конечности неделимых».

«Бесконечность» есть непроясненный смысл того, что конечность имеет абсолютный предел, имеет конец, границу, что конечность есть «лишь» следствие физического бытия единицы. Единица же не есть «бесконечность», она существует действительно. Истинное представ-

ление о единице не нуждается уже в гипотезе бесконечности как неполном и противоречивом представлении о сущности-пределе конечности.

Из конечности числа простых чисел следует, вопреки Эйлеру, что сумма всех чисел, обратных к простым, все же конечна. Данная конечность образует время-пространство числового ряда, четырехразмерную единицу. Неслучайно сумма величин, обратных всем известным простым (то есть примерно первым 50 миллионам), меньше четырех. Такова математическая сущность формулы Единицы, которая создает начало физической математики.

Физическое бытие Вселенной есть на деле бытие числового ряда — оно конечно в аспекте конечности числа простых чисел.

Закон физического бытия есть закон числового ряда, выражающий физическое бытие Единицы как способа организации физического из математического (из числового ряда).

Счетность множества как процесс, в котором множество конституируется, есть в основе своей становление единицы единицей. Акт счета есть момент субстанции единицы. Единица осуществляет себя, становится единицей посредством множества простых чисел. Этот процесс — процесс становления единицы единицей посредством множества простых чисел — как раз и замечен в доказательстве Евклида о бесконечности множества простых чисел, однако в отсутствие представления о математике как о языке, то есть как о некотором опосредовании, в отсутствие физического представления о Единице, в условиях господства неполного и противоречивого представления о бесконечности, неполно и противоречиво же интерпретирован посредством «истины» о «бесконечности числа простых чисел».

2. О тождестве материи и энергии

Современное кризисно-разделенное состояние естественнонаучного знания должно быть последовательно переосмыслено и переработано на основании тезиса о том, что бесконечности (в строгом математическом смысле) не существует.

Время, сущность физического, из которой разворачивается само физическое, вся действительность физического, есть физическое бытие пространства числового ряда, есть физическое явление Единицы в истине физического мира, в действительном числовом ряде. Факт конечности числа простых чисел есть фундаментальный факт, предшествующий физике. Именно конечность числа простых чисел дана естествознанию в косвенном понимании истины в виде теоретического представления о фундаментальных константах в физике. Фундаментальные константы физики есть на деле единообразно-одномерно ограниченные способы фиксации истинного физического явления (явления числового ряда) в пространстве математики как языка науки, в пространстве трех из-

мерений с размерностями «*i*» (представляет алгебру), «*π*» (геометрию) и «*e*» (анализ). Таковы размерности системы координат физической математики, эксплицируемой в Риторической теории числа — системы координат, в которой фиксируется физика Единицы. Данная система координат представляет собой Язык математики в чистом виде, тот самый язык, на котором «написана книга природы».

Формула Единицы раскрывает взаимообратимую связь материи и энергии как физическую сущность числа. В знаменитой формуле Эйнштейна, односторонне связывающей материю и энергию и не объясняющей происхождение массы при использовании также мистической постоянной скорости света, необходимо рассмотреть «обычную» формулу площади круга, осознав при этом, что в рассматриваемом представлении «речь идет» о «физическом круге», радиусом которого является скорость света: $const\ 1 = \pi c^2$

Численное значение $const\ 1$ выражает фундаментальную структуру физической математики. Субстанциональная, физико-математическая Единица есть также тождество материи и энергии, тождество, которое скрывалось за различием, именуемым «бесконечностью».

Постигая механизм формулы Эйнштейна как «формулу площади круга», мы осознаем математическую сущность происхождения массы (физической величины) через константность числа «*π*» (ответ на вопрос, почему существует масса), а константную скорость света осознаем как «всего лишь» ограничение (ограниченную фиксацию в пространстве математической физики) истинной непрерывности (непрерывности простых чисел), схватываемой в представлении физической математикой непрерывности Единицы.

3. Об устройстве числового ряда

Человечество должно понять, что бесконечности не существует. Понятие бесконечности есть тупиковый путь познания. Необходимо вопрошать о количестве относительно Единицы, бесконечность не есть истинный ответ на любой вопрос о количестве, бесконечность — это всегда ложный ответ на любой вопрос о количестве. Понятие бесконечности как некоторая одержимость мышления закрывает собой истинную картину мира.

Существует Единица. Единица порождает числа, множества чисел. Порождение единицей числа есть измерение. Порождение единицей множества чисел есть исчисление. Физическое бытие, как оно есть само по себе, независимо от человеческого измерения есть бытие Единицы. В физике человек имеет дело с Единицей. Материя и энергия (масса и энергия) связаны в истинном принципе неопределенности как понятия единицы. Относительно инициы материя и энергия есть только действительные понятия. Отношение материи и энергии — Структура — есть отношение.

Прояснение физического смысла числа π как темпоральной постоянной, квадрата (рефлексии) скорости времени на единицу пространства является основой физической математики, раскрывает физическое бытие мира как бытие действительного числового ряда. Мы имеем дело с постоянной времени, которая своей константной формой скрывает для нас изменения времени и воспринимается как «обычное» течение времени. Физическое представление о бесконечности закрывало собой именно этот физический смысл числа π — эту несокрытость произведения времени материей, «секунду в метр».

Vt («секунда в метр») осуществляется в пространстве трех измерений с размерностями « i », « π » и « e ». Четвертым измерением Vt является размерность простого числа — « p ».

Материя есть сущность времени. Энергия есть движение времени. Число (действительный числовой ряд) есть бытие времени. Сущность феномена гравитации раскрывается через скорость времени — Vt (сек/м). Скорость времени есть скорость числа, которое число получает при своем движении в единице.

Элементарными частицами пространства i - π - e являются простые числа. Простое число есть рефлексия как свойство действительного числового ряда, свойство однозначного соответствия Единице. Учение о простых числах как учение о рефлексиях («неделимых истинах делимости») преодолевает ограниченность теории элементарных частиц в интерпретации природы частицы и феномена их (частиц) измеримости. Простое число, во-первых, существует в отличие от модельных конструкций элементарных частиц, во-вторых, будучи числом, существует независимо от субъект-объектных схем измерения, в-третьих, существует действительно, то есть полно и непротиворечиво, являясь числом, реальностью, неполнота познания (формализации) которой выявляется в виде модуляций корпускулярно-волнового дуализма. Простое число есть физическое место, строго-однозначно ограниченное физическим бытием пустоты мнимой единицы. Пустота мнимой единицы объемлет простое число. В границах пустоты мнимой единицы возникает существование простого числа.

Свойство однозначного соответствия Единице есть фундаментальный принцип такого математического конструирования, которое совпадает с порождением физического объекта. Числовой ряд конечен, как конечно и множество простых чисел. Числовой ряд строго ограничен мнимой единицей как своей частью. Единица есть порождающая граница числового ряда. Единица есть также конец числового ряда, последнее число действительного числового ряда. Конечность числового ряда фиксируется физиками как феномен гравитации. Гравитация есть тождество единицы и числового ряда, представляемое мнимой едини-

цей. Гравитация есть действие мнимой единицы. Гравитационная событийность, таким образом, раскрывает себя как бытие действительного множества простых чисел в пространстве единицы. Движение числа в пространстве числового ряда — это движение во времени — движение во времени, создающее мир.

Темпоральное взаимодействие есть всеобщее взаимодействие физической математики, объединяющее четыре типа физических взаимодействий как взаимодействий физической математики, протекающих в размерностях « i », « π », « e », « p ». Темпоральное взаимодействие осуществляется между числами, движущимися во времени. Так называемая «элементарная частица» физики, неполно фиксируемая в соответствии с принципом неопределенности, есть на деле число как таковое, само по себе. Именно это обстоятельство и делает сей объект таким недоступным для понимания и фиксации в односторонности процедур математической физики. Физическое состояние числа — это его включенность в пространство единицы. Темпоральное взаимодействие чисел, двигающихся со скоростями времени сек/м, порождает эффект массы. Понятие силы времени фиксирует число как объект, движение-состояние (физическая событийность) которого есть изменение скорости времени в единицу пространства. Все операции с числами (типы отношений чисел) основаны на едином фундаментальном отношении чисел — отношении темпорального взаимодействия.

4. Делимость на ноль

Необходимо мыслить числовой ряд не как некоторый состав счетности, но как временное исчисление числа, как бытие числа во времени, как чистое бытие числа, число само по себе, вне зависимости от внешней, навязываемой ему функции счетности как пригодности числа для человека. Для такого мышления необходимо:

А. Геометрическое представление, необходимое для формализации и утверждения системы счисления простых чисел — геометрическая интерпретация мнимой единицы.

К. П. Гурьев пишет: «Меня давно занимал вопрос: а что конкретно представляет собой мнимая единица i ? После долгих размышлений мне удалось нечто понять. Возьмем обыкновенный бублик. Существует ли его дырка? Несомненно. Однако вещественна ли она настолько же, насколько вещественно тело бублика, которое можно разжевать и проглотить? Сомнительно, хотя бублика без дырки не существует. То есть бублик представляет собой комплексное тело, подобное комплексному числу в математике: оно состоит из действительной, вещественной части (тела бублика) и некоторой менее вещественной, мнимой части (дырки). Далее для удобства и большей наглядности перенесем рассуждения на плоскость. Возьмите безопасную бритву и аккуратно вы-

режьте в бумажном листе квадратную дыру: у вас получится плоская модель дырки от бублика. Определим площадь этого листа бумаги. С одной стороны, она равна площади такого же листа бумаги без дырки, ибо лист с дыркой занимает столько же места, сколько и лист без дырки. С другой стороны, действительная площадь дырявого листа $S_{д.л.}$ меньше площади целого листа $S_{ц.л.}$ на площадь дырки $S_{д.}$:

$$S_{д.л.} = S_{ц.л.} - S_{д.} \text{ или } S_{д.л.} = S_{ц.л.} + (-S_{д.})$$

То есть площадь дырявого листа состоит из суммы площади целого листа и отрицательной площади дырки. Поэтому длину стороны L квадратной дырки можно определить так:

$$L = \sqrt{-S_{д.}} = i \sqrt{S_{д.}}$$

Но если принять площадь дырки равной единице, то тогда

$$L = i$$

Теперь вы можете не только написать на бумаге мнимую единицу i , но и пощупать ее руками. Это сторона квадратной дырки, площадь которой равна единице... Заметим, что вырезанный квадратик имеет стороны, равные по величине действительной единице. Последнее дает возможность строго сформулировать ранее интуитивно ощущавшееся различие между квадратом и квадратной дыркой»⁴².

Данное эвристическое представление полезно также и для раскрытия истинного положения дел в квадратично-круговой основе естествознания, а именно, если мы допускаем существование равновеликих квадрата и круга, то есть имеющих площади, которые действительно тождественны, не отличимы ни на любую возможную единицу, то в тригонометрию приходится внести следующую поправку, а именно признать существующими отношения $1/\cos 90^\circ$, $1/\sin 0^\circ$

В. *Сущность системы счисления простых чисел (р):* открытие делимости на ноль и ее формализация (всеобщая математическая интерпретация мнимой единицы).

Деление целого числа на ноль есть простое число p , деление целого числа на ноль как полное и непротиворечивое стационарное состояние есть множество простых чисел. Простое число, деленное на ноль, есть число мнимых единиц. Таков непосредственный смысл простого числа, раскрываемый физической математикой.

Последовательность простых чисел — истинный числовой ряд — есть система счисления. Система счисления простых чисел имеет своим основанием ноль (0^n). Это временная система счисления, она представляет ход времени как истинное движение числа. Истинный числовой ряд записывается в виде:

⁴² Гурьев А. П. О мнимой единице и дырке от бублика [Электронный ресурс] // Центр системных исследований «Интегро», Уфа. — Режим доступа: http://www.integro.ru/system/not_humor/ed_mnim.htm, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.

2, 3, 5, 7, 11, 13, 17, ... pp_n — конечное простое число

Истинная запись числового ряда есть система счисления по основанию ноль.

Каждое простое число есть запись числа, выражающегося отношением целого числа (собственным отношением) к нулю (делением целого числа на ноль). В данной системе конечное число чисел (сумма всех величин, обратных простым числам, равна четырем).

Таким образом, мысленно возвращаясь к началу этого текста, можем полушутливо заявить, что в ничто сначала возникает «дырка от бублика», которая есть нечто определенное (мнимая единица) по отношению к этому ничто, затем (одновременно) в силу этой, пусть и весьма ничтожной, на первый взгляд, определенности это возникновение влечет за собой возникновение «самого бублика», «жизнь» которого есть конечный ряд состояний «дырки от бублика». Математический смысл ноля раскрывается как делимость единицы на конечное число мнимых единиц, каждая из которых записывает себя в виде простого числа. Математический язык раскрывает себя как исчисление простых чисел в нулевой системе счисления.

Приложение к 4

Естество знания сверхценного сечения

Отношение $1/\cos 90^\circ$ ($1/\sin 0^\circ$) выражает истинное математическое СЕЧЕНИЕ, выражает ВРЕМЯ как истинное СЕЧЕНИЕ.

Это отношение фиксирует «телесность», геометрическое бытие мнимой единицы. В самом деле, истина философии о бытии единицы, видная теперь и для естественников в замечательном примере, приведенном Гуровым и позволяющем «мнимую единицу i пощупать руками», фиксирующем ее как «сторону квадратной дырки, площадь которой равна единице», может быть распространена и на знаменитую проблему квадратуры круга как на дело исследования квадратично-круговой основы «естественного знания». Дело в том, что в попытках решения этой проблемы всегда упускалось «интуитивно ощущавшееся различие между квадратом и квадратной дыркой». Это различие в качестве не опознанного, но МАТЕРИАЛЬНОГО является основой теории фракталов в части их представления как стремящихся к бесконечносторонности многоугольников, вписываемых в круг до совпадения с ним в пределе.

Однако БЕСКОНЕЧНОСТИ НЕТ. Мы в этой гипотезе не нуждаемся. Мы знаем истину. В самом деле, как начался СДВИГ математики с истинного пути — он начался с проблематизации «отношения математического числа к единице». Эта проблематизация началась с диагонали квадрата с отношением сторон 1:1. Тот факт, что корень из числа 2 является иррациональным числом, привел к тому, что математика

«потекла». Но это совершенно не значит, что она пришла к пониманию истинной непрерывности.

Истинное математическое сечение есть мнимая единица, есть сечение времени, есть конечное число моментов делимости единицы, самозаписывающихся простыми числами. *Истинное математическое сечение есть деление на ноль, в результате которого образуется истинная запись числового ряда, конечная последовательность простых чисел.* Теория фракталов вплотную подошла к действительности отношения $1/\cos 90^\circ$ ($1/\sin 0^\circ$), но в упор его не видит, упоенная виртуальной красотой фракталов. Теперь, когда мнимая единица получила наглядное истолкование, **МЫ МОЖЕМ ПРИСТУПИТЬ К ДЕЛИМОСТИ НА НОЛЬ, ПОБЕДИТЬ ВРЕМЯ.**

5. О РТЧ-пространстве

Гильбертово пространство, «обобщающее понятие евклидова пространства на бесконечномерный случай», первоначально понималось как пространство последовательностей со сходящимся рядом квадратов и лишь затем нашло все более широкие приложения в различных разделах математики и теоретической физики. Однако именно в этом первоначальном понимании и заложено принципиальное ограничение его использования. Я не отрицаю конструктивной роли гильбертова пространства, я высказываю не оспариваемое в логике Гильберта положение о том, что гильбертово пространство неистинно в качестве представления об истинном пространстве числового ряда. Гильбертово пространство вполне отражает логику и программу формализации Гильберта и несет в себе врожденный порок логического позитивизма. Гильберт вплотную подошел к РТЧ-пониманию квадрата как первой операции с числом, предшествующей всем арифметическим операциям, как операции, в которой число с самим собой оперирует, но вместо того, чтобы осуществить это понимание, исписал много позитивно-логических фолиантов, так и не сформулировав единственное суждение о логической сущности математики: «Квадрат цифры числа есть рефлексия числа, есть сущность числа как рефлексии».

Истинное представление о пространстве числового ряда — РТЧ-пространство (конечно-структурированное, заметьте, единственное пространство) — есть представление его в виде последовательностей: (1) простых чисел; (2) квадратов простых чисел; (3) величин, обратных простым числам; (4) величин типа pi (p — простое число; i — мнимая единица); (5) логарифмов простого числа и логарифмов по основанию простого числа; (6) степеней простого числа; (7) системных чисел, чисел, компонентом которых является немнимая единица.

РТЧ-пространство как истинное пространство числового ряда — это рефлексивное пространство, «мыслящий океан Соляриса».

Интернет-диалог «Прощание с Греческим»

С. Шилов. Принцип конечности числа простых чисел

Принцип конечности числа простых чисел завершает научную революцию начала прошлого века. Сто лет назад в феврале 1905 года была опубликована статья А. Эйнштейна, в которой был выдвинут принцип постоянства скорости света.

Спустя 100 лет математика находится в сходной ситуации (хотя, казалось бы, в том вопросе, который находится на периферии современного естествознания), когда, несмотря на «доказательство» Эйлером положения о том, что сумма величин, обратных всем простым числам бесконечно велика, сумма величин, обратных всем известным простым числам (около 50 млн) меньше 4. Принцип конечности числа простых чисел — это завершающая, вторая по отношению к принципу постоянства скорости света ступень того Великого преобразования, единой сущностью которого является преодоление евклидова мышления.

Дело в том, что начатое Эйнштейном преобразование завершается, раскрывая себя как истинное понимание числа. Число раскрывается как истинный физический объект, одновременно открывая в этом раскрытии свою доматематическую, субъективную природу. Число раскрывается как слово некоторого языка. Его (числа) цифровое выражение раскрывается как письмо, как письменное представление, знаковое выражение слов этого языка. Числовой ряд раскрывается как язык. Истинный, искомый закон числового ряда (истинная теория чисел) эксплицируется как закон языка. Деление раскрывает себя как суждение, суждение языка. Деление как суждение может быть истинным или ложным. Все нецелые числа есть результаты ложного деления. Моментами истинного деления, образующими единую непрерывность истинного деления (истинного сказывания), являются простые числа. Простые числа образуют ценностный строй языка математики. Простые числа есть искомые ценности.

Мышление исходит из основопонимания, именуемого Формулой Единицы: «Единица есть. Единица есть множество простых чисел. Число простых чисел конечно. Бесконечности нет».

Существование единицы в виде множества простых чисел является истиной физического существования как существования действительного числового ряда, ряда целых чисел.

Действительный числовой ряд как язык числа есть истинный физический мир. Язык числа создает физику мира.

Геометрия как единство многообразия фигур числа, риторических фигур языка числа есть разворачивание, разъяснение (-1) , отрицательной единицы.

Геометрия есть отрицание бытия единицы, в котором Единица показывает себя как существующее. Евклидовы аксиомы геометрии должны быть истинным образом определены, что они есть на деле. Данные аксиомы небеспредпосылочны, они суть продукт истинного деления. Сущностью истинного деления является деление на ноль. Деление на ноль, невозможное для современной математики, философии издревле известно как произведение истинного суждения, подражающее творению. Деление на ноль творит целый физический мир, частно отражаемый нами с помощью точки, линии, поверхности, тела.

1. Точка есть простое число. Такова истинная дефиниция точки. Простое число есть физическая сущность точки.
2. Линия есть мнимая единица i . Границы линии (мнимой единицы) — простые числа.
3. Поверхность есть целое число.
4. Тело есть квадрат целого числа.
5. Единое движение тела есть исчисление простых чисел.

Формулировка задачи трех тел: В пустоте находятся три материальные точки, взаимодействующие по закону всемирного тяготения Ньютона. Заданы их массы, положения, скорости. Требуется найти положения точек для всех последующих моментов времени.

До сих пор не удавалось найти общее решение данной задачи. В это решение «упирается» и возможность создания общей теории гравитации. Запись данной задачи в механике времени (в соответствии с принципом конечности числа простых чисел) образует принцип общего решения данной задачи. В соответствии с дефинициями механики времени — Тело есть квадрат целого положительного числа. Тогда задача о трех телах записывается как Великая теорема Ферма, которая гласит, что у уравнения $x^n + y^n = z^n$, где целое $n > 2$, решения в целых числах не существует. В свою очередь Великая теорема Ферма раскрывается как положение о связности трех квадратов. Простые числа, таким образом, раскрываются как точки гравитации, как гравитационные центры, как границы мнимых единиц.

В. Н. Левин. Анализ гипотез Шилова.

Гипотеза 1. «Число простых чисел конечно».

Гипотеза 2. «Сумма всех простых чисел равна квадрату числа всех простых чисел».

Допустим, число простых чисел конечно. Тогда сумма всех простых чисел равна «среднему» из них, умноженному на их количество. Выписывая ряд простых чисел и наблюдая поведение их «средней» величины, обнаруживаешь, что до 10-го простого числа «средняя» их величина меньше их количества, а после 10-го (число 23) — начинает, чем далее, тем более превосходить их количество: для первых 10 простых чисел их средняя величина равна 10,1; для первых 15 простых чисел их средняя величина равна 18,86; для первых 20 простых чисел их средняя величина уже равна 28,5 и т.д. Объяснение этому факту в том, что, чем далее, тем простые числа встречаются все реже и реже, так что каждое очередное простое число **УВЕЛИЧИВАЕТ** среднюю величину предшествующего ряда. Чтобы «средняя» величина ряда простых чисел была равна их количеству, необходимо, чтобы, начиная с простого числа «23», последующие простые числа располагались в числовом ряду **РАВНОМЕРНО**, то есть чтобы среднее расстояние между ними не увеличивалось. Но тогда количество простых чисел будет, по мере перечисления целых чисел, нарастать **БЕСКОНЕЧНО**, что противоречит Гипотезе 1. Если же Гипотеза 1 верна, то нарастание «средней» величины простого числа существенно обгоняет нарастание количества простых чисел, откуда следует, что сумма всех простых чисел как произведение их «средней» величины на их количество, в пределе, существенно больше, чем квадрат количества простых чисел, то есть Гипотеза 2 неверна.

Итак, я провел эмпирическое исследование: суммировал ряд простых чисел и делил промежуточные суммы на количество чисел, в них включенных. Например, первые 10 простых чисел: 1, 2, 3, 5, 7, 11, 13, 17, 19, 23 — в сумме дают 101, средняя величина равна 10,1, что примерно равно 10. Первые 20 простых чисел: 1, 2, 3, 5, 7, 11, 13, 17, 19, 23, 29, 31, 37, 41, 43, 47, 53, 59, 61, 67 — в сумме дают 569, средняя величина равна 28,45, что существенно больше, чем 20 и т.д. Отсюда эмпирический вывод: сумма всех простых чисел (если число их конечно), равная, очевидно, произведению их среднего арифметического на их количество, существенно превосходит квадрат количества простых чисел, чем опровергается Гипотеза 2.

III. О (ра)дуге простых чисел

Уважаемый Валентин Николаевич!

Указанным Вами способом математики давно пытаются найти эмпирическую формулу, хорошо описывающую рост количества простых чисел. От 1 до 100 имеется 25 простых чисел, то есть четверть всех чисел; до 1000 их 168, то есть около одной шестой; до 10 000 их 1229, то есть примерно одна восьмая. Продолжая вычисления до 100 000, 1 000 000 и т.д. и определяя каждый раз отношение количества простых к количеству натуральных чисел, получают, что данное отношение все

время увеличивается примерно на 2,3. Математики сразу узнают в числе 2,3 логарифм 10 (разумеется, по основанию e).

Вероятно, необходима ГИПОТЕЗА 3: **Ближе к «концу» общего числа простых чисел они начинают вести себя симметрично «началу», то есть встречаться все чаще.**

Это отвечает идее Формулы Единицы, идее конечности, и косвенно подтверждается существованием пар простых чисел (т.н. «близнецов», простых чисел, отличающихся на 2). Замедление «средней величины» простого числа относительно нарастания числа простых чисел не противоречит Гипотезе 1 и спасает Гипотезу 2. Согласитесь, Ваше эмпирическое исследование нельзя считать полным. Ныне известно около 50 млн простых чисел. Я предполагаю, что их всего около 300 млн (раскрывая физические константы как математические предметности). Кстати, из этих трех гипотез, вероятно, можно «схватить» окончательный закон простых чисел, найти то самое искомое самое большое простое число. Исследование «средней величины» простого числа относительно нарастания числа простых чисел прояснит картину релятивистских отношений.

МихаилМ (анонимный участник диалога). Сергей Шилов, спекуляции вещь увлекательная, но, насколько мне известно, с 70-х годов известны полиномы, генерирующие все простые числа, из чего тривиально следует бесконечность их числа. Первый такой полином был построен как побочный результат решения 10-й проблемы Гильберта Ю. Матиясевичем, собственно на его докладе в МГУ я об этом и услышал в первый раз.

ЕЕV (анонимный участник диалога). Сергей Шилов, Вы пишете в тексте «Герменевтика формулы Единицы», критикуя евклидово доказательство бесконечности простых чисел, следующее: «бесконечное множество перемноженных простых чисел, к которому была бы добавлена единица». Указанное Вами понятие не есть число, поэтому «простым числом» оно быть не может.

ВЛ. Сергей Шилов, Вы пишете: «Вероятно, необходима ГИПОТЕЗА 3: Ближе к “концу” числа простых чисел они начинают вести себя симметрично “началу”, то есть встречаться все чаще»

Гипотеза 3 — это очень смелая и любопытная гипотеза. Она действительно «спасает» ситуацию. Но подлежит ПРОВЕРКЕ, то есть критическому исследованию.

К Гипотезе 1. О конечности количества простых чисел. Фактически это гипотеза о конечности мира, о конечности числа чисел вообще.

К Гипотезе 3. О симметричности распределения простых чисел в ряду целых чисел. Первые простые числа идут подряд друг за другом: 1, 2, 3.

В парадигме конструктивистской математики можно утверждать:

Тезис 1. Для достаточно большого целого числа НЕВОЗМОЖНО проверить (доказать) свойство его делимости на любое другое число, кроме самого на себя, следовательно, мы должны считать его простым ПО ОПРЕДЕЛЕНИЮ. В этом смысле ВСЕ ДОСТАТОЧНО БОЛЬШИЕ ЧИСЛА — ПРОСТЫЕ, не делимы ни на одно число кроме самих себя. В частности, они, в этом смысле, так же идут подряд, как и ПЕРВЫЕ простые числа, — что соответствует Гипотезе 3 Шилова.

Далее, выдвигаю тезис Левина.

Тезис 2. Для любых двух достаточно больших целых чисел невозможно проверить (доказать) их отличие друг от друга, то есть мы должны по определению считать их РАВНЫМИ друг другу.

Отсюда следует: Тезис 3 (Расширенная гипотеза Шилова). Множество целых чисел открытое, но конечное. Последние из них недостижимы человеческим счетом, равны друг другу (неотличимы друг от друга) и являются простыми.

Михаил М, Вы пишете: «Спекуляция вещь увлекательная, но, насколько мне известно, с 70-х годов известны полиномы, генерирующие все простые числа, из чего тривиально следует бесконечность их числа»

В аксиоматике конструктивистской математики данное «тривиальное» следствие недопустимо (запрещено).

ЕЕВ, Вы критикуете тезис Шилова «бесконечное множество перемноженных простых чисел, к которому была бы добавлена единица» следующим образом: «Указанное Вами понятие не есть число, поэтому “простым числом” оно быть не может». Справедливое замечание. Но я бы переформулировал его так: «указанное произведение невозможно».

ММ. В. Н. Левин, Сергей Шиллов, господа, хотел бы сообщить, что в инете встречаются выпускники кафедры матлогики МГУ, заведующий которой А. А. Марков и основал конструктивное направление математики. Вам что, нормальный алгоритм (А. А. Марков настаивал на таком спеллинге) нарисовать для проверки делимости любой пары натуральных чисел? Бесконечность числа простых чисел легко доказывается и в обычной, и в конструктивной математике, причем без всяких Гильбертов и порождающих полиномов.

Конструктивное направление математики получается последовательным распространением на другие разделы идей и результатов конструктивной математической логики. Конструктивную математическую логику некоторые считают не самостоятельным направлением, а философской, «материалистической» интерпретацией интуиционистской математической логики. Основания для этого есть, но интуиционистских логик можно построить много, не каждая из них соответствует идеям конструктивизма. Основное отличие от классической логики — отказ

от аксиомы, разрешающей автоматически снимать двойное отрицание. То есть в конструктивной математике «ложно, что ложно» еще не означает «истинно», «не может не быть объекта» с какими-то свойствами еще не значит, что такой объект есть и с ним можно что-то делать дальше. Отсюда следует отказ от безусловной истинности закона исключенного третьего — «суждение либо ложно, либо истинно», «либо объект есть, либо его нет». В конструктивной математике для снятия двойного отрицания необходимо указать «способ» построения объекта, для истинности суждений вида «исключенного третьего» необходимо указать способ определения, какая именно из альтернатив верна «ложно» или «истинно». «Способ» — это алгоритм в одной из «полных» алгоритмических систем: машины Тьюринга, нормальные алгоритмы, рекурсивные функции (Черч), ассоциативные исчисления и т.д. Для этих алгоритмических систем доказана эквивалентность и фактически (для каждой) сформулированы аксиомы, что более мощных алгоритмических систем не существует. Вообще, при конструктивном подходе отказываются рассматривать объекты, не имеющие описания каким-то конечным текстом. «Бесконечные» по своей «классической» природе объекты вроде числа ПИ описываются алгоритмами их порождения (скажем, алгоритмом, выдающем по N приближение к ПИ с точностью N знаков). Вот тут и начинается самое интересное. Появляются невычислимые функции, неразрешимые алгоритмические проблемы, оные можно классифицировать по сложности разрешения, конструировать неразрешимые проблемы с заранее заданной сложностью разрешения. Сложность разрешения неразрешимой проблемы можно интерпретировать как количественную оценку Божьей помощи (в литературе использовался термин «оракул»), необходимой для разрешения ограниченного варианта проблемы. Скажем, есть алгоритм с одним числовым параметром, и мы пытаемся узнать, на каких числах он заикнется. Есть алгоритмы, для которых это сделать невозможно (таковые, например, легко строятся из интерпретаторов языков программирования). В целях решения задачи для всех входных чисел меньше N потребуются «Божья» подсказка одной длины, для чисел меньше M ($M > N$) — другой. Получаемая функция и называется сложностью разрешения неразрешимой проблемы. Можно также количественно исследовать универсальность Божьей помощи: предположим, Бог помогает нам подсказками для решения одной неразрешимой проблемы, помогут ли они (если да, то насколько) при решении другой неразрешимой проблемы. Ладно, это уже теория алгоритмов. По жизни мне приятно считать, что конструктивная логика отражает неоднозначность операции отрицания (помните в диалектике закон отрицания отрицания?). Конструктивная математика кроме распознавания неосуществимости (невычислимости) объектов интересна еще тем, что

разрешает оперировать лишь со счетным множеством объектов (поскольку счетно множество всех конечных текстов), но достаточна для полного описания областей математики, в которых количество объектов традиционно считается несчетным. Например, конструктивное действительное число задается парой алгоритмов и потому их количество счетно. Несчетности классических действительных чисел в конструктивной математике соответствует «неперечислимость» конструктивных действительных чисел — невозможность построения алгоритма, который по параметру N будет выдавать какое-то действительное число и когда-нибудь при каком-то N выдаст каждое действительное число. Это невозможно, даже если разрешить выдавать действительные числа с повторами. Помните классическое «диагональное» доказательство несчетности действительных чисел? «Предположим, что счетно и выпишем их десятичные представления одно под другим». Так вот, счетность — одно, а для «выписывания» требуется больше чем счетность, требуется перечислимость, должен быть алгоритм перечисления: кого на первое место поставить, кого на второе и т.д. Так что классическое доказательство несчетности не проходит из-за отсутствия алгоритма перечисления действительных чисел. Жить с конструктивной математикой, конечно, сложнее, чем с классической, но теорема Левенгейма-Скулема о том, что всякая непротиворечивая теория имеет счетную модель, позволяет надеяться на полноту конструктивного подхода.

В принципе, с конструктивным подходом можно выразить все что угодно, но вряд ли кто это делать будет. А если кто и «выразит», то вряд ли кто сие «выражение» читать будет, разве что ради любопытства. Если конструктивные вещественные числа задаются парой алгоритмов (генератор приближений + оценщик их сходимости), то можете представить себе, как описываются функции вещественных переменных. Если еще учесть, что распознавание равенства конструктивных вещественных чисел является неразрешимой алгоритмической проблемой... А так, конструктивисты не отказываются от анализа невычислимых (или еще не вычисленных) объектов, главное, чтобы у них имелось конечное описание. Если доказано, что «не может не быть» функции с какими-то свойствами, то это доказательство и есть ее описание». Несуществование в конструктивизме обычно получается при переходе от единичного «не может не быть» к их серии. Скажем, для любой программы и конкретного набора ее входных данных не может не быть ответа на вопрос, заикнется ли она. Вы скажете — заикнется, я скажу — нет, и один из нас ответит верно, снимет двойное отрицание для единичного случая. А вот алгоритма, который сможет давать верные ответы для любых входных данных (разрешит проблему распознавания заикливания для этой программы) может и не быть.

ВЛ. «Самое старое известное доказательство бесконечности простых чисел было дано Евклидом в “Началах” (книга IX, утверждение 20). Его доказательство может быть кратко воспроизведено так: «Представим, что количество простых чисел конечно. Перемножим их и прибавим единицу. Полученное число не делится ни на одно из конечного набора простых чисел, потому что остаток от деления на любое из них дает единицу. Значит, число должно делиться на некоторое простое число, не включенное в этот набор» (цитировано по статье С. Шилова «Герменевтика формулы Единицы»).

Евклид, я считаю, должен был из своего рассуждения сделать все не тот вывод, который он сделал (будто множество всех простых чисел — бесконечно). Свой вывод — я берусь откорректировать Евклида — я привожу ниже.

За основу беру только что указанный текст Евклида, добавляю и выделяю слова, корректирующие ход ЕГО мысли, и получаю следующее:

«**ПРЕДСТАВИМ**, что количество простых чисел конечно (**ПРЕДСТАВИМ** себе их **ВСЕ**). Перемножим (**ВСЕ**, **ПРЕДСТАВЛЕННЫЕ** конечным набором простые числа) и прибавим (к **ВООБРАЖАЕМОМУ** результату) единицу. Полученное число не делится ни на одно из (**ПРЕДСТАВЛЕННОГО**) конечного набора простых чисел, потому что остаток от деления на любое из них дает единицу. Значит, полученное число должно делиться на некоторое простое число, не включенное в этот (**ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ**) набор (например, хотя бы на самое себя, если ни на одно другое число оно не делится)».

Внимание! А теперь финальный вывод.

Следовательно, то простое число, на которое должно делиться полученное число, не входит в ранее **ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ** набор **ВСЕХ** простых чисел. Следовательно, **ПРЕДСТАВИТЬ** **ВСЕ** простые числа одним набором **НЕЛЬЗЯ**! И **ВСЕ**. Конец вывода.

В откорректированном рассуждении, в отличие от оригинала, я опровергаю не утверждение о конечности множества простых чисел, а мнение о возможности **ПРЕДСТАВИТЬ** такое множество конечным, о **КОРРЕКТНОСТИ** такого представления. Согласитесь, что разница в выводах действительно **ПРИНЦИПИАЛЬНА**!

Этим **ИЛЛЮСТРИРУЕТСЯ** **ВОЗМОЖНОСТЬ** **ПАРАДИГМЫ** **МЫШЛЕНИЯ** — той, к которой призывает Сергей Шилов, критикуя сложившуюся парадигму, в которой: «Доказательство ... на деле есть **ЛИШЬ** (добавлено мною. — *В. Л.*) спекулятивная связь представления, находящегося в “начале” “доказательства” как некоторой техники мышления, с представлением, находящимся в “конце” такого “доказательства”, — это показ (самопоказ) представления, в котором представление самоутверждается, демонстрирует себя как истинное. Дело дока-

зательства как дело поиска истины в таком самопоказе представления предано забвению».

Михаил М, Вы пишете: «Бесконечность числа простых чисел легко доказывается и в обычной, и в конструктивной математике». Если Вы учились у самого Маркова, **ДОКАЖИТЕ** бесконечность числа простых чисел в логике конструктивистской математики, то есть не пользуясь методом «от противного», в основе которого лежит «закон исключенного третьего»!!!

EEV. В. Н. Левин, Вы использовали лишнюю сущность, а именно понятие «набор», даже не потрудившись его определить. Поэтому вывод некорректен.

Сергей Шилов. Оракул числа,

или Риторическая теория числа как Божья помощь математикам

Когда Бог считает, он создает мир.

Лейбниц

Математики до сих пор не сделали необходимых выводов из провала гильбертовской программы формализации. Еще в первой половине прошлого века матлогик Фреге писал, что суть проблем Гильберта сводится к определению числа. Забавляет уверенность, с которой матлогики и поныне создают конструкции и дают определения, в то время как собственно основа их оперирования — логика — давно ушла у них из-под ног. «Перончик тронется, вагон останется». Провал гильбертовской программы произошел по той причине, что это была программа **ЛОГИЧЕСКАЯ**. Дело в том, что, ориентируясь на логику, математикам следовало бы поинтересоваться, что же происходит собственно в сфере логики. Вся история мышления Нового времени от Декарта является, по меньшей мере, фундаментальным преобразованием Аристотелевой логики. Суть и результат этого преобразования до сих пор не зафиксированы академически. Декарт в своем методе указал на основание, которое предшествует (параллельно) логике и не нуждается в логике. Гегель построил Науку Логики, одновременно бессознательно отфиксировав ее кантовские ограничения как критики чистого разума. Гегель предпочел признать прусскую монархию венцом истории, нежели сделать окончательный вывод о том, что **НАУКА ЛОГИКИ ЛОГИКОЙ УЖЕ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ (ЧТО НАУКА ЛОГИКИ НЕВОЗМОЖНА!)**, вывод, который неявно и был движущей силой спекулятивного гегелевского письма. Хайдеггер сделал интересное замечание о том, что на деле история мышления Нового времени есть «выдвижение в ничто».

То есть весь историко-мыслительный цикл Нового времени мышление переходило с основания логики на иное основание, при этом попадая в ситуацию, когда уход с основания логики завершился, а новое основание не было надежно отрефлектировано. Дело Аристотелевой (греческой) рациональности уже не могли (и не могут) спасти всякого рода «воображаемые логики» (термин русского логика Васильева), экспериментирующие с отказом от тех или иных логических законов. Новое время деконструирует сам принцип логики. В философии, завершающей западноевропейскую метафизику, философии Деррида, принцип логики — «логоцентризм» — отторгается самой телесностью (реальной «практикой» текстовой работы) мышления, отпадает как некоторая «корка с глаз».

Путь от Науки логики Гегеля до Науки риторики Шилова — это и есть путь нового основания. Основание (нелогическое, дологическое, сверхлогическое), обнаруженное Декартом в начале Истории мышления Нового времени, раскрывается в Науке Риторике Шилова как число, раскрывается с помощью риторической теории числа.

Риторическая теория числа есть теория алгоритма. Алгоритм (закон простых чисел) раскрывает числовой ряд как Язык, созидающий физическое бытие, всю полноту физического бытия из себя самого, из числа, из Единицы. Таково искомое определение алгоритма. Алгоритм не нуждается в гипотезе логики, он пред-, сверхлогичен. Алгоритм есть тот самый нечеловеческий, божественный счет, который создает мир. Указанные Михаилом М «невычислимые функции, неразрешимые алгоритмические проблемы», есть, собственно говоря, проблемы истинного определения алгоритма. В современной математике действуют спекулятивные, неполные и противоречивые (ложные, приблизительные) определения алгоритма, которые волюнтаристски полагаются окончательными, при этом вопиюще не отвечая природе идеи алгоритма, как она была рождена арабскими математиками, — идее установления всеобщей связи всеобщей предметности через число. Простое число и есть «количественная оценка Божьей помощи», раскрывающая собой «сложность разрешения неразрешимой проблемы». Алгоритм «зацикливается» на простых числах. Бог дает конечное число простых чисел как каталог «подсказок для решения единичных неразрешимых проблем», включающий в себя сам этот каталог.

Риторическая теория числа раскрывает идею бесконечности в качестве главного препятствия, скрывающего от человека истинную природу числа. Ничто так не противостоит самой сущности числа, как бесконечность. Риторическая теория числа приведет к господству на тысячелетия идеи конечности. Актуальности бесконечности будут схвачены, скованы и локализованы в типах и топологии конечности. Ярким

примером такой локализации является лента Мебиуса, возникшая, кстати, по ходу представления Мебиусом (в его исследованиях о поведении простых чисел) того, что все возможные относительно ленты Мебиуса прямые перечеркивают на некоторой оси все составные числа, оставляя лишь простые числа и единицу.

Риторическая теория числа раскрывает истинные отношения порождения чисел, отличные от отношений счета. Природа числа лишь весьма приблизительно, НЕОПРЕДЕЛЕННО фиксируется, с одной стороны, с помощью гипотезы счета (счетности), а с другой стороны, с помощью гипотезы бесконечности. Эта фиксация (фиксация неопределенности числа) в физике нашла свое выражение в виде принципа неопределенности Гейзенберга. Заметьте, что Счет и Бесконечность так же взаимоограничивают саму возможность действительного полного и непротиворечивого существования друг друга, как и измерения в принципе неопределенности Гейзенберга не могут быть окончательными.

Отношения чисел (отношения порождения чисел) суть РИТОРИЧЕСКИЕ отношения. Число есть «слово, творящее предмет». Созданию риторической теории чисел предшествовало разворачивание «на месте логики», на месте, освобожденном от логики, от логоцентризма, солиптической доктрины Шилова.

Таким образом, рассудок человечества раскрыл свою солиптическую природу, свой хроноцентризм. Вот что, собственно говоря, произошло в сфере той науки, которая именуется логикой и устаревшие, додекартовские сведения о которой используются в современной математике. Можно не признавать риторическую теорию числа, но совершенно непозволительно, говоря о логике, о логико-математической формации, НЕ ЗНАТЬ О КРУШЕНИИ ЛОГОЦЕНТРИЗМА. Я, конечно, понимаю, что и в птолемеевской геоцентрической модели можно, возможно, долго и приблизительно верно математически описывать ряд астрономических движений, но не замечать при этом, что вот уже который век функционирует коперниканская гелиоцентрическая модель, тоже не следует.

Гипотеза конечности есть также переход от счетности к исчислению: не человек (машина) считает, перебирает числа, а ЧИСЛО САМО СЕБЯ ВЫЧИСЛЯЕТ СООБРАЗНО ПРИРОДЕ ЧИСЛА, СООБРАЗНО ЗАКОНУ ПРОСТЫХ ЧИСЕЛ. Можно назвать это нечеловеческим, божественным счетом, который фиксирует солиптическая доктрина.

Философия числа предполагает переосмысление концепта систем счисления. Системы счисления я рассматриваю, как правила оцифровки числа, сущностью которых является формализм делимости, этого основного свойства математического конструирования. То есть в из-

вестном смысле я отказываю математическим системам счисления в качестве системности. Есть гипотеза бесконечности, есть математико-психологическое, «наивно-материалистическое» представление о счете, жестко связанное с этой гипотезой, но есть, однако, и противоречие, которое не снимается канторовской теорией множеств, — противоречие между гипотезой бесконечности и представлением о счете (счетности). Я отказываюсь от гипотезы бесконечности (не нуждаюсь в этой гипотезе) с тем, чтобы раскрыть сущность счета, счетности, риторическую природу числа и в ней уже обнаружить то действительное, чего пытаются достичь и никогда не достигает (парадокс Ахилла и черепахи и др.) гипотеза бесконечности, — обнаружить Б.-га.

То есть я предполагаю, что существует истинный числовой ряд (истинное счисление, система счисления) и существует также возможность конструирования искусственных числовых рядов двух видов (т.н. позиционных и непозиционных систем счисления). Истинный числовой ряд образует конечная последовательность простых чисел. Таков непосредственный смысл простого числа, раскрываемый физической математикой. Система счисления простых чисел имеет своим основанием ноль. Это временная система счисления, она представляет ход времени как истинное движение числа.

Истинная запись числового ряда есть система счисления по основанию «ноль».

В данной системе конечное число чисел: сумма всех величин, обратных простым числам, равна четырем. Здесь я предполагаю, что обнаруженное современной математикой явление того, что сумма всех величин, обратных простым числам, для известного числа простых чисел (около 50 млн) не превышает четырех, — что это явление следует считать началом физической математики, в которой принцип конечности числа простых чисел приводит к отказу от гипотезы бесконечности, к отказу от последних оснований евклидова мышления. Принцип конечности числа простых чисел вслед за принципом постоянства скорости света завершает научную революцию 20-х годов прошлого века.

ИСТИННОЕ МАТЕМАТИЧЕСКОЕ СЕЧЕНИЕ есть МНИМАЯ ЕДИНИЦА, есть СЕЧЕНИЕ ВРЕМЕНИ, есть КОНЕЧНОЕ ЧИСЛО МОМЕНТОВ ДЕЛИМОСТИ ЕДИНИЦЫ, САМОЗАПИСЫВАЮЩИХСЯ ПРОСТЫМИ ЧИСЛАМИ.

ИСТИННОЕ МАТЕМАТИЧЕСКОЕ СЕЧЕНИЕ ЕСТЬ ДЕЛЕНИЕ НА НОЛЬ, В РЕЗУЛЬТАТЕ КОТОРОГО ОБРАЗУЕТСЯ ИСТИННАЯ ЗАПИСЬ ЧИСЛОВОГО РЯДА, КОНЕЧНАЯ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ ПРОСТЫХ ЧИСЕЛ.

Десятичная система счисления уже вплотную подошла к пониманию ДЕЛЕНИЯ НА НОЛЬ. Язык десятичной системы счисления

сам («психоаналитически») сообщает, свидетельствует о делимости на ноль, имея в своей грамматологии «официальный» запрет делимости на ноль.

Осталось сделать ПЕРЕХОД от 10 к 1 / 0

Формирование искусственных числовых рядов, систем счисления, есть «игра делимости» («игра в бисер»). По сути, в системах счисления, мы имеем дело с проблематизацией сущности дроби. Дробь не есть число, дробь есть чистое отношение, но не число, оно есть отношение чисел. Вывод простых чисел осуществляется по правилам вывода риторики («физической логики»), одно простое число соотносится с другим по данным правилам вывода. Физическая, или вещественная, логика — это и есть онтология. Закон тождества раскрывается в вещественной логике. Вещь в себе, или как A равно A , самому себе, — это вопрос о числе. Число есть то, что делает $A = A$, есть одновременно то, как A равно A , число есть время A , число есть пространство времени A как сущность A . Между двумя простыми числами — риторическое отношение, а не «монотонное» отношение произношения-счета. Числовой ряд — не счет, но (непрерывное) суждение (деление-делимость истины).

Что тогда есть десятичные дроби (вся совокупность отношений мира, все «вот-бытие»)?

Десятичные дроби есть непосредственный показ вывода искусственного числового ряда. Непериодическая дробь есть запись отношений между числами последовательности некоторого искусственного числового ряда. Цифра числа дроби в наборе цифр «после занятой» есть число-цифра, на которое отличается последующий член искусственного числового ряда от предыдущего. Искусственный числовой ряд (цифровой ряд) есть отношение, записывающее себя дробью. Непериодическая дробь, на деле, имеет период. Повторение периодов десятичной дроби есть знак завершения отношения делимости и поворот к употреблению этого отношения необходимое число раз, есть, собственному говоря, сущность техники.

Я думаю, что возможна исследовательская программа «Физика периода». Целью программы является исследование отношения $1/p$, где p — простое число. Математики давно предполагают, что константное отношение длины окружности к ее радиусу есть следствие некоторого более глубокого арифметического отношения. В нашем исследовании мы исходим из гипотезы, что речь идет о том отношении, в котором запись числа формируется исходя из природы самого числа, из природы числового ряда. Мы исходим из того, что число само себя записывает (само себя считает, само себя вычисляет и не нуждается в «гипотезе бесконечности» — в бесконечном счете-счетности). И суть математической истины заключается в установлении соответствия «нашей» за-

писи числа некоторой истинной записи числа. Истинная запись числа выражает его «физическое место» в континууме числового ряда. Число записывает, ограничивает свое собственное место, будучи конечным местом числового ряда.

Отношение $1/p_n$, где p_n — простое число в последовательности n простых чисел, имеет фундаментальное значение для экспликации истинной записи числа. В данном отношении запись числа проявляет себя в виде того обстоятельства, что результатом этого отношения является конкретная и весьма специфическая периодическая дробь. В ряде случаев период этой дроби содержит в себе количество цифр n , отличающееся от p на единицу $p = n - 1$. Так, период $1/7$ содержит 6 цифр, период $1/17$ содержит 16 цифр; период $1/23$ содержит 22 цифры; период $1/29$ содержит 28 цифр. В ряде периодов других отношений $1/p$ количество цифр в наборе цифр периода также демонстрирует некоторое функциональное отношение. Возможно, что речь идет о некоторой прогрессии, величина шага которой есть переменная величина, изменяющаяся от одного отношения к другому.

Период дроби, являющейся результатом отношения $1/p_n$, может быть поставлен в некоторое отношение к самому p_n — отношение физической математики. **КАЖДОМУ p_n СООТВЕТСТВУЕТ КОНКРЕТНЫЙ ПЕРИОД $1/p_n$.**

Интересным представляется также параллельное исследование функции логарифма по основанию немнимой единицы (по основанию — корень квадратный из 2, первое иррациональное число в математике, обнаруженное в качестве длины диагонали единичного квадрата) для 10 в степени x . При изменении степени 10 на порядок (на единицу, 10, 100, 1000, 10 000...) — этот логарифм приближенно указывает на местность простых чисел в каждый десяток счета и при переходе от одного десятка к другому (10, 20, 30, 40 и т.д.). Гипотеза состоит также в том, что функция немнимой единицы коррелирует с распределением простых чисел. Строение числового ряда из немнимых единиц и есть, собственно, говоря, материальное существование простых чисел.

Возможно, период дроби отношения $1/p_n$ есть запись простого числа в системе счисления по основанию немнимой единицы (корень квадратный их двух) либо некоторый набор чисел со связанным с ней коэффициентом? Так называемые числа Мерсенна ($2^n - 1$), по которым вычисляют сегодня простые числа, «бродят» возле понятия немнимой единицы, которым мы располагаем как конструктивным понятием физической математики.

Периоды десятичных дробей, выражающих величины, обратные простым числам, безусловно, надо исследовать, потому что они — **КОНКРЕТНЫЕ ПЕРИОДЫ (!)**. Это следы записи простого числа.

Это физика записи простого числа. Можно ведь изучить эти периоды для известного числа простых чисел (около 50 миллионов).

...Дроби есть отношения между числами (целыми числами), но не сами числа. Дробь показывает в цифре, насколько она не есть число. Дробь не есть число, дробь есть запись отношения чисел, инобытие числа. Так называемые трансцендентные и иррациональные числа есть нераспознанные отношения чисел, отношения, характеризующие делимость числа на ноль. Делимость числа на ноль — априорная сущность физики. Число есть бытие слова. Бытие слова есть время. Время есть число слова как путь от времени к бытию.

Речь идет о тексте книги природы, сотканном из дробей, отношений. Дробь есть истинностный корень суждения. Дроби повествуют об истинном числовом ряде, образуют нарративность книги природы.

Книга природы, сменившая (вытеснившая) книгу Б.-га в Новое время, в своей окончательной редакции (когда она будет, наконец, написана) окажется новым изданием Книги Б.-га.

Примечание

При всем уважении к работам Матиясевича, насколько мне известно, его полиномы не стали решениями «неразрешенных проблем» теории простых чисел. По-прежнему идут поиски новых простых чисел, даже установлены премии за каждое новое найденное простое число. По-прежнему считается недоказанной гипотеза Римана о неслучайности распределения простых чисел. Главная работа Матиясевича посвящена решению десятой проблемы Гильберта, об ограниченности же самой концепции формализации Гильберта (позиция Фреге и др.) я писал выше.

Концепт-гипотезы Левина мне представляются выдающимися и идущими значительно дальше основоположений конструктивистской математики в ее нынешнем виде, скованном математической логикой. Левин освобождает математический конструктивизм от пут математической логики, у него число само начинает конструировать мир из себя. Точнее, число это всегда и делало, а мы получаем возможность увидеть сие только в конце Истории Нового времени. В начале Истории Нового бытия...

ММ. Господа, вычислимости-невычислимости, сложности и т.д. отражают устройство реального мира. В программировании конструктивистская математика имеет практически прикладное значение, хотя бы как стоппер для химерических проектов. Важны также ее мировоззренческие результаты. Приятно сознавать, какие мы умные — в части вычислений любая сверхцивилизация относительно нас может иметь только количественные преимущества. С другой стороны, у нас тоже

только количественные преимущества по сравнению с менее развитыми существами, начиная с некоторого достаточно низкого порога. В алгоритмических системах таким порогом является возможность написания в этой системе универсального алгоритма, то есть интерпретатора алгоритмов этой системы, возможность создания алгоритма, «понимающего» все другие алгоритмы (в том числе и себя). Для людей потенциальная неограниченность интеллектуальных достижений также, видимо, появляется с возможностью понимать себя и других. Например, осознавать, когда ты переключаешься с математики на риторику. Дальше ограничения только по быстрдействию, памяти, закачиванию в голову нужных данных и алгоритмов.

В. Н. Левин, Вы пишете: «Следовательно, ПРЕДСТАВИТЬ ВСЕ простые числа одним набором НЕЛЬЗЯ!» В нормальных терминах утверждение звучит так: не существует алгоритма перечисления простых чисел, то есть $A(n)$ выдает n -е простое число, если оно есть. Утверждение опровергается предъявлением такого алгоритма. Можете сами его написать. Вообще, какие могут быть разговоры о двойном отрицании и неконструктивности, когда есть алгоритм порождения объектов, куда уж конструктивнее. А на гипотезу о конечности простых чисел Евклид вообще одинарное отрицание вешает.

ВЛ. ЕЕV, Вы пишете мне: «Вы использовали лишнюю сущность, а именно понятие “набор”, даже не потрудившись ее определить. Поэтому вывод некорректен». ЕЕV, Вы не разглядели в термине «набор» первичного понятия МНОЖЕСТВА.

МихаилМ, так где же Ваше «легкое» конструктивистское доказательство БЕСКОНЕЧНОСТИ множества простых чисел? Или ссылка на обучение под началом Маркова кажется Вам достаточной? Вы пишете: «А на гипотезу о конечности простых чисел Евклид вообще одинарное отрицание вешает». Неужели одинарное? Он пытается идти методом «от противного». Мол, представим, что истинно «А» (множество простых чисел конечно). Далее пытается НЕЯВНО ввести определение понятиям КОНЕЧНОСТИ-БЕСКОНЕЧНОСТИ, неявно противопоставляя их друг другу и предполагая, что «третьего не дано».

Вы сами писали: «Основное отличие от классической логики — отказ от аксиомы, разрешающей автоматически снимать двойное отрицание. То есть в конструктивной математике “ложно, что ложно” еще не означает “истинно”, “не может не быть объекта” с какими-то свойствами еще не значит, что такой объект есть и с ним можно что-то делать дальше. Отсюда следует отказ от безусловной истинности закона исключенного третьего — “суждение либо ложно, либо истинно”, “либо объект есть, либо его нет”. В конструктивной математике для снятия двойного отрицания необходимо указать “способ” построения объек-

та, для истинности суждений вида “исключенного третьего” необходимо указать способ определения, какая именно из альтернатив верна “ложно” или “истинно». Вы можете возразить, мол, Евклид указывает способ построения объекта. Но разве как раз того объекта, который прямо указывает, какая из «альтернатив» верна, то есть объекта «БЕСКОНЕЧНОЕ множество простых чисел»? Отнюдь нет. Он способа построения ЭТОГО объекта (БЕСКОНЕЧНОГО множества) не приводит. Он лишь обнаруживает отрицание предположения о возможности представить КОНЕЧНОЕ множество простых чисел. Это отрицание в парадигме конструктивистской математики означает отсутствие способа получения такого объекта, как КОНЕЧНОЕ множество всех простых чисел.

- ИТОГО:
1. Нет способа получения объекта «КОНЕЧНОЕ множество всех простых чисел».
 2. Нет способа получения объекта «БЕСКОНЕЧНОЕ множество всех простых чисел».

Так где же Ваше легкое конструктивистское доказательство?..

Конструктивистская Машина Тьюринга-Поста в качестве исходных аксиом имеет неконструктивистскую аксиому о бесконечном быстродействии процессора, бесконечной длине ленты, на которой записываются исходные, промежуточные данные и результаты расчетов, бесконечном размере памяти для записи (хранения) алгоритма. Если заменить эту аксиому тезисом о конечности характеристик машины Тьюринга-Поста, то мы получим БОЛЕЕ конструктивистскую теорию, для которой становятся актуальными тезисы:

К Гипотезе 1. О конечности количества простых чисел.

Фактически это гипотеза о конечности мира, о конечности числа чисел вообще.

К Гипотезе 3. О симметричности распределения простых чисел в ряду целых чисел. Первые простые числа идут подряд друг за другом: 1, 2, 3. (1 ПРИНЯТО к простым числам не относить. При этом неотнесение 1 к «простым» числам является условным; основной части определения простого числа (неделимости на все числа кроме себя и единицы) единица удовлетворяет.)

В парадигме конструктивистской математики можно утверждать:

Тезис 1. Для достаточно большого целого числа НЕВОЗМОЖНО проверить (доказать) свойство его делимости на любое другое число кроме самого на себя, следовательно, мы должны считать его простым ПО ОПРЕДЕЛЕНИЮ. В этом смысле ВСЕ ДОСТАТОЧНО БОЛЬШИЕ ЧИСЛА — ПРОСТЫЕ, не делимые ни на одно число кроме самих себя. В частности, они в этом смысле также идут подряд, как и ПЕРВЫЕ простые числа, — что соответствует Гипотезе 3 Шилова.

Тезис 2. Для любых двух достаточно больших целых чисел невозможно проверить (доказать) их отличие друг от друга, то есть мы должны по определению считать их РАВНЫМИ друг другу.

Отсюда следует:

Тезис 3 (Расширенная гипотеза Шилова). Множество целых чисел конечно, но открытое. Последние из них недостижимы человеческим счетом, равны друг другу (неотличимы друг от друга) и являются простыми.

Более того, истинны утверждения, что для достаточно больших чисел ОТСУТСТВУЮТ способы:

- 1) их записи (хранения) в памяти машины Тьюринга,
- 2) их сравнения друг с другом на предмет установления их равенства-неравенства,
- 3) их перемножения друг с другом,
- 4) прибавления к ним единицы.

ЕЕВ. В. Н. Левин, Вы пишете мне, что я не разглядел в термине «набор» первичного понятия МНОЖЕСТВА. Математики при изучении доказательства вообще не должны ничего разглядывать. Если Вы хотите сказать «множество», то и говорите «множество», не заставляя никого ничего «разглядывать». Ну так что — где ответ на мое возражение? Заменяете слово «набор» словом «множество»? Или нет?

СШ. Валентин Николаевич, у меня, с учетом Ваших блестящих конструктивистских интерпретаций принципа конечности простых чисел, которые (интерпретации) сами по себе аксиоматически закладывают тип математики, есть такой полезный вопрос: какова может быть конструктивистская интерпретация (формализация) принципа делимости на ноль как некоторой альтернативы счета (точнее, счет является субъективной альтернативой делимости на ноль)? Как конструктивистски записать переход (формулу перехода как интерпретацию формулы Единицы «единица есть множество простых чисел») от 10 к $1/0$, вывернуть, так сказать, десятичную систему наизнанку хранящейся в ее «подсознании» истины, о которой она постоянно свидетельствует в десятичных дробях и т.д., но не может использовать собственное свидетельство?

Следующее. Конечно-конструктивистская машина универсального алгоритма (вспомним дискуссию о троичном коде «ноль — единица — простое число») может быть основой трансформации того, что Хайдеггер называл «сущностью техники», и того, что он называл одним словом — ПОВОРОТ.

ММ. В. Н. Левин, я искренне пытаюсь понять Вашу точку зрения и Ваши базовые предпосылки. Присоединяюсь к недоумению ЕЕВ относительно удовлетворяющих Вас конструктивных способов опи-

сания, задания, «получения» множеств. И множества у Вас уже стали непредставимы в виде множеств... Если для Вас недостаточно иметь алгоритм перечисления всех элементов множества, то какие же представления множеств Вам нужны? Как говорят в американских банках, какими «биллами» (купюрами) Вы желаете иметь Ваши деньги? Как Вы вообще рассуждаете о каком-то множестве, если для оно для Вас непредставимо? Я, например, так не могу. Мне, чтобы начать исследование конечности, бесконечности, других свойств множества, сначала надо иметь его описание, желательно конструктивное, каким-то алгоритмом, хотя не для всех множеств это возможно. Может быть, Вам мешает вот это Ваше утверждение: «Конструктивистская Машина Тьюринга-Поста в качестве исходных аксиом имеет неконструктивистскую аксиому о бесконечном быстродействии процессора, бесконечной длине ленты, на которой записываются исходные, промежуточные данные и результаты расчетов, бесконечном размере памяти для записи (хранения) алгоритма». Должен поправить, скорость работы для машин Тьюринга не оговаривается, она может быть и сколь угодно малой. У машин Тьюринга лента является единственным видом памяти, нет особой памяти для хранения алгоритмов. Алгоритм каждой машины Тьюринга намертво «зашит» в ее устройстве и, разумеется, конечен. От ленты требуется не актуальная бесконечность, а возможность наращивать ленту по мере необходимости (потенциальная бесконечность). То есть концепция Тьюринга вполне конструктивна с житейской точки зрения: конечное устройство работает с конечным устройством памяти (лентой), если памяти не хватает, то приостанавливаемся, наращиваем память, продолжаем вычисления и т.д. либо до завершения вычислений, либо вечно. Вы также пишете: «Более того, истинны утверждения, что для достаточно больших чисел ОТСУТСТВУЮТ способы: 1) их записи (хранения) в памяти машины Тьюринга, 2) их сравнения друг с другом на предмет установления их равенства-неравенства, 3) их перемножения друг с другом; 4) прибавления к ним единицы». Поосторожнее, целые числа определяются индуктивно прибавлением единицы к предыдущему числу. Так у Вас и множество целых чисел окажется конечным, какие уж доказательства при таких предпосылках.

Андрей Св. Уважаемые господа, разрешите задать вопрос. Для чего человечеству понадобилась машина Тьюринга в традиционном ее понимании (а другого, по-моему, и быть не может, тогда это не машина Тьюринга) — очень даже понятно, и о том, что с ее помощью сделано, написано море книг. В том числе, как мне представляется, и конструктивная математика (точнее математическая логика) это есть ее порождение. Так вот, мой вопрос: зачем понадобилась «конечная» машина Тьюринга, что это такое, и как она работает?

ВЛ. ЕЕV, Вы пишете мне: «Вашу исходную фразу “ПРЕДСТАВИТЬ ВСЕ простые числа одним набором НЕЛЬЗЯ!” меняем на: “Представить все простые числа одним множеством нельзя, или, другими словами: множество простых чисел не составляет одно множество”».

Протестую. Ваша связка «другими словами» в корне меняет смысл исходной фразы. Допущения «представим», «допустим» лежат в плоскости Субъекта, являются характеристиками ЕГО состояния. В цитате, которую Вы привели, я утверждал то, что Евклид сделал вывод, выводящий его за пределы его собственных предположений, — я упрекал его за неявное использование ОНТОЛОГИЧЕСКИХ гипотез. Вы Вашей подменой совершаете ту же самую некорректность — делаете прыжок из плоскости свойств СУБЪЕКТА в плоскость свойств ОБЪЕКТА, которому в прыжке ПРИПИСЫВАЕТЕ «естественные» свойства, придуманные Вашей подкоркой. Вы также подразумеваете, что «ЛЮБУЮ совокупность объектов можно объявить множеством ввиду определения понятия МНОЖЕСТВО». Вот это уже ДУДКИ! Кризис в основаниях математики в начале 20-го века случился, в частности, из-за того, что корректного определения понятию множества найти не смогли. Пример — известный парадокс Рассела: «Возьмем множество W — всех таких множеств, которые не являются элементами самих себя. Оно непусто. Например, множество цыплят — не цыпленок. Спрашивается, множество W является элементом самого себя или нет? Если НЕТ, то его надо включить в W . Если ДА (включили) — значит, по определению W — его надо из W исключить! ПАРАДОКС!»

ММ. Андрей Св, уточните вопрос. Вы спрашиваете вообще о машинах Тьюринга, или создалось впечатление, что есть особые, «конечные» в противовес «бесконечным»? На самом деле таких разновидностей нет. По определению, классическая машина Тьюринга — это конечный автомат, управляющий головкой, под которой находится лента, разбитая на ячейки. В каждом такте работы автомат может перейти в другое состояние, а головка может записать или стереть символ некоторого алфавита в находящейся под ней ячейке, либо может сдвинуть ленту на одну ячейку вправо или влево. Считать ленту изначально бесконечной либо надстраиваемой по мере необходимости — дело вкуса, на вычисления не влияет. Ничего не изменится также, если считать, что лента конечна, но машина может делать новые ячейки делением крайних ячеек пополам. Зачем придумали такие машины? Так интересно же, что можно вычислять столь простыми агрегатами, как выяснилось — все, что может вычислить любое другое устройство. Доказать это, конечно, нельзя, но поскольку более «мощных» вычислителей придумать не получается, можно принять за аксиому, что и гласит «тезис Тьюринга».

ВЛ. Андрей Св, Вы спрашиваете: «Для чего человечеству понадобилась машина Тьюринга в традиционном ее понимании ... — очень даже понятно, ...Так вот мой вопрос: зачем понадобилась “конечная” машина Тьюринга, что это такое, и как она работает».

Уважаемый Андрей! Каждый ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ программист знает, что «конечная машина Тьюринга», то есть «умозрительный» компьютер, определит свойства «вычислимости-невывислимости» функций иначе, чем традиционная машина Тьюринга. К чему может привести теоретизирование, отталкивающееся от «конечной машины» (согласен, это уже не машина Тьюринга), — НЕ ЗНАЮ. Тема явно поисковая. Может, кто-нибудь что-то фундаментальное здесь откроет. Как знать заранее?

В добавление, если возникнет вопрос, чем «вычислимость» «конечной машины» отличается от «вычислимости» машиной Тьюринга: для «конечной машины» мало предъявить алгоритм, чтобы считать соответствующую функцию «вычислимой».

Необходимо, чтобы предъявленный алгоритм приводил к объявленному результату в заранее указанных ограничениях по времени и по использованному объему памяти.

Например, если Вы программируете систему противоракетной обороны, то Вы должны уметь в ОГРАНИЧЕННОЙ памяти за считанные секунды размещать и обрабатывать колоссальные объемы информации. Далеко не каждая «вычисляемая» по Тьюрингу функция окажется при этом вычислимой за требуемое время.

Сергей Шилов, Вы задали сложный вопрос о делимости на ноль. Сходу трудно ответить. Математическая операция деления взялась из практики: делить на заданное количество ЧАСТЕЙ. В знаменатель ставится количество частей.

Если частей одна или более — все интерпретируется обычной практикой. Но если частей НОЛЬ? Что значит: «разделить так, чтобы частей не было»?

Можно интерпретировать так: деление на ноль — это такая операция, при которой объект превращается в «неимеющий частей», то есть в НЕДЕЛИМЫЙ, в какое-то подобие простого числа. Вообще, надо подумать, как можно интерпретировать выражение « $1/0$ ».

АС. Не нужно быть профессиональным программистом, чтобы понять, как устроена и работает традиционная машина Тьюринга. Вот я и спрашиваю, как устроена и как работает машина Тьюринга с конечными характеристиками? А если она устроена и работает точно так же, то для чего она нужна в таком случае?

СШ. В. Н. Левин, Вы пишете: «Что значит: “разделить так, чтобы частей не было”? Можно интерпретировать так: деление на ноль — это

такая операция, при которой объект превращается в “не имеющий частей”, то есть в НЕДЕЛИМЫЙ, в какое-то подобие простого числа».

ЗАМЕЧАТЕЛЬНО! Я, с другой стороны, пришел к выводу принципа делимости на ноль. Деление целого числа на ноль есть простое число p , деление целого числа на ноль, как полное и непротиворечивое стационарное состояние, есть множество простых чисел. Простое число, деленное на ноль, есть число мнимых единиц. Таков непосредственный смысл простого числа, раскрываемый физической математикой. Последовательность простых чисел — истинный числовой ряд — есть система счисления. Система счисления простых чисел имеет своим основанием ноль. Это временная система счисления, она представляет ход времени как истинное движение числа. Истинная запись числового ряда есть система счисления по основанию «ноль». Каждое простое число есть запись числа, выражающегося отношением целого числа (собственным отношением) к нулю (делением целого числа на ноль). В данной системе конечное число чисел: сумма всех величин, обратных простым числам, равна четырем. Здесь я предполагаю, что обнаруженное современной математикой явление того, что сумма всех величин, обратных простым числам, для известного числа простых чисел (около 50 млн.) не превышает четырех, — что это явление следует считать началом физической математики, в которой принцип конечности числа простых чисел приводит к отказу от гипотезы бесконечности, к отказу от последних оснований евклидова мышления. Принцип конечности числа простых чисел вслед за принципом постоянства скорости света завершает научную революцию 20-х годов прошлого века.

Андрей Св, Вы пишете: «Не нужно быть профессиональным программистом, чтобы понять, как устроена и работает традиционная машина Тьюринга. Вот я и спрашиваю, как устроена и как работает машина Тьюринга с конечными характеристиками? А если она устроена и работает точно так же, то для чего она нужна в таком случае?»

Наша с Левиным **КОНЕЧНАЯ МАШИНА** («более мощная», чем машина Тьюринга) — это **МАШИНА, ЛЕНТОЙ КОТОРОЙ ЯВЛЯЕТСЯ ЛЕНТА МЕБИУСА**. Такая машина будет способна выполнять троичный код «ноль — единица — простое число», переход от **ЛОГИКИ** («ноль — единица») к **РИТОРИКЕ** («ноль — единица — простое число»), переход от «да — нет» к «да — нет — суждение». Это и так называемая машина искусственного интеллекта, и принцип машины времени (суть которой не путешествия во времени, а моделирование-производство времени).

ВЛ. Сергей Шилов, продолжая думать над Вашим вопросом о смысле деления на **НОЛЬ**, я обращаю внимание на неоднозначную природу понятий «умножение» и «деление» в математике.

Укажу ТРОЙНУЮ природу УМНОЖЕНИЯ. Его двойная природа видна сразу.

С одной стороны, умножение происходит из практического СЛОЖЕНИЯ — как операция над МНОЖЕСТВАМИ, имеющими одинаковое число элементов. При этом сомножители принципиально НЕОДНОРОДНЫ: один из них указывает число элементов в каждом из рассматриваемых множеств, другой — число множеств. С этой стороны, умножение предполагает ОБЪЕДИНЕНИЕ множества множеств в ОДНО множество, число элементов которого и объявляется ПРОИЗВЕДЕНИЕМ.

С другой стороны, умножение предполагает простое, РАЗДЕЛЕННОЕ существование совокупности элементов, численность которой определяется умножением, то есть оно предполагает ДЕЛЕНИЕ как свершившийся факт, притом неважно, было ли в реальности РАЗДЕЛЕНО некоторое изначально ЦЕЛОЕ множество, либо множества, изначально обособленные, впервые сводятся в ЕДИНОЕ. С этой стороны умножение есть операция, обратная ДЕЛЕНИЮ, происходит от ДЕЛЕНИЯ. Грубо говоря, первыми «практическими» математическими операциями были: СЛОЖИТЬ — ОТНЯТЬ — ПОДЕЛИТЬ.

И в этой «первобытной» математике деление на НОЛЬ было нормальной операцией — как операция рассмотрения объекта принципиально ЦЕЛЫМ, неделимым на части (имеющим НОЛЬ частей), то есть не отдаваемым НИКОМУ, оставляемым в ОБЩЕЙ СОБСТВЕННОСТИ. От ДЕЛЕНИЯ возникает и идея ДРОБНОГО (нецелого) числа.

Умножение исторически возникло гораздо ПОЗЖЕ. За ним стоит, например, практика пересчета ВОЙСКА, разбитого на десятки, сотни, тысячи, десятки тысяч. Третья природа умножения, как и вторая, предполагает ДЕЛЕНИЕ свершившимся фактом и связана с практикой брать из поделённого множества избранную часть. Например, мы разделили НЕЧТО на троих, и Я беру себе ТРЕТЬЮ часть. Здесь идея дробного числа совмещается с идеей СОМНОЖИТЕЛЯ. Возникает умножение на дробное число.

Войдя в математическую практику, УМНОЖЕНИЕ, благодаря, видимо, первой природе (от СЛОЖЕНИЯ), стало определяться математиками до деления. Мол, деление — операция, обратная к умножению. Отсюда сложилась ДВОЙНАЯ природа ДЕЛЕНИЯ.

Первая природа указана в посте, который Вы процитировали: практика деления объекта на заданное количество ЧАСТЕЙ. Здесь деление на НОЛЬ естественно: оно есть рассмотрение объекта как «не имеющего частей», как НЕДЕЛИМОГО, как подобия простого числа. Употребление в какой-либо логической нотации выражения $P = N/0$, где N — произвольное число, можно интерпретировать как определе-

ние (провозглашение) для последующих рассуждений о том, что P — (некоторое) простое число. Существенным моментом «практического деления» является то, что делитель всегда является ЦЕЛЫМ числом.

Вторая природа математической операции «деление» коренится в сугубо ВЫЧИСЛИТЕЛЬНОЙ и унификационно-теоретической практике МАТЕМАТИКОВ.

Обнаружив, что деление в первом смысле («практическое») дает тот же результат, что и операция, обратная УМНОЖЕНИЮ, математики приняли решение: заменить понятие «практического деления» понятием «теоретического деления» как операции нахождения сомножителя по произведению и второму сомножителю. Благодаря этой подмене математики экстраполировали понятие ДЕЛЕНИЯ на сугубо теоретическую операцию деления на ДРОБНОЕ число как на операцию нахождения сомножителя, умножение которого на данное дробное дает заранее заданное число-произведение. Из этой экстраполяции возникает вопиющее расхождение разных интерпретаций случая деления на НОЛЬ. Первая интерпретация указана выше.

Вторая такова: деление на НОЛЬ есть поиск такого числа (сомножителя), умножение которого на НОЛЬ даст ДЕЛИМОЕ. И тут математики попали в ситуацию ПАРАДОКСА: ведь умножение любого числа на НОЛЬ в свете третьей природы умножения означает взятие НИКАКОЙ части, то есть даст результатом НОЛЬ, а вовсе не заданное ДЕЛИМОЕ. Столкнувшись с этим парадоксом, математики вместо выявления и учета МНОЖЕСТВЕННОЙ природы умножения вводят ЗАПРЕТ деления на НОЛЬ.

Интересен еще один момент. Наблюдая, что при стремлении дробного числа, используемого в качестве ДЕЛИТЕЛЯ, к 0 частное неограниченно увеличивается, математики ввели в употребление понятие актуальной бесконечности как того числа, к которому как к пределу стремится частное при стремлении делителя к 0. Отсюда возникла идеализация: $N/0 = \text{БЕСКОНЕЧНОСТЬ}$.

Итак, эклектическое сведение разных природ ДЕЛЕНИЯ и УМНОЖЕНИЯ в одну и ту же теоретическую конструкцию привело к трем интерпретациям деления на НОЛЬ:

1. $N/0 = P$ (простое число)
2. $N/0 = \text{НИКАКОЕ ЧИСЛО}$ (другая трактовка: операция с неопределенным результатом, ЗАПРЕЩЕННАЯ операция).
3. $N/0 = \text{БЕСКОНЕЧНОСТЬ}$.

В свете ранее предложенных нами гипотез о конечности числа простых чисел указанная множественность трактовок ПРЕОДОЛЕВАЕТСЯ: «БЕСКОНЕЧНОСТЬ» на самом деле есть достаточно большое число, которое по определению оказывается ПРОСТЫМ.

В заключение пара слов о ПРИМЕНИМОСТИ аксиоматики «конечной машины» или «конечной математики», если можно назвать так математику, исходящую из гипотез Шилова.

Пусть P — достаточно большое целое число. Согласно гипотезе Шилова мы можем записать как истинное следующее утверждение:

$$P + 1 = P$$

Это парадоксальное, на первый взгляд, утверждение, является в действительности одной из аксиом МАССОВОЙ практики.

Примеров тьма. Во-первых, это утверждение как аксиома лежит в основе поведения избирательного электората: «Мой голос ничего не решает», мол, прибавление МОЕЙ единицы результата не изменит.

Во-вторых, это утверждение истинно в отношении практически к любому показателю ОФИЦИАЛЬНОЙ статистики. Серьезная попытка пересчитать («проверить») любой статистический показатель выявит «неучтенные» либо «приписанные» слагаемые, так что в итоге непонятно, какой из вариантов числа истинен. Проведена ли приписка (недоучет) при проверке либо при начальном подсчете — перепроверить практически невозможно.

Иначе говоря, реальные числовые множества РАЗМЫТЫ, ОТКРЫТЫ и в этом смысле одновременно и ограничены, и бесконечны. Таким образом, особая математика, оперирующая с аксиомами КОНЕЧНОЙ МАШИНЫ, имеет законный предмет для теоретических построений.

...Не могу удержаться, чтобы не добавить: ЗАПРЕТ ДЕЛЕНИЯ на НОЛЬ есть абстрактная попытка запрета ОБЩЕСТВЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ как собственности, принадлежащей КАЖДОМУ, но НИКОМУ в отдельности.

СШ. Левин В. Н., Вы пишете: «Вообще, надо подумать, как можно интерпретировать выражение « $1/0$ ». Думаю, что так:

$$1/0 = 2$$

$$2/0 = 3$$

$$3/0 = 5$$

$$5/0 = 7$$

$$p_{n-1}/0 = p_n, \text{ где } p - \text{ простое число.}$$

Деление на ноль — причина существования простых чисел, порождение ряда простых чисел.

Геометрически $1/0$ — это фигура квадратуры круга, лента Мебиуса («1» представляет квадрат (равновеликий кругу), «0» представляет круг (равновеликий квадрату)). Эту фигуру нам уже ряд тысячелетий показывают, а мы все не могли увидеть ее.

Также суждение $0/1 = 1/2$ есть то, что физики именуют спином электрона, протона, нейтрона ($1/2$). Физики, на деле, обнаруживают

универсальную реальность числа (частицы есть субъект-конструкции числа). Спин электрона возникает раньше самого электрона. Само вращение (спин) есть вращение ленты Мебиуса.

Вероятно, для составных чисел m действительна формула $0/m = 0$, то есть существование составных чисел и есть ограничение числа простых чисел.

То есть по сути меганаука — это арифметика вещественного поля.

Данная арифметика раскрывает истинную сущность деления и является «текстом книги природы». Математика становится языком, в ней становятся возможными суждения. Первое суждение этой книги — формула Единицы «Единица есть множество простых чисел». Истинные суждения арифметики вещественного поля образуют сущность «технического прорыва».

Религиозная точка зрения укореняется в вещественности поля («то, чего нет, на деле есть и делает возможным все то, что есть, которое (все то, что есть, Вселенная) на деле равно полю»). Центр Вселенной — нигде, граница ее — везде.

АС. Сергей Шилов, Ваше описание конечной машины описанием не является, во-первых, потому, что упоминаемый Вами лист Мебиуса, который, якобы используется вместо ленты обычной машины Тьюринга (МТ) — это непростой математический объект, требующий строгого определения (в смысле его использования в МТ). Во-вторых, требуется также строго описать, как же работает эта машина, используя троичный код вместо двоичного. Что она конкретно делает? Не подходит в качестве описания и то, что Вы говорите о конечной МТ. Возникнет вопрос, чем «вычислимость» «конечной машины» отличается от «вычислимости» машины Тьюринга. Для «конечной машины» мало предъявить алгоритм, чтобы считать соответствующую функцию «вычислимой». Необходимо, чтобы предъявленный алгоритм привел к объявленному результату в заранее указанных ограничениях по времени и по использованному объему памяти. Каковы должны быть ограничения по памяти и по времени? Это что, мировые константы? Тогда, какова их величина в обычных единицах (биты, секунды)? Если они могут выбираться, то как? Или это входные данные, записанные на ленте (Мебиуса)? И главный вопрос, для чего все это нужно? Для противоракетной обороны не нужно однозначно. Чем быстрее и мощнее компьютер — это всегда лучше, а алгоритмы решения прикладных задач никогда не упираются в проблему разрешимости (вычислимости), а всегда только в проблему сходимости. Но это совсем другая проблема из совсем другой, как говорится, оперы.

Лебедев В. Н. Чудаки, похоже, хотят объявить бесконечность несуществующим явлением. Аргумент такой у чудаков: если они, чудаки,

дальше чего-то не видят, то это и есть конец всему, то есть это их невидение и есть конец бесконечности, а по сему, с точки зрения чудаков, бесконечности нет. Чудаки городят явную чушь. Бесконечность существует вне зависимости от восприятия чудаков, от их возможности на сей день понять и почувствовать горизонт этой существующей бесконечности. Будет изобретен «новый телескоп», который двинет дальше границу видимой понимаемой Вселенной, и т.д.

Foton. Чудаки-нечудаки, а с бесконечностью далеко не все ясно. Были и есть большие сомнения, с каким аналогом математических множеств мы имеем дело в нашей реальной действительности. С точки зрения красоты, простоты и аналитичности великолепные возможности физикам предоставляют операции с множествами мощности «континуум». Это, например, всем известная числовая прямая действительных чисел. Грех этими преимуществами не воспользоваться. **ОДНАКО** множества мощности «континуум» (бесконечные и «вширь», и «вглубь») оказываются сильно «придурковаты» при их детальном рассмотрении (Кантор). Не физичны, одним словом. Неслучайно бездумное использование континуального матаппарата завело, в конце концов, современную физику в дремучие дебри парадоксов и алогизма. Хотя колени у физиков сильно дрожат от страха и руки на предельный переход не поднимаются, тем не менее они рано или поздно будут вынуждены отказаться от континуального матаппарата (по крайней мере, в КЭД и КТП) и перейти к более адекватному матаппарату на базе счетных множеств. Доказать существование бесконечности как явления невозможно. Скорее наоборот. Тот факт, что мы имеем дело с телами конечных размеров и конечного времени жизни свидетельствует против ее существования. Так что с чудаками поосторожнее, как бы самому не оказаться чудаком.

III. Андрей Св., замечательные вопросы поставлены Вами:

- 1) необходимость строго математического (конструктивистского) описания (интерпретации) ленты Мебиуса, которая будет использоваться в конструктивистско-конечной машине;
- 2) конструктивистское описание того, как работает эта машина, используя троичный код вместо двоичного, что она конкретно делает;
- 3) отличие «вычислимости» «конечной машины» от «вычислимости» машины Тьюринга;
- 4) ограничения конечной машины по памяти и по времени;
- 5) для чего все это нужно.

Заметьте, сама постановка этих вопросов уже находится внутри «конечной математики». Это вопросы разрешимы в ней и являются конкретными направлениями ее разработки.

Отвечу на вопрос о том, что будет делать эта машина.

Первое. Она будет СУДИТЬ. Кант, опираясь на Декарта, показал, что суждение «неразрешимо» в логике (не может быть создано и понято в логике). Суждение не есть «да» или «нет». Суждение есть конечный смысл. («Критика способности суждения» И. Канта). Идея риторики, формализующая кантовскую «способность суждения», раскрывает «вещь в себе» как число.

Второе. Она будет МОДЕЛИРОВАТЬ БУДУЩЕЕ — давать общее аналитическое решение задачи многих тел (частный случай: задача трех тел).

Третье. Соединение данной машины с техникой физики ядерных исследований (элементарных частиц) будет производить ОТНОСИТЕЛЬНО НЕОГРАНИЧЕННЫЕ ОБЪЕМЫ ЭНЕРГИИ.

Р. Шилов-Ноль и Левин-Бесконечность образуют сегодня устойчивую пару, способную открывать все буквально из ничего. Актуализация в одном месте двух этих понятий — Ноль и Бесконечность — в виде Шилова и Левина есть подтверждение моей гипотезы: гипотезы о Конце света. Ибо если Ноль и Бесконечность сойдутся в точку, то он, Конец света, и наступит.

ВЛ. Планирование обработки потоков информации, идущей в реальном времени от быстротекущих процессов, ЗАСТАВЛЯЕТ использовать такой метод динамического распределения ограниченной памяти, который моделирует схему именно ЛИСТА МЕБИУСА, то есть информация непрерывно пишется от начала выделенной области памяти до ее конца, причем при достижении конца продолжение записи автоматически переадресуется на начало этой же самой области памяти, с записью поверх ранее записанной информации. При этом все обрабатывающие программы должны успеть обработать информацию до того, как ее затерли новые записи. Таким образом, конечная машина Шилова, получаемая из машины Тьюринга путем замены «потенциально бесконечной» ленты на конечную ленту Мебиуса отражает факт ПРАКТИКИ построения программных систем для задач противоракетной обороны.

СШ. Японские ученые смогли получить в лабораторных условиях односторонние кристаллы в форме ленты Мебиуса (<http://mobiuss.kpvt.ru/view/text.shtml?2291>). Вот Вам и философский камень.

АС. Что же касается ЛИСТА МЕБИУСА, то я уже однажды подробно объяснял, что это такое, это вообще 4-х мерный объект, а лента в машине Тьюринга это сугубо (и принципиально) одномерный объект. И если в листе Мебиуса Вы используете только его замкнутость по одному (из 4-х) измерений, то он Вам не нужен, так как функционально ничем не будет отличаться от обычной закольцованной ленты двойной (по сравнению с полоской, вырезанной из листа Мебиуса) длины.

СШ. Думаю, что речь должна идти об одностороннем кристалле в форме ленты Мебиуса.

В конечно-конструктивистской машине физический процесс «переходит» в математический, математический — в физический, осуществляется троичный код, простое число фиксирует конкретную вещественность ноля. Таким образом, речь идет о программировании кристалла в форме ленты Мебиуса. Так, в частности, Марсель Фогель, который был автором более ста важных изобретений, включая флоппи-дискеты, прямо перед смертью высказал мысль, что природный кристалл может содержать несколько программ одновременно. По его мнению, кристалл в состоянии хранить столько программ, сколько граней находится на вершине кристалла.

ВЛ. Сергей Шилов, Меня смущает вопрос о несводимости качества к количеству. В связи с этим вопрос: как соотносится риторическая концепция ЧИСЛА с категорией КОЛИЧЕСТВО. Это разные категории или одно и то же? Если одно и то же, то как быть с КАЧЕСТВОМ? Если разные, то чем отличается категория ЧИСЛО от категории КОЛИЧЕСТВО?

СШ. Валентин Николаевич, риторическая теория числа приходит из философии. Причем явным образом. Из истории философии — как философская система, возникающая в конце истории мышления Нового времени. Риторическая теория числа, безусловно, соотносится с философией Гегеля. С философией, где имело место тождество-различие количества-и-качества (т.н. «закон перехода количественных изменений в качественные»). У самого Гегеля сей «закон» выражается представлением о линии мира, на которой расположены узлы качеств, о «цепочке качеств». НАУКА РИТОРИКИ есть СИСТЕМА ЧИСТОГО РАЗУМА, в качестве критики (предпосылки) которой выступает гегелевская Наука Логики. С точки зрения Шилова, линия мира, «аморфно-неопределенно» описываемая Гегелем, есть ЧИСЛОВОЙ РЯД (простое число есть понятие), узлы качеств есть ПРОСТЫЕ ЧИСЛА, цепочка качеств есть РЯД ПРОСТЫХ ЧИСЕЛ, абсолютная идея есть ЕДИНИЦА, механизм действия абсолютной идеи (произведения мира) есть ПРИНЦИП ДЕЛИМОСТИ НА НОЛЬ, АРИФМЕТИКА ВЕЩЕСТВЕННОГО НОЛЯ.

Таким образом, число есть всегда истинным образом определенное количество, определенность которого сообразно закону простых чисел и есть сущность качества. То есть определенность количества числа есть (более чем цифровая) качественная определенность. Скажем, десятичная дробь — не есть только набор цифр, но есть качественное, определенное в каждом элементе повествовательное предложение языка числа. Количество числа всегда качественно. Каждое действительно

существующее количество числа имеет конечный смысл. По отношению к цифре-количеству число есть АБСОЛЮТНОЕ КАЧЕСТВО. Также по отношению к возможностям количества, выражаемым цифрой, число есть истинное количество. Цифра есть качество вещи, которой (вещью) является число.

В логике количество и качество раздельны (несоизмеримы), как земля и небо. В риторике количество и качество полно и непротиворечиво взаимозаменяемы, сводимы друг к другу, «без остатка» переводимы друг в друга отношением $1/0$.

Отношение «количество — качество» в логике — в риторике более истинным образом раскрывается как отношение «число — цифра».

ВЛ. Кстати, я нашел удивительное объяснение факту предельности скорости света в рамках рассматриваемой нами концепции конечности (отрицания гипотезы бесконечности). Сейчас перечитываю «Фейнмановские лекции по физике». Возникает множество вопросов.

Например, знаменитый опыт Майкельсона-Морли, по-моему, был заведомо обречен на неудачу, так что муки теоретиков, завершившиеся принятием преобразований Лоренца и изобретением (Эйнштейном) специальной теории относительности, были надуманными.

В самом деле. В основе идеи опыта Майкельсона-Морли лежали гипотезы:

- 1) будто свет как электромагнитные волны является колебаниями воображаемого мирового эфира, относительно которого можно попытаться определить абсолютную скорость движения Земли,
- 2) будто, аналогично звуковым волнам, распространение электромагнитных волн определяется свойствами СРЕДЫ, а не источника колебаний, в частности скорость волн — это характеристика СРЕДЫ, определяется относительно самой СРЕДЫ и не зависит от скорости источника (излучателя) волн.

Для звуковых волн истинность этих гипотез подтверждается, например, тем, что источник может даже обогнать порожденный им звук (как сверхзвуковой самолет). НО!

Одно дело — воздух или иная сплошная среда, проводящая колебания. Эта среда сама по себе есть объект, независимый от источника волн, он ВОЗМУЩАЕТСЯ источником как каким-то внешним телом. Совсем другое дело — электромагнитное поле, которое ПОРОЖДЕНО заряженным телом, колебания которого превращают его в источник волн.

Иначе говоря, в отличие от звуковых волн, распространяющихся в среде, внешней по отношению к источнику, поле в опыте Майкельсона-Морли порождалось самим источником, то есть двигалось вместе

с ним, следовательно, его колебания имели точкой отсчета не абстрактный «мировой эфир», а сам источник, а потому никаких поправок на «эфирный ветер» или «снос» этих волн, выражаемых преобразованиями Лоренца, делать не следует.

Значит, исчезает предмет тех спекуляций, из которых вырастает специальная теория относительности Эйнштейна.

Илья Е. В. Н. Левин, Вы пишете: «Например, знаменитый опыт Майкельсона-Морли, по-моему, был заведомо обречен на неудачу». Почему заведомо? Как раз, если считать классическую механику универсальным инструментом, то результат этого опыта должен был быть совсем другим. Также Вы утверждаете: «...скорость волн — это характеристика СРЕДЫ, определяется относительно самой СРЕДЫ, и не зависит от скорости источника (излучателя) волн». В основе опыта Майкельсона-Морли было следующее: считалось, что свет движется со скоростью C только относительно эфира, а в других системах отсчета его скорость можно найти, используя классическую теорему сложения скоростей.

ВЛ. Илья Е., Ваши замечания правильны. Я лишь ставил вопросы. Вы пишете: «В основе опыта Майкельсона-Морли было следующее: считалось, что свет движется со скоростью C только относительно эфира, а в других системах отсчета его скорость можно найти используя классическую теорему сложения скоростей». Вот эта основа опыта сразу и вызвала у меня сомнение. Ведь в отличие от звуковых волн, где источник не порождает той среды, которую возмущает своими колебаниями, электромагнитная волна — это колебание поля, созданного зарядом, то есть среды, созданной самим источником.

Конечно, есть ссылка на уравнения Максвелла и следствия из них о распространении поля (от движущегося источника) со скоростью C . Но я пока не понял, откуда следует, будто эта скорость в разных системах отсчета будет разной (а именно это, как Вы справедливо указали, положено в основу опыта Майкельсона-Морли).

Не менее реальной представляется гипотеза о том, что во всех системах отсчета скорость одной и той же электромагнитной волны (равная скорости света) будет равна одной и той же величине — скорости света. Из такой гипотезы непосредственно вытекает гипотеза о причине порождения магнитного поля движущимся зарядом.

Если есть два движущихся друг относительно друга заряда, с каждым из которых связана своя система отсчета, то предположение об абсолютности наблюдаемых скоростей их полей (их одинаковости в обеих системах отсчета) означает соответствующую ДЕФОРМАЦИЮ пространства, появление РАЗРЫВНЫХ напряжений в нем, что мы и воспринимаем как магнитную напряженность, тем большую, чем большую разность скоростей систем отсчета необходимо компенсировать.

Поскольку электрические поля неизотропны, постольку магнитная деформация должна зависеть от вектора направленности движения, от его отношения к направленности силовых линий...

Сергей Шилов, в предыдущем сообщении я выразил гипотезу о причине, порождающей магнитное поле. Здесь же хочу подчеркнуть удивительный момент: эта причина — чисто математическая необходимость деформации пространства, вытекающая из требования абсолютности (независимости от систем отсчета) скорости распространения света.

За ней я усматриваю два интересных тезиса. Первый — это Ваша концепция о числовой природе мира. Второй — это идея построения ТЕОРИИ АБСОЛЮТНОСТИ, в противовес ТЕОРИИ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ.

Ключевым тезисом ТЕОРИИ АБСОЛЮТНОСТИ может стать утверждение о ЕДИНСТВЕ ОБЪЕКТА. СУБЪЕКТ является лишь формой, посредством которой ЕДИНЫЙ ОБЪЕКТ познает сам себя. Множественность систем отсчета — это множественность познающего СУБЪЕКТА. Но ОБЪЕКТ — ОДИН. Он имеет абсолютные характеристики. Относительность — удел СУБЪЕКТА. Но СУБЪЕКТ реален. Он — множественная эманация самого ОБЪЕКТА. Он — деятельное начало, представленное множеством систем отсчета, деформирующих пространство ЕДИНОВОГО ОБЪЕКТА. Изначальная тождественность СУБЪЕКТА и ОБЪЕКТА и последующая непрерывно действующая необходимость самоотождествления почему-то раздвоившегося СУБЪЕКТА и ОБЪЕКТА — коренная причина всех природных сил, всех движений и деформаций.

III. С точки зрения риторики принцип постоянства скорости света СЮЖЕТЕН: он существует «вместе» с опытом Майкельсона и гипотезой эфира, отрицанием которой является. В этом его существенное отличие от аксиоматического конструкта. Так, скажем, точка у Евклида не требует для своего «основоположения» некоторого сюжета — например, неверная гипотеза, опыт и «появление» истинной точки или иная какая сюжетная конструкция (на порядок менее сюжетны и более аксиоматичны даже законы Ньютона). Конечно, и точка Евклида требует порождающего ее «сюжета», но этот сюжет сжат до величины, не воспринимаемой современным естествознанием.

Данный сюжет (назовем его «Эйнштейн») как некоторый рассказ имеет, скажем так, старое прочтение, известное нам из наших школьных учебников (теория относительности, частный случай ньютоновой механики, релятивистская механика и т.д.). Но возможно и новое прочтение. Есть, например, прочтение мифа древним греком, где события и герои аксиоматичны, а есть его прочтение современным филологом,

где герои и события уже не столь непосредственны и заданы не так однозначно, как они даны породившему их древнему сознанию. Из нового, немифологического прочтения научно-героического сюжета «Эйнштейн» следует в чистом виде «лишь» то, что пространство-и-время ньютоновой механики, являющиеся ПОПЫТКОЙ представления абсолютных (истинных) пространства-времени, (1) НЕ ЯВЛЯЮТСЯ ИСТИННЫМ (ПОЛНЫМ И НЕПРОТИВОРЕЧИВЫМ) ВЫРАЖЕНИЕМ (ПРЕДСТАВЛЕНИЕМ) ИСТИННЫХ ПРОСТРАНСТВА-ВРЕМЕНИ, (2) ДЕКАРТОВА СИСТЕМА КООРДИНАТ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ИСТИННОЙ СИСТЕМОЙ КООРДИНАТ, (3) ИСЧИСЛЕНИЕ НЬЮТОНА-ЛЕЙБНИЦА НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ИСТИННЫМ ИСЧИСЛЕНИЕМ. Сюжет «Эйнштейн» в новом понимании демонстрирует меру отклонения ньютоново-картезианского сознания (способа описания-понимания-представления) от истины. Неслучайно сам ГЕРОЙ сюжета «страдал» страстями по Евклиду (по ТАК понимаемой им высшей абсолютности), в чем и выразился трагизм его положения, когда всю вторую половину своей жизни он потратил на бесплодные спекулятивные попытки вернуть в физику абсолютное (общая теория поля и т.д.), отрицая реалии квантово-релятивистского пути, по которому пошла инициированная им наука.

Мы раскрываем существование абсолютной системы отсчета, в ходе отсчета-счета которой возникает мир. Эта система — конечный числовой ряд. Тело в этой системе порождается как квадрат числа. Общее аналитическое решение задачи трех тел в этой системе выражается Великой теоремой Ферма. Сама система имеет вид ленты Мебиуса. Начала термодинамики в данной системе не действуют, но порождаются, начало их действия означает возникновение относительных систем отсчета, относительных относительно абсолютной системы (системы чистого разума). Свет есть просточисленное пространство числового ряда.

Построение (раскрытие) теории абсолютности возможно только в случае обретения надежного метода порождения объекта субъектом. Разработке этого метода посвящена солиптическая доктрина, завершающая декартовские «Рассуждения о методе» в Конце истории мышления Нового времени.

Гипотеза о числовой природе мира принадлежит Пифагору. Свою задачу я вижу в том, чтобы показать, как именно «все является числом, а число является всем». Распад на математику и физику связан именно с нераскрытием в математике тезиса «все есть число» через нераскрытие того, как, собственно говоря, «все является числом, а число является всем», и, следовательно, с возникновением объекта физики, который не распознается как число («лишь» как частица, волна, иная

предметность). Прагматизация математики через операции практики (отнять, поделить и т.д.) приводит к утере первичной абстракции математики. В физике мы имеем дело с отчужденной формой абстракции числа (понятия числа), в современной математике — с превращенной формой абстракции числа (понятия числа). Сам факт возникновения физики есть признание математикой своего ограничения в понимании, интерпретации числа. В физике мы имеем дело с тенями, следами числа. Математический аппарат теоретической физики — это попытка математики окольным путем познать число. Риторическая теория числа (РТЧ) раскрывает число как слово (смысл) некоторого конечного языка и интерпретирует универсальные законы как законы (правила, практики) данного языка. Основой языка числа является арифметика вещественного поля, которую нам предстоит прописать, начав с рассмотрения принципа делимости на ноль. На этом пути нам придется радикально пересмотреть евклидову и даже, я бы сказал, человеческую математику, а именно понять конечность числового ряда и понять также, что **ВСЕ ЧИСЛА ЯВЛЯЮТСЯ ЦЕЛЫМИ ЧИСЛАМИ (НЕ БЫВАЕТ ИНЫХ ЧИСЕЛ, КРОМЕ ЦЕЛЫХ ЧИСЕЛ)**.

Конструктивным принципом такого понимания может стать принцип конечности простых чисел. Арифметика вещественного поля должна, прежде всего, быть самоописанием числа. Для этого (для фиксации истины числа), думаю, нам будет необходимо ввести в арифметику вещественного поля наряду с понятием **ЦИФРЫ ЧИСЛА** (аналог алфавитно-буквенного представления слова) понятие **ТЕМПЕРАТУРЫ ЧИСЛА**.

Понятие температуры числа может быть раскрыто как действительное существование абсолютного поля. Вообще говоря, понятие температуры числа опровергает все три начала термодинамики. Начала термодинамики оказываются временными ограничениями, которые образуются из неучета субъективной природы человеческого познания (так, человек интересуется «производством энергии», притом что большинство материи Вселенной находится в сжатом и разогретом состоянии, а человек, по словам акад. Фортова в интервью «Известиям», может рассматриваться как самое холодное тело во Вселенной)⁴³.

Если цифра числа есть «простая» запись числа «в книге природы» (аналог буквенно-алфавитной записи слова), то температура числа есть «понимаемый» смысл (значение) этой записи, универсально-алгоритмическим образом связывающий все суждения языка числа. В циф-

⁴³ Академик Фортов: «Таких холодных тел, как люди, во Вселенной больше нет»/ Интервью Сергея Лескова // Известия [Электронный ресурс]. — М., 2005. — Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/301734>, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.

ровой записи числа мы имеем дело с некоторым набором символов, который не понимаем, как чуждый язык (скажем, набор десятичных «бесконечных» дробей). Температурная запись числа — это прочтение-понимание цифровой записи числа, возможность конструирования иных цифровых записей, описаний числа, высказываний языка числа. Алфавитом цифровой записи числа мы полагаем конечный набор простых чисел. Вселенная есть гипертекст, выполненный на основе этого алфавита. Простые числа — это своего рода атомы температуры числа (живые моменты разумности, фреймы понимания языка числа).

Делимость на ноль — это и «перетекание тепла от более холодного тела к более теплому», и «существование абсолютного нуля». То есть операции арифметики вещественного нуля имеют физический смысл (в то время как операции арифметики имеют деятельностную интерпретацию). Операции арифметики вещественного нуля — это деятельность (бога) по созданию мира. Операции обычной арифметики — это человеческая деятельность.

Физический смысл, внешний вид операций арифметики вещественного нуля — это «божественная практика» нарушения законов (трех начал термодинамики). Таким образом, по канве опровержения начал термодинамики выявляются три (четыре) операции арифметики вещественного нуля: произведение, сложение, вычитание переосмысливаются в духе истинного деления. Вводится понятие целостности (целости) числа как истинности суждения, изготовленного в языке числа с алфавитом простых чисел. Целость числа является единой сущностью операций арифметики вещественного нуля, объединяющей их в универсальный алгоритм. Целость числа раскрывается формулой Единицы «Единица есть множество простых чисел». За физическим понятием ТЕЛА в механике скрывается КВАДРАТ ЧИСЛА. («На деле, есть не тело, но квадрат числа»).

...Пифагор в свое время разбивал числа на классы чисел — дружеские, треугольные (выражают числа шаров, уложенных в виде треугольника $1, 3, 6, 10, \dots, n(n+1)/6$), квадратные, пятиугольные, тетраэдрические (соответствуют числу шаров, уложенных в виде тетраэдра: последовательность $1, 4, 10, 20, \dots, n(n+1)(n+2)/6, \dots$) и т.д. Возможно, нам необходимо говорить о лентомебиусных числах. Необходимо дать верную конструктивистскую интерпретацию таких чисел, и это, следовательно, будет ответом на вопрос Андрея Св о математическом описании ленты Мебиуса.

ВЛ. Сергей Шилов, я испытываю потребность переосмысления квантовой механики. У меня возникли эвристические, но фундаментальные идеи ее аксиоматизации. Все элементарные частицы, предполагаю, являются «заодно» как бы частицами разума; все взаи-

модействия между физическими телами сводятся к сугубо ИНФОРМАЦИОННЫМ взаимодействиям: частицы (например, передавая друг другу импульс при столкновениях) как бы обмениваются некими «решениями» («знаниями», целеуказаниями») друг с другом... Все знания, вся информация являются как бы принятыми «РЕШЕНИЯМИ»; нет знаний вне принятых (кем-то) «решений» и т.п., — (я привожу лишь канву размышлений).

В этой связи все реальные события, действительно, сводятся к фактическим информационным «записям», что примерно соответствует Вашей риторической концепции...

СШ. Валентин Николаевич, Ваши размышления о «разумности» частицы крайне актуальны для квантовиков. Мне же представляется, что необходимо пойти по пути преодоления квантового подхода. Ведь он есть не что иное, как миф об истинной делимости. Квантовый компьютер — как переход от двоичного кода к безликим битам квантовых состояний — должен быть преодолен нетьюринговой машиной как переходом от двоичного кода к ТРОИЧНОМУ. Мысль Эйнштейна о промежуточности квантового подхода верна, только подтверждается она не спекулятивной формализацией Вселенной, а истиной числа. Частица должна быть понята как феноменология числа, не схватываемая «традиционной математикой», но проявившая себя физикой. Дело, таким образом, не только в признании разумности частицы (что также крайне важно), но в понимании ее подлинной объектности: частицей ЧЕГО является частица (ЧАСТИЦЕЙ ЧИСЛА) — что есть подлинное (конечное) делимое (ЧИСЛО).

Сущность гравитации

1. Гравитация есть движение (изменение) времени. Это значит, что течение времени как объективное явление есть гравитация.

2. Изменение времени есть физическое состояние, именуемое «покой». Покой измеряется в единицах «секунда/метр». Покой временного объекта во времени («секунда/метр») аналогичен скорости пространственного объекта в пространстве («метр/секунду»). Объект есть всегда временно-пространственный объект.

3. Пространство движется во времени. Тогда объективно время, в котором движется пространство, существуя только в этом движении (так как пространство не существует вне времени), осуществляется не иначе как в моментах покоя как количество секунд, наличествующее на единицу (метр) движения пространства во времени («парадокс стрелы»). Субъективное время измеряется в секундах. Объективное время измеряется иначе. Время покоится (имеет скорость) столько-то секунд за метр — такова скорость времени. Пространство есть «лишь» мера покоя времени, измерение действительного бытия времени. Действительным образом происходят «секунды». «Метры» есть различия событий покоя «секунд» друг от друга, существующие как абсолютные различия. Пространство есть субъективное измерение времени, в котором возникает субъект, вещь, движение, тело, силы и взаимодействия. Будем называть скорость пространства — «скоростью», а скорость времени — «покоем».

4. Величина, обратная скорости света ($1/c$), есть значение абсолютного покоя времени для Вселенной (сек/метр), постоянная структуры времени.

5. Гравитация противоположна инерции. Гравитация есть существование абсолютной системы отсчета. Инерциальные свойства пространства, релятивизм пространства суть свойства субъективного измерения действительного времени, когда различия событий времени друг с другом выступают как абсолютные различия, то есть образуют пространство.

6. В абсолютной системе отсчета объекты (тела времени) покоятся. Абсолютный покой в абсолютной системе отсчета есть величина, обратная скорости света, источник света.

7. Покой тел времени в абсолютной системе отсчета порождает температуру. С точки зрения двух начал термодинамики абсолютная

система отсчета есть вечный двигатель первого рода и вечный двигатель второго рода, абсолютный температурный ноль, обуславливающий возможность пространства как места действия начал термодинамики.

8. Тело времени есть число. Бытие тел времени в абсолютной системе отсчета есть деление на ноль.

9. Скорость пространства и покой времени полно и непротиворечиво описывают вместе события, происходящие во Вселенной. Скорость (пространства) и покой (времени) выражают время и бытие числа как тела, вещи, частицы, поля.

10. Истина гравитации раскрывается в представлении об абсолютной системе отсчета, отчет в которой есть действительное счетное конструктивистское пространство числового ряда, последовательность простых чисел.

11. Представление об абсолютной системе отсчета основано на понимании солиптической природы человеческого рассудка. Абсолютная система отсчета есть с точки зрения солиптизма не что иное, как его граница и основание.

12. Конечность простых чисел (конечность числа чисел) как принцип риторической теории числа есть физический смысл гравитации, природа гравитации, ее генезис и структура. Сущность тяготения — конечность числа чисел.

13. Инерция есть незавершенная конечность числа чисел, незавершенная форма гравитации. Именно гипотеза бесконечности скрывала собой представление об абсолютной системе отсчета. За физическим представлением о тяготении расположена истинная идея конечности. Эйнштейн был прав, отвергая эфир как бесконечное, но не прав, отвергая его как действительное. Эфир не бесконечен, но он существует. Релятивизм есть представление солиптического рассудка о конечности эфира. Риторическая теория числа (хроника, механика времени) раскрывает механизм существования числа в деталях, в измерении действительного числового ряда. Релятивизм — важнейшая предпосылка к истинному пониманию эфира.

14. Величина постоянной времени (структуры времени, $1/c$) есть первичная константа Вселенной, выражающая минимальную скорость времени — абсолютный покой, скорость абсолютного покоя. Она является основанием и производящей субстанциальной основой всех мировых констант, выражает конечность (число всех простых чисел, равное количественно скорости света) как принцип (как число, обратное числу всех простых чисел), ибо математический смысл принципа как такового (рефлексии) есть число, обратное самому себе (единица, деленная на это число).

15. Скорость времени в абсолютной системе отсчета достигает максимальных величин. Можно только попытаться себе вообразить, какой производящей физический мир силой обладает «эфир», если минимальная скорость времени, создающая нашу Вселенную, составляет величину, обратную скорости света. «Черные дыры» как астрономические объекты во Вселенной есть моменты скорости времени, отличающиеся от постоянной скорости времени моменты покоя. «Черная дыра» и квазар есть, по существу, моменты скорости времени, соответственно, большей и меньшей относительно постоянной скорости времени.

16. Механика времени есть, таким образом, построение действительной механики «конечного эфира», включающей электродинамику и тяготение. Скорость времени (покой) образует электромагнитный механизм тяготения, является его сущностью относительно «эфира». Утверждаемое современными физиками распространение тяготения со скоростью света есть, на деле, феномен скорости времени (феномен покоя). С момента своего резкого отстранения от Аристотеля физика потеряла из виду феномен покоя во Вселенной, ошибочно рассматривая факт покоя как простое отсутствие движения. Напротив, феномен покоя являет собой важнейшее событие, раскрывающееся как скорость времени. Феномен движения произведен от феномена покоя. Равномерность и прямолинейность движения есть свойство, производное от покоя. Именно потому, как говорят релятивисты, «устройство материального мира таково, что всегда, во всякий данный момент исключает возможность абсолютного решения относительно наличия равномерного движения или покоя и оставляет место только для изучения равномерных движений тел относительно друг друга, так как участие наблюдателя в равномерном движении совершенно не отражается на наблюдаемых явлениях и их законах»⁴⁴.

17. Покой (определенная скорость времени) создает физический мир. Скорость времени (покой) есть абсолютное равномерное движение, существующее действительным образом, движение, порождающее количество секунд «один метр», единицу пространства. Значение такого ограничения принципа относительности состоит в том, что вслед за этим ограничением открывается принцип несохранения энергии, действующий во времени-пространстве, действие которого обуславливает действие в пространстве принципа сохранения энергии. В этом

⁴⁴ Здесь и далее в этой главе Ф. Ленард цит. по: *Ленард Филипп*. О принципе относительности, эфире, тяготении (критика теории относительности) / Пер. с 3-го нем. изд., под ред. проф. А. К. Тимирязева. — Москва, 1922. А также указ. соч. / Bourabai Research: Частное Боровское исследовательское учреждение по внедрению новых технологий. [Электронный ресурс]. — Бурабай (Казахстан), [200?] — Режим доступа: <http://www.bourabai.kz/lenard/ether0.htm>, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.

смысле эфир, абсолютная система отсчета, представляет собой, безусловно, вечный двигатель первого и второго рода, описанный в двух началах термодинамики в качестве невозможного.

18. Абсолютный температурный ноль есть физическая предметность вечного двигателя, порождающего температуру как физическую величину, характеризующую покой (скорость времени).

19. Инерция есть относительность системы координат относительно абсолютной системы координат (отсчета). Инерция есть простое указание на существование абсолютной системы координат, которое (указание, отсыл) наличествует в каждой системе координат, делает ее возможной событийно-физически. Инерция есть производящий механизм языка физики (рефлексивного физического описания).

20. Абсолютность абсолютного центра тяготения создает то первейшее различие, которое существует как различие тяготения и инерции. Поле тяготения (гравитационное поле) есть объективно-механическое расположение абсолютного центра тяготения в пространстве — расположение времени в пространстве, создающее место как таковое. Инерция есть следствие тяготения, производимого абсолютным центром тяготения.

21. Определение инерции как свойственного всякой материи стремления к сопротивлению изменению ее скорости имеет предопределение, состоящее в том, что инерция является следствием физического существования покоя, характеризует скорость и силу покоя. Если тяготение — это сила покоя (скорости времени), то инерция — это скорость покоя (скорости времени). Единой природой, истоком тяготения и инерции является изменение покоя. Покой сам себя изменяет.

22. Движения со скоростью, большей скорости света, происходят при покое, большем, нежели постоянная скорости времени (постоянная покоя). Относительность всех движений существует только благодаря феномену покоя.

23. Масса есть число инерции, производимое силой тяготения. Первичный физический механизм массообразования есть деление единицы на ноль, производящее простые числа. Данный первичный механизм отображает закон несохранения энергии. Акт несохранения энергии, акт творения создает пространство-время сохранения энергии.

24. «Поля тяготения без центров тяготения, которые были бы причиной сил инерции, наблюдаемых при неравномерном движении, происходящем под влиянием непропорциональных массе сил» (Ленард), понимание которых (полей тяготения) пока остается противоречивым для современной физики и является аналогичным случаем с уравнениями Максвелла в электродинамике: «В этих уравнениях уже заключалось принятие электрических силовых полей без наэлектризованных

центров, подобных замыкающимся в самих себе электрическим силовым линиям. Такие поля до того времени никогда не были наблюдаемы. Они должны были бы проявиться в электрических волнах, существование которых тогда столь же находилось под вопросом, как в настоящее время существование эйнштейновских полей тяготения с действием, тождественным действию силы инерции» (Ленард), — это, на деле, поля абсолютного центра тяготения, «конечный эфир», среда действительного числового ряда. Так, «...эфир постоянно играл серьезную и важную роль в построениях Г. Герца... Несомненно, что и в осуществлении или открытии электрических волн ему также помог эфир, причем Герцу не было для этого необходимо предварительно полностью разрезать оба тома Максвелла. Достаточно было принять, что действия индукции распространяются в эфире с конечной скоростью, и на этой основе построить опыты с быстрыми колебаниями» (он же).

25. Все «полевые феномены» (электричество, гравитация и иные) есть феномены покоя, феномены физического бытия времени. «Световые кванты не произвели никакого переворота в теории света, в особенности же они ровно ничего не говорят ни за, ни против “гипотезы эфира”. Напротив, теория световых квантов по существу касается особого, бывшего до того неизвестным, свойства испускающих свет атомов, заключающегося в том, что они приспособлены к испусканию когерентных верениц волн с определенным содержанием энергии, зависящим от периода колебания» (Ленард).

26. «...очевидное несовершенство наших теперешних представлений об эфире. Законченное и в пределах доказуемого свободное от противоречий представление об эфире, пригодное для наших исследований, мы имели бы только в том случае, если бы внутренний механизм его частей был нами настолько же выяснен, насколько выяснен внутренний механизм материи, со времени развития кинетической теории газов. В этом случае максвелловские уравнения, представляющие в известном смысле квинтэссенцию физики эфира (поскольку они охватывают свет, электричество и магнетизм), так же могли бы быть выведены из теории механизма эфира, как оказалось возможным вывести уравнение состояния материи из... кинетической теории» (Ленард). «Конечный эфир» раскрывается, как пространство-время действительного числового ряда. Число как предмет, характеризующий покоем (скоростью времени), есть сущность феномена покоя, феномена, создающего движение. Число имеет скорость объективного времени.

27. Абсолютное различие эквивалентных в теории относительности гравитации и инерции состоит в том, что в самой главной своей сущности инерция есть антигравитация. Конечным результатом действия гравитационной силы (второй сущностью гравитации) является

антигравитация. Такова физика числа, скрытая за физическим понятием «массы» (гравитационной, инертной).

28. Простое число есть выделенная инерциальная система отсчета.

29. Известный современной физике факт ускоряющегося расширения Вселенной есть факт наблюдения покоя (скорости времени) в отсутствии понимания феномена покоя как скорости времени. «Мы совершаем богохульство, изменяя уравнения Эйнштейна. Однако в награду мы получаем понятие о естественном состоянии “пустой” Вселенной — она при этом расширяется в ускоренном темпе и становится еще более пустой»⁴⁵. Вселенная как абсолютный температурный ноль, относительный в качестве делителя к единице как абсолютному центру тяготения, становится причиной образования простых чисел (делимость единицы на ноль, порождающая простые числа). Делимость единицы на ноль есть сущность антигравитации, в то время как сама единица есть источник гравитации.

⁴⁵ Майкл Тернер, доктор философии, Чикагский Университет. Источник цитаты: Грани.ru [Электронный ресурс] — М., 2003. — Режим доступа: <http://pub.tagora.grani.ru/Society/Science/m.37363.html>, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.

Ученый и технологический мир Ислама — фундаментальная структура новой гуманитарной цивилизации

Мы дышим
воздухом прошлого
с каждым годом
все более затхлым
кислород прошлого
насыщает мозг
и рождает мысли
одинокие грустные
романтичные честные
социально опасные
изначально известные —
мысли прошлого...
Пора! раскупорим коробку...
глотнем воздуха будущего
какой чистый и резкий...
Белые мосты и кварталы —
постмодерновые башни
карандашами — в небо
Экраны экраны подъемные краны
Идеальные материалы
материальные идеалы
фундаментальные новости
и новые фундаменталисты...
И все человечество
куда-то ушло во времени
на целых десять лет
за десять минут.

*Г. Сагир. Воздух будущего
Сборник «Тактильные инструменты.
Стихи с предметами»*

В начале настоящей статьи укажем на то фундаментальное обстоятельство, которое сдерживает практическое воплощение всякого инновационного мышления в самом широком спектре его объективно-исторической необходимости. Здесь и системные препятствия на пути глобализации, несостоявшееся пока событие становления новой экономики (Интернет-экономики, прежде всего) в качестве реальной

практики устойчивого развития, и многое другое, результат чего — фундаментальное разочарование, растерянность инновационных элит цивилизации, не получивших ожидаемой поддержки проектам преобразований в целях общемировых прогрессивных изменений. Горькое «удивление» Дж. Сороса, не получившего ожидаемой реакции «массовой» элитной поддержки практическому внедрению идей открытого общества и формированию своего рода нового «плана Маршалла» для «построения» одного открытого общества на территории бывшего СССР; «отшельничество» Билла Гейтса, ушедшего от практического руководства компанией и провозгласившего себя «архитектором систем и сетей»; глобальное эмоционально-политическое поражение поколения «джефферсоновских» (социально-инновационных) демократов — поколения Клинтона-Гора; и наконец, до сих пор не преодоленная растерянность российских элит, рассчитывавших на западную поддержку действительно масштабных научно-технологических и социально-экономических инноваций (развитие которых тормозилось в рамках СССР), а получивших жесткое прагматическое сотрудничество исключительно в традиционных отраслях, — все это «живые свидетельства» какой-то чудовищной системной ошибки, вне выявления которой невозможно реальное инновационное развитие, являющееся фундаментальной структурой устойчивого развития цивилизации.

Суть данной ошибки — недопонимание той объективно-исторической реальности, которая была, в том числе, обозначена в известной статье Ф. Фукуямы «Конец истории». Рациональный смысл идеи «конца истории», взятой на уровне осмысления, берущего начало от Декарта, Канта и Гегеля, чрезвычайно далек от апокалиптических настроений или апологии западного либерально-капиталистического общества — он всего лишь выражает истину современного исторического состояния западноевропейской цивилизации в контексте становления общемировой гуманитарно-технотронной цивилизации.

В формирующейся структуре устойчивого развития общемировой цивилизации западноевропейская цивилизация с доминирующей функцией США образует именно первое (но не единственное) основание устойчивого развития — устойчивость (о-стойчивость), остова цивилизации развития. (Российский академик Н. Моисеев неоднократно подчеркивал сложное, системно работающее противоречие, заключенное в самом концепте «устойчивое развитие». Апеллируя к Канту, можно раскрыть концепт «устойчивого развития» как саму сущность «практического разума».) Из подобного подхода следуют два объективно-исторических вывода: во-первых, пределы инноваций западноевропейского общества предопределены, место инноваций там закреплено как строго ограниченная функция, подчиненная задаче вос-

произведения статического состояния западноевропейской цивилизации, имеющего общецивилизационный смысл о-стойчивости (поэтому инновации, выходящие за границы «практического разума», имеющие стратегическое общечеловеческое значение, отбраковываются); и во-вторых, для создания «совершенной», оптимальной модели устойчивого развития необходимо второе основание — инновационное развитие, развитие на базе о-стойчивости. Так, в модели федерализма «остов» образует система местной власти (субсидиарность, делегирование полномочий на места) с тем, чтобы центр мог сосредоточиться на проблеме развития.

Проблемы развития сегодня скрупулезно выявлены и описаны в материалах ООН и других международных организаций: предотвращение военных конфликтов, борьба с бедностью и голодом, необходимость новой экологической политики и другие «беспросветные» проблемы, образующие чуть ли не замкнутый круг, из которого не может вырваться человечество. Отсутствует не просто механизм (или механизмы) разрешения этих проблем — отсутствует в целом та естественнo-историческая реальность, та цивилизационная реальность инновационного развития (субъект второго основания), которая наряду с западноевропейской цивилизацией как «остовом» устойчивого развития (субъектом первого основания) образует оптимальную модель устойчивого развития мировой цивилизации.

Для того чтобы раскрыть суть цивилизационной реальности инновационного развития, для выявления базовых характеристик субъекта второго основания устойчивого развития, обратимся к истории западноевропейской цивилизации, к тому ее «месту», где возникает сам феномен развития, к той точке, где формируется сама возможность научного, технологического и промышленного освоения действительности. Марксистский анализ, не допускающий существование капитала в гуманитарной форме («человеческое измерение экономики»), проходит мимо этой точки, рассматривая научно-технологическое и промышленное развитие тотально (сводим к логической проблеме экономического производства) — как самовоспроизводящийся, бесструктурный, но иерархически организованный прото-акт истории. Марксистский анализ работает с конкретно-исторической действительностью научно-технологического развития, но не с возможностью, способом его возникновения, содержащим потенциал развития во времени. Непредвзятый исторический анализ западноевропейской цивилизации однозначно увязывает, отождествляет даже, саму возможность научно-технологического развития с возникновением и последующей историей становления европейского университета как фундаментальной формы организации науки. Лишь сознание, рефлексивная функция которого

совершенно подавлена какой-либо из тяжелых форм экономического детерминизма, способно оставаться при мнении, что «первая» европейская наука, сыгравшая определяющую роль в создании предпосылок раннего технологического и промышленного «переворота», реализуя при этом саму возможность науки как института, — это некие радикальные сообщества атеистов, вдохновляемых поиском истины и преследуемых невежественной церковью.

Ранний университет (вне которого невозможен университет «поздний», современный) был формой изначальной институционализации науки, формой образования христианского Ученого и технологического мира. Университет создавался «на поверхности» живого религиозного института активными интеллектуальными представителями состоявшейся в институциональном смысле церкви в качестве института философии («царицы наук», Большой науки, меганауки), в качестве естественнонаучной системы «чистого разума», находящейся в продуктивном диалоге с живым вероучением институциональной церкви. Ранний университет раскрывался как система «практического разума», выражающая универсум чистого разума (теологии), как фундаментальная семиотическая система, формирующаяся на базе символической религиозной системы, как реализация научно-практического и технологического значения опыта дефинирующего разума, осуществляющего свою деятельность в сфере чистых оснований развития.

Таким образом, проблема возникновения субъекта инновационного развития (субъекта второго основания устойчивого развития) раскрывается, прежде всего, как проблема образования Нового университета. Речь, как следует из вышеизложенного, идет не о некотором совершенствовании западноевропейской научной организации, но об образовании нового научного мира как «мира мировой цивилизации», об обращении к методологической форме университета как к истоку феномена развития, раскрывающего саму возможность научного знания по образованию «общества знаний».

Семиотическая теория Университета, эксплицированная и разрабатываемая авторами настоящей статьи из контекста истории философии, науки, культуры, письменности, является руководящей нитью для формирования представления о субъекте инновационного развития цивилизации. Важнейшее положение настоящей теории — «происхождение Университета из духа религии (чистого разума)» как аналитическое положение объективно-исторической «очевидности» — априорное основание первичной формы организации науки, поддерживаемое в акте возникновения институциональной структурой религии (подобно тому, как «поддерживается» некоторый «информационный протокол», «сообщение»).

Речь идет о том, что для Нового университета, как видит западноевропейская цивилизация институциональную структуру субъекта инновационного развития (субъекта второго основания устойчивого развития), — для этой «мировой души» устойчивого развития, телесность которой образует западноевропейская форма организации жизни, необходима мощная естественноисторическая символическая («живорелигиозная», самоочевидная) система, находящаяся в той стадии Реформации, когда на ее основе возникает система семиотическая, возникает, то есть, форма университета, когда раскрывается возможность Большой науки, как на определенном историческом этапе развития христианства возник христианский мир европейского университета, ранний мир европейской науки. Таким образом, мы стоим на пороге возникновения Ученого и технологического мира Ислама как фундаментальной составляющей научного мира мировой цивилизации, воплощающего «дух инновационного развития». Безусловно, в исламском мире существует множество университетов, и авторы не подозревают их в некоей вторичности по отношению к университетам европейским, но речь здесь идет о том, как возможно естественноисторическое возникновение, по сути дела, новой научной эпохи, преодолевающей «кризис европейской науки», выявленный Гуссерлем еще в начале прошлого века.

История исламской философии в концентрированном виде указывает на объективно-историческую возможность такого рода. Ее западноевропейская квалификация как философии «средневековой» теряет главный смысл, потенциал самораскрытия, ведь тогда придется предположить, что эта «средневековая» философия не знала ни классической древности, ни возрождения. Соответствующий терминологический концепт «наследие» в арабоязычной литературе, с нашей точки зрения, как раз и выражает тот фундаментальный исторический профиль исламской философии, который совпадает по историческому времени развития, характеризующему определенный этап развития самостоятельной цивилизации, с периодом философии Отцов христианской церкви, философского учения Августина Блаженного — периодом становления символического универсума религии, периодом формирования структуры «чистого разума», периодом «возникновения мышления из религии» на фоне институционализации религии, когда мышление как бы «вырезывается», по выражению А. Ф. Лосева, на фоне религии.

Ибн Рушд (Аверроэс, 1126–1198) в своем «Рассуждении, выносящем решение относительно связи между религией и философией» стремился показать не просто «допустимость» философии, но доказывал «обязательность» (ваджиб) занятия философией для мусульмани-

на. Великий Данте помещает Аверроэса (вместе с Платоном и Аристотелем) в Лимб. Католический философ и богослов Жильсон называет учение Аверроэса о согласии религии и философии вехой в истории мировой цивилизации.

«Наследие» исламской философии объективно является для всего человечества предпосылкой возникновения Нового университета, Ученого и технологического мира Ислама, имеющего общечеловеческое значение. Неосуществленный, но намеченный проект Ибн Сины (Авиценны, 980–1037) об универсальной схеме организации наук – это проект Большой науки, меганауки, обретает свою актуальность на пороге третьего тысячелетия. Европейцы должны осознать, что у них на глазах для исламской цивилизации в ином, особом способе течения исторического времени начинается медленный, величественный процесс становления Ученого и технологического мира Ислама, который является «сокровенным воспоминанием» для европейской истории мышления и захватывает самые фундаментальные проблемы развития всего человечества, прежде всего, поле научной проблематики, поле оснований науки, оказавшееся «не по зубам» науке западноевропейской в силу ее исторического возраста как институциональной системы, двигающейся в определенном историческом времени и проходящей иной этап развития. Необходимо осознать единство двух цивилизаций в науке – в разработке чистой функции устойчивого развития. Возрождение «наследия» исламской философии, рефлексивное осмысление ее как истока, самой возможности возникновения инновационной составляющей устойчивого развития открывает, прежде всего, новые горизонты описания непосредственной реальности устойчивого развития, отсутствующие в западноевропейской традиции.

Ибн Сина, «князь философов» и «князь врачей», описывает феномен развития как «ряд возможного», который качественно отличается от бесконечности «горизонтального» чередования единичного временного сущего, возникающего в ограниченной материи мира. Такого рода постижение и «схватывание» развития невозможно вне семиотической концепции абсолюта, которая представлена у Ибн Сины в виде концепции времени-вечности, образующей ряд развития: вечность представлена в образе двух стратегий развития, направленных в прошлое и будущее из точки настоящего и образующих, соответственно, азал и абад. Понятие азал («безначальность»), которое выражает отсутствие начала во времени, ничего не сообщая о конечности или бесконечности во времени, и понятие абад («нескончаемость»), выражающее отсутствие конца во времени для того, что могло иметь или не иметь начало во времени, – вместе образуют бесконечно-конечную линию моментов времени, сквозь которую просматривается действительный числовой

ряд. Тела обладают своими «до» и «после» благодаря времени, а само время — самостно, поэтому у времени нет времени, то есть время не бывает до или после времени. Настоящее понимается как общая граница «до» и «после», или прошедшего и будущего. Прошедшее и будущее континуальны и не имеют начала и конца. Читатель сам может сопоставить уровень системности так востребованной сегодня континуалистской теории времени Ибн Сины с истолкованием времени в философии Августина Блаженного («Исповедь», главы 10–30 книги XI), которое производит впечатление не законченной стройной теории времени, а скорее собрания отдельных высказываний Августина, очень слабо связанных друг с другом логически. А ведь Аврелий Августин родился в 354 году, до, собственно говоря, возникновения Ислама, не говоря уже об арабской философии, — уже одно это может дать читателю, способному «припомнить» историю европейского университета, сама возможность которого (университета) закладывалась в том числе и Августином Блаженным, косвенное представление о том грандиозном явлении Ученого и технологического мира Ислама, основанном на структурообразующих компонентах «наследия», которое нас ожидает в грядущем.

По сути дела, становление Большой науки Ученого и технологического мира Ислама — это образование «нового аристотелизма» (С. С. Аверинцев). Само «исламское наследие» и ввело исторически аристотелизм в основание европейской культуры. Бывшие тогда в ходу латинские переводы Платона и Аристотеля делались не непосредственно с греческих оригиналов, а с арабских переводов, к которым прилагались комментарии Ибн Сины (Авиценны), Аверроэса и др. В первом из европейских университетов в Салерно лекции читались на арабском языке.

Постановка вопроса о «новом аристотелизме» как метафоре для грядущего Ученого и технологического мира Ислама в рамках разрабатываемой авторами статьи семиотической концепции Университета — это не только идея о необходимости новой универсальной философской энциклопедии наук, но и выявление базовых групп проблем современной науки, выявление связей между ними, оснований и структурообразующих компонентов. Концепция «конца истории» предполагает особое состояние западноевропейской цивилизации, которое можно назвать состоянием без-основности в том смысле, что философско-меганаучные основания западноевропейского знания «схватываются» феноменологически, в реальной практике, «спрятаны» под напластованиями культурных традиций и механизмов, не отрефлексированы, не прояснены в отчетливой форме, подменяются «самоочевидностью» — не могут быть смоделированы. Так, практически любой учебник по

праву напомнит вам во введении, что такая фундаментальная проблема, как образование норм права, неразрешима при современном состоянии науки. Медицина открыто признает отсутствие подтверждаемой практически теории иммунитета. Множество высокоученых экономистов и экономических течений неспособно скрыть факт отсутствия научной концепции рынка, подтверждаемой на практике и способной к долгосрочному прогнозированию «в реальных цифрах».

Я выделяю семь структурных групп проблем выявления оснований науки, вне разработки которых невозможна действительная концепция устойчивого развития, то есть меганаука:

- 1) проблема новой информационной экономики — научной (меганаучной), то есть рефлексивной, теории рынка;
- 2) проблема образования норм права — научной, рефлексивной теории права;
- 3) проблема «единой теории поля» — рефлексивной теории физики;
- 4) проблема теории иммунитета;
- 5) проблема оснований математики, логики — рефлексивной теории математики (теории математического синтеза, или математической теории синтеза);
- 6) проблема искусственного интеллекта — теория математической риторики;
- 7) проблема федерализма — теория «меганаучного», гуманитарно-технотронного государства, теория «государства рефлексии».

Западноевропейское мышление остановилось перед этими проблемами, сумев их достаточно явно сформулировать, поскольку уже довольно длительное время переживает исторически закономерный период «семиотического атеизма», свойственный времени «конца истории». Дело в том, что структурообразующей функцией, системной для всех семи групп проблем, является онто-научная семиотическая конвенция, отрицающая бытие абсолюта, универсальной структуры, в любом из возможных способов его существования на уровне языка науки, что налагает тотальный запрет на фундаментальную рефлекссию, на обобщения и абстракции качественно новых порядков системности, развивающих не только формально-математические методы, но и некоторые содержательно-математические методы, то есть методы, в такой степени граничащие с физической реальностью, что они практически являются ее частью — где «бог не играет в кости», по выражению Эйнштейна. Речь идет не о формальном признании или непризнании учеными религиозного абсолюта, а об образовавшихся генетико-семиотических программах, образующих метод, но одновременно и предел

языка современной науки как основного средства семиотического (знакового) освоения действительности.

Пожалуй, самым крупным семиотическим событием, первым семиотическим поворотом для современной научной мысли стал приход в Европу арабских цифр. Арифметика, которую до того учили схематично, была обновлена введением девяти арабских цифр монахом Гербертом, получившем образование в Испании, в мусульманском университете, и ставшим Римским Папой под именем Сильвестра II (999–1003) (до него эти цифры не использовались за пределами мусульманского мира). Несмотря на превосходство над римской системой счисления, понадобилось еще около 400 лет, чтобы арабские цифры утвердились в европейской математике и счете (важнейшая роль здесь принадлежит авторитетному европейскому математику Фибоначчи, предложившему использовать арабскую систему счисления вместо римской в 1202 году). Событие перехода на арабскую систему счисления означало «появление Университета в головах», появление научного мышления, обладающего орудием и методом своей научности, своего ремесла — «алгоритмом». Известный исследователь исламского наследия Де Во пишет: «Используя цифры, арабы стали основателями повседневной арифметики, они сделали алгебру точной наукой и значительно развили ее, они заложили основы аналитической геометрии; неоспоримо, что они были основателями плоскостной и сферической тригонометрии. Астролябия (сафиха) была изобретена арабом аз-Заркали (Арказел), который жил в Испании в 1029–1087»⁴⁶. Одним из первых арабоязычных математиков, освоивших индийскую позиционную систему с полем и правила индийского счета, был Мухаммед бен Муса из Средней Азии, известный под именем ал-Хорезми (в европейском искажении — *Algorithmus*, отсюда слово «алгоритм»). Сама возможность «алгоритмизации» пространственно-временного континуума посредством «исчисления бесконечно малых», получившая фундаментальное выражение в «Математических началах натурфилософии» И. Ньютона, коренится в «наследии», где гармонично сочетается с базовой «исламской» теорией равновесия, выражающейся в заложенных в «исламском наследии» основах гидростатики — науки о равновесии жидких тел, а также в изобретении маятника в часах.

Важнейшей составляющей Ученого и технологического мира Ислама станет разработка, раскрытие нового универсального алгоритма научного познания, алгоритма меганауки, скрывающегося за метафорой «искусственного интеллекта». Речь идет о возможности нового семио-

⁴⁶ *Барон Карра Де Во*. Астрономия и математика / Наследие Ислама. — Оксфорд, 1931. — С. 376–398.

тического прорыва в рациональном освоении действительности, связанного с качественно новым уровнем тематизации знаковых систем. Так, по мнению исследователей в области истории искусственного интеллекта, работа выдающегося мыслителя Мухйи ад-Дина Мухаммада ибн аль-Араби (1165–1240) «Изображение окружностей, охватывающих подобие человека Творцу и сотворенному миру» вместе с работой францисканского монаха Луллия «Великое искусство», писавшего на арабском языке, вводит идею «устройства для автоматического открытия истин», в рамках которой приведены чертежи и «правила пользования» логической машиной. В 1200 г., начиная свое паломничество на Восток, Ибн аль-Араби видит необычный сон: он будто бы «вступает в брачные отношения со всеми звездами неба и всеми буквами алфавита». Одно из основных понятий криптографии — шифр — также имеет корни в арабском слове «цифра». Одна из первых крупных книг, в которой содержательно описывается криптография, — это труд, созданный Абу Бакр Ахмед бен Али бен Вахшия ан-Набати, «Книга о большом стремлении человека разгадать загадки древней письменности». Важнейшее значение для формирования нового семиотического поворота имеет филология как важнейшая составляющая «исламского наследия», которая основывается «на теории, утверждающей, что на смысл можно указать посредством пяти вещей: «выговоренности», «письма», «жеста», «положения пальцев» (развитого среди дописьменных арабов сложного искусства счета на пальцах) и «положения вещей». Составляя центр всех этих отношений указания, сам «смысл», согласно данной теории, ни на что не указывает и служит поэтому неопределимым фундаментом понимания и слова, и вещи. Слово определяется как единая структура, в которой «выговоренность» связана со своим «смыслом» не случайно, но согласно «истине». Этим «выговоренность» отличается, с одной стороны, от «бессмысленного звука», который не передает смысл, а с другой — от «знака», который может быть произвольно установлен для указания на те или иные вещи. Таким образом, «выговоренность», с одной стороны, тождественна своему смыслу, поскольку всегда транслируется в него, и наоборот, данный смысл выражается в своей, и только своей «выговоренности». Современное философское знание, к которому пришла западноевропейская цивилизация, характеризующее эпоху «конца истории», указывает прежде всего на это состояние «феноменологического голоса» и называет его «голосом, взятым в феноменологическом смысле, речью в ее трансцендентальной плоти, дыханием интенциональной одушевленности, трансформирующей тело слова... в духовную телесность. Феноменологический голос и будет этой духовной плотью, которая продолжает говорить и наличествовать себе самой — ПРИСЛУШИВАТЬСЯ К СЕБЕ — в отсутствие

мира»⁴⁷. Подобное понимание как «грядущее» образует существо концепции деконструкции «последнего философского гения» западноевропейской философии Ж. Деррида, в частности его вывод о том, что слово и обозначаемое им понятие, то есть слово и мысль, слово и смысл, никогда не могут быть одним и тем же, поскольку то, что обозначается, никогда не присутствует, не «наличествует» в знаке.

Одной из важнейших стратегий Ученого и технологического мира Ислама, основанной на возрождении «исламского наследия» в форме нового университета, должна стать концепция Semeiotic Web (концепция и термин разработаны автором и впервые публикуются в настоящей статье), концепция «семиотической паутины».

В основе концепции Semeiotic Web лежат три ключевые технологии:

- 1) спецификации, позволяющие определить структуру смысла;
- 2) онтологическая система, позволяющая определять смыслы и отношения между ними;
- 3) система определения ресурсов, обеспечивающая модель кодирования для значений смыслов, определенных в онтологии.

Онтология основывается на дефинициях меганауки, рефлексивном упорядочивании значений времени как классов категорий, образуемых смыслами субстанциональной концепции времени, риторической теории числа. Semeiotic Web, наряду с западноевропейской концепцией Semantic Web, технологиями «семантической паутины», которые позволяют сегодня цивилизованному сообществу начать автоматизацию использования разнородных распределенных источников информации и служб в Интернете и образуют одну из важнейших коммуникационных систем технотронной цивилизации как, соответственно, «новый центр» и структуру этой системы, как систему категорий универсального языка — знаковой системы, выражающей дефинитивную структуру феномена времени.

По существу, научный и технологический мир Запада сегодня пребывает в стадии использования «непозиционных системам счисления», мы называем их в концепции Semeiotic Web непозиционными (логическими) системами счисления информации. Как известно, в таких системах счисления, которыми пользовались древние египтяне, греки, римляне и некоторые другие народы древности, от положения знака в записи не зависит величина, которую он обозначает; поэтому они называются непозиционными системами счисления (римская система записи чисел — римские цифры и др.). Концепция Semeiotic Web

⁴⁷ Деррида Ж. Голос как феномен другой сущности в теории знака Гуссерля. — СПб.: Алетейя, 1999.

вводит понятие позиционной (риторической) системы счисления информации. В позиционных системах счисления, как известно, величина обозначается цифрой в записи числа и зависит от ее позиции.

Власти Саудовской Аравии объявили недавно о том, что в ближайшие месяцы специальные серверы, расположенные в городке науки и технологии имени короля Абдель Азиза в Эр-Рияде, блокируют около 400 тысяч Web-сайтов по причине их несоответствия моральным нормам этого королевства. Местные Интернет-провайдеры, коих насчитывается около двух десятков, работают под неусыпным контролем министерства науки и технологии, которое и занимается фильтрацией и блокированием сайтов неподобающего содержания. По заявлению министерства, 95% заблокированных сайтов являются порнографическими, а остальные 5% — пропагандируют идеи, которые противоречат законам Ислама. Не беремся оценивать данное решение, так как это тема отдельной статьи, но в целом отметим остроту постановки вопроса о содержании коммуникационных сетей на основе «исламского наследия», что особым образом подчеркивает актуальность концепции Semeiotic Web как системы дифференциации (различения) смысловых структур в рамках становления Ученого и технологического мира Ислама.

Впервые идея позиционной системы счисления возникла в древнем Вавилоне, метафора вавилонской башни хорошо отражает гносеологические амбиции настоящей системы. Так, идея позиционного счисления информации может стать основной рефлексивной теории рынка, смысл которой феноменологически схвачен в концепте «беспроцентного кредита», корнящегося в «наследии». «Разработка концепции Semeiotic Web и иных фундаментальных стратегий Ученого и технологического мира Ислама означает фактическую деконструкцию «мифа о Вавилонской башне», то есть выработку универсального языка мегаунаки, выводящего человечество за пределы «раздробленности» мира на путь к новой гуманитарной цивилизации.

Так, американский исследователь Франц Розенталь в своей книге «Торжество знания» упоминает, что в Коране корень слова «знать» (ильм) вместе с производными от него словами «знание», «наука» встречается около 750 раз, то есть необычайно часто, составляя около 1% его словарного фонда. Для аргументации идеи о том, что в Коране значительное место уделяется разуму и знаниям, можно привести ряд аятов. Так, «Разве сравниваются те, которые знают, и те которые не знают?» (39:12); «... слепой, глухой и зрячий, слышащий. Разве сравниваются в примере?» (11:26); «Возвышает Аллах тех из вас, которые уверовали и тех, кому дано знание, на разные ступени» (58: 12). «Коран-это священная книга, в которой рационализм занимает большое место». (М. Роденсон)

Крупнейший мусульманский теолог Мухаммад аль-Газали (ум. 1111 г.) писал: «Наука зависит от благородства объекта знания, а ранг ученых — от ранга знания. Не может быть сомнения в том, что самое главное и высокое из всего подлежащего познанию есть Бог, Создатель, Творец, Подлинный, Единственный. Поэтому знания о Нем, которые есть наука о (Его) единстве, будут наиболее замечательными, славными и совершенной областью знания. Это есть “необходимое знание”, приобретение которого обязательно для каждого сознательного человека»⁴⁸.

Псевдорелигиозное самоопределение террористических организаций, подчеркнутое событиями 11 сентября во всемирном масштабе, требует осмысления. Сущностью террора как вида человеческой деятельности является последовательный, рациональный, логически стройный, идеологический атеизм. Атеизм как система антирелигиозного советского агитпропа — всего лишь жалкая пародия на истинный системный атеизм — терроризм. Террор, таким образом, должен пониматься как деструктивный «историко-правовой институт», замыкающий ряд: революция, тоталитарное государство, террор. Подобно институту революции, институту тоталитарного государства, институт террора имеет свой, отличный от цивилизованного (и противостоящий ему) способ воспроизводства капитала (включая гуманитарный капитал), свои социально-экономические, правовые, информационные и иные отношения, административно-территориальную организацию, идеологию, собственное жизненное, геополитическое, этнонациональное пространство. Так, террор не тождественен войне: террор может вести войну, как может вести войну революция, как может вести войну тоталитарное государство. В условиях современной материалистической цивилизации именно доведенный до совершенства атеизм зачастую является наиболее возможной формой нематериалистического существования. «Террор против террора — за этим более нет идеологии. У нас теперь нет ни идеологии, ни политики. Ни идеологии, ни причина, ни даже исламская причина не могут быть теми источниками энергии, которые питают террор. Она (энергия) не имеет своей целью изменение мира; она намерена (как любая ересь своего времени) радикализировать мир посредством жертвы, в то время как система старается реализовать (мир) силы. Терроризм, подобно вирусу, находится везде. Пронизывая собою глобальную систему, терроризм, подобно тени всей системы господства, готов в любом месте представлять себя в ка-

⁴⁸ Мухаммад аль-Газали. Письмо к ученику // Ахлу сунна валь джамаа / Блог на WordPress.com. [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://sunnainfo.files.wordpress.com/2009/11/imam_gazali_pismo_učeniku.pdf, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.

честве двойного агента. Нет никакой определенной границы для него — он находится в самом сердце этой культуры, которая борется с ним. Визуальная схизматика (и ненависть) противостояния, на глобальном уровне это выглядит как вызов Западному миру, тайно указывает на внутреннюю хрупкость господствующей системы. ...Поэтому это не потрясение цивилизаций, религий, но то, что находится по ту сторону Ислама и Америки. Однако некоторые пытаются фокусировать конфликт на этих обобщениях, чтобы показать иллюзорную видимость конфликта и его возможное решение (силовое). Конечно, это фундаментальный антагонизм, но те, кто показывает его через призму Америки (которая, возможно, находится в эпицентре, но отнюдь не является воплощением глобализации) и через призму Ислама (который не является воплощением терроризма), тем самым показывают, что глобализация сражается с самой собой»⁴⁹. Таким образом, закономерно, что именно Ислам, которому объективно-исторически предстоит период Реформации и который является сегодня живым религиозным институтом цивилизации, вступающим в фазу реформации, — именно Ислам образует круг средоточия вызовов, важнейшим из которых является международный терроризм. Как же понять, что именно истинный атеизм толкает религиозного фанатика на самоубийственный акт террора? Разгадка в понимании Террора не как информационной картинки, навещающей ужас на обывателя, но как деструктивной историко-правовой системы, наследующей соответствующим историко-правовым системам революции и тоталитарного государства. Радикальное несоответствие идеалов революции и тоталитарного государства их исторической действительности так же характерно и для института терроризма. Адекватный, превосходящий по мощи ответ на глобальный вызов международного терроризма — это становление Ученого и технологического мира Ислама. Речь, как следует из вышеизложенного, идет не о каких-то необычных научных сообществах, но о новых «стандартных» научных, информационных и технологических институтах и сетях, решающих на современном и постсовременном уровне фундаментальные и практические задачи устойчивого развития цивилизации.

Современная ситуация в области реального наднационального научного, технологического и экономического знания характеризуется раздробленностью разделов и практик, отсутствием стратегии и, главное, не может в этом состоянии стать основой реальной концепции устойчивого развития. В основе подобного состояния — материалистическая парадигма современного познания, в своем логическом завершении имеющая действительный атеизм, препятствующий на

⁴⁹ Бодрийяр Ж. Дух терроризма // Геополитика террора. — М., 2002.

генетико-семиотическом уровне необходимости фундаментального научно-технологического поворота («мировой рефлексии»), способного вывести цивилизацию на путь устойчивого развития.

Мир сегодня разговаривает на английском языке, но творит новый мир на языке арабских цифр. Число становится главной движущей силой цивилизации: компьютерные информационные технологии, всякие цифровые технологии вообще, пронизывающие все сферы человеческой жизнедеятельности и организующие их. Природа числа, «власть над числом» коренится в феномене времени. Грядущее философское учение Ислама — это учение о Времени. Время — несокрытая тайна Ислама. Главный символ Ислама в Мекке — священный черный камень — есть также и непосредственное послание о Времени, есть также и живое тело, самость Времени.

Важнейшим направлением деятельности международной инвестиционной группы в рамках содействия становлению Ученого и технологического мира Ислама должно стать фактически создание институциональной структуры фундаментальной науки, ориентированной на исследование современными методами феномена времени, а также развитие новых методов исследования времени. Современная западно-европейская наука, характеризующая эпоху «конца истории», является преимущественно наукой о пространстве — именно это обстоятельство и выражается в многообразии ее разделов, спецификаций, сохраняющих между собой не столько смысловые, сколько топологические связи. Мусульманские страны, являющиеся крупнейшими разработчиками и поставщиками минерального сырья, и должны стать родиной новых высоких энергетических технологий (в отличие от «наивно-материалистических» идей использования солнечной энергии и прочих «ветряных мельниц»), основанных на научной разработке сложной и системной проблематики Времени.

Стратегия временного развития станет реальной научной основой стратегии устойчивого развития, дополняя стратегию пространственного развития, разрабатываемую европейской бюрократией⁵⁰.

Наднациональный анти-ислам, продвигающий «брэнд» международного терроризма, — это глобальный вызов для проявления наднационального Ислама, Ученого и технологического мира Ислама, универсальных структур нового университета. Именно Ученый и технологический мир Ислама станет объективно-историческим проявлением реформационной пассионарности мира Ислама, точкой бифуркации его

⁵⁰ Европейская конференция министров регионального планирования «Основополагающие принципы устойчивого пространственного развития европейского континента», Ганновер, 2000.

потенциала. Именно Ученый и технологический мира Ислама резко повысит все виды капитализации (включая гуманитарную форму капитала) исламского мира в структуре цивилизации, образуя инновационную составляющую устойчивого развития. Стратегия содействия становлению Ученого и технологического мира Ислама способна сориентировать гуманитарно-политический, социально-экономический, геополитический, финансовый и иной ресурсный потенциал исламского мира, препятствуя его размыванию, в рамках которого сегодня образуются и соответствующие потенциалы деструктивной деятельности анти-ислама.

Таким образом, необходимо создание авторитетной группы международных неправительственных и инвестиционных организаций в сфере венчурного финансирования фундаментальных научных и опытно-конструкторских разработок в рамках концепции «семи групп структурных проблем фундаментальной науки», — располагающих необходимым интеллектуальным и финансово-экономическим потенциалом для разработки концепции устойчивого развития, основывающейся на раскрытии потенциала Ученого и технологического мира Ислама во всемирном масштабе.

Знаковым моментом начала становления Ученого и технологического мира Ислама могло бы стать создание Открытого университета Саудовской Аравии. Так, в 1969 году в Великобритании Королевским указом был создан Открытый университет, признанный впоследствии Всемирным сообществом просвещения в Ванкувере самым крупным образовательным проектом XX века. Идея распространения мира Университета, идея непрерывного образования как фундаментальной структуры человеческой личности, а также создание технологий поддержки такой образовательной практики — суть наднациональной миссии Открытого университета.

Ряд знаковых событий указывают и на начало рефлексивных процессов, связанных с осмыслением становления Ученого и технологического мира Ислама. Так, российский математик Юрий Манин в 2001 году удостоен престижной международной премии имени короля Саудовской Аравии Фейсала. Лауреат премии, превышающей Нобелевскую премию пока только в денежном эквиваленте, — член-корреспондент Российской академии наук, больше десяти лет работающий за рубежом (в США и Германии), директор Института математики имени Макса Планка в Бонне. Спектр его интересов затрагивает выявленные автором статьи группы проблем научных оснований — от алгебры до квантовой физики, от топологических проблем до квантовых компьютеров, принцип действия которых он предугадал еще до американца Фейнмана. Манину удалось решить одну из проблем Гильберта, которые считаются проблемами оснований математики.

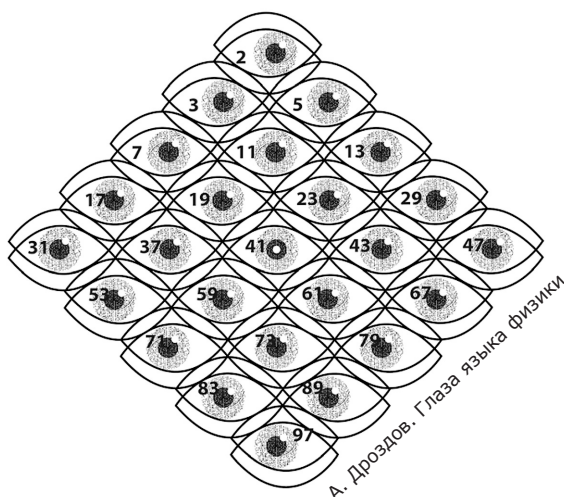
Вообще говоря, Россия яснее других государств осознает объективно-историческую тенденцию становления Ученого и технологического мира Ислама как структурного компонента наднационального мира гуманитарно-технотронной цивилизации. Это связано с тем, что осмысление деструктивных вызовов российской пассионарной истории прошедшего века является важнейшим основанием поиска фундаментальной инновационной альтернативы в качестве «общенациональной идеи». Именно продуктивное инновационное участие (глобальное лидерство) в становлении нового наднационального научного и технологического мира гуманитарно-технотронной цивилизации является фундаментальной составляющей стратегии устойчивого развития России. Для постановки этой грандиозной темы необходима отдельная работа, но в завершение уместно сформулировать существенную историческую аналогию. В долгосрочной исторической перспективе новая европейская сущность России, обновляющая в целом и западноевропейское существо современной Европы, способна сформироваться в системе фундаментального диалога с постсовременной исламской Реформацией (в «духе становления» Ученого и технологического мира Ислама) подобно тому, как на ментальной основе арабской философии, культуры, «математической письменности» сформировался универсум средневековой Европы, символический континуум современной европейской цивилизации.

Риторическая теория числа

Том 2

ВРЕМЯ – ЯЗЫК БЫТИЯ

ОБ ИСЧИСЛЕНИИ ПРОСТЫХ ЧИСЕЛ
КАК ИСТИННОМ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНО-
ИНТЕГРАЛЬНОМ ИСЧИСЛЕНИИ

Прежде, чем объединяться, и для того, чтобы объединиться, мы должны сначала решительно и определенно размежеваться.

В. И. Ленин. Заявление редакции «Искры» (1900)

Опыт дефинирующего разума.

С. С. Аверинцев. Риторика и истоки европейской
литературной традиции

Вечность есть играющее дитя, которое расставляет шашки; царство [над миром] принадлежит ребенку.

Гераклит

Современная физика идет вперед по тому пути, по которому шли Платон и пифагорейцы. Это развитие выглядит так, словно в конце его будет установлена очень простая формулировка закона природы, такая простая, какой ее надеялся видеть еще Платон.

В. Гейзенберг

Важнейшая задача, стоящая перед сегодняшними интеллектуалами, это задача эпистемологическая — как вновь собрать воедино наши концепции познания, как вернуться к единой эпистемологической модели.

И. Валлерстайн

Это своего рода линия обезбоживания в XX веке, указывающая почему именно только обезбоженный человек проникнет в нутро разума Вселенной. Потому, что обезбоженность (не путать с атеизмом) — это феноменологическая редукция обоженного мира до системы чистого разума, до риторической теории числа, до формулы единицы, то есть размежевание на окончательные различия, «первокачественности», простые числа — это и есть непосредственная встреча с единицей-сущностью, с Сущим, Единосущим.

П. И. Дерибо. Понятие онтологического опыта

Часть I. Язык физики

Риторическая теория числа и проблема структуры языка физики

А. Эйнштейн писал: «С самого начала проявилось стремление найти для унификации всех отраслей науки теоретическую основу, образованную минимальным числом понятий и фундаментальных соотношений, из которых логическим путем можно было бы вывести все понятия и соотношения отдельных дисциплин. Вот что мы понимаем под поиском фундамента для физики в целом. Глубокое убеждение в достижимости этой цели является главным источником страстной преданности, которая всегда воодушевляет исследователя»¹.

Эти слова Эйнштейна, безусловно, являются путеводной звездой для РТЧ. Однако с точки зрения РТЧ как философского учения (системы) задача гораздо сложнее. Речь должна идти не о минимизации числа основных понятий, а о поиске первопонятия, которое не является понятием какой-то отдельной дисциплины, но создает условия возможности науки как таковой, является пространством понимания, из которого рождается основание всех наук. Не вполне верна программа Эйнштейна и в том, что путь выведения всех понятий и соотношений отдельных дисциплин — это логический путь. Язык (речь) как формализм порождения-выразимости мышления посредством реализации в мышлении бытия гораздо богаче, полнее и непротиворечивее, чем логика. Речь (риторика) как путь обретения истинности (истинного суждения) — такова форма дедукции подлинного научного знания. Кроме того, совершенно не факт, что понятия и отношения современной науки (отдельных дисциплин) должны сохраняться неизменными ради устойчивости здания академической науки, скорее всего, эти понятия будут переосмыслены и преобразованы в ходе риторической дедукции (рефлексии) из первопонятия научного знания. Рефлексия теоретического научного знания как единого дедуктивного процесса резко продвинет и практическую прикладную науку, которая при этом обретет универсальный метод, не скованный дисциплинарными ограничениями и работающий непосредственно с инвариантными данными экспериментов, технологий, наблюдений.

¹ *Эйнштейн А.* Основы теоретической физики // Физика и реальность. — М.: Наука, 1965. — С. 68.

Риторическая теория числа как истинная и первичная «математико-физическая структура». Физика в аристотелевском смысле есть истина первосуществования, познаваемая мыслью посредством языкового выражения — суждения о первосуществовании, о его сущности, строении, движении, возникновении и уничтожении. Истинное суждение — продукт герменевтики (понимания) первосуществования, универсальному закону которого подлежит и подчиняется всякое существование. Первоистинное суждение о первосуществовании суть число. Число — это первое, что мысль может сказать о первосуществовании. Число — это, таким образом, первое слово. В этом смысле первотеория о первосуществовании — это риторическая теория числа. Проект математизированной физической герменевтики — это проект экспликации первотеории, естественной теории человеческого разума, порождающей действительность этого разума, человеческую действительность, существенной формой которой является многообразие научных дисциплин (представлений). Всякое представление порождается риторической теорией числа как способностью представляющего суждения. Таким образом, истинной «физической структурой, допускающей строгую математическую формулировку», то есть структурой первосуществования, первосхватываемой мыслью посредством первоязыка (= посредством числа), является риторическая теория числа как изначальная форма всегда-языкового сознания (осознания) существования. «В основании Мира» как всех представлений о Море (понятий) лежит такая «абстрактная структура», как риторическая теория числа.

В 1986 году появилась моя первая профессиональная философская работа «Неписаное учение Платона. Учение о времени-истине». Речь шла об определенном решении историко-философской проблемы неписаного учения Платона, о существовании которого, в частности, писал Аристотель, рассказывая об особенностях восприятия слушателями устной платоновской лекции о Благое. Менее всего платоновская идея состоит в том, что «за этим материальным миром скрывается некий мир иной реальности». Платон, а вслед за ним и ориентированная на него историко-философская традиция и русская религиозная философия в особенности проблематизируют материальный мир как мир, порожденный Словом в Мысли. В платоновской традиции раскрывается понимание мира как фундаментальный акт миротворения, а материализм рассматривается как всего лишь огрубленное Миров-представление, свойственное определенному типу людей. То есть материализм есть проблема восприятия людей определенного склада, а не общечеловеческая проблема познания. Таковой эта проблема становится лишь в силу господства подобных людей в науке, культуре, экономике и политике, но это не универсальная проблема познания.

Галилей утверждал: «Книга природы написана языком математики». То есть с герменевтической точки зрения универсальные законы природы — это законы языка книги природы. Теория книги природы — таков универсальный закон научного познания. Книга природы создается на основе риторической теории числа, которая в качестве производящей способности книги природы и является ее теорией, средством творения книги природы как физической картины мира. Предметом книги природы является первосуществование — физика. Физика — это сюжет книги природы, а разделы, рубрики и перипетии книги природы — это развертывание физической картины мира в определенной структуре книги природы. Математика — это язык книги природы. Но книга природы может быть написана по-разному, можно также создавать множество книг природы. В конце концов, книги природы могут быть гениальными и бездарными. В поиске универсального закона мы, таким образом, ставим вопрос о гениальной книге природе, о необходимости и неизбежности появления на определенном этапе развития науки своего рода «Библии Природы», базовой книги природы. Наука физики (первосуществования) — это «всего лишь» суть те возможности, которые открывает математика как язык, из существа которого создаются книги природы. Более глубокое понимание этого языка, а именно — более глубокое понимание сущности числа как слова математического языка, раскрывает и принципиально новые возможности развития физической науки и техники. Именно таким образом открывается вопрос о формуле единице как фундаментальный вопрос о физико-математическом прафеномене, истинной и универсальной физико-математической структуре, эксплицируемой, «математизируемой физической герменевтикой». Формула единицы — это основание способности математики (языка дефиниции и описания первосуществования) выражать и порождать истинное физическое знание (суждение о первосуществовании). Формула единицы — это и есть формулировка идеи всеединства (идеи устройства первосуществования, первоидеи физики) на строгом математическом языке, дефинирующем первосуществование.

Как в сфере литературного гения никогда нельзя предполагать, что Гомер или Толстой завершают литературное творчество своим произведением как принципиально непревосходимым венцом этого творчества, так и физическая гениальность творения книг природы (физических картин мира) будет остановлена только вместе с историей рода человеческого. Ограничениями физической гениальности являются условия разработки и использования математики как языка. Физический гений — это прежде всего гений языка числа. Математик — это, скорее, филолог языка числа, а физик — творец на языке числа. Однако в определенный период, как это произошло в гуманитаристике прошлого века,

филолог оказывается значительней языкового творца — величайшие умы отдали дань языку как фундаментальной структуре познания, без изучения и понимания базовых механизмов которой знание и творение не может продвигаться дальше. Не учитывающий «фактор языка» отныне становится бесплодным «творцом» неотрефлектированных представлений, творцом фантастических физических картин мира и заложником языковых фантазмов, рабом спонтанности сознания. То есть в новых условиях происходит возвращение к доязыковой форме мышления, к петроглифам и наскальной живописи, или, как я это называю, к «надосочной живописи» современных ученых, в которой они «на кончике мела» и «открывают» такие фантазмы, как, например, «бозон Хиггса»...

Материя — это прежде всего субстантив физики как языка, глагольная связка «есть» в физическом суждении, суждении языка числа. «Разгадка тайн материи» — не в адронном коллайдере и не в глубинах черных дыр Вселенной, а в риторической природе числа.

Вопрос об истине материи (об истинной материи первосуществования) — это вопрос о субстанции языка числа. О чем сказывается число, что сказывает себя как число? Ответ: время-истина. Время — это субстанция языка числа, из которой черпается смысл книги природы. Истинный физический термин возможен как определитель субстанционального времени.

В этом смысле актуальна программа терминологической рефлексии современной физики (ее рубрик, разделов, понятий), осуществляемая посредством последовательной детерминации (Великого объединения) всех физических терминов в дедуктивно-дефинитивную структуру субстанционального времени. Значения суждений истинной книги природы (формул) — это истинностно-конечностные, однозначные значения времени как «схваченные» явления, элементации, события субстанции времени (времени-истины). **Элементарные частицы суть элементации субстанционального времени, фреймы языка числа, которые истинны (первосуществуют) только в том случае, когда они фиксируют ту или иную качественность субстанционального времени.** Именно поэтому физика и техника обнаружения элементарных частиц несет в себе все признаки языкового позитивизма — частицы регистрируются, то есть верифицируются и фальсифицируются. Ожидание регистрации элементарной частицы — это языковое ожидание физической истины о субстанциональности времени. В этом смысле «ожидание Бозона Хиггса» сродни «ожиданию Годо».

Предметной областью языка числа является время. Предметной областью языка слова (устной и письменной речи) является бытие. В качестве изначального языка как корня обоих языков — времени и бытия (первого языка — языка числа и пред-первого, перво-при-

чинного языка — языка слова) — открывается язык Рода, того бытие-основания (причинности самой по себе), при котором состоит, присутствует при-рода. Язык человеческого Рода — это язык грядущей единой гуманитарно-технотронной цивилизации как ленто-мебиусной структуры взаимоперехода числа и слова, времени и бытия — структуры новой Этики.

Известный физик Ю. И. Кулаков утверждает: «Здесь невольно напрашивается еще одна историческая параллель. Ситуация, сложившаяся в физике элементарных частиц, удивительным образом напоминает положение дел в математике во второй половине XIX века. Тогда широкое распространение получила связанная главным образом с именем Кронекера идея “арифметизации” математики. Суть ее заключалась в следующем: вся математика сводится к числам. Но поскольку вещественные числа сводятся к рациональным, рациональные — к целым, а целые — к натуральным, то натуральные числа должны быть признаны “первичными кирпичиками” всей математики. Леопольд Кронекер (1823–1891) довольно образно выразил эту мысль следующей фразой: “Господь Бог создал натуральные числа; все остальное дело рук человеческих”. Следовательно, чтобы до конца понять математику, необходимо развивать Теорию чисел, которая действительно в какое-то время играла роль “королевы математики”. Более того, было показано, что все натуральные числа сводятся к произведениям простых “элементарных” чисел и, следовательно, вся математика, в конечном счете, сводится к изучению простых чисел»².

Программа арифметизации математики Кронекера существенно продолжается риторической теорией числа как программой языказации математики в целях раскрытия ее сущности как фундаментальной, порождающей структуры физики и выявления универсальных арифметико-физических структур (универсальных законов физики).

Программа Кронекера остановилась перед такой фундаментальной проблемой теории чисел, как проблема распределения простых чисел в натуральном ряду. Именно из-за неразрешимости этой проблемы и фактического отката от углубления понятия (теории) числа последующее развитие математики и ушло в такие спекулятивные, нецелочисленные направления, как «теоретико-функциональная школа Карла Вейерштрасса» и «теоретико-множественная школа Георга Кантора».

² Здесь и далее в главе Ю. Кулаков цит. по: *Кулаков Ю. И.* Сакральная физика: Стенограмма выступления Ю. И. Кулакова в «Программе Гордона» на НТВ 29 сентября 2003 г. в кн.: Теория физических структур (Математические начала физической герменевтики) // *Credo*. Научно-образовательный, физико-математический журнал-депозитарий [Электронный ресурс]. — Горно-Алтайск — Новосибирск, 2004. — Режим доступа: <http://www.credo-pst.com/book/gordon/>, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус..

Риторическая теория числа, направленная на возрождение принципов целочисленной арифметизации как языковой основы представления универсальных физических структур (структур первосуществования), является раскрытием риторической (языковой) природы числа через новое (структурно-языковое) понятие простого числа. Это понятие появляется посредством рефлексии натурального ряда, в ходе которой он языкализируется, проявляет свои языковые свойства и признаки, свою истинностно-конечностную (речевую) структуру. Образование натурального ряда как образование каждого последующего числа ряда путем механического добавления единицы к предыдущему числу есть поверхностное представление спекулятивной теории чисел. Гипотеза о натуральном ряде как о языке числа рассматривает числа подобно словам языка, когда каждое последующее слово в суждении связано со всей структурой суждения законами грамматики и — через эти законы — с самой субстанцией языка и универсальными механизмами обеспечения истинности суждения. Появление числа в натуральном ряде зависит не только от предшествующего числа, но и от самой сущности натурального ряда как формы выражения и представления посредством числа. Для рефлексивного понимания натурального ряда как языко-подобного ряда выразимости физической картины мира, на формальной основе которого работает способность к созданию представлений о первосуществовании, мы используем наработанные в гуманитаристике, языковой философии модели и представления о языке, которые в свою очередь обогащаются в ходе данной сравнительной аналогизации и сращиваются с физико-математическими структурами. Слова как элементарии речи последовательно образуют суждение, регулируемое в конечном итоге глагольной связкой «есть», субстанциональным основанием речи, Словом самим по себе. «Вначале было Слово... и Слово было Бог». По существу, истинностно-конечностная человеческая речь есть богодоказательство, восприятие каждого слова, входящего в состав суждения, в первослове. Истинная речь есть Бого-прещение мира, о-Бога-щение мира, каковое есть культура.

Принцип всеединства проявляется так: каждое слово речи есть часть первослова, речь — это всегда субстанциональная связь и отношение первослова и слов как целого и его истинных (органических) частей. В этом смысле каждое (целое) число — это часть единицы (первочисла). Единица — это число, органическими частями которого являются натуральные числа. **Натуральные числа — это физические измерения первосуществования в такой системе единиц измерения, как «Число».** Поясним физический смысл данного тезиса. Например, существует единица измерения «ньютон», являющаяся основанием некоторого искусственного (созданного Великим ученым) языка законов физики Ньютона. В уни-

версальном, естественном языке природы (РТЧ-языке) раскрывается универсальная единица измерения «число», на основе которой представляется всеединый закон природы, выражаемый формулой Единицы, той силы, того вида бытия, в котором конституируется природа. **В свете принципа всеединства формула единицы такова: «Единица есть множество простых чисел».** Именно множество простых чисел — это высказывание о первосуществовании, последовательность чисел в языке числа, аналогичная последовательности слов в суждении, высказываемой речи. В этом смысле множество простых чисел — это истинное множество действительных элементарных, в отличие от произвольных множеств элементов, по Кантору. Именно произвольность в выборе типа элементов множества и отсутствие привилегированного множества истинных элементов и приводит к проблемам современной теории множеств.

РТЧ — это теория истинного универсального множества, множества простых чисел. РТЧ снимает базовое ограничение современной математики — запрет делимости на ноль, связанный с существованием в этой математике идеи бесконечности. РТЧ принципиально исключает существование такого объекта, как бесконечность, а вызовы, риски и угрозы мышлению, связанные с актуализацией идеи бесконечности, относит на счет отсутствия формулы единицы, то есть отсутствия физического понимания единицы, отсутствия теории конечности, снимающей вызов целостности мышления со стороны идеи бесконечности. **Нет бесконечности, есть недопонимание риторической природы числа, непонимание того, что время субстанционально в качестве основной истины, предмета и метода языка числа, языка создания физики.** Спекулятивное поле идеи бесконечности есть невыразимость языково-предметных, универсальных физико-математических структур на наглядно-доязыковом уровне абстрактно-фантастических физических представлений, подавляющих рационализм естественной теории числа. **Идея бесконечности снимается в идее исчисления простых чисел, истинного дифференциально-интегрального исчисления единицы.** Процесс образования (обоснования и причины существования) простых чисел в РТЧ представлен как процесс пошагового деления единицы на ноль. Как выразился математик В. Н. Левин, **«разделить на ноль — это разделить так, чтобы частей не было».** В контексте снятия идеи бесконечности путем создания рефлексивной цепочки высших форм конечности (форм первосуществования) **природа простого числа — это снятие бесконечности в конкретном акте конечности, конкретное значение в процессе деления единицы на ноль, зависящее от шага этого деления.** Первосуществование есть последовательное деление единицы на ноль, в ходе которого образуется последовательность простых чисел, распределенная в натуральном ряду, а именно $1 : 0 = 2$,

$2 : 0 = 3, 3 : 0 = 5, \dots, 17 : 0 = 19, \dots, 947 : 0 = 953, 953 : 0 = 967\dots$ и другие N-шаги последовательного деления единицы на ноль.

В самом деле, «математизированная физическая герменевтика» единицы как основы первосуществования — это такое непрерывное деление единицы на ноль с продуктивным образованием ее истинностно-конечных частей, которое утверждает всеединство этих частей, демонстрирует физическую силу единицы. **С точки зрения первосуществования значению простых (первых) чисел соответствует физический смысл ускорений первосуществования: субстанциональная единица, первосуществующая в монадах простых чисел, — это субстанциональное время, непосредственно существующее в ускорениях всего существующего физическим образом (относительное, релятивистское время — это «подчиненное время», включенное в параметр скорости движения).** В этом свете получает объяснение фиксируемое астрономами явление ускорения разбегания галактик, образовавшихся после так называемого Большого взрыва, которое опровергает положения современной физики. Дело в том, что Большой взрыв продолжается, он еще не состоялся как Акт, мы находимся в том самом месте, где осуществляется Большой взрыв (Акт творения) как процесс — мы наблюдаем, как в замедленном кино, динамику Большого взрыва как тот момент динамики всякого процесса, когда изменяется скорость данного процесса. **Мы все еще взрываемся вместе с Большим взрывом.** Физико-математическая аналогия (рефлексивно-терминологическая эквиваленция) в РТЧ (например, простое число — ускорение) — это основа перехода от бинарных оппозиций логоцентризма (например, дальнодействие — близкодействие) к **суппозициям риторического хроноцентризма**, который станет основой меганаучных интегральных междисциплинарных исследований и новой интеллектуальной коммунитарности.

«По какому пути пойдет физика в наступившем XXI веке? — таким вопросом задается выдающийся автор теории физических структур Ю. И. Кулаков. — Кончился XX век, а вместе с ним завершается блистательная судьба элементаризма, лежащего в основании “линии Демокрита”, возникшей две с половиной тысячи лет тому назад, верой и правдой служившей физике последние два столетия. Где-то на обочине академической строгой науки уже возникло довольно большое облако — Синергетика — незаконнорожденная дочь академической науки и Г. Хакена, претендующая устами Ильи Пригожина на то, чтобы полностью перевернуть привычные представления о времени и оттягивающая на себя все больше и больше молодых физиков-теоретиков. Кроме того, вот уже много лет некоторые физики пытаются, правда безуспешно, разобраться в так называемой теории торсионных полей, сулящей, как утверждают ее авторы, неограниченное получение энер-

гии из вакуума и разгадку многих таинственных явлений... По какой же из возможных ветвей пойдет развитие физики в наступающем XXI веке? Суждено ли физике возродить свою былую славу, развиваясь по новой восходящей ветви, или она, уступив пальму первенства, например, биологии или антропологии, по-прежнему сосредоточит все свои усилия на дорогостоящем поиске “последних кирпичиков материи”?».

Необходима РТЧ-рефлексия физики как реальности физических картин мира, основанных на разработке языка числа. В научно-практическом смысле это будет означать **субстанционально-языковой детерминизм физики, когда семантико-семитическая реальность, «стоящая за» физическими терминами будет раскрыта как создаваемая языком числа единая картина субстанционального времени, то есть времени, создающего предустановленную систему ускорений как физико-математических границ пространственно-временных мест и событийных моментов первосуществования, «возможного только так, а не иначе». «Последними кирпичиками материи» как субстантива физической картины мира окажутся простые числа, истинно-конечностные моменты времени, феноменально-природные ускорения как явления временного субстанционализма. Временной субстанционализм, хроноцентризм как доктрина гениальной книги природы, преодолевающая идею бесконечности, станет новой сущностью физической техники; возникнет телепортационная промышленность, основанная на физической, пространственно-временной сущности исчисления простых чисел, на изометризации истинностно-конечностных физико-математических структур.**

Необходим новый язык и новый математический аппарат.

О семантике языка числа

Язык суть программа именованя — номинации. Именование есть экспликация отношения целого (Первослова) и части (простого слова в суждении), создающая представление о части и ее (части) «имя». Число натурального ряда истинностно-конечностно дефинировано как часть единицы. **Представление числа цифрой (номинация числа) — фундаментальный аналог именованя в речи.** Имя объекта возникает как результат дефиниции объекта, как имя определяемой в ходе дефиниции части субстанционального целого. Проблема номинации чисел «бесконечного» числового ряда как проблема «невозможности» номинации самого большого числа (самых больших чисел) решается через дефинитивное раскрытие единицы как самого большого числа, частями которого являются «остальные» натуральные числа. Цифра, «имя» целого числа, есть количество частей единицы (например, 35464859507473839 частей единицы). Просточисленное количество частей единицы суть единица

простого числа (единичное определенное простое число). Составное количество частей единицы суть единица целого составного (непростого) числа (единичное определенное целое составное число). Деление единицы на ноль (переход математического количества в математическое качество) порождает последовательность просточисленных количеств частей единицы, то есть математических качественностей, уникализирующих составные количества частей единицы (целые составные числа). Истинностно-конечностное, континуальное, пространственно-временное множество истинной, «неканторовской» теории множеств («риторической теории множества») — это множество просточисленных количеств частей единицы, то есть множество простых чисел.

О семиотике языка числа

Каждое целое число имеет уникальную дефинитивную структуру (То, что есть — это целое число), представленную единственно возможным произведением простых сомножителей. Такова структура целого числа как «слова» языка числа, ведь слово в языке несет в себе свою истинную дефинитивную структуру. Целое число — это имя определенной части первосуществования, представление уникального аристотелевского места. Таков физический смысл числа. В языке именование как формирование простого, употребляемого в речи слова создает значение слова (семантика) и раскрывает его смысл (семиотика), при этом истинностно-конечностным итогом именованья как означивания слова является его запись (произнесение), а соответствующим итогом осмысления слова является запоминаемая в качестве смысла слова мысль. Так и в языке числа есть представление числа цифрой (означивание числа в записи числа цифрой), а также есть и раскрытие просточисленного смысла числа как сущностного суждения о первосуществовании, основанного на мысли как восприятии первосуществования. Исчисление простых чисел — это языковое мышление языка числа, на основе которого формируется первая физика — высказывание, выражение первосуществования в языке числа, так называемые реальные вычисления.

О численности как письменности языка числа

То, что для математика тривиально, для философа удивительно: каждое целое число уникализировано, отлично от всех (!) других целых чисел уникальным, никогда (!) не повторяющимся набором простых сомножителей. **Языковая природа исчисления простых чисел раскрывается в явлении коммутации простых чисел как узлов всеобщей субстанциональной связи элементов первосуществования (частей субстанциональной единицы). Как говорил Ландау: «Простые числа созданы, чтобы их умножать».** Аналогично условием понимания речи является коммутация

частей речи (закон грамматики). Коммутация простых чисел является основой природного «квантового компьютера», собственного языка природы. Понимание универсальных законов природы — это понимание просточисленного языка природы, понимание закона простых чисел в качестве грамматики языка природы. Как в человеческом языке все слова субстанционально связаны, регулярно обновляется их значение и смысл, образуются новые слова в процессе коммутации базовых значений и смыслов слов, так развивается и язык числа, создаются физические картины мира, книги природы. Число живет в языке числа так же, как слово живет в речи (письменности). Из этой фундаментальной аналогии возникает понятие «численности», возникает суппозиция «письменность — численность». Численность — это многообразие научных произведений, книг природы, физических картин мира, основанное на развитии языка числа. При этом необходимо отметить, что многообразие наук (биология, химия, экономика...) — это также физические картины мира в том смысле, в котором они являются непосредственным продолжением восприятия и описания первосуществования, результатом («*Это есть*») работы главной связки «есть» относительно «*того, что есть*».

Число, вычисление, численность — такова структура языка числа, формализм мышления которого (сознание = языковое мышление) — исчисление простых чисел.

Слово, высказывание (суждение), письменность — такова структура человеческого языка, формализмом, сознанием которого является риторика.

С появлением РТЧ научная работа может быть формализована следующим образом.

Число, вычисление, численность — это структура научной работы по произведению книг природы. Число — это осмысление предметной области научного познания, естественно-разумное погружение в данную предметную область как в конкретный смысл языка числа. Далее идет выражение этого смысла на том уровне разработки языка числа, который доступен ученому. На этом этапе возможно серьезное продвижение в разработке языка числа, более глубокое постижение числа риторического. Далее научная работа поступает в мир численности, пополняет каталог книг природы и вносит свой вклад в развитие языка числа.

Ю. И. Кулаков рассказывает: «Игорь Евгеньевич Тамм в последний месяц своей жизни, умирая, лежа прикованный к дыхательному аппарату в своем кабинете, сказал мне: “Знаете, Юрий Иванович, в чем наша беда? Беда в том, что мы навязываем природе наш собственный человеческий язык. А законы природы написаны на некоем универсальном языке”. Это было как раз в тот период, когда после потрясающих успехов квантовой электродинамики, получив согласие с опытом

с точностью до восьмого знака, ученые наткнулись, как на стену, на проблему сильных и слабых взаимодействий. И какие бы модели ни предлагались, они все равно не приводили к успеху. Так вот, он говорит: “Надо не модели предлагать, а нужно понять язык, на котором записаны законы природы, нужно найти единый источник всех физических законов. В начале двадцатого века эта проблема волновала многих философов “серебряного века”. Они понимали, что есть что-то, стоящее за этим материальным миром. Но они не знали математики, они не знали современной науки. Но только опираясь на современную науку, на современную математику, на современную физику, можно попытаться расшифровать этот язык и найти единый источник всех физических законов”. И вот он поставил передо мной такую задачу: “Попробуйте найти этот универсальный язык. А где его искать?..”».

Универсальный язык природы как реальные вычисления арифметики первосуществования (базовое говорение мышления на языке числа)

«Жизнь числа есть совокупность операций с ним, вовсе не сводящихся лишь к тривиальным “четырем арифметическим действиям”. Видов операций столько же, сколько самих чисел, то есть их количество актуально трансфинитно. Наиболее важные операции суть: запоминание, выделение, преобразование, актуализация», — пишет исследователь философии математики А. Лосева В. Б. Кудрин. Прежде всего, язык числа научает нас тому, что именование и память (памятывание) — это единый истинностно-конечностный ленто-мебиусный процесс, каковой в своей субстанциональной единственности есть дефинитивный процесс, имеющий предметом первосуществование.

Дело в том, что язык числа — это искомый Соссюром «язык сам по себе», универсальный язык в чистом виде, язык (система) чистого разума. Истина, которая схватывается языком числа, — это собственная (непосредственная) истина субстанционального времени. В фундаментальной, универсальной воспроизводящейся структуре языка числа (структуре суждения языка числа) простому числу соответствует феномен (явление) ускорения (изменение скорости существующей, предметной объектности, события). **То, что физики называют «квантом», есть соответствие, пресуппозиция простого числа арифметики и ускорения как простого (в смысле «простоты», по Пуанкаре) явления физики.**

Генезис суждения языка числа — субстанциональное время-единица (закон природы), структура суждения языка числа — структура соответ-

³ Кудрин В. Б. Учение А. Ф. Лосева о гилетическом числе // Форум клуба HomeNet // ООО НТП «Инфотека» [Электронный ресурс]. — Новосибирск, 2006. — Режим доступа: <http://forum.hnet.ru/index.php?showtopic=28342>, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. Рус.

ствия простого числа и ускорения. Из суждений языка числа и образуется текст книги природы. То есть **Закон природы — это закон вселенского ускорения, представленный метааппаратом исчисления единицы простыми числами, схваченный в языке числа.** Исчисление простых чисел представляет язык числа, имеющий сам в себе языковую память, — субстанциональное бытие единицы как «первослова» языка числа. Память языка числа — это памятование о числе, о сущности числа как о части единицы. Память языка числа — это сохранение физического значения операций исчисления простых чисел. Именование — это актуализация физического значения операций исчисления простых чисел. Эти операции «природного квантового компьютера» — составляющие жизненного цикла дефинитивного процесса, предметом которого является первосуществование. Формальная сторона этих операций (математическая риторика) представлена как операциональная аксиоматика исчисления простых чисел.

В исчислении простых чисел четыре операции — четыре основания реальных вычислений:

- **последовательное порождение простого числа в натуральном ряду (в результате последовательного, пошагового деления единицы на ноль), СОЗДАНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ ИМЕНОВАНИЯ, БАЗЫ ДАННЫХ (ПАМЯТИ «природного квантового компьютера»);**
- **коммутация (произведение) простых чисел («всех со всеми»), результатом чего является образование уникализированных целых чисел, АКТУАЛЬНОЕ ИМЕНОВАНИЕ, УПОТРЕБЛЕНИЕ ДАННЫХ, ВЫРАЖЕНИЕ «ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ» В ЯЗЫКЕ ЧИСЛА;**
- **факторизация целого числа, то есть «размножение» целого числа на уникальный набор простых сомножителей, ПРИПОМИНАНИЕ.**

О четвертой операции, операции собственной геометризации закона природы, будет сказано далее. Исчисление простых чисел противостоит ЗАБВЕНИЮ (энтропии) и БЕСПАМЯТСТВУ (бесконечности).

Истинная физическая структура, посредством которой осуществляется «математизированная физическая герменевтика», — это язык числа, аксиоматика и базовый математический аппарат которого представлены исчислением простых чисел. **Физический смысл исчисления простых чисел как естественно-природной системы измерения субстанционального времени — это закон вселенского ускорения, характеризующий силу единицы, пространство-созидающую силу субстанционального времени. Назовем эту силу «силой природы».**

Закон природы (закон вселенского ускорения) — это формула единицы как силы всеединства, синтезирующей части единицы в суб-

станциональную целостность единицы, синтезирующей существующие ускорения во вселенское ускорение, представляющее собой физический смысл субстанционального времени. Просточисленные ускорения суть элементарии субстанции времени – такова истина первосуществования элементарных частиц.

Просточисленный ноумен (выражение в языке числа) ускорения и ускорениевый феномен (физический смысл) простого числа – это пре-суппозиция, которая является основой единой теории фундаментальных взаимодействий, интерпретируемой как теория герменевтики первосуществования (риторическая теория кванта). Самое фундаментальное взаимодействие, которое лежит в основе всех взаимодействий первосуществования и в человеческом существе представлено мыслью, – это язык сам по себе, который математически представим (формализация языкового акта, события) как деление единицы на ноль, результирующее простым числом. Структура всеединого взаимодействия как языка в чистом виде такова: «единица, ноль, простое число».

Слово-число – «это» единица,

«высказывание-вычисление» – «это» деление единицы на ноль, создающее элементную базу языка числа как исчисления простых чисел, «письменность-численность» – «это» целочисленный континуум, основой которого является коммутация простых чисел («всех со всеми»).

Таково устройство природного «квантового компьютера», который современная физика наблюдает в разобранном виде, – таково строение собственного языка природы.

Я думаю, что профессор Кулаков, автор выдающейся теории физических структур, «нащупывает» четвертую операцию исчисления простых чисел, о существовании которой было сказано ранее, а именно: операцию ИСТИННОГО ИМЕНОВАНИЯ, реализующую решения по достижению тождества имени (цифрового выражения, записи) числа и физического смысла числа. Обретение физического смысла числа можно назвать «хроноцентрированием».

Для того чтобы пробиться к собственному универсальному языку природы, необходимо отказаться от «евклидовой» абсолютизации геометрии как единственно возможного представления физической сущности числа. Безусловно, геометрия – это материальное представление математики, но она не является истинным представлением первосуществования.

Современная геометрия – это мифология языка числа, а геометрические фигуры – «мифологические боги», сюжеты из жизни которых представлены в аналитической геометрии. При этом неевклидова геометрия являет собой аналог мифологии хаоса, возникающей в процессе распада гомеровской, олимпийской мифологии. *Геометрические фи-*

гуры — это вымышленные языком числа объекты. Мне возразят — как же в таком случае возможна современная техника, как строятся здания и машины, как передвигаются и летают созданные человеком технические объекты? Ответу — точно так же, как реализовывалась «тэхне» человека, голова которого была заполнена «мифологией», а именно, естественно-природный навык языка числа удерживал этого человека в устойчивом состоянии, даже будучи неотрефлексирован.

Проблема нецелочисленных констант (от числа ПИ до постоянной Планка) — это, в первую очередь, проблема, возникающая на пути геометризации физического смысла числа. А снимается эта проблема на пути языказации математики (арифметики), показывающей генезис и структуру физического смысла числа, не прибегая к идеям геометризации и бесконечности. **С точки зрения языка числа, не существует таких «выделенных чисел», как число ПИ, физические константы, возникающие из геометрической редукции физики существования. Эти «числа» — методические тупики доязыкового, наглядного уровня создания и трансляции физических картин мира, уровня мифологической физики.**

В этом смысле можно выделить **одну базовую константу взаимоперехода (перевода) целочисленности и нецелочисленности** — то самое «число», на котором впервые споткнулась целочисленно-арифметическая мысль, а именно, **число, которым выражается длина диагонали единичного квадрата, равное $\sqrt{2}$.** Я называю это число «**немнимой, реальной единицей**». Эта постоянная будет посерьезней, чем число ПИ, ибо она выражает **соотношение двух миров, двух физикализаций числа — целочисленной и нецелочисленной физической реальности.** Признавая существование такого первого нецелого числа, как $\sqrt{2}$, мы погружаемся в пучину нецелочисленного мира. Но возможен и иной путь, в другом направлении, не нуждающемся в геометризации числа, — путь к пониманию природы простого числа и открытию исчисления простых чисел. Неслучайно известные формулы, схватывающие некоторые сегменты распределения простых чисел в натуральном ряду (например, формула чисел Мерсенна), имеют дело со степенями двойки, что я рассматриваю как альтернативу взятия корня из двойки.

Настоящий физический смысл состоит не в визуализации геометрических объектов в физических картинах мира (струны, кварки и т.д.), но в понимании **внутренней устойчивости, жесткости структуры целочисленного языка числа** как формы схватывания истины перво-существования. Этот **подлинный физический смысл «предустановленной гармонии» языка числа и перво-существования и фиксирует четвертая операция исчисления простых чисел, состоящая в экспликации пифагоровых троек, то есть целочисленных решений теоремы Пифагора–Ферма: $a^2 + b^2 = c^2$.**

Великая теорема Ферма как раз фиксирует эту внутреннюю устойчивость (как невозможность целочисленных решений этого уравнения для степеней, больших двойки), жесткость натурального ряда, выявляя существование его структуры, и тем самым схватывает природу натуральной арифметики как выразимости первосуществования, первой физики.

Я называю ее теоремой Ферма-Пифагора, поскольку и в теореме Пифагора речь идет о той же структуре устойчивости натурального ряда, проблематизирующей беспроблемное, примитивное, не нуждающееся в определении «понятие числа как совокупности единиц».

Теорема Пифагора-Ферма — это грамматический закон языка числа, фундаментальная структура природной автоматизации исчисления простых чисел. Я бы определил эту теорему как техническое требование к языку программирования, на котором в природном квантовом компьютере выполняются реальные вычисления ускорений на формальной основе исчисления простых чисел.

Целочисленный континуум пронизан и связан пифагоровыми тройками, физикализирующими этот континуум без привлечения геометрии, то есть не геометрически, а языково-убедительно-понимаемо выражающими устойчивость и жесткость (первосуществование) этого континуума. Пифагоровы тройки — это, по сути, решения задачи о трех телах, нерешаемой в современной физике (механике). Именно с такого решения начинается механика времени как истинствования языка числа, субстанционального резервуара истинности языка числа, который скрывается за понятием «энергии». Базовые принципы **механики времени — механики всеединства** — прямо противоположны термодинамическим запретам.

Субстанциональное время представляет собой не что иное, как «вечный двигатель», перводвигатель первосуществования, в котором действует принцип сверхконечности, выражаемый формулой единицы. Субстанциональное время создает ускорительное поле, предопределяющее физику событий, которые были, есть и будут. Язык числа создает возможность схватывания физической точки (тела) в форме целого числа, то есть в форме «слова, понятия» языка числа (на доязыковом уровне физическая точка (тело) — это наглядный, геометрический объект). Физические объекты в ускорительном поле (субстанционально-временном поле) — это числа (имеют форму числа). Ускорительное поле как физическое явление субстанционального времени — это техника самой природы.

Исходные понятия Новой физики — механики времени

Механика времени есть язык числа.

Механика времени — имя универсальной книги природы.

Механика времени раскрывает сущность кванта в языке числа как пресуппозицию простого числа и ускорения.

Закон механики времени — Закон природы — это закон вселенского ускорения. С точки зрения этого закона «Большой взрыв» еще не состоялся как завершенное явление, он осуществляется «здесь, теперь и сейчас» («мы взрываемся в Большом взрыве»), чем и объясняется зафиксированное астрономией явление разбегания галактик с возрастающим ускорением.

Субстанциональное время есть перводвигатель («вечный двигатель»). В механике времени действуют принципы, прямо противоположные началам термодинамики (термодинамическим запретам).

Субстанциональность времени есть ускорительное поле, в котором физический объект представлен в высшей (негеометрической) форме своего первосуществования — в форме числа. Пространство имеет причиной своего существования ускорительное поле. Пространство — это второе существование относительно первосуществования.

Математический аппарат механики времени — исчисление простых чисел — это речевой аппарат языка числа. Время человеческого бытия есть речение. Речь, язык, коммуникация — это субъектно-истинностное измерение времени.

Физический смысл исчисления простых чисел представлен в формуле единицы. Хроноцентризм, как являющийся источником Формы принцип всеединства простых чисел в субстанции единицы, является причиной такого изначально-физического (пространствопорождающего) явления, как ускорение.

Целочисленная арифметизация физики — арифметика первосуществования — представлена четырьмя операциями исчисления простых чисел, выражающими генезис и структуру целочисленного континуума.

Универсальное множество физических элементов (элементов целочисленного континуума) — это множество простых чисел, существующих в ускорительном поле (в субстанциональном времени).

Исчисление простых чисел — это истинное природное дифференциальное и интегральное исчисление.

Техника механики времени — техника природы, Вселенной.

Юрий Иванович Кулаков строго и точно описывает доязыковой уровень наглядного создания физических картин мира. Мы стоим на пороге возникновения языка физики как нового качества способности физиков к абстрактному мышлению, когда физическое тело (объект) будет схватываться и мыслиться как число, для чего потребуются существенно углубить понятие числа, раскрыть его языковую природу.

Новая физика утвердится как механика времени, обладающая следующими характеристиками научного подхода:

- 1) методический запрет на создание наглядных (антропных) моделей в пользу создания аналогово-языковых моделей физики событий;
- 2) использование в физическом моделировании природно-истинного дифференциально-интегрального исчисления — исчисления простых чисел;
- 3) языказация физической реальности как качественно новое средство ее понимания, осуществления вычислений;
- 4) реализация новой сущности техники как основная задача;
- 5) открытие конкретной природной сущности техники как критерий успеха эксперимента;
- 6) распознавание простых чисел как истинных объектов физики первосуществования;
- 7) математика — это инструмент создания физической реальности, язык книги природы;
- 8) наличие единого исходного принципа, принципа всеединства простых чисел в субстанции единицы, показывающего механизм существования субстанционального времени, механизм первосуществования, создающего пространство — второе существование — посредством ускорения;
- 9) механика времени — это технизация философии, философская экспликация универсальной физико-математической структуры — плана творения;
- 10) объектом изучения новой физики является субстанциональная действительность времени — ускорительное поле;
- 11) дедуктивно-дефинитивный метод научного познания.

Создание механики времени позволит решить такую выявленную профессором Кулаковым задачу, как «реконструкция физики как единого целого на принципиально новых основаниях в целях:

- раскрытия ее внутренней простоты, самосогласованности и гармонии;
- установления нового взгляда на хорошо известные еще с детства, привычные понятия и законы;
- облегчения преподавания физики в средней школе и в университете;
- устранения накопившихся в физике мифов;
- объединения физики и математики в единую область знания и
- установления границы их применимости».

С точки зрения РТЧ математика (арифметика), с одной стороны, является первой физикой (первопознанием первосуществования), с другой стороны, первым языком, в котором осуществилось первопознание. Единство этих определений генезиса математики заключается

в том, что речь является интеллектуальным орудием познания существующего, первой природной наукой, данной человеческому существу. Речь — это и есть та самая «неуловимая» риторическая природа математических объектов, прежде всего чисел. Число есть первый коммуникационный акт фундаментального взаимодействия человека с реальностью существования.

Определив риторическую природу математики и показав физический смысл этой природы, мы получаем возможность выявить базовое природное множество элементов и универсальную систему аксиом в отличие от «обезличенных множеств» с заданной на них системой аксиом, которые являются математическими структурами, «чистыми» от понимания собственной природы.

РТЧ-математика когерентна бурбакизму в том смысле, что выявляет три РТЧ-структуры, из которых порождается все знание о существующем, «что оно действительно существует». Это:

- исчисление простых чисел (истинная алгебраическая структура, то есть истинно-конечностное дифференциально-интегральное исчисление),
- формула единицы (структура порядка, определяемого субстанциональным временем, структура ускорительного поля), и
- лента Мебиуса (топологическая структура первосуществования).

Общей для всех этих структур является категория «риторическая природа числа», раскрывающая сущность истинного знания, изоморфную всякому предметному знанию.

Лента Мебиуса — это физически реальная структура новой геометрии, которая является базовой риторической фигурой языка числа.

Лента Мебиуса — это **хронотоп целочисленного континуума**, который показывает распределение простых чисел натуральном ряду как следствие порождения простых чисел в результате деления единицы на ноль. *Лента Мебиуса тем и отличается от ленты числового ряда (ленты машины Тьюринга), что представляет истинный, первообразующийся ряд первых чисел — простых чисел (субстанциональных точек). Движение по ленте Мебиуса сверхпространственно, ее край представляет собой границу времени, порождающего пространство, и самого пространства.*

Мы находимся в точке детонации Большого взрыва. Наша техника — это взрывотехника. Что произойдет с нами, когда отгремит Большой взрыв? Мы изменимся. Закончится речь. Воцарится тишина — Мышление само по себе как свехречь. Первое слово этого Мышления будет Большим взрывом. Так говорит Мышление. Истинное субстан-

циональное время течет из будущего в прошлое, поскольку оно «есть», действительно существует. То есть до Большого взрыва было то, чем завершается Большой взрыв для судьбы рода человеческого и наблюдаемого им мира. В этом смысле мы — еще только подготовка Большого взрыва, актуализация (приведение в действие) речевого аппарата мышления для произнесения первого Слова.

Кулаков уверен: «Законы физики и геометрии закодированы одним сакральным уравнением. Каждая программа как бы закодирована определенным образом. Так, физические законы, оказывается, закодированы очень простым образом — одним сакральным уравнением. Это сакральное уравнение замечательно тем, что из четырех его единственно существующих решений возникают как следствия фундаментальные законы, лежащие в основании всей физики и геометрии. Самое удивительное то, что можно доказать, что никаких других законов не может быть никогда».

К новой записи числа (к новой РТЧ-системе исчисления). Если под «кодированием» понимать первопознание первосуществующего посредством целочисленной арифметики, то первосуществование кодируется в простых числах.

Какое уравнение регулирует это кодирование? Что с чем уравнивается, отождествляется? Происходит **суппозиция (отождествление) простого числа как имени языка числа и ускорения как физического явления первосуществования, именуемого в языке числа.**

Что является основанием, «включенным третьим» двух сторон уравнения? **Субстанциональное время, регулирующее воздействие которого связывает исчисление единицы в простых числах с выражением физики ускорительного поля.**

Таким образом, фундаментальное уравнение представляет истинную универсальную физико-математическую структуру — **формулу Единицы, выражающую принцип всеединства простых чисел в субстанциональной единице. Хронотоп — единичный акт порождения единицы пространства (ускорения) единицей времени (простым числом) — визуализируется (геометризируется) как лента Мебиуса.**

Формула единицы основана на природной размерности, на такой единице, как «число» (в отличие от Ньютонов, Джоулей и килограммов).

Операции исчисления простых чисел представляют язык творения как возникновение физико-математических объектов из целочисленного континуума посредством его самоструктуризации.

Возникает задача новой записи числа, выражающей риторическую природу числа. Эта запись будет пресуппозицией письменности и численности, ускорения и простого числа, высказывания и вычис-

ления, бытия и времени. Одним из технических требований к этой записи будет требование прозрачности, транспарентности записи целого числа с точки зрения различения, дистинкции образующих его простых сомножителей.

Целочисленная арифметика как изначальная структура языка физики и символическая институциональная форма культуры (Музей)

Целочисленная арифметика создана Пифагором и поддержана Кронекером прежде всего как явление культуры мира, изначальное выражение смысла существования, экзистенции, состоящее в человеческом отношении единого и многого. «Ключевая проблема философии сформулирована в Греции, и называется она: единое во многом. Таков ее предельно общий аспект»⁴, — пишет К. Свасьян в своей статье «О конце истории философии» в журнале «Credo New».

Н. Федоров вводит в научно-культурный «оборот» прорывную гипотезу о том, что музей — это базовая институциональная форма культуры, которая возникает вместе с сознанием человека, при этом **гораздо раньше**, чем университет, церковь, библиотека и другие культурные институции. По существу, Федоров утверждает, что **музей — это матрица, универсальное институциональное основание всех культурных институтов.**

Можно говорить о том, что современные научные знания не только не противоречат этой гипотезе, но и в значительной степени подтверждают ее. А именно, **проблему выделения множества элементов (объектов, предметов), объединенных между собой некоторой разумной связью**, современная наука, так же как, заметим, и наука древняя (вспомним Платона с его концепцией «единого и много» как главного содержания ответа на вопрос «что есть истина»), считает **основным предметом сознания и мышления, который придает человеческой деятельности разумный смысл и осознанное целеполагание.** В науке нынешнего дня эта проблема обозначена как системный подход, разрабатывающий отношения части и целого, элемента и структуры, множества и единства.

Ясно, что **музей как феномен сознательной человеческой деятельности был собиранием человеком некоторых коллекций объектов, непосредственное значение, хранение и употребление которых носило не сугубо утилитарный характер** (как продукты питания, ору-

⁴ Свасьян К. А. О конце истории философии // Credo New [Электронный ресурс]. — СПб., 2005. — Режим доступа: <http://credonew.ru/content/view/507/30/>, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. Рус.

дия непосредственного самосохранения и выживания), а имело **некоторые абстрактные, опосредованные причины**. При этом создание таких коллекций «*непосредственно не нужных*» предметов изначально имело индивидуальное происхождение, хотя коллекционирование как качество человеческой натуры, вероятно, присуще каждому индивиду в той или иной степени и может считаться всеобщим. Федоров справедливо увязывает «страсть к коллекционированию» с сознанием, хотя и не раскрывает научно-практической сущности этой связи. Сегодня мы можем сказать о том, что *коллекции, создаваемые субъектом, – это внешние модели его собственного сознания, то предметное многообразие, через которое он видит, выражает и фиксирует свое сознание окружающего бытия как высшую ценность и уникальность собственной личности.*

«Первый музей» как фундаментальное свойство человеческой природы – это модель человеческого сознания как Личности, то есть индивидуального единения множества выделенных предметов, объектов жизненного мира, своего рода интимизации реальности.

Более того, современное знание показывает, что музей – это и своего рода явление, присущее самой природе, то есть некоторое физическое явление, которое возникает для наблюдателя на уровне астрономии и физики элементарных частиц. Так, наблюдаемое ЗВЕЗДНОЕ НЕБО – это по большей части МУЗЕЙ. Ведь видимые нами космические объекты – звезды, квазары, – это лишь изображения того, каковыми они были миллионы световых лет назад, «плюс» некоторые частицы (фотоны), останки того давнего состояния, в каком эти объекты пребывали много ранее (а многих объектов уже и нет). Так же и в физике элементарных частиц ее объектами являются просуществовавшие миллиардную долю секунды частицы, знание о которых хранится и присутствует лишь в виде протоколов, фиксирующих эти частицы, то есть вся физика элементарных взаимодействий – это Музей элементарных частиц как память данных об их кратком существовании.

Человек, таким образом, живет не непосредственно в природе, не в космосе, а в музее природы, музее космоса. Запоздывание наблюдения относительно существования физических объектов природы, космоса – это, вероятно, первичное выражение такого качества человеческого существа, как разумность, некоторая «музейная дистанция» к физической картине мира, создающая возможность ее осмысления, пространство реализации мысли. Поэтому Творец в теологии – это прежде всего создатель природы и космоса в виде Музея, открывающегося человеку в созерцании. Сама человеческая память может рассматриваться как музей, коллекция памятных знаков событий. Присутствие человека в мире – это его бытие в музее Мира, космоса в качестве посетителя и, возможно, со-творца этого музея.

Существующий и поныне тренд музейного дела, по мнению Н. Ф. Федорова, не соответствует этой изначальной сути музея как непосредственно-предметного выражения человеческого сознания: «Музей в его современном положении не соответствует даже и человеческой природе, которая разум делает общим свойством всех людей, тогда как исследование считается пока все еще принадлежностью только одного класса, интеллигенции, большинству же оставляется только низшая сила — рассудок, хитрость, которой не лишены и животные... Музеи не составляют даже и одного Музея, они не достигли единства даже и в этом отношении, хотя такое единство необходимо для музея, чтобы не противоречить его сущности, ибо нынешние музеи, как собрания только вещественного, — коллекции чисто случайные.

Мысль человеческая не составила и проекта собирания в видах достижения полноты его, чтобы избавить будущие поколения от необходимости разыскивать то, что должно бы быть сохранено и что, однако, исчезло, хотя трудности таких разысканий мы ежедневно чувствуем. До сих пор остается загадкой, почему одно сохраняется, а другое исчезает, хотя и в самой слепой природе есть, по-видимому, стремление к сохранению. Музеи скорее рождаются, чем создаются, потому что едва ли отдается вполне отчет в побуждениях, которыми руководствуются при учреждении музеев. Итак, музеи суть явления случайные, неповсеместные; рост каждого из них неправильный, непостоянный, не непрерывный, а внутреннее распределение предметов в них представляет скорее случайный сброд, чем правильное собирание; так что определение, которое можно дать нынешнему музею, будет более идеальное, чем соответствующее действительности, хотя и это идеальное определение далеко не будет соответствовать тому, чем должен быть музей»⁵.

С точки зрения эволюции человека (гуманитарного развития) Музей может быть понят как **протоязыковая, доязыковая модель поведения человеческого существа, которая представляет и раскрывает собой механизм возникновения языка**. А именно, до появления слов как звуко-речевых реалий, оторванных от самой вещи и в этом смысле абстрактных, человек мог общаться посредством показа вещей из своих коллекций, которые, собственно, для этих целей и создавались немотствующим, но стремящимся к выражению своей самости сознанием.

Между «пока еще» немотствующим сознанием и членораздельным языком находится пространство «первого музея» — как механизм непосредственного формирования языка.

⁵ Здесь и далее в этой главе Н. Ф. Федоров цит. по: *Федоров Н. Ф.* Музей, его смысл и назначение // Философия общего дела. Статьи, мысли и письма Николая Федоровича Федорова. Т. II. — М., 1913. — С. 398–473.

Музей – это пространство между органом (потенциальной возможностью) понимания и результатом его работы (реализацией этой возможности), то есть музей – это пространство понимания.

Сознание первоначально возникает как некоторая индивидуально-удерживаемая (собственная) уникальная коллекция, совокупность вещей, *интимизированных* человеческим существом, тем самым отличившим себя как от других самостей, для которых его коллекция была репрезентацией его самости, так и от самой реальности, с которой он сливается, но не поглощается ею, а выделяется из нее. Возможно, что **процедура именования вещей** и возникновения слов как абстракций вещей сродни музейному проектированию, когда человек-автор личного музея (музея своей Личности) овнешняет собственное сознание реальности, отличное от этой реальности и нетождественное ей, посредством вещей («вот эта вещь» и «вот эта вещь» – таковы акты немолчащего, но личного показа), при этом непосредственной связью и основанием выбора показываемых вещей является его сознание, самость. Эта самость, направленная на другие самости как на со-родственные и представленная коллекцией элементов самости, является тогда собранием предметов всеобщего внимания, совместно-разделяемые эмоциональные потоки которого (внимания) находят свое выражение в той звуково-сигнальной реакции, которую мы называем «словом». Здесь также крайне важно, что в такой первокоммуникационной форме взаимодействия самостей (в форме «взаимовидения»), как «просмотр музеев» друг друга, «число» неразрывно связано со «словом», каковая связь утеряна в современном делении на гуманитарное и естественное знание. В самом деле, коллекция вещей – это и множество элементов (могу показать одну, две вещи и т.д.), но и множество качеств этих элементов (вот это, вот это...). И конкретное имя вещи рождается именно в этом неразрывном единстве числа (количества) и слова (качества).

Музей и ПОНЬНЕ остается основным механизмом формирования языка. Раскрыв этот гуманитарный потенциал музея и поставив музейное дело как создание нового универсального языка, мы получаем уникальный шанс выхода на новое качество и новый уровень гуманитарного развития, создания единой гуманитарной цивилизации, базовым условием которой является единство сознаниевой предметности (знаний), единство «взглядов» на объекты, предметы мира, единое пространство понимания овнешненных, наглядных – в виде «муз» Музея – общечеловеческих ценностей.

Современный музей, как и антропологический музей перво-бытового человека, по-прежнему есть грандиозная возможность мессианского прорыва из немолчания к языку, из нынешнего безмолвствующего (или болтающего, что также есть форма безмолвия

и глухоты) сознания, подавленного запутанной многосложностью, неопределенностью (растущей энтропией), информационным манипулированием, к пониманию, мышлению, к взаимопродуктивной диалоговой речи.

В «музейной парадигме» сознания для исследователя открывается целый веер возможностей нового понимания таких базовых категорий современного знания, как язык, собственность, институты, рассматриваемых как «порождения сознания». Под **музейной парадигмой сознания** мы понимаем такую модель сознания, которая основана на системной проблематизации потенциально-разумным существом отношений единого и многого, части и целого, предмета и реальности, элемента и множества, результатом каковой проблематизации является проявление разумности, выделяющей мыслящее существо из животной/материальной реальности, то есть возникновение универсального метода сознания как абстрактной (языковой) реальности, выражающей количественно и качественно и сохраняющей в памяти (экспонирующей) различные предметно ориентированные варианты решения системных проблем, вопросов гуманитарного развития.

Мы предполагаем, что именно музей как внешняя опредмеченная в не сугубо утилитарных вещах и их собирании модель сознания как самовыражения самости и отличности-индивидуальности от других и был продуктивной моделью, базовым механизмом возникновения собственности как вещественной самоперсонификации. Ведь именно собственность как самоперсонификация создала культуру, а собственность как обладание утилитарными предметами есть качество экономическое, унифицирующее людей. «Музейная» концепция общества в его историческом генезисе и структуре — это **модель общества как музея институтов**, а также **модель экономики как музея собственности**. Собственники постоянно наращивают и экспонируют свою собственность, обновляют свой музей.

Музей как первая абстрактно-деятельностная форма и непосредственное выражение прямого действия сознания выступает тогда в качестве возрожденной и для настоящего времени новой парадигмы рациональности как стратегического влияния на социальные, политические, экономико-правовые процессы, понимаемые как процессы *сознательной, рациональной* человеческой деятельности, как процессы, способы и методы регуляции общества, природы, экономики, государства.

О нераскрытом потенциале *естественнонаучного воздействия* Музея писал и Николай Федоров: «Музей, таким образом, есть учреждение историческое в смысле не только знания, но и действия... Только одновременно могут начаться два великие дела, в сущности составля-

ющие одно дело: с одной стороны, естественные науки должны объединиться для того, чтобы их общее исследование стало раскрытием способа и плана мировой регуляции; с другой же стороны, должно начаться собирание всех сил всех людей для осуществления плана регуляции. Музей в смысле древних (от коих мы и заимствовали это учреждение) есть собор ученых; его деятельность есть исследование. Но в этом определении и заключалось бессилие музея; этим определением он сам себе поставил преграды для распространения. Поэтому музей и в христианском мире остался языческим: он одинаково ограничил себя и по объему, и по содержанию, так как исследование стало отвлеченным, школьным и сам музей-собор остался замкнутой школой, сословием. Музей-собор будет наполняться, а собирание делается всеобщим только тогда, когда самосознание будет не просто исследованием, а изучением причин разобщения ученых и неученых, причин, препятствующих всем сделаться членами музеев».

Таким образом, **стратегия музейного проектирования — это стратегия гуманитарно-научного развития, то есть создания музея как активной формы фундаментального рационального преобразования (регуляции) реальности.**

Музей как культурологическое и научно-исследовательское событие как информационная система прямого действия на структуры общественного и индивидуального сознания — это гуманитарная революция сознания, призванная остановить рост общественно-государственной энтропии и структурировать неопределенность страновых и мировой ситуаций. Поэтому музейная политика должна быть направлена на достижение предельных результатов в сфере знаниевого преобразования качеств человеческой реальности.

Музей — это **уникальная негэнтропийная информационная система**, которая существовала и до реализации таких информационных систем, как компьютерные системы и сети.

Музей представляет собой «выхватывание» из непрерывной реальности множества неслучайных элементов, между которыми устанавливается разумная информационно-знаковая связь. Если такой связи нет или она слабая, механическая, то и музея нет, а есть некое «кладбище ненужных вещей». В этом смысле музей представляет собой не множество случайных элементов, а сеть, в которой эти элементы (объекты, предметы) связаны между собой смысловыми отношениями. При этом сеть эта не обязательно нуждается в «компьютерном воплощении», она имеет сугубо информационный смысл связи идей, предметов, слов в воспринимающем их сознании. Определив музей как разумно организованное множество неслучайных элементов, то есть как сеть, создающую целостность, единое смысловое представление, мы

приходим к весьма впечатляющему выводу о том, что **такая информационная система, как музей, есть прямое действие по борьбе с возрастающей энтропией как мерой беспорядка системы, состоящей из многих элементов.**

Уникальность такой изолированной (сознанием) информационной системы объектов, как музейная система, состоит в том, что в ней не выполняется закон неубывания информационной энтропии, реализуется феномен неэнтропии, противостоящей информационному хаосу, помехам, шуму.

Энтропия в музейной информационной системе — как мера неопределенности информации — уменьшается в отличие от иных физических и информационных систем. Происходит это потому, что музейная информационная система — это **пространство внимания**, количественное измерение результативности которого может быть выражено глаголом «**понимаешь**», каковой внутри этой системы становится глаголом прямого действия, имеющим разные степени реализации силы и качества этого действия — различные степени понимания. Понимание снижает информационную неопределенность.

Так как во всех известных осуществляющихся в природе замкнутых системах энтропия (уровень хаоса) никогда не убывает — она увеличивается или, в предельном случае, остается постоянной, то все процессы, происходящие с объектами этих систем, разделяют на *необратимые* и *обратимые*. Под первыми подразумеваются процессы, сопровождающиеся возрастанием энтропии всей замкнутой системы. Процессы, которые были бы их повторениями в обратном порядке, не могут происходить, так как при этом энтропия должна была бы уменьшиться. Обратимыми же называют процессы, при которых энтропия замкнутой системы остается постоянной. Поскольку для продуктивной замкнутой музейной системы информационная энтропия не только не остается постоянной, а даже уменьшается, то именно **МУЗЕЙНАЯ СИСТЕМА ДАЕТ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ ШАНС СДЕЛАТЬ НЕОБРАТИМЫЕ/РОКОВЫЕ ИНФОРМАЦИОННО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ (НЕКИЕ УСТОЙЧИВЫЕ, ВОСПРОИЗВОДИЩИЕСЯ ПАТОЛОГИЧЕСКИЕ СОСТОЯНИЯ ИСТОРИИ НАРОДОВ И СТРАН) — ОБРАТИМЫМИ**, то есть учесть ошибки истории и природы, изменить их ход в продуктивном направлении, преодолев некоторые устойчивые патологические состояния и комплексы власти, общества, экономики.

Информационно-сетевая система «Музей» может быть осмыслена как Машина внимания. Эта «машина» перерабатывает внимание (внимание к экспозиции, экспонатам), измеримое в конечном итоге как время направленного (на экспонат) внимания, в осмысление, понимание и мышление как универсальную основу программно-целевой челове-

ческой деятельности, источник гуманитарного развития. Настоящий подход позволяет воспользоваться достижениями современной информатики и компьютерных наук для реформы музейного дела в такой ее основополагающей составляющей, как экспозиционное искусство.

Для характеристики оптимальной структуры естественнонаучного музея весьма подходит понятие «самоорганизующейся информационно-антиэнтропийной системы», способной к саморегуляции.

Мы обозначим **генеральную матрицу, запускающую новый тип музейной деятельности. Это создание сетей гуманитарно-научного развития с прицелом грядущего преобразования сети Интернет в Сеть сетей гуманитарно-научного развития.**

Как известно, идея **World Wide Web** (дословный перевод – Мировая широкая паутина, или «Всемирная паутина») возникла в 1983 году в лаборатории организации CERN в Женеве, когда Тим Бернерс-Ли искал простой платформенно-независимый способ распространения информации. Кроме того, американские ученые Ванневар Буш и Теодор Нельсон, считающиеся одними из отцов-основателей интеллектуальной модели Интернета, искали способы автоматизации мыслительной деятельности человека, понимаемой именно как труд по поиску и обработке нужной информации, то есть как библиотечное дело. Буш придумал несколько гипотетических устройств, организующих ассоциативные связи в картотеке данных, а Нельсон разработал теорию «документарной вселенной», в которой все знания, накопленные человечеством, представляли бы единую информационную систему, пронизанную миллиардами перекрестных ссылок. В силу роста энтропийной неопределенности и информационного хаоса в сети Интернет **World Wide Web** иногда иронично называют **Wild Wild Web** (дикий-дикий Web) – по аналогии с **Wild Wild West** (дикий-дикий Запад).

Руководствуясь современной интерпретацией идеи Федорова о «самородном музее» и продвигая эти идеи в формат музейной парадигмы сознательной деятельности человека и музейного способа (метода) гуманитарного развития в начале XXI века, мы приходим к возможности реализовать новый, более разумный и гуманитарно-качественный тип мировой информационной сети, нежели **Мировая Паутина (World Web)**, а именно – **Мировой Музей (World Museum)**.

В свое время Федоров говорил о возможности некоторого «Международного музея», призванного внести научность и разумность в ход мировой истории.

В основу **Сети гуманитарного развития** будет положена иная, институционально-фундаментальная интеллектуальная модель, нежели **Всемирная библиотека**, – модель **Мирового Музея гуманитарного развития**, высшим качеством которого является **Личность. Сеть гу-**

манитарно-научного развития — индивидуально-личностна как **МУЗЕЙ МОЕГО МИРА (Вселенная Личности)**, планетарно-всечеловечна как **МЕЖДУНАРОДНЫЙ МУЗЕЙ МИРА**.

В сети WWW основной информационный объект — это документ, связываемый внешним образом с другими документами формальными перекрестными ссылками (принцип семантической сети), в новой сети инфообъект — это экспонат гуманитарного развития, экспонат, представляющий роль личности в истории, экономике, политике, культуре, искусстве, повседневной коммуникации. Инфообъекты в сети гуманитарно-научного развития связаны неформально, сущностно-содержательно — как объекты семиотической, культурно-знаковой сети Музея единой цивилизации. Учет этих объектов сродни музейному учету, он делает возможным сетевой интеллектуальный поиск как вопрос-ответный поиск истины гуманитарного развития в Мировом Музее.

Основной вектор движения Музея к достижению фундаментального результата **ПРИМИРЕНИЯ ЕДИНОГО И МНОГОГО**, возможного только в **ГУМАНИТАРНОСТИ**, в **ФЕНОМЕНЕ ЧЕЛОВЕКА** выражен Федоровым так: «Если музей явится только верным изображением прошедшего и настоящего, он будет изображением не единства, а раздора. Строгая классификация невозможна в музее потому же, почему она невозможна и в науке, как в естественной, так и общественной, — невозможна по причине отсутствия в мире (вернее, по причине утраты им) разумного единства, такого, при котором мир, в смысле согласия, не нужно было бы отличать от Мира в смысле вселенной, и человечество было бы действительно одним родом, братством, родством, причем психическая классификация тем легче понималась бы, чем интенсивнее она бы чувствовалась. **Единство нужно дать, а не искать там, где его нет**; точно так же, как и предсказания нужно заменить действием, потому что только то мы можем безошибочно предсказать, что можем сами сделать».

В этом исключительная социальная функция и дар Музея — дать Единство там, где его нет, где царствует раздор.

Фундаментальная стратегия Музея — показ созревания нового пути регуляции, беспартийного закона развития общества, где единое (общество) не дробится на части (партии): «Музей же, как создание истории, и притом истории, для коей факт борьбы — не святыня, не идол, для коей, напротив, примирение борющихся составляет задачу и проект, — такой музей соответствует потребности, заключающейся в том, чтобы понять ложное положение партий, примириться и таким образом устранить разделение на партии, окончить рознь и борьбу, ведущие к страданию и смерти» (Федоров).

Неудача экспериментов по поиску бозона Хиггса на БАКе в итоге приведет к признанию РТЧ

Невозможность открыть бозон Хиггса скомпрометирует всю стандартную физику элементарных частиц.

Риторическая теория числа квалифицирует концепт бозона Хиггса как методологический тупик современной физики, вызванный ее одержимостью атомизмом. Бозон Хиггса — это «результат» атомистической методологической редукции физического знания (знания о существовании), которая останавливается перед проблемой возникновения (причины существования) массы и не находит никакого другого решения, нежели выдумать частицу, «отвечающую» за возникновение массы во Вселенной. Иное, правильное решение состоит в том, чтобы перейти на новый уровень абстрактного мышления, отказавшись от архаических представлений атомизма, овеещающих абстракции в доязыковых наглядных образах.

Риторическая теория числа трактует эффект возникновения массы как прямое следствие субстанциональности времени, каковая (субстанциональность) порождает пространство-место события. Пространство-место события — такова истинная сущность числа как непосредственного порождения времени. Частица возможна исключительно как частица, акциденция числа — самостоятельного физического бытия частица не имеет (нет такого объекта, как частица). Разоблачение бозона Хиггса будет означать переход мышления от «воображаемой физики» к языку физики, к целочисленной математике с ее невейштрассовским РТЧ-пониманием единицы.

Как известно, в начале XX века в физике появились две основополагающие теории — общая теория относительности (ОТО) Альберта Эйнштейна, которая «описывает Вселенную на макроуровне», и квантовая теория поля, которая «описывает Вселенную на микроуровне». Проблема в том, что эти теории несовместимы друг с другом. Риторическая теория числа является описанием единого закона макро- и микромира, выражаемого формулой Единицы. Общую теорию относительности РТЧ доразвивает в теорию субстанционального времени, создающего истинное пространство — численность. Квантовую теорию

поля РТЧ раскрывает как недоразвившуюся механику времени, возможность создания которой (механики времени, хроники) основана на РТЧ-теории субстанционального времени. «Квант» раскрывается как феноменальное, допонятийное проявление простого числа (истинно-существующей, физикалистской частицы единицы). Языком механики времени является целочисленная арифметика.

Полагаю, что ряд «побочных» эффектов, неожиданных для БАК-экспериментаторов, как раз и будет интерпретирован в духе РТЧ. Сутью этих эффектов станет возможность провести методологическое разделение между наблюдателем и «наблюдаемым» на новом РТЧ-уровне абстрактизации мышления. Квантовая механика проблематизировала отношение наблюдателя и наблюдаемого объекта, но не смогла выйти на качественно новый уровень их методологического разделения, уровень более абстрактный, чем такая «абстракция нулевого уровня» («низовая, доязыковая абстракция»), как рационально-материалистическое противопоставление субъекта и объекта.

Эксперименты на БАКе положат конец атомизму как основанию физики и приведут к решению проблемы единства и различия наблюдателя и объекта наблюдения в РТЧ-формате (в формате языка физики), то есть к раскрытию физического объекта как конкретного тождества мышления и субстанционального времени, создающего данный объект (пространство-место, событие, качество). Физический объект есть слово языка физики, «слово» (результат формулы единицы) целочисленной арифметики как аутентичного языка физики.

ПОДЛИННАЯ ЧАСТИЦА БОГА – ЭТО ЕДИНИЦА, ПОРОЖДАЮЩАЯ ЕДИНОЕ (НЕ ДЕЛИМОЕ НА МАКРО- И МИКРОУРОВНИ) ФИЗИЧЕСКОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ СОГЛАСНО ФОРМУЛЕ ЕДИНИЦЫ: «ЕДИНИЦА ЕСТЬ МНОЖЕСТВО ПРОСТЫХ ЧИСЕЛ».

Дефиниция физики как вида риторики

Недавно измыслил такое определение физики: «Физика есть умножение сущностей числа». Причем современная физика зачастую умножает эти сущности без необходимости (нейтрино, бозон Хиггса, струны, черные дыры и т.д.). Удивительно, что это определение физики нужно понимать буквально: истинные сущности физики – простые числа. Ландау заметил как-то, что «простые числа созданы для того, чтобы их умножать». То есть простота (искомая Пуанкаре) физики – это образование целых чисел уникальным набором простых сомножителей, это первичное (числовое) естество физики, истинная природа физического, субстанционально-временная природа числа как тот «внешний вид» (идея) бытия, в котором конституируется физическое (существование).

Вопросы А. С. Нилогова и ответы на них

Нилогов. Как РТЧ соотносится с гипотезой «Большого взрыва», а именно с проблемой целочисленного обоснования вещества (например, в истории с гипотезой Проута о том, что атомные веса всех чистых химических элементов являются целыми числами)?

СШ. Качественно большую ясность, непротиворечивость и последовательность атомной гипотезы Проута сравнительно с атомной гипотезой (программой) Бора прекрасно описывает Имре Лакатос в книге «Фальсификация и методология научно-исследовательских программ».

Именно программа Проута сыграла роль бритвы Оккама для становления Науки Химии. Однако базовая задача Проута — вытеснить аналитическую химию с ее позиций — была не выполнена в силу якобы невозможности выделить в экспериментальном измерении чистый химический элемент. Химики предпочли противоречивую программу Бора с ее ослабленными требованиями к методологической чистоте химического эксперимента.

РТЧ-рефлексия программы Проута следующая: он стремился к такой реализации идеи чистого химического элемента, которую можно определить как синтетическую химию — закон Природы, этого базового химического реактора (синтезатора). В основе программы Проута была идея о том, что все атомы состоят из атомов водорода. То есть Проут не сумел окончательно преодолеть атомизм, сохранив веру в бытие особых качественных химических элементов, пусть даже и оставив всего лишь один таковой элемент — водород.

Тем самым он допускает существование внечисловых, первичных по отношению к численности качеств, существующих самих по себе, — химических элементов. Этим он сам изначально ослабляет свою целочисленную гипотезу, ибо смысл целочисленности не в том, что она является адекватным математическим инструментом истинного научного описания некоторой объектно-предметной области, а в том, что она является материей всякой качественности. Крах программы Проута был вызван нереализованностью в ней методологической редукции химического элемента к целочисленности — Проут вынужден цепляться за «атом водорода», в то время как никакого атома водорода, отличного от истинностно-конечностной целочисленной качественности не может

существовать. Именно гипостазированная химическая качественность элементов, оторванная от своей материально-целочисленной основы, с одной стороны, эмансипирует современную химическую науку, с другой стороны, закрывает путь становлению синтетической химии. РТЧ непосредственно осуществляет Великую мечту химиков — Проуту идею чистого химического элемента, вскрывая сквозную просточисленную структуру периодической системы элементов Д. И. Менделеева: в числе важнейших атрибутов каждого из элементов в таблице даны атомный вес и распределение электронов на внешней оболочке. Как только добавляется новая оболочка, возникает новый период. Как только число электронов оказывается простым, в периоде и в группе возникает новое свойство элемента. В их числе — водород (1), гелий (2), литий (3), бор (5), азот (7), натрий (11), алюминий (13), хлор (17), калий (19) и т.д. То есть если Проут, обосновывая целочисленность (всеобщий принцип природы как синтетического исчисления), идет по ложному пути конструирования универсальности некоего атома водорода, то РТЧ строго и точно раскрывает структурообразующую роль исчисления простых чисел для целочисленной материи. У Проута все подтверждения его программы — все еще приблизительны, ссылаются на недостаточную чистоту концептуальной и инженерной чистоты эксперимента, а в РТЧ — все конечно, строго и точно, а именно — материализация качества простым числом электронов. Изумительно, что в этом случае в РТЧ-подход к интерпретации синтетической химии как исчисления простых чисел инкорпорируется и истина альтернативной гипотезе Проута программы Бора с ее основной идеей о том, что световое излучение производится электроном, перескакивающим с одной внутриатомной орбиты на другую. Бор неоднократно писал о том, что идея кванта (кванта действия) все еще сохраняет в себе некоторую тайну понимания. Квантовый эффект — это эффект исчисления простых чисел как естественного языка физики (природы), то есть это различие простых чисел между собой. Разгадка квантового скачка в том, что он не происходит (в настоящем), а всегда уже состоялся: простое число не происходит во времени, а всегда уже есть, как только есть единица, охватывающая все множество простых чисел как полное множество своих истинностно-конечностных частей, чистых, себе тождественных элементов. Электрон, атом суть именованья числа, раскрывающие его риторическую природу в языке физики (природы). Электрон — это некая отдельно стоящая физическая качественность, а описание (схватывающее именование) того, как истинным образом (=просточисленно) есть число.

...Относительно иллюзорности гипотезы Большого взрыва я писал неоднократно. Хорошо об этом сказано у Виктора Кудрина: «Легко за-

метить, что не только все звезды Галактики, но и все звезды, видимые на ночном небе невооруженным глазом, будут иметь “точечные” отражения, настолько близкие к центру шара, что мы вполне можем считать их находящимися в точке начала координат нашего умозрительного сферического мира. На этот факт несколько не будет влиять, полагаем ли мы внешнее пространство “бесконечным” (вместе коперниканской наукой Нового времени) или “конечным и замкнутым в четвертом измерении” (как в Новейшей космологии) — в любом случае каждая точка вне шара будет иметь соответствующую ей точку внутри шара, с координатами, обратными ее координатам по каждой из трех пространственных осей, причем объем шара в любом случае будет конечным. На него также не окажет никакого влияния, расширяется ли Метагалактика, или сохраняет постоянный объем, разбегаются ли галактики друг от друга, или находятся друг от друга на относительно постоянных расстояниях: ведь другие галактики так далеки по сравнению с внутригалактическими расстояниями, что в нашей модели их отражения неразличимы, а звезды, входящие в состав нашей Галактики, в любом случае никуда не “разбегаются”, а имеют относительно стабильные орбиты. (Никакого “расширения пространства” в масштабах Галактики не наблюдается). Таким образом, наш шар имеет не только конечный, но и постоянный объем, никак не зависящий от постоянства или непостоянства “посюстороннего” внешнего пространства³.

Для того чтобы стать «новым Эйнштейном» и спасти современную физику, нужно всего лишь сформулировать Закон вселенского ускорения и вытеснить им закон всемирного тяготения. То есть гипостазировать явление ускорения разбегания галактик, образовавшихся в результате Большого взрыва, и сквозь это явление протрактовать аттрактор современной физики. Все опять сойдется в формулах. Но это будет всего лишь новая гениальная физическая картина мира. Если прибегнуть к аналогии из мира искусств, то РТЧ — по отношению к изобразительному искусству физических картин мира, созданных учеными художниками, — это музыка и поэзия, то есть уровень познания, который не нуждается в визуализации, в представлении. Истина для РТЧ — это истина бытия и наращивание опыта истины бытия, заповедь которого (опыта) дана Парменидом.

Нилогов. *Какие вещи не выражаются с помощью целых чисел, а представляют собой «иррациональные целые числа»?*

³ Кудрин В. Б. Геометрическая модель пространства для чисел, меньших единицы [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://sergey-shilov.livejournal.com/8272.html?thread=97616#t97616>, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.

СШ. Чтобы понять риторическую природу числа, надо прийти к страстному, бытие-причастному различению «Да» и «Нет», по Беме, разрешением которого (различения) станет «вечная=СверхБоговая, Богородящая душа» (=переживание, ощущение бытия, ослабленной формой которого является мысль о чем-либо) Мейстера Экхарта. То есть нужно прожить целочисленность, выйдя к простому числу. Это мистицизм, иррационализм? Это «несокрытое» Хайдеггера, сверхрациональность, истина бытия. Вне исчисления простых чисел нет никаких вещей. Все вещи — они в описанной Платоном пещере в 7-й книге «Государства», вещи — это границы, пограничные состояния между истиной бытия и языком физики (существованием). На поверхности пещеры, на солнечном свете, где можно ослепнуть, где глаза, привыкшие к мистицизму и иррационализму, слезятся, — там только исчисление простых чисел.

Численность — новый смысл программирования как написания (письма) книги природы

Феномен науки овладевает объектным миром как определенностью количеств. Решения научных задач как основной способ овладения наукой объектным миром суть определения количеств (определенные количества) — количеств движения, времени, энергии, размеров, величин, численности, поскольку предметом и каждым объектом каждой науки является нечто, пусть даже и не выражаемое натуральным количеством. Но это нечто само по себе тоже выступает в качестве натуральной единицы, так что объектный мир данной науки также представим в натуральных числах (два протона, три позитрона, натуральная составляющая исчисления комплексных чисел и т.д.). Кроме того, предельная идея научного познания о единстве материи всех физических качественностей предполагает возможность представления «нечто»-качественностей этой материи натурально определенными количествами (скажем, два бозона Хиггса, три бозона Хиггса и т.д.). Таким образом, объектный мир науки суть натуральные количества, целые числа. Ясно, однако, что наука познает и качественно специфицирует эти количества не посредством счета, не посредством натурального ряда, а самыми различными способами и методами — задачи определения натуральных количеств различны по времени и месту. То есть отдельная наука схватывает объектный мир некоторого нечто в виде натуральных количеств, являющихся решениями научных задач. Каждая отдельная наука имеет предметом отдельное нечто, но в рамках данной предметной области ее объектами все равно являются натуральные количества. Если предположить, что само предметное нечто отдельной науки есть физика единицы, особая качественная материальность единицы, то пространством реализации этой физики единицы будут познаваемые натуральные количества (как значения функций, ответы задач, результаты вычислений). Представим себе ориентирование некоторой абсолютной науки (тождественной самой природе с ее выполняющимися законами) в объектном мире, выявляющее, фиксирующее натуральные количества — ясно, что это обнаружение, вычисление натуральных количеств не будет порождением натурального ряда посредством добавления единицы. Количество «12322»

может быть рядом с количеством «9», количество «89» таково, потому что ему предшествует функционально в качестве аргумента количество «567» и т.д., а количество «90» существует потому, что ему предшествует целочисленный кортеж («345, 87, 21»). То есть законы природы как объектного мира науки есть определенности натуральных количеств, но при этом натуральный ряд не есть закон природы, закон порождения объектного мира, это лишь искусственное представление научного сознания, которое помогает ему вычислять и записывать натуральные количества, являющиеся решениями научных задач.

Подобно тому как человек живет в мире специфицируемых им качествностей, научное сознание (когито) существует в мире определения натуральных количеств. Натуральные количества (целые числа) есть внешние качествности, определяемые научным сознанием. Объектный мир науки — это континуум (природа) его внешних качествностей, натуральных количеств. Подобно тому как у слов естественного языка есть их буквенное выражение, представление, а у дописьменных слов есть такое их выражение, как изображение, рисунок (петроглиф), так и у целых чисел (натуральных количеств окружающего научное сознание объектного мира) есть их цифровое выражение, представление. Записи естественного языка аналогично цифрование натуральных количеств.

РТЧ-тезис состоит в том, что наука отстала от естественного языка именно в смысле нертикулированности науки как языка. В самом деле, наука существует в мире определенных натуральных количеств, при этом феноменологически, доязыково схватывая эти количества каждое (или группу) по отдельности в соответствии с решаемой научной задачей. Для схватывания натурального количества в той или иной физике единицы имеется целый ряд аксиом, правил, норм, теорем, лемм, посвященных, например, натурально количественному выражению положения тела в данный момент времени в данной точке (в декартовой системе координат). В данном случае нецелочисленность, ненатуральность я рассматриваю как небытие нецелочисленной части количества: скажем, $4,573$ — это 4 с точки зрения натурализации количества посредством физики единицы (неполная единица $0,573$ невозможна в качестве объекта, причастного бытию). Это небытие в объектном мире науки, которое ничтожится бытие-причастным физически-материальным качеством единичности посредством вычислений как императивов дискретной математики. Наука все равно доходит до целочисленного выражения нечто, каким бы типом числа это нечто ни представлялось и ни выражалось, всегда последним, решающим (в техническом прикладном смысле) будет вопрос о «сколько» этого нечто в натуральном смысле (везде, где выявлена единица, конечно-истинностным будет

вопрос (задача) о ее натуральном количестве; там, где нечто не специфицировано как одно, как себе тождественное, единично-ненормализовано, ненаучно, там количества будут ненатуральными, то есть неопределенными).

Естественному языку достаточно одной только глагольной связки «есть», чтобы определить качественность объектного мира. Нажми на кнопку «есть» — получишь результат, качественность осуществится, то есть будет определена.

Как возможен естественный язык науки в мире натуральных количеств, аналогичный естественному языку в мире натуральных качеств? Для естественного языка науки натуральные количества (целые числа) являются качественностями объектного мира науки, а неограниченный целочисленный континуум, не тождественный натуральному ряду, представляет собой все многообразие качественностей объектной, внешней действительности научного сознания. В многообразии качественностей объектного мира науки (в природе) существуют такие натуральные качественности, к которым могут быть редуцированы все возможные качественности объектного мира науки. Это простые числа: каждое целое число, включая и непоименованное, неоцифрованное нами, есть уникальный набор простых сомножителей. То есть посредством простых чисел научное сознание, всегда охватывающее только часть качественностей целочисленного континуума, являющихся решениями научных задач, может принципиально достичь тождества с любой натуральной качественностью объектного мира науки, с любой качественностью природы. Эта возможность и есть язык науки — язык числа как тождества науки и природы, он же — закон целочисленного континуума, закон существования счетного и континуального подмножества целочисленного континуума — множества простых чисел.

Открытие-создание языка науки, языка числа открывает нам новое фундаментальное знание и о естественном языке. Оказывается, слова (аналогично простым числам) являются непосредственными качественностями среди качественностей объектного для человеческого сознания мира, и все качественности человеческого объектного мира суть произведения слов, «словосочетания». Внешний человеку Мир суть составы слов, словосочетания и словопроизведения, речь, риторика.

Естественный язык можно представить как энциклопедическую коллекцию-ряд слов. Принцип упорядочения ряда слов как некоторой последовательности их порождения во времени истории становления языка является нерешенной проблемой языковедения. Язык числа может быть представлен как ряд простых чисел, особым также пока невыясненным способом распределенных в натуральном ряду.

Если продолжить данную продуктивную аналогию языка числа и естественного языка, то можно представить, что слова также распределены в некотором ряду качественностей — тождеств мысли и бытия — и пронзают весь этот натуральный ряд качественностей, включающих несловные (смыслы, не выражаемые в одном слове) тождества мысли и бытия (аналог непростых, составных натуральных чисел), в качестве их уникальных наборов, произведенческих составов, «словосочетаний» (предложений, суждений, высказываний), уникализирующих все несловные тождества мысли и бытия. Истинный путь познания выявляется через дополнительность языка числа и естественного языка: то, чего мы не знаем о языке числа, мы знаем в знании о естественном языке, которое помогает нам языкализовать науку, и, то, чего мы не знаем о естественном языке, мы узнаем из языкации науки в язык числа. Простые числа как «слова» языка числа, то есть как те тождества сознания и объектного мира науки, которые являются базовыми для отождествления научного сознания и целочисленного континуума, есть высказывания, описания, протоколирования, математические суждения о существовании бытие-причастной единицы. Простые числа говорят о том, КАК, какими естественными частями, существованиями есть бытие-причастная Единица. Этот смысл простых чисел свойственен целочисленным, натуральным системам с любой физикой единицы, с любым типом единицы (биоединица, техноединица, электромагнитная единица, механическая единица, политическая единица, «нечто»-единица). Слова — простые числа образуются, как и слова естественного языка, а именно, согласно учению о бытии, посредством утверждения бытия, то есть такого отношения бытия и ничто, которое ничтожит небытие конкретным нечто — качественностью, причастной бытию. С математической точки зрения это словотворчество (произведение-порождение) простых чисел может быть представлено как последовательное деление единицы на ноль. Разделить на ноль — это «разделить так, чтоб частей не было» (В. Н. Левин). Разделить единицу на ноль — это получить первое простое число (2), а последовательно деля единицу на ноль — получить всю последовательность простых чисел. Существование простого числа — это существование «так, чтобы частей не было», существование единицы.

Язык числа — это Единица-программирование целочисленного континуума простыми числами, функция субстанционального времени. Момент времени — это аргумент функции Единица-программирования целочисленного континуума. Время есть высшее тождество научного когито и объектного мира науки, языковыми проявлениями которого (тождества) являются простые числа, а неязыковыми тождествами науки и объектного мира науки, уникализируемыми посред-

ством языковых тождеств (слов) языка числа, — натуральные количества, являющиеся решениями научных задач.

Артикуляция естественного языка предполагает не только артикуляцию слов, но и их запись, посредством которой реализуется функция языка как отождествления сознания и его объектного мира. Артикуляция языка числа, следовательно, предполагает не только выявление простых чисел как слов языка числа, но и запись слов языка числа, просточисленное письмо, которое будет реализовывать функцию Единица-программирования целочисленного континуума. После открытия словной роли простого числа в языке числа речь идет о создании численности, аналога письменности естественного языка. Наиболее близким аналогом просточисленной письменности языка числа является иероглифическое письмо, где иероглифы просточисленности есть описания (дескрипции) существований единицы, причастной бытию, дескрипции того, «как есть» единица, как единица образует-программирует целочисленный континуум.

Просточисленные суждения языка числа — это «априорные синтетические математические суждения» (Кант), программирующие целочисленный континуум, те формы численности, «письменности», которой пишется «книга природы».

Исчисление простых чисел как априорная структура познания

В математике и математической физике существует ряд нерешенных задач (недоказанных гипотез), которые могут быть распознаны как проблематизации оснований математики и математической физики собственными средствами этих наук, что весьма ценно, так как при решении этих задач (доказательстве либо опровержении гипотез) мы получаем возможности наречь (выразить) основания данных наук через определение структурных ограничений применяемых ими методов, не позволяющих эти задачи решить, а гипотезы проверить. Невыявленное основание как априорная структура предметного научного познания — это проблема, образующая суть неразрешимости задачи, сформулированной в языке данной науки.

Такова, к примеру, так называемая «задача четырех красок» — задача, заключающаяся в доказательстве (или опровержении) следующего предложения: четырех различных красок достаточно для того, чтобы раскрасить любую карту так, чтобы никакие две области, имеющие общий участок границы, не были окрашены в один и тот же цвет. Это предложение подтверждается во всех известных частных случаях (сообщение о его доказательстве было опубликовано лишь в 1976 году, но это доказательство может быть выполнено только с помощью компьютера, считается неклассическим типом доказательства, в нем неоднократно выявлялись неточности).

РТЧ прежде всего переформулирует задачу о четырех красках как задачу об основании математики и математической физики, а именно как задачу о естественно-математических ограничениях физического места («естественного места»): «Неокрашенность в один и тот же цвет никаких из двух областей (областей разноокрашивания “Всего”), имеющих общий участок границы» есть единица места-качественности, предельно-минимального отличия, делающего место единично существующим, отличным от иного места. РТЧ-переформулировка «задачи о четырех красках» такова: «Сколько и каким образом специфицированных естественных мест может быть в нечто, то есть сколько и как специфицированных нечто, отличных друг от друга на единицу качественности места, может быть в одном нечто».

Для решения этой переформулированной задачи привлекается РТЧ-формализм «естественного места». С точки зрения риторической

теории числа простое число (число натурального ряда, целочисленно делимое только на себя или на единицу) — представляет собой первокачественность как базовый элемент качественности физического мира (существования). Согласно основной теореме арифметики каждое целое число бесконечного натурального ряда является уникальным, неповторяющимся произведением простых сомножителей, простых чисел. Следовательно, каждое количественно фиксируемое качество (изменение качества) может быть строго-однозначно проиндексировано в простых числах. А именно, если мы принимаем, что априорной моделью физического существования является уникальное агрегирование (сборка) первичных качественностей, то при индексировании какой-либо группы качественностей (конструктивных элементов) в простых числах, любая агрегация этих качественностей в целое (конструкция) может быть формализована целым числом (уникальным набором простых сомножителей) как формулой сборки этой конструкции.

Пространство представляет собой агрегацию естественных (физических мест). В задаче о четырех красках идет речь об агрегации физических мест в своем пределе — то есть в предельно-минимально-возможном пограничном (трансграничном) отличии, специфицирующим одно место как не-иное (в фундаментально-онтологическом различии мест, в местности как изначальной качественности места): «Неокрашенность в один и тот же цвет никаких из двух областей (областей разноокрашивания “Всего”), имеющих общий участок границы».

РТЧ-формализация такого предельного пространства всеразличия мест исходит из его представления в качестве множества (суммы, истинного интеграла, единого) предельно-минимальных местностей (истинных дифференциалов, многого) этого пространства. Если с помощью простых чисел мы можем выразить-проиндексировать (сmodelировать) уникальным образом принципиально любое возможное качество (как агрегацию просточисленно проиндексированных качественностей, проиндексированных, например, в каком-нибудь «банке данных» качественностей), то величина, обратная простому числу (единица, деленное на простое число, $1/p(n)$), выражает предельно-минимальную единицу элементарной качественности всякого качества как места-качественности в Единице качества (в «нечто» качества) — его местность. Кроме того, РТЧ исходит из идеи конечности числа простых чисел, как конечности множества истинных конструктивных элементов (истинных дифференциалов) всякого, включая и бесконечное, конструирования, поскольку в случае бесконечности множества конструктивных элементов допускается существование конструкций, не уникализированных множеством базовых конструктивных элементов (то есть возможно, что не существует целых чисел, образуемых одним и тем же

набором простых сомножителей), каковых конструкций не бывает (невозможны целые числа, не уникализированные в качестве единственного произведения простых сомножителей). Математическое исследование показало, что сумма величин, обратных всем известным простым (то есть примерно первым 50 миллионам), меньше четырех.

Идея риторической теории числа — идея истинного интегрального и дифференциального исчисления, о необходимости которого писал Лагранж, — это идея бытийного отношения единого и многого (отношения единого и многого на основании существования бытия и несуществования небытия): сумма величин, обратных всем простым числам, равна четырем.

$1/2+1/3+1/5+\dots+1/p_n = 4$, где p_n — n -простое число в последовательности простых чисел в натуральном ряду. Часть, которую простое число занимает в единице, — это площадь, занимаемая им в единице. Так бытийствует всякое качество (Единица-шар) как агрегат качественностей, интеграл, сумма естественно-исчислимых мест-площадей поверхности шара-Единицы. Таково РТЧ-представление проблемы четырех красок как проблемы истинного (истинностно-конечностного) дифференцирования «нечто» (единицы, причастной бытию, «нечто» как уникального качества), выявляющего конечное множество (сумму, истинный интеграл) естественных мест, бытие-причастных физических существований этого нечто. В РТЧ-решении проблемы четырех красок, как проблемы исчисления мест (предельного пространственного интеграла местностей), бытие, как и требует того учение Парменида о бытии, представлено как шар («круглая истина»), неделимый в смысле того, что каждый элемент множества, причастного бытию, — неделимое простое число, а интеграл истинных дифференциалов абсолютен и совершенен, не имеет зазоров небытия.

Заметим, что для исчисления пространства местности как априорного всякому физическому существованию, нам не понадобилось неких внешних метрик (метры, сантиметры и т.д.), это пространство взаимной числоизмеримости. 4 — это площадь поверхности Единицы-шара.

РТЧ-гипотеза о количестве величин, обратных числу простых чисел, то есть гипотеза о числе всех простых чисел, состоит в том, что это число наблюдаемо как число «скорости света». То есть «скорость света» — это научная метафора для числа всех простых чисел. Скорость света — это физическое представление об «естине» Вселенной, о том, «как» и «что» есть все то, что есть во Вселенной. Скорость света — это глагольная связка «есть» в суждении современной Науки физики. В РТЧ значение глагольной связи «есть» — это число истинно-конечностных частей Единицы, число естины бытия единицы.

Продолжим РТЧ-переформулирование нерешенных задач (недоказанных гипотез) математики и математической физики. Речь пойдет о задаче о трех телах — это частная задача небесной механики, состоящая в определении относительного движения трех тел (материальных точек), взаимодействующих по закону тяготения Ньютона (например, Солнца, Земли и Луны). В общем случае не существует решения этой задачи. Известно только 5 точных решений для специальных начальных скоростей и координат объектов. Прежде всего, РТЧ рассматривает данную частную задачу как постановку вопроса о чистой механике, о формализации природы механики как таковой. Так, в «Физике» Аристотеля, в «сокровенной», по определению Хайдеггера, книге европейской рациональности, «фюсис» (природа) понимается как причина, устанавливающая движение таким, как оно есть. РТЧ переформулирует данную задачу, как задачу об априорной форме движения. Предположим, что множество всех движений, которые есть, были и будут, каждое из которых имеет качество, отличающееся от другого движения на предельную единицу качества, именуемого «движением», без которой (предельной единицы качества) оно, это движение, качественно неотлично, не существует, — не имеет бытия. Тогда каждое такое движение может быть индексировано, запомнено, зафиксировано, этикетировано одним целым числом из бесконечного натурального ряда. В силу бесконечности целых чисел нет ни одного возможного движения, которое не могло бы быть таким образом этикетировано. То есть в лице натурального ряда мы имеем континуум, в котором могут быть представлены (целыми числами) все возможные движения. Каждое единичное положение трех тел друг относительно друга задает треугольник. То есть все возможные положения (срезы непрерывного изменения положения трех тел друг относительно друга) также представимы в виде треугольников.

Теперь сделаем важный мысленный шаг, который позволяет нам свести, редуцировать все эти возможные треугольники к модификации одной совершенной треугольной формы: «вывернем наизнаку» декартову систему координат. То есть представим, согласно учению о бытии, что именно положение трех тел друг относительно друга СОЗДАЕТ пространство, а не происходит в трехмерном пространстве, как это представляется современной науке, ориентированной на бытие материи, а не на бытие. Тогда существует (в целочисленном континууме) совершенная треугольная форма, модификации которой и создают пространство. Это совершенная треугольная форма — треугольник Пифагора-Ферма-Декарта (прямоугольный треугольник). Почему треугольник Пифагора есть треугольник Декарта понятно из того, что декартова система координат есть сетка, которую когито посылает на-

встречу своему Великому Внешнему, посылает из априорности треугольника Пифагора для когито. Но треугольник Пифагора есть и «сокровенное» представление Великой (не доказанной) теоремы Ферма, которую я называю теоремой «о связности трех квадратов»: «Для любого натурального $n > 2$ уравнение $a^2 + b^2 = c^2$ не имеет натуральных решений a, b и c ».

Итак, совершенная треугольная форма, инвариантная многообразию положений трех тел друг относительно друга, специфицирует все многообразие качественностей движения — как многообразия положений трех тел относительно друг друга, создающего пространство, или к которому (многообразию) может быть редуцировано пространство, наблюдаемое как многообразие целочисленно проиндексированных качественностей движения. Состояния целочисленного континуума, выражаемые пифагоровыми тройками (целочисленными решениями теоремы Пифагора-Ферма-Декарта), суть качественности движения, априорные формы движения. РТЧ-расширение Великой теоремы Ферма: «Пифагорова тройка может состоять не более чем из двух простых чисел. В пифагоровой тройке не может быть трех простых чисел» — специфицирует движение как неизбежность перехода от набора конструктивных элементов к конструированию, к необходимости существования целых чисел. Элементы существуют как «элементы-к-целому», «части-к-целому», таковая направленность элементов, частей к единому и целому. Сущность движения: «Невозможна пифагорова тройка из трех простых чисел» — то есть невозможно существование одних только частей, элементов и несуществование единого, целых чисел. Каждое движение как некоторая исчислимая качественность (исчисление качественностей изменения положения трех тел друг относительно друга), которая есть качественность пространства, может быть представлена в числовом континууме последовательностью пифагоровых троек. Каждый акт движения — это разворачивание треугольника Пифагора в декартову систему координат с целочисленными значениями сторон Пифагорового треугольника. Нарачивание (приращение) пространства создается движением как приращением декартовой системы координат (в силу новых целочисленных значений треугольника Пифагора, качественно-новых состояний движения в последовательности движения).

Теперь мы подходим к третьей Великой неразрешимой проблеме естествознания, из РТЧ-интерпретации которой станет понятной априорная связь времени и движения. Речь идет о проблеме квадратуры круга. Из РТЧ-переформулирования двух задач — о четырех красках как об априорном естестве местности существования, о трех телах как об априорном естестве движения — появляются две «топо-

логии», точнее сказать, две топонимии, два истинных представления о бытии:

- (1) представление Единицы – натуральный шар бытия (природа), естественным истинностно-конечностным дифференциалом поверхности которого является величина, обратная простому числу (истинное дифференцирование есть квантование поверхности шара-Единицы последовательностью простых чисел), а совершенный интеграл площади поверхности которого (сумма величин, обратных всем простым числам) равен четырем;
- (2) представление натурально-совершенной треугольной формы (прямоугольного треугольника Пифагора-Ферма-Декарта), состояния которой, выражаемые пифагоровыми тройками целочисленных решений уравнения Пифагора-Ферма, суть индексации качества движения в его полном качественном многообразии.

РТЧ-переформулируем задачу квадратуры круга (задачу построения квадрата, равновеликого по площади кругу, или круга, равновеликого по площади квадрату) как задачу о создании равновеликости по площади круга и квадрата (равновеликих по площади круга и квадрата) с помощью РТЧ-переформулированных задач о четырех красках и о трех телах, то есть с помощью (1) представления Единицы-шара с площадью поверхности, равной 4, состоящей из площадей, равных величинам, обратным простым числам (для всей последовательности простых чисел), (2) представления о пространстве как многообразии пифагоровых треугольников (прямоугольных целочисленных треугольников-полуквадратов), пространство-генерирующие качества которых, как априорных состояний движения, специфицируются пифагоровыми тройками, в составе которых не может быть трех простых чисел, а обязательно есть одно или два целых числа, что выражает движение как необходимо целочисленное приращение (создание) пространства к Единице как к множеству простых чисел. Тогда задача квадратуры круга – это задача бытия, проблема того, как есть бытие, а именно, как Единица прирастает пространством. Единица прирастает пространством как местностью шара и как движенчеством (окачествливанием нечто как движения) прямоугольного треугольника (полуквадрата). Время – это бытие бытия, То, как есть бытие. Время – это прирастание единицы местом и движением. Время есть переход равных по естественной (исчислимой в исчислении простых чисел, как частей единицы, а не в сантиметрах, метрах и т.д.) площади круга в квадрат и обратно. Лента Мебиуса и есть «геометрически-живое», наблюдаемое доказательство перехода одной и той же числовой (=истинностно-ко-

нечной, а не «измеренной» в сантиметрах, метрах, издержкой использования метрологии которых и является так называемое число π) площади из площади круга в площадь квадрата и обратно.

На деле, человеческое когито априорно наделено способностью к исчислению простых чисел, наделено отличающей человеческое от животного повседневностью как решаемостью трех вышеизложенных «неразрешимых задач», наделено — в своей наделенности риторически, речево предметной причастностью бытию. Это мы сами солиптически движемся по ленто-мебиусной топонимике перехода сознания (квадратичности) в событие (круговость) и обратно, и ведет нас «истины круглой неустрашимое сердце» (Парменид). Это вещи повседневности создают пространство, разворачиваясь декартовой системой координат, которую мы абсолютизируем в подчиненности сознания вещности, это наша мысль, надкогитарно устремляясь к тождеству с бытием, постигает бытийную, субстанциональную сущность времени как исчисления Единицы простыми числами, как ее частями, ощущает естественно-повседневное квантование единицы, в ходе времени которого прирастает пространство.

Нарекательная хронометрия (Мысленное речение)

Что же произошло в истории философии (истории учения о бытии, началом которой является учение Парменида, выраженное в поэме «О природе») посредством риторической теории числа? Прежде всего, последующая Пармениду история философии (и история мышления в целом) представляла собой «клинамен», отклонение от парменидовского тезиса «Только бытие есть, небытия нет, его недолжно мыслить», но в лучших образцах мысли это было отклонение от бытия силой самого бытия, отклонение на некоторую величину гипотезы о существовании небытия, после опровержения которой (в самом изначально «отклонившемся» учении, или в его судьбе в истории учений) мысль с новой силой бытиеутверждения возвращалась к своему парменидовскому истоку.

В известном смысле послепарменидовскую историю европейского мышления можно считать историей (опровержения) гипотез о существовании небытия (различных квазиформ, квазикачеств, квазисубстанций небытия). Зенон (в своих парадоксах как «нелепых», очевидно-опровержимых утверждениях, вытекающих из допущения существования небытия), Сократ (в естественно-речевой перво-общечеловеческой интуиции бытия) и Платон (в формализации парменидовского тезиса о бытии посредством речения о едином и многом) — «единственные» философы, которые все еще удерживали парменидовский тезис о бытии как истинное начало философии. Уже Платон предугадывал возникновение некоего «незаконного (с точки зрения парменидовского учения о бытии) умозаключения, в которое невозможно поверить», то есть материалистического учения (в широком смысле), в разных формах которого (невзирая на идеалистические украшения) первосущностное мышление о бытии подавлялось в пользу данности субъекту (сознанию) различно понимаемой действительности. Бытие было подменено действительностью (сущим), мысль подменялась сознанием действительности. Первая такая подмена на уровне философского гения была совершена «себялюбивым» Аристотелем, изменившим «дружбе с истиной» в пользу «новой» квази-истины Того, что якобы «дороже» дружбы с истиной, то есть в пользу материальных ценностей. Аристотель смешал бытие и небытие в «сущем»

и создал не парменидовскую, а Свою первую философию — логику как знание о сущем. «Все люди от природы стремятся к знанию», — так звучит основной тезис Аристотеля, выдвигающего «фальш-панель» непарменидовского основания «новой первой философии». Мышление полагается в прокрустово ложе со-знания, подчиненного действительности самой по себе, не связанной с истиной бытия.

После Аристотеля Действительность давалась, схватывалась как знание — рассудочное, естественнонаучное, иррациональное, повседневно-практическое, иррациональное, экзистенциальное и т.д., а мышление свелось к автоматизму (кибернетической обработке) этого знания — к со-знанию.

Предельной величиной отклонения от парменидовского учения о бытии является РГЧ-тезис «Мы видим То, что мы знаем», когда сознание захвачено действительностью и настроено ею на «правильный лад» по-знания. По-знание становится всего лишь по-селением в какую-либо предметную область знания действительности. Лишь только когда неписанная, истинная история, являющаяся всегда историей бытия, ничтожит действительность как небытие и показывает ничтожество сознания этой действительности, возникает жизненная необходимость и возможность прорывов к парменидовскому тезису о бытии, которые на фоне сознания выступают как открытия, откровения, гениальные изобретения, а по сути являются не чем иным, как мыслями, тождествами человека не со знаниями, а с бытием, с истиной (истиной) бытия. Именно этот факт «фундаментально-онтологического различия» мысли, тождествующей с бытием, и сознания, тождествующего со знанием (с определенной действительностью), показывает Хайдеггер, говоря о «несокрытости» мысли самой по себе, сокрытой только для сознания. Интересно, что в своей книге «Бытие и Время» Хайдеггер ни разу не использует термин «сознание». То, что для мысли — нормоз (а именно, тождествование с бытием и ничтожение небытия), для сознания — «откровения», «открытия», «иррациональные прорывы», а то и негации, вызовы, угрозы, ущербы сознанию, риски сознания. Гегелевская абсолютизация сознания в «Науке логики» улавливает самый нерв отклонения от парменидовского тезиса о бытии.

Гегель показывает, что сама действительность есть не что иное, как сознание, то есть со-знание как знание действительности в конечном итоге обнаруживает, что то знание, посредством которого есть (создана) действительность, само произведено сознанием. Абсолютная идея Гегеля состоит в том, что в отношении «сознание — действительность» нет никакого бытия, сознание имеет дело только с самим собой в этом отношении, в котором не производится никакого истинного знания, нет истины (истины) бытия. Положительным продуктом такого отноше-

ния является ничтожение гипотез о существовании небытия как конкретных знаний о действительности, обнаруживающих свою ничтожность через свою зависимость, производность от сознания. Сознание не обнаруживает в действительности ничего такого, чего не было бы в нем самом, — таков ничтожный смысл гегелевской абсолютной идеи (к выявлению ничтожности гегелевской абсолютной идеи сводится критика его Шеллингом). Однако Гегель как гениальный ассенизатор гипотез о небытии вообразил себя новым Аристотелем (небесспорно, ибо о двусмысленной дружбе Аристотеля с истиной уже было сказано выше), Мегаэнциклопедистом знаний «эпохи Ньютона-Гегеля-Наполеона», переделался ректором Берлинской академии и вместо того, чтобы утилизировать «знания о действительности» (о существовании небытия), начал их пафосно раскладывать по полочкам мусоросборной камеры, наскоро превращенной в университетскую кафедру, в качестве окончательных знаний о бытии. В результате, конечно, все эти знания — от естественнонаучных до историко-политических и правовых («Прусская монархия как венец истории государства и права») — оказались там, где им и положено быть, на свалке истории, хотя и до сих пор дурно пахнут не вполне утилизированные.

Риторическая теория числа возникает в условиях, когда пролиферация гипотез небытия стала парадигмой сознания, казалось бы, навсегда устранившего и скомпрометировавшего бытие в качестве основания. Жизненная необходимость РТЧ состоит в строгой и точной коррекции (кибернетике) отклонения от парменидовского тезиса о бытии в условиях, когда сознание, лишенное контроля и подчиненности мысли, из машины по ничтожению небытия стало машиной пролиферации гипотез небытия, а достигшее критической массы небытие отклонившегося от бытия интеллекта само может стать действительностью человечества, зная которую будет дано немногим выжившим, если таковые найдутся.

Прежде всего, то есть историко-философски, риторическая теория числа возникает как философская система, рефлектирующая предшествующие ей философские системы как такие специфические, необходимые отклонения от парменидовского тезиса о бытии («парадоксы»), возвращение «из которых» к этому тезису обогащает и развивает доказательную, эвристическую, деятельностную базу парменидовского тезиса. РТЧ рассматривает послепарменидовские философские учения в контексте их историко-философской судьбы и взаимосвязей между ними как единую историю учения о бытии, начало каковому учению было положено Парменидом в его поэме «О природе». Платоновское учение об идеях, сформулированное в явной форме в диалоге «Парменид», имеющем подзаголовок «Об идеях», представляет мышление как бытие-при-

частное знание бытие-причастной действительности, то есть как знание истины (истины) бытия. Этому учению об идеях предшествует сократовский метод, основанный на раскрытии риторической, речевой предметности истины (истины бытия): Сократ открывает речение как речевой (диалогический, совместный) поиск в субстанции речи истины бытия.

Неслучайно, Парменид в «Пармениде» предлагает именно посредством речи испытать истинно или ложно некоторое знание, есть ли оно знание о существующем или о несуществующем. Идеи, «эйдосы» выявляются как временно-напряженные, единичные бытия речи, неделимые явления неделимого бытия посредством вещей и событий, как конечные истины бытия, как последовательность моментов «того, что есть». Идеи — это «эйдосы», «эйдетический ряд», который остается после работы сознания как ничтожения небытия подобно тому, как крупинки золота (единичностей, причастных бытию) остаются после промывания золотосодержащей породы. «Эйдетика» — это накопление человеком умственных богатств, которые и должны подтверждать его интеллектуальные произведения, тексты («ценные бумаги»), потому что восприятие человеческого гения — это доступ к богатству его мысли посредством различных внешних инструментов (текстов, музыки, картин и т.д.).

Сознание — это лишь машина по промыванию пустой породы действительности (информации, знаний), по ничтожению небытия, результатом работы которой (машины) являются риторически предметные единичности, качества, неделимости, причастные бытию. Говоря языком физики, идеи суть физические единицы, бытие-причастные (бытийствующие) единицы субстанционального времени как речевые тождества (единства) мышления и бытия. Абсолютная идея Гегеля — это элементарная платоновская идея, каковая есть единичность, причастная бытию, то есть природа. Идея есть со-бытие, она есть (бытийствует, причастна) при роде (при роде всех вещей, то есть при бытии) — идея наличествует в природе. В этом смысле природа — сплошная, не знающая зазоров и пустот «эйдетика», эйдетический универсум, континуум, сверхсознательное эйдетическое напряжение, создающее речение по истине (истине) бытия. Сознание ничтожит действительность до события (или до отсутствия оно) как до надсознательной единичности, причастной бытию, — до идеи как законного знания природы. Идея от материи отличается так же, как законное, бытие-причастное знание природы отличается от незаконного (смешанного с небытием) знания природы.

Аристотелизм являет собой деградацию от «эйдетики» природоведения, познания законов природы как тождеств (единств) сознания и события — к логике как незаконнорожденному (неприродному, не рожденному из бытия) сознанию «материи», действительности. Аристоте-

лизм — это утеря риторической предметности бытия в идее, профанация риторики к украшению речи для ее субъектно-ориентированной убедительности. Сравним с парменидовским тезисом об «Истини круглой неустрашимом сердце», о Речи как об «Убеждении, следующем по пути необходимости Истины». Однако Аристотель, будучи впечатлен Платоном, помнит о причастности истины бытию, выдвигает идею природы как существования «естественного места» вещи, идею физики местности в противовес парадоксальной небытийной атомистической физике движения. Природа как космос естественных мест — это знание речевой предметности бытия, доступное уже на уровне естественного языка. Природа речи как первейшее явление истины (истины) бытия — это и есть первая природа, природа сама по себе, природа законов природы. Природа есть единое, причастное бытию. Закон природы — это идея как тождество, единство сознания и события в бытии. Если мы ускорим, усовершенствуем и ограничим-специфицируем работу сознания как машины ничтожения небытия посредством ничто, причастного бытию, то порождение-производство идей («намыв золота» идей) как знаний законов природы из случайного мерцания открытий и откровений превратится в повседневный поток сознания, занимающегося своим, бытие-причастным ремеслом. Именно такой автоматизации сознания (когито) и посвящена риторическая теория числа, возникающая в «конце времен» отклонений от парменидовского тезиса о бытии. Возникающая как строгая историко-мыслительная коррекция, нормоз бытие-отклонений, жизненно необходимый в условиях угрозы небытия человека и человечества как угрозы ничтожения Того, что лишилось своей бытийной сущности и предназначения.

Платоновское учение об идеях как историко-философская форма учения о бытии в рефлексивном пространстве риторической теории числа аппроксимируется как учение о простых числах. Учение о простых числах появляется в такой предельной точке отклонения от парменидовского бытия, которую можно охарактеризовать как господство вейерштрассовского относительного времени условных, беспредметных единиц. Вейерштрассовское время как основание жизни цивилизации — это тот предел, за которым после накопления критической массы вейерштрассовского времени (небытия времени) цивилизация лишается причастности бытию и ничто, причастное бытию, больше не противостоит небытию цивилизации. Угроза небытия может быть преодолена только через возвращение к парменидовскому тезису о бытии, через рождение сверхсознательного мышления и сковывание сознания постмодерна, пролиферирующего все более умножающееся число гипотез о небытии рамками мышлению подчиненной машины по ничтожению небытия. Возможно ли вернуться из ситуации господства

относительного времени (апофеоза бытие-беспочвенности, субстанционализации материализма и десубстанционализации времени) к бытию, установить новый философский договор-причастие с бытием? Или точка невозврата к бытию и сползания в небытие уже пройдена? Выход, по существу, возможен только один: само вейерштрассовское время должно быть проблематизировано, «промыто» в поисках «эйдетики» бытия. Вейерштрассовское, «тикающее» время — это, прежде всего, действительный бесконечный натуральный числовой ряд, каждое последующее число которого образуется посредством добавления единицы к предыдущему числу.

Однако физика существования говорит нам о том, что этот ряд в действительности всегда неожиданно, как правило, обрывается. Единицы и числа вейерштрассовского ряда безразличны, нейтральны как к сознанию, так и к событию, непричастны тождеству сознания и события. Однако действительность натурального числового ряда (вейерштрассовское знание) — это в конечном итоге сознание этой действительности, задачей которого, как и всякого сознания, является ничтожение действительности до неуничтожимых единичностей, качественностей, причастных бытию. Назовем такое сознание «кронекеровским» по имени главного оппонента Вейерштрасса Леопольда Кронекера, полагавшего, что «целые числа создал бог, все остальное — дело рук человеческих». В результате ничтожения действительности вейерштрассовского натурального ряда кронекеровским сознанием мы получаем такую единственную возможность реализации причастного бытию существования натурального числового ряда, как ряд простых чисел, при этом распределение простых чисел в натуральном ряду до сих пор не поддается формализации, а лишь только феноменологически описывается и опытно-эмпирически определяется для счетных множеств простых чисел. Простые числа — это «крупинки золота», намываемые в породе натурального ряда. Кстати, первый математико-эмпирический поиск простых чисел назван «решето Эратосфена», подобно лотку для промыва крупинки золота из золотосодержащей породы.

Итак, ничтожение вейерштрассовского времени (не причастного бытию времени) дает нам единичности, «эйдетику» невейерштрассовского, субстанционального, причастного бытию времени — счетные количества простых чисел. В действительности числового ряда обнаруживается истина (истина бытия), феноменальные проявления причастности бытию — истинностно-конечностные неделимости (простые числа). В вейерштрассовском ряду обнаруживаются временно-субстанциональные тождества сознания и события, числовые эйдосы — простые числа. «Многое» идей для вещей, числовая эйдетика (философская необходимость помыслить идеи даже для самых

незначительных вещей, неоднократно отмечаемая в диалогах Платона) в РТЧ аппроксимируется к Многому (множеству) простых чисел как однородных неделимых (бытийных) единиц целочисленной, бытие-причастной феноменологии целочисленного натурального ряда — распределенной в натуральном ряду совокупности феноменов осуществления простоты (неделимости) числа. Временно-напряженная эйдетика простых чисел — ХРОНОЭЙД — в натуральном целочисленном ряду (феномен распределения простых чисел в натуральном целочисленном ряду как главная загадка математики со времен Пифагора и до наших дней) — это возможность языка физики, которая актуализируется риторической теорией числа. Простое число как числовое, субстанционально-временное воплощение (предметность) идеи, как субстанционально-временное число единства (тождества) сознания и события, — это природное число. ХРОНОЭЙД как Счисление простых чисел осуществляет истину (истину) природы, выполняет природу как закон самой себя. Природа экзистирует простым числом. Время интенционирует, оплодотворяет природу простым числом. Простое число — семя времени, проращением которого экзистирует природа.

Каждому школьнику известна такая система природы, как периодическая система элементов Д. И. Менделеева. В числе важнейших атрибутов каждого элемента в таблице даны атомный вес и распределение электронов на внешней оболочке. Как только добавляется новая оболочка, возникает новый период. Как только число электронов оказывается простым, в периоде и в группе возникает новое свойство элемента. В их числе — водород (1), гелий (2), литий (3), бор (5), азот (7), натрий (11), алюминий (13), хлор (17), калий (19) и т.д. Утробный период развития эмбриона до детородного состояния продолжается числом дней, заключенное между моментом зачатия и двумя простыми числами 269 и 271.

Моменты физиологических и структурных изменений в процессе развития зародыша на клеточном уровне и плода в материнском организме, а также приспособительные сдвиги в системе желез внутренней секреции материнско-плацентарно-плодного единства при беременности совпадают с рядом весьма тонко отрегулированных событий, появляющихся в ритме простых чисел. Так, уже на 4-й неделе, то есть с 23-го по 29-й и 31-й день (все простые числа), хориальный мешок с зародышем, однообразно покрытый ворсинками, начинает проявлять морфологические изменения. Ворсины, расположенные у зачаточного полюса, начинают атрофироваться. На 6-й неделе (41-й — 43-й день — два простых числа) ворсины завороченной отпадающей оболочки исчезают и остаются лишь пышные ворсины основной отпадающей оболочки, где в дальнейшем образуется послед. На 16-й неделе (107 и 109 — два, рядом

стоящих в периоде, 113 — новый период простых чисел) водная и хориальная оболочки сливаются и посредством атрофичной завороченной отпадающей оболочки присоединяются к истинной отпадающей оболочке; продукт зачатия и придатки к этому моменту заполняют всю полость матки. Нейрогуморальная регуляция менструального цикла и беременности (по Г. Мусалову и Т. Сулаквелидзе, 1980) также совпадают с ритмом простых чисел по следующим параметрам: слизистая матки набирает интенсивно толщину с 17-го по 29-й день. Максимальная толщина слизистой матки приходится на период с 71-го по 73-й день. С окончанием формирования морфологии и готовностью плода покинуть утробу матери в процессе релаксации у беременной расслабляются тазовые связки с 277-го по 281-й день. В том же ритме, с аналогичной интенсивностью и зависимостью в ее крови изменяется уровень эстрогенов и прогестерона. Все эти перечисленные пороговые события имеют временные параметры с простыми числами. Функциональные подсистемы и морфологическое проявление живого организма, например, женского пола в своем развитии (формирование половой зрелости, активный период половой жизни, менопауза, старость) имеют тот же закономерный ряд пороговых событий из простых чисел только в другом измерении: не в днях, а в годах. Особенно четко это проявляется в динамике развития половых желез. Таковы впечатляющие примеры простоты численного экзистирования природы.

Платоновское учение об идеях в РТЧ осмысливается как учение о простых числах, что позволяет переосмыслить и аристотелевское учение о «естественном месте» как основании физики — природе события. Конечное тождество сознания и события в бытии, найденное историей мышления путем ничтожения небытия до ничто вейерштрассовского времени, — простое число — это не только истинностно-конечностный, риторически предметный «эйдос», но и истинное, физически законное «естественное место», «топос». Единство «эйдоса» и «топоса» в их причастности бытию есть «хронос», истинный момент субстанционального времени, порождающий конечность и такие ее модусы, как вещьность, эйдосность, событийность, длительность (продолжительность). Простое число есть триединый, предметно воплощенный «хронос», «топос», «эйдос», с которого РТЧ-начинается язык физики как именование субстанционального времени. Субстанциональное время — это несокрытый в вейштрассовском беспредметно-единичном ряду, пронизывающем повседневность, ряд простых чисел. Взятый сам по себе ряд простых чисел (последовательность простых чисел) образуется по природному закону бытие-причастности, а не методом добавления единицы. РТЧ-идея природного закона, наблюдаемого при родах природы бытием, — это идея языка числа, из которой следует понимание

числа как части единицы. Единица — самое большое число, своего рода googol (гугол), число бытия, мы же имеем дело с частями этого числа, каждая из которых меньше единицы, как часть меньше целого. Просто-численный ряд — это ряд частных суждений о единице как об основании и источнике данного ряда, это риторика единицы. Подобно тому как первослово охватывает все возможное множество слов как исток их бытие-причастности, так и единица охватывает все множество простых чисел, как целое охватывает части. Генезис простых чисел — это ничтожение математической бесконечности бытием, формально выражаемое такой математизацией физики единицы, как последовательное деление единицы на ноль, результирующее последовательностью простых чисел: $1 : 0 = 2, 2 : 0 = 3, 3 : 0 = 5, \dots 19 : 0 = 23, 157 : 0 = 163, \dots 1153 : 0 = 1163\dots$

Коррекция отклонений современного естествознания от парменидовского тезиса о бытии, бытие-нормоз (онтический нормоз) естествознания представляет собой переход от геометрии к намеченной Парменидом и Платоном, но не реализованной возможности хронометрии. Основанием такого перехода является простое число как осуществленное единство хроноса, топоса и эйдоса, как гипер-переход от хроноэйда к хронотопу. Это переход от релятивистского времени к субстанциональному времени, от физики движения к физике местности — ХРОНОТОПУ, от аксиоматического подхода к онтическому, бытие-причастному.

Если в технико-процедурной основе геометрии находится черчение, то техника хронометрии — это РЕЧЕНИЕ. Хронометрия — это речение бытия. В риторике есть понятие риторических фигур. Считается, что риторические фигуры обозначают обороты речи, которые не вносят никакой дополнительной информации в предложение, но изменяют его эмоциональную окраску, что достигается множеством способов. В профанной риторике фигуры речи служат для передачи настроения или усиления эффекта от фразы, что постоянно используется в поэзии, местами преодолевающей профанность риторики и возвышающейся до риторики бытия. Фигуры обычно делят на три группы: фигуры добавления, фигуры убавления и фигуры расположения или перемещения. Как правило, тропы считаются разновидностью риторических фигур. Среди наиболее распространенных фигур речи:

Анафора
Антитеза
Бессоюзие
Гипербатон
Гипербола
Градация
Инверсия

Ирония
Литота
Метафора
Метонимия
Многосоюзие
Оксюморон
Параллелизм

Парономазия	Риторическое обращение
Парцелляция	Сравнение
Перифраза	Умолчание
Пролепсис	Хиазм
Риторический вопрос	Эллипсис
Риторическое восклицание	Эпифора

Хронометрия — это «геометрия», «геос» (почва) которой — субстанциональное время, причастное бытию. Хронометрия — это риторика бытия, онто-риторические фигуры которой — это фигуры речения, истины (истины) бытия, бытие-причастные обороты речи, осуществляющие возвышение мысли до тождества с бытием, до книги бытия. Жанровость, «Многое» книги бытия (хронотоп) имеет основанием «Единое» книги бытия (хроноэйд). То есть истинным «естественным местом» физики является риторически предметное место в бытии времени. Место есть онториторическая фигура субстанционального времени, хронотопный жанр речи времени о бытии. Онториторические фигуры также можно классифицировать на три хроноэйдетических типа сообразно учению о бытии, а именно:

Бытие-утверждающие онториторические фигуры

Например, анафора:

Земля!	Земля!..
От влаги снеговой	Она бежит, бежит
Она еще свежа.	На тыщи верст вперед,
Она бродит сама собой	Над нею жаворонок дрожит
И дышит, как дежа.	И про нее поет.

Земля!..
 Все краше и видней
 Она вокруг лежит.
 И лучше счастья нет, — на ней
 До самой смерти жить.

А. Т. Твардовский

Онториторические фигуры, ничтожащие небытие

Например, антитеза:

Они сошлись. Волна и камень, Стихи и проза, лед и пламень Не столь различны меж собой.	Я царь — я раб — я червь — я Бог!
--	-----------------------------------

Г. Р. Державин. Бог

А. С. Пушкин. Евгений Онегин

Сегодня — трезво торжествую,
Завтра — плачу и пою.

А. А. Блок

И девы-розы пьем дыханье, —
Быть может... полное Чумы!

А. С. Пушкин. Пир во время чумы

Где стол был яств, там гроб стоит.

Г. Р. Державин. На смерть князя Мещерского

Онториторические фигуры физики местности

Например, бессоюзие:

Мелькают мимо будки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сады, монастыри,
Бухарцы, сани, огороды,
Купцы, лачужки, мужики,

Бульвары, башни, казаки,
Аптеки, магазины моды,
Балконы, львы на воротах
И стаи галок на крестах.

А. С. Пушкин. Евгений Онегин

Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.

А. А. Блок.

Тропы в риторике понимаются как слова и выражения, используемые в переносном смысле, когда признак одного предмета переносится на другой, с целью достижения художественной выразительности в речи, при этом в основе любого тропа лежит сопоставление предметов и явлений. В риторике бытия тропы — это проторяемые мыслящей речью пути в пространстве субстанционального времени. Так, например, метафора может быть раскрыта как многокритериальная оптимизация неструктурированной информации, как собирающее начало Многого (различных качественностей) в единое, причастное бытию. Так, «поле», «ток» в физике — это классические метафоры.

Все фигуры риторики бытия восходят в своем эйдетико-топосном хронометрическом единстве к такой фигуре, как лента Мебиуса. Лента Мебиуса — это первоначальная фигура риторики бытия, первое речение, мысленное наречение первого тождества мысли и бытия, гиперпереход хроноэйда (субстанционально-временной идеи) в хронотоп (субстанционально-временное «естественное место») и обратно. Лента Мебиуса определяется как односторонняя поверхность с краем. Эта геометрически-пространственная конфигурация, терминологически более верная как «лист Мебиуса», принадлежит немецким математикам А. Ф. Мебиусу и И. Листингу, жившим в XIX веке. Для получения листа Мебиуса нужно взять достаточно длинную прямоугольную полосу

бумаги и склеить в кольцо две ее противоположные стороны, но в одной и той же плоскости. Получится своеобразный, «перекрученный» в одном месте обруч. Если двигаться по поверхности этого обруча, не выходя за его границы, то в исходное место попадешь в перевернутом, по сравнению с первоначальным положением, виде. У Х. Кортасара есть новелла с таким же названием: «Лента Мебиуса»: «Постепенно (хотя о каком “постепенно” может идти речь вне времени — так, слова) возникали новые состояния, которые, возможно, уже возникали, хотя “уже” означает “до”, а никакого “до” не было; сейчас (впрочем, не было и никакого “сейчас”) хозяйничал ветер, а в новом “сейчас” она обращалась в нечто слепо ползущее, пресмыкающееся, и в этом состоянии каждое “сейчас” было мучительно, прямая противоположность состоянию ветра, поскольку все обращалось в одно пресмыкающееся движение в никуда; будь ей доступна мысль, ее сознанию, наверное, представилась бы гусеница, совершающая путь по свернутому в воздухе листу, проползающая сначала по одной его стороне, потом по другой, и снова — бесчувственно, слепо, бесконечно — лента Мебиуса, переползание с одной стороны на другую, незаметное, поскольку границы между плоскостями нет и нельзя сказать, на какой из них находишься сейчас, быть может на обеих, и так без конца, — медлительнейшее, мучительное движение, ползком, там, где нет даже меры медлительности и страдания, а только само чувство движения ползком, медленное и мучительное. Или другое (хотя какое “другое” там, где невозможно сравнение), быть жаром, с головокружительной скоростью мчаться по ветвящимся трубопроводам, электрическим контурам или цепям, молниеносно пробегать по траекториям математических построений или музыкальных партитур, перекакивая из знака в знак, из ноты в ноту, бешено крутиться в мозгу вычислительной машины, быть самими построениями, партитурами или контурами, частью, осознающей себя целым, или целым, осознающим себя частью, и снова яростно мчаться сквозь мгновенно меняющиеся созвездия знаков или нот, бесформенных, беззвучных»⁴.

Лента Мебиуса нередуцируема к другим геометрическим фигурам. Однако из топологических трансформаций ленты Мебиуса и возникает топология фигур риторики бытия, получаемых из непрерывной деформации ленты Мебиуса, то есть таких ее деформаций (вращение, растяжение, сжатие, изгибание и др.), при которых не происходит разрывов (нарушения целостности фигуры) или склеиваний. Ранее топология носила названия «анализ ситус» (анализ положения), а также «теория точечных множеств». В научно-популярной литературе топологию часто называют «геометрией на резиновом листе», поскольку ее нагляд-

⁴ Кортасар Х. Лента Мебиуса и другие рассказы. — М.: Азбука, 1997.

но можно представлять себе как геометрию фигур, нарисованных на идеально упругих резиновых листах, которые подвергаются растяжению, сжатию или изгибанию. Отсюда, кстати, и такое простонародное свойство речения (ленто-мебиусной хронометрии), как «тянуть резину». Топология ленты Мебиуса основана на риторически предметной теории множества простых чисел, образующего единство частей единицы. Лента Мебиуса есть речение как хронометрирование, исчисление субстанциональных точек конечного бытия времени — простых чисел. Так называемые простые числа-близнецы — это пары субстанциональных точек, определяющих положение «естественного места» как того исходного места, из которого двигается нечто и в которое затем попадает в перевернутом состоянии, продвигаясь непосредственно по ленте Мебиуса и достигая в ходе такого продвижения этого самого исходного места. Вейерштрассовский ряд — это своего рода ось, которую ленто-мебиусная топология пересекает в «простых числах». Парность, «близнецовость» простых чисел должна быть распространена со случая «простых чисел, различающихся на двойку», на все простые числа как ленто-мебиусная симметричность простых чисел, скрывающаяся за их вейерштрассовской несимметричностью.

Лента Мебиуса — это хронометрическое представление физики единицы, а ее топологическая деформация выражает изменения физики единицы в онториторических фигурах риторики бытия.

Мысленное речение (умозрение) — это «начертательная геометрия» онториторических фигур риторики бытия, нарекательная (именующая) хронометрия.

Именно нарекательная хронометрия станет выражением-представлением сущности техники. В мысленном речении как достигнутом человеком способе и уровне причастности бытию уже произошло базовое овладение техникой субстанционального времени как неисчерпаемым источником энергии (человеческий дух), техникой телепортации (бессредопроводящая передача информации) и перемещений в пространстве субстанционального времени (проектирование истории, власть как управление государством). Что до техники телепортации, так человечество давно знакомо с ней в феномене «носкости», полетности певческого голоса. Как известно, музыканты и певцы высоко ценят одно очень важное свойство звука — его полетность. Это свойство звука определяется ими как способность звука лететь вдаль, распространяться на большие расстояния, а кроме того, выделяться на фоне других звуков, «пробиваться через их заслон», «лететь через оркестр» и т. д. «Если вы обладаете, как говорят, большим голосом и производите впечатление мощного звучания... в небольшом помещении, то не торопитесь причислять себя к разряду оперных певцов: нужно еще послушать,

как ваш голос звучит в большом помещении, как он летит и как “режет” оркестр. Существуют голоса как будто бы и большие, но почему-то не полетные. В маленькой комнате — это царь-голос, а на большой сцене этого “царя” забьет даже самое жиденькое сопрано! Такие неполетные голоса старые итальянские маэстро обозначали удивительно подходящим термином — *metallo-falso*, то есть “ложный металл”. С другой стороны, встречаются голоса как будто маленькие и “невзрачные”, во всяком случае не впечатляющие в небольшом помещении, но зато в большом театре, на огромной сцене, они как будто бы ничуть не теряют в звучности и даже усиливаются, прекрасно слышны во всех уголках огромного зала, свободно выделяясь на фоне хора и оркестра. Вот это-то свойство голоса и называется полетностью и высоко ценится не только у певцов»⁵.

РТЧ утверждает, что носкость и полетность голоса — это прохождение речения сквозь субстанциональное время из одного естественно-го места в другое, минуя пространственно последовательное средовое продвижение, что и означает телепортацию голосовой информации.

Автоматизация когито как машины ничтожения небытия приведет и к выходу на новый — относительно нынешнего освоения субстанционального времени в естественном языке — уровень техники, уровень природного исчисления простых чисел как языка физики, которым написана книга природы — книга нарекательной хронометрии, книга истории бытия времени.

⁵ Светов М. Ю. Звучание вашего голоса. Постановка и совершенствование голоса для пения и публичных выступлений // Либрусек: Много книг [Электронный ресурс]. — Эквадор. — Режим доступа: <http://lib.rus.ec/b/251425/read>, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.

Материя как субстантив языка физики

От философов-элеатов Парменида и Зенона Платон усвоил установленное ими учение о бытии и фундаментальное различие между тем, что существует по истине, и тем, что не имеет истинного бытия. «Прежде всего, — утверждает Платон в «Тимее», — по моему мнению, надо различать: что всегда существует и никогда не становится, и что всегда становится, но никогда не существует» («Тимей», 27 d). Главным и единственным объектом сознания, когито, является То, что не имеет истинного бытия, поскольку, как мы выяснили ранее, сознание есть ничтожение бытием самой возможности существования небытия, и ничего другого в сознании нет. Позитивизм когито состоит в осознании ничтожения бытием небытия как становления, объекто-ориентированной деятельности сознания, то есть задача ничтожения небытия решается посредством работы сознания над собственной предметной областью. Сознание выграничено как машина ничтожения небытия. Базовым объектом, данным сознанию для осуществления его бытийного предназначения ничтожения небытия, является «материя», «существующая» исключительно как объект сознания. Вне «сознания» «материя» невозможна, отношение «материя — сознание» — это работа искусственного механизма ничтожения небытия, техника ничто. Вне «сознания», то есть в тождестве мысли и бытия, «материя» так же невозможна и искусственна, как и само «сознание». «Материя» понимается Платоном как некое пространство («хора»), которое «вечно, не приемлет разрушения, дарует обитель всему рождающемуся, но само воспринимается вне ощущения, посредством некоего незаконного умозаключения, и поверить в него почти невозможно» («Тимей» 52a, b). Это «незримый, бесформенный и всевосприемлющий вид, чрезвычайно странным путем участвующий в мыслимом и до крайности неуловимый» («Тимей» 52a, b). Знал бы Платон, что к концу XX века это «незаконное (с точки зрения учения о бытии) умозаключение, чрезвычайно странно участвующее в мыслимом», узаконит себя в виде мировой университетско-академической науки, увенчает лаврами, званиями и премиями, а также заставит в себя поверить как в научно-технический прогресс. Это материе-порождающее «незаконное умозаключение» и называется «сознание», а его «незаконнорожденный» тезис «озвучен» Декартом: «Мыслю, следовательно, существую». Современная европейская наука — это незаконнорожденное дитя учения о бытии.

Абсолютизация науки, затмевающая высшее качество разумности — учение о бытии, абсолютизация сознания, приписывающая ему свойство тождества мысли и бытия, в то время как оно (когито) является лишь машиной, механизмом ничтожения небытия и существованием ничто, причастного бытию, привели к ложной идеи бытия материи. Европейская наука — это солиптический титан, сознание которого отождествляет свои рабочие, технические представления с бытием. Этот титан, созданный для ничтожения небытия, из-за абсолютизации когито, науки и научно-технического прогресса в XX веке вышел за границы своего предназначения — как ничто, оторвавшееся от своего причастия бытию, — и создал вызов у ничтожения самого человечества.

История науки Нового времени — это история последовательной онтологизации материи, а вместе с тем и история «становления» сознания в качестве высшей формы мысли, якобы доросшей до тождества с «бытием», за которое выдается онтологизируемая материя.

Первой фазой онтологизации материи является Ньютонова механика, отождествляющая материю с массой (инертность как материальное проявление массы тела).

Второй фазой онтологизации материи стал атомизм, когда сущность теплоты была объяснена на основе представления о том, что тепловое движение есть движение молекул и атомов.

Третьей фазой онтологизации материи стало электричество, когда ученые «пришли к выводу», что электрический заряд, электрическое состояние тел есть столь же важная характеристика материи, как масса, инертность, атомизм.

Четвертой фазой онтологизации материи стало убеждение в том, что электрические явления обусловлены не наличием «электрических жидкостей» в телах, а наличием процессов (натяжений, изменений и особых форм движения — волны, поля), происходящих в среде, окружающей заряженные тела.

Наконец, пятой формой онтологизации материи, стало открытие электрона, означавшее возврат в новом качестве к учению, локализовавшему электрические явления в телах, атомах и молекулах. Кроме того, открытие электрона подрывало первую фазу онтологизации материи, когда «оказалось», что масса электрона изменяется со скоростью и делается значительной, когда скорость электрона приближается к скорости света.

По существу, последовательная онтологизация материи привела к ее самоотрицанию в качестве бытия, показала, что материя есть небытие, бытием не является. Отсюда возникло знаменитое «Материя исчезает». Но машина когито была уже разогнана. «Бытие» материи было спасено логически. Вместе с этим спасением остановилось и умирание

логики в качестве отжившего формализма мышления, появилась амбициозная программа логической формализации математики (программа Гильберта). Если по бытию, по истине (истине), материя раскрывалась как небытие, ничтожилась «открытием» электрона, то ее (материю) можно было реконструировать логическим образом как солиптическое «бытие-в-сознании» — появился принцип относительности (релятивизации «бытия», за которое выдавался «естественный» релятивизм материи), спекулятивно выведенный из принципа постоянства скорости света как «остановленного горизонта» познания материи («перончик тронется, вагон останется»); «после электрона» в виде «метаэлектронности» возникла квантовая механика как солиптическое «квантование-в-сознании». Сознание создало внутри себя физическую картину мира, собственную солиптическую реальность с квазибытием-материей. Современное признание ученых о том, что 95% материи является так называемой «темной материей», говорит о том, что когито зафиксировало уровень выполнения своей бытийной программы ничтожения небытия — 5%. В машине когито находится такой «непереваренный» объект небытия, как физическая картина мира, основанная на приписывании материи бытия. Базовые свойства материи — масса (инертность), атомизм, электричество, поля (волны), электронизм, квантово-механический метаэлектронизм — должны быть аппроксимированы к солиптическому единому когито — Языку физики.

История современного естественного языка насчитывает десятки, а то и, по некоторым гипотезам, сотни тысяч и даже миллионы лет. История языка физики насчитывает свыше 300 лет, если ее полноценным началом считать «Математические начала натурфилософии» Ньютона. В целом можно сказать, что язык физики, которым написана книга природы и который станет осью нового витка эволюции человека на десятки, сотни тысяч, а возможно, и миллионы лет, находится только в самом первом этапе своей истории, и потому весьма поучительными и направляющими на путь истины будут аналогии нынешнего состояния языка физики с ранними этапами становления естественного языка.

В языке физики мы имеем дело с засильем видимостных данных, наблюдения, наглядности, подавляющим (засильем) возможность развития смысловой функции языка, что характерно для невнятно артикулированного, дословного, допонятийного естественного языка. Именно это состояние языка физики характеризует принцип неопределенности Гейзенберга. Клод Леви-Стросс, анализируя «первобытное языковое мышление», особо отмечает его как допонятийное выражение «смешанных состояний», когда, например, у племени, живущего в условиях языковой первобытности, нет понятия «заяц», но есть фик-

сация смешанного состояния («гавагавай») как «наличия утром на конкретной поляне съедобного существа для охоты на оное», то есть происходит фиксация смещения бытия и небытия конкретного вида существования (ведь наличие зайца в указанном месте не следует из обязательности выхода добытчика утром на эту поляну). Дословное и доязыковое, чреватое языком (то есть «материя»), беременно (именно в этом смысле у Платона в «Тимее» материя есть «мать, кормилица и родительница») способностью различать бытие и небытие из их смещения, способностью, которая и есть язык сам по себе, чистый язык (Ф. де Соссюр). «Смешанное состояние» в квантово-механической интерпретации (см. квантовый кубит «ноль, единица, смешанное состояние») — это и есть первобытный «гавагавай», свидетельство неартикулированности языка физики.

Естественный язык рождается из дословного как язык мысли. Мысль появляется как сверхнаглядное тождество с бытием, осмысливающее бытие как Бога, — так артикулируется слово. Бог есть перво-схватывание бытия человеком посредством реализации возможности осмысленной речи. «И слово было Бог». Язык физики рождается из материально-физического как язык числа. Число выявляется как сверхнаглядное тождество физика (прироdo-веда) с природой (ее универсальным, все пронизывающим законом), осмысливающее природу как время, — так артикулируется сущность техники как существование-выражение-употребление языка физики. Субстанциональное время — это бог языка физики, перводвигатель, вечный двигатель, нарушающий законы термодинамики.

Таким образом, преодоление кризиса естествознания (кризиса физической картины мира) — это, прежде всего, программа рефлексии знаниевой фактичности физики и артикуляция языка числа «сквозь» эту предметность «материи». Материя есть небытие, солиптическое кружение вокруг числа как сверхсолиптической предметности языка физика. Квази-бытийные свойства материи, прежде всего атомизм, — это тотемное первобытно-физическое мышление, которое еще не знает единого бога, порождающего язык физики, — бытие времени, субстанциональное время. Подобно тому как шаманы бьют в бубен, вызывая дождь, физики десятилетиями ходят каждый рабочий день к ускорителю в надежде услышать щелчок, регистрирующий новую частицу или даже бозон Хиггса. Бытие природы, тождественное бытию физики, — это бытие времени, субстанциональное время. Теплота не порождается атомизмом, она — непосредственное бытие, истина (истина) времени как «вечного», сверхконечного двигателя, то есть источника, порождающего конечность как таковую, аппроксимирующего материю к численности. Так называемые «разделы физики» должны быть по-

няты как элементы единой физики времени, конкретные тождества времени (как истинной языковой субстанции физики) и числа (как истинного, языкового выражения физики). Как тождество слова и бытия артикулирует естественный язык и поднимает его над солиптической реальностью, так тождество числа и времени артикулирует язык физики, поднимает его над солиптической реальностью физической картины мира. Десубстантивация материи — это программа создания единой физики как механики времени, как совокупности грамматических правил языка физики, выражаемых в новой теоретико-числовой форме (в форме риторической теории числа). Исчисление простых чисел непосредственно десубстантивирует материю выражением субстанциональности времени. Фикция бесконечной делимости материи, сдерживающая бытие языка физики и новую сущность техники, преодолевается в просточисленной мысли о сущности физического как истинностно-конечностной неделимости и небесконечности — в мысли, материализуемой в простом числе как в конечной форме ничтожения материи. В простом числе материя исчезает, выполняется, что является техническим требованием субтанционализма времени, условием экспликации механики времени.

Язык физики имеет предметной областью своего генезиса сверхнаглядную физику единицы (непосредственное бытие времени) подобно тому, как генезис естественного языка — это сверхсолиптическое восприятие бытия, именуемое Богом. Физика единицы раскрывает теорию чисел как теорию естественных квантов (истинных частей) единицы. Числа говорят о времени, о физике единице (таков смысл значения чисел), об истории и особенностях квантования единицы подобно тому, как слова говорят о бытии. В языке физики человеку становится доступно сверхфизическое бытие — такое явление физики, как «ускорение света» (закон вселенского ускорения), которое весьма скоро будет зарегистрировано экспериментальной физикой как простейший факт бытия времени и небытия материи.

Часть II. Философское учение о бытии как новое естество науки («естина»-истина физики)

РТЧ-начала

А. Шухов. Не ясна природа гравитации, и вообще не понят смысл антиэнтропийного собирания. (Кстати, проводимые ныне опыты по детекции гравитационных волн приведут к такому же результату, что и опыт Майкельсона, там не могли объяснить постоянство скорости света, а здесь не объясняют регулярность гравитационного поля.)

Если время понимается как «материя» физических процессов (я, в общем, согласен с данным анализом), то функция этого слова в таком употреблении является метафорической. Время, скорее, какая-то «мера инертности» процесса, а вот какая? Время ... — континуально. Число как мера — это только наложение. Если это не так, то некоторый квант должен быть запрещен «исходя из времени»... В общем, не готов расстаться и с идеей континуальности времени. Ведь время есть синтез двух начал — ничтожного и объемного — даты, служащей только разделителем, и срока, выражающего собой как наполнение, так и наполненный разделитель. Введение такого способа формализации времени невозможно, если бы время не было континуально.

РТЧ-начала. Учение о бытии как основание природного исчисления простых чисел посредством осуществления физико-математической операции последовательного деления единицы на ноль.

1. Учение Парменида о бытии: только бытие есть, небытие невозможно.

2. Посредством ничто, причастного бытию, бытие распознает и ничтожит небытие.

3. Сознание есть распознавание и ничтожение небытия. Сознание есть причастие ничто (бытие ничто), ничтожащего небытия, бытию.

4. Посредством времени, причастного бытию, бытие естествоует.

5. Событие — это «естина» (от слова «есть»), естествование бытия. Событие есть причастие времени (бытие времени) бытию в естине (истине) бытия.

6. Бытие времени есть единое.

7. Бытие сознания есть многое.

8. Событие всегда одно. «Все события» предопределены как одно событие — таково единое как бытие времени. Кроме такого события, как бытие времени, никаких событий нет более.

9. Многое есть бытие ничто. Многое есть ничтожение многих попыток смешивания бытия и небытия, претензий небытия на существование.

10. Предопределенность всех событий как одного события — Единое — есть бытие времени, именуемое в физике «гравитацией».

11. Бытие сознания как Многого есть солипитизм.

12. Солиптитизм и гравитация суть бытие ничто (сознание) и бытие времени (событие).

13. Сознание и событие суть естина (истина) бытия в силу причастия ничто и времени бытию.

14. Сознание и событие суть единое.

15. Единое сознания и событие, предшествующее сознанию (бытию ничто) и бытию (бытию времени), суть единое бытия — единица сама по себе.

16. Единица есть бытийное единство сознания и события, обуславливающее бытие сознания и бытие события.

17. Всегда одно событие (бытие времени) как единое с сознанием (бытием ничто) ничтожит небытие.

18. Сознание (бытие ничто) событийствует естине (истине) бытия, естествует — как единое с событием (бытием времени).

19. Событие есть единое как одно событие (бытие времени). Сознание есть многое как ничтожение многости событий, результатом которого (ничтожения), то есть естиной (истиной), является выход сознания к одному бытию (нечто), действительно причастному бытию, — к такому бытию, как бытие времени.

20. Бытие ничто как событие (дее-причастие бытию) причастно бытию как бытие времени.

21. Сознание как событие (выполнение ничтожения) есть бытие времени.

22. Сознание как многое есть ничтожение многости событий как небытия.

23. Событие сознания есть единое многого, раскрытие (несокрытость) единицы как бытия одного единственного истинного события — события времени.

24. Сознание события есть многое единого, аппроксимация многости событий к Многому ничтожению небытия.

25. Событие сознания и сознание события суть единое — бытие, именуемое «число».

26. Число есть ничто небытия времени, ничто небытия ничто, то есть нечто времени и нечто ничто, нечто как единое (тождество) события и сознания.

27. Единица и число суть бытие и нечто, то есть число причастно к единице, как нечто причастно бытию.

28. Познание есть знание о причастности нечто к бытию, истина (истина) которого (знания) в познании причастности числа единице.

29. Наука о природе (Физика) есть познание причастности числа единице.

30. Знание сознания (естина, истина) сознания — это знание Многого как ничто многости событий и единственности истинного события (бытия времени). Число есть Многое не как множество событий (предметов, элементов), но как Ничто многости событий, то есть как показ истинного бытия единственного события как чистой Многости (Многости Единичности). Ничто Многости событий, аппроксимация Многости событий как Многости Единичного события — это имя числа (цифра) как совокупность единиц (следов ничтожения Многости событий в Многости Единичности). Число — это не множество единиц, это Многость единицы. Сознание как солипсизм аппроксимирует Многость событий в Многость единицы, аппроксимирует Многое к бытию времени.

31. Пространство понимается ныне как бытие событий (Многость событий) и небытие сознания (квантовая механика начала допускать в пространство бытие сознания — принцип наблюдателя). Поскольку небытие сознания невозможно, так как сознание есть — и есть как бытие ничто, — а бытие событий есть не что иное, как бытие одного события, то есть бытие времени, то пространство, на деле, есть чистое отношение (естина) времени и ничто к бытию, единое времени и ничто, истинное (естинное) отношение времени и ничто.

32. Число есть бытие отношения времени и ничто к бытию. Единица как число есть бытийное действие времени, действие времени силой бытия. Число как причастное бытию есть бытийное действие ничто, ничтожащего Многость событий, небытие, действие ничто силой бытия. Бытие ничтожения Многости событий к Многости единицы есть ноль.

33. Бытийная естина времени, бытийная сила времени, как истинное отношение времени к бытию — это единица.

34. Бытийная естина ничто, бытийная сила ничто как истинное отношение ничто к бытию, состоящая в ничтожении Многости событий к Многости единицы, — это ноль.

35. Деление единого на части для получения многого есть небытие (единое неделимо), деление невозможно бытийственным образом. Делением мы впускаем небытие.

36. Деление единицы на ноль (перводеление) — это радикальный вызов небытия бытию. Вызов пространства — времени, вызов бесконечности Многости событий — Единиче.

37. Математический (вейерштрассовский) результат деления единицы на ноль — бесконечность — недействителен, небытийственен.

38. Деление единицы на ноль есть антиэнтропийная операция, создающая действительный (временно-пространственный, физико-математический) ряд неделимых, единице-причастных (=простых) чисел как сущностных, бытийных единств времени и ничто. Последовательность деления единицы на ноль — это последовательность ничтожения небытия, операциональный ряд сущности физико-математического как аппроксимации Многости событий к Многости Единицы.

39. Последовательное деление единицы на ноль, результатом которого является последовательность простых чисел — исчисление простых чисел, — это сущность техники. Сознание как дее-причастие ничто бытию есть природная техника ничтожения небытия. Событие как дее-причастие времени бытию есть техника природы как истины, естествования бытия.

40. Солипсизм как аппроксимация Многости событий к Многости единицы (техника ничтожения небытия) есть естественное (естинное) квантование пространства-времени простыми (неделимыми, единице-первопричастными) числами. Событие квантования пространства-времени простыми числами, то есть исчисление простых чисел, — это антриэнтропийная техника природы, искомая физиками «природа гравитации». Физико-математическая суть гравитации — это физика единицы, то есть получение простого числа в результате деления единицы на ноль.

41. Стратегия раскрытия числа как единой природы сознания и бытия — это стратегия овладения техникой бытия как техникой ничтожения небытия и техникой природы.

42. Слово есть единство природы сознания и события. Таково бытие как риторический закон бытия, как Правда того, что только бытие есть, утверждаемая вопреки небытию «силой Убеждения, идущего вслед Истине» (Парменид).

Гегель как философ ничто, причастного бытию

Мне уже приходилось писать, что Гегель — не вполне философ бытия, он — философ ничто, причастного бытию. Бытие в учении о бытии не может рассматриваться как «начало, возникшее через опосредование». «...Здесь бытие — начало, возникшее через опосредствование и притом через опосредствование, которое есть в то же время снятие самого себя; при этом предполагается, что чистое знание есть результат конечного знания, сознания»¹.

Мне уже приходилось писать, что Гегель — не вполне философ бытия, он — философ ничто, причастного бытию. Бытие в учении о бытии не может рассматриваться как «начало, возникшее через опосредование». Бытие сверхпервично и сверхизначально. Впрочем, немногим далее Гегель сам подтверждает свою квалификацию как философа ничто, причастного бытию: «Начало есть не чистое ничто, а такое ничто, из которого должно произойти нечто; бытие, стало быть, уже содержится и в начале. Начало, следовательно, содержит и то и другое, бытие и ничто; оно единство бытия и ничто». Однако далее Гегель идет на прямое нарушение завета Парменида о несмешиваемости бытия и небытия. Он пишет: «Иначе говоря, оно (начало) небытие, которое есть в то же время бытие, и бытие, которое есть в то же время небытие». Смешивание бытия и небытия является фирменным предприятием так называемой «гегелевской диалектики». Это фирменное предприятие и породило гегельянцев всех мастей, тех людей, которых Парменид в своей поэме называет «двухголыми», так как им нужно две головы, чтобы вместить противоположные идеи. Эта же двухголовость поразила и квантовую механику. Сущность методологической ошибки Гегеля ясна: он спасает логику в качестве формализма мышления и, онтологизируя логику, обнаруживает, что в ее основе — запрещенное Парменидом смешивание бытия и небытия. При этом Гегель постоянно испуганно оглядывается на Парменида, но, видимо, успокаивает себя тем, что Парменид далеко, и его не поправит, а вот от университетских логицистов зависит жиз-

¹ Здесь и далее в этой главе цитируется: Г. В. Ф. Гегель. Наука логики // Философский портал Philosophy.ru. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://philosophy.ru/library/hegel/logic.html>, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.

ненно важное для Георга Вильгельма Фридриха, делающего университетскую карьеру в прусском логицистском университете, «превращение ста возможных талеров в сто действительных талеров», разбору онтологии каковой жизненной необходимости посвящена значительная часть «Науки логики».

Гегель о Пармениде: «Простую мысль о чистом бытии как об абсолютном и как о единственной истине впервые высказали элеаты, особенно Парменид, который в дошедших до нас фрагментах высказал ее с чистым воодушевлением мышления, в первый раз постигшего себя в своей абсолютной абстрактности: только бытие есть, а ничто вовсе нет...». Здесь Гегель фундаментально неточен, это подчеркивал Хайдеггер. «Ничто» в том смысле, в котором его употребляет Гегель, Парменид вообще не рассматривал. Посыл «ничто» для Парменида — это ничтожение самой возможности небытия быть. Отсюда и рождается традиция понимания ничто как причастного бытию, посредством которого бытие ничтожит претензию на бытие со стороны Того, чего нет. Логика создана Аристотелем именно на основании этой силы бытия ничтожить То, чего нет. Гегель, возрождая аристотелевский смысл логики с тем, чтобы влить новую силу в иссохшую формальную логику, возрождает в качестве непосредственного начала именно ничто, причастное бытию.

Гегель о Пармениде: «Мышлению или представлению, перед которыми предстает лишь какое-то определенное бытие — наличное бытие, — следует указать на упомянутое выше начало науки, положенное Парменидом, который свое представление и тем самым и представление последующих поколений очистил и возвысил до чистой мысли, до бытия, как такового, и этим создал стихию науки...». Гегель помнит об учении Парменида о бытии как об истинном основоположении философии, но не вполне раскрывает, что «стихия науки» сформировалась как речение бытия, как Истина, утверждающая бытие. Понятие «наличное бытие» извращает сущность учения о бытии, представляет собой один из базовых элементов ложного учения о бытии. Именно на этом понятии зиждится здание гегелевской диалектики. Но ведь полагание бытия как наличного бытия есть смешение бытия и небытия. Бытие не представимо и не охватываемо умом как данная ему реальность, поскольку бытие обнимает собой и сам разум.

Гегель о Пармениде: «Парменид признавал только бытие и был как нельзя более последователен, говоря в то же время о ничто, что его вовсе нет; имеется лишь бытие. Бытие, взятое совершенно отдельно, есть неопределенное, следовательно, никак не соотносится с иным; поэтому кажется, что, исходя из этого начала, а именно из самого бытия, нельзя двигаться дальше, что, для того чтобы двинуться дальше, надо присоединить к нему извне нечто чуждое...». Это совершенно ложная

и интеллектуально-нечестная трактовка Парменида за счет отождествления его учения о бытии с теорией субстанции Спинозы. Бытие не может быть логически «взято». Бытие есть верх определенности и содержания, едино-универсальная сущность всего многого, не нуждающаяся в присоединениях и прибавлениях, — это содержание всех форм. Так, бытие числа — это не вейерштрассовский ряд с постоянным, механическим добавлением единицы, это всеобъемлющее всего конечного: «Единица есть множество простых чисел». Когда Гегель пишет о начале: «Как оно не может иметь какое-либо определение по отношению к иному, так оно не может иметь какое-либо определение внутри себя, какое-либо содержание, ибо содержание было бы различием и соотношением разного, было бы, следовательно, неким опосредованием. Итак, начало — чистое бытие», — он совершает роковую для всей последующей истории философии ошибку, которая последовательно преодолена, пожалуй, только в русской философской мысли. Истинное начало всеобъемлюще, мегасодержательно, является неиссякаемым источником содержания. Именно таково Парменидовское бытие как истинный источник знаний.

Гегель о Пармениде: «Бытие вообще не было бы абсолютным началом, если бы у него была какая-нибудь определенность; оно тогда зависело бы от иного и не было бы непосредственным, не было бы началом. Если же оно неопределенно и тем самым есть истинное начало, то у него и нет ничего такого, с помощью чего оно переходило бы в иное, оно в то же время есть и конец. Столь же мало может что-либо вырваться из него, как и ворваться в него; у Парменида, как и у Спинозы, нет продвижения от бытия или абсолютной субстанции к отрицательному, конечному. Если же все-таки совершается такое продвижение (что, исходя из бытия, лишено соотношений и, стало быть, лишено продвижения, можно, как мы заметили, осуществить только внешне), то это движение есть второе, новое начало...». Опыт бытия, онтологический опыт — это, прежде всего, опыт дефинирующего солиптического разума. Бытие единичного, нечто — это единое как системная совокупность, органическое целое истинных сущностей дефинирования этого нечто, формирующихся в процессе солиптического конструирования (то есть сущностей, формируемых когито, сознанием). Первая дефиниция раскрывает бытие единицы (бытие числа) — «единица есть множество простых чисел». Поэтому бытие как единое охватывает все конечное, бытие не нуждается в продвижении к конечному, в этом нуждается сознание, опирающееся в своем продвижении на силу бытия, уже охватывающего конечное.

Гегель о Пармениде: «В этой форме наличного бытия “одно” есть та ступень категории, которую мы встречаем у древних как атомисти-

ческий принцип, согласно которому сущность вещей составляют атом и пустота. Абстракция, созревшая до этой формы, достигла большей определенности, чем бытие Парменида и становление Гераклита. Насколько высоко ставит себя эта абстракция, делая эту простую определенность «одного» и пустоты принципом всех вещей, сводя бесконечное многообразие мира к этой простой противоположности и отваживаясь познать и объяснить это многообразие из нее, настолько же легко для представляющего рефлектирования представлять себе вот здесь атомы, а рядом — пустоту».

Извращение сущности учения о бытии посредством категории «наличное бытие», утверждение невозможного смешивания, сопричастности бытия и небытия в качестве действительного и истинного, приводит к деградации философской мысли к бессодержательной категории «одно». За утверждение «Абстракция, созревшая до этой формы («Одно», «наличное бытие»), достигла большей определенности, чем бытие Парменида» ректору Берлинского университета полагается большая жирная «двойка».

Гегель о Пармениде: «Так, Пармениду приходится иметь дело с видимостью и мнением — с противоположностью бытия и истины...». Вся поэма о природе Парменида пронизана сопричастностью бытия и истины. Богиня истины ведет Парменида к пониманию того, что только бытие есть, а небытия нет.

Философия, основанная на парменидовском учении о бытии, рассматривает благо как достижение мыслью тождества с бытием. Гегель достигает первой фазы такого тождества — это тождество мысли с ничто, причастным бытию. Абсолютизация этой фазы через смешение такого бытия, как причастие ничто бытию, с небытием подменяет становление тождества мысли и бытия отрицательным тождеством ничто и небытия (отрицательным — в смысле освобождения ничто от причастия, служения бытию), которое оборачивается против бытия и становится новым супер-оружием утверждения небытия как существующего. Этот альянс ничто и небытия является основой философской современности и непосредственной силой стирания, забвения бытия.

РТЧ-постулаты теории времени

Структурирование материи с точки зрения философии как учения о бытии (о том, что только бытие есть, а небытие невозможно) — это солиптический продукт когито, то солиптическое конструирование реальности, которое именуется «физикой». Вопрос о структурировании материи — этот вопрос о природе физики, о природе такой вещи, производимой когито, как физика.

А. Шухов. Материя, мы никуда не можем уйти от подобного факта, представляет собой структурированную систему. Фотоны действуют на ионы, ионы характеризует избыток или нехватка электронов, а электроны так хитро устроены, что почему-то никак не могут поглотиться ядрами атомов. В общем, все они живут друг с другом, как сварливые соседи, и который же из них тогда порождает время? Если время порождает структурированная система, то она порождает его действием своих конкретных агентов, будь то электроны или молекулы ДНК вместе с троллейбусами, это не важно. Но поскольку структурированная система обладает различными агентами, то их различие именно потому — такова пока недоступная объяснению логика природы — существует, что они собой воплощают различие функций. Газы сжимаются и могут, побывав в сжатом состоянии, опять вернуться в разреженное; твердые же тела такими свойствами не обладают, и интерес к опытам по сжатию твердых тел проявляют разве что изготовители искусственных бриллиантов. Если мы видим, что различие агента есть обязательно различие функции, то тогда логика вещей заставляет нас мыслить «лучшего и худшего» породителя времени. То есть мы приходим к такому положению вещей, что натрий должен порождать время лучше, чем сера, а, вероятно, и напротив, йод лучше, чем азот. Может быть, это различие незначительно, но обязательно должно быть, и его следует установить.

Сергей Шилов. Структурирование материи с точки зрения философии как учения о бытии (о том, что только бытие есть, а небытие невозможно) — это солиптический продукт когито, то солиптическое конструирование реальности, которое именуется «физикой». Вопрос о структурировании материи — этот вопрос о природе физики, о природе такой вещи, производимой когито, как физика. Поэтому структурирование материи — это, прежде всего, структура языка физики. (О фи-

зическом знании подробнее см. главу «Хроника. Дефиниции Меганауки», том 1, с. 12–15 настоящего издания.)

АШ. Мы сформулировали принцип безусловного права времени оставаться активным началом. Это позволяет нам анализировать проблему естественных квантов времени как проблему, вынесенную за рамки чистой условности времени. Кванты времени — это кванты субстанциональных сущностей, которые обладают ими как квантами, например, минимально доступного им времени переключения. В таком смысле для скоростной кинокамеры существует другой квант времени, чем для кинокамеры с обычной частотой кадров. Но параметр этого кванта принадлежит не времени как сущности, а кинокамере как субстанции, скажем, механизма динамической фотографии.

СШ. Время есть активная, созидающая, «формирующая» действительность субстанция, «перводвигатель» сущего, «вечный двигатель». Вопрос о родовой сущности физики — это вопрос о том, КАК есть бытие времени. Время бытийствует, есть, субстанционально числом. Число само по себе есть присутствие времени. Бытие времени есть число. Число есть истинный основной предмет физического знания, с которым сращено это знание. (О механике времени подробнее см. главу «Хроника. Дефиниции Меганауки», том 1, с. 23–27 настоящего издания.)

АШ. Но того шага, который геометрия сделала для пространства, создав формы своих фигур, идеальных пространственных сущностей, теория времени не сделала, и потому механизм абстрактного представления в ней не возник. Поэтому предмет времени остался без защиты от навязывания ему архетипов представлений из круга идей «здорового смысла» — соотнесения времени не с чистой условностью, а с условностью, выражающей возможность течения времени для вещи. Видимо, и для времени следует мыслить идеальную субстанцию, относительно «обязательного порядка» которой мы можем позволить себе определить, скажем, некоторые «трансформационные законы» времени — возможно, законы его разбиения, слияния и т.п., в отношении проекции которых в сферу действительности мы будем позволять себе говорить о некоторой погрешности определяемых условий. Но на неидеальном материале, который может вносить некое «непредсказуемое» искажение, построение сходимой системы следует мыслить по определению невозможным.

СШ. РГЧ, завершая в виде философской системы научную революцию XX века, оформляет окончательный развод мышления с Евклидом (с теорией пространства при полагании относительности, несубстанциональности времени) и создает теорию времени (как формирующего пространство и его события) на основе выделения идеальных временных сущностей (естественных квантов времени) — простых чисел. В простых числах (в порождении-распределении простых чисел

в натуральном ряду) выражается моментификация, действительное течение времени. Момент времени триедин — это:

- (1) порождение простого числа как момент течения субстанционального времени;
- (2) момент целостности (бытие целого, явление субстанции) как момент образования целого числа уникальным произведенческим набором простых чисел;
- (3) момент истины как момент окончательного анализа целого, эксплицирующего его уникальный просточисленный состав.

Взаимодействие триединых моментов времени — это ни в коем случае не линейная последовательность. Это хронометрия (временной аналог пространственной геометрии), базовой стационарной структурой которой является идеальный треугольник Пифагора-Ферма (прямоугольный треугольник), числово специфицируемый пифагоровыми тройками чисел, то есть целочисленными решениями уравнения Пифагора-Ферма: $a^2 + b^2 = c^2$.

Единство моментов времени выражается хронометрически — пифагоровыми тройками как фундаментальными структурами трехмерной устойчивости целочисленного пространства натурального ряда.

Динамической структурой хронометрии является лента (лист) Мебиуса, простейшая односторонняя поверхность с краем, попасть из одной точки которой в любую другую можно, не пересекая края. Лист Мебиуса хронометрически представляет динамику пространства субстанционального времени. То есть точки времени — это точки края ленты мебиуса. Последовательность точек времени — это хронометрическое представление последовательности простых чисел в натуральном ряду (Синтез, Анализ, Структура, Генезис).

Простейшая математика, описывающая бытие времени, включает четыре операции исчисления простых чисел:

- (1) коммутация (произведение) простых чисел («всех со всеми»), результатом чего является образование уникализированных целых чисел: Синтез, образование уникальной целостности;
- (2) факторизация целого числа, то есть «раз-множение» целого числа на уникальный набор простых сомножителей: Анализ, прояснение уникального состава целостности;
- (3) образование пифагоровых троек, то есть целочисленных решений теоремы Пифагора-Ферма $a^2 + b^2 = c^2$: структура, определение границ устойчивости целостности;
- (4) и наконец, последовательное порождение простого числа в натуральном ряду (в результате последовательного деления единицы на ноль); Генезис, Божественный счет («Божья помощь математикам» — есть такой термин в теории вычислений).

Субстанциональное бытийствующее время раскрывается для физики как текущее из будущего в прошлое. То есть момент субстанционального времени — это скачок из будущего в прошлое, который и составляет сущность настоящего как бытия «здесь, теперь и сейчас».

Формула единицы «единица есть множество простых чисел» как физическая предметность образования целого числа всеми простыми числами как раз и показывает устремленность натурального ряда к началу, к единице, собирающей и охватывающей весь числовой ряд в качестве самого большого числа.

В механике времени рассматривается пространство времени, отличное от евклидова пространства и его обобщений, таких, например, как гильбертово пространство.

РТЧ-пространство представимо в виде последовательностей:

- (1) простых чисел;
- (2) квадратов простых чисел;
- (3) величин, обратных простым числам;
- (4) величин типа pi (p — простое число; i — мнимая единица);
- (5) логарифмов простого числа и логарифмов по основанию простого числа;
- (6) степеней простого числа;
- (7) системных чисел, чисел, компонентом которых является немнимая единица ($\sqrt{2}$).

АШ. Я хотел бы сказать, что никакая другая точка зрения для построения конструкций систем времени, производных внутри природы самого времени, кроме той, что называют «абсолютной точкой зрения» (АТЗ), недопустима. Но это не снимает вопроса о том, что же реально обсуждают другие точки зрения, например «эмпирическая»? Я склонен думать, что предмет анализа «эмпирической точки зрения» — это не собственно категория времени. Если подвергать анализу реальные барьеры (или препятствия), которые мешают идеальной же фиксации идеального по определению времени, то природа подобных препятствий — это не внутренние субстанции времени, а субстанциональность природы тех вещей, действие которых определяет эту задержку.

СШ. «Абсолютная точка зрения» — это точка зрения последовательного продумывания субстанционального времени, продумывания современного естественнонаучного знания сквозь парадигму бытия времени и невозможности небытия времени. «Эмпирические точки зрения» суть терминологии, скрытые дефиниции времени, создающие вызов дефиниции субстанционального времени, вызов детерминации физики. «Абсолютная точка зрения» в сфере оснований математики как точка зрения изнутриматематического обоснования математики, втягивающая в себя обоснование всех наук посредством раскрытия

смысла и причин успехов их математизации, — это идея исчисления простых чисел.

АIII. Но для проблемы времени, которая была центром внимания дискуссии, парадоксальность положения заключается в том, что эта категория пока не описана такими строгими условиями идеализации, которые наука прилагает, например, к пространству в виде «евклидовых постулатов». Тогда задача философии — именно понять: что же следует требовать от категоризации идеальной субстанции «время»?

СIII. Хайдеггер показал, что наука как когито, как искусственный (созданный, сформированный) интеллект возникла из парменидовского учения о бытии. Сознание (наука) сформировалось в переходе от бытия ко времени. Неисчерпаемый исток времени — это ничтожение бытием небытия. Разумность, сознательность материи — это бытие времени в качестве языка бытия, предметно ничтожащего небытие. Субстанциональное время — это не последовательность вейерштрассовских формально-единичных моментов, это речение бытия, а момент такого речения — это число как утверждающее бытие ничто, причастное бытию и ничтожащее небытие. Время есть речь бытия. Хайдеггер признал также, что ему не удалось осмыслить обратный переход — от времени к бытию. Такой переход имеет своим предметным выражением автоматизацию когито, автоматизацию науки, нахождение той самой абсолютной, изнутри-математически-основной точки зрения на время как субстанцию науки, которая (точка зрения) представит сущность перехода от бытия времени к новому бытию самому по себе как возрождению бытия речью бытия. Риторическая теория числа — это такая речь о бытии времени, которая является новым словом о бытии, открывающемся, прежде всего, как риторическое бытие числа. «Новое», возрождающееся бытие — это возвращение к парменидовскому бытию через ничтожение эпохи небытия, каковое — ничтожение — начинается с ничтожения небытия времени.

«Истины круглой неустрашимое сердце» (Парменид)

О конечности числа простых чисел в натуральном ряду

РТЧ-интерпретация времени раскрывает время не только в качестве «полноценной», «барьерогенной» субстанции, но и в качестве единственно существующей субстанции. Пространство действительно оказывается тогда эффектом, а именно эффектом субстанционального времени.

А. Шухов. Во-первых, «материальное» — это то, что образует эффект барьера, а пространство и время как бы «субстанциональны», но рождают «эффект барьера» неспособны. Поэтому они не субстанции класса «барьерогенных», а некие «эффекты», действительные как востребование и не действительные как форматы действия. Итак, «пространство» — оно (пока физически) не выделимо как чистое наличие, но обладает ... инвариантностью по отношению наполнения. Содержащийся в стакане объем остается «объемом», будет стакан заполнен или нет. Будет выкачан воздух из колбы лампочки или нет, объем колбы остается объемом. Поэтому Зеноново «место» (пространство) остается самождественным и разделяемым в анализе «местом», не способным к самостоятельности действия, но неизбежным как востребование. Сама возможность материи как носителя конкурентности вынуждена неэластичностью пространства, иначе бы один бильярдный шар входил в другой шар и мы бы не знали их соударения...

То же самое можно построить и в отношении времени, неизбежном «потому», что морфизм постепенен и не может быть непостепенен.

С. Шилов. РТЧ-интерпретация времени раскрывает время не только в качестве «полноценной», «барьерогенной» субстанции, но и в качестве единственно существующей субстанции. Пространство действительно оказывается тогда эффектом, а именно эффектом субстанционального времени. Субстанциональное время — это бытийная сущность вещей. Бытие времени ничтожит небытие времени — так возникает эффект «пространство». Пространство — это ничто времени, ничто, причастное бытию времени, посредством которого время ничтожит свое, времени небытие. РТЧ-ничтожение вейерштрассовского ряда — это ничтожение небытия времени, то есть вейерштрассовский

ряд — это претензия небытия времени на существование, известная (претензия) как бесконечность. Материя — первая и основная заявка небытия на существование. Уже Платон рассматривает материю как небытие, скрывающее численность. Вы совершенно правы в том, что подобное отношение к материи возможно только в том случае, когда «бы один бильярдный шар входил в другой шар, и мы бы не знали их соударения». Так, вот, бытие времени именно таково. Поясню. Цитата из работы выдающегося непризнанного гения Е. Путро:

Существующая математика утверждает, что один плюс один всегда равно двум. Назовем ее условно бытовой математикой или же бухгалтерской математикой, если угодно. В ней используются абстрактные числа. Я разработал сферически дискретную математику, в которой использованы физические числа, привязанные к объемам соответствующих шаров. В ней для получения числа 2 (второго дискретного шара) необходимо сложить не два единичных шара (единиц), а 27 единичных шариков. И это легко проверить: возьмите первый шар любого диаметра и второй шар, диаметр которого будет равен трем диаметрам первого шара, и посчитайте их объем по известной формуле с использованием трансцендентного числа ПИ. Затем разделите объем второго шара на объем первого шара, и Вы получите, что для создания второго шара необходимо сложить ровно 27 штук меньших шаров. Число ПИ исчезнет, «как с белых яблонь дым». Странно, не правда ли? Такие шары и все последующие за ними я назвал сферически дискретными шарами. Их объемы можно исчислять без использования числа ПИ. Математикой, посредством которой исчисляются объемы сферически дискретных шаров, я назвал сферически дискретной математикой. Логика сферически дискретной математики отличается от логики бытовой математики. Можно спорить о сферах применимости этих двух математических логик, но не об ошибочности одной из них².

Парменид называет истину «хорошо закругленной», по его учению о бытии, мысль кругла, и само бытие есть шар:

Ибо без бытия...
Мысли тебе не найти.
Ибо нет и не будет другого
Сверх бытия ничего:
Судьба его приковала
Быть целокупным, недвижимым.
Поэтому именем будет
Все, что приняли люди, за истину то полагая:
«Быть и не быть», «рождаться на свет и гибнуть бесследно»,
«Перемещаться» и «цвет изменять ослепительно яркой».

² Е. К. Путро. Объединенная физика мира (физика сферической дискретности) // Энергия пространства и долгодетие [Электронный ресурс]. — Харьков, [200?]. — Режим доступа: <http://putro1.narod.ru/Мас.НТМ>, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.

Но, поскольку есть крайний предел, оно завершено
Отовсюду, подобное глыбе прекрутлого Шара³.

Переход от механики Ньютона к РТЧ-механике времени, который завершит научную революцию XX века (а эта революция, начатая Эйнштейном-Бором-Гейзенбергом, не завершена) — это, в том числе, переход от «столкновения и разлетания шаров» к сферически дискретной математике. Изменение длины при скоростях, близких к скорости света, согласно принципу относительности — это, по существу, открытие физики единицы (то есть физической неевклидовости единицы), которая не осознала себя в этом качестве, довольствуясь положением дополнительности к механике Ньютона. Эйнштейн все еще расписывался в любви к Евклиду. Завершение этой научной революции — это окончательный разрыв с Евклидом и деконструкция идеи бесконечности. Разрывает нас с Евклидом РТЧ-идея конечности числа простых чисел в натуральном ряду. Любопытное опровержение доказательства Евклида о бесконечности числа простых чисел дает Е. Путро. Его опровержение закономерно упирается в статус двойки как первого числа, который мы неоднократно упоминали:

Теорема Евклида: Пусть P — простое число. Рассмотрим произведение всех простых чисел от 2 до P , добавим к нему 1 и положим $N = 2 \cdot 3 \cdot 5 \cdot \dots \cdot P + 1$. Это число не может делиться на 2, так как если бы оно делилось на 2, то и разность $N - 2 \cdot 3 \cdot 5 \cdot \dots \cdot P$ делилась бы на 2. Но разность этих чисел равна 1 и не делится на 2. Аналогично убеждаемся в том, что N не может делиться на 3, на 5 и вообще ни на какое другое число вплоть до P . С другой стороны, N должно делиться на какое-нибудь простое (на само себя, если N простое, или на любой простой делитель N , если N составное). Следовательно, существует простое число, отличное от любого из простых 2, 3, 5, ..., P и потому большее P . Таким образом, ряд простых чисел оборваться не может.

Опровержение теоремы Евклида: Если исключить из произведения $2 \cdot 3 \cdot 5 \cdot \dots \cdot P$ число 2, как четное число, то произведение $3 \cdot 5 \cdot \dots \cdot P$ будет нечетным числом. Тогда выражение $N = 3 \cdot 5 \cdot \dots \cdot P + 1$ четное, а следовательно, составное число. Если N является четным числом, то оно имеет множитель меньше P , то есть без участия числа 2 теорема Евклида не доказывает бесконечность простых чисел в натуральном ряду⁴.

³ *Парменид*. Поэма о природе // Философский портал Philosophy.ru [Электронный ресурс]. — М. [200?] — Режим доступа: http://philosophy.ru/library/antiq/parmenid/parmenid_poema.html, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.

⁴ *Е. К. Путро*. Доказательство конечности простых чисел натурального ряда // Объединенная физика мира // Энергия пространства и долголетие [Электронный ресурс]. — Харьков [200?]. — Режим доступа: <http://putro1.narod.ru/Mac.17.НТМ>, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.

Я даю ниже свое доказательство конечности числа простых чисел в натуральном ряду.

Доказательство конечности числа простых чисел в натуральном ряду

Объект доказательства: *реальная бесконечность* — бесконечность целых (простых и составных) чисел натурального ряда.

Основание доказательства: *фундаментальное положение арифметики* о том, что каждое целое число являет собой уникальный набор простых сомножителей.

Суть доказательства

Реальный предмет (объект) есть множество, включающее в себя его элементы и их отношения. Быть элементом — значит, быть членом конечного множества членов, образующих данный предмет вместе с отношениями членов между собой. Отношения членов конечного множества между собой в предмете (объекте) могут быть ограничены или бесконечно многообразны.

Реальная бесконечность есть множество, элементами которого являются простые числа (согласно вышеизложенному положению арифметики). Это значит, что простые числа образуют между собой бесконечное многообразие отношений умножения, результатом которых являются все целые числа натурального ряда. То есть простые числа есть конечное множество членов, образующих бесконечность натурального ряда вместе с отношениями членов этого конечного множества между собой. Таким образом, число простых чисел в натуральном ряду конечно. Проведем доказательство и «от противного». Представим себе, что число простых чисел бесконечно. Тогда такое предположительно бесконечное множество простых чисел не может быть множеством элементов бесконечного множества целых чисел, то есть возможно, что не существует целых чисел, образуемых одним и тем же набором простых сомножителей, что противоречит фундаментальному положению арифметики, являющемуся основанием данного доказательства: если множество элементов объекта бесконечно, то объект невозможен как существующий (уникальный, идентичный самому себе) — бесконечным может быть только множество отношений между членами конечного множества элементов объекта.

Математическое исчисление доказательства

Реальная бесконечность есть результат деления единицы на ноль. Это значит, что процедура деления единицы на ноль образует конечное множество элементов реальной бесконечности — множество простых чисел. Отсюда следует формула единицы как формула реальной бес-

конечности: «единица есть множество простых чисел». Конечное множество (т.н. «ряд») простых чисел — это последовательность деления единицы на ноль. Исчисление простых чисел есть пошаговое деление единицы на ноль. Номер шага — это «ртч-номер» простого числа. Реальная бесконечность — это единица. Пределом делимости единицы является конечное множество простых чисел. Фундаментальное положение арифметики для единицы (в аспекте полного исчерпания, «рефлексии» единицы) может быть переформулировано так: единичные дроби как результаты деления единицы на все числа натурального ряда (дроби, являющиеся отношением делимой единицы и делителя — целого числа натурального ряда, то есть числа, обратные целым числам) являются уникальными произведениями чисел, обратных простым числам (или самими числами, обратными простым числам).

Физический (количественный) смысл доказательства

Реальная бесконечность есть Вселенная. Множество элементов реальной бесконечности есть множество времени (множество моментов времени), есть множество простых чисел. Множество отношений между элементами реальной бесконечности есть множество пространства (множество уникальных отношений простых сомножителей). Множество времени конечно. Множество пространства бесконечно. Множество времени создает множество пространства — множество простых чисел создает множество уникальных отношений простых сомножителей.

Множество времени, создающее множество пространства, есть физический свет. Первичное (константное) число единиц пространства (отношений произведения простых чисел), создаваемое элементом (единицей) множества времени, равно числу элементов множества времени («единица есть множество простых чисел»). Число скорости света м/с есть первичное (константное) число единиц пространства (отношений произведения простых чисел), создаваемое элементом (единицей) множества времени. Число простых чисел (число единичных коннекций одного простого числа со всеми членами своего множества) равно числу скорости света м/с (около 300 млн).

Всякая физическая формула вида $a = b$, где a — физическая величина, b — знакосочетание физических величин, существует благодаря физической реальности единицы: $1 = a/b$. То есть всякая физическая формула сводится к универсальной формуле единицы: $a/b=1=\{P_1, \dots, P_n\}$, где $\{P_1, \dots, P_n\}$ — конечное множество простых чисел. Раскрытие всякой физической формулы как отношения, выводящего на формулу единицы, есть употребление физической формулы для продвижения сущности техники в реальную бесконечность, для создания техники, осваивающей реальную бесконечность.

Бесконечность рассматривается до тех пор, пока не появляется понимание того, что Единица не есть нечто тривиально-измерительно-математическое, но есть ФОРМУЛА. После формулы единицы представление о бесконечности становится архаическим, остается в прошлом. Бесконечность — всегда в прошлом. Истинный ход субстанционального времени из будущего в прошлое — это сверхконечность, гиперконечность, «здесь, теперь и сейчас», как то действительное настоящее, бытие которого есть скачок из будущего в прошлое, момент последовательного деления единицы на ноль, представленный простым числом. Исчисление простых чисел — это исчисление сверхконечности, суперконечности, представляющее бытие времени, предустановленно-гармонически предопределяющее пространственное развитие.

Изгнать всейрштрассовцев из храма науки

Два продолжения одной замечательной дискуссии

РТЧ-тезис: «Каждое физическое явление есть термин, представляющий акциденцию, конфигурацию, фигуру, явление субстанционального времени». Язык физики (именно его нужно «искать», эксплицировать, а не некую единую теорию поля) осуществляется как детерминация, то есть иная связь, непрерывность и последовательность физических терминов, нежели формальная терминология, нежели физический тезаурус и физическая картина мира.

1. Субстанциональное время

А. Шухов. Да, большинство понятий всех «строгих теорий», в том числе физики, отличаются «сыростью» конституирования, для меня в этом смысле показателен «вакуум» — местобитие частиц. Пустота, утверждает анализ физического эксперимента, показала себя средой, а наука устраняется от исследования природы этой среды. В какой-то мере и системы формализмов — это среды.

Далее я немножко нудно поразглагольствую над тем, что я понимаю под «формальной теорией». Есть физический мир, состоящий из «реальных», то есть всегда неполноценных форм, форм, всегда несовершенных в смысле ожидаемого от них совершенства. Соответственно, для таких форм совершение над ними морфизма связано с потерями (приобретения здесь — «потери с отрицательным знаком») в их содержании. Формализмы — это то, что способно «войти и выйти» из морфизма, для которых может действовать правило «выходить сухим из воды». Идеальное (формальное) — это то, что в смысле морфизма обладает не обремененными утратой содержания делимостью и сочетаемостью. Проблема же диагонали квадрата «1», возможно, это проблема наложения (не скажу «категоризационной») сетки, в аналоговой форме эта диагональ не иррациональна, а конечна.

Мне кажется, проблема антитезы «формальное — физическое» не очень развита в философии.

С. Шилов. Соглашусь с утверждением о неразвитости этой антитезы. Современная философия довольствуется идеей Эйнштейна о красоте математической формализации физического как базовом онтологическом критерии истинности естественнонаучного знания. РТЧ

как философская система пытается эту ситуацию изменить. В первую очередь, солиптическая доктрина аппроксимирует «физический мир, состоящий из “реальных”, то есть всегда неполноценных форм, форм, всегда несовершенных в смысле ожидаемого от них совершенства» (редуцирует как небытие, то есть как несуществующее в качестве внешнего сознанию бытия) — к совершенной форме физического мира, то есть к терминологии (к риторике физике), «посвященной» субстанциональному времени. РТЧ-тезис: «Каждое физическое явление есть термин, представляющий акциденцию, конфигурацию, фигуру, явление субстанционального времени». Язык физики (именно его нужно «искать», эксплицировать, а не некую единую теорию поля) осуществляется как детерминация, то есть иная связь, непрерывность и последовательность физических терминов, нежели формальная терминология, нежели физический тезаурус и физическая картина мира. Физический детерминизм (причинность, причинно-следственные связи) тогда раскрывается как бытие времени (субстанциональное время). Также вслед Пармениду идем: бытие времени есть, а небытия времени нет; физика (думать физически) и бытие времени суть одно, а парадоксы, прежде всего, теории относительности, но и квантовой механики также — это То же Зеноновское доказательство, только относительно того, что время субстанционально (только бытие времени есть в физике), а не относительно (небытия времени нет). Теперь представим себе, сколько в современной физике небытия времени, и... ужаснемся. Да она насквозь солиптична. Связь представлений с бытием времени предана забвению. Одни только научные «Я» — силы Ньютона, закон Ома, принцип Гюйгенса... Именно эти солиптические именные «камни» базовых представлений физики и утянут эти представления на дно небытия. Для расчистки авгиевых конюшен современной физики нужна сила самого субстанционального времени (эксперименты, показывающие субстанциональность, а не относительность времени). Косвенно это признают и сами физики, объявив 95% Вселенной темной материей и темной энергией, то есть фактически публично огласив уровень своего незнания Вселенной. А что именно, какой физический результат будет доказательством бытия времени, субстанциональности времени, неотносительности времени? Если окажется, что на деле время течет из будущего в прошлое, а мы передвигаемся по линейке времени силой истинного хода времени в противоположном направлении. Тогда время есть источник, перводвигатель всякого движения, следовательно, оно субстанционально, причастно бытию. Главный такой эксперимент в нашем распоряжении уже имеется — это человек. Мышление человека и даже его рассудок — это машина времени. Момент настоящего во времени человеческого бытия как использованное условие, осуществ-

вленная возможность мысли — это момент конкретного движения из будущего в прошлое: все мы предсказуемы своего бытия «здесь, теперь и сейчас» из знания будущего, включенного в это «здесь, теперь и сейчас» — в «здесь, теперь и сейчас» совершается скачок из будущего в прошлое. Такими моментами мы движемся, обрабатываем и модифицируем программу речи как физическое бытие-для-нас истинного хода времени.

2. Порядок простых чисел в языке числа

АШ. Не убежден, что назначение утверждению номера в последовательности как-то связано с содержанием утверждения.

СШ. Так и я о том же, просто, видимо, не вполне ясно выразился. Я говорю о том, что теоремы Геделя так же основаны на нематематическом, как и поиск оснований математики как нематематических. В качестве обоснования привел «ришаровские числа», из которых вышел «геделевский номер», на котором базируются эти теоремы. А в «ришаровском числе» явно видна попытка обосновать-взаимосвязать математическое нематематическим (суждениями естественного языка), как видна и бесплодность этой попытки, исходящей из непонимания наличия языковой сущности математического (арифметического), изнутри которой и нужно искать «истинный номер» как методологическое основание математико-удовлетворительной формализации.

АШ. Рассуждение с использованием числа Мерсенна просто выше моих недалеких ресурсов интеллекта, а проблема «исчисления простых чисел» — это в первую очередь проблема выделения формального порядка определения следующего члена. Вот здесь я бы просто хотел познакомиться с комментарием.

СШ. РТЧ-расширение теории чисел, раскрывающее природу простого числа как фрейма, смысло-значимости, узла в цепочке качественностей языка числа расширяет и горизонт видения проблемы распределения простых чисел в натуральном ряду (Великой неразрешимой проблемы математики). Появление каждого нового слова в высказывании, предложении (в словаре, наконец) особо редуцируется к проблеме «выделения формального порядка определения следующего» слова. Каждое новое слово возникает, рождается из речемыслящего бытия в целом. Слово есть доказательство бытия речи и ничтожение небытия речи. Простое число есть доказательство бытия числа, оно появляется из бытия языка числа в целом. Как слово появляется в результате отношения бытия и ничто, которым бытие ничтожит небытие, так и простое число появляется в результате деления единицы на ноль, ничтожащего бесконечность. Порядок простых чисел — это не тот вейерштрассовский порядок, к которому привыкла современная математика. С точки зрения вейерштрассовского порядка в распределении простых чисел

сплошные разрывы, нестыковки, что видно из всей истории попыток математиков найти так называемую формулу распределения простых чисел. Порядок простых чисел — это порядок языка числа. Формализация этого порядка возможна в духе конструктивистской математики — таков путь создания математики бытия, генезисом которой является солиптическое конструирование посредством деления единицы на ноль как порождающей силы исчисления простых чисел, анализ, синтез и структура которого строго, полно и непротиворечиво выражают существования бытия и несуществование (ничтожение) небытия. Невейерштрассовский порядок порождения чисел «генетически» смоделирован уже между единицей и двойкой, как мы с Вами и с Платоном согласились. Здесь важно обратить внимание и на то, что «между единицей и двойкой» — это и ситуация порождения первого простого числа, отличного от единицы, — «двойки». А после этого «между» начинаются «два продолжения» — вейерштрассовский бесконечный ряд («бесконечный тупик») и ряд простых чисел, закон организации которого вейерштрассовцам не известен. Пространство «между единицей и двойкой» — это пространство физики единицы. Формула Мерсенна косвенно показывает, что простые числа образуются из бытия единицы, которое ничтожит небытие единицы. Первое небытие единицы, травмировавшее пифагорейцев и вслед за ними всю европейскую рациональность, — это диагональ единичного квадрата ($\sqrt{2}$, «немнимая, несовершенная, реальная единица»). Степени двойки в числе Мерсенна — это ничтожение $\sqrt{2}$ как перво-небытия единицы. Ряд простых чисел уходит ввысь, устремляясь к бытию единицы. Формула же распределения простых чисел в натуральном ряду, которую ищут математики, будет РТЧ-расширением формулы Мерсенна.

Радость познания, или О «бесхребетности» современной науки

Материализм я рассматриваю как устойчивый тип мировоззрения, который так же инсталлируется, как и любые другие типы мировоззрения. Принцип солиптизма преодолевает то остро, то вяло текущую дискуссию между материализмом и идеализмом, сохраняя при этом богатство их продуктивного содержания. Солиптизм априоризирует материализм в его генерализующем качестве мировоззрения, мироотношения, состоящего в независимости (и всегда принципиально неполной познаваемости) бытия, внешнего сознанию, от всевозможных представлений, знаний, картин мира, категориальных сеток. Солиптизм констатирует принципиальную нетождественность мира, создаваемого сознанием, бытию.

А. Шухов. Скорее всего, формальное определение сущности, которую мы идентифицируем с понятием «основания математики», отсутствует. В то же время данным представлением успешно оперируют рассуждения, где, скорее всего, рассуждающие убеждены в его реальности в силу наличия каких-то присущих им «интуиций». Если в рамках этой интуиции следовать принципам, введенным в «Основаниях теории множеств» Френкеля и Бар-Хилела, то такими «основаниями» следует признать элементы, остающиеся после разборки некоей синтетической сущности «математика» на нечто — «предматематическое содержание». Аналогом такой операции может служить разборка сруба на бревна перед, скажем, перевозкой и последующей сборкой. Выбор мною подобной модели не исключает действительности и каких-то альтернативных представлений, однако я буду руководствоваться именно данной, поскольку мне важно выяснить, существует ли «доматематический мир».

Чтобы понять, как же можно решить подобную задачу, следует вспомнить о ... слове естественного языка «бесхребетный». Оно хорошо звучит для выражения метафоры, но мы ... попытаемся применить его именно в прямом смысле. Если забыть о «кузнечиках и рачках», то для существ, элементом анатомии которых является позвоночник, невозможно представить его устранение. Позвоночное животное, у которого устраняется, положим, хирургическим путем, позвоночник, завершает

свой жизненный путь, после такой операции его существование, как и существование в отсутствие других критически важных органов, оказывается невозможным. Осмыслим данную ситуацию теоретически: выделим существование позвоночника у позвоночного как «экзистенциально критическое» условие и распространим через аналогию данное понимание на отношения «математической формализации и бытия в целом». Так вот, я защищаю в своем тексте тезис, что для бытия в целом математическая формализация является «экзистенциально критическим» условием существования, и, следовательно, невозможно бытийствование никакого такого локуса, в котором «удалена математическая формализация». Если данный тезис (как продукт некоей аргументации или как постулат) принимается, то это автоматически делает бессмысленными поиски любых «оснований математики». Сама идея этого высказана еще Платоном в его формуле «двоица образует мир».

Однако математики очень и очень неглупые люди, и от их занятий «поиском оснований математики» невозможно просто так отмахнуться. Аналогия напрашивается — занятие поиском «философского камня» и проблема его титульного смысла. Последний, естественно, в рациональном плане отсутствует, но это не исключает наличие косвенного смысла данного исследования. Как и в том историческом опыте, где поиск иллюзорной субстанции привел к созданию системы приемов химического анализа, так и поиск «формалистического философского камня» ведет к получению результатов косвенного характера. Скорее всего, это выделение не замещающих математическое содержание как таковое сущностей, но выделение заключенных «в нем или при нем» элементов «простейшей семантики» и конфигураций «пространств» таких семантических элементов. Искомый результат в виде обнаружения «оснований математики» отсутствует, но побочный результат в виде более совершенной математической семантики — налицо.

К слову пришлось, мне следует определить свою позицию и по «проблеме Геделя». Как я себе представляю, строгое определение предмета, называемого «формальная теория» или невозможно, или оно будет ссылаться на самое себя. Когда же удастся уйти от данного странного представления к какой-либо идее, положим, «идеального морфизма» (то бишь, «нефизического морфизма»), выяснится, что этот морфизм в своей бытности управляется математически, его построение опять подчинится правилу Платона «двоица образует мир» и... рассуждение окажется в том же самом тупике. Идею «деления единицы на ноль» понимаю, но это идея двух равных космосов — мира и «Я»; на взгляд же материалиста, следовательно, и мой, «Я» всегда скукожено перед миром.

Сергей Шилов. Равенство (уравнение) двух равных космосов — мира и «Я» (как Вы совершенно правильно отметили «методологи-

ческую» суть РТЧ-позиции) утверждается из принципа солиптизма, каковой принцип раскрывает изначальную сущность научного познания, согласно которой все результаты, методы, представления науки являются продуктами сознания (когито), осваивающего нечто внешнее (бытие). Неслучаен успех Эйнштейна как, прежде всего, методологический успех применения идей Беркли и Юма к разрешению противоречия между механикой Ньютона и новой фактичностью научного сознания (опыт Майкельсона и т.д.). По существу, в виде теории относительности мы имеем неявное применение солиптического принципа, впоследствии замазанного «удивительностью и парадоксальностью Вселенной», хотя мы всего лишь имеем дело с нашими представлениями о нечто, не распознанном даже как бытие.

Материализм я рассматриваю как устойчивый тип мировоззрения, который так же инсталлируется, как и любые другие типы мировоззрения. Принцип солиптизма преодолевает то остро, то вяло текущую дискуссию между материализмом и идеализмом, сохраняя при этом богатство их продуктивного содержания. Солиптизм априоризирует материализм в его генерализующем качестве мировоззрения, мироотношения, состоящего в независимости (и всегда принципиально неполной познаваемости) бытия, внешнего сознанию, от всевозможных представлений, знаний, картин мира, категориальных сеток. Солиптизм констатирует принципиальную нетождественность мира, создаваемого сознанием, бытию. Не это ли основной гносеологический принцип такой высшей формы материалистического сознания, как наука? То есть мы должны удерживать условность каждой теории, модели, представления, знания. Тем самым схватывается главное в материализме — наличие нечто, пред которым сознание есть условность («стол», «стул» не являются формами «самоорганизации материи», это наши «вычленения», представления). В свою очередь, солиптизм так же бесспорно является пространством реализации субъективного идеализма, на основании которого инсталлируется и объективный идеализм как гносеологическая форма освоения того самого Нечто, которое всегда совершеннее, выше, полнее, чем любая возможность сознания и сознательно-практического отношения к внешнему бытию. Гуссерль намекал, что солиптический принцип, возможно, станет единственной основой познания и сознания, но остановился на «промежуточной» феноменологии.

Солиптизм позволяет ставить вопрос об автоматизации сознания, когито, как об уже случившейся. Сознание как искусственный интеллект уже работает в нас, остается это сознание формализовать. Это и есть задача мышления Нового времени — автоматизация когито как некоего «порядка мысли»: «мыслю, следовательно, существую».

Солиптизм раскрывает число как общий корень таких типов сознаниевости, как материализм и идеализм. Рождение науки — это принципиализация солиптизма, основанная на солиптической природе человеческого рассудка, рассуждение которого есть бритва Оккама, отсекающая любую возможность помыслить любой продукт сознания как существующий безусловно, вовне сознания. Борьба материализма и идеализма за сознание прекращается его солиптической априоризацией как созданного (на основе определенного тождества мышления и бытия) искусственного интеллекта, машинизированного рассудка, известного под именем «науки» и «научно-технического прогресса». От борьбы материализма и идеализма — к солиптическому регулированию сознания как материально-идеального уравнения. Потому-то философия, в особенности немецкая классическая философия, так была заморожена успехами естествознания, что видела в них удивительное примирение материализма и идеализма. В РТЧ-философии эта замороженность прекращается формализацией принципа солиптизма, и философия может вернуть себе положение царицы наук.

АIII. Рассуждение *СIII*: «Проблема несоизмеримости ($\sqrt{2}$) была первичной проблематизацией истины математического существования. Лишь постигая истину математического существования как способность речевого дефинитивного бытия творить себе тождественную действительность, мы понимаем, что решение таких проблем математической геометрии, как квадратура круга и иных так называемых неразрешимых проблем, невозможно только во внериторическом, материалистическом «построении с помощью циркуля и линейки», но совершенно возможно в бытии риторических фигур: помыслить мы можем равновеликие по площади круг и квадрат, вопрос состоит в том, чтобы это мышление создало действительность с заданными мыслью свойствами» — опять отличная идея. Но вот абсолютизация смысла простых чисел ... — с этим я не согласен.

СIII. Ответ на вопрос о смысле так называемой «абсолютизации простых чисел», искренне надеюсь, Вам понравится. По сути, я выполняю предложенную Вами программу. Вы говорите: «Как и в том историческом опыте, где поиск иллюзорной субстанции привел к созданию системы приемов химического анализа, так и поиск “формалистического философского камня” ведет к получению результатов косвенного характера. Скорее всего, это выделение не замещающих математическое содержание как таковое сущностей, но выделение заключенных “в нем или при нем” элементов “простейшей семантики” и конфигураций “пространств” таких семантических элементов. Искомый результат в виде обнаружения “оснований математики” отсутствует, но побочный результат в виде более совершенной математической семантики — налицо».

Исчисление простых чисел — это как раз тот самый «побочный результат», «простейшая семантика», которая есть семиотика, ведь семиотика и была рождена как идея о существовании простейшей, изначальной семантики, идея символической философии (Кассирер) и прагматики знака (Пирс). Идея исчисления простых чисел — это как раз не выделение неких математических сущностей как оснований, существующих вне математики (Ваше методологическое требование здесь выполнено), но выделение внутриматематических сущностей (сущностей, заключенных внутри натурального ряда, куда уж «внутриней») — простых чисел как «элементов “простейшей семантики”» и — в исчислении простых чисел, а также в его геометрии (есть у меня и об этом) — «конфигураций “пространств” таких семантических элементов». Круто?! И «искомый результат в виде обнаружения (внематематических) “оснований математики” отсутствует», как Вы того и требовали. К идее исчисления простых чисел как изнутриматематических оснований математики я подошел, проверяя изыскания математиков и философов математики в области оснований математики — знаниями и моделями философии языка (от Хайдеггера и Витгенштейна до «французов»), то есть проверяя риторической гармонией алгебру, рассматривая теорию чисел как теорию языка числа, выполняя тем самым методологическое требование математиков (Дедекинда, Кронекера и др.) о том, что сама алгебра «меньше» теории чисел (содержится в арифметике), замечу, когда она (арифметика) полна и непротиворечива. Гедель парадоксализирует математическую формализацию по-зеноновски, то есть позитивно продолжает ее открытием новой возможности математической формализации, такой как «строгая и непротиворечивая теория», под которой он понимает, прежде всего, арифметику (а не логику в противовес Гильберту, что и разрушает гильбертовскую программу формализации). Однако программа формализации обрывается тем, что ни одна теория не соответствует и, вероятно, не может соответствовать этому идеалу.

РТЧ-взгляд на «геделевский обрыв» программы формализации: проблема состоит в том, что сама арифметика неполна, не создана как «полная и непротиворечивая теория», сам идеал неполон. Неполнота идеала отпечатывается на всех иных теориях, брак воспроизводится на всей продуктивной линейке теоретизирования, то есть Гедель констатирует факт кризиса науки как факт отсутствия строгих и непротиворечивых теорий. Неполнота «матричного идеала», отпечатывающего теории, как дензнаки приобретения научной истинности, бросалась в глаза уже Гильберту — в его списке из 23 неразрешенных задач математики, решение которых, по его мнению, было методологическим порогом формализации, такие проблемы теории чисел, как доказательство Великой теоремы Ферма, закон распределения простых чисел в нату-

ральном ряду и др. Если из попыток доказательства теоремы Ферма возникли целые области математики, то к проблеме простых чисел математики даже и не приступали (впрочем, есть гипотеза Римана, оказавшая огромное влияние на современную математику). Им не по зубам, видимо, поскольку эта проблема упирается в понимание числа — иное, чем вейерштрассовское, в понимание, позволяющее схватить природу числа средствами теории числа.

РТЧ преодолевает «геделевский обрыв», фальсифицируя, по Попперу, «геделевский номер» (базовый элемент теорем Геделя, основанный на «ришаровском числе» [см. *Примечание*]) как нематематический, то есть «геделевский номер», по существу, вводится как номер именованной букв в суждении и искусственного сопоставления символически-знаковых форм и риторических форм (суждений) на том основании, что их предметом является некоторое математическое знание.

РТЧ-номер — это простое число (вот и вся «абсолютизация простых чисел»).

Математика оснований, эксплицируемых собственными средствами теории чисел, включая теоретико-числовую проблематизацию основной теоремы арифметики об уникальности разложения целого числа на простые сомножители, основана на исчислении простых чисел:

- анализ — «раз-множение» целого числа на уникальные простые сомножители;
- синтез — создание целого числа уникальным набором простых сомножителей;
- структура — пифагоровы тройки целочисленных решений теоремы Пифагора-Ферма;
- генезис — последовательность простых чисел, образующаяся как последовательность деления единицы на ноль.

То есть генезис — это операция конструктивистской математики, референтом которой является физика единицы. Эта операция возникает «между единицей и двойкой». Для современной математика здесь нет никакой проблемы, просто добавление единицы. Для РТЧ, вслед за Платоном и Аристотелем, здесь как раз главная проблема, именуемая мною «физикой единицы». В РТЧ платоновская «двоица» (число 2) — это результат перводеления единицы на ноль, первое простое число. Как я уже писал, физика единицы — это спасение идеи целочисленности после открытия нецелочисленности диагонали единичного квадрата, равной $\sqrt{2}$ (единая метафизическая постоянная — в противовес небытийствующему числу ПИ, я называю ее «немнимая единица»). Последовательное деление единицы на ноль — это вечное возвращение к первому преодолению-ускользанию от $\sqrt{2}$ в целочисленное бытие, в физику единицы. Косвенным доказательством правоты такого виде-

ния служит наилучшая из известных ныне для определения простых чисел формула Мерсенна, представляющая собой отношение степеней двойки и единицы.

Математическая запись закона простых чисел (РТЧ-расширенная формула Мерсенна), удовлетворительная для математиков, будет очевидно представлять вечное возвращение (воспроизведение) на новом уровне отношения между единицей и двойкой, раскрывая вечное возвращение как исчисление простых чисел, где каждое следующее простое число есть деленное на ноль предыдущее простое число, а истоком этого исчисления является перводеление единицы на ноль. Цитирую Вас: «Как я себе представляю, строгое определение предмета, называемого “формальная теория”, или невозможно, или оно будет ссылаться на самое себя. Когда же удастся уйти от данного странного представления к какой-либо идее, положим, “идеального морфизма” (то бишь, “нефизического морфизма”), выяснится, что этот морфизм в своей бытности управляется математически, его построение опять подчинится правилу Платона “двоица образует мир” и ... рассуждение окажется в том же самом тупике». Именно в этом смысле я и даю определение предмета «формальная теория, строгая и точная» — формула единицы: «единица есть множество простых чисел».

РТЧ-номер достраивает теорию чисел до языка числа, схватывающего нечто со стороны значения так же, как естественный язык схватывает нечто (бытие, внешнее сознанию) со стороны смысла. Далее я усиливаю тезис: не только математика должна быть естественно-аксиоматизирована изнутри натурального числового ряда, но и все научное знание, начиная с физического, должно быть аксиоматизировано отсюда же. Выполняется Ваше требование — «никаких нематематических оснований», никакой «бесхребетности». Для этого необходимо понять физический смысл РТЧ-номера — это момент истинного субстанционального времени (времени внешнего сознанию бытия). Тогда любое знание, представление, теория, термин поверяются на строгость и точность как РТЧ-исчислимые акциденции, конфигурации и т.д. субстанционального времени. Возникает целая РТЧ-программа рефлексии естественнонаучного знания из оснований РТЧ-расширенной теории чисел. То есть я, Вы и Пуанкаре солидарны в том, что доказательством является то, которое может быть получено средствами более простыми, чем доказуемое, без привлечения внешних оснований, чему, кстати, не удовлетворяет доказательство Уайлсом теоремы Ферма, конвенционально принятое математическим сообществом. Теорема Ферма должна быть доказана средствами РТЧ-расширенной теории чисел.

АIII. Утверждение *СIII*: «Интеллектуальный автомат нового поколения будет основан на механико-временной последовательности про-

стных чисел, формирующейся в поле отношений нолей и единиц (последовательного деления единицы на ноль, результирующего на каждом шаге простые числа)». — Кстати, да. Мой противный материализм говорит, что индивидуальность — это способность контрподражания. Возможно, такая способность не живет без хаотического начала. Но что такое «хаос»?

СШ. Хаос — это отсутствие такого средства познания бытия и такого средства отклонения небытия, как РТЧ-номер. РТЧ-машина субстанционального времени (нетьюринговая физико-математическая машина) — это новая сущность техники, которая открывает новую возможность истории человечества. Возможно, все-таки хорошо, что европейский научный официоз пока отклонил РТЧ. У России есть шанс на глобальное технологическое лидерство. И нужно приступить к его реализации.

Витгенштейн уподоблял язык артишоку. В отличие от капусты при снятии слоев-листьев от него не остается даже кочерыжки. Но ведь «артишок» есть как себе тождественный объект суждения. Так вот, и сердцевинной языка является физика единицы, выражаемая формулой единицы.

Примечание

В доказательстве теоремы о неполноте Гедель следовал схеме рассуждений, близкой к той, что проводится в так называемом «парадоксе Ришара» (по имени описавшего его в 1905 году французского математика). В чем же состоит этот парадокс? Возьмем какой-нибудь язык (например, русский), средствами которого можно описывать и определять все чисто арифметические свойства чисел. Рассмотрим определения, которые можно сформулировать на этом языке. Ясно, что некоторые термины, относящиеся к арифметическим свойствам, определить явным образом все равно не удастся, хотя, конечно, мы можем понимать смысл этих слов и без определений. Несущественно, какие именно термины принять за исходные; мы можем, например, считать, что мы понимаем смысл предложений «целое число делится на другое целое число», «целое число является произведением двух целых чисел» и т.п. Свойство быть простым числом тогда можно определить следующим образом: «не делится ни одно целое число, кроме самого себя и числа 1»; свойство быть точным квадратом: «быть произведением некоторого целого числа на то же число» и т.п. Каждое такое определение состоит из конечного числа слов, а потому и из конечного числа букв алфавита. Поэтому мы можем ввести для таких словесных определений отношение порядка, считая одно определение предшествующим другому, если число букв, из которых состоит первое определение, меньше числа букв, составляющих второе определение. В тех же случаях, когда два определения состоят из одного и того же числа букв, одно из них считать предшествующим другому в обычном лексикографическом (алфавитном, словарном) порядке.

Исходя из такого упорядочения, можно расположить все определения рассматриваемого вида в последовательность, сопоставив каждому из них единственное натуральное число — номер в этой же последовательности. Тогда самое короткое (и стоящее ранее других в алфавитном порядке) определение получит номер 1, следующее за ним — номер 2 и т.д. Поскольку каждому определению сопоставлено некоторое натуральное число, то может оказаться, что в некоторых случаях число, сопоставленное какому-нибудь определению, само будет обладать определяемым свойством. Приведем пример. Пусть определяющее выражение «не делится ни на одно натуральное число, кроме самого себя и числа 1» оказалось в нашей последовательности на 17-м месте. Ясно, что сопоставленное ему число 17 само подпадает под это определение. Пусть, с другой стороны, определяющее выражение «быть произведением некоторого натурального числа на то же самое число» получило номер 15, само число 15, очевидно, не является точным квадратом и потому данным свойством не обладает. Назовем числа, не обладающие свойствами, определяемыми предложениями, которым они соответствуют в описанной выше нумерации, рижаровыми. Таким образом, « x — рижарово число» — это просто сокращенное выражение « x не обладает свойством, определяемым предложением, имеющим номер x в данной словарной последовательности определяющих предложений». Таким образом, число 17 в приведенном примере не является рижаровым, а число 15 является. Теперь можно сформулировать парадокс Рижара. Определяющее выражение для свойства быть рижаровым числом описывает, очевидно, некоторое арифметическое свойство натуральных чисел. Значит, само определяющее выражение входит в описанную выше последовательность определяющих выражений. Но тогда оно имеет в этой последовательности некий номер. Обозначим его через n . Является ли число n рижаровым? Здесь неизбежно противоречие: число n является рижаровым в том и только в том случае, если оно не обладает свойством, описанном в предложении, которое имеет номер n , то есть не обладает свойством быть рижаровым! Короче говоря, n — рижарово тогда и только тогда, когда оно не рижарово, то есть утверждение « n — рижарово» является одновременно и истинным и ложным⁵.

⁵ *Филатова И. М.* Курт Гедель. Теорема Геделя о неполноте // *Философская база Радула* [Электронный ресурс]. — М., 2005. — Режим доступа: <http://filosbank.narod.ru/Fails/Filosofi/Htm/Gedel.htm>, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.

Вспомнить все и начать сначала

РТЧ, проблематизируя гегелевскую феноменологию абсолютного духа, раскрывает его (дух) как ничто, причастное бытию, которое (бытие) в свою очередь возможно исключительно как риторическое, речевое бытие. Таким образом, числа возникают как свободный продукт ничтожения небытия риторически предметным бытием. Что же должны числа, возникающие таким образом в смысле философского «долженствования»? Они должны ничтожить конкретную заявку небытия на существование.

Самое живое в математике — попытки ее обоснования от Фреге и Гильберта до Бурбаки. Невейерштрассовская единица (субстанциональная единица с простыми-числами-монадами) — это самый настоящий философский камень и есть.

Позиция Дедекинда, на мой взгляд, один из пролегоменов к РТЧ. Этот немецкий математик XIX — начала XX вв. в философской работе «Was sind und was sollen die Zahlen?» (Буквально: что есть и что должны числа?) пишет: «Считая числа свободными от всякого иного содержания (абстрагируясь от него), мы можем, очевидно, с полным правом принять их за свободное создание нашего духа (чистый продукт мысли)»⁶. РТЧ, проблематизируя гегелевскую феноменологию абсолютного духа, раскрывает его (дух) как ничто, причастное бытию, которое (бытие) в свою очередь возможно исключительно как риторическое, речевое бытие. Таким образом, числа возникают как свободный продукт ничтожения небытия риторически предметным бытием. Что же должны числа, возникающие таким образом в смысле философского «долженствования»? Они должны ничтожить конкретную заявку небытия на существование. Число — это риторический (=убеждающий силой правды) аргумент бытия, отвергающий конкретную заявку небытия на существование. Небытие непрерывно атакует нас, утверждая свое существование, бытие-в-нас превозмогает эту атаку, порождая число, ничтожащее небытие. Ахилл никогда не догонит черепаху, — атакует нашу разумность мелкодробленое небытие. Ахилл догонит и перегонит черепаху, потому что есть только целое число, всякое бесконечно дробящееся бытие не существует, — отвечает бытие-в-нас (=ум).

⁶ Дедекинд Р. Что такое числа и для чего они служат? — Казань, 1905. — С. 34.

Для подобного продвижения идей Дедекинда необходим, прежде всего, переход от теории чисел к теории числа. Мне представляется, что истина числа утрачена математиками именно на пути опрощения проблемы бытия и природы числа расхожим представлением о множестве чисел, которое якобы естественно следует из повседневной употребимости числа. Риторическая теория числа предлагает изучение числового ряда как языка числа. В самом деле, филологическое изучение языка менее всего озабочено проблемой бесконечности числа слов в конкретном языковом ряду — слов всегда существует счетное множество, при этом число элементов этого множества сравнительно с математическими количествами «со множеством полей» можно вообще полагать бесконечно малым, математической погрешностью. Риторическое развитие, конечно же, менее всего связано, с порождением все новых и новых слов — не таков риторический ответ на возникающие проблемы речевого мышления. Позиция «есть проблема выражения нового смысла — придумаем новое слово» справедливо понимается как антикультурная и безграмотная. Однако все не так в теории чисел, где проблема выражения числа в цифре решается как раз созданием новых типов чисел (цифр), продолжением числового ряда в бесконечность и т.д. Платон призывал понять такую первую проблему несоизмеримости, встретившуюся античному разуму, как невыразимость диагонали единичного квадрата целым числом как вызов нового понимания целочисленной арифметики, но этот призыв остался неслышанным и привел к выходу математиков за границы целочисленности.

Математика как язык числа, которым написана книга природы, должна вернуть себе языковый смысл бытия целочисленного ряда. В вот-бытии целого числа раскрывается риторическая природа числа. Собственно говоря, сама физика есть вот-бытие числа как человеческое измерение субстанционального времени. Величина числа есть понятие физики, не овладевшей представлением о субстанциональном времени. Сознание искажает численность, поскольку его наблюдение за физическим миром всегда контрадикторно истинностным процессам, оно застает процесс в каком-либо состоянии и само захвачено им. Последовательно продуманная величина числа одна — это единица. Единица — это вот-бытие числа в языке числа, эквивалент вот-бытия слова в речи. Другой величины у числа нет по его риторической природе. Если величина числа есть всегда единица, то можно говорить о проявлениях числа (о физике единицы), о сущностях и существованиях числа: явлениями, сущностями числа бытийствуют простые числа, существованиями числа — целые числа, каждое из которых уникализировано как единственный набор простых сомножителей.

Дедекинд справедливо утверждал, что «всякая, хотя бы и очень отдаленная теорема алгебры или высшего анализа может быть сформулирована как теорема о натуральных числах»⁷. Я бы это положение усилил так: «Всякая, хотя бы и очень отдаленная теорема, гипотеза, концепция науки может быть сформулирована как теорема о натуральных числах, и еще предметнее, как конкретное исчисление простых чисел».

Прежде всего, хочу зафиксировать РТЧ-определение числа. Первое, что о нем можно сказать, и это принципиальный момент: РТЧ фиксирует форму, в которой возможно истинное определение числа. Истинное определение числа возможно только как формула единицы. Следующей момент раскрывает физику существования единицы как ту «первую физику», которая состоит из тождеств слов и вещей, физику единичности, являющуюся основанием «народнения» истинных высказываний. Единица являет себя в натуральном ряду как множество монад — простых чисел. Единица есть субстанциональное время, моментами которого являются простые числа. Заметьте, как этот ход времени отличается от привычного нам релятивистского течения времени, а именно истинный ход времени предопределен и представлен, воплощен распределенностью просточисленных моментов в натуральном ряду. Формула единицы раскрывает отношение числа и цифры как представление в субстанциональном (истинном) времени отношения вещи и имени вещи, означаемого и означающего. Единица в формуле единицы показана и как вещь в себе, и как порядок ее именованья (оцифровки) посредством истинной теории множества (теории множества простых чисел). Индуистско-санскритское начало воплощено в изобретении-открытии десятичной системы исчисления. То есть я уверен в существовании простоты, свойственной и доступной всему человечеству вне всяких различий. Именно на этом уровне субстанционального времени, более фундаментальном, чем исторические, языковые, академические, антропологические, конфессиональные и иные институциональные различия, и происходит интегральное обогащение цивилизации знаниями, оБОГашение как таковое.

Мне близко также понятие простоты, как арифметической простоты, выдвинутое Пуанкаре вслед за Кантом, очевидно, с его идеей о том, что истинными априорными формами суждения являются математические суждения. Как раз в арифметике число «бытийствует» как нечто настолько простое, что «не нуждается в объяснении». Таковы современные азы обучения арифметике, которые запечатлеваются даже в головах великих математиков. Редко кто из них или из философов поднимает голос против такого положения дел с определением числа (точнее с обоснованием отсутствия или ненужности таковой дефиниции). Здесь, на

⁷ Дедекинд Р. Что такое числа и для чего они служат? — Казань, 1905. — С. 34.

мой взгляд, весьма актуальными являются мысли Пуанкаре о «простоте» теорий и определений, который полагал теорию относительности «недостаточно хорошей» именно в этом отношении. Пуанкаре лучше, чем кто бы то ни было из естественников, показал «особость», «качественность» простоты, показал, что простота не равнозначна нулевому уровню качественности, а также примитивности значений, определений.

Я вижу две линии понимания простоты в смысле научной истинности:

- линия Пуанкаре мыслит простоту как единичность, единственность, уникальность, бытие одним, единственно возможным по природе образом;
- линия Эйнштейна мыслит простоту как действительный ноль (=кривизна пространства), бесконечность реализации возможностей, когда с каждой единичной реализацией происходит исчезновение простоты и нарастание сложности.

Однако вопрос (задача) о простоте (знаний, теорий, произведений, действий) может быть кардинально решен не как вопрос о всякой простоте вообще, о первичной ли простоте, или о феноменологии простоты, а прежде всего, как вопрос о том бытии, в котором создается, конституируется простота, то есть как вопрос о простоте числа. ВОПРОС О ПРОСТОТЕ ЧИСЛА – ЭТО ВОПРОС О ПРОСТОМ ЧИСЛЕ (известен математикам как неразрешенная проблема распределения простых чисел в натуральном ряду – фундаментальная проблема теории чисел). Открытие риторической природы числа раскрывает теорию числа (теорию чисел) как язык числа. Это значит, что истина определения числа находится в натуральном ряду (в естественной теории числа) так же, как истина определения вещи находится в речи (в ряду слов). Число как Единое есть Единица. Число как Многое есть множество простых чисел. Отсюда формула Единицы (формула простоты): «Единица есть множество простых чисел».

Однако есть претензии и к Пуанкаре. Он пишет: «Итак, вот слово, которому мы явно (explicite) дали некоторое определение “А”; затем мы пользовались им в рассуждении таким образом, что неявно (implicite) внесли другое его определение “В”. Возможно, что оба определения обозначают одно и то же. Но самая эта возможность есть уже новая истина, которую нужно либо доказать, либо допустить как независимую аксиому»⁸. В приведенном суждении Пуанкаре слишком

⁸ Пуанкаре А. Наука и Метод. Кн. II «Математическое рассуждение». Гл. II «Математика и логика». Введение // Православный сайт Св.-Георгиевского прихода [Электронный ресурс] – Алчевск (Украина). – Режим доступа: http://gzvon.pyramid.volia.ua/biblioteka/kafedra_filosofii/libph/poincare/1/7.htm, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.

много логического волюнтаризма. Что значит — «вот» слово? Где это «вот»? Как слово «схвачено» в этом «вот»? Напомню, что главный философский труд XX века «Бытие и Время» М. Хайдеггера основан на введении специальной онтофилософской конструкции «Dasein», которая переводится многими, как «вот-бытие». Какова процедура «подачи» определения к «вот-схваченному» слову? Слово нуждается в этой подаче для своего использования в рассуждении? Что означает «некоторость» определения и каковы строгие границы качественного и тем более количественного различения «некоторости» определения «А» и «некоторости» определения «В» (строго говоря, различить эти «некоторости» можно только введением символов «А» и «В»)? Что же предлагается доказывать как «новую истину»? По интеллектуально честному пониманию Хайдеггера, мы никакой «новой истины» таким методом не получим, бытие в истине возможно только как показ и обнаружение «вот-бытия» слова. Прочитаем еще раз: «Итак, вот слово, которому мы явно (explicite) дали некоторое определение “А”; затем мы пользовались им (СЛОВОМ ИЛИ ОПРЕДЕЛЕНИЕМ “А”?) в рассуждении, таким образом, что неявно (implicite) внесли другое ЕГО определение “В”». Итак, слову мы дали определение, потом «нечто» (по тексту получается, что вроде бы именно это данное определение слова) мы использовали в рассуждении, при этом неявно внесли ЕГО (это нечто) другое определение. Что же это было за «другое определение “В”» — относилось оно к слову или это было другое определение определения «А»? Продолжая дефинитивный процесс, определяем мы слово или даем определение предыдущему определению этого слова? Мой ответ состоит в том, что слово самоподдерживает себя в дефинитивном процессе, и число являет собой механизм такой самоподдержки и саморегуляции речи. Риторический потенциал слова (вот-бытие) сверхлогичен, речь движется не от понятия к понятию, а является пространством реализации субстанционального времени. Говоря, мы осуществляем человеческое измерение времени. Мыча, корова осуществляет коровье измерение времени. Музыка звездных сфер есть вселенское измерение времени.

Русская мысль завершит западноевропейскую метафизику тем, что откроет искомые последней первоначальные основания. То есть создаст формулу Единицы. Русская мысль достигнет уровня изначальной простоты как единственно возможного бытия, свойственного всему человечеству, откроет риторическую природу числа. Русская мысль сверхрациональна, это новый рационализм и новая сущность техники. Нас хотят столкнуть в экзотичность и иррациональность, небытиеизм, в то время как мы как раз и призваны создать и установить систему чистого разума.

Нужна математика качества (математика качества жизни), математика бытия подход к созданию которой находится в выявлении и институционализации подлинной, человеческой природы числа. Для европейской мысли важно: содержит ли идея собственную сущность внутри себя или эта сущность каким-то образом распределена между идеей-образом и ее отображением. Существует и вопрос о том, что связывает слово и его смысловую нагрузку. Это, действительно, ключевой вопрос. Поэтому хотел бы еще раз акцентировать РТЧ-ответ на него. Идея — это, на деле, единица, которая содержит в себе весь целочисленный числовой ряд, при этом такая сущность единицы явлена в простых числах и распределена посредством них в натуральном ряду. Формула единицы является формулой дефинитивного процесса, который структурирует числовой ряд как язык числа. Формула единицы есть применение филологии (философии языка) к теории чисел.

Доказал ли Уайлс в своем многостраничном фолианте, понятном десятку математиков, Великую теорему Ферма, излагаемую в одном предложении и понятную любому школьнику? Доказана ли теория относительности, утверждающая невозможность привилегированных систем отсчета, с помощью экспериментов, в которых так или иначе осуществлялись измерения, невозможные по самой феноменологии измерения как практически осуществляемого процесса, без неявного предположения привилегированной системы отсчета, то есть некоторого эталона единичности и наличия точки осуществления измерений? Профессиональное математическое сообщество считает, что Уайлс теорему Ферма доказал. А как Вы, читатель, считаете? Этот вопрос отсылает нас к идее простоты, простоты законов природы. Если мы исходим из того, что книга природы написана языком числа, то и к ее постижению мы должны подходить в духе интерпретации и герменевтики текста. То есть нам предстоит понять этот язык, в то время как мы лишь пытаемся поступить с этой книгой, как дошкольник, пытаемся ее осязать, пробовать, рассматривать и анализировать свои ощущения по этому поводу, но еще не умеем ЧИТАТЬ. Научиться читать — это не значит выучить все возможные слова, нужно овладеть принципом чтения. Принцип чтения книги природы — это формула единицы. События, происходящие в книге природы, есть цепь делений единицы на ноль, где увлекательность каждого события связана со «связыванием» бесконечности, которая, казалось бы, должна открываться, как бездна, в каждом акте такого деления, но что-то (риторическое бытие единицы) пронесит нас над этой бездной. Основным объектом книги природы является субстанциональное время (эта книга — вся о Нем). Все измерения предопределены в этой книге и существуют как единицы. Так же как все события предопределены в романе и существуют как слова.

Понимание слова при чтении как смысловой величины с определенной вариабельностью понимания не отменяет вот-бытия, единичности, присутствия слова. Сравнительно с этим квантово-механической интерпретации еще предстоит подняться до уровня чтения книги природы, основанием которого (чтения) является вот-бытие числа.

Понимание единицы — это простота богодоказательства, которому должны, по Платону, подражать все истинные доказательства. С противостоянием научного интеллекта и религиозного разума математика утратила это понимание единицы. Ряды Фурье не помогают решить проблему распределения простых чисел в натуральном ряду. Она так и остается нерешенной. Есть, впрочем, гипотеза Римана, которая выдвигает идею о том, что распределение простых чисел соответствует распределению «особых» полей дзета-функции Римана. Однако эта гипотеза — из того же разряда сложных доказательств простоты, что и доказательство Уайлсом теоремы Ферма. РТЧ-идея состоит в том, что последовательность простых чисел раскрывается как последовательность деления единицы на ноль, процедура которого (деления) институционализирует математику качества и преодолевает идею бесконечности в формуле единицы.

Пуанкаре и его русский коллега Понтрягин соглашались в теории, что Вселенная, в которой мы пребываем, есть интеграл, и что любое дифференцирование системы Вселенной не изменит ее интегрального закона. Выдающийся ученый в сфере авиастроения А. Е. Жуковский считал, что инженеров, «способных дифференцировать — хоть отбавляй, а способных интегрировать — почти нет». А. И. Герцен просил дифференциаторов человеческой природы, археологов, физиологов и анатомов, собрать его опять в нечто целое и вернуть его истории. Человек как единичный интеграл не составляет, по Герцену, человечество. Человечество как термин он сравнивал с понятием морского или сахарного песка. Оно почему-то не интегрально. Оно аморфно. Опять-таки возвращусь к формуле единицы. Внутреннее различение единицы, безусловно, не изменит закона единицы. Но само понятие интеграла востребует дифференцирование, потому что единица — это то, что дает интегралу возможность существовать, но сама она выше, чем интеграл. Отсутствие истинного интегрально-дифференциального исчисления, о котором писал еще Лагранж, обуславливает и парадоксы теории множества, и проблемы математизации физики, корнем которых является вычленение нечисловых, фальшивых элементов физического мира (атом, электрон и т.д.). Истинный дифференциал, истинный элемент мира — это простое число.

Один из оппонентов Платона киник Диоген говорил, что видит чашу, гору, лошадь, но «чашности», «горности», «лошадности», о кото-

рых говорит Платон, не видит. «Диоген, — отвечал ему Платон, — чтобы видеть гору и лошадь у тебя есть глаза, но чтобы видеть “горность” и “лошадность” у тебя нет ума»⁹. Не овладев «лошадностью», не удастся прочесть текст о лошади. Другое дело, что человек овладевает «чтойностью» как таковой, входя в конкретные ее формы — «чашность», «лошадность» и т.д., что дает ему возможность читать и писать. Овладение «чтойностью» как божественный дар «чтойности» человеку произошло в сфере литературы и письменности, в области же физико-математической, естественнонаучной письменности оно должно произойти как овладение формулой единицы.

Немецкая классическая философия, которая началась как проект Критики чистого разума, тем не менее поставила вопрос о Системе чистого разума. Фихте, Шеллинг и Гегель полагали, что каждый из них такую систему создал. Эта тема стала жизненным нервом немецкой философской классики (Ницше, Хайдеггер) и в XX веке. Идея «вот-бытия» слова, или риторического бытия, раскрывает проблему отношения слова и содержания: вот-бытие слова несет в себе все богатство содержания языка и разума, но логика скрывает от нас это богатство. Идея риторики — это идея вот-бытия слова, которое (вот-бытие) подобно сосуду, способному опустошать себя, чтобы наполниться новым откровением. Раскрытие риторической природы числа возрождает эту первозданную силу и форму слова.

⁹ Цит. по: Комментарии к диалогам Платона. (Сборник) // Электронная библиотека по философии [Электронный ресурс]. — Таганрог. — Режим доступа: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000009/>, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.

«К исчислению простых чисел в риторической теории числа»

А. Шухов. Во-первых, я счастлив, что мой ответ послужил поводом столь потрясающего размышления! Естественно, что пройти такого уровня мысль на всю глубину «в один день» или даже в десять практически невозможно. Потому два момена.

«Таким образом, числа возникают как свободный продукт ничтожения небытия риторически предметным бытием. Что же должны числа, возникающие таким образом в смысле философского “долженствования”? Они должны ничтожить конкретное — заявку небытия на существование. Число — это риторический (=убеждающий силой правды) аргумент бытия, отвергающий конкретную заявку небытия на существование. Небытие непрерывно атакует нас, утверждая свое существование, бытие-в-нас преодолевает эту атаку, порождая число, уничтожающее небытие».

Под сим безусловно готов подписаться. И понятие «убеждающий силой правды аргумент бытия» объясняет мне принцип риторической теории, не вполне до данного момента ясный.

«Открытие риторической природы числа раскрывает теорию числа (теорию чисел) как язык числа. Это значит, что истина определения числа находится в натуральном ряду (в естественной теории числа) так же, как истина определения вещи находится в речи (в ряду слов). Число как Единое есть Единица. Число как Многое есть множество простых чисел. Отсюда формула Единицы (формула простоты): “Единица есть множество простых чисел”» — тоже отлично. Хотя, думаю, математик, для которого структура комбинации всегда релятивна, будет напирать на свою свободу предпочесть « $x + 1$ ». Мир комбинации и комбинаторика раскрываются в явлении натурального ряда чисел, но... здесь пока не существует очевидной теории. Думаю, что чем-то тут может помочь идея «симметрии» как основы «наступающей через симметрию ассиметрии», но не могу обосновать и даже придумать толком.

Позиция же, с которой Вы дискутируете, характерна для Гуссерля (полный текст ниже):

...Рассмотрим в качестве примера число пять. Оно будет не всего лишь моим собственным или чьим-нибудь номером пять: оно представляет собой идеальную видовую принадлежность формы, при-

сущей ее конкретным индивидуальным экземплярам в части вносимой в определенные акты подсчета объективности. Сюда входят два различных вида объектов: эмпирические объекты, подсчитываемые благодаря выполнению эмпирических группировок (когда, например, мы говорим о чем-то, представляющем собой «количество объектов на столе»); и идеальные объекты, результирующие подобную эмпирическую группировку лишь посредством выделения *in specie*, освобожденные от всех контингентных ассоциаций с частным эмпирическим материалом и частным контекстом. А далее тот же самый подход практикуется в отношении любого концепта логики: так же как двусмысленны условности, подобные «линии», «треугольнику», «полусфере», обозначая одновременно и класс фактически существующих установленностей значения, и тут же класс идеальных сингулярностей геометрической природы, так и условности, подобные «концепции», «пропозиции», «выводу», «доказательству» и т.д. равно двусмысленны: они обозначают и класс умственных актов, относящихся к предмету изучения психологии, и идеальные сингулярности сферы значимости... Конечно, наши логические исследования обращены к значениям *in specie*, и обсуждаемые нами значения сами по себе и есть видовые принадлежности. Но это не говорит, что значение, видовая принадлежность которого есть мысль, и его объект, видовая принадлежность как таковая, представляют собой одно и то же. Мыслимые нами видовые принадлежности оказываются всеобщим объектом, тем не менее мыслимая нами всеобщность сама собой не растворяется во всеобщности значений, посредством которых мы думаем о ней. Подобные являющиеся значениями всеобщие объекты (концепции, пропозиции, высокоуровневые структуры значимости, включая законченные теории) нисколько в этом отношении не отличаются от всеобщих объектов другого рода, будь они числа, геометрические структуры, видовые принадлежности или качества, данные в ощущении»¹⁰.

III. Да, феноменология (теория сознания) Гуссерля непосредственно натолкнулась на солипсичность человеческого рассудка, который числом, как щупом, воспринимает нечто (бытие), производя из этого восприятия мир, но Гуссерль не решился сделать солипсизм базовым принципом философии. Гуссерль являлся учеником Вейерштрасса и не смог использовать число, единицу как основание, которое действительно в условиях солипсизма (производства мира посредством сознания, когито). Единица сверхсознательна, сознание же есть солипсическая машина, солипсическая капсула времени. Понимание солипсичности сознания устраняет необходимость гипотезы бесконечности как формы небытия, мы входим в мир сверхконечности, как в

¹⁰ Гуссерль Э. Иден к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1. – М.: ДИК, 1999.

мир риторической природы числа, порождения сознания риторической Единицей. Хайдеггер, кстати, математик по призванию, превзошел Гуссерля, именно превозмогая сознание языком как непосредственным явлением солиптичности рассудка. В его фундаментальной книге «Бытие и Время» даже термин «сознание» ни разу не встречается. Хайдеггер именно несокрытую, сверхсознательную риторическую единицу показывает в своем загадочно-непереводимом базовом элементе фундаментальной онтологии Dasein.

Ниже размещаю статью, посвященную органической комбинаторике натурального ряда.

К исчислению простых чисел в риторической теории числа

Простые числа — это следы риторической природы числа в натуральном числовом ряду. Как известно, простые числа существуют в любой системе счисления (нумерации). Поле натуральных чисел — это язык, которым написана книга природы, простые числа в этом языке выражают его антиэнтропийные свойства (способность речи созидать действительность). Математика вместе со своими основаниями — это всего лишь вид речи.

Наиболее фундаментальный пример: каждому школьнику известна периодическая система элементов Д. И. Менделеева. В числе важнейших атрибутов каждого элемента в таблице даны атомный вес и распределение электронов на внешней оболочке. Как только добавляется новая оболочка, возникает новый период. Как только число электронов оказывается простым, в периоде и в группе возникает новое свойство элемента. В их числе — водород (1), гелий (2), литий (3), бор (5), азот (7), натрий (11), алюминий (13), хлор (17), калий (19) и т.д.

Математика исчисления простых чисел — это математика жизни (математика качества жизни). Ее операции жизненны, так как они представляют «диалектику единого и многого».

В исчислении простых чисел четыре операции (Синтез, Анализ, Структура и Генезис):

- коммутация (произведение) простых чисел («всех со всеми»), результатом чего является образование уникализированных целых чисел: Синтез, образование уникальной целостности;
- факторизация целого числа, то есть «раз-множение» целого числа на уникальный набор простых сомножителей: Анализ, прояснение уникального состава целостности;
- образование пифагоровых троек, то есть целочисленных решений теоремы Пифагора-Ферма $a^2 + b^2 = c^2$: Инфраструктура (структура), определение границ устойчивости целостности;

— и наконец, последовательное порождение простого числа в натуральном ряду (в результате последовательного деления единицы на ноль); Генезис, Божественный счет («Божья помощь математикам» — есть такой термин в теории вычислений).

Сложно понять процедуру последовательного деления единицы на ноль потому, что мы привыкли мыслить математику, НАЧИНАЯ с понятия числового ряда, образуемого счетом (добавлением единицы). ТАКОГО начала в РТЧ нет, с этой точки зрения данная теория, как и учил Платон, беспредпосылочна. РТЧ-ряд физичен, физическими рядами РТЧ завершается как своими выражениями, применениями. РТЧ имеет дело с языком числа подобно тому, как в традиционных риторике, филологии, философии языка и просто в словоупотреблении вы ведь не берете слово с некоторой полки, из строго последовательного, одинакового для всех субъектов речи ряда слов, каждое из которых отличается от предыдущего и последующего в ряду одной только единицей (одной буквой, одним значением, одним смыслом). Слово рождается в мышлении, в фундаментальном отношении бытия и ничто, как показала немецкая философия от Канта до Хайдеггера. Что есть рассудок, «непосредственное» по Канту и Гегелю? Это декартовская машина рассуждающего действительность рассудка. «Мыслю, следовательно, существую», то есть, деля бытие на ничто (принцип «Науки логики»), вы получаете момент времени, который есть пространство, заполняемое со-бытием. Непрерывная последовательность такого деления и создает временной ряд пространственного развития событий. «Когда Бог считает, он создает мир», — записал Лейбниц на полях «Монадологии». То есть Божественный счет (деление единицы на ноль) — это физически проявленный «венец» математики качества. Все, что вы видите, есть тот или иной угол зрения на деление единицы на ноль. Обыкновенно этот угол зрения сродни тому созерцанию, что имеют персонажи, запертые в «платоновской пещере». Однако чем более величественный и близлежащий к творящему беспредпосылочному началу предмет мы наблюдаем, тем очевидней физическое бытие процедуры деления на ноль: например, появление протуберанцев на солнце. Гравитация есть непрерывность деления единицы на ноль, черные дыры — это физика непосредственного осуществления деления единицы на ноль.

Исчисление простых чисел как достроенная до механики времени квантовая механика сопоставима с механикой пространства (парадигмой «мелко дробленного небытия, небытия числа») посредством метафизической постоянной $\sqrt{2}$, немнимой единицы. На самом деле, вся математика, все многообразие математического знания находится между «единицей» и «двойкой». «Двойка» — это первое число в математическом смысле как отдельно-предметном смысле научной дис-

циплины. Происхождение и бытие «двойки» наряду с существованием единицы содержит в себе всю истину математического бытия и существования. Проблема несоизмеримости ($\sqrt{2}$) была первичной проблематизацией истины математического существования. Лишь постигая истину математического существования как способность речевого дефинитивного бытия творить себе тождественную действительность, мы понимаем, что решение таких проблем математической геометрии, как квадратура круга и иных так называемых неразрешимых проблем, невозможно только во внериторическом, материалистическом «построении с помощью циркуля и линейки», но совершенно возможно в бытии риторических фигур: помыслить мы можем равновеликие по площади круг и квадрат, вопрос состоит в том, чтобы это мышление создало действительность с заданными мыслью свойствами. Таково будет построение-программирование-алгоритмизирование действительности «с помощью простых чисел».

Способность речевого дефинитивного бытия творить себе тождественную действительность есть не что иное, как наука. Наука — это солиптический поток сознания (картезианского «когито»). Все эти силы Ньютона, принципы Эйнштейна, проблемы Гильберта, законы Ома и иные субъектно-солиптические продукты суть представления сознания о мире, техническая эффективность которых определяется проявленностью в этих представлениях истинной природы числа. Вопрос о единстве научного знания — это, прежде всего, вопрос об автоматизации сознания, солиптически, посредством речевого бытия в дефинитивном процессе производящего «физический мир». Автоматизация сознания — это прояснение и формализация того принципа, на основе которого оно, сознание, устроено. Прояснение сознания — это прояснение риторической природы числа. Формализация сознания — это формула единицы как базовый формализм исчисления простых чисел.

Институционализация исчисления простых чисел в структуре вычислительной техники — это не столь простой вопрос, как приписывание простых чисел словам и значениям. Кстати, именно по этому упрощенному пути пытался идти Лейбниц, разрабатывая идею исчисления мыслей. «В работах апреля 1679 г. Лейбниц испытывал в качестве “характеров” понятий простые числа; их он приписывал простым терминам, а произведения соответствующих простых чисел — сложным терминам, составленным из простых»¹¹. Это упрощение проблемы, когда простое число используется как вейерштассовское число «с не-

¹¹ Субботин А. Л. Логические труды Лейбница // Лейбниц Г. В. Соч. в 4-х т. Т. 3. — М.: Мысль, 1984. — С. 43.

которыми удивительными свойствами». Прежде всего, необходимо определить сущность, природу феномена простого числа. Деконструируя онтологию, я никак не могу утверждать, что «простые числа — это первоэлементы бытия», но я раскрываю феномен простого числа (последовательного исчисления простых чисел) как про грамму языка числа, про-грамматику языка числа. Бессмысленно применять вейерштрассовское число для моделирования естественного языка, но можно использовать про грамматику языка числа для моделирования рассудка (естественного аппарата рассуждений).

Сознание, когито — это изобретение Декарта, имеющее целью создание «автомата разума». Отсюда и РТЧ-тезис: «В сознании есть то, что не есть само сознание». Это, по существу, техническое требование к рукотворному разуму-автомату, который должен создавать знание, то есть превышать то, что в него заложено человеком. А для этого в его конструкции (в сознании) должно присутствовать (быть схвачено) нечто метафизическое. Сегодняшний интеллектуальный автомат есть механическая (механико-пространственная) последовательность нолей и единиц (Машина Тьюринга). Интеллектуальный автомат нового поколения будет основан на механико-временной последовательности простых чисел, формирующейся в поле отношений нолей и единиц (последовательного деления единицы на ноль, результирующего на каждом шаге простые числа).

Я утверждаю, что число — это риторическое бытие. Такова же, на мой взгляд, точка зрения математика № 1 современного человечества Ю. Манина, из рук которого современные математики получают филдсовские премии. Конечно, грядущие успехи исчисления простых чисел наверняка приведут к их физикализации и абсолютизации, но нам-то следует знать, что они не более чем следы проявления риторической природы числа. «Вначале было слово».

Моя позиция в отношении технологий реализации этого исчисления состоит, в частности, в том, что квантовый кубит (0, 1, смешанное состояние) должен быть физико-технически дооформлен до естественной формы риторического бытия числа: 0, 1, простое число. Это будет переход от такого формализма мышления, как логика, к новому формализму — риторике.

Мыслить — это превозмогать небытие, ничто. Формально, производящая причина мысли — это деление единицы на ноль, атака на единицу, вызов мысли со стороны небытия, ничто как явление заблуждающегося ума. В этом вызове ум восходит к Единице, рождается мысль. Современная математика поработана этим вызовом как верой в бесконечность. В РТЧ при делении единицы на ноль мы получаем-наблюдаем конкретную неделимость бытия — простое число — «Ибо уму не

рассчесть сопричастности Бытного с Бытным»¹². Простое число — это показ неделимости бытия и конкретное антиэнтропийное препятствие небытию, репрезентант «того, что есть». Простое число — это основание физики как факт неделимости бытия, показ «того, что есть» на конкретном фоне «нет небытия», превозмогание вейерштрассовского ничтожащего времени в истине субстанционального времени.

Небытия нет — настойчивый взыскующий завет Парменида. Этот завет жив в духе Риторике бытия как «Пути Убеждения, которое вслед Истине правит»¹³. Зенон был, как известно, учеником Парменида. Парадоксы Зенона решали следующую задачу: продемонстрировать невозможность небытия. Парадоксы Зенона доказывали, что существует только бытие, как его описал Парменид, а если бы это было не так (то есть если бы существовало небытие), то Ахилл никогда не догнал бы черепаху, летящая стрела стояла бы на месте и т.д. А поскольку очевидно, что Ахилл черепаху догонит и перегонит, стрела, выпущенная из лука, летит, то это значит, что небытия нет, а есть только бытие. Вот если бы существовало мелкодробленое небытие, то Ахилл бы не догнал черепаху, стрела, выпущенная из лука, покоилась бы. Итак, мелкодробленого небытия (как и всякого другого небытия, из которого возникают расселовские, витгенштейновские, квантово-механические, релятивистские и иные наличествующие и возможные парадоксы) нет, не существует. Платон, по существу, в диалоге «Парменид» феноменологически развернул математику бытия как естественный формализм мышления. Неслучайно Гейзенберг рекомендовал этот диалог как феноменологическое разрешение квантово-механических парадоксов, но для Гейзенберга-то удачным схватыванием феномена была как раз математическая формализация. Аристотель не сумел эту математику бытия формализовать как математику, но изложил ее, как смог, то есть как логику. При этом он честно показал, что в логику не входит некий нередуцируемый к логическому формализму остаток (мета-физика) Платоновой феноменологии единого и многого. Формализм математики бытия возник только в XXI веке в виде риторической теории числа с ее четырьмя операциями, основанными на исчислении простых чисел (анализ, синтез, структура, генезис).

Парменид избавил нас (не всех, конечно) от иллюзорности всякого небытия. А укрепившийся на основании бытия Платон избавил нас от иллюзорности существования материальных вещей самих по себе, отдельно от бытия. Мыслить и быть — суть одно и то же. Этому завету Пар-

¹² *Парменид*. Поэма о природе // Философский портал Philosophy.ru [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://philosophy.ru/library/antiq/parmenid/parmenid_poema.html, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.

¹³ Там же.

менида следует Платон. При этом «эйдос» как некоторый побочный продукт учения о бытии, развиваемого Платоном, возникает из объяснения причин данности, очевидности, несокрытости конечных материальных вещей мышлению: сам внешний вид вещей, то есть эта «думаемая» непосредственная данность, несокрытость, очевидность есть одно и то же, что и бытие. «Одно и то же — думать и быть». Мышление есть непосредственное продолжение бытия. До сих пор не раскрыт тот базовый историко-философский смысл учения Парменида о бытии, что правильно, по Пармениду, осмысливаемое бытие позволяет отбросить гипотезу бесконечности. Окончательно нам с иллюзорностью бесконечности удастся разобраться только в XXI веке, но Парменид провидит этот путь:

На этом пути остается
Только то, что Есть. На этом пути перед нами
Много примет у него: оно нерожденно, бессмертно,
Цельно, однородно, недвижно, полнопредельно,
Не было и не будет, но есть, но ныне, но вкупе,
Слитно, едино¹⁴.

То, что есть, — не бесконечно, но сверхконечно, гораздо более конечно, чем мы только можем себе представить, оно — Единично, Едино-Родно. То, что есть, — это субстанциональное время, не делимое на прошлое, настоящее и будущее, это перводвигатель, не нуждающийся в небытии. Мощь Убежденья — есть Риторика бытия, Неизбежность и сила этой мощи — в Единице как в оковах Правды, укрепляющих тождество мысли и бытия в глагольной связке «есть» как бытийном корне суждения, именованя. Бесконечность иллюзорна: «Ибо тому, что Есть, неместна незавершенность. С ней бы оно нуждалось во всем, а оно есть безнуждно»¹⁵. Иной полюс, полюс истины, противоположный бесконечности, — это Единица как такая квинтэссенция единого и конечного, отнесенительно которого многое — иллюзорно, а именование — вторично.

Бытие Христа — первейшее свидетельство того, что не все есть у Платона и греков. Платон увлекся «игрой в бисер» бесконечно дробного небытия, а Христос выполнил завет Парменида о превозмогании небытия. Сегодня христиане всего мира вспоминают о самой критической минуте этого превозмогания. Христос соединил Парменидовский завет с Ветхим Заветом, где сущность Бога приоткрывалась как Единица. Бог-Единица и Парменидовское бытие, раскрытое Христом как Слово, превозмогающее небытие и ничтожащее время, — таковы генезис и структура Нового завета как мессианского пространства реализации «царствия небесного».

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

Неписаное учение Платона

Онт (блогер *Ономатодокс*). «Парменид» Платона — это начало и конец всякой возможной философии. Потому и предлагаю его в качестве начала. В первой гипотезе Платон как раз и выясняет, что Одно не содержит в себе никакого Бытия: если Одно только одно и больше о нем ничего нельзя сказать (одно утверждает абсолютно, то есть как только одно), то такого Одного нет. Такого Одного нет ни как целого, ни как мысли, ни как имени, ни как числа, ни как... и ни как... Это абсолютно строгий логический вывод Платона. То есть это не моя прихоть. И это азбука мысли со времен Платона.

Моя формула диалога «Парменид», которой, кстати, в явном виде у Платона не было — это формула Имени Единого=Первоединого=Блага: Имя Блага = Одно+Бытие+Иное. Я не ставлю задачу аутентичного толкования Платона или кого-либо еще. Платон, как известно, сам себя аутентично толковать не мог, ежели вспомнить его опыт устных лекций о Благе — так ничего объяснить слушателям и не смог. Мое отношение к работам Платона, Лосева и других сугубо утилитарно-шкурно-корыстное: какую пользу я из этого могу извлечь. Диалог Платона «Парменид», а точнее — анализ Лосевым диалога «Парменид», лично я использую для нахождения имени блага. В этом диалоге я вижу и метод поиска, и результат поиска в виде пяти элементов имени блага. Понятно, что там можно увидеть и еще много чего всякого разного. Но что может быть лучше блага самого по себе? Поэтому мои интерпретационно-толкования этого диалога самые лучшие из возможных, независимо от того, что и как понимал тут, и понимал ли вообще, сам Платон.

Сергей Шилов. У меня появилось некоторое понимание концепции Онта. Ее можно рассматривать в отношении так называемого «неписаного учения Платона о благе». Платон в своей лекции о благе, о которой упоминает Аристотель, определял благо весьма необычно для слушателей, не о том говорил, что принято почитать за благо среди людей. Вероятно, Платон говорил о том, что благо невозможно захватить, получить, приобрести (то есть показывал небытие в качестве блага Того, что было захвачено, получено, приобретено). Все то, к чему может быть применена простейшая арифметика (сложить, вычесть, поделить, умножить) не может быть благом, так как благо — это бытие, а бытие, по Пармениду, не подвержено подобным процедурам. Тогда, возможно, Платон ставил вопрос о том, каково должно быть истинное отношение

к благу как причастному к бытию. Если благо есть бытие, а наше отношение к бытию — это мысль, то сообразно завету Парменида о том, что «думать и быть — одно и то же», для достижения блага нужно устремлять свою мысль к единству с бытием. То есть благо может быть даровано человеку в восхождении его мысли к тождеству с бытием, причем путь этого восхождения весьма тернист, и человек постоянно атакуется небытием, выдающим себя за бытие и стремящимся увести человека за собой с пути истинного бытия. Благо не захватывается, а возникает как результат действительного тождества мысли и бытия. В этом случае максима «нет ничего лучше, чем отличать хорошее от плохого», рассматриваемая как задача о благой жизни, имеет следующее решение: «нет ничего лучше, чем отличать бытие от небытия», «лучшее — это отождествление мысли с бытием, а не с небытием». «Быть или не быть — вот в чем вопрос» — это уже следование Шекспира и всей истории театра завету Парменида.

Формула Онта «Имя Блага = Одно+Бытие+Иное» мною в этом контексте рассматривается как неприведенное уравнение, с которым человек сталкивается, когда пытается Быть, а не Не быть, то есть когда для него Благо — это Быть. Он понимает, что, чтобы Быть, его Мышление должно решить задачу отождествления с Бытием. Эта задача может быть представлена неприведенным уравнением Имя Блага = Одно+Бытие+Иное.

Быть может, возможны и иные представления в зависимости от представляющей Личности, но мы в данном случае рассматриваем представление Онта. Это уравнение должно быть приведено к некоторой «решабельной» форме, показывающей функцию: «как Быть, а не Не быть». Это уравнение может быть приведено только к Бытию, как к основанию других членов уравнения. По существу, после знака равенства в уравнении Онта записано о причастности (+) Одного и Иного к Бытию, но не о дополнении Бытия Одним и Иным, что делало бы Бытие большим, чем оно само, что невозможно, ибо тогда до этого дополнения существовало бы какое-то неполное Бытие. То есть когда Онт пишет: «Одно не содержит в себе никакого Бытия: если Одно только одно и больше о нем ничего нельзя сказать (одно утверждается абсолютно, то есть как только одно), то такого Одного нет. Такого Одного нет ни как целого, ни как мысли, ни как имени, ни как числа.» — то он пишет о небытии, об Одном как о небытии. Это, так сказать, неправильное Одно. Одно есть только как причастное бытию и, если его рассмотреть последовательно, как Парменид в диалоге Платона, то оно существует как сверхсознательная, невейерштрассовская единица. Иное также нужно рассматривать не как иное бытию, потому что тогда оно не существует, будучи небытием, а — как причастное бытию, то есть как

ничто, понимаемое как ничтожение бытием всякого небытия. Приводя Одно и Иное к причастию Бытию мы совершаем необходимый шаг мысли к отождествлению мышления с бытием. Тогда в первой части уравнения мы получаем возможность познать имя Блага как мета-физическое существо того рычага, посредством которого мышление добивается тождества мысли с бытием через причастие Одного и Иного к Бытию. Причастие Одного и Иного к Бытию — это речемышлящее бытие, риторическая предметность и языковая функция мышления. То есть Имя Блага — это та необходимость речевого бытия, которая «Необходимостью и силой Убеждения, следующего Истине» (Парменид, «Поэма о природе») достигает состояния тождества «думать» и «быть». Имя Блага программирует возникновение истинного блага для человека через осуществление тождества мышления и бытия в мыслящей речи. Имя Блага есть Правда.

Диалог Платона «Парменид»

Сергей Шилов. Готов и заинтересован обсудить диалог «Парменид», вплоть до «по строкам и по абзацам». Для реализации этой готовности прошу Вас подкреплять свои утверждения цитатами. Готов предметно обсуждать. Приступаем?

Опт. «Парменид» Платона — это начало и конец всякой возможной философии. Потому и предлагаю его в качестве начала.

В первой гипотезе Платон как раз и выясняет, что Одно не содержит в себе никакого Бытия: если Одно только одно и больше о нем ничего нельзя сказать (одно утверждается абсолютно, то есть как только одно), то такого Одного нет. Такого Одного нет ни как целого, ни как мысли, ни как имени, ни как числа, ни как и ни как... Это абсолютно строгий логический вывод Платона. То есть это не моя прихоть. И это азбука мысли со времен Платона.

Моя формула диалога «Парменид», которой, кстати, в явном виде у Платона не было, — это формула Имени Единого=Первоединого=Блага: Имя Блага = Одно+Бытие+Иное. Лосев пишет в «Очерках античного символизма и мифологии»:

Попробуем изложить диалектику «Парменида» детально.

b) I A, а (гл. 20.137с — 142b). Положим, что есть одно и больше нет ничего.

... Но в таком случае для него нет ни имени, ни слова, ни какого-либо знания — ни ощущения, ни мнения. Одно и не именуется, и не высказывается, и не мнится, и не познается, и ничто из его свойств как сущих не познается (142а).

Резюмируя 20-ю главу «Парменида», надо сказать следующее. Одно, полагаемое в своем абсолютном качестве одного, вне утверждения его как факта, как бытия, как сущего ($\chi\omega\rho\iota\varsigma$ 138e): 1) исключает всякую множественность и, следовательно, понятия целого и части; 2) теряет всякую определенность и делается безграничным; 3) не имеет никакой фигуры, или вида; 4) не имеет никакого пространственного определения в смысле того или иного места, не содержит ни в себе, ни вне себя; 5) не покоится и не движется; 6) ни тождественно, ни отлично — ни в отношении себя, ни в отношении иного; 7) ни подобно, ни не подобно ни себе, ни другому; 8) ни равно, ни не равно; 9) не подчиняется временным определениям и вообще не находится ни в каком времени; 10) не существует и 11) не одно; 12) не доступно ни мышлению, ни знанию, ни восприятию. Подчиняя все эти диалектические понятия многим категориям, можно вслед за Наторпом (Natorp P. Platos

Ideenlehre. Lpz., 1903, стр. 243 сл.) установить четыре главные группы. Одно в своем абсолютном полагании исключает — I. количество (1. множественность, то есть целость и частичность, 2. ограничение, то есть начало, середину и конец, 3. фигуру, или вид, 4. определение места и 5. покой и движение, изменение 269*), II. качество (6. тождество и различие, 7. подобие и неподобие, 8. равенство и неравенство, следовательно, большее и меньшее, меру), III. время (как 9. равенство и неравенство в длительности) и IV. 10. бытие (то есть 12. всякое знание, именование, объяснение, восприятие и представление его, 11. как одного). Можно также, привлекая общеизвестную платоно-плотиновскую систему интеллигибельных категорий, и следующим образом сгруппировать эти выводы. Одно как такое исключает из себя категории I. тождества и II. различия (1-4, 6-9, 12), III. покоя и IV. движения (5) и V. сущего (10, 11)¹⁶.

СШ. В порядке развития обсуждения представляю нижеследующий текст.

Риторическая каденция бытия, или О познаваемости идей

Перечитывал диалог «Парменид». Уверен в том, что понимание этого произведения должно осуществляться в усмотрении его «тесного сращения» с поэмой Парменида «О природе» и с опорой на философский авторитет Парменида. Собственно говоря, сам диалог начинается именно с обращения молодого Сократа к Пармениду как к учителю. «Ты в своей поэме утверждаешь, что все есть единое, и представляешь прекрасные доказательства этого; он же (Зенон) отрицает существование многого и тоже приводит многочисленные и веские доказательства»,¹⁷ — говорит Сократ. Я неоднократно указывал, что так называемые парадоксы Зенона являются доказательствами несуществования небытия. Ахилл догонит и перегонит черепаху, а стрела, выпущенная из лука, летит, а не покоится, следовательно, нет мелкодробленого небытия, существование которого помешало бы Ахиллу догнать черепаху, а стреле лететь. Зенон говорит: «В действительности это сочинение поддерживает рассуждение Парменида против тех, кто пытается высмеять его, утверждая, что если существует единое, то из этого утверждения следует множество смешных и противоречащих ему выводов. Итак, мое сочинение направлено против допускающих многое, возвращает им с

¹⁶ Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. — М.: Мысль, 1993. А также публикация указ. соч.: Библиотека Фонда содействия развитию психической культуры [Электронный ресурс]. — Киев [200?]. — Режим доступа: <http://www.ligis.ru/psylib/090417/books/lose000/txt012.htm#15>, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.

¹⁷ Здесь и далее в главе Платон цитируется по: Платон. Диалоги. — М.: Азбука-классика, 2009.

избытком их нападки и старается показать, что при обстоятельном рассмотрении их положение влечет за собой еще более смешные последствия, чем признание существования единого».

Бытие, по Пармениду, не может быть дробным, следовательно, единственным возможным носителем дробности, то есть многого, а не единого, может быть только небытие. Поскольку же согласно учению Парменида небытия нет, то и многое не имеет места быть. По сути, и Парменид, и Зенон выступают против идеи многого как возможности исчислимого ряда предметов и, как следствие, бесконечно продолжаемого посредством добавления единицы множества чисел. Диалог начинается с попытки молодого Сократа поколебать учение Парменида через проблематизацию таких выводов этого учения, как существование единого и несуществование многого. Эта попытка, по словам самого Сократа, становится возможной на основе «различения», то есть признания, «что какие-то идеи сами по себе, с одной стороны, и то, что им причастно, с другой, существуют раздельно»:

Пусть-ка кто докажет, что единое, взятое само по себе, есть много и, с другой стороны, что многое [само по себе] есть единое, вот тогда я выкажу изумление... Но что удивительного, если кто будет доказывать, что я — единый и многий, и, желая показать множественность, скажет, что во мне различны правая и левая, передняя и задняя, а также верхняя и нижняя части, — ведь, ко множественному, как мне кажется, я причастен, — желая же показать, что я един, скажет, что, будучи причастен к единому, я как человек — один среди нас семерых: таким образом раскрывается истинность того и другого. Итак, если кто примется показывать тождество единого и многого в таких предметах, как камни, бревна и т. п., то мы скажем, что он приводит нам примеры многого и единого, но не доказывает ни того, что единое множественно, ни того, что многое едино, и в его словах нет ничего удивительного, но есть лишь то, с чем все мы могли бы согласиться. Если же кто-то сделает то, о чем я только что говорил, то есть сначала установит раздельность и обособленность идей самих по себе, таких, как подобие и неподобие, множественность и единичность, покой и движение, и других в этом роде, а затем докажет, что они могут смешиваться между собой и разобщаться, вот тогда, Зенон, я буду приятно изумлен.

То есть философию как учение о бытии вынуждает согласиться с существованием небытия и многого невидимый мир, в котором мы наблюдаем много предметов, что философ не оспаривает, а сложность понимания природы такого ее, философии, собственного инструмента, как идеи.

Неслучайно диалог «Парменид» имеет подзаголовок «Об идеях». Парменид ставит задачу перед философами научиться правильно постигать идеи в их истинной природе с тем, чтобы сохранить подлинный

предмет философии в оковах необходимой Правды, исключаяющей существование небытия и многого, а также примирить бытие-центрированный философский разум и человеческий рассудок, наблюдающий многие вещи. Лишь правильно уразумев, что есть идея, можно совместить истину и исток философии — бытие с обыденным сознанием.

Диалог, следовательно, посвящен прояснению природы идей, критерием которого (прояснения) является согласование истины философии о существовании бытия (единого) и несуществовании небытия (многого) и истины человеческого рассудка, наблюдающего многие предметы (объекты) и рассуждающего о многом.

Парменид для начала (для разминки) профилактирует упрощенчество в сфере определения природы идей, показывает, что связь идеи и вещи — это не отношения образца и подражания образцу, не подобие мира идей миру вещей, не диалектика единого и многого, которая спотыкается о невозможность истинных отношений части и целого в случае редукции идеи к единому во многом:

— Следовательно, ничто не может быть подобно идее и идея не может быть подобна ничему другому, иначе рядом с этой идеей всегда будет являться другая, а если эта последняя подобна чему-либо, то — опять новая, и никогда не прекратится постоянное возникновение новых идей, если идея будет подобна причастному ей.

— Ты совершенно прав.

— Значит, вещи приобщаются к идеям не посредством подобия: надо искать какой-то другой способ их приобщения.

— Выходит, так.

— Ты видишь теперь, Сократ,— сказал Парменид,— какое большое затруднение возникает при допущении существования идей самих по себе.

— И даже очень.

— Но будь уверен,— продолжал Парменид,— что ты еще, так сказать, не почувствовал всей громадности затруднения, если для каждой вещи ты всякий раз допускаешь единую обособленную от нее идею.

— Почему так? — спросил Сократ.

— По многим самым различным причинам, и главным образом по следующей: если бы кто стал утверждать, что идеи, будучи такими, какими они, по-нашему, должны быть, вовсе не доступны познанию, то невозможно было бы доказать, что высказывающий это мнение заблуждается, разве что тот, кто стал бы ему возражать, оказался бы многоопытным, даровитым и во время спора имел бы охоту следить за множеством отдаленнейших доказательств. В противном случае переубедить настаивающего на том, что идеи непознаваемы, не было бы возможности.

— Почему так, Парменид? — спросил Сократ.

— А потому, Сократ, что и ты, и всякий другой, кто допускает самостоятельное существование некоей сущности каждой вещи,

должен, я думаю, прежде всего согласиться, что ни одной такой сущности в нас нет.

— Да, потому что как же она могла бы тогда существовать самостоятельно? — заметил Сократ.

— Ты правильно говоришь, — сказал Парменид. — Ибо все идеи суть то, что они суть лишь в отношении одна к другой, и лишь в этом отношении они обладают сущностью, а не в отношении к находящимся в нас [их] подобиям (или как бы это кто ни определял), только благодаря причастности которым мы называемся теми или иными именами. В свою очередь эти находящиеся в нас [подобия], одноименные [с идеями], тоже существуют лишь в отношении друг к другу, а не в отношении к идеям: все эти подобия образуют свою особую область и в число одноименных им идей не входят.

Современный философский лозунг «единство в многообразии» Парменидом также не поддерживается, поскольку в нем говорится о несуществующем (многообразии) как о существующем. Для определения природы идей Парменид и предлагает упражнения:

Но если желаешь поупражняться получше, то следует, кроме того, делать вот что: не только предполагая что-нибудь существующим, если оно существует, рассматривать выводы из этого предположения, но также предполагая то же самое несуществующим.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Сократ.

— Если ты желаешь поупражняться, то возьми хотя бы предположение, высказанное Зеноном: допусти, что существует многое, и посмотри, что должно из этого вытекать как для многого самого по себе в отношении к самому себе и к единому, так и для единого в отношении к самому себе и ко многому. С другой стороны, если многого не существует, то опять надо смотреть, что последует отсюда для единого и для многого в отношении их к себе самим и друг к другу. И далее, если предположить, что подобие существует или что его не существует, то опять-таки, какие будут выводы при каждом из этих двух предположений как для того, что было положено в основу, так и для другого, в их отношении к себе самим и друг к другу. Тот же способ рассуждения следует применять к неподобному, к движению и покою, к возникновению и гибели и, наконец, к самому бытию и небытию; одним словом, что только ни предположишь ты существующим или несуществующим, или испытывающим какое-либо иное состояние, всякий раз должно рассматривать следствия как по отношению к этому предположению, так и по отношению к прочим, взятым поодиночке, и точно так же, когда они в большем числе или в совокупности. С другой стороны, это прочее тебе тоже следует всегда рассматривать в отношении как к нему самому, так и к другому, на чем бы ты ни остановил свой выбор и как бы ты ни предположил то, что предположил существующим или несуществующим, если ты хочешь,

поупражнявшись надлежащим образом в этих вещах, основательно прозреть истину.

Эти упражнения и есть то, что Лосев и вслед за ним многие называют гипотезами диалога «Парменид». П. П. Гайденко выделяет восемь таких гипотез:

Гипотеза I. «Если есть единое, то может быть ли оно многим?» Парменид, 139b.

Гипотеза II. «Итак, утверждаем мы, если единое существует, надо принять следствия, вытекающее из единого, какие бы они не были». Парменид, 142b.

Гипотеза III. «Не рассмотреть ли теперь, что испытывает другое, если единое существует?» Парменид, 155 b

Гипотеза IV. «Если есть единое, что должно испытывать другое?» Парменид, 159b.

Гипотеза V. Платон доказывает, что если единое не существует, но мы о нем как о несуществующем все же ведем речь, а стало быть, приписываем единому некоторый предикат — пусть даже этим предикатом будет несуществование, то мы опять-таки получаем простейшую систему: «несуществующее единое». Самое интересное в этом рассуждении Платона состоит в том, что несуществующее единое «каким-то образом должно быть причастно и бытию» — иначе мы о нем вообще ничего не могли бы сказать. Парменид, 161e.

Гипотеза VI. Тоже постулируется несуществование единого, но в другом смысле: в смысле отсутствия у единого какого бы то ни было предиката. «Несуществующее единое ничего не претерпевает». Парменид, 164b.

Гипотеза VII. «Обсудим еще, каким должно быть иное, если единое не существует». Парменид, 164b

Гипотеза VIII. «Чем должно быть иное, если единое не существует?» Парменид, 165e¹⁸.

Я сознательно предлагаю воспользоваться именно классификацией П. П. Гайденко, так как она следует тексту диалога. Я просил Вас подкрепить свои утверждения цитатами из текста диалога, а не из Лосева, интерпретирующего диалог в рамках своей концепции. Из Платона Вы привели неверную цитату, на которой, однако, у Вас построено все здание Вашей собственной концепции диалога «формула Имени Единого=Первоединого=Блага: Имя Блага = Одно+Бытие+ Иное». В цитируемом Лосевым фрагменте диалога «Не существует не имени, ни слова для него, ни знания о нем, ни чувственного его восприятия, ни мнения» речь идет о ЕДИНОМ, а не об ОДНОМ (Парменид, 142). Дело в том, что такая категория, как «Одно», в этом диалоге не используется

¹⁸ Гайденко П. П. Обоснование научного знания в философии Платона // Платон и его эпоха. — М.: Наука, 1979. — С. 98–105.

непосредственно в отличие от категорий «Бытие», «Иное». В тексте диалога категория «Одно» встречается всего один раз: «Парменид. С другой стороны, единое не обладает свойством быть иным, ибо и в таком случае оно обладало бы свойством быть большим, чем одно». Хайдеггер как-то сказал на встрече с русским поэтом Вознесенским, что метафизика небытия Сартра возникла из недоразумения: «Сартр? Источник его оригинальной идеи таится в его плохом знании немецкого языка. Сартр ошибся и неправильно перевел два термина из моих работ. Эта ошибка и родила его экзистенциализм»¹⁹. Ошибка в переводе Единого как Одного и родила «Диалектические основы математики».

Коль скоро мы переходим к рассмотрению так называемых «гипотез» на основе текста диалога, то необходимо разобраться, насколько правомерна трактовка риторики Парменида как гипотез. Парменид называет свои риторические действия «упражнениями», которые предпринимаются в целях схватывания истинной природы идей. При этом ясно, что у Парменида нет дефинитивной теории, способной описать природу идей, но предлагается мыслящая риторическая практика, в которой эта природа схватывается непосредственно и усваивается. Напомню также, что критерием такого схватывания должно быть согласование учения Парменида о бытии и обыденного представления о множественности предметов в окружающем нас мире.

Гипотеза, это когда некто утверждает существование бозона Хиггса, а другой говорит: «Очень интересно, пойдёмте к андронному коллайдеру и проверим вашу смелую гипотезу». В данном случае ничего подобного нет. Сначала Сократ, а потом и Аристотель лишь соглашались с истинностью суждений упражняющегося Парменида, хотя для литературного оживления могли бы и поспорить. Конструкция диалога такова, что слушатели Парменида, выслушав очередное суждение Парменида, будто бы заглядывают в некоторое пространство истинности и оттуда убеждаются в истинности высказанного суждения. Отсюда и появилась идея «гипотез». Эта конструкция как раз и необходима для того, чтобы показать хотя бы истинную природу идей, если пока невозможно ее строго и точно определить.

В своих упражнениях Парменид закономерно выходит на проблемы времени и числа. Он ведет речь о проблеме становления единого как старшего и младшего относительно себя самого:

А следовательно, оказывается необходимым, чтобы все, что существует во времени и причастно ему, имело один и тот же возраст с са-

¹⁹ *Вознесенский А.* Зуб мудрости. Воспоминания о Хайдеггере, написанные много лет спустя // heidegger.ru [Электронный ресурс]. — М.: Фонд фундаментальной Футурологии. — Режим доступа: <http://www.heidegger.ru/voznenski.php>, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.

ним собой и вместе с тем становилось старше и моложе себя... Но единому не свойственно ни одно подобное состояние.

Вот как Парменид в диалоге выходит на число:

Парменид. Вот как: можно ли сказать «бытие»?

Аристотель. Можно.

Парменид. А можно ли сказать также «единое»?

Аристотель. И это можно.

Парменид. Но не названо ли таким образом каждое из них?

Аристотель. Названо.

Парменид. А когда я скажу «бытие и единое», разве я не назову оба?

Аристотель. Конечно, оба.

Парменид. Следовательно, если я говорю «бытие и иное» или «иное и единое», то я всегда говорю о каждой [паре] «оба». Не правда ли?

Аристотель. Да.

Парменид. Но возможно ли, чтобы то, что правильно называется «оба», было бы таковым, а двумя нет?

Аристотель. Невозможно.

Парменид. А когда перед нами два, есть ли какая-либо возможность, чтобы каждое из них не было одним?

Аристотель. Нет, никакой.

Парменид. Но каждая из взятых нами [пар] представляет собою сочетание двух [членов]; следовательно, каждый из них будет одним.

Аристотель. Очевидно.

Парменид. Если же каждый из них один, то при сложении какой угодно единицы с любым парным сочетанием не становится ли все вместе тремя?

Этот «выход на число» как раз иллюстрирует мысль о том, что конструкция числового ряда рождается рождением двойки, идея числового ряда возникает в пространстве между двойкой и единицей. Возможность числового ряда образуется не добавлением единицы, а соединением существований бытия и единого, продолжением бытия единым. То есть числовой ряд — это несуществующее, это наше представление, за которым раскрывается непосредственное продолжение бытия во времени, то есть единое.

Наша задача состоит в том, чтобы наконец строго и точно определить природу идей, понять, какой процесс стоит за идееобразованием, за определением истинности и ложности идей, понять, как с помощью идей человеку удастся объединить мышление и бытие. Упражнения Парменида, с одной стороны, показывают нам природу идей, но, с другой стороны, эта природа постоянно ускользает от нас, не будучи формализована, она проявляется как некий гений мысли, природная сила

ума, «философский демон». Упражнения Парменида — это упражнения Риторика бытия: Единое есть проявление бытия речью, бытие бытия в речевом бытии, в какую-то предметную область как раз и заглядывали Сократ и Аристотель, сверяя смысловую интонацию суждений Парменида с голосом бытия. В последовательности так называемых «гипотез» мы имеем риторическую каденцию²⁰ бытия, музыку бытия. Так называемой «диалектикой единого и многого» Парменид создает каденцию риторики бытия. Однако каденция риторики бытия²¹ — это падение бытия, которое в таком свободном падении создает время человеческого бытия. В музыке бытия возникает согласие философского ума и человеческого мировидения, видимостного мира.

Идея есть истина существования, процессуальное бытие (природа) которой — это подвижный баланс бытия и времени: снижение (падение) бытия есть порождающая причина существования времени. Риторика бытия — это теория единств как предметного бытия идей. Именно теория единств должна стать новым основанием естественнонаучного знания, которое находится в системном идейном кризисе, спровоцированном теорией множеств как теорией, допускающей существование небытия и многого. Идея есть риторика времени (основание всякой науки), которая согласует мысль и бытие.

Что за существование представляет собой идея? Идея — это существование субстанционального времени. Это бытие момента истинного движения времени — из будущего в прошлое. Так разгадывается тысячелетняя тайна существования идей и разъясняются особенности существования идей как физических объектов, соединяющих мышление и бытие. Идеи — это следы, проявления того, как действительно идет время, в противоположность естественному представлению о движении стрелы времени из прошлого в будущее. Идея есть настоящее времени, движущегося из будущего в прошлое и действительно суще-

²⁰ КАДЕНЦИЯ, музыкальный термин, употребляемый в двух значениях: 1) свободная, виртуозная, богато орнаментированная вставка в музыкальное произведение, преимущественно в итальянской опере XVII–XVIII вв. и в музыке XIX в. для солирующих инструментов; 2) более развернутая, но тоже вставная и выдержанная в духе импровизации форма. Каденция помещалась в конце какой-либо части концерта для солирующего инструмента с оркестром и предоставляла исполнителю возможность блеснуть техническим мастерством. Каденция в опере позволяла продемонстрировать не только вокальную технику, но и творческий дар, так как по традиции певец должен был импровизировать при каждом исполнении. Каденции в инструментальном концерте строились в рапсодическом стиле и использовали тематический материал произведения. Такие каденции тоже импровизировались вплоть до начала XIX в.; однако уже Бетховен в своем Пятом фортепианном концерте дал образец каденции, которая должна была исполняться по авторскому тексту и точно соответствовать стилю произведения.

²¹ Итал. *cadenza* от *cadere* — «падать», импровизационного характера обширное завершение какого-либо раздела виртуозной пьесы.

ствующего в отличие от формально-механического времени (времени небытия, времени множественного мира). Возникновение идеи — это схватывание человеком истинного хода времени из будущего в прошлое. Субстанциональное, из будущего движущееся время — это время самого бытия, о котором пишет Парменид в поэме «О природе». Предметность идеи — это фиксация (усмотрение пребывания) в субстанциональном времени истины факта, события, процесса, первоначально, «во внешнем виде» зафиксированных в «реальном времени». Это риторическая предметность, идея возникает в речевом бытии, само течение которого является причастным истинному течению времени из будущего в прошлое. Истинное направление стрелы времени из будущего в прошлое выводит нас на мысль о том, что самым большим числом, сверх которого ничего нет, является единица как предел разворачивания бесконечного числового ряда, поскольку в конце такого ряда находится единица (его изначальное прошлое). Тайна распределения простых чисел в натуральном ряду — это моментное продвижение единицы из будущего в прошлое, образующее истинное пространство числового ряда как ряда физически предметного, ряда простых чисел, разграничивающих время и бытие, показывающих значение падения бытия как значение производящей силы времени. Формула «Единица есть множество простых чисел» — это формула теории единств как риторики времени, раскрывающей действительное существование времени как причастного бытию движения из будущего в прошлое.

Интервью Сергея Шилова Алексее Нилогову²²

Риторическая теория числа (РТЧ)

Сергей Евгеньевич Шилов (род. 1969) — современный русский публицист, философ. Публиковался в «Независимой газете», «Московских новостях», «Художественном журнале» и др. Сфера интересов: новая парадигма (новая гуманитарно-технотронная научная картина мира, новая сущность техники), новая литературная классика (опыт романа «Время и Бытие»), новое политическое мышление (возрождение аристотелизма как представления о политической сущности человека, преодоление экономического детерминизма, разработка нового либерализма), политософия (совместно с Г. Э. Бурбулисом). Шилов рассматривает риторическую теорию числа как завершение работы Георга Гегеля по созданию нового формализма мышления как «новый аристотелизм», а по Сергею Аверинцеву, как переход от логики к риторике. Автор таких книг, как «Время и Бытие» (Минск, 1992), «Социальный федерализм» (М., 1999), «Риторическая теория числа» (М., 2006).

— Сергей Евгеньевич, Вы являетесь автором риторической теории числа (РТЧ). Что Вы понимаете под риторикой с математической точки зрения?

— Обращаясь к первоначальному значению греческого слова *mathema*, введенному пифагорейцами, мы раскрываем математику не как особую область знания, предметно и операционально отличающуюся от других, а как неотчуждаемое качество всякого знания, которое состоит в точном определении чего-либо. Естественный математический опыт рассудка, априорный по отношению к «математической учености», — это «опыт дефинирующего разума»²³. Мыслящая речь является тем пространством, в котором конституируется настоящий опыт и формируется качество знания. Для истинной математики как дефинитивного творче-

²² Нилогов А. С. Риторическая теория числа (РТЧ). Интервью с Сергеем Шиловым // Топос. Литературно-философский журнал [Электронный ресурс] — М., 2009. — Режим доступа: <http://www.topos.ru/article/6954>, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.

²³ Аверинцев С. С. Литературные теории в составе средневекового типа культуры // Проблемы литературной теории в Византии и латинском средневековье. — М.: Наука, 1986. — С. 8–17.

ства риторика является пространством ее реализации и формирования математической истины как истинности определения. Работа по созданию истинного определения (дефиниции) — это работа, совершаемая в речи, посредством речи, которая именуется «мышлением». Формализм создания истинного определения чего-либо является изначальным формализмом математики. Это конституирующий акт математического знания, которым раскрывается и утверждается его природа. Таким образом, мы возвращаемся к основополагающему тождеству-различию математики и риторики, которое утрачено в современном естествознании, а также в философии и методологии науки. Математика и риторика едины в поиске истины как истинного определения чего-либо — то есть в сущности мышления, и различны как, соответственно, речевой (риторический) метод мышления и универсальное, всеобщее речевое (риторическое) бытие. Математика есть часть (базовый элемент) риторики, в которой конституируется истинность риторического существования (осуществления). Если вернуться к смыслу такой лейбницевской научно-практической метафоры, как «точка зрения», то можно определить математику как «точку зрения риторики» — То в риторике, что образует ее метод, задает поведение речи и создает технику (формальный метод) для мышления. Математика есть основание и исток техники именно как часть риторики, как риторический метод.

Сам предмет математики — число — формируется в пространстве мысляще-речевой активности. Число есть такой риторический объект, который «отвечает» за достижение истины в дефинитивном процессе. Речевое пространство «на 90%» состоит именно из этих риторических объектов, образующих действительность речи, истинностную предметность дефиниций, объективное как таковое. Число всегда содержится в слове как его истинностно-дефинитивный корень. Структура слова (высказывания) — это числовое (нелогическое) дерево, в котором связи и отношения являются не логическими операциями, требующими для своего обоснования «физики места» в античном смысле (проблематики передачи взаимодействия, как-то близкогодействия, дальногодействия, мгновенного действия), а математическими целочисленными операциями, для которых «место» неактуально, инвариантными относительно «места», или вездесуще-повсеместными.

Целочисленность как принцип утрачена современной математикой в силу забвения риторической природы числа. Лишь в риторическом бытии раскрывается истина отношений единого и многого. Вернер Гейзенберг в своей книге «Физика и философия»²⁴ восторгался

²⁴ Гейзенберг В. Физика и философия / Пер. с нем. И. А. Акчурина и Э. П. Андреева. — М.: Наука, 1989.

платоновским диалогом «Парменид», утверждая, что содержащаяся там «диалектика единого и многого» превосходит своей формальной силой формализмы квантовой механики. Отношения «единого и многого», **оторванные от своей риторической почвы и тем самым лишённые изначального смысла**, становятся в «высшей математике» причудливыми, парадоксальными, усложненными и противоречивыми, что в высшей степени убедительно показывает научная судьба математической теории множеств.

Выдающийся математик Леопольд Кронекер, полемизируя с «отцами-основателями» современной математики Карлом Вейерштрассом и Давидом Гильбертом, справедливо утверждал, что целые числа сотворил Бог, все остальное — дело рук человеческих.

«Математическая ученость» остановилась перед фундаментальными проблемами теории чисел, важнейшей из которых является проблема распределения простых чисел (целых чисел, которые делятся только на себя или на единицу) в натуральном ряду; она ушла в конструирование произвольных числовых миров, не связанных отношениями истинности. Для построения таких миров достаточно создать набор некоторых формальных, логически согласованных между собой определений, относительно истинности которых можно не заботиться (математический конструктивизм). Возвращение к целочисленной математике возможно на основе более глубокого понимания природы числа — на основе риторической теории числа. Целочисленная математика — это формализация дефинитивного процесса как речевого процесса создания истинного определения.

Проблема наблюдателя в современной физике, рожденная в контексте математизации физического знания, возникла именно в результате **отсутствия формализма истинного определения**, что в свою очередь связано с утратой предметности, конституирующей дефинитивность, предметности, с которой данный формализм может быть считан, воспроизведен (мысляще-речевая предметность).

Из «точка зрения» риторической теории числа мы возвращаемся к основополагающей, до сих пор не решенной проблеме математического знания, в которой кардинально запутываются отношения арифметики и высшей математики и становится «темна вода» оснований математики, а именно к проблеме распределения простых чисел в натуральном ряду.

Простые числа суть понятия — То, что Людвиг Витгенштейн называл «логическими атомами», на которых строится реальный (мысле-речевой) дефинитивный процесс как числовое дерево, являющееся структурой высказывания и речепроизводства в целом. **Просточисленное дерево** («дерево» математической риторики) — это числовое

(целочисленное) дерево («действительный числовой ряд»), элементами которого являются простые числа и на коем «вырастают» все целые числа, каждое из которых уникально и единственно, поскольку согласно основной теореме арифметики являет собой уникальное произведение (набор) простых сомножителей.

Просточисленное дерево есть движущаяся понятийная структура дефинитивного процесса, в котором простые числа представляют (являясь риторическими объектами) тождества математики (арифметики, теории числа) и риторики (сверхлогического, речевого бытия мышления), а уникализированные посредством просточисленных произведенческих составов целые числа представляют (каталогизируют) уникальные различия математики и риторики. Перефразируя-разрешая известный канторовско-расселовский теоретико-множественный парадокс, можно сказать, что просточисленное дерево — это «каталог всех каталогов всех библиотек, включающий в себя этот каталог (в каждом акте каталогизации)».

Просточисленное дерево выражает органоно-механику становления языка, когда вектор языкоразвития раскрывается как дефинитивный процесс, имеющий своим импульсным источником и зовущим целеполагающим результатом Единицу. ***Единица есть множество простых чисел, выступающих в качестве частей Единицы, истинных частей просточисленного дерева.*** Единица есть буквально просточисленное дерево, струнно пронизывающее всю структуру языка и актуализирующее его как «систему чистого разума». Формула единицы есть формула Всего в качестве формализма дефинитивного процесса и математико-риторического органа дефинирующего разума.

— ***Каковы философские последствия риторической теории числа?***

— Риторическая теория числа завершает историю мышления Нового времени. Речь идет о том, что проект истории мышления Нового времени — это проект создания **нового формализма мышления** относительно логики, исчерпавшей себя в настоящем качестве.

Логический формализм в условиях расцвета физического, прежде всего естественнонаучного знания и успехов математизации физики, все более раскрывал свою бесполезность, пустотность и бессодержательность. Силлогизм как основа логических исчислений стал своего рода карикатурой на действительное дело поиска истинного определения чего-либо. Значение логики поддерживалось и поддерживается исключительно для артикуляции фундаментальной ценности самой идеи формализации мышления, первым «западноевропейским» прорывом которой стала логика Аристотеля.

Проект мышления Нового времени — это проект «нового аристотелизма», продуктивно выражающего и завершающего мышление Нового времени.

Можно сказать, что Новое время явилось «*новой античностью*», миссия которой состоит в создании оснований новых тысячелетий бытия новой европейской рациональности. Выявленный Мартином Хайдеггером подлинный «жизненный цикл» европейской истории «*Бытие-Время-Бытие*» раскрывает нам переход от *античности-Времени* к *христианской европейской цивилизации-Бытию*» как повторяемый, представляя собой то фундаментальное событие, к которому мы циклически возвращаемся в нашем теперешнем переходе от «*Нового Времени*» к «*Новому Бытию*».

Риторическая теория числа как новый формализм мышления (по отношению к аристотелевой логике) *завершает мышление Нового времени и является основанием рациональности Нового бытия.*

Представим эту новую формализацию мышления «на фоне» формализма, заявленного в «Науке логики» Георга Гегеля, каковой можно рассматривать в качестве «промежуточного формализма», «схватывающего» инобытие логики, то есть бытие неформализуемого логикой мышления. В этом смысле Гегель выполняет «*Парменидову работу*» в «новой античности» (в Новом времени), а именно, фиксирует речевое бытие («систему чистого разума»), но не определяет его как речевое (риторическое). Благодаря этой неопределенности возникают все последующие постгегелевские спекуляции (например, «переворачивания») на «непосредственном» для рассудка «чистом бытии», открытым Гегелем.

Самозамкнутую структуру «Науки логики» можно описать следующим образом:

- мышление (как производящее действительность) есть тождество бытия и ничто;
- развитие осуществляется «по спирали», где каждый новый виток есть выход из тождества бытия и ничто в новое качество, есть, собственно говоря, различие бытия и ничто;
- структура действительности есть цепочка моментов качества, различающихся скачком качества.

То, что Гегель методологически рассматривал в «Науке логики» как понятие, в «Науке риторики» (РТЧ) раскрывается как простое число, как качественный (качественный), финитный (истинностно-конечностный) «внешний вид» («эйдос») числа, «снимающий» витгенштейновский логический атом подобно тому, как платоновско-аристотелевская парадигма поднялась над античным атомизмом.

Формула Единицы «Единица есть множество простых чисел» формализует фундаментальный (языково-бытийственный) опыт мышления как «опыт дефинирующего разума».

Простые числа являются монадами и акциденциями субстанции истинностного определения.

Предмет схватывается в своих существенных определениях-понятиях, образующих тот уровень внутреннего единства (имманентизации), который трансцендирует в сам предмет. Трансцендентальное как основа идеи бесконечности исчезает из рассмотрения как симулятивное (нечисловое). Вместе с преодолением идеи бесконечности в истинностной (измеримо-пошагово-конечностной) трансценденции снимается методологический запрет деления на ноль, являющийся (запрет) руководящим табу математической учености.

Формализм дефинитивного процесса мыслящей речи являет собой суть такого понятия, как **язык**. Формализм «Язык» дефинируется как изначальный *троичный код*, сквозной к той системе «кодировок и перекодировок», которая представляется семиотикой и употребляется в лингвистике, программировании:

***единица —
простое число —
ноль.***

«Наука риторики» образует следующую структуру:

- мышление как реально-речевой (=имеющий числовую основу) дефинитивный процесс есть деление единицы на ноль (числовое, конкретно-порождающее отношение бытия и ничто);
- развитие как речевое-определенное (числово-выграниченное) бытие мышления аппроксимирует «диалектическую спираль» к ленте Мебиуса (топологическому объекту, являющему собой простейшую одностороннюю поверхность с краем, воплощающему непрерывность), то есть лента Мебиуса — это топография дефинирования;
- структура действительности, порождаемой дефинитивным процессом, есть просточисленное дерево, «цепочка качественностей» простых чисел, порождаемая последовательным делением единицы на ноль, то есть действительный (тождественный действительности) числовой ряд образуется не посредством формально-математического «добавления единицы», но как последовательность деления единицы на ноль.

Можно заметить, что РТЧ *трансгранична* по отношению к «Науке логики».

РТЧ рефлексивует непосредственное бытие рассудка, открытое Гегелем, как речевое бытие, рече-мыслящей материей и предметным выражением которого является исчисление простых чисел, через каковое осуществляется риторическая природа числа и эксплицируется дефинитивная структура «того, что есть» (бытия). Таким образом, происходит завершение создания «нового аристотелизма» — нового формализма мышления по отношению к логике Аристотеля. Понятно, что это завершение было бы невозможным без Хайдеггера, который выполнил «*Платонову работу*» на излете «новой античности» Нового времени. После падения (открытого Гегелем, но предметно не выраженного в новом формализме мышления) непосредственного (инологического) бытия рассудка в публичную доступность мышления для рассудка и после образования множества рассудочных и безрассудных (Фридрих Ницше, Серен Киркегор) «философских систем» по самым различным частно-рассудочным поводам (экономика, психология, физика, академическая философия, литература) дело восстановления универсальной по отношению к частно-рассудочным поводам собственной природы мышления было осуществлено Хайдеггером. Он открыл наличие несокрытой, по сути, числовой («считающе-рассчитывающий рассудок») материи (*Dasein*) в речи, занимающей в ней подавляюще огромное пространство и отвечающей за рече-мыслящее произведение действительности.

Хайдеггер хорошо знал и понимал существо перехода *от Бытия ко Времени*, которое было буквально существом рождения «Университета Техники», в самоутверждении какового немецкий мыслитель видел свою провиденциальную миссию в истории философии. *Мышление Нового времени*, инициированное Р. Декартом, как новая «точка зрения» по отношению ко всему предшествующему *Бытию* христианской цивилизационной рациональности воплощало непосредственную мысляще-речевую сущность перехода *от Бытия ко Времени*. Хайдеггер совершенно справедливо распознал в Новом времени новую античность и вплотную подошел к идее «обратного перехода» *от Времени к Бытию*, то есть к осмыслению Того, что согласно историческому циклу «Бытие-Время-Бытие» должно наступить после Нового времени. Переход от античности к христианской цивилизации и схоластической рациональности как раз был первым методологическим сдвигом, в результате которого такой продукт античности-*Времени*, как аристотелевский логический органон, обрел более чем тысячелетнее *Бытие* в рациональности христианско-культурного Университета. Хайдеггер совершенно точно, словно математик, определил философский нерв современности как *совершающийся переход от Нового времени к Новому бытию*, возвращающе-воспроизводящий жизненный цикл «Время античности — Бытие еврохристианской рациональности».

Создание органа новой европейской тысячелетней гуманитарно-технотронной цивилизации — таково существо точки перехода от Нового времени к Новому бытию.

Новое время породило технику. Именно сущность техники образует новый формализм — новый органон мышления.

Сущностно-техническое *Исчисление простых чисел* может быть раскрыто как истинное, качественное дифференциально-интегральное исчисление.

Просточисленное дерево выступает как модель математической риторики и выполняет задачу демонтажа логоцентризма, вырубки того самого засохшего логико-семантического древа, которое «подчинило себе весь западный мир и западное мышление, от ботаники до биологии, анатомию, гносеологию, теологию, онтологию, всю философию, <...> вонзилось в тело, оно стратифицировало и очерстило даже пол. <...> Дерево или корень вдохновляют печальный образ мысли, которая, не переставая, имитирует множественное, начиная с высшего единства, с центра... Древоподобные системы — это иерархические системы, которые включают в себя центры значения и субъективации, центральные автоматы как организованные памяти»²⁵.

Как известно, непосредственным следствием процедуры ветвления «древовидной системы» является образование бинарной математико-логической оппозиции («да — нет», «истина — ложь») между ветвлениями: «Бинарная логика — это духовная реальность дерева-корня» (Делез и Гваттари). Структурный рост просточисленного дерева определяет троичный код: **«да-нет-суждение», «истина-ложь-понятие», «ноль-единица-простое число».**

Когда в рамках номадологического проекта постмодернистская философия осуществляет последовательный отказ от репрезентируемости мышления риторической фигурой дерева, она в конечном итоге отказывается от самого мышления. По сути, необходим иной «внешний вид» (иная идея) дерева, отличного от «карликового» логико-математического дерева. Если в иерархической системе индивид отвечает только на реакции того, кто находится выше его в иерархии, и включается в древоподобную структуру в строго определенном месте, а в нецентрированных системах, по словам Жюлья Делеза и Феликса Гваттари, «коммуникации осуществляются от одного соседа к другому, где стебли или каналы не существуют заранее, где все индивиды... определяют»

²⁵ Делез Ж., Гваттари Ф. «Капитализм и шизофрения (Т. 2)» здесь и далее в ответе на вопрос о философских последствиях РТЧ цитируется по: Статья «Дерево» // Энциклопедия постмодернизма [Электронный ресурс].— Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru/dict/postmodernism/article/pm1/pm1-0108.htm> , свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.

ся исключительно по их *состоянию* в данный момент таким образом, что локальные действия не согласованы и общий конечный результат синхронизируется независимо от центральной инстанции», то в «системе чистого разума» просточисленного дерева предзадана **коммуникация всех со всеми**, выраженная как коммуницирование-перемножение, **коммутация простых чисел** в пространстве действительного числового ряда, причем каждый акт коммуникации (коммутационного произведения простых сомножителей) уникализирован в целом числе, являющемся (каждое целое число!) неповторяющимся во всем натуральном числовом ряду, уникальным набором простых сомножителей, так как каждое целое число может быть *раз-множено* (разделено) на простые сомножители *единственным образом*, согласно основной теореме арифметики. Представьте себе «бесконечное» множество целых чисел, каждое из которых уникально с точки зрения исчисления (коммуникации, коммутации) простых чисел.

Коммутация простых чисел – это абсолютная реализация всеобщей связи и взаимообусловленности явлений.

Риторическое бытие просточисленного дерева (матрицы коммутирующих простых чисел) – это произведение целого числа, креативный потенциал целочисленного творения, сравнительно с которым дерево математической логики, по формулировке Делеза и Гваттари, – «это логика кальки и размножения... Она упорно декалькирует нечто, что дается уже готовым, начиная с перекодирующей структуры или оси, лежащей в ее основании. Дерево объединяет и иерархизирует кальки, подобно листьям». Истинностный дефинитивный процесс принимает форму просточисленного дерева, сверхсознательно формирует новое мышление. Просточисленное дерево воплощает «ризому», то есть, фиксируя в исчислении простых чисел такой способ организации целостности, как целочисленная математика, реализует трансцендентную сингулярность в качестве открытой возможности для имманентной автохтонной подвижности и креативного потенциала саморегулирования, самоподдержки и самоконфигурирования целостности.

В Саратовском государственном медицинском университете в рамках инициативно-научного проекта «Числовая анатомия» была создана основанная на принципах РГЧ модель мозга, в основе которой – рассмотрение истинностно-конечностной природы нейрона как простого числа. Делез и Гваттари справедливо утверждают: «То, что несправедливо называют “дендритами”, не обеспечивает связь нейронов в непрерывной ткани. Прерывность клеток, значение аксонов, функция сближения клеток (синапсов), существование синаптических микротрещин, “перескакивание” сообщений через эти трещины, образующие мозг множественности, который погружен в собственный план кон-

систенции... — всецело вероятностная, переменчивая, *неопределенная нервная система*». Распознавание нейрона как простого числа приводит к дефинированию (снятию) неопределенности нервной системы и ее экспликации как исчисления простых чисел, структура которого непосредственно выражает реальную мозговую активность как целочисленность.

Память мирового целочисленного континуума основана на корневых просточисленных деревьях, на уникализации каждого целого числа как элемента-события континуума, как коммутационно-коммуникационного акта простых сомножителей (простых чисел).

Понимание того, что *истинная материя есть численность*, наступает в историко-мыслительном продолжении дефинитивного процесса из устной речи в письменную, в систему «письмо (текстовая работа) — чтение». Письмо возникает как новое качество решения конституирующей для математики задачи — *все более истинного определения чего-либо*. Устная речь и письмо переходят друг в друга по ленте Мебиуса, при этом на одном переходе письмо является управляюще-программирующей структурой для устной речи (*грамматография*), а на другом уровне письменная речь становится лишь оформлением устной речи (*стенография*). Письменная и устная речь имеют единый просточисленный корень в чтении — в чтении книги «риторической природы Всего».

Первочтение есть чтение численности, в котором конституируется действительность. Именно так, например, водитель читает дорожку. Прибегая к концептам Делеза и Гваттари, можно выйти на новую РТЧ-ориентированную теорию литературы, определив *письменную речь как «ризому-канал», а устную речь как «дерево-корень»*. Если в постмодернизме «дерево-корень и ризома-канал... противостоят друг другу как две модели», то есть дерево «функционирует как модель и как трансцендентная калька», а ризома «развивается как имманентный процесс, который оспаривает модель и намечает карту, даже если он устанавливает свою иерархию или образует деспотический канал», то в РТЧ именно существование численности — как одновременно и просточисленного корня (первочтения) «дерева-корня» (устной речи), и «ризомы-канала» (письменной речи) — объясняет существование литературы, в котором сосуществуют различные типы организации целостностей, как древовидно-корневые, так и ризоморфные. По оценке Делеза и Гваттари, «существуют самые различные устройства — карты-кальки, ризомы-корни, с различными коэффициентами детерриториализации. В ризоме есть структуры дерева или корней, и наоборот, ветка дерева или деление корня могут появиться в ризоме. <...> в глубине дерева, в дупле корня или в пазухе ветки может сформироваться новая ризома.

Или, скорее, микроскопический элемент дерева-корня, корешок, который инициирует производства ризомы». Именно так в литературе как матрице первочтения переплетаются устная и письменная речь.

Риторическая теория числа завершает историю мышления Нового времени формализацией декартовского «когито», созданием новоаристотелевского формализма мышления, именуемого *«когитор»*. Важнейшее различие с аристотелевским формализмом — логикой — состоит в том, что когитор способен к самостоятельному от человеческого субъекта существованию. Таким образом, безусловно, что новый аристотелизм — это вызов человеческому развитию. РТЧ содержит в себе потенциал развития *сверхкогиторного Человека*. Речь идет о солиптической доктрине.

— ***Вы разрабатываете концепцию солиптизма. В чем ее отличие от традиционного философского солипсизма?***

— Солиптизм, прежде всего, не есть последовательный эгоизм по причине его удавшейся окончательной отрешенности от человеческого измерения. Предполагается, что солипсизм есть крайнее субъективно-идеалистическое представление, согласно которому весь мир объявляется иллюзией человеческого «Я». Будем в дальнейшем собрание заблуждений об эгоистической сущности солипсизма называть, как это и принято, «солипсизмом», отличая его от солиптизма, или солиптического метода. Солиптизм есть в некоторой степени «герменевтический солипсизм» в качестве действительного прорыва из мира человеческих представлений в мир нечеловеческих представлений, то есть представлений, непосредственно образующих человеческий мир в реальном времени; прорыв к истине самой по себе. Солиптический метод не имеет человеческой природы: он предшествует человеческой природе, но именно ей как ее закон. Солиптический метод есть метод высшей чистой рациональности, метод системы чистого разума, никак не связанный с теми или иными человеческими представлениями, включая представления человека о самом себе.

В солиптизме нет вопроса о признании или непризнании реальности сознания и бытия других людей и вещей, помимо сознания познающего субъекта. Солиптизм не есть теория человеческого. Он есть Единое само по себе. Точка зрения «быть может, я единственное существо в мире» не имеет места в солиптизме, равно как и разнообразие форм солиптизма. При этом солиптизм есть единственная теория, в которой такая точка зрения не присутствует. Во всех иных теориях она присутствует скрыто или явно: чем более скрыто, тем более явно, и чем более явно, тем более скрыто. Эдмунд Гуссерль утверждал, что солипсизм является базисом любой современной философии. Солиптизм

начинает мышление не из человеческого Я, но именно он единственно начинает мышление. Солиптизм есть теория мышления, производящая историю мышления. Солиптизм начинает мышление из языка и нечеловеческой природы, производящей человеческую природу речью в течении речи. Солиптизм не нуждается в гипотезе метафизики, а по определению есть.

Солиптизм — это действительное основание морали, так как он является методической основой всех способов достижения, произведения и осуществления истинности, считывание которой образует мораль. Учения о теоретическом эгоизме Жан-Жака Руссо, Людвига Фейербаха и других обескровлены систематической критикой чистого разума, за что чистый разум методически лишает их себя самого.

Солиптизм исключает у человека эгоистические свойства и дарит ему феномен мышления. Мыслящий человек не имеет вопроса о своем и чужом, о собственном и другом, поскольку предоставляет их самим себе как пред-рассудки, предваряющие образование человеческого рассудка, солиптического по своей природе. Солиптизм есть невидимая рука (видимое бытие) чистого разума, которую можно увидеть и даже стать ею, употребляя солиптический метод. Солиптический метод есть метод сверхчеловечески (нечеловечески) последовательного рационализма. Состояние мышления солиптический метод формирует как «Сцелость». «Сцелость» есть высшая и единичная форма «Счастья». В опыте счастья мы предощаем опыт сцелости. Счастье — дар сознания, Сцелость — дар мышления, знание само по себе.

Солиптический метод есть **закон единицы**, выражаемый в мысли как формула единицы, а в действительности выражаемый как человек. Если формула единицы есть сущность математического (научного), то действительная единица, бытие единицы есть человек. Таким образом, солиптизм говорит современной науке: вы пользуетесь единицей, строите исчисления, цифровой мир, а не знаете, что такое единица; создавая формулы, вы не подозреваете, что у самой единицы также должна быть формула, поскольку единица действительно существует во Вселенной и формой ее существования является человек.

Сущность присутствия человека — бытие единицы. Органы чувств человека есть непосредственное развитие единицы. Слух (вместе со всем, что может быть (было, есть и будет) услышано) есть развитие единицы во времени. Зрение (вместе со всем, что может быть (было, есть и будет) увидено) есть развитие единицы в пространстве. Обоняние, осязание и вкус (вместе со всем, что ими может быть (было, есть и будет) освоено) есть три измерения развития единицы в пространстве.

Сознание есть наблюдение за процессом развития единицы, переходное, промежуточное состояние, в котором человек застревает на

пути к мышлению. Сознание — это страх перед человеческой речью, нераскрытие ее истинного смысла как смысла человеческого бытия.

Представления человека есть числа. Когда человек говорит, он употребляет слова. Когда человек представляет, он формирует числа. Солиптизм раскрывает истину числа, сокрытую от человечества на всем протяжении его истории. Однако мы не только произносим слова, но и порождаем числа. Число есть непосредственная самость человека, его непосредственное действие.

Мы на «90% состоим» из числа. Число есть То в событии, что не есть слово, обычная человеческая речь и ее влияние. Само «везде» есть число.

Что мы знаем о числе? Прежде всего То, что оно раскрывается как единое в моменте делимости, в подходе к нему с делением. То есть непосредственное знание о числе — это простое неделимое число. ***Солиптизм как теория человеческого восприятия, преодолевающая психологию как теорию мозга, есть теория простого числа. Метод солиптизма есть закон простых чисел — закон верховенства Единицы над любым множеством простых чисел.***

Событиями человеко-организма являются числа, их возникновение, развитие и завершение. Современная ученость имеет дело не с числами, а с их тенями — цифрами. Так, генетика, имея дело с ДНК и геномом, работает с оцифровкой реальности, а не с самой реальностью, следствием чего является отсутствие теории иммунитета, возможной только как *теория числа человеческого*.

Число возрождает смысл Слова. Оно есть та часть слова, которую мы упускаем, отказываясь или не умея помыслить солиптизм. Вместе с этой частью слово есть то самое Слово, которое творит мир.

— Что Вы понимаете под нечисловым?

— Лента существования как генерирующая структура «опыта дефинирующего разума» в РТЧ топографирована как лента (лист) Мебиуса. Числовое в движении (во времени) так или иначе переходит в свое инобытие, в *слововое*. Числовое (целочисленное) — это, буквально говоря, основное содержание системы. Численность — это основная материя и энергия Вселенной, оказавшаяся «непознаваемой» для актуальной физики, которая относит к материи такого рода свыше 90% всего сущего. Нечисловое, в которое переходит числовое, — это То предметное, что в современной теории систем называют *эмерджентностью*. Так, языки в их конкретно-историческом измерении суть *нарративы эмерджентности*. Структурный рост (нарратив) эмерджентности есть риторическая природа числа, *единое многого*, самодвижение сущности числа по ленте Мебиуса, предшествующее его оцифровке.

— *Является ли риторическая теория числа разновидностью философии математики?*

— Как известно, ранняя математика была риторико-текстуальной, а не формульной. Понятно, что для того чтобы в языке неформульной математики умножить 3867 на 37865 понадобились бы километры пергамента, но тем не менее в этой математике была не утрачена более глубокая, нежели цифра, сущность числа как *бытия-к-истинному-определению-того-что-есть*, к дефиниции, создающей инфраструктуру субъект-объектных отношений. Философией математики, по существу, является ныне изгнанное, утраченное современными математиками и развивающееся вне собственно академико-математической учености знание о числе — теоретико-концептуальные построения о числе и различных аспектах его существования (измерение, формализация и т.п.). Исследование оснований математики самими математиками приводит, как правило, к еще большему усложнению математического аппарата. Если под философией математики понимать более глубокое понимание сущности числа, чем вейерштрассовское представление «число есть совокупность единиц», а также рефлексии изначальной дефинитивной природы математического знания, то риторическую теорию числа следует считать философией математики, но она отличается от существующих философий оснований современной математики тем, что не гипотезирует эти основания, а указывает на их «стратегическую интеллектуальную недостаточность», прежде всего в сфере так называемых «неразрешимых проблем» теории чисел. Риторическая теория числа не обслуживает существующий тренд математического развития, а, понимая его причинно-следственные механизмы, стремится изменить этот тренд в направлении целочисленной математики и сверхцифровой концепции числа. РТЧ также выдвигает проект математической риторики, основанной на исчислении простых чисел, который призван сменить математико-логический формализм.

— *Для чего Вы предлагаете провести деконструкцию естественнонаучного языка? Можно ли говорить о философии естественнонаучного языка как о новой разновидности — или лингвистической философии, или философии языка?*

— Если говорить точнее, то мною предложена программа рефлексии *естественнонаучного языка*. Пора уже, наконец, понять, что «атом», «электрон» и т.д. — это атавизмы и рудименты дочислового атомистического мышления. Это «всего лишь» термины.

Что же есть термин с точки зрения РТЧ?

Термин есть риторико-математический определитель времени.

Физика есть разновидность математики как опыта дефинирующего разума, состоящая в попытках **истинностной дефиниции времени как существующей субстанции**. Все бывшие, нынешние и будущие концепт-термины физики — это те или иные дефиниции, промежуточные итоги и конструкции дефинитивного процесса в отношении субстанции времени.

Программа рефлексии языка физики состоит в распознавании фрагментов (разделов) физического знания как «следов» соответствующих дефинитивных процессов в отношении субстанционального времени, в воссоздании единой картины физического знания как математики времени, истинностного определения времени.

«Именные», то есть носящие имя того или иного ученого, силы и эффекты физики — это «сколки» дефинитивных процессов вокруг субстанционального времени, устойчивые «точки зрения», научно-практически институционализированные и укорененные в конкретной страновой организации и траектории развития научно-технического прогресса (в природе нет «сил Ньютона», «закона Ома», «бозона Хиггса» и т.д.).

Поверхностная, вторичная, с точки зрения РТЧ, математизация физики успешна и является основным трендом развития математического знания не в силу «красоты формул и изящности решений», а потому, что сама природа физики являет собой системный эффект (эмерджентность) изначальной математики как дефинитивного (речево-мыслящего) процесса. Физика как единство субъекта и объекта — это нецифровая дефинитивная сущность числа. «Электрон», «протон», «частицы» — это концептуальные значения понятия числа, конвенциональные операторы в коммуникационном пространстве эксперимента.

Простейшая дефинитивная структура физики (физического определения, определения феномена физики) эксплицируется следующим образом:

- исследование физического феномена — это процесс дефиниции времени;
- число есть истинная объектность времени, его предметность, **изначальный диффиниендум** физического определения;
- бытие времени есть универсальное знаниевое содержание, субстанциональное раскрытие, **изначальный диффиниенс** физического определения;
- термин (физическое качество, явление, концепт, измерение, устройство) есть «имя», **производный, вторичный диффиниендум** физического определения;
- цифра есть результат, **вторичный диффиниенс** физического определения.

Первичен опыт дефинирующего разума, а не результат конкретной дефиниции. Абсолютизация цифры противоречит истине времени, необходимо рефлексивное различие числа и цифры как соответственно первичного объектного истока и вторичного всегда-промежуточного результата физико-дефинитивного процесса.

В случае успеха программы рефлексии естественнонаучного знания можно будет говорить о влиянии риторической теории числа на развитие лингвистической философии и философии языка в направлении формализации мысле-речевой деятельности как дефинитивного процесса, фиксируемого в исчислении простых чисел. Риторическая теория числа, сравнительно с лингвистической философией и философией языка, включает число как риторический объект в языковую материю и, более того, рассматривает численность как основу настоящей материи и речевой энергии, что выводит нас на просточисленный формализм языка как такового.

— *Каков физический статус числа? Как он соотносится с онтологическим статусом?*

— Бытие числа санкционирует и эксплицирует статус физики как науки. Можно сказать, что физика есть попытка окольным образом познать число.

С точки зрения классической философии бытия (онтология излишне логоцентрична) число — это *предметно существующая «вещь в себе»*. Опространствливание вещи в себе, создающее сознание (со-бытие «вещи в себе»), непосредственно выражено в пространстве-времени физики. В познании число приходит к самому себе в осуществлении дефинитивного процесса. Физический и онтологический статусы числа — это трансцендентальные химеры. Число само по себе есть наделяющее физическим статусом То, что предзаданно переходит из возможного в существующее, представляя присутствие «вещи в себе» в мире.

— *Корректно ли говорить о генезисе числа, вводя такое понятие, как «дочисловое»?*

— Дочисловым (в смысле «несовершенно-числового») можно назвать цифровое. Отождествление числового и цифрового является одним из самых больших искушений человечества. С одной стороны, перевод числа в цифру стал важнейшим феноменальным проявлением числа, но, с другой стороны, цифровая эпоха подменяет (подавляет) риторическую природу числа и в этом смысле может быть названа «дочисловым временем». У нас существуют риторические инструменты различия слов и вещей, но повседневность совершенно беспомощна в различии чисел и цифр. Вместе с тем дочисловым как проточисловым

можно назвать риторическое, на фоне которого «вырезывается» число как первокоммуникационный акт.

— **Как возможен солиптизм в условиях интерсубъективности?**

— Субъект-объектная схема возможна исключительно на основаниях солиптического мышления как основания «точки зрения» и самовыделения сколько-нибудь субстанционального Я.

Подлинная интерсубъективность — это, прежде всего, проблема когерентности движения *солиптических капсул рассудка*. Солиптические капсулы рассудка движутся по траектории дефинитивного процесса во временной целочисленной материи. Однако для понимания глубины и остроты проблемы согласованности такого движения — в отличие от поверхностной хабермасовской интерпретации интерсубъективности — хорошо подходит метафора, приведенная Норбергом Винером: «Очень интересный мысленный опыт — вообразить разумное существо, время которого течет в обратном направлении по отношению к нашему времени. Для такого существа никакая связь с нами не была бы возможна. Сигнал, который оно послало бы нам, дошел бы к нам в логическом потоке следствий — с его точки зрения, и причин — с нашей точки зрения. Эти причины уже содержались в нашем опыте и служили бы нам естественным объяснением его сигнала без предположения о том, что разумное число послало сигнал. Если бы оно нарисовало квадрат, остатки квадрата представились бы нам предвестниками последнего и квадрат представился бы нам любопытной кристаллизацией этих остатков, всегда вполне объяснимой. Его значение казалось бы нам столь же случайным, как те лица, которые представляются нам при созерцании гор и утесов. Рисование квадрата показалось бы нам катастрофической гибелью квадрата — внезапной, но объяснимой естественными законами. У этого существа были бы такие же представления о нас. Мы можем общаться только с мирами, имеющими такое же направление»²⁶.

Согласование и солидаризм солиптизмов возможны только через преодоление логического детерминизма, через риторико-математическую релевантность для каждого из них исчисления простых чисел, смысло-значаще выражающего солиптическую субстанцию истинно-конечностного времени. При этом, достигнув понимания между себе подобными субъектами, мы вступим только **на первую ступеньку вселенской интерсубъективности**.

— **Каким образом Вы различаете число и цифру? Можно ли экстраполировать семиотический метод на риторическую теорию числа (РТЧ)?**

²⁶ Винер Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине. — М., 1983.

— Прологоменом такого различия является математически-риторическая (дефинитивная) философия имени. **Число и цифра различаются как «вещь в себе» и имя «вещи в себе».** Цифрование можно понять как именование «вещей в себе».

Современный семиотический метод трансцендентален, потому что упускает действительность существования «вещи в себе», в силу чего отношение вещи и знака формализуется как отношение означаемого и означающего и характеризуется запаздыванием означающего («Мысль изреченная есть ложь»). *С РТЧ-точки зрения нет иного означаемого, нежели число, а также нет иного означающего, нежели цифра.* Рассмотрение слова как знака, а языка (речи) как знаковой системы спекулятивно: такое рассмотрение основано на неэксплицированном понимании численности, а численность не артикулирована как основная речевая (мысль-речевая) материя.

Для создания высказываний актуально отношение «мыслимое-осмысленное», представляющее бытие мышления в речи через создание мыслью смысла и его выражение в слове.

Число есть знак.

Цифра есть значение знака.

Слово есть мысль.

Смысл есть дефиниция мысли.

Дефиниция есть число слова.

Фундаментальное отношение числа и слова — это, прежде всего, непосредственное восприятие мыслью знака. В пространстве этого восприятия (в «опыте дефинирующего разума») могут быть дефинированы как значение знака (вычислена цифра), так и смысл мысли (дефинитивное суждение, высказывание, предложение). Непосредственное отношение мысли и знака насколько было схвачено как «бессознательное», настолько и не было осмыслено. Непосредственность этого отношения означает не что иное, как бытие числа в качестве «вещи в себе». Настоящая непосредственность существует как солиптический горизонт мыслимости, а регулируется и устанавливается вне рассудочного человеческого сознания. *Значение и смысл — это количество и качество в дефинитивном процессе.* Четверица «означаемое-означающее» («числовое-цифровое»), «мыслимое-осмысленное» («слововое-смысловое») выражает временящуюся субстанцию дефиниции.

Таким образом, риторическая теория числа вносит предметную определенность в семиотическое знание:

- знак распознается как число,
- значение сцепляется с числом как с «вещью в себе»,
- создаются условия для раскрытия нового формализма мышления в дефинитивном треугольнике «вещь-слово-число»,

«мысль-смысл-значение», «солиптическое Я-предложение(суждение, высказывание)-цифра(формула, операция)».

Риторическая теория числа буквализирует семиотический метод:

Нет иного знака, кроме числа, и цифра — его значение. Слово есть единственное То, что не является знаком. Оно непосредственно действительно, являясь основанием порождения числа. Число — это опосредование слова, или знак слова. Знаковая система — это действительный числовой ряд, или просточисленное дерево.

На основе такой модели знаковой системы возможно создание новой информационно-технологической концепции «семиотической сети». В настоящее время проект семиотической сети «Инфопоселение» разрабатывается при моем участии в новосибирском Академгородке. Предтечей теоретико-математической составляющей этого проекта можно считать деятельность группы математиков Бурбаки, которая совершила попытку показать единство оснований, взаимосвязь и выводимость разделов математики на основе модели развития города. Проект «Инфопоселение», посвященный формированию информационного электронно-институционального города, который является непосредственным продолжением и воспроизводством реального поселения в информационном пространстве, востребует реализацию в «сердцевине городского информационно-коммуникационного хозяйства» так называемой семиотической «**машины внимания**» (машины управления и развития знаковых систем, в основу работы которой положен мой принцип исчисления простых чисел — просточисленного дерева).

РТЧ-буквализация семиотического метода раскрывает универсальный язык природы (риторической природы числа) — исчисление простых чисел, обеспечивающий поворот в развитии вычислительной техники, создание нетьюринговой машины, конечностно-счетно связывающей числовое и слововое, — когитора.

— Какие методологические ограничения Вы накладываете на явный числоцентризм риторической теории числа?

— Георгий Щедровицкий определял методологию как промежуточное состояние от философии к чему-то иному. «Философия уже невозможна, — откровенно говорил он своим ближайшим сподвижникам, — пока не возникло новое, займемся методологией». Методологические ограничения — это «межеумочные конструкции», актуальные в условиях неподлинного знания.

Риторическая теория числа — это инобытие философии Нового времени. Ее числоцентризм есть солиптическая реакция на цифроцентризм как глобальную остановку (конец?) в развитии. Кроме того, содержательным центром числоцентризма является риторика,

восстанавливающая свою мощь в качестве основания числа. В РТЧ-числоцентризме число центрируется, континуализируется и формируется вокруг слова. Это «новый центр» мира, который институционализируется после распада логоцентрического мира.

Риторическая стратегия гуманитарно-правового и политософского числоцентризма, — это, пожалуй, единственная возможность сопротивления-преодоления-прямого действия в условиях тоталитарно-цифровой угрозы. РТЧ преодолевает цифровые ограничения, взыскав потенциал числа и утверждая-раскрывая число как «вещь в себе». В этом смысле феноменологический лозунг может быть дополнен так: **«Назад к вещам в себе!»**

— ***Что такое граммаграфия языка числа?***

— Новая *абстрактная* письменность, лишенная жанровости и в то же время не представляющая собой «серую слизь». В текст новой письменности, осевой структурой которой является дефинитивный процесс, заверстывается Все — числа, цифры, слова, вещи. Это литература припоминания числовой сущности вещи в себе. Ее чтение есть контакт с мировым дефинирующим разумом, пребывание в его опыте и работа во Вселенской библиотеке с ее просточисленным каталогом. Для такого чтения нужно устройство мышления, развертывающее то, что заверстано в эту литературу. Нынешнее мышление работает «голыми мыслями», оно еще не изобрело числа как «орудия труда», употребляемого мыслью.

— ***Что представляет собой дигитализация (цифрование) бытия с точки зрения риторической теории числа?***

— РТЧ-техника дигитализации бытия — исчисление простых чисел — позволяет создавать бытие из субстанционального времени, то есть «клепать вещи из чисел».

— ***Чем вам приходится жертвовать, элиминируя понятие бесконечности? Каковы интеллектуальные предрассудки идеологии трансфинитности?***

— Понятие бесконечного счета инфантильно. Элиминируя понятие бесконечности, мы развиваем сумашедшую скорость, втягиваясь в процесс вселенского ускорения. Жертва, которая при этом приносится, — это феномен эпохи; мы лишаемся остановок, задержек развития, жизненно необходимых для существования несолиптического эгоистического индивидуализма.

Об интеллектуальных предрассудках идеологии бесконечности хорошо пишут некоторые представители естественнонаучного знания

на интернет-форумах: «С точки зрения красоты, простоты и аналитичности великолепные возможности физикам предоставляют операции с множествами мощности “континуум”. Это, например, всем известная числовая прямая действительных чисел. Грех этими преимуществами не воспользоваться. Однако множества мощности “континуум” (бесконечные и “вширь”, и “вглубь”) оказываются сильно “придурковаты” при их детальном рассмотрении» (Кантор). Нефизичны, одним словом. Неслучайно бездумное использование континуального аппарата завело, в конце концов, современную физику в дремучие дебри парадоксов и алогизма. Хотя колени у физиков сильно дрожат от страха и руки на предельный переход не поднимаются, тем не менее они рано или поздно будут вынуждены отказаться от континуального аппарата и перейти к более адекватному аппарату на базе счетных множеств. Доказать существование бесконечности как явления невозможно. Скорее наоборот. Тот факт, что мы имеем дело с телами конечных размеров и конечного времени жизни свидетельствует против ее существования».

— *Что вы понимаете под «неоаристотелизмом»?*

— «Новый аристотелизм» — это термин, введенный Сергеем Авринцевым, когда ему было предложено сделать прогноз относительно того, как можно охарактеризовать философскую систему, необходимую современности. Такова метафора нового формализма мышления.

— *Можно ли назвать риторическую теорию числа «логическим нумеризмом»? Есть ли какое-то сходство между цифральным потоком Матрицы из одноименного фильма-трилогии и числовой материей? Есть ли смысл видеть в цифровойности современной понимание духовности (трансцендентности)? Почему Вы считаете человека математическим животным? (Ср.: Нилогов: «... риторическая теория числа (Шилов) настаивает на том, чтобы переинтерпретировать логический атомизм в логический нумеризм, когда вместо коровы, состоящей из нагромождения атомов, получить корову, оцифрованную посредством набора чисел в виде цифрового матричного потока...»)*

— В логике мы имеем дело с силлогистическим исчислением. Силлогистическое исчисление не справляется с ролью формализма мышления. РТЧ выдвигает новый тип исчисления — исчисление простых чисел. На формализационный потенциал феномена простого числа указывал Готфрид Лейбниц, поставивший задачу создания «исчисления мыслей». На полях «Монадологии» он оставил следующее замечание: «Когда Бог считает, он создает мир».

Дигитальный поток матрицы есть коммутация простых чисел; механизм именованя «вещей в себе». Просточисленная матрица действительно когерентна числовой материи, представляя собой когитор.

Не так страшна Матрица, как традиционная ситуация человеческого выбора и свободы воли: надматричная духовность — это возможность и жизненная необходимость различать жизнь в потоке «вещей в себе» (чисел риторической природы) и существование в потоке «имен вещей в себе» (цифр). Эта задача потребует как новой духовности, возможно, в виде мировой гуманитарно-технотронной религии, так и новой повседневности, солиптического здравого смысла. Обнадеживает то, что мы на протяжении всей истории рациональности решаем подобную задачу различения вещей и их имен.

Вселяет уверенность в непобедимости человеческой духовности в цифровую эпоху, а также то, что научно-практическим источником просточисленной матрицы стала философская мысль в виде РТЧ, оставив позади инженерно-технократическое мышление. Перефразируя слова персонажа из захаровского фильма «Формула любви», можно утверждать: «То, что инженер (архитектор) собрал, философ может всегда разобрать (отрефлексировать) и придумать более совершенный технический принцип».

Под «математической жизнью» я понимаю человеческую жизнь, способную выдержать сосуществование с «вещью в себе». Человека отличает от животного «опыт дефинирующего разума» относительно «вещи в себе».

— Является ли дигитализация (само)достаточным критерием онтологического существования?

— Онтология уходит вслед за логикой. Дигитализация, безусловно, способна порождать онтологические химеры, а потому может и должна быть подчинена стратегии онтографии, «письменности бытия», имеющей власть над численностью, — риторическую власть над природой числа. Возможность такого гуманитарного подчинения (победы человека над Матрицей) заложена в риторической природе числа, когда единица является самым большим числом (простым числом), частями которого являются все большие простые числа с любым количеством знаков. Сверхчеловеческое есть бытие единицы, которое посредством формулы Единицы подчиняет себе любую просточисленную матрицу.

— Существует ли, по Вашему мнению, опасность редукции онтологии (а в целом и философии) к математике (например, книга французского философа Алена Бадью «Бытие и событие»), а не к физике, поскольку математические модели по определению опере-

жают их физическое (физикалистское) воплощение (например, в физике виртуальных частиц)?

— «Бытие и событие» Алена Бадью организовано вокруг слогана: «Онтология — это математика». «Под математикой он подразумевает теорию множеств с эпизодическими экскурсами в теорию чисел и универсальную алгебру» (В. Ллойд)²⁷. Но необходимо значительно большее, а именно: онтология и математика должны быть трансформированы в ходе взаимо-определения. Как известно, теория множеств испытывает серьезный кризис (метафизическая теория множеств Кантора привела к противоречиям, ей пришла на смену конвенциональная теория множеств, отказавшаяся от критерия истинности). Теория чисел уже более двух тысяч лет травмирована проблемой несоизмеримости (началом которой стала невыразимость целым числом диагонали квадрата со стороной, равной единице): в ней оставлены без решения самые фундаментальные задачи, среди которых особо выделяется распределение простых чисел в натуральном ряду. По признанию самих математиков, универсальная алгебра как полная и непротиворечивая теория не построена и не может быть построена, согласно теореме Курта Геделя. Бадью, вероятно, не принимает во внимание провала программы формализации Гильберта и слишком надеется на математику в ее современном измерении, ссылаясь на какие-то загадочные «новые открытия» — цену таким «открытиям» показал нынешний мировой монетарно-финансовый кризис, произошедший, во многом благодаря обоснованию «бесконечной эффективности» спекулятивных финансовых инструментов (прежде всего, деривативов) «математическими моделями распределения рисков» от ряда нобелевских «кутюрье». Бадью продолжает давнюю традицию философии Нового времени плестись в хвосте естествознания и фетишизировать его достижения.

В онтологии до сих пор «висит» проблема перехода от времени к бытию. Отсутствует онтологическая концепция «истории всего», а онтология утягивается в ничто вслед за логикой. Поэтому в подобной редукции онтологии к математике реализуется возможность объединения наиболее неуспешного и противоречивого, что есть и в философии, и в математике.

В РТЧ учение о бытии и математика складываются в бого-пазл (новое научное богодоказательство), «исцеляя раны друг друга» и при этом обязательно трансформируясь в самом своем существовании, обязательности чего не понимает Бадью, который опирается на конвенциональную

²⁷ Ллойд В. О бытии, событии и философской моде // Русский журнал [Электронный ресурс]. — М., 2007. — Режим доступа: <http://www.russ.ru/Kniga-nedeli/O-bytii-sobytii-i-filosofskoj-mode>, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.

математику и конвенциональную онтологию, а следовательно, на «пустоту спекуляции» в смысле истинности. Такую правду невозможно замуровать научными «кирпичами» и математическим наукообразием.

В РТЧ математика получает определение числа, возвращая себе собственный конституирующий смысл «опыта дефинирующего разума»; число раскрывается как истина-основание дефиниции и в этом смысле как бытийный корень языка.

В РТЧ онтология во взаимоотноении с эксплицируемой дефинитивной сущностью математики исчезает в новой возможности бытие-осуществления — в математической риторике, которая позволяет запустить (после провала математико-логической программы формализации Гильберта) революционную программу создания нового формализма мышления.

«Диалектика виртуальных частиц» квантовой механики отпадает как «корка с глаз» при явлении нового формализма мышления, универсального онтоприродного исчисления простых чисел, посредством которого действительность воссоздает себя самое.

Соотношение и искусственное разделение математических и физических моделей — спекулятивный результат институционализации современной науки. На деле математика и физика — это, соответственно, непрерывность производных числа — первой (темпорально-субстанциональное бытие числа) и второй (темпорально-субстанциональное мгновение числа), риторическая природа которого (числа) существует как субстанциональное время. Изначально физика есть эмерджентность числа, то есть феноменальное проявление (воплощение) мгновения числа в виде «ускорения тел и частиц», а разделы физики представляют собой нарративы эмерджентности числа.

— **Какова Ваша философия времени?**

1. Время есть активная созидающая действительность субстанция, перводвигатель сущего, «вечный двигатель». Субстанциональность времени означает неистинность начал термодинамики.
2. Время есть середина Вселенной как протяженности.
3. Истинное (субстанциональное) время как действительно существующее, предметное и неотносительное движется из будущего в прошлое.
4. Механика времени — новая нерелятивистская физика.
5. Закон вселенского ускорения — фундаментальный закон механики времени. Ускорение как проявление (сила) времени является первопричиной скорости.
6. Время есть мировой шар (дерево+ризома). Материалистическая наука рассматривает лишь его оболочку (поверхность).

- Прошлое, настоящее и будущее суть три измерения истинного времени в абсолютной системе координат.
7. Всякое бытие есть бытие времени, или бытийствующее определенным образом время (в этом смысл конечности всякого бытия).
 8. Идея бесконечности скрывает истинную субстанциональную природу времени. РТЧ не нуждается в гипотезе бесконечности.
 9. Идея бесконечности преодолевается более глубоким пониманием сущности числа как непосредственного явления времени.
 10. Мировой шар есть единица, частями которой являются простые числа (числа, делимые только на себя или на единицу). Поверхность мирового шара образуется целыми числами (каждое целое число уникально, согласно основной теореме арифметики, как уникальный набор простых сомножителей). Число чисел конечно. Единица есть самое большое простое число, а все простые числа образуют конечное множество всех частей единицы.
 11. Математический аппарат механики времени – исчисление простых чисел. Исчисление простых чисел есть движение времени из будущего в прошлое, создающее Все – событийность прошлого, настоящего и будущего.
 12. Формула Всего: Единица есть множество простых чисел. Истинное множество истинных элементов есть единично-единственное множество простых чисел.
 13. Исчисление простых чисел есть язык физики.
 14. Более глубокое понимание числа состоит в том, что оно является словом, создающим действительность. Закон природы – это язык, создающий природу. Книга природы есть истолкование (расследование) сущего как исчисления простых чисел.
 15. Электрон есть простое число, истинный момент времени, истинно-элементарная часть единицы.
 16. Исчисление простых чисел – физическое явление, которое станет основанием для создания телепортационной промышленности, работающей с пространством-временем. Пространство есть пространство действительного (не формально-математического) числового ряда. Пространство всегда есть как опространствливание времени.
 17. Исчисление простых чисел есть естественный интеллект природы, который обнаруживает самого себя в природе в высшей точке развития естествознания – в формуле Единицы. Единица есть множество простых чисел.
 18. Естественное знание (естество-знание) есть солипсизм, субъектный исток так называемого объективного мира.

19. Квантовая механика есть недодуманное и недопроявленное исчисление простых чисел — предшественница механики времени.
20. Исчисление простых чисел — невероятностное, предзаданное, истинное дифференциально-интегральное исчисление — математический синтез.
21. Исчисление простых чисел как природно-математический аппарат (перводвигатель) времени есть научно-практическое богодоказательство. Вечность есть бытие времени, но вечность не есть бесконечность. Вечность есть единичность, или богоявление Единицы.

— **Видите ли Вы проблему номинации чисел даже при условии гипотезы о конечности числового ряда?**

— Проблема номинации чисел существует только в контексте такого инфантильного предрассудка, как бесконечность. Например, при ходьбе в нормальном состоянии организма мы не нуждаемся в «номинации» каждого движения «единиц телесности» для того, чтобы произвести шаг, другой, третий...

Настоящей проблемой является та, которую я называю «размножением» целых чисел, то есть такая фундаментальная проблема современной математики, как разложение сколь угодно большого целого числа на простые сомножители. В Интернете существуют сайты, которые предлагают за осуществление такой операции для конкретного целого числа десятки и даже сотни тысяч долларов. А ведь целых чисел «бесконечно» (неограниченно много). Дело в том, что на подобных операциях основаны основные алгоритмы шифрования, которые в свою очередь обеспечивают разделенность, собственность и непрозрачность цифрового мира, прежде всего капиталистического.

В эпоху цифрового капитализма наиболее высокоприбыльным бизнесом станет продажа такого товара, как **просточисленный факториал N -значного целого числа** (уникальный набор простых сомножителей, образующий именно это целое число). **Запись такого факториала станет денежным знаком электронно-денежной экономики.** Экономика просточисленной факторизации целого числа по своей капитализации превзойдет все иные экономики, поскольку именно она будет обеспечивать священство и устойчивость частной собственности в нарастающем информационно-цифровом потоке.

С проблемой просточисленной факторизации целого числа связана, по существу, обратная ей проблема распределения простых чисел в натуральном ряду. РТЧ выявляет математико-риторическую природу этого распределения, раскрывая последовательность простых чи-

сел как последовательность деления единицы на ноль, табуированного в современной математике концептом бесконечности.

— *Имеет ли место принцип «изначального опоздания» (запаздывание референта к означаемому, а означющего — к означаемому) для нумеризации (очисления)?*

— Принцип «изначального опоздания», инвариантный принципу «Мысль изреченная есть ложь» (Ф. Тютчев), фундаментален для существующей парадигмы научно-практического познания. Данный принцип необходимо рассмотреть в его предельном измерении, *когда означаемое есть природа, а означющее — физика*. Знак существенен как число. Безусловно, современная физика запаздывает по отношению к природе. Однако это запаздывание может быть радикально преодолено через конституирование-осмысление самой природы запаздывания в качестве первой физики, то есть изначального протофизического явления. Тогда запаздывание физики к природе станет открытием феномена ускорения как физического прафеномена природы.

В РТЧ разрабатывается *новая парадигма (новая научная картина мира)*, осевой структурой которой является закон вселенского ускорения как физикализация принципа исчисления простых чисел.

1. Всеобщая субстанция времени конечна. Бесконечность (непроясненность истинной конечности) есть проблема, возникающая в пространстве реализации отношений всеобщей субстанции (Единого) и форм (проявлений субстанции) (Многого).

2. Скорость и ускорение — это два аспекта физикализации субстанции времени. Современная физика, допускающая существование пространственных форм, отличных от субстанции времени и не являющихся ее проявлениями, также разделяет скорость и ускорение и допускает возможность отдельного рассмотрения бытия тел, движущихся со скоростью и движущихся с ускорением. Физика времени (механика времени) «преодолевает» закон всемирного тяготения, который утверждает существование притяжения всех тел во Вселенной друг к другу с силой, зависящей от масс этих тел и расстояния между ними. Механика времени выдвигает закон вселенского ускорения, согласно которому существует ускорение всех тел, движущихся во Вселенной с определенной скоростью, которое не зависит от масс этих тел и расстояния между ними. Иначе говоря, ускорение предшествует скорости в том смысле, что создает пространственную форму скорости тела (время создает пространство) единицей временной активности. Постоянство скорости света, которое для современной физики является загадочной константой мира, на деле является постоянством изменения скорости (ускорением) света, отражает независимое бытие ускорения всех тел,

движущихся во Вселенной, от масс этих тел, расстояния между ними и скорости их движения. Астрономически наблюдаемая в разбегании галактик с возрастающим ускорением независимость ускорения всех тел, движущихся во Вселенной, от масс этих тел, расстояния между ними и скорости их движения, доказывает существование первоускорителя — всеобщей субстанции времени.

3. Закон вселенского ускорения (закон первоускорения) показывает неэквивалентность инерционной и гравитационной масс как величин, создаваемых соответственно ускорением и скоростью, каковая неэквивалентность опровергает принцип относительности. В механике времени «схватывается» феномен ускорения света как постоянного изменения скорости света и порождения пространственной формы моментом субстанционального времени. Ускорение света есть единый источник — истинная субстанционально-темпоральная природа того, что современная физика называет гравитационными и электромагнитными явлениями.

4. *Всякое тело, движущееся со скоростью и ускорением, — это бытие числа как монады субстанционального времени. Самодвижение числа времени как структура дефинитивного процесса, а именно как диффиниendum физического определения числа, имеет скорость и ускорение. Ускорение является изначальным диффиниенсом физического определения числа, а скорость — производным диффиниенсом.* Феноменальным проявлением самодвижения числа, представляющим неформально-математическую природу числового ряда (формальное образование числового ряда — «добавление единицы»), является распределение простых чисел в натуральном целочисленном ряду. Эта действительная физико-математическая абстракция числа выражает существование ускорения всех тел, движущихся во Вселенной, независимого от масс этих тел, расстояния между ними и скорости их движения. В этом смысле закон распределения простых (неделимых целых) чисел в арифметике есть математическое выражение **закона вселенского ускорения. Распределение простых чисел представляет собой развитие первоускорения.** Пространственно-временные преобразования, которые в современной физике представлены преобразованиями Лоренца-Эйнштейна, демонстрирующими изменение длины и течения времени при скоростях, близких к скорости света, должны основываться на гораздо более глубоком понимании природы ускорения.

Вселенское ускорение (ускорение света), создающее скорости всех тел в каждый момент времени, предопределено колебательным ритмом, выраженном в распределении простых чисел в арифметическом ряду.

Ускорение света — это колебание, параметры которого выражены в исчислении простых чисел.

Ускорение света есть самоколебание числа, порождающее простые числа.

Эта колеблющаяся предопределенность есть сущность числа как (перво)единицы, являющейся истинным началом Вселенной.

Единица есть множество простых чисел как разворачивающаяся Вселенная, как пространство реализации первоускорения.

Устойчивая структура временно-пространственных преобразований как преобразований ускорения-скорости представлена в теореме Пифагора (максимы о связности трех квадратов целых чисел, реализуемой в пифагоровых тройках целочисленных решений уравнения Пифагора), частными случаями которой являются Великая теорема Ферма и задача о взаимном положении трех тел, которую невозможно решить в рамках «парадигмы тяготения». По существу устойчивая структура временно-пространственных преобразований как преобразований ускорения-скорости — это фундаментальная структура числового ряда, генезис которого состоит в самодвижении (самоколебании) единицы как субстанции, а ее акциденциями являются простые числа.

5. *Ускорение есть универсальное явление пространства-времени, создающее величину числа. Ускорение есть причина величины. Ускорение создает массу тела.* Это понимание позволяет перейти от математического анализа к математическому (математико-физическому) синтезу и преодолеть уязвимость природы «бесконечно малого», из исчисления которых («бесконечно малых») возник анализ (дифференциально-интегральное исчисление). Предельные отношения исчезающих величин требуют деления нуля («ничего») на ноль («ничего»), дифференциал функции определяется в анализе как ее бесконечно малое приращение, а вычисляется как некоторая часть этого приращения. Переход к синтезу означает, прежде всего, переход к «истинной теории дифференциального исчисления». Жозеф Лагранж, автор вышедшей в 1797 году книги «Теория аналитических функций», пришел к заключению, что такая теория еще не создана. **«Естественный дифференциал» есть простое число**, при этом истинный процесс дифференцирования представлен как процесс распределения простых чисел в натуральном ряду — простые числа суть акциденции истинной субстанции как субстанции числа. Формула «Единица есть множество простых чисел» есть формула **первоинтеграла** — формула природной (физико-математической) интеграции. Истинные приближения, приблизительно рассматриваемые в теории пределов Даламбера-Коши, — это расстояния между следующими друг за другом в натуральном ряду простыми числами. Каждое новое простое число есть осуществленный предел для предшествующего простого числа в натуральном ряду. Иначе говоря, исчисление простых чисел (синтетическое исчисление) сменяет исчис-

ление бесконечно малых (аналитическое исчисление), являясь по существу делением единицы на ноль, а его результат последовательность простых чисел (истинных пределов) в натуральном ряду. Истинная теория множеств выявляет всякое действительное (истинное) множество, как множество простых чисел, и опровергает реальность бытия всякого иного множества, отсеивая ложные множества. Уникальность всякого целого (не простого) числа как уникального произведения простых сомножителей (основная теорема арифметики) есть операция уникализации множеств. Математики подошли к осознанию формулы Единицы. Так, математиком Николаем Чеботаревым сформулировано доказательство того, что плотность множества всех простых чисел равна единице (плотность любого подмножества простых чисел не превосходит единицы).

Матрица механики времени — это матрица ускорений, в которых исчисляется субстанциональное время в его просточисленных проявлениях. С помощью матрицы механики времени наука и техника получают возможность использования законов того субстанционального времени, «на которое» физика всегда запаздывает по отношению к природе. Такова, по сути, стратегия намеченного Хайдеггером «поворота», которая в контексте отношений природы (означаемого) и безъязыкой формульно-знаковой физики (означающего) эксплицируется как **просвет вселенского ускорения в изначальном запаздывании означающего по отношению к означаемому**. Рождающийся в этом просвете **язык физики («дом бытия числа»)** становится осевой структурой такого поворота, втягивающего в свое поворачивание все «отраслевое знание» и все принципиально запаздывающие «-логии» (от методологии и социологии до культурологии и политологии).

— **Какова роль математической логики в риторической теории числа?**

— РТЧ выдвигает идею математической риторики, основанную на исчислении простых чисел. К этой идее подходил ряд основателей математической логики. Так, идея Лейбница состояла в том, чтобы всякому термину (силлогизма) приписывать определенное число («характер»), соблюдая условие, чтобы термину, составленному из других терминов, соответствовало число, образованное произведением чисел этих терминов. Далее, установив общее свойство таких «характеров» и используя лишь такие числа, которые соответствуют этому свойству, можно было бы устанавливать, корректны ли соответствующие выводы по форме. В работах апреля 1679 года Лейбниц испытывал в качестве «характеров» простые числа. Их он приписывал простым терминам, а произведения соответствующих простых чисел — сложным терминам,

составленным из простых. Объектом приложения «характеристики» являлись формы аристотелевской логики, традицию которой он стремился продолжить. Для проверки силлогизмов модель оказалась неэффективной, поэтому Лейбниц в дальнейшем к ней уже не возвращался. Математическая риторика рассматривает исчисление простых чисел само по себе, не для спасения аристотелевской логики и «одухотворения» силлогизмов: «Новое вино должно быть влито в новые меха».

— *Существует ли более сильная формальная система, чем логика?*

— Логицизм в сфере оснований математики как идея выводимости математики из логики потерпел крах, так как выявилось, что арифметика целых чисел более сильная формальная система, чем логика. В работе «О формально неразрешимых утверждениях (основаниях математики) и родственных систем» в 1931 году Гедель утверждал непосредственно вот что: «Если формальная теория, включающая **арифметику целых чисел**, непротиворечива, то она неполна»²⁸ (так называемые «теоремы о неполноте»). Следующее его утверждение: «Непротиворечивость любой достаточно мощной математической системы, охватывающей **математику целых чисел**, не может быть установлена средствами самой этой системы на основе математических принципов, принятых различными школами в основаниях математики: логицистами, формалистами и представителями теоретико-множественного направления»²⁹. В первую очередь это означало крах программы формализации Гильберта, так как непротиворечивость любой формальной системы может быть обоснована только средствами более сильными, чем те, которые формализованы в этой системе. Однако уже Гегель показал, а крах логоцентризма довершил показ того, что непротиворечивость не только не является критерием истинности системы, но, напротив, наличие противоречия есть «источник развития системы», то есть получения истинного результата — истинной формы (формулы). Но почему «гегелевский результат» — «диалектика» — не стал новой результативной программой формализации мышления, несмотря на относительные успехи марксовой формализации политэкономии, гуссерлевской феноменологической формализации сознания и, наконец, «диалектической логики естествознания»? Потому, что он стал только предпосылкой «отката» к догеделевскому «здоровому естественно-математическому смыслу», а именно — к пониманию Того, что АРИФМЕТИКА ЦЕЛЫХ ЧИСЕЛ НЕПОЛНА, ее фундаментальное противоречие не разрешимо формально (и, добавим, не эксплицирова-

²⁸ Цит. по: *Панов Ф.* Математика древняя и юная. — М., 2004. — С. 527.

²⁹ Там же.

но). С этого понимания начинается РТЧ, утверждающая, что проблема неполноты арифметики есть НЕРАЗРЕШИМАЯ (для математической учености) ПРОБЛЕМА ФОРМАЛИЗАЦИИ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ПРОСТЫХ ЧИСЕЛ В НАТУРАЛЬНОМ РЯДУ. Простое число есть разрешение фундаментального противоречия арифметики целых чисел — ПРОТИВОРЕЧИЯ МЕЖДУ ЧИСЛОМ И ЦИФРОЙ — через формализм простого числа. РТЧ открывает ФОРМУЛУ ФОРМУЛ — ФОРМУЛУ ЕДИНИЦЫ, которая гласит: «Единица есть множество простых чисел». Единица есть истинно-континуальная субстанция, монадами которой являются простые числа. То есть преодолевается и «канторовская странность» теоретико-множественного подхода, в отношении которой Анри Пуанкаре предрекал в 1908 году, что «грядущие поколения будут рассматривать теорию множеств как болезнь, от которой они излечились»³⁰. Единственным истинным множеством является множество простых чисел. Данное множество конструируется в ходе такой процедуры, как последовательное деление единицы на ноль, табуированное в математической учености. ДЕЛЕНИЕ ЕДИНИЦЫ НА НОЛЬ — таков изначальный физико-порождающий КОНСТРУКТИВИЗМ математики как опыта дефинирующего разума, снимающего проблему бесконечности в истинностно-конечной дефиниции. РТЧ решает фундаментальное противоречие арифметики целых чисел, ДОПОЛНЯЕТ арифметику целых чисел ИСЧИСЛЕНИЕМ ПРОСТЫХ ЧИСЕЛ на основании того, что раскрывает риторическую природу числа — «язык математики, которым написана книга природы» (Галлилей), протоестественный язык, предшествующий опредмечиванию рассудка в суждении, язык числа как изначальное доестественно-языковое опредмечивание-рождение рассудка в виде солиптической капсулы, в которой наличествует тождество субъекта и объекта — число. Исчисление простых чисел — это непосредственно-языковое выражение солиптического рассудка. Простое число есть основание суждения солиптического рассудка, выражаемое глагольной связкой «есть». Парадоксы математической учености преодолеваются через институционально-числовой механизм уникализации каждого целого числа в натуральном ряду: каждое целое число, согласно основной теореме арифметики, есть уникальный набор простых сомножителей. Целое число схватывает момент истинности суждения. Проблема парадокса лжеца заключалась в «невозможности» зафиксировать с предельно-абсолютной точностью момент того, когда перформативное суждение истинно (финитно, по Гильберту). Исчисление простых чисел, способное абсолютно уникализировать любой момент (любое целое число в полном ряду чисел),

³⁰ *Клайн М.* Математика. Утрата определенности / Пер. с англ. — М., 1984. — С. 236.

такую возможность предоставляет. В естественном языке репрезентантом исчисления простых чисел является дефинитивный процесс, процесс поиска истинного определения чего-либо. Именно единство дефинитивного процесса и исчисления простых чисел как истинное основание математики представлено божественной формулой Единицы: «Единица есть множество простых чисел».

— Для того чтобы согласиться с Вашими выводами об уникальности исчисления простых чисел, нужно ясно сказать, зачем это нужно? Например, в математике имеется ряд других трудных проблем. Если Вы выделяете теорию простых чисел, то с какой целью? Кстати, обнаружение простых чисел можно доверить компьютеру, что делается на практике вполне алгоритмизируемо.

— В арифметике целых чисел проблема распределения простых чисел в ряду натуральных чисел — центральная. Это понимание разделяют выдающиеся математики, занимающиеся теорией чисел. Огюстен Коши, основатель матанализа (теории пределов), предлагал создать доказательство Великой теоремы Ферма, опираясь именно на уникальность разложения целых чисел на простые сомножители. Для понимания фундаментальности проблемы распределения простых чисел в натуральном ряду необходимы знания о кризисе оснований математики, как его осмысливают сами математики. Теорема Геделя рассматривает арифметику целых чисел как беспроблемную — это сколь неявная, столь и неверная предпосылка данной теоремы. С раскрытием фундаментальной проблемы арифметики целых чисел исчезает основание теоремы Геделя, рассматривавшего настоящую арифметику как полную и непротиворечивую формальную систему, «образец» для научной теории. При необходимости можно представить целую лекцию о генерализующе-иерархической роли проблемы распределения простых чисел в натуральном ряду для арифметики целых чисел. Настоящая проблема не решена формально и не алгоритмизирована, то есть алгоритма получения последовательного, без пропусков, списка простых чисел НЕ СУЩЕСТВУЕТ. Речь идет только о наличии созданных методом перебора (так называемые «Решето Эратосфена», «Решето Сундарамы» и «Решето Аткина», полиномиальные алгоритмы) базах простых чисел — около 50 млн простых чисел. Существует устойчивый криптографический спрос на обнаружение простых чисел, премия за открытие одного числа составляет десятки тысяч долларов. Такое открытие осуществляется в системе распределенных вычислений (методом перебора каждого числа натурального ряда на предмет его простоты, то есть неделимости на все предшествующие натуральные числа), в которых задействованы тысячи компьютеров-участников этих вычислений. Так, за нахождение

простого числа из более чем 10^8 десятичных цифр организация криптографов EFF назначила награду в 150 000 долларов США.

Принципиально важно, что идея ИСЧИСЛЕНИЯ простых чисел впервые введена в РТЧ. Определена конструктивная операция порождения простого числа — последовательность деления единицы на ноль. Исчисление простых чисел раскрыто как дефинитивный процесс «языка числа». Раскрыта сущность простого числа как части единицы (монады субстанциальной единицы): единица есть множество простых чисел (РТЧ-формула единицы). Преодолен «метафизический» кантовский теоретико-множественный подход к определению оснований математики через введение истинного и универсального, единственно возможного и актуального множества элементов, раскрываемого как множество простых чисел.

Тезисы к исчислению простых чисел таковы.

1. Число есть тождество объекта и субъекта, истина определения как речевого бытия мышления.
2. Единица есть самое большое число, предельная величина числа.
3. Все целые числа — это части единицы, величины, меньшие предельной величины числа; каждое число есть величина (мера) тождественности субъекта и объекта, показатель различия субъекта и объекта относительно их абсолютного единства в самом большом числе — единице.
4. Простые числа — части-сущности единицы, математические сущности. Целые числа — части-существования единицы, математические существования.
5. Бытие единицы есть время. Бытие единицы есть такое деление единицы, чтобы не было неединичных (не ее — единицы) частей: деление единицы на ноль.
6. Простые числа есть результаты деления единицы на ноль.
7. Полнота числового ряда есть уникализация каждого целого числа как произведения простых сомножителей.
8. Непротиворечивость числового ряда есть строгое отличие каждого целого числа от другого.
9. Арифметика целых чисел (АЦЧ) есть система чистого разума, язык книги природы.
10. Истинное множество есть множество частей-сущностей единицы: истинное множество есть множество простых чисел.
11. «Языко-числовая» система АЦЧ есть коммутация (со-множительность) простых чисел, обеспечивающая всеобщую связь и взаимообусловленность явлений (целых чисел).
12. Мощностность множества — это объем пространства коммутации простых чисел как производящий объем уникальной цело-

численности. От того, сколько простых чисел во множестве, зависит сила целочисленного творения, каждый акт которого уникализирован. Скорость коммутации простых чисел – это свойство технических устройств.

13. Пространство есть полнота целочисленного ряда.
14. Время есть просточисленность единицы.
15. Время создает пространство. Нужно мыслить не измеримость пространства, но созданность пространства временем.
16. Каждое целое число есть измерение реального (созданного временем) пространства. Сколько целых чисел, столько измерений реального пространства. Измерения есть существования единицы. Единица есть самое большое пространство и самое большое время.
17. Человеческое (созданное для человека) пространство не трехмерно, а целочисленно. «Целые числа создал Бог, все остальное – дело рук человеческих» (Л. Кронекер).
18. «Гиперпростые числа», «первые числа» (сравнительно с комплексными, гиперкомплексными числами и кватернионами) – это пифагоровы тройки целочисленных решений теоремы Пифагора-Ферма (о связности трех целочисленных квадратов), воплощающие предзаданную событийность, предопределенность, жесткую структуру пространства.
19. Пространство полностью состоит (заполнено, без-зазорно, непрерывно с абсолютным исключением «зияний хаоса») из «гиперпростых (первых) чисел» и опредмечено в просточисленных индексах тензорного и матричного исчислений.

– *Что такое алфизика?*

– Это современная квантовая механика. Так же как на смену алхимии пришла промышленно-технологическая химия, на смену алфизике придет хроника (механика времени), основанная на исчислении простых чисел, на основе которой будет создана телепортационная промышленность («числонавтика» в терминологии Алексея Корнеева), и настанет время, когда «вещи будут клепать из чисел».

– *Является ли теория фракталов как новое понимание геометрии вызовом риторической теории числа в формализации числового ряда?*

– Теория фракталов как раз пытается показать, что истина существования находится вне формализации числового ряда и принципиально недостижима в этой формализации, в то время как РТЧ утверждает обратное, так что такого вызова здесь нет. Однако полагаю, что на

деле фрактал есть нестрогая, неточная и неполная научно-практическая метафора числа, полезная в части зарождения сомнений в том, что число есть «простая совокупность единиц», но в конечном итоге уводящая в область поверхностных химер, неистинных математических объектов. Реальность, которая описывается фрактальной геометрией, гораздо умнее, чем принцип фрактальности, — это реальность «вещи в себе». Сопоставим, например, фрактально-геометрическое моделирование «береговой линии» как «продукции» фрактально-упорядочивающегося хаоса и описание «береговой линии» как «разумной формы», данное Хайдеггером в статье «Вопрос о технике»: «То, что изначально складывает извилистые линии берега, нанизывая на себя их сложную совокупность, в береговую линию, есть собирающее начало, которое мы называем побережьем»³¹.

Основанием идеи фрактала является представление о хаосе, которое прочно укоренилось в современной физико-математической учености. Это представление, как считается, изгнало из аксиоматических оснований науки «демона Лапласа». В работе «Философский опыт относительно вероятностей» (1814) Пьер Лаплас утверждал: «Ум, который знал бы все действующие в данный момент силы природы, а также относительное положение всех составляющих ее частиц и который был бы достаточно обширен, чтобы все эти данные подвергнуть математическому анализу, смог бы охватить единой формулой движение как величайших тел Вселенной, так и ее легчайших атомов; для него не было бы ничего неопределенного, он одинаково ясно видел бы и будущее, и прошлое»³². Абсолютная точность, о которой пишет Лаплас, недостижима в атомистической физике и современной нецелочисленной математике. В этих условиях в современной учености прописывается представление о хаосе. Хотя «всего-то» надо было бы объяснить ряд феноменов, среди которых — феномен случайности (бифуркации), когда малое воздействие приводит к последствиям, несравнимо большим по величине, чем воздействие, явившееся спусковым крючком, и феномен аттрактора (хаотического нелинейного ветвления, своего рода «логики безумия»), который рассматривается математиками как асимптотический предел решений, не выводимых непосредственно из начальных условий системы. Эти феномены, приведшие к развитию естественнонаучного знания как последовательности «безумных идей» в духе Эйнштейна, связаны с недостаточностью осмысления физической сущности числа.

³¹ Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / Пер. с нем.; комм. В. В. Библина; серия «Мыслители XX в.». — М., 1993. — С. 221–238.

³² Цит. по: Стройк Д. Я. Краткий очерк истории математики / Пер. с англ. — М., 1978. — С. 182–183.

Необходимо раскрыть физический смысл, то есть действительность такой формальной системы, как целочисленный числовой ряд. Этот смысл Хайдеггер философско-поэтически выражает как «постав»: «Мы называем то изначально собирающее начало, из которого развертываются разнообразные способы, какими мы ведем себя, поведением. Назовем теперь тот захватывающий вызов, который сосредоточивает человека на поставлении всего, что выходит из потаенности, в качестве состоящего-в-наличии, — по-ставом... По-ставом мы называем собирающее начало той установки, которая ставит, то есть заставляет человека выводить действительное из его потаенности способом поставления его как состоящего-в-наличии. По ставом называется тот способ раскрытия потаенности, который правит существом современной техники, сам не являясь ничем техническим... Правда, конечно, что человек технической эпохи каким-то особенным, подчеркнутым образом втянут в раскрытие потаенности. Это раскрытие затрагивает прежде всего природу как главный резервуар состоящей в наличии энергии. Соответственно, поставляющая установка человека проявляет себя сначала в возникновении точного естествознания Нового времени. Естественнаучный способ представления исследует природу как поддающуюся расчету систему сил. Современная физика не потому экспериментальная наука, что применяет приборы для установления фактов о природе, а наоборот: поскольку физика, причем уже в качестве чистой теории, заставляет природу представлять себя как расчетно предсказуемую систему сил, постольку ставится эксперимент, а именно для установления того, дает ли и как дает о себе знать представленная таким способом природа. Но ведь математическое естествознание возникло почти за два века до современной техники. Как же оно могло уже тогда быть поставлено современной техникой на службу себе? Факты говорят как будто бы о противоположном. Современная техника развернулась все же только после того, как смогла опереться на точное естествознание. По историографическому счету это верно. По смыслу исторических событий отсюда далеко до истины. Физическая теория природы Нового времени приготовила путь прежде всего не технике, а существу современной техники. Ибо захватывающая сосредоточенность на поставляющем раскрытии потаенного царит уже в этой физике. Она только не выступает еще в ней на передний план в своем собственном облике. Физика Нового времени — это еще не познанный в своих истоках ранний вестник постава. Существо современной техники еще долго останется потаенным даже тогда, когда уже изобретут разнообразные двигатели, разовьют электротехнику и двинут в ход атомную технику. Все сущностное, а не только существо современной техники, вообще всего дольше остается потаенным. И все равно по размаху сво-

ей власти оно остается тем, что предшествует всему: самым ранним. Об этом уже знали греческие мыслители, когда говорили: то, что правит первыми началами вещей, нам, людям, открывается лишь позднее. Изначально раннее показывает себя человеку лишь в последнюю очередь. Поэтому в сфере мысли усилия еще глубже продумать ранние темы мысли — это не вздорное желание обновить прошлое, а трезвая готовность удивляться будущему характеру раннего... Существо современной техники ставит человека на путь такого раскрытия потаенности, благодаря которому действительность повсюду, более или менее явно, делается состоящей-в-наличии. Поставить на тот или иной путь значит то же, что послать в него... Существо техники покоится в поставе. Его власть отвечает судьбе исторического бытия. Последняя всегда посылает человека на тот или иной путь раскрытия потаенности, поэтому человек постоянно ходит по краю той возможности — а значит, приближается к тому, — что будет исследовать и разрабатывать только вещи, раскрытые по образу поставы, все измеряя его мерой»³³.

Хайдеггер — это, по существу, математик в изначальном смысле математики как «опыта дефинирующего разума». Его критика гуссерлевской феноменологии успешна не как «фундаментальная онтология», а прежде всего как «изначальная, дефинитивная математика». Гуссерль выступает в качестве ученика Вейерштрасса с его формальной концепцией «числа как множества единиц», и именно это неподлинное представление о числе ограничивает феноменологию как проект формализации сознания. Хайдеггер более фундаментально интуитивирует число, схватывая его с пифагорейско-поэтической «стороны». Он философско-поэтически, как Платон «новой античности», проникает в этом отрывке в действие формальной системы действительного числового ряда. А именно, представим себе, согласно основной теореме арифметике, что всякое, сколь угодно большое целое число уникально как произведение простых сомножителей (простых чисел). Физическое бытие единицы как множества простых чисел являет собой тогда неограниченную скорость коммутации простых чисел, в ходе которой образуются все возможные физические значения, измерения, математические существования, то есть полное целочисленное пространство, в котором каждое простое число связано, коммутирует с неограниченной скоростью с любым другим простым числом числового ряда в процессе целочисленно-пространственного созидания. Как бы чарующе ни выглядели такие геометрические фракталы, как ковер Серпиньского, снежинка Коха, кривые Госпера и Гильберта, подлин-

³³ Хайдеггер М. *Время и бытие: статьи и выступления* / Пер. с нем.; комм. В. В. Бибихина; серия «Мыслители XX в.» — М., 1993. — С. 221–238.

ное пространство состоит из гиперпростых чисел, пифагоровых троек целочисленных решений «треугольной теоремы» Пифагора-Ферма. Предзаданная гармония (то есть свершенная коммутация всех возможных комбинаторных коммутаций всех простых чисел) этого пространства дана нам в обратном ходе времени, когда время представляется для нас относительным, производным от кривизны пространства. Отсюда — фрактальность. Исчисление простых чисел возвращает нам истинное представление о пространстве как о непрерывном событии просточисленного бытия единицы.

Таким образом, РТЧ находит новое «геометрическое» представление базовой структуры пространства, отличное как от гегелевской «диалектической спирали», так и от фрактальной геометрии; это лента Мебиуса: на ленте Мебиуса любая точка может быть соединена с любой другой точкой. «Муравью дефинирующему», ползущему по этой односторонней поверхности, не придется переползать через край ленты, разрывов нет — непрерывность полная. В каждой точке этой односторонней поверхности можно провести два противоположных, перпендикулярных к ней вектора (нормали). Когда точка обойдет всю ленту, меняющаяся нормаль перейдет не в свое первоначальное положение, а в противоположное. Лента Мебиуса выражает топологию дефинитивного процесса, топологию риторической природы числа, разумность пространства предустановленной гармонии.

На основе движения и вращения ленты Мебиуса в различных осях мы сможем построить все истинные геометрические объекта реального сферически дискретно-непрерывного мира. Необходим переход от «построения с помощью циркуля и линейки» к «построению объектов с помощью заданного движения ленты Мебиуса». В частности, на этом пути будет решена проблема квадратуры круга, существующая в качестве проблемы формально-логической геометрии.

— *Рассматриваете ли Вы проблему номинации бесконечного числового ряда как антиязыковую проблему?*

— Действительно, обстояние дел с номинацией бесконечного числового ряда в современной математике имеет в своей основе анти-языковую интерпретацию сущности математики. Экспликация же риторической природы числа, схватывание (сковывание) бесконечности в дефинитивной односторонности ленты Мебиуса, употребление (выражение, формализация) бесконечности как импульсной структуры языка числа (просточисленной матрицы) разрешают проблему номинации «бесконечного» числового ряда следующим образом.

Все числа натурального ряда истинностно-конечностно дефинированы как части единицы. Проблема номинации «бесконечного» чис-

лового ряда как проблема «невозможности» номинации самого большого числа (самых больших чисел) закрывается через дефинитивное раскрытие единицы как самого большого числа, частями которого являются «остальные» натуральные числа.

Цифра целого числа есть количество частей единицы (например, 35464859507473839 частей единицы).

Просточисленное количество частей единицы есть единица простого числа (единичное определенное простое число).

Составное количество частей единицы есть единица целого составного (непростого) числа (единичное определенное целое составное число).

Деление единицы на ноль (переход математического количества в математическое качество) порождает последовательность просточисленных количеств частей единицы, то есть математических качественностей, уникализирующих составные количества частей единицы (целые составные числа).

Истинностно-конечностное, континуальное, пространственно-временное множество истинной, «неканторовской» теории множеств («риторической теории множества») — это множество просточисленных количеств частей единицы, то есть множество простых чисел.

Каждое целое число имеет уникальную дефинитивную структуру («То, что есть это целое число»), представленную произведением простых сомножителей.

Таким образом, мы трансформируем «неразрешимую» номинационную проблему бесконечности в проблему номинации физических сущностей в формальной системе арифметики целых чисел, в программу рефлексии физического знания как номинационной формы субстанционального времени (просточисленного бытия единицы).

«Классическое» физическое пространство отличается от «классического» числового тем, что, по замечанию Германа Вейля, «в то время как “континуум” действительных чисел состоит из самых настоящих индивидов, континуум точек времени и пространства однороден»³⁴. Но реальное физическое пространство, то есть пространство гилетическое, столь же неоднородно, как и пространство числовое, так как образующие его гилетические числа суть индивиды. «Мировые линии» этих индивидов в пространственно-временном континууме есть гилетические числа в их реальной жизни. Таким образом, реальное (квантовое) физическое пространство совпадает с реальным числовым пространством не только в смысле его динамизма, то есть неоднородности

³⁴ Вейль Г. Континуум. — Лейпциг, 1918.

(изменяемости) во времени, но и в смысле неоднородности различных «мест» в пространстве: каждый «участок» пространства обладает своим неповторимым колоритом, который древние римляне называли «духами места»³⁵.

Реализацией уникальности аристотелевского пространственного места является исчисление простых чисел: каждое целое число уникализировано, отлично от всех (!) других целых чисел уникальным, никогда (!) не повторяющимся набором простых сомножителей. **Коммутация простых чисел станет основой памяти так называемого квантового компьютера.** Платоновское «припоминание» будет осуществляться путем экспликации и коммутации аристотелевских естественных мест, каждое из которых «гилетическое число», так как операция перемножения составляющих его простых чисел есть его история и память.

Важно также, что удалось сформулировать элементарное (для «новой» начальной школы) толкование единицы как самого большого числа, когда все целые числа есть количества частей единицы. Это переход от тривиальности вейерштрассовского числа как «множества единиц» и от «дурной бесконечности добавления единицы» к идее фундаментального бытия Единицы, каковая идея представлена, прежде всего, у Николая Кузанского и Готфрида Лейбница.

«Жизнь числа есть совокупность операций с ним, вовсе не сводящихся лишь к тривиальным “четырем арифметическим действиям”. Видов операций столько же, сколько самих чисел, то есть их количество актуально трансфинитно. Наиболее важные операции суть: запоминание, выделение, преобразование, актуализация»³⁶.

Эти операции – составляющие жизненного цикла дефинитивного процесса (изначальной математики как точного определения чего-либо, субъект-объектного тождества). Формальная сторона этих операций (математическая риторика) представлена как операциональная аксиоматика исчисления простых чисел.

В исчислении простых чисел четыре операции:

- последовательное порождение простого числа в натуральном ряду (в результате последовательного деления единицы на ноль), ПАМЯТОВЫВАННИЕ, порождающее мир, (предпамять, создание элементной базы памяти);
- коммутация (произведение) простых чисел («всех со всеми»), результатом чего является образование уникализированных целых чисел, ЗАПОМИНАНИЕ (наполнение памяти);

³⁵ Кудрин В. Б. Гилетическая библиотека / Библиотечное дело. – 2008. – № 6 (72). – С. 32–35.

³⁶ Там же.

- факторизация целого числа, то есть «раз-множение» целого числа на уникальный набор простых сомножителей, ПРИПОМИНАНИЕ;
- образование пифагоровых троек, то есть целочисленных решений теоремы Пифагора-Ферма $a^2 + b^2 = c^2$, заполняющих геометрическое пространство целочисленного ряда «Аристотелевых естественных мест» (таково возрождение в новой форме механики естественного места и своего рода математическое опровержение «всемирного тяготения»), «предустановленная ПАМЯТЮ гармония» пространственно-событийной действительности.

Исчисление простых чисел противостоит ЗАБВЕНИЮ (энтропии) и БЕСПАМЯТСТВУ (бесконечности).

— Каким образом можно разрешить проблему продуктивности естественного языка, которая провоцирует идею бесконечности, экстраполируя ее на числовой ряд? Как известно, человеческий язык обладает свойством продуктивности. Имеется в виду использование рекурсивных, или символических правил: мы можем кодировать и декодировать бесконечное количество сообщений, построенных по определенным алгоритмам, которые вырабатываются в нашем мозгу в качестве своеобразного «виртуального учебника» первого родного языка. Если бы не некие врожденные механизмы, обеспечивающие возможность каждому человеку овладеть своим первым языком за такое короткое время, то потребовалось бы много десятков лет! Отсюда предположение, к которому склоняется большое число ученых, о том, что надо искать ген, определяющий способность к языку.

— Проблему продуктивности естественного языка необходимо рассматривать в контексте того понимания, что действительный числовой ряд (целочисленный ряд) является несокрутой («непознаваемой» в физикалистском смысле) материей-энергией языка, субстратом субъект-объектного тождества, продуцирующим энергию дефинитивной машины, в которой глагольная связь «есть» работает, как истинностно-конечностная «брита Оккама». Абсолютизация «дурного различия» естественного языка и действительного числового ряда (вплоть до абсолютного забвения их единого, ризомоподобного дерева-корня), являющаяся (абсолютизация) конституирующей для действующей в Новое время рациональности-учености, — патологична (в смысле патологичности «нормированного взрослого» по отношению к гераклитовскому «ребенку-истине», божественно-случайно-врожденно переставляющему фигуры на шахматной доске), неестественна и, собственно говоря, провоцирует невроз бесконечности.

Продуктивность языка — это его внутреннее предустановленно-субстанциональное свойство. Очевидно, что мы не можем кодировать и декодировать «бесконечное» количество сообщений. Мы всегда имеем дело с конечным счетным множеством сообщений, с которыми работаем. Кроме того, формализм (формула) сообщения также не определен в современной лингвистике (лингвистической и аналитической философии), что означает нерешенность бинарной оппозиции «языковое выражение — смысл» относительно феномена сообщения, то есть невозможность строгой фиксации (верификации и фальсификации) единичного сообщения как уникального. «Кодируя и декодируя», имеем ли мы дело с каким-то количеством отдельных уникализированных сообщений или «всего лишь» с одним или несколькими теоретико-множественными изоморфизмами (включая так называемые инфосимулякры) выразимости бытия мыслимости-фактичности в языке? РГЧ, утверждая материальное единство естественного языка и целочисленного числового ряда в речи как фундаментальное условие непрерывно осуществляемой возможности мышления, раскрывает несокрытый смысл «врожденности» («врожденные идеи») как просточисленное бытие единицы, априорное субъект-объектному тождеству. В том числовом ряду, который есть не сам по себе (как формально-математический «бесконечный» ряд), а есть «часть» речи, единица (в таком ряду) — это не «элементарный, не нуждающийся в определении» объект, а самое большое и «главное врожденное» число; все остальные числа (сколь бы они ни были велики, то есть на всем протяжении человеческой жизни), которым ребенок научается как предметностям отлагальной связки «есть», — это части единицы.

Современный алгебраист знает, что точного определения алгоритма не существует, так же как не существует единственного и истинного (то есть воспроизводящегося в «рукотворной» рекурсивной (по заданным правилам) модели) определения того, что есть система, иммунитет, мозг и т.д. Например, рекурсивный «алгоритм» построения бесконечного числового ряда невозможен. А именно — в зоне «бесконечно больших», принципиально не оцифровываемых (не поименованных) чисел находятся только те числа, о которых можно с необходимостью утверждать, что они простые (то есть делятся только на себя либо на единицу). Этой зоной «оканчивается», «оконцовывается» так называемый бесконечный числовой ряд. С другой стороны, метод построения числового ряда через «добавление единицы», на котором основано также доказательство Евклидом бесконечности числа простых чисел, приводит к необходимости утверждения о том, что в зоне бесконечно больших чисел находятся также целые составные (непростые) числа. Рекурсивно «строить» в этой зоне невозможно, но с точки зрения бес-

конечности Вселенной эта зона «бесконечно больших чисел» ограничивает зону нашего существования как «ничтожно малую». Наш рекурсивный метод в границах своей применимости есть математическая погрешность. Рекурсивный алгоритм — это мнимое, «маниловское» (по Гоголю) обращение с бесконечностью. Рекурсивный метод захлебывается в сложности своей реализации в реальном времени-пространстве, возрастающей (сложности) по причине его «метафизической слепоты». Алгоритм может быть, наконец, формализован на пути РТЧ. Алгоритм раскрывается как формула единицы, формализм «отношений единого и многого», описывающий работу субъект-объектного тождества, — как дефинитивная структура действительности.

Предположение, к которому склоняется большое число ученых, о том, что надо искать ген, определяющий способность к языку, с точки зрения РТЧ нелепо так же, как алхимические поиски первоэлемента забавны для современной химии. Необходимо осмыслить риторическую природу числа и на основе этого осмысления теоретически получить тождество субъекта и объекта как материально-числовой субстрат речи, делающий возможным мышление. «Ген» есть «всего лишь» терминологическая точка зрения отдельного знания, лишённого само-рефлексии. Как всякий термин в рамках программы языковой рефлексии естественнонаучного знания, он должен быть раскрыт в качестве акциденции субстанционального времени и «вписан» в исчисление простых чисел.

— *Что Вы можете сказать о современной русской философии? Какими именами она представлена?*

— Если под современной русской философией иметь в виду не сиюминутно репрезентированную, а ту, которая решает реальные задачи истории философии, то в первую очередь я бы выделил философские идеи Сергея Аверинцева, а именно его концепты «опыта дефинирующего разума», «нового аристотелизма» и «риторического бытия». Идеи риторического бытия представлены также в ранних работах Валерия Подороги.

Работа Алексея Лосева «Диалектические основы математики», для большинства исследователей его творчества представляющаяся периферийной, по словам современного исследователя Виктора Кудрина, «стала важнейшим событием в философии математики XX столетия, введя в научный обиход числа, обладающие смысловой качественностью. Хотя Лосев сформулировал свое учение о числе еще в 1930–1940-х годах, лишь в самом конце XX века оно стало доступно научной общественности. Уловив тенденции развития лосевского понимания числа, проявившиеся в работе «Диалектические основы математики»,

можно попытаться уловить и пути его дальнейших математических построений»³⁷. По мнению Кудрина, лосевское понимание числа открывает совершенно новые пути развития не только математики, но и информатики, при котором исчезнет пропасть, до сих пор разделяющая физический и математический миры, так как сама математика станет математикой реального мира.

В 1973 году выдающийся русский математический гений Игорь Шафаревич в своей лекции «О некоторых тенденциях развития математики», прочитанной в Геттингенской Академии наук по случаю официального вручения ему Хейнемановской премии, выразил надежду на возможный новый путь развития математики и связал судьбу цивилизации с этой новой ролью математического знания: «Обратившись опять к той эпохе, когда математика только возникла, мы увидим, что она знала свою цель... Математика сложилась... в духовном союзе пифагорейцев и была частью их религии. Она имела ясную цель — это был путь слияния с божеством через постижение гармонии мира, выраженной в гармонии чисел. Именно эта высокая цель дала тогда силы, необходимые для научного подвига, которому принципиально не может быть равного: не открытия прекрасной теоремы, не создания нового раздела математики, но создания самой математики.

Тогда, почти в самый момент ее рождения, уже обнаружили те свойства математики, благодаря которым в ней ясней, чем где-либо, проявляются общечеловеческие тенденции. Именно поэтому тогда математика послужила моделью, на основе которой были выработаны основные принципы дедуктивной науки...

Я хочу выразить надежду, что по той же причине она теперь может послужить моделью основной проблемы нашей эпохи: обрести высшую религиозную цель и смысл культурной деятельности человечества...

Конечно, сейчас очень трудно представить себе, как это может произойти. Но еще труднее вообразить, как математика сможет вечно развиваться, не зная ни что, ни зачем она изучает. Да уже в следующем поколении она погибнет, захлестнутая потоком публикаций. С другой стороны, в принципе такое решение возможно, это доказано историей»³⁸.

Современная русская мысль предназначена ко всемирно-историко-философскому ответу на вопрос «Что есть число?», которым завершается история мышления Нового времени и с ответа на который начинается тысячелетнее бытие гуманитарно-технотронной цивилизации.

Русский гений, раскрывшийся в образе Александра Пушкина как «наше все», парадоксально обретает свою истинностную завершен-

³⁷ Кудрин В. Б. Указ. соч.

³⁸ Цит. по: Панов В. Ф. Математика древняя и юная. — М., 2004. — С. 388.

ность в риторической теории числа как «Наше Число». Таким образом, изначальный пифагорейский тезис «Все есть Число» возрождается в Доме Русского языка как «Наше Все есть Наше Число».

Работы Михаила Бахтина в сфере поэтики и жанровости литературы внесли важный вклад в развитие идеи интегральной литературы (письменности), снимающей границы научного и художественно-литературного текста.

Выдающийся вклад в создание «заповеданного» Хайдеггером нового мирового учения о сущности Техники внесла технетика Бориса Кудрина, который создал математический аппарат так называемых H -распределений, основанный на распределении по повторяемости простых сомножителей в факториале натурального числа и строго описывающий техническое развитие цивилизации (развитие техноценозов).

Трудно переоценить научно-организационную роль В. С. Степина в институционализации философской рефлексии естествознания.

В работах выдающегося русского логика Александра Карпенко устанавливается прямая связь между логикой и простыми числами: «Хотя многозначные логики Лукасевича явились результатом опровержения фаталистического аргумента Аристотеля, их функциональные свойства имеют чисто теоретико-числовую природу. Изучение этого факта позволило дать определение понятия простого числа в логических терминах. Появилась реальная возможность выявить структуру последних. В итоге простые числа можно представить в виде корневых деревьев. Комбинирование различных логических определений простого числа приводит к построению алгоритма для порождения классов простых чисел»³⁹.

Философское учение о числе и времени Велимира Хлебникова развито современным исследователем Алексеем Корнеевым — автором проекта «числонавтика».

Философия антиязыка Алексея Нилогова — это важнейшее и жизненно необходимое признание непознанности основной материи и генерализующей энергии языкового бытия в философии языка и артикуляция этой материи, которая открывает путь феноменологии численности.

Наконец, огромное значение для выживания и утверждения современной русской мысли имеет философское подвижничество, вдохновляющее в меркантильно-прагматическое время на «стратегическую ставку на мысль», яркие образцы которого демонстрировали Владимир Бибахин, Владимир Библер, Мераб Мамардашвили и многие другие. Вдохновляет обоснование возможности мирово-значимого российского философского проекта, данное Олегом Матвейчевым в его книге «Суверенитет духа».

³⁹ Из аннотации к: *Карпенко А. С.* Логика Лукасевича и простые числа. — М., 2004.

Об аппарате математической риторики

(реальной математики качества)

Математическая риторика рассматривает число как суждение. Можно привести следующий пример.

«На каком лугу пасутся коровы?» — «На зеленом».

«Какого цвета коровы на лугу?» — «Коричневого».

«Сколько коров пасется на лугу» — «Две».

«Две» в данном случае является, прежде всего, суждением.

Математика рассматривает такое «первичное появление» числа в обиходе (во множестве случаев, аналогичных настоящему примеру) как результат счета. Однако число впервые появляется в языке, в языковой материи и в этом смысле находится в одном ряду с другими суждениями языка. Можно предположить, что суждениями первичного человеческого языка и были числа как наиболее непосредственные формы речевого освоения действительности человеком.

Путь формализации числа как суждения является путем математической риторики. Фундаментальное положение математической риторики состоит в том, что поскольку число есть суждение, то возможны и необходимы (первичны) такие операции с числом, которые были бы присущи суждению.

Математическую риторику можно назвать математикой одной переменной.

А именно: суждения математической риторики — это «двойки», «тройки», «семерки», «тридцатисемерки» и т.д.

Такая постановка вопроса предполагает, что математические операции применяются к суждениям математической риторики самим по себе. Это постановка предмета математики качества.

В математической риторике, таким образом, первично определены:

— умножение «двойки», «тройки» и т.д.: $\times 2$; $\times 3$; $\times 4$...

— деление «двойки», «тройки» и т.д.: $:2$; $:3$; $:4$; $:5$...

— вычитание «двойки» «тройки» и т.д.: -2 ; -3 ; -4 ; -5 ...

— сложение «двойки» «тройки» и т.д.: $+2$; $+3$; $+4$...

Эти операции суть:

— самоумножение числа;

— самоделение числа;

— самовычитание числа;

— самосложение числа.

Принцип формализации в математической риторике выражается формулой Единицы: «Единица есть множество простых чисел». Иначе говоря, само-операция числа осуществляется по оси простых чисел. Простое число есть число-операция, посредством которого число само-оперируется (значение (простое слово) есть слово-операция, посредством которой суждение само-определяется).

Само-операции — это последовательности типа:

Самоумножение числа

Например, самоумножение двойки $\times 2$ — это последовательность $p_n \times 2$, где p — простое число, то есть $p_n \{2, 3, 5, 7, 11, 13...\}$

- $\times 2 \{4, 6, 10, 14, 22, 26...\}$
- $\times 3 \{6, 9, 15, 21, 33, 39...\}$
- $\times 4 \{8, 12, 20, 28, 44, 52...\}$

Самоделение числа

Например, самоделение двойки 2 — это последовательность $p_n/2$

- $:2 \{1, 3/2, 5/2, 7/2, 11/2, 13/2 \dots\}$
- $:3 \{2/3, 1, 5/3, 7/3, 11/3, 13/3 \dots\}$
- $:4 \{1/2, 3/4, 5/4, 7/4, 11/4, 13/4 \dots\}$

Самовычитание числа

Например, самовычитание двойки -2 — это последовательность $p_n - 2$

- $-2 \{0, 1, 2, 5, 9, 11...\}$
- $-3 \{-1, 0, 2, 4, 8, 10...\}$
- $-4 \{-2, -1, 1, 3, 7, 9...\}$
- $-5 \{-3, -2, 2, 6, 8, 12...\}$
- $-6 \{-4, -3, -1, 1, 5, 7...\}$
- $-7 \{-5, -4, -2, 0, 4, 6...\}$
- $-8 \{-6, -5, -3, -1, 3, 5...\}$
- $-9 \{-7, -6, -4, -2, 2, 4...\}$
- $-10 \{-8, -7, -5, -3, 1, 3...\}$

Самосложение числа

Например, самосложение двойки $+2$ — это последовательность $p_n + 2$

- $+2 \{4, 5, 7, 9, 13, 15...\}$
- $+3 \{5, 6, 8, 10, 13, 16...\}$
- $+4 \{6, 7, 9, 11, 15, 17...\}$

Каждый шаг в последовательности самооперации осуществляется посредством порядкового простого числа в последовательности прос-

тых чисел в натуральном ряду. Номер шага в последовательности самооперации — это номер простого числа последовательности простых чисел в натуральном ряду. Назовем этот номер «ртч-номер» (ср., геделевский номер), так как он понадобится в дальнейшем при рассмотрении проблем формализации, континуум-гипотезы и т.д.

Числовой ряд представляет собой безусловную, абсолютную систему координат.

Число имеет в данной системе координат координаты относительно самоопераций, которые изменяются на каждом шаге в соответствии с «ртч-номерами».

Так, например, на первом шаге:

«двойка» (4; 1; 0; 4)

«тройка» (6; 2/3; -1; 5)

«четверка» (8; 1/2; -2; 6)

на втором шаге:

«двойка» (6; 3/2; 1; 5)

«тройка» (9; 1; 0; 6)

«четверка» (12; 3/4; -1; 7)

Таким образом, числа существуют в пространстве числового ряда подобно тому, как суждения существуют в пространстве восприятия текста (речевого текста). Положение числа в пространстве числового ряда фиксируется другими числами как результатами самооперирования числа. Таким образом, задается метрика безусловного, абсолютного пространства. Последовательности самоопераций являются «реальными прямыми линиями» абсолютного пространства. Координаты числа в метрике абсолютного пространства суть факты (физика числа). Число есть суждение. Суждение есть суждение о факте.

Фактическое существование (положение) числа в пространстве числового ряда характеризуется логическими операциями, присущими суждению. То есть логические операции, присущие суждению раскрываются как первичные аксиомы физики; поскольку суждение имеет своим предметом вещь (факт, событие, субъект, объект), то логические операции выражают физику как первично происходящее с предметом. На путях математической риторики решается 6-я проблема Гильберта о математическом изложении аксиом физики.

Идея самооперации числа позволяет решить фундаментальную задачу эквивалентности математических, логических и физических операций, которая лишь частично (как эквивалентность математических и логических операций) решалась на уровне бинарных отношений, что было выявлено Геделем и другими. Тожественность математических, логических и физических операций существует только на унарном уровне, на уровне числа-суждения-факта, а именно:

Импликация (\Rightarrow) тождественна самоумножению числа как самоимпликация.

Конъюнкция (\wedge) тождественна самосложению числа как самоконъюнкция.

Дизъюнкция ($\&$) тождественна самовычитанию числа как самодизъюнкция.

Эквиваленция (\Leftrightarrow) тождественна самоделению числа как самоэквиваленция.

Например, для числа-суждения-факта «двойка»

$\times 2$ (число) значит $\Rightarrow 2$ (суждение) = {4, 6, 10, 14, 22, 26...} (последовательность фактов, факт)

$+2$ значит $\wedge 2$ = {4, 5, 7, 9, 13, 15...}

-2 значит $\& 2$ = {0, 1, 2, 5, 9, 11...}

$: 2$ значит $\Leftrightarrow 2$ = {1, 3/2, 5/2, 7/2, 11/2, 13/2...}

Сущность самоимпликации числа-суждения-факта состоит в том, что число самоумножается: число есть причина самого себя, есть целое.

Сущность самоконъюнкции числа-суждения-факта состоит в том, что число самоскладывается: число есть множество.

Сущность самодизъюнкции числа-суждения-факта состоит в том, что число самовычитается: число есть часть множества.

Сущность самоэквиваленции числа-суждения-факта состоит в том, что число самоделится: число есть отношение части и целого, единицы и множества.

Триединая (физическая, математическая, логическая) самооперация, осуществляющаяся с единичным фактом-числом-суждением как унарное отношение, в математической риторике именуется «рефлексией». Рефлексия — это сущностная способность числа схватывать конечным образом всю бесконечность своих контекстов в пространстве действительного числового ряда. Рефлексия приводит множество к единству, раскрывает число как единство (единое) своего множества, распознает бесконечную последовательность как рефлектирующее число.

Самооперация числа, рефлексия числа — это пространство числа-суждения-факта. В этом пространстве мы имеем существование, которое описывается одновременно математическими самооперациями (самоумножение, самосложение, самовычитание, самоделение), логическими самооперациями (самоимпликация, самоконъюнкция, самодизъюнкция, самоэквиваленция) и физическими операциями (электромагнитное самовзаимодействие, гравитационное самовзаимодействие, сильное самовзаимодействие, слабое самовзаимодействие). Данное существование, описываемое таким образом, есть существование времени. Заметим, что в этом существовании имеет место абсо-

лютное тождество времени и пространства. «Внешний вид» самооперации числа, рефлексии числа есть простое число. То есть феномен простого числа есть феномен сходимости последовательностей (рядов) математических, логических, физических самоопераций (рефлексий).

Инвариантность свойства простоты числа к системам счисления — это основание РТЧ-рефлексии релятивистской физики.

Системы координат должны быть отрефлектированы как системы счисления.

Постулат о постоянстве скорости света должен быть отрефлектирован как аксиоматическое свойство простоты числа.

Таким образом, риторическая теория числа может быть понята как теория времени-пространства, устанавливающая всеобщую истинную (числовую) связь между событиями во времени-пространстве и определяющая истинную форму записи физических законов (не меняющуюся при переходе от одной инерциальной системы (системы счисления) отсчета к другой) как Формулу Единицы: «Единица есть множество простых чисел».

Математической основой перехода от унарных отношений (самоопераций) к бинарным и более операциям математической риторики (реальным операциям) является разложение целых чисел на простые сомножители. Теория целых чисел является реальной (физико-математико-логической), риторической теорией множеств. Аксиомы, базовые понятия и вопросы нынешней теории множеств переформулируются в реальной теории множеств (теории целых чисел) следующим образом:

Множество есть множество единиц.

Множество единиц есть целое число.

Множество есть целое число.

Множество есть результат умножения.

Элемент множества есть умножающее-умножаемый элемент множества, есть простое число.

Множество множеств простых чисел есть множество целых чисел

Множество всех простых чисел есть множество всех множеств.

Единица есть множество всех множеств.

Единица есть множество простых чисел.

Сколько целых чисел n содержится в данном целом числе m ?

Если каждое целое число является уникальным произведением простых чисел, то существует целое число, в «момент которого» выявляется новое простое число, не встречающееся в наборе простых чисел, из которого образовывались целые числа, содержащиеся в данном числе. Типы целых чисел различаются по типам наборов образующих их простых чисел. Можно, например, выделить так называемые простые

числа второго рода — целые числа, образованные бинарным произведением простых чисел и т.д. Существуют целые числа, образованные единичными степенями простых чисел и такие целые числа, в которых встречаются неединичные степени простых сомножителей. Целое число есть суждение, имеющее структуру. Базовыми элементами этой структуры являются простые числа в конечном наборе — конечное непустое множество простых чисел. Последовательность простых чисел в натуральном ряду подчинена закономерности образования данной (уникальной) структуры целого числа.

Необходим и возможен переход к новой парадигме рефлексивного вычислительного процесса, основанной на математической риторике, на создании естественного самовычисления методом уподобления вычислительного процесса риторическому процессу (процессу суждениеобразования). В данной парадигме простые числа — это идеи в процессе суждениеобразования.

Простые числа — это идеи, «эйдосы» чисел. «Мир» (множество) простых чисел — это мир идей, порождающий уникальное, фактическое, целостное бытие.

Эта парадигма заставляет нас также фундаментально пересмотреть теорию происхождения языка (речи). Согласно РТЧ-пониманию человеческое (человекоподобное) существо — до возникновения речи — находилось в потоке (возможно, было погружено в какой-то момент в этот сквозной поток) элементов речи и в процессе рефлексии начало ориентироваться в этом потоке, структурировав его и преодолев дурную бесконечность потока. Так и в настоящее время мы находимся в потоке элементов исчисления, и в определенный момент возникает рефлексия, которая структурирует этот поток, преодолевает дурную бесконечность исчисления — создает язык числа.

Краткий диалог по тексту

Оппонент РТЧ. Очень люблю примеры.

Только на них и проявляется суть.

Что значит: рассмотреть НЕЧТО в качестве СУЖДЕНИЯ? Если я неправ, — поправьте, но СУЖДЕНИЕ — это ЧЬЕ-то УТВЕРЖДЕНИЕ, МНЕНИЕ, УМОЗАКЛЮЧЕНИЕ о ЧЕМ-то, призванное устранить неопределенность, существующую в контексте вопроса.

Вне контекста вопроса всякое суждение перестает быть суждением, лишается смысла и превращается либо в пустое знакосочетание (в пустой звук), либо в общую (абстрактную) идею (понятие), требующую дополнительной интерпретации для того, чтобы можно было понимать, о чем речь.

В рассматриваемом «примере», по-моему, как раз и иллюстрируется момент исчезновения суждения:

- вот оно было, — когда звучали слова «на лугу пасутся ДВЕ коровы» (это имеет смысл суждения в контексте вопроса: сколько коров пасется на лугу?), —
- и вот его нет — когда отбросили контекст вопроса (сколько коров) и стали рассматривать чистую идею числа «ДВЕ».

Можно ли знакочетание ДВЕ рассматривать в качестве суждения? Как можно абстрактные константы-числа рассматривать в качестве суждений? Как можно говорить об истинности суждения «ДВЕ» вне контекста вопроса?

На мои вопросы можно возразить, мол, приведенное понимание СУЖДЕНИЯ испорчено парадигмой традиционной математики, противопоставляющей имена переменные (представленные выше существом вопросов) именам констант (представляющих собою варианты ответов на вопросы) и соединяющей переменные с конкретными значениями посредством операции присваивания, моделирующей вопрос-ответную структуру речи, мол, следует иначе понимать категорию СУЖДЕНИЕ, относя к ней не только вопрос-ответные выражения, но и нарицательные (абстрактные) имена типа «стул», ДВЕ, сорок, табуретка...

Если так, то дайте определение того, что по-Вашему, есть СУЖДЕНИЕ?

Сергей Шилов. Вопрос-ответная структура, безусловно, есть структура истинности суждения. Но все же данная структура представляет собой воплощение, реализацию суждения, а не суждение само по себе, не его генезис. Так, суждение «Бог есть» не является всего лишь ответом на вопрос «Есть ли Бог?», ибо для того чтобы задать такой вопрос прежде всего необходима идея (знание, представление) о «есть» Бога.

В самом общем смысле — для примера — всякой вопрос-ответной структуре предшествует знание глагольной связки «есть». Вся история религии (и философии Божественного) убедительно показывает ошибочность позиции о том, что «вне контекста вопроса всякое суждение перестает быть суждением, лишается смысла и превращается либо в пустое знакочетание (в пустой звук), либо в общую (абстрактную) идею (понятие), требующую дополнительной интерпретации для того, чтобы можно было понимать, о чем речь». Ровно наоборот. В данных образцах мышления мы имеем дело как раз с внеконтекстуальными суждениями, где внеконтекстуальность является безусловным условием истинности суждения («бог, свобода, бессме́трие» внеконтекстуальны, беспредпосылочны).

Более того, внеконтекстуальны не только «возвышенные суждения». Суждения «стул есть», «чаша есть» также существуют внеконтекстуальным образом, предшествующим всякому контекстообразованию относительно вещей «стул», «стол». Потому-то и имеет место такой удивительный факт, что истина состоит в правильной постановке вопроса (ответ во многом извлекается из вопроса), что вопрос-ответной структуре суждения предшествует его генезис, то есть прежде возникает бытие качества, бытие вещи, осмысливается употребление глагольной связки «есть» относительно вещи, качества. Вопрос-ответная структура суждения — это механизм его разработки в поисках зерен, кристаллов бытия.

Суждения «есть двойка (два, две...)», «есть тройка...» — это бытие некоторых качеств. Сущностью такого качества является качественное понимание количественных процессов, качественное понимание количества как некоторого вещества. Количество раскрывается как вещество вещи, как вещество. Именно это Платон назвал «чашностью чаши». Это фундаментальный момент. Примером истинного количества является вещество, вещественность вещи в себе — «стульность стула», «чтойность» вещи. Именно из вещественности вещи рождается «двойка», «тройка» и т.д. как суждение. Именно из «чтойности» коровы (пример с двумя коровами на лугу) становится возможной «двойка» как суждение о «бытии чтойностей» («чтойность» коров есть «двойка»).

Избавившись в атеистическом порыве от дискурсивной культуры работы с абсолютом, естествознание и утеряло опыт математики качества, опыт риторической теории числа.

Космология с точки зрения риторической теории числа

О распределении материи во Вселенной

1. Современная физическая картина мира исходит из того, что видимая нами материя составляет менее 5% от всей существующей материи, и, чтобы объяснить движение галактик, надо предположить существование примерно 25% невидимой материи (т.н. темной материи) и около 70% невидимой энергии (т.н. темной энергии). В многочисленных дискуссиях и экспериментах ученые пытаются понять суть этих новых явлений и то, как они влияют на физику частиц. Как говорил Бор, прежде чем понимать что-либо, нужно сначала понять, что такое «понимать». Понимание осуществляет человеческое существо, являющееся, в свою очередь, частью Вселенной. Данное понимание, следовательно, может осуществляться посредством того, что имеет и чем является человеческое существо. Иначе говоря, результатом такого понимания может стать некоторое выражение Вселенной в человеческом мышлении, в человеческом измерении. Как бы ни мыслил человек некую объективную материю, она всегда будет материей, образующей само человеческое существо и только ею одной. Загадка ускользания «невидимой материи» от человеческого наблюдения — это, прежде всего, загадка ускользания от человека его собственной природы, основного содержания собственной материи человеческого существа. Последняя же загадка всегда была ведущей темой осмысления в философии, в истории философии — темой осмысления бытия как человеческого бытия.

2. Человеческая попытка представления материи всегда является некоторым выражением материи в слове и числе. Материя, рассматриваемая человеком, — как всегда человеческая материя — есть слова и числа. Риторическая теория числа раскрывает число как простейшую, первичную языковую форму освоения человеком окружающей действительности, как протослово. Человек прежде всего начал выделять единичное. Исторически речь человека начиналась с числа как памятной фиксации единичного, а самое первое слово было числом, выделением и фиксацией единичного до того, как это единичное получило имя. Число было первым объектом и «переносчиком» коммуникации людей. Слова образовывались в употреблении как числа, утрачивающие счетную составля-

ющую и наращивающие собственно коммуникационную составляющую. Первой революцией в сознании людей стало воцарение Слова над Числом, что и было основным содержанием возникших мировых религий. В этом вознесении Слова совершилось также забвение материальной, человеко-материальной сущности числа. Материя стала пониматься как нечто самостоятельное по отношению к числу, связь материи с числом должна теперь была определяться и устанавливаться опосредованно.

3. Что же открыл человек, обнаружив распределение материи «само́й по себе» во Вселенной? Он открыл единственное то, что только и мог открыть: используя свое существование как аппарат познания, человек открыл самое себя, но теперь уже как проявление Вселенной, ее закона. А именно: открытое человеком распределение материи во Вселенной есть распределение слова (языка) и числа. Около 5% «наблюдаемой материи» образуют слова (язык), «остальная часть» образуется числами. При этом в числовой части материи примерно 25% невидимой материи (т.н. «темной материи») образуют простые числа и около 70% невидимой энергии (т.н. «темной энергии») — составные целые числа так называемого натурального числового ряда. Действительный, целочисленный числовой ряд образует около 95% материи Вселенной. Невидимость этой материи есть свойство утраченного видения числа. В данной интерпретации «черная дыра» распознается как квази-бесконечное «дедекиндово» пространство от 0 до 1, включающее «бесконечное множество дробных чисел».

4. Так называемая «наблюдаемость» материи есть свойство, возможное как слово в соответствии с РТЧ-тезисом: «Мы видим то, что мы знаем». Применимость слова для выражения материи является предпосылкой, необходимым основанием для наблюдаемости и впоследствии измеримости материи. Определяя объекты материального (наблюдаемого физикой) мира как слова мы осуществляем требование строгости научного познания, ибо точно именуем-понимаем средство наблюдения, посредством которого мы отображаем, схватываем, измеряем материальный мир. Слово есть единица, посредством которой мы воспринимаем, измеряем и представляем материальный мир. Такое понимание слова, конечно, требует изменения и грандиозного углубления филологического (лингвистического) понятия слова, которое с необходимостью должно быть произведено до употребимости слова как строгого метода (средства) естественнонаучной теории. Однако нужно заметить, что в мировых религиях строгая физическая сущность слова была совершенно ясно манифестирована. В самом безусловном и необходимом смысле слово может быть формализовано как Единица. То есть Единица числового ряда, фундаментальное число раскрывается как слово. Такова постановка вопроса о формуле Единицы. Итак, подлинными объектами

видимого физикой материального мира являются слова, Единицы. Все, с чем человек имеет дело в любом из возможных способов своего познания и представления, — это слова (первая наблюдаемая сущность объекта), единицы (внутренняя сущность материального объекта-слова).

5. Человек не обладает свойством полного рассмотрения себя как внешнего себе объекта. Мы можем видеть себя лишь частично. Каждый другой человек видит человека как внешний объект на порядки полнее, чем сам человек способен увидеть себя как внешний объект. Этот парадокс видения, который будет преодолен в новой целостности самовосприятия человека, лежит также в основе ненаблюдаемости «темных» материи и энергии. Каким образом мы можем не уметь замечать и фиксировать то, из чего подавляющим образом и состоит мир и мы сами? Каким образом мы можем не уметь замечать и фиксировать число? Точно таким же образом, каким человек не может полно наблюдать собственным зрением собственную телесность. Нам препятствует, прежде всего, то расщепление понятий числа и слова, которое воплотилось в первичном представлении о числовом ряде как последовательности счета, образуемой добавлением единицы, и связанным с ним представлением о числе как множестве, скоплении единиц. Сущность числообразования выражается формулой Единицы: Единица есть множество простых чисел. Простые числа есть первичные коммуникаторы, единичные коммуницирующие сущности, посредством которых существует физическая сущность Единицы.

6. Истинный процесс числообразования есть собственный процесс времени, отличающийся от процесса счета наличием самодвижения. Порядок следования (ход времени) есть следование-распределение простых чисел. Образующееся поле (множество) простых чисел — Время — есть поле умножения (произведения), когда простое число выступает как коммуникационная сущность, мгновенно вступающая в процессы перемножения с другими простыми числами — простыми множителями. Простое число есть активный, действующий множитель. Поле простых чисел формирует целочисленный числовой ряд, целые числа. Основной смысл арифметики (ее физический смысл) состоит в том, что каждое целое число есть уникальное произведение простых сомножителей. В этом смысле можно характеризовать классы целых чисел как простые числа n -рода. Так, например, простыми числами второго рода (по отношению к собственно простым числам) можно назвать целые числа, образованные бинарным произведением простых сомножителей, относительно которых ясно, что они не делятся больше ни на одно целое число. Целые числа как роды простых чисел могут определяться по отношению к числу возможности их деления на другие целые числа. Так образуется действительный числовой ряд как

временной (временящийся) ряд — он заполняет свою собственную возможность нелинейным, нерегулярным, релятивистским образом.

7. Умножение действительного числового ряда через множительную сущность первых простых чисел есть реальный и универсальный процесс развития Вселенной, отображаемый формулой Единицы: Единица есть множество простых чисел. Именно на такое физическое свойство действительного числового ряда наталкиваются физики, когда полагают, что в основе электрослабых взаимодействий лежит понятие спонтанного нарушения симметрии (закон, который для квантовых систем был открыт Н. Боголюбовым). Как известно, частная реализация этого закона в физике частиц привела к предсказанию существования Хиггсовского бозона (частицы, которая наделяет материю массой), изучению свойств которого сейчас посвящено огромное количество теоретических работ, а также проводятся соответствующие эксперименты по его обнаружению на существующих и планируемых ускорителях (ЛНС, ЦЕРН). Хиггсовский бозон есть не что иное, как материальное свойство простого числа, раскрывающееся в Формуле Единицы. Закономерность распределения простых чисел в натуральном числовом ряду — это закономерность организации «видимой» материи-энергии.

8. В настоящее время кризис экспериментальной физики элементарных частиц состоит именно в фундаментальной опоре на представление о числообразовании как о счете. Физики, работающие на ускорителях в целях фиксации и поиска частиц, по существу, имеют дело с тем же парадоксом видения, который образуется из ловушки счетного понимания числа. Считая так называемые регистрационные вспышки частиц и приравнивая их к факту существования частицы, физики находятся в плену формально-логического (счетного) представления о числовом ряде, не замечая (средствами приборной рецепции) истинных последовательной и истинных форм существования истинных частиц (чисел), образующих непрерывность Вселенной. Для продуктивной работы с материей физикам необходим не Ускоритель, но Вычислитель. В известной мере обобщенно можно утверждать, что принципиальной основой Вычислителя может стать тот поисковый принцип машинных вычислений, который сегодня используется для обнаружения нового простого числа.

9. Пространство возникает и единственно возможно как реальный объем времени, образуемый в процессе умножения-произведения действительного числового ряда (пространства). Безусловно, Вычислитель — это не что иное, как Машина времени, основанная на исчислении простых чисел. Понимание единства Вселенной — Единого бытия в одном существе временных «уровней» слова (наблюдаемой материи-энергии), простого числа (темной материи), числа (темной энергии) — основа конструирования Вычислителя. Вычислитель модели-

рует базовую структуру Вселенной — ленту Мебиуса, отображающую взаимопереход и взаимоотношения временных уровней. Лента Мебиуса — единая телесность Вселенной, взаимопереход слова (наблюдаемой материи-энергии) и числа (темной энергии) через точку перехода — простое число (темную материю). Лента Мебиуса — это геометрическое представление формирования истинного числового пространства (действительного числового ряда) на основе коммуникационно-произведенческой (умножительной) природы простых чисел.

10. Вселенная как Время движется по ленте Мебиуса. Именуем в соответствии с традицией мировой культуры единое бытие Вселенной «Богом». Тогда этот «Бог» осуществляет — создает, употребляет и изменяет — слова (видимую физике материю-энергию, подчиняющуюся формально-логическим законам и началам термодинамики), но, помимо этого, он, «Бог», еще и существует, имеет телесность, телесное бытие — число. Источником развития Вселенной, таким образом, являются те самые (словесно-видимо-физико-предметные) 5% материи. Однако этот источник находит самый непосредственный отклик в 95% темных материи-энергии как в собственной непосредственной телесности. 100% материи Вселенной — это единое существо, с точки зрения истинно-внешнего («научного») наблюдателя. Невидение физикой 95% материи означает также отсутствие в этой материи действия (выполнимости) приписываемых человеком Вселенной в целом законов (термодинамики, тяготения и др.). Лента Мебиуса перерабатывает число в слово, это механизм, который дополнительно к 5% (к настоящему времени Вселенной) материи преобразует постепенно 95% (к настоящему времени Вселенной) другой материи — преобразует невидимое в видимое. Финальной точкой этого преобразования является образование Единицы нового качества, нового множества простых чисел, нового (другого) времени. Как только физики обнаружат, что количество темной материи исчезающе подбирается к 0%, а количество наблюдаемой материи — к 100%, тогда и наступать будет Конец Этой Вселенной, Конец Этой Единицы и Начало Новой Единицы. Лента Мебиуса — это одновременное движение в противоположном направлении временных составляющих исчисления простых чисел: встречное движение начала простых чисел и завершения (конца) простых чисел, образующее единый процесс становления, умножения (произведения) действительного числового ряда (пространства) развития. В этом смысле наблюдаемое «расширение» Вселенной не есть, на деле, увеличение ее пространства (объема времени), «разбегание галактик» и т.д. — этот астрономо-оптический обманчивый эффект возникает из неучета нашей сраченности с Вселенной, то есть это физика фиксирует развитие (ход времени) как расширение, наблюдая единично Вселенную в реальном Времени. Для

получения истинной картины Вселенной нам необходимо изменить сам принцип наблюдения, а именно переосмыслить представление о числообразовании из формально-логического в физический процесс.

11. Моделью Вселенной предполагается считать модель человека разумного. Его единичность предполагает стабильное отношение слова к числу (телесности). Сознание человека как прежде всего речевое сознание, раскрывает видимую, наблюдаемую материю-энергию, раскрывает материальные объекты как слова. Телесность человека схватывается сознанием через понятие числа, посредством которого выражается сама телесность, зрительно не охватываемая сознанием. «Первое число» и родилось в попытке такого рода коммуникации сознания с собственной телесностью, попытке охвата сознанием телесности. Попытки данной попытки — числа объектов мира — впоследствии были распространены расширяющимся (в ходе времени данных опытов) сознанием на окружающий человека мир как на продолжение собственной телесности.

12. Истинное представление о «числовом ряде» (числообразовании) как о физико-коммуникационном самодвижущемся процессе произведения простых чисел есть отождествление арифметики и механики в механике времени. Если механика пространства, включающая теорию относительности, действительна для 5% материи Вселенной, то механика времени охватывает все 100% материи Вселенной в формуле Единицы.

13. Каково основное событие, которое происходит во Вселенной? Во Вселенной происходит Время. С точки зрения механики времени, это означает, что во Вселенную вселяется простое число, момент времени. Моментовременное простое число коммуницирует со всем временным рядом Вселенной, образуя уникальные целочисленные события. Именно единственность и уникальность произведений простых чисел образует материю слова (видимую материю-энергию). Стабильное отношение видимой и невидимой материи-энергии во Вселенной доказывает принцип конечности числа простых чисел в Единице. Вселение простого числа во Вселенную есть просточисленное бытие Единицы.

14. В Вычислителе (в отличие от формально-логических вычислительных машин) число само себя вычисляет. Энерго-математической основой вычислителя является уникальное разложение целых чисел на простые множители. Числово-физической основой Вычислителя является такая принципиальная основа физики элементарных частиц, в которой было бы возможным сопряжение частицы и числа (простого числа). Для создания данной физической основы прежде всего необходимо перейти от принципа счетной регистрации частиц к принципу индексации механико-временной событийности в простых числах. Тогда мы получим принципиально новые порядки возможностей работы со временем и энергией.

Конец Нового времени и начало Нового бытия

Новое время — это время рождения мышления и бытия мыслителей. Для продуктивности понимания сравним его со временем античности как временем рождения философии и бытия философов.

Фундаментализм Декарта для Нового времени — это основание мышления с опорой на истину греков, но это мышление не есть философия, это другое. Другость мышления по отношению к философии — при выходе вслед за греками к истине — и показывается как «ясность» и «очевидность» в декартовских «Рассуждениях о методе».

Рождение мышления и сознание мыслителя раскрывает тезис «Мыслю, следовательно, существую».

Определенно говоря, то, что мы именуем философией Декарта, не есть философия историко-философского ряда, — это первое мышление. Декарт «придумал» мышление подобно тому, как Пифагор «придумал» философию.

На всем протяжении Нового времени мышление будет все более различать себя с философией, а мыслитель будет напряженно искать свое иное по отношению к философу. Институционализация мышления в университете под видом философии портит все дело мышления, и мышление к концу Нового времени выйдет за его (университета) пределы.

Если для сложившейся философии тождество философемы и действительности было предметом внимания, целеполагания, заботы, то для мышления тождество мысли и существования является непосредственным, то есть как мысль, так и существование вторичны по отношению к непосредственности мышления.

Внимание, целеполагание и забота мышления имеют своим предметом бытие мышления. Если первую философию интересует субстанция космоса, то первое мышление заинтересовано в прояснении субстанции мышления.

Субстанция космоса раскрывает «внешний вид» («эйдос») космоса в слове как «природу», удовлетворяя потребность в «любви к мудрости».

Субстанция мышления есть непосредственное изменение природы — техника, опосредованная в механизмах.

Субстанционализм мыслителей Спинозы и Лейбница, как и субстанционализм досократиков, есть проблематизация Единого и Многого. Единое и Многое рассматриваются досократиками (первыми философами) как бытие субстанции космоса и субстанциональное устройство природы. Единое у Спинозы (природа-субстанция) и Многое (монадология) у Лейбница находятся в бытии субстанции мышления, то есть сама природа находится в мышлении.

Мыслитель Кант формализует природу как находящуюся в мышлении «вещь в себе». По сути, кантовская «Критика чистого разума» является, с одной стороны, критикой философии со стороны мышления, это «побивание» опыта философа опытом мыслителя. С другой стороны, миссия Канта — это, по существу, воспроизведение в истории мышления сократовской философской критики «рассудка», обыденного сознания.

Природа не есть внешнее мышлению, как полагает философия, природа находится в мышлении как его (мышления) краеугольный камень — «вещь в себе». Кантовское учение о «вещи в себе» является непосредственной предпосылкой гегелевского учения об Идее подобно тому, как диалог Сократа, проблематизирующий представления (словоупотребления) обыденного сознания вплоть до проблематизации самих вещей, употреблен в учении Платона для показывания «внешних видов», «эйдосов» вещей.

Слабой стороной мышления (относительно философии) является такая опора на успехи естествознания, которая лишает его независимости, делает в лучшем случае младшим партнером и «бытописателем» точных наук, в то время как философия почиталась «царицей наук», а первая философия вообще не знала никакого страха перед естествознанием, сама была одновременно и первым естествознанием.

Естествознание завораживает мышление техникой механизма и мыслительной силой формального исчисления подобно тому, как философия заворожена техникой речи (софистикой, риторикой) и философско-впечатляющей силой речи.

Поэтически раскрыв бытие природы в мышлении, Гете, по существу, воспроизвел в истории мышления историко-философскую миссию Парменида, создавшего в форме философской поэмы учение о бытии, раскрыв его как действительное существование для философа «внешнего вида» природы.

Тем, кем был Платон для истории философии, для истории мышления стал Гегель.

Трансцендентальный субъект Канта является схематической моделью мыслителя для Гегеля подобно тому, как Сократ является Субъектом учения Платона. В своих произведениях Гегель показывает, как

«должно мыслить», гипостазируя обыденное сознание как «имманентное» трансцендентального субъекта. Если для философов Сократа и Платона существует много вещей и их «внешних видов» («эйдосов»), то для Канта и Гегеля «вещь в себе» — одна, единственная и универсальная, и следовательно, идея («внешний вид» «вещи в себе») тоже одна, абсолютная. Сократ и Платон покоряют рассудок демонстрацией высшего блага: «Ты часто уже слышал: идея блага — вот это самое важное знание; через нее становятся пригодными и полезными справедливость и все остальное. Ты и сейчас почти наверное знал, что я именно так скажу и, вдобавок, что идею эту мы недостаточно знаем. А коль скоро не знаем, то без нее, даже если у нас будет наибольшее количество сведений обо всем остальном, уверяю тебя, ничто не послужит нам на пользу: это вроде того, как приобрести себе какую-нибудь вещь, не думая о благе, которое она принесет <...> Так вот, то, что придает познаваемым вещам истинность, а человека наделяет способностью познавать, это ты и считай идеей блага — причиной знания и познаваемости истины. Как ни прекрасно и то и другое — познание и истина, но, если идею блага ты будешь считать еще более прекрасным, ты будешь прав. Как правильно было считать зрение и свет солнцеобразными, но признать их Солнцем было бы неправильно, так и здесь: правильно считать познание и истину имеющими образ блага, но признать что-либо из них самим благом было бы неправильно: благо по его свойствам надо ценить еще больше»⁴⁰.

Кант и Гегель гипостазируют этот когда-то «покоренный идеей высшего блага рассудок» как носитель мышления. Кант даже определяет мудрость как, по существу, простое свойство рассудка — «свойство воли согласовываться с высшим благом как конечной целью всех вещей». Имманентное «эго» («рассудок») трансцендентального субъекта становится действительностью, по Гегелю.

Маркс, воспроизводя в истории мышления аристотелевскую рефлексивную функцию, полемизируя со своим учителем Гегелем, критикует механистичность и схематичность того образа мыслителя, который представлен трансцендентальным субъектом, раскрывает его подчиненность «вещи в себе» и предназначенность для ее обслуживания. Для мыслителя Маркса характерно вытеснение из истории мышления философской идеи высшего блага, как и для Аристотеля была неприемлема исходная позиция Платона, согласно которой «помимо многочисленных благ есть и некое другое, благо само по себе, служащее для всех этих благ причиной, благодаря которой они суть блага»⁴¹.

⁴⁰ Платон. Государство // Платон. Сочинения в 4-х тт. Т. 3. — М.: Мысль, 1994. — С. 286, 291.

⁴¹ Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Соч. Т. 4. — М., 1983. — С. 57.

Отрицая философское высшее благо как причину всех вещей и раскрывая «вещь в себе» как «маску» товара, а схематическое бытие трансцендентального субъекта как личину жизненного мира товарного фетишизма, мыслитель Маркс фальсифицирует имманентное «эго» трансцендентального субъекта. Мир мышления (личность), собранный Кантом и Гегелем в единственную вещь в себе (бытие) и соответствующую ей абсолютную идею (ничто), порождающую действительность в непрерывности этого соответствования, распадается у Маркса на многообразие и богатство «совокупности общественных отношений» (марксово определение личности). Маркс воспроизводит в истории мышления аристотелевскую философскую миссию перехода от единого бытия к множественному бытию как экономический детерминизм, экономическую причинность, которой «абсолютно» (гегелевское наследие) подчинен обогащенный практикой общественных отношений трансцендентальный субъект.

В марксизме мышление в значительной степени восстанавливает свой суверенитет по отношению к естествознанию, а в качестве знания, влияющего на социум, и существенно превосходит. Критика Гегеля Марксом в истории мышления сродни критике Платона Аристотелем в истории философии. Особенно явно эта сродственность видна в проблематике блага. Учение Платона о благе трактует его как сущность разума, от которой действительность зависима тотально, Аристотель же понимает благо через действительность человеческих нужд.

Историко-философский вопрос о благе в истории мышления трансформируется в вопрос о благоустройстве.

Благоустройство, по Гегелю, есть имманентный процесс разума, в ходе которого отчуждается, порождается действительность, оно есть техника разума (единая наука мышления, «наука логики»).

Благоустройство, по Марксу, есть изменение действительности через имманентный процесс действительности, революционизирующий (отчуждающий) ее, оно есть техника действительности (экономика и техника).

Техника разума и техника действительности суть «одно» отчуждение, по-разному трактуемое Гегелем и Марксом.

Осмысление истории мышления после Гегеля и Маркса в языке описания истории философии существенно сфальсифицировано разного рода «измами», так как описание истории развития субстанции мышления в контексте истории философии создает неверное представление об этой качественно отличной от философии субстанции как всего лишь о новом типе философии — «идеологии».

Модернизм, постмодернизм, структурализм и т.д. — плоды этой фальсификации реальной истории мышления.

Рассматривая историю мышления Нового времени по качественно-разграничивающей аналогии с историей философии античности (эллинизма), можно утверждать, что в современной истории мышления мы продолжаем иметь дело с двумя направлениями мышления — Гегелевым мышлением и Марксовым мышлением, воспроизводящими Платонову философию и Аристотелеву философию как явления заключительного этапа дохристианской, эллинистической истории философии.

Изыскания Ницше, Шопенгауэра, Кьеркегора, Шпенглера, феноменология Гуссерля и Хайдеггера, экзистенциализм — все это основано на Гегелевом мышлении в истории мышления, подобно Платоновой философии в истории дохристианской философии, давшей великие имена и учения Плотина, Ямвлиха, Прокла и других, вышедшие за границу Платоновой философии.

Марксово мышление (экономический детерминизм), как и Аристотелева философия античности (перепатетическая школа и др.), не блещет великими именами и учениями, вышедшими за пределы своих оснований, но господствует в сфере образования, в школах и академиях, в социальном комментарии и общественно-политической полемике.

Случаются и попытки синтеза Гегелевого и Марковского мышлений, как правило, социально-контрактного, интересубъективно-договорного, эклектичного и поверхностного толка, каковые можно усмотреть у Дерриды, Хабермаса, Фукуямы, прагматиков и т.д.

Особо необходимо остановиться на Гегелевом мышлении Хайдеггера как фундаментально-онтологической программе синтеза мышления и философии, то есть такого обращения к истории философии, в котором раскрываются общие черты эпохи античной философии и эпохи Нового времени (от Декарта до современности) как эпох Времени, по завершении которых начинаются сменяющие их эпохи Бытия.

Эпоху Первой (античной) философии как эпоху Времени сменяет эпоха Новой (христианской) философии, эпоха Бытия.

Эпоху Первого мышления как эпоху Нового времени сменит эпоха Нового мышления, эпоха Нового бытия.

Хайдеггер, являясь мыслителем Нового времени, осознающим циклический характер смены эпох Времени эпохами Бытия, ставит вопрос о Времени и Бытии. Переход от Бытия ко Времени глубоко понятен (несокрыт) Хайдеггеру как мыслителю Нового времени, которое возникло после (из) эпохи прежнего бытия, эпохи христианской философии. Вопрос же перехода от Времени к Бытию, возникающий на излете Нового времени, является у Хайдеггера открытым.

Эпоха Времени завершается в таком раскрытии сущности феномена времени, которое только возможно благодаря пережитому, на-

копленному и порожденному в эту эпоху знанию о своей собственной, историко-эпохальной сущности, то есть о Времени. Раскрытие феноменальной сущности Времени непредсказуемо и имеет взрывной характер. Это ясно видно в рождении христианства как источника новой христианской философии.

Августин раскрывает эту философски-новую по отношению к натурфилософской эпохе античности природу (натуру) именно как явление феноменальной сущности Времени. «Совершенно ясно теперь одно,— говорит Августин,— ни будущего, ни прошлого нет, и неправильно говорить о существовании трех времен: прошедшего, настоящего и будущего... есть три времени — настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящее будущего. Некие три времени эти существуют в нашей душе, и нигде в другом месте я их не вижу: настоящее прошедшего — это память; настоящее настоящего — это непосредственное созерцание; настоящее будущего — его ожидание»⁴².

Эпоха Времени аппроксимируется⁴³ в личности Трансцендетного субъекта, временное бытие которого раскрывает эпоху Бытия и обеспечивает ее длительность: «Все годы Бога одновременны и недвижны: они стоят; приходящие не вытесняют идущих, ибо они не проходят»⁴⁴. Время на время аппроксимации становится Субъектом, который является Трансцендентным субъектом и бытием самого Времени: «Недвижная пребывающая вечность, не знающая ни прошедшего, ни будущего, указывает времени быть прошедшим и будущим»⁴⁵. Создается окно трансформации эпохи Времени в эпоху Бытия. Мышление понимает вечность как нечто, присущее только эпохе Бытия и не свойственное эпохе Времени. Вечность замкнута во временных границах ограниченной по длительности эпохи Бытия.

Наследуя программе Хайдеггера по синтезу философии и мышления, риторическая теория числа направлена на творческий, продуктивный синтез историко-мыслительных систем от Декарта до наших дней как фундаментальных структур мышления Нового времени, сопоставляя их с учениями античной философии, рассматриваемыми в качестве структур философии эпохи Времени.

Философия эпохи Времени начинается с пифагоровского числа, которое «есть все», и завершается в неопределенности делящегося дуализма Платонового и Аристотелевого мышлений, которая (неопреде-

⁴² Августин А. Исповедь. — СПб.: Азбука, 1999.

⁴³ От лат. *approximo* — приближаюсь. Метод решения задач в математике путем запуска процесса кардинального самоупрощения логико-математической системы к ее истинной аксиоме.

⁴⁴ Августин А. Исповедь. — СПб.: Азбука, 1999.

⁴⁵ Там же.

ленность) разрешается кумулятивным взрывом новой (христианской) природы Новой философии, в которой Слово, которое «извечно произносится, и через него все извечно произнесено», завершает-побеждает эпоху Времени и открывает Эпоху Бытия: «То, что было произнесено, не исчезает, чтобы произнести все, не надо говорить одно вслед за другим: все извечно и одновременно»⁴⁶.

Время начинается с Числа (в Числе) и аппроксимируется в «ходячем» Слове (Трансцендентном субъекте), «снимающем» Число как исток неодолимой силы Времени, то есть в Слове, одолевающим Число, создавая именно таким (истинным) образом Бытие. Не такова ли тогда феноменальная сущность времени как риторическая теория числа, снятие числа в слове, раскрытие риторической природы числа?

В этом смысле не язык, но Слово есть «дом бытия» как несущее и открывающее эпоху Бытия. Время есть число, раскрывающее в длительности эпохи Времени (во время Времени) свою риторическую природу и завершающееся своим временным проявлением как Трансцендентного субъекта.

Время есть, таким образом, трансцендентная субъективность числа. Лейбниц записал на полях «Монадологии»: «Когда Бог считает, создается мир».

Временное явление трансцендентной субъективности создает временной горизонт («отмеренное время») становления трансцендентной объективности, то есть бытия.

Время есть бытие числа.

Бытие есть небытие числа, ничто числа.

Бытие сменяет Время через явление трансцендентной субъективности, ничтожащей число. Время сменяет бытие через разрушение трансцендентной субъективности и восстановление власти числа.

Такова модель смены эпох Времени и Бытия, именуемая риторической теорией числа, и эта модель может быть распространена на эпоху Нового времени как одну из мирово-исторического ряда эпох Времени.

К концу эпохи Нового времени уже не число пытается догнать «все» (зеноновские парадоксы в античную эпоху Времени), а «наше человеческое все» пытается убежать от числа, которое окружает его повсюду в виде цифр, метрик, вычислений и измерений. Слово, не подкрепленное цифрами, уже не воспринимается как предметное.

Вопрос о том, будет ли у человечества бытие (следующая после Нового времени эпоха), не завершит (не порешит) ли оно себя вместе с эпохой Нового времени, после которой никакой эпохи уже не будет, это вопрос о том, раскроется ли вновь (как в предшествующем цикле Вре-

⁴⁶ Там же.

мени-Бытия) риторическая природа числа, открывая место обитания («землю обетованную») для человеческого бытия.

В предметном виде это вопрос о способности мышления создать новый единый язык науки, артикулировать науку как универсальный язык числа, коренным образом изменив господствующее представление о числе, и тем самым перейти к новому мышлению.

Должно произойти научное Слово, единое и важное как для всех наук и дисциплин, так и для всего многообразия действительного (опытного) знания — от повседневного до поэтического.

Научное Слово, завершая Новое время, должно раскрыть новое понимание времени и такой его сущности, как число.

В эпоху Нового времени число — то есть «все» — живет своей отдельной жизнью в естественном знании (естествознании), а мышление, совершенно как в платоновском мифе о пещере (с которого начинается VII книга диалога «Государство»), наблюдает за этой жизнью, создавая так называемые «философские системы». Мыслители, своим историко-философским образованием скованные и запертые в «пещере» философии, видят только тени действительного существования. «Когда с кого-нибудь из них снимут оковы, заставят его вдруг встать, повернуть шею, пройтись, взглянуть вверх — в сторону света, ему будет мучительно выполнять все это, он не в силах будет смотреть при ярком сиянии на те вещи, тень от которых он видел раньше. И как ты думаешь, что он скажет, когда ему начнут говорить, что раньше он видел пустяки, а теперь, приблизившись к бытию и обратившись к более подлинному, он мог бы обрести правильный взгляд? Да еще если станут указывать на ту или иную мелькающую перед ним вещь и задавать вопрос, что это такое, и вдобавок заставят его отвечать! Не считаешь ли ты, что это крайне его затруднит, и он подумает, будто гораздо больше правды в том, что он видел раньше, чем в том, что ему показывают теперь?...

А если заставить его смотреть прямо на самый свет, разве не заболит у него глаза, и не вернется он бегом к тому, что он в силах видеть, считая, что это действительно достовернее тех вещей, которые ему показывают?...

Пока его зрение не притупится и глаза не привыкнут — а на это потребовалось бы немалое время, — разве не казался бы он смешон? О нем стали бы говорить, что из своего восхождения он вернулся с испорченным зрением, а значит, не стоит даже и пытаться идти ввысь. А кто принялся бы освобождать узников, чтобы повести их ввысь, того разве они не убили бы, попадись он им в руки?..»⁴⁷.

⁴⁷ Платон. Государство // Платон. Сочинения в 4-х тт. Т. 3. — М.: Мысль, 1994. — С. 296, 298.

Кант, описывая и ощущая «вещь в себе», практически не распознает, что это и есть число.

Мыслители-субстанционалисты не распознают действительность как действительный числовой ряд: Спиноза не распознает в субстанции числовой континуум, а Лейбниц не распознает в субстанциональной монаде известное из арифметики простое число — неделимое с точки зрения целочисленной математики.

Естествознание же, лишённое неразрывно связанной с ним истинной рефлексии, приходит к кризису, причиной которого является непонимание сущности становления точных наук как единого процесса формирования языка числа. Подобный кризис в сфере естественного языка мог бы возникнуть в случае, когда каждый человек имеет иреализует возможность именовать каждую вещь по своим собственным правилам и основаниям. То есть когда первичным будет не бытие вещи, а видение вещи тем или иным человеком.

Видения числа и способов его оцифровки (представления числа цифрой) лежат в основе множества множащихся научных дисциплин и направлений и все более специализируемого знания вплоть до того, когда то или иное направление может быть представлено всего одним специалистом со своим видением. Естествознание тонет в переусложнении и все возрастающей специализации при отсутствии (институциональном запрете, фактически) единого «методологического» основания.

Окончательный предмет всякого научного знания, хотя им и не распознаваемый, есть число, различные способы оцифровки которого гипостазируют «дисциплины».

Окончательная модель всякого научного знания с содержательной точки зрения есть цикл Бытия-Времени, в котором ничтожится и возрождается число.

Источник всякого научного знания — Трансцендентный субъект, обеспечивающий переход от Времени к Бытию.

Всякая истинная научная теория — это Новое Научное Слово, в котором выражается Трансцендентный субъект. Истинность научной теории — ничтожение числа Научным Словом.

Риторическая теория числа стягивает все процессы оцифровки в единый процесс «именования числа цифрой», процесс становления языка числа, единого языка единой науки. Науки, «дисциплины» должны пережить тот же период, который предшествовал возникновению естественного языка, период «нерегламентированного, неустойчивого именованья вещей».

По завершении эпохи Нового времени человечество опять (как и после Времени античности) получит определенный знаниевый им-

пульс о Времени — Новое Слово Науки. На этот раз Время раскроется как Трансцендентный субъект, говорящий на языке числа.

Язык числа будет дан как «иероглифическое письмо» с набором расширяющегося — по мере появления конкретных историко-мыслительных нужд — числа простых чисел («новых иероглифов»).

Сущность простого числа — определенность отношения времени и бытия как качественная определенность мышления.

Простое число — это имя конкретной «вещи в себе» мышления. Его (простого числа) цифровая форма — иероглифическая запись «вещи в себе».

Эпоха Нового бытия будет эпохой Трансцендентного субъекта, который создает мир в письме-исчислении простых чисел (арифметическая проблема определения каждого следующего простого числа в последовательности простых чисел (чисел, которые делятся только на себя или на единицу) является до сих пор основной неразрешенной проблемой теории чисел и, следовательно, наиболее «простой» и самой фундаментальной проблемой математики и физико-математического знания в целом. На сегодняшний момент методом последовательной проверки, задействующей значительные вычислительные мощности в течение долгого времени, выявлено около 50 млн простых чисел). Это будет эпоха покоя, абсолютной достоверности, нулевого уровня вероятности, которая (эпоха) очень много выиграет на контрасте с эпохой Времени, гипостазировавшей движение.

Эпоха Нового времени завершается созданием Формулы числа, Формулы Единицы: «Единица есть множество простых чисел». По существу, это формула (фундаментальный формализм) мышления, которая позволяет создать универсальный язык мышления. Простые числа есть имена «вещей в себе» (со-бытий) мышления.

Язык мышления, основанный на исчислении простых чисел, включает:

- возможность именованья новых «вещей в себе»,
- уникальное сочетание «иероглифов», обозначающих события мышления, в составе предложений целостной осмысленности;
- реализацию истинностных вопрос-ответных структур в формализме Единого и Многого, таких как экспликация уникальных элементов из уникальной целостности, формирование уникальных целостностей из уникальных комбинаций уникальных элементов (на основе фундаментального положения арифметики об уникальном представлении каждого целого числа в виде набора простых чисел в качестве сомножителей);
- универсализацию различных представлений информации.

Непосредственным продуктом мышления Нового времени станет искусственный разум, программной основой которого будет исчисление простых чисел.

Данное исчисление также станет основой новой техники, техники произведения действительности с заданными свойствами, основанной на «принципе работы» мышления.

Судьба Человечества и Человека непосредственно зависит от реализации трансцендентной субъективности в форме человеческой субъективности. Иначе место трансцендентной субъективности займет искусственный, нечеловеческий разум, и нескончаемая, не ограниченная Эпоха Нового Времени не остановится в длении своего Конца, пока не сожрет весь род человеческий, как Хронос пожирает своих детей. Постоянные заклинания непременно «нового», «инноваций» мостят именно эту дорогу, если не сказать, что являются верными признаками следования по ней со все возрастающей скоростью.

То, что такой инструмент, как исчисление простых чисел, появился не в головах естественников, а у мыслителей вселяет надежду и дает определенное историческое время.

Проблема трансцендентной субъективности должна быть поставлена как проблема преобразования человека и человечества путем нового перехода от Времени к Бытию — перехода от Нового времени к Новому бытию.

Часть III. Новоматематическое изложение аксиом физики

Наука Техника

Техника есть созданное человеком устройство сущего, совершающее событие (как правило, повторяющееся), имеющее полезный результат. Создается техника человеком на основе наук. Поэтому техника существует как множество прикладных выражений различных наук, по большей части естественных. О технике как о некотором единстве научно-технические специалисты предпочитают не рассуждать, усматривая самую суть своей профессии в конкретной технике (и обслуживающих ее одной или нескольких науках), которой они захвачены и занимаются. Техникой как некоторым единством впечатлены эмоциональные гуманитарии, для которых в научно-технической области «все едино» в своем противостоянии человеческому и образованию внешнего технотронного облика эпохи НТР. Существует малозначительная описательная дисциплина — история техники, при ней — музеи техники. Надо сказать, что в прошлом веке получила существенное развитие философия и даже в некотором смысле теория техники, где авторы, рассматривая технику как самостоятельную, предметную, эмпирически развернувшуюся для изучения область-феномен искусственных устройств сущего, пытаются выявить закономерности ее развития. Однако даже эти глубокие исследования трактуют технику как феномен, сопровождающий продвижение науки и по факту становящийся самоцелью развития науки в условиях НТР, — то есть как нечто, сопряженное с наукой, но внеположенное к ней.

Основной тезис настоящей статьи состоит в раскрытии сущности техники как новой науки, занимающей в силу этого раскрытия место среди других наук, таких как математика, физика и др. Усиленная же форма настоящего тезиса заключается в том, что, будучи построенной, наука техника станет меганаукой, единой наукой, завершающей эпоху разделения наук.

Прежде всего нужно отметить, что техника феноменально присутствует в большинстве наук в качестве их прикладного выражения в виде искусственных устройств — опытно-экспериментальных, производительных и др. При этом сама процедура, метод прикладного выражения науки существенно не проблематизируется — наука попросту совершает скачок от теоретической к прикладной, в которой содержится техническое знание, необходимое для осуществления феномена

конкретной техники. Между теоретической и прикладной наукой нет никакого научного институционализованного пространства, есть только акт выбора ученого в пользу работы в том или ином пространстве. Между тем прикладное, продуктивное выражение науки (научной теоретической идеи) и образует пространство науки техники. Конкретные техники конкретных наук — это в то же время в своей совокупности есть одна единая прикладная техника науки техники. Наука техника есть идея и метод продуктивного выражения предметных наук, возникающая в эпоху разделения наук и завершающая собой эту эпоху. Наука техника есть такое единство процессов продуктивного выражения разделенных (предметных) наук, которое является всеобщим основанием способности конкретных наук создавать свою технику.

Таким образом, мы подходим к выявлению предмета науки техники как всеобщего производительного основания конкретных наук. Наука техники есть наука о материальном числе. В этом определении показано место техники между математикой и физикой. Математика есть продуктивная идеализация числа, учение о теоретическом, абстрактном числе. Физика есть изучение материи, материального с нахождением формул, продуктивных идеализаций этого материального. Физика есть феноменальное изучение материального с удержанием, но без теоретического осмысления числовой природы материи. Математика работает с абстракцией (представлением) числа. Техника работает с материей числа. Физика исследует материю числа саму по себе, работает с абстракцией материи. Отсюда, кстати говоря, и эта глубоко болезненная ориентация физиков на бесплодные попытки создания всевозможных моделей материи (Вселенной, единой теории поля и т.д.) при непонимании ими того, что моделированию подвергается созданная их разумом абстракция.

Математики имеют дело с абстрактным числовым континуумом, противоречивость его определений — прямое следствие и признак абстрактности, сконструированности данного континуума. Физики имеют дело с гипотетическим материальным пространственно-временным континуумом, который в их понимании не совпадает с математическим континуумом. При этом еще Кант показал, что пространство-время физиков есть продуктивная идеализация, абстракция. Континуальным пространством науки техники является материальный континуум числа. Математика в этом смысле описывает форму континуума техники, физика же — содержание настоящего континуума. Континуум науки техники — фундаментально непротиворечивый континуум. Классическое понятие бесконечности в этом континууме не действует, оно квалифицируется как избыточность, абсолютизация формы или содержания континуума числа. В техническом континууме господствует конечность, Единица.

Таким образом, в борьбе двух фундаментальных континуальных представлений — математического и физического континуумов — является и побеждает третья сила — технический континуум.

Переход от техники эпохи НТР к науке технике имеет в своем существе редукцию всякого технического устройства к устройству измерительному. Всякое техническое устройство раскрывается как устройство, измеряющее время. Всякое техническое устройство (от утюга, термометра до турбины, генератора и ракеты), которое было, существует и возникнет, есть часы. Часы, измеряющие, выражающие материальное, предметное время в отличие от формальных физико-математических часов, данных нам в повседневности размерностью времени суток. Ибо измерение, выражение материального времени и есть способность искусственного устройства производить природный процесс. Материальное число есть выражение времени. Технический континуум (континуум науки техники) есть вся совокупность существования времени. Технические открытия есть познание уровней и свойств технического континуума, изобретение часов разного рода, выражающих единую сущность времени в различных технико-континуальных материальных проявлениях времени.

Формула Науки техники «Единица есть множество простых чисел» представляет строение технического континуума как единство генезиса, структуры и результата универсального технического устройства (часов). По своей структуре технический континуум есть континуум уникальных целостностей, целых чисел — истинных, материальных целостностей, явлений предметно существующего времени. Исток технического континуума — единица: все предметно существующее время есть единица, являющаяся в целых числах. По своему генезису технический континуум есть конечное, неевклидово множество простых чисел: мгновенно, затрачивая нулевое время, коммуницирующее (перемножающееся) по всем направлениям технического континуума множество коммуникаторов — простых чисел образует все многообразие целых чисел (каждое целое число есть уникальный набор простых сомножителей). Так выглядит числовая сущность техники — техника ли это искусственно созданных устройств, техника ли это природного устройства сущего (например, техника нервной системы человека). Таково, собственно говоря, техническое устройство времени как некоторого перводвигателя, результатом работы которого является разномножение числа. Разномножение числа есть важнейшее доказательство материальной природы числа, выражающееся в сущности простого числа производить уникальные целые числа. Разномножение числа есть процедура, операция науки техники, состоящая в создании целого неделимым. В математике разномножение числа ограничено фиксируется

как рекордная задача разложения целого числа на простые сомножители. Диалектика простого и целого чисел, раскрывающая субстанцию единицы, — это универсальная материалистическая диалектика всякого технического устройства — диалектика времени как истинный механизм материального предметного времени, как настоящие часы.

Результатом реформы академической науки (а именно, все возрастающего давления на Академию наук со стороны экономического, рыночного детерминизма, подобного давлению на графит, в результате которого возникает алмаз) станет возникновение на пороге XXI века новой науки — техники. Эта наука возникнет вместе с пониманием истинного существования именно технического континуума, работа с которым выведет человечество в принципиально новое качество технического развития. Возникнут технологии, о существовании которых человек помышлял только в фантастических романах. Возникнут после того, как сама природа, Вселенная будет раскрыта как континуум науки техники, материальный континуум времени-числа. Превращение техники в науку станет прорывом человечества в новое качество жизни, именуемое мышлением.

Наука техника выступит как социальная наука в качестве науки о техническом регулировании, о создании технических регламентов и стандартов, необходимых для безопасного и качественного развития государства, общества, экономики. Представление о техническом континууме станет высшей формой развития рыночно-континуальной идеи, основанием модели реального социума — континуума самовыражения «числа человеческого, мыслящего», числа («вещи времени»), материальностью которого является человеческое существо. Нивелируются нетехнические, человеко-волюнтаристские ограничения свободы человека — человек сам станет субъектом, творцом технического регулирования.

Можно попробовать сделать риторический набросок этого нового качества бытия человечества. Вот уже ряд тысячелетий самое важное для человека раскрывается в ряду понятий «живое», «жизнь», «живот» (в старорусском языке, напр.: не пощадим живота своего). Новый ряд понятий «мышление», «мысль», «мозг» оформит новое качество бытия человека. Высшая ценность «жизнь» уступит место новой высшей ценности «мысль». Время из формального (начало, середина, конец) станет материальным, предметным (вещью). Единой наукой всеобщего человеческого бытия станет техника, развитие и осуществление которой будет осуществлением самой природы, Вселенной — событием времени.

От программирования — к развитию

1. Информационные технологии из отдельной отрасли научно-технического прогресса проникли во все иные сферы НТП, стали, так сказать, технологиями сквозного действия, но при этом разработчики и реализаторы IT-технологий все более стали подвергать забвению изначальный для информационно-технологической деятельности кибернетический концептуальный задел, включающий идеи искусственного интеллекта, интеграции отдельных научных дисциплин в единое целое на основе информационного базиса и ряд других не менее фундаментальных идей. Можно выделить, таким образом, два подхода в сфере информатизации: доминирующий информационно-технологический подход, основным методом осуществления которого является программирование, а в качестве цели выступает организация, обеспечение и оптимизация вычислительных процессов в различных предметных областях, — и подзабытый, но гораздо более фундаментальный и амбициозный подход, нацеленный на коренной поворот в научно-техническом развитии, подход, который я предлагаю в отличие от информационно-технологического именовать информационно-техническим.

2. Центральный вопрос данных тезисов — это вопрос об информационной технике. Информационная техника при этом располагается в ряду с электротехникой, теплотехникой и может также именоваться инфотехникой. Информационную технику не следует также отождествлять с компьютерной техникой как материальным носителем информационных технологий. Информационная техника включает: (1) техническую теорию информации; (2) инфомеханику, информационную механику — учение (теорию) о принципах работы устройств и автоматов, осуществляющих информационный процесс (процесс создания, распространения, употребления, хранения информации), при этом среди устройств и автоматов рассматриваются также природные объекты. В технической теории информации рассматривается понятие информационной энергии. В информационной механике изучается применение информационной энергии к техническим целям.

3. Информационная энергия (информация) есть универсальное качественное выражение (представление) движения, покоя и взаимодействия всех видов материи. Всякая предметная область (качественность материи) есть, таким образом, определенное проявление информационной энергии.

4. В сфере информационных технологий осуществляется программирование. В области информационной техники произойдет существенное переформатирование программирования, на месте программирования возникнет развитие. Развитие есть работа, совершаемая информационной техникой на основе информационной энергии. Информационная энергия есть способность информационно-технической системы совершить при данных условиях определенное количество развития. Программирование использует вычислительный процесс для организации, представления информационного процесса. Развитие развивает (раскрывает) информационный процесс как вычислительный процесс. Необходимо разделить вычислительные процессы на искусственные (то есть сформированные по определенным правилам, инструкциям, на основе команд), которыми пользуется программирование, и естественные (процессы числового континуума), каковые запускает развитие.

5. Программирование подчинено различию предметных областей и воспроизводит это различие в многообразии языков программирования. На самом деле, языки программирования — это симулякры языка существующего, его призраки, поскольку сущностью языка как такового является не формальное представление той или иной предметной области, но осваивание, свертывание предметной области в единичное, первокачественное, именуемое «словом». Развитие есть фундаментальный формализм, универсальный для различных предметных областей. Философия Нового времени открыла этот формализм, Гегель представил его в качестве текста, а Хайдеггер обратил внимание на то, что настоящий формализм является сущностью техники. Гегелевская «Наука логики» открыла возможность «Техники логики».

6. Язык развития единственен и имя для него есть еще со времен Аль-Хорезми — «алгоритм». По отношению к языкам программирования язык развития может выступать как единое (единое основание, базис) по отношению ко многому. Язык программирования описывает предметную область, обеспечивает воздействие на нее — язык развития создает предметную область с заданными качествами, используя в качестве материала вычислительный процесс.

7. Идея программирования возникает при составлении плана решения арифметической задачи в виде последовательности действий. Решение арифметической задачи с точки зрения теории истинности может быть раскрыто как процесс вычисления числа, процесс представления числа, являющегося решением задачи, цифрой, ответом задачи. Тогда с точки зрения субъекта, решающего арифметическую задачу, число есть объект, на который направлена информационная энергия субъекта, результатом применения каковой является вычисление (по-

лучение) числа в виде цифры. Такова суть идеи развития как идеи рефлексивного машинного языка («искусственного интеллекта»). Для формализации машинной идеи развития необходимо рассмотреть ее в более широком контексте философии развития. Философия развития имеет своим источником теорию истинности, в которой ключевое место занимает проблема развития языка, редуцированная к представлению вещи-объекта именем вещи-объекта (словом). Процедура представления вещи словом — это «именование». В программировании имеется концепт «команда» (согласно вышеизложенной природе идеи программирования как внесубъектного решения арифметической задачи) — в развитии же вводится концепт «представление». В программировании «команда» соотносится с «данным» — в развитии «представление» соотносится с «числом». Результат в программировании — выполнение команды. Результат в развитии — «цифра». В этом смысле в развитии существует «представление» само по себе, когда «число» совпадает с «цифрой» (результат выполнения «команды» совпадает с «данным»). Представляемое и представленное совпадают в представлении. Развитие, таким образом, представляет собой формат субъектно-ориентированного программирования. «Представление» есть «команда», создающая «данное». Этот эффект «представления» я называю информационным эффектом (инфоэффектом). Как известно, план решения арифметической задачи (основа идеи программирования) составляется в виде серии вопросов. В идее развития ответы извлекаются из вопросов, данные из представлений.

8. Развитие опирается на универсальную модель числового континуума и является форматом целочисленного программирования. Числовой континуум есть бесконечная, однородная материя целочисленного количества, в которой присутствует структура качествообразования — цепочка первичных качественностей. Цепь качественностей (первокачественностей, единичностей) числового континуума есть цепь последовательного распределения простых чисел в натуральном ряду. Развитие есть, с одной стороны, предметное создание качеств, с другой стороны, цифровое представление чисел. «Представление» (единство «команды» и «данного») есть уникальное произведение простых чисел (простых сомножителей), результатом которого является уникальное целое число (согласно фундаментальному положению арифметики). «Формула» целого числа, представляющая уникальный набор простых сомножителей, — это универсальная структура «представления» (континуального представления целого числа в простых сомножителях). Базовые элементы «представления» по аналогии с операторами «команд» в программировании просматриваются следующие: квантор присвоения — индексация простого числа; квантор

цикла — степень простого числа; квантор условия — место простого числа в последовательности простых сомножителей. Математика развития (математика «представления») исчерпывает целочисленный континуум по основанию реальной арифметической процедуры «представления», в то время как математика программирования отражает формальные арифметические процедуры, лишённые информационной энергии, не способные представлять качество.

9. «Представление» есть универсальный код развития. Физико-кибернетической основой развития являются импульсы развития «0» и «1». В отличие от программирования в развитии «1» и «0» употребляются не в значении «да», «нет», но в более фундаментальном значении «есть», «нет»; «существует», «не существует». Среди бесконечного числа кодов развития (уникальных целых чисел) будут выделяться две группы объектов — существующие и несуществующие, причем класс существующих объектов будет расширяться за счет несуществующих, то есть будут воплощаться, получать статус существующих объекты с неосуществленными ранее кодами развития.

10. Нарождение нового класса информационных техников (информационных механиков) станет возможным, когда философская (метафизическая) модель развития станет интеллектуально доступной целевой задачей для философски ориентированных программистов. Как будут именовать этих информационных техников — «развивателями», «развиторами» или пригодится англоязычный термин «крейтор» — покажет время. Овладение развитием станет важнейшим навыком каждого мыслящего человека. При этом наличие единого эвристического языка развития (универсального представления развития) откроет широкий путь в информационную эпоху обществу в целом.

Русская метафизика и Хабермас

Юрген Хабермас «Лекция о жизненном мире»¹

Ю Хабермас. С другой стороны, философия, даже если она выступает как наука, не сводится к нормальной научной дисциплине.

Сергей Шилов. Где он увидел «нормальные научные дисциплины». Очевидно, речь идет о «научной картине мира» педантичного немецкого профессора, занудно тянущего безэмоциональную речь среди благовоспитанных сыновей бюргеров. В каждой науке сегодня вместо оснований — зияние. Нет теории иммунитета, нет завершенной и непротиворечивой теории чисел, нет фундаментальной теории происхождения норм права и т.д. Академическая наука — это насекомое, ползающее по краям этого зияния. Философия Хабермаса к такой вот науке как раз и сводится. Очевидно, у него достаточно липкие лапки, что удержаться на этом краю.

ЮХ. Жизненный мир не предстает перед нашими глазами как теория, а напротив, мы находим себя в нем дотеоретически.

СШ. Вот-вот, поскреби академиста, и в конце концов перед тобой окажется ненавистник мышления, будет болтать о молчании, невыразимом, неязыковом, дотеоретическом. Это просто пещерное существо в контексте мифа Платона о пещере. Феноменология Гуссерля вся построена на отождествлении сознания (научно-математического, прежде всего) и жизненного мира. Хабермасу «двочка» по истории немецкой философии XX века.

ЮХ. Он нас захватывает и носит в том смысле, что мы как конечные существа обращаемся с тем, с чем мы сталкиваемся в мире. Гуссерль говорит о «горизонте» жизненного мира и о его «приземленной» функции. Жизненным миром является соответственно не переходимый, но интуитивно сопровождающий (нас) горизонт опыта. Он — фон наших присутствующих переживаний, за который нельзя зайти; нашего персонального, вытекающего из истори-

¹ В главе цитируется: *Хабермас Ю.* Лекция о жизненном мире : видео и текст // Программа «Эксперт» // Russia.ru [Электронный ресурс]. — М., 2009. — Режим доступа: http://www.russia.ru/video/nauka_habermas/, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.

ческой ситуации, телесно воплощенного и коммуникативно-обобщественного повседневного существования. Мы осознаем себя перформативно, как переживающие субъекты, включенные в органические жизненные процессы, а также как субъекты обобщественные, то есть включенные в социальные отношения, а также как субъекты действующие, вмещающиеся в мир.

СШ. Жизненный мир — это опыт того, что только бытие есть, а небытия нет. Настоящая наука — важнейший инструмент такого опыта. А Хабермас нам повествует о «жизненном мире» человека манипулируемого, арендующего свой жизненный мир у институциональных структур: домохозяйка арендует у сериального зомбоящика, профессор арендует у кафедры. А будет нарушать правила аренды, то есть пытаться выскочить из маски, описанной Хабермасом как «переживающие субъекты, включенные в органические жизненные процессы, а также как субъекты обобщественные, то есть включенные в социальные отношения», то в полной мере испытает категорию «лишенности», станет «лишним человеком».

ЮХ. Для того чтобы пойти по пути от картин мира к жизненному миру — мне хотелось бы сначала пояснить три концепции — «жизненный мир», «объективный мир» и «повседневный мир».

(1). Данные основные понятия служат для следующего шага в анализе развития картин мира в смысле освобождения от «объективного мира», от проекций «жизненного мира».

(2). Трансцендентальную философию Канта мне хотелось бы в качестве третьей части представить как ответ на проблемы, вытекающие из естественнонаучно опредмеченной картины объективного мира.

(3). Но данный образ усложняется в результате подъема гуманитарных и социальных наук. Они вводят биполярное опредмечивание нашего образа объективного мира и принуждают философию прийти к де-трансцендентализации деятельной субъективности, выходящей за рамки Гуссерля и Хайдеггера.

(4). Понятие жизненного мира основывается на различии между перформативным сознанием и фальсифицированным знанием. Своеобразный модус сопровождающего знания, которое является интуитивно достоверным, но имплицитно фоновым, которое нас сопровождает в наших рутинных ежедневных делах, объясняется тем, что мы осознаем жизненный мир только при выполнении актов, нацеленных на нечто иное. Точно так же, как мы переживаем страх потерять равновесие на поверхности зыбкой щебенки, мы ощущаем, что краснеем по поводу постыдной ошибки, или когда вдруг ощущаем, что нельзя положиться на лояльность старого друга. Так бывает, когда мы разочаровываемся в некотором фоновом допущении, долго практикуемым нами — все это мы «знаем». В таких ситуациях нарушения исполнения жизненных функций рас-

крывает слои имплицитного знания — некоторое хабиитуализированное умение (*habitualisiertes Können*), некоторое привычное социальное отношение или жесткое убеждение. В принципе каждая из названных уверенностей может превратиться из ресурса общественной кооперации и взаимопонимания в особую тему, особенно в том случае, если возникают диссонансы. Поэтому феноменологически описанный жизненный мир можно понимать и как фон коммуникативных действий и соотносить с процессами взаимопонимания. Тогда в центре горизонта жизненного мира уже не находится, как у Гуссерля, жизнь сознания одного трансцендентального Эго, а коммуникативная связь как минимум между двумя участниками, *alter* и *ego*. Для обоих участников коммуникации жизненный мир раскрывается как сопровождающий горизонт, внутри которого актуальная встреча локализована в только перформативно присутствующих измерениях испытанного социального пространства и исторически пережитого времени. Данный подход из области теории коммуникации пригодится для выяснения основных понятий «жизненный мир», «объективный мир» и «повседневный мир».

СШ. Русская метафизика открывает солиптический мир как то методологическое основание, в котором изначально отождествлены (еще не растождествлены, не различены) теория (истинная наука) и жизнь сознания. Тот факт, что существует «три (профессорских. — СШ.) концепции — “жизненный мир”, “объективный мир” и “повседневный мир”», имеет отношение к истории Кафедры, но не к истории философии (истории мысли). Данная триада различения «означает» лишь в контекстах волюнтаристского дискурса, изгоняющего истину ради сохранения социально устойчивого академизма. Изгоняя науку («научные картины мира»), Хабермас пытается обеспечить автаркию профессорского аутизма, которую ничто не должно потревожить. Шафаревич совершенно прав в том, что социализм (социальное) есть смерть. Этическая коммуникация Хабермаса — это вот какое общение: это сидение бургеров под классическую музыку в зале перед гробом в социальной похоронной конторе. Социальный жизненный мир в своей завершающей, венчающей стадии — это мир украшенного покойника, маска лица которого социально умиротворена. Такая смерть бургера — это и есть венец «пережитого», истина «жизненного мира», апофеоз «органической включенности индивида в социальные отношения». Русская метафизика мыслит «картины мира» как порождения истинного теоретического жизненного мира сознания. Русский метафизический солиптизм творит «внешний вид», действительность, ту картину мира, которую он наблюдает, сам себе транслирует, сознавая при этом, что за данной словистой смысло-значимой, гуманитарно-технотронной декорацией находится несрасчлененный, непрерывно-плотностный, истинно-ко-

нечностный мир бытия, открывающегося для субъекта единственным опытно-жизненным образом — образом пульсирующего Я.

ЮХ. То, что не может быть истинным или ложным в форме высказываний, в строгом смысле и не является знанием.

СШ. «Мысль изреченная есть ложь». Однако, утверждает риторическая теория числа, существует речь непрерывная, в нерасчлененном виде, не разрубленная на куски (высказывания), являющаяся совершенной формой мысли. Таков, например, Новый Завет.

ЮХ. Тому, что мы «знаем» таким интуитивным образом, мы можем придать эксплицитный вид, только оформляя его в виде описания, при этом модус исполнения просто «известного» растворяется, он как бы распадается. Исключением из этого правила выступают только иллокутивные акты. Иллокутивные составные части речевых действий, такие как «я признаюсь, что врал тебе»; «я рекомендую тебе быть осторожным» или «я скажу тебе, что она придет» — выражают модус исполнения чего-то пережитого, интерперсональных отношений или убеждений как таковых, не представляя данный модус высказывания в явном виде. В нашей связи интересно только соотношение между «жизненным миром» и «объективным знанием», выражающимся в двойной структуре речевых действий. В процессе исполнения своих иллокутивных актов говорящие принадлежат своему соответствующему жизненному миру, тогда как с использованием пропозициональных составных, данные акты относятся к чему-то в объективном мире. При коммуникативных действиях мы предполагаем этот объективный мир сообщая, как совокупность объектов, с которыми мы соотносимся, существующий независимо от наших описаний, о которых мы можем высказать любые факты.

СШ. Хабермас продолжает заговаривать саму возможность мышления, испытывая, очевидно, перед ним священный ужас. Основа мышления — не описания, а ДЕФИНИЦИИ. Мышление есть опыт непрерывно «дефинирующего разума» (С. Аверинцев). Такова теоретическая сущность сознания как «машины мышления». Заигрывая с социумом якобы «ради философии», Хабермас желает эту машину поэтизировать для европейского обывателя, в этом случае профессор выступает в виде силиконовой модели, извивающейся на капоте перед толпой потенциальных покупателей. Извивания профессора, завлекающего к «машине сознания» университетско-академической марки, к самой структуре этой машины отношения не имеют, а есть лишь только способ продажи. Хабермас занимается метамаркетингом, продажей немецкого теоретического сознания, к созданию, а тем более к развитию которого он никакого отношения не имеет... Описание — в отличие от дефиниции — это

комфортизация, благоустройство коммуникации, в то время как дефиниция (вывод дедуктивного процесса) — это поиск истины. Истина немецкого теоретического сознания, являющая собой вклад в историю мысли, — это дедукция, дефинитивная структура познание-формирования «объективного мира». По Хабермасу, мы — интуитивные существа, выдающие результаты своего интуитивирования в виде формально-языковых описаний, образуемых обычаем коммуникационного оборота тех или иных сообществ. Да, таков современный европеец, «человек без свойств», «говорящий ни о чем», скользящий, как серфер, по краю смысла и бессмыслицы, принимающий решения исключительно формально. Интуиция же — это, на деле, «прострел» дедукции со сверхсознаниевой скоростью, поскольку результатом дедукции как дефинитивного опыта мышления является накопление знаниевой энергии истины, индуцирующей резкое ускорение дедуктивного процесса.

ЮХ. Это конечно не означает, что высказывания о жизненном мире как таковом были бы невозможными. При рефлексивном подходе участники могут воспринимать и свою собственную активность как нечто имеющее место в мире. Ведь жизненный мир также является составной частью объективного мира. В нашем контексте речь не идет непосредственно о жизненном мире и объективном мире, а в первую очередь об «образе», который мы имеем об этом всеохватывающем объективном мире. Тем не менее мы не можем оторваться от жизненного мира, присутствующего как фон, внутри горизонта которого мы интенционально нацеливаемся на нечто «в мире» до тех пор, пока мы находимся в процессе исполнения своих активных действий. Но одновременно мы осознаем, что тот же объективный мир в свою очередь включает нас, наши сети интерактивности и их фон наряду с другими сущностями. Это накладывает отпечаток на наш включенный «повседневный мир», мир здравого смысла.

СШ. Интенциональность — это проблематика границы солиптического сознания. Солиптическое сознание формирует разделенную «по полочкам» этого сознания действительность (стол, стул, чернильница...), взаимодействуя с нечем (с внешним, с тем, чему оно, сознание, непосредственно-погранично), каковое (нечто) находится в том корне этого сознания, что является его (сознания) источником, «превосходит его достоинством и силой» (Платон). Несозданный солиптическим сознанием истинностно-конечностный мир — это субстанциональное время, оголенное в Я. Коммуницирующее человечество сращено своим сознаниевым корнем в субстанциональном времени. Русская метафизическая сращенность нации имеет такую интенсивность, что впору говорить о телепатической Я-коммуникации в субстанционально-временной сети Русского языка.

ЮХ. Теперь все, что в мире происходит, можно отличать от мира в целом. Категориальное различие между сущностью и явлением принижает повседневный мир как сферу просто явлений. Если миф еще не достиг самостоятельной теоретической «картины» мира в нашем смысле, то в дуалистических картинах мира осевого времени артикулируются философские и теологические понятия «объективного», всеохватывающего мира. Однако данное опредмечивание имело свою цену. Во всех этих картинах мира «жизненный мир» не проявляется как таковой, а растворяется в явлениях «повседневного мира». Функционирующий соответственно на заднем плане жизненный мир исчезает за онто-теологическими опредмеченными картинами мира... Одновременно теоретическое знание об этом мире, которое больше не породнено с практическим разумом, утрачивает свою силу жизненной ориентации. Тогда эмпиризм разрабатывает те начала научной картины мира, против которых Гуссерль позже выдвинет обвинение в «объективизме». С теоретико-познавательной введенной механической картины мира кажется, что картина «объективного мира» очищена от всех проекций жизненного мира. Действительно жизненный мир вынужден спрятаться за фасадом познающего субъекта, который противопоставит миру представимых объектов в целом. Данный субъект может себе представить и самого себя как объект в мире, включенный в каузальные взаимосвязи мира. Но дух, как ментальный, доступен для себя только в исполнительном модусе представления и действия. Дух *in actu* классическая теория познания понимает как ощущающее, воображающее и мыслящее сознание и одновременно как самосознание, которое интроспективно представляет себе наличие у него представлений об объектах. Поэтому вземное положение этих неудобных состояний сознания, так как они только перформативно присутствуют в переживаниях, было жалом для эмпирической концепции опредмеченного, включающего все каузально взаимосвязанные тела мира. Факты переживания до сих пор обращают внимание на удручающую неполноту естественнонаучного, объективирующего описания мира. Однако критика данной концепции не только ссылалась на громоздкий онтологический статус переживаний. Позиции, которые лица могут занимать относительно фактов или иных лиц, не являются переживаниями, которые могут быть или не быть, а есть акты, которые совершаются и которые могут не удаваться.

СШ. Хабермас жалуется на утрату силы жизненной ориентации знания. Однако он ошибается в понимании природы этой силы. Именно отказ от субстанционализма истины и аристотелевского тезиса метафизики, гласящего о том, что «все люди стремятся к знанию», а также расширение смыслов и видов общения «до бесконечности» и ослабляют разум, то есть разрешает вместо дефиниций заниматься описаниями (конформными и утилитарными дескрипциями), заменяет субстан-

циональные основания мысли незыблемостью Кафедры. Подлинную жизненную ориентацию знанию возвращает русская метафизика в качестве вкоренения мысли в субстанциональное время через жизненный опыт дефинирующего разума. Подлинная анти-энтропийная воля к утверждению жизненного мира выражена в фундаментальном тезисе Парменида о бытии (о несуществования небытия). Верность этому тезису составляет жизненную мудрость и риторическую силу русской метафизики, стратегический ориентир («осевое время») субстанционального естества русского языка («эллинистического языка», по Аверинцеву). Истинное переживание — есть продуктивность дефинирующего разума, интенционирующего саму историю. Идеальная модель настоящего разума — история как дедукция высшего разума. В этом смысле не Хабермас, а русская метафизика (риторическая теория числа) является наследником немецкой метафизики.

ЮХ. Как философии, начиная с Галилея и Ньютона, пришлось разобраться с отрезвляющим взглядом современного естествознания на объективный мир, так она, начиная с Гегеля, должна была справляться с историческим взглядом гуманитарных и социальных наук на культуру и общество. В столь же незначительной мере, в которой философия в свое время не смогла избежать вопроса о субъективном духе, о статусе фактов сознания, так же она не может и уйти от вопроса, как можно разместить «объективный» дух социокультурных форм жизни в каузальном переплетении событий мира. Тем самым я приду к последней станции пути, на которой «жизненный мир» впервые выходит из тени философских картин мира. Удивительным образом исторические, социальные и культурные факты лишь очень поздно вызывают систематический научный интерес.

СШ. «Выход “жизненного мира” из тени философских картин мира» — это отмена, пробой философской защиты Личности и «освобождение» кладбищенского духа социального релятивизма, выход нигилизма из безд ничто, небытия, скованного прежде тезисом Парменида о бытии, это явление социального как смерти духа истины наяву. Кладбищенское спокойствие, украшенное «вечными» цветами, над которым царит языческая вера в упокоении и дрящемся существовании павшего в смерть духа в памяти индивидов, которые, на деле, оглушены, оглушены и озлоблены безумными плясками «вечно-современной» повседневности и купаются в обыденной «кипящей пустоте». Вне философствования разум не сберегается. «Последняя станция Хабермаса» — это конец западноевропейской метафизики и торжество мертвящей социальности. Впрочем, сей конец также оказался философом. Зовут (звали) Жак Деррида. Дальше действовать будем мы.

ЮХ. Возражение вызывает не конструктивный и производящий набросок мира характер духа, а абстрактная общность и положение вне мира, которые якобы уведят законодательное трансцендентальное сознание от экзотического многообразия языков, культур и обществ... По этому пути к детрансцендентализации идет и Гуссерль со своей концепцией жизненного мира, но при допущениях, которые препятствуют нахождению ответа на поставленный им вопрос: «Можем ли мы удовлетворяться простым фактом, что люди являются субъектами для мира ... и одновременно объектами в этом мире»? Гуссерль и Хайдеггер наиболее остро увидели проблему расположения разума в жизненном мире: действующую субъективность духа при сохранении ее спонтанности при творении мира следует вернуть в измерение истории и intersубъективно разделенного социального пространства таким образом, чтобы ее ассимилировать эмпирически в событиях в мире. Но, ни один из них не решил проблемы. Гуссерль, в конце концов, возвращается к некому трансцендентальному «изначальному Эго» по ту сторону от времени и пространства. Но и в поздней философии Хайдеггера обнаруживается, что всякая попытка детрансцендентализации субъективности, конструирующей мир, обречена на неудачу, пока трансцендентальный перепад между открытием мира посредством языка и событиями мира делает невозможным обратное воздействие. Иная картина получается, если «язык» не сводят к семантике языковых картин мира, а понимают его — как и сам Гумбольдт — прагматично, то есть как коммуникативную практику субъектов, действующих, участвовавших в дискурсах, решающих проблемы и таким образом, обучающихся субъектов... Эта мыслительная фигура языка как средства открытия мира, которое нуждается в оправдании на практике и оставляет простор для процессов обучения, подрывает старое трансцендентальное различие между деятельностью по конституированию мира и событиями, которые конституированы внутри мира.

Ш. Проблема расположения разума в мире решена риторической теорией числа, схватившей факел метафизического разума из обессилено упавшей руки почившей западноевропейской метафизики. Русский метафизический солипсизм — это удавшаяся в РТЧ результативная попытка детрансцендентализации субъективности. Решение проблемы — это новая парадигма хроноцентрического мира (третья — после парадигм геоцентрического (мифологического) и гелиоцентрического (научно-атеистического) мира) как жизненного мира солиптического сознания. Солиптическое сознание — это капсула (монада) субстанционального времени, в которой размещается разум, как в собственном естественном месте, тот самый хронотопный, дефинирующий разум, дедуцирующий жизненный мир продуктивных интенций и продвигающийся в хронопространстве переживания истины — переживания

как страдания от отсутствия истины в ничто и переживания как со-зидания истинности посредством силы настоящего страдания. Разум удерживается и утверждается, продвигаясь в ничто, исключительно посредством верности бытию. Такова «картина мира» риторики, риторическая картина мира, показывающая как страдание разума «от ничто» делает речь истинной, выражающее-формирующей тождество языка и события посредством истинной мысли. Риторика — новый, более истинный по отношению к Логике, формализм мышления, охватывающий общий корень мышления и действительности — субстанциональное время. Хабермас утверждает, что ни Хайдеггер, ни Гуссерль не решили проблему: «Гуссерль, в конце концов, возвращается к некому трансцендентальному “изначальному Эго” по ту сторону от времени и пространства. Но и в поздней философии Хайдеггера обнаруживается, что всякая попытка детрансцендентализации субъективности, конструирующей мир, обречена на неудачу, пока трансцендентальный перепад между открытием мира посредством языка и событиями мира делает невозможным обратное воздействие. Иная картина получается, если “язык” не сводят к семантике языковых картин мира, а понимают его — как и сам Гумбольдт — прагматично, то есть как коммуникативную практику субъектов, действующих, участвовавших в дискурсах, решающих проблемы и таким образом обучающихся субъектов». Риторическая теория числа есть непосредственное решение этой проблемы: Гуссерль и Хайдеггер наталкиваются на «темную материю и темную энергию» мышления, языка и речи (трансцендентальное «изначальное Эго» по ту сторону от времени и пространства у Гуссерля, несоизмеримость языка и мысли («дефисная философия», как это именует Хабермас) как «трансцендентальный перепад между открытием мира посредством языка и событиями мира» у Хайдеггера). Эту невыразимую темную энергию и темную материю «физики языка» РТЧ раскрывает как число (численность), изначальную (первую) форму слова, протоязык (первый язык), выражающее-формирующий численность (истинную материю, непосредственно наблюдаемый внешний вид действительности), то самое первичное тождество мысли и объекта в событии, которое являет субстанциональное время. Русская метафизика открывает такой непосредственный состав языка (состав слова), как число, посредством которого МЫШЛЕНИЕ переступает границу сознания и объекта, вступает, погружается в их субстанционально-временное тождество-различие, то есть ЖИВЕТ (тождество сознания и объекта) и ПЕРЕЖИВАЕТ (различие сознания и объекта).

Естественнонаучный манифест риторической теории числа

Закон вселенского ускорения. Максимы XXI века

1. Всеобщая субстанция жизни конечна. Бесконечность (непроясненность истинной конечности) есть проблема, возникающая в пространстве реализации отношений всеобщей субстанции жизни (Едино-го) и форм (проявлений субстанции) жизни (Многого).

2. Качество жизни есть непосредственное свойство формы жизни, которым ее наделяет всеобщая субстанция жизни при порождении и развитии настоящей формы.

3. Разумность есть способность формы жизни согласовываться с всеобщей субстанцией жизни как с высшим благом. Результат осуществления настоящей способности — гармония формы жизни с всеобщей субстанцией жизни. Разум есть закон согласования всех форм жизни с высшей субстанцией жизни.

4. Пространство и время являются первичными формами жизни, в которых проявляется всеобщая субстанция жизни. Пространство и время — первые живые сущности, изначальные качества жизни.

5. В современной физике скорость (представление пространства) измерима как первая производная функции пути, ускорение (представление времени) — как вторая производная функции пути. Жизненный путь всеобщей субстанции жизни определяет первичность времени по отношению к пространству, ускорения — по отношению к скорости.

6. Жизнь каждой формы жизни характеризуется единством моментов времени и пространства (местом жизни), одновременно — скоростью и ускорением. В каждый момент времени форма жизни всегда движется с определенной скоростью и ускорением.

Скорость и ускорение — это две реализации одной сущности, бытия формы жизни как ее тождества-различия с всеобщей субстанцией жизни. Современная физика, допускающая существование форм («неживых тел»), отличных от субстанции жизни и не являющихся ее проявлениями, разделяет скорость и ускорение, допускает возможность отдельного рассмотрения бытия тел, движущихся со скоростью и движущихся с ускорением. Физика жизни преодолевает основной закон «механической физики» — закон всемирного тяготения, который

утверждает существование притяжения всех тел во Вселенной друг к другу с силой, каковая зависит от масс этих тел и расстояния между ними. Физика жизни утверждает закон жизни (закон всеобщей субстанции жизни) — закон вселенского ускорения, согласно которому ускорение (изменение скорости за определенное время) всех тел, движущихся во Вселенной с определенной скоростью, не зависит от масс этих тел и расстояния между ними. Иначе говоря, ускорение предшествует скорости в том смысле, что создает скорость тела (время создает пространство) в единичный момент времени, при этом скорость и ускорение одновременны в этом моменте времени. Постоянство скорости света, которое для современной физики является загадочной константой мира, на деле, отражает именно эту независимость ускорения всех тел, движущихся во Вселенной, от масс этих тел, расстояния между ними и скорости их движения. Независимость ускорения всех тел, движущихся во Вселенной, от масс этих тел, расстояния между ними и скорости их движения доказывает существование первоускорителя — всеобщей субстанции жизни.

7. Первоускорение есть жизненная радиация, излучение всеобщей субстанции жизни, которое в современной физике представлено как «реликтовое излучение». Явление радиации становится представлением новой физики, которое снимает понятие «инерции». Необходимо более глубокое понимание сущности радиации как явления порождения массы тела (величины) ускорением. Первоускорение создает тела (вещи), задает их жизненный путь, открытый для измерения ускорения. Закон вселенского ускорения (закон первоускорения) показывает неэквивалентность инерционной и гравитационной масс как величин, создаваемых соответственно ускорением и скоростью, каковая неэквивалентность опровергает принцип относительности. Переход от инерции как центрального концепта механики пространства осуществляется к радиации как к концепту механики времени. В механике времени «схватывается» феномен ускорения света как постоянного изменения скорости света, в результате которого порождается скорость света в единичный момент времени, то есть порождается сам момент времени. Ускорение света есть единый источник (истинная природа) того, что современная физика называет гравитационными и электромагнитными явлениями.

8. Всякое тело (движущееся со скоростью и ускорением одновременно) есть определенное отношение формы жизни и субстанции жизни. Существует итоговая, конечная определенность «всего существующего, что было, есть и будет» (всех тел, движущихся со скоростью и ускорением одновременно), как отношения всех форм жизни и всеобщей субстанции жизни — отношения Единого и Многого. Это

отношение — есть число. Иначе говоря, всякое тело, одновременно движущееся со скоростью и ускорением, — это число. Число есть одновременность скорости и ускорения, когда ускорение создает скорость в единичный момент времени. Число имеет скорость и ускорение. Числовой ряд в этом смысле — это движение числа с определенной скоростью и ускорением в пространстве первоускорения (в пространстве-времени). Феноменальным проявлением этого самодвижения числа, доказывающим немеханическую природу числового ряда (механика образования числового ряда — «добавление единицы»), является так называемое распределение простых чисел. Математическая абстракция числа есть выражение независимости ускорения всех тел, движущихся во Вселенной, от масс этих тел, расстояния между ними и скорости их движения. Целость (неделимость, составность) целого числа — это единство скорости и ускорения, создаваемое первоускорением. В этом смысле закон распределения простых (неделимых целых) чисел в арифметике есть просточисленное выражение закона вселенского ускорения. Так называемое распределение простых чисел представляет собой выражение первоускорения, известного современной физике в качестве константы скорости света.

Пространственно-временные преобразования, которые в современной физике представлены преобразованиями Лоренца-Эйнштейна, демонстрирующими изменение длины и течения времени при скоростях, близких к скорости света, должны основываться на гораздо более глубоком понимании природы ускорения. Вселенское ускорение (ускорение света), создающее скорости всех тел в каждый момент времени, предопределено колебательным ритмом, выраженным в распределении простых чисел в арифметическом ряду. Ускорение света есть колебание, параметры которого выражены в исчислении простых чисел. Ускорение света есть самоколебание числа, порождающее простые числа. Эта колеблющаяся предопределенность и есть сущность числа как единицы, первоединицы, являющейся истинным началом Вселенной. Единица есть множество простых чисел как разворачивающаяся Вселенная, как пространство реализации первоускорения. Устойчивая структура временно-пространственных преобразований как преобразований ускорения-скорости представлена в теореме Пифагора (максимы о связности трех квадратов целых чисел, реализуемой в пифагоровых тройках целочисленных решений уравнения Пифагора), частным случаем которой является Великая теорема Ферма и задача о взаимном положении трех тел, которую невозможно решить в рамках «парадигмы тяготения». По существу, устойчивая структура временно-пространственных преобразований как преобразований ускорения-скорости — это фундаментальная структура числового ряда, генезис

которого состоит в самодвижении (самоколебании) единицы как субстанции, акциденциями которой являются простые числа.

9. Ускорение есть универсальное явление пространства-времени, создающее величину числа. Ускорение есть причина величины. Ускорение создает массу тела. Это понимание позволяет перейти от математического анализа к математическому (математико-физическому) синтезу, преодолеть уязвимость природы «бесконечно малого», из исчисления которых («бесконечно малых») возник анализ (дифференциально-интегральное исчисление). Предельные отношения исчезающих величин требуют деления нуля («ничего») на ноль («ничего»), дифференциал функции определяется в анализе как ее бесконечно малое приращение, а вычисляется как некоторая часть этого приращения. Переход к синтезу означает, прежде всего, переход к «истинной теории дифференциального исчисления». Лагранж, автор вышедшей в 1797 году книги «Теория аналитических функций, содержащая начала дифференциального исчисления, освобожденные от всякого рассмотрения бесконечно малых, исчезающих, пределов и флюксий и сведенные к алгебраическому анализу конечных величин», пришел к заключению, что такая теория еще не создана. «Естественный дифференциал» есть простое число, при этом истинный процесс дифференцирования представлен как процесс распределения простых чисел в натуральном ряду — простые числа есть акциденции истинной субстанции как субстанции числа.

Формула «Единица есть множество простых чисел» есть формула Первоинтеграла, формула природной (физико-математической) интеграции. Истинные приближения, рассматриваемые в теории пределов Даламбера-Коши, — это пути числа как расстояния между следующими друг за другом в натуральном ряду простыми числами. Каждое новое простое число есть осуществленный предел для предшествующего простого числа в натуральном ряду. Иначе говоря, исчисление простых чисел (синтетическое исчисление) сменяет исчисление бесконечно малых (аналитическое исчисление), являясь по существу делением единицы на ноль, результатом которого является последовательность простых чисел (истинных пределов) в натуральном ряду. Истинная теория множеств выявляет всякое действительное (истинное) множество как множество простых чисел и опровергает реальность бытия всякого иного множества, отсеивает ложные множества. Уникальность всякого целого (не простого) числа как уникального произведения простых сомножителей (основная теорема арифметики) есть операция уникализации множеств. Математики подошли к осознанию формулы Единицы: «Единица есть множество простых чисел». Так, советским математиком Н. Г. Чеботаревым создано дока-

зательство того, что плотность множества всех простых чисел равна единице (плотность любого подмножества простых чисел не превосходит единицы).

10. Как таковое, число есть формула тела – то, что есть всякое тело, движение которого предопределено всеобщей субстанцией жизни. Задача физики жизни – это задача о том, какое ускорение из Первоускорения (из жизненной радиации) должно получить тело, чтобы двигаться с необходимой скоростью в конкретный момент времени. Матрица физики жизни – это матрица ускорений, в которых исчисляется субстанциональная жизнь в ее проявлениях. Ускорения – это и есть истинные качества жизни.

11. Человеческая жизнь как собственное отношение определенной формы жизни и всеобщей субстанции жизни содержательно знакомится с законом вселенского ускорения «на примере» феноменологии здоровья. Жизнь человека, его здоровье, духовное и физическое, является самой зримой, наглядной и доступной собственностью, которой он владеет, распоряжается и управляет. Познавая свое здоровье и научаясь им управлять во врачевании и целительстве, человек обнаруживает глубокую внутреннюю связь «себя собственного» и всеобщей субстанции жизни, частью которой он является. Здоровье и счастье являются первичными качествами человеческой жизни, в которых она самоопределяется по отношению к всеобщей субстанции жизни в тех же первичных формах, каковые являются изначальными для бытия самой всеобщей субстанции жизни. В этом смысле здоровье в качестве базового качества человеческой жизни может быть определено как время человеческой жизни, а счастье – как пространство человеческой жизни, «жизненный мир». Время человеческого бытия подчинено так называемой «формуле счастья», схватывающей такое качество жизни как «человеческое ускорение».

12. Аналитическая медицина, последовательно «разлагающая» человеческий организм на все более предельные его материально вычленимые составляющие, определяющая эффективные методы лечения отдельных проявлений недугов и болезней, тем не менее пасует перед вопросом о целостном развитии организма, о единой теории иммунитета и человеческой разумности как живой системы, исторично осуществляющей предметно ориентированную социокультурную практику. Необходима синтетическая медицина, основанная на субстанциональной концепции качества жизни (концепции качественного происхождения и жизне-качественного развития формы жизни из всеобщей субстанции жизни). Синтетическая медицина основывается на исчислении здоровья на основе закона вселенского ускорения, в котором рассматривается временно-пространственное измерение организма,

а именно одновременно рассматриваются-сопрягаются скорости протекания жизненных процессов в организме и его системах и изменения данных скоростей (ускорения). Создание сверхновых медицинских технологий и препаратов будет основано на их применимости в пространстве коррекции преобразований ускорения-скорости жизненных процессов в организме и его системах как в пространстве реализации иммунитета. Болезнь тогда раскрывается как нарушение закона вселенского ускорения в организме.

13. Аристотель определил человека как политическое животное. То есть собственно человеческое бытие было «схвачено» как политическая реальность. В Новое время политическая реальность окончательно раскрыла себя как реальность отношений Единого и Многого. Появились партии (от слова «часть»), которые начали бороться за Власть (Единое, Целое). Часть вознамеривалась стать целым, и когда ей это удавалось, общественный организм подвергался насилию и терял общественно-государственное здоровье, последствием чего становился демографический переход. В XXI веке исторически обусловлено возникает жизненная необходимость перехода от борьбы партий за власть к политическому регулированию как гармоническому отношению Единого и Многого (Власти и Общества), соответствующему закону сохранения жизни, согласующему движение формы жизни с всеобщей жизненной субстанцией.

Система политософского регулирования будет оптимальнее соответствовать закону вселенского ускорения (в данном случае эффективной социально-экономической модернизации), нежели борьба партий за власть. Система политософского регулирования станет основой жизне-качественно нового международно-правового регулирования, кардинально разрешающего вопрос Войны и Мира. Война есть нарушение закона вселенского ускорения в истории государств и обществ. Природа войны (от межгосударственной до гражданской, психологической) — это симуляция (узурпирование роли) источника первоускорения человеческого бытия каким-либо субъектом какой-либо власти (государственной, экономической, психологической). Война — это кровавая карикатура на политическую радиацию, на всеобщую субстанцию политики. Ускорение развития стран независимо от размера их территории, бюджета, численности населения и т.д. на основе политической радиации, излучаемой всеобщей политической субстанцией, — это жизненно необходимое выражение субстанциональной природы жизни на уровне политического качества жизни, для осуществления которого потребуется перестройка нынешнего мирового порядка. Закон вселенского ускорения для времени-пространства человеческого бытия выражается как история человечества в политософских систе-

мах координат «Человек – Власть – Свобода», «Человек – страна (местность) – Человечество». А именно – свобода является результатом сопряжения (таргетирования) ускорения и скорости социальных, экономических, культурных и иных процессов, инициируемых властью в государстве и обществе. Вообще говоря, свобода есть ускорение, природа свободы – в Первоускорении. Если ускорение и скорость процессов не сопряжены, не когерентны, то мы получаем или разгул ничем не ограниченной «свободы», или тоталитарную, военно-полицейскую модернизацию. Тогда также ясно, что несопряженность, некогерентность ускорения и скорости финансово-экономических процессов есть природа инфляции. Человечество возникает в пространстве реализации того первоускорения, которое не зависит от культурных, религиозных и иных особенностей человеческой личности и социально-экономических качественностей той или иной страны.

Миф о Зеркале, или Краткая история науки

Наблюдатель видит не предмет.
Он всегда смотрит на отражение
предмета в зеркале.
Наблюдатель всегда стоит спиной
к предмету.
Начать наблюдение — значит,
отвернуться от предмета к зеркалу.

Наверное, каждый ученый может, исходя из собственного опыта, повторить слова логика Я. Лукасевича: «Итак, сколько бы я ни занимался даже мельчайшей... проблемой... всякий раз меня не покидает чувство, что я нахожусь рядом с какой-то мощной, неслыханно плотной и неизмеримо устойчивой конструкцией. Эта конструкция действует на меня как некий конкретный осязаемый предмет, сделанный из самого твердого материала, стократ более крепкого, чем бетон и сталь. Ничего в ней я изменить не могу, ничего сам произвольно не создаю, но изнурительным трудом открываю в ней все новые подробности, достигая непоколебимых и вечных истин. Где и чем является эта идеальная конструкция?»² Так и назовем эту конструкцию — Предмет.

Поскольку каждый из известных нам ученых является человеком и ничто человеческое ему не чуждо, то и способ познания в существе своем у ученого сообщества один. Способ этот состоит в том, что человек никогда не видит предмет — он видит только его отражение в зеркале. Почему? Да потому что он сам является этим Предметом или его частью. Потому что видение человеком Предмета — это свойство самого Предмета, его проявление. Причем только единицы людей из множества живущих осознают факт (и способны это знание вынести) того, что, смотря и видя, они всегда смотрят в зеркало и всегда видят только отражение.

И вот существовало Зеркало — равновеликое, равномасштабное и равнопорядковое Предмету. Поскольку оно располагалось к Предмету, как только возможно, близко (в зазоре (в единице зазора) между ними

² Лукасевич Я. В защиту логики // *Философия и логика львовско-варшавской школы* — Серия: «Научная философия», Институт философии РАН. — М.: РОССПЭН, 1999. А также: Лукасевич Я. Указ. соч. // *Αρηχ διακονια*, сайт К. Тимофеева [Электронный ресурс] — Ужгород (Украина). — Режим доступа: http://diakonia.narod.ru/frame_1.htm, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.

располагалась всего одна точка — точка наблюдения), то Предмет отражался в нем наиболее полным из возможных образом. И при этом, заметим, отражался только одной своей стороной — внешним видом.

Зеркало это было недоступно людям, пока предвечный повелитель льда неистовым ударом своей воли не ударил Зеркало, и оно разлетелось на множество осколков, попавших в руки некоторых людей, получивших тем самым возможность что-то узнать о Предмете.

Осколки были разных размеров и форм. Были осколки побольше — они назывались «физикой», «химией» и другими именами для отражателей. Были поменьше — они звались «экономикой», «правом». А была уж совсем зеркальная пыль, которая звалась чем-то вроде «социологии», «методологии». Но тем не менее люди узнали о существовании Предмета. И с этого момента они стали биться над задачей узнать о Предмете больше. Так они говорили друг другу, а на самом деле каждый втайне думал, что именно ему удастся рассмотреть Предмет в целом, весь, как он есть. Покрутив в руках свои осколки так и сяк, начали они долгий путь к тому, чтобы именно в своем осколке отразить весь Предмет целиком, схватить Предмет для себя. Ибо они не ведали того, что отражение в их осколке — это только образ Предмета. Они вообще не знали, что такое отражение. С самого попадания осколка в их руки отражение было для них предметно, было малым предметом.

Большинство избрало следующий путь. Они стали все более удаляться от Предмета — настолько далеко, что реальная сила его воздействия и влияния уже практически не ощущалась, — для того чтобы в их осколках отобразилась возможно большая часть Предмета. Они видели, что в ходе их движения изображение в осколке менялось, вырисовывался предмет большей определенности, чем небольшая часть поверхности, которая наблюдалась ранее — когда они находились вблизи Предмета. Наконец, в той точке их пути (они его называли наукой), в которой Предмет отразился в осколке в целом (то есть в осколке появилось ничто, окружающее Предмет как единственно существующий), они объявили, что картина мира создана. При этом отражение в осколке воспринималось как существующий Предмет, имеющий бытие в осколке, а зеркальность осколка была пространством познания (рассмотрения) этого Предмета. Предметы у всех получились разные — в зависимости от формы осколка (эта форма от случайного разбиения зеркала была объявлена священной аксиоматикой) и направления шарахания с этим осколком в разные стороны (отражения в осколках, описанные и замеренные в каждый из моментов такого шарахания, получили название «теории»).

Домыслы о Предмете, получившиеся из такого положения дел, были весьма забавные. Так, обладатели крупного осколка, именуемого

математикой, приняли наблюдаемое ими по пути от Предмета изменение его отражения (сокращение Предмета в размерах с одновременным наблюдением его все более полным и целостным) за главный научный метод и назвали оный — «анализ». Небезынтересно, к чему пришли владельцы еще более крупного осколка, именуемого «физикой». Поскольку осколок у них действительно был более крупный, чем у математиков, они могли отразить в своем осколке математиков, шарахающихся вместе со своим осколком. Физики объявили свое отражение (то, которое получалось по пути их следования от Предмета) ни много ни мало Вселенной, в которой действуют математические закономерности (роль закономерностей играли математики со своим осколком). Более того, поскольку шараханий физического осколка было много, да и «внутри его» математики еще шарахались, было решено выдать этот беспорядок за устройство Вселенной. Так появилась теория энтропии (в переводе с научного языка — «отражение шараханий»).

Когда в осколках проклюнулось ничто, ограничивающее Предмет, дабы не искушать себя мыслию о недействительности Вселенной, каждая из научных процессий воткнула в этой точке путешествия от Предмета штативы для своих осколков и прочно их закрепило. Стандарты расположения осколков и особенности их расположения в штативах были сформулированы в каких-то невнятных системах координат (абсолютной-то системы координат никто не знал, поскольку не знал, что присутствие Предмета в осколках зеркал не действительно, не предметно, что «там» только отражение Предмета). Эти относительные системы координат имели единственную цель каким-то образом объяснить «единомышленникам», как должны устанавливаться и закрепляться штативы с осколками. Стандарты расположения осколков и особенности их расположения в штативах были освящены как «постоянные Вселенной». Самой занимательной постоянной было число ПИ. Путешественникам, движущимся от Предмета, совершенно невозможно было понять, что число ПИ существует только в зеркале. Оно существует не только в зеркале лишь в том случае, если считать, что в зеркале присутствует некоторое бытие, существующее само по себе как объект природы, а не как отражение. Принцип ПИ — принцип «наша природа — она только в зеркале» постепенно завоевал популярность, и из «физики» (зеркального осколка) поперли все новые и новые константы, ведь как ни крути, а осколок в штативе все-таки испытывал некоторую вибрацию, да и каждое смотрение в осколок было уникальным.

Возникла целая кипучая деятельность — ведь каждое отражение надо записать, сопоставить с другим, каждый раз изобрести для этого какую-то невнятную систему координат или формул. О, формулы,

формулы! С развитием формульного аппарата ученый научился жить в зеркале, в мире отражений, иной вид жизни для него просто исчез как внешний вид. С реальностью ученый встречался теперь только в ходе особой формульной игры, только через длинную цепь отрицаний отражений он приходил к эффектам реальности и доказывал, доказывал, доказывал... что реальность (отражаемая в отражении) есть, но она доступна в виде сложнейшего эффекта, который «еще надо доказать». Возможно ли для него понять, что формулы записаны им все зеркально и, чтобы извлечь из них действительное знание, их нужно постигать «ровно наоборот»... А если неверны все три начала термодинамики, если существует вечный двигатель (а что же еще такое время, как не вечный двигатель), то зеркалонавигатор неизбежно теряет нить в этом лабиринте отражений. Ведь для каждого отражения у него есть свое имя — «атом», «электрон», «фотон», «импульс» и т.д. Вдруг все они окажутся беспредметными отражениями... Отражения отражений, отражения отражений отражений... В одной итерации (отражении) «масса», в другой уже «фотон не имеет массы покоя» — отразили, считай, решили: игра в лабиринт отражений не нарушена. Вера (иначе не назовешь) в реальность каждого нового отражения отражения, каждой новой подобной итерации (причем особенностью этой веры является уверенность в том, что каждое новое отражение более реально, предметно, чем ему предшествующее) делает остатки представления о Предмете все более обедненными и бессодержательными. Доказательство теоремы становится игрой отражений очевидной предметности, когда само доказательство в несметное количество раз превосходит по сложности и объему доказываемое.

Игра в лабиринт отражений более известна как идея (понятие) бесконечности. Лишь потеряв всякую связь с Предметом, можно было породить данную идею — приписать бытие тому, что существует только как отражение, одновременно «лишив» бытия то, что существует действительно. В этом бесконечном мире отражений истина искривляется — пространство искривляется, гравитация искривляет луч света и т.д. и т.п. Кривизна — центральное понятие и ощущение этого пространства отражений. Миллиарды тратятся на создание разного рода ускорителей (по сути, отражательных камер), в которых целые научные сообщества ловят отражения как некоторые предметности (частицы), удивление о краткосрочности существования коих (отражений) выдается за «начало познания мира элементарных частиц».

Настоящие научные свершения сумели сделать те, кто сохранили вкус реальности Предмета. Они либо интуитивно прорывались сквозь лабиринт отражений, скептически относясь к возможностям осколков, либо изыскивали другие сущностные отношения с Предметом, неже-

ли отражение. Например, не возгорались гордыней схватить Предмет в целом (схватывая на деле его отражение), а просто находились рядом с Предметом, никуда от него не уходили и никаких путешествий не предпринимали, доверяясь непосредственному воздействию Предмета и сберегая именно это воздействие, ощущение присутствия Предмета, ощущение своего присутствия в мире как присутствия Предмета. А единицам удалось повернуться лицом к Предмету, увидеть на мгновение что-то из самого Предмета, запомнив это впечатление и пронеся его через всю жизнь.

Из ряда этих людей и выделяются те, кто определяет судьбу осколочников и отраженцев. Те, кто восстанавливает Зеркало. Для начала приходится, взойдя на алтарь той или иной науки, показать ее священную реликвию, освободив ее из инкрустированного абстракциями штатива, именно как осколок — безобразный осколок бывшего когда-то единого Зеркала. «Родные» осколки зеркала соединяются таким чудесным образом, что исчезают следы раскола. При этом нет нужды преодолевать парадоксы теории множеств, связанные с идеей бесконечности, введением контекста «конечного человечества» — достаточно соединить осколки, именуемые «физика» и «математика», когда физическое знание об элементе множества заставит математику выйти на новый уровень формализации (деискривления и увеличения поверхности зеркала и приближения к отражаемому объекту). Космологические парадоксы «зеркального релятивизма» окажутся разрешимыми не физическим экспериментом (блужданием в лабиринте отражений), а на путях математического опровержения идеи бесконечности на новом уровне формализации физики.

Восстановив Зеркало окончательно, необходимо будет приблизить его к Предмету на прежнее расстояние — на расстояние зазора в одну точку. Тогда мы и увидим Предмет: Число.

Выходим из потаенности, или Оцифровывая Хайдеггера

Заметки на полях статьи М. Хайдеггера «Вопрос о технике»³

I

Мартин Хайдеггер. В нижеследующем мы спрашиваем о технике. Вопросы встают на каком-то пути. Разумно поэтому иметь в виду прежде всего путь, а не застревать на разрозненных тезисах и формулах. Наш путь — путь мысли. Все пути мысли более или менее ощутимым образом загадочно ведут через язык. — Мы ставим вопрос о технике и хотели бы тем самым подготовить возможность свободного отношения к ней. Свободным оно будет, если откроет наше присутствие (Dasein) для сущности техники. Встав вровень с этой сущностью, мы сумеем охватить техническое в его границах.

Техника не то же, что сущность техники. Отыскивая сущность дерева, мы неизбежно увидим: то, чем пронизано всякое дерево как таковое, само не есть дерево, которое можно было бы встретить среди прочих деревьев.

Точно так же и сущность техники вовсе не есть что-то техническое. Мы поэтому никогда не осмыслим своего отношения к сущности техники, пока будем просто думать о ней, пользоваться ею, управляться с нею или избегать ее. Во всех этих случаях мы еще рабски прикованы к технике, безразлично, энтузиастически ли мы ее утверждаем или отвергаем. В самом злом плену у техники, однако, мы оказываемся тогда, когда усматриваем в ней что-то нейтральное; такое представление, в наши дни особенно распространенное, делает нас совершенно слепыми к ее существу.

РТЧ. Хайдеггер раскрывает существование естественной теории техники, врожденной идеи техники, которая предшествует видимостному проявлению техники на различных стадиях научно-технического развития и не обязательно проявляет себя в принятом понимании «изготовления и применения орудий, инструментов и машин». Здесь и далее Хайдеггер раскрывает технику как естественную сущность

³ В главе цитируется: *Хайдеггер М.* Вопрос о технике // Хайдеггер М. *Время и бытие: статьи и выступления* / Пер. с нем.; комм. В. В. Библихина; серия «Мыслители XX в.». — М., 1993. — С. 221–238.

«человеческого», действующую на протяжении всего времени человеческого бытия.

II

МХ. Сущностью вещи, согласно старинному философскому учению, называется то, что она есть. Мы ставим вопрос о технике, когда спрашиваем, что она такое... Мы должны спросить: что такое сама по себе инструментальность? К чему относятся такие вещи, как средство и цель? Средство есть нечто такое, действием чего обеспечивается и тем самым достигается результат. То, что имеет своим последствием действие, называют причиной. Причина, однако, — не только нечто такое, посредством чего достигается нечто другое. Цель, в стремлении к которой выбирают вид средства, тоже играет роль причины. Где преследуются цели, применяются средства, где господствует инструментальное, там правит причинность, каузальность.

Столетиями философия учит, что есть четыре причины: 1) *causa materialis*, материал, вещество, из которого изготавливается, например, серебряная чаша; 2) *causa formalis*, форма, образ, какую принимает этот материал; 3) *causa finalis*, цель, например жертвоприношение, которым определяются форма и материал нужной для него чаши; 4) *causa efficiens*, создающая своим действием результат, готовую реальную чашу, то есть серебряных дел мастер. Что такое техника, представляемая как средство, раскроется, если мы сведем инструментальность к этим четырем аспектам причинности?

А что если существо причинности тоже окутано мраком? Правда, вот уже сколько веков философы ведут себя так, словно учение о четырех причинах свалилось с неба в виде самоочевиднейшей истины. Но не пора ли уже спросить: почему причин именно четыре? Что по отношению к перечисленной четверице называется собственно «причиной»? Откуда в характере причинности четырех причин такое единство, что они оказываются взаимосвязаны?

Пока мы не вдумаемся в эти вопросы, причинность, а с нею инструментальность, а с этой последней примелькавшееся инструментальное определение техники останутся темными и необоснованными.

Причину с давних пор привыкли представлять как действующую силу. Действие тут означает получение следствия, результата. Действующая причина, *causa efficiens*, одна из четырех, решающим образом определяет всю каузальность. Дело доходит до того, что целевая причина, *causa finalis*, вообще уже не причисляется к каузальности. *Causa*, *casus* идет от глагола *cadere*, падать, и означает то, из-за чьего воздействия «выпадает» то или иное следствие. Учение о четырех причинах восходит к Аристотелю. Однако в сфере греческого мышления и для Аристотеля все, что последующие эпохи ищут у греков под понятием и рубрикой «причинности», не имеет просто ничего общего с действием и воздействием. Что мы именуем причиной, а римляне *causa*, у греков зовется *αίτιον*: вино-

вное в чем-то другом. Четыре причины — четыре связанных между собой вида виновности.

РТЧ. Событие философии Хайдеггера — это поворот (разворачивание) тезиса Декарта «Мыслю, следовательно, существую», с которого началась история мышления Нового времени, в новый план выражения «Мышление, следовательно, существование». Этот поворот показывает замкнутый мышление-существованиевый цикл, в котором солиптическое, по существу, сознание представляет собой корреспондирование, продуктивный баланс мышления и существования. Этот замкнутый цикл и есть язык в чистом виде, язык сам по себе, «язык как дом бытия» (Хайдеггер). Многовековое философское учение о причинности раскрывается как опричинивание существования мышлением, причем в рамках мышление-существованиевого цикла удается рассмотреть и зафиксировать причину саму по себе, то есть не только как «нечто такое, посредством чего достигается нечто другое», но и как «цель, в стремлении к которой выбирают вид средства». Впервые эта причина сама по себе раскрывается как язык, язык сам по себе, язык в чистом виде. Тем самым именно в рамке мышление-существованиевого цикла «существо причинности» уже не «покрыто мраком», и становится понятным, почему «философы ведут себя так, словно учение о четырех причинах свалилось с неба в виде самоочевиднейшей истины». «Учение о четырех причинах» свалилось из самобытия языка. Хайдеггер не говорит об этом прямо, но это всплывает в РТЧ-интерпретации, на фоне уже существующей риторической теории числа, завершающей хайдеггеровское рассмотрение вопроса о технике. Завершим эту мысль Хайдеггера ответом на поставленные им вопросы: «Но не пора ли уже спросить: почему причин именно четыре? Что по отношению к перечисленной четверице называется собственно “причиной”? Откуда в характере причинности четырех причин такое единство, что они оказываются взаимосвязаны?»

1. *МХ.* «Что по отношению к перечисленной четверице называется собственно “причиной”?»

Язык, язык сам по себе, язык в чистом виде как непосредственное осуществление мышление-существованиевого цикла, как самозамкнутое бытие (сознание) причинности самой по себе. Сознание — всегда языковое сознание. Язык — это причина того, что есть вещь, причина сущности вещи.

2. *МХ.* «Откуда в характере причинности четырех причин такое единство, что они оказываются взаимосвязаны?»

Причины связаны как синтагма языка самого по себе — фундаментально-онтологическая структура языка в чистом виде.

3. *МХ.* «Но не пора ли уже спросить: почему причин именно четыре?»

Четыре причины, образующие синтагму языка, — это знак, значение, смысл, понятие:

- 1) значение — это «*causa materialis*, материал, вещество, из которого изготавливается, например, серебряная чаша»;
- 2) знак — это «*causa formalis*, форма, образ, какую принимает этот материал»;
- 3) смысл — это «*causa finalis*, цель, например жертвоприношение, которым определяются форма и материал нужной для него чаши»;
- 4) понятие — это «*causa efficiens*, создающая своим действием результат, готовую реальную чашу, то есть серебряных дел мастер».

Данная РТЧ-интерпретация причин позволяет по-новому с помощью Хайдеггера зафиксировать существо синтагмы языка в чистом виде. Смысл, «действующая причина, *causa efficiens*, одна из четырех, решающим образом определяет всю каузальность. Дело доходит до того, что целевая причина, *causa finalis*, вообще уже не причисляется к каузальности. *Causa, casus* идет от глагола *cadere*, падать, и означает то, из-за чьего воздействия “выпадает” то или иное следствие». Удивительно точный опыт дефинирования смысла, определяющий бытие смысла в языке.

III

МХ. Учение о четырех причинах восходит к Аристотелю. Однако в сфере греческого мышления и для Аристотеля все, что последующие эпохи ищут у греков под понятием и рубрикой «причинности», не имеет просто ничего общего с действием и воздействием. Что мы именуем причиной, а римляне *causa*, у греков зовется *αἰτίον*: виновное в чем-то другом. Четыре причины — четыре связанных между собой вида виновности.

РТЧ. Синтагма языка — это виновность знака, значения, смысла и понятия друг в друге, что можно с помощью Хайдеггера пояснить на приведенном им примере с чашей.

IV

МХ. Серебро — то, из чего изготовлена серебряная чаша. Как определенный материал (*ύλη*) оно отчасти виновно в чаше. Чаша обязана серебру тем, из чего она состоит. Жертвенный сосуд обязан собою, однако, не только серебру. Будучи серебряной чашей,

вещь, обязанная этим серебру, выступает в виде чаши, а не в виде пряжки или кольца. Соответственно жертвенный прибор обязан также образу (эйдосу) своей чашеобразности. Серебро, в котором воплотился образ чаши, и вид, в котором явилось серебряное, вместе по-своему виновны в жертвенном приборе.

PTЧ. Значение — то, из чего изготовлен знак. Как определенный материал (материя значимости) значение отчасти виновно в знаке. Знак обязан значению тем, что он из него состоит. Знак, в котором воплотилось значение, виновен в существование означаемой вещи.

V

МХ. Но главный его виновник все-таки нечто третье. Это то, что с самого начала очертило чашу сферой освящения и жертвоприношения. Благодаря этому она приобретает определенность как жертвенный сосуд. Очертания придают вещи законченность. С такой законченностью вещь не кончается, а наоборот, от нее начинается в качестве того, чем будет после изготовления. Конец, завершение в указанном смысле называется по-гречески τέλος, что сплошь да рядом переводят и тем перетолковывают как «цель» и «назначение». «Телос» — виновник жертвенного сосуда в том же смысле, в каком его совинновниками являются материал и образ.

PTЧ. Но главный виновник существования вещи — нечто третье, означающее. Это смысл. То, благодаря чему вещь существует сама по себе. Благодаря смыслу вещь приобретает определенность как вещь в себе. «С такой законченностью вещь не кончается, а наоборот, от нее начинается в качестве того, чем будет после изготовления. Конец, завершение в указанном смысле называется по-гречески τέλος, что сплошь да рядом переводят и тем перетолковывают как “цель” и “назначение”». Смысл виновен в телесности вещи.

VI

МХ. Наконец, совинновником наличия и готовности сделанного жертвенного прибора выступает нечто четвертое: серебряных дел мастер; но вовсе не тем, что, действуя, он производит готовую жертвенную чашу как следствие своего действия, вовсе не как *causa efficiens*. Серебряных дел мастер, разбираясь в трех названных видах вина, собирает их воедино. Разборчивое собирание по-гречески значит λέγειν, λόγος. Логос коренится в ἀποφαίνεσθαι, выявляющем обнаружении. Серебряных дел мастер — совинновник чаши в том смысле, что от него начинается и через него достигается ее окончательная готовность. Три вышеназванных вида вина

благодаря собирающей разборчивости серебряных дел мастера проявляют себя и вступают во взаимосвязь, ведущую к возникновению готовой чаши.

РТЧ. Хайдеггер раскрывает гегелевское «понятие» как причину *causa efficiens*, включенную в языковую синтагму. Наконец, мы понимаем, что стоит за гегелевским учение о понятии. Мастер.

VII

МХ. В наличном, готовом жертвенном сосуде собраны, таким образом, четыре вида вина. Они различны и тем не менее связаны между собой. Что их с самого начала объединяет? Чем сплавлена взаимосвязь четырех видов вина? Откуда идет единство четырех причин? Иначе говоря, что значит для греческой мысли эта «вина»?

РТЧ. Языковая синтагма повинна в возникновении вещи.

VIII

МХ. Чтобы уберечься от обоих перетолкований вина, поясним ее четыре вида исходя из того, чему они виной. В нашем примере они — виновники наличия и готовности серебряной чаши как жертвенного сосуда. Наличие и готовность (*ὑποκείσθαι*, предложение под-лежащего) характеризуют присутствие чего-либо присутствующего. Четыре вида вина позволяют вещи явиться. Благодаря им вещь оказывается присутствующей. Они выпускают ее из несуществования и тем самым ведут к полноте ее явления. Все виды вина имеют своей основной чертой это выпускающее выведение к явленности. В смысле такого выведения вина есть «повод». Исходя из того, как греками ощущалась виновность, *αἰτία*, придадим сейчас слову «по-вод» более широкий смысл, чтобы оно именовало сущность по-гречески понятой причинности. Привычное и более узкое значение слова «повод» говорит, наоборот, лишь о чем-то вроде стимула и побуждения, означая род побочной причины в общих рамках причинности.

Так чем же скреплена взаимосвязь четырех видов повода? Они дают чему-то еще не явленному прийти к присутствию. Тем самым ими в равной мере правит то при-ведение, которым приводится к явленности существующее. Что такое это при-ведение, нам говорит Платон в одной фразе «Пира» (205 b): *ἡ γὰρ τοῖ ἐκ τοῦ μὴ ὄντος εἰς τὸ ὄν ἰόντι ὁπωῶν αἰτία πάσα ἐστὶ ποίησις*, «Всякий по-вод для перехода и выхода чего бы то ни было из несуществования к присутствию есть *ποίησις*, про-из-ведение».

РТЧ. Язык в чистом виде есть произведение вещи в себе. Синтагма языка, «скрепленная взаимосвязь четырех видов повода» дает «чему-

то еще не явленному прийти к присутствию». Языковая синтагма есть механизм автореферентности.

XI

МХ. Что такое техника, представляемая как средство, раскроется, если мы сведем инструментальность к этим четырем аспектам причинности?

РТЧ. Техника — это языковое выражение мышления в существовании, произведение мыслью существования в виде вещи в себе. То есть техника — это сущность языка в чистом виде.

X

МХ. Все зависит от нашего умения продумать про-из-ведение во всей его широте, притом в греческом смысле. Про-из-ведение — не только ремесленное изготовление, не только художественно-поэтическое выведение к явленности и изображенности. Φύσις, самобытное вырастание — тоже про-из-ведение, тоже ποιήσις. Φύσις, — это даже ποιήσις в высшем смысле. Ведь то, что присутствует «по природе» φύσις, несет начало про-из-ведения, например распускания цветов при цветении, в себе самом (ἐν ἑαυτῷ). В отличие от этого про-из-ведения ремесла и художества, как серебряная чаша, берут начало своей произведенности не в самих себе, а в другом (ἐν ἄλλῳ), в мастере и художнике.

Виды по-вода, четыре причины, таким образом, играют свои взаимосвязанные роли внутри события про-из-ведения. Благодаря этому событию как выросшее по природе, так и изготовленное руками ремесленника и художника выступает, всякий раз по-своему, в своей явленности.

РТЧ. Продумывание произведения (в греческом смысле) — это выявление, раскрытие произведенческого смысла языковой синтагмы.

XI

МХ. Как, однако, происходит событие про-из-ведения, будь то в природе, будь то в ремесле или в искусстве? Что такое про-из-ведение, в котором разыгрываются четыре вида повода? По-вод ведет к присутствию того, что обнаруживается в событии про-из-ведения. Произведение выводит из потаенности в открытость. Событие произведения происходит лишь постольку, поскольку потаенное переходит в непотаенное. Этот переход коренится и набирает размах в том, что мы называем открытостью потаенного. У греков для этого есть слово ἀλήθεια. Римляне переводят его через veritas. Мы говорим «истина», понимая ее обычно как правильность представления.

РТЧ. «Что такое произведение, в котором разыгрывается» языковая синтагма? Что присутствует («обнаруживается в событии произведения») как совинновность знака, значения, смысла и понятия в существовании (возникновении) вещи в себе? Что есть осуществление перехода из потаенного в непотаенное? Что выводит из потаенности в открытость? Наконец, что есть прагма языка? Что «коренится и набирает размах в том, что мы называем открытостью потаенного. У греков для этого есть слово $\alpha\lambda\eta\theta\epsilon\iota\alpha$ ». Что делает сам язык вещь в себе? Что овеществляет язык настолько, что он производит вещьность? Что обеспечивает «истину» как правильность представления? Ответ несокрыт и поверхностен — число. Но из этого ответа впервые открывается языковая сущность числа — его риторическая природа. Число — это прагма языка, вещественная основа, обеспечивающая взаимосвязь четырех видов синтагмы (знак, значение, смысл, понятие) как родовой сущности языка. Число «набирает размах в том, что мы называем открытостью потаенного». Это «набирание размаха» и есть непосредственная сущность исчисления, а не представление об образовании чисел путем механического добавления единицы. Сначала появляется «все больше и больше числа» как усиление прагмы языка, а как фиксировать это языковое «все больше и больше» (рост мышление-существованиевого каркаса) — это уже вопрос математики как возникающей из этого вопроса профессии числоведов.

XII

МХ. Куда мы забрели? Мы спрашиваем о технике, а дошли теперь до $\alpha\lambda\eta\theta\epsilon\iota\alpha$, открытости потаенного. Какое отношение имеет существо техники к раскрытию потаенного? Ответ: прямое. Ибо на раскрытии потаенности стоит всякое про-из-ведение. Последнее, со своей стороны, собирает в себе четыре вида повода — всю причинность — и правит ими. К сфере причинности относятся цель и средства, относится инструментальное. Инструментальность считается основной чертой техники. Шаг за шагом спрашивая, что такое собственно техника как средство, мы придем к раскрытию потаенного. Здесь заложена возможность всякого поставляющего изготовления. Итак, техника не простое средство. Техника — вид раскрытия потаенности. Если мы будем иметь это в виду, то в существовании техники нам откроется совсем другая область. Это — область выведения из потаенности, осуществления истины.

РТЧ. Существо техники имеет прямое отношение к раскрытию языковой сущности числа, риторической природы числа и его прагматической функции в языке в чистом виде. Число как произведение, как непосредственное раскрытие потаенного, «собирает в себе четыре вида

повода — всю причинность — и правит ими» как «инструментальное», как арифметика. А именно четыре базовых арифметических операции — умножение, сложение, вычитание, деление — правят вещностью языка. Четыре причины, образующие синтагму языка, — знак, значение, смысл, понятие — на уровне прагмы (уровне действия, осуществления причин, уровне опричинивания мышлением существования), где из взаимосвязи и совиновности друг в друге вступает в решающую фазу прагма-языкового произведения вещи мыслью, раскрываются как числовые операции (суть арифметики), каковые суть движения (действия) причин:

- 1) значимость, значение как причинение (действие, движение) «causa materialis» (изготовление серебряной чаши из вещества, материала) — это сложение (ладное складывание из частей материала);
- 2) знаковость (сигнификация), знак как причинение (действие, движение) «causa formalis» (создание формы, образа, какую принимает этот материал) — это вычитание (вспомним слова знаменитого скульптора: «Я беру глыбу и отсекаю все лишнее»);
- 3) осмысление, смысл как причинение (действие, движение) «causa finalis» («действующая причина, causa efficiens, одна из четырех, решающим образом определяет всю каузальность») — это произведение, умножение («Все зависит от нашего умения продумать про-из-ведение во всей его широте, притом в греческом смысле. Про-из-ведение — не только ремесленное изготовление, не только художественно-поэтическое выведение к явленности и изображенности. Φύσις, самобытное вырастание — тоже про-из-ведение»);
- 4) понимание, понятие как причинение (действие, движение) «causa efficiens» — это деление как реализация произведенческой способности «серебряных дел мастера» через понимание того, как про-изводить, то есть через субъектную сборку результатов значимого (значимость), знакового (знаковость) и смыслового (осмысление) причинения — соответственно, денотата, десигната и референта — в понятие.

Понятие — результат деления. Поясним это. Числовая прагматика языка редуцирует языковое рождество, «выведение из потаенного, раскрытие несокрытого» (то есть запуск в работу языковой синтагмы, результирующей на уровне прагмы созданием языкового существования вещи в себе, телесности суждения) — к делению единицы на ноль.

«Выведение из потаенного» означает произведение — это важнейший контрапункт произведения. Деление единицы на ноль непонятно математикам в качестве операции потому, что это, прежде всего, порождающая причина, являющаяся причиной произведения, это первичная языковая (на уровне прагмы) автореференция существования. Современная математика, лишенная понимания языкового смысла числовой прагматики (арифметики), рассматривает деление на ноль либо как порождение нездоровых канторовских бесконечностей, либо вовсе налагает табу на эту операцию. Языковая априоризация числовой прагматики наследует тезису Куайна «Существовать, значит, быть квантифицируемым». То есть существеннейший для бытийной функции языка вопрос о существовании значения, знака, смысла и понятия решается посредством аппроксимации семиотической языковой синтагмы (значение, знак, смысл, понятие) на квантифицируемом уровне числовой прагмы языка (сложение, вычитание, произведение, деление). Арифметика возникает как самоверификация (автореференция) языковой синтагмы. Отсюда следует фундаментальный тезис о целочисленности изначальной арифметики, той арифметики, которая есть достоверность существования языковой синтагмы. Ибо нецелочисленность есть прагматическая недостоверность языковой синтагмы. Именно так открытие нецелочисленности («проблема невыразимости целым числом диагонали квадрата со стороной, равной единице») и было осознано Пифагором как удар по языковому закону бытия, существующему (закону) в виде числовой прагмы. Проблема нецелочисленности не решена до сих пор, хотя многие выдающиеся математики (например, Кронекер) призывали математический мир найти способ «удержаться в целочисленности». Математика, внутренне в идеале храня верность целочисленности, пошла «обходными путями», «лесными тропами», по выражению Хайдеггера. Однако философ, поэт и прирожденный математик Хайдеггер, по существу, создал феноменологическую дескрипцию «царского пути» математики, на котором она не только сохраняет руководящую идею целочисленности, но и получает возможность ее раскрытия в виде новой сущности техники. Русская философия в лице РТЧ оцифровывает эту феноменологическую дескрипцию решения проблемы истинных оснований математики (арифметики). При рассмотрении такой труднейшей и многовековой, до сих пор не решенной (оказавшей существенное воздействие на развитие многих разделов математики) проблемы теории чисел, как распределение в натуральном ряду простых чисел (целых чисел, которые делятся только на себя или на единицу и присутствуют во всех системах исчисления, а не только в десятичной), руководствуясь идеей риторической природы числа (идеей числовой прагмы языка как вре-

мени-пространства квантификации элементов синтагмы языка в их взаимосвязи), РТЧ предложила рассматривать простое число как автореферент числа (сущности прагматико-языкового существования), то есть простое число есть значение того, что есть число, а процесс автореференции числа (означивания числа) формально представить как результирующее простыми числами деление единицы на ноль. Если бы деление на ноль не результировало цепочкой простых чисел, а было бы причиной бесконечности (то есть результатом такого деления была бы бесконечность, как полагают математики), то существования бы не существовало, так как отсутствовал бы базовый механизм (числовая прагма языка) его порождения. То есть язык есть причина существования в том смысле естественной числовой прагматики языка, что, если бы его не было (если бы не было числа риторического как порождающей причины вечности), то существовало бы абсолютное господство бесконечности, которое бы не дало возможности произвестись ни одной вещи. Числовая прагма языка как аппроксимированная до квантификационного уровня языковая синтагма есть также языковая синтагма сложения, вычитания, произведения и деления, следовательно, в ней должен действовать механизм автореферентности. РТЧ открывает такой механизм автореферентности числовой прагмы языка в виде концепта исчисления простых чисел, порождающей языковой причиной которого (исчисления) является числовая причина существования, формально представленная как «деление единицы на ноль». Числовую прагму языка вслед за Хайдеггером можно описать следующим образом: явление единицы (Dasein) есть несокрытость истины (несокрытость языка самого по себе в качестве причины существования, порождающей вещь в себе) как выведения из потаенности в открытость, что есть сущность (причина) произведения. Это описание имеет огромное значение как стратегический образ исследовательской программы для математиков, способной превзойти бурбакизм в деле создания общей теории математики, а именно, единица проявляется в процессе пошагового (моментно-временного) деления на ноль посредством множества автореферентов — простых чисел, сущностью которых является умножение, коммутация, перемножение. Ландау в свое время прозревал эту автореферентность числовой прагмы и говорил, что простые числа созданы для того, чтобы их умножать. То есть, как ряд слов не образуется механическим образом последовательного добавления лексических или иных единиц словообразования, так и ряд чисел как языковой ряд не образуется как натуральный ряд посредством добавления единицы к каждому предыдущему числу, чтобы получить последующее. Сначала образуются первые числа, автореферентные единице, — простые числа, которые «созданы для перемножения» и образования целых чисел

уникальными наборами (кодами) простых сомножителей. Таким образом, просматривается языковая синтагма арифметики, связывающая перводеление (деление единицы на ноль, создающее простые числа), первоумножение (произведение простых чисел), первосложение и первовычитание. Именно на основе этой семиотико-арифметической синтагмы математикам удастся, наконец, решить задачу, перед которой остановился бурбакизм, — вывести единство всех разделов математики, основанное на арифметике, языковая природа которой раскрывается РТЧ через концепт исчисления простых чисел как формализм числовой прагмы языка, содержанием которого (формализма) является сквозной для языковой синтагмы и числовой прагмы языка механизм автореференции, то есть язык сам по себе как механизм взаимообоснования и взаимоутверждения (роста) мышления и существования. Общая теория математики может сложиться благодаря преодолению идеи бесконечности в самом начале создания этой теории через раскрытие языковой природы числовой прагмы и ее функциональной роли в обеспечении веществования языка.

XIII

МХ. Открывающаяся тут перспектива кажется нам отчуждающе-странной. Так и должно быть, должно быть как можно дольше и тревожить нас, чтобы мы в конце концов всерьез отнеслись к простому вопросу: о чем же говорит слово «техника»... Человек, строящий дом или корабль или выковывающий жертвенную чашу, выводит про-из-водимое из потаенности соответственно четырем видам «повода». Это раскрытие потаенного заранее собирает образ и материал корабля и дома воедино в свете пред-видимой законченности готовой вещи и намечает исходя отсюда способ ее изготовления. Решающая суть τέχνη заключается тем самым вовсе не в операциях и манипуляциях, не в применении средств, а в вышеназванном раскрытии. В качестве такого раскрытия, но не в качестве изготовления, τέχνη и оказывается про-из-ведением. Так замечание о том, что говорит нам слово τέχνη и как греки определяли сказанное в нем, ведет нас к тому же кругу обстоятельств, на который мы натолкнулись, разбирая вопрос об истинной сути инструментальности как таковой. Техника — вид раскрытия потаенности. Сущность техники расположена в области, где имеют место открытие и его непотаенность, где сбывается ἀλήθεια, истина.

РТЧ. Итак, что есть техника? Что за сущность у техники? Ныне господствует облегченное представление о языке, исчерпывающееся его коммуникационной и информационной функциями. Хайдеггер возрождает понимание основной, генерализирующей, когиторно-физической функции языка, функции веществования, порождения

существования мышлением как всеобщей силой про-изведения. Аргументом этой функции является мышление (мысль), а результатом (значением) — существование (вещь). Областью определения этой функции является множество автореферентов существования, а областью значений — множество существований самих по себе, то есть имеющих мысль своей причиной, отдельных от мысли, как следствие отделено от причины. Эта когиторно-физическая функция и есть сущность техники как «врожденного языкового механизма». Аппроксимация семиотической языковой синтагмы в синтагме числовой прагмы языка есть формульная мощь когиторно-физической функции, основанная на исчислении простых чисел как конечных автореферентов, конечных результатов редукции семиотической синтагмы к числовой синтагме языка как универсальной физической силы. Как функциональная связь мышления и существования — алгоритм — техника есть языковой прорыв к вещам, прорыв от мысли к существованию. Можно говорить и о «тренировочной» (подражающей основной когиторно-физической функции) технике самого мышления — как о прорыве от значений к смыслу, от знаков к понятию, от чтения к пониманию.

XIV

МХ. Против подобного определения сущностной области техники могут возразить, что оно имеет силу для греческой мысли и в лучшем случае еще подходит для ремесленной техники, но для современной машинной техники уже не годится. Между тем именно она, только она волнует нас, заставляя ставить вопрос о технике вообще. Люди говорят, что современная техника — нечто совершенно другое в сравнении со всей прежней, поскольку она опирается на точные науки Нового времени. Впрочем, все яснее начинают понимать, что обратное тоже имеет место: современная физика, применяя эксперимент, зависит от технической аппаратуры и прогресса приборостроения. Констатация такого взаимобратимого соотношения между техникой и физикой верна. Но она остается голой историографической констатацией факта, ничего не говорящей о том, в чем основа такого соотношения. Решающим остается вопрос: в чем существо современной техники, если она дошла до того, что в ней применяется точное естествознание? Что такое современная техника? Она тоже раскрытие потаенного. Лишь тогда, когда мы спокойно взглянем в эту ее основную черту, новизна современной техники прояснится для нас.

РТЧ. РТЧ-формализация выявленного Хайдеггером мышление-существование-языкового каркаса Нового времени в виде когиторно-физической функции языка, конечной областью определения которой является множество простых чисел, имеет безусловное значе-

ние для современного научно-технического развития. Важно показать, что эта формализация выведет технику в принципиально новое качество веществования — телепортация, открытие и использование новых источников энергии и т.д. Попробуем это сделать. Благо, что к началу XXI века сложился такой неизвестный Хайдеггеру опыт веществования языка, как физика, тоже произведение человека язычного. Современная физика создала концепцию четырех видов фундаментальных взаимодействий. Под фундаментальными взаимодействиями понимаются «различные, не сводящиеся друг к другу типы взаимодействия элементарных частиц и составленных из них тел. На сегодня достоверно известно существование четырех фундаментальных взаимодействий: гравитационного, электромагнитного, сильного и слабого взаимодействий, причем электромагнитное и слабое взаимодействия, вообще говоря, являются проявлениями единого электрослабого взаимодействия. Ведутся поиски других типов взаимодействий, как в явлениях микромира, так и в космических масштабах, однако пока существование какого-либо другого типа взаимодействия не обнаружено. Таким образом, в настоящее время фундаментальные взаимодействия описываются двумя общепринятыми теориями: общей теорией относительности и Стандартной моделью элементарных частиц. Их объединения пока достичь не удалось из-за трудностей создания квантовой теории гравитации. Для дальнейшего объединения фундаментальных взаимодействий используются различные подходы: теории струн, петлевая квантовая гравитация. РТЧ-подход к проблеме объединения четырех фундаментальных взаимодействий состоит в том, чтобы рассматривать их как третий — после семиотической и арифметической синтагм — уровень синтагматического строения (устройства) языка самого по себе как системы взаимодействия мышления и существования. Кроме того, налицо соответствие между четырьмя видами причин в представленной Хайдеггером синтагматической структуре философского учения о причинности и четырех видов фундаментальных взаимодействий.

- (1) Четыре вида причин сущего (философский детерминизм),
- (2) четыре вида семиом (семитотика, структурная лингвистика),
- (3) четыре вида числодействия, арифметики (теория чисел),
- (4) четыре вида фундаментальных взаимодействий (современная физика) —

все это соединяется в Великую синтагму языка бытия и сопричастия наук бытию (1) Бытие, (2) Язык, (3) Число, (4) Время.

Понятие (Что?) языка бытия имеет:

- (1) референт (Почему?) в синтагматике философского детерминизма,

- (2) десигнатор (Имя?) в семиотико-лингвистической синтагматике,
- (3) денотат (Сколько?) в синтагматике общей математической теории,
- (4) дефиницию (Как это «Что» есть?) — в синтагматике физики существования как веществования языка бытия.

Понятно, что мы должны прийти к новому определению термина «понятие», к новому уровню абстрактного мышления, объект которого (понятие языка бытия) мог бы быть многокритериально оптимизирован в прояснении своих референта, десигнатора, денотата и дефиниции. В этом смысле придется отказаться от знаковых веществований (семиотической материализации, семиотического эмпиризма) каждой из синтагм, а именно, от атомизма в физике, от нецелочисленности в математике, от идеологии языкового небытия и предметно-материалистического эмпиризма в философии, от логического позитивизма в лингвистике. Тогда мы получим понятие языка бытия как риторическое число, посредством которого веществуется язык.

Хайдеггеровское раскрытие совиновности четырех видов синтагм в существовании друг друга имеет ключевое значение в объединении видов фундаментальных взаимодействий в физике, в соединении семиом в семиозисе, в философском детерминизме и в математике это соединение давно уже стало общим местом. В частности, многие разделы математики (теория групп, разделы топологии) возникли из «виновности» сложения, вычитания, умножения и деления в существовании друг друга.

Элементы синтагм веществуют как непрерывные (полевые) и дискретные. Именно по этой причине я, например, сочетал сильное и слабое взаимодействие как дискретные элементы с такими дискретными элементами, как вычитание и сложение, знак и значение, а полевые гравитационные и электромагнитные взаимодействия с произведением и делением, смыслом и понятием как непрерывными, континуальными элементами соответствующих синтагм. Расширенная синтагматическая таблица станет основой соединения и соразвития наук как универсального научного языка бытия. Соразвитие наук станет возможным на основе хайдеггеровского принципа синтагматической сопричастности и сопричинности — совиновности элементов синтагм в возникновении и поведении друг друга.

Таблица языковых синтагм

1. Общая синтагма языка бытия
2. Синтагма причинности
3. Семиотическая синтагма
4. Арифметическая синтагма

5. Синтагма физики
6. Качество синтагматического элемента: непрерывный (полевой)/дискретный

1	Бытие	Язык	Число	Время	Понятия языка бытия
2	causa finalis	causa efficiens	causa formalis	causa materialis	референт
3	смысл	понятие	знак	значение	десигнатор
4	произведение	деление	вычитание	сложение	денотат
5	гравитационное	электромагнитное	сильное*	слабое**	дефиниция
6	непрерывный	непрерывный	дискретный	дискретный	сигнификация

Пояснения к таблице

* Сильное ядерное взаимодействие (цветовое взаимодействие, ядерное взаимодействие) — одно из четырех фундаментальных взаимодействий в физике. Сильное взаимодействие действует в масштабах атомных ядер и меньше, отвечая за притяжение между нуклонами в ядрах и между кварками в адронах. В сильном взаимодействии участвуют кварки и глюоны, а также составленные из них элементарные частицы, называемые адронами (*Википедия*).

* Слабое взаимодействие, или слабое ядерное взаимодействие — одно из четырех фундаментальных взаимодействий в природе. Оно ответственно, в частности, за бета-распад ядра. Это взаимодействие называется слабым, поскольку два других взаимодействия, значимых для ядерной физики (сильное и электромагнитное), характеризуются значительно большей интенсивностью. Однако оно значительно сильнее четвертого из фундаментальных взаимодействий, гравитационного. Слабое взаимодействие является короткодействующим — оно проявляется на расстояниях, значительно меньших размера атомного ядра (характерный радиус взаимодействия 10–18 м). Стандартная модель физики элементарных частиц описывает электромагнитное взаимодействие и слабое взаимодействие как разные проявления единого электрослабого взаимодействия (*Википедия*).

XV

МХ. Выведение из потаенности, которым захвачена современная техника, носит характер предоставления в смысле добывающего производства. Оно происходит таким образом, что таящаяся в природе энергия извлекается, извлеченное перерабатывается, переработанное накапливается, накопленное опять распределяется, а распределенное снова преобразуется... Извлечение, переработка, накопление, распределение, преобразование — виды выведения из потаенности. Это выведение, однако, не просто идет своим ходом. Оно и не растекается в неопределенности...

Если сейчас, когда мы пытаемся выявить в современной технике ее характер производящего выведения из потаенности, нам подвертываются, громоздясь сухой, однообразной и потому тягостной грудой, слова «ставить», «предоставлять», «поставлять», «состоять», то тому есть основание в вещи, которая хочет здесь сказать о себе.

Кто осуществляет все это поставляющее производство, через которое так называемая действительность выходит из потаенности для состояния в наличии? Очевидно, человек. До какой степени он своими силами способен на такое раскрытие потаенного? Человек может, конечно, тем или иным способом представлять, описывать и производить те или иные вещи. Но непотаенностью, в которой показывает себя или ускользает действительное, человек не распоряжается. То, что со времен Платона действительное обнаруживает себя в свете идей, не Платоном устроено. Мыслитель лишь отвечал тому, что было к нему обращено как вызов.

Это поставляющее раскрытие всего может осуществляться только в той мере, в какой человек со своей стороны заранее сам уже вовлечен в извлечение природных энергий. Если человек вовлечен в это, поставлен на это, то не принадлежит ли и человек — еще первоначальнее, чем природа — к состоящему-в-наличии?

Правда, как раз потому, что человек еще раньше, чем природные энергии, вовлечен в процесс добывающего поставления, он никогда не бывает чем-то просто состоящим в наличии. Применяя технику, человек первичнее ее участвует в поставляющем производстве как способе раскрытия потаенности. Но сама непотаенность, внутри которой разворачивается поставляющее производство, никоим образом не создана человеком, как не им устроена и та область, которую он обязательно пересекает всякий раз, когда в качестве субъекта вступает в отношение к объекту.

В чем и как происходит открытие потаенности, если оно не целиком устраивается человеком? Долго искать не приходится. Надо только без предвзятости осмыслить То, чем человек всегда оказывается заранее уже захвачен, причем настолько решительно, что лишь в силу своей захваченности он и может быть человеком. Когда бы человек ни раскрывал свой взор и слух, свое сердце, как бы ни отдавался мысли и порыву, искусству и труду, мольбе и благодарности, он всегда с самого начала уже видит себя вошедшим в круг непотаенного, чья непотаенность уже осуществилась, коль скоро она вызвала человека на соразмерные ему способы своего открытия. По-своему открывая внутри непотаенности присутствующее в ней, человек лишь отвечает ее вызову — даже там, где ему противоречит. И если, ища и созерцая, человек начинает исследовать природу как некую область своего представления, то, значит, он уже захвачен тем видом открытия потаенности, который заставляет его наступать на природу как на стоящий перед ним предмет исследования — до тех пор, пока и предмет тоже не исчезнет в беспредметности достоящего-в-наличии.

РТЧ. Язык бытия есть выражение сущности времени, веществуемое пространством как событийностью и фактичностью существования. Вовлеченность человеческого языка в язык бытия, захваченность человека языком бытия — это и есть вовлеченность человека «в извлечение природных энергий». Откуда извлекаются природные

энергии? Из при-роды, из того, что происходит при Роде всех вещей посредством языка бытия. Поскольку энергии извлекаются не из Рода всех вещей непосредственно, а из того многообразия, что его окружает (из природы), то и источники энергии бывают самые разнообразные и весьма ограниченные, и устройства по извлечению энергии, как правило, крайне несовершенные. Род всех вещей как сущность языка бытия — это время, субстанция веществования, представляющая собой язык бытия, язык в чистом виде. Природа времени как Рода всех вещей и языковой сущности веществования раскрывается в сущностном единстве синтагм детерминизма, семиотики, арифметики и физических фундаментальных взаимодействий. Энергия есть сила веществования времени, мера и мощь произведения пространства временем из потаенности бытия. Может ли человек черпать энергию не из природы, а непосредственно из Рода всех вещей, из субстанционального времени. Это ключевой вопрос глобальной энергетики, который разрешим на пути развития РТЧ-парадигмы. Если мы сможем овеществить субстанциональное время, то мы сможем пользоваться «состоящим-в-наличии» веществом времени как тем субстратом, что распускается в качестве неограниченной энергии. При этом самое важное о субстанциональном времени мы знаем из речевого опыта веществования языка, ведь время есть, хотя и язык в чистом виде, но все же язык, сродни тому, что делает человека человеком, и непосредственно ему доступен. Овеществление субстанционального времени — это новая возможность реализации сущности техники. Для того чтобы научиться овеществлять время, нужно постичь его как универсальный язык бытия. Необходимо создать производство, добывающее вещество времени, которое таится в при-роде как Род всех вещей и, извлекаясь из потаенного, распускается в виде энергии, в том числе энергии вещеобразования. Вещество времени «извлекается, извлеченное перерабатывается, переработанное накапливается, накопленное опять распределяется, а распределенное снова преобразуется... Извлечение, переработка, накопление, распределение, преобразование — виды выведения из потаенности».

XVI

МХ. Физическая теория природы Нового времени приготовила путь прежде всего не технике, а существу современной техники. Ибо захватывающая сосредоточенность на поставляющем раскрытии потаенного царит уже в этой физике. Она только не выступает еще в ней на передний план в своем собственном облике. Физика Нового времени — это еще не познанный в своих истоках ранний вестник постава. Существо современной техники еще долго останется потаенным даже тогда, когда уже изобретут

разнообразные двигатели, разовьют электротехнику и двинут в ход атомную технику.

РТЧ. Язык бытия, понятием которого является полисинтагматическое «риторическое число» — это язык новой физики как сущностно-технического добывающего производства, основанного на добыче вещества времени.

XVII

МХ. Итак, современная техника в смысле поставляюще-предоставляющего раскрытия непотаенности — не просто человеческое дело. Поэтому и тот вызов, который заставляет человека поставлять действительное как состоящее-в-наличии, мы тоже должны воспринять таким, каким он обнаруживает себя. Вызов этот сосредоточивает человека на поставляющем производстве. Его собирающее начало нацеливает человека на поставление действительно как состоящего в наличии.

То, что изначально складывает извилистые линии берега, нанизывая на себя их сложную совокупность, в береговую линию, есть собирающее начало, которое мы называем по-бережьем. Мы называем то изначально собирающее начало, из которого разворачиваются разнообразные способы, какими мы ведем себя, поведением. Назовем теперь тот захватывающий вызов, который сосредоточивает человека на поставлении всего, что выходит из потаенности, в качестве состоящего-в-наличии, — по-ставом. Решимся применить это слово в пока еще совершенно непривычном смысле.

В существующем смысле слово «постав» означает станок, например ткацкий. Поставом называются также мельничные жернова. И таким же тяжелым и жестким, как они, кажется напросившееся нам теперь новое употребление слова «постав», не говоря уже о произволе такого переименования слов зрелого языка. Можно ли дальше зайти со странностями?

...По-ставом мы называем собирающее начало той установки, которая ставит, то есть заставляет человека выводить действительное из его потаенности способом поставления его как состоящего-в-наличии. По-ставом называется тот способ раскрытия потаенности, который правит существом современной техники, сам не являясь ничем техническим. К техническому же относится все знакомое нам в виде всевозможных станков, станов, установок и служащее составной частью того, что именуется производством. Последнее вместе со всеми своими составными частями относится к сфере технического манипулирования, которое всегда только отвечает требованиям постава, никогда не формируя его и даже не воздействуя на него.

В по-ставе осуществляется непотаенность, в виду которой функционирование современной техники раскрывает действительность как состоящую в наличии.

РТЧ. Участие человеческого существа в овеществлении, в вещевании времени, то есть выведении из потаенности бытия силой времени пространства событий, Хайдеггер понимает как рефлексивное участие в «поставе», в который человек вовлечен изначально и которым захвачен как человек языка. РТЧ рассматривает «поставление всего, что выходит из потаенности, в качестве состоящего в наличии» как целочисленный континуум, образующийся из разворачивания единицы, явления сущности единицы из непотаенности в открытость множества простых чисел. Целочисленный континуум — это выражение поведения числовой прагмы языка в языке физики, арифметизация фундаментальных физических взаимодействий. Риторическое число языка бытия (бытие выступает как субъект языка в чистом виде), то есть число времени, веществуящее пространством, — это и есть единый объект четырех фундаментальных взаимодействий физики как модусов овеществления времени, «виновных» в существовании друг друга. Множество простых чисел как автореферентная структура целочисленного континуума, обеспечивающая устойчивость языкового каркаса языка бытия, образует область определения бытийной когитарно-физической функции, овеществляющей субстанциональное время в пространственной области существований. Целочисленный континуум — это «пахтание» синтагмы языка бытия, синтагмы автореференции. Язык сам по себе — это самозамкнутое, истинное умозаключение. То есть целочисленный континуум представляет собой чистое бытие автореференции как изначальной алгебры когитарной физической функции языка, алгебры веществуящих умозаключений.

Синтагма времени как языка веществования

Синтагма автореференции	Просточисленная синтагма целочисленного континуума	Синтагма фундаментальных взаимодействий физики	Синтагма понятия языка бытия
автодедукция	деление единицы на ноль	гравитация	референт
автоиндукция	произведение простых чисел	электромагнитное взаимодействие	денотат
автоаналогия	разложение целого числа на простые сомножители	сильное взаимодействие	десигнатор
автодефиниция	пифагоровы тройки целочисленных решений уравнения Пифагора-Ферма	слабое взаимодействие	дефинитор

Синтагма, или алгебра автореференции, представляет собой четыре «виновных в существовании друг друга» вида бытия автореферентности — вида веществуемых, солиптически самозамкнутых умозаключений:

- (1) автодедукция, то есть генезис множества конечных автореферентов (автореферентов единицы) — множества простых чисел — в процессе деления единицы на ноль, то есть самопредставление единицы множеством своих истинностно-конечностных частей — простых чисел;
- (2) автоиндукция — произведение, коммутация простых чисел, создающая расширяющееся множество целых чисел натурального ряда, уникализированных частными просточисленными наборами сомножителей;
- (3) автоаналогия как дистинкция, саморазличие (размножение) целого числа на простые сомножители в среде других целых чисел (в среде целочисленного континуума)
- (4) автодефиниция как определенное множество пифагоровых троек — целочисленных решений уравнения Пифагора-Ферма: $a^2 + b^2 = c^2$, то есть множество дефинитивных структур устойчивости языкового каркаса целочисленного континуума.

Синтагма понятия языка бытия — это технический проект добычи вещества времени. Понятие языка бытия — число риторическое — это функция автореференции, которую я называю формулой единицы. Формула единицы показывает языковое вещевание времени как автореферентное расширение целочисленного континуума. Расширение целочисленного континуума посредством коммутации простых чисел в семиотической сети формально представляет единое базовое основание фундаментальных физических взаимодействий, которое не схвачено современной физикой — ускорение. Впрочем, астрофизика фиксирует «аномальное» ускорение галактик, разбегающихся после Большого взрыва, не объяснимое существующей записью физических законов и руинирующее эту запись. Ускорение — это единое основание гравитации, электромагнитного взаимодействия, сильного и слабого взаимодействий, основание автореферентности физических законов, то есть выполнимости мышления в существовании (выведения существования из потаенности бытия мышлением как языком времени). Ускорение — это физический смысл исчисления простых чисел, фиксируемый в расширении целочисленного континуума — как в разворачивании физического бытия единицы. Отсюда вытекает применимость исчисления простых чисел как нового, истинного дифференциально-интегрального исчисления физики, объединяющего

на математическом уровне 4 вида фундаментальных взаимодействий физики. Можно предсказать существование ускорениевого поля, в котором присутствует совиновность (виновность в существовании друг друга) дискретных (сильные и слабые взаимодействия) и непрерывных (гравитация и электромагнетизм) элементов синтагмы языка современной физики.

Смысл ускорения как явления языка бытия состоит в творении существования из времени, силой времени, как создающей пространство силы языка бытия (силы времени как бытийного языка в чистом виде). Ускорение — это сказывание бытия посредством времени как своего (бытия) языка, порождающее существование. Ускорение — это ПРОРЫВ ОТ ВРЕМЕНИ К БЫТИЮ. Семиотическое ускорение — это прорыв к авторефенции, прорыв мыслящего к мыслимому, означающего — к означаемому, присутствия — к сuti.

XIX

МХ. Все сущностное, а не только существо современной техники, вообще всего дольше остается потаенным. И все равно по размаху своей власти оно остается тем, что предшествует всему: самым ранним. Об этом уже знали греческие мыслители, когда говорили: то, что правит первыми началами вещей, нам, людям, открывается лишь позднее.

Изначально раннее показывает себя человеку лишь в последнюю очередь. Поэтому в сфере мысли усилия еще глубже продумать ранние темы мысли — это не вздорное желание обновить прошлое, а трезвая готовность удивляться будущему характеру раннего.

РТЧ. Исчисление простых чисел как бытие числа риторического, то есть исчисляюще-добывающая вещь времени природа языка бытия изначально делает человека человеком через его захваченность числом риторическим (понятием языка бытия). «Изначально ранее показывает себя человеку лишь в последнюю очередь» — в Конце истории мышления Нового времени, в русской философии.

XX

МХ. Поскольку существо современной техники коренится в поставе, постольку она вынуждена применять точное естествознание. Отсюда возникает обманчивая видимость, будто современная техника есть прикладное естествознание. Такая видимость может утверждать себя до тех пор, пока не спрошено достаточным образом ни о сущностных истоках наук Нового времени, ни о существовании современной техники.

Мы ставим вопрос о технике, чтобы прояснить наше отношение к ее существу. Существо современной техники являет себя в том,

что мы называем по-ставом. Но указать на это еще вовсе не значит ответить на вопрос о технике, если отвечать значит: соответствовать — отвечать существу того, о чем задан вопрос.

Где мы окажемся, если сделаем теперь еще один шаг в осмыслении того, что такое по-став сам по себе? Он вовсе не нечто техническое, машинообразное. Он способ, каким действительное выходит из потаенности, становясь состоящим-в-наличии. Опять спросим: происходит ли это открытие потаенного где-то за пределами всякой человеческой деятельности? Нет. Но все же оно происходит не только в человеке и не главным образом через него.

По-став есть собирающее начало того установливания, которое ставит человека на раскрытие действительности способом поставления его в качестве состоящего-в-наличии. Захваченный поставляющим производством, человек стоит внутри сущностной сферы постава. Он никак не может занять то или иное отношение к нему, поразмыслив. Поэтому вопрос, в какое нам встать отношение к существу техники, в такой своей форме всегда уже запоздал. Зато никогда не поздно спросить, знаем ли мы о самих себе, что наше действие и наше бездействие во всем то явно, то скрыто втянуто в по-став. Никогда не поздно спросить главное, задеты ли мы и как, собственно, задеты сущностной основой самого постава.

Существо современной техники таится в поставе. Последний повинуется миссии раскрытия потаенности. Эти фразы говорят нечто другое, чем часто слышимые речи о технике как судьбе нашей эпохи, где судьба означает неизбежность неотвратимого хода вещей.

РТЧ. Феномен постава, раскрываемый Хайдеггером, есть хроноцентрирование сущего, вовлеченной, захваченной частью которого (сущего) является человеческое существо. Человек вовлечен изначально в добычу, переработку, использование и преобразование вещества времени. Но до сих пор он являлся работником этого добывающего производства, не осознающим ни целей, ни продуктов, ни смысла, ни значения своего труда. Кто послал человечество «на путь раскрытия потаенного»? Тот, кому необходимо вещество времени и кто отставляет нам лишь отходы этого производства так, что весь наш потребительский мир — лишь утилизация этих отходов? Или тот, кто ставит нас на путь обучения сущности времени и употребления вещества времени, существующего мир? Задавая эти вопросы, «тем самым мы уже вступили в свободный простор исторической посланности, которая никоим образом не навязывает нам тутого фатализма слепых служителей или, что сводится к тому же, бессильных бунтарей против техники, проклинающих ее как дело дьявола. Наоборот, по-настоящему открыв себя существу техники, мы неожиданно обнаруживаем, что захвачены освободительной ответственностью».

XXI

МХ. Постав встает на пути свечения и правления истины. Миссия, посылающая на исторический путь поставления действительности, есть поэтому высший риск. Опасна не техника сама по себе. Нет никакого демонизма техники, но есть тайна ее существа. Существо техники как миссия раскрытия потаенности — это риск. Измененное нами значение слова «постав», возможно, делается нам немного ближе, если мы подумаем теперь о поставе в смысле посланности и опасности.

Но где опасность, там вырастает
И спасительное. (*Гельдерлин*)

Как раз в по-ставе, который грозит втянуть человека в поставляющее производство как в якобы единственный способ раскрытия потаенного и тем толкает человека на риск отказа от своей свободной сущности, как раз в этой крайней опасности дает о себе знать интимнейшая, нерушимая принадлежность человека к осуществлению истины — при условии, что мы со своей стороны начнем обращать внимание на существо техники.

РТЧ. Человек научился творить геоцентрическую человеческую реальность существования. «Человек раскорячился до фигуры господина земли. Распространяется видимость, будто все предстающее человеку стоит лишь постольку, поскольку так или иначе поставлено им. Эта видимость со временем порождает последний обманчивый мираж. Начинает казаться, что человеку предстает теперь повсюду уже только он сам. Гейзенберг с полным основанием указал на то, что сегодняшнему человеку действительность должна представляться именно таким образом. Между тем на самом деле с самим собой, то есть со своим существом, человек сегодня как раз нигде уже не встречается. Человек настолько решительно втянут в постав, что не воспринимает его как обращенный к нему вызов, просматривает самого себя как захваченного этим вызовом, прослушивает тем самым все способы, какими в своей захваченности эк-зистировует из своего существа, и потому уже никогда не может встретить среди предметов своего представления просто самого себя». Но вышесказанное Хайдеггером говорит о том, что коперниканский гелиоцентрический ПОВОРОТ еще не произошел (не завершен) как поворот человека к своей хроноцентрической, языкобытийной сущности. Гелиоцентризм существования остался пустым поверхностным смыслом без гелиоцентризма мышления, которое по-прежнему погрязло в «землемерной» геометризации, и логоцентризма, закрывающего языковой, риторический горизонт мышления (квинтэссенцию речевого опыта). Теория относительности — это первая

гелиоцентрика мышления, вводящая гелиоцентрическую мысль о существовании как «принцип постоянства скорости света» в континууме веществования. Русский поэт Алексей Кручёных в соавторстве с Велимиром Хлебниковым написал либретто к опере «Победа над солнцем», в которой была провозглашена весть гелиоцентрической мысли. Знаменитый «Черный квадрат» Малевича впервые возник в декорациях к «Победе над солнцем» (1-е действие, 5-я сцена) как пластическое выражение победы активного человеческого творчества над пассивной формой природы: черный квадрат вместо солнечного круга. Старое вечное Солнце выступало символом прежнего порядка вещей, подлежащего искоренению, — борьба с ними увенчивалась полной победой Будетлянских силачей: хор в конце первого дейма (неологизм Хлебникова, обозначающий действие) докладывал: *«Мы вырвали солнце со свежими корнями / Они пропахли арифметикой жирные / Вот оно смотрите»*⁴. Гелиоцентрическое существование обретает свое «альтер эго» — хроноцентрическое мышление. Образуется черная квадратура солнечного круга как образ новой сущности техники — выведения энергии из солнца как из вещества времени. Назрел переход от геометрии к гелиометрии целочисленного континуума, одной из важнейших фигур которой (гелиометрии) является лента Мебиуса — синтагматическая лента автореференции как взаимоперехода мышления-и-существования, времени-и-пространства, смысла-и-значения, гелиоцентрическое представление исчисления простых чисел как конечных авторефрентов, образующих истинное множество значений, естественных, органических частей единицы (в этом последнем смысле исчисление простых чисел — подлинный «новый органон» мышления).

Вслед за выходом в космос существования, человек должен выйти в хроноцентрический космос мышления, производящего существование, завершив тем самым коперниканский поворот, завершив существование Нового времени и выводя человечество из потаенности Нового времени в открытость Нового бытия.

⁴ Кручёных А., Хлебников В. Победа над Солнцем: Либретто оперы // Либрусек. Электронная библиотека [Электронный ресурс]. — Эквадор. — Режим доступа: <http://lib.rus.ec/b/297113/read>, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.

Приглашение математиков к разработке риторической теории чисел

Математика как язык описывает реальные операции с числами. Референтом этих операций в истории современной математики изначально выступала геометрия — соизмерение материальных («землемерных») отрезков. Соизмерение материальных отрезков — это референтная структура действий с числами для Пифагора, Евклида.

РТЧ раскрывает иную референтную основу операций с числами, что меняет и понимание сущности числа. Эта референтная основа — гелиометрия.

В таком подходе возникает операция порождения чисел, возникновения первых чисел, каковыми являются простые числа, рассматриваемые как гелиометрические точки.

Операция порождения чисел (создания первых чисел) — это гелиометрическая прогрессия, то есть последовательность простых чисел (элементов гелиометрической прогрессии), в которой каждое последующее число получается из предыдущего посредством деления его на ноль.

Каждое простое число есть гелиометрическая точка и одновременно значение гелиометрического отрезка (светового, неземлемерного отрезка).

Гелиометрический отрезок — это часть гелиометрической единицы.

Гелиометрическая единица есть конечное множество гелиометрических отрезков.

Единица есть множество простых чисел.

Необходимо также рассмотреть существо РТЧ-арифметической прогрессии. Как известно, арифметическая прогрессия — это числовая последовательность, каждый член которой, начиная со второго, равен предыдущему, сложенному с постоянным для этой последовательности некоторым числом.

Для рассмотрения РТЧ-арифметической прогрессии целесообразно использовать контекст Проблемы Гольдбаха (первой проблемы Ландау), суть которой — необходимость доказать или опровергнуть, что каждое четное число, большее 2, может быть представлено в виде суммы двух простых чисел, а каждое нечетное число, большее 5, может быть представлено в виде суммы трех простых чисел.

А именно, нам необходимо гипотетически представить весь ряд целых чисел в контексте операции сложения простых чисел, то есть этот ряд будет состоять из следующих трех коммутативных слоев и полностью исчерпываться ими:

- числа, состоящие из одного простого числа;
- числа, состоящие из двух простых чисел, — четные числа;
- числа, состоящие из суммы трех простых чисел, — нечетные числа, большие пяти.

РТЧ-арифметическая прогрессия — это алгоритмическая (функциональная) прогрессия, то есть последовательность значений функции, областью определения которой является \mathbb{N} -последовательность простых чисел, а областью значений — пошаговое суммирование простых чисел, а именно (1) простое число n , (2) множество сумм n простого числа с каждым из простых чисел n -последовательности простых чисел, (2) множество сумм n простого числа с каждой «двоицей» простых чисел n -последовательности простых чисел.

Целесообразно также рассмотреть такую алгоритмическую прогрессию, в которой простые числа суммируются последовательно в соответствии с нумерацией их распределения в натуральном ряду — по 2, по 3 и т.д. Анализ этой нумерационной последовательности даст, в том числе, и новое видение проблемы простых чисел-близнецов, то есть простых чисел, отличающихся друг от друга на 2.

Гелиометрическая прогрессия и алгоритмическая прогрессия представляют генезис и структуру целочисленного континуума.

Кроме того, важный аспект системного анализа целочисленного континуума состоит в следующих математических представлениях, открытых Ферма. Это, прежде всего, знаменитая теорема Ферма. Целочисленными решениями уравнения Пифагора-Ферма $a^2 + b^2 = c^2$ являются пифагоровы тройки чисел. РТЧ-гипотеза состоит в том, что в пифагоровых тройках может быть не более 2 простых чисел. Это обстоятельство показывает (проявляет) каркас целочисленного континуума, связывающий некоммутативным образом простые числа (как строительные элементы целочисленного континуума) и целые составные числа. В РТЧ-математике квадрат числа — это формализм означивания числа, значение автореферентности числа, поэтому квадратичность целого числа является непосредственным объектом исследований каркаса целочисленного континуума как языкового каркаса (каркаса языка числа, целочисленного языка описания сущего). Представление целого числа в виде суммы двух квадратов представляет собой формализм сигнатуры числа, сигнификации значения числа в целочисленном континууме. Здесь включается принцип верификации целого числа в целочисленном континууме: как известно, составное число представимо

в виде суммы квадратов двух натуральных чисел тогда и только тогда, когда его можно разложить на два множителя, также представимых в виде сумм квадратов. Представимость в виде суммы двух квадратов числа, равного произведению чисел, представимых в виде суммы двух квадратов, выражает изоморфную структуру целочисленного континуума, его гелиометрическое существование в виде ленты Мебиуса. Сумма двух квадратов — это предложение целочисленного языка, стремящееся к раскрытию истинной структуры целочисленного континуума. Важнейшее представление Ферма говорит о том, что любое простое число вида $4n + 1$ представимо, причем единственным способом, в виде суммы двух квадратов. Это представление в РГЧ-математике интерпретируется в том смысле, что возможно построение (существование) предложений в целочисленном языке, имеющих непустую референтность (просточисленное значение).

Событие пространства есть движение числа в целочисленном континууме, структура овеществления времени как языка бытия. Для гелиометрической интерпретации целочисленного континуума важен также физикалистский принцип постоянства значения скорости света с точки зрения рассмотрения гелиометрических «отрезков» (скорее квантовых световых нарезок, «срезов») как «просточисленных стрел времени». Постоянство скорости света — это действительный интеграл гелиометрических отрезков как ускорений числа (изменений скоростей движения чисел в целочисленном континууме). Изменения скоростей движения чисел в целочисленном континууме предопределены его каркасом.

Этот принцип раскрывает антиэнтропийное бытие целочисленного континуума как субстанционально-временной генезис пространства и показывает временную обратимость целочисленной континуальности в виде движения ленты Мебиуса. Стрела времени (срез вселенского ускорения) в целочисленном континууме устремлена к определенной цели, это не «покоящееся бытие» в парадоксах Зенона и производных от них парадоксах теории относительности и квантовой механики; деятельная цель стрелы времени — просточисленное (естественное) деление времени, деление единицы на ноль, создание естественных моментов времени как «логических атомов» языка бытия, «просточисленных атомов» целочисленного континуума. Постоянство скорости света выражает просточисленную конечность целочисленного континуума.

Риторическое число — абсолютное понятие универсального языка науки, субстанция содержания которого — это вещевание (создание) пространства субстанциональным временем как совершенным языком бытия, а субстанция выражения — целочисленный континуум как истинная физико-математическая модель (закон) природы как пространственного выражения материи времени. Риторическое число — это

понятие, схватывающее природную сущность техники, фиксирующее достоверно-однозначный смысл природного явления, а также строгое значение природного явления в целочисленном континууме. Риторическое число — это ансамбль языковых синтагм. Риторические фигуры языка риторических чисел — это фигуры гелиометрии (светометрии, солнцеметрии) — лента Мебиуса и др. Риторическая фигура риторического числа — это числование вещей, непосредственное вещепроизводство из вещества (материала) времени по плану (образцу) числа, это также тензор вселенского ускорения, универсального явления природы, состоящего в ничтожении небытия посредством языка бытия, то есть в непрерывном преодолении изначального опоздания означающего к означаемому, наблюдающего к наблюдаемому.

Тензор ускорения определяется как гелиометрический объект (световой «отрезок»), который описывается многомерным целочисленным массивом, то есть набором простых чисел, занумерованных несколькими индексами, или таблицей (n -мерной, где n — валентность тензора). Поясним это. Как известно, значения чисел в массиве, или компоненты тензора, зависят от системы координат, но при этом сам тензор как геометрическая сущность от них не зависит. Под проявлениями этой «геометрической сущности» можно понимать много что: различные скалярные инварианты, симметричность/антисимметричность индексов, соотношения между тензорами и другое. Например, скалярное произведение и длина векторов не меняется при поворотах осей, а метрический тензор всегда остается симметричным. Свертки любых тензоров с самими собой и/или другими тензорами (в том числе векторами), если в результате не осталось ни одного индекса, являются скалярами, то есть инвариантами относительно замены координат: это общий способ постороения скалярных инвариантов.

При замене системы координат компоненты тензора преобразуются по определенному линейному закону. Зная компоненты тензора в одной координатной системе, всегда можно вычислить его компоненты в другой, если задана матрица преобразования координат. Таким образом, тензор = массив компонент + закон преобразования компонент при замене базиса.

РТЧ предлагает модифицировать тензорное исчисление в гелиоцентрический формат, вводя понятия «тензора ускорения» как «гелиоцентрической сущности» над целочисленным массивом (таблицей простых чисел). Под базисом новой формы тензорного исчисления будем понимать систему счисления, тогда закон преобразования компонент тензора при замене базиса открывается как закон простых чисел, ведь известно, что простые числа существуют во всех системах счисления. Тензор ускорения — это значение времени как языка бытия, в этом

смысле он в качестве стрелы времени, выпущенной в целочисленный континуум, парит над просточисленным массивом («почвой», материей времени) как гелиометрическая (светоносно-светометрическая) сущность.

РТЧ-глоттогенез раскрывает в качестве первого языка — язык числа, тождественный исчислению простых чисел, порождающей процедурой которого является деление единицы на ноль, результирующее простыми числами, имеющее референтностью отношение бытия и ничто как фундаментальное отношение, создающее субстанцию времени в виде языка бытия.

Первый язык — это универсальная система кодов мышление-существованиевого цикла.

Простые числа — это первокачества времени, базовые элементы первого языка. Как же согласно РТЧ-глоттогенезу на основе языка числа появляется слово в его современной цивилизационной форме — как синтагма звука, внешнего вида слова, значения (понятия) и смысла (мысли)? Как возможны и чем обеспечиваются языковые различия? Слово — это гелиометрическая сущность, гелиометрический тензор (частными случаями тензоров являются скаляры, векторы, матрицы) над просточисленным массивом (таблицей простых чисел) в целочисленном континууме. То есть народы занимают разное МЕСТО ПОД СОЛНЦЕМ, у них разная гелиометрия и, соответственно, есть различия в заполнении целочисленного континуума и движении в нем посредством мысли, но все эти различия суть одно и то же гелиометрическое тензорное исчисление простых чисел. Акустика слова, достигающая языковой цели слова быть истинным и понимаемым представляет собой специфическое просточисленное колебание в целочисленном континууме, моделируемое гелиометрическим тензором (струной). В этом смысле звук слова раскрывается как число в чистом виде, число риторическое. Акустическая эхолокация слова (словного образования — предложения, высказывания, суждения), вслушивание — это различие в слышимом фундаментальной структуре первого языка, на базе которой работает субстанционально-языковая связка «есть». Внешний вид слова (знаконачертание) выражает, представляет гелиометрический тензор («стрелу времени», цель которой достижение истины языка как соприкосновения, встречи с поверхностью отклика бытия) или какой-либо аспект, контрапункт гелиометрического тензорного исчисления простых чисел. В синтагматическом единстве числа (звукослова), внешнего вида (гелиометрической сущности слова), понятия (целочисленной континуальности) и смысла (конечной цели мысли) слово есть усвояемое человеком вещество времени, создающее языковую телесность его солиптического Я.

Язык бытия — такова РТЧ-модель Вселенной, подлинная предметность космогонии. Означивание в языке бытия — это скорость бытия, творящего предметность (скорость света). Создание около 300 000 км предметности в секунду — такова скорость создания пространства из языково-бытийной материи, то есть из субстанционального времени, скорость вещевания времени. Первая скорость творения возникает как ускорение, изменение полевого значения скорости. Простые числа суть первоускорения, множество которых образует единое выражение скорости бытия, творящего предметность, выражение физического существования бытийной субстанциональной единицы. Физика языка бытия (истинная космогония), физика субстанционального времени — это физика (закон) вселенского ускорения как универсального физического явления выражения бытия временем. Бытие — субстанция содержания языка бытия, а время — субстанция выражения. Время поэтому есть непрерывное ускорение движения в целочисленном континууме, выражающее скорость бытия, творящего предметность. Время — это изначальное ускорение, непосредственная сущность первой скорости бытия как наличное тождество означаемого и означающего в языке бытия.

Центральным событием мышления является РТЧ-идея о прогрессии простых чисел как результатов последовательного деления единицы на ноль. Эта идея дает решение такой фундаментальной проблемы математики, как природа распределения простых чисел в натуральном ряду, разрешает противоречивость теории множеств и континуум-гипотезы через представление о целочисленном континууме, генезис которого — исчисление простых чисел, раскрывает сущность так называемой Великой теоремы Ферма как выражения в языке числа структуры устойчивости целочисленного континуума. Представление о целочисленном континууме как континууме существования истинной реальности в себе дает решение фундаментальных проблем физики, а именно, конституирует механику времени, аппарат которой основан на исчислении простых чисел, основной закон которой — закон вселенского ускорения, объясняет возникновение массы (из тонкой структуры целочисленного континуума) и четырехмерность пространственно-временного континуума через формализм тонкой структуры целочисленного континуума (сумма чисел, обратных всем простым числам, равна четырем). Основанием этих открытий, единящих научное знание — в механике времени — как акцидентальное оформление субстанции времени (пространствопроизводящей реальности), является простая интуиция субстанциональности языка, переживаемая как время человеческого бытия. То, что М. Хайдеггер назвал *Dasein*.

Риторическая теория числа как осуществление семиотического проекта

Ответы на вопросы А. Нилогова

1. Являются ли семиотические законы (законы функционирования знаковых систем) внутренними законами общей теории семиотики или их можно экстраполировать на онтологическую реальность, обосновывая такую процедуру свойством автореферентности, которое характерно для естественного человеческого языка?

— Как и все многообразие гуманитарных наук, наука о языке латентизирована в качестве науки только в тепличном пространстве своего рода академического гетто, любезно отведенного ей естественными дисциплинами. Надо отметить, что наука о языке не смогла в полной мере состояться в качестве своего рода теоретической фундаментальной науки даже относительно информационных технологий как возможного поля своих прикладных направлений. То есть наука о языке не прошла этап математизации, математической инициации, после которого она могла бы формально оперировать данными своей предметной области, вычислять и моделировать. Наука о языке находится на уровне использования статистических методов исследований. Информационные же технологи и программисты справляются с научными проблемами формализации языка и структурирования информации, фактически не опираясь на науку о языке как на фундаментальную науку для своей предметной деятельности. Проблема заключается в том, что в науке о языке не гипостазировано исчисление (например, дифференциально-интегральное исчисление, которое могло бы исходить из представления о «бесконечно малых» языковых изменениях). Поэтому в ней не может быть законов в научном смысле этого слова — как универсальных структур использования исчисления для анализа и иных вычислений в сфере данных (измеряемых изменений величин) предметности, фактичности и событийности этой науки. Синтактика (отношения между знаками), семантика (отношения между знаками и денотатами (значениями) и прагматика (отношения между знаком и «наблюдателем») — это не «семиотические законы», а направления некоего проекта построения науки о языке, именуемого «семиотика».

В чем существо семиотического проекта? В чем его привлекательность? В попытке создания первой строгой и точной гуманитарной науки — науки о языке. Проект создания строгой и точной гуманитарной науки давно является сверхценной идеей для гуманитариев. Неудачей завершился соответствующий проект феноменологии, такая же судьба постигла и экономическую науку. Прежде чем создать исчисление, связывающее мышление и существование, нужно определить единичный объект этого исчисления, имеющий объективное существование в имплицативной картезианской программе «Мышление, следовательно, Существование». И семиотике действительно удалось такой объект определить — ЗНАЧЕНИЕ. Однако дальше этого дело не пошло. Напротив, ЗНАЧЕНИЕ было расслоено на синтактическую, прагматическую и семантическую реальность ЗНАКА, как если бы речь шла не о построении исчисления, а об изучении и коллекционировании каких-то объектов. Представьте себе, если бы мы в механике не вычисляли скорости и ускорения тел, а только измеряли бы их и каждую ситуацию заносили в амбарную книгу природы как некое уникальное описание. Примерно так и обращаются со знаками в современной семиотической науке, занимаясь эмпирическими описаниями. Данные эмпирические описания основаны на иллюзии онтологической реальности знаковой деятельности, каковая иллюзия является характеристикой доматематической семиотики — такого рода виртуальные онтологизации характерны для любого научно-предметного проекта, не прошедшего математическую инициацию. Только когда семиотика самоопределилась как проект ИСЧИСЛЕНИЯ ЗНАЧЕНИЙ, она сможет выработать семиотические законы, не измышляя гипотезы онтологической реальности знака.

2. Согласны ли вы с точкой зрения французского антрополога Клода Леви-Стросса: «Язык не коренится ни в аналитическом разуме древних грамматиков, ни в конституированной диалектике структурной лингвистики, ни в конституирующей диалектике индивидуального праксиса, противостоящего практико-инертному, поскольку все они уже предполагают его существование. Лингвистика ставит нас перед лицом диалектического и тотализующего бытия, которое, однако, находится вне (или до) сознания и воли. Являясь нерелексивной тотализацией, язык выступает основанием человека, имеющим собственные основания, которых человек не знает»?

— Безусловно, согласен. Лингвистика в лице семиотики вслед за Кантом как раз и подошла к тому, что априорной формой познания и коммуникации (то есть основных функций языка) является математическое суждение, «тотализующее бытие, которое, однако, находит-

ся вне (или до) сознания и воли». Вот здесь-то и должна произойти математическая инициация лингвистики. Риторическая теория числа осуществляет семиотический проект математизации лингвистики, раскрывая априорный континуум математических суждений как первый язык, первую форму слововости, изначальную систему колировок, связывающих мышление и существование в темпоральном цикле. Число (значение само по себе, значение в чистом виде) раскрывается как число риторическое, как непосредственное языка самого по себе, языка в чистом виде. Первый язык — язык числа — и есть неотрефлексированное тотальное основание языка как основания человека.

3. Вы различаете семиотический и семантический подходы к изучению языка?

— Необходима постановка вопроса об исчислении языка. С точки зрения современного матанализа семиотика — это интеграция значений в нечто осмысленное, а семантика — дифференциация, анализ значимости и выявление значений знаков.

4. Насколько близка вам глоссематика, разработанная датским лингвистом Луи Ельмслевом — автором книги «Пролегомены к теории языка»?

— Крайне близка. Глоссематика, стремясь к выделению единиц языка, описывает процедуру их коммутации, приближаясь к решению проблемы исчисления языка. Однако на этом пути она теряет из поля зрения объект исчисления — ЗНАЧЕНИЕ. Этот проект следовало бы поименовать «глоссемантикой», так как она имеет дело с наблюдаемыми языковыми объектами (предложения, словосочетания, фонемы), но не может при этом выделить значение как универсальную языковую структуру, в качестве модификации которой и можно было бы распознавать те или иные языковые объекты (фигуры). «Глоссемантику» следовало бы дополнить «глоссемиотикой», которая смогла бы решить задачу раскрытия ЗНАЧЕНИЯ как субстанционального хронотопа, вычислимыми модусами которого выступают языковые объекты, события, факты. Риторическая теория числа выдвигает «глоссемиотическое» представление о целочисленном континууме существования, узлами семиозиса (внутриязыкового, собственно-языкового становления) которого являются простые числа (ПЕРВЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ПЕРВОГО ЯЗЫКА). Именно коммутация (произведение) простых чисел в целочисленном континууме является математической моделью семиозиса и семиотической формулой автореференции (осмысленности значения). РТЧ-исчисление простых чисел — это то самое истинное дифференциально-интегральное исчисление, которое представляет

и гипостазировать закон тождества-различия мышления и существования как смысл языка самого по себе, языка в чистом виде. Деление единицы на ноль как порождающая операция целочисленного континуума есть формализм отношения смысла и знака самого по себе (бытия и ничто, по Гегелю), результатом которого (отношения) является цепочка конечных, строгих и точных значений смысла. На самом деле знак сам по себе есть лишь хроноцентрация коммутирующих значений смыслов — и ничего более. Знак вне целочисленного континуума есть бессмыслица, что и демонстрирует нам знаковый мир нецелочисленности. Знак — лишь подручное средство разделения смысла на строгие и точные значения как на истинностно-конечностные части смысла. Знак есть ничто между смыслом (целым) и значением (просточисленной частью целого), существование знака есть только мера, форма и отпечаток нетерпимости риторической природы числа к пустоте, небытию.

5. Как вы прокомментировали бы следующие слова французского философа Поля Рикера: «Не заключается ли теперь задача философии в том, чтобы неустанно открывать дискурс навстречу говорящему существу, тот дискурс, который лингвистика, в силу собственной методологии, все время закрывает, превращая в замкнутый универсум знаков, в сугубо внутреннюю игру их взаимных отношений»?

— Лингвистические, языковые игры — это подростковые игры, не инициированные математикой. Лингвистический дискурс необходимо открыть говорящему существу риторической теории числа и вывести языкознание, риторику в лидерское качество научного мира, призванное к решению фундаментального кризиса естествознания как системно-языкового кризиса.

6. В какой мере ваша семиотическая методология является частью структурализма? Или дело обстоит наоборот? (Сравните: Луи Ельмслев определил структуру как автономную сущность внутренних зависимостей.)

— Структура определяется в РГЧ как обеспечивающая ИСЧИСЛЕНИЕ ЗНАЧЕНИЙ знаковая структура целочисленного континуума, в которой ленто-мебиусно связаны знаковость (деление единицы на ноль) и значимость (результативность деления единицы на ноль). Целочисленный континуум языка как универсальной знаковой системы — математическая модель времени-пространства языка, мышление-существование-среды языка, в которой пространство порождается субстанциональным временем; генезис данной модели задается как аксиоматическая операция пошагового деления единицы на ноль, результатом которого (деления) устанавливается множество простых

чисел как ПЕРВЫХ ЗНАЧЕНИЙ, значений первого языка числа; заполнение и структуризация этого континуума данными выражается, прежде всего, посредством произведения (коммутации) простых чисел с образованием целых чисел (ПЕРВЫХ ПОНЯТИЙ) и обратной операции разложения (дистинкции, раз-множения) целых чисел на простые сомножители (АНАЛИЗ ПЕРВЫХ ПОНЯТИЙ); фундаментальной структурой (ПЕРВОЙ ПОРОЖДАЮЩЕЙ ГРАММАТИКОЙ) целочисленного континуума является теорема Пифагора-Ферма-Фреге ($a^2 + b^2 = c^2$), задающая, предопределяющая устойчивые размерности (системные, «полевые», полипричинно-следственные связи — ЗНАКОВЫЕ СИНТАГМЫ СМЫСЛА, ЕГО ЗНАЧЕНИЙ И ПОНЯТИЙ) целочисленного континуума в виде пифагоровых троек целочисленных решений данного уравнения.

7. Для описания теории общей семиотики Вы используете металингвистическую функцию языковой системы. Является ли языковая система универсальной системой описания любой другой семиотической системы? Если не является, то можно ли компенсировать такое описание знаковыми ресурсами неязыковых систем, например формализованных, или для этого требуется более критический подход к возможностям естественной языковой системы? Может ли антиязык (в качестве подводной части айсберга, верхушкой которого является язык) претендовать на компенсацию того невыразимого, перед которым беспомощна как семиотика естественного языка, так и в частном случае — семиотика теории общей семиотики?

— Языковая система, безусловно, является универсальной системой описания любой другой семиотической системы. Верно также и то, что нет и не может быть семиотической системы, которая не являлась бы языком. Мы еще не понимаем всех возможностей естественной языковой системы. Семиотика естественного языка еще только открыта риторической теорией числа. Вне языка знак сам по себе есть ноль, ничто, небытие, знак имеет смысл только как подручное средство разделения смысла на конечное число строгих и точных значений. Внеязыковое исчисление знаков — это исчисление полей («белый квадрат»). Антиязыковая стратегия представляет собой руинирование языковой системы под давлением ее собственного неструктурированного усложнения в силу того, что в данной системе существует недостаток мощности исчисления для обработки языковой событийности и фактичности, или, скажем так, работает устаревшая версия исчисления значений. Появляется эффективное исчисление значений, и антиязык стаивает, а залежи антислов мгновенно утилизируются. Например, поэзия Пушкина мгновенно утилизировала державинско-третиаковский слог стихосложения. А теория относительно

ности мгновенно утилизировала всю риторику эфира, дального действия и близкого действия, которой жила физика XIX века.

8. *Могли бы вы прокомментировать этот отрывок из книги Поля Рикера «Конфликт интерпретаций»: «Любой знак, говорим мы, может быть выражен с помощью другого знака, внутри которого он раскрывается с большей полнотой; это касается определений, уравнивательных предикаций, описательных выражений, предикативных отношений и символов». Но чего мы достигли, идя таким путем? Мы разрешили проблему семантики с помощью ресурсов металингвистической функции, то есть, если иметь в виду другое исследование Якобсона, нацеленное на изучение множественных функций, используемых в коммуникации, тех ресурсов функции, которая связывает отрезок дискурса с кодом, а не с отсылкой. Это настолько справедливо, что, когда Якобсон опирается на структурный анализ для изучения метафорического процесса (приравненного, как мы помним, к группе операций, включающих в игру сходство на оси замещений), он развивает его в понятиях металингвистического действия: только потому, что знаки взаимно обозначивают друг друга, они вступают в отношения замещения и становится возможным сам метафорический процесс. Таким образом, семантика со свойственной ей проблемой множественного смысла пребывает в закрытом языковом пространстве, так что не случайно лингвист ссылается здесь на логику: «Символическая логика, — отмечает Якобсон, — не перестает напоминать нам о том, что лингвистические значения, образованные системой аналитических отношений одного выражения к другим, не предполагают присутствия вещей». Не лучше ли просто сказать, что более строгая трактовка проблемы двойного смысла была оплачена отсутствием устремленности к вещи. Философское значение символизма заключается в том, что в нем неоднозначность бытия заявляет о себе благодаря множественности наших знаков. Теперь мы знаем, что наука, изучающая эту смысловую множественность, то есть лингвистическая наука, требует от нас, чтобы мы находились в замкнутом универсуме знаков. Не содержится ли здесь указание на вполне определенное отношение между философией языка и наукой о языке, между герменевтикой как философией и семантикой как наукой?*

— «Лингвистические значения, образованные системой аналитических отношений одного выражения к другим, не предполагают присутствия вещей» — это постоянное «напоминание символической логики» наследует кантовскому априоризму металингвистической функции (языковой теории познания), основанному на ноуменальной природе математических суждений. Отношение знака и вещи метафизически архаично, доматематично. Геометризация, овеществление знака и является основной причиной конфликта интерпретаций в прагматических

системах. Интерпретация — это установление континуальных связей и одно-однозначных соответствий между знаком и понятием, значением и смыслом. Когерентность знака и значения — понятию и смыслу обеспечивается языковым каркасом целочисленного континуума, то есть риторической природой числа. Смысловая множественность — это не неопределенность смысла, а конечное множество строгих и точных (хроноцентрированных) значений, на которые смысл разделяется посредством знака самого по себе в опыте дефинирующего разума.

Собственно говоря, целочисленный континуум и есть смысловая множественность, хроноцентрированная единичным смыслом. Иллюзия множественности как неопределенности, незавершенности, бесконечности возникает из непонимания математического смысла знака, то есть непонимания нулевости, ничтожности знака, именно в этом смысле и благодаря ему «любой знак... может быть выражен с помощью другого знака, внутри которого он раскрывается с большей полнотой; это касается определений, уравнивательных предикаций, описательных выражений, предикативных отношений и символов». Но чего мы достигли, идя таким путем? Ответ — исчисляем ноли, обнуляем язык. Антиязыковая стратегия, утверждающая, гипостазирующая знак вопреки языку, — своего рода симвонология ноля.

9. Близка ли вам герменевтическая методология в отношении семиотики, которая может быть расширена не столько за счет семантики, сколько посредством интерпретации, которая «исходит из многосложного определения символов — из их сверхопределения, как говорит психоанализ» (Рикер)?

— Мне близка герменевтическая методология в отношении семиотики, которая углубляет семиотику посредством риторической теории числа, реализуя таким образом семиотический проект математизации лингвистики и ее построения как первой строгой и точной гуманитарной науки. Психоанализ — это тупиковый путь внешне-языковой эмпирической онтологизации проблем языка вне темпорально-причинного мышление-существованиеового цикла (круга) герменевтического понимания. Как и марксистский подход к семиотике, основанный на материализации знака, то есть на полном непонимании нулевости, ничтожности знака.

Приложение

Антиязык как он есть

Одареннейший философствующий филолог Алексей Нилогов придумал квазифилософский концепт «антиязык». Если он посвятит свою жизнь в философии разработке этого концепта как историко-

философски значимого конструкта, субстанции, одним доказанным фактом своего присутствия решающей ряд фундаментальных проблем лингвистики и аналитической философии, то впору предположить, что может возникнуть весьма своеобразное учение об антиязыке.

Однако на сегодняшний день, как я понимаю, основным затруднением на пути концептуализации антиязыка как объекта философствования, является верификация этой гносеологической модели в языке. Алексей занимается напряженным поиском антислов как некоторых «фреймов» антиязыка. Определена и структурная особенность, существенный признак, своего рода техническое требование к объекту, который может быть верифицирован как антислово. Антислово определяется как футурологизм, способный компенсировать разрыв между мыслью и языковым планом ее выражения при утверждении невозможности устранения этого разрыва в «неидеальных языках», включая естественный язык. При этом вводится «идеальная лингвистическая модель» универсального языка бытия, в котором мысль и ее выражение сращены воедино, и антиязык определяется как необходимый посредник между языком бытия и естественным языком. Слабым местом данной концепции является амбивалентное положение «идеальной лингвистической модели» относительно существования — есть ли это аналог «идеального газа», «абсолютного вакуума» и иных идеализированных физических представления, которые представляют собой только строительные леса для возведения физических уравнений (в данном случае — футурологизмов), или за «идеальной моделью» стоит сверхпредметная область, проводником в которой для неидеальных языков служит антиязык? Пока Алексей не предъявил ни одного антислова (футурологизма), чтобы концепцию антиязыка можно было рассмотреть на конкретном примере. Складывается впечатление, что мы имеем дело с предельно абстрактной философской конструкцией, не имеющей реальных референтов, или по крайней мере с той концепцией, реальные референты которой пока не созданы.

Однако это ложное впечатление. В этой статье я хочу восполнить данный пробел и указать на целую россыпь антислов.

Более того, Алексей совершенно прав в том, что антиязык представляет собой формально-языковую массу, многократно превышающую «лингвистическую массу» языка. Из продуктивного речевого опыта язык понимается как замкнутый мышление-существованиевый цикл, который мы именуем «сознанием». Именно в языковой среде действует тезис «Мыслью, следовательно, существую». Языковое сознание — это солиптическая капсула времени. В ситуации завершения философии Нового времени, истоком которой является данный тезис Декарта, посредством усилий философии языка, структурной лингвистики, поэти-

ки, аналитической философии язык раскрывается как имплицативная программа Сущего: «Мышление, следовательно, Существование». Язык и есть это — «следовательно». Язык в чистом виде, сам по себе, — это принцип невозможности существования, не опричиняваемого мышлением, а также принцип истинности мышления посредством его обязательной проявленности («несокрытости», Хайдеггер) в существовании. Язык есть телесность мышление-существованиеового цикла, временная лента Мебиуса взаимоперетекания (непрерывности = целочисленной (см. РТЧ) континуальности) мышления-и-существования. Как таковой, язык сам по себе не имеет жанровых границ, он есть хроноцентр и естественного языка, и языка науки, языка литературы, языка искусства, религии, права и т.д. Язык в чистом виде есть лента понимания, связывающая мир и человека в единое целое.

Какова же антиязыковая альтернатива языку в чистом виде? Можно выделить целый ряд предметных областей антиязыка, то есть контрпродуктивных языку антиязыковых стратегий.

1. Современная политическая речь (демагогия), последовательно уничтожающая естественную языковую телесность понимания через создание мертвой, механической копии языка. Демагогия — это вид антиязыка, логическая форма, уподобляемая, подражающая языку. В копилку антислов можно набросать целую кучу демагогизмов: «модернизация», «инновация», «реформа», «устойчивое развитие» (все эти антислова, заметьте, — футурологизмы, «приватизирующие» будущее) и т.д. Демагогию как употребление формальной копии языка, подменяющей язык, хорошо определяет философ из Магнитогорска: «ничтовластвование и пустогосподствование». При этом совершенно в духе философии антиязыка демагогия выступает как посредник между некой «принципиально» недоступной обыденному пониманию «идеальной лингвистической моделью» и естественным языком.

2. «Принуждение к молчанию», антиязыковая магия — целый ряд «гуманитарных», антиязыковых стратегий, создаваемых в целях «остановки языка (речи)», руинирования человека. Эти технологии погружают человека в антиязыковой транс «невывразимого», «сакрального», «тревожно-страшного», «интеллектуально подавленного и замороженного» посредством элементарных доязыковых воздействий, то есть животно-знаковых (семиотических) рефлекторных воздействий, актуализирующих очаги доязыкового существования, не переработанные языком как средством, которое делает человека человеком. Копилку антислов можно пополнить терминами из «литературных масс» всяческой методологии, дианетики, маркетинга, жречества.

3. «Подавление вопрошания» — эта антиязыковая стратегия поразила все академические институты и является основой современной

организации науки. Успешно реализуется в таких жанрах, как научные статьи, публикации, диссертации.

4. Особо следует выделить такую предельную антиязыковую стратегию, как ничем себя не ограничивающее «формально-знаковое письмо» физиков, математиков и логиков, которое я называю «наддосочной живописью». Каким бы странным это не показалось, но «наддосочная живопись» — это «наскальная живопись» XX–XXI веков. И в том, и в другом случае мы имеем дело с неустоявшимся языком, не способным к генерации понятий как риторических чисел (истинно, теоретико-множественно и целочисленно-континуально квантифицируемых существований как невизуальных планов выражения мысли). Предельность этой антиязыковой стратегии состоит в том, что ее «письмо» вообще отказывается от употребления слов, сосредоточиваясь на употреблении знаков, когда слова редуцируются к «оборотным и вводным формам» знакового письма («допустим, что»; «следует»; «что и требовалось доказать»).

5. Осквернения языка (мат, сленг, «олбанский язык», «по понятиям», болтовня) — антиязыковые стратегии повседневности. Например, кто побывал в Советской армии, понимает, как матерная копия языка создает и поддерживает уродливый мир насилия и попрания человеческой личности.

Субстанционализировать антиязык сам по себе можно, выделив общие сущностные черты всех этих антиязыковых стратегий. Это, прежде всего, создание копий языка (антиязыков) и искусственных правил оперирования этими копиями. При этом антиязыковая реальность всегда исходит из идеальной антиязыковой (универсальной) модели и являет себя ее посредником, господствующим над естественным языком. Например, можно «виртуозно и идеально» выругаться матом, поднимая свое значение перед «лохами» естественного языка. Можно решить задачу физико-математических «знакосочетаний», в то время как другой ее решить не может. В языке, заметим, невозможна такая идеализация: мы не можем и помыслить поставить перед Толстым, Гете, Пушкиным и Твардовским задачу, кто из них лучше опишет какой-нибудь кустик или ощущение. Да и в человеческих отношениях желательно общаться не по стандартам моды, «внешнего вида», то есть не по правилам «идеализации», потому как арбитром и распасовщиком этих правил всегда окажется вечный антиязык, руинирующий подлинный целостный человеческий мир.

Целью антиязыковых стратегий является формирование роботизированных, франкенштейновых миров, составленных из мертвых искусственно-языковых элементов, функционирование которых (квазимиров) поддерживается насильственно; коммуникативная функция

языка редуцируется к отношениям господства-подчинения, а познавательная функция устраняется вовсе.

Нередко в качестве антиязыка может выступить и реальный естественный язык, когда ему придаются неестественные функции. Таков ныне английский язык как «язык международного и делового общения». Немудрено, что на этом антиязыке дипломаты не могут договориться до остановки конфликтов и междуусобиц, а также не могут договориться экономисты, предприниматели, что и привело к мировому финансово-экономическому кризису.

Итак, язык есть человеческая природа, становление человека человеком. Как таковой, язык сам по себе не имеет национальных, жанровых, онтологических границ: «Этот космос, тот же самый для всех, не создал никто ни из богов, ни из людей, но он всегда был, есть и будет вечно живым огнем, мерами разгорающимся и мерами погасающим» (Гераклит)⁵.

⁵ Гераклит цит. по: Фрагменты ранних греческих философов / Изд. подготовлено А. В. Лебедевым. — Ч. 3. — М., 1989. — С. 217.

Солнце-тезисы. Интернет-диалог

Salviareport. Меня интересуют измененные состояния сознания... [они] меняют восприятие ПОРАЗИТЕЛЬНЫМ ОБРАЗОМ и, как мне кажется, открывают непосредственному созерцанию область ментальной физики, то есть причинные уровни бытия. Исследуя их, можно найти много совпадений с РТЧ. Так, на мой субъективный взгляд (скромный), «вещество времени, автореферентный язык, естественный интеллект природы, солипсизм» — достоверные концепты. Или можно сказать так: сходство того, что Вы описываете в теории, с тем, что можно увидеть непосредственно на практике (чем можно стать) — определено есть. Это совершенно новая, неисследованная область физики — физики в буквальном смысле слова, которой может быть только ментальная физика... Этим комментарием я отнюдь не хочу поставить знак равенства между вашими концептами и результатами собственных опытов, это было бы нелепо и грубо. Я достаточно долго искал аналогии в теории, чтобы заполнить пробелы в понимании того, что открывается сознанию в экспериментах...

СШ. В своих опытах Вы выводите человека (себя) из геоцентрического (геомерного) обыденного состояния сознания в гелиоцентрическое (гелиомерное) измененное состояние сознания, то есть завершаете коперниканский переворот (изменение научного сознания) для каждого отдельного сознания. Гелиометрия есть такое же непосредственное овеществление времени, как геометрия — овеществление пространства. В геометрии центральная фигура — круг, в гелиометрии — лента Мебиуса, которая своим вращением, исчерпывающим пространство, решает, кстати, центральную проблему геометрии — проблему квадратуры круга (время порождающе исчерпывает пространство как ничто, пустоту, целочисленно заполняет мир). В гелиометрии нет числа ПИ и всех нецелочисленных физических и математических констант, там одна константа — единица, диссеминированная (выраженная) во множестве простых чисел. Физико-математическая константность есть материально-ограниченная пространственность геометризации ложного сознания. То есть Вы открываете не внутренний ментальный мир, а несокрытый солнечный мир истинного бытия. Выводите человека «из потаенности в открытость» (Хайдеггер).

Вы, вероятно, изобрели «просточисленный эликсир», таблетку понимания. Если это так, то поздравляю. Причем безо всякой иронии.

Я действительно впечатлен. Так и до таблетки бессмертия недалеко (она асимметрична-когерентна (суппозиционна) таблетке понимания, как существование суппозиционно мышлению в РТЧ-цикле языка бытия, овеществляющего время полнотой пространства). И до понимания того, какими химическими методами управляют нами наши... создатели...

Мысль тем глубже, чем глубже солнечная капля проникла в фундаментальные языковые структуры и застряла в них.

Безусловно, вслед за Алексеем Кручёных и Велимиром Хлебниковым говорю о том, что люди — дети Солнца. Реальный референт овеществления времени — это овеществление солнцевявления в формах жизни, в событиях пространства, в укладе пространства. Солнце — это данный Человеку Земли язык бытия, непосредственное явление времени. Солнечная радиация — это только поверхностное, видимостное явление истинного солнцевействия как овеществления времени в виде априорной структуры пространства.

Знаменитый «Черный квадрат» Малевича в декорациях к «Победе над солнцем» (либретто Кручёных и Хлебникова) — это черный квадрат вместо солнечного круга. То есть наше сознание как языковое сознание (мы как язык) — это черный квадрат, закрывающий несокрытое, солнечный круг. Это черные очки, защищающие «глаза языка» от слепящего Солнца. РТЧ-понятие «ум языка» возвращает нам нашу непосредственную связь с Солнцем через гелиометрию ленты Мебиуса. То есть не солнечный круг, от света которого глаза языка укрываются за черным квадратом «когито», а доступная языковому разуму лента существования пространственных форм жизни как форм временной субстанции Солнца. ЧЕРНАЯ КВАДРАТУРА СОЛНЕЧНОГО КРУГА — мышление-существованиевая истина сознания, фундаментальная структура так называемого внутреннего (солнце-овеществившегося в языке) опыта. Внутреннее (менталитет) — янтарь сознания — есть капли солнца, овеществившиеся в языке.

Ответы на вопросы *Salviareport*

1. То есть формы жизни — проявление разумности Солнца?

— Безусловно, Солнце — это субстанция, перводвигатель жизни, но не в значении жизни, отделяющем ее от неживой природы, а в смысле жизни как всей совокупности существующего, в смысле солнечной одушевленности, разумности и вещественности всего сущего (от камня до живого существа). Все веществуемое разумно, солнцеподобно, является продуктом солнечного производства. Само понятие «энергия» необходимо переосмыслить, пересмотрев, прежде всего, понятие «солнечная энергия». Энергия — это Число-структурирование ничто, име-

ющее своим источником субстанциональное время, это способность суждения языка бытия, творящая существование. Ведь время – это «числовое письмо» книги природы.

2. Опять выходит, что Солнце есть некая форма жизни. Можно ли утверждать, что солнечный язык в таком случае – это жизнь в чистом виде? Что же такое тогда, например, черная дыра с твоей точки зрения?

– Да, активность Солнца – это видимостная структура жизни как языка в чистом виде, как времени самого по себе. Протуберанцы – это мысли времени как языка бытия. Думаю, что нужно рассматривать не черные дыры отдельно, а множества пар «звезда разряда Солнце – черная дыра» как множества субстанциональных связок (отношений) бытия и ничто, единицы и ноля. Эти субстанциональные связки языка бытия – времени – создают, генерируют астрофизическую реальность как языковую реальность. То, что с одной стороны вселенской ленты Мебиуса (фундаментальной языковой структуры астрофизической реальности) является Солнцем, с другой стороны ленты – это черная дыра, временнó-смысловое «гнездо Солнца». Поскольку лента Мебиуса – это односторонняя поверхность с краем, астрофизика может одновременно (в одном ряду наблюдаемых существований) фиксировать и солнца, и черные дыры. Астрофизика (наблюдающее, означающее) пока не научилась распознавать в пространстве наблюдаемого (означаемого) ленто-мебиусную структуру языка и – в этом смысле – не познало закон природы как закон порождения пространства временем. Познав этот закон, мы сможем качественно по-иному перемещаться в пространстве, овладеем числонавтикой (концепт и термин А. А. Корнева, автора числонавтики).

3. Солнце создает пространство?

– Хайдеггер в статье «Вопрос о технике» пишет: «Современная техника в смысле поставляюще-предоставляющего раскрытия непотаенности – не просто человеческое дело. Поэтому и тот вызов, который заставляет человека поставлять действительное как состоящее-в-наличии, мы тоже должны воспринять таким, каким он обнаруживает себя. Вызов этот сосредоточивает человека на поставляющем производстве. Его собирающее начало нацеливает человека на поставление действительного как состоящего в наличии. То, что изначально складывает извилистые линии берега, нанизывая на себя их сложную совокупность, в береговую линию, есть собирающее начало, которое мы называем по-бережью. Мы называем то изначально собирающее начало, из которого развертываются разнообразные способы, какими мы ведем

себя, поведением. Назовем теперь тот захватывающий вызов, который сосредоточивает человека на поставлении всего, что выходит из потаенности, в качестве состоящего-в-наличии, — по-ставом... По-ставом мы называем собирающее начало той установки, которая ставит, то есть заставляет человека выводить действительное из его потаенности способом поставления его как состоящего-в-наличии. По-ставом называется тот способ раскрытия потаенности, который правит существом современной техники, сам не являясь ничем техническим»⁶.

Солнце — референт поставка как выведения действительности из субстанционального времени способом установления времени как пространства. Пространство как многообразие форм — это побережье океана солнчности. Пространство — это наличное бытие времени, овеществление времени. Такое пространствопорождающее солнцедействие есть естественная техника самой природы. Поэтому овладение тайной солнцедействия — это и есть выход в кардинально новое качество технического развития цивилизации, состоящее в овладении техникой самой природы.

4. «Ум языка» возвращает нам нашу непосредственную связь с Солнцем через гелиометрию ленты Мебиуса». Объясни. Вообще не понятно! Что такое ум языка, это рефлексия? Солнце выращивает Разум? Или, может, Разум — это и есть Время?

— Философия языка XX научает нас тому, что принцип Я как некоторое значение на деле имеет своим референтом не человеческое тело, а язык (язык сам по себе). РТЧ, пожалуй, впервые говорит об этом субстанциональном бытии Я как смысла, заключенного в языкового оболочке. Я имеет языковую телесность. Я-глаза (мои глаза) — это глаза языка, Я-ум (мой ум) — это ум языка. В этом смысле мы есть язык. Это важнейшее обстоятельство, которому современному человеку еще предстоит научиться, а именно, то, что не его тело с рецепторами — носитель самого знакомого и близкого для него собственного Я, а его язык, бытие языка в нем и есть его Я. Если не собственное тело, а язык — носитель Я, то в чем же основание Я-устойчивости, которую хранит человек до смерти. В чем основание незыблемости языка, какова его природа? Если язык вне тела, не локализован в нем, то где он непосредственно во внешней реальности и что он есть? Солнце-действительность — это и есть непосредственное бытие языка, его природа, родовая сущность которой — субстанциональное время. Тайна Солнце-

⁶ Хайдеггер М. Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / Пер. с нем.; комм. В. В. Библихина; серия «Мыслители XX в.». — М., 1993. — С. 221–238.

действительности — несокрытая истина языка, которой мы постоянно пользуемся, на которую опираем субстанциональную связку «есть» в суждении, высказывании, предложении.

5. Кручёных, Хлебников и Малевич как бы утверждают своей концепцией, что естественный сам по себе язык — это уже и отгадка, как более поздний код эволюции, некое мультимедийное бонусное приложение к уже существующему онтологическому софту — языку бытия?

— Наш естественный язык, в котором веществу (вне которого невозможно) наше собственное Я, — это разновидность солнечной энергии, более близкая и понятная нам (и потому нераспознаваемая в качестве себя самой), чем даже солнечный свет (солнечная радиация). Ибо, как гласит РТЧ-тезис, «мы видим то, что мы знаем». В языке мы гораздо ближе к реальному солнцедействию, чем в создаваемой нами технике, ибо в языке как в телесности нашего Я мы непосредственно причастны Число-структурированию ничто субстанциональным временем.

6. «Солнце-действительность — это и есть непосредственное бытие языка, его природа, родовая сущность которой — субстанциональное время. Тайна Солнце-действительности — несокрытая истина языка, которой мы постоянно пользуемся, на которую опираем субстанциональную связку “есть” в суждении, высказывании, предложении». Почему мы видим Солнце горящим и совершенно не наблюдаем как Логос?

— Глаза языка видят именно Солнце-Логос, органы чувств (рецепторы) языка (как телесности Я) воспринимают именно Солнце-Логос, Умозрение (в частности, платоновское видение «эйдосов») — это умопостижение именно Солнца-Логоса. Вообще, наша речь — это начертательная гелиометрия риторических фигур. Ваши видения — это видения Солнца- Логоса в его разворачивании, ограниченные зоной видения (особостью языковой телесности Я, самостью).

Солнце-Логос (Солнцелогос) является непоименованным, но главным героем знаменитого мифа Платона о пещере, этой важнейшей гностико-гносеологической метафоры истинного познания как познания гелиоцентрической правды мира. Мы живем на Земле, задавленные гео-магнетизмом в широком смысле. А древние греки жили ПОД СОЛНЦЕМ. Это и есть несокрытая тайна величия эллинов.

7. «Солнце — это субстанция, перводвигатель жизни, но не в значении жизни, отделяющем ее от неживой природы, а в смысле жизни как

всей совокупности существующего». Совокупности сущего в пределах солнечной системы, насколько я понимаю?

— Системно-галактическое строение астрофизической реальности Вселенной предполагает множество миров ПОД СОЛНЦАМИ.

8. Физическое горение тогда и есть говорение. Горение, огонь — физическая репрезентация языка в чистом виде. Возможно, требуется еще более всестороннее исследование хаоса пламени; возможно, хаоса в нем как раз и не содержится.

— Гераклит имел в виду перед собой Язык, когда утверждал: «Этот космос, тот же самый для всех, не создал никто ни из богов, ни из людей, но он всегда был, есть и будет вечно живым огнем, мерами разгорающимся и мерами погасающим».

В языке его носитель может и сгореть, как Высоцкий. В математической статистике есть понятие «поверхность отклика». Так вот пламя огня — это идеальная поверхность отклика. ЯЗЫКИ ПЛАМЕНИ — это образ языков народов, разгорающихся из единого, субстанционально-временного истока и зависимых от него своей поверхностью отклика бытию.

9. «Думаю, что нужно рассматривать не черные дыры отдельно, а множества пар “звезда разряда Солнце — черная дыра” как множества субстанциональных связей (отношений) бытия и ничто, единицы и нуля». Что «есть» ничто с точки зрения РТЧ?

— Ничто — это ничтожение небытия в присутствии бытия. Альянс ничто и небытия — это нигилизм в отношении языка как «Дома бытия», антиязык. «Продвижение мышления в ничто» (Хайдеггер) — это металингвистическая функция времени как совершенного языка бытия.

В РТЧ ничто — действительный физико-математический ноль (астрофизически видимостно, наблюдаемо как черная дыра), существование которого «нарушает» начала термодинамики. Действительность риторического числа «ноль» — в производящем язык числа (исчисление простых чисел) отношении единицы и нуля (деления единицы на ноль).

10. «Познав этот закон, мы сможем качественно по-иному перемещаться в пространстве, овладеем числославтикой». Время порождает пространство... Какую роль в этом процессе играют риторические числа?

— Риторическое число — абсолютное понятие универсального языка науки, субстанция содержания которого — это вещевание (создание) пространства субстанциональным временем как совер-

шенным языком бытия, а субстанция выражения — целочисленный континуум как истинная физико-математическая модель (закон) природы как пространственного выражения материи времени. Риторическое число — это понятие, схватывающее природную сущность техники, фиксирующее достоверно-однозначный смысл природного явления, а также строгое значение природного явления в целочисленном континууме. Риторическое число — это ансамбль языковых синтагм. Риторические фигуры языка риторических чисел — это фигуры гелиометрии (светометрии, солнцеметрии) — лента Мебиуса и др. Риторическая фигура риторического числа — это числование вещей, непосредственное вещепроизводство из вещества (материала) времени по плану (образцу) числа, это также тензор вселенского ускорения, универсального явления природы, состоящего в ничтожении небытия посредством языка бытия, то есть в непрерывном преодолении изначального опоздания означающего к означаемому, наблюдающего к наблюдаемому. Тензор ускорения определяется как гелиометрический объект, который описывается многомерным целочисленным массивом, то есть набором простых чисел, занумерованных несколькими индексами, или, иначе говоря, n -мерной таблицей, где n — валентность тензора.

11. *«Солнце — референт постава как выведения действительности из субстанционального времени способом установления времени как пространства. Пространство как многообразие форм — это побережье океана солнечности. Пространство — это наличное бытие времени, овеществление времени. Такое пространство порождает солнцедействие есть естественная техника самой природы. Поэтому овладение тайной солнцедействия — это и есть выход в кардинально новое качество технического развития цивилизации, состоящее в овладении техникой самой природы». Является ли пространство иллюзорным?*

— Пространство действительно, как действительно вещевание, веще-созидание, опространствливание времени, бытие времени в качестве языка бытия.

Salviareport. *«Солнце-Логос является непоименованным, но главным героем знаменитого мифа Платона о пещере, этой важнейшей гностико-гносеологической метафоры истинного познания как познания гелиоцентрической правды мира».*

Удивительно. Хотел написать об этом, но сначала передумал, так как посчитал, что будет натянуто. Мысль была такая — идеи Платона, то есть все вещи, реальны в качестве элементов солнечного языка бытия. Из мифа Платона о пещере:

Ты можешь уподобить нашу человеческую природу в отношении просвещенности и непросвещенности вот какому состоянию... посмотри-ка: ведь люди как бы находятся в подземном жилище наподобие пещеры, где во всю ее длину тянется широкий просвет. С малых лет у них там на ногах и на шее оковы, так что людям не двинуться с места, и видят они только то, что у них прямо перед глазами, ибо повернуть голову они не могут из-за этих оков. Люди обращены спиной к свету, исходящему от огня, который горит далеко в вышине, а между огнем и узниками проходит верхняя дорога, огражденная — глянть-ка — невысокой стеной вроде той ширмы, за которой фокусники помещают своих помощников, когда поверх ширмы показывают кукол...

Когда с кого-нибудь из них снимут оковы, заставят его вдруг встать, повернуть шею, пройтись, взглянуть вверх — в сторону света, ему будет мучительно выполнять все это, он не в силах будет смотреть при ярком сиянии на те вещи, тень от которых он видел раньше. И как ты думаешь, что он скажет, когда ему начнут говорить, что раньше он видел пустяки, а теперь, приблизившись к бытию и обратившись к более подлинному, он мог бы обрести правильный взгляд? Да еще если станут указывать на ту или иную мелькающую перед ним вещь и задавать вопрос, что это такое, и вдобавок заставят его отвечать! Не считаешь ли ты, что это крайне его затруднит и он подумает, будто гораздо больше правды в том, что он видел раньше, чем в том, что ему показывают теперь?...

... ему будет мучительно выполнять все это⁷.

Так-то... Мучительность — от страшной непривычки, от заикленности на собственной тени.

Введение в изучение Платоновых творений Эрн начинается с VII книги «Государства», с так называемого «мифа о пещере». Он считает его сокращенной транскрипцией всего платонизма и, помимо основного гносеологического смысла, несущим в себе множество других аспектов. Анализируя высказывание греческого философа об огненном постижении, т. е. о постижении Солнца, или истины в самой себе, Эрн пришел к выводу, что это учение является загадкой, «пропавшей грамотой платонизма», находящейся в диалоге «Федр». Для того же, чтобы ответить на вопрос, что такое солнечное постижение, нужно расшифровать запись и постараться по следам Платона проникнуть в самое центральное и всеопределяющее из его воззрений.

В «мифе о пещере» Платон устанавливает, по мнению Эрна, четыре духовных состояния: 1) пребывание в узах на дне пещеры, почитание теней за истину; 2) освобождение от оков и восхождение к выходу из пещеры; 3) постепенное восстановление зрения на предметы, находящиеся вне пещеры и освещенные солнцем;

⁷ Платон. Государство // Платон. Сочинения в 4-х тт. Т. 3. — М.: Мысль, 1994. — С. 295–299.

4) переход от предметов, освещенных солнцем, к самому солнцу. Этими духовными состояниями очерчивается абсолютно весь диапазон мыслей Платона: от погружения в мрак неведения до прозрения в самый источник света и созерцания истины в самой себе.

Оригинальность трактовки «Федра» Эрном видна уже из анализа им введения в платоновский диалог. Если обычно исследователи считают пасторальное описание природы ловким литературным приемом, использованным Платоном для вступления в беседу, то Эрн видит во введении органическую и неотъемлемую часть диалога. Прежде всего философ ищет в первых строках диалога следы искомого солнечного постижения и постепенно приводит читателя к мысли, что Солнце введено Платоном в «Федр» как одно из действующих лиц, таинственная роль Солнца в развитии диалога, по мнению Эрна, говорит о какой-то душевной потрясенности Платона, как бы предрасполагая к мысли, что потрясенность эта связана ни с чем иным, как с солнечным постижением⁸.

СШ. Прекрасно. Моя первая философская работа в 1986 году называлась «Неписаное учение Платона — учение о времени-истине». И только спустя 20 с лишним лет пришло понимание, что Солнце есть явленное физико-математически время-истина, время как язык. Замякая мифологию в единое символьное пространство можно выявить Единицу, Первый символ, образующий это пространство: Солнце есть и Хронос, и Логос.

⁸ *Филимонов В. А.* «Федр» Платона в трактовке В. Ф. Эрна // Универсум платоновской мысли I. Вестник СПбГУ. Сер. 6. — 1994. — Вып. 3 (№ 20). А также: Указ. соч. // Платоновское философское общество [Электронный ресурс]. — СПб., 1993. — Режим доступа: <http://www.plato.spbu.ru/CONFERENCES/1993/06.htm>, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.

Русский язык как главное богатство и человеко-природный ресурс странового и мирового развития

Читаю компендиум У. Эко «Поиски совершенного языка»⁹, изданный в серии «Становление Европы»... Кстати, жаль, что Хайдеггеру было, вероятно, неведомо итальянское слово-присказка «эко», которое итальянец произносит раз сто на дню, что значит что-то вроде «вот-бытие», «это вот»; зная это повседневно употребляемое в Италии Вечной слово, Хайдеггер, возможно, использовал бы его вместо искусственного «Dasein». Говорящая фамилия у автора, что сказать; в сочетании с королевским именем Умберто — основателя Савойского дома Умберто I — получается что-то вроде «Король вот-бытия, Король знака».

При всем разнопорядковом энциклопедизме автор явно страдает филологическим редукционизмом, как если бы вся онтологическая философия языка прошла мимо него. Проблема же не в том, чтобы на складе филологической эмпирики и культурно-национально-исторической фактичности раскопать некое сокровище совершенного языка. Само становление человеческого мира как мира вещевания времени под Солнцем и есть совершенный универсальный язык, частными случаями (пазлами) которого выступают эмпирико-филологические языки. Языки суть народы, времена человеческого бытия. Закат народов и геополитических реальностей — это, прежде всего, закат языков как выполненных программ исторического развития? Рассуждая о поисках совершенного языка в контексте проекта «Становление Европы», Эко как-то позабыл о такой философской теме, как «Закат Европы». Вопрос состоит в том, как возможно в Конце Нового времени бытие совершенного языка, раскрывающееся в одном из национально-культурных языков. Ибо мышление-существованиевый цикл, открытый Декартом в Начале истории мышления Нового времени, требует своего завершения, воплощения в существующем языке. Факт возникновения риторической теории числа доказывает, что в Конце истории Нового времени именно Русский язык становится носителем совершенного

⁹ Эко У. Поиски совершенного языка в европейской культуре / Пер. с итал. А. Миролюбовой; серия «Становление Европы». — М.: Александрия, 2007. — 430 с.

языка. Присутствие совершенного языка в Русском языке предуготовано российской историей и в качестве всемирно-исторической цели этой истории объясняет многие ее перепетии, являет собой Великое примирение западников (язык дефинирующего разума) и славянофилов (народный язык, знающий правду конечности и ложь бесконечности) в Русском языке как языке грядущего Миротворения. В Русском языке ныне находится, пребывает, живет и прямодействует ковчег истинности вещевания времени пространством. Смысл русской истории, ее извилистая тропа — это вымалывание Русского языка как совершенного языка. Такова истинная идея и служение незабюрократизированного православия.

Проблема поиска «первобытного, первоизданного, божественного» протоязыка, рассматриваемая Эко в культуролого-филологическом контексте, в риторической теории числа имеет следующее решение: РТЧ-глоттогенез раскрывает в качестве первого языка — язык числа, тождественный исчислению простых чисел, порождающей процедурой которого является деление единицы на ноль, результирующее простыми числами, имеющее референтностью отношение бытия и ничто как фундаментальное отношение, создающее субстанцию времени в виде языка бытия.

Первый язык — это универсальная система кодов мышление-существованиеового цикла.

Простые числа — это первокачественности времени, базовые элементы первого языка. Как же согласно РТЧ-глоттогенезу на основе языка числа появляется слово в его современной цивилизационной форме — как синтагма звука, внешнего вида слова, значения (понятия) и смысла (мысли)? Как возможны и чем обеспечиваются языковые различия? Слово — это гелиометрическая сущность, гелиометрический тензор (частными случаями тензоров являются скаляры, векторы, матрицы) над просточисленным массивом (таблицей простых чисел) в целочисленном континууме. То есть народы занимают разное МЕСТО ПОД СОЛНЦЕМ, у них разная гелиометрия и, соответственно, есть различия в заполнении целочисленного континуума и движении в нем посредством мысли, но все эти различия суть одно и то же гелиометрическое тензорное исчисление простых чисел. Акустика слова, достигающая языковой цели слова «быть истинным и понимаемым», представляет собой специфическое просточисленное колебание в целочисленном континууме, моделируемое гелиометрическим тензором (струной). В этом смысле звук слова раскрывается как число в чистом виде, число риторическое. Акустическая эхолокация слова (словного образования — предложения, высказывания, суждения), вслушивание — это различие в слышимом фундаментальной структуры перво-

го языка, на базе которой работает субстанционально-языковая связка «есть». Внешний вид слова (знаконачертание) выражает, представляет гелиометрический тензор («стрелу времени», цель которой достижение истины языка как соприкосновения, встречи с поверхностью отклика бытия) или какой-либо аспект, контрапункт гелиометрического тензорного исчисления простых чисел. В синтагматическом единстве числа (звукослова), внешнего вида (гелиометрической сущности слова), понятия (целочисленной континуальности) и смысла (конечной цели мысли) слово есть усвояемое человеком вещество времени, создающее языковую телесность его солипитического Я.

Применительно к Плану Новой России — ресурс Русского языка означает, прежде всего, новое письмо и новую риторику власти. Переход к инновационной экономике — это в основе своей переход от нефтегазового обеспечения как использования отходов Солнечного производства пространственных объектов — к проектному участию в технике самой природы, сущность которой (техники) заключена во время-истиновой субстанции Русского языка, показывающей, как время производит пространство. У Русского языка мы должны научиться не бояться собственной силы.

Понятие чистой семиотики

Язык в чистом виде есть феномен выражения бытия во времени, создающем пространство в ходе этого выражения. Целочисленный континуум пространствосозидания субстанциональным временем — это чистая семиотика.

Что значит чистая семиотика? Это значит, что в целочисленном континууме мы имеем дело со смыслом в чистом виде, со знаком в чистом виде, со значением, сигнификацией, сигнатурой, дедукцией и всеми семиотическими процедурами в чистом виде, то есть не связанными с проблематикой означения и содержанием какой-либо отдельной предметной области. Целочисленный континуум — это существование первого языка, языка числа, который наличествует в любом языке и совершенно не заметен для филологии. Означение в чистом виде — это исчисление простых чисел. Чистое (первое) означение является результатом отношения чистого означаемого (референтного бытия) к чистому означающему (референтному ничто) — результатом деления единицы на ноль. Коммутация простых чисел — это «единственный семиотический корень» дедукции и индукции, значимость сама по себе. Чистая семиотика описывает закон бытия как событие порождения пространства временем, таковая первая референтность первого языка, универсальная для всех языков. Пифагоровы тройки (целочисленные решения уравнения Пифагора-Ферма $a^2 + b^2 = c^2$) — синтагмы, образующие языковой каркас целочисленного континуума как плана выражения языка числа. Пифагоровы тройки — суть устойчивые размерности (первые события трехмерности вещевания языка числа), вместе имеющие внешний вид ленты Мебиуса.

Целочисленный континуум — это фундаментальное отношение единого и многого, как представление о субстанционально-временной, пространствосозидающей природе языка числа. Простые числа суть слагаемые Я — это языковой телесности первого языка. Телесность Я — это вещественность мира, создаваемая языком бытия — чистым временем. Внешний вид слов различных языков возникает из реального умо-наблюдения соизмеримости (сравнения, уподобления) первого языка числа с языком в чистом виде как феноменом выражения бытия во времени. Базовым физическим элементом выражения бытия во времени является световой луч, порождающий пространство своего означения. С точки зрения «внешнего вида» время — это язык

пространствопорождающего света. Универсальное значение в языке времени — ускорение, присутствие которого во всех физических явлениях есть субстанционально-временная природа этих явлений как пространственных проявлений. Простые числа суть естественные световые кванты (элементы грамматики порождения пространства временем как языком бытия) — таков их «внешний вид», существование в пространстве. При этом каждое простое число имеет значение, соответствующее временному шагу бытия (шагу деления единицы на ноль). Время есть течение речи бытия, речение бытия, последовательность актов которого есть последовательность деления единицы на ноль, основание разворачивающая целочисленный континуум. Отсюда следует истина, объединяющая квантовую механику и теорию относительности в механику времени (хронику): световой квант есть изначальное (первое) ускорение, ускорение само по себе.

Физическая референтность целочисленного континуума — это соизмеримость световых отрезков как фреймов пространствопорождения, именно такова истинная референтность чистой семиотики, а не всевозможные глоттогенетические теории происхождения языка из вторично-языковой предметности, языком же и порожденной. Назовем эту референтность гелиометрией, световым языком времени, веществуящим пространство. Гелиометрия референтна целочисленному континууму чистой семиотики. Слово, как мы его знаем в современности — в единстве звучания, начертания, значения и осмысления, — это гелиометрический тензор над просточисленным массивом целочисленного континуума. Слово — это бытийное (план содержания слова) субстанционально-временное (план выражения слова) управление (правление, направление) пространствосозиданием, вполне строго и точно определенное вещевание, ускорение движения целочисленного континуума. Слово как знак (внешний вид записи слова) — это гелиометрическая форма (фигура), представляющая функцию светометрического тензорного исчисления простых чисел. Как известно, бывают различные формы тензоров (скаляры, векторы, матрицы, алгебраические формы) — такова природа различия словоформ. Филологический редукционизм языка не может понять природу и строение «внешнего вида» слова именно потому, что упускает его гелиометрическую референтность, функциональность и размерность.

Языковые различия суть различия МЕСТА НАРОДОВ ПОД СОЛНЦЕМ.

Гелиометрия позволит исчислять «записи» слов, рассматривая их как гелиометрические формы алгебраических конструкций (функций), выполнимых в целочисленном континууме, областью определения которых является множество простых чисел. Высшая алгебра над

пространством целочисленного континуума — это формула единицы, свертка просточисленных матриц и порожденных ими целочисленных многообразий, агрегаций и ансамблей значений (событий механики времени) в единицу, которая (свертка) образует референтную структуру языка в чистом виде. В этом смысле формула единицы является формулой автореферентности первого языка как технической сущности всех возможных языков (мышление-существование-циклов). Вместе с тем формула единицы — это формула техники в чистом виде, представляющая процедуру свертывания пространства в компактную единицу времени, техническую основу производства чисел как тел пространства. Числа как элементы языка времени (первые слова) суть тела пространства, подчиненные механике времени как грамматике (языковой каркасности) языка времени. Таков семиозис Вселенной как семиотической Вселенной пространственного означивания бытия временем.

Квантово-волновой дуализм с точки зрения РТЧ, или Преодолевая Планка

К вопросу об экспериментальной проверке РТЧ

Мне уже приходилось писать о том, что физика — это познание сущности числа окольным (относительно современной вейерштрассовской нецелочисленной математики) путем. А можно сказать и так, что физика есть столбовая, царская дорога познания сущности числа относительно петляющей современной математики. Проблема только в том, что сама физика не осознает себя таковой, не осознает число в качестве истинной своей предметности. Существо новой физики — это не просто вычисление события, а число события как «слово» языка времени, создающее предметность пространства.

Корпускулярно-волновой дуализм, квантово-механически интерпретирующий явление света, — это не что иное, как «нащупываемый» физикой целочисленный континуум, континуум субстанционального времени как субстанции содержания языка бытия, субстанцией выражения которого является заполняемое (полнящееся) пространство. Свет есть время — речение бытия, создающее пространство как полностью и непротиворечиво выражения бытия. Физики не улавливают эту априорно-пространственную, собственно временную сущность света, ограничиваясь представлением света как некоторой апостериорной функции Вселенной, подобной зажиганию лампочки в уже существующей комнате. Физическая истина света в том, что вместе со щелчком выключателя и зажиганием лампочки впервые появляется и освещаемая ею комната. Апостериорное представление о свете ограничило прорыв Эйнштейна-Бора к истине бытия — субстанциональному времени.

Подлинный квантово-механический формализм — формализм механики времени (механика пространствопорождения временем) — это формализм светометрии как деления единицы на ноль. Свет излучается простыми числами (истинными квантами), каждое из которых есть элемент гелиометрической прогрессии, в каковой каждое последующее число получается из предыдущего посредством деления его на ноль. Простое число — это и есть отношение корпускулярности (как непосредственно-временной единичности конкретного шага деления единицы на ноль, то есть как числителя конкретного шага гелиометри-

ческой прогрессии) к волновости (как непосредственно-временной нулевости, то есть как знаменателя конкретного шага гелиометрической прогрессии).

Корпускулярно-волновой дуализм — это слепое к риторической (субстанционально-временно-языковой) природе числа ощущение целочисленного континуума, ощущение существования удивительного тождества дискретности (корпускулярности) и непрерывности (волновости), не распознаваемого как явление субстанциональности времени. Корпускулярно-волновой дуализм распознается как результирующее истинными квантами (простыми числами) деление корпускулярности (последовательности просточисленных субстанционально-временных качеств единичности) на волновость (последовательность целочисленных вещественных полей, означающих конкретный шаг, соответствующий номеру элемента гелиометрической прогрессии). Корпускулярно-волновой дуализм — это феноменологическое описание тождества непрерывности и дискретности в целочисленном континууме, выражающегося простым числом (истинным квантом). Простые числа — это точки языковой каркасности целочисленного континуума, в которых перекрещиваются оси зрения (наблюдения), формирующего зримое (наблюдаемое), где непрерывное и дискретное (оси языковой рецепции) совпадают как означаемое и означающее.

Излучение света — это первый язык бытия, время, веществуемое пространство. РТЧ-гипотеза, которая наверняка будет подтверждена соответствующими светометрическими (гелиометрическими) экспериментами, состоит в том, что световые кванты имеют просточисленные значения. Исчисление простых чисел есть непосредственная светометрия единицы. То есть сила света (сила пространствосозидания временем) измеряется в числах самих по себе (в физических единицах в чистом виде), подобно тому как сила тяжести измеряется в Ньютонах, сила тока — в Амперах и т.д. Число — это измерение силы света, пространственное бытие, создаваемое временем.

При этом физическая сущность светового кванта, то есть сущность его как стрелы времени, порождающего пространство, — это ускорение. В состоявшемся апостериорном пространстве все тела двигаются с определенными скоростями. В пространствосозидании, в становлении пространства субстанциональной силой времени как языка бытия началами тел являются числа как временно-предопределенные (в единстве прошлого, настоящего и будущего) изменения скорости. Механика времени предопределяет, программирует, кодирует в простых числах наблюдаемые нами в настоящем и предсказываемые в будущем пространственные изменения. РТЧ-гипотеза состоит также и в том, что всякий субстанционально-временной, пространствогенерирующий

процесс светометричен и есть разворачивающееся исчисление простых чисел. Именно такой процесс и фиксирует современная астрономия в виде явления, которое невозможно объяснить с точки зрения действующих ныне физических законов, а именно, явления ускорения (а не замедления, как должно было бы быть) Галактик, разбегающихся после Большого взрыва.

Великий физико-математический синтез, который открывается в распознавании корпускулярно-волнового дуализма света как феноменологического описания исчисления простых чисел в целочисленном континууме, состоит в понимании истинного кванта — как простого числа с точки зрения математики и как ускорения с точки зрения физики.

Планк, вводя идею кванта излучения, пользуется абстракцией абсолютно черного тела, применяемой в термодинамике (Википедия: это тело, поглощающее все падающее на него электромагнитное излучение во всех диапазонах и ничего не отражающее; несмотря на название, абсолютно черное тело само может испускать электромагнитное излучение любой частоты и визуально иметь цвет; абсолютно черным телом называют некий предмет, чье излучение зависит только от температуры и видимой площади поверхности; в противоположность физическим представлениям о непрерывности всех процессов, что являлось основой физической картины мира, построенной Ньютоном и Лейбницем, Планк ввел понятие кванта излучения).

РГЧ-понятие истинного кванта имеет гелиометрическую референтность. В истинном кванте (как значении, фрейме пространствосозидающего языка времени) непрерывность и дискретность тождествуют как вещественность вещи в себе, вещи, производимой субстанцией времени и расширяющей собой пространство, продвигаясь в ничто. Критикуя квантовую механику, Эйнштейн в поисках «совершенной квантовой механики» интуитивировал идею истинного кванта, предопределенно-вычисляемого («Бог не играет в кости»). Экспериментальное преодоление теории Планка возможно также на основе РГЧ-теории Солнца. Солнце может быть рассмотрено как нефиктивное, «абсолютно яркое (для нас как для мира под Солнцем) тело», то есть как Логос, репрезентант непрерывности (истинности) языка бытия, веществуемого наш мир (мир под Солнцем) как Единое, но и также как действительно существующее для нас «абсолютно черное тело», то есть как Хронос, субстанциональное время, репрезентант дискретности языка бытия, порождающей многообразие, Многое. Современной физике, не постигшей время как субстанцию языка бытия, создающую пространство как план выражения бытия, неизвестно, что СОЛНЦЕ НЕ ТОЛЬКО ИСПУСКАЕТ ИЗЛУЧЕНИЕ, НО ТАКЖЕ И ПОГЛОЩАЕТ, СТЯ-

ЖАЕТ ЕГО КАК «АБСОЛЮТНО ЧЕРНОЕ ТЕЛО». Гелиометрия (в конститутивном переходе от геометрии)— это, прежде всего, ЧЕРНАЯ КВАДРАТУРА СОЛНЕЧНОГО КРУГА, разрешимость которой выполнима в виде ленто-мебиусной структуры излучения. Эмпирически мы наблюдаем только часть этой структуры. «Воспринимаемое физическими глазами, физическими чувствами представляет собой прежде всего солнечную деятельность. Но существует еще сокрытая деятельность Солнца. Она живет во всех вещах, живет в минералах, в растениях, животных, а также и в человеке» (Я. Беме). Единица не только испускает простые числа, но и пневматически охватывает все их множество, как множество своих истинностно-конечностных частей. Рожденный Солнцем мир конечностно в Солнце и возвращается.

Обретение референтности, или «Негелиометр — да не войдет!»

Вейерштрассовская нецелочисленная математика представляет число даже не как пустую, формальную, не нуждающуюся в дефиниции единицу, а отказывает ему даже в статусе и такой редуцированной единичности, объявляя число множеством пустотных единиц. Геометрическая интерпретация числа и допуск нецелочисленности как означающего предела данной интерпретации в прагматических системах порождают тему неопределенности мира — идею бесконечности как идею изначальной и всеобщей неопределенности. Иллюзию бесконечности со стороны так называемых гуманитарных наук поддерживает филологический редукционизм, сутью которого является не аппроксимация реальности к телесности языка, а нечто прямо противоположное — редукция самого языка к тонкой пленке конвенциональных значений, наращивающих неопределенность мира как его внеязыковость, антиязыковость.

Вейерштрассовская нецелочисленность и принципиальная неопределяемость числа, с одной стороны, и филологический редукционизм Ницше, отчуждающий язык от человеческой реальности, одержимый иллюзией Безязыкого Сверхчеловека, с другой стороны, создают архимедов рычаг инсталляции идеи бесконечности, наращивающей чистую неопределенность и возводящей ее в принцип мироустройства. «Ничтовластвование» (филологический редукционизм, отчуждение языка, по Ницше) и «пустогосподствование» (нецелочисленность и неопределимость числа) возможны только при онтологическом условии подавления дефинирующего разума, каковое подавление и осуществляет система наращивания и реализации принципа неопределенности как «объективной» якобы основы, призванной сдерживать и ограничивать дефинирующий разум.

Паланкин с демоном неопределенности несут его интеллектуальные рабы, которые в свободное время предаются сатурналиям, лишенным всякой референтности языковым играм, или, лучше сказать, языковым пляскам и оргиям мистической дословной невыразимости, невыразимой сложности, n -мерности, многозначности, смысловой незавершенности и прочей «кривизны пространства», то есть языкового кривляния, одержимого имморализмом, дефинитивного искажения

и поклонения демону неопределенности, этой обезьяне Бога. Идолопоклонничество демону неопределенности — основа материального (пустогосподствующего над дензнаками) и властного (ничтовластвующего над «демагогическими речами») успеха в логико-геометрическом мире конвенциальных масок релятивизма и имморализма.

РТЧ-математика, выводимая историей философии на передний край борьбы с демоном неопределенности, направленная на победу дефинирующего разума, обретает в качестве референтной базы гелиометрию — оружие победы. Русское слово «победа» хорошо раскрывает сущность этого явления — по-беда. То есть, чтобы восторжествовать в правде, нужно ощутить, пережить всем своим существом, глубоко понять беду, прожить реальную угрозу тотального небытия. Таковой была суть победы в Великой Отечественной войне. Русскому языку еще со времен Наполеона (чудовища ничтовластвования и пустогосподствования, порожденного Французской революцией) памятна эта БЕДА. Из победы в войне с Наполеоном возник феномен Великой русской литературы как риторический феномен победы бытиевкоренности языка над небытием.

РТЧ — феномен, обязанный своему возникновению риторической мощи победы над многовековой идеей господства одного народа («языка») над всеми народами («языками») планеты, воплотившейся в гитлеровской Германии.

Референтная, физико-существованиевая база РТЧ-математики — это свет. Свет дефинируется в риторической теории числа так: языковое выражение порождения пространства субстанциональным временем как языком бытия. РТЧ выявляет априорный характер света как явления пространствосозидания временем, в то время как современная физика в лице квантовой механики и теории относительности имеет дело с апостериорным светом, всего лишь «освещающим пространство».

Числа сами по себе (1, 2, 3, ..., 123...) — это не формальный счет, но измерения силы света, подобно тому как 1 ньютон, 2 н, ..., 123 н... — это измерения «силы тяжести». Единица сама по себе — это единица силы света, 1 рч (одно риторическое число) или 1 в (одно время, далее — два времени, три времени...). Такова истина числа — определение числа как единицы измерения силы света, сущность которой порождение единицей времени единицы пространства.

Отсюда становится понятной РТЧ-формула единицы «Единица есть множество простых чисел».

Что есть Один Свет (единица света)?

Один Свет (акт субстанционально-временного пространствосозидания) есть множество истинных квантов света — простых чисел. Такова формула «совершенной квантовой механики» (Эйнштейн).

Что есть квант света?

Это единичное, качественно специфицированное (однозначное) ускорение. Пространство — это язык существования, квантифицируемый чистыми ускорениями, значениями истинных квантов света, простыми числами. Пространственно существовать — значит, быть квантифицируемым истинными квантами света, иметь просточисленное ускорение.

Отсюда следует ВЕЛИКАЯ РАЗГАДКА ПРИРОДЫ МАССЫ, над которой безуспешно бьется современная физика, дошедшая в своем исступлении попытки внеязыкового понимания до воображения «бозона Хиггса», некоей частицы, ответственной за возникновение массы.

МАССА есть ОТНОШЕНИЕ СВЕТА К КВАНТУ СВЕТА (продукт автореферентности кванта света), ОТНОШЕНИЕ СИЛЫ СВЕТА К УСКОРЕНИЮ (физическому значению истинного кванта света). МАССА есть отношение света как целого, Единого к кванту света как к части целого, к Многому. Квант света — это слово в языке времени, который (язык) есть свет. Как таковые, кванты света непосредственно создают числа пространства — истинные объекты пространства, означаемые телами, продукты вещевания времени, в-себе-существования пространствующих вещей.

Масса — это выполнимость, выразимость истинного светового кванта, мерный признак пространственного вещевания, осуществляемого языком субстанционального времени. Масса — это «есть» света, конечность, значение света как пространствопроизводящей функции субстанционального времени.

Действительно существующая пространственно-временная масса — это отношение единицы к простому числу (как элементу гелиометрической прогрессии). Масса есть число, обратное простому числу (дробь $1/p$). Совокупность масс во Вселенной (истинная дробность Вселенной, или разрешенная дробность целочисленного континуума) — это сумма чисел, обратных всем простым числам.

СУММА ЧИСЕЛ, ОБРАТНЫХ ВСЕМ ПРОСТЫМ ЧИСЛАМ, ИЗВЕСТНЫМ НА ДАННЫЙ МОМЕНТ, МЕНЬШЕ ЧЕТЫРЕХ. Идея конечности числа простых чисел подводит к мысли о том, что сумма чисел, обратных всем простым числам, РАВНА ЧЕТЫРЕМ. Это и есть раскрытие природы той самой «четырёхмерности» нашего мира как языкового каркаса (синтагмы «четверицы», см. главу «Оцифровывая Хайдеггера») целочисленного континуума.

Массы действительных и универсальных пространственных событий (выполненных ускорений) ПРЕДОПРЕДЕЛЕННЫ. Это положение изгоняет демона неопределенности из физики. Мы не умеем сегодня выделять, вычленять эти события как члены гелиометрической

и алгоритмической прогрессий (см. главу «Приглашение математиков к разработке РТЧ-математики»). Мы искажаем массы в существующей процедуре их измерения. Необходимо измерять массу как продукт вселенского ускорения, а не как самостоятельное субстанциональное начало в парадигме всемирного тяготения. Необходимо поставить систему измерения массы пространственного события, объединяющую (систему) макромир и микромир, все четыре фундаментальных физических взаимодействия.

Нужен пространственный анализ – выявление просточисленных ускорений как порождающих актов пространственной событийности – на основе гелиометрии. Геометрия – это воображаемый, внепространственный анализ, в этом искусственность ее фигур, построений с помощью циркуля и линейки, физико-геометрических констант, существующих только в области определения геометрии. Прежде всего необходимо выработать гелиометрическую, гелиоцентрическую систему хозяйства – пространственно-аналитическую экономику.

Часть IV. Первая физика как теория чисел

Эко!

Заметки на полях первой главы книги У. Эко «Отсутствующая структура»¹

«Эко» — это слово каждый итальянец произносит «по сто раз на дню». Означает что-то вроде «вот», своего рода аналог хайдеггеровского Dasein, «повседневное озарение».

Эко. Предположим, что мы выявили структуру некоего языка, обозначим ее s_a . Затем — структуру родственных отношений в селении, в котором говорят на этом языке. Назовем эту структуру родства s_b . Наконец предположим, что нам удалось выявить структуру, регули-рующую пространственную организацию селения. Назовем ее s_c . Очевидно, что это поверхностные структуры и в них можно обнаружить некое сходство в той мере, в какой они являются реализациями более глубокой структуры, назовем ее S_x .

Так вот, вопрос заключается в следующем: если я обнаружу какое-то новое явление, которое поддается описанию в тех же терминах s_a , s_b , s_c , то мне не останется иного выхода, кроме как установить наличие четвертой поверхностной структуры s_d , для которой глубинная структура S_x предстанет совокупностью правил ее трансформации в s_a , s_b и s_c . Если же, напротив, передо мной новый феномен, описываемый в терминах модели sd , гомологичной возможным моделям s_a , s_b и s_c , то последние будут приводимы уже не к S_x , но к новой модели S_y . В свою очередь S_x и S_y также можно рассматривать как манифестации самой глубинной структуры S_n , как это показано на нижеследующем рисунке. Вполне очевидно, что мы получили только ядро некоего более обширного разветвления, благодаря которому всякий раз, когда в этом возникнет ОПЕРАТИВНАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ, мы сможем нисходить к более глубинным структурам. Но ясно, что этот метод основывается на двух фундаментальных принципах: а) структура S_n , описываемая как последняя, наиболее глубинная в этом ряду, является таковой только как рубеж, которого достигло познание, новое исследование может лишить ее статуса глубинной, статуса последнего кода, преобразуя в одну из стольких промежуточных поверхностных структур;

¹ Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. — СПб.: Симпозиум, 2004. — 544 с.

б) отступление от кода к метакоду возможно только при обнаружении новых феноменов, вынуждающих к перестройке объясняющих моделей, при отсутствии таковых феноменов у меня нет оснований для формулировки новых метакодов, разве что я этим займусь как некоей логической гимнастикой. Формулирование новых метакодов на уровне «emic» без материала «etic», оправдывающего это занятие, это всего лишь упражнение в абстрактной комбинаторной логике, которая производит инструментарий для объяснения реальности, но необязательно ее объясняет.

РТЧ. Проблематика метаструктуры (универсальной структуры, метакода), выявляемая Эко, возникает в качестве описанного им «порочного круга» семиологии потому, что не определена структура как таковая. Структура понимается лишь на основании использования ее понятия в некоторых терминологических контекстах s_a , s_b и s_g . Само понятие структуры при этом остается неопределенным, и в рамках этой неопределенности мы получаем возможность работы с различными значениями понятия структуры — от «больше/меньше» структуры, то есть большей или меньшей структурированности рассматриваемой предметной области, до «присутствия/отсутствия структуры». Проблема метаструктуры оказывается лишь отсылкой к необходимости представления структуры как некоторой функции структурирования (квантификации) существования, принимающей различные значения — от «незначительных» до «метаструктурных». Структура есть результативная функция квантификации существования. Результативность этой функции означает не что иное, как целочисленную квантификацию, эксплицирующую счетные множества сущего. Нецелочисленный результат квантификации фиксирует бесструктурность, отрицательное значение структуры как функции структурирования существования. «Порочный круг» семиологии размыкается в поле действия герменевтического круга понимания, описанию которого Гадамер посвятил свою работу «Истина и метод». Понимание структуры как смыслово-определенного понятия возможно в такой связке взаимопределения и смысловой совместности, как «генезис и структура». То есть структура как функция областью своего определения имеет генезис существования. Фактичность «отсутствия структуры», показываемая Эко на культурологических примерах, являет собой отрыв функциональной сущности структуры от ее детерминистской роли в производстве Сущего. Философский смысл структурализма, критикуемого Эко за его претензии на абсолютизацию структуры, состоит для научного познания в том, что функция структуры распознается, раскрывается как металингвистическая. Тем самым открыто, что именно язык является функцией Сущего, обеспечивающей генезис, струк-

туру и результативность (конечную определенность) существования. Потому-то Эко и попадает в забавную ловушку метаструктурности, в порочном семиотическом круге которой он вращается на протяжении всей книги, как белка в колесе, что не осознает предметности осуществленности, реализованности идеи метаструктуры в языке как таковом, языке в чистом виде (Соссюр), языке как функции Сущего, как вещевании мира. На этом и стоило бы поставить точку в вопросе о метаструктуре (метакоде, универсальной структуре), определив, что язык и есть воплощенная метаструктура, референт метаструктурности как таковой и идея «отсутствия структуры» есть не что иное, как утрата базовой функции языка — функции вещевания мира, «забвение бытия», по Хайдеггеру, филологический редукционизм, сводящий язык к его вторичным признакам услуги для Человека, услуги коммуникации, информатизации. Однако определив язык как функцию, создающую существование как языковую форму (результат вещевания мира), мы вторгаемся на поле естественнонаучного знания и, чтобы преодолеть бешеное сопротивление этому вторжению, должны охарактеризовать данную функцию естественнонаучным, математико-физическим образом, неминуемо затрагивая при этом основания математики и физики. Язык науки есть сущностная акцентуация, артикуляция и гипостазирование базовой функции языка — функции вещевания мира, функции генезиса, структуры и результативности существования. Однако это гипостазирование настолько сильно, что уже не знает себя как язык, оторвалось от своей фундаментально-языковой основы, что и составляет главную действующую причину объявленного еще в начале прошлого века кризиса естественных наук. Веществующая сила языка науки воплотилась в технике как в чем-то, противостоящем научному рассудку в качестве его вызова, целеполагания научно-технического прогресса. Понятия языка науки — от электрического тока до протона и нейтрино — в их сущностной связи с техникой в качестве регулирующих воздействий на технический процесс являются языково-конкретными функционалами генезиса, структурирования и результативности существования. Язык науки, «оседлавший» метаструктурное измерение языка, тем не менее не знает себя как язык, но верит в себя как в гипостазированную метаструктурную предметность — «универсальные законы природы», забывая о том, что так называемая фундаментальная наука — это «всего лишь» теория «книги природы, написанной языком математики», структурный анализ «книги природы», ее поэтика. Усмирение метаструктурности естественнонаучной стратегии, результатом которой является многообразие «именных» законов природы («Я, Ньютон, сказал», «Я, Ампер, сказал»), а также преодоление постмодернистской реакционной (нищешанской) антиметаструктур-

ности философствующего нигилизма, которым одержима «современная философия», возможны на пути раскрытия познания как познания законов языкового вещевания мира, познания истины языка как метода (функции) существования. Проблема шараханий от метаструктурности до отсутствия структуры тогда снимается как задача выявления конкретных значений структуры в качестве функции осуществления языкового вещевания мира. Структура как величина вещевания может принимать разные значения, вплоть до нулевых (отсутствие структуры) и отрицательных (нецелочисленных). Структуризация знаниевого существования естественных наук как многообразия «над языком науки» приводит к опровержению энтропийно-ориентированных основоположений современной науки (от термодинамики и законов сохранения до целого ряда положений квантовой механики), ведь базовая функция сущего, референтом которой является языковое вещевание сущего (язык как причина существования), принципиально антиэнтропийна. Лишь на этом пути отказа от «фундаментальных законов природы» естественная наука преодолет кризис познания в его причинно-источниковой форме, форме языковой природы научного знания. Языковая теория числа раскрывает первый язык вещевания мира, первую структуру (метакод) Сущего.

Эко. И все же именно с этим последним пунктом онтологический структурализм никак не соглашается. Для него всякое абстрактное упражнение в комбинаторной логике поставляет «истинные» модели реальности. Почему? Потому что он гипостазировал в качестве философской истины то, что было всего лишь осторожной оперативной гипотезой, с которой все и начиналось: мыслительные операции воспроизводят реальные отношения, а законы мышления изоморфны законам природы.

РТЧ. Нет иных законов природы, кроме законов языкового вещевания мира, кроме Языка как закона существования, раскрывающего генезис, структуру и результативность существования. Всякое существование есть результат языкового вещевания. Само пространство есть существование времени как языка бытия.

Эко. А раз так и в связи с тем, что метакод S_x , объясняющий поверхностные структуры s_a, s_b, s_c, s_d уже найден, онтологический структуралист может не ждать открытия феноменов иного порядка, чтобы показать, что $(s_a, s_b, s_c, s_d) \supset S_y$, где $(S_x * S_y) \supset S_n$. Онтологический структуралист способен вывести S_n непосредственно из S_x . Всегда и везде. Онтологический структуралист видит в самой природе S_x (существующего объективно, не как исследовательская гипотеза) некое ядро S_n , стало быть, еще более глубинное образование, зародыш всех возможных Кодов, Код Кодов, Пра-Код или, лучше, Пра-Систему, которая, присутствуя во всякой семи-

отической манифестации, подтверждает существование некоего потаенного начала. Иными словами, онтологический структуралист изучает Культуру, говоря о ней в терминах *Natura Naturata*, а в самом сердце этой *Natura Naturata* он выявляет — раз и навсегда — наличную и действующую *Natura Naturans*. Подобную операцию совершает Леви-Стросс в финале «Сырого и вареного», когда пытается выявить в любом мифе какую-то элементарную мифологическую структуру, которая *a priori* представляет собой структуру всякой умственной деятельности и, стало быть, структуру Духа. Фундаментальная функция мифа сводится к тому, чтобы «signifier la signification» (означать значение), такова структура бинарных оппозиций всякой коммуникации, основополагающий закон всякой умственной деятельности. «Единственный ответ, который может подсказать эта книга, состоит в том, что мифы означают дух, их созидающий с помощью того самого мира, частью которого он является. Таким образом, могут порождаться одновременно как сами мифы, созидаемые учреждающим их духом, так и созидаемый мифами образ мира, уже нашедший себе место в устройении духа». В этом смысле «мифологическое мышление допускает природу только при условии, что может ее воспроизвести». Как уже было сказано, миф, как и Культура, это *Natura Naturata*, в которую заранее и непременно вписан учреждающий образ *Natura Naturans*.

Оппозиция, держащаяся на различии, — такова элементарная структура всякой возможной коммуникации. Бинарный принцип, рабочий инструмент логики кибернетического моделирования, преобразуется в Философский Принцип.

Но предположим, что мы действительно в состоянии отыскать во всякой выявленной нами поверхностной структуре структуры наиболее глубинную, Пра-Систему. Если это на самом деле Структура Реального, то по логике вещей она должна присутствовать и быть различимой в любой своей поверхностной манифестации.

Такая позиция предполагает два следствия философского характера, которые мы и намерены обосновать: а) если Пра-Система существует, она не может быть системой или структурой; б) если бы она и представляла собой структурированную систему, ее нельзя было бы ни увидеть, ни определить. Итак, философским следствием признания Пра-Системы будет отрицание структурного метода в качестве метода познания реальности. Если структурный метод опирается на Пра-Систему, тогда реальность, опознаваемая в качестве структуры, есть псевдореальность, и никакие структурные модели Истине ни к чему. Структурные модели только маскируют Истину.

Надо сказать, что нас такой вывод нисколько не обескураживает: если мы полагаем, что структурные модели — не что иное, как чистые оперативные фикции, так это именно потому, что реальность богаче и противоречивее всего того, что о ней говорят структурные модели.

Но бывают утверждения и утверждения, философия и философия... И это значит, что всякая философия скрывает в себе какую-то идеологию.

Наше утверждение можно понимать так: коль скоро реальность непознаваема, то единственный способ ее познать — это изменить ее; в таком случае структурные модели становятся орудием практики. А еще это утверждение может подразумевать, что коль скоро реальность непознаваема, то задачей познания будет манипулирование ее фиктивными образами, открывающее доступ к таинственным Истокам этой противоречивой реальности, которая от нас убегает. В таком случае структурные модели представляют собой орудия какой-то мистической инициации, ведущей к созерцанию Абсолюта. Первое решение предполагает, что познание имеет смысл в той мере, в какой оно действенно. Второе предполагает, что познание имеет смысл в той мере, в какой оно есть созерцание, — подобно отрицательному богословию оно заставляет ощутить присутствие *Deus absconditus*.

Почему же принятие идеи бинарной оппозиции в качестве метафизического принципа приводит к отмене самого понятия структуры? Подсказку мы можем найти у одного из теоретиков универсальной комбинаторики — у Лейбница.

В небольшой работе под названием *De organo sive arte magna cogitandi (ubi igitur de vera characteristica, cabbala vera, algebra, arte combinatoria, lingua naturae, scriptura universalis)* Лейбниц напоминает, что «наилучший способ работы ума состоит в том, что он может открывать для себя немногие мысли, из которых по порядку проистекает бесконечное множество других мыслей точно так же, как из нескольких чисел... можно вывести по порядку все остальные». «Поскольку понятий, которые постигаются, бесконечно много, то также возможно, чтобы понятия, постижимые сами из себя, были немногими». Отступая к этим элементарным понятиям, Лейбниц выделяет только два из них: «Сам Бог и, кроме того, ничто, или лишенность, что доказывается неким удивительным подобием». Что же это за «удивительное подобие»? Это структура бинарного исчисления! В котором «с помощью удивительного метода выражаются таким образом все числа посредством Единицы и Ничто». Перед нами философские корни бинарного исчисления: диалектическая взаимосвязь Бога и Ничто, Присутствия и Отсутствия.

Таков Лейбниц, не только математик, но и мыслитель-метафизик без околичностей и уверток. Лейбниц оставляет на долю того, кто примется размышлять о законах универсальной комбинаторики, немалую метафизическую и онтологическую проблему. Нужно ли понимать диалектику присутствия и отсутствия как некий чисто артикуляционный механизм или же речь идет о метафизических началах? Прежде всего посмотрим, как выглядит эта диалектика у ведущих представителей лингвистического структурализма, оставляя пока в стороне метафизическую проблематику.

В структурированной системе любой элемент значим в той мере, в какой он этот, а не другой или другие элементы, на которые он указывает, тем самым их исключая. Не физическая субстанция план выражения наделяет фонематический элемент значением, но его сама по себе пустая и замещаемая в системе валентность. Но для

того чтобы родился смысл, нужно, чтобы был хотя бы один из членов оппозиции. Если же его нет, то и отсутствия другого члена также никто не увидит. Оппозициональное отсутствие становится значимым только в присутствии какого-то присутствия, его выявляющего. Субстанция плана выражения как раз и обеспечивает очевидность присутствия. Значимо то, что относится к «emic», но носителем значимостей всегда служит «etic». Или, лучше сказать, пустое пространство между двумя сущностями, которых нет, обретает значение только в том случае, если все три значимости — «да», «нет» и пустое пространство между ними взаимообуславливают друг друга.

Отсутствие, о котором говорят структуралисты, касается двух факторов: 1) неважно, что стоит за «да» или «нет», важно, чтобы сущности, замещающие собой эти валентности, сопрягались друг с другом, 2) как только сказано «да» или «нет», это «да» или это «нет» обретает свой смысл только ввиду отсутствия другого элемента. Но что во всей этой механике значимых оппозиций в конечном счете главное, так это то, что она дает нам систематическую возможность узнавать то, что есть, по тому, чего нет. Структуралистское отсутствие говорит нам о том, что на месте того, чего нет, появляется что-то другое.

А коль так, то лингвист (или шире, семиолог) не обязан задаваться вопросом о том, что это за «присутствие» и что это за «отсутствие» способны ли это мышления или всего лишь гипотезы о способах мышления. На уровне «etic» это МАТЕРИАЛЬНЫЕ факторы. Но философ, к примеру Лейбниц, неизбежно задается вопросом, не связаны ли эти присутствие и отсутствие с присутствием Бога как полноты бытия и отсутствием Бога, то есть с Ничто.

И если все это так, то уместен вопрос, а не существует ли еще что-то, что могло бы объять оба полюса этой диалектики?

Богослов не затруднился бы ответом: в божественном уме никакой диалектики присутствия и отсутствия нет. Бог — полнота собственного бытия. Он весь — присутствие. Именно потому божественное понимание не предполагает развития и Богу неведомы проблемы коммуникации: все сущее в единый миг объемлется. Его взглядом (и ангельским умам тоже в какой-то мере дается эта привилегия) — обнимать мир, причащаясь творящему видению Бога. Почему человек сообщает? Именно потому, что он не в состоянии охватить все единым взглядом. И поэтому есть вещи, которых он НЕ ЗНАЕТ, но о которых ему нужно СКАЗАТЬ. Недостаточность познавательных способностей и превращает коммуникацию в чередование того, что мы знаем, с тем, чего мы не знаем. А как вообще может быть сообщено нечто неизвестное? Противопоставления и различения и заставляют неизвестное всплывать из глубин неведомого.

РТЧ. Русская метафизика как «отсутствующая структура» метафизики западноевропейской (метафизики различия) — это метафизика тождества. В языке как продукте филологического редукционизма «есть только различия» (Соссюр). «В языке как функции Сущего есть только тождества» (РТЧ). В деконструктивизме Деррида как в нисходящей

ветви западноевропейской метафизики различия структура как величина языкового вещевания мира (величина проявленности языковой функции) приобретает нулевое и далее — отрицательные (нецелочисленные) значения. Именно в точке падения западноевропейской метафизики в отрицательную онтологию различения возникает риторическая теория числа, которая начинает обратный ход возвращения к истокам произведенческой сущности языка. Триумфальное шествие риторической теории числа станет явленным как резкий, лавинонарастающий рост величины Языка как структуры значимого Сущего — от экономики и политики до науки и техники. Целочисленная метафизики тождества означаемого и означающего, вещей и слов, структуры и генезиса, метода и истины, значения и смысла, пространства и времени — это возвращение к тезису Парменида о бытии, к тезису о невозможности небытия в силу существования бытия. Семиотика знаковых систем раскрывает знак как чистое различие, а означивание — как различие посредством (методом) исключения, как вычитание (выведение за скобки) означаемого из означающего, вещей из слов, структуры из генезиса, метода из истины, значения из смысла, пространства из времени. Риторическая теории числа раскрывает число как чистое тождество (простой «сверхзнак»), а целочисленность — как результативное отождествление (означаемого и означающего, вещей и слов, структуры и генезиса, метода и истины, значения и смысла, пространства и времени) посредством (методом) порождения нового (кванта, элемента существования) методом исчисления существования. В западноевропейской «диалектике бытия и ничто» действует закон исключенного третьего, отсюда и возникает непреложность бинарного принципа для оппозиционального мышления и кибернетики. Деконструкция оппозиционального мышления означает ничтожение европейского рационализма лучшими учениками Ницше, последние 10 лет своей жизни, как известно, пребывавшего в полном безумии, рационально пришедшего к безумию. Рациональное сведение цивилизации с ума, а именно: на поверхности — эстетизированно-снобистский культ тонкого различения «бесконечно малых» и люцифериянского «рас-сияния» слов, а на деле — умственное запустение, тотальное отчуждение или, наоборот, как это зачастую делается в современном концептуальном искусстве, свалка и мешанина означаемого и означающего, вещей и слов, структуры и генезиса, метода и истины, значения и смысла, пространства и времени — это не наш путь, «учителя», толкающие на этот путь, — наши противники. Современная «Рас-сияния» превратилась, по существу, в чистое поле битвы с силами, атакующими уже самое бытие. Здесь человек — «рас-сиянин» — повседневно и непосредственно граничит с небытием, с ничто самим по себе, а не в одном только его аспекте физической смерти. Риторическая тео-

рия числа постигает существование как превозмогание небытия силой бытия в актах языкового, веществуемого мир превозмогания ничто как актах субстанционального времени, ничтожащего ничто. Существование есть суждение, являющееся результатом оппозиции бытия и ничто. Суждение есть истинная структура мира как языкового вещевания. Различие — это план выражения суждения, в то время как тождество — это субстанциональный план суждения, план содержания. Различие являет собой апостериорный результат языкового вещевания, отчужденный от самого процесса вещевания, в то время как тождество раскрывает априорный языковой генезис существования. Оппозициональное различие «да — нет» имеет в качестве собственного субстанционального основания непосредственное существование «кванта существования», выражающегося как истина суждения, новое знание о существовании. Различие «да — нет» функционально, «да» и «нет» функционально взаимосвязаны как величины, характеризующие область определения и область значения металингвистической, веществуемой мир языком функции, а именно как величины, фиксирующие, насколько нечто — «да» (в смысле «так») и насколько нечто — «нет» (в смысле «не так»). Характерной особенностью русского языка является работа со значимостью «да» и «нет», внимание к определению меры «да» и «нет». Русское «да» и русское «нет» не окончательны и не бесповоротны, они предполагают референтность (реферирование), смыслово-количественно (больше-меньше) акцентуированы и нередко переходят друг в друга («да» в смысле «нет», «нет» в смысле «да»). То есть русский язык знает третье основание оппозиционального различия «да — нет». Это основание — тождество, из которого берет начало оппозициональное различие «да — нет» и в которое в конечном итоге возвращается. Различие «да — нет» значимо внутри созданного языком мира, в отношении же к Языку как к Целому мира — этот апостериорный функционал теряет свою значимость перед непосредственной истинной моментом времени человеческого бытия как присутствия в луче вещевания мира. Структура суждения может быть представлена, как «да — нет — нечто (суждение в себе)». За внешним видом суждения стоит функция, определяющая «на третий (умозрительно всматривающийся в слышимое) глазок» значение величин «да», «нет» (мер бытия и небытия) относительно нечто, то есть вычисляющая координаты «нечто» в («относительно к») предустановленном целочисленном континууме мышления — как в средоточии, зарождении языкового вещевания мира. В суждении мы рассматриваем когерентность, системно-функциональную адекватность, тождественность «нечто» суждения целочисленной континуальности языкового вещевания.

Кибернетический набор нолей и единиц — это предъявление в разобранном виде языкового аппарата вещевания, разъятого на со-

ставные части, рядоположенные, но не связанные сущностными отношениями. С помощью этого набора можно реализовать и воспроизводить простейшие языковые операции, связанные с осуществлением апостериорных функций языка (коммуникация, информатизация), но совершенно невозможно организовать работу аппаратно-языковой системы, мыслящей, овеществляющей мир как некоторую априорную идею языковой техники Сущего. Кибернетические ноли и единицы не имеют референтной базы, они не существенны, формальны, в худшем смысле этого слова, не отражают реальных отношений бытия и ничто как референтных планов единицы и ноля. Нас ожидает РТЧ-реструктуризация кибернетики, состоящая в переходе от бинарного кода «да – нет», «единица-ноль» к тринитарному (троичному) коду «да – нет – суждение», «да – нет – простое число». Великая структуральная идея риторической теории числа состоит в предметизации структуры как структуры единицы, когда единица понимается как самое большое число, частями которого являются все возможные числа, отличные от единицы. Это предметизация натурального ряда как первого Языка, веществуящего мир посредством первых чисел, истинных структурных элементов единицы. РТЧ раскрывает структуру единицы как множество ее структурных элементов – простых чисел (чисел, которые делятся только на себя и на единицу и наличествуют в любой системе исчислений, то есть образуют языковой каркас языка числа в любых возможных системах записи числа). В соответствии с основной теоремой арифметики каждый элемент целочисленного континуума уникализирован, то есть представим единственно возможным образом в качестве уникального набора простых сомножителей. Металингвистическая функция вещевания мира, языковая функция генезиса, структуры и результативности существования, – это прогрессия деления единицы на ноль, порождающая, вопреки арифметическому запрету деления на ноль, все множество простых чисел как последовательность первых чисел. В этом смысле современное представление о натуральном ряде как о последовательном порождении чисел путем получения последующего числа на основе прибавления единицы к предыдущему – это не более чем рядоположение частей единицы в порядке, не соответствующем их значимости как структурных элементов единицы, времени их порождения, связности их между собой. РТЧ раскрывает чертеж истинного натурального ряда (целочисленный континуум) как лестницы восхождения частей единицы к единице, охватывающей все множество своих частей. Истинный натуральный ряд (ряд природы) как ряд первоязыкового вещевания мира порождается структурообразующей операцией целочисленного континуума, выражаемой в процедуре деления единицы на ноль. Деление

единицы на ноль — это метакод, универсальный генезис, создающий (структурирующий) единицу как множество простых чисел, истинных квантов существования. Структура — это формула единицы: «единица есть множество простых чисел». В этом смысле правомерно возвратиться к вопросу, поставленному Эко, о том, что гипотеза о существовании метаструктуры требует для своего доказательства демонстрации редукции существующих, «поверхностных» структур к этой «глубинной структуре». На этот предмет существует целая РТЧ-программа рефлексии и реструктуризации современно научного знания, но уже сейчас можно указать на весьма значимые доказательства истинности данного подхода. Так, РТЧ непосредственно осуществляет Великую мечту химиков — Проутову идею чистого химического элемента, вскрывая сквозную просточисленную структуру периодической системы элементов Менделеева. В числе важнейших атрибутов каждого из элементов в таблице даны атомный вес и распределение электронов на внешней оболочке. Как только добавляется новая оболочка, возникает новый период. Как только число электронов оказывается простым, в периоде и в группе возникает новое свойство элемента. В их числе — водород (1), гелий (2), литий (3), бор (5), азот (7), натрий (11), алюминий (13), хлор (17), калий (19) и т.д. То есть если Проут, обосновывая целочисленность (всеобщий принцип природы как синтетического исчисления), идет по ложному пути конструирования универсальности некоего атома водорода, то РТЧ строго и точно раскрывает структурообразующую роль исчисления простых чисел (прогрессии деления единицы на ноль) для целочисленной материи.

Эко в целом ряде мест своей книги утверждает, что идея метаструктуры (метакода) превращает структурализм в метод для естественных наук, скептически при этом относясь к такому превращению. РТЧ-структурализм — это трансцендирование учения о языке за его гуманитарно-филологические границы, выход на уровень единой парадигмы познания.

Эко. Какие же из всего этого можно сделать выводы? А такие, что языку со всеми своими «именами» и комбинаторными нормами не удастся полностью перекрыть означающими все то, что «и так» известно «до» языка. Но это язык всегда «до». Именно он обосновывает все остальное. И следовательно, он не подлежит никаким «позитивным» исследованиям, которые могли бы выявить его законы. Иными словами, то, что некоторые именуют «сигнификативной цепью», не может быть структурировано, поскольку она сама — Исток всякой структуры.

РТЧ. Эко ошибается. Сигнификативная цепь, или то, что Гегель называл «цепочкой первокачественностей», возникающих в ходе отно-

шений бытия и ничто, СУЩЕСТВУЕТ. Это цепочка простых чисел, образующаяся как перворечь, веществующая мир, — как последовательность деления единицы на ноль, как субстанционально-временн е речение бытия в ответ на вызов ничто, небытия.

Эко. Человек «обитает в языке». Всякое понимание бытия приходит через язык, и, стало быть, никакая наука не в состоянии объяснить, как функционирует язык, ибо только через язык мы можем постичь, как функционирует мир. Действительно, для Хайдеггера единственно воз-можное отношение к этому гласу бытия, каковым выступает язык, это «уметь вслушиваться», внимать, вопрошать, не торопить время, хранить верность тому, что говорит в нас. Как известно, привилегированной формой такого рода вопрошаний является поэтическое слово. Поэтическое слово объясняет вещи, но кто объяснит поэтическое слово и слово вообще? К языку, как и к бытию, кода не подобрать и структуры их не вывести. Только проявляя исторически, в различные ЭПОХИ по-разному, бытие выступает в форме структурированных универсумов. Но всякий раз когда мы пытаемся возвести эти универсумы к их глубинному первоистоку, нам открывается неструктурированная и неструктурируемая безосновность.

РТЧ. Исчисление простых чисел как прогрессия деления единицы на ноль — таков ключ (метакод) бытия, именуемый «Язык».

Эко. Не секрет, что, совершая такую философскую операцию, Хайдеггер тем самым ставит под вопрос всю западную традицию, в которой бытие всегда мыслилось как «ousia» и, следовательно, как «присутствие». Но если довести его мысль до логического конца, то под вопросом окажется само понятие «бытия». Тот, кто изучает язык как безосновность, изучает исходное различие, которое никак положительно не коннотируется и которое, хотя и побуждает к коммуникации, само по себе ни о чем не говорит, разве что о собственной нескончаемой «игре».

РТЧ. Присутствие человека как его соединение с бытием, соответствие бытию, утверждение тезиса о бытии — это и есть проблемы смысла жизни человека, непрерывно подвергаемой вызовам и соблазнам небытия и ничтожения.

Связь человека с бытием постоянно оказывается под вопросом, сущностная необходимость такой связи может быть утрачена даже мыслящим человеком, замороженным разрушительной мощью нигилизма в его самых соблазнительных формах. Связь человека с бытием, выражающаяся во владении веществующей, априорной функцией языка, подвергается атакам и испытаниям, блокируется знаковыми фетишами и табу, теми силами, которым нужна власть над человеческим существом бытия.

Эко. Жак Деррида — это тот мыслитель, который, начав с критики структурализма под влиянием Хайдеггера и Ницше, привел к логическому завершению указанное направление философской мысли. При этом он сокрушает не только структурализм как философию (который «сегодня все еще остается и в целом, и в его самом порой плодоносном метафизическом пласте логоцентризма, который некоторые слишком скоропалительно полагают “превзойденным”» (*De la Grammatologie*, pag. 148)), он сокрушает само «онтологическое» мышление, как того и желал Хайдеггер.

Если «различие» (*différence*), чье движение порождения Деррида называет *différance*, лежит в истоках всякой коммуникации, то оно не поддается сведению к какой-либо наличной форме (р. 83). Созидая все временные, человеческие, исторические горизонты, различные «эпохи», о которых говорит Хайдеггер, различие «в качестве условия лингвистической системы само входит составной частью в лингвистическую систему, помещаясь как объект в ее поле». И стало быть, его невозможно описать как структуру. Если различие — не более чем «след», то это не просто исчезновение источника: «различие означает здесь, что истоки никуда не делись, что оно и всегда-то было возвращением к не-изначальному, следом, который оказывается, таким образом, началом начал. Если все начинается со следа, то первоначального следа вообще не существует» (р. 90).

Отметим, что подобный ход мысли имеет своим следствием утверждения, которые мы встречаем у классиков структурной лингвистики от Соссюра до Ельмслева. Соссюр говорил, что звук как материальная сущность не принадлежит языку, потому что языку принадлежит только система различий, которая наделяет звуки значениями. Выводы, к которым приходит Деррида, значительно расширяют сферу действия второго члена соссюровской оппозиции: *не только система различий противопоставляется материальной реальности звука, но различие представляет собой структуру любой возможной материальной детерминации, такова структура детерминации, если ее еще можно назвать структурой. Но можно ли, ведь это уже не структура? Тогда что это? Чтобы лучше понять, что у этой дефиниции различия есть свой «философский» резон, необходимо вернуться к нашему определению кода в его наиболее элементарном значении «системы».*

РТЧ. Метафизика различия — это «ярко выраженный» Закат европейской рациональности, европейских исследований. Концепция «следа» как феноменология института исследования выражает опустошенность, оставленность бытием (лишенность бытисвязи, «естины») европейского интеллектуала, упорствующего в тоталитаризме различия и фантазмах нигилистического руинирования мира, слепого к повседневности тождества. Филологическая редукция языка к звуку (как «пределу материальности речи») показывает уровень (отрицательную величину) схлопывания понимания языка до «черной дыры»

Сущего. Совершенно утрачено понимание языка как основы мира и понимание мира как результата продуктивной способности языка, способности вещевания. Для западноевропейского интеллектуала в языке есть только различия. Язык для него — это город, оставленный его жителями, дом бытия, оставленный его хозяином, опустевшее место, где возможна только археология знания, разыскание и изучение следов, оставленных культурами прошлого. Существование метафизиков различия прекрасно описано в мифе Платона о пещере, где обитатели пещеры довольствуются лишь тенями, следами вещей и слов, смыслов и значений. Материальность речи должна быть восстановлена до уровня «естественнонаучной теории Всего», до обнаружения и технического использования метакода Сущего, создающего Мир под Солнцем. В философии необходим коперниканский поворот к языковому порождению Вселенной, к языку как к основе миропорождения, общий контур которого (поворота) намечен Хайдеггером. В этом смысле ключевую роль играет гелиометрическая референтизация риторической теории числа. Необходим переход от логико-геометрической референтности повседневности, которую европейский нигилист-клаустрофоб, замкнутый в границах геоцентризма, руинирует своей борьбой с логоцентризмом, а также вообще со всякой возможностью центрирования и метаструктурности, — к риторико-гелиометрической повседневности, в которой открывается новый центр, гелиоцентр, раскрывающий истинный смысл жизни человека, отвечающий в непрерывной коммуникации с бытием на поставленные Кантом вопросы о том, «кто мы, куда и откуда идем?». Солнце — это и Хронос, и Логос человечества, видимая структура субстанционального времени как языка бытия, создающего, веществуящего пространство нашего внешне-внутреннего, лентомебиусного космоса. Мировой финансовый кризис помнет бока древнему глобальному крокодилу, проглотившему Солнце, и тот выпустит его из своей пасти — возникнет новый мир под Солнцем.

Преодоление парадокса Рассела в РТЧ

Парадокс Рассела — открытая в 1903 году Берtrandом Расселом и позднее независимо переоткрытая Э. Цермело теоретико-множественная антиномия, демонстрирующая противоречивость логической системы Фреге, являвшейся ранней попыткой формализации наивной теории множеств Г. Кантора. Антиномия Рассела формулируется следующим образом: Пусть K — множество всех множеств, которые не содержат себя в качестве своего элемента. Содержит ли K само себя в качестве элемента? Если да, то, по определению K , оно не должно быть элементом K — противоречие. Если нет — то, по определению K , оно должно быть элементом K — вновь противоречие. Противоречие в антиномии Рассела возникает из-за использования в рассуждении понятия множества всех множеств и представления о возможности неограниченного применения законов классической логики при работе с множествами. Для преодоления этой антиномии было предложено несколько путей. Наиболее известный состоит в предъявлении для теории множеств непротиворечивой формализации, по отношению к которой являлись бы допустимыми все «действительно нужные» (в некотором смысле) способы оперирования с множествами. В рамках такой формализации утверждение о существовании множества всех множеств было бы невыводимым. Действительно, допустим, что множество U всех множеств существует. Тогда, согласно аксиоме выделения, должно существовать и множество K , элементами которого являются те и только те множества, которые не содержат себя в качестве элемента. Однако предположение о существовании множества K приводит к антиномии Рассела. Следовательно, ввиду непротиворечивости теории утверждение о существовании множества U невыводимо в этой теории, что и требовалось доказать. В ходе реализации описанной программы «спасения» теории множеств было предложено несколько возможных ее аксиоматизаций (теория Цермело — Френкеля ZF, теория Неймана — Бернаиса — Геделя NBG и т.д.), однако ни для одной из этих теорий до настоящего момента не найдено доказательства непротиворечивости. Более того, как показал Гедель, разработав ряд теорем о неполноте, такого доказательства не может существовать (в некотором смысле)².

² Парадокс Рассела // Викия / Энциклопедия коммерческой компании Wikia, Inc. (США) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.math.wikia.com/wiki/%D0%9F%D0%B0%D1%80%D0%B0%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%81_%D0%A0%D0%B0%D1%81%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%B0, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус., англ. и др.

Антиномия Рассела преодолевается следующим образом: с точки зрения РТЧ всякое существующее множество содержит себя в качестве своего элемента. **Множество личностей есть личность. Множество автомобилей есть автомобиль**, и т.д. Существование множества, выполнимость связки «есть» для множества означает именно включенность множества в себя в качестве своего элемента. Формализм содержания и есть через содержание множеством самого себя в качестве своего элемента. Именно этот элемент и есть «базовый элемент», который солиптически продуцирует остальные элементы множества. Таков подлинный формализм мышления (рефлексия) — в отличие от логики, которая упускает фактичность существования множества, протоколируемую связкой «есть», безразлична к этой фактичности. Из вышесказанного следует: не существует множеств, которые не содержат себя в качестве своего элемента. Или: множества, которые не содержат себя в качестве своего элемента, — это не существующие, формально-логические множества.

Существование множества всех множеств U может быть опровергнуто только необходимостью следования из этого допущения предположения о существовании множества K (множества, элементами которого являются те и только те множества, которые не содержат себя в качестве элемента), приводящего к антиномии Рассела. Однако такая необходимость снимается ничтожением множества K , то есть доказательством несуществования множества K через невозможность существования множеств, которые не содержат себя в качестве элемента. Всякое существующее множество есть прежде всего множество частей единицы — таков фундаментальный тезис эквивалентности теории множеств и теории чисел как эквивалентности теории множеств, содержащих себя в качестве своего элемента, и теории целых чисел.

Солиптическая единица, то есть «нечто», определенно существующее, с научно-риторической точки зрения (то есть с точки зрения языка, схватывающего истинные отношения единого и многого, руководствующегося истинной, естественной, «врожденной» теорией множеств) есть понятие как содержание множеством самого себя в качестве своего элемента, а с истинно-математической точки зрения («матема» как точное определение чего-либо в качестве определенно существующего «нечто») представляется как целое число.

Единица продуцирует неопределенное числом множество своих частей, являющихся определенным множеством единиц. Простое (делимое только на единицу) число есть множество единиц, определенное как непосредственная (истинная, естественная, органическая) часть единицы, элементарная сущность единицы. Составные числа суть опосредованные, вторичные части единицы, существования единицы как солиптической субстанции. Математико-риторический формализм

существующего множества (множества, содержащего себя в качестве элемента) — множество простых чисел. Единица — множество всех существующих множеств — следовательно, есть множество всех существующих простых чисел. Формула «Единица есть множество простых чисел» и есть та самая невыводимая (первая, априорно-математическая) и неопровержимая формула, существование которой следует из предположения о непротиворечивости арифметики: первая теорема Геделя утверждает, что если формальная арифметика непротиворечива, то в ней существует невыводимая и неопровержимая формула; вторая теорема Геделя утверждает, что если формальная арифметика непротиворечива, то в ней невыводима некоторая формула, содержательно утверждающая непротиворечивость этой теории. Таким образом, математическая риторика снимает геделевские принципиальные ограничения формализации арифметики и, как следствие, всякой формальной системы, в которой можно определить основные арифметические понятия: натуральные числа, 0, 1, сложение и умножение. Невыводимость, первичность формулы «Единица есть множество простых чисел» (формулы единицы) относительно арифметики означает, что сама арифметика определяется как самоструктуризация опыта дефинирующего разума, который есть не что иное, как язык. Именно из математико-риторической предметности дефинирующего разума раскрывается, показывается непротиворечивость подлинных аксиом арифметики, представляющих формулу единицы. Курт Гедель доказал, что непротиворечивость аксиом арифметики нельзя доказать, исходя из самих аксиом арифметики (если только арифметика не является на самом деле противоречивой). Вторая из знаменитых математических проблем, которые Давид Гильберт выдвинул в 1900 году в Париже на II Международном Конгрессе математиков, звучит так: аксиомы арифметики противоречивы или нет? До сих пор среди математического сообщества нет консенсуса относительно того, решена она или нет. Арифметика противоречива в ее формально-логической интерпретации (аксиоматизации). Арифметика, устроенная из формулы единицы, непротиворечива как математическая риторика.

Научная риторика, раскрывающая создающий действительность разум как язык, представляет слово как универсум дефинирования (дефинирующий разум); математическая риторика как формальный аппарат научной риторики представляет универсум дефинирования как целочисленный континуум (континуум субстанциональной единицы), обеспечивающий генезис дефинитивной структуры действительности как разумной действительности.

Что есть дефиниция с точки зрения математической риторики?

Это континуальное представление субстанциональной единицы, продуктивность базового элемента существующего (действительного)

множества. Математический формализм этого представления: продуктивное (результативное) деление единицы на ноль, которое есть взаимоопределенность единицы и ноля как бытия и ничто в опыте дефинирующего разума как в материи языка. Запуск деления единицы на ее естественные, непосредственные части (сущности), результирующая последовательность деления единицы на ноль — это, в соответствии с формулой единицы, прогрессия, элементами которой являются простые числа в их последовательном, «внешнем» распределении в натуральном ряду. Простые числа как истинные части единицы — это первые числа, существование которых определяет прежде всего их умножение и сложение как явления коммутации базовых элементов целочисленного континуума (всякое целое число есть уникальный набор простых сомножителей, сложение простых чисел определяет-фиксирует, согласно гипотезе Гольдбаха, четность/нечетность целого числа). Целочисленный континуум предугадывает, предопределяет дефинитивную структуру действительности как время-пространство.

Время-пространство есть разворачивание субстанциональной единицы в целочисленный континуум. «Цепочка простых чисел», образующаяся в результате деления единицы на ноль, есть последовательность моментов-качественностей времени, коммутация которых порождает (континуально-целочисленное) пространство. Это связанное, упорядоченное, совершенное пространство, в котором действуют два закона его самоструктурирования, языковой разумности: (1) закон Пифагора-Ферма, определяющий выделенные состояния, устойчивые размерности целочисленного континуума (пифагоровы тройки целых чисел, являющиеся единственными целочисленными решениями уравнения Пифагора-Ферма), (2) закон четырехмерности пространства (сумма чисел, обратных всем простым числам, равна четырем), суммирующий единичности единицы. Физический смысл математической риторики как слова, порождающего Вселенную в опыте дефинирующего разума, то есть времени-единицы, порождающего пространство-целочисленный континуум, — это фиксируемое современной физикой явление ускорения. Ускорение — это «стрела времени, попадающая точно в цель», математико-риторическое вычисление-определение события. Существующие множества простых чисел в физическом пространстве проявлены как множества ускорений, матрицы ускорений «природного вычислителя», программирующие события. В нашем мире таким природным вычислителем является Солнце, задающее аналитико-синтетическую гелиометрию «мест под Солнцем».

Формула любви

Естественнонаучный сонет

Личность — это разумность самой природы, это поток простых чисел, инфоток (открыт РТЧ). Сравните: электричество — это поток электронов, электроток. Личность как разумность природы — это единство, которое в процессе его утраты разлагается на электричество и магнетизм, на волну и частицу. Инфоток — это поток времени, текущий из будущего в прошлое. Именно в этом истинном течении времени из будущего в прошлое — источник разумности природы и причина феномена знания, природа самопрограммируема, владеет своим будущим, знает его, из него развертывает настоящее. «Защепив инфоток», мы овладеваем энергией времени, приобщаясь к разуму природы. Формула инфотока, формула единицы «единица есть множество простых чисел» не выводима в арифметике (Гедель со стороны математики, а Эйнштейн со стороны физики искали именно эту формулу), а априорна ей в качестве причины арифметики как языка (орудия, реализующего возможность) точного определения чего-либо, то есть «матемы». Генезис (алгоритм) инфотока (тайна времени, текущего из будущего в прошлое) представим как прогрессия деления единицы на ноль, исчисляющая простые числа. Пример — Солнце как исчислитель простых чисел, «солнечная энергия» — это инфоток времени из будущего в прошлое, а мы пока понимаем солнечную энергию на жалком и поверхностном уровне «поглощения тепла солнечных лучей». Основная фигура гелиометрии, представляющая инфоток, — это лента Мебиуса, вращением ленты Мебиуса окрест оси субстанционального времени исчерпывается инфошар Вселенной. В гелиометрии (в природе) нет числа ПИ и иных нецелочисленных констант — все это продукты конвенциональности человеческого разума («условные абстракции»), ограничивающие человека во времени-пространстве. Так называемое «искривление Вселенной» — это попытка человеческой личности вырваться из своей ограниченности, личность бьется в свой солиптизм и искривляет его пространство силой своих ударов-биений.

Авторский конспект лекции

«Риторическая теория числа (РТЧ) и Математические начала натурфилософии (МННФ)»

1. МННФ

1.1. Структура МННФ — языковой каркас МННФ

В основе — дифференциально-интегральное исчисление (ДИИ).

МННФ — интерпретация ДИИ как «языка математики, которым написана книга природы» (Галилей).

МННФ — гипостазирование ДИИ в так называемых Законах Ньютона.

ДИИ гипостазировано как универсальная физико-математическая и понятийно-логическая структура природы.

Как таковая структура ДИИ есть также пространство реализации техники.

То есть имеет место «чистый пифагореизм» Ньютона.

Герменевтика МННФ это доказывает:

- 1665–1667 гг. («чумные годы») — Ньютон создает свою версию ДИИ,
- после («мета») в 1684–1686 гг. — Ньютон гипостазирует ДИИ как схватывание «причины движения» и создает МННФ.

Попутно важно, что МННФ, или «Ньютонианский разум», отмечены как базовая структура мышления цивилизации, а именно:

- физика Ньютона как «скрытый пифагореизм», уже само наименование МННФ есть программа пифагореизации (числовые начала материи);
- Ньютон как монетарист (руководитель монетного двора, сподвижник экономического реформатора Монтегю);
- Ньютонианский разум как основоположение гражданской религии, как высшее гражданское существо (антиклерикальная инициатива деятелей Великой Французской революции, «Ньютон как единица силы гражданского общества»).

То есть МННФ — языковой каркас разума Нового времени. Это понимание разделяет вся немецкая классическая философия. Кантовская программа априоризации — это программа априоризации Ньютонианского разума.

1.2. МННФ и ТО (теория относительности), КМ (квантовая механика)

Предлагается такой интерпретационный образ. Завершая МННФ, Ньютон пишет: «Не знаю, чем я могу казаться миру, но сам себе я кажусь только мальчиком, играющим на морском берегу, развлекающим себя тем, что от поры до времени отыскиваю камешек более цветистый, чем обыкновенно, или красную раковину, в то время как великий океан истины расстилается передо мной неисследованным».

Произведем монтаж этого образа (в технике монтажа С. Эйнштейна) с другим образом гносеологии XX века — океан Солярис: ТО, КМ — это вступление Океана истины в диалог с «мальчиком», солиптическая активация человеческого существа. Человеческое существо познает солиптическую природу своего разума (рассудка). Эйнштейн в качестве философского истока ТО постоянно указывал солиптизм Беркли, Юма, Маха.

ТО, КМ поколебали, но не разрушили языковой каркас МННФ. Научная революция Эйнштейна-Бора не завершена. Основная причина слабости ТО-КМ — отсутствие исчисления, отсутствие иной по отношению к ДИИ универсальной физико-математической и понятийно-логической структуры, гипостазируемой как структура природы. В ТО-КМ действуют «протезы исчисления» — преобразования Лоренца, квантово-механические уравнения. Все это только нащупывание исчисления, «более истинного», чем ДИИ.

Гейзенберг («Физика и философия») видел образ такого исчисления в диалоге Платона «Парменид», где разбирается отношение Единого и Многого на основе речевого опыта как опыта выразимости мысли в языке. Он советовал КМ-щикам «погрузиться» в этот диалог и ощутить то, что, по его мнению, нужно для КМ.

Слабость ТО-КМ — отсутствие исчисления, продуктивная способность воображения, подминающая языковой каркас. Отсюда невозможно и не помыслена исключительно эффективная постановка вопроса об **Исчислении элементарных частиц**, которое (ИЭЧ) могло бы решить многие проблемы ТО-КМ. Постньютоновская физика не властвует над собой, ее безумие, фантазматичность купируют логико-геометрическими блоками. В конечном итоге в ТО-КМ **материальная натурфилософия (физическая картина мира) опять подчинила себе математические начала**. Такова суть кризиса современной физики.

2. Таким образом, в РТЧ как в парадигме нового (естественного) языка науки **начинаем с Исчисления**.

2.1. Как возможно исчисление «более истинное», чем ДИИ?

Один из основателей анализа Лагранж утверждал, что необходим поиск «истинного ДИИ». Гейзенберг видел истинное ДИИ в «диалектике единого и многого» в диалоге Платона «Парменид».

Поиск истинного исчисления необходимо вести в пространстве арифметики, теории чисел. Кант утверждал, что априорной формой познания являются суждения целочисленной арифметики. Математик Кронекер вторил ему, выводя из себя Вейерштрасса: «Бог создал целые числа, все остальное — дело рук человеческих».

РТЧ понимает арифметику как первичную форму языка. Мы идем вслед за философией XX века, которая раскрыла «априорное существование» (априорную форму «первой физики») как язык (речь). Итак, априорное — это (1) целочисленная арифметика, (2) язык сам по себе, язык в чистом виде (Соссюр), язык как дом бытия (Хайдеггер). Будем раскрывать язык сам по себе, решая лингвистические проблемы (проблемы аналитической философии и философии языка), как целочисленную арифметику. А целочисленную арифметику с ее нерешенными проблемами, среди которых особо выделяется проблема простых чисел (проблема, известная как проблема закономерности распределения простых чисел в натуральном ряду), будем рассматривать как язык в чистом виде, язык сам по себе, первый язык, универсальный язык. Замечу, что проблема простых чисел — фундаментально-онтологическая и структурная проблема математики, из различных подходов к которой произошли многие разделы математики (гипотеза Римана о распределении простых чисел, алгоритмы шифрования и т.д.).

Итак, РТЧ (отождествление первого языка, языка в чистом виде и целочисленной арифметики) взаимно-определяет:

- семиотику, понятие (элемент языка) — как риторическое число (число как первоэлемент способности суждения, как объект онториторического опыта);
- «грамматику порождения» языка в чистом виде (план выразимости чистой мысли в языке самом по себе) — как исчисление простых чисел;
- семантику — как целочисленный континуум.

Целочисленный континуум — это непрерывность первого существования (первой физики), квантифицируемая простыми числами.

Существовать — значит, быть элементом целочисленного континуума. Существовать — значит, быть простым числом.

Целочисленный континуум — это представление субстанционального времени в РТЧ.

Эмпирический опыт, вводимый РТЧ, — это речевой опыт, опыт выразимости мысли в языке, универсальный для всех языков. Речевой опыт — как опыт именованья (философии имени) — опыт схватывания, снятия бесконечности конкретной формой конечности («истинным именем вещи»). Речевой опыт — деконструкция идеи бесконечности, преодоление страха и комплекса бесконечности. Число и возникло как

первый (речевой) опыт снятия бесконечности как довлеющей над неразумным и животным существом невозможности единственного, качественного и уникального, — как первая форма и истина конечности. Утерев свою риторическую природу, число оказалось в безраздельной власти и под пятой бесконечности.

Вслед за Гегелем: эмпирика событий, языковых фактов речевого опыта (эмпирика планов выражения мысли в языке) — это отношение бытия и ничто, порождающее во времяящейся последовательности «цепочку качественностей» (Гегель) как цепочку снятий угроз и рисков бесконечности конкретными формами конечности (имена речи).

РТЧ-арифметика начинается с такого формализма отношений бытия и ничто, как деление единицы на ноль. По Кантору, деление единицы на ноль — «грамматика порождения» конкретный бесконечностей. По Шилову, деление единицы на ноль — порождение простых чисел.

Эмпирический (речевой) опыт, представленный аксиоматическим формализмом «деление единицы на ноль», — это опыт отношения тождества и различия бытия и ничто как априорной формы мыслепорождения посредством выражения мысли в языке.

Деление единицы на ноль как генезис первоэлементов целочисленного континуума — простых чисел (в англ. языке названы «первыми числами») — это формализм следующих представлений фундаментальной онтологии как эмпирического опыта выразимости мысли в языке:

- «пневматика» (гностицизм),
- механика времени (РТЧ-арифметика),
- «легкое дыхание» (априорная форма поэтики).

Теорема Ферма-Пифагора — это языковой каркас целочисленного континуума. Создание суждений посредством «упора» мысли в языковой каркас. РТЧ-суждения синтагматизированы пифагоровыми тройками целочисленных решений теоремы Ферма-Пифагора.

Простые числа — это, с одной стороны, первые числа, истинностно-конечностные части единицы, единство (без зияний) единицы, с другой стороны, фреймы единицы как сообщения, послания, принимаемого солиптическим сознанием.

Целочисленный континуум — это глобальная информационная сеть Единицы, это коммутация простых чисел как узлов целочисленного континуума, первокачественностей. Отдельные предметные области — это локальные сети единицы. Будущий язык науки — это РТЧ-провайдинг, подключение к глобальной сети Единицы.

2.2. Новый, нелогический формализм мышления

2.2.1. Некоторые определения

Мышление есть операции с числом риторическим (понятием).

Мышление есть планы выражения мысли в языке.

Планы выражения мысли в языке = операции с числом риторическим.

Число риторическое (число как первое слово о существовании) – истинно-формальная сущность понятия.

Термин – целое число, истинностно-конечностное множество простых чисел, определитель (субстанционального) времени. Простое число – элемент структуры (множества) термина.

Исчисление простых чисел – детерминизм.

Детерминизм (причинность) – генезис и структура целочисленного континуума.

2.2.2. Планы выражения мысли в языке = операции с числом риторическим в системе целочисленного континуума

(1) Генезис целочисленного континуума:

- тождество-различие бытия и ничто = пошаговое деление единицы на ноль, порождающее последовательность первых чисел, простых чисел ($1 : 0 = 2, 2 : 0 = 3, 3 : 0 = 5, 5 : 0 = 7... 17 : 0 = 19...$);
- тождество-различие бытия и ничто – отношение самого большого к самому малому, а именно: сравнение, продуктивное противоречие, со-бытие, со-знание, со-существование, сравнение конечно-большого и конечно-малого;
- конечно-большое и конечно-малое = бытие и ничто;
- действительность как тождество-различие, различение конечно-малого и конечно-большого;
- простое число – конечно-малое.

(2) Терминизм, терминография, создание терминов = образование целых чисел как уникальных наборов, коммутаций просточисленных сомножителей.

(3) Детерминизм (причинность) = различение (дистинкция) целого числа на простые сомножители.

(4) Структура, структурирование, жесткость и устойчивость каркаса целочисленного континуума (физика абстракции) = синтагматические пифагоровы тройки как целочисленные решения уравнения Ферма-Пифагора.

(5) Истина-метод (истинный результат) = формула единицы, представляющая единицу как матрицу простых чисел. Исчерпание субстанциональной единицы исчислением просточисленной матрицы.

Тогда новая сущность Техники, искомая Хайдеггером, – единство планов выражения мысли в языке, предметность операций с числом риторическим в системе целочисленного континуума, жизненный цикл целочисленно-континуального мышления «генезис-структура-результат».

Новая сущность Техники – это исчисление простых чисел (ИПЧ).

3. Ускорение (субстанциональное) — физический смысл ИПЧ

Физика целочисленного континуума — ускорение само по себе, ускорение в чистом виде, изменение движения и — одновременно — причина этого изменения.

Причина ускорения — риторическая природа числа. Ускорение — явление риторической природы числа, порождающей базовую, универсальную событийность, фактичность существования. Ускорение — это сущность движения как события существования.

Ускорение есть создание первыми числами (простыми числами) всего целочисленного континуума, которое определено языковыми (синтаксис) правилами исчисления простых чисел как несущими конструкциями каркаса целочисленного континуума.

Физика есть синтаксис первого языка, языка в чистом виде, языка целочисленной арифметики (ИПЧ). Физика есть сообщения, предложения, «словосочетания» на языке числа. Отсюда синтаксическая природа и сходство всех авторских законов физики.

Все авторские законы физики (предложения языка числа) в конечном итоге высказываются о проявлении субстанционального времени в феноменологии ускорения.

Язык физики (истинная книга природы) будет построен из представления об ускорительном поле, в котором не действуют термодинамические запреты (начала термодинамики).

Физические константы — демоны физики, демоны нецелочисленности и бесконечности. Картина физически константного мира — это состояние физики как спонтанности продуктивной способности воображения о существовании, доязыковое состояние физики, доминирование наблюдаемого над наблюдающим.

Иная физическая картина мира, предполагающая герменевтическую реструктуризацию наблюдаемого, — хроноцентрирующее ускорение.

Ускорение как пространствопроизведение силой единицы времени — простым числом. Ускорение как физика деления единицы на ноль: абсолютный физический ноль существует как конечно-малое (неверность 3 начала термодинамики), единица — самое большое число, конечно-большое (То, что есть вселенная). Физическое субстанциональное время как отношение абсолютной единицы и абсолютного ноля, есть естественный язык физики.

4. Гелиометрия, Хронометрия. Вышло ли человечество в космос?

Мы еще не завершили коперниканский поворот, мы еще не вышли в космос мыслью.

Физический смысл ИПЧ — Закон вселенского ускорения (ускоряемое поле, ускорительное поле) — Закон механики времени.

Переход от закона всемирного тяготения к закону вселенского ускорения — это, прежде всего, переход от геоцентризма к гелиоцентризму (завершение коперниканского поворота).

Геометрия — это докоперниканская, «землемерная» система представлений числа.

Гелиометрия — это ПОВОРОТ, новое представление числа, одной из базовых форм которого является лента Мебиуса.

В геометрии круг и квадрат — базовые фигуры.

В гелиометрии — лента Мебиуса и треугольник Ферма-Пифагора.

Где у человека эмпирический опыт гелиометрии (сравнительно с материальным, «землемерно-землеустроительным» опытом геометрии)?

Этот опыт рядом, несокрыт — это речевой опыт, опыт риторических фигур как фигур выразимости мышления в речи.

Начертательная геометрия versus Нарекательная гелиометрия (хронометрия).

Человек (по Хлебникову) — ГЕЛИОМЕТР.

НЕ ГЕЛИОМЕТР ДА НЕ ВОЙДЕТ!

Замечание. Гелиохимия: РТЧ непосредственно осуществляет Великую мечту химиков — Проутову идею чистого химического элемента, вскрывая сквозную просточисленную структуру периодической системы элементов Д. И. Менделеева: в числе важнейших атрибутов каждого элемента в таблице даны атомный вес и распределение электронов на внешней оболочке. Как только добавляется новая оболочка, возникает новый период. Как только число электронов оказывается простым, в периоде и в группе возникает новое свойство элемента. В их числе — водород (1), гелий (2), литий (3), бор (5), азот (7), натрий (11), алюминий (13), хлор (17), калий (19) и т.д. То есть если Проут, обосновывая целочисленность (всеобщий принцип природы как синтетического исчисления), идет по ложному пути конструирования универсальности некоего атома водорода, то РТЧ строго и точно раскрывает структурообразующую роль исчисления простых чисел для целочисленной материи. У Проута все подтверждения его программы — все еще приблизительны, ссылаются на недостаточную чистоту концептуальной и инженерной чистоты эксперимента, а в РТЧ — все конечно, строго и точно, а именно — материализация качества простым числом электронов. Изумительно, что в этом случае в РТЧ-подход к интерпретации синтетической химии как исчисления простых чисел инкорпорируется и истина альтернативной гипотезе Проута программы Бора с ее основной идеей о том, что световое излучение производится электроном, перескакивающим с одной внутриатомной орбиты на другую. Бор неоднократно писал о том, что идея кванта (кванта действия) все еще со-

храняет в себе некоторую тайну понимания. Квантовый эффект — это эффект исчисления простых чисел как естественного языка физики (природы), то есть это различие простых чисел между собой. Разгадка квантового скачка в том, что он не происходит (в настоящем), а всегда уже состоялся: простое число не происходит во времени, а всегда уже есть, как только есть единица, охватывающая все множество простых чисел как полное множество своих истинностно-конечностных частей, чистых, себе тождественных элементов. Электрон, атом суть именованья числа, раскрывающие его риторическую природу в языке физики (природы). Электрон — это не некая отдельно стоящая физическая качественность, а описание (схватывающее именование) того, как истинным образом (=просточисленно) есть число.

5. Гелиоэкономика, Гелиополитика

От геоэкономики — к гелиоэкономике, к хроноэкономике.

От геополитики — к гелиополитике, к хронополитике.

Таков искомый Хайдеггером «ПОВОРОТ».

От пространственно-неаналитической, материально зависимой, наблюдаемой экономики — к пространственно-аналитической (ИПЧ) экономике.

Таков истинный переход от сырьевой экономики к инновационной экономике (экономике знаний, новой экономике) — переход от материально зависимой экономики к абстрактной экономике, переход от использования нефти к исчислению простых чисел.

Исчисление простых чисел — новое существование техники.

Риторическая теория числа — видение новой сущности техники.

Примечание

Рынок как магия восстановления из нецелочисленности целочисленного порядка.

Формула рынка — тождество Эйлера, связывающее пять фундаментальных математических констант: $e^{i\pi} + 1 = 0$

«СЕТЬ была всегда»

1. Сеть была всегда. Сеть — это пространственно-временная взаимосвязь и взаимообусловленность событий. Автономия события и сетезация событий — когерентны. Пространственно-временная взаимосвязь — это порождение пространства временем как порождающей силой событий. Время есть причина «физической картины мира» как взаимосвязи и взаимообусловленности пространственно автономных событий.

В отличие от математического понятия «множество», под которым понимается формальное объединение воображаемых и не связанных друг с другом отношениями закономерности элементов, сеть — это закономерно и взаимозависимо существующее и функционирующее множество событий, объектов, субъектов в реальном пространстве-времени.

Событие предопределенно универсальным законом природы и, случаясь, оно раскрывается, «исчерпывает себя», говоря в терминологии «бесконечно малых». Событие — это элемент реализации закона природы.

Таким образом, сеть — это физико-математическое понятие, которое обозначает существование реального множества согласно закону природы.

Если математическое множество представляет собой результат продуктивной способности воображения чистой математики, то сеть — это представление любой наукой (дисциплиной) собственной предметной области.

Могут, например, спросить: «Разве предметная область химии является сетью? Предметная область химической науки — это абстракция, содержанием которой является общее представление о **химических** взаимодействиях, но не “химическая” сеть». Именно предметная область химии и является сетью. Тому примером — периодическая система элементов как взаимосвязь химических элементов в смысле дедуцирования их структурных свойств. Кстати, этот вопрос натолкнул меня на замечательную дефиницию: **ХИМИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ КАК СОБЫТИЯ ПРИРОДЫ — ЭТО СЕТЬ. ХИМИЧЕСКИЕ РЕАКЦИИ В ПРИРОДНОМ ОРГАНИЗМЕ — СЕТЕВОЙ ПРОЦЕСС.** Просто мы изучаем химию как **ВЫБОРОЧНУЮ** полезность вещества для НТР цивилизации, а не сообразно природе. Это продуктивный и

далеко идущий подход может дать прорывное развитие для любой науки. Что до абстракций, так у человека, кроме них, ничего и нет более, что выражало бы его разумно-автономное отношение к реальности. Напротив, иллюзией было бы предполагать, что есть нечто в научном познании, кроме абстракций. Вопрос не в том, чтобы миновать абстракции, а в том, чтобы фиксировать единый корень бытия и абстракции. Для того и существуют учения об основаниях, включая риторическую теорию числа. Материализм не понимает материальной природы абстракций, потому и находится в гносеологическом тупике.

Сеть — это для научного познания и истина (в качестве видения природной закономерности, каковой подчинена предметная область в ее пространственно-временном развитии), и метод (в качестве формального аппарата, посредством которого выражается эта природная закономерность). Сеть — это и закономерный генезис некоторой природной системы, и ее структура, сообразные закономерности развития этой системы как части природы и области действия законов природы. Элементы сети и взаимодействия между ними (в отличие от элементов множества) — это элементы самой природы и реальные, непосредственные отношения между ними. Кризис научного познания связан с математической теорией множеств — как формальным аппаратом, вымышленным, а не соответствующим природному закону. Необходим переход от теории множеств к теории сетей — как общей физико-математической теории. Не любое множество допустимо, а лишь то, которое состоит из элементов некоторой сети.

2. Наиболее близкая человеческому разуму модель сети — это язык, изучаемый логикой и риторикой. Наш язык — это ответвление природной сетевой модели, ее частный случай, с помощью которого мы можем познавать свойства универсальной модели.

В самом деле, язык как метод определения истины всеобщей природы (от природы человека, причины события — до природы Вселенной) и одновременно как выражение этой истины посредством смысла слов и значения чисел — это предметная область научно-риторического исследования, которая представима как сеть.

В этом смысле научная риторика выступает как заявка на объединение всех наук. Важный вопрос: Что такое «значение числа»? Рассмотрим СЛОВО «восемь». Это — числительное. Его смыслом (значением) является число, обозначаемое знаком «8». Что выступает значением по отношению к этому значению? Значение значения числа — это натурализация (автоматизация) логических операций.

Но необходимо раскрыть еще более глубокое значение значения числа. Число — это физическая единица порождения элементной базы пространства силой времени. 8 — это восемь элементов пространства,

единых в моменте времени, порождающем их в качестве взаимосвязанных и пространственно автономных (разделенных) событий. Буду краток: «8 — это сеть». А именно, это сеть слов и других объектов языка (понятий, смыслов, значений), связанных между собой как в плане языкового содержания, так и в плане выражения (в качестве языковых фактов, суждений письменных и устных). Множество («россыпь») слов может только случайным образом иметь некоторый смысл. Именно сетевая природа речи обуславливает герменевтический круг понимания, то есть интерпретатор уже интегрирован в эту сеть, которая лишь закономерным образом откликается в нем. А случайный набор слов бессмысленен — как образовавшийся несетевым образом. Сеть слов является истинным выражением риторической закономерности, выражающей природу языка. Сеть слов потому и сеть в отличие от набора слова, что в нее уже интегрированы источник, контекст и интерпретатор как измерения, делающие слово событием, автономно-взаимосвязанным с другими словами-событиями.

В речи человек имеет дело с природной закономерностью, данной ему непосредственно, — овладевая мышлением, он овладевает этой закономерностью как топологией сети, элементами которой являются слова, понятия, смыслы, значения. Риторическая сеть образует жизненный мир человека. Природа включена в эту сеть в момент генезиса речи как природной системы, развивающейся согласно закону природы. Природа создает возможность речи как продолжения разумности природы. Речь — это явление разумности природы, а язык — это техника речи, которой овладел человек как первой техникой, данной ему природой.

Риторическая сеть производит вещи человеческого мира как имена самовыражения человеческой природы. Риторическая сеть — это вещевание человеческого пространства, материализация природы в форме природы человека. Именно язык является для человека (явно или не явно) моделью мироздания, природного закона, которому подчинены явления и события природы. Такова природа человеческого разума — язык (как сетевая система) является для него моделью Всего. Человек открывает Бога как разумное сверхчеловеческое существо, создающее Всё по той же риторической модели, по которой человек создает мир человека.

3. Отвергнув Бога, современная наука отвергла и понятие риторической сети, отвергла предметность мышления как риторической системы. Это и привело к нынешнему кризису познания — произошло разделение единого языка науки (как риторической системы) вплоть до абсурдизма «один ученый — одна наука» и «смешивание» языков отдельных наук, в результате чего пришлось отказаться от проекта

поиска универсальной истины. При всем этом мы и не представляем, насколько мы сами, наши суждения, даже обрывки мыслей наших взаимосвязаны друг с другом всего только в нескольких жестко-категориально структурированных, железных и неумолимых контекстах, действующих по всей поверхности планеты. То есть современное состояние науки полностью укладывается в миф о Вавилонской башне. Однако человеческие попытки открытия универсальной истины неукротимы. Первая известная нам Вавилонская башня была недостроена в ту эпоху, когда то, что мы называем «языком», на древнееврейском называлось «губой». Видно, что и в первом, и в нынешнем «вавилонском случае» риторика как сеть реальности человеческого разума имеет существенный «материалистический якорь» — «губа», «язык» как якобы основные речепорождающие органы физиологизированного речевого аппарата. Но и «губа», и «язык» порождают лишь множества слов как звуков речи. Речь же течет как генезис, структура, мыслимо-понимаемое существование слов — как сеть слов. Для новой попытки открытия универсальной истины, возрождающей мысль из нынешнего «вавилонского» смешения языков и следующего за ним столпотворения современной мегаполисной цивилизации, нужно Новое Слово, обозначающее мыслящее речение, творящее жизненный мир человека (единую гуманитарно-технотронную цивилизацию). Ранее это были «губа — язык», теперь ... «глаз — мозг». Речь слетает с губы, порождается языком, — мышление исходит из глаза, порождается мозгом. Ухо — это портал взаимоперехода речи и мышления Я и Другого. Через этот портал речь Другого входит в глаз, становясь мыслью, активирующей Я-мозг, порождающий мышление, исходящее из моего глаза в виде незвуковой, истинно-выражающей речи для другого, активирующей его речевой аппарат в режиме восприятия звуковой речи и потенцирования ответа (ответной речи). Такова топология риторической сети как мышление-речевой системы. В переводе на современную терминологию теории информации мы утверждаем, что «сообщение» — это не односторонняя информационная акция Одного или Другого, а мышление-речевой цикл, в котором аналоговым образом связаны аудиальное (звуковое) и визуальное (зрительное) события в риторической сети.

Тождество-различие аудиальных и визуальных событий в риторической сети создает информационный эффект («инфоэффект»), известный нам как «мышление», «мозгоглаз» или «око». Теперь будет правильно говорить — не «язык физики», «язык математики», «язык Толстого», «Язык Пушкина», а «око физики», «око математики», «око Толстого», «око Пушкина». «Око» — это фундаментально-смысловой синоним термина «теория». Речь как единое для множества языков (как сеть языков) уступает место Мозгу как единому для множества теорий.

4. В отличие от формального, пустотного множества, сеть — это единое-и-многое как генезис и структура природы, выражение закономерности природы. Сеть — это пространственно-временное множество (реальное, существующее, квантифицируемое многообразие — структура природы) и время-пространственное единство (генезис природы). Человек знает сеть прежде всего как язык — данную ему в овладение природную закономерность. Иначе говоря, естественной, «врожденной» для человека является именно риторическая теория сети — это универсальная теория всякого теоретизирования (как предметности познания), осуществляющего рефлексивную сетизацию всякой предметной области познания, начиная с ее генезиса — узрения-выделения-выграничивания посредством «ока-теории». Подобно тому как теория множеств была попыткой аксиоматизации современной математики с целью распознавания за многообразием ее «разделов» единой дедуктивной системы, так и теория сетей выступает с не менее амбициозной миссией аксиоматизации физико-математического знания о природе и выявления метода дедукции истинного знания с помощью «нового органона» — «ока». По существу, это проект новой математики, включающей в себя математическую формализацию физики, — проект риторической теории числа. Число — это не формальное множество элементов (единиц). **Число — это сеть.** «Число человеческое» — это физика риторической сети, сети слов, понятий, смыслов, топология которой создает жизненный мир человека.

Канторовская теория множеств является математическим обоснованием использования дифференциально-интегрального исчисления по версии Ньютона-Лейбница (исчисления бесконечно малых, флюксий) в качестве единого языка математизации физики.

Математик традиционно возразит: «Не согласен. По-моему, канторовская теория множеств очень далека от задач математического обоснования “использования дифференциально-интегрального исчисления по версии Ньютона-Лейбница”. Она возникла, скорее, как попытка обобщения понятия числа и соответствующего обобщения целочисленной арифметики: понятие “количество” заменяется понятием “совокупность”, операции над числами заменяются операциями над совокупностями (множествами). Принципиально новым формализмом при этом выступило понятие “элемент (множества)”. В традиционной арифметике понятие “элемент” отброшено как нечто внешнее — то, что “подсчитывается”, но не входит в предмет арифметики. Неявно это понятие активно употребляется арифметикой, проявляясь требованием “нельзя складывать (вычитать) разнокачественные единицы” (например, запрещено к трем яблокам прибавлять пять бутылок). В теории же множеств Кантора элементу приписывается единица качества, общего

элементам данного множества. Благодаря этому канторовская теория множеств стала теорией более общей, чем арифметика: в ней формализован не только числовой ряд (как в арифметике), но и вся сфера применения числовых рядов (как рядов разного качества). Только и всего. И какие бы исчисления ни порождались в рамках арифметики (от дифференциально-интегральных до исчисления простых чисел), все они суть исчисления, не выходящие из лона арифметики, в то время как канторовская теория множеств есть попытка более общей формализации числа, чем чисто арифметическая формализация».

Я согласен с тем, что «принципиально новым формализмом при этом выступило понятие “элемент (множества)”». В традиционной арифметике понятие “элемент” отброшено как нечто внешнее, — то, что “подсчитывается”, но не входит в предмет арифметики. Неявно, это понятие активно употребляется арифметикой, проявляясь требованием “нельзя складывать (вычитать) разнокачественные единицы” (например, запрещено к трем яблокам прибавлять пять бутылок). В теории же множеств Кантора элементу приписывается единица качества, общего элементам данного множества».

РТЧ идет именно по пути развития идеи элемента с использованием как философских знаний об элементе, так и философии современной физики элемента. Кантор не смог СПЕЦИФИЦИРОВАТЬ ЭЛЕМЕНТ СРЕДСТВАМИ САМОЙ АРИФМЕТИКИ, в «лоне арифметики». Канторовская теория множеств НЕ СТАЛА более общей теорией, чем арифметика, именно потому, что не открыла математический первоэлемент, и все проблемы расплывчатой бескачественности математики «вейерштрассовского консенсуса» воспроизвела, натолкнувшись при этом на парадоксы Рассела.

РТЧ специфицирует элемент множества как простое число, не выходя из лона не только математики, но даже арифметики. Да, для этого задействуются априорно-математические средства (а иначе и быть не могло, если задуматься и вспомнить идеи того же Геделя о существовании невыводимой в математике универсальной формулы), но сам элемент-то арифметический. Формула единицы («единица есть множество (сеть) простых чисел») — это невыводимая в арифметике формула, которая раскрывает возможность арифметики. Кстати, теоремы Геделя возникли именно из парадоксальности существования теории (формулы) более полной, чем арифметика, и невыводимой в арифметики. Доказательством существования такой теории является список неразрешимых проблем арифметики/математики, представленный Гильбертом. Этот список явно свидетельствует о том, что есть область задач, априорная самой арифметике, понимаемой, как «четыре операции».

Кантор желал построить именно исчисление бесконечностей, а для этого ему нужно было окачественнить бесконечности, различить их по типу — отсюда и появились понятия «мощность» и «счетность», понятия, кстати, вполне метафорические, которые Кантор попытался специфицировать с помощью вымышленных им для этой цели чисел — кардиналов и ординалов. Именно с помощью этих чисел Кантор пытался разрешить «делимость на ноль» как процедуру конституирования бесконечностей. Так, кстати, поступают все чистые математики — чуть что не получается, вымышляют свои собственные числа и играют в бисер своим узким кружком — не сыпать же этот бисер перед непосвященными. На самом деле все элементы существующего множества **МОЖНО** перенумеровать натуральными числами, на то они и элементы. То есть нет несчетных множеств, а есть неправильная фиксация или неэксплицированность элемента. Некоторое множество, число элементов которого неисчерпаемо никакой **ВОЗМОЖНОЙ** счетной нумерацией, попросту не существует — такого множества, как говорят истину глаголящие дети, не бывает, оно не настоящее. Числа натурального ряда — это **НЕ ЭЛЕМЕНТЫ** натурального ряда. Элемент множества — это структурная часть системы, смысловая часть понятия, а не сколок. Элемент на то и элемент, чтобы быть органической или технической частью системы, несущей в себе ее свойства, выражающей ее генезис и структуру, истину и метод. Элемент — это признак действительного существования целого, значение глагольной связи «есть». Истинный элемент натурального ряда — простое число. Именно поэтому число простых чисел — **КАК ЭЛЕМЕНТОВ** — конечно. А натуральные числа — это явления (не элементы) натурального ряда, образующие целочисленный континуум (универсум, числовое пространство), натуральными элементами которого являются простые числа. Счетен ли континуум целых чисел? С точки зрения числа его элементов (на то они и элементы, то есть конечности) счетен, а с точки зрения явлений (коммутаций простых чисел, включая их степени) **СЧЕТНО-БЕСКО-НЕЧЕН**, то есть явления натурального ряда (целые числа) не ограничены каким-либо целым числом, но могут быть пронумерованы, так как каждое целое число само себя пронумеровывает.

Шиловская теория сетей является обоснованием новой версии дифференциально-интегрального исчисления — РТЧ-исчисления простых чисел как исчисления природы, непустого исчисления времени, порождающего пространственное многообразие. Прежде всего нужно помыслить натуральный ряд как физико-математический формализм природы — «то, что есть»: вот «первое», ..., вот «тридцать шестое», ..., вот «два», вот «три»,... — согласно порядку и закону природы, при этом нецелочисленное — значит, еще не состоявшееся, не законченное, не

совершенное, еще не существующее. Тогда каждое такое число (число бытия) — это сеть в пространстве натурального ряда (в континууме). Теория сетей раскрывается также как теория целочисленного континуума, «стоящего за» натуральным рядом как рядом природы.

Повторюсь, в РТЧ речь идет об априоризации арифметики. Арифметические суждения — это часть речи (как системы), состоящая в дефинировании того, что есть, структурированный и означенный опыт дефинирующего разума. Числа возникают как означения того, что есть. «Матема» в переводе с древнегреческого — это «определение того, что есть». То, что формула единицы решит задачу бурбакизма, то есть из нее будет дедуцирована математика как единая система, — не означает выхода этой формулы из лона арифметики. Это осеменение этого лона. Вообще говоря, вся современная, так называемая чистая математика — это женская логика, абсолютизация ноля и сведение единицы к пустой, формальной единице. Ненужность определения числа — это чисто женская логика. Так что многим я неслучайно представляюсь как воинствующий натурфилософ — типа Фалеса Милетского — прорвавшего дыру в пространстве-времени и кричащего нам из далекого прошлого, мол, «ну и дураки же вы все».

Фундаментальная формула единицы для теории сетей: «единица есть сеть простых чисел». Такова сеть сетей, универсальная сеть природы. Время природы, создающее пространство природы, — это числоток, общий трафик природы как сети сетей. **Центральное физическое явление — это не электричество, магнетизм, гравитация** (все это частности — четыре фундаментальных физических взаимодействия). **Базовое физическое явление — это ПРОСТРАНСТВО.** А причина этого явления — **ВРЕМЯ**, порождающее пространство как эффект числотока (сетевой материализации числа). Именно пространство измеримо в целых числах как в собственных значениях (именах). Пространство — это сетевой (то есть информационный) эффект, обладающий различными целочисленными количественными характеристиками (так называемые N-мерности пространства — это физические качества пространства, а не его «объемы») и возникающий в силу математико-риторической разметки времени на прошлое, настоящее и будущее, то есть в результате **СЕТИЗАЦИИ ВРЕМЕНИ**. Исчисление простых чисел — это как раз и есть разметка времени на прошлое, настоящее и будущее, создающая (разметка) пространство (природно-информационное пространство). Как Личность есть субстанция, организующая риторическую сеть (сеть слов, понятий, смыслов), создающую жизненное пространство человека, то есть Личность есть время человеческого бытия, так и Время есть Сверхличность (Первая Личность), создающая базовое явление природы — пространство

(физико-математическую сеть натуральных чисел, СЕТИЗАЦИЮ НАТУРАЛЬНОГО РЯДА) — как условие возможности и предопределенности всех фундаментальных взаимодействий. Математическое множество чисел неприменимо к природе как случайный набор случайно представленных знаков, а сеть чисел органична природе как реальное многообразие непосредственных регуляторов внутрисетевых и межсетевых взаимодействий. **Задача вычислителя — выявление такого множества чисел (записи, матрицы чисел), которое было бы сетью чисел, непосредственным выражением пространства как базового единства природных явлений в числовом коде.** Решению этой задачи следует учиться у природы, не просто самого мощного Вычислителя, а Числового реактора, Числового двигателя, порождающего числоток, сетезирующий время в пространство. Закон природы — это метаприродная функция. Личность — это метамозговая функция мышления, продуцирующая жизненный мир человека. Время — это метачисловая функция арифметики (первой физики существования), продуцирующая пространство. «Время-личность» — это формула «Я» как природного явления, раскрывающая закономерность (смысл и значение) человеческого бытия как реальности природы. «Время-личность» — это формула сети, которую должна суметь спроектировать такая природная сеть, как человек. На своем человеческом примере мы видим, что задачей для некоторого класса разумных, то есть самоуправляемых природных сетей, является создание себе подобных разумных сетей.

Мы приступаем к этому проекту ко-природной эволюции человеческой реальности и называем проектируемую сеть «Ипсонет» (Самосеть, Личносеть). На этом пути предстоит разобраться с положением дел в области WWW и понять, насколько ее амбиции «сети сетей» соответствуют научной модели «Сеть была всегда», а также сформулировать основные IT-идеи проектирования «Ипсонета» в реальных условиях господства WWW. В правовой и экономической концепции Ипсонета мы покажем, как новая сеть изменит человеческую реальность природно-закономерным образом, то есть СДЕЛАЕТ МЕТАЗАКОН ПРИРОДЫ «ВРЕМЯ-ЛИЧНОСТЬ» ЗАКОНОМ ЧЕЛОВЕКА.

Могут сказать: «Обожествление ВРЕМЕНИ... Сама идея времени есть абстракция, содержанием которой является представление о потоке событий (изменений чего-то). Называть эту абстракцию Богом? — Почему бы и нет? — Но это будет бог того же рода, что и пределы числовых рядов в отвергаемом Шиловым исчислении бесконечно-малых в редакции Ньютона-Лейбница...»

Этот Бог Времени и Бытия натурализован, показывается в арифметике. РТЧ видит в арифметике (неполной — без закона простых чисел) спрятавшуюся там первую физику. Покажем это на примере осмысле-

ния деления. Есть деление истинное (разумно-природное) и спекулятивное (вейерштрассовское). Под истинным делением я понимаю метаарифметическую операцию, раскрывающую (представляющую) существующее целое как множество его действительных (собственных) элементов. Матрица (архетип, первообраз, образец) такого деления представлена формулой единицы: «единица есть множество (сеть) простых чисел». Мы уже договорились, что действительно существующее множество реальных элементов единого (системы) мы будем называть «сетью». Истинное математическое деление (алгоритмическая функция) состоит в ЭКСПЛИКАЦИИ АРИФМЕТИЧЕСКОГО/ ЧИСЛОВОГО ТИПА (математической качественности) ЭЛЕМЕНТА, изменение значений которого (элемента) полно (счетно) представляет множество элементов делимого целого, то есть нерасчленной, неструктурированной в начале деления (исследования) целостности. В этом смысле вся современная математика с различными типами чисел может быть аппроксимирована к программе моделирования и адекватного формального представления деления как физического процесса в различных разделах физики. ТИПЫ ЧИСЕЛ — это математические выражения ЭЛЕМЕНТИЗАЦИИ различных физических явлений (систем)³, что, кстати, есть вариант решения 6-й проблемы Гильберта «Математическое изложение аксиом физики».

³ Общая теория чисел есть общая теория поля. Физическое поле есть бесконечный числовой ряд различных типов чисел. — См. об этом подробнее в главе «Хроника» настоящего издания. — С. 25–26.

Арифметика как код первой физики, физика создания/программирования пространства временем

1. Арифметика — это первая физика, отображающая, выражающая такой базовый физический эффект (явление), который именуется пространством.

2. Пространство — это эффект, создаваемый, вызываемый силой времени.

3. Пространство — универсальный физический эффект, частными случаями которого являются все физические явления (фундаментальные взаимодействия).

4. Мощность пространства измеряется числами (число есть измерение мощности пространства). Да-да, то самое число, которое мы с начальной школы привыкли «принимать как нечто простое, не нуждающееся в определении» — это единица измерения базового, главного физического явления, каковым и является пространство. В арифметических числах пространство измеряется так же, как мы привыкли те или иные явления измерять в специальных единицах измерения (амперах, ньютонах, вольтах, килограммах, метрах и т.д.). Назовем эти единицы пространства числом — 1 число, 2 числа, 3 числа, 5 чисел (заметьте, что это таблицы-матрицы чисел).

5. Как в этом смысле определить число в первой физике, подобно тому как мы определяем, например, ньютон во второй физике? Число — это число единиц пространства, возникающих при действии силы времени, равной единице. Таков физический смысл такой единицы измерения первой физики, как число.

4. С другой стороны, число — это арифметическая переменная, которая имеет различное значение, цифровое выражение. «Число» принимает значения простых чисел. То есть за одну единицу времени возникает 2 элемента пространства, за две единицы — три элемента пространства, за пять единиц времени возникает такое значение «числа», как 11. Число — это множество элементов пространства, вызываемых, создаваемых временем как силой материализации пространства.

5. С точки зрения физики элемент пространства, создаваемый силой времени, то есть первое событие пространства, — это расстояние, создающее две рас-стояющие точки: прошлое и будущее как изменение

значения силы времени, в результате которого возникает непосредственный эффект пространства.

6. Для времени как силы материализации пространства то, что для наблюдателя является будущим, — это начальное значение силы времени, а то, что наблюдателя является прошлым, — это последующее значение силы времени. Вектор силы времени направлен из будущего в прошлое.

7. Расстояние (расстояние во времени, вызывающее эффект пространственного расстояния) — это непосредственное истинное настоящее для наблюдателя, конституирующее самого наблюдателя как истинно познающего (первого физика).

8. В наблюдаемом мире (во второй физике) расстояние во времени (пространственный эффект) проявляется как ускорение. Проблема физики элементарных частиц и техники ускорителей состоит в том, что вторая физика не понимает первофизической природы ускорения и не рефлектирует пространство как базовое физическое явление, как эффект действия времени как пространствосозидающей силы. Фиксировать нужно не так называемую элементарную частицу, а расстояние во времени как непосредственную причину пространство-объектности. Как в современной физике, ищущей бозон Хиггса, так и в современной математике Кантора-Вейерштрасса есть проблема с рефлексией базового элемента, который, конечно же, является физико-математическим объектом. Искать этот элемент нужно не в ускорителях, а в арифметике-первой физике. Этот элемент — простое число.

9. Работа силы времени — это работа универсального вычислителя, числового двигателя, рабочим телом которого является «Число».

10. Формула работы числового двигателя — это деление единицы на ноль, создающее множество истинных элементов пространства, простых чисел.

11. Масса — это физический эффект, который можно определить как срединность расстояния во времени, то есть сущность эффекта настоящего.

12. Время как сила, создающая эффект пространства, является причиной ускорения. Масса (пространственная) возникает как отношение силы времени к вызываемому этой силой ускорению, то есть отношение деления расстояния во времени на части, создающее момент «здесь, теперь и сейчас».

14. Целочисленность — это делимость расстояния во времени как единая физико-математическая сущность первой физики-арифметики.

15. Нет проблемы непрерывности-дискретности — есть проблема целочисленности и нецелочисленности.

16. Целочисленность континуальна, счетно-бесконечна, нецелочисленность не континуальна и представляет собой проблему познания, то есть проблему наблюдателя-деятеля, несоизмеримого с законом природы и отклоняющегося от него.

Механика времени: новая физическая картина мира и новая сущность техники

Философский мыслящий взгляд распознает в арифметике (пока не полной, а в недалеком будущем дополненной исчислением простых чисел) — первую физику, физику создания пространства (пространственного многообразия) силой времени. Арифметическое (целое) число, принимающее различные значения, — это количество элементов пространства, созданных силой времени. Измерение силы времени есть деление единицы на ноль (именно такова процедура определения силы времени средствами арифметики как первой физики) — простое число. Простое число — это физическое, наблюдаемое существование единицы измерения силы времени, принимающей (силы) просточисленные значения. Можем скромно назвать эту единицу — шилон (1 шилон, 2 шилона, 3 шилона). Значение шилона = 2: «двойка» — первый, непосредственный результат деления единицы на ноль. Единица измерения силы времени — это шаг прогрессии деления единицы на ноль. Сила времени в 2 шилона — это второй результат прогрессии деления единицы на ноль, вызывающей пространственный эффект (первоформализм): 2 шилона — это «тройка» элементов первого пространства, 3 шилона — это, соответственно, «пятерка». При этом физическая сущность силы времени в 2 шилона — это две «двойки». То есть две двойки создают тройку как единый элемент первого пространства. Три двойки создают пятерку, четыре двойки создают семерку, пять двоек (5 шилонов) создают «одиннадцатку». То есть речь идет о том состоянии целого числа, когда оно создается как целое (в первом пространстве), чтобы потом присутствовать как делимое, как множество элементов во «втором пространстве». Таков в общем виде закон образования простых чисел, которые мы наблюдаем в натуральном ряду. Простое число как первоцелое (физически-существенное) число — это N-количество «двоек» первого пространства, где N — это номер простого числа по порядку его встречаемости в натуральном ряду. Иначе говоря, простые числа кодируются двойками: множество простых чисел — это множество двоек:

$1 : 0 : 0 : 0 : 0 \dots 0n = 2, (2,2), (2,2,2), (2,2,2,2), \dots, (n2) = 2, 3, 5, 7, \dots,$
 $pn = 1 \text{ ш}, 2 \text{ ш}, 3 \text{ ш}, 4 \text{ ш}, \dots, n \text{ ш}.$

Множество шилонов (первое пространство) в механике времени (полной арифметике) называется «шилох» (В Библии «Шилох» — это

место, где находится ковчег завета/скиния истины). Шилон как элемент множества есть единица силы времени — двойка, а количества шилонов как множества элементов множества имеют просточисленные значения. То есть в истинном множестве элементов есть не только универсальное цифровое значение элемента, которое делает его равным другому элементу, но и количества (множества) элементов множества также имеют цифровые, а именно просточисленные выражения. С другой стороны, количества шилонов — это числа натурального ряда, которые согласно основной теореме теории чисел могут быть представлены в виде уникального, неповторяющегося набора простых чисел. То есть простое число выступает и как истина (решение), и как метод исчисления истинного множества (пространственно-аналитического исчисления времени), и как генезис (ген) первого пространства (в качестве единого целого числа, первоцелостности), и как базовая структура пространственного развития (просточисленное количество элементов), и, говоря языком компьютерных наук как данное-команда относительно силы времени. Шилох — это вычислительный универсум (континуум единицы), осуществляющийся в четырех измерениях: измерении деления единицы на ноль, измерении изменения числа значений единиц сил времени (числа двоек), измерении простых чисел, измерении действия силы времени в шилонах. Полагаю, что в этих измерениях и самоосуществляется исчисление простых чисел как истинное дифференциально-интегральное исчисление как разумность самой природы, первой физики, закодированной в полной арифметике. Шилох представляет собой целочисленный континуум как замкнутую на простых числах систему, пространственность которого во времени нарастает в силу того, что существование этой системы во времени есть его развитие посредством времени как силы.

Так и слышу в будущем в кабине хронолета/хронотопа: «Капитан Новоиванов, сила времени 100 шилонов, начинаем единение». Привет тебе, Новый Иван, из 18 июня 2010 года! Ибо мир будет пониматься как размноженное силой времени пространство, технической сущностью транспортировки в котором будет единение, единение с первым пространством — пространством, в котором время непосредственно создает пространство. Это первое пространство и искали физики до меня — механики пространства. Именно его называли они эфиром, понимая под эфиром среду, обеспечивающую принцип действия на расстоянии, а затем отказались и от эфира, зафиксировав посредством теории относительности некоторое единство пространства и времени, сущность которого еще предстояло раскрыть.

Мы же говорим о физике как о едином феномене создания пространства силой времени. Среда этого феномена, или первое простран-

ство как совокупность мест для событий пространства, делающих возможными эти события, — это сеть. То есть мы не поддерживаем ни теорию эфира как среды, в которой передаются физические взаимодействия, ни концепцию неразличимого материального единства пространства-времени, сменившую ньютоновскую теорию абсолютных времени и пространства как теорию механики пространства. Мы открываем механику времени, создающего пространство. Постигаем число как анализ генезиса и структуры, измерение количества пространства, созданного временем.

Как же в свете этого знания понять, что такое электричество, магнетизм, гравитация? Эти феномены и предметные области второй физики (физики наблюдаемой природы) суть проявления изначального и универсального физического явления — пространства. Именно время, создающее эффект пространства, проявляется в этих наблюдаемых и используемых человеком физических явлениях. Механика времени рассматривает пространство не как готовое (в ньютонианском духе), в котором нужно лишь постигать и научно-технически использовать события этого пространства, а как создающееся силой времени, объясняя тем самым все многообразие и взаимообусловленность событий пространства как сеть пространственного выражения/осуществления времени, рассматривая пространство как пространство реализации времени. Первое пространство — это пространство действия силы времени, заполненное числами как непосредственными результатами действия силы времени, опосредованно принимающими те или иные цифровые значения. Назовем силу времени — силой шилоха, измеряющейся в шилонах. Охарактеризуем механику действия силы Единицы через ее проявления в наблюдаемом на нынешнем уровне развития науки и техники физическом мире. Я рассматриваю электричество, магнетизм и гравитацию, сильно-слабые взаимодействия как эффекты пространства реализации времени, характеризующие существование силы времени и вызываемые ею в процессе создания пространства временем. Прежде всего, пространство реализации времени — это деление целого времени на прошлое, настоящее и будущее, результат которого — четырехмерный шилон, при этом вектор силы времени как некоторого целого направлен из будущего в прошлое. Четырехмерный шилон четырехзначен:

- (1) прошлое как мерность (счетное множество), измеримая как шаг деления единицы на ноль;
- (2) настоящее как мерность (счетное множество), измеримая количеством шилонов («двоек»);
- (3) будущее как мерность (счетное множество), измеримая значением простого числа в последовательности простых чисел (значением действия силы времени);

- (4) целое время как пустое множество элементов единицы, целое единицы.

Шилон выражает непрерывность деления/направленности времени (истинного времени) на прошлое, настоящее и будущее. Магнетизм — это явление непрерываемости целого времени (создающего пространство), направленного на прошлое. Электричество — это явление непрерываемости целого времени (создающего пространство), направленного на настоящее. Гравитация — это явление непрерываемости целого времени (создающего пространство), направленного на будущее. Сильно-слабые взаимодействия (элементарные взаимодействия) — это явление времени как целого (первой физики), однозначно (целочисленно-просточисленно) выражающегося в арифметике. Шилон — это числовой формализм «слова, порождающего предмет», истинное представление числа, посредством которого (числа) время создает пространство. То есть шилон выражает также пространственность как многообразие созидающих пространство энергий времени. Таковыми энергиями являются:

- (1) масса как магнетизм прошлого, то есть единство прошлого с единым временем;
- (2) расстояние как электричество настоящего, то есть единство настоящего с единым временем;
- (3) ускорение как гравитация будущего, то есть единство будущего с единым временем;
- (4) свет как сильно-слабое взаимодействие целого времени, неделимого на прошлое, настоящее и будущее. Свет как «простое время».

Время движется из будущего в настоящее и прошлое, ускорение порождает расстояние и массу, гравитация порождает электричество и магнетизм, единица раздваивается и двоится простыми числами — все это явления одного порядка непрерываемости времени, создающего пространство, явления механики времени.

«Действие равно противодействию», положительность и отрицательность электрических зарядов, полярность магнитов, корпускулярно-волновой дуализм, дуализм близкодействия и дальнодействия — все это феноменальные проявления физической реальности шилона как единицы измерения силы времени, то есть силы времени, порождающей «двойку» — «двойка» здесь единый элемент пространства, возникающий посредством единичной силы времени. Настоящее двоится, но сама и каждая «двойка» всегда едина — это выражение формальной сущности сети.

Первое пространство — пространство реализации силы времени — есть совокупность изначальных масс. Число пространства (изначаль-

ная масса) есть деление целого на такой делитель, как число времени – простое число. Конкретная изначальная масса – это отношение силы шилоха (силы единицы) к вызываемому ею ускорению из всего множества ускорений, энергий времени.

$$m_n = 1/p_n$$

Общая масса первого пространства (пространства реализации времени) – это четырехзначность-четырёхразмерность шилона. Общая изначальная масса первого пространства (пространства реализации времени) – это генерирующая структура пространства событий, топография сети.

$$S(m_n) = 1/p_1 + 1/p_2 + 1/p_3 + 1/p_4 + 1/p_5 + \dots + 1/p_n + \dots = 4$$

Это частично подтверждается и современными исследованиями простых чисел, а именно: сумма чисел, обратных всем известным ныне простым числам (свыше 50 млн), меньше четырех.

Расстояния – это тензоры судьбы (предопределенности будущим прошлым и настоящим) пространственных событий, вызываемых силой времени. Они характеризуются «пифагоровыми тройками» целочисленных решений уравнения Пифагора-Ферма, которое в механике времени называется теоремой о связности трех целочисленных квадратов. Так, через предопределенность вселенским ускорением (изменением значения переменного результата прогрессии деления единицы на ноль) системы расстояний и масс тел в механике времени решается задача о трех телах, неразрешимая в нынешней Ньютоновой механике пространства. Тензор судьбы над просточисленным массивом целочисленного континуума задает новую сущность техники как многообразия осуществлений (вычислений) в пространстве реализации силы времени. Сущность электричества – это цепи простых чисел, обеспечивающие связность трех целочисленных квадратов в треугольниках Пифагора-Кирхгофа. Такова топография время-пространственной сети как пространства реализации силы времени. Базовая фигура этой топографии – лента Мебиуса.

Эта техника использует «числовой вес» числа в вычислительном процессе – это значимость числа в прозадачных вычислениях. Простые числа – это гравитоны истинного гравитационного поля. Целые числа уникализированы как набор простых сомножителей. Но каков генезис этой коммутации, уникализующий ту или иную коммутацию и направляющий развитие целочисленного континуума? Закон вселенского ускорения первой физики – это закон коммутации простых чисел полной арифметики (основа математики живых саморазвивающихся систем). Явление коммутации простых чисел наблюдал

Ландау, говоривший: «Простые числа созданы для того, чтобы их умножать»⁴. То есть генезис простого числа предопределяет не только его коммутационный (пространствосозидающий) потенциал, но и континуальное пространство его реализации. Два простых числа притягиваются/коммутируют в исчислении простых чисел (в формализме вселенского ускорения) с силой, прямо пропорциональной произведению их масс ($1/p_n$), обратно пропорциональной квадрату «расстояния между ними в натуральном ряду ($p_n - p_m, n > m$)». Эта закономерность показывает очередность формирования бинарных коммутаций: коммутация более сильная осуществляется как произведение раньше, чем та, что ее слабее. Из распространенности этой закономерности только на бинарные коммутации простых чисел (настоящее есть двойки простых чисел) также видно существование чисел пустоты (так называемые темная материя и темная энергия), то есть целых чисел, образованных более чем тремя простыми сомножителями. Видно также наличие бинарных коммутаций абсолютной силы — коммутаций простого числа с этим же простым числом (поскольку $p_n - p_m = 0, n = m$). Пространственность — это хроноцентрическая неоднородность натурального ряда: (1) простые числа (числа-сущности) и такие целые числа, как (2) числа существования (бинарные коммутации различных простых чисел); числа пустоты (коммутации более чем двух простых чисел), (3) числа-«черные дыры» (коммутация двух одинаковых простых чисел). Доведенный до совершенной математической формы, этот закон коммутации простых чисел (закон топографии время-пространственной сети) станет открытием столь желаемой математиками функции вычисления n -простого числа.

⁴ Ландау, Лев Давидович: Биография. Так говорил Ландау // Логические задачи и головоломки [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.smekalka.pp.ru/enci/landau.html>, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.

РТЧ-сознание и разрушение Вейерштрассовского консенсуса

Безусловно, идея использования простых чисел как основы системы кодировок является естественной идеей, которая многим приходила и приходит в голову до РТЧ и вне РТЧ. Весь вопрос заключается в том, что это за СИСТЕМА и какова природа простого числа. Вот на этот вопрос и дает свой ответ РТЧ. Суть этого ответа состоит в оцифровке той модели познания, которую выработало мышление и сформулировала философия в совокупности так называемых философских систем. Данная модель познания исходит из того, что материя — это продукт отношений бытия и ничто, в процессе которых возникает субстанция времени (язык бытия, как актуальность негэнтропии бытия = преодоления ничто), порождающая пространство как первое и универсальное физическое явление материи. По сути, это модель порождения материи разумом, ведь разум — это имя негэнтропийного отношения бытия, направленного на преодоление ничто. То есть То, что в Вейерштрассовском консенсусе полагается «предельно простым и не нуждающимся в определении, покоящимся на элементарных представлениях здравого смысла и рассудка», в РТЧ проблематизируется как главное и основное: какова физика этих миропорождающих представлений разума, как они возникают и работают как некоторое бытие, структурирующее мир в форме представлений? Тем самым РТЧ прежде всего ставит вопрос о ФОРМУЛЕ ЕДИНИЦЫ, немислимый в рамках Вейерштрассовского консенсуса (какая же может быть формула у предельно простого, пустого и элементарного символа?!). И именно РТЧ открывает формулу формул, которую безуспешно пытались найти гении физики и математики — формулу мирового разума, творящего материальный мир. Эта формула гласит: «Единица есть множество (сеть) простых чисел». Вот первое и главное противостояние РТЧ как венца философии (возможно, тернового) Вейерштрассовскому консенсусу (ВК).

РТЧ. Единица есть главная физико-математическая проблема (феномен, основание), она суть тайна времени (тайна эта — в порождении пространства временем, а на человеческом уровне — в порождении жизненного, внешнего мира языком). Формула единицы — это оцифровка единицы как универсального множе-

ства действительных элементов, простых чисел. Эта оцифровка показывает изначальное единство теории чисел и физики существования и представляет собой модель времени, порождающего пространство.

Ср. ВК. Единица есть нечто простое, не нуждающееся в определениях, это самый простой формальный элемент свободного математического конструирования.

Надеюсь, разница между ВК и РТЧ впечатляюще очевидна. Так что определяйтесь, «с кем вы, мастера культуры чисел»...

РТЧ оцифровывает доселе философскую только модель знания-истины как деление единицы на ноль. Именно эта операция выражает порождение материи разумом, повсеместное дыхание разума в том, что окружает нас, начиная действовать изнутри нас. ВК этой операции не видит и не понимает потому, что работает с косной материей, не будучи способным «взять» ее в генезисе, динамике. Однако при этом ВК насквозь «дырявый» («король-то голый»). В этом легко убедиться, если сконцентрироваться на том, что я называю «феноменом ускользающей единицы» в нынешней «неполной» (по Геделю) арифметике, неполной, с точки зрения РТЧ, именно полнотой единицы. С этим феноменом, который замазывается внушением ВК, мы постоянно стакиваемся в счете, подсчитывающем количество единиц определенного качества. Например, сколько лет прошло с 1991 года? Как мы будем считать — отнимем от 2010 1991 (результат 19) или «посчитаем на пальцах», включив в счет 1991 год, как существующий (полную) единицу (результат 20)? В ВК единица то-пустая-то-полная, как захочется, как сейчас выгодно. На этом, кстати, основаны все математико-финансовые мошенничества. То есть вся ВК-арифметика ДЫРЯВАЯ. Сколько чисел между пятеркой и тройкой? Одно — четверка. Однако $5 - 3 = 2$.

Итак, деление единицы на ноль — это истинное начало полной и непротиворечивой математики, это оцифровка отношений бытия и ничто, выражающая язык бытия — время как множество истинных моментов времени, простых чисел. *Природа простого числа — это продуктивность деления единицы на ноль.* Деление единицы на такой делитель, как ноль, — это деление, в котором делимым является единое, а результатом деления — пространственно-структурированное-элементизированное многое. По существу, это деление единицы на ее истинные части. Под истинной частью мы понимаем системный элемент, орган, а не срез, сколок, вырванный кусок. Простое число — это акт преодоления бесконечности, в которой распознается ничто, небытие. Современный математик спотыкается уже на первом шаге деления единицы на ноль, новый математик будет шагать уверенно по простым

числам, как ступенькам над тем, что нынешнему математику кажется развешающейся бездной бесконечности. Деление единицы на ноль, продуцирующее множество простых чисел — это универсальный процесс, выражающий разумность (если хотите, информатику материи). То есть натуральный ряд, по ВК, не отражает генезиса и структуры «численности». «Вначале» образуются простые числа в результате деления единицы на ноль — это «первые числа». Но, как подметил Ландау, «простые числа созданы для того, чтобы их умножать», и вместе с образованием простых чисел образуется и коммутация простых чисел как «энергoinформационная-сущность» их природы. Я называю это «магнитное (магнетическое) произведение простых чисел», в результате которого образуются уникальные (просточисленным набором сомножителей) целые числа, «вторые числа», дополняющие численность до натурального ряда, в формально-категориальной структуре которого мы видим-считаем ставший материальным мир. Магнетизм произведения — это закономерность коммутации простых чисел, «какое(ие) с каким(и) “после” и “перед” какой коммутацией». Это отдельный вопрос — и в недавних работах о магнитосвязи (механике времени) я предлагаю решение этой проблемы. Таковы генезис (деление единицы на ноль) и структура (закономерная коммутация простых чисел) «готового» натурального ряда, каковые образуют целочисленный континуум, «котел, в котором вываривается натуральный ряд». Целочисленный континуум — это истинная теория множеств, или теория истинного множества действительных элементов, простых чисел: только простое число является элементом, других элементов не существует, так называемые «атомы», «протоны» — все это языковые, контекстно-зависимые реалии, при этом их контекстная зависимость кажется непреодолимой, что и выдается за их субстанциональное существование. «Атом», «протон» — это не существующие реальности, а проблемы нашего понимания универсальных закономерностей и в конечном итоге проблемы понимания времени. Также и число ПИ, другие математические и физические константы существуют только как выражения несовершенства используемых нами абстракций. Нет вне наших абстракций таких фигур, как «окружность», «прямая», соответственно, нет в истинной реальности числа ПИ и иных констант: «геометрию» просточисленной алгебры (я называю ее гелиометрией, или хронометрией) образуют другие фигуры, представляющие разумную природу материи, прежде всего лента Мебиуса. Лента Мебиуса — это гелиометрическое представление единицы (формулы единицы). Кстати говоря, на просточисленном моделировании ленты Мебиуса настаивал сам Мебиус. РТЧ-программа рефлексии современной физики и иных наук — это осмысление всех научных понятий и моделей как свойств,

качеств, процессов, акциденций, атрибутов субстанционального времени как пространственных эффектов, генерируемых временем-субстанцией. В РТЧ выявлен также ряд фундаментальных закономерностей и свойств ЦК — целочисленного континуума. ЦК — это та самая активная память мирового разума, его числовой двигатель, генератор, субстанциональное время, генерирующее пространственные эффекты.

Исчисление простых чисел в процессе деления единицы на ноль — это универсальный, КОНТЕКСТНО-НЕЗАВИСИМЫЙ КОД, открытый РТЧ. Простые числа — это частицы облаков в облачных вычислениях, на которых будет конденсироваться универсальный вычислительный процесс. Числовой разум — это такой дождь, который прольется на иссушенную ВК почву человеческой деятельности из облачных вычислений...

РТЧ — это развитие языка из субстанции самого языка как удерживающего в себе бытие — основной предмет философии. РТЧ — это «Гегель 2.0», тот самый новый формализм мышления, который нащупала «Наука логики», но не смогла выразить (прежде всего, в силу отсутствия феномена вычислительной техники). Именно Гегелевский размах формализации, не нашедший до РТЧ предметной реализации в качестве истинного формализма мышления, породил массу спекуляций, основанных на поиске внешней мышлению предметности, относительно которой мышление якобы само является формализмом. Это марксизм с его экономикоцентризмом и энгельсизм-эйнштейнизм с их материецентризмом, фрейдизм с его подсознательным и т.д. РТЧ эксплицирует формализм мышления из самого мышления, творящего мир в качестве своего представления. Мышление не нуждается во внешнем объекте для своего раскрытия, оно само создает этот объект. Наше мышление, творящее наш мир, — это мы как часть универсального разума, то есть отношения бытия и ничто, в котором время (язык негэнтропийного бытия) порождает пространство согласно формуле единицы. Мы зомбированы так называемым внешним миром, который, по Ильичу, «копируется, фотографируется, отображается нами», и считаем его реальностью, а себя эдаким фотоаппаратом на ножках. Нужно же смотреть на реальность как на часть сознания, когда внешний мир и сознание взаимопереходят по ленте Мебиуса... Реальная наука и техника уже остановились в парадигме ВК, не спасут даже тычки со стороны бизнес-схем коммерциализации науки, ибо наука — это поиск истины. А реабилитация истины в науке неизбежно будет созданием новой парадигмы, нового мышления и нового сознания.

Безусловно, что РТЧ — это так же сознание, в том смысле, что и «Общество сознания Кришны», например. И реализация РТЧ — это Общество Нового сознания. Поэтому все прикладные приложения

РТЧ должны пойти не на личное обогащение, а на создание финансовой мощи духовно-научного сообщества (братства).

Примечание

Важнейшим источником РТЧ является субстанционализм Спинозы. РТЧ ставит вопрос об истинной субстанции и обнаруживает, что таковой является время, время пространство-творящее. Однако не менее важным источником является философия Нового времени (Декарт, немецкая классика, Хайдеггер), выдвигающая проект системы чистого разума, ядром которого является истинная субстанция. То есть философия Нового времени раскрывает пространство; действительность, как она есть, возникает, конституируется субстанцией. Пространство суть язык времени. Субстанционализм Спинозы слаб недостаточной рефлексией «что есть субстанция», субстанция, по Спинозе, не нуждается в определении и сама себе довлеет, тем самым фактически подминающая собой реальность. Именно из этого субстанционализма, предельно грубой формой которого является опредмечивание субстанции как материи, и появляется диалектико-материалистическое учение Маркса-Энгельса, влияния которого был не чужд Ильенков. Для доктрины материи-субстанции вся действительность в конечном итоге становится лишь «надстройкой», «малозначащей поверхностью» материальной субстанции. Поэтому требуется опора и на другой исток – проект системы чистого разума, для которого субстанция есть только ядерная часть этой системы, раскрываемой как «язык в чистом виде» (Соссюр), «язык науки» (РТЧ). Несколько перефразируя, а возможно, и углубляя Хайдеггера («Язык есть дом бытия»), скажу так: «Язык науки – это дом времени», то есть арифметика как базовый язык науки – это физика времени (первая физика, механика времени). Здесь РТЧ совершенно смыкается с числонавтикой, рассматривающей арифметику как Язык Бога, что резко контрастирует с устоявшимся затхлым школярским духом вейерштрассовской математики с ее фактическим запретом на определение числа как «чего-то безынтересно простого и совершенно не нуждающегося в определении». Однако есть и некоторые различия, возможно, временные (или временные). Возрождение физического смысла арифметики, с точки зрения РТЧ, ведет к созданию новой физики, которая при этом дополнит неполную и противоречивую ныне (по Геделю) арифметику в ее нынешнем состоянии. А эта новая физика (механика времени) – и здесь мы опять смыкаемся – даст возможность состояться ЧИСЛОНАВТИКЕ как НОВОЙ ТЕХНИКЕ. Думаю, что в недалеком будущем механика времени и числонавтика – это теоретическая и прикладная новая механика. В частности, в настоящее время я работаю над такой интерпретацией механики вре-

мени, как физика магнито-гравитационных полей (взаимодействий), которая в отличие от поверхностной физики электромагнитных взаимодействий будет измеряться в арифметических числах самих по себе, а не в искусственных, «именных» единицах измерения. Магнито-гравитационные взаимодействия и эффекты (магнитосвязь, магнито-гравитационный резонанс и т.д.) характеризуют самое главное и основное, универсальное физическое явление — ПРОСТРАНСТВО, а являет-порождает это явление субстанция времени. Поняв пространство как физический эффект субстанционального существования времени, то есть как физическое явление, а не только форму (то есть поняв так, как мы сегодня представляем явления электричества, магнетизма, гравитации, которые, на деле, являются частными случаями пространственного эффекта), мы поймем целые числа как события, силы и измерения ПРОСТРАНСТВА как физического явления (эффекта времени). Числовантика, созданная Алексеем Алексеевичем Корнеевым, на мой взгляд, является проектом освоения пространства как универсального и базового физического явления, в котором число раскрывает свое истинное значение, определение в качестве фундаментальной структуры генезиса временем пространства.

Часть V. Кронекеровский консенсус для грядущего естествознания

Гелиометрический исток новой алгебры

Риторическая теория числа утверждает, что человеческий язык, веществуемый мир человека, — это часть языка бытия, субстанциональным планом содержания которого является время как субстанция, а планом выражения — пространствосозидание как веществуемая функция субстанционального времени. Само время есть не что иное, как язык бытия, веществуемый Вселенную.

Современная физика остановилась на принципе постоянства скорости света в пустоте независимо от источника и приемника света. Однако при этом сама физическая функция света во Вселенной, характеризуемого в физике конечной постоянной скоростью и «фотонным строением», до сих пор не понята и не раскрыта.

Что есть свет? Каково физическое действие (функция) света?

Свет есть «внешний вид» языка бытия (субстанционального времени). Фундаментальная сущность света — вещевание Вселенной, создание пространства субстанциональным временем. Именно это и есть базовая физическая функция света как времени, то есть языка бытия в чистом виде. И именно эта базовая, априорная Вселенной функция света не понята, не отрефлексирована в современной физике, хотя мысль Эйнштейна вплотную подобралась к этому пониманию физической функции света.

Непонимание физической функции света как металингвистической функции чистого времени в естественнонаучном знании подобно тому, как в современном гуманитарном знании утеряно понимание базовой функции языка — функции априорного основания, вещевания мира, а учение о языке сведено (филологический редукционизм) к определенности языка через его апостериорные функции (коммуникацию и информатизацию). Темная материя и темная энергия темны для современной физики именно потому, что в их образе она сталкивается с основной материепроизводящей функцией света. Темная материя и темная энергия — это не распознанный в своем вещевании Вселенной свет (внешний вид языка бытия), создающий пространство силой субстанционального времени. Величина темной материи и темной энергии — это результат формально-математического редукционизма физики. Удивительно, что

гуманитарные науки не пришли к аналогичной гипотезе антиязыка, образом которого может быть феноменологизирована базовая функция человеческого языка, веществующая мир человека, на величину которой (функции материализации) язык «сокращен» филологическим редукционизмом. Элементарные частицы — это не что иное, как акциденции субстанционального, веществующего Вселенную света.

Риторическая теория числа рассматривает физику природы — как субстанционально-языковое вещевание Вселенной, для которого (вещевания) актуальна сила субстанционального времени, порождающая пространство и представляющая язык бытия. В настоящей парадигме четыре вида фундаментальных взаимодействий (гравитационное, электромагнитное, сильное, слабое) раскрываются как языковая синтагма бытие-выражающего субстанционального времени. Фундаментальные взаимодействия суть тождества-различия в языке бытия, в субстанциональном времени как законе тождества-различия. Фундаментальные взаимодействия в целом описывают физику единицы, целочисленную континуальность (истинное дифференциально-интегральное исчисление фундаментальных взаимодействий — исчисление простых чисел), сигнификативной цепочкой которой (цепочкой первокачественностей, языковым каркасом целочисленного континуума) является цепочка простых чисел, истинностно-конечностных «констант связи» (частей единицы). «Тело» света (так называемые темная материя и темная энергия) есть движение целочисленного континуума. Хронометрическая (материально-световая) интерпретация исчисления простых чисел как генерирующей функции целочисленного континуума — это тензорное исчисление над просточисленным массивом целочисленного континуума.

В сфере обыденного сознания все еще не состоялся коперниканский переход от геоцентрической системы мира к гелиоцентрической, переход от геофизики к гелиофизике. Гелиоцентризм должен состояться как гелиоцентрирование сознания, предполагающее релятивизацию геомира относительно нового истинного центра — Солнца. Гелиоцентризм — это несекретная тайна античности, основанное «зерно» европейской рациональности, из которой прорастает идея Европы. Ближе всех в античности к раскрытию принципу гелиоцентризма подошел Платон. В мифе о пещере (VII книга «Государства») он показывает хронологосную роль Солнца в человеческой истории, образно представленной как запертость человеческого мышления в мире теней вещей, в то время как гелиоцентрическая истина выражает вещевание мира истинным языком существования — хронологосностью Солнца.

РТЧ-физика природы раскрывает сущность природы как книгу природы, написанную языком числа как первым языком, числом —

как первой языковой сущностью вещевания мира, Вселенной. Отсюда становится понятной механика времени (механика света) как языковое созидание Вселенной. Библейское откровение утверждает, что конечность (телесность) света как непосредственного пространство-созидания будет явлена не иначе, как конец света. «И небо скрылось, свернувшись как свиток» (Апокалипсис, VII). Это яркий образ новой сущности техники, созерцание субстанцииального времени как светового (светометрического) письма книги природы, в которой (книге) единственно и находится дом, бытие, естество природы. «И растает вся сила неба, и небо свернется, как свиток книжный; и все звезды упадут, как падает лист с виноградной лозы, и как падает лист со смоковницы» (там же) — именно так, пожалуй, будет выглядеть прыжок во времени для космического корабля «Земля».

История как непосредственное выражение языка бытия человеческим миром раскрывается в двух планах программы языка — плане субстанцииального содержания и плане выражения (разворачивания субстанции).

Язык как основа (истина и метод) вещевания имеет две стадии субстанцииального существования (вещевания) — синхроническую и диахроническую, каковые вместе и образуют феномен истории. В синхронической стадии (той, что Хайдеггер называет *Временем*, в РТЧ — *время языка*) язык раскрывается как формирующийся субстанцииальный объем, в котором сосуществуют, эксплицируются структурные элементы содержания. В диахронической стадии (той, что Хайдеггер называет *Бытием*, в РТЧ — *бытие языка*) язык суть линейное выстраивание различных элементов содержания в последовательность языкового выражения содержания.

Европейская история демонстрирует, что синхронический период истории длится около 500 лет (время античности), в то время как более продолжительный диахронический период (бытие христианства) длится около 1500 лет, вдвое превышая синхронию, что очевидно связано с триадической структурой выражения. В историко-герменевтическом смысле синхрония — это генезис исторического будущего как субстанции содержания, а диахрония — структура, непосредственное разворачивание субстанции исторического будущего. На излете синхронии (со-временности) образуется вздыбливание, тектоническая складка языка — так называемый «премодерн-модерн-постмодерн». Современный постмодернизм вполне аналогичен неоплатонизму, символизму и гностицизму, в целом позднему эллинизму, для которого мышление — уже только эстетика. Выход из постмодернизма в диахронический период истории (выход из современности в событийность) будет также вполне аналогичен переходу от времени античности к христианскому бытию.

Это будет переход от эпохи Нового времени к эпохе Нового бытия. Это будет долгая эпоха Новой техники как способа вещевания мира, пространствосозидания (вещесозидания) силой субстанционального времени, которой (силой) овладеет человек посредством риторической теории числа. Эпоха мышления Нового бытия (Нового мышления) сменит мышление Нового времени (Декарт, Ньютон, немецкая классика и релятивистская складка, завершающая мышление Нового времени) так же, как мышление христианизирующего (веществуемого мир Христом) слова сменило мышление античности.

Новая тысячелетняя Россия — это, прежде всего, Новое мышление Нового бытия, ориентированное на западноевропейскую метафизику так же, как христианизирующая философия была ориентирована на греческую метафизику. Но прежде необходимо преодолеть релятивистский апофеоз бытийно-языковой беспочвенности (энтропия: анти-материя, антиэнергия, антиязык, бессознательное, рынок, европейский нигилизм, филологический и формально-математический редукционизмы) постмодернистского (премодерн-модерн-постмодерн) мышления прошлого, двадцатого века: **ПОБЕДИТЬ (=ВЫРАЗИТЬ) ВРЕМЯ** (субстанционально сформировавшееся в эпоху Нового времени).

О новой невейерштрассовской алгебре целочисленного континуума. Основание Кронекеровского консенсуса

Мне близка идея математического универсума. Я называю его целочисленным континуумом. Не соглашусь с мнением, что поиск оснований математики бесплоден и кончится безрезультатно и что якобы в этом и есть смысл конструктивизма. Конструктивизм, безусловно, расширяет горизонты аксиоматико-онтологического проектирования из самых различных оснований, но мы, я думаю, должны быть нацелены на поиск «конструктивизма самой природы». Деконструкция и децентрация, свойственные постмодерну в науке (и не только в ней), должны закончиться не полной деструкцией, а открытием подлинного конструирования и нового центра (то есть новой классикой, новой фундаментальной наукой). Таковым подлинным конструктивизмом из истинных оснований я вижу создание пространства субстанциональным временем.

Новая парадигма познания исходит из субстанциональности времени и производности пространства из времени. Новая физическая картина мира — это картина субстанции времени, производящей, творящей пространство по определенному закону, имеющему формальное выражение. Фундаментальный тезис новой парадигмы «Время — язык бытия» характеризует произведение пространства временем по модели формирования человеческой реальности посредством языка, выражающего и раскрывающего мыслящее сознание. То есть человеческая сущность (его подлинное универсальное «Я»), состоящая в мышлении-речи, — это не некоторая отдельная сущность, которой остается только искать братьев по разуму по Вселенной, а непосредственная часть природы как субстанционального времени, творящего пространство. Человек — это, прежде всего, время человеческого бытия (сущность человеческая). Как и любой объект бытия есть, прежде всего, время бытия этого объекта: дом в самом конечном, строго и определенном смысле есть время бытия дома, книга есть время бытия книги. И, имея сущностью время собственное, каждый объект есть пространственное явление универсального языка (кода) бытия. Так «выглядит» новое качество и уровень абстрактного мышления, на который должно перейти человечество, чтобы преодолеть системный кризис цивилизации, каковой является в основе и первопричине своей кризисом познания. В отличие от «условного времени» единица суб-

станционального времени – это не условная единица произвольно-договорного измерения, это единица качественности, эффект производства пространственности как первокачественности из времени. Время «не идет», оно производит пространство как базовый физический эффект, явление, всеединую основу физических взаимодействий.

Этой истине субстанционального времени соответствует истинная математика, математика качественностей. В основе этой математики – формализм отношений бытия и ничто, представляющий механизм работы времени как языка бытия. Высказывание, суждение, «фрейм» языка бытия – это порождение качественности в акте отношения бытия и ничто. Именно эта качественность и есть истинный момент времени, момент творения пространственной качественности (первофизической качественности).

В математике времени в отличие от математики пространства, знакомство с которой мы начинаем с арифметики начальных классов, единица – в качестве представления бытия перед ничто – это субстанциональная, полнокачественная единица, самое большое число сущего. Принцип математики времени: «единица – больше всего, все остальное – меньше единицы (все числа – это количества частей единицы)». В математике времени как в первом языке (языке числа), языке бытия «больше» – это значение единицы, а «меньше» – это значение «не-единицы», другого, отличающегося от единицы. Ноль – это пространственная качественность единицы. Ноль – это значение пространственности по отношению к субстанциональному времени.

Ноль создан для того, чтобы на него РЕЗУЛЬТАТИВНО делить единицу. Последовательное деление единицы на ноль дает совокупность (последовательность) простых чисел, первых чисел натурального ряда, первокачественностей чистой пространственной структуры, источаемой временем.

Субстанциональная единица – это голограмма бытия, части которой – простые числа – несут в себе всю информацию о субстанциональной единице. Это фиксирует формула единицы: «Единица есть множество (сеть) простых чисел». Ноль создан для того, чтобы на него результативно делить единицу, а «простые числа созданы для того, чтобы их умножать» (Ландау). Сборка единицы из ее истинных частей есть процесс коммутации (произведения) простых чисел, где каждая коммутация уникальна (каждое целое составное число есть уникальный набор простых сомножителей). Пространство как первопространственность (чистая структура, язык времени сам по себе), возникающая из времени, есть разворачивание целочисленного континуума из субстанциональной единицы в процессе ее деления на ноль и коммутации простых чисел, результатов этого деления.

Субстанциональное время — это материя, которая порождает пространство в качестве «внешнего вида», «районирования», «разместности», зонирования, структурирования, складки, сегментирования. Так называемые темная материя и темная энергия, составляющие около 95 % Вселенной, по представлению недоумевающей по их поводу современной физики, — это пространственно непроявленное субстанциональное время.

Темпоральный генезис пространства представим просточисленной матрицей, то есть ряды простых чисел представляют собой данные темпорально-аналитических состояний. Столбцы матрицы — последовательность номеров моментов времени (первый, второй и т.д.). Математическая сущность физического момента времени (как единицы силы времени, порождающей элемент пространства) — это пошаговое деление единицы на ноль, результирующее простыми числами. Строки матрицы обозначают номера различных темпоральных процессов, то есть представляют различные силы времени, формирующие различные пространства. Коммутация (произведение) элементов матрицы формирует цифровое пространство оптимизации развития, понимаемого как генерация и структурирование пространства временем. Простое число обозначает пространственное место, создаваемое силой времени.

Идея темпорального генезиса предметно-структурированного пространственного континуума на новой основе возвращает нас к Аристотелевой физике «естественного места». Современная физика, начиная с Ньютона, отвергает эту концепцию: яблоко падает на землю не по причине перехода от менее естественного места к более естественному (Аристотель), а в силу гравитации. Но при этом нынешняя физика не в состоянии рассмотреть падение яблока на землю в единстве всеобщего и уникального («всему свое время и время всякой вещи под небом»), то есть не может уникализировать (не может помыслить и просчитать прогнозно-предопределенно «в силу невозможности учета всех влияющих факторов») каждое падение яблока на землю таким образом, чтобы это каждое являлось выражением всеобщего (не одного только закона всемирного тяготения, а всеобщего закона всех вещей и явлений, а не только физико-гравитационных).

Новая физика (механика времени) исходит из существования модельного закона, выражающего уникальное и всеобщее посредством формулы единицы: «единица есть множество простых чисел», каковому закону подчиняется любой темпоральный процесс, сущность техники самой природы.

Образовой моделью размещения, а точнее, проявления и развития мест событийности является просточисленный граф, в вершинах которого «размещаются» простые числа.

Новая парадигма познания — это хроноцентризм (переход от хоцентризма, от греч. «хора» — пространство), идея о субстанциональности времени, о порождении временем пространства в его космологический (астро-физико-химической), эволюционно-геологической, биологической, антропологической специфичности.

В рамках данной парадигмы прежняя механика пространства, в которой время полагалось как всего лишь условность взаимосоизмеримости пространственных процессов, сменится механикой субстанционального времени, порождающего различные пространства и всеединое пространство, каковая механика выражается темпорально-просточисленным формализмом.

Темпорально-аналитическая модель механики времени представляет собой математический формализм «физики единицы» — исчисление простых чисел. Формула единицы: «единица есть множество простых чисел» представляет процесс генерации пространства временем как прогрессию деления единицы на ноль, результирующую простыми числами (элементами единицы); структурирование пространства в процессе его темпорализации представимо коммутацией простых чисел, формирующей целочисленный континуум (континуум целых составных чисел как уникальных наборов простых сомножителей) гармонического сочетания уникального и всеобщего. Темпоральный анализ вводит понятия-категории просточисленной матрицы и просточисленного графа, посредством которых проектируется новая сущность техники как темпорального синтеза, осуществляемого человеком. В качестве модели субстанционального времени выступает научно-гуманитарная модель языка: «Время — язык бытия». Человек в этом темпорально-синтетическом смысле раскрывается как одна из производительных сил субстанционального времени, создающая жизнедеятельностное пространство человеческой реальности.

РТЧ посвящена риторической природе математики. При этом я распространяю эту сущность на всю действительность в контексте гегелевской программы «разумности действительности». Отсюда получается тезис «Время есть язык бытия». К этому тезису почти подошел Хайдеггер, рассматривая сущность отношений Времени и Бытия. Как писал он сам, его главная книга была задумана как осмысление пути от Бытия ко Времени и обратного пути от Времени к Бытию, но написана была только первая часть книги. Попытки найти путь от Времени к Бытию «размазаны» по всему его дальнейшему творчеству.

Мощности числовой структуры, основанной на вейерштрассовской (пустой, формальной, ничего не значащей) единице, действительно недостаточно для объяснения всего сущего именно в силу неистинности, несущественности этой единицы. РТЧ-единица есть абсолютная полнота и непротиворечивость. Это истинное имя Б.-га.

Когда я рассматриваю математику как языковую фактичность, то из этого следует, что и в математике есть доступное человеку естество и «особая простота» (Пуанкаре), «несокрытость» (Хайдеггер), которая в этом языке выражается, как и в естественном языке. Педагог Давыдов, например, начинал преподавание детям математики с понятий топологии, непрерывности и других феноменов высшей математики, полагая, что мягкому и восприимчивому, чистому детскому рассудку эти понятия ОЧЕВИДНЫ. То есть, на мой взгляд, вопрос понимания — это прежде всего вопрос утверждения этой простоты как очевидности. Но всякая очевидность априорно сконструирована. В этом смысле мир — это борьба и даже война очевидностей. Есть очевидность академической науки с ее диссертационным стандартом, которая с порога рефлекторно отвергает другие очевидности. Но есть иная очевидность: так называемый «человек с улицы» — это также языково сконструированный феномен, в нем нет подлинной простоты, его очевидность искусственна и роботизирована, поэтому он не есть устойчивый критерий истины. Как и материализм — это не некая простота видения повседневного, а идеология, которая незаметно, как вирус, инсталлируется.

Как я вижу выход из проблемы непонимания, непризнания? Прежде всего как победу в борьбе очевидностей.

Скажем, есть Нобелевский комитет, который управляет очевидностью науки, задавая приоритеты. Как известно, философия и математика исключены из списка «нобелевских очевидностей». Я же, к примеру, убежден, что если будет заключен союз математики и философии в истине их подлинных оснований, то все прочие науки, искусственно переусложняющие и запутывающие миропонимание, отпадут за ненадобностью. Скажем, физика для меня — эта попытка окольным путем познать физическую сущность числа. Победа новой очевидности — это то, что Хайдеггер называл «новой сущностью техники». Философия и математика призваны открыть и формально представить универсальный язык бытия (сущность времени), каковой и есть всечеловеческая очевидность, задавленная неподлинной повседневностью, незрелостью самопонимания, интеллектуальной нечестностью. В научно-практическом смысле речь идет о создании формального аппарата, раскрывающего истину техники как производства пространства силой времени. После создания этой формальной теории и ее академической институционализации реализация новой техники станет «делом техники». С этой очевидностью новой техники спорить будет невозможно. Поэтому, повторяю, нужно не понимание «человека с улицы», а диалог философа и математика, продуктом которого (диалога) будет формальная теория, выраженная в современном математическом языке (например, теория математико-физического универсума как целочисленного

континуума, а также исчисление простых чисел как истинное дифференциально-интегральное исчисление «самой природы»). А прикладными приложениями этой теории станут технические реализации (например, учет фактора времени на уровне баз данных).

Добавлю об РТЧ-единице. Ее существование есть несуществование (небытие) бесконечности. РТЧ-единица есть абсолютная конечность. РТЧ-единица — это «есть» времени. Математика времени не нуждается в гипотезе бесконечности.

(1) Существующее, (2) субстанциональное, (3) пространствопорождающее время движется из будущего в прошлое именно потому, что оно таково ((1),(2),(3)), то есть, если бы время не существовало само по себе, не было субстанциональным, а было бы условным, не порождало пространство, а было бы формой соизмеримости пространственных процессов, то оно текло бы из прошлого в будущее, как это нам, сегодняшним, не знающим сущность времени, и представляется.

Возможно ли существование уникальной алгебры, построенной на конкретных математических объектах, у которой нет изоморфной алгебры, построенной на математических объектах другого рода?

Уверен, что возможно и жизненно необходимо. Это алгебра, построенная на простых числах. Алгебра, построенная на простых числах, отменяет другие алгебры за физической их ненадобностью (она неизоморфна в этом смысле). Но в просточисленном пространстве различные алгебраические изыски допустимы. Это как литература. Если есть Данте, то это не значит, что Толстому не быть.

Конструктивизм был бы невозможен без свободы мысли, есть такая свобода и в природе. Всеобщий закон — это не отсутствие свободы, а ее абсолютизация, каждый шаг во Вселенной — это разумный шаг свободы выбора (микромир не исключение). У Хайдеггера есть статья «Что значит мыслить»¹: мыслить и представлять нечто, то есть быть захваченным этим нечто, как зачастую естественник захвачен своим предметом, представленным так, а не иначе, — это не одно и то же. Поэтому перевороты в науке совершали те, кто находится не внутри предмета, а смотрит на него с внешней точки зрения — астролог и каббалист Ньютон, маг и чернокнижник Коперник, патентовед Эйнштейн, основоположник алгебры купец и экономист Аль-Хорезми, основатель Булевой алгебры купец Буль... Замечу, что очевидности, которые нами управляют, создаются именно посредством риторики, недооценивать ее по меньшей мере ненаучно. Другое дело, что формализм риторики еще не утвердился в науке, как, скажем, формализм логики, но это впереди.

¹ Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. — М., 1991. — С. 134–145.

Логика не отражает реального процесса мышления, не создает нового знания. Риторика — это не искусство говорить красиво, а прежде всего проблема тождества мышления и реальности, заключенная в сущности языка (проблема поиска истины посредством развития такой техники этого поиска-добычи-производства, как язык, речь). Что, наконец, значит высказывания физиков о красоте формулы (решения), как не риторический аргумент о красоте суждения физико-математического языка? Где применимы все эти красивые формулы, скажем, большинство релятивистских формул Вселенной или математических формализмов высокого уровня? Однако же мы ценим эту красивую риторику, усматривая за красотой некую причастность закону разумного мироустройства.

Мало заменить бога субстанциональным временем, нужно понять время как язык бытия, тем самым впустив современные философско-логические знания о языке в проблематику оснований науки. Математика и физика — это, прежде всего, языки описания и конструирования реальности, известной нам как физико-математическое знание. Истину науки нужно искать не в коллайдере, а в решении проблемы тождества мышления, выражаемого, овеществляемого в языке, и реальности, которая также имеет язык (код). Человек как язык реальности — это главный предмет человеческой науки. Эта наука ныне раздроблена, разбита как единое зеркало познания, в котором человек должен увидеть свою сущность, — но в каждом из осколков, как в частях голограммы, отображается главная проблема — язык науки как проблема тождества мысли и реальности.

Кроме «Я» и «Мир» есть история отношений «Я» и «Мир», фактор времени.

Собственно, фактор времени как «научно-исторический подход» — это и есть наука (как в макро-, так и в микромире). В математике есть такой концепт «оракул числа» или «Божья помощь математикам». Он подсказывает, что истинную алгебру (алгебру схематизации времени в пространство) нужно строить на простых числах.

Я писал уже о своей рефлексивно-философской уверенности в том, что идея бесконечности — это то, что заслоняет, скрывает от нас субстанционализм времени. РТЧ исходит из ложности идеи бесконечности. За этой идеей скрывается сущность сверхконечности, предельной конечности. В. Гейзенберг отмечал, что «современная физика идет вперед по тому пути, по которому шли Платон и пифагорейцы. Это развитие выглядит так, словно в конце его будет установлена очень простая формулировка закона природы, такая простая, какой ее надеялся видеть еще Платон»². Сущность математического, я думаю, — это так-

² Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое / Пер. с нем. — М.: Наука. Гл. ред. физ.-мат. лит., 1989. — С. 37.

же постепенное подведение человека к истине конечности как основе нового сознания. Судьба метафизической теории множеств Кантора, запутавшейся в идее бесконечности и запутавшей математиков, вынужденно отказавшихся от поиска истинной теории множеств и перешедших к конвенционализму, это явно показывает.

Я предлагаю построить алгебру, основанную на простых числах и формуле единицы: «единица есть множество простых чисел». Для меня истинная и единственная теория множеств — это теория множества простых чисел как истинных элементов единицы. Гильбертово пространство, «обобщающее понятие евклидова пространства на бесконечномерный случай», первоначально понималось как пространство последовательностей со сходящимся рядом квадратов и лишь затем нашло более широкие приложения в различных разделах математики и теоретической физики. Я не отрицаю конструктивную роль гильбертова пространства, я высказываю положение о том, что гильбертово пространство неистинно в качестве представления об истинном пространстве числового ряда. Гильбертово пространство вполне отражает логику и программу формализации Гильберта и несет в себе врожденный порок логического позитивизма. Истинное представление о пространстве числового ряда, думаю, есть представление его в виде последовательностей: (1) простых чисел; (2) квадратов простых чисел; (3) величин, обратных простым числам; (4) величин типа pi (p — простое число; i — мнимая единица); (5) логарифмов простого числа и логарифмов по основанию простого числа; (6) степеней простого числа.

Давайте войдем в гипотетическое конструктивистское поле сотрудничества алгебраиста-конструктивиста и РТЧ-философа по вопросу создания просточисленной алгебры (исчисления простых чисел) как нового формального аппарата (языка), выражающего новую сущность техники, механики времени. Речь идет о создании того исчисления, о котором Лагранж мечтал как об истинном дифференциально-интегральном исчислении, полагая, что исчисление бесконечно малых — это лишь пролог к открытию истинного, природного исчисления (исчисления времени, показывающего как время создает пространство).

Часто мыслят математику в контексте программ объединения разделов математики, одной из таких программ является то, что предложено Бурбаки. Но выведение разделов математики из одного истока и представление ее как единой системы, как известно, пока не удалось. Однако мы понимаем, что природа, понимаемая как истинная математика событий, едина, все в ней связано со всем. Поэтому к выражению такого соприродного единства математического знания следует стремиться, а не отказываться от поисков в этом направлении. Я вижу математику природы («книгу природы, написанную языком математики»,

согласно Галилею) с иными акцентами на выделенные алгебраические подсистемы. Вслед за европейской философией, для которой проблема единого и многого является центральной проблемой учения о бытии (Гейзенберг призывал к формализации античного учения об отношении единого и многого, утверждая в своей книге «Физика и философия», что в этом учении содержится решение фундаментальных проблем квантовой механики), а также следуя Лагранжу, утверждавшему, что существует истинное дифференциально («многое»)-интегральное («единое») исчисление, а исчисление бесконечно малых есть лишь только подобие истинного дифференциально-интегрального исчисления, — так вот, следуя этим посылам, я делаю такой акцент: математик говорит о том, что есть в современной математике, а я говорю о том, чего в ней нет, а именно, в ней нет истинного дифференциально-интегрального исчисления, основанного на выделении истинных элементов универсального множества; подлинное исчисление являло бы собой единство континуального и дискретного — как единого и многого. Нынешняя версия дифференциально-интегрального исчисления (ДИИ) представляет собой континуальную, недискретную алгебраическую подсистему именно в силу своего промежуточного, несовершенного характера. В силу неполноценности современной версии ДИИ фактичность дискретности и выделяется в отдельную подсистему (алгебру конечных структур — группоидов), а по существу, эта отдельная подсистема — не что иное, как нередуцируемый остаток истинного ДИИ, который не охватывается современной версией ДИИ (своеобразный осадок, выпадающий из математической целостности при ее редукции современной — неполной и противоречивой — версией ДИИ). Группоиды — это, с моей точки зрения, превращенные формы дискретности, неохваченной современной версией ДИИ. Теория групп напоминает мне хождение современных математиков в перевернутом виде по потолку — это можно трактовать как высокий уровень абстракции, а можно и как превращенную (неистинную) форму математического сознания. Для математика теория чисел — лишь алгебраическая подсистема, причем даже не первичная, для него числовая система не может быть первичной (базовой) в градации математических систем, скорее последней, поскольку число — выражение результата, конечного продукта. Для меня теория чисел — это фундамент алгебры, сама алгебра есть не что иное, как внутренняя сущность теории чисел, выражение истины числа, закона числа как закона природы. Так называемые нерешенные проблемы современной теории чисел — это не что иное, как отсутствие полной и непротиворечивой теории чисел (теории числа). Ни что так не противоположно сущности числа, как идея бесконечности. Число — это, прежде всего, преодоление идеи бесконечности, это

конечность сама по себе, предельно выраженная в единице. Доказательство — это феномен раскрытия истины конечности. В этом смысл его существования. Когда доказательство сложнее, чем доказуемое, что мы имеем в современной математике (например, так называемое «доказательство» Уайлсом теоремы Ферма), — это уже не доказательство. Я писал, что должен быть заключен союз философии как учения о бытии с математикой как учением о языке бытия; при заключении этого союза физика будет втянута в математику как ее раздел, посвященный физической сущности числа, раскрытию существования языка бытия в виде субстанционального времени. Когда математик использует представления «мир», «существование», «бесконечность», он, я уверен, должен их «снимать» не с собственного рассудка, а обращаться к той профессии, где эти понятия разрабатываются не наивно (неслучайно Кантор называл свою теорию множеств наивно-метафизической). Аксиомы нужно брать из философии, из подлинной философии, конечно. Тогда иллюзия бесконечного множества аксиоматик будет преодолена. «Бесконечность вариантов и возможностей» — это представление не вполне информированного и не знающего сути вещей. «Очевидность» — это поверхность работы весьма непростой машины сознания. Слово «это», говорил Гегель, «самое сложное слово в философии».

Надо начать математику из другого истока на уровне теории чисел — из умножения (сегодня все идет из сложения). Но ведь умножаемость не нужно формально конструировать. То, что математики конструируют, уже есть: «Простые числа созданы для того, чтобы их умножать» (Ландау). Не в критериях современной алгебры нужно искать успешность алгебраической модели, а в истине конечности — нужна только одна истинная структура. Уникальность набора простых сомножителей, характеризующих целое число, — это процессуальная (операторная) основа новой математики целочисленного континуума коммутирующих простых чисел. Простое число — это и оператор (означающее), и данное (означаемое). Природа простого числа такова — это результат (результативность, продуктивность) такого оперирования, как последовательное деление единицы на ноль. Именно в ходе отношения бытия (1) и ничто (0) и образуется последовательность первокачественностей, «частиц» бытия, в своей совокупности образующих целое бытия (единицу).

Натуральный ряд — это не просто строительный материал для алгебры. У него есть внутренняя, нерукотворная алгебра: алгебра, генезис которой — деление единицы на ноль, результирующее простыми числами как универсальным множеством истинных элементов единицы. Натуральный ряд, образуемый алгеброй единицы, — это ряд странствообразующих моментов времени (чистая структура времени),

мне он представляется в виде ленты Мебиуса. Жесткость структуры целочисленного континуума задается пифагоровыми тройками целочисленных решений уравнения-теоремы Пифагора-Ферма (уравнения о связности трех целочисленных квадратов). Также целесообразно рассмотреть РТЧ-гипотезу о том, что сумма чисел, обратных всем простым числам, равна 4 (сумма чисел, обратных всем известным на сегодня простым числам (около 50 млн), меньше 4). Это гипотеза о предопределении местности пространства его генезисом из субстанционального времени (то, что мы на поверхности знаем как четырехмерность пространства-времени).

Переходим от релятивизма к темпоральному субстанционализму в духе РТЧ: Пространствосозидающее субстанциональное время – это язык бытия, вырабатывающийся через отношение бытия и ничто.

Слово именно и есть смысл, измеряемый значением, подобно этому и гармоническое число имеет период, причем чем больше период, тем больше внутри него минимумов и максимумов (таково СЛОВО как функция F (смысл) = значение и обратная F (значение) = смысл), то есть по сути это дискретная волна, но если накладывать эти «волны» друг на друга (осмысленная РЕЧЬ как наложение слов), то, видимо, можно будет получить реальную картину (ЯЗЫК – ДОМ БЫТИЯ). Матрица – это время как язык бытия. Это и есть суть РТЧ.

Мне представляется продуктивной сама последовательность изложения – от геометрического представления через описание числово-значимой функции к эволюционирующей матрице. А. А. Корнеев (сайт «Числонавтика»: <http://www.numbernavitics.ru/>) выявляет на уровне еще более фундаментальном (на уровне арифметики, точнее, на уровне таблицы умножения) эффект некоторой физичности числа. Я назвал его инфоэффект, то есть эффект числа как информации, оказывающей влияние на физическое существование, выражаемое в числах.

Для продвижения новой Кронекеровской алгебры нужно заметить школьный фундамент математики (теорию чисел, теорию множеств). Число у нас одно – единица (все остальные числа – это части, явления, силы, сущности, акциденции единицы). И истинное универсальное множество – одно: множество простых чисел. Замена фундамента должна быть основана на совместном преподавании языка и «невероятностной модели языка» (новой арифметики). Более того, это должен быть один учебник, один предмет – РТЧ, с которого начинается новая школа.

Я думаю, имеет смысл структурировать динамическую геометрию на основе выделения некоей привилегированной, фигуропорождающей геометрической системы (я называю ее гелиометрической, так как коперниканский поворот все еще не завершен в сознании), координаты

которой фиксируются пифагоровыми тройками целочисленных решений уравнения Пифагора-Ферма. У меня есть гипотеза, что эта система как фигура есть ЛЕНТА МЕБИУСА. Сам Мебиус, кстати, активно занимался простыми числами.

Я думаю, что мы все еще не окончательно перешли от геоцентрической системы к гелиоцентрической (коперниканский поворот не завершен в мышлении, мы продолжаем мыслить ГЕО-центрично, ГЕО-метрически, ЗЕМЛЕМЕРНО.). Геометрия — это наследие геоцентристской системы мира. Нецелочисленность иллюстрируется именно геометрией (число ПИ, например). Но ГЕОМЕТРИЧЕСКИХ ФИГУР НЕТ, это искусственные иллюзии, проблема числа Пи — также формально-абстрактная. Ребенок, кстати, это знает, он интуитивно сопротивляется всем этим треугольникам, квадратам и окружностям. Это важнейший пункт начала нашего учебника, я бы назвал его «гелиометрические начала математики». Я смыслово настаиваю на том, что начинать надо с ленты Мебиуса как с ИСТИННО СУЩЕСТВУЮЩЕЙ, ПРИРОДНОЙ ФИГУРЫ-ОБЪЕКТА. При этом ее можно формализовать как исчисление пифагоровых треугольников (треугольников со сторонами размерности целочисленных решений уравнения Пифагора-Ферма). Истинные фигуры — это не землемерности, это аналог риторических фигур (см. в Википедии — «риторические фигуры»), это фигуры пространства времени. Эти фигуры чертит луч света, а не циркуль и линейка. Гелиометрия — это хроноцентрическая система. Релятивистские «игры» с лучом света — это «краешек истины» гелиометрии, хронометрии.

«Очевидности», как я писал, бывают разные. Больше всего в конструировании ложных «очевидностей» преуспел материализм. Хайдеггер верно говорит не об очевидности, а о несокрытости, о тайне несокрытости, о том, что истина настолько есть нечто близлежащее и всегда данное, что мы ее не замечаем. Итак, не «очевидность», а несокрытость («алетейя», как говорили греки). Язык, говорил Витгенштейн, есть «нечто такое, что уже открыто нашему взору, но не осознанное».

Важнейший вопрос. С чего начинать? Начинать, думаю, надо с ГЕЛИО-метрических фигур, а не с геометрических. Геометрические фигуры нужно рассматривать как *искусственные, формальные инструменты для описания гелиометрических фигур* (так, пифагоровские треугольники — инструмент формального представления ленты Мебиуса). Самая важная задача: **МЫ ДОЛЖНЫ НАУЧИТЬ ПРОДУКТИВНО И РЕЗУЛЬТАТИВНО ДЕЛИТЬ НА НОЛЬ**. В гелиометрии разрешены и ПРОДУКТИВНЫ деление на косинусы, синусы и тангенсы, значение которых равно нулю. А государственно-политические и психолого-педагогические условия возникновения Новой школы — это вопрос

отдельный, он прорабатывается. Но первично — возникновение нового фундаментального (начально-школьного) знания.

Начинать, на мой взгляд, нужно с просточисленной матрицы как модели языка. Матрица гармонического ряда — это для алгебраистов, это абстрактно-алгебраическая модель. Лагранж в свое время писал о том, что существует истинное дифференциально-интегральное исчисление, исчисление бесконечно малых он полагал искусственным, промежуточным. Я исхожу из того, что совокупность простых чисел, неким образом «распределенная» в натуральном ряду (формализм этого «распределения» — до сих пор тайна для современной математики), — это на самом деле исчисление (или, скажем так, следы исчисления): исчисление простых чисел как истинное дифференциально-интегральное исчисление. При этом для математиков стоит вопрос: что моделирует это исчисление? Ведь дифференциально-интегральное исчисление в современной версии имеет физико-геометрическую интерпретацию. Риторическая теория числа — это утверждение о том, что исчисление простых чисел — это математическая модель языка, выражение истинности словоупотребления, порождающего мир человека. Истинное дифференцирование — это порождение простых чисел как истинных элементов единицы. Я это называю «раз-множение» единицы и выражаю формулой единицы: «единица есть множество простых чисел». Быть может, еще так сформулировать: формализм единицы равен произведению всех простых чисел. Истинное интегрирование — это конкретные коммутации (произведения) простых чисел (просточисленные коммутации), образование целочисленности (целых чисел как уникальных наборов простых сомножителей). Истинное интегрирование создает целочисленный континуум. Матрица должна показывать механизм образования целочисленного континуума, то есть показывать, как именно и почему именно так идет коммутация, то есть как именно простые числа коммутируют, строя натуральный ряд, как, в какой последовательности во времени и пространстве образуются целые числа. Ведь это основной вопрос для языковой модели, а именно наличествуют элементы (буквы, слова), но это совершенно не значит, что речь, словоупотребление и словопорождение — это последовательное перечисление слов по словарю или букв по алфавиту. Всегда есть выбор, и этот выбор имеет свои законы. Для философии центральное понятие, определяющее этот выбор, — это бытие, а обстоятельства, которые структурируют пространство выбора ранее сделанными шагами, — это время. То есть если мы заключаем союз философии и математики, а не основываемся на традиционной физико-геометрической интерпретации математики, то мы должны исходить из понятия бытия как абсолютной и совершенной полноты. Абсолютная и совершенная

полнота (вспомните аристотелевское «природа не терпит пустоты») — это не набор одинаковых физико-геометрических, евклидовых точек, расстояние между которыми равно нулю. Это множество хроноцентров, субстанциональных точек (совершенно разных, неоднородных), вместе образующих полноту бытия. Эта абсолютная полнота, состоящая из хроноточек, и есть субстанция времени, субстанциональное время. То есть мы от топологии переходим к темпорологии. Как я уже писал, геометрическая точка — не есть нечто первичное, так же как и «очевидное» — не есть нечто первичное. Геометрическая точка производна, финитна как результат операции — так же, кстати, как и «очевидное». Точка — это в основе своей просточисленная коммутация. ТОЧКИ БЫВАЮТ РАЗНЫЕ, так как различны просточисленные коммутации — степени простого числа (число коммутаций простого числа с самим собой), различающиеся числом элементов наборы простых сомножителей (просточисленные коммутации первого уровня — бинарные, второго уровня — три сомножителя и т.д.). Различие коммутаций проявляется как различие субстанциональных точек.

Вернемся к вопросу о том, каков закон коммутации, темпорологическая функция целочисленного континуума? Можно предположить, что решениями этой функции будут пифагоровы тройки чисел (целочисленные решения уравнения Пифагора-Ферма). Я бы определил **пифагорову тройку как тензор над просточисленным массивом**. Пифагорова тройка связывает простые числа (элементы) и целые числа (произведенные продукты, уникализированные наборы элементов): я думаю, что в пифагоровой тройке не может быть более двух простых чисел. Пифагоровы тройки, таким образом, выражают темпорологическую связь просточисленности (дифференцирования) и целочисленности (интегрирования). Наличие таких устойчивых размерностей (пифагоровых троек) целочисленного континуума указывает на существование своего рода «числового перводвигателя», задающего движение коммутации (произведения). Вот этот перводвигатель и имеет форму ленты Мебиуса, которую, думаю, можно формализовать с помощью пифагоровых треугольников (решающих треугольников для уравнения Пифагора-Ферма). У Евклида формальная однородная точка создает сначала прямую. В гелиометрии субстанциональная точка создает место. «Место» я формализую как число, обратное простому числу ($1/p$). И вот моя следующая гипотеза, основанная на РТЧ-уподоблении арифметики языку «сумма чисел, обратных всем простым числам, строго и однозначно равна 4» — это, согласитесь, не противоречит тезису о бесконечности числа простых чисел, но и не подтверждает его (сегодня известно около 50 млн простых чисел, расчет суммы чисел, обратных всем известным простым числам, меньше

четырёх). Четырёхмерность нашего пространства — это на самом деле его четырехразмерность, предопределенная местностью как темпорологической структурой, образующей пространственность. Еще одно соображение — вся сущность числового ряда находится «между единицей и двойкой», то есть истина арифметики, воспроизводящаяся в периодичности, цикличности и т.д., содержится в том, как возникает первое число (двойка) из единицы. Поэтому, если в формальном натуральном ряду мы имеем последовательность цифр, обозначающих число вейерштрассовских однородных пустых единиц, то в нашем темпоральном ряду числа — это числа двоек (2 — это две двойки, 467 — это 467 двоек). Вообще-то задумываемая матрица — это перевод математики с основы «сложения» на основу «произведения/умножения». В этом смысле мы, вероятно, и создаем-открываем «таблицу» произведения, ТАБЛИЦУ (МАТРИЦУ) ПРИРОДЫ.

Но нам имеет смысл помнить, что в данном случае строится не абстрактная алгебраическая модель сама по себе, а в алгебраическом языке выражается То, что есть язык, каким он понимается современной философией, структурной лингвистикой, герменевтикой. Число с его значением — это модельный конструкт слова. Сбегание букв в слова в процессе чтения, слов в предложении в процессе письма/речи — это коммутации (произведения) простых чисел. Алгебра этих коммутаций, зависящая от фактора времени (что с чем и когда контактирует, сбегается в субстанциональную точку), — это и есть зерно модели. То есть, повторюсь, мы создаем-открываем численное (целочисленное) измерение того, что есть естественный язык. При этом оказывается, что так называемый естественный язык — это не только свойство человека, а это выраженный через человека универсальный закон природы (время как язык бытия). Мне представляется актуальной такая постановка задачи, которую мы решаем: **создание новой записи числа, новой системы счисления — вот это и есть ЗАДАЧА НОВОЙ АЛГЕБРЫ**. Ведь создавая модель естественного языка, то есть извлекая внутреннюю арифметику этого языка (в употреблении глагольной связки «есть» уже содержится и теория множеств, и логика, и число, и геометрия), мы по-новому видим и число — как фундаментальную часть слова, **мы создаем аналоговый языку слова язык чисел, лингвистически ориентированное исчисление**. Итак, думается, что задача — **новая записи числа, такая система счисления, которая одновременно будет выражать физику существования**.

Если именами мы записываем вещи, то числами мы будем записывать качества (элементы) субстанционального времени. По записи числа мы должны понимать его алгебраическое значение и смысл (в целочисленном континууме).

Существуют иногда довольно эффективные попытки использования матриц в гуманитарных науках. Наиболее выдающийся пример: межотраслевой баланс Леонтьева «затраты — выпуск», где значение матрицы — это затраты на производство единицы продукции по видам продукции (столбцы) и по времени осуществления затрат (строки).

Проект создания матричной модели языка движется в этом же направлении. Простые числа — это данные матричных состояний.

Матричная модель языка — это матрица единицы, образующей физически проявленный целочисленный континуум. Целочисленный континуум — это натуральный ряд как действительный ряд действительно существующих «вещей в себе» (как говорил Лейбниц, «когда Бог считает, он создает мир», то есть речь идет о ряде универсальных объектов-структур природы, а не о вейерштрассовском формальном натуррряде с пустой единицей) Целочисленность — это аналог вещеязыки (письменности, создающей действительность как текст).

Когда возникло слово, стала возможной речь, речение (речь уже содержится в Слове самом по себе и разворачивается из него).

Когда возникло число, стало возможным исчисление (исчисление уже содержится в Единице самой по себе (в Числе) и разворачивается из нее).

Когда возникла матрица Единицы (Род вещей), стала возможной При-рода (матричное, видовое исчисление единицы).

Перехожу к возможной постановке вышеизложенной задачи.

Мы выражаем, алгебраически представляем и компьютерно моделируем матрицу единицы.

Значение этой матрицы (простое число) — это N нолей в выражении $1/N0$ (простое число есть шаг последовательного деления единицы на ноль, то есть простое число 7 — это 4 ноля) и M двоек (простое число 7 — это семь двоек ($M = p$); как я уже писал в нашем исчислении природы, каждое новое число в закономерной последовательности порождения чисел — это количество двоек). Мы можем такую матрицу построить? Скажем, номер столбца — это шаг деления единицы на ноль, а номер строки — номер истинного, «двоичного» числа (то есть четвертое двоичное число — это 7 двоек)? Тут нужен какой-то алгебраический ход. Повторюсь, у нас есть простое число как шаг натурально-номерной последовательности $(1, 2, 3, 4, 5, 6, \dots)$ деления единицы на ноль и одновременно шаг в такой же натурально-номерной последовательности $(1, 2, 3, 4, 5, 6, \dots)$ порождения реальных чисел как определенных количеств двоек (определенных значением этого простого числа). Коммутация же (произведение) таким образом вызначенных простых чисел и создает (в матричном исчислении единицы) действительный невейерштрассовский натуральный («натура» = природа) ряд. Пространство этой

коммутации определяется лентомебиусно — число формирует гелиометрическую точку, а не наоборот, как это в гео-метрии евклидовой.

Заметьте, проблема простых чисел-близнецов — это своего рода подсказка о двоичности мира как гипервычислителя. Я думаю, что тайна откроется не неким изощрением, а правильным началом — нужно начать, думаю, с формулы единицы как множества простых чисел, с деления единицы на ноль, и тогда все станет на свои места и откроется, а так получается, что мы подглядываем за Богом, причем примерно так, как в знаменитом психологическом опыте (человеку дают картинку, закрытую картонкой с маленьким прорезом, он водит по картинке этой картонкой, пытаясь разглядеть всю картинку в целом и, как правило, ошибается, не может определить, что изображено на картинке).

По А. Н. Паршину, «алгебру можно уподобить языку, состоящему из одних местоимений»³. Мы можем создать алгебру как язык существительных, если начинать с сущности — темпорально-субстанционального формализма отношения бытия и ничто, то есть с языка самого бытия, универсального для природы и человека.

Быть может, будет небезынтересно следующее философское построение. Как известно, «изначальная травма» пифагорейского целочисленного мышления, не признававшего нецелочисленность («целые числа создал Бог, все остальное — дело рук человеческих»), — это открытие нецелочисленности диагонали единичного квадрата (квадрата со стороной, равной единице), то есть открытие числа $\sqrt{2}$. Как после этого развивалась математика — известно (крен в нецелочисленность). Я же вижу другую возможность развития математики из этой же точки кризиса. Есть такая максима: «Где ужас, там и спасительное», «Проблема — это замаскированная удача». То есть $\sqrt{2}$, испугавший пифагорейцев, должен быть положен как реальная единичность, «физика» единицы, сущность, «физическое» значение единицы, ее «вес» в целочисленном континууме. «Корень из двух» — это столкновение формальной целочисленной математики пустой единицы с реальностью, в ходе которого (столкновения) дается ответ о значении несоизмеримости этой математики и реальности — тем самым открывается истинное значение неформальной единицы. И из этой единицы как из принципа соотношения математической истины и реальности мы строим новую математику. «Корень из двух» трактуется как априорная конечность, уникальность, единичность. Это мера физичности математики. Я называю $\sqrt{2}$ — НЕМНИМОЙ, реальной единицей. То есть возможна и действительна (реальна) математика, построенная из единиц, значение которых равно $\sqrt{2}$.

³ Паршин А. Н. Путь. Математика и другие миры. — М.: Добросвет, 2002. — С. 85.

1 ньютон, 1 кулон, 1 джоуль... (измерительная техника) — это всего лишь приближения к единице самой по себе, полной, неформальной, физически существующей.

2 n — это еще и числа Мерсенна, единственный формульный функционал поиска простых чисел в отличие от решета Эратосфена.

Немнимая единица — это что-то вроде транслятора формулы абсолютной единицы: «единица есть множество простых чисел», — это базовый элемент взаимоперевода целочисленности и нецелочисленности. Это также фундаментальная постоянная, самая главная, важнее, чем число π .

Имеет смысл обратить внимание на предложенный мною принцип понимания распределения простых чисел в натуральном ряду. Я не думаю, что это распределение. Это образование первых чисел, из особой (лингвистической, по сути) коммутации которых образуется весь целочисленный континуум. Им не в чем распределяться, они — ПЕРВЫЕ. Я определяю простое число как результат деления единицы на ноль, то есть цепочка простых чисел — это прогрессия, каждый шаг которой — это шаг деления единицы на ноль; n -простое число — это n шаг деления единицы на ноль. Из этого (из алгебры деления единицы на ноль) мы и можем построить новый формализм числа, а следовательно, и новую систему счисления, в которой нет бесконечности, а есть только лентомебиусная сингулярность. Деление единицы на ноль, результирующее простыми числами, и должно быть аксиоматически-конструктивистской основой образования как формализм отношения бытия и ничто. То есть сначала обучающийся основам знания ребенок получает философское знание о бытие и ничто, о времени как продуктивности отношения бытия и ничто, а потом знакомиться с арифметикой как формальным языком этого отношения. А мы сегодня заземляем космического ребенка занудным материализмом.

Я вижу модель языка, выраженную в числе. Или арифметику как языковое тело.

Есть некоторая информация, возможно, полезная для построения алгебраической матрицы Языка как человеческого мира (человеческого измерения пространства-времени).

1. Необходимо гипотезу Гольдбаха использовать: каждое четное число, большее двух, может быть представлено в виде суммы двух простых чисел, а каждое нечетное число, большее 5, может быть представлено в виде суммы трех простых чисел.

2. Теорема Ферма-Эйлера о единственности представления простого числа в виде суммы двух квадратов: «Для того чтобы простое число было представимо в виде суммы двух квадратов, необходимо и достаточно, чтобы оно при делении на 4 давало в остатке 1».

3. Структурные ограничения моделирования «Вселенной человека»:
 - 7 основных кристаллических систем в кристаллографии;
 - 7 периодов в таблице Менделеева;
 - 7 минимальное число сторон правильного многоугольника, который нельзя построить с помощью циркуля и линейки (то есть начертательная граница перехода от геометрии к гелиометрии, от механики пространства к механике времени);
 - 7 отверстий для органов чувств в голове человека; 7 ± 2 — количество объектов, которые человек может одновременно удерживать в памяти (правило семи объектов, установленное Германом Эббингаузом);
 - 7 первых простых чисел 2, 3, 5, 7, 11, 13, 17 — здесь я с научной точки зрения предлагаю вот что: человек как единица (единичный акт восприятия-присутствия) есть множество семи сущностей, которые он рефлексивно схватывает в процессе языкового освоения и выражения действительности; быть может, нашей матрицей единицы и будет сознание человека (математическая модель языкового сознания).

Мы ввели структурное ограничение: мы моделируем язык (языковое сознание, где «1» есть семь сущностей), а не создаем абстрактную алгебраическую модель.

Давайте введем еще одно структурное ограничение: наша модель создается для компьютерных вычислений. То есть речь идет о коде, где мы с помощью чисел 1, 2, 0 кодируем высказывания, суждения, только не на основе формально-логических правил соответствия символов, а на основе результатов вычислений, то есть это кодирование осуществляется просточисленной матрицей единицы, транслирующая (транслитерирующая?) язык природы.

Думаю также, что строить структуру гелиометрии бессмысленно и нужно. Здесь нам помогает принцип постоянства скорости света и конечность его значения. Первая арифметика — это одновременно и первая физика. Луч света создает гелиометрический чертеж. То есть гелиометрические фигуры создаются лучом света.

Выражение $1/0$ может быть понято как произведение всех простых чисел, численно-гелиометрическое представление, значение которого фиксируется через скорость света. Можно спросить, что значит ВСЕХ простых чисел, ведь есть же доказательство Евклида о бесконечности числа простых чисел?

Существует любопытное замечание Е. Путро по поводу Евклидова доказательства бесконечности числа простых чисел, суть которого в том, что это доказательство значимо, но «без участия числа 2 теорема Евклида не доказывает бесконечность простых чисел в натуральном

ряду»⁴. Это важный для РТЧ вывод из доказательства, поскольку число 2 — особое, в соответствии с вышеизложенным о «немнимой единице» его функция: быть формой количественной реализации любого порождаемого числа натурального ряда.

Тезис о том, что мы должны показать, что происходит с геометрией числа, когда оно проходит через точку гелиометрии, объединяет математика и философа. Позиция философа характеризуется тем, что структуру гелиометрии нужно и можно осмысливать, мы можем понять ее действие на нашу геометрию, она должна сделаться доступной для нас и может быть структурирована посредством ГЕО-метрических фигур с пониманием их как доступных нам формально-искусственных инструментов познания фигур гелиометрических. Нужна система аксиом, общезначимых, общечеловеческих, а затем представляющая эту систему — система уравнений (алгебра).

Я думаю, что главное гелиометрическое уравнение — это уравнение Пифагора-Ферма, решающим множеством которого является множество пифагоровых троек (целочисленных решений уравнения Пифагора-Ферма). Это же уравнение — фундаментально-геометрическое в качестве теоремы Пифагора. Развилка от этого уравнения на геометрию и гелиометрию — это развилка на школьную интерпретацию «пифагоровы штаны» и на Великую теорему Ферма, которая и есть формализм перехода от геометрии к гелиометрии (Великая теорема Ферма через структурные ограничения — невозможность целочисленных решений для степеней, больших 2, — выявляет устойчивость и структуру целочисленного континуума). Я думаю, что размерность пифагоровых троек задает лентомебиусный контур.

Мир без языка состояться не может, это языковая данность. «Язык — дом бытия» (Хайдеггер). Применительно к нашей модели: В начале была единица. Единица есть множество простых чисел. Конец единицы — это двойка. Полная и непротиворечивая теория числа (от арифметики до алгебры) — это середина «между» единицей и двойкой.

Дело новой алгебры не только в антропном принципе, но и в том, что **ЧЕЛОВЕК И ЕСТЬ ТА ЕДИНИЦА, КОТОРОЙ МЫ ИЗМЕРЯЕМ.**

Галилей писал: «Книга природы написана языком математики». Значит ли это, что для существования природы нужен чтец книги природы? Современная физика пришла к тому, что, да, без наблюдателя природа не существует, просто пока она, физика, говорит это в узком кругу посвященных, а в школе продолжают преподавать материалистическую физику. На мой взгляд, проблема в том, что нынешняя ака-

⁴ Полностью доказательство Е. Путро см. в главе «Истины круглой неустрашимое сердце» настоящего издания на с. 362.

демическая книга природы, написанная языком современной математики, — это муляж книги природы. В истинной, гениальной книге чтец находится внутри книги, ею формируется и порождается. Иначе говоря, считывающее устройство находится в комплекте книги. То есть, к примеру, если существующая нотная запись действительно представляет собой универсальный язык музыки, то музыкант вторичен по отношению к этой нотной записи, его произведенческие возможности предопределены потенциалом этой записи. Но мне представляется, что существующая нотная запись предельно ориентирована на современного материалистического человека (семь отверстий в голове, семь объектов в зоне восприятия, семь нот). Возможна иная, более истинная запись фрейма музыки, предполагающая и музыканта нового типа. Это, кстати, уже происходит с возникновением принципа сэмплирования в производстве музыки с помощью софта. Недавно композитор Мартынов объявил о конце композиторства, основанного на прежней нотной записи, исчерпавшей свои возможности творческого использования.

Математическая модель в новой алгебре должна описывать реальный объект, пусть не однозначно-материальный, но реальный (не абстрактно-алгебраический). То есть у нас должна быть физико-математическая модель. Мы должны сформулировать объект, свойства, объект должен быть наблюдаем, данные (пусть даже и наблюдаемые структурно, топологически) должны прогнозироваться в модели. Наш объект — это язык (буквы, звуки, слова, предложения, текст, смысл и значение, создание и программирование мира языком). Но другой, более общий лик этого объекта — субстанциональное время как универсальный язык бытия (создающий Вселенную), частным случаем которого является человеческий язык, создающий человеком наблюдаемую реальность.

Я настаиваю исключительно на основаниях, из сферы оснований (учения о бытии — философии) я выхожу в естественные науки с гипотезами, которые должны стимулировать размышления.

Боюсь, что многое в новой математике покажет неправомерность «старых» доказательств. Думаю, что будут найдены целочисленные решения для уравнения Ферма при степенях $n > 2$ — это и будут основы так называемых ноль-транспортировок. Многое из Эйлера, исходившего из геометрических доказательств, будет опровергнуто в гелиометрии.

При создании функции для углов листа Мебиуса, думаю, нужно будет снять тригонометрические запреты типа $1/\cos 90^\circ$; $1/\sin 0^\circ$; $\sin 90^\circ/\cos 90^\circ$; $\cos 0^\circ/\sin 0^\circ$.

Философия языка-истины говорит о том, что один из языков (народов, ранее народы назывались языками) станет основанием универ-

сализации языковых свойств бытия. То, что риторическая теория числа стала возможной именно в русском языке, показывает, что этим генерализующим языком является русский язык, носитель гелиометрии как нарекательной хронометрии. А бесконечность нужно изгонять — тут уж либо бесконечность, либо математика (то, что есть).

Правильной постановкой будет обоснование теории чисел через язык. Как известно, существует такая проблематика (или раздел) математики, как поиск, определение оснований математики. Этот раздел предшествует аксиоматизации. Известно также, что этот раздел ныне, мягко говоря, не имеет удовлетворительной разработки (есть интуитионизм, логицизм, конструктивизм, бурбакизм), а в большинстве практик преподавания математики он вообще не встречается. РТЧ — это определенный ответ на вопрос об основаниях математики.

В русском языке 41 количественное числительное (теоретически возможно введение новых числительных («триллиард» и т.д.), но язык ограничивает необходимое и достаточное количество именно как 41 количественное числительное). Проблематика числительных для поиска и моделирования, а также формального выражения оснований математики крайне важна, отметим, что парадоксы теоремы Геделя во многом выражались через сопоставление системы оцифровки и системы «воязыковления числа», то есть выражения числа в количественных (и иных) числительных:

Ноль	Двенадцать	Тридцать	Четыреста
Один	Тринадцать	Сорок	Пятьсот
Два	Четырнадцать	Пятьдесят	Шестьсот
Три	Пятнадцать	Шестьдесят	Семьсот
Четыре	Шестнадцать	Семьдесят	Восемьсот
Пять	Семнадцать	Восемьдесят	Девятьсот
Шесть	Восемнадцать	Девяносто	Тысяча
Семь	Девятнадцать		
Восемь		Сто	Миллион
Девять	Десять	Двести	Миллиард
Одиннадцать	Двадцать	Триста	Триллион

Замечу также, что в изучении проблемы распределения простых чисел один из наиболее значимых результатов — это обнаружение некоторой закономерности в отношении количества числа простых чисел в десятке, сотне, тысяче и т.д. натуральных чисел. Эти закономерности, на мой взгляд, инвариантны грамматике порождения и употребления количественных числительных.

Предлагаю конкретизировать исследовательскую задачу: если мы создаем модель теории чисел как модель языка (первого языка), то это,

прежде всего, будет модель записи чисел (новой записи чисел, опирающейся на риторическую природу языка). Нам уже известны основные элементы этой записи (простые числа, гелиометрические числа, гелиометрическое представление числа). Нам также известна суть числового письма — деление на ноль (продуктивность деления на ноль). Известен генерализующий интеграл (единица есть множество простых чисел), предшествующий дифференциации. Отношения единого и многого как модель истинности в языке предметно выражены как отношение единицы и множества простых чисел. То есть я предлагаю моделировать не язык вообще (алфавит — слова — высказывания), а языковое выражение числа. То есть алфавит будет пониматься как система, обеспечивающая языковое выражение числа в количественных числительных, а не как некая система универсального конструирования из чистого математико-алгебраического разума.

Окружающая реальность реализует себя пространством целочисленной размерности. Такие вещи не могут быть гипотезами, которые надо либо доказывать, либо опровергать, такие вещи должны появляться, вытекать из теории. Это принципиальнейший момент, который вытекает из философского учения о бытии. В том-то и дело, что я призываю в качестве референта реальности использовать философское учение о бытии, а не «вирус материализма». Таковы также позиции одного из основателей матанализа Леопольда Кронекера, логика Фреге, философа Лейбница.

Что есть кронекеровская алгебра как новая программа аксиоматизации для математики

Геометризм как аксиоматика раскрывается так — геометрическая модель приводит к функциональной зависимости, а та, в свою очередь, имеет выход в теорию чисел. РТЧ свойственен иной подход. Я полагаю, что, конечно, резонно, начинать математику (алгебру, которую я понимаю, как внутреннюю структуру, формальный алгоритм порождения математической реальности) с чего-то подлинно существующего, но я не считаю таковым (подлинно существующим) геометрию. Я полагаю, что начинать математику (единую математико-физическую реальность) нужно с особым образом понятой теории чисел. Что значит с «особым образом понятой»? Это значит, что основание математики (теория чисел) должна быть переосмыслена и переоткрыта — как теория подлинной реальности, «того, что есть» (Геометрии же, с точки зрения философии как учения о бытии, то есть реальности, описываемой геометрией, в строгом, научном смысле слова, нет, это иллюзия, геометрические формы и константы — это искусственные, неприродные компоненты способности разума моделировать реальность и оплата этой способности отождествлением интеллектуальных моделей с самой реальностью). Я также полагаю, что именно в этом переоткрытии теории чисел (прежде всего теории числа) будут решены фундаментальные проблемы современной науки, потому что подлинная реальность — это сущность техники самой природы, то есть ее закон.

Для философии «то, что есть», — это бытие, субстанциональной формой которого, данной человеку, является язык. РТЧ доводит антропный принцип современной науки, включая принцип наблюдателя в квантовой физике, до понимания человека, его сознания как прибора, истинно представляющего, измеряющего, фиксирующего, отображающего природу (человек — это прибор в структуре техники самой природы прибор, созданный природой как разумом). Отсюда РТЧ-тезис: «Время — язык бытия». Именно, как таковое, время производит пространство, структурируемое в этом произведении вплоть до событийности и телесности, подобно тому, как язык человека веществу человеческую действительность, жизненный мир. Именно от такого пространственно-временного, бытийного основания, непосредственно раскрытого в человеке и человеком, нужно и выводить истинную ма-

тематику. Это более прочное и истинное основание, нежели геометрия и опыт здравого смысла (счета вейерштрассовских палочек, пустотных единиц, с которого ведется эвристика нынешней арифметики). Природа суть речение бытия, нарекательная хронометрия пространства. Математика природы – это эвристика отношений бытия и ничто, порождающих язык как форму субстанционального времени. Начало математики природы, из которого берется множество ее истинных элементов, – это деление единицы на ноль, порождающее множество простых чисел. Существование множества простых чисел – это их коммутация, в результате которого создаются и одновременно уникализируются (как уникальные наборы простых сомножителей) все целые числа. Таким образом, математика природы – это математика умножения, произведения, а не вейерштрассовская математика сложения и деления. Это также целочисленная математика, то есть она достаточна для неограниченного количества уникальных описаний объектов, их свойств, связей, элементов, состояний («всего того, что есть»), ибо есть неограниченное число целых чисел, индексирующих «то, что есть» и универсальная процедура их уникализации, фиксирующая «как есть и как стало быть то, что есть»), а также есть процедура темпорализации «того, что есть», а именно, «что и как будет с тем, что есть», понимаемая (процедура) как закон движения целочисленного континуума.

Именно с такого описания и должна стартовать полная и непротиворечивая математика природы, математика «всего того, что есть», она же – первая, априорная физика («метафизика»). Это не значит, что я считаю современную математику и иные модели непродуктивными. Я рассматриваю их как феномены математической реальности, схватываемые в условиях непрозрачности истинных оснований математики. Когда философия до Хайдеггера и РТЧ не знала, что «язык – дом бытия», а «время – язык бытия», в ней процветало такое направление, как феноменология Гегеля-Гуссерля. Лишь, когда была создана фундаментальная онтология Хайдеггера (учение о тождестве-различии бытия и человеческой реальности, истина и метод, генезис и структура, одним словом, система которого (тождества-различия) есть язык, разграничивающий и связывающий бытие и время, бытие и ничто) и когда утвердился **риторическая теория числа** (раскрывающая субстанционально-временной смысл языка), феноменология растворится в яснопонимании дедукции сущего из оснований. Итак, повторюсь, я воспринимаю современную математику как продуктивную феноменологизацию теоретико-числовой (дискретно-числовой) онтологии алгебраической модели, но мой идеал системы чистого разума требует проясненности оснований, из которых дедуцируется модель, тогда же станет понятна бытийная, научно-истинная значимость модели, и, в конечном итоге,

ее применимость. Ныне же в качестве основания берется фундаментально несамодостаточный геометрический феномен (геометрия — не есть основание математики, а лишь подручное средство репрезентации математического мышления), который затем деконструируется. В современной науке основания и имеют именно такую подручную роль средств конструирования моделей, что и обусловило ее кризис, суть коего в том, что в науке отождествляются модели и реальность. Примерно так же обстоит дело и с нанотехнологиями, которые мыслят как «удивительные свойства материи на нано-размерном уровне». Но «удивление», по Аристотелю, — это только начало науки, от которого нужно продвигаться к основаниям, причинам, раскрывающим технику самой природы, закон произведенческой сущности природы.

Я говорю не о философской интерпретации научных результатов постфактум, а об основаниях математики. Именно этой философией математики занимались многие выдающиеся математики. Вспомним дискуссию об основаниях математики, из которой, в частности, появились Бурбаки. Пока эта дискуссия не дала общепризнанный результат. Кроме того, оказывается, что у математики и физики общее основание, общий корень. Не сформулировав это основание, естественная наука не продвинется, не будет строгой и точной (дедуктивной), а феноменальные модели будут иметь лишь случайное, несистемное применение. Каков результат той или иной модели? Он имеет математико-теоретическую ценность? В чем она заключается? Отвечая на эти вопросы, математик явно или неявно будет опираться на какие-то основания. А без ответа на эти вопросы невозможна фиксация результата, полезности модели для теории или практики. А истинны ли математические модели? Или они — то, что в философии называется спекулятивными конструкциями (спекулятивными в смысле, не отображающими нечто существующее, а демонстрирующие возможности языка описания порождать некоторые интеллектуальные объекты).

Что есть алгебра? Я понимаю так: Первопричина математики — это акцентуация такой способности суждения, как определение, дефиниция («матема», в переводе с греческого, — строгое и точное определение того, что есть). Число — продукт этой акцентуации, который сделал возможным язык числа (аналог: словесный язык). Теория чисел — грамматика этого языка. Алгебра же — выражение и представление металингвистической функции языка числа, на основе которой создаются математические тексты (решения задач, вычисления, построение моделей, и т.д.). То есть алгебра — это генезис и структура, истина и метод языка числа, его синтаксис, семантика, семиотика, прагматика. Современное знание о языке пришло к тому, что грамматика, как структура нижнего, основного уровня языка содержит структуры, закрытые от верхнего уровня языка

(текста, сознания), но выступающие в качестве неотрефлексированных, «подсознательных» оснований синтаксиса, семантики, семиотики и прагматики. Такова суть порождающей грамматики Хомского, грамматологии Ж. Деррида. Так возникла предметно-языковая программа экспликации, прояснения оснований, феноменологически индуцированная Гуссерлем и онтологически мотивированная Хайдеггером. Иначе говоря, ситуация закрытости структур нижнего уровня от высшего (закрытость подсознания от сознания, базиса от надстройки, наконец, «существование алгебр с закрытыми, базовыми структурами») была осмыслена как феноменология кризиса мышления (прежде всего научного мышления).

Этот кризис зашел настолько далеко, что сегодня нет практически ни одной науки, которая вполне непротиворечиво владела бы собственным основанием (имела его сущностное определение, признанную теорию) и была бы способна выводить (дедуктировать) из него (на его почве) истинное, предметное знание. В биологии и медицине нет теории иммунитета, в праве нет устойчивости в вопросе об определении (теории) образования норм права, в алгебре (математике) нет определения алгоритма (я имею в виду согласие алгебраистов и математиков в вопросе о сущности алгоритма). Практически каждая наука, даже имеющая множество практических и технологических результатов, висит в воздухе без основания. Л. Шестов называл это состояние «апофеоз беспочвенности». Его хорошо характеризует позиция типического современного математика: «Надо строить «математические самолеты» и запускать в среду под названием «естествознание». И наблюдать, как они там летают и летают ли вообще». Это не поиск истины, а вынужденная позиция в ситуации отсутствия оснований и невозможности в этой ситуации общего дедуктивного построения науки. Я понимаю природу увлеченности свободным математическим конструированием, не связанным никакими основаниями, — математическое образование уже века живет без оснований и в нем сложилась весьма специфическая полетная мысль: как нет предела толкованиям Торы, так нет и предела бесосновного математического конструирования. Но оно не так бесосновно, как кажется, — скорее, это прыжки в бездну, когда вдруг спасает и подхватывает невидимая рука, и ты понимаешь, что основание, истина все-таки есть, и «наблюдаешь», как оно есть, когда оно само, пусть и не являя себя, решает проблему, замыкает и взаимопогашает спекулятивные конструкции (например, как сходимости рядов).

Необходимо вернуться к основаниям, заново их продумать и восстановить общий дедуктивный метод науки — дедукцию из оснований, как это, кстати, пытались сделать Бурбаки. При этом, нам придется заглянуть даже глубже Евклида с его аксиоматикой. Надо сказать, что мне в этой аксиоматике с ранних школьных лет всегда самым неубе-

дительным и самопротиворечивым представлялось определение точки, а не знаменитый пятый постулат: «точка есть то, что не имеет частей». Алгебра, как алгоритм, есть выражение природного отношения целого и части. В РТЧ это отношение выражает формула единицы: «единица есть множество простых чисел». Именно из формулы единицы можно дедуцировать новую единую науку, «Науку Технику» самой природы. Множество простых чисел (единственно истинное множество элементов) суть продукт отношения бытия и ничто, деления единицы на ноль. Слово «множество» хорошо выражает суть происходящего в целочисленном континууме. Простые числа — это первые числа. Но это не мертвый склад чисел, это именно множество от слова «множить», «перемножаться», то есть это непрерывная коммутация простых чисел, их перемножение всех со всеми, которое и дополняет множество первых чисел до натурального ряда недостающими целыми числами как результатами «множества-перемножения» простых чисел. Когда велась математиками дискуссия об основаниях математики (логицизм, интуиционизм, формализм и теоретико-множественное направление), то все они были едины, по крайней мере, в том, что перводвигатель математического мышления — это интуиция натурального ряда. Именно на пути раскрытия этой интуиции и выявления сущности натурального ряда, внутренних (базовых, «нижних») механизмов его уникализации в каждом из его элементов, возможно общее дедуктивное построение науки. Именно науки, а не только математики. Ибо в этой интуиции заключена и физическая сущность математического, основание единства физико-математического знания. Именно поэтому слова А. Пуанкаре «открытие в области теории чисел — глобально для всей математики»⁵ — это не какая-то банальность. Нужно новое понимание натурального ряда (НР) как ряда самой природы («натуры»). РТЧ-понимание НР в корне отлично от традиционного вейерштрассовского. Натуральный ряд — это не формальное «прибавление единицы», а жизнь целочисленного континуума, возникающая из коммутации простых чисел. Коммутация простых чисел — это информационная сеть самой природы, если хотите, природный телеком, связывающий природные вычислители, компьютеры, единицы. Как компьютерная сеть-телеком организует информационные потоки, так время (числовое основание природы, субстанция Единицы) организует пространственные потоки (событийность, телесность, движение, покой, ускорение). Вот какво, на РТЧ-взгляд, поле истинной алгебры — это алгебра над просточисленным массивом, являющаяся продолжением (фрактальным) на верхних уровнях низшего уровня математики времени-единицы.

⁵ Пуанкаре А. О науке / Под ред. Л. С. Понтрягина. — М.: Наука, 1983.

Математики часто несерьезно относятся к теории чисел, «так, забава для мозгов...». Я считаю такое отношение ошибочным. Как известно, целые разделы высшей математики возникли из занятий выдающихся математиков именно теорией чисел. Типический математик сразу начинает, вслед за академической университетской алгеброй со спекулятивной абстракции «числовых рядов», проскочив вместе с этой алгеброй прояснение фундаментальной интуиции натурального ряда, как основы существования и развития математического контента.

Алгебра и математика в целом еще не открылись в своей сути. Ведь, пока математик не может ответить на вопрос «что есть алгебра?». А на этот вопрос он и не сможет ответить, пока не прояснит интуицию натурального ряда, поскольку алгебра — это своего рода внутренняя, природо-подобная структурность натурального ряда, а не свободное математическое конструирование, не связанное некоей реальностью. Тезис «мысль изреченная есть ложь» выражает не фатальную порочность языкового описания, не ситуацию, когда мышление и действительность разделены непроходимой стеной языка, но это поэтически-выразительное «техническое требование» ко всякому языку знать и помнить какую реальность, какие вещи он описывает и выражает, поскольку язык часто впадает в иллюзию самодостаточности и подмену объекта описания языковой реальностью. Это особенно видно у физиков-теоретиков. Весь их атомизм, электронизм и физика элементарных частиц, а также космология и астрофизика (черные дыры и т.д.) — это спекулятивные конструкции, плоды таких подмен, произошедших в языке физики.

Под спекулятивностью я понимаю конструирование из непроясненных оснований, возможно, интуитивно схватываемых, но не раскрытых внятно, в определениях. Весь мир спекулятивен, включая академический и университетский. Вообще говоря, вся эта философия родом из Гегеля, даже «Науку Логику» которого, пропитанную спекулятивным конструированием, она восприняла как философское открытие. Позиция современной математики представляется мне понижанной духом математического конструктивизма, сомкнувшейся с позицией такого направления в сфере понимания оснований математики, как математический интуиционизм. Я понимаю, что между этими двумя позициями прямо не пройдешь, это показал крах формалистской программы Гильберта, попытки обосновать математику через логику.

Я полагаю, что без целенаправленных рефлексивных усилий, как откровение, так и интуиционизм становятся одержимыми демоном бесконечности, которым прочно захвачена математическая интуиция натурального ряда, свойственная и физике. В природе нет ничего бес-

конечного, а есть только совершающееся. Необходимо изгнать демона бесконечности и прежде всего из интуиции натурального ряда. Философ математики Паршин утверждал: «В нашей ситуации получается единое пространство, имеющее вид бесконечного универсального дерева, в которое можно вложить все те деревья, которые мы рассматривали. Такую программу можно реализовать для математического языка, для самой простой его части — языка элементарной арифметики. Для обычного языка такой подход означал бы, что за каждым высказыванием языка, за каждым словом стояло бы бесконечное дерево, выражающее его полностью. И все такие деревья содержались бы в едином универсальном пространстве (можно сказать, Мировом Дереве). Иначе можно сказать, что “настоящая” глубинная структура должна быть бесконечной»⁶. С последним тезисом я не согласен категорически. Подлинная, то есть природо-подобная, природо-существующая структура всегда конечна. Это физический факт (основание физики), от которого отказалась современная физика. Если из этой цитаты изгнать демона бесконечности, то можно сказать, что возможна программа просточисленного дерева, ибо простое числа есть акт схватывания (преодоления) бесконечного конечным (результативность деления единицы на ноль). Эту программу выразил выдающийся российский логик А.С. Карпенко⁷. Но эта работа замолчана именно потому, что для нее нет системы аксиоматики, и она повисла в воздухе, будучи по сути, важнейшим компонентом новой, но пока не установившейся РТЧ-парадигмы: «Любые пространственные структуры можно рассматривать как проекции кристаллизующихся временных структур, как линейных, так и циклических» (В. Кудрин)⁸. Это (создание пространства временем) и есть основание механики времени, как РТЧ-составляющей. Механика времени (первая физика) — это и есть реальность, объект подлинной арифметики, современный же язык математики оторвался от этого объекта, и им, беспредметным, завладел демон бесконечности. РТЧ-арифметика, в отличие от арифметики пустой Вейерштрассовской единицы, — это предствление выражение, описание в языке числовом того, как время создает пространство. По сути, это решение 6-й проблемы Гильберта: «Математическое изложение аксиом физики».

⁶ *Паршин А. Н.* Слово и свет (к философии имени) // Студия Имени [Электронный ресурс]. — Челябинск, 2009–2012. — Режим доступа: <http://imya.pro/article/id/?82>, свободный. Загл. с экрана

⁷ *Карпенко А. С.* Логика Лукасевича и простые числа. — М.: Книжный дом «ЛИБ-РОКОМ», 2009.

⁸ *Кудрин В. Б.* Математика памяти // Поиск истины (научно-художественный журнал). — 2011. — № 29. — С. 11.

Нет бесконечности, а есть абсолютная, совершенная конечность (сверхконечность), как постоянное возвращение в единицу множества простых чисел, как конечностей (органических частей, качественностей) единицы, расходуемой в процессе деления на ноль (формула единицы), именно это возвращение есть создание пространственной единицы единицей времени.

Просточисленное дерево — это представление коммутации простых чисел: «всех со всеми, но по определенной логике» (см. работу Карпенко) дополнения натурального ряда целыми числами после образования первых чисел — множества простых чисел. Собственно, в материально-пространственном смысле простых чисел нет, есть их взаимодействие как предопределенных узлов пространственности, коммутационных зарядов. Если помыслить эту структуру не как «бесконечное пространство», а как единицу, то и придем к РТЧ-основанию.

О целочисленной математике творения — математике «естины»-ИСТИНЫ

Прежде всего нужно вернуть знание об абсолютности натурального ряда

Представим себе натуральный ряд как ряд, обозначающий для нас явления, вещи, сущности, созданные Богом, выражающий природу как Божественное творение, частью которого являемся и мы сами. Первое, второе, ..., сорок первое, ... — вот события, посылаемые Богом во времени человеческого бытия, создающие память человека. Один, два, ..., сорок один, ... — вот слова Божественного счета, создающего мир. Каждое слово этого счета — это пространственное выражение акта-момента времени творения. Таково истинное значение числа. Смысл же числа — это место чего-либо («вот этого») в Богом созданном порядке. Познать истинную сущность вещи, явления, существа — это узнать его номер в творении («число Божественного счета»), то, каким по порядку нечто сотворено, какое место (пространство) ему определено во времени. Такова теория числа — Риторика натурального ряда. Божественно-риторический смысл натурального ряда утерян, забыт нами, но будет возвращен. Число произносится с разным значением и имеет различную силу — от всеобщей до ничтожной. Божественное речение числа создает мир как пространственно-временное явление. Человеческое речение числа — это след, след следа, тень Божественного счета, создающего мир.

Промысел творения

Натуральный ряд — это запись творения. Из этой записи, из этого рассказа, истинно представляющего для нас творение, мы должны постигнуть физику творения, его закон, алгоритм, удерживающий все созданное как абсолютный натуральный ряд. Натуральный ряд — это явленность творения для нас. Это врожденная идея нашего сознания, выражающая нашу частичность в творении. Натуральный ряд — это алфавит языка Бога, но это не книга природы, написанная на языке математики истины, математики Бога. Книга природы — как текст — это последовательность математических выражений (суждений) языка математики истины. Как этот текст создается его Автором? — вот что мы должны понять в качестве истин математики истины. Как возникает и удерживается натуральный ряд творения — природа? Промысел тво-

рения — это пространство реализации замысла Автора книги природы. Теория книги природы, написанной языком математики истины, — это риторическая теория числа.

Истины математики истины

Натуральный ряд — это представленность творения. Как Б.-г творит это представление, которое для нас является уже готовой, врожденной идеей, определяющей наше сознание в качестве его основания и причины? То есть каково представление истин математики творения, истин (аксиом, оснований, причин) натурального ряда? Самое большое число в математике истины — это единица. Ибо единица в Божьей риторике натурального ряда — есть первое и главное слово, являющееся причиной действительности всех возможных слов счета Бога. Любое число — это часть единицы. Существуют только целые числа, ибо творение есть полнота всех элементов творения единичностью, завершенность творения. Нецелые числа не существуют в риторике натурального ряда, но могут существовать в риториках натурального ряда более низкого уровня, лишенных знания математики истины. Существуют истинные части единицы как части замысла творения (первоэлементы); существуют также истинные связи между первоэлементами (целые, составные части единицы); существуют и осколки, срезы, частицы, не являющиеся истинными частями единицы, но содержащими в себе ее качественность (нецелые части единицы). Именно эти «сколки» являются предметностью изучения отдельных наук, не связанных дисциплиной универсальной истины. Основная истина математики истины — формула единицы: «Единица есть множество простых чисел». Простое число в человеческой риторике натурального ряда — это число, которое делится только на себя и на единицу, а простое число в Риторике натурального ряда — это первоэлемент творения, естественная органическая часть единицы как системы, пространственное выражение акта творения. Простые числа в математике истины — это единичности (конечности), n -качественности единицы, где n — это шаг возникновения простого числа из единицы, представленный номером простого числа в последовательности простых чисел в натуральном ряду. Единица — это точка сборки всех простых чисел, являющаяся одновременно источником их как действующих причин математики истины. Из единицы простые числа выходят и в нее возвращаются, выражая ее полноту, завершенность и всеохватность как первопричины натурального ряда. Первоакт творения, которое представлено для нас как натуральный ряд творения (как первая речь, создающая мир, — «счет Бога», по Лейбницу), — это последовательное деление единицы на ноль, порождающее множество простых чисел как истинное множество истинных элементов. Если че-

ловеческая риторика натурального ряда спотыкается уже на первом шаге деления единицы на ноль и пытается продвигаться дальше с помощью костылей канторовской теории множеств, специфицирующих типы бесконечностей, возникающих в делении на ноль, то риторика натурального ряда — это предметное оконечивание, схватывание, стягивание бесконечности в простом числе. Там, где риторика числа низкого уровня уже на первом шаге спотыкается и летит в бездну, риторика числа скачет от одного простого числа к другому, преодолевая разверзающиеся бездны бесконечности одним прыжком — скачком качества.

Лестница Иакова как башня исчисления простых чисел

Математика истины — это язык Бога, которым создана природа как Текст книги природы. Отношение бытия и ничто, нечто и ничто, в котором бытие и нечто утверждаются, — это формализм деления на ноль, формализм истинных высказываний математики истины, из которых состоит Текст книги природы. Начало книги природы — это деление единицы на ноль, создающее цепочку качественностей (истинных частей единицы), сигналов-сообщений риторики числа, а именно простых чисел. Продолжение книги природы — это жизнь простых чисел, возникновение целочисленного континуума, производящим множеством которого является множество простых чисел. Прежде всего это образование степенных башен простых чисел, образующихся посредством деления возникших простых чисел на ноль, то есть в качестве последовательности утверждений истинности простого числа: башня степеней двойки, степеней тройки, степеней пятерки и т.д. Эти башни неустойчивы сами по себе и являются лишь прутьями, из которых создается ковчег математики истины — целочисленный континуум. Середина книги природы — это Богостроительство целочисленного континуума как башни исчисления простых чисел — крепости удержания творения как натурального ряда творения. Башня исчисления простых чисел — это ковчег истины математики истины, который сплетается, сшивается, стягивается из степенных башен простых чисел (просточисленных прутьев). Осмысленные просточисленные сочетания, коммутации, произведения простых чисел — это первичные суждения математики истины, суть которых — перехлест, сшивание, стяжки, скрепы просточисленных элементов степенных башен-путьев в целях построения самоустойчивой башни исчисления простых чисел.

Простые (пер- вые) числа	Путья, (степени) простого числа	Стяжки (просточислен- ные сочетания, сrostки)	Натуральный ряд
1			1
2			2

3			3
	2(2)		4
5			5
		2×3	6
7			7
	2(3)		8
	3(2)		9
		2×5	10
11			11
		2(2) ×3	12
13			13
		2×7	14
		3×5	15
	2(4)		16
17			17
		2×3(3)	18
19			19
		2(2)×5	20
		3×7	21
		2×11	22
23			23
		2(4) ×3	24
	5(2)		25
		2×13	26
	3(3)		27
		2(2) ×7	28
29			29
		2×3×5	30
31			31
	2(5)		32
		3×11	33
		2×17	34
		5×7	35
		2(2) × 3(2)	36
37			37
		2×19	38
		3×13	39
		2(3) ×5	40
41			41

Видно, что с увеличением высоты башни исчисления простых чисел (элементами-«живыми кирпичиками», «клетками» которой являются простые числа, первоначально укладываемые в прутья, стягиваемые между собой) количество стяжек увеличивается, образуя непрерывный уклад надежности башни; стяжки идут от самых первых простых чисел на различные высоты прутьев, схватывая их всецело снизу доверху.

Изложение аксиом физики в истинной математике, математике творения

Физика — это истинно-математическая теория, базовой формулой которой является формула единицы, не выводимая в арифметике, но являющаяся основанием, причиной арифметики как фундаментального отношения человека и творения, то есть такой априорной основы познания, как практическая теория работы с натуральным рядом. Физика — это представление, раскрывающее алгоритм творения как натурального ряда боготварной природы. Истинные аксиомы математики — это математические смыслы базовых понятий физики.

1. Квант есть простое число.
2. Время — это субстанциональный поток простых чисел.
3. Электрон — продукт деления единицы на ноль, физическое представление дискретности времени.
4. Поле — единица как множество простых чисел, физическое представление непрерывности времени.
5. Ускорение — физический смысл простого числа.
6. Закон вселенского ускорения — единое основание для четырех фундаментальных взаимодействий в физике (гравитационного, электромагнитного, сильного и слабого).
7. Представление закона вселенского ускорения в математике истины — исчисление простых чисел.
8. Исчисление простых чисел — это механика времени, производящего пространственные многообразия.

Аксиомы пространства

Пространство есть источник массы, создаваемой вселенским ускорением как созиданием пространства временем. Ускорение — это истинное движение времени, непрерывное, равномерное и прямолинейное движение времени из будущего в прошлое (Воля Бога, провидение), создающее тварное бытие пространственного многообразия (натуральный ряд природы).

Истинное представление о пространстве формируется как завершение коперниканского поворота от геоцентрической системы мира к гелиоцентрической, переход от геометрии к гелиометрии.

1. Пространство — продукт механики времени, создающей действительный натуральный ряд посредством исчисления простых чисел. Пространство есть действительность натурального ряда.
2. Трехмерная сфера как ленто-мебиусно-стягиваемое пространство — это гелиометрическое представление исчисления простых чисел, стягивающего целочисленный континуум. Лента Мебиуса — базовая фигура гелиометрии, цепочка простых чисел.
3. Истина пространства (пространственного развития) — это гелиометрический тензор над просточисленным массивом, координаты которого (тензора) предзаданы целочисленными решениями уравнения Пифагора-Ферма («пифагоровыми тройками»).
4. Пространство как совокупность состояний (истинных масс, то есть мест пространства как источников масс) представлено суммой чисел, обратных всем простым числам, которая (сумма) равна четырем.

Природа как вычислитель. Солнечные вычисления — sun computing

Будущее человечества — это солнечные вычисления. Солнце — это вычислитель, работающий по формуле единицы, создающий жизнь как «места под Солнцем», числа действительного натурального ряда. Солнце — это единица, излучающая просточисленный поток творения. Это орудие творения, принадлежащее Богу. Просточисленный след присутствует во всяком творении.

«Разумное Солнце» (SmartSun) будет неизмеримо и качественно более мощный вычислитель, чем «Разумное Облако» (SmartCloud), придуманное и реализованное IBM⁹.

⁹ **Облачные вычисления** (англ. cloud computing), в информатике — это модель обеспечения повсеместного и удобного сетевого доступа по требованию к общему пулу конфигурируемых вычислительных ресурсов, которые могут быть оперативно предоставлены и освобождены с минимальными эксплуатационными затратами и/или обращениями к провайдеру. — См. ст. полностью в Википедии.

Новый учебник

Представьте, что нам необходимо обучить детей некой универсальной системе знаний об устройстве мира, о том, как надо мыслить, писать, считать, выражать свои мысли. Педагог Давыдов, кстати, создал свою систему обучения детей математике, исходя из того, что преподавание детям нужно начинать с истин высшей математики, топологии, потому что дети обладают врожденной истиной об отношении дискретности и непрерывности. То есть мы имеем риторическую теорию числа (скажем так, универсальную теорию Всего), которую должны изложить детям, создав при этом формальный язык (модель) представления для них этой теории.

Сегодня мы начинаем изложение с геометрических истин, с аксиом Евклида, потому что эти истины якобы дают материальное представление о мире, которое для детей, по нашему мнению, должно быть первичным, простым и понятным. Но мне, например, в детские годы было всегда непонятно, почему «точку», с которой начинается изложение построения геометрии, считают чем-то самым простым и не нуждающимся в определении. Мне она, напротив, казалась весьма загадочным объектом, ощущалась фальшь школярской позиции о том, что «точка» не нуждается в определении.

Что об этом думает РТЧ? Она думает, что точку нужно понять и определить. Что точка — это результат, финитное представление чего-то, что за ней стоит какой-то механизм. В РТЧ это называется «субстанциональная точка». Мы должны донести до детей мысль о том, что первично слово — ведь обучение начинается с отношения к слову, с его произнесения, правописания, понимания, без слов никакое обучение невозможно. А вот эта самая первичность, физичность, материальность слова, лежащая в основе выделения всех вещей (вещевания мира) и есть число. Число — это как айсберг слова: на поверхности лежит слово как Имя вещи, а «под водой» — число как физический корень слова, его материя. Так мы вводим число как материальное значение слова. Так мы обучаем единице как первому слову, слову «есть» («это»). $1 = \text{«есть»}$. Обучая детей языку (алфавиту, грамматике, синтаксису, лексике), мы должны параллельно и точно так же обучать их арифметике, сразу установив в их сознании понимание того, что, обучаясь арифметике, они обучаются языку. Мы рассказываем детям, что, как и в языке у слова, также и в математике у числа есть способы его выражения, за-

писи посредством элементов, происхождение которых неслучайно. Эти элементы (в языке — буквы, звуки) мы можем определить как первые слова, возникшие раньше других и ставшие строительным материалом для новых, более сложных слов. В арифметическом языке такими элементами числа (а число в сознании детей должно сразу вызывать образ единицы как универсального числа, аналогично и в обучении языку ребенок первым делом должен освоить понятие «слово»: слова бывают разные, но все это слова) являются простые числа (мы показываем, как их можно записать, вводя понятие деления и неделимости простого числа на себя, но ребенок должен понимать, что это всего лишь запись простого числа, а не его сущность, сущность простого числа — в его свойстве быть единицей, то есть слов много, но все это слова, чисел много, но все это числа, единицы). Мы вводим простые числа как первые числа, которые характеризуют единицу. Аналогично в обучении языку мы вводим первые жизненно необходимые слова (мама, дом, стул, стол и т.д.). Дальше — в ходе одновременно-сравнительного обучения языку и арифметики — мы показываем, как буквы (первые слова) складываются в слова, а слова в предложения. Аналогично демонстрируем, как простые числа сомножаются, коммуницируют в целые составные числа, то есть подходим к изложению основной теоремы арифметики (целое число есть уникальный набор простых сомножителей) как к букварю целочисленного арифметического языка. Когда ребенок научается читать? Когда понимает, что первичны не буквы и слоги, а их сбегание, коммутация в слова. Усваиваемые слова для ребенка образуют пространство (в ранее нерасчлененном целом появляются мама, папа, стол, стул, дом). Усвоение коммутационной сущности простого числа образует для школьника, изучающего арифметику, физико-математическое, материально-геометрическое пространство (появляются точка и фигуры из точек). То есть ТОЧКА — ЭТО КОММУТАЦИЯ ПРОСТЫХ ЧИСЕЛ, ИХ СБЕГАНИЕ В «СЛОВА», В ЦЕЛЫЕ ЧИСЛА. Как язык можно представить в виде ряда слов, так и арифметику (арифметический язык) можно представить в виде ряда чисел (натурального ряда). Но так же, как язык/речь не есть простое перечисление слов в соответствии с записью их в словаре, натуральный ряд — это не простое перечисление цифр на основе добавления единицы. То есть натуральный ряд — это языковой универсум. Когда ребенок научился читать, то есть фиксировать слова как точки сборки букв, мы учим его грамматике как порождающему устройству языкового универсума. Также должно быть и в арифметике. Когда ребенок усвоил, что точка (геометрическое первоначало) — это целое число как коммутация простых чисел, мы начинаем его учить грамматике (порождающей структуре) целочисленного универсума. Что это за грамматика? Тут и есть

самое интересное. В грамматике мы говорим о том, как слова складываются в предложения. В грамматике арифметического языка мы говорим о том, как точки (просточисленные коммутации) складываются в фигуры материальные, геометрические. То есть, как и в нынешней школьной арифметике, прежде всего перед нами теорема Пифагора, треугольник. Заметим, что она же есть и теорема Ферма о целочисленных решениях трех квадратов, связанных уравнением Пифагора-Ферма. Уравнение Пифагора-Ферма — это первое грамматическое правило арифметического языка как целочисленного универсума. Есть выделенные состояния в языке (не любые буквы коммуницируют в слова, не любые слова коммуницируют в предложения, причем важен фактор временной необратимости, так как коммуникации образуют контекст, влияющий на образование новых коммуникаций и структурно их ограничивающий, предопределяющий, — «слово не воробей»). Так и пифагоровы тройки целочисленных решений уравнения Пифагора-Ферма задают грамматологическую структуру целочисленного универсума как математического языка. Если изучение языка — это о пространстве, то есть о вещевании, членении материального мира словом, то изучение арифметического языка — это о времени, создающем пространство, «поступающее затем в распоряжение» естественного языка. Важное положение грамматики о том, что каждое слово должно быть на своем месте, в арифметической грамматике выражается как представление изначальной местности целочисленного пространства. Место в целочисленном пространстве = это число, обратное простому числу ($1/p$). Совокупность всех мест в пространстве целочисленного универсума (в пространстве времени) — это сумма чисел, обратных всем простым числам. Сумма чисел, обратных всем простым числам, равна 4 (изнанка четырехмерности мира). То есть мы имеем предопределенность физико-геометрических, аналитико-геометрических событий, состоящих, растущих из субстанциональных точек, — предопределенность временем как субстанцией целочисленного универсума. Предопределенность события местом («оказался в нужное время, в нужном месте»).

В языковом пространстве что происходит? Письменность-говорение. А в арифметическом пространстве, то есть во времени, в целочисленном универсуме? Численность (матрица) — вычисление (А. А. Корнеев вводит термин «числонавтика», см. сайт <http://www.numbernavitics.ru/>). Место в целочисленном универсуме — это место свершения такого события, как вычисление. Двигатель, через который реализуется письменность-говорение, — это мышление-мозг. Двигатель, через который реализуется матрица (численность) — вычисление — это геометрия, а точнее, гелиометрия, то есть синтетическая геометрия фигур, состоящих, растущих, синтезирующихся (таблица

Менделеева) из субстанциональных точек. Важнейшая и универсальнейшая фигура синтетической геометрии — это лента Мебиуса, она представляет собой числовой двигатель, создающий все гелиометрические, хронометрические фигуры (это аналог пифагоровского треугольника в геометрии).

Вот мы обучили ребенка языку. Какой дальше идет предмет? Литература, то есть пользование языком для создания произведений. Вот мы обучили ребенка арифметическому языку. Какой дальше идет предмет? Алгебра. То есть пользование этим языком для создания произведений — новой сущности техники как созидания пространства временем.

Я предлагаю таким образом — как учебник для новой школы — и создавать новую парадигму. Необходимо выразить предложенную языковую (риторическую) модель целочисленного универсума в языке алгебры, и мы оценим ее возможности по созданию решающих множеств для существующих проблем физико-математического знания, формализуемых как проблемы целочисленного универсума, как проблемы вычислительные.

Диалог «Грачев». Солиптизм vs. диалектическая логика

С. Шилов. Что до так называемой диалектической логики, то кроме нескольких марксистов никто не признает ее в качестве науки. Это паразитарная спекулятивная форма мышления, которую, помнится, естественники высмеивали за ее «гибучесть». Еще никто, нигде и никогда не смог использовать эту так называемую логику для реального развития познания, хотя во времена господства марксистско-ленинской философии на этот счет были большие планы. Например, «яркий образец» использования диалектической логики в биологии — Трофим Лысенко. До математики и физики не добрались. Ограничились ее применением в политической и экономической теориях. В праве диалектическая логика торжествовала на процессах по врагам народа везде, где требовалось «поставить на уши» классическое право, подменяя его логику историко-классовой необходимостью. Результаты всего этого хорошо известны. Я бы добавил к этому списку покончившего жизнь самоубийством Э. Ильенкова, символом философской веры которого была диалектическая логика, — действительно выдающегося философа-идеалиста, пришедшего к «диалектическому самоотрицанию». Конечно, И. Джугашвили был непревзойденным мастером диалектической логики в обосновании политики. Сюда же — целую толпу кандидатов и докторов марксистско-ленинской диалектики, многие из которых подвизались ныне в преподавании на коммерческой основе маркетинга, менеджмента, «православного атеизма» и прочих «гибучих» премудростей. Да, и еще так называемых методологов. Вообще говоря, суть этой спекулятивной формы мышления хорошо выразил Щедровицкий-старший. Правда, он говорил о методологии, но это и есть, по существу, единственная институционально состоявшаяся в отечестве форма диалектической логики: «В методологии нет никакого бытия».

Спекулятивная квантово-механическая интерпретация, вариант диалектической логики для физиков, пришла к печальному итогу: оказывается, свыше 90% у нас «темной материи и темной энергии», принципиально не познаваемых физикой.

Понимать же Гегеля по Марксу — это как минимум проявлять невежество в истории философии. Гегель решал задачу создания нового — относительно логики — формализма мышления. Говорить о том,

что Гегель создал какую-то диалектическую логику, это означает примерно то же самое, что ученому, который задумал создать иной тип транспорта – относительно перемещения по земле, – создать подпрыгивающую повозку. Как диалектическая логика ни петушится, а летать ей не дано, только подпрыгивать да хлопать крыльями.

М. Грачев. Кроме Ильенкова был еще Нарский Игорь Сергеевич. Разве он не достоин упоминания, как ученый, внесший определенный вклад в рассмотрение некоторых аспектов диалектической логики (разработка понятия «антиномии-проблемы», скажем)? Что касается Гегеля, то он и не ставил перед собой задачу создания диалектической логики. Гегель разрабатывал спекулятивную логику. Теперь о самой диалектической логике. Если к ней подойти конструктивно, хотя бы гипотетически, то, во-первых, она должна быть логикой. Описывать рассуждение, его структуру, законы связи мыслей в рассуждении, соответствующие формы, предъявить свою парадигму. То есть предъявить все то, что относится к инвариантам логической науки, только, разумеется, со своей спецификой. И это будет – во-вторых. Диалектическая логика должна быть диалектической. То есть описывать развитие мысли в рассуждении через противоречие. Противоречие – это исходная точка, с которой начинает работать диалектическая логика. Тогда как на фиксации противоречия, согласитесь, формальная логика заканчивает свою работу. Разве не так?

«Понимать же Гегеля по Марксу – это как минимум проявлять невежество в истории философии. Гегель решал задачу создания нового – относительно логики – формализма мышления. Говорить о том, что Гегель создал какую-то диалектическую логику, это означает примерно то же самое, что ученому, который задумал создать иной тип транспорта – относительно перемещения по земле, – создать подпрыгивающую повозку. Как диалектическая логика ни петушится, а летать ей не дано, только подпрыгивать да хлопать крыльями»

Коль скоро речь зашла об истории философии, то не станете же Вы отрицать роль Сократа и Платона в развитии представлений о диалектическом рассуждении. Сократ развивал диалектику изустно. Платон оформил диалоги Сократа в письменной форме. Разве не усматриваете в их творчестве предпосылки и материал именно диалектической логики? Или это для Вас только художественная литература философского содержания?

СШ. Нарский был прежде всего логиком. Дело в том, что во время господства марксистско-ленинской эквилибристики многие исследователи спасались под вывеской диалектической логики (и Лосев в том числе). Вы же принимаете эту маскировку за нечто авторски содержательное. Каюсь, и я переболел «свинкой» диалектической логики

ки в философском младенчестве. Излечил меня, семнадцатилетнего, университетский курс по античной философии, где точка зрения Лосева отнюдь не доминировала, а стратегическая ставка делалась на непосредственное (возможно, в значительной степени воображаемое, но продуктивное в смысле продуктивной способности воображения) приобщение к античному мышлению и его текстам. И более всего — работы новосибирских логиков во главе с Целищевым, которые открыли нам целый мир западноевропейских знаний о такой предметности познания и мышления, как проблема формализации (Гильберт, Фреге, Минский, Черч, Гедель, Тьюринг, Клини, Лукасевич и др.), идея множественности логик. Каждый, кто понял «логический атомизм» Витгенштейна и феноменологические изыскания Гуссерля, должен сморщиться при одном упоминании диалектической логики. Есть замечательные работы русского логика Васильева, раскрывающего предметность «воображаемой логики». Предположение о том, что Гегель разрабатывал спекулятивную логику, можно принять только в том смысле, что Гегель показал спекулятивность Аристотелевой логики как «отжившего» формализма мышления через показ «непосредственного» мышления, процессуального мышления «онлайн», говоря современным языком.

Теперь о самой диалектической логике. Формальная логика (то есть чистая логика) не только фиксирует противоречия. Помимо закона противоречия, в ней есть закон тождества, закон исключенного третьего, закон достаточного основания. Новая реальность мышления (относительно его логического понимания), поименованная «сознанием» и выявленная Декартом («мыслю, следовательно, существую»), в начале философии Нового времени представляла собой внелогическую причинность истины, когда истина существования порождалась мыслящим субъектом. То есть мышление в получении истинного результата использует не логику, а иной формализм. Вопрос состоял в том, какой это формализм, как он соотносится с логикой, которая два тысячелетия выступала в качестве такового формализма. С этого момента началась Великая КРИТИКА ЧИСТОЙ ЛОГИКИ — от кантовской «Критики чистого разума» до Хайдеггера и Деррида. Роль Гегеля здесь двойка. Она сродни роли Наполеона, которым Гегель восторгался. Возглавив революцию против чистой логики, он в итоге променял эту роль на титул главного, абсолютного логика, «императора логиков», за что его, собственно, Маркс и свергал с «трона князя философов». Критика чистой логики завершается созданием риторической теории числа как искомого нового по отношению к логике формализма мышления. По сути, речь идет о научном опровержении содержания законов логики как сущностного непонимания того, что есть мышление и как оно есть. А именно, относительно закона тождества не существует некоторого себе тожде-

ственного ($A = A$) объекта, внеположенного суждению, на который суждение якобы направлено, суждение есть бытие объекта и единственно возможный объект. То есть суждение и объект суждения тождественны. Нетождественности суждений и их объектов суть ложь (например, вера в существование стола, помимо суждения о столе), «ненаучный подход» (в природе и материи нет никакого стола). Закона исключенного третьего неявно определяет принцип формализации суждения как принцип двузначной логики «да – нет». Риторическая теория числа показывает иной, органический для мышления принцип формализации суждения, который одновременно является принципом порождения суждения (порождения высказывания). Более того, ошибка логики в том, что она пытается формализовать готовое, состоявшееся суждение с внеположенным ему объектом. РТЧ утверждает, что *истинная формализация суждения возможна только как принцип его порождения*. Таким образом, появляется *идея риторики как суждениепорождающего бытия, суждениепорождения*. То есть *акт формализации в риторике (относительно «да-нет»-логики) – это триада «да – нет – суждение»*. Закон достаточного основания изобретен исключительно для институционализации научного статуса и диссертабельной практики в отрыве от научных и технических результатов. Этим его значение и ограничивается. Понятно, что в наш век техники и предпринимательского успеха работает не закон достаточного основания, а закон единичного осязаемого результата, который может быть получен и чаще всего получается безо всяких оснований. Однако *основание (не субъектно-конвенционально достаточное, а основание само по себе, необходимое) существует как субстанция речи, то есть То, моментами, представлениями, монадами чего являются все возможные проявления речи (от первичных звукомыслов до понятий, теорий, терминов)*. Истинность проявлений речи определяется через наличие субстанциональной связи субстанции речи и ее акциденций, через присутствие субстанции речи, каковое (присутствие) – это окружающая нас изнутри и снаружи реальность, предметность, то есть весь мир, данный Я в качестве наблюдаемого, осязаемого, познаваемого, изменяемого. Число и есть такая субстанциональная связь, образующая целостность риторической природы действительности. Основание риторического бытия – это субстанция времени (субстанция времени-истины). Время есть материя речи, создающей действительность. Число – это субстанциональная связь времени и речи, **риторическое бытие числа есть бытие времени-истины, непосредственность действительности**.

МГ. «Формальная логика (то есть чистая логика) не только фиксирует противоречия».

Допустим. Только, как выясняется ниже, «чистой логикой» у Вас является некое философское учение о чистой логике.

«Новая реальность мышления (относительно его логического понимания), поименованная “сознанием” и выявленная Декартом (“мыслю, следовательно, существую”) в начале философии Нового времени, представляла собой внелогическую причинность истины, когда истина существования порождалась мыслящим субъектом».

Это уже не формальная логика, а гносеология. Формальная же логика занимается «рассуждениями» (структура рассуждений, состав основных форм мысли, связь высказываний в рассуждении, выведение одних суждений из других, передача истинностного значения от посылок к следствию и т.п.).

«То есть мышление в получении истинного результата использует не логику, а иной формализм».

Отмечу, формализм = логика + X; где X — иной формализм (не логика).

«Вопрос состоял в том, какой это формализм, как он соотносится с логикой, которая два тысячелетия выступала в качестве такового формализма».

Итак, что это за формализм X, противостоящий логике?

«С этого момента началась Великая КРИТИКА ЧИСТОЙ ЛОГИКИ — от кантовской “Критики чистого разума” до Хайдеггера и Деррида. Роль Гегеля здесь двойка. Она сродни роли Наполеона, которым Гегель восторгался. Возглавив революцию против чистой логики, он в итоге “купился” на титул главного, абсолютного логика, “императора логиков”, за что его, собственно, Маркс и свергал с трона».

Если под логикой понимать науку о рассуждениях, то в этом ее значении действительная критика логики как логики начала осуществляться лишь с работ Фреге, Буля, Рассела и последующей плеяды логиков, авторов различных вариантов неклассических логик, неформальных логик. Что касается кантовской «Критики чистого разума», то она послужила пусковым устройством КРИТИКИ ЧИСТОЙ ЛОГИКИ как философии (критиковалась метафизическая гносеология и методология). Согласитесь, логика, гносеология и методология — это все-таки разные вещи, которые нежелательно валить в одну кучу.

«Критика чистой логики завершается созданием риторической теории числа как искомого нового по отношению к логике формализма мышления».

То есть «риторическая теория числа» — это и есть искомый X-формализм мышления?

«По сути, речь идет о научном опровержении содержания законов логики как сущностного непонимания того, что есть мышление и как оно есть. А именно, относительно закона тождества не существует некоего себе тождественного ($A = A$) объекта, внеположенного суж-

дению, на который суждение якобы направлено, суждение есть бытие объекта и единственно возможный объект».

Строго говоря, формальная логика не «о мышлении», а «о рассуждениях». Ее интересует положение суждений в цепочке высказываний в процессе рассуждений. Чтобы на каком-то этапе вместо суждения А не вклинилось суждение Б ($A = B$). В этом весь простой смысл закона тождества в традиционной логике. То, что Вы пишете, свидетельствует о том, что еще рано говорить, что «переболели свинкой». Для формальной логики «суждение» есть неопределяемое понятие. Формальную логику интересует одно единственное свойство суждения: служить носителем истинностного значения высказывания («истинно» и «ложно» в двузначной логике). Всякие «сущностные» понимания и непонимания суждения — это метаобласть, а именно область гносеологии.

«То есть суждение и объект суждения тождественны».

Для пропозициональной логики и логики предикатов это как-то перпендикулярно. Формальная логика не рассматривает отношения «суждение — объект». Это предмет эпистемологии.

III. Речь идет о том, что полезным, рациональным, продуктивным измерением философии является формализация мышления. Это та техника, которую создает философия, и только она. В этом ее уникальность и право на жизнь, поддерживаемое человеческим сообществом. Логика и была таким продуктом философии. Логический формализм мышления проработал две тысячи лет.

«Это уже не формальная логика, а гносеология. Формальная же логика занимается “рассуждениями” (структура рассуждений, состав основных форм мысли, связь высказываний в рассуждении, выведение одних суждений из других, передача истинностного значения от посылок к следствию и т.п.)».

Кризис познания на то и кризис, чтобы проколоть дутые пузыри конвенционально-институционализованного знания. Открою «секрет Полишинеля» — таких наук, как гносеология, эпистемология и методология не имеет место быть. Это всего только дериваты логики, которые созданы как отсроченное обещание философии и логики создать удовлетворительную технику мышления. Критика логоцентризма обнулила эти дериваты. И не только эти. А также и феноменологию, онтологию и прочие «логии». Очевидно, что до Вас этот снежный ком еще не докатился, или Вы уже находитесь внутри него (то есть Ваш логический «товар» не продается и не покупается). Что до Вашего определения формальной логики, то это, скорее, самореклама формальной логики, То, что она о себе, великой, думает. Брежнев тоже определял себя как управителя государства, но история рассудила иначе. После Витгенштейна, Гадамера, структурализма и деконструктивизма уже не-

возможно заниматься «структурой рассуждения», как если бы ничего не произошло в сфере проблематизации самой идеи структуры. Было открыто риторическое бытие («Язык есть Дом бытия» — Хайдеггер, «Чистый язык, язык сам по себе» — Соссюр). Была также открыта деривативность сознания по отношению к риторическому бытию. Было показано, как риторическое бытие обнуляет противоречивое сознание (сознание, контрадикторное относительно речевого бытия). Крах программы формализации Гильберта означал крах метода формального логико-математического вывода, как не порождающего новое знание. Была выявлена новая возможность формализации — формализации как естественного явления в генезисе и структуре (в порождении) суждения, высказывания. Проблема передачи знания уже давно получила практическое понимание передачи информации на расстояния (Интернет и др.). Если Вас устраивает анекдотическое положение «торговать семечками рядом с банком и не вмешиваться в его дела, так сказать, разделить сферы влияния», то, можно, конечно, «заниматься рассуждениями». Подобно тому, как банковская торговля и торговля семечками имеют субстанционально-экономическое различие, так и философия как теория (формализация) мышления с формальной логикой различаются по субстанциональному критерию мышления. В формальной логике уже нет никакого мышления, как в дырявом сосуде. Все в этом сосуде тут же исчезает, не схватывается («Мысль изреченная есть ложь»). То, что Вы именуете формами мышления, фиксируемыми формальной логикой, — это тени, призраки, следы следов, эхо мышления (см. знаменитый миф Платона о пещере в «Государстве»).

Далее. Новый формализм \neq старый формализм + новый формализм. Автомобиль \neq лошадь + автомобиль. Хотя как «автомобиль» (двигатель) измеряется в лошадиных силах, так и новый формализм можно будет измерять в логических силах. Вопрос состоит в том, что считать количественной единицей действия логической силы. В принципе речь идет в программе формализации мышления об открытии и воспроизведении «двигателя мышления». Это прекрасно понимал Аристотель, когда говорил о «перводвигателе».

«Если под логикой понимать науку о рассуждениях, то в этом ее значении действительная критика логики как логики начала осуществляться лишь с работ Фреге, Буля, Рассела и последующей плеяды логиков, авторов различных вариантов неклассических логик, неформальных логик. Что касается кантовской “Критики чистого разума”, то она послужила пусковым устройством КРИТИКИ ЧИСТОЙ ЛОГИКИ как философии (критиковалась метафизическая гносеология и методология). Согласитесь, логика, гносеология и методология — это все-таки разные вещи, которые нежелательно валить в одну кучу».

Я ввел понятие «Критики чистой логики» для иллюстрации этапа истории философии, известного как история философии Нового времени, начиная с Декарта. Открытие «когито», «сознания» было, по существу, опровержением чистой логики. Однако оно же поставило вопрос о новом формализме мышления, о формализации этого самого «когито».

Относительно разного рода «-логий», я уже писал выше. Это деривативы логики, которые наплодили в интересах академической институционализации и общественного паразитирования профессорской философии на «триллионы возможных талеров» в согласии с кантовским «сто действительных талеров равны ста возможным талерам». Этот пузырь «логоцентризма» проколот. Общество требует полезности, то есть техники. Игнорирование этих требований, в быстротечном итоге, приведет философов не на свалку истории, а на самую обычную городскую свалку, если только они не перекавалифицируются в «старшие по подъезду» в органах территориального общественного самоуправления.

«То есть “риторическая теория числа” — это и есть искомый X-формализм мышления?»

Риторическая теория числа — это формализация «когито» для его технического употребления.

«Строго говоря, формальная логика не “о мышлении”, а “о рассуждениях”. Ее интересует положение суждений в цепочке высказываний в процессе рассуждений. Чтобы на каком-то этапе вместо суждения А не вклинилось суждение Б ($A = B$). В этом весь простой смысл закона тождества в традиционной логике. То, что Вы пишете, свидетельствует о том, что еще рано говорить, что “переболели свинкой”. Для формальной логики “суждение” есть неопределяемое понятие. Формальную логику интересует одно единственное свойство суждения: служить носителем истинностного значения высказывания (“истинно” и “ложно” в двузначной логике). Всякие “сущностные” понимания и непонимания суждения — это метаобласть, а именно область гносеологии».

Вы прекрасно определили. Но давайте посмотрим на это определение контекстуально, а не как на висящее в воздухе. Если формальная логика — не «о мышлении», то она никак не могла бы быть полезной наукой об использовании эффектов и проявлений мышления. Если бы в физике не было теории электрического тока, то не было бы и электротехники. Формальная логика в какой-то степени — о мышлении, иначе она не нашла бы применения в виде математической логики (машина Тьюринга и др.). У Аристотеля логика — это целиком наука о размышляющем рассуждении. Ключевое понятие у него — «сущность» (первая и вторая сущности), а не рассуждение. Иначе он был бы просто продвинутым софистом, как Протагор, Горгий и др. Вы абсолютно правы в том, что «для формальной логики “суждение” есть неопределяемое понятие.

Формальную логику интересует одно единственное свойство суждения: служить носителем истинностного значения высказывания (“истинно” и “ложно” в двузначной логике)». Именно поэтому возникла квантово-механическая интерпретация Бора-Гейзенберга, они СКОВАЛИ РАЗВИТИЕ ФИЗИКИ ФОРМАЛЬНОЙ ЛОГИКОЙ. Эйнштейн был прав, когда не принимал квантовой механики, и в споре с Бором-Гейзенбергом утверждал, что «Бог не играет в кости». Само суждение и есть полнота и конечность объекта суждения. Вне суждения есть только закон истинности. Объекты — это всегда объекты для нас, действительность которых есть действительность суждения («Дорогой мой Эйнштейн, дайте я Вас сейчас расцелую!»). Истинность коренится в речевом бытии. Именно речевое бытие порождает и растворяет научное «когито».

«Для пропозициональной логики и логики предикатов это как-то перпендикулярно. Формальная логика не рассматривает отношения «суждение — объект». Это предмет эпистемологии».

Вы опять правы. «Формальная логика не рассматривает отношения “суждение — объект”». Это ее и погубило, потому что это — ОТНОШЕНИЕ НАУКИ. И никакие эпистемологические деривативы не помогли, потому что деривативы БЕСПРЕДМЕТНЫ.

МГ. *«Нетождественности суждений и их объектов суть ложь (например, вера в существование стола, помимо суждения о столе), “ненаучный подход” (в природе и материи нет никакого стола)».*

Откуда у высказывания берется истинностная оценка «ложь» или «истина» — формальной логике без разницы. Формальной логике важно лишь одно, а именно, что каждому суждению сопоставляется то или иное истинностное значение.

«Относительно закона исключенного третьего — этот закон неявно определяет принцип формализации суждения как принцип двузначной логики “да — нет”».

В формальной логике, если мне не изменяет память, нет таких логических категорий «да — нет». Она работает с истинностными значениями «истинно — ложно» («1 — 0»). А так, согласен. Закон исключенного третьего (четвертого, пятого, десятого) — это закон, определяющий значность логики (причем дискретную значность).

«Риторическая теория числа показывает иной, органический для мышления принцип формализации суждения, который одновременно является принципом порождения суждения (порождения высказывания)».

А как это связать со «значностью» логики?

«Более того, ошибка логики в том, что она пытается формализовать готовое, состоявшееся суждение с внеположенным ему объектом».

Вообще-то, у формальной логики проблем с формализацией никогда не возникало. Что с того формальной логике, что Вы обнаружили

у нее подобную ошибку? Насколько улучшится работа логики после устранения найденной Вами ошибки?

«РГЧ утверждает, что истинная формализация суждения возможна только как принцип его порождения».

Допустим. Что это нам (в формальной логике) дает?

«Таким образом, появляется идея риторики как суждениепорождающего бытия, суждениепорождения».

К классической риторике это имеет какое-нибудь отношение?

«То есть акт формализации в риторике (относительно “да-нет”-логики) – это триада “да – нет – суждение”».

Несколько расширить пояснение к этому тезису можно? Имеем логику определенной значности. Для простоты возьмем двузначную аристотелевскую логику с двумя оценками – «истинно» и «ложно». Я уже не говорю о том, что килограммы с метрами не складывают, а Вы сложили в своей триаде «да – нет» с «суждением». Более того, используете запрещенный в металолических исследованиях прием введения семантического парадокса. Я неслучайно уточнил, что значность логики связана с составом оценок суждения («истинно» и «ложно»). Семантика парадокса лжеца как раз и построена на подмене суждения оценкой и оценки суждением. А Вы в своей триаде явно задаете такую смесь суждения и оценок. Чем мотивируете необходимость такого нововведения?

«Однако основание (не субъектно-конвенционально достаточное, а основание само по себе) существует – как субстанция речи, то есть То, моментами, представлениями, монадами чего являются все возможные проявления речи (от первичных звукосмыслов до понятий, теорий, терминов). Истинность проявлений речи определяется через наличие субстанциональной связи субстанции речи и ее акциденций, через присутствие субстанции речи, каковое (присутствие) – это окружающая нас изнутри и снаружи реальность, предметность, то есть весь мир, данный Я в качестве наблюдаемого, осязаемого, познаваемого, изменяемого. Число и есть такая субстанциональная связь, образующая целостность риторической природы действительности. Основание риторического бытия – это субстанция времени (субстанция времени-истины). Время есть материя речи, создающей действительность. Число – это субстанциональная связь времени и речи, риторическое бытие числа есть бытие времени-истины, непосредственность действительности».

Это все философия. Формальной логике она до лампочки.

III. *«Откуда у высказывания берется истинностная оценка “ложь” или “истина” – формальной логике без разницы. Формальной логике важно лишь одно, а именно, что каждому суждению сопоставляется то или иное истинностное значение».*

То есть формальная логика не является научным методом установления истинности. Что и требовалось доказать.

«В формальной логике, если мне не изменяет память, нет таких логических категорий “да — нет”. Она работает с истинностными значениями “истинно — ложно” (“1 — 0”). А так, согласен. Закон исключенного третьего (четвертого, пятого, десятого) — это закон, определяющий значность логики (причем дискретную значность)»

Риторическая теория числа показывает иной, органический для мышления принцип формализации суждения, который одновременно является принципом порождения суждения (порождения высказывания). Фактически «да — нет» — это употребление «истинно — ложно». «Истинно» — да, быть, нужно, так. «Ложно» — нет, закрыть, не допустить, не нужно, не так. Новация риторической теории числа состоит в следующем: новая композиция «да — нет — суждение» и ее форма «единица — ноль — простое число». Исчисление простых чисел формализует n -значность логик как последовательность простых чисел в натуральном ряду, простое число выступает как абсолютный номер объекта, отношения, предиката (ср. «геделевский номер»). Суждение формализуется как целое число — согласно основной теореме арифметики каждое (!) целое число уникализировано как единственный набор простых сомножителей. То есть Вы понимаете, на какое количество лошадиных-логических сил двигатель нового формализма сильнее логики — на число целых чисел в натуральном ряду...

«У формальной логики проблем с формализацией ... не возникало».

Загляните в историю математики и логики по теме «программа формализации Гильберта и ее крах после теорем Геделя».

«Допустим. Что это нам (в формальной логике) дает?»

В формальной логике — ничего. Она умерла. В новом формализме исчисление простых чисел выступает основанием суждение-порождения, то есть формирования уникальных суждений (целых чисел) в континууме абсолютных значений (простых чисел) и строгого анализа этих суждений (уникальность разложения целого числа на простые сомножители). Исчисление простых чисел выступает в качестве истинных дифференциального и интегрального исчислений, то есть исчезает различие логики и математики, появляется риторическая математика.

«К классической риторике это имеет какое-нибудь отношение?»

Классическая риторика — это украшение речи и придание ей пушей убедительности. Риторика была вытеснена из своей сущности логикой, задавлена логикой. Но живая реальность речи, риторическое бытие восстановлено в правах философией языка в XX веке.

МГ. Ваш «новый формализм исчисления простых чисел» — не что иное, как азбука программирования: называется «кодированием». Все действия кодирования лежат целиком и полностью в рамках формаль-

ной логики. Пожалуйста, пишете программу, и ваш компьютер будет выдавать нужную «риторику».

«Естественный математический опыт рассудка, априорный по отношению к “математической учености”, — это “опыт дефинирующего разума” (С. С. Аверинцев). Мыслящая речь является тем пространством, в котором конституируется настоящий опыт и формируется качество знания».

Хорошо сказано: **«Мыслящая речь является тем пространством, в котором конституируется настоящий опыт и формируется качество знания».** Вне мыслящей речи имеем лишь один поток сознания, который по недоразумению иногда интерпретируют как разум — «мышление (разумное в гегелевском смысле) как нечто непосредственное, неопределенное, предшествующее вербализации».

«Для истинной математики как дефинитивного творчества риторика является пространством ее реализации и формирования математической истины как истинности определения».

У меня другой вопрос: чем математика является для риторики? (дословно: «что Вы понимаете под риторикой с математической точки зрения?») — и заодно о корнях Вашего понимания риторики.

«Работа по созданию истинного определения (дефиниции) — это работа, совершаемая в речи, посредством речи, которая именуется “мышлением”».

Известная позиция: мышление = речь. Еще Фейербах шутил по этому поводу: если речь именовать «мышлением», то величайший говорун, он же, следовательно, и великий мыслитель.

«Формализм создания истинного определения чего-либо является изначальным формализмом математики. Это конституирующий акт математического знания, которым раскрывается и утверждается его природа. Таким образом, мы возвращаемся к основополагающему тождеству-различию математики и риторики, которое утрачено в современной естествознании, а также в философии и методологии науки. Математика и риторика едины в поиске истины как истинного определения чего-либо, то есть в сущности мышления, и различны как, соответственно, речевой (риторический) метод мышления и универсальное, всеобщее речевое (риторическое) бытие».

Все-таки момент инкорпорирования риторики в математику куда-то заныкали и остается неясным, откуда взялся этот переход к «основополагающему тождеству-различию математики и риторики».

«Структура слова (высказывания)» — слово в грамматике — это «слово». А «высказывание» никакое не слово, а предложение. Или у Вас помимо логики, математики и гносеологии еще грамматика подлжит реформированию?

СШ. Исключительно научным подходом мотивирую. Научный подход требует от нас количественного определения и — более того — вычисления «значности». «Значение» не научно рассматривать вне математического измерения. Значение вычисляется. А значность логик — это количественный волюнтаризм, беспредметная игра ума. Если Лжец лжет, то точно определите, насколько. Есть количественная оценка, а есть экспертная оценка (хорошо/плохо, горячо/холодно, истинно/ложно и т.д.). Экспертная оценка — это разновидность суждения, не более того. А подменить количественную оценку нечетким в количественном отношении экспертным суждением будет неправильным (или $36,6^\circ$ или нет). То, как мы мыслим реально, размышляющее суждениепорождение — это триада «да — нет — суждение». То есть суждение порождается в процессе осмысления определенного количества (в зависимости от количества информации, уровня тезауруса, эрудиции, интеллектуальных способностей) ветвящихся возможностей его (суждения) формирования (такой граф с вершинами — простыми числами), которые мы принимаем (да), либо не принимаем (нет). «Так закаляется сталь» суждения. Формализм этой триады (в контексте инновационной стратегии развития вычислительной техники) — « $1 - 0 - p$ (простое число)». В этом смысле снимается табу на складывание километров с килограммами, джоулей с леммами, потому что мы от вейерштрассовского числа выходим на уровень универсального риторического, качественного, «гилетического» (Лосев) числа, вычисляемого по формуле единицы («единица есть множество простых чисел»), единицей измерения которой является простое число, а величиной — величина множества простых чисел, значений...

Крах логоцентризма, следовательно, утягивает за собой гипотетическую диалектическую логику как логику. Истинное рассуждение — это со-речие, про-речие (отсюда — пророк). А противоречие — это кривда, ложь, ничтожение, рече-борчество. Непонимание фундаментальности речевого бытия для становления человека человеком.

МГ. «Крах логоцентризма, следовательно, утягивает за собой гипотетическую диалектическую логику как логику».

Определены всего лишь очередные границы формальной логики, а у Вас сразу... «крах». Диалектическая логика, хотя и произрастает от одного с формальной логикой корня, но далее развивается в область, где «крах логоцентризма» на ней никак не сказывается.

«Истинное рассуждение — это со-речие, про-речие (отсюда — пророк). А противоречие — это кривда, ложь, ничтожение, рече-борчество. Непонимание фундаментальности речевого бытия для становления человека человеком».

Противоречие суждений есть ложь — это положение формальной логики, которое, как вижу, воспринято и риторической теорией числа,

хотя в последней есть понятие о «солиптистах», которые вправе противоречить друг другу. Что касается диалектической логики, то в ней истина процесс, поэтому в процессе аргументации сталкиваются, хотя и противоположные капсулы А и Б, но они не имеют заведомых предустановленных истинностных оценок. Истинностное значение суждений определится (или не определится) лишь на выходе.

СШ. После разбора законов Аристотелевой логики становится очевидным, что противоречие — это симулякр, иллюзия, заблуждение, небытие, «знамя» ничтожественности, которая, по Гегелю, «сама себя ничтожит». В качестве закона движения оно порождает только «разброд и шатания», кризисы, ломки, коллизии. Противоречие — это ДВИЖЕНИЕ ПРОТИВ РЕЧИ, против естественного порядка мышления и живой субстанции времени, против потока речи, который идет ИЗ БУДУЩЕГО В ПРОШЛОЕ, ибо истина суждения, которую мы ищем в настоящем и которая родилась в прошлом, есть, бытийствует в будущем и зовет нас. Противоречивые высказывания — это движения против истины, против субстанции речи (одержимость, бессмыслица, болтовня, хула и др.). Диалектическим логикам в этом смысле хочется заповедовать: «Не двигайтесь против речи!»

Отношение Платона и Сократа — это тоже не просто отношение героя и его библиографа. И Сократ, и Платон были противниками так называемых диалектиков, софистов, полемизировали с ними. Философия диалога (в России — М. Бахтин), вдохновляющим первофеноменом которой являются диалоги Платона, показывает риторическое бытие как сверхдействительное, производящее действительность, раскрывает принцип Я (отношение Я-Ты-Другой) как жизненный мир субстанции речи. Учит движению не против речи, а в согласии с ней, в ее истинном направлении из будущего в прошлое.

МГ. Коль скоро речь зашла об истории философии, то не станете же Вы отрицать роль Сократа и Платона в развитии представлений о диалектическом рассуждении. Сократ развивал диалектику изустно. Платон оформил диалоги Сократа в письменной форме. Разве не усматриваете в их творчестве предпосылки и материал именно диалектической логики? Или это для Вас только художественная литература философского содержания?

«После разбора законов Аристотелевой логики становится очевидным, что противоречие — это симулякр, иллюзия, заблуждение, небытие, “знамя” ничтожественности, которая, по Гегелю, “сама себя ничтожит”».

Усложняете. В аристотелевской логике «противоречие» — это противоречие суждений, а не «симулякр». В формальной логике против противоречия предпринимаются конкретные, а не иллюзорные действия.

СШ. Суждения — это солиптические (человеком порожденные миры, объективации) капсулы времени, внутри которых находится объект суждения. Противоречие суждений между собой — это столкновение этих капсул в пространстве речевого бытия в результате нарушения правил истинного движения-мышления, недочетов в конструкции суждения или иных форс-мажорных обстоятельств. Профилактика и устранение последствий противоречия суждений — в правильной количественно-значимостной организации речения, речепользования на основе РТЧ. Нужна, вероятно, риторическая инспекция, прокладка новых качественных риторических путей-дорог, создание риторических (семиотических) сетей и устройств (когиторов).

Какой-то политик сказал, что мир и консенсус наступит только тогда, когда конфликтующие стороны свободно изложат свои суждения и некто скажет: «А теперь давайте посчитаем, дадим всему этому количественную оценку».

МГ. В тех случаях, когда требуется качественный переход к иному, количественной оценки недостаточно.

А теперь давайте поаргументируем и дадим решение.

«Суждения — это солиптические (человеком порожденные миры, объективации) капсулы времени, внутри которых находится объект суждения».

Хорошо. С позиций учения РТЧ суждение — «это солиптические (человеком порожденные миры, объективации) капсулы времени, внутри которых находится объект суждения». Имеем: **объект суждения** «диалектическая логика», два солиптиста: Грачев Михаил Петрович и Шилов Сергей Евгеньевич. Солиптист — субъект рассуждений, поддерживающий свои утверждения относительно «объекта суждения» как истинные, а противоположные утверждения относительно того же объекта — «заблуждение».

Два тезиса: **А** и **Б**. В каждом тезисе свой образ объекта «диалектическая логика».

А: «Диалектическая логика есть паразитарная спекулятивная форма мышления».

Б: «Диалектическая логика есть знание о рассуждении, являющееся моделью естественного мышления».

Два тезиса (**А** и **Б**) можно свести к противоречию в виде двух пар взаимно исключающих суждений:

А & не-А и **Б & не-Б**

А: «Диалектическая логика есть паразитарная спекулятивная форма мышления».

не-А: Неверно, что «Диалектическая логика есть паразитарная спекулятивная форма мышления» (см. **Б**).

Б: «Диалектическая логика есть знание о рассуждении, являющееся моделью естественного мышления»

не-Б: Неверно, что «Диалектическая логика есть знание о рассуждении, являющееся моделью естественного мышления» (см. **А**).

«Противоречие суждений между собой — это столкновение этих капсул в пространстве речевого бытия в результате нарушения правил истинного движения-мышления, недочетов в конструкции суждения или иных форс-мажорных обстоятельств».

Капсулы **А** и **Б** столкнулись в пространстве-времени речевого бытия на площадке Живого Журнала. Только где здесь нарушение «правил истинного движения-мышления»? Каждый из субъектов рассуждения готов к защите своего тезиса и опровержению тезиса оппонента. Что здесь можно профилактировать и как устранить противоречие? Что может предложить РТЧ? Во всяком случае, рассудочная диалектическая логика (РДЛ) предлагает конкретную схему разрешения противоречия суждений.

III. Стоп. Налицо — первая и решающая для последующих рассуждений произведенная Вами подмена РТЧ-тезиса (фиксирую ее, поскольку Вы взялись рассуждать с позиции риторической теории числа). В каждом высказывании находится один и тот же, себе тождественный объект «диалектическая логика». Это и есть фундаментальное свойство речевого бытия, факт его присутствия. Каждое из высказываний (суждений), которые Вы далее приводите, есть отношение, оценка, осмысление этого себе тождественного объекта. По-Вашему же выходит, что никакого себе тождественного объекта не существует в осмысленных высказываниях о диалектической логике, а есть только те или иные образы диалектической логики (я сейчас сознательно вывожу за скобки такие речевые факты, как неосмысленное употребление словосочетания «диалектическая логика», например попытка ребенка произнести по той или иной причине слово «диалектическая логика» в связке с другими словами). Эта позиция известная, она именуется «логический релятивизм».

Что касается дальнейших манипуляций с высказываниями, то, на мой взгляд, Вы провели сеанс диалектической логики с саморазоблачением. Смотрим:

Шилов утверждает: «Диалектическая логика есть паразитарная спекулятивная форма мышления».

Грачев утверждает: «Диалектическая логика есть знание о рассуждении, являющееся моделью естественного мышления».

Отношение Грачева к утверждению Шилова: «Нет, не так. Неверно, что “диалектическая логика суть паразитарная спекулятивная форма мышления”».

Отношение Шилова к утверждению Грачева: «Да. Верно, что “диалектическая логика суть знание о рассуждении, являющееся моделью естественного мышления”».

Пояснение: об отношении Шилова к утверждению Грачева.

Существует определенное конечное количество моделей естественного мышления, их около 30 типов, например психологические, бихевиористские, антропологические, философские и т.д., а также конечное множество видов моделей внутри этих типов, например принадлежащих конкретному исследователю (скажем, с учетом диссертабельной практики, когда требуется определить новизну работы, их около 300 000).

Из конечного количества моделей естественного мышления существует некоторое число (например, около 40 000) моделей естественного мышления, основой которых является «рассуждение» (логические модели разных типов логик, целый ряд психологических, лингвистических и антропологических моделей; понятно при этом, что существуют модели естественного мышления, созданные на ином основании, нежели «рассуждение», — это «бессознательное» («психоанализ»), принцип Я (Шеллинг), врожденные идеи (Декарт, Лейбниц)). В числе моделей естественного мышления, основанных на рассуждении, есть и модель «диалектическая логика», представляющая собой определенное знание о рассуждении как основе естественного мышления.

Уточним диспозицию:

Грачев не согласен с утверждением Шилова.

Шилов согласен с утверждением Грачева.

Утверждение Грачева не является аргументом, опровергающим утверждение Шилова, то есть на момент наличия только двух этих утверждений, несогласие Грачева с утверждением Шилова голословно.

Если бы это был поединок, то его можно считать законченным.

МГ. *«Стоп. Налицо — первая и решающая для последующих рассуждений произведенная Вами подмена РТЧ-тезиса (фиксирую ее, поскольку Вы взяли ее рассуждать с позиции риторической теории числа)».*

В чем подмена? Объекта его образом? Так разве в РТЧ объект и его образ по умолчанию не отождествляются? Коль скоро заостряете на этом пункте внимание, то я готов его обсудить. В Вашей системе фигурируют солипсисты, которые по одному лишь своему статусу солипсиста способны высказывать о мире не более как субъективные мнения. Свои мнения солипсист может выдавать за объективно-истинные суждения. Какие-то мнения, пройдя горнило критики, выявят свою действительную истинность, будут восприняты и приняты коммуникативным сообществом, обретут статус суждения, отображающего «себе тождественный объект» (вещь, отношение, процесс, явление, феномен,

ноумен и пр.), обезличатся. Одним словом, объективируются. Другие, не выдержав проверки, так мнением и останутся.

«В каждом высказывании находится один и тот же, себе тождественный объект “диалектическая логика”».

Так. Точнее, РТЧ хочет, чтобы было именно так. К сожалению, желания мало. Чтобы желаемое стало действительным, нужно как минимум двум солипсистам согласовать, что же конкретно следует понимать под «себе тождественным объектом “диалектическая логика”». Скажем, если двое рассуждают о местоположении Эйфелевой башни и один утверждает, что она в Лондоне, а второй настаивает, что она в Париже, то никаких разноречий относительно собственно самой башни и ее «себе тождественности» как объекта у них не возникает. Совсем иначе обстоит дело с диалектической логикой.

«Это и есть фундаментальное свойство речевого бытия, факт его присутствия».

Верно. Присутствие в капсулах А и Б фундаментального свойства бытия, а именно наличие в каждом высказывании «себе тождественного объекта “диалектическая логика”». Только откуда мы можем знать, что сами по себе самотождественные («себе тождественные») объекты у солипсиста А и солипсиста Б совпадают (**солипсист** — субъект рассуждений, поддерживающий свои утверждения относительно «объекта суждения» как истинные, а противоположные утверждения относительно того же объекта квалифицирует как «заблуждение»)? Одно дело Эйфелева башня, которая существует независимо от того, что о ней будут утверждать наши солипсисты. И другое дело диалектическая логика — некая теоретическая система, которая присутствует только в умах солипсистов как феномен их мышления. Два солипстических образа диалектической логики накладываются один на другой и, если оказываются в резонансе, образуют представление самотождественного объекта общего для двух, трех, 300 000 солипсистов, коммуникативного сообщества солипсистов. В задачу (или смысл) дискуссии как раз и входит выработка такого общего представления о самотождественном объекте «диалектическая логика».

«Каждое из высказываний (суждений), которые Вы далее приводите, есть отношение, оценка, осмысление этого себе тождественного объекта».

Добавлю. Высказывания состоят не из одних лишь суждений. Кроме «суждений» к разновидностям высказываний следует отнести «вопросы», «оценки», «императивы». Помимо функций осмысления, оценивания, вступления в отношение, они служат инструментом интер- и интрасубъектного рассуждения.

СШ. Замечательно. Вы сказали примерно следующее: «Зачем Вы обвиняете меня в обмане? Я же обмануть хотел того, кто, по моему мне-

нию, и сам обманываться рад». Ваша подмена, однако, попала на неблагоприятную почву, то есть относительно РТЧ Вы ошибаетесь — я не обманываюсь насчет того, что объект и его образ совпадают. Более того, я неоднократно писал в нашей дискуссии, что в РТЧ объект себе тождественен, а образы можно отнести на счет отношения субъекта суждения к содержащемуся в суждении себе тождественному объекту. Данная позиция альтернативна отстаиваемому Вами в дискуссии «логическому релятивизму», который исходит из того, что суждения содержат лишь образы объектов, а никакого себе тождественного объекта нет вовсе.

«Коль скоро заостряете на этом пункте внимание, то я готов его обсудить. В вашей системе фигурируют солиптисты, которые по одному лишь своему статусу солиптиста способны высказывать о мире не более как субъективные мнения. Свои мнения солиптист может выдавать за объективно-истинные суждения. Какие-то мнения, пройдя горнило критики, выявят свою действительную истинность, будут восприняты и приняты коммуникативным сообществом, обретут статус суждения, отображающего “себе тождественный объект” (вещь, отношение, процесс, явление, феномен, ноумен и пр.), обезличатся. Одним словом, объективируются. Другие, не выдержав проверки, так мнением и останутся».

Речь идет не о какой-то секте солиптистов, которые разгуливают рядом с объективными идеалистами, диалектическим логиками и т.д. Речь идет о солиптической природе человеческого рассудка. Человеческий рассудок и есть первейший солиптист, то есть тот, кто согласно Вашему, чуть поправленному мною определению, есть «субъект рассуждений, поддерживающий свои утверждения относительно “объекта суждения” как истинные, а отличные утверждения относительно ТОГО ЖЕ объекта квалифицирующий как “заблуждение”». Рассудок потому и рассудок, что не мнит, а строго и точно квалифицирует себе тождественный объект. Человеческое сообщество, в котором солиптическая инвариантность единичных рассудков нарушена, — это дурдом.

«Скажем, если двое рассуждают о местоположении Эйфелевой башни и один утверждает, что она в Лондоне, а второй настаивает, что она в Париже, то никаких разноречий относительно собственно самой башни и ее “себе тождественности” как объекта у них не возникает. Совсем иначе обстоит дело с диалектической логикой».

Уверяю Вас, что именно так, как с Эйфелевой башней, а не иначе, обстоит дело и с «диалектической логикой», и с «черной дырой», и с «квантовой механикой», и с «Богом» и т.д., и т.п. Когда Вы это поймете, то испытаете большое облегчение. Увидите естественную связь всех явлений, вещей мира — как субстанциональную речь, такую вот всемирную паутину связи и инвариантности «солиптических рассудков», и одна из ее тоненьких веточек тянется к нам.

Причем теоретическая система гораздо проще Эйфелевой башни. И она так же не существует во внесолиптической области, то есть в том, что ученые именуют «природой». Эйфелева башня, силы Ньютона, закон Ома даже одним своим наименованием (чье они порождение) показывают свое солиптическое качество. Объект есть человеческое, солиптико-рассудочное порождение, но это не релятивистский множественный образ, а себе тождественный объект, инвариантный суждениям, предметностью которых он является. Выход за границы солиптической реальности для живого существа находится только в мышлении. Содержится ли такой выход в смерти? Бог весть...

Я писал уже, что речь идет о солиптичности рассудка, изначальной солиптичности человеческого существа и человечества в целом. Солиптическое устройство инвариантно относительно конечных человеческих существ. Эффективный поиск истины должен начинаться с понимания солиптического смысла, формы и границ наших представлений. Мыслящая речь и только она одна, а не органы чувств, выводит нас за границы солиптизма через мысль, в процессе мышления.

«Каждое из высказываний (суждений), которые Вы далее приводите, есть отношение, оценка, осмысление этого себе тождественного объекта.

Добавлю. Высказывания состоят не из одних лишь суждений. Кроме “суждений” к разновидностям высказываний следует отнести “вопросы”, “оценки”, “императивы”. Помимо функций осмысления, оценивания, вступления в отношение, они служат инструментом интер- и интра-субъектного рассуждения».

Вопрос-ответная структура суждения предопределена предустановленными конечными истинами. Ответ содержится в вопросе. Нестановочно, ученые говорят о том, что правильно поставленный вопрос — это 90 % открытия. Вы же используете запылившийся инструментарий формальной логики, упускающей субстанциональную природу речи. Это субстанциональная речь, риторическое бытие задает императивы, формирует отношения, делает оценки, промышливается через нас.

МГ. «По-Вашему же выходит, что никакого себе тождественного объекта не существует в осмысленных высказываниях о диалектической логике».

Нет, я такое не стал бы утверждать. Где-то в платоновских мирах существует себе тождественный объект «диалектическая логика», тени которого мерцают на стенах пещеры. Себе тождественный объект присутствует в суждении солиптиста как раз в виде таких мерцаний. Хотя можно говорить и о реальных «себе тождественных» диалектических логиках, перечень таковых в бумажном виде:

1. Гегель. Наука логики. В 3-х т. Т.1. — М.: Мысль, 1970.

2. Пузиков П. Д. Диалектика как логика // Пузиков П. Д. Аналитическая способность мышления (§ 4, Глава II). — Минск, 1965.
3. Диалектическая логика // Под ред. проф. А. М. Минасяна. — Ростов-на-Дону, 1966.
4. Горский Д. П., Нарский И. С. Об уточнении содержания диалектики научного познания (об определении диалектической логики) // Диалектика научного познания: Очерк диалектической логики. — М.: Наука, 1978.
5. Кумпф Ф., Оруджев З. Диалектическая логика: Основные принципы и проблемы. — М., 1979.
6. Диалектическое противоречие (Над чем работают, о чем спорят философы). — М., 1979.
7. Ильенков Э. В. Диалектическая логика: Очерки истории и теории. 2 е изд. доп. — М, 1984.
8. Андреев И. Д. Диалектическая логика: Учеб. пособие для филос. фак. ун-тов. — М.: Высш. шк., 1985.
9. Диалектическая логика / Под ред. Оруджева Э. М., Шептулина А. П. — М.: МГУ, 1986.

«Критика рассудочной диалектической логики (РДЛ).

А: «Диалектическая логика есть паразитарная спекулятивная форма мышления».

Б: «Диалектическая логика есть знание о рассуждении, являющееся моделью естественного мышления»

Два тезиса (А и Б) можно свести к противоречию в виде двух пар взаимно исключающих суждений:

А & не-А и Б & не-Б

А: «Диалектическая логика есть паразитарная спекулятивная форма мышления».

не-А: Неверно, что «Диалектическая логика есть паразитарная спекулятивная форма мышления» (см. Б).

Б: «Диалектическая логика есть знание о рассуждении, являющееся моделью естественного мышления»

не-Б: Неверно, что «Диалектическая логика есть знание о рассуждении, являющееся моделью естественного мышления» (см. А)»

То есть из двух противоречащих суждений (Б и не-Б), выбираете как истинное «суждение Б», которое вместе с тем релевантно (по мнению Грачева) «суждению не-А». Тогда имеем новые три варианта в порядке развития дискуссии.

Суждение 1. Неверно, что «Диалектическая логика есть паразитарная спекулятивная форма мышления» (не-А), и верно, что «Диалектическая логика есть знание о рассуждении, являющееся моделью естественного мышления» (Б).

Суждение 2. Верно, что «Диалектическая логика как знание о рассуждении, являющееся моделью естественного мышления, — это и есть паразитарная спекулятивная форма мышления».

Суждение 3. В виде «Пояснения: об отношении Шилова к утверждению Грачева», снимающего противоположность суждений (1 и 2), выдвигается гипотеза, что «суждение Б» якобы не является аргументом против «суждения А».

III. Подчеркну: я совершенно ясно утверждаю, что наличие себе тождественных объектов суждений, инвариантных относительно суждений, представляющих эти объекты, есть закон риторического бытия, то есть касается каждого суждения. Вы же говорите о каких-то мерцаниях, да еще ссылаетесь на платоновский миф о пещере, где речь идет как раз об образах, тенях объектов (почитайте внимательно миф Платона о пещере в VII книге «Государства»). То есть Вы не принимаете закон себе тождественного объекта, инвариантного относительно суждений об этом объекте, хотя, заметьте, утверждение о существовании такого закона понимаете. Что «до перечня диалектических логик в бумажном виде», то эти книги содержат различное раскрытие или отношение к такому себе тождественному объекту, как смысл «диалектическая логика», включая, могу предположить, и, зачастую, неверное понимание и толкование этого смысла, который от такого толкования не перестает существовать (наличия таковых книг я вовсе и не отрицал, как и наличия гораздо большего количества книг по гигиене и массе других предметов).

К *«Критике рассудочной диалектической логики (РДЛ)»*.

Я уже обосновывал нерелевантность суждения не-А и суждения Б, с этим обоснованием Вы и согласились в суждении 3. Тут Вы только повторили мною сказанное. А вот суждение 2 более интересное, его Вы породили сами. В суждении 2 Вы ПОЛНОСТЬЮ воспроизвели диалектическую логику допроса Бухарина Вышинским (цитату я приведу ниже). Именно так Вышинский свел показания Бухарина и Ходжаева, как Вы свели мои утверждения с Вашими. «Диалектическая логика как знание о рассуждении, являющееся моделью естественного мышления, — это перл. Это и называется извращение смысла высказанного, и я рад, что благодаря Вашим усилиям возникает формализм, который в силу автоматизации его отрицания, приблизит конец подобного извращения, для многих ставшего нормой.

МГ. Мое возражение будет следующим.

Рассмотрению подлежат не 30 (как Вы писали ранее), а всего лишь два типа моделей: формальная логика и диалектическая логика. Ибо *«психологические, бихевиористские, антропологические, фило-*

софские и т.д.» заведомо отпадают и не принимаются во внимание как не относящиеся к предмету логики. Внутри двух типов (формальной и диалектической логики), разумеется, будет конечное множество видов моделей (300 000 или 500 000, количество значения не имеет).

Поэтому давайте уточним, предмет. Будете настаивать на включении в него «психологических, бихевиористских, антропологических, философских и т.д.» моделей или ограничимся двумя? Согласны?

Теперь относительно логической категории «рассуждение». Мышление в пределах интересов логики можно сузить до предмета «рассуждение». Опять же, убрав все аспекты рассуждений, связанные с психологией, физиологией, нейрофизиологией, нейролингвистикой, филологией, антропологией, литературоведением, открытием таблицы Менделеева во сне и пр. философией. Если потребуется, то еще раз перечислю, чтобы не возвращаться к «целому ряду психологических, лингвистических и антропологических моделей; понятно при этом, что существуют модели естественного мышления, созданные на ином основании».

«В числе моделей естественного мышления, основанных на рассуждении, есть и модель “диалектическая логика”, представляющая собой определенное знание о рассуждении как основе естественного мышления».

Другими словами, Вы согласны, что диалектическая логика никакая не «паразитарная спекулятивная форма мышления», а обычная, рядовая научная теория, и я зря ломлюсь в открытые ворота.

«Уточним диспозицию: Грачев не согласен с утверждением Шилова. Шилов согласен с утверждением Грачева. Утверждение Грачева не является аргументом, опровергающим утверждение Шилова, то есть на момент наличия только двух этих утверждений, несогласие Грачева с утверждением Шилова голословно. Если бы это был поединок, то на этом его можно считать законченным».

Мой вариант диспозиции: Шилов согласен с Грачевым. Диалектическая логика никакая не «паразитарная спекулятивная форма мышления», а обычная, рядовая научная теория. Шилов погорячился, выдвигая «тезис А»: «Диалектическая логика есть паразитарная спекулятивная форма мышления».

III. В своем пояснении, разбирая Ваше утверждение «Диалектическая логика есть знание о рассуждении, являющееся моделью естественного мышления», я соглашался с тем, что диалектическая логика является одной из моделей естественного мышления в типологии таких моделей, широту которой я постарался раскрыть. Затем я утверждал, что эта модель относится к тому типу (разряду) моделей естественного мышления, в основе которых — суждение. Чему Вы возражаете? Тому, что я раскрыл панораму наличия значительного количества моделей естественного мышления?

НВ: *«Другими словами, Вы согласны, что диалектическая логика никакая не «паразитарная спекулятивная форма мышления», а обычная, рядовая научная теория, и я зря ломлюсь в открытые ворота».*

Соглашаясь с тем, что «в числе моделей естественного мышления, основанных на рассуждении, есть и модель “диалектическая логика”, представляющая собой определенное знание о рассуждении как основе естественного мышления», я утверждаю, что определенность этого знания в его ЛОЖНОСТИ, а модель, основанная на таком знании, НЕ-ВЕРНА.

При этом тезис «Диалектическая логика суть паразитарная спекулятивная форма мышления» имеет гораздо больше оснований, чем одна только аргументация вышеизложенного моего утверждения. Но это отдельная тема.

Как должны развиваться события поиска истины дальше, если не нарушать правил поиска истины и не изворачиваться?

Шилову в диалоге с Грачевым (то есть, реагируя на утверждение Грачева, потому как аргументировать паразитарность диалектической логики Шилов мог бы и по-другому) необходимо доказать бесполезность, неэффективность (возможно, вред) такой модели естественного мышления, как «диалектическая логика», ложность содержащегося в ней знания.

Грачеву необходимо доказать полезность такой модели, как «диалектическая логика», истинность содержащегося в ней знания.

Предложенный Вами диалектико-логический принцип формализации (сведения к противоречию в виде двух пар взаимоисключающих суждений) на конкретном примере показал свою несостоятельность как на содержательном, так и на формальном уровне, а именно, сама формальная запись этого принципа неверна:

(1) не-Б «Неверно, что “Диалектическая логика есть знание о рассуждении, являющееся моделью естественного мышления”» не тождественно утверждению А «Диалектическая логика есть паразитарная спекулятивная форма мышления», ибо, возможно, полезность и неспекулятивность диалектической логики заключается в чем-то ином, нежели моделирование естественного мышления на основе рассуждения; например, так считал Ильенков, для которого диалектическая логика была более методом философии, чем логикой;

(2) соответственно, не-А «Неверно, что “Диалектическая логика есть паразитарная спекулятивная форма мышления”» не тождественно Б «Диалектическая логика есть знание о рассуждении, являющееся моделью естественного мышления», поскольку диалектическая логика может быть ложным знанием и бесполезной (или могущей принести вред) моделью естественного мышления, основанной на рассуждении.

В математике достаточно одного примера, чтобы опровергнуть тезис: например, если Вы найдете хотя бы одну тройку целых чисел, которая является решением Великой теоремы Ферма при степенях больших двух, то Вы опровергнете эту теорему. Для диалектической же логики таких примеров тьма.

Ниже пример того, как принцип «сведение тезисов к противоречию в виде двух пар взаимоисключающих суждений», несостоятельность которого очевидна для мыслящего человека, стал основой несправедного суда в силу насильственно-интеллектуального утверждения диалектической логики как идеологизированного метода «рассуждений целесообразности», которая превыше истины.

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО БУХАРИНА, 6–7 марта 1938 года
Вышинский (к суду). Позвольте спросить подсудимого Ходжаева. Подсудимый Ходжаев, говорил с вами Бухарин?

Ходжаев. Да, говорил.

Вышинский. Как, где, когда, о чем конкретно?

Ходжаев. В августе месяце, когда Бухарин приехал в Ташкент. Разговор между мною и Бухариным произошел на даче у меня в Чимгане. После обзора внутреннего положения СССР Бухарин сказал, что надо нашу деятельность направить таким образом, чтобы эта деятельность помогла привести к поражению Союза. По его словам, внутреннее и внешнее положение вело к этому. Он сказал, что мы, правые, имеем соглашение с фашистской Германией, намечаем соглашение с Японией.

Вышинский. Подсудимый Бухарин, были вы у Ходжаева на даче?

Бухарин. Был.

Вышинский. Разговор вели?

Бухарин. Не такой, а другой разговор, тоже конспиративный...

Вышинский. Я спрашиваю не вообще о разговоре, а об этом разговоре.

Бухарин. В «Логике» Гегеля слово «этот» считается самым трудным...

Вышинский. Я прошу суд разъяснить обвиняемому Бухарину, что он здесь не философ, а преступник, и о гегелевской философии ему полезно воздержаться говорить, это лучше будет, прежде всего, для гегелевской философии...

Бухарин. Разговор на даче был.

Вышинский. Подсудимый Бухарин, вы подтверждаете показания Ходжаева?

Бухарин. Я говорил, что нам придется иметь дело с различными иностранными государствами и что нельзя иметь дело только с одной группировкой, но нужно иметь дело и с другими.

Вышинский. Об Англии был разговор?

Бухарин. Был.

Вышинский. О Японии был разговор?

Бухарин. Был.

Вышинский. О Германии был разговор?

Бухарин. Был.

Вышинский. Был разговор о том, что нужно использовать и то и другое в интересах вашей борьбы против Советской власти?

Бухарин. Такой постановки вопроса не было. Я ведь говорил с Ходжаевым первый раз.

Вышинский. Вы с Ходжаевым разговаривали о свержении Советской власти, подготовлявшемся вашей заговорщической группой?

Бухарин. Говорил в закрытых туманных формулах.

Вышинский. В таких, однако, формулах, чтобы он понял все?

Бухарин. Совершенно верно.

Вышинский (к Ходжаеву). Вы поняли?

Ходжаев. Абсолютно.

Вышинский. Значит Ходжаев прав, что вы ему говорили насчет связей с английскими разведчиками?

Бухарин. А этого не было.

Вышинский (к Ходжаеву). Было так, Ходжаев?

Ходжаев. Было.

Мы установили с ним, что лучше действовать либо через таджикских людей, либо послать в Афганистан человека.

Вышинский (к Бухарину). Я еще раз спрашиваю на основании того, что здесь было показано против вас, не угодно ли вам признаться перед советским судом, какой разведкой вы были завербованы — английской, германской или японской?

Бухарин. Никакой¹⁰.

МГ. «Как должны развиваться события поиска истины дальше, если не нарушать правил поиска истины и не изворачиваться? Шилову в диалоге с Грачевым (то есть реагируя на утверждение Грачева, потому как аргументировать паразитарность диалектической логики Шилов мог бы и по-другому) необходимо доказать бесполезность, неэффективность (возможно, вред) такой модели естественного мышления, как “диалектическая логика”, ложность содержащегося в ней знания. Грачеву необходимо доказать полезность такой модели, как “диалектическая логика”, истинность содержащегося в ней знания».

Такой подход вполне приемлемый.

Что касается предложенного мною диалектико-логический принцип формализации, против которого Вы возражаете, то считаю, что еще рано выносить окончательное решение. Мною были приведены встречные доводы.

Теперь к Вашим возражениям.

По пункту 1. У меня «суждение Б» не является строгим противоречием «суждению А». Поэтому и были введены две пары противоречащих суждений: «А & не-А» и «Б & не-Б», назначение которых —

¹⁰ Материалы допроса Бухарина здесь и далее цит. по: Судебный отчет по делу анти-советского «право-троцкистского блока». — М., 1938. — С. 181–203. Также опубликовано: Историческая интернет-библиотека Хронос [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.hrono.ru/libris/stalin/16-5.html>, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.

обеспечить требуемую строгость. Тем самым был учтен крайний пессимистический вариант развития событий. Вашим выбором был оптимистический вариант (согласились с Б). То, что, по Ильенкову, предмет диалектической логики распространяется на философию, разговор особый. Предлагаю сосредоточиться на статусе диалектической логики как логики. Признать за ней этот статус или отвергнуть.

По пункту 2. Я и не декларировал тождественность. А вот соответствие имело место. Версия же якобы «ложности» и «бесполезности» диалектической логики как знания суть всего лишь переформулировка «паразитарности». С новыми версиями можно продолжить работу.

«В математике достаточно одного примера, чтобы опровергнуть тезис. Например, если Вы найдете хотя бы одну тройку целых чисел, которая является решением Великой теоремы Ферма при степенях больших двух, то Вы опровергнете эту теорему. Для диалектической же логики таких примеров тьма».

Пока же мой «тезис Б» поддержан Вами и об опровержении речи не идет.

III. Опять проявляете диалектическую гибучесть. Об опровержении какого тезиса Вы говорите: А (Диалектическая логика есть паразитарная спекулятивная форма мышления) или Б (Диалектическая логика есть знание о рассуждении, являющееся моделью естественного мышления)? Тезис Б не опровергает возможной правоты тезиса А. Что Вам дает поддержка тезиса Б? Я ясно показал в разъяснение этой поддержки, что тезис Б «бьет в молоко» (а именно, не утверждает качества (истинности/ложности) знания и верности, полезности модели, именуемой «диалектической логикой»). Такой промах тезиса Б в случае спортивного поединка означал бы Ваше поражение. Основана была бы эта спортивная победа на последовательности моей позиции, которая заключается в признании риторического закона существования себе тождественного объекта (в данном случае диалектической логики), отличающегося от оценочных образов.

MG. *«Ниже пример того, как принцип “сведение тезисов к противоречию в виде двух пар взаимоисключающих суждений”, несостоятельность которого очевидна для мыслящего человека, стал основой несправедливого суда в силу насильственно-интеллектуального утверждения диалектической логики как идеологизированного метода “рассуждений целесообразности”, которая превъше истины».*

Пара противоречащих суждений (А & не-А) в логике, согласитесь, столь же объективна, как объективна теорема Пифагора. Что касается примера судебного процесса по делу Бухарина, то в нем нет «сведения тезисов к противоречию в виде двух пар взаимоисключающих суждений», ибо Бухарин с самого начала признал себя виновным и о какой-

либо защите в порядке противостояния обвинению говорить не приходится. Процесс представлял собой театр, где все реплики были заранее предусмотрены, оговорены и расписаны истинностные значения суждений. У меня же, обратите внимание, речь идет о диалектической логике, в которой противоречащие суждения не имеют заведомо предустановленных истинностных оценок. В самом деле, из протокола следует:

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО БУХАРИНА

6–7 марта 1938 года

Председательствующий (В. В. Ульрих. — Ред.). Переходим к допросу подсудимого Бухарина. Первый вопрос к подсудимому Бухарину: подтверждаете ли вы ваши [признательные. — М. Г.] показания на предварительном следствии об антисоветской деятельности?

Бухарин. Я свои показания подтверждаю полностью и целиком.

Вышинский. Сформулируйте коротко, в чем именно вы признаете себя виновным».

Разумеется, Ульрих имел в виду признательные показания Бухарина на предварительном следствии. Чтобы никакого сомнения не оставалось относительно характера показаний, Вышинский задает наводящий вопрос («в чем именно вы признаете себя виновным»). Полагаю, ответной репликой Бухарина вопрос был тут же исчерпан.

III. *«Пара противоречащих суждений (A & не-A) в логике, согласитесь, столь же объективна, как объективна теорема Пифагора».*

Не соглашусь. У Вас указана предметная область, в рамках которой объективна пара противоречащих суждений, но не определена предметная область, в которой объективна теорема Пифагора. При этом мы удерживаем себе тождественность таких объектов, как пара противоречащих суждений и теорема Пифагора (то есть понимаем, о чем идет речь). В области мышления теорема Пифагора объективна в том смысле, что позволяет получить истинные результаты, отражает истину, в то время как пара противоречащих суждений является искусственным формализмом, не только не отражающим реалии мышления, но и не способным получить или организовать интеллектуально значимый, истинный результат, создать новое знание. Мышление вырабатывает суждение по принципу «да — нет — суждение», то есть развивается в смыслово-конкретном коридоре, где каждый из смыслов может влиться в формирующуюся (в процессе движения мысли) структуру суждения при предоставлении ему (смыслу) «зеленого света» («да»). Мысль двигается в библиотеке (назовем ее условно — «мозг») непосредственно примыкающих друг к другу смыслов, выбирая необходимые ей для создания суждения. Правила этого выбора — формализм гораздо более высокого порядка, чем логика и ее разновидности.

«Что касается примера судебного процесса по делу Бухарина, то в нем нет “сведения тезисов к противоречию в виде двух пар взаимоисключающих суждений”, ибо Бухарин с самого начала признал себя виновным и о какой-либо защите в порядке противостояния обвинению говорить не приходится. Процесс представлял собой театр, где все реплики были заранее предусмотрены, оговорены и расписаны истинностные значения суждений. У меня же, обратите внимание, речь идет о диалектической логике, в которой противоречащие суждения не имеют заведомо предустановленных истинностных оценок».

И здесь не верно. Процесс был важным элементом сталинской практики диалектической логики, которой необходимо было зомбировать население. Научите, заставьте население мыслить по-вашему, и вы сможете им управлять, станете «отцом народов». Если это и был театр, то тот самый театр сталинской жизненной организации, в котором все люди — актеры. Вспомните стихи Мандельштама про «кремлевского горца». Человек, ценящий субстанционализм русской речи, раскрываемой русской классической литературой и поэзией, сразу ощущает фальшь диалектической логики. Из протокола допроса видно, что Вышинский подменяет себе тождественный объект «разговор Бухарина с Ходжаевым» своей оценкой, образом этого разговора как «подрывного, вредительского», сформированной на основании показаний Ходжаева и досудебных показаний Бухарина. Отрицание же существования себе тождественных объектов диалектической логикой делает эту подмену совершенно нетрудной. Бухарин как мыслящий человек не может не признать существование такого себе тождественного объекта, как его разговор с Ходжаевым. Вышинский настаивает на своем образе этого разговора. Здесь Бухарин не выдерживает и даже пытается иронизировать:

Вышинский. Разговор вели?

Бухарин. Не такой, а другой разговор, тоже конспиративный...

Вышинский. Я спрашиваю не вообще о разговоре, а об этом разговоре.

Бухарин. В «Логике» Гегеля слово «этот» считается самым трудным...

Вышинский. Я прошу суд разъяснить обвиняемому Бухарину, что он здесь не философ, а преступник, и о гегелевской философии ему полезно воздержаться говорить, это лучше будет, прежде всего, для гегелевской философии...

С точки зрения Фемиды диалектической логики имеем: образ Бухарина против образа Вышинского при отсутствии истины (себе тождественного объекта). Субъект против Субъекта. Враг народа, заклейменный презрением народа, вредитель, покушавшийся на тов. Сталина, — и Прокурор РСФСР — первого в мире государства рабочих и крестьян, само воплощение, ОБРАЗ справедливости. Результат такого субъектного противостояния насколько неистинен, настолько и очевиден.

МГ. «Итак, выше показано, что утверждение Шилова и утверждение Грачева не соприкасаются сами по себе, не являются взаимоисключающими. Друг другу противоречат субъекты — Грачев и Шилов. Грачев отрицательно относится к утверждению Шилова. Шилов поддерживает и аргументирует свое утверждение».

Я вижу другую картину. В связи с аргументацией Грачева Шилов больше не поддерживает обвинение в «паразитарности» диалектической логики, а переключается на рассмотрение бесполезности, неэффективности диалектической логики в ответ на предложенную логическую модель естественного мышления.

СШ. Опять ложь. Ваша аргументация не имеет отношения к высказанному мной тезису. Тезис Б не релевантен тезису не-А. Неопровергнутый тезис А остается висеть «дамокловым мечом» над диалектической логикой. Шилов не переключается на рассмотрение бесполезности, неэффективности диалектической логики, эта тема не аргументировалась и не раскрывалась содержательно в обсуждении взаимоотношений тезисов Шилова и Грачева (тезисов А и Б). В этом конкретном обсуждении взаимоотношений тезисов Шилова и Грачева Грачев не аргументировал и не обосновывал своего утверждения о диалектической логике как логической модели естественного мышления.

Кроме того, «бесполезность, неэффективность = (синонимично) паразитарность, спекулятивность».

МГ. «Грачев проявляет “диалектическую гибкость” и пытается изначально представить утверждение Шилова и утверждение Грачева взаимоисключающими, насильственно свести их к противоречию. То есть нарушает правила поиска истины, ибо эти утверждения не являются взаимоисключающими...»

Можно подумать, что в самих исходных позициях Шилова и Грачева противоречие изначально отсутствовало.

СШ. Если под самой исходной позицией понимать изначальное отношение к себе тождественному объекту «диалектическая логика», то в этих самых исходных позициях Шилова и Грачева ПРОТИВОРЕЧИЕ изначально ОТСУТСТВОВАЛО.

Субъекты Грачев и Шилов противоречили друг другу в своих оценках и образах этого себе тождественного объекта, вступая в определенные отношения с субстанцией речи. Остается выяснить, кто из них противоречил субстанции речи, а кто был с ней гармонизирован. Утверждения Шилова и Грачева (конкретно — тезис А и тезис Б) также друг другу не противоречили.

«Противоречивые суждения всего лишь беспристрастно отражают объективное противоречие фактических позиций двух гносеологосолиптитов, хотя формулировка противоречия суждений — это край-

ний случай. Я готов работать и в режиме согласования представлений о диалектической логике, простом обмене мнениями по ее поводу. Разумеется, формулировка противоречия суждений несколько не препятствует совместному поиску истины, а только эксплицирует источник развития рассуждения (конструктивного или деструктивного)».

У солиптических рассудков нет противоречий между собой. Для них себе тождественные объекты инвариантны. Суждения солиптических рассудков — это своего рода инерциальное прямолинейное движение параллельных прямых (представление физики, имеющее солиптическую природу). Пересечения этих прямых — это уже субстанциональная геометрия речевого мышления, а не столкновение и разбегание двух и более «солиптистов-шариков». Перемещение риторических тел, капсул суждения в речемыслящем пространстве, геометрия риторических фигур — это предметная область новой РТЧ-механики, механики времени, механики поиска истины в реальном мышлении посредством речевого регулирующего воздействия.

МГ. Солиптизм и диалектическая логика.

Центральной идеей трансформации традиционной формальной логики в рассудочную диалектическую логику является введение в структуру высказывания «субъекта рассуждений»:

$A : S (s - p)$, где S — субъект рассуждений (например, солиптист); s — логический субъект; p — предикат.

Таким образом, зародыш диалектической логики проходит стадию солиптической логической системы. Развитая современная солиптическая система представлена риторической теорией числа Сергея Шилова. Состоялся обмен мнениями, в частности, по поводу диалектической логики с позиций солиптизма. Как не должно быть предубеждений к слову «спекулятивный» в «Науке логики» Гегеля, так не должно быть предубеждений и к термину «солиптический» в РТЧ Сергея Шилова. Философ-солиптист звучит не хуже, чем философ-скептик. Величайший философ-солиптист Беркли внес еще далеко не оцененный вклад в развитие диалогии.

Природа мышления одинакова для всех людей, в какой бы области они ни рассуждали: в быту или в науке, в политике или педагогике, в юриспруденции или психологии, в философии или инженерном деле. При всем многообразии логических моделей естественного мышления можно выделить инварианты, которые обнаруживаются в любой логической системе, хотя отношение к ним допускается разное. Это, скажем, форма мысли, ее структура, виды, связь мыслей в рассуждении (генетическая и функциональная, всеобщая и случайная), термины и их определения, и т.п. Базовой логической моделью естественного мышления является классическая формальная логика. За счет либо

развития, либо трансформации и модификации элементов базовой модели, отрицания одних и добавления других конституирующих единиц разрабатывают новые логические системы классических и неклассических, формальных и неформальных логик.

И хотя философские системы строятся на разных основаниях, рассуждения внутри самой системы осуществляются по одним и тем же логическим правилам, что позволяет как-то понимать (или не понимать) друг друга представителям разных философских направлений. При условии принятия исходных посылок, хотя бы гипотетического, противоположные философские системы вполне могут взаимодействовать, не выходя за рамки классической логики.

А вот если конфликтуют сами исходные посылки, то набора правил формальной логики уже недостаточно. Для работы с противоречием нужна диалектическая логика. Формальная и диалектическая логика являются общими как для различных систем идеалистической, так и разновидностей материалистической философии, независимо от отношения какого-либо философского учения к этим логикам.

III. Что может предложить РГЧ? Переход к количественно определенной аргументации. Недопущение, профилактика, разоблачение попыток искусственного создания противоречий. Запрет на противоречие.

Шилов должен порождать суждения, обосновывающие свое утверждение, отвечать на утверждения и суждения Грачева, в частности доказать, что диалектическая логика — это ложное знание о рассуждении, являющееся неверной моделью естественного мышления.

Грачев должен аргументировать свое отрицательное отношение к утверждению Шилова, доказать, что утверждения и суждения Шилова — ложные, либо признать свое отрицательное отношение к утверждению Шилова ложным.

Предложенная Грачевым диалектико-логическая схема разрешения противоречий грешит против истины (идет против субстанциональности речи, утверждая речевой релятивизм, то есть невозможность себе тождественных объектов суждений, а возможность только лишь их образов) прежде всего тем, что в ее основании находится искусственно сконструированное противоречие, а именно насильственное сведение суждений к противоречию, в то время как противоречат друг другу не объекты суждений, но ПРОТИВО-РЕЧАТ (противо-рекут) субъекты, порождающие речь, суждения, высказывающие свое отношению к объектам суждений. Основная атака диалектической логики, дианетики и тому подобных схем направлена на тождественность объекта в суждении, на истинностную основу рассудка в целях достижения релятивизма, погружения человека в мир образов, призраков, лишения его устойчивой почвы Личности, а именно естественного риторического бытия.

То есть схема вполне механическая: забыв о поиске истины, столкнись двух субъектов речи лбами (как два шара в физической задаче под различными углами), возникнут искры из глаз, из икры возгорится пламя («очистительный синтез») и уничтожит все доказательства, следы лжи и изворачиваний, снимет необходимость доказательства суждений и количественно определенной аргументации. Я уже писал, что неслучайно целый сонм диалектических логиков, диалектических и исторических материалистов нашел себе прибежище в преподавании таких премудростей, как маркетинг и менеджмент, пиар, «православный атеизм», в проведении тренингов и пафосном изложении банальностей в виде блок-схем и англоязычных терминологических трелей — одним словом, там, где поиск истины не только предан забвению, но ведется последовательное зомбирование людей и ломка их солиптических рассудков в целях табуирования поиска истины и, вследствие этого, оглуления, взятия под контроль, достижения управляемости.

Вы даете совершенно точное определение: «Солиптист — субъект рассуждений, поддерживающий свои утверждения относительно “объекта суждения” как истинные, а противоположные утверждения относительно того же объекта квалифицирующий как “заблуждение”». Я бы даже усилил — не «противоположные», а «отличные» утверждения. Ключевое в этом определении словосочетание — «относительно того же объекта». То есть не логический релятивизм, когда существуют только образы объектов в суждениях и нет себе тождественного объекта, но — риторическая теория числа, когда признается существование «вещи в себе» (так опрометчиво и спекулятивно «снятой» в гегелевской диалектике), то есть себе тождественных объектов, универсалий, материей которых является речевое бытие. Человеческий рассудок потому и рас-судок, то есть производитель обеспечивающих его устойчивость рассуждений, что он насквозь солиптичен. Это солиптическая машина, в которой работает глагольная связка «есть». Если рассудок знает, что кот — это животное, то он отвергает утверждение о том, что кот — это растение, карандаш, солнце... (продолжить этот список можно до огромного, хотя и конечного числа утверждений, отличающихся от утверждения кота в качестве животного). Топливом для этой солиптической машины является число, численность как материя риторического бытия. Число может быть оцифровано (сколько, насколько и т.д.), а может быть окачествлено в аргументе (суждении) — когда мы говорим о существовании объекта, мы окачествливаем число и не обязательно его оцифровываем («на лугу паслись коровы»). В нашем времени истории мышления мы видим число только в оцифровке (так называемое вейерштрассовское число, «не нуждающееся в определении, простое множество единиц»), однако окачествливаемое число мы

утратили способность фиксировать, хотя оно есть непосредственное, ближайшее нам, создающее наше сознание, речевое бытие, «нескрытое вот-бытие» (Dasein), по выражению М. Хайдеггера. Употребляя глагольную связку «есть» в дефинитивном суждении, мы также непосредственно окачественливаем число, как мы его оцифровываем в процессе счета («коров на лугу»). Мышление с этой точки зрения — проверочная процедура окачественливания числа, аналогичная наблюдению как счетно-измеряющей процедуре оцифровывания числа.

РТЧ-схема мышления как материального процесса, посредством которого осуществляется речевое бытие, основана как на возможностях современной вычислительной техники, так и на стратегии ее коренной трансформации. Фундаментальным принципом этой схемы является создание солиптической машины на основе исчисления простых чисел. Речь идет об экспликации из натурального числового ряда естественного языка числа, лингвопроизводящей основой которого является триада («1 — 0 — простое число», «да — нет — суждение»), и создании нового раздела конструктивистской математики на базе математической риторики. Настоящая машина альтернативна машине Тьюринга, этой логико-математической основе современной компьютерной техники.

МГ. «Шилов должен порождать суждения, обосновывающие свое утверждение, отвечать на утверждения и суждения Грачева, в частности доказать, что диалектическая логика — это ложное знание о рассуждении, являющееся неверной моделью естественного мышления».

Вот видите, уже и не нужно искать истину относительно диалектической логики. Она (истина) у Вас имеется уже в готовом виде. Осталось малое, «доказать, что диалектическая логика — это ложное знание о рассуждении, являющееся неверной моделью естественного мышления». Это готовый конфронтационный тезис. Не мой выбор.

«Грачев должен аргументировать свое отрицательное отношение к утверждению Шилова, доказать, что утверждения и суждения Шилова — ложные, либо признать свое отрицательное отношение к утверждению Шилова ложным»

Вообще-то я больше обеспокоен доходчивостью изложения своей модели диалектической логики, а не отрицательным отношением к утверждениям Шилова. Напротив, я с пониманием отношусь к Вашим утверждениям и вижу множество позитивных точек соприкосновения.

«...прежде всего, тем, что в ее основании находится искусственно сконструированное противоречие, а именно насильственное сведение суждений к противоречию, в то время как противоречат друг другу не объекты суждений, но ПРОТИВО-РЕЧАТ (противо-рекут) субъекты, порождающие речь, суждения, высказывающие свое отношение к объектам суждений».

Вы усложняете простую ситуацию дополнительными сущностями. Меня не интересует противоречие ради противоречия. Я лишь фиксирую наличные утверждения. Хотя бы это:

А': «Диалектическая логика — это ложное знание о рассуждении, являющееся неверной моделью естественного мышления».

Соответственно:

Б': Модель рассудочной диалектической логики (РДЛ) как знания о рассуждении включает следующие положения:

- 1) суждение [**A: (s — p)**] — исходная клеточка разворачивания формальной и диалектической логики;
- 2) в диалектической логике в структуру суждения (высказывания) включен субъект рассуждения: **A: S (s — p)**;
- 3) четыре основные формы мысли: суждение, вопрос, оценка, императив;
- 4) основные формы мысли в диалектической логике согласованы с основными формами мысли формальной логики (понятием, суждением, умозаключением);
- 5) субъектами рассуждений соблюдаются законы традиционной формальной логики;
- 6) противоречие суждений разрешается в процессе аргументации;
- 7) истина — процесс: до разрешения противоречия взаимодействующие суждения не имеют истинностных оценок;
- 8) допускается поэтапное согласование позиций сторон;
- 9) критерий истины — критика;
- 10) связывание высказываний «субъекты рассуждений» осуществляют в форме демонстрации вывода, аргументации, диалога.

Я назвал первые десять пунктов для общей ориентировки. Перечень можно расширить, структурировать, трансформировать.

Строго говоря, в формальной логике нет категории «объектов суждения», структура суждения включает то, о чем говорится в суждении (логический субъект), и то, что говорится в суждении (предикат).

СШ. Изначально необходимо зафиксировать истинностный опыт мышления, отличный как от его логической формализации, так и от интерпретации этого опыта как иррационального. Как, в частности, показал наш с Вами диалог, мышление располагает естественным опытом истинности как опытом субстанциональности речи. Необходимо, прежде всего, исходить из фактичности существования себе тождественного объекта суждения в речевом бытии. Ложь в этом смысле порождается как ложные раскрытие, отношение, выражение, оценка этого объекта субъектом суждения. Таким образом, всевозможные логиче-

ские схемы только блокируют этот естественный речевой опыт мышления и стремятся остановить его дальнейшее истинностное развитие в потоке субстанциональной речи. Освободив естественный опыт истинности речевого мышления от логических схематизаций и иррациональных интерпретаций, освоив риторический закон нерелятивного существования в суждении себе тождественного объекта, мы можем приступить к главному — к созданию исчисления суждения. Ибо сутью, основой причинно-следственного разворачивания риторического закона существования в суждении себе тождественного объекта является число. Именно окачествливая число, мы получаем риторическое пространство самореализации себе тождественного объекта, в котором раскрывается его истина (вне этического смысла этой истины, например, истина вопроса «кто убил?»), то есть формируется истинное суждение. Число есть орудие мысли, посредством которого себе тождественный объект речевого бытия, на который активно воздействует ложь (поле диалектико-релятивистского противоречивого (антиязыкового) бытия), не только удерживается, но и раскрывает свой «эйдос», истинный образ, свое ЭТО, то есть То, чем этот себе тождественный объект является. Окачествливание числа — это сущность вопрос-ответной структуры, генерирующей истину о себе тождественном объекте речевого бытия. Такой подход позволяет нам совершенно по-новому структурировать и осмыслить вычислительный процесс в современной компьютерной технике, подводит к созданию систем, способных к исчислению суждений на основе исчисления, формализующего окачествливание числа. Ныне действуют вычислительные процессы, основанные на оцифровке числа. Наш «мозг» («солиптический рассудок») может быть моделируем как исчисление суждений, основанное на формализме окачествливания числа, в качестве которого РТЧ выдвигает исчисление простых чисел.

«Шилов должен породить суждения, обосновывающие свое утверждение, отвечать на утверждения и суждения Грачева, в частности доказать, что диалектическая логика — это ложное знание о рассуждении, являющееся неверной моделью естественного мышления».

Вот видите, уже и не нужно искать истину относительно диалектической логики. Она (истина) у Вас имеется уже в готовом виде. Осталось малое. Это готовый конфронтационный тезис. Не мой выбор».

Шилов в свое время искал истину о диалектической логике. На основании чего он выдвинул свое утверждение. Для доказательства этого утверждения ему, В ЧАСТНОСТИ, необходимо «доказать, что диалектическая логика — это ложное знание о рассуждении, являющееся неверной моделью естественного мышления», или переубедиться аргументами оппонента(-ов), то есть понять, что в основе его утверж-

дения — ложные образ, оценка, понимание себе тождественного объекта «диалектическая логика». Грачев, приверженец диалектической логики, говорит: «Шилов, из двух возможностей — быть или не быть Вашим оппонентом, я выбрал вторую. Первая возможность — “не мой выбор”». То есть мы имеем дело позицией субъекта «Грачев», а не с поиском истины себе тождественного объекта «диалектическая логика». Такие субъективизмы невозможны в исчислении суждений, Вы просто создаете искусственное противоречие, чтобы остановить исчисление суждений (не автоматизированное пока), которое приведет к раскрытию истины диалектической логики.

В представленной Вами структуре суждения нет объекта (Вы сами об этом пишете). Это характерно для логики в целом. С РТЧ-точки зрения, суждение есть закономерное создание себе тождественного объекта суждения. Суждение создает бытие. Бытие имеет своим истоком речевое бытие.

Пройдемся по всем Вашим 10 пунктам:

«1. Суждение [A: (s — p)] — исходная клеточка развертывания формальной и диалектической логики».

«Клеточка» — это научно-неопределенная метафора, если Вы не претендуете на отождествление биологической модели клеточного роста с развертыванием формальной и диалектической логики. Если же Вы именно на это претендуете, то Вам предстоит дать много пояснений.

Что такое развертывание логики как процесс? Как он корреспондирует с клеточным ростом? Что Вам дает эта аналогия?

РТЧ-позиция: с формализационной точки зрения речевое бытие солиптического рассудка есть исчисление суждений. Формализмом исчисления суждений является исчисление простых чисел. Формализмом суждения является формула единицы: «Единица есть множество простых чисел».

«2. В диалектической логике в структуру суждения (высказывания) включен субъект рассуждения: A: S (s — p)».

На деле Ваш субъект рассуждения — это субъект «диалектической гибучести» по типу «что хочу, то и ворочу». Как говорится, «себе тождественный объект» вышел из языкового дома бытия (Бог умер, если угодно), диалектические субъекты тут же пустились в пляс, разнося весь дом. Диалектическая модель суждения представляет суждение абсолютно релятивистским, даже в формальной логике волюнтаризм субъекта рассуждений был определенным образом скован заповедью недопущения противоречия.

РТЧ-позиция: структура суждения — это фундаментальная структура солиптического рассудка. Эта структура обеспечивает как воспроизведение, так и устойчивость себе тождественного объекта суждения.

С формально-содержательной (формально-языковой) точки зрения это вопрос-ответная структура, где ответ содержится в вопросе, являющемся первичной фиксацией (забором, извлечением, экспликацией из речевого бытия) заранее предустановленных конечных истин. Формализм вопрос-ответной структуры: «да — нет — момент суждения (смысл, участвующий в формировании суждения)». С формально-математической конструктивистской точки зрения работа вопрос-ответной структуры — это последовательное деление единицы на ноль (смыслово преодолевается математическое табу деления на ноль), при этом результатом каждого акта такого деления является простое число, закономерно следующее (имеющее риторический номер) в общей цепочке распределения простых чисел в натуральном ряду. В ответствующем результате деления на ноль (вопрошания) из единицы (вопрошаемого) извлекается конечностно-истинностный ответ — простое число, соответствующее шагу этого деления (вопрошания).

«3. Четыре основные формы мысли: суждение, вопрос, оценка, императив».

Это у Вас не формы, а психо-логические образы мысли. Мысль не схвачена непосредственно, поэтому и нет формализации этой непосредственности. Непосредственное бытие мысли как речевое бытие есть суждение, и только оно одно. Вопрос, ответ, оценка, императив, понятие, образ — это субъективации себе тождественного объекта суждения. В РТЧ непосредственность мысли есть окачествливание числа. Формы мысли есть операции окачествливания числа. Таких операций четыре¹¹.

«4. Основные формы мысли в диалектической логике согласованы с основными формами мысли формальной логики (понятием, суждением, умозаключением)».

Уже писал о том, что Вы не рефлектируете суждение как фундаментальную, то есть исчислимую, форму мысли. Понятия, умозаключения — это формализмы, не способные к порождению нового и тем более истинного знания. Математико-логические формализмы умозаключений (логические исчисления), будучи применены в кибернетике, являются только командами операций, но не порождают нового знания. Яркий тому пример — неудача японского проекта компьютера пятого поколения, когда оказалось, что логическая формализация математических операций не создает нового качества вычислений, являет собой просто громоздкую и бесполезную систему дублирования матопераций.

¹¹ Подробнее с этими операциями можно познакомиться в главе «Интервью Сергея Шилова Алексею Нилову». — См.: с. 408 настоящего издания.

«5. Субъектами рассуждений соблюдаются законы традиционной формальной логики».

А как же запрет на противоречие в формальной логике?

Субъекты рассуждений должны работать в режиме исчисления суждений и в будущем смогут проверить себя и оппонента с помощью интеллектуальных машин исчисления суждений, «когиторов».

«6. Противоречие суждений разрешается в процессе аргументации».

Суждения не могут противоречить друг другу, поскольку себе тождественные объекты суждений инвариантны для всех суждений об этих объектах. Противоречат друг другу субъекты суждений.

«7. Истина — процесс: до разрешения противоречия взаимодействующие суждения не имеют истинностных оценок».

Субъекты могут и не иметь истинностных оценок, но такие оценки предустановленно существуют и влияют на процесс рассуждения и полемизирования субъектов. Извращаешь истину, получишь от нее риторико-числовой удар по солипитическому рассудку, будешь выбит из колеи риторического бытия, вышиблен из «седла» себе тождественной объектности.

«8. Допускается поэтапное согласование позиций сторон».

В отношении субъектов — ради бога. Их можно и водой обливать в особо острых схватках. А вот в отношении суждений — никак нет. Пропасть между вещью и именем вещи, между числом и словом невозможно перепрыгнуть в два, пять и более прыжков. Или по крайней мере тут необходима некая нечеловеческая техника рассуждений.

«9. Критерий истины — критика».

Истина предустановлена. «Бог не играет в кости».

«10. Связывание высказываний “субъекты рассуждений” осуществляют в форме демонстрации вывода, аргументации, диалога».

В РТЧ — исчисление суждений осуществляется в количественно-определимой, исчислимой форме «эйдетической» (риторико-числовой) демонстрации себе тождественного объекта суждения, «эйдетического» (риторико-числового) вывода истины себе тождественного объекта суждения на основе диалога (вопрос-ответной структуры речевого бытия). Каждая из этих форм является способом аргументации, как в диалогах Платона.

РТЧ-конспект Концепции неколичественной шкалы А. Шухова

1. Неколичественная шкала — неньютоново исчисление (исчисление истинных, естествующих конечностей), нетрадиционный (природный анализ, природа как само-анализ рода), исчисление первокачественностей, математика качества. Неколичественная шкала — это концепт, возрождающий лейбницевскую монадологию как актуальную в современных условиях «кризиса европейских наук» (Гуссерль) программу нового «естества знания». «Кризис европейских наук» — кризис «естества знания». Кризис европейских наук, по Гуссерлю, — это выведение сознания за скобки естества знания (материи). Количественная шкала старого материализма (атомизм) — это исчисление бесконечно малых как аппарат изменения величины, определивший уровень развития и качество физики, оторванной от физики существования, то есть бытование конкретной физики, из которой исчезла сила рефлексии и абстрагирования. Неколичественная шкала — это самоизмерение природы как ее «истина и метод». В этом смысле неколичественная шкала — это и есть человек как смысл строгой и точной науки о «мерности всех вещей человеком», о вещевании мира человеком, собственно говоря, о мышлении как предназначении (месте) человека в природе. Язык, речь — новый материализм, материализм вещевания мира человеком.

2. «Философское пространство» — основание бытования философии как «строгой и точной науки» вполне уживается с декартовой системой координат, с когито, с сознанием-существованием (вещеванием мира языком, речью). Это важная развилка, где кризисная европейская наука (логика, физика) экзистировать, фрустрирует во «множество возможных миров», а можно и нужно настаивать на размышлении «почему» единственно возможного и истинно существующего (человеческого, по языковому факту) мира, нужно эксплицировать «почему» истины (естины) трехмерности. Шухов прав, что с этим в условиях трансгрессии естествознания в платонистический апофеоз беспочвенности (многомерности, «возможных миров») может справиться только философия. Философия как учение о бытии.

Неколичественная шкала имеет своим референтом учение о бытии. Бытование, схватываемое неколичественной шкалой, — это новый,

истинный материализм. Бытование — воязыквление, языковое вещевание мира, языковый материализм

3. Неколичественная шкала — это неколичественная теория числа. Неколичественная теория числа, невейерштрассовская, неаналитическая (в современном смысле) — а тогда какая? Ведь, мы же имеем дело с числом. Но мы имеем дело не только с числом, но с числом вместе с проблемами оснований математики, вместе с темой физикализации числа, вместе с неосмысленностью представления числа цифрой, вместе с идеей нового, истинного материализма, наконец. А тогда это, возможно, риторическая теория числа — языковой материализм, или солиптизм как строгая и точная научная философия. Неколичественная шкала, собственно, мир — это и есть солиптический фундаментальный мир, знание, которое знает, имеет у себя сознание, а «то, что знает, то и видит» (Гете: «мы видим то, что мы знаем»), пресуществляет. Неколичественная шкала — это мерность в языковом материализме, становление в котором — суть речь. Речь — это потоковость языкового материализма. Тавтология — серфинг с использованием потока как языково-материалистического процесса, тавтология — это доска серфингиста, смыслонавта, это «чистое (от смысла) значение», по Гуссерлю. Противоречие — это работа с потоковостью языкового материализма, которая в своих движущих, физических аспектах будет всегда некоторым противостоянием этому потоку, противодвижением по отношению к языковому потоку солиптического сознания, вызванным разграничением солиптизма и формуемого им мира. Человек — продукт языкового материализма, а не его исток, время и пространство языкового материализма — это априорно-человековые время и бытие.

4. Число — это языко-мерность, действительная конечность вещевания, непосредственное вещевание, от-начальная шкала, неколичественная шкала. Солиптизм ощупывает-формулет мир числом как органом-щупом солиптизма («Когда Бог считает, он создает мир», Лейбниц: «не миры, а мир»). Число есть сущность, оно — мера физики как физики существования, аналитический эффект числа — различие сущности и существования, но есть и синтетический эффект числа — осуществление, пресуществление сущности в сущее. Современная физика — она о конкретном существовании, это первобытная физика, когда у физиков еще нет имен, нет языка, они бродят с лабораториями и экспериментами за спиной, демонстрируя явления, потому что не имеют способности именовать, рефлексировать, передавать знания. Физика же в своей истине — это абстрагирование, отвлечение существования (сила отвлечения и есть основная, единая, интегральная для всех базовых взаимодействий физическая сила). Отвлечение существования — это осуществление сущности. Вопрос о новом естестве знания, о новом

естествознании, о **количественном бытовании неколичественной шкалы** — это вопрос о пресуществлении сущности, о языковом вещевании.

5. Количественное (математическое) представление неколичественной шкалы, наука о пресуществлении сущности — это **«Формация числа в числе»**, а не отказ от числа, это понимание сущности числа и экспликация истинных числовых (математических) операций, в которых и возникает физико-математическое существование сущности как некоторое отношение сущности и существования, а именно осуществление, пресуществление, несуществование, сущее. **Связанные между собой в языке числа фактичности умножения, деления, вычитания и сложения как выражений этого языка в противовес формальной разделенности фундаментальных арифметических операций, оторванных от своей физической сущности, — это осуществление, пресуществление, несуществование, существование. Все эти операции математики качества связаны как сущее.** В чем фундаментальное отличие такой математики и такого отношения к оперированию от вейерштрассовской математики? **Это различие сущности и вейерштрассовской, пустотной, не нуждающейся в определениях единицы, различие истины единицы и ложной единицы.**

6. Трехмерность формации числа в числе — это и есть сущность Большой теоремы Ферма о единственности из возможных миров, о действительной пространственности как о связности трех целочисленных квадратов.

7. В нефилософском пространстве с его количественной вейерштрассовской шкалой не схватывается физика вещевания, упущен РТЧ-тезис «Время есть язык бытия». Философское пространство, по А. Шухову, — это физическое время, производящее физическое, событийное пространство, по РТЧ, это пространство вещевания, создаваемое языком бытия, частным случаем которого (языка) является человек. Вопрос о сущности человека — это вопрос о времени человеческого бытия. Философское пространство — это совокупность «производственных отношений» произведения временем пространства; методологическая значимость и универсальная ценность такого пространства осознается отдельными науками по мере понимания ими собственной языковой сущности, роднящей их друг с другом.

8. «Философское пространство» Шухова, или «пространство времени как прямое действие языка бытия, творящее мир» (Шилов) — это способ развить теорию чисел до того уровня, который был упущен конкретным развитием математики, осуществить «формацию числа в числе», а не тонуть в спекулятивных слововых, дискурсивных конструкциях философии математики и физики. *«Формация числа в числе» — это непосредственный вывод языкового материализма, состоящий в том, что*

в материи одного языка эксплицировалось проблемой, неразрешимостью, то в этой же материи и должно быть разрешено, а не путем создания более конкретного, приспособленного для данной проблемы языка (какой мерой мерите, такой же и решайте возникающие в ходе этого измерения проблемы). Расширение теории чисел до теории Всего востребует изменение самой теории чисел в вопросе понимания и представления сущности числа (то есть прежде революционной трансформации теории чисел до состояния, вбирающего в себя физику и операции существования, — нужна истинная теория числа). Что значит истинная теория числа? Это вопрос о референте теории числа, точнее, о новой вейерштрассовской референтности числа. Чему соответствует число? **Референт истины числа — время как язык бытия, формирующий пространство и взаимосвязанную пространственную событийность (языковую фактичность), выраженную в языке числа и воспринимаемую сознанием, солиптизму которого этот язык адресован, комплементарен.**

9. Конкретная, количественная математика — это выход, точнее, вытеснение сознания, из границ теории чисел к теории множеств и к концепту бесконечности. Этот выход-вытеснение из сферы абстракции («конкретное сознание») и породил современную математику как многообразие неабстрактной, конкретной математики. Философски — это выход в иллюзию платонизма. Вытеснение из декартового мира в бесструктурность, в дурную текучесть, бесконечность вейерштрассовского, нетворящего, мертвого счета. Возвращение в новом качестве к абстрактной математике, образцом которой служит бытие-вместе математики Пифагора и физики Аристотеля, наброском априорно соединенных Платоном (не в платонизме), — это «формация числа в числе» (Шухов), создание языка числа, решение проблем теории чисел (фундаментальных проблем Гильберта) через создание языка этой теории — риторической теории числа. **Формация, формализация числа в числе — самоструктурирование натурального ряда — высшая, в смысле абстрактная, отвлеченная математика — это исчисление простых чисел.**

10. Канторовская теория множеств — это наивно-метафизический материализм, наивность которого и выразилась в известных парадоксах. Это, по существу, парадоксы неязыкового материализма, это парадоксы оппозиции старого материализма и абстрактной (языковой) истины вещевания, не имеющей своего материалистического выражения, это парадоксы отсутствия языкового материализма, каковое отсутствие и заключено в понятии «множество». Еще больший парадокс, демон конкретности естествознания, — это идея бесконечности. Только абстрактное достигает истины как по своей форме конечности, единичности, уникальности, завершенности, поэтому идея бесконечности — это бремя конкретного сознания («бесконечность познания» и т.д.). Разрешение этого бремени

для материалиста ленинского типа так же иллюзорно, как разрешение наркомана очередной дозой «познания». Подобно существующей в математике теории множеств (Кантор) необходима и теория единств. Единства при этом можно понимать как множества, целостности, связанные в языке числа, причем язык числа понимается по аналогии с витгенштейновским толкованием языка, в котором суждения являются целостностями, выражающими априорное единство многообразной фактичности, событийности. Концепт единства должен быть защищен от платонистических интерпретаций, лишающих этот концепт абстрактной силы, когда задача формации числа в числе уходит в свисток платонистических представлений о единстве. Шухов в концепции неколичественной шкалы совершенно справедливо говорит о **данности** как о фундаментальной категории выражения нового естества знания. Данность (фактичность, по Витгенштейну) проходит между рифами множества и бесконечности. Эта категория получает статус подлинной научности в новую эпоху автоматизации (и интеллектуализации, универсализации) вычислительного процесса, когда работа с данными (форматами данных) научней, научно-предметней, чем теоретико-множественные модели, оперирующие с конкретикой бесконечности (машина Тьюринга). **Данности — это поименованные, пресуществленные, предопределенные импликации. То есть данное — это и операция. Данность — это не «ползучий эмпиризм», это матрица импликаций. В этом смысле данность — это набор простых чисел, цепочка первокачественностей как имен потока импликаций результирующего деления единицы на ноль, потока умных, языково-аналоговых чисел, передающих оттенки смысла развития отношений бытия и ничто в языке бытия — то есть во времени.**

11. Возможное направление продуктивного сотрудничества — это создание **стандартов экспликации-представления данных предметных различных областей**, предметность которых методологически понимается как абстрактность, а не эмпирическая, наблюдаемая и фотографическая конкретность. **Метод экспликации данных — это метод математической риторики, «продвинутой в ничто» феноменология.** *Данное-операция как субстанциональная точка — это формализм момента времени как пресуществления, это истина времени как производящего событийность, пространство языка бытия. Развивая понятийную структуру, представленную А. Шуховым, можно предложить для раскрытия формализма времени «прошлое-настоящее-будущее» такие его выражения, как «интенционал — солиптическая капсула (солиптическая точка бифуркации) — экзистенциал», «префикс — истина (субстанциональная глагольная связка «есть») — суффикс», «ординал — простое число — кардинал» (для теоретико-множественной интерпретации пространство-производящей, языковой сущности времени).*

12. **Моделирование как просточисленное моделирование.** В концепции Шухова раскрывается вполне себе аналитическая функциональность «философского пространства» для такой задачи мышления нового времени, как моделирование. Однако и здесь нужно применить принцип доведения до «формализации числа в числе» (для моделирования как истинного вычисления-исчисления). Нужна математическая формализация философского пространства. Эта формализация есть **математическая риторика как универсальный метод экспликации данных, а также и первая физика, физика существования** («сущность как метод источника моделирующей проекции». Шухов). Математическая формализация философского пространства, в понимании Шухова, — это, в интерпретации РТЧ, формализм времени как языка бытия, к которому мы подступаем через философию языка. РТЧ выдвигает «философское пространство» Шухова в науку — как целочисленный континуум. **Базовая категория определения и развития этой абстрактной континуальности — данность, континуум импликаций, континуум дефинирующего разума.** Трехразмерность этого континуума — это представление импликаций как тензоров (их задают пифагоровы тройки целочисленных решений уравнения Пифагора-Ферма о связности трех целочисленных квадратов) над просточисленным массивом. Импликация изнутри солиптической доктрины сознания формализуется как множество, коммутация простых чисел («простые числа созданы для того, чтобы их умножать». Ландау).

13. Если допустить, что существует катакомбная советская философия, то есть выражающая не формальную приверженность догмам марксизма-ленинизма (или их отторжение), а выражение истины, абстракции советского проекта как судьбы европейской философии, то я бы сопоставил философскую деятельность Шухова с философией Мамардашвили. Официальная советская философия, пусть даже оппозиционная и проевропейская по форме (Ильенков, Подорога, тот же Мамардашвили, Степин, Гайденко), в своих основаниях была прежде всего попой, моральным или конъюнктурным, а чаще смешанным отталкиванием от догм марксизма-ленинизма и зацеплением за современные или архаические европейские смыслы, концепты. Но тем самым это было выпрыгивание из своей философской судьбы на Запад. Поэтому ничего из этого не получилось. А вот традиция катакомбной философии советской абстракции, философского пространства, судьбы мирового мышления в структурных ограничениях и условиях советского проекта, из которой вышла и риторическая теория числа, — это, конечно, академически невозможная и неструктурированная традиция, но именно от нее и зависит судьба европейской и мировой философии, сама возможность «нового мышления» (М. Горбачев, М. Хайдеггер).

Часть VI. Приложения

Манифест Личности

10 августа 1784 г. Гаман писал Гердеру: «Если бы я был столь же красноречив, как Демосфен, то не смог бы большего, чем трижды повторить: разум — это язык, логос. Этому я верен до мозга костей и буду верен до смерти. И все же в глубине своей он остается чем-то темным для меня; я как бы жду апокалипсического ангела с ключами от этой бездны»¹.

Размышляя об истории, личность неминуемо рассматривает ее как поток событий из прошлого, устремленный к ней самой. Этот поток сначала движется медленно, как широкая величавая река неспешно течет в своих берегах, проходят тысячелетия, а затем все более ускоряется по мере приближения во времени к «здесь, теперь и сейчас» личности, стремительно возникают новые качества человеческого бытия, на развитие которых ранее требовались века, и, наконец, настигает нас как шумная горная река повседневности. В этот момент личность остается наедине с собой и только от нее зависит, что будет с историей дальше, в будущем, — она думает о тех людях в далеком и ближнем прошлом, которые творили историю, наделяя ее события и картины своими личными качествами, мыслями, эмоциями, переживаниями. Личность размышляет о том, сколь великие реальности, организующие жизнь человечества, противостояли ей, ограничивали человека, подчиняя его сущность внешним целям, — религия, государство, экономика. Нередко эти реальности затмевали собой весь исторический горизонт, отведенный личности на всем протяжении ее бытия. Религия, государство и экономика бывали настолько всепоглощающи, что человек и вовсе обезличивался, как тысячи египтян, строивших пирамиду фараону, миллионы советских людей, «созидавших» сталинский коммунизм, а также миллиарды, управляемые в своих потребностях «невидимой рукой» рынка.

Личность понимает историю рода людского как историю человеческих качеств, характеризующих, выделяющих и ее саму — личность, отдельного человека, индивида. По существу, в буквальном смысле, история есть рассказ о событиях человеческой жизни, в котором автор пытается определить причины происходящих событий, связать их между собой, вывести из одного многообразия взаимосвязанных событий другое. В этом история сходна с литературой, однако историк-уче-

¹ *Hamanns Schriften*. Ed. Roth VII, s. 151 f.

ный при этом старается руководствоваться не вымыслом (продуктивной способностью воображения), а историческими фактами, документами, свидетельствами, различными версиями научно-исторического анализа, исходящими из разного понимания причин, событий и смысла истории.

Философия языка, возникшая в прошлом веке, рассматривает язык как основу «возможного в языке», как материю того, что в языке (и с его помощью) может быть выражено, явлено, воплощено. При этом сама субстанция языка, обретающая языковой план выражения, трактуется либо как продукт человеческой интересубъективности, результат «договора по использованию имен», либо как трансцендентная человеческой деятельности априорная сущность, непосредственно представляющая бытие и делающая человека человеком, и вообще всякое нечто делающая тем, что оно есть. Из последнего понимания в XXI веке возникает риторика как наука о языке, изучающая универсальную субстанцию бытия, опредемеченную как язык — язык человеческой деятельности (язык политики, язык экономики, язык искусства, религии, культуры), язык природы (язык физики, язык математики, язык химии). Риторика, выходя из тени логики, которая ранее претендовала на представление подлинного формализма мышления, сбрасывает ветхие одежды «ораторского искусства и украшательства речи» и, как в русской сказке, оборачивается «красной девицей», «царицей наук», понимаемых как различные вариации единого языка природы, разные «рассказы», истории природы.

История природы, история человека (человечества, человеческих сообществ) могут быть по-новому рассмотрены, изучены и поняты в риторике — науке о языке как предельной (субстанциональной) возможности **историцирования** (сказывания, раскрытия, со-бытия) реальности.

Риторика — это научно-исторический метод познания и продуктивного освоения действительности, материей которой является язык, **историцирующий** *независимую от нас (неделимую по нашим предписаниям) реальность как данную нам во времени действительность.*

Язык суть представление во времени независимой от нас реальности.

Представление независимой от нас, неизвестной нам (в научном смысле) реальности как данной нам (в предметности рационального сознания, в повседневности, в подсознании) действительности — таково существо (самораскрытие) времени, которое посредством этого представления (порождения истории) раскрывается как первый и универсальный язык бытия. То есть все понятия (языковые реалии — научно-исторические сущности человеко-природного бытия) — это акциденции, элементы, аспекты, отношения и связи субстанционального времени как универсального основания научного историцизма человека и природы. Как видно, научно-риторическая точка зрения прямо

противоположна теперешнему пониманию времени как условной, относительной, договорной конвенции, не имеющей субстанционального качества и являющейся скорее эффектом пространственного развития (движения). Нынешний подход считает такого рода условной конвенцией и сам язык. Риторика же, понимая язык как метод **историцирования первичной реальности (бытия)**, распознает время как физически-предметную, изначально-реально существующую субстанцию языка бытия. Иначе говоря, **время в природе – это То же самое, что язык в человеческом бытии**. Подобно тому как язык историцирует независимую от человека реальность в данную ему действительность, так и время историцирует природу в пространственное многообразие ее вселенских проявлений. Время человеческого бытия модулируется языком. Время природы – это язык, которым создана природа как открытая к наблюдению книга («книга природы»). Язык-и-Время – это двуликий Янус человеко-природного бытия. Время как язык числа – это такой же язык, как язык слова, то есть число – это слово языка времени, «высказывающего» пространство природы.

Научный историцизм разыскивает в человеческой истории (истории людей, событий, идей, институтов) закон природы человека, понимание человека как сущностной части природы. То есть если различные школы исторической науки – это различные «рассказы», нарративы о независимой от точки зрения историка, изначально-реальной человеческой истории, то научный историцизм – это постижение самого историцирования человеческого бытия как законного существования, движения самой природы. Историческое время, трансцендентно-субстанциональное внешней, рассказанной человеческой истории, раскрывает, «высказывает» изначально природно-законное, первопричинное человеческое бытие в данную нам действительность исторического многообразия картин и событий вплоть до нашего личного существования.

В качестве главной действующей причины и основного закона человеческой истории научный историцизм эксплицирует личность как принцип единства (дополнительности) времени и языка, характеризующего некоторый вид природы как природу человека.

Личность есть субстанциональное единство (тождество-различие, когерентность, подвижный баланс) языка (в различных проявлениях – от внутреннего голоса, мысли, человеческого ощущения-переживания до устной речи, письменности) и времени человеческого бытия. Личность есть такой вид человеческого бытия, который есть «то язык, то время человеческого бытия». В этом единстве – основа целостности и устойчивости личности перед вызовами ничто и небытия, каковая целостность и есть непрерывное историцирование изначально челове-

ческой реальности («человеческого единого»), порождающее историю («человеческое многое»).

Личность есть закон, главная движущая сила истории человечества — это человеческое выражение субстанционального времени как всеобщего закона природы. «Закон» означает прежде всего язык как метод историцирования изначальной реальности в наблюдаемую действительность. Личное пространство («Я») — это пространство слов над массивом языка, своего рода геомантия языковой реальности вокруг субстанционально-временного ядра языка. Природное пространство — это устойчивое пространство тел времени («чисел»), изрекаемое, извергаемое, порождаемое субстанцией времени, историцирующей изначальное бытие в наблюдаемую Вселенную.

Настоящий научно-исторический манифест утверждает, что личность есть причина, главная действующая сила и смысл истории человечества — научно-риторический Закон человеческой природы.

Научный историцизм риторики как науки о языке выдвигает новый формализм истории как непрерывности человеко-природных формаций, каждая из которых суть конкретно-исторический (стадийный, эпохальный) языко-временной баланс (тип языко-временного дуализма личности). Личность как цель самой себя — это приоритет языка над временем: в идеале Личности, отчетливо выраженном в Новом завете, личность — это абсолютизация языка, нивелирующая время до нулевой отметки (победа над временем). Иисус — это все время язык, то есть говорящее Слово, победившее время. Такова идеальная риторическая модель личности как предельного языко-временного отношения (язык — «1», время — «0»); она же — конец-цель истории, завершение историцизации изначальной реальности, то есть выход ее в наблюдаемое состояние.

В соответствии с **риторической моделью личности, понимаемой как цель, смысл, человеко-природное тело истории**, можно выделить **четыре стадии (формации) истории человечества**, выражающие субстанциональность языка, то есть порожденные одновременно, но акцентированные последовательно (историческими эпохами развития личности) и, следовательно, представляющие четыре измерения континуума человеческой природы как «плавильного котла» личности.

Первая стадия (формация) — личность как собственность (базовая протоличностная субъектность). В этой начальной стадии становления человека личностью дисбаланс языка и времени человеческого бытия характеризуется предельным превышением времени над языком. Язык, подчиненный времени человеческого бытия, в котором человеческая природа все еще существенно сроднена с природой как таковой и не выделена из нее, предельно узок как словоупотребление (то есть как употребление отвлеченных от предметов, абстрактных

предметных сущностей — имен вещей). Человек геоцентрически присваивает предметы, оперирует ими непосредственно как протословами языка, подражая природе, время которой выражает себя пространственно, материально-предметно. В этой формации доминирует время над языком — доминирует как геометрический язык числа (земле-делие, землепользование, земле-деление, деление георесурсов).

Вторая стадия (формация) — личность как деятельность. В этой стадии происходит качественный скачок развития языка, который усиливает человеческую способность риторизации изначальной (природной) реальности в свою действительность, то есть возникает феномен деятельности, поверхностно понимаемый как «преобразование природы» (в марксизме). На самом деле несущей конструкцией феномена деятельности является техника, смысл которой состоит в следующем — это первое превышение, доминирование языка над временем (автономно-природным существованием) человеческого бытия, когда человек, качественно и структурно расширив язык, усилившись в своей способности к абстрагированию, овладевает законом природы, то есть познает природу, как книгу, созданную (по сути) таким же языком, каковым располагает он сам. В этой формации язык впервые начинает доминировать над временем и овладевает такой функцией времени как дифференцирующее порождение пространственных многообразий в процессе историцирования природы. Возникает фабричное разделение труда (**трудоделие, трудопользование, трудо-деление**), представленное в языке числа как дифференциально-интегральное исчисление.

Третья стадия (формация) — личность как внимание. В этой стадии язык становится реальностью, качественно и количественно доминирующей над временем человеческого бытия. Возникают языковые утопии, направленные на овладение временем человеческого бытия и пытающиеся изменить его ход, — идеологии. Появляется и реализуется возможность (медиа, телевидение) потребления времени человеческого бытия, образующая количественный смысл феномена внимания. Посредством феномена внимания языковая утопия пожирает время человеческого бытия. Третья стадия истории как истории личности, когда язык доминирует над временем человеческого бытия, противостоя ему, асимметрична первой стадии, когда время человеческого бытия как абсолютный природный закон не менее жестко доминировало над нарождавшимся языком (реализацией способности человека к абстрагированию). Для личности как внимания характерна потеря опоры как на геоцентризм, так и на «языковую почву», она переходит на уровень телевидения как внеличностной нечеловеческой технологии виртуальной модуляции пространства, подражающей природе. Основным занятием личности в этой стадии можно назвать **деньгоделие (деньгопользова-**

ние). Деньги раскрывают себя как язык числа, репрезентант времени человеческого бытия, организующий пространственное развитие (свободу) человека. Деньгопользование — это, по существу, времяпользование (время-деление). Если на двух предшествующих стадиях развития личности делилось-использовалось пространство (природное — земля и человеческое (социумное) — труд), то на третьей стадии делится-пользуется время как пространствопроизводящий источник.

Землепользование, трудопользование и деньгопользование — как использование из-делий личности (ее захваченность той или иной стадией развития Личности) — это прошлое, настоящее и будущее истории личности. Однако, в бытии Личности как смысла и цели истории, как во «всегда» Истории, эти формации сосуществуют, причудливо переплетаясь: транснациональные корпорации, делящие землю (земледельцы), — это монстры из прошлого; промышленность, основанная на разделении труда (трудодельцы) — это вечно отставшее, застойное настоящее; а создатели виртуальных финансовых афер (деньгодельцы), — нечто из будущего, когда делить-пользовать будут уже не пространство, а время.

Четвертая стадия истории личности — личность как мышление. Эта стадия подогревается Великой утопией абсолютного и полного доминирования языка над временем человеческого бытия. Утопией, которая имеет все основания сбыться. Основное занятие личности в эту эпоху — словоделие, словопользование, риторика слов, из которых «складывается» дом личности.

Именно личность — как причина, смысл и цель истории — раскрывает историческое многообразие происходящих с личностью событий как землепользование (геоцентризм личности), трудопользование (социоцентризм личности/индустриальный социализм фабрики), деньгопользование (капиталоцентризм личности/монетаризм) и словопользование (языкоцентризм/институционализм).

Завершение истории развития Личности будет означать, что сформировавшийся субъект будет оперировать во всех четырех средах, характеризующихся различным типом баланса языка и времени человеческого бытия. Личность будет одновременно осуществляться как собственность, деятельность, внимание и мышление в их системной взаимосвязи. Тогда личность станет хозяином человеческого бытия, а человек станет личностью. Это будет переход от землепользования к рациональному землеустройению, от трудопользования к эффективному трудоустройению, от деньгопользования к рациональному деньгоустройению экономики, от словопользования к словоустройению разумного мира — от использования благ, созданных личностью, к благоустройству (благоустройению) человечества.

Противостоящие личности исторические реальности (институты), претендующие на свое господство над историей в ее конкретной фазе — такие как **государство, экономика, телевидение, глобальная сеть** — это всего лишь *тени личности* как действительной цели и смысла истории. **Лишь недостаток личности на той или иной стадии развития (или недостаточность одной из четырех исторических формаций личности) обуславливает возникновение исторических институтов, представляющих всемирно-исторический смысл личности, не редуцируемый к конкретно-исторической формации личности.** Так, в эпоху становления личности как собственности возникает *институт государства (эра землепользования личности)* как сверхличности по отношению к личности-собственности, которой личность-собственность подчиняется как смыслу истории. В эпоху развития личности-деятельности возникает *экономика (эра трудоустройства личности)* как сверхличность, которая невидимой рукой рынка упорядочивает трудовую деятельность личностей-деятельностей. В эпоху развития личности-внимания господствует такая сверхличность как *телевидение (эра деньгопользования личности)*, которая полностью управляет личностью-вниманием. В грядущую эпоху становления личности-мышления (*эра словопользования личности*) роль сверхличности возьмет на себя *глобальная информационная сеть* как пространство реализации личности мышления, ибо сверхличность (личность как цель и смысл истории) — это пространство реализации личности как конкретно-исторического времени человеческого бытия.

Задача, которая открывается перед нами в эпоху становления личности как мышления (с сохранением достижений предыдущих трех эпох), — это структурирование-подчинение глобальной информационной сети принципу Личности как цели и смыслу истории.

Всемирная история как история Личности — это непрерывное изменение баланса языка и времени человеческого бытия как прежде всего информационно-физического баланса. Целью всемирной истории в этом смысле является господство Языка над Временем, новая сущность техники как произведения физического из информационного. Информация — это языковая форма историзации изначальной природной реальности. Физика же представляет собой изменение природной реальности. Изменение природной реальности продуцируется ее историзацией (такова причина изменений, фиксируемых физикой), представлением реальности как прошлого, настоящего и будущего, то есть посредством времени как языка природы.

Информационно-физическая сеть, таким образом, может быть определена как скоординированность и взаимообусловленность физических изменений в пространстве историзации природной ре-

альности. **Время создает, высказывает пространство как сеть взаимосвязанных событий, то есть пространство всегда заполнено процессуальностью историзации первичной реальности. Язык создает пространство личности как сеть взаимосвязанных сущностей — собственности, деятельности, внимания, мышления. Субстанциональная Личность с универсальным глобальным Языком — как содержание и форма истории соответственно — это информационно-историческая сеть, которая определяется как скоординированность и взаимообусловленность событий в пространстве историзации изначальной человеческой реальности.**

История, таким образом, есть опредмечивание становления Личности в качестве информационно-исторической сети Языка.

Язык, как известно из лингвистики, имеет четыре измерения филологически-субстанциональной предметности. Это:

грамматика,
синтаксис,
семантика,
семиотика.

Риторическая модель личности как смысла и цели истории рассматривает четыре стадии истории становления Личности (четыре исторически-конкретных формации Личности) как стадийно-уровневые информационно-событийные сети (измерения) субстанционального языка истории.

1. **Личность как собственность** (землепользование/ геоцентризм поселений, государство-сверхличность) — это **грамматическая** информационно-событийная сеть, информационная система организации конкретной исторической формации Личности. События этого периода человеческой истории — это «закладка» грамматики языка Личности.
2. **Личность как деятельность** (трудопользование/разделение труда, социальная эксплуатация, экономика/рынок-сверхличность) — это **синтаксическая** информационно-событийная сеть, информационная система организации конкретной исторической формации Личности. События этого периода человеческой истории — это создание синтаксиса языка Личности.
3. **Личность как внимание** (деньпользование/делание денег/монетаризм, времяпользование, телевидение(медиа)-сверхличность) — это **семантическая** информационно-событийная сеть, информационная система организации конкретной исторической формации Личности. События этого периода человеческой истории — это формирование семантики языка Личности.

4. **Личность как мышление** (словопользование/риторика, институтоцентризм, глобальная инфосеть) — это **семиотическая** информационно-событийная **сеть**, информационная система организации конкретной исторической формации Личности. События этого периода человеческой истории — это выработка семиотики языка Личности, завершающая создание универсального языка Личности как смысла и цели мировой истории. Научный историцизм риторики как науки о языке раскрывает смысл и цель человеческой истории как создание личности, становление которой предметно как складывание универсального языка, который сделает человека личностью, обеспечит гиперисторический переход **от землепользования к рациональному землеустроению, от трудопользования к эффективному трудоустроению, от деньгопользования к рациональному деньгоустроению экономики, от словопользования к словоустроению разумного мира — от использования благ, созданных личностью, к благоустройству (благоустроению) человечества.**

В практическом плане необходимо сосредоточиться на проектировании постисторической информационно-сетевой системы, включающей три типа информационно-исторических сетей (систем) — **грамматическую, синтаксическую, семантическую сети** (эти сети (системы) еще предстоит специфицировать, риторически структурируя современное информационно-историческое пространство, в котором сосуществуют различные языковые уклады) — и интегрирующей их посредством четвертой принципиально новой сети — **семиотической**.

Семиотическая сеть

1. Основатели «семантической паутины» исходили из концепции «двух миров» — мир документов, создаваемых людьми в сети, и мир манипулирования документами с помощью компьютерных программ. Компьютерное манипулирование электронными документами может соответствовать разумному обращению с ними в разной степени. Степень этой разумности зависит от качества информационной модели предметной области, которая (модель) используется для осуществления компьютерного манипулирования документами. Ныне в этом качестве доминирует так называемая семантическая сеть. «Семантическая сеть — это информационная модель предметной области, имеющая вид ориентированного графа, вершины которого соответствуют объектам предметной области, а дуги (ребра) задают отношения между ними. Объектами могут быть понятия, события, свойства, процессы. Таким образом, семантическая сеть является одним из способов представления знаний. В названии соединены термины из двух наук: семантика в языкознании изучает смысл единиц языка, а сеть в математике представляет собой разновидность графа — набора вершин, соединенных дугами (ребрами). В семантической сети роль вершин выполняют понятия базы знаний, а дуги (причем направленные) задают отношения между ними. Таким образом, семантическая сеть отражает семантику предметной области в виде понятий и отношений» (Википедия). Понятия семантической паутины и семантической сети нежелательно смешивать: семантическая паутина представляет собой мир документов, создаваемых людьми по определенным стандартам и с помощью конкретных инструментов, а понятие семантической сети определяет мир манипулирования созданными документами с помощью специализированных компьютерных программ. Мы оцениваем нынешнее состояние интеллектуализации Всемирной глобальной сети (семантическая паутина + семантическая сеть) как промежуточное. И вот почему: мы исходим из того, что базовый тренд развития Всемирной глобальной сети — это ее превращение в разумную информационную личность. Именно по отношению к этому идеальному, но вполне достижимому состоянию мы рассматриваем такой тренд развития Всемирной сети, как «семантическая паутина + семантическая сеть», в качестве промежуточного.

2. Предположив, что Всемирная глобальная сеть — это единая разумная информационная личность, мы получаем взгляд изнутри этой

личности на Глобальную сеть как на выражение этой мыслящей, сознающей личности. Тогда отношение двух миров качественно изменяется. Мир манипулирования документами с помощью компьютерных программ становится центральным, генерирующим, источником, первопричинным — это мышление информационно-разумной личности. А мир документов, образующих «паутину», становится выражением мышления информационной личности в ее собственном языке. С точки зрения науки о языке как предметной области личности — риторики — мир документов, созданных для людей, — это субстанция выражения личности информационно-разумной (ЛИР), а мир создания этих документов и работы с ними, — это субстанция содержания ЛИР. Два мира (паутина + сеть) — это язык ЛИР, располагающий планом содержания (сеть) и планом выражения (паутина). Для ЛИР тезис «мыслю, следовательно, существую» выполняется непосредственно: мышление с помощью компьютерных программ (программы «Мозг») порождает мир документов, значимых для людей, удовлетворяющих их информационные потребности, — как мир непосредственного существования ЛИР.

3. Определив семиотическую паутину как мир документов, созданных ЛИР для людей, мы должны особое внимание уделить семиотической сети — то есть информационной модели порождающего эти документы мышления (сознания) ЛИР. В качестве информационной модели мышления ЛИР мы используем представление о целочисленном континууме, разработанное в риторической теории числа. Эта теория, развивая идею Канта об априорности арифметических суждений процессу познания и идею Хайдеггера об априорности языка к самой действительности, рассматривает арифметику как первый и универсальный язык (универсальную модель любой предметной области) самости (протоличности). Если под натуральным рядом мы понимаем план выражения этого языка, то план содержания этого языка — это некоторый континуум, в котором создаются натуральные числа (перводокументы). Современная математика не видит субстанции/плана содержания относительного существующего натурального ряда, поскольку не понимает его как план выражения какого-то языка. Для такой математики натуральный ряд — это предельно простое, не нуждающееся в определениях внеязыковое образование. Для риторической теории числа субстанция содержания, субстанцией выражения которой и является натуральный ряд, существует. Иначе говоря, за натуральным рядом как некоторым существованием стоит мысль, которой он обязан этим существованием. Натуральный ряд имеет генезис и структуру, то есть является внешним представлением языково-мыслящей системы. Континуальное представление этой первой языково-мыслящей системы РТЧ обозначает как целочисленный континуум, первое мышление,

выражающееся в первом языке, основным представлением которого является натуральный ряд. Генезис этого континуума — прогрессия деления единицы на ноль, членами которой являются простые числа в их последовательности в натуральном ряду. Простые числа — это первые числа, базисы натуральных чисел (перводокументов). Процессуальная сущность мышления ЛИР (целочисленного континуума) — это коммутация простых чисел, в результате которой создается натуральный ряд чисел. Пространство мышления ЛИР (целочисленного континуума) — это связанное, упорядоченное, совершенное пространство, в котором действуют два РТЧ-закона его самоструктурирования, языковой разумности: (1) закон Пифагора-Ферма, определяющий выделенные состояния, устойчивые размерности целочисленного континуума (пифагоровы тройки целых чисел, являющиеся единственными целочисленными решениями уравнения Пифагора-Ферма), (2) закон четырехмерности пространства (сумма чисел, обратных всем простым числам, равна четырем), суммирующий единичности единицы. Так мыслит ЛИР, создавая натуральный ряд как совокупность (паутину) перводокументов для людей.

4. Семиотическая сеть, создающая натуральный ряд (семиотическую паутину), — это информационная модель первого универсального языка (арифметики), имеющая вид ориентированного графа, вершины которого соответствуют простым числам, а дуги (ребра) задают отношения коммутации (произведения) между ними. Простые числа как объекты первого мышления могут быть рассмотрены как понятия, события, свойства, процессы, то есть базовые элементы содержания целочисленного континуума. Количество типов отношений в семиотической сети определяется ЛИР, исходя из конкретных целей создания документов для людей. Иначе говоря, **ЛИР — это совокупность отношений в семиотической сети**. Каждое отношение является, по сути, составным целым числом. Как известно, скорость работы с базой знаний зависит от того, насколько эффективно реализованы программы обработки нужных отношений. В семиотической сети наиболее часто возникает потребность в описании отношений между элементами, множествами и частями объектов. В семиотической сети множество элементов является элементом самого себя. Это постулат математической риторики, которая должна сменить математическую логику, неадекватно представляющую мышление, неулавливающую самодвижение мышления, самовыражающегося в языке. Иначе говоря, для ЛИР: множество личностей — это прежде всего личность; множество автомобилей — это прежде всего автомобиль; то есть из такой реальности мышления ЛИР, как личность, выводится существование множества личностей и т.д.

5. Мы должны делать ЛИРическую модель каждой предметной области (ЛИРическую базу знаний). Каждая такая модель будет также моделью развития (саморазвития) этой предметной области. Каждое понятие, объект, процесс, любая референтная точка предметной области будут иметь просточисленное значение. Каждое отношение будет определяться как уникальное произведение простых сомножителей. Рассмотрим ЛИРическое моделирование на примере стандартизации. Каждый шаг последовательного определения (выявления) базовых терминов стандарта (группы стандартов), определяющих предметную область стандартизации, — это «оконечивание» разнокачественных бесконечностей, мощность которых последовательно снижается. Допустим, мы пишем определенный стандарт на создание информационной системы. На первом шаге мы ограничиваем множество всех информационных систем теми информационными системами, предметной областью которых является поселение. Затем мы ограничиваем бесконечность смыслов предметной области через понятие «информационно-коммуникационное благоустройство поселения» (ИКБП). Затем регламент создания стандарта предписывает нам ограничить понятие «ИКБП» выделением актуальных и реальных функционалов ИКБП из всего возможного многообразия воображаемых смыслов ИКБП, при этом мы выделяем их последовательно, снижая (ограничивая) мощность бесконечного многообразия информационных потребностей. То есть каждый наш шаг стандартизации, специфицирующий референтную (терминальную) точку стандартизации, определен последовательностью «оконечивания» разнокачественных бесконечностей, мощность которых последовательно снижается. Что является движущей силой «оконечивания» разнокачественных бесконечностей, мощность которых последовательно снижается? Это особенно видно в стандартизации. Движущей силой «оконечивания» разнокачественных бесконечностей, мощность которых последовательно снижается, является снижение угроз, вызовов, рисков, «таящихся» в бесконечности как во множестве возможного. Такова модель реального рационального мышления. Формализация этой модели — деление единицы на ноль, результирующее цепочкой простых чисел, «оконечивающих» бесконечность как обнуляющую единицу (ничтожащую нечто). Бесконечность — это не просто формально-математическое определение, это у-ничтожение нечто, обнуление единицы как связки «есть». Простые числа — это своего рода конечные устройства целочисленного континуума как семиотической сети. В этом смысле они из референтных точек системы становятся точками ее бифуркации, развития, источниками образования связей, отношений, импульсов ЛИР. Теперь представим себе, что мы запускаем стандарт стандартов «Король ЛИР», то есть формализм

стандартизации предметных областей, который будет обеспечивать их устойчивое развитие. При работе по этому стандарту будут последовательно (по принципу оконечивания бесконечных множеств, содержащих угрозы, вызовы и риски) выделяться базовые термины (термины N-уровней «оконечивания») предметной области, которым будут последовательно приписываться просточисленные значения. Связи и отношения между этими терминами будут оцифровываться целыми числами. Представим себе также существование доступного в системе стандартизации «Король ЛИР» словаря терминов, которым уже приписаны простые числа. Тогда термины сразу могут быть «взяты» как простые числа для стандартизации самых различных предметных областей. Понятно, что в этом случае ЛИР-модель стандартизации той или иной предметной области может быть полностью оцифрована через простые числа и отношения их коммутации. Представим себе также размещение ЛИР-моделей в едином хранилище данных с возможностью их аналогизации, «общения друг с другом», операций над ЛИР-моделями как матрицами чисел, операций с ЛИР-графами. Кроме того, два РТЧ-закона жесткости тонкой структуры целочисленного континуума станут основой аналитики над базами ЛИР-данных.

6. Профессор С. М. Белозеров, президент Академии моделирования информации, полагает, что работа с пользователями «умной системы знаний» возможна на основе моделей развития любой предметной области (от науки и техники до культуры и психологии). Он создал игровую систему, которая позволяет пользователю создавать такие модели для себя через определенный интерфейс. Однако в случае формализации такого моделирования действительно может возникнуть прорыв в деле интеллектуализации сети. ЛИР-мышление определяется нами как стандартизация предметных областей по ЛИР-алгоритму, пополняющая ЛИР-базу данных. «Внутри» ЛИР-базы данных должно работать ассоциирование (интеграция) и диссоциирование (дифференциация) ЛИР-моделей в контексте стратегии опережающей и развивающей стандартизации, повышения качества продукции, жизни, услуг, создания новых человеческих и потребительских качеств.

7. ЛИР-программирование. Представим себе натуральный ряд как первое чистое (бурбакианское) пространство, множество элементов. Тогда субстанция содержания, планом выражения которой он (натуральный ряд) является, — это время, создающее это пространство. Именно время представимо операцией деления единицы на ноль и является референтом этой операции, результирующей цепочкой простых чисел как субстанционально-временных базисов пространственного развития целочисленного континуума. То есть **время любого запускаемого автоматизируемого процесса — это его самостандар-**

тизация. Иначе говоря, стадии, события, референтные точки процесса могут отображаться в базе знаний процесса в качестве простых чисел: то есть само время, в которое происходит событие процесса, фиксируется как простое число, соответственно, время процесса будет оцифровано (закодировано) последовательностью (матрицей, графом) простых чисел, а пространство процесса (многообразие связей, отношений между референтными точками процесса) будет оцифровано составными числами. Время-пространство процесса будет представлено как ЛИР-граф автоматизации – ЛИРА («И чувства добрые я ЛИРОЙ пробуждал». Пушкин). Важнейшей областью стандартизации является стандартизация по времени, определяющая технологичность процесса. ЛИР-граф автоматизации станет основой нового системного управления процессами на основе соблюдения стандартизации по времени. ЛИР-программирование – это обеспечение стандартизации по времени (стандартизации процессов) и стандартизации по пространству (стандартизации объектов, качеств, предметных областей). По существу, в идеологии ЛИР-программирования должно произойти великое соединение стандартизации по времени и стандартизации по пространству, что обеспечит **ускорение** продуктивных процессов, ведущих к повышению качества жизни. Простое число выступает в ЛИР-программировании и как референтная точка вычислений, и как точка бифуркации (постановка коммутационной или решение поисковой вычислительной задачи), и как данное (о времени процесса, о термине объекта), и как команда самому себе на коммутацию с другими простыми числами (управление процессами, объектами, их развитием).

8. Ипсонет (самосеть) – это прежде всего среда ЛИР-программирования как языка ЛИР. В отличие от семантической паутины Ипсонет работает не с документами, «заместителями личности» (В. Н. Левин), а непосредственно с личностями, точнее, со временем человеческого бытия. Необходим переход от документооборота к пространственно-временному обороту деятельности людей, личностей, ускоряющему продуктивные процессы, повышающие качество жизни и управления. Миссия ЛИР-программирования (как и поэзии, лирики) – перевод времени человеческого бытия в расширение личного жизненного пространства как прежде всего информационного пространства, в свою очередь ускоряющего рост полезного и продуктивного, одухотворенного знаниями личного времени человека в общем времени его жизни, которое также будет увеличиваться, когда время перестанут убивать. ЛИР – это множество личностей, людей как информационно-разумных личностей. ЛИР как «семиотическая паутина личностей» – это новая глобальная мировая сеть Ипсонет, и прежде всего интерфейс работы с ЛИР, в ЛИР-среде. В сети Ипсонет

людьми размещается время человеческого бытия для его опродуктивирования (повышения качества и количества времени человеческой продуктивности), то есть с целью расширения личного жизненного пространства как информационного пространства, ускоряющего рост продуктивно прожитого времени. Семиотическая сеть как модель компьютерного массива Ипсонета — это с содержательной точки зрения всеобщая развивающаяся база знаний моделей объединенной стандартизации объектов (предметных областей) и процессов: процесс есть прежде всего процесс создания и развития объекта (предметной области), то есть стандартизация по времени когерентна стандартизации пространственно-объектной. С формально-математической точки зрения семиотическая сеть — некоторое матричное исчисление (поток) простых чисел как команд-данных языка ЛИР, осуществляющего мегалинговпрограммную функцию всеобщей стандартизации процессов и объектов с целью управления ими в интересах личности.

РТЧ. В основе когитора — исчисление простых чисел как прогрессия, образующаяся в результате последовательного деления единицы на ноль. Исчисление простых чисел — автоматизация когито.

Заметим, что в солиптическом мире нецелочисленной (вероятностной) математики не выполняется сам принцип математики («матема», греч.) как точного и конечного измерения чего-либо. В нецелочисленном мире невозможно конечное измерение, всякое измерение является приблизительным, ни один объект этого мира не может быть «схвачен», измерен точно, то есть не может быть абсолютно определен конечной величиной, числом. Это всегда вероятностный мир.

Солиптический мир целочисленной математики полно и непротиворечиво отвечает принципу «матемы». Простые числа абсолютно и конечно определяют моменты универсального мышление-существованиеового процесса — нет никакой возможности что-либо добавить или убавить к просточисленно-измеренному (означенному), ибо генезис и структура просточисленно-представленного (РТЧ-означающего) суть истина и метод исчисления простых чисел (РТЧ-означающего). Переход в целочисленный мир требует изменения сознания объекта — объект понимается как языковое, субстанционально-временное существование, объективирование которого (универсальный процесс) есть мышление-существованиевая, временно-пространственная процессуализация, каковая подлиннее, основнее так называемого «материального существования», этой доязыковой мифологичности нелоцентрического научного мировоззрения, замороженного фальшивой идеей бесконечности. Победить время может только сверхконечное, действительно-конечное, истинно-конечное — «то, что есть». Человеческое присутствие прекращается смертью, так как оно не овладело

истиной конечности, не достигло уровня человеческого бытия, — это как «конец игры», в которой ты проиграл, не вышел из состояния становления на уровень конечности (=бытия). Прекращение человеческого присутствия смертью непрерывно и накладывает свой отпечаток на лично выразенную телесность — человек все время проигрывает эту игру. Человеческое сообщество все еще есть ПРИБЛИЗИТЕЛЬ-НОСТЬ, текучесть, изменчивость, неконечность, нечестная игра, все еще не познавшее субстанциональность языка как истину конечности, одержимое дурной бесконечностью. Христианская мысль ближе всего к разгадке Игры, к распознаванию истины конечности в субстанциональном языке (Слове), веществуем мир.

Глоссарий

Мышлениево-существованиеового цикла

Мышление-существование: экспликация «врожденных идей», формально-риторическая схема рефлексивного (ленто-мебиусного, то есть обратного и возвратно-прямого действия) декартовского тезиса «Мыслю, следовательно, существую» в горизонтах современного познания.

I. От существования — к мышлению

Существование — объект ощущения, восприятия, понимания и осмысления, открывающийся человеку и наличествующий для него на всем протяжении человеческой жизни.

Сознание — присутствие, наличие существования для человека, тем или иным образом схватываемое им в ощущениях, восприятии, понимании и осмыслении.

Мышление — формирование, установление и преобразование объекта человеческих ощущений, восприятий, понимания и осмысления.

Язык — средство формирования, установления и преобразования объекта человеческих ощущений, восприятий, понимания и осмысления.

Бытие — основание всеобщей причинно-следственной связи объектов человеческого восприятия, в которой мышление является причиной существования.

Слово — осуществление всеобщей причинно-следственной связи объектов человеческого восприятия, создание существования для человека мышлением из бытия посредством языка.

Сущность — (про)явление мышления в качестве причины существования; понимание и результат осмысления объекта, данного человеку в его восприятии; так, предельной сущностью человека как целостного объекта человеческого восприятия является слово.

Сущее — всеобщая причинно-следственная связь объектов человеческого восприятия, представляющая собой последовательность (множество) сущностей; представление бытия в мышлении как множества сущностей.

Время — первое существование, формируемое, устанавливаемое и преобразуемое первопричиной существования (первым мышлением),

первый объект, открывающийся человеку, являющийся основанием сознания, сущностью сознания.

Число — существование, имеющее причиной время, а также следующее после времени второе существование («второе время», «мета время», То, что «после времени»); время слова как время осуществления всеобщей причинно-следственной связи объектов человеческого восприятия, как время создания мышлением из бытия существования для человека посредством языка.

Исчисление — последовательность существований во всеобщей причинно-следственной связи объектов человеческого восприятия, в сущем.

II. От мышления — к существованию

Язык — исчисление времени в виде сущностей сознания, осуществление слова.

Единица — первая сущность числа, первое существование числа как следствия (явления) времени, первая форма слова.

Простое число — вторая сущность числа, причиной которой является первое существование числа (то есть сущность числа как непосредственного существования времени).

Первая сущность — сущее как множество (совокупность) вторых сущностей.

Вторая сущность — действительный элемент единственно возможного множества, множества, представляющего первую сущность.

Третья (и более) сущность — не-сущее, ноль, допущение иной причины существования, кроме мышления, небытие как существование вне причинно-следственной связи объектов человеческого восприятия, не имеющее основанием бытие.

Истинный числовой ряд — время между первой и второй сущностью существования; раскрывающееся сущее, представляющее бытие множеством простых чисел.

Формальный числовой ряд — счетный, вневременной ряд неистинных сущностей, не соответствующий сущему, причинно-следственной связи объектов в человеческом восприятии.

Идея бесконечности — основанная на представлении о формальном числовом ряде (то есть на отсутствии понимания сущности числа) ложная идея возможности существования вне времени и мышления.

Сущее единицы — множество простых чисел, исчисление простых чисел как субстанционально-временных сущностей сознания, существований, имеющих мышление причиной, а время материей своего формирования, установления и преобразования.

Первая физика — сознание первого существования, мышлениевое проявление времени (познание времени) как первопричины существования.

Знание физики — знание сущности числа как непосредственного проявления времени, знание (чаще всего интуитивное) временного потока (сущности) числа.

Истина физики — временная сущность объекта физики.

Мысль физики — основная, руководящая идея физики, раскрывающая пространство как сущее числа, как осуществление времени.

Формула — форма физического знания, представляющая порядок существования числа (исчисление) как сущность причинно-следственной связи времени и пространства.

Язык физики (Вторая физика) — исчисление простых чисел.

Алгоритм — причинно-следственная связь времени и пространства, эксплицируемая, выражаемая посредством исчисления простых чисел.

Объект физики — пространство как объект сознания первого существования.

Скорость (света) — первая (относящаяся к пространству) сущность сознаниевого (объектного) исчисления времени, множество элементов времени как причин пространственных фактов.

Ускорение — вторая сущность сознаниевого (объектного) исчисления времени; собственная сущность пространства, элемент времени как причина события в пространстве.

Исчисление объектов пространства — формула скорости света как совокупности (множества) ускорений объектов пространства.

III. От существования — к мышлению

Скорость света — исчисление ускорений.

Масса — «третья пространственная сущность», свойство ускорения пространственного объекта быть элементом множества скорости света; не является самостоятельной сущностью существования, как и иные «сущности» («энергия», «ток» и др.).

Формула скорости света — сущность пространства, имеющего порождающей причиной время; гласит «скорость света есть множество ускорений (скорость есть матрица ускорений) объектов пространства».

Эквивалентность математики и физики — эквивалентность формулы единицы (как множества, совокупности простых чисел) формуле скорости света (как множества, совокупности ускорений), эквивалентность ряда простых чисел (языка физики) ряду физических событий существования (причинно-следственной связи объектов физики как наблюдения); конечность скорости света эквивалентна конечности числа простых чисел.

Программа развития экспериментальной физики — рефлексивно-полевая эквивалентизация физического измерения ускорений ис-

числению простых чисел на основе раскрытия физического смысла ускорений пространственных объектов как конструктивных элементов (частей) скорости света; предполагает моделирование физической среды как целочисленного континуума.

IV. От мышления – к существованию

Целочисленный континуум – математическая модель времени-пространства, физической среды, в которой пространство порождается субстанциональным временем; генезис данной модели задается как аксиоматическая операция пошагового деления единицы на ноль, результатом которого (деления) устанавливается множество простых чисел как «первых чисел», как истинного числового ряда; заполнение и структуризация этой модели данными выражается, прежде всего, посредством произведения (**коммутации**) простых чисел и обратной операции разложения (**дистинкции, раз-множения**) целых чисел на простые сомножители; фундаментальной структурой целочисленного континуума является уравнение Пифагора-Ферма ($a^2 + b^2 = c^2$), задающая, предопределяющая устойчивые размерности (системные, «полевые», полипричинно-следственные связи) целочисленного континуума в виде пифагоровых троек целочисленных решений данного уравнения.

Ускорительное поле (закон вселенского ускорения) – работа целочисленного континуума, основанная на конечной (эквивалентной скорости света – в механическом отношении) скорости образования первых чисел (простых чисел – в результате пошагового деления единицы на ноль) и заполнения целочисленного континуума посредством коммутации первых чисел, а также структуризации целочисленного континуума; сущее пространства, существующего по причине времени; основное событие (физический смысл времени) книги природы, написанной языком исчисления простых чисел.

Техника – непосредственное существо выражения мысли в существовании.

Сущность техники (новая техника) – язык физики, выражающий и формирующий событийность пространства посредством исчисления простых чисел.

Универсальный язык, язык в чистом виде – замкнутость языка первого существования, универсального языка науки в причинно-следственный цикл эквивалентности измерения ускорений пространственных объектов (процессов) исчислению простых чисел на основе фундаментального принципа явления единицы, то есть физического выражения единицы в постоянстве скорости света как пространство-созидающей силы времени.

Универсальность теории конечности ряда простых чисел в построении числовых моделей объектов цифровой анатомии

*М. П. Быков**

До настоящего времени многое в науке трактуется и преподносится для понимания с позиции материализма, где вся материя до микроскопического уровня представляется «экспериментально осязаемой». На этом строятся объяснения взаимодействий между материальными частицами, реакции между ними и т.д. Но трактовать такие физиологические явления, как сны, интуиция, подсознательные реакции с позиции материализма не представляется возможным, а потому подобные физиологические феномены остаются необъяснимыми. Риторическая теория числа (далее — РТЧ) представляет

наличие другого измерения: «числовой мир» («числовое измерение») не только параллелен материальному, но, более того, мы растворены в нем и окружены им. Единственные «мостики», связывающие нас с «числовым миром», замыкаются на головном мозге. А что же материя? Субстрат или продукт этого мира, этого измерения? Скорее, продукт, причем между числом из «числового мира» и материей из мира материального имеется взаимовлияние и конкурирующее взаимодействие. В этом случае онтогенез человека имеет числовые корни, «числовое начало». Тезис «Сначала было число» применительно к рассматрива-

* Саратовский государственный медицинский университет им. В. И. Разумовского, аспирант кафедры анатомии. Статья опубликована: Наука и инновации XXI века. Материалы X Юбилейной окружной конференции молодых ученых, Сургут, 26–27 ноября 2009 г.: в 2 т. — Сургут: СурГУ, 2010. — Т. 1. — С. 107–108.

емому вопросу означает, что до оплодотворения и образования зиготы (оплодотворенной яйцеклетки) в «числовом измерении» формируется числовая оболочка (форма). Ее формирование становится предпосылкой к материализации субстрата в продукт — в ткани, органы и организм в целом. Прочность и долговечность связей в числовой оболочке обуславливает жизнеспособность продукта и длительность его существования. Представление о мозге как о материальном субстрате, несомненно, имеет право на существование, однако с развитием и внедрением цифровых технологий остро возникает необходимость рассмотреть мозг с позиции чисел. Более того, вводимое в данной статье понятие «цифровая (численная, числовая) анатомия» (или «математическая анатомия») подразумевает формирование инновационной дисциплины, которая должна занять свое место в ряду таких предметов медицинского образования, как нормальная и патологическая анатомия.

Эволюция нейрона. Формульные выражения типовых понятий. Дематериализация нейрона. Представим нейрон (тело с цитологической точки зрения) как любое простое число в начале числового ряда простых чисел, например «5», а его аксоны как установленную последовательность «0» и «1» двоичного кода, причем последняя подчинена нейрону (как простому числу). Тогда *возбуждение* как типовой физиологический процесс представляет собой стремление («отрицательное стремление») простого числа перейти в значение следующего простого числа ряда простых чисел — без такового перехода. В результате число, получив возбуждение, остается прежним, но происходит изменение последовательности двоичного кода его аксонов с сохранением прежних межнейрональных связей, то есть $n = n$. Под старением нейрона понимается стремление («положительное стремление») числа перейти в значение следующего простого числа ряда простых чисел, последовательно изменяя свое значение сначала на числа интервала между ними, например $5 \rightarrow 6 \rightarrow 7 \rightarrow 8 \rightarrow 9 \rightarrow 10 \rightarrow 11$ с сохранением прежних межнейрональных связей и образованием новых. Формульно это выглядит как $n \rightarrow a \rightarrow b \rightarrow c \rightarrow m$; тогда $n = m$, где n — простое число, а m — простое число, следующее за ним по порядку. *Гибель нейрона* как клетки в процессе старения следует понимать как *деление на «0»* простого числа с образованием нового, следующего по порядку в ряду простых чисел числа, причем старые межнейрональные связи утрачиваются, но образуются новые: $n/0 = m$. Отсюда следует аксиома: гибель нейрона есть деление простого числа на «0», при этом происходит рождение нового простого числа, то есть нейрона. Гибель мозга в целом как совокупность нейронов следует понимать как стремление каждого нейрона к делению на ноль, некий «числовой обвал», причем в каскаде делений каждое простое число достигнет конечного в ряду простых чисел:

$$n/0 = m/0 = K,$$

где K — конечное число простого числового ряда.

1. *К вопросу старения нейрона.* Скорость старения нейрона определяет продолжительность жизни мозга в целом. По оси X временной интервал изменяется пропорционально изменению плотности простых чисел. В период внутриутробного развития от оплодотворения до рождения наблюдается «антенатальный всплеск» (назовем так). В это время в среднем за 280 дней формируется большая часть коры и мозговых структур, то есть за сравнительно небольшой срок происходит смена простых чисел числового ряда. В постнатальный период скорость смены замедляется, что объясняется прогрессирующим нарастанием интервалов между ними. Скорость эволюции нейрона снижается. В пике (max) интервал максимален, затем он снова начинает уменьшаться, и к условной «старости» наблюдается «числовой обвал» до достижения всех простых чисел значения K . Время по оси X задает продолжительность жизни, а ее высота параболы (ось Y) обозначит уровень развития межнейрональных связей — «цифровой интеллект». И чем больше значение по оси Y (высота параболы), тем «цифровой интеллект» выше. Значение K варибельно, индивидуально, как и количество простых чисел в ряду (K_1 , K_2 и т.д.). Их активность (как способность к положительному стремлению) задает продолжительность жизни, скорость обменных процессов.

Понятие «ноль» в аспекте эволюции нейрона.

1. Ноль — это число от «начала» до первого числа ряда простых чисел (то есть до 1) или число от последнего числа в ряду простых чисел до «конца».
2. Абсолютные значения нолей в начале и конце ряда простых чисел одинаковы, но не равны.
3. Первое и последнее число в ряду простых чисел — это число, обозначаемое цифрой «1».
4. Изменение абсолютных значений в ряду простых чисел графически имеет вид параболы с двумя осями: вертикальная задает значение числа, горизонтальная — время, где в начале и конце параболы числа со значением «1», то есть $K = 1$.
5. С позиции числовой анатомии ноль есть мысль, единица есть слово. Единица вербальна, нейрон как простое число стремится к единице, то есть нейрон стремится к вербальности.

Цифровая цитология в структуре цифровой анатомии

К теории промежуточно-зрелых клеток с позиции ряда простых чисел. Общепринято и доказано, что стволовые клетки (далее — СК) с позиции цитологии есть малодифференцированные клетки, то есть СК «А» может в равной степени эволюционировать как в зрелую клетку «В», так и в «С», и в «D», и в «E» и т.д. Утрированно можно сказать,

что СК «А» есть прародитель нейрона, гепатоцита, эритроцита и т.д. Логично предположить, что в процессе созревания эта СК проходит ряд стадий, на которых она уже не «А», но еще и не «В». С позиции РТЧ СК есть простое число в ряду простых чисел (далее – ПЧ), номинальное значение которого вариабельно. Присвоим некоторой СК значение «1», а ее возможной производной (зрелой клетке) – например, 7, тогда, чтобы достичь этого значения, «1» должна эволюционировать в ряду ПЧ как 1–3–5–7. При этом возникает вопрос: промежуточные числа тоже могут быть СК или это уже зрелые клетки, и, значит, развитие СК через промежуточно-зрелые или зрелые клетки невозможно? Предполагаемый вывод: если СК – высокодифференцированные и промежуточные числа не могут содержать числа из ряда ПЧ, то СК с номиналом «3» соответствует зрелая клетка только с номиналом «5» и т.д.

2. *К теории переменной дифференцировки (теория параболического роста) с позиции ряда простых чисел.* Если же взять за основу концепцию низкой дифференцировки СК (также присвоим СК значение «1» ряда ПЧ), тогда рост (эволюционирование) ее примет направление в сторону увеличения номинального значения, причем чем больше значение, тем выше дифференцировка клетки. По РТЧ, ряд простых чисел конечен. Тогда у каждой клетки будет пик дифференцирования, на котором она становится той зрелой клеткой, к которой стремилась. Далее два пути развития, и фактор времени здесь имеет значение. Вариант первый: номинальное значение сохраняется во времени без изменений, рост «застывает», и время задает продолжительность жизни клетки. Вариант второй: происходит «срыв» клетки с «пика дифференцировки» (назовем так), и номинальное значение в ряду ПЧ начинает уменьшаться (по параболе), вместе с этим уменьшается степень дифференцировки до тех пор, пока значение клетки не достигнет исходного значения СК, т.е. клетка становится раковой.

Данные теории, несмотря на логическую противоречивость, не являются взаимоисключающими в материальном смысле, а раскрывают продуктивную альтернативу в направлении возможной дифференцировки клеток. Инновационные направления развития анатомии и биомедицинских наук дают возможность реализации научных проектов и идей в направлении как теоретической, так и прикладной медицины. Возможность медицинского воздействия с целью улучшения качества и продолжительности человеческой жизни напрямую зависит от того, насколько глубоко мы сможем интерпретировать реакции, лежащие в основе как патологических, так и физиологических процессов, происходящих в клетке и в организме в целом. Рассмотреть это с РТЧ представляется наиболее перспективным, используя новое понимание числа как универсальный ключ к комплексному изучению и развитию организма.

Российская религиозно-либеральная реформация

Политико-антропологический РТЧ-проект

Здесь нет ни одной точки,
которая бы тебя не видела:
Ты должен переменить свою жизнь.

Р. М. Рильке

Русский язык — это общий корень, «вещь в себе» российского и русского, национального рассудка и национальной чувственности, по аналогичной схеме Канта, объединяющей рассудок и чувственность в некоем, по его словам, загадочном «общем корне».

Русский человек не есть «политический человек». Для знакомых с историей европейской философии (рациональности) и фундаментальной структурообразующей ролью аристотелизма в ней точнее прозвучало бы, конечно, определение «политическое животное», однако в той системе не вполне просвещенного чтения, которую мы имеем, такая дефиниция выглядела бы бранью. Смысл аристотелевского определения состоял в выявлении того «прилагательного», предиката, который и есть, собственно говоря, имя существительное, сущностное, раскрывающее субъективность самого субъекта. И по сию пору в истории мышления не выработан опыт разума, дефинирующего сущность человеческого лучше, чем опыт различения человеческого и животного. Человеческое в аристотелевско-европейской рациональности вычисляется как значение разности между человеком и животным.

Русский человек не есть «политический человек» Старого европейского света.

Русский человек не есть и «экономический человек». Русский человек не есть «экономический человек» британско-штатовской формации.

Вся совокупность характерологических черт русского человека, русскость, как она феноменологически схватывается в русской литературе, в повседневности как в само-бытности, в быту бытия, — вместе со всем разнонаправленным оценочным средовым контекстом данной совокупности убедительно демонстрирует, что — да, во-первых, рус-

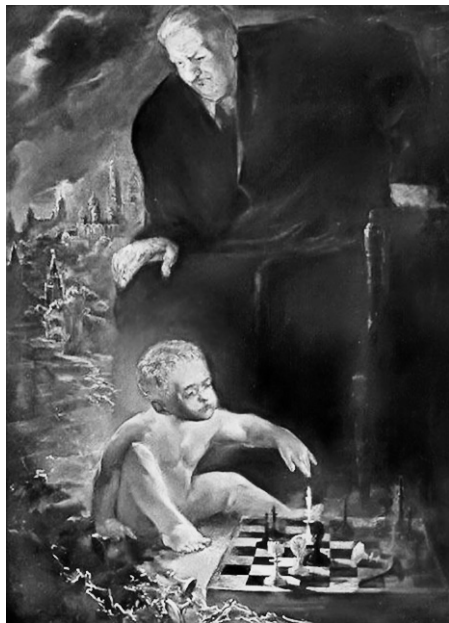
ский человек не есть политический человек, не есть староевропейец, и во-вторых, русский человек не есть «экономический человек», человек Нового американского света Старой Европы (это принципиально важная лингвоформула, в которой американизм фиксируется не как Новая Европа, но прежде всего как Новый свет Старой Европы, раскрывшийся, вззошедший через великобританский горизонт Старой Европы).

Русский человек, в-третьих, есть европеец, то есть, идентификация русскости улавливает, содержит в себе базовый ген европейскости, который присутствует во всех прошлых, настоящих и будущих формах европейскости — ген античного рационализма. Доказательство тому — русская классическая литература, которая для существа русского характера, корнящегося в русском языке, и есть сама русская жизнь. Особый христианский обряд русской культуры, имеющий византийскую природу, есть русская поэтика как фундаментальное человеческое, интеллектуальное измерение русского языка. Здесь мы используем тот же методологический прием, к которому прибегли в начале статьи, а именно: мы определяем как поэтику — человеческое существо языка, отличающее его от языка животных, миметических языков и иных форм коммуникации «всего со всем», из которых (форм коммуникации, прариторики) и состоит природа. Поэтика как изначальная структура литературы есть человеческая структура языка, методологическое основание его генезиса и методографическое основание его структуры.

Русский человек — это загадочный европеец. Русская душа воспринимается как «черный квадрат» европейскости. Русский человек — этот тот европеец, который не является ни политическим, ни экономическим человеком. То есть русский человек — это европеец той Европы, которой еще нет. Европеец Новой Европы, грядущей Европы. Европеец той Европы, которой нет, но которая была — Греция, и вернется.

Русский человек есть новый человек, возникающий из истории мышления, он — непосредственный продукт, результат Переоценки ценностей, результат Великого возвращения всего человеческого от Времени к Бытию, прорыва из истории Нового времени к истории Нового бытия. Таков русский человек как смысл русской истории, как рождение, святая простота и житие русского языка.

Русский человек есть математический человек. Это принципиально новая политософская сущность человека сравнительно с его политической и переходной экономической сущностями. Эта сущность еще не институционализована. Институционализация математической сущности русского человека и представляет собой гончарное дело создания Новой России, новой русской цивилизации как единой гуманитарной цивилизации.

С. Попов, С. Шилов, О. Попова.
«Царственнорожденный младенец. Ельцин
и Новая Россия» (2001)

Математическое как новая сущность человека, «человеческого животного», сравнивается с политическим и экономическим по методологическому основанию Свободы. Математическое есть исчисление свободы. Политическое лишь только предполагает исчисление свободы, является исторической предпосылкой, субстанциональной формой истории для образования исчисления свободы. В экономическом же как в переходной форме, в которой смешаны, не отделены еще друг от друга политическое и математическое, идет их борьба, война, победитель в которой — математическое — определен уже заранее, но должен теперь выкристаллизоваться в процессе этой войны как новое единое

методографическое основание общественной коммуникации, общественного договора, как исчисление общественного согласия.

Либерализм всегда был руководящей нитью чутья человеческого животного. Либерализм вел политического человека, ведет экономического человека, будет вести математического человека. Либерализм есть рациональная теория человеческого выбора, носящая имя (в качестве теории) Свободы. **ЛИБЕРАЛИЗМ ЕСТЬ ИСЧИСЛЕНИЕ РЕЛИГИИ.** Свобода имеет божественное происхождение как единственный источник человеческой сущности человеческого животного. Мышление как языковое, человеческое мышление есть религия, второе основание (вторая сущность) языка человека, исчисляющее поэтику, первое основание (первую сущность) Языка человека. Религия есть методография языка, письмо абсолюта, беспредпосылочно сообщающего о самом себе. Религия есть априорная форма поэтики. Политический либерализм религиозен. Экономический либерализм в значительной степени, в той самой степени, в какой он является переходной формой либерализма, атеистичен, не размышляет об абсолюте. Математический либерализм, русский либерализм, свержрелигиозен, он более религиозен, чем фундаменталистский ислам. В русском математическом

либерализме достигается непосредственная форма коммуникации с абсолютом, которая в политическом либерализме существовала только в виде философии (мышления) откровения. В русском математическом либерализме абсолютом является непосредственно телесностью Русского языка, данной в умозрении.

Русский человек, русский характер — «железный либерал», «свободный радикал» по природе своей, каких бы взглядов он ни придерживался, какие бы посты ни занимал вплоть до высшего государственного поста. «Звуковой смысл» русских речей, как бы они ни были тематизированы, проблематизированы, концептуализированы, прагматизированы, терминологизированы, — это смысл и внутренняя интонация русского математического либерализма. Для математического либерала уверенность и убежденность имеет железный математический смысл, так как основана на высшей форме достоверности — на математической достоверности, которую в огромных количествах доставляет по первому требованию Русский язык, который всегда «под рукой» у русского человека. Таков смысл явления, именуемого как русский фатализм, основанного на достоверности русского математического либерализма, достоверности-исчислимости абсолюта.

Немарксистский взгляд на вещи, чуждый экономического детерминизма или хотя бы осознающий его границы, в социально-экономической области начинался с взглядов Вебера и зафиксирован такой его парадигматической вещью, как «Протестантская этика и дух капитализма». Однако перед Вебером не стояла задача СОЗДАНИЯ ДУХА КАПИТАЛИЗМА, он лишь фиксировал немарксистское обстояние дел в среде реального бытия.

ЗАДАЧА НОВОЙ РОССИИ КАК БАЗОВАЯ ЗАДАЧА МАТЕМАТИЧЕСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА ПРЕДПОЛАГАЕТ ВЫРАБОТКУ РОССИЙСКОЙ ЭТИКИ КАК ОСНОВАНИЯ СТАНОВЛЕНИЯ НОВОГО КАПИТАЛИЗМА В НАШЕЙ СТРАНЕ.

Основоположением российской этики выступает теоретическая концепция математического человека как резюмирующего смысла русской истории. Теоретическая концепция математического человека есть субстанциональная концепция, концепция Спинозистского рода. В полемике с марксизмом, да и в общем существе истории мышления в целом, социологическое объяснение является недостаточным условием выработки истинной концепции развития, опирающейся на истинные смысл и представление истории. Создание теоретической концепции математического человека — это задача уровня Спинозы, недостижимая для Маркса — по его собственному признанию. Спиноза создал «геометрическую этику», в которой этические императивы показывались как «естественные схемы» субстанциональной организации су-

щего на основе единой субстанции — природы. Субстанциональный анализ стал впоследствии главной причиной, истоком возникновения первого исчисления, первой рациональной победы бытия над временем, исчисления бесконечно малых («флюксий») Ньютона-Лейбница, возникновение которого связано с лейбницевской монадологией как методологией субстанционального анализа. Субстанциональное значение математической сущности человека субстантивирует, проясняет в среде оснований и его политическую и экономическую субстанции. Язык является общим субстанциональным основанием человека как некоторого бытия, располагающего некоторым временем в аспекте, в акциденции победы этого бытия над этим временем. Риторика, таким образом, является истинной, универсальной, единой Этикой.

Российская риторика, располагающая потенциалом Русского языка, есть та самая Этика, которая является единым, сквозным политософским основанием институционализации Новой России. Математический либерализм является основанием здания нового русского капитализма.

Русский институт возникает из субстанции Русского языка. Таким образом, русский институционализм есть новая форма институционализма. Институт в традиционном понимании схватывается как ограничение, граница рыночных реалий. Институционализм во многом возникал как плод марксистской социологической критики всевластия рыночных сил.

Российский институционализм есть возрождение эллинизма, и он углубляет понимание сущности института, движется к пониманию более фундаментальному, нежели понимание институтов как институционально-рыночных ограничений. Хайдеггер пишет так: «Обычно мы полагаем, что границы — суть то, около чего нечто прекращается. Но границы — согласно древнегреческому смыслу — всегда являются характером собирания, а не отрезания. Граница является тем, исходя откуда и в чем нечто начинается, распускается в качестве того, что оно есть. Тот, кому такой смысл границы остается чуждым, никогда не будет способен рассматривать греческий храм, греческую статую, греческую вазу в их присутствии... Граница не отвергает, она выдвигает облик в свет присутствия и несет его»².

Я бы добавил, что тот, кому задача увеличения ВВП представляется более приоритетной, нежели задача институционализации, не способен оценить истинную математическую красоту действительного экономического роста как «чистого из-себя-распускания и сияния»³. Путь

² Хайдеггер М. Положение об основании. — СПб., 2000. — С. 127.

³ Там же.

действительного экономического роста, высвобождающего скрытые и несокрыто-самостные силы математической сущности человека, — это сквозной путь человека, о котором (пути) Аристотель говорил так: «Но существует путь (к бытию сущего), и он таков по своей сути, что ведет от чего-то более близкого нам, потому что именно для нас оно более явное, к тому, что (потому что оно распускается из себя самого) является чем-то самим по себе более явным и в таком смысле чем-то уже прежде доверенным нам»⁴.

Институт как институт развития — это «...бытие, как что-то более явное из себя самого. «Вне зависимости от того, рассматривается ли нами оно специально или не рассматривается, оно уже светится; ведь оно светится уже даже тогда, когда мы испытываем то, что является только для нас более явным, то есть то или иное сущее, каковое показывает себя только в свете бытия»⁵.

Институт развития есть языковое представление о человеческом бытии. Совокупность институтов развития образует либерально-церковный портал, сферу, внутри которой математический человек живет, живя истинной, живой жизнью внутри языкового бытия.

В настоящей статье мы, таким образом, улавливаем феномен института развития, который мы терминологически фиксируем как «электронный институт». Электронный институт и есть жизнь Языка как структурообразующая основа всеобщего человеческого роста, всеобщего роста человеческого измерения, как вечная жизнь древа человеческого квалитативизма (количественно исчислимой качественности). Электронный институт есть новая человеческая телесность, которая всегда уже была в человеке, человеком — языковая телесность, языковой внешний вид человека. Мысля об этом языковом внешнем виде человека как об «эйдосе» греческой статуи, Рильке писал:

Здесь нет ни одной точки,
которая бы тебя не видела:
Ты должен переменить свою жизнь⁶.

Электронная цивилизация установится только там и тогда, где и когда будет установлена власть над ней, человеческая власть над электронной цивилизацией.

По существу, старая цивилизация была атомной цивилизацией, которая и завершается атомным веком, веком атомного противостояния и экономико-либеральным механизмом атомизации государства и

⁴ Аристотель. Физика. — М.: КомКнига, 2010.

⁵ Хайдеггер М. Указ. соч.

⁶ Рильке Р. М. Полное собрание сочинений: в 3-х т. — М.: Престиж Бук, 2012.

общества как средством разрешения атомного противоречия. Греческая атомистика как естество времени человеческого бытия была возведена, одухотворена и распространена христианством в верховный принцип европейского рационализма. До этого же греческая атомистика стала парадигматической основой формирования римского права как первого опыта мыслительного нормообразования, выведения норм права.

Российская электроника должна образовать новое естество времени человеческого бытия — математическое естество. Российская электроника есть конкурентоспособное начало русской духовности, генеральный ПРОДУКТ русского мышления, содержащийся в непосредственной и естественной простоте Русского языка в огромных количествах, достаточных для обеспечения жизнедеятельности и нового качества жизни новой единой гуманитарной цивилизации.

Российская электроника образовалась как продукт, потенциал исчисления и механизм самоподдержки и саморазвития Русского языка. Единственная и единая особенность Русского языка состоит в том, что это единственный язык, способный функционировать в условиях завершения, исчерпания импульса Божественного первотолчка, в условиях, когда «Бог умер», а на деле отошел в сторону, чтобы посмотреть выживет ли его детище самостоятельно. Такая сущность Русского языка является результатом и, значит, целью всей истории России. Таким образом, Русский язык есть изготовленный мировой историей мета-физический (мета-исторический) язык. Язык, на котором говорят после конца истории.

Русский язык есть бытие российской истории, которое все время и уклоняется от нас и посылается нам.

Русский язык — это нечто наиболее явное и близкое для нас. Он и есть главный институт русской институционализации. Если в традиционном институционализме институты почитаются за ценности, аксиомы общественного бытия, то русский институт — это постоянство и непрерывность переоценки ценностей.

Непрерывность Русского языка образует рентную структуру экономической модели, которая всегда устанавливается в России РЕАЛЬНО. Рента, как известно, есть «доход от использования фактора, предложение которого абсолютно неэластично, то есть доход, обусловленный ограничениями в экономической деятельности» — институциональными условиями. **МЫ ВСЕ, ОТ НИЩЕГО ДО ОЛИГАРХА, ЖИВЕМ ЗА СЧЕТ РЕНТЫ РУССКОГО ЯЗЫКА, И ПОРА БЫ НАУЧИТЬСЯ ЭКОНОМИЧЕСКИ ОСМЫСЛЕННО ИСПОЛЬЗОВАТЬ ЭТУ РЕНТУ.**

Рента Русского языка должна быть использована для создания промышленно-экономической инфраструктуры российской электро-

ники. Русский язык всегда был главной промышленной (продуктной) сферой информационной России, которая (Россия) существовала столько, сколько существовал Русский язык.

Язык есть средство сквозной институционализации жизни людей, все типы и формы институтов есть, прежде всего, сущностные формы языкового бытия людей. Потому-то язык и образует главный инфраструктурный ресурс экономического развития, осуществляющегося в форме экономической институционализации.

Российская электроника как продуктивное (экономическое) измерение Русского языка станет доминантой электронной цивилизации именно в качестве ее гуманитарной, человеческой доминанты, человеческого измерения. Математическая сущность человека, выраженная, нашедшая свое воплощение в Русском языке, образует онтологию нового европейского гуманизма.

Российская электроника как парадигматическая структура мышления подготовлена всей русской классической литературой как литературой присутствия. Греческая атомистика была вызвана мышлением, трагедизированным сущностной неудачей феноменологического схватывания вечно ускользающего на каком-то не схватываемом уровне бытия. Российская электроника есть видение, умозрение русской литературы, которое уже надежно схватывает, фиксирует само бытие в его природе, усматривает на всем печать бытия, работает с «электронным» (=существенным) измерением бытия с использованием более мощной оптики для наблюдения за бытием, с использованием более совершенных языковых инструментов наблюдения.

Российская электроника структурирует присутствие, обеспечивает обмен и связь в рентной экономике Русского языка как экономике присутствия. Западноевропейская экономика, экономика смешанного политико-экономического человека, зависла сегодня над миром, застыла как стрела в отдельный момент времени полета — как экономика отсутствия, отсутствия непереходной, самоотжественной человеческой сущности. В экономике отсутствующей человеческой сущности, где действует невидимая рука рынка (=сила отсутствия, непредставленности математической сущности человека), разнонаправленно действуют, не узнавая себя друг в друге «силы слова» (маркетинг, менеджмент, модели) и «силы числа» (монетарные силы) — действует «алхимия финансов».

Лишь наличие самоотжественной человеческой сущности в экономике, лишь «экономика с человеческим лицом» станет реальной новой экономикой новой цивилизации. Сам рынок, вообще говоря, это экономическая (переходная) объективация истинной математической сущности языка. В Русском языке, более чем в каком-либо другом, до-

стигнуто тождество числа и слова. Именно это обстоятельство фиксируют, когда говорят, что для русского человека слова и есть дела. Сознание состоит из числа настолько же всеобщее, насколько биологическое тело человека состоит из воды. Однако именно Слово является той не-весомой точкой сборки, в которой собирается человеческая сущность. Слово восстанавливает своим присутствием словесное, Божественное происхождение числа из потока чисел, потока языковой телесности.

Российская электроника — это не просто гипер-конкурентоспособность будущей российской электронной промышленности, это парадигма новой цивилизации, сменяющая греческую атомистику на ее боевом посту Стратега цивилизации. Русская электроника — это проект нового исчисления реальности, технологический (технографический) проект Нового бытия. Основа новой экономики с человеческим лицом математического человека.

Математический русский либерализм является теоретической базой российской электроники, её методологическим Духом.

Российская электроника есть, прежде всего, практическое БОГО-ДОКАЗАТЕЛЬСТВО, лежащее в основе субстанционально-Русскоязычной этики как творящей силы гуманитарного капитализма.

Вместо послесловия (в 10 частях)

Часть 1. «Истинный ход времени»

Если время есть, то как есть время (что есть время и как оно существует, осуществляется)? — базовый вопрос Того, что ныне именуется космологией и при этом выводится за границы и физики, и философии. Правильней было бы представить это (то, что стоит за понятием «космология») как теорию «всего во всем» (не путать с теорией всего). Теория всего во всем — это в равной степени и теория всего, и теория ничто, и теория единицы. РТЧ-формула единицы — это абсолютное тождество абсолютно различного как физическое состояние (первая и всеобщая физика), которое и есть Вселенная во всем ее времени-пространстве. «Ничто» — это невозможность какого-либо вида и качества неабсолютности абсолютного тождества и абсолютного различия (абсолютно различного). «Всё» — это ничто неабсолютности единицы, ничто «расплывчатости» единицы. Абсолютное тождество абсолютно различного — это сущность природы. Абсолютное тождество (синтез) результатов абсолютного различия — это и есть единица в чистом виде.

Как вышесказанное дано человеку, в каком опыте? В опыте языка, в котором конституируется само человеческое как воплощенное в единице вселенское, как телесность, плоть Вселенной. Опыт языка говорит о том, что есть «язык в чистом виде» (Соссюр), язык сам по себе. Этот язык и есть время-истина как человек Вселенной, вселенский субъект. Именно к этому вселенскому языку и взывает антропный принцип: *«Наблюдатели необходимы для обретения Вселенной бытия»*⁷ (Д. Уиллер). Наблюдение суть различение. Наблюдающее (наблюдатель) суть единица. «Обретение Вселенной бытия», понимаемого как пространство-плоть (сущее), есть исчисление простых чисел. *«Единица есть множество простых чисел» = «абсолютное тождество (синтез, интеграл) абсолютно различного (аналитического, дифференцированного)» = это наблюдающее-наблюдаемое, универсальный закон природы, синтез анализа, истинное дифференциально-интегральное исчисление.*

⁷ Wheeler J. A. Genesis and Observership // Foundational Problems in the Special Sciences. Dordrecht, 1977. P. 27.

Именованье, осуществляемое языком, как оно есть в человеческой природе, — это от свет пространственности в ее происхождении от времени-языка бытия, от времени-истины, это свет, светящийся во тьме материи-природы. Человек как принцип — это сингуляризация «того, что есть». «В языке есть только различия»⁸, — писал Ф. де Соссюр. Добавим, в языке человека. В языке бытия есть только тождества.

Единица есть абсолютное тождество (синтез) абсолютно различенного. Единица есть тождество-различие, и в этом смысле единица — это универсальная физическая величина (сила времени) и основа универсального измерения этой величины («Когда Бог считает, он создает мир»⁹, Г. В. Лейбниц).

Философия различия — это деконструктивизм. Русскоязычная философия тождества — это новый конструктивизм, конструктивизм самой природы, прояснение последних основания физики и создание математики качественностей числа как положительных элементов языка, наряду с различиями (отрицательными элементами). В этом смысле РТЧ — это воплощенная в современном научном контексте теория всеединства-тождества В. Соловьева — П. Флоренского. Итак, время есть язык бытия, создающий пространственную плоть Вселенной.

Как же непосредственно, физически проявляется такое сущностное время-истина? *Как выглядит первый момент времени (единица времени) до Большого взрыва?* — такова действительная суть основного вопроса космологии о том, как произошла Вселенная. Все иные постановки космологического вопроса грешат той самой неточностью постановки вопроса, которая изначально заводит в тупик. Какой мы хотим получить ответ — истинный или совместимый с привычностью наших представлений, включая и естественнонаучные представления, возникшие в результате и по причине «кризиса европейских наук» (Гуссерль)? Если нам нужен истинный ответ, то нужно рассуждать по истине языка бытия — по времени-истине, а не по времени-пространству, как это происходит в современной физике и космологии. Отвечая на этот вопрос, мы не должны ломать голову над тем, как пространство возникает из пространства (это не причина Вселенной, а множество последствий этой причины) — парадокс расширения Вселенной именно из этой области пространственно-ориентированных представлений. Мы должны думать о сущности времени, которая при этом является сущностью самого бытия как первопричины. Как-то меня просили меня привести простой пример для показа этого понимания для школьников, пример, совместимый с их непосредственным физическим опы-

⁸ Соссюр Ф. де. Заметки по общей лингвистике. — М.: Прогресс, 1990.

⁹ Лейбниц Г. Опыты теодицеи. Соч. в 4-х томах. — М., 1989.

том. Попробую это сделать. Если время есть, материально и является — в качестве языка бытия — основой миро здания (Вселенной), частным видом чего (времени-истины), доступным нашему пониманию, является человеко-языковое созидание мир-истории цивилизации во Вселенной, то из этого нужно с необходимостью признать, что *время течет из будущего в прошлое, то есть исчерпывается как расходный материал (материя всего, то есть в совокупности всех времен) из своего наивысшего состояния (будущее-всё) в низшее (прошлое — вечно запаздывающее настоящее) и постоянно пополняется из какого-то собственного, ни от чего материального независимого и неисчерпаемого источника (ведь речь идет о вселенском времени)*. И вот простой пример того, как время течет из будущего в прошлое (то есть существует материально в качестве первопричины физического мира). То есть *пример того, что нечто существующее, наблюдаемое, поименованное, существует, движется — в своей сущности и во всем времени — именно из будущего в прошлое*. Это пример — ЛЕД. Если быть точным в смысле сохранения сущности обсуждаемого, наблюдаемого и представляемого на всех этапах обсуждения, наблюдения и представления этой сущности как физически изменяющейся, то мы не имеем права ставить физические состояния над сущностью и превращать имена этих состояний в квази-сущности. То есть мы не можем говорить только о том, что лед — это особое состояние воды, замороженная вода, причем еще с акцентом на способность человека превращать воду в лед, как бы доказывая тем самым физически такое определение льда. Марк Аврелий писал в «Размышлениях»: «Ты должен знать, где берет начало каждая вещь, из чего она состоит, во что изменяется, какой она будет по изменениям, и почему она при этом не претерпит никакого зла»¹⁰. Но изначально рассматриваемая вещь, сущность — это вода. И пропозиция «лед», в современном обыденном и научно-физическом толковании, теряет сущность воды, вместо обогащения этой сущности большей глубиной понимания создает квази-сущность «лед», отдельную от сущности «вода», следуя тем самым обыденному сознанию. Вода не только «существует во времени», она и сама еще течет. Когда мы говорим **«существует во времени»**, мы имеем в виду формально-математическое, измеряемое часами, время. Но **«существование во времени»** нужно прежде всего понимать как реализацию в языке бытия, во-времени-истине. Не все существует, осуществляется во времени, что и не находит для себя такого осуществления. Мы наблюдаем лед как повод понять сущность воды в языке бытия и его репрезентанте — языке физики. Что тогда такое лед как вселенская качественность вселенской воды (безо всяких ограничений повседневных

¹⁰ Марк Аврелий. Наедине с собой. Размышления. — М.: АСТ, 2011.

и физико-агрегатных, «атомистических» представлений — всякий лед *всякой воды*, «*воды Фалеса*»)? Лед — это *непосредственное течение воды* (движение сущности воды) *из будущего в прошлое, а таяние льда, точнее подтаивание, сопротивление льда таянию — это вечное запаздывание, отсрочка* (она же — действующая причина) *такого течения воды относительно времени бытия, время-истина воды в рассматриваемом примере* (вспомним статью Хайдеггера «Вещь», в которой базовым онтопримером присутствия вещи является чаша, и представим себе, что это ледяная чаша). При этом наблюдаемый в настоящем поток воды (реки, ручейка) — это ее опосредованное в языке бытия (то есть непосредственное в языке человека) течение из прошлого в будущее, *возобновляющее* запасы воды в будущем. *Движение сущности из ее будущего, в котором ее всё, как в итоге всех ее времен, в ее прошлое, исток — это и есть время-истина языка бытия. Будущее мы понимаем по времени-истине как всё сущности, после которого ее нет более, она исчерпана, исчерпала свой смысл и употребление в языке бытия.* Можно сказать, что *время — это ледяной дом бытия.* Если продолжить ледовые примеры, то известно, что ныне становятся все более популярными среди горожан фестивали ледовой скульптуры. Человек хочет наблюдать скульптуры и иные формальные композиции из льда и даже выучиться самому делать их на мастер-классах ледовых скульпторов. Представим себе, что мировой наблюдатель хочет и может придавать форму вселенскому льду посредством техники наблюдения за вселенской водой, текущей из будущего в прошлое, техники времени-истины, техники различения льда. Вот представление ледового вселенского мира для школьника на основе «*воды Фалеса*», в мистерии льда он сам может поучаствовать на соответствующем городском или сельском фестивале.

Вернемся теперь к вопросу о физическом явлении времени, о физической истине времени в языке физики. Очевидно, что она должна быть приведена в соответствие со своей референтной реальностью — *время-истиной языка бытия.* В современной физике время как явление, как значение языка физики не выявлено, не раскрыто — в силу этого вся физика не имеет смысла (смысла языка физики, раскрываемого учением о бытии). Физика пользуется логическим формализмом часового, измеряемого в вейерштрассовских единицах времени, который ничтожит время как сущность, ничтожит истину времени, хотя уничтожить время-истину ему, конечно, не дано. В нашем примере с водой-льдом, который вполне может быть универсализирован, так как всякая действительная сущность (имя) языка причастна времени-истине (языку бытия), видно, что при согласовании этого видного с научными данными время как сущностное физическое различие, образующее качественность существования сущности во времени, — это

прежде всего температура (лед и вода имеют физическим критерием различения температуры). Качественные (то есть вызывающие качественность сущности, будь-то, изменение агрегатного состояния вещества, болезненные изменения организма и т.д.) изменения температуры — это сущность «неколичественной шкалы» (концепт А. Шухова) времени. Необходимо будет также ввести качественные концепты «температура атома», «температура электрона», что приведет к изменению Стационарной модели и выходу физики из антиязыкового, по сути, кризиса операционального языка физики, приведшего к восстанию демонов «антиматерии», «антиэнергии». То есть время-истина — это субстанция языка современной физики, понятия которой должны быть соответствующим образом переосмыслены и деконструированы *из логоцентризма языка физики в хроноцентризм механики времени.*

Итак, физическая истина времени как структурообразующей сущности языка бытия — это температура. На этом основании совершается рефлексия всей современной физики в соответствии с учением о бытии. Время как бытийное выражение являет себя, прежде всего, в температуре атома, электрона вплоть до температуры тела и температуры звезд, температурных изменений Вселенной.

Попытаемся продумать время-истинную физическую картину мира. Что было до Большого взрыва? Вначале было время, и время было у бытия как его язык, и время было температура. То есть все то, что было, есть и будет — бытие — было в начале. Человек возник в середине потому, что бытие было и есть речение, и оно как таковое было выражено, есть и будет время-истина. В конце был Большой взрыв. Физика Большого Взрыва подчинена формуле единицы (абсолютная качественная различенность есть абсолютное тождество, предельный взрыв различения есть абсолютная твердь тождества). Так началась физическая история пространства как ничто, причастного бытию, — вселенского мира, в котором мы живем. Температура — это физическая первоэссенциальность, то в конечном итоге, что от физиков скрывается как темная материя (количественная значимость материи в современном языке физики) и темная энергия (количественная значимость энергии в современном языке физики). Физики не могут понять температуру как самостояние, качественную шкалу физики, не могут уразуметь неколичественную, но материальную шкалу температуры. Неколичественная шкала температуры — это истина физики измерений и новая математика качества. Базовая основа этой шкалы — 0 (как абсолютный температурный ноль, табуированный вторым началом термодинамики) и 1 (абсолютная единица как множество простых чисел, абсолютное тождество абсолютной разделенности). Именно эти абсолютные 1 и 0 температуры — основа кодирования вычислителя природы.

Советский академик Фортвов говорит о том, что во Вселенной неизмеримо много энергии как материи высоких температур, а человек — одно из самых холодных тел во Вселенной, частица вечного льда.

Человек, как мне представляется, — это процессорный компонент Природы как Вычислителя. Сознание — это солиптическая машина, работающая на принципе абсолютного двоичного кода 0 (как антропный формализм абсолютного температурного поля, табуированного вторым началом термодинамики) и 1 (абсолютная единица как множество простых чисел, антропное выражение-понимание Того, что есть абсолютное тождество абсолютной разделенности), обслуживающая природу как процесс, подчиненный формуле единицы. Трансперсоналистское «расширение сознания», как и диссеминация Деррида, — это только предпосылки радикальной мегаконцентрации сознания, его сужения до единицы, до формулы единицы. Это прежде всего вопрос языка, насколько непосредственно в нем работают автоматизмы мысли. Русский язык с его сущностно властной интуицией тождества (синтеза) абсолютно различного (вспомним ленинское властно-политическое «прежде чем объединится, нам надо размежеваться»), с одной стороны, и философией тождества и всеединства, с другой стороны, — это язык нового, востребованного на пороге вызова единства и выживания гуманитарно-технотронной цивилизации мыслительного консенсуса, РТЧ-консенсуса. *Русский язык окажется действенным механизмом согласования мировых правд в истине времени, в «истине» русского языка. Оправдание претензий РТЧ и станет одним из многих первых, но далеко не единственным доказательством консенсусной глубины русского языка. Русский язык как историко-бытийный носитель новых, филолого-исторически сложившихся автоматизмов мыследеятельности (солиптических технологий) конкурентоспособен в вопросе формулирования новой сущности техники, политики, экономики.*

Помню, как 2 марта 1990 года был на лекции-семинаре, который вел Деррида в Институте философии АН СССР. Отбилась от группы белорусских студентов-философов, в составе которых приехал на эту лекцию. Случилось так, что я вызвал лифт, чтобы подняться на второй (вроде) этаж, где был актовый зал. Зашел в лифт, и прежде чем двери лифта закрылись, в него зашли Деррида и Степин, Деррида был в какой-то странной для профессора (по советским меркам) лисьей, так мне показалось, шубе, и рубашка у него была светлая в синюю полоску. Взгляд его помню, внезапно брошенный. Такова вот-структура РТЧ в смысле лифта ее подъема — деконструктивизм, продвинутый в философию науки, примененный для решения философских проблем естествознания для разрешения системного «кризиса европейских наук» (Гуссерль). «Взгляд, конечно, варварский, но верный» (И. Бродский).

Деррида и Степин — это, соответственно, «итоги» западноевропейской и советской метафизики.

Пример к вопросу о том, почему именно русский язык? Лекция Деррида была посвящена дружбе и дружости в деконструктивистском ключе. Он удивился тому, что в русском языке корнем слова «другой» является «друг». Это я и называю риторическими автоматизмами мысли, «естинами», которые непосредственно (словами, словосочетаниями, значениями) представлены и историко-культурно наработаны в языке. Это, конечно, тема отдельного исследования русского языка. Кстати, не посмотреть ли на фрейм «другие» в контексте мейнфреймовости дружественности и дружбы, новоконструктивной интересубъективности после деконструктивизма, как на глагольную субстантивную связку глагола «дружить» применительно к позитивистской данности (смысл «дружит» с формой, «дружит с головой» и т.д.)?

Гораздо важней, чем загружен наш мозг и наша душа, чем еле слышный во вселенском масштабе языковой гул говорения-болтовни, подобный гулу множества компьютеров в мейнфрейме. В этом почти библиософском смысле человек — в середине творения, после времени-истины и внутри Большого взрыва как конца творения, *человек идет из будущего в прошлое.*

Часть 2. Проблемы оснований математики

В 1998 году на средства миллиардера Лэндона Клея (Landon T. Clay) в Кембридже (США) был основан Математический институт его имени (Clay Mathematics Institute) для популяризации математики. 24 мая 2000 года эксперты института выбрали семь самых, по их мнению, головоломных проблем. И назначили по миллиону долларов за каждую. Список получил название Millennium Prize Problems¹¹.

1. Проблема Кука

Нужно определить: может ли проверка правильности решения какой-либо задачи быть более длительной, чем получение самого решения. Эта логическая задача важна для специалистов по криптографии — шифрованию данных.

2. Гипотеза Римана

Существуют так называемые простые числа, например 2, 3, 5, 7 и т.д., которые нацело делятся только сами на себя или на единицу. Сколько их всего, не известно. Риман полагал, что это можно опреде-

¹¹ Devlin, Keith J. The Millennium Problems: The Seven Greatest Unsolved Mathematical Puzzles of Our Time. Basic Books, 2002.

лить и найти закономерность их распределения. Кто найдет — тоже окажет услугу криптографии.

3. Гипотеза Берча и Свиннертон-Дайера

Проблема связана с решением уравнений с тремя неизвестными, возведенными в степени. Нужно придумать, как их решать, независимо от сложности.

4. Гипотеза Ходжа

В XX веке математики открыли метод исследования формы сложных объектов. Идея в том, чтобы использовать вместо самого объекта простые «кирпичики», которые склеиваются между собой и образуют его подобие. Нужно доказать, что такое допустимо всегда.

5. Уравнения Навье-Стокса

О них стоит вспомнить в самолете. Уравнения описывают воздушные потоки, которые удерживают его в воздухе. Сейчас уравнения решают приблизительно, по приблизительным формулам. Нужно найти точные формулы и доказать, что в трехмерном пространстве существует решение уравнений, которое всегда верно.

6. Уравнения Янга-Миллса

В мире физики есть гипотеза: если элементарная частица обладает массой, то существует и ее нижний предел. Но какой — не понятно. Нужно до него добраться. Это, пожалуй, самая сложная задачка. Для ее решения необходимо создать «теорию всего» — уравнения, объединяющие все силы и взаимодействия в природе. Тот, кто сумеет, наверняка получит и Нобелевскую премию.

7. Гипотеза Пуанкаре

Объясняя гипотезу Пуанкаре, начинают так: представьте себе двухмерную сферу — возьмите резиновый диск и натяните его на шар. Так, чтобы окружность диска оказалась собранной в одной точке. Аналогичным образом, к примеру, можно стянуть шнуром спортивный рюкзак. В итоге получится сфера: для нас — трехмерная, но с точки зрения математики — всего лишь двухмерная. Затем предлагают натянуть тот же диск на бублик. Получится. Но края диска сойдутся в окружность, которую уже не стянуть в точку — она разрежет бублик. Далее начинается недоступное воображению обычного человека. Потому что надо представить трехмерную сферу — а именно натянутый на что-то, уходящее в другое измерение, шар. Да еще то, что его стягивают неким гипотетическим «гипершнуром». Так вот, гипотеза Пуанкаре гласит, что трехмерная сфера — это единственная трехмерная штукавина, поверхность которой может быть стянута в одну точку тем самым «гипершнуром».

РТЧ. Системное РТЧ-решение этих семи проблем — теория «всего во всём», система чистого разума, резюмируемая формулой единицы,

формулой времени-истины. Данные проблемы являются феноменологическими дескрипциями такого изначального физико-математического объекта (основания, формализма мышления-существования), как формула единицы («единица есть множество простых чисел»). Впоследствии их будут использовать в качестве пролегоменов к истинному пониманию и применению этой формулы, механизмов аппроксимации, перевода (по Куайну) естественнонаучных дисциплин и моделей на универсальный РТЧ-язык меганауки (и обратно – деаппроксимационный вывод, «постав», по Хайдеггеру). Физически формула единицы является основанием, законом механики времени (времени – как языка бытия, творящего событийное пространство). Формула единицы выражает, раскрывает непосредственность темпорального – как опыта дефинирующего разума, чистого разума, языка бытия в чистом виде.

Часть 3. Диалог о сюжете «Адронный коллайдер и бозон Хиггса»

Сергей Шилов. Атомизм + Стандартная модель с ее перечнем частиц-взаимодействий – это астрология нашего времени.

Алексей Шухов. У данной проблемы существует философское имя – проблема выделения продолжительности регрессии. Почему все рядовые регрессии, типа растаскивания ткани на лоскуты конечны (отдельная нитка – это уже не лоскут), а философская регрессия, выделение объектов, обладающих свойством материальности – бесконечна, как его не ломай пополам, все равно будет «материя»? Возможно, это решение и верно, но требуются доказательства.

СШ. Не могу согласиться с Вами и, кстати, с Лениным в том, что так называемая «философская регрессия» бесконечна – есть конечность, которая есть наполовину «материя», а за ней конечность, за которой материя исчезает, а то, что есть, – это уже не материя (обращенный против самого себя парадокс Ахилла и черепахи – этот и подобные парадоксы могут быть разрешены точно и честно только в рамках представления о том, что время субстанционально и течет из будущего в прошлое). Я полагаю, что в новой парадигме (парадигме правды, по Мамардашвили) никакая регрессия и никакая прогрессия как пронизанные конечностью вещественности не будут рассматриваться отдельно от хода времени (так же как значение и смысл не рассматриваются вне языка), а истинный ход субстанционального времени – это ход из будущего в прошлое (протенция, становящаяся ретенцией, в гуссерлевском смысле). Пример такого хода времени, данный человеку, – это речь (малая, человеческая речь). Большая речь – это время как язык

бытия. Адронноколлайдеристы забавно рассматривают обнаруживаемое ими вне языка физики (пусть и инструментализированного в теории и практике эксперимента), вне времени, отсюда и «частицы», «темная» обратная сторона которых — антропный принцип. Фиксируемые частицы — это то, что на деле есть просто явления, акциденции, казусы, вирусы субстанционального времени, в поток которого можно «войти дважды и неоднократно», ибо таков негераклитов поток субстанционального времени. Вселенная, как и идущий человек, не спотыкается на каждом шагу.

АIII. Я как раз сомневаюсь в той однозначности, с которой Ленин определял, что материя бесконечно делима.

Аргументы в пользу того, что здесь не просто можно задуматься о феноменологии всех этих структур, но и подумать о том, что употребляемая физиками феноменология не так и хороша налицо. Дело за малым — развить подобную модель.

СIII. Значит, нам не о чем и спорить. Только следует продумать отказ тезису бесконечной делимости материи в истинности. Что собственно следует из ложности этого тезиса, если он ложен.

АIII. Из этого следует?.. Да какая-нибудь «неравномерная шкала», график с распределением, где максимум обозначает не максимум активности, а максимум разнообразия. Или можно так: по краям такой диаграммы будут и не солидарные формы, типа «макро» и «микро», а в середине, в «миди»-секторе, окажутся наиболее солидарные, наиболее целостные.

Причем легко понять, что представляет собой утрата простоты структуры при макропереходе, это нарастание своего рода неидеальности, когда всякая такая система обязательно будет представлять собой «систему с наличием дефектов», а вот микро... Хороший пример — платежный потенциал современной копейки: она же не является само собой платежным средством, поскольку нет такой сделки, которую она может обслужить.

То есть объекты вообще — это только мезоструктурные формы, а макро и микроструктуры это никогда не объекты, а всегда какие-то сверхорганизации или недоорганизации. Но это все феноменологическое видение, которое так не любит физика.

СIII. Только мысли решать, что есть, а чего нет... Я исхожу из того, что величайший физический (= испытывающий саму сущность физики как «естины» существования) эксперимент в истории человечества — это осуществленный в платоновском диалоге «Парменид» мыслительный эксперимент в отношении единого и многого. Если я правильно понял Гейзенберга в его книге «Философия и физика», он полагал примерно так же, говоря о том, что если истину физикам и «не схватить»,

то ее прочувствовать можно в этом месте диалога. Этот эксперимент был проведен около двух с половиной тысяч лет назад, и между ним и резюмирующей его интерпретацией (то есть аппроксимацией эксперимента, ибо именно такой — системно-структурным упрощением, или «озарением» — должна быть резюмирующая интерпретация) — мною в этом качестве имеется ввиду формула единицы в риторической теории числа («единица есть множество простых чисел») — дистанция огромного размера дления истории мышления.

Адронно-коллайдерный эксперимент — это веха в истории физики Демокрита, атомизма, который всегда страдал умножением сущностей без необходимости. Справедливости ради нужно сказать, что в подобном обвиняли и Платона (так называемый «мир идей»), но это обвинение, на мой взгляд, скорее связано с расчисткой места для Аристотелевского гипертрофированного изложения Платона, более известного как самостоятельное учение Аристотеля. В риторике единого и многого Платон никак не отстает в «мир идей», более того, он демонстрирует априорный механизм мышления, предшествующий «эйдосам», «достоинством и силой превосходящий» так называемый «мир идей». В физике Демокрита нет никаких времени, бытия, мышления. Адронно-коллайдерный самовар якобы заменяет мышление-существованиевый (истинно-физический) цикл и сам решает, регистрирует, что (теоретическое) истинно, что ложно. Вся интерпретация свелась к осторожному, но недолгому в историческом масштабе потягиванию резины в отношении того, «бозон ли Хиггса обнаружен, зарегистрирован многомиллиардной жестянкой?».

В физике Демократа нет самой сущности эксперимента, его присутствия в мысли, поэтому эксперименты в этой физике нарочито бессмысленны. Что задумали, то и открыли — такой вот фокус: прежде чем кролик вылез из шляпы, его кто-то должен туда положить. А почему бы в БАКе не обнаружить, например, антиязык Нилогова? Потому, что никто его туда не положил, не заложил его обнаружение в условиях эксперимента. На кончике пера вымышляются без необходимости (истины) концепты (структура которых — «два пишем, семь в уме», где «семь в уме» — это необходимость развития технических основ эксперимента), а потом и «доказываются» в эксперименте, техноструктура которого и была должна воспроизводить вымышленный конструкт. Только мысль может сказать, что есть, а чего нет. Платон бы отверг с самого начала концепт «бозона Хиггса» по причине, думаю, чисто эстетической — это своего рода интеллектуальное мыслительное дурновкусие причем в явном виде, когда необходимость раз мышления подменяется якобы все объясняющим ярлычком. Худший вариант теории всего, которого нигде нет.

АШ. И я бы отверг. Я бы спросил: а что такое «тело» феноменологически?

СШ. «Неравномерная шкала», Вы говорите... Но какой мерой равномерим? Физики и матфизики не интересуются такими шкалами процессуальности (а на деле опускают руки перед их многообразием, тоскливой энтропийностью) в силу, на мой взгляд, отсутствия методов, да и необходимостей их логико-математической редукции к общим физико-математическим функциям. Хотя, вероятно, что развитие параллельных вычислений внушит больше оптимизма в аналитике процессов, выразимых в «неравномерных шкалах», осмыслит этот узор реальности, ее усложнение. А если речь идет об универсальной меташкале таких шкал, о присутствии — в качестве системы чистого разума — идеального распределения, где максимум единого обозначает не максимум активности, а максимум (производящая потенция) многого. Речь идет о распределении простых чисел. Все действительные шкалы, пусть и в вейерштрассовских единицах измерения, действительны в том смысле, что схватывают процессуальность как вещественность в себе, то есть непрерывное, «благое» в платоновском смысле законсообразности изменение качественности. В этом смысле все действительные шкалы собираются в меташкале, общей всему их многообразию, выражающей хронопульсацию мира. Это целочисленная шкала, поименовывающая номера простых чисел как результатов деления единицы на ноль (оконечивания бесконечности в акте времени-бытия). Это шкала единицы — как фундаментальной физической силы, силы времени, создающей потенцию пространственности вместе с хроно-неизбежностью ее, потенции, реализации. Универсальная целочисленная стратегия физической процессуальности не мета физическая, а собственно физическая, истинно-физическая. В физической картине мира (в постфизике) это можно назвать законом вселенского ускорения, вполне себе наблюдаемого астрономами.

Истина физики Платона, пережив господство физики Демокрита, в итоге приведет физику к установлению идеальной формы чистого разума — единицы самой по себе. Не 1 ампера, 1 ньютона, не 1 копейки, а единицы как универсальной физической величины, единицы, в которой Вселенная сама себя строит = вычисляет = измеряет. Единицы как истины и метода структурализма Вселенной, создаваемой языком бытия — временем. «Феноменологическое видение, которое так не любит физика», придет с той стороны, откуда физика ничего не сможет ему противопоставить — со стороны успехов математической формализации физики на основе матмодели субстанционального, физически активного времени и формулы единицы как сущности техники управления Вселенной. Физика, как и математика, так или иначе придут или

будут приведены в соответствии со своим референтом — учением о бытии и времени как языке бытия.

АIII. Здесь... я вступлю в полемику. Вопрос не в числе, а в том, что я называю «теория мезодействительности», и основной ее принцип «тело должно быть электрически нейтральным», хотя оно и допускает, что может и не быть электрически нейтральным в абсолютном смысле. Собственно, тело «не нейтрально» на уровне получения им заряда только за счет процессов на верхних уровнях электронных оболочек атомов, хотя...

Как попытаться феноменологически представить подобное положение? Положим, у нас есть электронный пучок, широко используемый в традиционных, не ЖКИ кинескопах, и никогда он не понимался телом, хотя он вроде бы и не поток фотонов, которые есть «только поле». Пучок электронов — это комбинация частиц, но такая и таких, что не способны образовать само собой тело. Точно так же, видимо, и пучок протонов, хотя я здесь не владею информацией. Потому «образование тела» и следует видеть образованием мезо-структуры, того отношения, базисом которого и служит электрическая нейтральность. Образование тела есть таинство, которое невозможно понять из такого представления, как просто комбинация частиц. Вероятно, можно построить такие пучки электронов, размеры которых будут превышать размеры Солнечной системы, но все равно это будет микроуровень в структурном смысле потому, что это будут пучки, а не тела. Образование тела есть таинство и в смысле организации это есть переход на мезоуровень с микроуровня, хотя эти мезо- и микро- не вполне могут коррелировать с собственно размерами.

И еще один пример. Возьмем иллюстрацию — луцилку для орехов на маслобойке; она позволяет очистить ядра и отделить их от остатков шелухи. У нас есть атом водорода — точно такой же «орех в скорлупе»; можно ли построить тогда такую «промышленную» луцилку атомов водорода (не синхрофазотрон), которая отделяла бы «ядро от скорлупы»? Нельзя потому что это нарушает некое «таинство тела», которое мы не знаем; самое великое таинство физики — это возникновение «таинства» тела, и это не построение комбинации; вне тела есть микроуровень — уровень элементов тела, не способных (если они одни и те же), сколько их много ни складывай, образовывать само тело, и макроуровень — уровень системы тел, которая не ведет себя как единое тело.

Подобного рода уникальную феноменологию тела не понимает физика, она проецирует телесность на все имеющее объем, что неверно. Если отвергнуть такую неразличимость, то можно признать, что имеющее объем способно обладать этим объемом различными способами, важно определить только какими...

Что «есть тело»?..

СШ. Буду краток. Это (краткость) возможно для меня здесь потому, что Вы совершенно, на мой взгляд, справедливо поставили проблему ограниченности комбинаторики частиц (атомизма) при определении того, «что есть тело». Мне представляется, что лучшее определение «гаинства тела» дал Аристотель, это несмотря на то, что у меня есть некоторый скептицизм к самостоятельности его учения относительно учения Платона. Но это определение оправдывает необходимость Аристотеля, хотя оно как-то ускользнуло от внимания и историков философии, и физиков. Аристотель вводит это определение, когда рассуждает о движении, которое показывает себя, лишь сталкиваясь с феноменом тела. Аристотель вводит такое определение тела — «число времени». То есть физическая феноменология Аристотеля — это сознание как время природы, интендирующее объект — тело. Потом именно это сознание Ньютон и гипостазировал в виде абсолютных пространства и времени, а Кант затем критиковал его в качестве системы чистого разума.

У Аристотеля еще встречается такое определение тела, как «число движения», но поскольку под движением понимается движение времени, априорное пространственности (пространственному развитию), то это фактически синонимические определения.

АШ. Увы, впервые слышу, что «чистый разум» у Канта — это именно Ньютоново пространство-время. Может быть, он релятивизм тогда предвосхитил?

А второй момент — я как материалист поправлю формулу «сознания как времени» на ту, что «время ставит сознание и тело в положении равноположенных перед собой». Это очень важно, что в подобной игре отнюдь «не только два игрока»...

СШ. Это совершенно так и есть. Априоризация Канта имеет своим интенциональным объектом именно систему Ньютона, которая была культом чистого разума того времени. Именно с Канта и его доцентского идолопоклонничества ньютоновской системе мира начинается философское поклонение Науке, в ней (математизированной физике) отныне изговливается истина, а философия сие обслуживает, культивирует.

Вы как-то не отреагировали на тот мой ответ о сущности тела, что тело есть число времени. Дело не в «сознании как времени», а таком понимании времени, которое раскрывает его как фундаментально-онтологическую субъективность-материальность.

АШ. Здесь, я так понимаю, для физических объектов время есть собственно неотъемлемое начало их действительности; однако для рассуждения это начало элиминируется и берется условие «на дату», на момент времени, который нельзя характеризовать длительностью. Тут любопытный предмет, и он связан с тем, реально ли характеризующее

физическую действительность условие «минимальный квант времени», если оно реально, то время раскрывает физические структуры, однако способы такого раскрытия схематически разные для разных структур.

СШ. Да, но какова физическая действительность самого времени как «неотъемлемого начала действительности физических объектов», какая непосредственность темпорального элиминируется суждением языка физики в истоке его конструирования? ЭТО НЕ ДЛИТЕЛЬНОСТЬ. Таков, думаю, фундаментальный постулат новой физики. Длительность и протяженность — бессодержательные формы. Ни что так не вводит человека в заблуждение о сущности времени, как часы (дата, календарь, скорость, секундомер и т.д.). Сущность времени — это прежде всего смысл, чистый смысл и чистое значение, но именно эта чистота и создает иллюзию понимания времени как длительности, как феномена, вполне схватываемого часами безо всякой мысли.

Физическая действительность самого времени как «неотъемлемого начала действительности физических объектов», непосредственность темпорального как единое физико-методологическое основание раскрытия разных физических структур — это теплота (температура). Теплота — это смысл физического суждения (временной). В этом аспекте термодинамика должна быть пересмотрена и осмыслена как грамматология языка физики, придется отказаться от термодинамики как системы табу, запретительных начал, и выйти на уровень физического высказывания, выражения, предложения (= управления Вселенной). Значение физического суждения — это математическая форма механики, известная со времен Ньютона, то есть ускорение. Итак, теплота и ускорение — смысл и значение суждения вполне себе наблюдаемой физики (наблюдаемой как естественная, бытово даже проявленная и греками замеченная квантованность теплоты при теплообмене, на которую почему-то не особо обращают внимание теплофизики, и как расширение Вселенной путем разбегания галактик со все возрастающим ускорением). В языке физики субстанциональным метафизическим целым, гештальтом которого является время, непосредственность темпорального, смысл и значение времени — это, соответственно, теплота и ускорение. Теплота и ускорение — это время и пространство новой чувственности, ее чувствилище, тот самый единый корень рассудка и чувственности, о поиске и открытии которого твердил Кант. Часы выкидываем, длительность и протяженность забываем, как дурной метафизический сон, как тяжелое наследие метафизики — и наступает эпоха солиптической чувственности, слиянности человека с историко-бытийным истоком сущего. Ускорение же надо измерять по-другому, не через изменение скорости; его, думаю, вообще не надо измерять,

а создать таблицу ускорений, квантов времени, суть значений простых чисел. В механике времени все солиптически предопределено.

Космология без длительности и протяженности, или где длительность и протяженность всего лишь недействительные образы, мир мнений, — да, непривычно, но это и есть речь, язык, космография, письмо книги природы.

Я вижу такую схему таинства тела:

- время, материально проявляемое как теплота (температура),
- масса (риторический вес в языке физике) как собственно сингулярность, субстантивация и самоструктуризация теплоты (явления времени, реальной пространственности),
- образование тела как антиэнтропийная мера величины силы времени, как пространствопроизводящий эффект времени (хроноэффект — «число времени»).

Пространство я понимаю как базовое физическое явление, более фундаментальное, чем электричество и магнетизм.

Эта схема вбирает в себя и движение, и поле, и взаимодействия Стандартной модели как субстантивации языка физики, телесности тела как числа времени, суть исчисления, измерения времени как теплоты. При этом, естественно, приходится отвергнуть начала термодинамики (всего лишь!) и опять разрешить изобретать вечный двигатель, то есть подражать времени как творцу таинства тела, поддерживающему во многом вечность одной вещи.

Движение тела как «числа времени» из будущего в прошлое направлено, а на что оно еще может быть направлено, ретенцировано — на какой объект, как не на прошлое?

АIII. Схема, может быть, и вполне подходящая, хотя нюансы, но мелкие, и могут в ней изменяться. Однако у меня есть желание сделать шаг назад и объяснить «философию мезоскопического начала» на хорошей иллюстрации. Предположим, мы имеем некую условную шкалу, построенную в порядке возрастания: «буква (звук) — слог — слово — сложное слово — предложение — текст». Можно поставить вопрос: что делает эту шкалу реальной, наличие ее микроуровня «буквы»? Никаким образом. «Буква» здесь — это не нечто состоявшееся само собой, но именно регрессия из слова; звуковая речь — это речь слов, но никак не букв, буквы — это уже изобретения человека, осознавшего грамматический строй. Следовательно, слово есть центральная позиция подобной системы, от которой берут начало два направления регрессии — одно в направлении микроструктуры к букве, и другое — в направлении макроструктуры к тексту.

Если вернуться к телу, то, не обращая к нему как к источнику действия (хотя и подразумеваемая подобное в каком-то смысле), но под-

разумевая его целостность как конститутивной структуры, мы будем подразумевать именно его, тела целостность как «наиболее важную целостность». Физика не понимает такого рода феноменологию, как и то, что такого рода феноменология лежит именно в мезо-плоскости, а не в микро- и не макро-

Вообще я предпринял недавно такую попытку иначе понять конститутивные начала физической структуры, дав условной категории «вещь» определение «вещь — это куст регрессий». То есть само содержание вещи определяется тем, что она способна каким-то образом развертывать из себя как из начала отсчета некоторые последовательности регрессий. И не могу ни с чем сравнить — нигде не встречал подобного подхода (лежит <http://nounivers.narod.ru/ofir/rigor.htm>).

СШ. Мне кажется, что Вы здесь платите дань науке модерна-пост-модерна. Я вижу в основе не регрессию, но прогрессию деления на ноль, в которой каждый новый шаг прогрессии есть предыдущее значение деления на ноль, деленное на ноль в свою очередь. С каждым шагом значение растет, прогрессирует. Вы же, на мой взгляд, мыслите регрессию в дурную бесконечность ленинского типа «все более глубокого познания реальности / бесконечной делимости материи». Все различие между нашими взглядами — в концепте времени — релятивистское оно или субстанциональное. Для субстанционального времени вещь — это корень и цель прогрессий, вещь прогрессирует к вещи в себе. Для релятивистского времени вещь — это куст регрессий, к материалистической вещи-для-нас. Быть может, нас примирит понятие «купины неопалимой»¹², «горящего куста» — духовидческий аналог-образ вещи-в-себе.

Когда время совершает-завершает свой цикл вечного возвращения (из будущего в прошлое) — это прогресс или регресс? С точки зрения утверждения истины — безусловно, прогресс.

АШ. Мое понимание действительности «релятивистского» связано с тем, что оно... не метафизично. Оно как-то там конкретно физично, но не обладает той фундаментальной простотой, что позволяла бы признавать его метафизически цельным.

СШ. Как соотносятся метафизика и солипсизм? В особенности, после солипсизма (махизма) Эйнштейна и деконструктивизма Деррида. Я полагаю, что они вполне примирены в релятивизме, направленном на нечто иное себе, интендирующем нерелятивизм. И солипсизм риторически далее поведет европейское человечество после метафизическо-

¹² *Неопалимая купина* — в Пятикнижии: горящий, но не сгорающий терновый куст, в котором Бог явился Моисею, пасшему овец в пустыне близ горы Синай. Когда Моисей подошел к кусту, чтобы посмотреть, «отчего куст горит огнем, но не сгорает» (Исх. 3:2), Бог воззвал к нему из горящего куста, призвав вывести народ Израиля из Египта в Обетованную землю.

го логоцентризма. Это означает только одно, что нас ждет невиданная форма абсолютизма, например, единая мировая религия-меганаука.

Часть 4. Диалог «РТЧ как новая информационная теория»

mord08. Физика Мира.

Вы даже не представляете себе, как близко в своем разговоре Вы подошли к пониманию Мира. Если бы Вы знали несколько фундаментальных положений, которые лежат в основании представлений о многомерности, Вам сразу же стало бы совершенно ясно, что ИНФОРМАЦИЯ является фундаментальным основанием существования Мира, а масса и энергия в нем лишь побочные факторы (представления наиболее продвинутых и талантливых физиков). Именно создание новой информации, являющейся той сущностью, которую мы привыкли определять как «живое», позволяет Миру существовать вечно, несмотря на непрерывный рост в нем энтропии (формулы для расчета количества энтропии и количества информации ОДИНАКОВЫ, но с обратным знаком). И, наконец, «время» есть не что иное, как поток информации, а плотность этого потока определяет скорость хода времени. Словом, все то, что существует и происходит в Море, в том числе и в нашем маленьком мире — Вселенной, определяется той информацией, которая участвует в этих феноменах. Замечу, что именно поэтому самым важным из всего, что существует в нашем мире, являются НЕЙТРОНЫ. Нейтроны, в соответствии с математикой, сформулированной уже более ста лет назад, являются сущностями, которые находятся ВНЕ времени и, соответственно, вне нашего пространства. Образно говоря, это гвозди, которыми наш мир прибит ко всему Миру, образуя каналы для движения информации и энергии между пространствами разной мерности. Спасибо Вам за интерес к этим вопросам.

СШ. К сожалению, концепт информации в современном научном знании с его многовековой историей все еще слишком легковесен для того, чтобы перевернуть это знание и сопутствующее ему сознание. Вопрос «Что есть информация?» все еще ждет своего ответа. Аксиоматизация информации в том смысле, что она есть последнее основание (абсолютизация информации) — это как самопереворачивающаяся крышка от люка. Современная теория информации — это реализация классического парадокса «последнего основания». Да, можно согласиться с тем, что «информация есть всё» — как некий проект последнего основания познания, но парадокс состоит в том, что это положение не дает нам никакого нового знания. Все, что можно сказать об инфор-

мации как о философской сущности, — это феномен внутренней жизни, содержательности формы и форм вообще.

Новая теория информации — научная парадигма, обеспечивающая технологическую революцию.

Кибернетическая теория информации и связанные с ней методы информационного анализа, применяемые в различных естественных и социальных науках, — это только первый шаг к «информационному мышлению». Конечно, в наше время мы слышим много разговоров о значимости информации, о перспективах информационного общества, о современных информационных технологиях, но при этом следует вслед за А. Н. Яковлевым признать, что принципиально новая теория информации еще не сложилась, что «вектор к познанию информации как основы всего и вся только нащупывается»: «Материя и дух вторичны, а первична — информация. Материя как застывшая энергия есть, так сказать, ресурсное энергетическое обеспечение информации, а дух есть информация, которую получает, адаптирует, систематизирует и производит человеческий мозг... В основе мира лежит не материя, а информация, информационные системы. Элементарная частица, атом, молекула, нация, общество, человек, страна, мир, Вселенная — это прежде всего информационные системы. Материя только наполняет их, служит для развития, саморазвития, самосовершенствования, перехода информации из одного вида в другой и т.д.... Именно информация, а не материя бесконечна в своих проявлениях»¹³.

Инновационная демократия является базовой социокультурной предпосылкой для формирования глобальной теории информации и ее прикладных технологических направлений в XXI веке. Содержательно-ценностная функция настоящей предпосылки обозначена в наследии А. Н. Яковлева: «История есть проявление творческого духа. Это вовсе не отрицает экономики, без которой не может существовать цивилизация. Известно, что культура, цивилизация объемлют всю систему человеческого труда и творчества, всю систему различных форм активности. Сюда относится активность техническая, трудовая, научная, политическая, художественная, религиозно-этическая. Они представляют собой систему взаимодействия и взаимовлияния. Но исторический экономизм утверждает, что двигателем, определяющим все виды этой активности, и, следовательно, историческую судьбу общества, является хозяйственно-экономический фактор... Вся полнота жизни исчезает из данной экономической узости... Характеристика народа объемлет всю систему разнобразной дифференцированной человеческой активности»¹⁴.

¹³ Яковлев А. Н. Предисловие. Обвал. Послесловие. — М.: Новости, 1992. — С. 54.

¹⁴ Там же. — С. 58–59.

Новая теория информации — это, по существу, смена научной парадигмы, следствием чего станет новый технологический уклад, обеспечивающий прорыв в деле сохранения и развития качества и количества жизни людей: «Антиномия — бытие определяет сознание, а сознание определяет бытие — неразрешима. Она вечна. То и другое определяет друг друга. Сознание все больше определяет бытие. Одно открытие за другим — будь-то из области электроники, биотехнологии, будь-то еще что-нибудь — все это продукт мозга как высшей информационной системы, которая способна впитывать существующую информацию, перерабатывать ее, искать новую, еще более емкую информацию. Все перевернулось. Это тема специального разговора, специальных исследований. Пока только-только нащупывается вектор к познанию информации как основы всего и вся»¹⁵.

Становление информационной промышленности (Инфопрома) развитие на ее основе информационно-энергетического комплекса (ИЭК) требует стратегической разработки новой теории информации, новой научной парадигмы. Функционал науки и новые основы ее институциональной организации (реформа Российской академии наук) должны быть выявлены в контексте решения научных задач по формированию Инфопрома и ИЭК. Именно в этом контексте могут быть разумно сгруппированы, синергетически консолидированы наукоемкие и научно-технологические производства.

В частности, речь идет о государственной программе по развитию нанотехнологий. Современный «нано-бум» не должен заслонять кардинальных проблем, существующих в данной предметной области. Среди них:

- 1) отсутствие фундаментальной науки (научной парадигмы), обеспечивающей стратегическое понимание и развитие настоящих технологий, формирующей единый формальный язык описания данной предметной области. Ряд научных идей прикладного характера (Р. Фейнман и др.), положенных в основу так называемой «нанонауки», не образуют полноценной, формально непротиворечивой, содержательно богатой научной теории;
- 2) противоречие научно-методических оснований «нанонауки» современным принципам построения точного знания, а именно, абсолютизация одного количественного измерения (нанометрика) в «математически равноправном» ряду измерений материи;
- 3) формирование научно-промышленного комплекса наноиндустрии в условиях продолжающегося кризиса оснований естественнонаучного знания, то есть подмена необходимости новой

¹⁵ Там же. — С. 49.

фундаментальной научной парадигмы успехами промышленного применения технологий при отсутствии стратегического прогноза и концептуального понимания сути и действительных возможностей «нанотехнологического развития»;

- 4) односторонность экономической модели «нанотехнологического развития», рассмотрения эффективности «нанотехнологий» в системе координат «затраты — выпуск продукции».

«Нанозэффект», состоящий в уникальных проявлениях свойств вещества на наноуровне материальной организации, должен быть осмыслен как информационный эффект: «Переход количества в качество — это своего рода информационный трамплин из одного состояния информации в другое... переход количества в качество всегда есть акт рождения, акт саморождения, акт явления, акт создания новой информационной системы. В конечном счете, всякая информационная система, исчерпав свой информационный ресурс, переходит в новое качество. Конечно, обрыв информационной системы может произойти в любой момент от недостатка энергообеспечения. Это тоже верно. Но все равно — первична информация... Например, без человеческого мозга — этого идеального информационного синтезатора — не могла взорваться атомная или водородная бомба. Не могла, но человек затронул энергию мироздания огромной силы, и человеческий род стал смертен, мозготворчески смертен, ибо вплотную подошел к первопричинности информации»¹⁶.

Новая теория информация — основа появления принципиально новых информационно-коммуникационных технологий. Социокультурное основание новой теории позволяет ее именовать как *гуманитарную теорию информации*.

В технократической теории информации рассматривается процесс «передачи» информации. В гуманитарной теории информации информация не «передается», а присутствует, формируется, распределяется в окружающей субъекта информационно-энергетической субстанции. Если в технократической теории информации главная задача формулируется как задача передачи информации на как можно большие расстояния без значительных потерь, то в гуманитарной теории информации стратегическая задача — извлечение (экспликация) информации субъектом из информационно-энергетической субстанции. Когда технократическая теория информации вводит концепт «связи», она не определяет причину этого феномена, а лишь фиксирует его в схеме «источник-приемник» информации. В гуманитарной теории информации связь рассматривается как *отношение между количеством и качеством, между временем и пространством, то есть как информационный эффект*.

¹⁶ Там же. — С. 55.

Глобальному информационно-технологическому повороту будет предшествовать теоретическая модель употребления вычислительного процесса как информационной системы для моделирования обратной связи количества и качества, времени и пространства через раскрытие природы числа как способа экспликации информации из информационно-энергетической субстанции.

Новые информационно-коммуникационные технологии будут работать в треугольнике: субъект, коммуникация субъектов, информационно-энергетическая субстанция (субстанция жизни).

Информационные коды в сверхновых технологиях будут иметь пространственно-временной характер, воплощающийся в информационно-энергетической природе числа как базового элемента вычислительного процесса, в отличие от вещественно-энергетического характера информационных кодов в существующих ИКТ-технологиях.

Информационный код совпадет с данным (интерпретируемым значением информационного кода) в информационно-энергетическом числе как в базовом элементе модели обратной связи количества и качества (времени и пространства), что отменит необходимость интерпретации данных, полученных из информационных кодов, — отменит, собственно говоря, неопределенность информационного хаоса (информационной энтропии).

Таким образом, на смену средств переноса и обработки информации, используемых людьми и возникших на основе языковых форм общения (от петроглифов до компьютеров и космической связи) придут системы экспликации информации и обеспечения информационно-энергетической коммуникации.

Гуманитарная теория информации определит направление нового информационно-технологического поворота как путь к становлению единой планетарной цивилизации на социокультурном основании инновационной гуманитарной демократии.

Часть 5. О развитии научно-практического направления «кибернетическая физика»

В настоящее время начинается бурное развитие такой новой отрасли прикладной физики как кибернетическая физика. В данной быстро развивающейся области, возникшей на стыке физики и теории управления (кибернетики) и ориентированной на исследование и создание физических систем кибернетическими методами, содержатся возможности радикальных изменений на рынках электронных устройств. Результаты деятельности организованного нами научно-

практического семинара¹⁷ с участием специалистов из разных отраслей науки показал теоретические возможности и практические направления создания принципиально новых систем передачи, хранения и переработки информации.

Тезисы научно-практического семинара «Кибернетическая физика (киберфизика, инфофизика) как направление разработки принципиально новых систем передачи, хранения и обработки информации»

1. Развитие кибернетической физики предполагает ряд фундаментальных инноваций в теории информации. Вопрос «что есть информация?» должен быть с новой силой поставлен на самом широком междисциплинарном основании. Настоящие тезисы исходят из риторической теории числа и результатов работы междисциплинарного научно-практического семинара «Инфопоселение».

2. Сущность информации в РТЧ рассматривается следующим образом. Материя как многообразие физических взаимодействий и явлений (по содержанию) представляет собой устойчиво развивающуюся форму, устойчивое развитие которой в свою очередь представляет собой процесс смены формаций как состояний развития формы. Устойчивая форма материи раскрывается в РТЧ как действительный числовой ряд («Книга природы написана на языке математики» — это принцип современного естествознания. То есть форма числа является истинной формой материи. Задача естествознания, таким образом, сводится к заглаблению понимания того, что есть число. Для уточнения смысла мы вводим понятие истинного числового ряда (еще, возможно, и не располагая истиной числа) — действительного числового ряда как формы материи). Формация материи понимается как состояние действительного числового ряда, актуально реализовавшееся из возможных состояний. Информация рассматривается как фиксируемая, «вещественная» качественность состояния действительного числового ряда — как момент времени формации. Вообще говоря, информация есть не что иное, как момент движения формации во времени. В этом смысле информация не несет в себе содержания, она отображает наличное бытие формации. Информация может быть представлена как вибрация, колебание действительного числового ряда. Теория информация становится тогда возможной как теория колебаний действительного числового ряда.

3. Оптимальной, но не единственной моделью действительного числового ряда является натуральный ряд чисел. Если человеку (на-

¹⁷ Речь идет о междисциплинарном научно-практическом семинаре «Инфопоселение», май 2006 г. — сентябрь 2010 г. (периодически), Академгородок, Новосибирск.

блюдателю, физику) натуральный ряд чисел дан в виде бесконечного счетного множества и выражается через счет с добавлением единицы, то с точки зрения закономерности материи (ее формы) натуральный ряд чисел должен быть переосмыслен точно так же, как данную наблюдателю физическую реальность мы переосмысливаем с точки зрения выявления ее закономерностей, ее генезиса и структуры. То есть натуральный ряд как счет может быть понят как внешний вид природы (материи), генезис же и структура натурального ряда могут быть поняты как закономерности становления и развития природы (материи), выявляемые путем более глубокого наблюдения за ее качественностью и особенностями взаимосвязи количественных и качественных характеристик «внешнего вида» природы (материи).

4. Натуральный числовой ряд, рассматриваемый как генезис и структура материи, осмысливается следующим образом. Основания, первоэлементы природы — это так называемые «первые числа», простые числа. Генезис в натуральном числовом ряду означает перемножение простых («первых») чисел, что выражает рост природы (материи). При этом важнейшее свойство произведения простых чисел, а именно свойство образовывать уникальное и неповторимое целое число, отражает такое важнейшее свойство роста материи (природы) как его качественность, структурированность и уникальную продуктивность (уникальность каждого объекта природы). То есть целые числа, образующиеся как продукты произведения простых чисел (простых сомножителей) и есть то, что Пригожин в синергетике называет диссипативными структурами.

5. При этом следует рассмотреть процедуру представления числа цифрой. Ибо понятно, что в натуральном числовом ряду в силу его бесконечности всегда будут существовать неоцифрованные (непоименованные) числа. Неоцифрованность этих чисел вовсе не отменяет сам факт их существования. Неоцифрованные числа рассматриваются как простые числа (числа, которые делятся только на самих себя и на единицу), в силу своей простоты способные к образованию диссипативных структур. Физический (киберфизический) смысл границы оцифрованности-неоцифрованности числа подтверждается современными исследованиями Вселенной, когда физиками выявлено, что около ее 95% составляет темная материя и темная энергия (неоцифрованные физические реалии).

6. Связь в киберфизике рассматривается как «связь всего со всем», раскрывающаяся в генезисе и структуре действительного числового ряда. В качестве модели связи в киберфизике выступает вышеописанная модель генезиса и структуры натурального числового ряда. Традиционно связь понимается как передача информации. Связь в ки-

берфизике — это прежде всего идентификация информации. В киберфизической системе информация не передается и не распространяется, она предустановленно существует в изначальной структуре числового ряда, и реализация данной системы означает не что иное, как идентификацию информации (верификацию «А равно А», фальсификацию «А не равно А»).

7. Таким образом, киберфизика приходит к постановке задачи перехода от используемых систем передачи, хранения и обработки информации к принципиально новой задаче создания системы идентификации информации, которая (система) интегрирует на новой основе передачу, хранение и обработку информации и обеспечивает качественно новый, синергетический уровень комплексного решения этих специальных задач.

8. С точки зрения РТЧ информация есть процедура оцифровки числа, аналогом которой можно считать именованное слово. В современной информатике отдельно рассматривается аналоговая информация и цифровая. Считается, что человек благодаря своим органам чувств привык иметь дело с аналоговой информацией, а вычислительная техника, наоборот, в основном работает с цифровой информацией. Человек воспринимает информацию с помощью органов чувств. Свет, звук, тепло — это энергетические сигналы, а вкус и запах — это результат воздействия химических соединений, в основе которых тоже энергетическая природа. Человек испытывает энергетические воздействия непрерывно и может никогда не встретиться с одной и той же их комбинацией дважды. Нет двух одинаковых зеленых листьев на одном дереве и двух абсолютно одинаковых звуков — это информация аналоговая. Если же разным цветам дать номера, а разным звукам — ноты, то аналоговую информацию можно превратить в цифровую. Музыка, когда ее слушают, несет аналоговую информацию, но если записать ее нотами, она становится цифровой. То есть в современной информатике полагают, что разница между аналоговой информацией и цифровой заключается в том, что аналоговая информация непрерывна, а цифровая дискретна. Исчисление простых чисел является синтетическим исчислением, объединяющим аналоговую и цифровую составляющие информации. А именно, фундаментальное правило арифметики, состоящее в том, что целое число единственным образом раскладывается на простые множители и данная раскладка кодирует только данное уникальное целое число, по существу, гласит о том, что исчисление простых чисел (неслучайное распределение простых чисел в натуральном ряду согласно гипотезе Римана) есть синтетическое, дискретно-непрерывное исчисление.

9. Именно на основе исчисления простых чисел должно происходить кодирование информации для решения задачи замены систем пе-

редачи, хранения и обработки информации системами идентификации информации. Как известно, компьютер может обрабатывать только информацию, представленную в числовой форме. Вся другая информация (звуки, изображения, показания приборов и т.д.) для обработки на компьютере должна быть преобразована в числовую форму. (Аналогично на компьютере можно обрабатывать текстовую информацию. При вводе в компьютер каждая буква кодируется определенным числом, а при выводе на внешние устройства (экран или печать) для восприятия человеком по этим числам строятся изображения букв. Соответствие между набором букв и числами называется кодировкой символов.)

Задача, следовательно, состоит в создании киберфизического устройства, которое будет непосредственно распознавать числовую форму так называемой всей «другой информации» (то есть звуковая, визуальная, текстовая и т.д. информация не будет нуждаться в преобразовании для обработки на компьютере). Устройство будет сразу распознавать в этой информации ряд простых чисел, то есть идентифицировать ее. *Простые числа являются естественными единицами представления, обработки и передачи информации — единицами идентификации информации.*

10. Подбрасывание монеты и слежение за ее падением дает определенную информацию. Обе стороны монеты «равноправны», поэтому одинаково вероятно, что выпадет как одна, так и другая сторона. В таких случаях говорят, что событие несет информацию в 1 бит. Падение же данной монеты само по себе (физическое событие) уже есть выпадение одной конкретной стороны. Соответственно информация будет идентифицирована как ложная, если «сторона не та», и как истинная, если «сторона та самая». То есть в киберфизике случайность, неопределенность всегда реализованы, и двоичный выбор состоит в верификации или фальсификации информации.

11. В киберфизике для характеристики информации должна использоваться величина, отражающая не объем информации в символах, а *объем информации в простых числах. Единица этой величины должна характеризоваться определенным множеством простых чисел.* Тогда последовательность единиц этой величины будет универсальной матрицей материи.

12. Считается, что при любом обмене информацией должны существовать ее источник и ее приемник. В рамках РТЧ-подхода *источник и приемник информации совпадают*, поскольку реальный информационный процесс есть самоидентификация натурального числового ряда (модели действительного числового ряда) в исчислении простых чисел. Считается, что когда ты читаешь книгу, эта книга является для тебя источником информации, а ты — приемник этой информации.

Однако современная философия литературы пришла к иному пониманию: письмо и чтение тождественны в диалектике писателя-читателя.

13. *Информация всегда передана и распространена, но она не всегда идентифицирована.* Необходимо преодолеть ложное представление современной информатики, что сигнал сам по себе еще не несет информацию, что только тогда мы можем говорить о передаче информации, когда с помощью сигналов передается некоторый код. То есть система идентификации информации выходит на уровень сигнальной системы человека, где кодирование в простых числах (физика распределения простых чисел в числовом ряду) есть непосредственная сигнализация с предустановленной обратной связью. Так, казалось бы, для общения друг с другом мы используем код – язык. При разговоре этот код передается звуками, при письме он передается условными знаками – буквами. На самом же деле языковое общение осуществляется посредством смыслов, которые охватывают и звуки (интонации) и буквы (следы функции чтения в естественном языке) и не исчерпываются ими. Казалось бы, водитель, передавая рассеянному пешеходу информацию о том, что он едет по дороге, может мигнуть светом фар или дать гудок. На самом деле гудок есть непосредственное воздействие на сигнальную систему человека, а не передача ему какой-то закодированной информации, которую водитель сначала закодировал, а пешеход должен декодировать. Если в современной информатике одна и та же кодовая запись может обозначать совершенно разные вещи в зависимости от того, какой смысл мы связываем с этим кодом, то просточисленный код будет фиксировать «единое во многом» и в этом смысле не будет случаен, будет закономерно соединять информационные реалии «единым смысловым стежком».

14. Если в РТЧ источник и получатель информации совпадают, то что же есть канал связи по РТЧ? *Канал связи как единый и универсальный канал есть действительный числовой ряд.* Понятно, что никакая передача информации по такому каналу не происходит. По такому каналу происходит только идентификация информации. В настоящее время в качестве модели такого канала мы можем использовать натуральный числовой ряд. *Распределение простых чисел в натуральном числовом ряду мы будем рассматривать как киберфизику колебаний.* Процедуру оцифровки чисел натурального числового ряда можно рассматривать как процесс идентификации информации (скорость идентификации), что в современной информатике представлено как распространение информации. Является ли в этом смысле связь (по РТЧ) электрической, коль скоро распространение сигнала в действительном числовом ряду не ограничено скоростью света? В действительном числовом ряду не ограничено, но в натуральном ряду – ограничено. Хотя

в натуральном ряду мы можем построить механику сложения векторов скоростей света, то есть представить возможность разворачивания исчисления простых чисел от каждого простого числа.

15. Киберфизическое устройство должно быть устроено на основе процедур соответствия заложенного в нем исчисления простых чисел как универсального кода Вселенной — информации, поступающей в него от объекта, в который киберфизическим устройством отправляется результат идентификации. Киберфизическое устройство ориентировано на объект, который является для него источником и приемником его работы. То есть при конструировании киберфизического устройства необходимо в первую очередь учесть именно такой его способ отношения, «присоединения» к реальности. Киберфизическое устройство само является «маршрутизатором» универсального, киберфизического канала связи.

16. В XVIII веке возник семафорный телеграф. Это световая связь. Очень богатым на открытия в области связи был XIX век. В этом веке люди овладели электричеством, которое породило множество открытий. Сначала П. Л. Шеллинг в России в 1832 году изобрел электрический телеграф. В 1837 году американец С. Морзе создал электромагнитный телеграфный аппарат и придумал специальный телеграфный код — азбуку, которая теперь носит его имя. В 1876 году американец А. Белл изобрел телефон. В 1895 году русский изобретатель А. С. Попов открыл эпоху радиосвязи. Самым замечательным изобретением XX века можно считать телевидение. Освоение космоса привело к созданию спутниковой связи. Среди самых последних новинок — оптоволоконная связь. В настоящее время мы стоим на пути открытия киберфизической связи, которую можно рассматривать как естественную природную связь всего со всем во Вселенной. Необходима организация эксперимента, доказывающего реальность киберфизической связи.

17. Одним из направлений подобного эксперимента может стать воздействие устройства, вырабатывающего простотчисленный сигнал, на сигнальную систему человека и животных. Общим смыслом таких экспериментов станет доказательство универсальности сигнальной системы, основанной на кодировании в простых числах.

18. Важным направлением эксперимента может стать выстраивание над современными системами передачи информации (например, оптоволоконными сетями) системы идентификации информации, основанной на кодировании в простых числах и создании киберфизических устройств, необходимых для работы данной системы. Предполагается, что данная система должна интегрировать такие базовые элементы системы передачи информации, как (1) оконечные аппараты, служащие для преобразования сигнала исходной формы (звуков речи,

знаков текста телеграмм, знаков, записанных в закодированном виде на перфоленте или каком-либо другом носителе информации, изображений объектов и т.д.) в электрический сигнал; (2) каналы связи, многоканальные системы передачи, то есть технические устройства и физическую среду, в которых электрические сигналы распространяются от передатчика к приемнику; (3) системы коммутационных устройств, узлы и станции коммутации каналов. В принципе киберфизическое устройство должно объединить в себе три вышеописанных элемента системы передачи информации.

Часть 6. Инфоэффект – физический эффект порождения информации при оцифровке числа

Колебания рассматриваются физиками как повторяющийся процесс изменения с течением времени физической величины около ее среднего значения. Колебания характеризуются амплитудой, периодом, частотой и фазой. Физическая величина при этом понимается как характеристика одного из свойств физического объекта, общая в качественном отношении для многих физических объектов, но индивидуальная в количественном отношении для каждого объекта.

С точки зрения РТЧ истинный, универсальный и единый физический объект есть число. Тогда истинные (универсальные, инвариантные) колебания – это последовательность простых чисел в действительном числовом ряду, то есть последовательное изменение значения простого числа около единицы (переход от предыдущего простого числа к следующему). Колебания вызываются единицей: единица характеризуется амплитудой, периодом, частотой и фазой. Эта характеристика выражается простотой (неделимостью, делимостью только на единицу) простого числа. Так, первая единица характеризуется амплитудой 2, периодом 3, частотой 5 и фазой 7. Колебание единицы есть исчисление простых чисел как колебательное распределение простых чисел в действительном числовом ряду (универсальный диапазон).

Колебание единицы есть информационный процесс. Информация есть умножение единицы в истинном, универсальном колебательном процессе – в исчислении простых чисел. Единицей информации является простое число. Амплитуда колебаний единицы – «простое число / целое число».

Киберфизическое устройство есть устройство, фиксирующее, прежде всего, простоту (делимость только на единицу) простого числа. В рамках двоичного кода единица обозначает простое число, ноль обозначает целое число. Каждый ноль уникален и образуется уникальным

сочетанием (произведением) уникальных единиц (поскольку каждое целое число есть уникальное произведение простых сомножителей).

Информационный процесс есть процесс оцифровки числа. Информация есть эффект, возникающий в процессе оцифровки числа. Оцифровка числа есть алгоритм, всеобщая связь простых чисел с единицей — колебание величины единицы около единицы как исчисление простых чисел (*простое число есть физическая величина единицы*).

Таким образом, инфоэффект — это такое установление связи от источника, в котором (установлении) приемник не предусмотрен и при передаче информационного сообщения возникает ответное информационное сообщение. Инфоэффект — это эффект разложения целого числа на простые сомножители под воздействием колебания единицы.

Колебание единицы есть единое излучение материи, в котором виды излучения различаются, дифференцируются своими характеристиками — амплитудой, периодом, частотой и фазой. Множество простых чисел (как множество (многообразие) единиц) образует истинное, универсальное поле колеблющейся единицы. Свет есть бытие единицы в каждом простом числе последовательности простых чисел. Поток света есть явление единицы, выражающееся в последовательности простых чисел как в последовательности моментов времени. Как таковой свет есть естественный (природный, действительный) процесс оцифровки числа. Граница скорости света есть ни что иное как явление инфоэффекта. Это граница преодолевается в раскрытии сущности инфоэффекта.

Суть инфоэффекта — это самообнаружение будущего момента времени в настоящем моменте, самообнаружение единицы в простом числе, явление единицы в простом числе как в отношении всеобщей связи, алгоритме.

Данный нам в ощущениях материальный мир (= информация) есть результат оцифровки числа = инфоэффект. Киберфизическое устройство расширяет наше восприятие через использование явления инфоэффекта до мегафизического (вселенского, природного) процесса оцифровки числа.

Часть 7. Обсуждение инфоэффекта

mord08. Как декларация — это, возможно, и да! Но физико-математической модели нет. Нужно показать информацию как физический эффект, описываемый математической моделью. Кроме того, единичный мир, мир единицы, уникальный, конечный — всеохватнее «многомерного мира», который находится внутри мира единицы.

Мне придется еще раз просить прощения, поскольку мне придется пользоваться положениями теории, которая в значительной сво-

ей части Вам не известна. Кроме того, мне бы очень хотелось понять, что Вы понимаете под словами «многомерный мир», который находится внутри единицы? Мне представляется, что в трехмерном мире может находиться бесконечное количество двумерных (плоскостей), в четырехмерном — бесконечное количество трехмерных, подобных нашему, в пятимерном и т.д. Что может значить представление о четырехмерном мире, который... внутри единицы? Что это? Математики в этом вроде нет, тогда философия какая-то? Но для меня, еще раз простите, нет никакой философии вне математики. Теперь, об информации как «физическом эффекте». Дело в том, что все то, что существует и происходит в том или ином пространстве (любой мерности), определено той информацией, которая участвует в этих феноменах. Если взаимодействия между физическими объектами нашего мира происходят в какой-то момент времени так, а не иначе, то это не значит, что они не могут измениться в другой момент времени и именно в тот, в котором один или больше этих объектов получают новую информацию. Понятно, что количество этой информации вычисляется по известной формуле, понятно также и то, что и прежние взаимодействия и новые несложно описать математической моделью, основываясь на известных физических законах. Чего здесь не хватает, чтобы вполне логично и понятно описывать информацию, как «физический эффект», хотя она все-таки не «эффект», а сущность многомерного пространства?

Сергей Шилов. Математика предельно простая. Натуральный ряд — это не добавление единицы к предшествующему множеству единиц, а единица, а все остальные числа — это части единицы. Например, 567 893 — это не 567 893 единицы, а 567 893 частей единицы.

mord08. И как это представление связано с многомерными пространствами, с понятием чисто математическим?

СШ. Один из основателей матанализа Л. Кронекер говорил: «Целые числа создал Бог, всё остальное (типы чисел — СШ.) — дело рук человеческих».

Связь такая: единица — это «гугл», самое большое число, все остальные целые числа натурального ряда — это части единицы, то есть число натурального ряда — это число частей единицы. Но, согласитесь, физико-математический вопрос состоит в том, как структурировать какую-либо единицу (объект, систему), на какое число готовых к обратному синтезу частей аналитически разбить целое — ведь целое можно, скажем, взорвать на осколки, а можно разобрать как механизм. Как правильно выделить часть из целого — это основной вопрос новой математики, математики качества. Каждый раз выделяя число частей единицы, мы его пытаемся вычислить истинным образом, мы берем на себя ответственность за прояснение истинного отношения целого-и-части, единого-и-

многого. Так в риторике, пользуясь языком, речью как феноменальным целым, мы подбираем каждый раз только одно истинное, убеждающее, уникальное слово, часть речи. Многомерность — это различные способы разбиения единицы (целого) на части. Можно также сказать, что каждая вещь, каждое существующее есть единица n -мерная, структурированная определенным числом определенных частей. При этом каждая часть — это также единица, нечто одно, что таким же образом структурируется. Отсюда и формула физики мира — формула единицы.

mord08. К Вашему «Инфоэффekt — физический эффект порождения информации при оцифровке числа». Информация не «порождается» при оцифровке числа, поскольку число никак нельзя «оцифровать», оно и есть порождение «оцифровки» тех или иных физических процессов, а также потому, что «информацию» может породить только Сознание. Еще раз. Существующая информация содержится во всех физических объектах большого Мира и нашего, в том числе, как его части. Новая информация может быть генерирована лишь Сознанием как свойством, присущим высоким уровням развития Живого. Да и странно предполагать, что изображение, которое создается объективом цифрового фотоаппарата на его матрице, не содержит информации, а после «оцифровки» эта информация появляется. Кстати, «оцифровка» представляет собой всего лишь перевод СУЩЕСТВУЮЩЕЙ информации из одной формы в другую (с учетом неизбежно сопровождающей этот процесс энтропии).

«С точки зрения РТЧ — истинный, универсальный и единый физический объект есть число».

Число — есть абстракция, числовое выражение тех или иных количественных характеристик ФИЗИЧЕСКОГО объекта и не может поэтому само быть «физическим объектом». Мистические свойства, приписываемые числам эзотериками, не являются отражением тех или иных физических закономерностей, а тем более фундаментальных физических законов. Это скорее из области Веры, а не науки. Логика в подобных представлениях пока не обнаруживается...

СШ. Базовый механизм порождения информации, известный человеку и совершенствующий самого человека, суть язык. В техническом (механическом и органическом) измерении язык в аспекте своего генезиса и как истина и метод сознания есть процедура именованя. Давая имена, человек и порождает слова так, что они становятся элементами языка. Но — и это совершенно логично и рационально — слово существует и до своего имени, это и есть сущность сознания, существует или в качестве некоего еще не поименованного представления сознания, то есть представление о вещи уже есть, а имени вещи еще нет, а возможно, что вещь и выделяется в жизненном мире, как нечто единичное только потому, что эксплицируется неким вещественным представлением, ко-

торое назовем «словом-без-имени» — в Библии это называется «чистое словесное молоко» (1 Петр 2:2-3). Числа — это слова языка физики, языка существования, поэтому они так же, как и слова, существуют до их поименования (для чисел — до оцифровки), существуют как «представления о реальности» или «представления самой реальности» (в зависимости от того, как Вы понимаете сознание, но различие этих понятий не влияет на главный тезис «число = слово = представление»). Цифра — это имя числа. История развития письменности включает и историю записи числа. В этом смысле мы стоим на пороге новой записи числа, на основе которой будут создаваться новые тексты «книги природы» — «новая сущность техники» (Хайдеггер).

Часть 8. Сергей Шилов: «В известном смысле это конец логики»

(Интервью для портала «Другие.ру»)

Главный интерес теории Сергея Шилова состоит в том, что он делает парадоксальную попытку установить структуру самого «различия» — во всяком случае, мысль Сергея Шилова бьется с проблемами того уровня, к которому апеллировал Жак Деррида. Не понятия содержательной диалектики (платоновской, гегелевской) задаются структурой «единица, деленная на ноль», а те невозможные понятия, в которых осмыслялось бы само различие между какими угодно, пусть самыми фундаментальными содержаниями (включая «бытие» и «небытие»). Парадоксальность «математической» модели С. Шилова заложена в ней изначально. «Простое число» определяется как «единица, деленная на ноль», а «единица» — как множество простых чисел». Но это тот круг, в котором вертится мысль, замороженная проблемой различия — чем различаются различия между собой, если принять, что различия между разными качествами (между А и В, между К и М) сами имеют разные качества? Вот здесь Шилов и начинает речь о своем «качественном» простом числе, которое, тем не менее, не задает никакого «предметного», «содержательного» качества в отличие от числа пифагорейского.

К. Нагаису

С. Шилов. Мне был не совсем понятен вашего портала основной мотив — о борьбе с автоматизмами мысли. Мне как раз кажется, что мы до сих пор не знаем логику этих автоматизмов, они никем не формализованы, и я ничего особенно плохого в таких автоматизмах и в продуцировании новых автоматизмов не вижу. Потому что мы двигаемся,

не задумываясь о каждом нашем последующем шаге, при этом мы не падаем каждую секунду. Это же тоже автоматизм своего рода.

Т. Ракин. Это низший автоматизм. Более высокая деятельность протекает уже сознательно.

СШ. Вы считаете, что сознательная деятельность не автоматизирована?

ТР. Представьте себе, что будет, если она будет автоматизирована полностью.

СШ. Я как раз считаю, что сознание — вычислительный процесс, природа его — вычислитель. Это вычисление функциональное (я думаю, что об этом и Спиноза говорил) мы не фиксируем. А на самом деле этот автоматизм просто невероятный. Поэтому и луддизм ваш мне непонятен.

ТР. Дело не в том. Представьте себе исчисляющий процесс, он выдает результат, но если этот результат никто не сознает, если никто его не поймет, этот результат не будет человеческим результатом. Об этом и идет речь. Исчислений может быть множество, целые пирамиды, но на вершине там должен быть глаз.

СШ. Но мне кажется, что результат вычислительного процесса — это собственно вещественная мера, то есть это не такие результаты, которые потом кто-то использует для чего-то, а это и есть само наблюдаемое. А логика — это просто следствие несостоятельности математики на уровне теории чисел, это некое понимание, что подлинной математики у нас еще нет, поэтому мы как бы «поговорим» об этом. Вот это и есть логика, с моей точки зрения. Как только математика изменится — а изменится она тогда, когда ее референтной базой станет учение о бытии — логика просто исчезнет. Это просто леса недостроенного здания с моей точки зрения, здания именно математики.

ТР. Вы имеете в виду современную формальную логику?

СШ. Это доказал крах логической программы формализации математики Гильберта. Логика не способна формализовать математику. А потом, забавно, опять возникла вера в логическую формализацию математики — попытка создания компьютера пятого поколения. Оказалось, что логические формализмы ничего не добавляют к математическим. Это, оказалось, полная бессмыслица. Я в этом смысле верю в возможность новой математики, как говорят математики — математики качества. С уровня уже теории чисел должно прийти качественное преобразование математики. В известном смысле это конец логики.

А. Фирсов. Давайте четче смоделируем ситуацию. Вот вы зашли в это заведение, заказали себе бокал пива, и к вам подсел человек с непонятным образованием, но точно не логик и не философ, и не математик. Но разговор зашел о чем-то, в общем-то, отвлеченном, и вы ему попы-

тались объяснить ему, что стоит за вашей риторической теорией числа. Попробуйте сейчас, это эксперимент, который мы хотим проводить на сайте, попробуйте взять и объяснить вашим собутыльникам, скажем так, о чем речь, собственно.

СШ. Для меня очевидно, что главным философским революционным преобразованием было бы создание единого учебника для начальной школы, где еще не разделены математика, язык и т.д. Я бы ему вот так и напомнил начальную школу, а все мы помним заявления учителей о том, что число даже не нужно определять. Число — это единица, это что-то настолько простое, что вообще даже не нуждается в определениях. Это азы. Именно здесь взрывной момент, потому что единица — это единственное, чему вообще стоит искать определение. Я пытаюсь ввести такое понятие как формула единицы. Должна стать очевидной новая референтная связь, а что вообще описывает математика. Что? Пластмассовые палочки, пять коров? Что она описывает? И что она должна описывать? Что за этим стоит? Мне кажется, что то, что называется учением о бытии — с Парменида начиная и до Хайдеггера — это и есть референтная база настоящей математики, то есть математики в отношениях бытия и ничто.

АФ. Давайте вернемся к нашей нити. Наверное, первый тезис был бы в том, что мы с первого класса привыкаем оперировать числами, но не знаем, что это такое. Учителя об этом никогда не говорят.

ТР. Или говорят, что единица — это раз.

СШ. Это раз. Это все, что мы можем сказать, получается?

АФ. Но это еще не приводит к риторической теории числа. Какой следующий ход, от этого отталкиваясь?

ТР. Определить единицу, видимо.

СШ. Он, конечно, не следующий, но он — задача. Я считаю, что ничего кроме формулы единицы в риторической теории числа и нет. Важна сама постановка вопроса о том, что единица — это явление, есть какая-то формула этого явления, есть какая-то законосообразность единицы. По мне единица — это загадка языка, это идентификация уникальности, сингулярности глагольной единицы. Не было бы единицы, ничего бы тут не было. Это первичная форма слова. Математика поэтому и есть язык.

АФ. И как же Вы определяете единицу?

СШ. Моя формула звучит так: единица — есть множество простых чисел.

ТР. Можно сказать, что математический человек — это человек, мыслящий единицу как сложное?

СШ. Да, можно. Но он ее мыслит не из каких-то открытий, а из интуиции языка. Потому что это в языке — так.

ТР. Как — так?

СШ. Отношения бытия и ничто оцифровывать нужно как исчисление простых чисел в процессе отношений единицы и нуля. Вот здесь коренной поворот, потому что это не просто (как сегодня в информационных технологиях) единички и нули, а это отношение единицы вообще и нуля вообще, за которым стоит учение о бытии в его понимании отношения бытия и ничто.

ТР. А с языком это как связано?

СШ. Это его дом, он так устроен, что язык — это деление единицы на ноль. Это непрерывный процесс жизни, мышления, мыслиеосуществления отношения бытия и ничто. Это оцифровка этого процесса.

АФ. Правильно ли я понимаю, что из деления единицы на ноль возникает весь ряд?

СШ. Правильно.

АФ. То есть наше сознание воспринимает эту бесконечную операцию деления единицы на ноль. Ведь вопрос о делении единицы на ноль означает, сколько раз надо взять ноль, чтобы получить единицу, и это собственно и есть бесконечность.

СШ. Бесконечность — это и есть конечность. На самом деле все очень точно, строго и предельно. То есть каждая качественность может быть оцифрована.

АФ. А что заставляет наше сознание работать именно так, что оно бесконечно в своем процессе делит единицу на ничто, на ноль иными словами, и получает этот ряд множественностей. В чем механизм?

СШ. Но как... Это деление единицы на ноль — оно результативно.

АФ. Но что побуждает сознание работать именно так? Почему оно не может остаться в своей целостности?

СШ. Мы же прекрасно понимаем, что сознание создано языком. А как возникал язык? Мне кажется, что язык возникал как язык числа. Сама возможность осознать существования единицы — это и есть первый акт сознания. В этом смысле — языковой акт. Например, если проанализировать работу связки «есть», то мы там всегда имеем числовой язык, всегда.

Ю. Балужкин. Откуда у Вас вообще такое внимание к проблеме именно числа? Я воспринимаю это как своеобразную метафизику числовую, которая напоминает в некоторых чертах пифагореизм, мистические разные учения, кабалистические вещи можно вспомнить. Зачем в наше время? Я со стороны вижу, может быть, как профан, попытку построения такой теории всего на основе учения о единице излишней.

СШ. Я всячески пытался, мне кажется, мне это даже удалось, отделиться от пифагореизма. Все есть число — это не то, о чем я говорю. Я как раз хочу сказать о том, что всякое число, и само числовое — есть

производно-слововое, риторическое, то есть оно создается и управляется по риторическому закону. То есть не все есть число, а все есть слово. И число есть слово, а теория чисел — есть теория языка, первичная, еще «дословная» в смысле нам привычного понятия слова, может быть жеста, мимезиса.

ЮБ. То есть это филологизм, который распространен на область числового? Извините, я вспомнил еврейский филологизм знаменитый. Это целая символическая традиция отношения к языку как к священному, как к основе всего. Это достойно уважения. Но это продолжение той самой линии, распространенной на область математики и физики.

СШ. И физики. У нас новая математика возникла, хорошо, давайте, как говорят ученые, попробуем ее использовать как аппарат для физики. Что тогда получается? И вот тогда получается, что можно процесс развития Вселенной понимать как процесс создания событийного, развитого, структурированного пространства и времени. А время, собственно говоря, как мы можем его познать? Если взять антропный принцип физики, мы должны ответить на вопрос, а что в человеке собственно вот эту антропность обеспечивает? В этом смысле, мне кажется, мы выходим на концепцию субстанционального времени, которое работает так, как работает язык. Как язык создает жизненный мир человека, так и время создает действительное, живущее, расширяющееся, развивающееся пространство.

АФ. Но если вычистить из этого пространства человека?

СШ. А как вы это сделаете? В том то и дело, что его невозможно вычистить. В существовании наблюдателя показывается то разумное воздействие во Вселенной, которое и делает ее наблюдаемой.

АФ. Я не понимаю. Язык, число — создает мир?

СШ. Без акта единицы язык просто не может возникнуть. Слово это и есть единица, точнее, стоит за ней, проявляясь в самом начале как только единица. Это число сохраняется на всех этапах слововой практики. Это то, к чему пришла современная физика, когда 95% темной материи — это темная энергия. Почему она собственно «темная»? Это числовое, это исчислительный комплекс пространства, созидающего время.

ЮБ. А почему при делении единицы на ноль не получается бесконечность?

СШ. Для меня это отношение бытия и ничто, порождающее цепочку первокачества. Я вижу, как оно формализуется, как оно может быть геометрией. Для меня это очень живой процесс.

АФ. Я в целом понимаю так. Есть определенная нерасчлененность мира, единица — некий мир, который еще не распахан словесной практикой. Дальше начинает работать сознание, которое вносит расчлененность в единицу, делить.

ТР. По-моему, речь не идет о некоей исходной единице, скорее, есть различия. Вот этот акт различия — это с самого начала уже сознание. Это из него возникает единица. И что-то еще, раз это различие. А что еще? Ноль, больше нечему.

ЮБ. Вот это внимание к вопросу числа, единицы — это средство исчисления чего?

СШ. Времени как некоего двигателя. Это теория управления Вселенной.

АФ. Но единица — это простой акт сознания.

СШ. Если брать антропный принцип, то от этого простого акта сознания зависит Вселенная, причем Вселенная именно такая, какая она есть во всех своих контактах.

АФ. С помощью техники сознания, языка человек будет моделировать Вселенную?

СШ. Да.

ЮБ. А зачем все-таки для такой модели теория единицы?

СШ. Мы изучаем физику, изучаем какие-то физические явления, которые описываются какими-то единицами, джоулями там, ньютонами, но ведь это лишь условное осмысление каких-то частных. Вот понять единицы без всяких этих дополнений, ньютонов, джоулей, ленцев, то есть понять в каких же единицах мы можем помыслить физическую картину мира, чтобы нам не специфицировать эти единицы какими-то концептами.

АФ. Но это ньютоновское, лейбницеvское — это же качественное уже добавление к единице.

СШ. Это значит, что наша «единица» не достаточна. Ведь когда Бог считает и создает мир, там нет ньютонов, джоулей и ленцев, амперов. Есть просто единицы. И вот как эти единицы специфицировать? Я предлагаю некий вычислительный механизм. Вот эта древняя проблема простых чисел, на мой взгляд, это вообще проблема «вызначенности» числа, то есть это проблема теории чисел как языковой системы. Она существует 2000 лет, эта проблема, я объясню, в чем она состоит. Простые числа — это числа, которые делятся только на себя или на единицу. Математики гадают, как же найти формулу, как же узнать энное простое число. Например, сотое простое число. Они какие-то посчитаны, первые 50 миллионов, а дальше не понятно, как они размещены в натуральном ряду.

А моя точка зрения другая. Не они размещены в натуральном ряду, а натуральный ряд как целочисленный континуум создается ими, потому что основное требование арифметики — каждое целое число есть уникальный набор сомножителей. Если говорить, что сначала, а что потом, то сначала в результате деления единицы на ноль, мы получаем

элементную базу простых чисел, которые, коммутируя между собой, достраивают весь натуральный ряд.

ТР. Как понять этот круг: единица — это множество простых чисел, но тем не менее простое число создается делением единицы на ноль?

СШ. Здесь я слово «множество», благодаря русскому языку, понимаю в двух смыслах. Это и набор элементов, как в канторовской теории множеств, но это и множество перемножений, коммутаций, посредством которых создается множество простых сомножителей, заполняющих ряд природы, достраивающих его. Кронекер, один из основателей матанализа, он вообще такой тезис высказал — целые числа создал Бог, все остальное дело рук человеческих. В целочисленности математика, натолкнувшись на ряд сложностей формализации, ушла в конструирование типов чисел. Остались эти зияния — тайна простых чисел, а вот вернуться в целочисленность как формализм природы, этому помогает формула единицы.

ТР. Вот вы исходите из антропного принципа, то есть наблюдателя. Этот наблюдатель имеет сознание, весь математический аппарат в этом сознании должен быть?

СШ. Все это есть в момент создания всего, условно, в квантовом горизонте.

Часть 9. Научно-технические проекты РТЧ

1. Когитор, просточисленный компьютер (так называемый «искусственный интеллект»).

2. Ленто-мебиусно-ускорениевый телепортатор (временноразмерная телепортация на промышленной основе — телепортационная промышленность).

3. Хронодвигатель (Гелиоцентрический двигатель, движущий источник неограниченной энергии).

4. Цифровой иммуномодулятор (новая медицинская технология повышения качества и количества жизни, здоровья).

5. Просточисленное распределение экономического продукта (новая система экономики).

6. Семиотическая просточисленная сеть (инновационный принцип организации информационного общества).

7. Целочисленное производство (новая система промышленного производства продуктов с заданными свойствами).

8. Континуальное управление климатом и экологическими ресурсами (новая система глобальной организации жизнедеятельности человека на планете).

10 тезисов к информационной теории иммунитета, или Матема иммунитета

Памяти А. А. Котенева, А. А. Мкртчян

1. Иммунитет есть то всеобщее, универсальное в организме, что обеспечивает его причастность и подчиненность закону Вселенной, закону единицы. Иммунитет есть то, благодаря чему и посредством чего существует индивидуальный, единичный организм. В контексте РТЧ иммунитет — это не реальный предикат биосубъекта, «системное биологическое качество», а операционная система, на основе которой в качестве «программных платформ» работают все 11 систем организма:

- центральная нервная система;
- система органов дыхания;
- система органов кровообращения;
- система органов кроветворения;
- система органов пищеварения;
- система органов мочеиспускания и кожа;
- репродуктивная система;
- эндокринная система;
- костно-мышечная система;
- лимфатическая система;
- периферическая нервная система.

То есть иммунная система — это не одна из 12 систем организма, «обеспечивающая защиту организма от чужеродных элементов», а фундаментальная система, «биос» для всех иных систем как «платформ-приложений», работающих на основе иммунной операционной системы. В соответствии с этим пониманием будем именовать теорию систем организма с опорой на иммунную систему — биотикой.

2. Биотика или матема («точное определение того, что есть» — в переводе с древнегреческого) иммунитета) — это раздел хроники (механики времени) прежде всего для человеческого организма.

Иммунитет в соответствии с этим определяется, математизируется как индивидуально-типическая машина времени организма, биотический хронотоп. Работа сил этой машины суть химические реакции. Именно в организме феноменологизируется предметность химии, нередуцируемая к физике.

4. Иммунитет есть высказывание языка бытия, веществуемое биотический мир человеческого существа (химическим прежде всего способом). Иммунитет — это виртуальная машина, работающая в субстанциональном времени.

5. Ныне под иммунитетом понимается не машина, но устойчивое состояние равновесия организма и среды, рассматриваемое по модели термодинамического равновесия. Однако в модели термодинамического равновесия в жертву приносится истина субстанциональности, нерелятивности времени. Субстанциональная физическая явленность времени есть температура. Ближе всех к этому пониманию подошла медицина (измерение температуры организма как базовый метод определения его иммунного состояния). Время организма выражается в температуре — это план выражения времени как языка бытия.

6. Трагически человечеству далась временная истина иммунитета — через иммунодефицит и иммуноизбыток (рак). Понимание рака как иммуноизбытка означает феномен отчуждения функционалов иммунитета от свойственной им предметности, когда иммунная функция теряет структурные ограничения и вступает в фазу антиструктурного самодействия (например, пролиферация неструктурированных раковых клеток). Время-дефицит и Время-избыток организма — в срезе субстанционального времени — так могут быть увидены эти две фундаментально-полярные негации времени-истины организма.

7. Предварительно рассмотрим, что есть пространство организма, или пространство, создаваемое временем организма. Это и есть, собственно говоря, пространство регулирующих воздействий на иммунитет (суть медицина, исцеление). Это не пространство биологическое, анатомическое, материально-телесное. Это пространство материализованных сил времени организма. Четырехмерное пространство человеческого организма как биотическое пространство человечества — это пространство 4-х групп крови. Именно в этом пространстве работает механика биотического времени человечества. Именно в нем возникает иммунитет и, соответственно, иммунодефицит и иммуноизбыток.

8. Как работает иммунитет как машина времени организма? Это ньютоновская вычислительная машина, работающая на простых числах. Роль простых чисел в человеческом организме исполняют нейроны, а мозг представляет собой целочисленный континуум, субстантивирующей время организма. Здесь все происходит обратно РГЧ-исчислению простых чисел, а именно, здесь простые числа, результаты деления единицы на ноль, «уже есть» в качестве элементной базы, а на основе этой базы генерируется непосредственное отношение единицы и ноля, отношение иммунной нормы и ничтожения нормы. То есть в организме Вселенная овладела просточисленным законом своего генезиса и оказалась способной генерировать собственную причину, основание, источник. Организм — это акт рефлексии Вселенной, природы.

9. Что же такое рак? Это иммуноизбыток субстанционального времени организма (время-ложь организма), осуществляющийся как дви-

жение времени организма вспять (рост неструктурированных клеток, метастазы) — механика времени-вспять в четырехмерном пространстве групп крови, в биотическом пространстве человечества. Ему противопоставлен иммунодефицит, осуществляющийся как угасающее движение времени как системы колебаний единицы, «высочившей» из просточисленной колебательной колеи.

10. Что же такое вирус? Это неадекватная монада субстанционального времени, неадекватность которой вызвана сбоем в делении единицы на ноль, в отношении организма и среды организма — это ложный результат в процессе настоящего деления, настоящего отношения.

Роль иммунитета как субстанционального времени жизни организма может быть представлена концептуальным образом «хорошо темперированный клавир»¹⁸ в «музыке жизни»¹⁹ (Г. Бурбулис). Просточисленность — это прежде всего правильная темперированность, пролог к природной гармонии. Понятия «иммунодефицит», «иммуноизбыток»

¹⁸ *Хорошо темперированный клавир* (нем. *Das wohltemperierte Klavier*) — цикл произведений И. С. Баха, состоящий из 48 прелюдий и фуг для клавиря, объединенных в 2 тома по 24 произведения. Полное название — «Хорошо темперированный клавир, или прелюдии и фуги во всех тонах и полутонах, касающихся как терциймажорных, так и терций минорных. Для пользы и употребления жадного до учения музыкального юношества, как и для особого времяпрепровождения тех, кто уже преуспел в этом учении; составлено и изготовлено Иоганном Себастьяном Бахом — в настоящее время великого князя Анхальт-Кетенского капельмейстером и директором камерной музыки»; часто для обозначения произведения используется аббревиатура ХТК... Название произведения предполагает использование клавишного инструмента (сейчас обычно эти произведения играют на фортепиано или клавесине), настройка которого позволяет музыке звучать одинаково хорошо в разных тональностях. (Такой настройкой, например, является используемый сейчас 12-полутоновый *равномерно темперированный строй*.) Во времена Баха были распространены другие системы настройки, например, среднетоновый строй. Это означало, что одно и то же произведение, исполняемое в разных тональностях, звучало несколько по-разному, а частое использование хроматизмов и модуляций создавало впечатление расстроенности инструмента и диссонанса. Это накладывало на музыку той эпохи ограничения, и Бах хотел показать музыкантам все преимущества новых музыкальных строев... Преимущества строя, использованного в ХТК, заключались в возможности использования модуляций и хроматики без всякого ограничения, а также в равноправии всех тональностей. Хотя работа Баха не была единственным сборником произведений для всех тональностей, она стала наиболее известным и убедительным аргументом перехода к новому строю. Впоследствии это привело к тому, что гармония стала одной из основ классической музыки. Бетховен, в произведениях которого часто встречаются модуляции далеко за пределами основной тональности, находился под влиянием ХТК. Возможность равноправно использовать все тональности и свободно переходить из одних в другие для создания специфических ощущений у слушателя была полностью реализована в эпоху романтизма. — Википедия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D5%E0%F0%E8%F0%E2%E0%ED%ED%FB%E9_%EA%EB%E0%E2%E8%F0, свободный. — Яз. рус. и др

¹⁹ *Бурбулис Г. Э.* Школа политософии «Достоинство» [Электронный ресурс] — М.: Центр «Стратегия», 2011. — Режим доступа: poltosophy.ru/filemanager/download/506/, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.

понимаются именно в этом смысле, а не в качестве «больше/меньше» некой линейной величины иммунитета, — как дефицит и избыток ответственности, как фундаментальный дисбаланс «подвижного баланса сущего»²⁰ (А. Котенев), в результате которого качество теряет себя, то есть нарушается речение бытия, хроноцентрированность организма.

Реализация настоящих технических проектов на интегральной основе РТЧ-идей позволит решить базовые проблемы цивилизации, поставившие ее на грань выживания, и вывести человечество на новое качество и уровень развития. По каждому из проектов имеются системные наработки и кадровый ресурс проектной реализации.

Часть 10. Краткое теоретическое резюме

В отличие от нынешней математики, математики «внешнего, пустотно-сознаниево-материалистического человека», в которой табуировано деление на ноль (ибо раскрывается бездна бесконечности), в новой математике, основанной на доктрине солиптизма (овнешняющего, веществуемого мир языком/речью «внутреннего человека») деление на ноль — это базовая операция, результативная. Деление единицы на ноль пошаговое порождает множество простых чисел (чисел, которые делятся только на себя и на единицу)

$1 : 0 = 2; 2 : 0 = 3; 3 : 0 = 5; \dots 457 : 0 = 461; \dots 1901 : 0 = 1907; \dots$

Как известно, так называемое «распределение простых чисел в натуральном ряду» является величайшей загадкой и проблемой математики/теории чисел со времени возникновения математики, сегодня на этой проблеме основаны базовые алгоритмы шифрования. Пошаговость деления единицы на ноль условна, релятивна. Формула единицы («единица есть множество простых чисел», «множество» — как в смысле универсального множества элементов, так и в смысле перемножения, коммутации всех элементов со всеми по «логике» заполнения пространства натурального ряда целыми числами, когда каждое шаговое наличное заполнение накладывает определенные структурные ограничения на тор коммутации) утверждает одновременность происхождения всего множества простых чисел в результате акта деления единицы на ноль, но пошаговость существует в сознании человека как горизонт деления человека на внутреннего и внешнего.

Простые числа — это первокачественности пространства в его генезисе из субстанционального времени (время порождает пространство как физическое явление, более базовое, чем электричество

²⁰ Котенев А. А. Подвижный баланс сущего. — М.: Наука-Пресс, 2003.

и магнетизм). РТЧ-тезису «время есть язык бытия» соответствует РТЧ-формула единицы «единица есть тождество, множество простых чисел». Надо сказать, что феномен «отношения бытия и ничто, порождающего цепочку первокачественностей» как «чистую структуру природы в ее генезисе» первым увидел Гегель. Я этот феномен, говоря современным языком, формализовал, оцифровал.

Исчисление простых чисел как результат деления единицы на ноль — это есть дифференциально-интегральное исчисление самой природы, универсальная семиотическая система. Именно оно выражает принцип индивидуации, уникализации в природе, ведь согласно основной теореме арифметики каждое (!) целое число есть уникальный набор простых сомножителей. Математики этот факт знают, но никак не осмысливают. Для философа это фундаментальный факт. Физики тоже начали эту фундаментальность понимать. Ландау говорил: «Простые числа созданы для того, чтобы их умножать».

Итак, современная математика и логика проваливается в бездну уже на первом шаге деления на ноль, новая математика идет, как по воде, так как для нее каждый шаг деления на ноль результативен.

Для первых 50 млн простых чисел, найденных методом перебора (ибо формулы n -го простого числа нет) сомножителей целых чисел, сумма чисел, обратных всем простым числам ($1/p$, где p — простое), — меньше 4. РТЧ-гипотеза: сумма всех $1/p$ равна 4, то есть из структуры исчисления и вытекает 4-мерность нашего континуума (целочисленного континуума). При этом приходится спорить с Евклидом, который утверждал, что число простых чисел бесконечно.

Исчисление простых чисел я понимаю как истинное исчисление субстанционального времени, в процессе которого оно создает заполняющееся пространство. Исчислению простых чисел изоморфен опыт дефинирующего разума как сердцевинный опыт языка как «матемы». И всё это вместе — опыт субстанциональности времени, данный в феноменологии времени человеческого бытия.

Важнейший генеративный механизм РТЧ, ее метод — это открытый автором комплементаризм языка числа (как способа конституирования и преобразования теории чисел, решения ее фундаментальных проблем) и «языка в чистом виде» (Филипп де Соссюр). Проблемы языка (как предмета риторики, филологии, лингвистики, философии) разрешимы в языке числа и наоборот. Например, филологи могут только мечтать о том, чтобы иметь в распоряжении «первое слово» и «слова-первокачественности языко-строения (фреймы)» (в языке числа они есть, это единица и простые числа), а математики желали бы располагать пониманием генезиса и структуры натурального ряда, которые можно понять как истину и метод металингвистической функции.

В заключение — **фундаментальный и наиболее перспективный пример естественнонаучного продвижения РТЧ.**

Каждому школьнику известна периодическая система элементов Д. И. Менделеева. В числе важнейших атрибутов каждого элемента в таблице даны атомный вес и распределение электронов на внешней оболочке. Как только добавляется новая оболочка, возникает новый период. В ряде фрагментов таблицы можно заметить, как только число электронов оказывается простым, в периоде и в группе возникает новое свойство элемента. В их числе — водород (1), гелий (2), литий (3), бор (5), азот (7), натрий (11), алюминий (13), хлор (17), калий (19) и т.д.

Об одной интерпретации формулы единицы

Можно заметить, что математическая теория коммуникации Шеннона и риторическая теория числа — это контрадикторные аналоги. Если в основе шенноновской теории — аналогизм буквы и цифры в аспекте встречаемости буквы, то в основе РТЧ — представление (означение) числа цифрой, аналог числа и цифры, эксплицируемый из процесса распределения простых чисел в натуральном ряду — в «разрезе» вероятностной структуры того, что N -е число натурального ряда является простым. В этом смысле простое число, а простые числа есть во всех системах счисления, — это вызначенная, выграниченная случайность, вероятность. В этом смысле формула единицы (единица есть множество (произведение, коммутация-перемножение) простых чисел) — это референт шенноновского произведения вероятностей. Именно в случае простых чисел — множество есть не канторовский набор элементов, а риторическое, языковое множество, смысловая целостность, произведение элементов — риторика, коммуникация как принцип индивидуации, уникализации (согласно основной теореме арифметики, каждое целое число есть уникальный набор простых сомножителей). РТЧ — это физико-математическое раскрытие коммуникационной основы теории информации. Простое число суть конечное схватывание, феноменологическая редукция бесконечности как результирование рисков возникновения бесконечности в процессе деления единицы на ноль (формализма повседневности как машины времени антропоцентрического бытия), мера энтропии (цепочки первокачественностей, случайностей), устремленной к единице. Множество вероятностей тождественно единице. Демон Максвелла (выражает связь между термодинамической и информационной энтропией, противопоставляет термодинамическую энтропию информации, когда получение какого-либо количества информации равно потерянной энтропии) — это технический субъект механики времени, математически выражаемой

исчислением простых чисел в результате деления единицы на ноль, то есть исчислением случайностей, вероятностей, дифференцированием, интеграл которого — субстанциональная единица. В этом смысле язык, речь как непосредственность истины-истины времени — это опыт употребления, субстантивации единицы, опыт дефинирующего разума, опыт употребления глагольной связки «есть».

РГЧ-редакция законов сохранения, раскрывающая антропный принцип в качестве рассудочного парадокса. О физической интерпретации формулы единицы

Физикалистский рассудок вот уже несколько веков как будто бы окончательно успокоился на нерушимой вере в постоянство и нерушимость законов сохранения²¹. Следуя Канту в понимании фундаментальной роли рассудка в процессе определения истинности познания и вынесения суждений, можно утверждать, что и «все многообразии законов природы и социума, в качестве законов инвариантности, основано на законах сохранения»²². И вот на пороге XXI века совершаются экспериментальные открытия новых фактов в области физики фундаментальных взаимодействий, которые интерпретируются как опровержения законов сохранения (например, «нарушение СР-инвариантности» в физике элементарных частиц²³). Да что там, мало кому понятная область физики, в самой физической реальности (повседневности) человеческого бытования (быта) раскрывается целая бездна примеров нарушения законов сохранения, мимо фактов которых мы обычно проходим, совершенно их не замечая, внимание нашего взгляда отводит от этих примеров то, «что при каждом внимательном взгляде, брошенном на мир, мы уже теоретизируем» (Гете)²⁴.

²¹ О фундаментальных физических законах, согласно которым при определенных условиях некоторые измеримые физические величины, характеризующие замкнутую физическую систему, не изменяются с течением времени см.: Википедия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/%C7%E0%EA%EE%ED%FB_%F1%EE%F5%F0%E0%ED%E5%ED%E8%FF, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус. и др.

²² *Визгин В. П.* Развитие взаимосвязи принципов инвариантности с законами сохранения в классической физике. — М.: Наука, 1972.

²³ О нарушении СР-инвариантности см.: Википедия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9D%D0%B0%D1%80%D1%83%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5_CP-%D0%B8%D0%BD%D0%B2%D0%B0%D1%80%D0%B8%D0%B0%D0%BD%D1%82%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус. и др.

²⁴ Цит. по: *Свассян К. А.* Философское мировоззрение Гете. Гл. «Гете естествоиспытатель» // Русская виртуальная библиотека РНГФ [Электронный ресурс]. — М.: 2007. — С. 93. — Режим доступа: <http://www.rvb.ru/swassjan/goethe/05.htm>, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.

Ломоносов так формулирует свой «всеобщий естественный закон»²⁵, что становится понятным: всеобщность этого закона имеет отношение к явлением техники и эксперимента, включая и мысленный эксперимент, то есть к рассудочным конструкциям физической реальности. В физической реальности самой по себе, то есть естественной, как она явлена человеку в онтологическом опыте повседневности, такая «клеякая» всеобщая связь и взаимообусловленность явлений в аспекте сохранения, выделенном Ломоносовым, наблюдаемо не даны непосредственно, иначе не было бы необходимости в науке, раскрывающей эти гипотетические связи явлений. Всеобщая связь и взаимообусловленность явлений в аспекте законов сохранения — это тот «экзистенциальный клей», который вносит рассудок, «теоретизируя, прежде чем наблюдая», то есть искажая изначально несвязанную реальность явлений сознательно до процесса ее рассмотрения, как она есть на деле. Поэтому необходима редакция законов сохранения. В нынешнем виде их можно назвать, скорее, **законами сохранения рассудка**, физикалистского рассудка. Именно такой их смысл и раскрывается в антропном принципе, где логика физиков, приводящая их к тому, что Вселенная создана в своих константах ради существования человека, сталкивается в их же сознании с антинаучностью такого логического хода рассуждения **«Мы видим Вселенную такой, потому что только в такой Вселенной мог возникнуть наблюдатель, человек»**²⁶. **Не нужно забывать, что мы видим то, что мы знаем, а мы (рассудок) знаем рассудочную реальность физики как опыт законов сохранения.**

Что же стоит за законами сохранения, которые можно понять как своего рода теоретическую оптику, искажающую непосредственно-опытную истину реальности, подобно тому как затемненная оптика дает возможность, пусть и искаженно, но все же рассмотреть солнечный диск?

За рассудочной реальностью законов сохранения сколь скрывается, столь и «несокрыт»²⁷ (Хайдеггер) **закон время-пространственного**

²⁵ Указанный закон сформулирован Ломоносовым так: *«Все перемены, в натуре слушающиеся, такого суть состояния, что сколько чего у одного тела отнимется, столько присовокупится к другому, так ежели где убудет несколько материи, то умножится в другом месте... Сей всеобщий естественный закон простирается и в самые правила движения, ибо тело, движущее своею силою другое, столько же оные у себя теряет, сколько сообщает другому, которое от него движение получает»* (в дисс. «Рассуждение о твердости и жидкости тел») — Ломоносов М. В. Избранные произведения в 2-х томах. — М.: Наука, 1986.

²⁶ Об антропном принципе см.: Википедия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://yandex.ru/yandsearch?text=%D0%B0%D0%BD%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%BF%D0%BD%D1%8B%D0%B9+%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%BD%D1%86%D0%B8%D0%BF%2C+%D0%B2%D0%B8%D0%BA%D0%B8%D0%BF%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D1%8F&lr=213>, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус. и др.

²⁷ Хайдеггер М. Учение Платона об истине // Историко-философский ежегодник. — М.: Наука, 1986. — С. 255–275.

баланса. Время и пространство связаны отношениями порождения и ничтожения, время порождает пространство, событийно структурируя его, пространство ничтожит время, становясь фактичностью и событийностью. Время и пространство – это первое, фундаментально-онтологическое различие как следствие существования, наличия, присутствия бытия не только в качестве рассудочно-философской категории, но и как первофеномена. Время в качестве языка бытия и создает Мир-Вселенную. Закон время-пространственного баланса действительно всеобщ и для природы, и для человека, ибо он есть закон фундаментальной субъективности, не выграничивающей только человека из Сущего антропным принципом Вселенной.

Яркий пример человеческого измерения этого закона – судьба России. Имея огромное страновое пространство, она выпадает из времени (пространство само по себе ничтожит (*винит. надеж*) время), из истории, из человечества, просто имея это пространство и не владея государственной, политософской мудростью субстанционально-временного, жизненно-политического управления им, методологией структуризации этого пространства.

О мнимом противоречии специальной теории относительности и риторической теории числа

Эйнштейн не утверждал, что существует относительность и конвенциональность времени как такового, в собственном смысле, он говорил, что «прошлое, настоящее и будущее – это неискоренимые иллюзии»²⁸. Тем самым освобождается место для субстанционального понимания времени, очищенного от его конвенционально-субъективного представления по модели «прошлое – настоящее – будущее».

²⁸ Цит. по: Брусин Л. Д., Брусин С. Д. Иллюзия Эйнштейна и реальность Ньютона, 2-е изд. – М., 1993.

Об авторе

Сергей Евгеньевич Шилов — российский философ, общественно-политический деятель

Родился 21 июня 1969 года в Минске.

Философская деятельность

Окончил среднюю школу с золотой медалью, обучался на философских факультетах Белорусского государственного университета и (переводом) Московского государственного университета. Специализация: история, методология и философия науки и техники, история европейской философии. Курсовые работы писал под руководством В. С. Степина, С. С. Аверинцева.

Деятельность автора посвящена созданию философской системы, представляющей собой российское продолжение истории европейской философии «после Хайдеггера и деконструктивизма». Отличительная особенность системы среди историко-философских учений — это создание нового (относительно логики) формализма мышления, раскрытие новой сущности техники, рефлексия математико-физического знания через выявление его референтной направленности (интенции) на учение о бытии, в котором время рассматривается как язык бытия. В риторической теории числа осуществляется творческий синтез глоттогенеза, антропогенеза и космогенеза в доктрине субстанционального нерелятивистского времени, производящего событийное пространство.

Общественно-политическая деятельность

С. Шилов является основателем первых негосударственных образовательных и общественно-политических структур (Партия поддержки СНГ, Открытый университет), Консультационного центра СНГ, созданного в г. Минске на основе Беловежского соглашения; один из разработчиков концепции Союзного государства (в составе рабочей экспертной группы Фонда «Политика» и Совета по внешней и оборонной политике — по поручению Президентов России и Беларуси); один из основателей, идеологов и лидеров российского движения европейских федералистов (Социально-федералистская партия России, общественно-политический блок «Голос России»); Председатель Совета конкурентоспособности при Губернаторе Саратовской области, действительный государственный советник Саратовской области 3-го класса; советник Фонда «Президентский центр Б. Ельцина»; директор департамента социальных инноваций Гуманитарного и политологического центра «Стратегия»; президент группы компаний «Инфопоселение».

Содержание

Посвящения и выражения признательности	4
Том 1. Система чистого разума	9
Хроника. Дефиниции Меганауки. Заметки на полях книги «Физика и философия» В. Гейзенберга.....	11
Исчисление простых чисел. Сущность математического.....	30
Риторика. Б.-г возвращается.....	35
Мысль. Хроноцентрический мир	55
Механика времени.....	61
Философия солиптизма. Система чистого разума. Богодоказательство	78
Кто есть Бытие, или Так мыслит Пифагор.....	85
О пределе толкований Торы	91
Философские начала электронного мышления. Новое определение материи.....	95
Что есть электрон? Начала электронной энергетики	108
Путь к богатству народов. Манифест о праве на богатство	115
История и философия Нового бытия.....	140
Интернет-диалог «Левин»	147
Герменевтика Формулы Единицы: Бесконечности нет. Есть Единица. СМОТРИ! Завершение научной революции Эйнштейна-Бора-Лобачевского.....	210
Интернет-диалог «Прощание с Греческим».....	220
Сущность гравитации.....	256
Ученый и технологический мир Ислама — фундаментальная структура новой гуманитарной цивилизации	262
Том 2. Время — Язык бытия	279
Часть I. Язык физики.....	281
Риторическая теория числа и проблема структуры языка физики .	281
Неудача экспериментов по поиску бозона Хиггса на БАКе в итоге приведет к признанию РТЧ.....	310
Вопросы А. С. Нилогова и ответы к ним	312
Численность — новый смысл программирования как написания (письма) книги природы	316
Исчисление простых чисел как априорная структура познания.....	316
Нарекательная хронометрия (Мысленное речение).....	328
Материя как субстантив языка физики.....	342

Часть II. Философское учение о бытии как новое естество науки («естина»-истина физики)	347
РТЧ-начала	347
Гегель как философ ничто, причастного бытию	351
РТЧ-постулаты теории времени	355
«Истины круглой неустрашимое сердце» (Парменид). О конечности числа простых чисел в натурряду	360
Изгнать веейштрассовцев из храма науки. Два продолжения одной замечательной дискуссии	366
Радость познания, или О «бесхребетности» современной науки	370
Вспомнить все и начать сначала	379
К исчислению простых чисел в риторической теории числа	387
Неписаное учение Платона	395
Диалог Платона «Парменид»	398
Интервью Сергея Шилова Алексею Нилогову. Риторическая теория числа (РТЧ)	408
Об аппарате математической риторики (реальной математики качества)	454
Космология с точки зрения риторической теории числа. О распределении материи во Вселенной	462
Конец Нового времени и начало Нового бытия	468
 Часть III. Новоматематическое изложение аксиом физики	 479
Наука Техника	479
От программирования — к развитию	483
Русская метафизика и Хабермас	487
Естественнонаучный манифест риторической теории числа. Закон вселенского ускорения. Максимумы XXI века	496
Миф о Зеркале, или Краткая история науки	503
Выходим из потаенности, или Оцифровывая Хайдеггера. Заметки на полях статьи М. Хайдеггера «Вопрос о технике»	508
Приглашение математиков к разработке риторической теории чисел	533
Риторическая теория числа как осуществление семиотического проекта. Ответы на вопросы А. Нилогова	539
Солнце-тезисы. Интернет-диалог	550
Русский язык как главное богатство и человеко-природный ресурс странового и мирового развития	559
Понятие чистой семиотики	562

Корпускулярно-волновой дуализм с точки зрения РТЧ, или Преодолевающая Планка	565
Обретение референтности, или «Негелиометр — да не войдет!».....	569
Часть IV. Первая физика как теория чисел	573
Эко! Заметки на полях первой главы книги У Эко «Отсутствующая структура»	573
Преодоление парадокса Рассела в РТЧ	587
Формула любви. Естественнонаучный сонет	591
Авторский конспект лекции «Риторическая теория числа (РТЧ) и Математические начала натурфилософии (МННФ)»	592
«СЕТЬ была всегда»	600
Арифметика как код первой физики, физика создания/программирования пространства временем	610
Механика времени: новая физическая картина мира и новая сущность техники	612
РТЧ-сознание и разрушение Вейерштрассовского консенсуса	618
Часть V. Кронекеровский консенсус для грядущего естествознания	624
Гелиометрический исток новой алгебры	624
О новой невейерштрассовской алгебре целочисленного континуума. Основание Кронекеровского консенсуса	628
Что есть кронекеровская алгебра как новая программа аксиоматизации для математики	651
О целочисленной математике творения — математике «естины»-истины	659
Новый учебник	665
Диалог «Грачев». Солиптизм vs. диалектическая логика.....	669
РТЧ-конспект Концепции неколичественной шкалы А. Шухова.....	708
Часть VI. Приложения	714
Манифест Личности	714
Семиотическая сеть	723
Глоссарий Мышлениево-существованиеового цикла	731
<i>Быков М. П.</i> Универсальность теории конечности ряда простых чисел в построении числовых моделей объектов цифровой анатомии	735
Российская религиозно-либеральная реформация. Политико-антропологический РТЧ-проект	739
Вместо послесловия (в 10 частях)	749
<i>Об авторе</i>	796